Е. Р. Романовъ.

Бѣлорусскій сборникъ.

Выпускъ шестой.

СКАЗКИ.

МОГИЛЕВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1901.

Е. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

Выпускъ шестой.

СКАЗКИ.

МОГИЛЕВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1901.

Дозволено цензурою. 6-го Ноября 1901 г.— **г. Вильно.**

Въ настоящій выпускъ вошли сказки, записанныя мною во время этнографическихъ поѣздокъ, совершенныхъ въ 1888—1891 годахъ на средства Императорскаго русскаго географическаго общества. Въ двухъ изъ этихъ поѣздокъ меня сопровождали П. П. Буднецкій—нынѣ умершій, и К. Т. Аникіевичъ,—бывшіе мои ученики, вышедшіе изъ народа и впослѣдствіи ставшіе учителями сельскихъ школъ. Мною лично записано 49 сказокъ настоящаго выпуска, считая и варіанты; названными спутниками моими записано 7 сказокъ. Затѣмъ, по моимъ укззаніямъ, записали 9 сказокъ сельскіе учителя и учительницы: г.г. Барановскій, Поретинскій, Тихановичъ, Васильевъ и г-жи Горбикъ и Бѣлинская. (См. указ. въ концѣ книги).

Записи сдѣланы въ слѣдующихъ уѣздахъ могилевской губерніи: въ гомельскомъ, гдѣ записано 9 сказокъ, въ быховскомъ—3, горецкомъ—2, климовичскомъ—6, могилевскомъ—1, мстиславскомъ—8, оршанскомъ—3, рогачевскомъ—3, сѣнненскомъ—8, чаусскомъ—5 и въ чериковскомъ—9. Въ витебской губерніи записи сдѣланы въ двухъ уѣздахъ: въ витебскомъ и городокскомъ. Здѣсь записано 7 сказокъ.

О томъ, какъ совершались мои этнографическія поѣздки и какъ производились записи произведеній народной словесности, я говорилъ уже въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ (предисл. къ III в., стр. VIII—XIII). Не смотря на дешевое зубоскальство, съ которымъ отнесся въ своей рецензіи Н. Ѳ. Сумцовъ къ этому моему сообщенію, я повторяю, что работы производились именно такимъ образомъ, какъ онѣ у меня описаны. Недостойныя выходки г. Сумцова вообще заслуживали бы того, чтобы на нихъ остановиться для характеристики этого профессора. Но это было такъ давно, прочесть его рецензію я могъ только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ присужденія „Сборнику“ Макарьевской преміи, изданіе настоящаго выпуска крайне замедлилось—и я оставляю всё на совѣсти г. Сумцова, въ томъ числѣ и мою біографію въ Словарѣ Брокгауза, скромно подписанную имъ буквами Н. С. Впрочемъ, „странности“ г. Сумцова уже достаточно отмѣчены въ ученой литературѣ (напр. Рус. Мысль, Живая Старина и др.).

Возвращаясь къ настоящему выпуску, я долженъ заявить, что записи я дѣлалъ попрежнему этимологически. Въ этомъ важномъ

вопросѣ я спрашивалъ мнѣніе академиковъ А. Ѳ. Бычкова и Л. Н. Майкова, и они предпочли оставить записи прежнія, какъ во избѣжаніе пестроты, такъ и потому, что лица, знающія бѣлорусскій языкъ, не затруднятся читать неударяемые *о* и *е* по-русски. Остальные же звуки я старался передать возможно точнѣе.

Вездѣ, гдѣ удареніе разнится отъ общепринятаго, я обозначалъ это акцентной буквой. Съ стр. 60, во избѣжаніе пестроты, мягкое *д* и *т* изображаются вм. *дз* и *ц* буквами д и т.

Одна изъ сказокъ—№ 17 записана, въ видѣ образчика, фонетически.

Надъ настоящимъ выпускомъ тяготѣлъ какой то злой рокъ.

Начатъ онъ печатаніемъ **въ 1893 году**, въ Витебскѣ, въ одной изъ частныхъ типографій. По отпечатаніи девяти листовъ, въ 1894 году, собиратель, прослуживши 8 лѣтъ въ Витебскѣ, былъ переведенъ для пользы службы въ самую западную губернію виленскаго учебнаго округа. Печатаніе остановилось на 10 листѣ. Въ 1895 году собиратель былъ переведенъ уже въ самую восточную часть округа. Печатаніе вновь возобновилось. Но въ это время закрылась типографія, и печатаніе вновь остановилось. Позже оно было перенесено въ другую типографію, но она, за множествомъ работы, изготовляла среднимъ числомъ лишь 4 листа въ годъ.

Наконецъ, только въ прошломъ году явилась возможность пріобрѣсти нужный шрифтъ въ Могилевѣ и перевести сюда печатаніе книжки.

Habent sua fata libelli!

Много пришлось имѣть переписки и съ цензурнымъ вѣдомствомъ...

Собранные мною матеріалы еще не исчерпаны. Но я ничего не могу сказать пока о ихъ судьбѣ.

Времени у меня слишкомъ мало, чтобы заняться ихъ разработкой; печатать же сырые матеріалы не хотѣлось бы.

Въ виду того, что предыдущіе выпуски разошлись, можетъ быть, явится возможность пересмотрѣть ихъ вновь, взять оттуда вещи болѣе цѣнныя и издать вторично, съ присоединеніемъ матеріаловъ ненапечатанныхъ. Можетъ быть, представится возможность издать схемы сказокъ, записанныхъ мною, такъ какъ полные тексты напечатать всѣ невозможно.

Могу только сказать, что приму всѣ мѣры, чтобы записи мои не погибли для науки.

Е. Романовъ.

Оглавленіе.

1. Пилачъ—добрый молодзецъ.

У нѣукоторомъ царстьви, у нѣкоторомъ государстьви живъ сабѣ царь. И ня было ў яго дзяцей. Ёнъ ставъ Бога просиць, кабъ яму народзився якій-нѐбудзь отродышъ. И народзився яму отродышъ, Иванъ Ивановичъ сынъ, руській царевичъ. Тоды, ёнъ росъ не по часáхъ, да по минутахъ. Якъ ёнъ заплачець, дыкъ на яго оцецъ и мацъ говориць: «мовчи, мой сынъ возлюбленный,—я цябе жаню на Ялени пріўкрасной!» Дыкъ ёнъ и змóвкнець. Потомъ, усцигъ уже до сямнатцаци лѣцяй, и увидавъ на городзи полтретъ Ялены пріўкрасной. Потомъ приходзиць домовъ и говориць на отца свойго, на мацъ: «вы говорили, жéниця мяне на Ялени пріўкрасной!» А ёнъ говóриць: ты яще дужа молодъ! Потомъ ёнъ рассярчавъ на отца и на мацярь и ўѣхавъ отъ ихъ во другій городъ, дзѣ находзилась Ялена пріўкрасная. Тамъ ёнъ обнучувавъ дзѣ и ставъ распрашаваць объ Ялену. Такъ яму отвѣчали: «што табѣ Ялены ниякъ нельзя увидаць: дзѣствицялно, што яна потъ сохраненіямъ у Пилача—добраго молойца. Силно на яго нападаюць усякія купечаство, кабъ отобраць яѐ. И выводзюць яго на площадзь и даюць силныя ўдары. Заўтрашній дзень будуць яго ўзнова на площадзь выводзиць и будуць сто ударовъ даваць. То ёнъ будзець просиць, што хто заложиць за мяне сто цалковыхъ, то я буду жаниць яго на Ялени пріўкрасной. Ну, да ты не кладзи дзенехъ первый разъ!» Ну, назаўтряго вывяли яго на площадзь и дали сто ударовъ,—не заклавъ нихто за яго дзенехъ. Тоды старуха яму сказала: «на заўтрашній дзень яго тожа будуць выводзиць, будуць яму назначаць удары уже ўдвоя, якъ было. Ёнъ тожа будзець просиць, кабъ хто заложивъ за яго дзенехъ удвоя, ну ты не кладзи!» Ну, назаўтряго вывяли яго ўзнова, дали двѣсця ўдаровъ,—опяць жа за яго нихто не заложивъ за яго дзенехъ. На третьцій дзень опяць жа хозяйка яму говóриць, што будуць яго выводзиць на площадзь, то ёнъ будзець просиць, кабъ за яго заклали дзеньги, якія ёнъ будзець просиць. Такъ яна яму сказала: заложи дзеньги на третьцій дзень! Вывяли яго на площадзь, ёнъ заложивъ за яго дзеньги. Тоды Пилачъ добрый молодзецъ узявъ Ивана царевича исъ собою и повёвъ къ Ялёни пріўкрасной. Пришовши къ ёй и говóриць: вотъ, говóриць, Ялена пріўкрасная, якого я къ табѣ *кавалера*

привёвъ! Тоды ина сказала яму и говǒрицъ: на што мнѣ кавалеры? Ёнъ на яѐ сказавъ: коли я говорю, довжна слухацъ! И такъ нѣскольки ўремя яны были ўтроихъ. Тоды ёнъ уже, скушно ямỳ стало тамъ,—ли жа пройцитца, ли жа прокацитца хочетца. Тоды ставъ просицъ Пилача добраго молойца Иванъ царевичъ. Пилачъ добрый молодзецъ заклавъ своихъ добрыхъ пару лошадзей и выѣхавъ зъ города вонъ. Пǒтомъ, слышицъ, што за имъ силная погоня: наславъ оцецъ Ивана царевича войська, кабъ отобрацъ Ивана царевича отъ Пилача добраго молойцà. И ёнъ, Пилачъ добрый молодзецъ, знавъ, што за ими силная погоня будзецъ, ну имъ ёнъ не казавъ, кабъ яны не злякались. Тоды ёнъ говǒрицъ: «хорошій я, говорицъ, кучаръ, тольки нѣту у мяне кучарськой шляпы. Обожджиця вы тутъ, а я пойду, возьму кучарськую шляпу!» И пошовъ на сустрѣчу къ той къ погони. Сустрѣкаецъ ету погонь, спрашіецъ у яго войсько: ци ня видзѣвъ ты, ня ѣхавъ тутъ Пилачъ добрый молодзецъ съ Яленой пріўкрасной и съ Иваномъ царевичамъ?—А ето, говорицъ, я самый! Тоды яны хоцѣли яго убицъ на мѣсьци. Такъ яны не могли съ орудзіи яго убицъ, а ёнъ дзервянной палкой ихъ поўбивавъ усихъ, тольки оставивъ одногǒ солдата: пойдзи, каецъ, скажи свойму царю, кабъ ёнъ войська больше не церявъ! Ну ёнъ, етый солдатъ, пошовъ исказавъ ето цару. Царь наславъ войська ещѐ бǒляй, ўдвоя якъ былǒ. Такъ ёнъ опяцъ жа воронився къ имъ и поѣхали. И чуецъ ёнъ опяцъ за ими погони. Тоды ёнъ говǒрицъ: да, хорошій я кучаръ, тольки немà у мяне кучарськǒго кушака! Узявъ и пошовъ къ етому войську. Опяцъ же спрашіецъ войсько у яго: ци ня видзѣвъ ты, тутъ ѣхавъ Пилачъ добрый молодзецъ съ Яленой пріўкрасной и съ Иваномъ царевичамъ?—А ето я, говорицъ, самый! Ну, яны яго хоцѣли съ орудзіи убицъ. Такъ ёнъ узявъ палку дзервянную и поубивавъ ихъ усихъ, тольки оставивъ двухъ чаловѣкъ живыхъ. И приказавъ имъ опяцъ жа: «кабъ царь вашъ войська больше не церявъ: ямỳ Ялены пріўкрасныя и Ивана царевича не отобрацъ отъ мяне!» Цяперя опяцъ жа ёнъ сѣвъ на своихъ лошадзей и поѣхали. И ў третьцій разъ почувъ, опяцъ жа послышавъ, што силная погоня за имъ. Такъ ёнъ опяцъ жа говǒрицъ: хорошій я кучаръ, тольки немà ў мяне сапоговъ зъ длинными голянищами! Злѣзъ ёнъ опяцъ и сустрѣкаетца зъ естымъ войськомъ самымъ. Войсько у яго спрашіецъ: ци не видавъ ты, тутъ ѣхавъ Пилачъ добрый молодзецъ и Ялена пріўкрасная и Иванъ царевичъ? А ёнъ говǒрицъ: ето я, говорицъ, самый! Яны яго хоцѣли ўбицъ, такъ ёнъ опяцъ узявъ древяную палку и поўбивавъ ихъ усихъ,—оставивъ трёхъ чаловѣкъ. Пǒтомъ вороцився назадъ къ своимъ лошадзямъ, ажъ уже на томъ мѣсьци лошадзей нѣту: яны силно спỳдзились и занясьли ихъ—Ялену пріўкрасную и Ивана царевича, у домъ Кащѝ безсмертныя. Тая Кащà

безсмертная Ялену пріўкрасную узявъ къ сабѣ ў комнаты, а Йвана царевича посадзивъ у вособянную хату. Потомъ и не приказавъ яму давацъ пищи ниякой. И самъ зъ двора ўѣхавъ, Каща безсмертная. Удрухъ являетца Пилачъ добрый молодзецъ и спрашіецъ у Ялены пріўкрасной: а гдѣ жъ Иванъ царевичъ? Ина отвѣчала яму, што вотъ у отдзѣлной хаци, и приказавъ Каща безсмертный ёй, кабъ не давала ниякихъ харчей яму. Ёнъ, Пилачъ добрый молодзецъ, сказавъ ёй: «ня слухай яго, а якъ—либо да провизію яму украдня давай; а сама выпытавай у яго, у чомъ у яго смерцъ *зависицъ*!» Потомъ самъ ушовъ зъ двора, Пилачъ. Являетца Каща безсмертная. И Ялена пріўкрасная расплакалась перядъ имъ: скажиця пожалуста, у чомъ ваша смерцъ зависицъ? Ёнъ говорицъ: на што табѣ?—А я, говорицъ, хочу дужа знацъ! На яѐ ёнъ сказавъ: а, дура! у вѣнику моя смерцъ! И самъ опяцъ жа ушовъ зъ двора. Являетца Пилачъ добрый молодзецъ на дворъ и спрашіецъ у Ялены пріўкрасной: што ёнъ говоривъ?—Ёнъ говоривъ: у вѣнику яго смерцъ!—«Илжѐцъ ёнъ! Ну тольки возьми етый вѣникъ, убяри ў ленты ў хорошія, стужки, и постанови у шкапъ!» Самъ опяцъ жа пошовъ. Являетца Каща безсмертная, поглядзицъ у шкапъ, ажъ у шкапи стоицъ вѣникъ убраный. Ёнъ тоды отвѣцивъ на Ялену пріўкрасную: э, дура! говорицъ. Возьми, говорицъ, брось у печъ, спалицъ! Отвѣчала Ялена пріўкрасная: у чомъ жа ваша смерцъ зависицъ?—Моя смерцъ зависицъ у козлѣ! А самъ опяцъ жа увыйшовъ зъ двора. Являетца Пилачъ добрый молодзецъ и говорицъ: што ёнъ казавъ?—Ёнъ казавъ, што ў козлѣ яго смерцъ! И Пилачъ добрый молодзецъ сказавъ: убяри етаго козла у разныя йстужки, у цвяты, и рогъ яму вызолоцъ! Тоды яна узяла яго вобрала такъ, якъ ёнъ сказавъ. И поставила ў шкапъ. Тоды являетца Каща безсмертная ў домъ и поглядзицъ у шкапъ, ажъ у шкапи стоицъ козёлъ ввобраный. Тоды ёнъ говорицъ на Ялену пріўкрасную: дура! говорицъ. Загнала козла ў шкапъ, кабъ сцёклы побивъ! Ёнъ сказавъ, кабъ выкинули яго вонъ и отдали собакамъ. Тоды яна опяцъ стала просицъ: у чомъ смерцъ твоя зависицъ? Каща безсмертная отвѣчаецъ: дамъ табѣ вѣры цяперь, што ты мою смерцъ приберегала бъ. Тольки моя смерцъ не находзитца при мнѣ, а моя смерцъ далякò. До моѐй смерци три года надо ицицъ, и не найдзешъ ниякой провизіи сабѣ. Моя смерцъ: на мори стоицъ дубъ, у томъ дуби дупло, у дуплѣ сундукъ, у сундуку качка, у качки яйцо, а ў яйцы моя смерцъ!.. Пошовъ ёнъ зъ двора, являетца Пилачъ добрый молодзецъ. Цяпера спрашіецъ у яе: што ёнъ сказавъ табѣ?—Ёнъ сказавъ, што яго смерцъ далякò: на мори стоицъ дубъ, у томъ дуби дупло, у дуплѣ сундукъ, у сундуку качка, у качки яйцо, а ў яйцы смерцъ!.. Такъ ёнъ, Пилачъ добрый молодзецъ, пошовъ къ Ивану царевичу: дайка мнѣ дзенехъ ты-

сячъ дзесятокъ, мнѣ надо на три годы побѣдаць! Иванъ царевичъ давъ ямў дзенехъ. Пришовъ ёнъ у госьцинницу и заказавъ ли сябе обѣдъ— усякія животныя по дзесяць паръ. Такъ уси удзивлялися зь яго, Пилача добраго молойца̀. Приготовили ямў обѣдъ и приготовили дзесяць бочакъ вина. Ёнъ побѣдавъ и виномъ запивъ и отправився по Кащи безсмертныя смерць.

Ишовъ ёнъ два годы больше якъ съ половиной, и недалѐко ўже было̀ йциць. И захоцѣлося ямў силно ѣсць. И сустрѣвъ ёнъ кошку, и самъ сабѣ говóрицъ: уловлю я ету коцёшка и зьѣмъ яго живого! Коцёнокъ яму отвѣчавъ: ня губи ты мяне, я табѣ у большой пригодзи стану! Ну, ёнъ раздумався и пошовъ опяць: ня ўбивъ того коцёнка. Сустрѣкаець вовка̀ и говорицъ: дай я етаго вовчонка изловлю и зьѣмъ, и можа, якъ дойду до мѣста! Вовчано̀къ отвѣчавъ ямў: ня губи мяне: ты мною силно не подъяси̇, а тольки зубъя поломаешъ,—а я табѣ у большой пригодзи стану! Ёнъ оставивъ яго, ни бивъ, ни ловивъ, и пошовъ. Опяць жа бяжицъ собака. Друхъ ёнъ собаку етаго хоцѣвъ зловиць и яго хоцѣвъ зьѣсць. Собака яму отвѣчавъ: ня губи ты мяне, я табѣ ў большой пригодзи стану! Удрухъ ёнъ оставивъ яго и самъ пошовъ. Прихо̀дзицъ къ мору и смотрицъ на мóря. На мори стоицъ востровъ, на вострови дубъ. И думаець ёнъ: якъ до яго добратца? И самъ сабѣ говóрицъ: говоривъ мнѣ вовкъ,—што ў большой пригодзи стану! Кабъ ёнъ ко мнѣ сюды! Удрухъ являетца вовкъ. Пилачъ добрый молодзецъ садзився на яго и перењджавъ на востровъ къ дубу. И смотрицъ на дубъ: якъ жа на яго узобратца? И надумався: говорила мнѣ кошка, што ў большой пригодзи стану! Являетца кошка, уздралась на етый дубъ, у дупло. Вывярнула оттуда сундукъ. Пóтомъ ёнъ сундукъ етый узявъ и сѣвъ на вовка опяць и выѣхавъ на бéрехъ. Сѣвъ на бéрези и разломавъ сундукъ. Выскочила съ сундука качка и спря̀чилась у трясьни̇къ (тростникъ). Ёнъ начавъ думаць, што дзѣлаць. «Говоривъ мнѣ собака, што ў большой пригодзи стану!» Являетца собака и пошовъ по трясьникў. Уловивъ тамъ качку и принёсъ къ ямў. Пилачъ узявъ качку; сѣдзя надъ берегомъ, разорвавъ яé—вывалилось яйцо ў мóра. Тоды ёнъ ставъ думаць, што дзѣлаць. Узявъ, надумався. Узявъ, съ своé головы вырвавъ волóсься, сплёвъ небольшую вудочку, закинувъ вудку ў мóря и споймавъ рибку *уродзи* золотой. Рибка ямў отвѣчала: не бяри мяне, я табѣ ў большой пригодзи могу стаць! Тоды ёнъ говóрицъ: ну, пойдзи жъ, мнѣ вы̇нясь яѐчко, я ўбросивъ у мóря! Яна пошла, риба, на дно искаць яечко. Спросила ў другой рибы: ня видала яѐчка? Риба отвѣчаець: ня видала! Спрашіець у раковъ: ня видали яечка, раки? Раки отвѣчаюць, што старый ракъ споймавъ яечко. А дзѣжъ ёнъ?— У кабакѣ пъянствуець! Сыскали рака. Ракъ вынясъ яѐчко, отдавъ Пилачу.

Пилачъ ето яечко ўзявъ и понёсъ домовъ, къ Кащу безсмертному. Приходзиць къ Кащу безсмертному, Кащи нема дома. Ёнъ ето яечко на плитў. Являетца Каща безсмертная къ плицѣ, хочець яечко вотобраць. Ну Пилачъ добрый молодзецъ не допусьцивъ и зжохъ тоя яечко соўсимъ. Якъ яечко испалилось, Каща безсмертная пóмяръ.

Цяперя ёнъ остався исъ Яленою пріўкрасною, съ Иваномъ царевичамъ. Запрягали яны лошадзей и ўѣжджали у царство къ Ивану царевичу, къ отцу. Ѣдучи имъ по дорози, захоцѣлося спаць Ялени и Ивану царевичу. И спрашуюць у Пилача: хочетца намъ крѣпко спаць? Отвѣчавъ Пилачъ д. м.: ложицеся спаць! Яны сичасъ жа уснули, а Пилачъ такъ лежавъ потъ каретой. Друхъ прилетаець на ету карету три голубы̀ и стали брукувàць: «Ѣдзець Иванъ царевичъ къ отцу къ мацери ў госьци съ Яленой пріўкрасной. Оцецъ жа доволенъ етому, а мацъ-то не весьма довольна пріѣзду Ивана царевича и Ялены пріўкрасной, ну (но) исъ хитросьцю ихъ жалаець приняць къ сабѣ: жалаець ина ихъ отрáвиць. И приготуець ина имъ чай, нальéць у стаканы, то яны нехай ня пъюць, а нехай по полў разольюць, то увидзюць изъ естаго чаю придмѣты: коли разольюць, такъ загоритца чай у тыхъ мѣстахъ, гдзѣ разольюць, отъ силныя сульмы̀. А хто слышиць, да скажець, дыкъ до колѣнъ кáменямъ станець!» Сказавши етакъ и поляцѣли. И тольки слыхавъ Пилачъ д. м. ето, што голубы̀ говорили. Проснувся Иванъ ц. и Ялена пр. и поѣхали опяць. Нѣсколькі ўремя проѣхали, опяць жа имъ захоцѣлось спаць. Удрухъ яны отвѣчаюць Пилачу д. м.—хо̀чемъ мы крѣпко спаць! Остановився Пилачъ д. м. лошадзьми. Яны лягли у кареци спаць, а Пилачъ д. м. потъ каретой. Яны жъ сичасъ уснули, а Пилачъ д. м. такъ ляжи̂ць потъ каретой. Прилетаюць опяць жа три голубы на карету, и опяць жа стали говори̂ць: «Ѣдуць Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери ў госьци. И оцецъ весьма радъ ими, ну мацъ не такъ-то. Мацъ жалаець ихъ опяць жа такъ стряби̂ць, отрáвиць. Приготўець ина имъ жаркóя; яны нехай не ядуць, а нехай пó полу раски̂дуюць. Дыкъ и полъ мѣстами повы̀горицъ тыми, идзѣ жаркоя ля̂жиць. А хто слышиць да скажець, той по поясъ кáменямъ станець!..» И поляцѣли. И нихто етаго ня чувъ, окрóми Пилача, д. м. Ну, тоды проѣхали яны опяць жа нѣскольки урема, захоцѣлось имъ опяць тожа спаць. Яны отвѣчали Пилачу д. м.—хочетца намъ крѣпко спаць! Пилачъ д. м. остановився лошадзьми. Яны опяць жа лягли у кареци спаць, а Пилачъ д. м. потъ каретой. Друхъ прилетаюць три голубы на карету, стали разговариваць: «Ѣдуць Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери у госьци. Оцецъ весьма доволенъ ими, а мацъ не весьма довольна, и жалаець ихъ страбиць. Посьцéлиць имъ посьцель—одны будуць ножи да шабли; ну имъ замѣтно будзець, што подушки хорошія. Нехай яны у тую посьцель

не ложатца спаць, а ляжуць на голомъ полу. А яна увидзиць, што яны спяць на голомъ полу, и будзець къ имъ лѣзць у вокошко, кабъ ихъ своими руками смерци придаць. Якъ будзець яна лѣзць у вокошко, нехай яны отрубюць ёй палцы ли примѣты. А хто чуець и скажець, и ўвесь ка́менямъ станець!..» И тольки чувъ Пилачъ д. м. Пріѣхали яны къ отцу, и оцецъ ими весьма доволенъ. По хитросьци и мацъ тожа. Пото́мъ, принимали ихъ къ сабѣ. Наливала яна имъ чай; а яны етый чай не пили, а по полу разлили,—полъ загорѣвся. Пилачъ д. м., якъ ѣхали, сказавъ ня ѣсць, ня пиць и на посьцель не ложитца. Яна етымъ осталась недовольна, ну тольки ще ня выказувала хитросьци своёй, а обходзилась коло ихъ хорошо. Поднашивала имъ жаркоя, яны опяць жа ня ѣли, раски́дали по полу. Полъ мѣстами и выгорѣвъ. Тоды постлала яна имъ посьцель. Яны пошли спаць, да не ложилися на посьцель, а лягли̂ на полу. И ўдрухъ смотри̂ць—у вокошко лѣзець яго мацъ. Такъ ёнъ узявъ и отрубивъ ёй пальцы. Яна отвалилась назадъ и закричала: хоцѣвъ сынъ зарѣзаць мяне! Назаўтраго вутро собиралася большая *публика* и судзили яго, якъ наказанію здзѣлаць. Думали здзѣлаць наказанія яго на растрѣлъ. Удрухъ ёнъ отвѣчавъ Иванъ ц., што у мяне ёсь чаловѣкъ такій, што мнѣ исказавъ усё, якая мнѣ будзець приготовленія; за *ецимъ* самымъ я издзѣлавъ такъ! И спросили у яго сичасъ чаловѣка того. Иванъ ц. вызывавъ своѐ скрывацеля, Пилача д. м. У Пилача д. м. испрашивали: якъ ты могъ знаць ето, хто табѣ исказавъ?—Мнѣ сказали три голубы̂ етыя пришшествіи! Публика у яго испросила: ну, раскажи, якъ ето было, якъ табѣ казали? Ёнъ ставъ говори̂ць: «Первый разъ приляцѣли три голубы и сказали: ѣдзець Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери у госьци; ну мацъ ихъ хочець отруци̂ць. Якъ дась имъ чаю, нехай ня пъюць, а по полу разольюць! Яны ня пили, узяли по полу разлили, и полъ загорѣвся. А хто чуець, да скажець, по колѣно ка́менямъ станець!..» Такъ и ставъ Пилачъ д. м. по колѣно ка́менямъ. «Тоды другій разъ приляцѣли голубы и кажуць, што поставиць имъ мацъ жаркоя, и яны нехай не ядуць, а по полу раски́дуюць!.. Яны ня ѣли, а раски́дали—полъ мѣстами и выгорѣвъ. А хто чуець, да скажець, по поясъ ка́менямъ станець!» И ставъ по поясъ ка́менямъ Пилачъ, добрый молодзецъ. Публика видзиць ето дзѣло и гово́риць: нехай чаловѣкъ понапрасному не погибаець! Пилачъ д. м. отвѣчаець: «што слышивъ, то ўсё раскажу! Третьцій разъ приляцѣли голубы, сѣли на карету и говорили: ѣдзець Иванъ ц. и Ялена пр. къ отцу къ мацери ў госьци, ну мацъ хочець ихъ стра́циць: посьце́лиць имъ посьцелю—одны ножи да сабли. Яны нехай у той посьцели не ложатца, а нехай лягуць на полу и смотрюць; якъ будзець къ имъ мацъ лѣзць у вокно, то нехай пальцы отрубюць ли примѣты. А хто ето чуець, ды скажець, той увесь

ка́менямъ станецъ!» И ставъ увесь каменямъ. Оправдали Ивана ц., и жанився ёнъ на Ялени пр. Прожили яны годъ, народзився имъ нарождзе́нецъ. И видзицъ во снѣ Иванъ ц.: гово́рицъ яму Пилачъ добрый молодзецъ: «э, гово́рицъ, Иванъ ц.! народзився у васъ наслѣдникъ, и коли жалаеця вы мяне воскрясицъ, возьмиця, етому маленькому рябёнку разрѣжця ме́зиный палецъ, и скольки сыйдзе́цъ крыви̇, помажця етый камень на́ўхрисць,—такъ я могу устацъ!» Проснувся Иванъ ц. и ўходзицъ къ Ялени пр. Смотри̇цъ, ажъ ина родзила рябёнка. Удрухъ ёнъ ставъ расказавацъ свой сонъ. И расказавъ Ялени пр. етый свой сонъ, такъ яна и сказала: што скольки ёнъ насъ сберегавъ, то надо яго тожа узбяречь! Узяли разрѣзали *гетому* рябёнку ме́зиный палецъ и спусьцили крыви̇ можецъ исъ одну каплю. Узяли понясьли икъ тому каменю и помазали той камень на́ўхрисць. Такъ той камень развалився, и Пилачъ д. м. вышавъ оттуда, и ставъ изъ ими проживацъ. И цяперь живе́цъ.

С. Радомля, чаусск. у. **От кр. Семена Ясонова, 25 л., негр. Произведеніе подверглось въ сильной степени позднѣйшей передѣлкѣ.**

2. Булатъ—добрый молодецъ.

Иванъ Ивановичъ рускій царевичъ бывъ пребольшій охотникъ у крэгли гулять съ хлопцами. Отъ ёнъ разъ значить палками швыравъ у крэгли, а йде́ женщина, бабка. Тая палка отско́чила, да той бабцы по нозѣ. Яна озирнулась назадъ, хто ето швырнувъ,—ажно Йванъ Ивановичъ рускій царевичъ. Тогды йна гово́ра: «Иванъ Ивановичъ, не со мною табѣ гулять, а ёсть у цара Кирбита царевна Кирбитовна,—отъ съ той табѣ погулять!» Ёнъ сабѣ задумався: игдѣ жъ мнѣ разыскать яе? сабѣ такъ думая. Пришовъ домовъ, собрався ў дорогу и поѣхавъ. Отъ ёнъ ѣхавъ, ѣхавъ, скольки дней, сутокъ, и самъ не зная, куды ѣдя. «Што жъ, кажа: ѣхавъ я, ѣхавъ, скольки дней—сутокъ ѣхавъ, ничого не бачивъ!» Поѣхавъ дальше, и на третьтія сутки пріяжджая ў лѣсъ. Пріяжджая ето ёнъ у лѣсъ, ажно стоитъ хатка. Ёнъ подъяжджая къ хати и говора на лакея: «*поди*, лакей, значить, спроси, игдѣ царевна Кирбитовна живе́!» Пошовъ лакей спрашавать; ёнъ, ня 'жидая лакея, самъ соскочивъ спросить. Уходя ў тую хатку, тамъ бабка. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ! Куды ѣдешъ, Иванъ Ивановичъ? Ёнъ говора: ѣду я къ ца́ру Кирбиту! хочу дочь посватать!— «Што жъ ты, говора, ѣдешъ? заяжджай ко мнѣ на хватеру, я тябе нау̇чу, якъ достать яе̇! Ёсть, говора, у цара Кирбита Булатъ добрый молодецъ. Ёнъ яго хоча, Булатъ д. м., скасова̇ть, значить, цара Кирбита: хоча яго збить, зломать и по кольлю мясо потыркать. Дакъ царъ Кир-

битъ будя продавать Булата добраго молотца. Дакъ ты иди, кажа, на базаръ и якъ ты убачишъ, хто будя ў зялѣзьзи окованъ, дакъ того й купляй!» Ёнъ вышавъ на базаръ; ходивъ—ходивъ по народу—усё простонародія такоя: вотъ, хто якъ ба ў свитки, той у чекмяню̀, той у сяртуку́, а зъ зялѣзьзямъ не на́йдя ниякъ. Тогды ёнъ уже хотѣвъ домовъ итить, ажъ тутъ на яго й натра̀пивъ: водять яго, у зялѣзьзи ukóваный весь. Вотъ то, значить, самый и Булатъ добрый молодецъ. Тяперъ ёнъ, царъ Кирбитъ, яго продае́ за то, што ёнъ хоча яго збить и зломать, по кольлю мясо потыркать. Тогды ёнъ пошовъ на базаръ и ўбачивъ, што царь Кирбитъ водя Булата добраго молодца, ў зялѣзи окованъ увесь, и продае яго. Тогды ёнъ икъ цару Кирбиту потхо́дя и гово́ра: «Здрастуй, царъ Кирбитъ! Продае́шъ ты добраго молотца?»—Продаю!—«Што ты за яго просишъ?»—Сто рублей!.. Яму подало́ся, што ето дорого. Прихо́дя ёнъ зъ ярмалки ня купивши домовъ, икъ бабцы, на хватеру. Бабка й говора: што жъ ты, купивъ Булата д. м.?—Нѣ, бабушка, ня купивъ!—Почаму ты ня купивъ?—Да подалося мнѣ дорого!—Якъ ето ты? кажа. Што ёнъ просивъ, тоя ты довжо́нъ заплатить! Ну, повячерай да ложись спать, а Богъ батька!.. Назаўтраго рано наставила яму́ самоваръ, напоила яго, накормила. «Ступай жа ты, кажа, на базаръ и ўбачишъ цара Кирбита, и гляди жъ, штобъ ты беспремѣнно купивъ Булата д. м. Што ёнъ будя просить за яго, дакъ ты довжонъ давать! Ну ёнъ пошовъ, напавъ яго на базары и говора: «Здрастуй, царъ Кирбитъ!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рускій царевичъ!—«Царъ Кирбитъ, продае́шъ ты Булата д. м.?» —Продаю!—«Што ты за яго хочешъ?—Двѣстя рублей! Иванъ Ивановичъ посумли̇вся, ня купивъ,—дорого, значить. Приходя домовъ на хватеру. бабка спрашуя: «Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Купивъ ты Булата д. м.?» Ёнъ каа: ня купивъ!—«А за чимъ ты ня купивъ?»—Дорого спрашуя, зато, бабка, я й ня купивъ!—«Ахъ ты, говора, такій ты, сякій, глупый! Што я табѣ говорила, дакъ ты довжонъ мяне слухать!» Дала яму́ повячерать, ёнъ и лёгъ спать. Вѣдомо, изъ ярмалку жъ поздно пріяжджають. Повутру́ яна яго ўзбудила, накормила яго и напоила. «Ступай жа ты, говора, на базаръ, Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Будя ёнъ зновъ яго водить, и што будя спрашавать, тоя довжо́нъ платить! А коли ты яго ня купишь, дакъ яго мечъ, а твоя голова доловъ съ плечъ! Ты заѣхавъ не ў своё ўже царство. Што спрашуя, якія деньги, довжо́нъ платить!» Ёнъ выходя на базаръ: «Здрастуй, царъ Кирбитъ!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, р. ц.!—«Продае́шъ Булата д. м.?»—Продаю!—«Што ты за яго просишъ?»—Триста рублей! Подымая вышай. Ёнъ узявъ триста рублей вынявъ и отдавъ за яго, за Булата д. м. Тогды ёнъ узявъ яго и новёвъ на хватеру. Якъ ёнъ бывъ, значитца, окова́нъ, дакъ ёнъ узявъ яго за

цѣпъ да якъ страхнувъ, дакъ усё ето объѣхало. Тогды ёнъ приходя на хватеру и приводя Булата д. м. Ёнъ иде упярдъ, а Булатъ д. м. ззаду. Тогды бабка спрашуя: ну, купивъ ты Булата д. м.?—Купивъ, бабка! Тогды Булатъ д. м. спрашуя: якъ ты, Иванъ Ивановичъ р. ц., хочешъ достать царевну Кирбитовну? Тогды р. ц. Иванъ Ивановичъ и говора: «Булатъ д. м.! я ня могу знать, якъ яе достать!»—Тяперъ, говора, радъ царъ Кирбитъ, што мяне продавъ! Ё ў яго сямикрылная лошадь за дванатцатьми вартами. Коли ты сямикрылную лошадь достанешъ, дакъ и царевну Кирбитовну достанешъ!—«Якъ жа, говора, Булатъ д. м., мнѣ яе достать?»—Ты говори, говора: ишовъ царъ Кирбитъ у конюшню и менѣ вялѣвъ, дакъ табѐ тогды пропустють! Ёнъ, значитца, и иде у конюшню. И говора вартовщикамъ: здрастуйтя, рабятушки! А яны говоруть: здрастуй, Иванъ Ивановичъ, р. ц.! Зачимъ ты сюды йдешъ?—Да ишовъ, говора, царъ Кирбитъ, и мнѣ вялѣвъ! Тогды яны говоруть: нѣ, ёнъ ня йшовъ! А ёнъ говора: нѣ, ишовъ и менѣ вялѣвъ! Ну, другъ другу расказують которые вартовщики: я бывъ у вотлучцы, а ты заснувъ; вѣрно царъ Кирбитъ ишовъ и яму вялѣвъ! Пропустили яго. Ну, яму первую було трудно пройти, а тыя якъ по ганкахъ ишовъ. Приходя ёнъ къ послѣдняй варти: «Здрастуй, рабятушки!»—Здрастуй! Зачимъ ты сюды йдешъ?—«А йшовъ царъ Кирбитъ и менѣ вялѣвъ!» А яны яго не пускать; ето, значить, до лошади не допускають. А ёнъ говора: коли я пройшовъ первую, што ёнъ менѣ вялѣвъ, и другую пройшовъ, и ўсѣ, услѣдъ за имъ! Тогды яны й говоруть другъ другу: вѣрно царъ Кирбить пройшовъ, што ёнъ иде. Коли первыя яго пропустили, дакъ намъ уже треба пропустить яго! Ну, ёнъ, тяперака, усѣ варты пройшовъ и зайшовъ у конюшню. Зайшовъ у конюшню, поводъ отвязавъ, сѣвъ у стремя и поѣхавъ. Значитца, уворовавъ лошадь. Пріяжджая къ бабцы къ той. Бабка тая спрашуя: «доставъ лошадь?» Говора: доставъ!—«Ну, коли ты лошадь сямикрылную доставъ, дакъ и царевну достанешъ!»—Якъ жа мнѣ яѐ достать?—«А царъ Кирбитъ будя имшу, по нашаму—службу, править, што продавъ Булата добр. молойца. Дакъ ёнъ выйдя ў костёлъ Богу молитца, и ты йди ў костёлъ. Тогды ты убачишъ царевну Кирбитовну, свою нявѣсту.!» Ну, имша отправляетца, значитца, кончаетца служба. Усѣ повыходили, а Иванъ Ивановичъ р. ц. остаетца у костели. Тогды ина яго увидѣла и ина осталась. Тогды ёнъ и говора, Иванъ Ивановичъ: «здрастуй, царевна Кирбитовна! пойдешъ ты за мяне замужъ?»—Дли милѣйшаго друга зъ десятыя итажи по полотенцу испущусь!.. Приходя ёнъ домовъ, Булатъ д. м. яго и спрашуя: видавъ ты царевну Кирбитовну?—Видавъ, говора, Булатъ д. м.!—Што яна табѣ объяснила?—Дли милѣйшаго друга по полотенцу къ табѣ испущусь!—Ну, садись жа, говора,

подъяжджай къ ёй! Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Зравнявся зъ estымъ вокошкомъ; яна почула, што ёнъ зравнявся зъ яѐ вокошкомъ—штось дѣлала тамъ—то яна ўзяла, полотенца за щибе́лку защапила, и спустилась къ яму̀ на стремя. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, тогды обнимая ихъ ночь. Булатъ добрый молодецъ котёлъ разбивъ, ихъ накормивъ и спать положивъ. Чуя ёнъ топъ конскій и посвистъ чаловѣчацкій. Чуя ёнъ ето дѣло, ёнъ свою бронь узявъ и на часахъ ставъ. Шле́ царъ Кирбитъ роту солдатовъ: «гдѣ нападе́тя Ивана Ивановича р. ц., штобъ яго збили, зломали, по кольлю мясо потóркали, а царевну до двора узяли!» Тогды Булатъ д. м. сустракая ихъ. «Здрастуй, братъ! ти ня видѣвъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевны Кирбитовны?»--А я, говора, Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Шатнувъ своёй брóняй направо—налѣво, усихъ избивъ, оставивъ усяго пять чаловѣкъ, и говóра имъ: ступайтя, скажитя свойму цару Кирбиту, сукиному сыну, штобъ ёнъ бóляй не славъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! А самъ вярнувся назадъ, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, и на сямикрылнаго коня уссадивъ. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, обнимая тёмная ночь. Ёнъ узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать положивъ. Свою брóню ўзявъ и на часахъ ставъ. Чуя топъ конскій и пóсвистъ чаловѣчацкій, значить, идуть и свищуть. Шле́ царъ Кирбитъ два полкѝ солдатовъ. «Гдѣ нападе́тя Ивана Ивановича р. ц., штобъ яго збили, зломали, по кольлю мясо потóркали!» Ёнъ ихъ сустрака́я.—«Здрастуй, братецъ! ти не видавъ ты Ивана Ивановича рускаго царевича и царевны Кирбитовны?»—А я, говора Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Ёнъ своей брóняй шатнувъ направо—налѣво, усимъ гóловы откосивъ, оставивъ скольки, и каа: идитя, скажитя свойму ца́ру Кирбиту, с. с., штобъ ёнъ не славъ, людей не теравъ,—усимъ ето будя! Самъ назадъ вярнувся, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня уссадивъ. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, обнимая ночь. Стали и заночевали. Ёнъ котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать уложивъ. Самъ свою брóню ўзявъ и на часахъ ставъ. Чуя ёнъ топъ конскій и пóсвистъ чаловѣчацкій. Шле́ царъ Кирбитъ три полкѝ солдатовъ, штобъ яго збить и зломать, Ивана Ивановича р. ц., и по кольлю мясо поторкать, а царевну до двора ўзять. Ну, ёнъ ихъ сустракая. Яны говоруть: здрастуй, братецъ! ти не видавъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевны Кирбитовны?--А я, говора, Булатъ д. м., зъ ими ѣду! Своёй брóняй шатнувъ направо—налѣво, усимъ гóловы откосивъ, оставивъ тольки на 'твѣтъ пять чаловѣкъ. «Идитя, говора, къ свойму ца́ру Кирбиту, с. с., скажитя, нехай ня шле́, людей не терая,—усимъ ето будя! Вярнувся назадъ, ихъ побудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ, на коня уссадивъ. Сѣли и поѣхали. Ѣхать дакъ

ѣхать. обнимая ихъ ночь. Иванъ Ивановичъ р. ц.—тутъ ночавать, а Булатъ д. м.—проѣдомъ дальше! Той, значитца, дальше ѣхать. а Иванъ Ивановичъ: тутъ ночевать! Булатъ д. м. рассе́рдився, узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, и спать ихъ уложивъ. А самъ рассе́рдився, пошовъ на дорогу зъ голыми руками, якъ стойть, не ўзявъ брони. Чўя топъ конскій, по́свистъ чаловѣчацкій. Сустракая ихъ,—шесть полковъ шле́ царъ Кирбитъ: гдѣ нападе́тя, яго збитя, зломайтя, по кольлю мясо поторкайтя, а царевну до двора! Яны говоруть: здрастуй, братецъ! Ти не видавъ ты Ивана Ивановича р. ц. и царевну Кирбитовну и Булата д. м.?—Здрастуйтя, здрастуйтя! Я самъ, говора, Булатъ д. м.! Вотъ яны стали яго воява̀ть мятла̀ми тамъ, протчими, а Булатъ д. м. якъ хвативъ дуба, у чатыре ухваты за вяршину, да якъ покативъ по ихъ, дакъ усихъ чисто подушивъ, побивъ, ажъ юшка зь ихъ потякла̀. Тольки оставивъ десять чаловѣкъ отвѣтъ ца̀ру дать: ступайтя и скажитя свойму ца̀ру Кирбиту, с. с., штобъ боляй не посылавъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! Вярнувся самъ назадъ, ихъ узбудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напо́ивъ, на коня уссадивъ. Сѣли и поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать, обнимая ночь. Иванъ Ивановичъ говора тутъ ночевать, а Булатъ говора дальшай ѣхать. А Иванъ Ивановичъ: тутъ ночевать! Ёнъ узявъ, рассе́рдився: ночевать, дакъ ночевать! Котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ и спать уложивъ. А самъ зъ голыми руками на дорогу пошовъ. Чуя топъ конскій, по́свистъ чаловѣчацкій. Шле́ царъ Кирбитъ девять полковъ солдатовъ, штобъ яго збить, зломать, мясо по кольлю поторкать, а царевну до двора. Ёнъ иде́ къ имъ безъ усякой брони, зъ голыми руками. «Здрастуй, братецъ! Ти не видавъ ты Ивана Ивановича, и царевну Кирбитовну, и Булата д. м.?» —Здрастуйтя! Я, говора, Булатъ д. м.! Яны стали яго воевать, а ёнъ выхвативъ дубъ у восямъ ухватовъ, да повярнувъ направо й налѣво—усихъ ихъ и откосивъ. Тольки оставивъ сляпыхъ да хромыхъ, которыя не приступились. Тольки тыя и остались. Ёнъ имъ говора: идитя и скажитя свойму цару Кирбиту, с. с., штобъ ёнъ боляй не славъ, людей не теравъ, а то ўсимъ ето будя! А самъ назадъ вярнувся.

Приходя, ажъ сямикрылному лошадю голова прочь, Ивану Ивановичу, р. ц. голова прочь, а царевны Кирбитовны соўсимъ нема—украдена. Тогды Булатъ д. м. и говора: вотъ, Иванъ Ивановичъ р. ц., я казавъ дальшай ѣхать, а ты мяне не послухавъ! Што мнѣ зъ вами дѣлать: табѣ голова прочь, сямикрылному лошадю голова прочь, а царевны Кирбитовны соўсимъ нема! Узявъ ножъ, пузо коню разрѣзавъ, трыбухи̂ вываливъ, самъ у рэбры сѣвъ. Ляти̂ть крумкачъ старый и молодый. Одинъ говбра: крумъ! а другій: сыръ! Молодый сѣвъ да клёвъ того коня! А Булатъ д. м. яго за ногу̂ и схвативъ! Старый спрашуя: «Булатъ д. м., отпусти ты мойго

сына!» —А, ты, ворон я, говора, по свѣту летаешъ, побольшай за насъ знаешъ: ти ё вода гоющая и живущая? Говора: ё! Подвязуй мнѣ гоющую бутылочку потъ правое крыло, а живущую подъ лѣвое! Булатъ д. м. спрашуя: игдѣ йна ё?—А за дванатцатьми вартами гоющая; тожа такъ и живущая! Ёнъ подвязавъ яму̀ бутылочки, той воронъ и полятѣвъ. Прилятая къ той крыницы, гдѣ гоющая вода, опустився низянько и лятить. А вартовщикі за имъ гонютца, хочуть поймать яго. Ёнъ пролятѣвъ усѣ стыя варты и поднявся ўго̀ру; нависъ на тую крыницу и ўзявъ гоющей воды. Тогды прилятая къ той крыницы, гдѣ живущая вода, и яѐ такъ жа набравъ. Тяперъ ёнъ полятѣвъ назадъ. Прилятѣвъ ёнъ туды, того во̀рона сына Булатъ д. м. узявъ и разодравъ наполамъ яго. Тогды зляпивъ, помазавъ гоющай водой—загоілось; помазавъ живущай—оживився. «Ну, ступай, говора, зъ Богомъ!» Пустивъ яго. Тогды узявъ Ивана Ивановича р. ц. зляпивъ; помазавъ гоющай водой—загоилось; помазавъ живущай—оживився. И коня такъ усё 'дно. Тогды й говора Ивану Ивановичу р. ц.: я табѣ говоривъ дальшай ѣхать, а ты казавъ тутъ ночевать. Отъ, якъ ты мяне не послухавъ, то й сямикрылной лошади голова была прочь и табѣ прочь. А гдѣ твоя царевна? Ёнъ говора: ня могу знать! Ну, тогды ёнъ узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, на сямикрылную лошадь посадивъ. Сѣли и поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать,—стоіть змяиный домъ, на дванатцать паль. Ёнъ такъ, якъ ѣхать, подъѣхавъ къ ца̀ру Идолу и пошовъ къ яму̀ ў горницу. А царевна Кирбитовна убачила яго, дакъ ина рада яму. Тогды выхо̀дя царъ Идолъ, спрашуя яго: зачимъ ты сюды пришовъ? Ёнъ говора: якоя табѣ дѣло, што я пришовъ? Тогды узявъ, сошкробъ цара Идола, поднявъ яго за волосы̀ ўго̀ру—собравъ усѣ косы—и посадивъ яго на ладоню. Якъ ударивъ ладо̀няю по ёмъ,—здѣлавъ яго, якъ жидовскую мацу. И кинувъ яго за вокно. Якъ кинувъ яго за вокно, расплывся ёнъ якъ г..но. Тогды царевну за руку̀ и повёвъ. Привёвъ, на сямикрылную лошадь уссадивъ,—сѣли и поѣхали. Обнимая ночь. Ёнъ узявъ, котёлъ разбивъ, накормивъ—напоивъ и спать положивъ. Свою броню ўзявъ, на часахъ ставъ. Летять птицы райскія, пяють пѣсни царскія: «наготовала мачиха Ивану Ивановичу р. царевичу обѣдъ съ отрўтою: якъ ёнъ изъѣсть, дакъ пропадѐ, а жонка яго будя у яѐ свиньней пасть! А хто ето чуя, да откажа, дакъ ка̀менямъ ста̀ня!» Ну, ёнъ назадъ воротився, ихъ разбудивъ, котелъ разбивъ, накормивъ, напоивъ и на коня уссадивъ. Сѣли й поѣхали. Ѣхать дакъ ѣхать,—обнимая ночь. «Иванъ Ивановичъ! говора Булатъ д. м.: тутъ трэба ночевать!» —Нѣ, кажа: не далёко до двора, поѣдомъ домовъ! А Булатъ говора: тутъ ночевать! А ёнъ не ўсхотѣвъ. Тогды царевна Кирбитовна говора Ивану Ивановичу р. ц.: «колибъ ёнъ хотѣвъ насъ загубить, дакъ ба ёнъ упрэдъ

насъ загубивъ. Ты яго не послухавъ упяродъ, дакъ и табѣ голова прочь и сямикрылному коню голова прочь; а я гдѣ была?» Ну й заночевали. Ёнъ котёлъ разбивъ, накормивъ ихъ, напоивъ и спать уложивъ, а самъ броню ўзявъ, на часахъ ставъ. Летять птицы райскія, пяють пѣсни царскія: «наготовала мачиха Ивану Ивановичу шубу, золотая звѣзда и сяребраная, зъ гадами съ повзучими и зъ лятучими. Якъ ёнъ ету шубу надѣня, дакъ и пропадѐ; а жонка яго будя у яѐ свиньней пасть. А хто ето чуя да откажа, дакъ ка́менямъ станя!» Ёнъ вярнувся назадъ, ихъ узбудивъ, котёлъ разбивъ, накормивъ, напоивъ, на коня уссадивъ; сѣли й поѣхали.

Тяперака Иванъ Ивановичъ р. ц. пріяжджая ко двору. Вынося мачиха шубу сыну: золотая звѣзда и сяребраная, штобъ яму почищай надѣтца и подыйти къ членамъ у сынотъ. Тогды Булатъ д. м. говора: дайка мнѣ помѣрать прэжда! Да за тую шубу, да ў лѣсъ. Тамъ вывалило осиньнику цѣлую десятину. Ёнъ уклавъ у восиньникъ шубу, тогды яго потпаливъ. Якъ стали лятѣть гады лятучія, повзучія! Ёнъ навязавъ мятёлъ, позбивавъ ихъ, позметавъ, усихъ попаливъ, и назадъ вярнувся. Нясуть Ивану Ивановичу р. ц. обѣдать яго мачихи слўги. Ёнъ говора: я свойму барину угождавъ усю дорогу, дайтя я поднясу и обѣдъ! Узявъ, понёсъ; упуставъ и разбивъ. Отратовавъ яго отъ двѐхъ смяртей. Тяперака ночи дождались. Яму отводють комлату, Булату д. м., штобъ не спать умѣсти зъ молодыми. А ёнъ гово́ра: я тутъ заночую, коло своихъ молодыхъ! А Иванъ Ивановичъ р. ц. говора: иди, братъ,—табѣ тамъ спокойно будя!—Нѣ, я тутъ буду ночевать! Тогды царевна Кирбитовна говора Ивану Ивановичу р. ц.: «коли ёнъ тутъ хоча ночевать, то нехай ночуя! Што за клопотъ, што мужъ изъ жаной ночуя? Коли бъ ёнъ хотѣвъ насъ страбить, то бъ ёнъ и прэжда загубивъ!» Ёнъ, значить, заночевавъ. Ноччи мачиха присылая трохъ идоловъ, штобъ Ивану Ивановичу р. ц. головў оторвать, а царевну Кирбитовну узять. Идуть яны у самую повночь вокошко выдрали, и лѣзуть у вокошко. А ёнъ сѣвъ подъ вокошкомъ. Ёнъ ухапивъ одного за головў, головў открутивъ! Тыя говоруть: лѣзь, братъ, ты! Полѣзъ другій, ёнъ и тому головў открутивъ. Полѣзъ третьтій, ёнъ и третьтяму головў открутивъ. Пошовъ на дворъ, вокошко ўставивъ и ставню причинивъ. Уходя ў горницу, запаливъ свячу, —смотра, ти ня ўзбрызнула на ихъ кровъ: штобъ моимъ молодымъ стыда ня було̀! А Иванъ Ивановичъ прошнувся. Зиръ: Булатъ д. м. хотѣвъ страбить насъ! Крикнувъ, гва́лтнувъ: хотѣвъ мнѣ ме́чамъ головў отсѣкти! Загадавъ по ўсяму царству кручча наковать и Булата д. м. усяго растерзать. Ну, звѣстно, у яго у часъ здѣлано ўсё, ето не ў на́щинца. Трэба яго уже вывести у чистое по̀ля и зачапить яго и растерзать во ўсѣ стороны.

Тогды ёнъ сказуя: «дай мнѣ, Иванъ Ивановичъ, р. ц., Богу помолітца и стóраю раскагать! Вотъ, говора, якъ я за васъ страждався: Летять птицы райскія, пяють пѣсни царскія: наготовала мачиха Ивану Ивановичу р. ц. обѣдъ съ отрутой, и шубу—золотая звѣзда и сяребраная. Якъ ёнъ той обѣдъ зъѣсть, ти шубу надѣня, дакъ пропадѐ, а жонка будя у мачихи свиньней пасть! А на третьтюю ночь пошлѐ на яго трохъ идоловъ, штобъ яму головў оторвали, а жонку ўзяли! А хто чуя да откажа, дакъ каменямъ станя!» Тогды царевна Кирбитовна говора: вотъ, слуга наша вѣрная! А ёнъ уже кáменямъ ставъ.

Черазъ годъ народився у ихъ сынъ. Тогды Ивану Ивановичу приснилося: «Вотъ, сына страби, вынь серца, и помажъ мяне, дакъ я тогды стану живымъ, и отрочà твоё будя живо!» Ёнъ и сказуя царевни Кирбитовни, а ина говóра: ну, жаль Булата д. м., ну свойго чада-дитяти ще жальнѣй!—Пояжджай ты, царевна Кирбитовна, у костёлъ, и я сичасъ буду! Тяперъ яна отправилась на чатвёрцы у костёлъ, а ёнъ слугамъ приказавъ: сичасъ положить на столѣ рабёнка, и отрубить ямў головў, тогды груди ўзрѣзать и ўзять серца и помазать Булата д. м. тымъ серцамъ! А ёнъ стоявъ якъ вылитый. Ну, якъ ёнъ яго помазавъ тымъ серцамъ, дакъ ёнъ 'страхнувсь, и чаловѣкомъ ставъ, якъ бывъ. Тогды пошли яны у костёлъ. Царевна Кирбитовна убачила, што Булатъ д. м. идé—дакъ моé чады немá—стрэбляна,—такъ ина ўпала на полъ, спужалась. Тогды ёнъ говора: «царевна Кирбитовна, не пужайся: твой сынъ якій бывъ, такій и ё—пароджонъ опять. Вотъ нясуть твою чаду няньки у костёлъ!» Тольки йна яго убачила, стала, значитца, рада и весела: слава Богу за ўсё! А яго, рабёнка, значитца, сперва страбили и вынял съ подъ яго съ подъ грудей серца, а посли приложили головў и помазали гоющай водой, и загойлось, а тогды живущай—ёнъ и отживився. Ну, помолились Богу и поѣхали ки двору и по радости задали пиръ на ўвесь міръ. И я тамъ бывъ, и мёдъ—вино пивъ, и ў роти ня було и по бородѣ не тякло.

Д. Купреевка, вѣтковск. вол. гом. у. От кр. Кузьмы Андреева 70 л. негр. Разсказъ, вообще, велся сбивчиво, при непрерывныхъ сдерживаніяхъ и напоминаніяхъ записывавшаго. Языкъ отчасти подвергся вліянію великоруссовъ—старообрядцевъ м. Вѣтки.

3. Пётра и Магдалена.

Нѣкоторомъ царстви, нѣкоторомъ государстви, непрамѣнно ў томъ, у якомъ мы живёмъ, бывъ сабѣ такъ вяликій князь. Бывъ у яго сынъ, имяннёмъ Пётра. И булò за тры тыщи вёрстъ у другомъ городи, у Старопольской у зѐмли, тожа король, и была ў яго дочь, прекрасная Магдале-

на. И ён, етый король, бывъ лятàми старъ. Ёнъ прызываа къ сабѣ свою дочаръ пракрасную Магдалену. Да. Имѣли разговоръ яны мижда субой. «Отъ, говóра: дочаръ моя пракрасная Магдалена: кому ето наша *кур*олѐвсьтво достàнетца? у насъ, говора, немà наслѣдства ния̀каго, кромя̀ васъ. Отъ, колибъ ты нашла такого чаловѣка, што бъ ёнъ уладавъ нашой зямлёй; бывъ бы ёнъ мужъ табѣ, ты яму жана; бывъ бы ёнъ нашаму куролевсьтву забярагáтялъ!»—Да. «Отъ, говора, отецъ мой батюшка: поставимъ мы слупъ тры сажни квадратныя у чыстомъ поли, и положымъ на верси моё кольцò, и выпишымъ моѐ потрэты, и вывядомъ пропись унизу потрэта: куды и якъ ѣхать, у якоя значытца царство. И хто, значытца, у мяне улюбу̀ятца, и прiѣдя у наша царство, и ня тронучысь съ коня, достаня моё кольцо, ѣдячы у наша царство, той будя мой мужъ, а я яго жана. И будя ёнъ уладѝталъ нашаму царству. И ето будя собранія ў тры годы̀, потому якъ ня ўсовяршэнныхъ лятахъ!» Отъ тяперака и разослали яны етыя потрэты по ўсихъ Яўропiяхъ. И получывъ етый князь, самый етый потрэтъ етый съ прописью, Пятровъ отецъ, и ня хотѣвъ показать сыну свойму, затымъ, што ёнъ одинъ у яго сынъ, штобъ ёнъ ня кинувъ отца свойго и мать, и ня ўѣхавъ у ето царство. И ходивъ разъ Пётра князицкiй сынъ у городи по базару, и продаютца етыя картины самыя, потрэты етыя. Ёнъ узявъ и купивъ етую картину и ўлюбився у яе такъ, што ня могъ безъ яе прожыть. Потомъ, прихòдя ёнъ домовъ—у свой домъ. И спрашуя у свойго отца—матяры: получыли вы яко-нибу̀дь повѣстя съ протчыхъ зямель. Отецъ яму̀ отвястѝвъ: нѣ, говора, мой сынокъ: мы ня получали нияки́хъ звѣстiй. А Пётра отвястѝвъ яму̀: батюшка, говора: довжны получыть. Я ясно знаю, што вы получыли. Коли жъ вы, говора, мнѣ не покажытя и не благословитѐ, то ўсё равнò вамъ не видать сына свойгò. Потому што яна у мяне ёсть у кармани,—я не могу жыть безъ яѐ. Ёнъ вы̀нявъ ету карту съ кармана и показавъ свойму отцу на лицо. Пòтомъ того отецъ говора: мой сынъ! ня ѣдь, каа, туды, потому ты у насъ ядинённый. Ты сабѣ руку̀ отшыбѐшъ, ти ногу̀, ти зъ лошади упадéшъ, а ўже яѐ не достáняшъ!—Да, говора, батюшка: коли ня благословитѐ мнѣ, то я усё равнò самъ сабѣ смерть издѣлаю! Сына у васъ тыкѝ ня будя! Отецъ тогды узявъ, яго *ба*гословивъ на етой куролѐвни пракрасной Магдалени, жанитца, и мать дала своё кольцо яму̀ имяннòе, у роди багословенія. И здѣлали корàбъ яму̀ и дали яму̀ слугу, которая яна у яго и прэжде была,—уроди подлишника яго (подъ лицо подхòдя). Ёнъ отправився у тую зямлю у самую, у тоя куролевсьтво, у которомъ объясняла Магдалена пракрасная куролевна ето дѣло здѣлать, собранія ето. Ето хорошо, што скоро кáжатца, ну яно ня скоро дѣлалось. Провялóсь тому два годы̀ съ половиной. На трэтьтiй годъ собрались царськiя

сыны и князицкія и куролевськія, и съ купцовъ, и съ протчыхъ господъ. И дѣло ето было собранія, съ перваго и до чатвёртаго часу команда эта была: на коняхъ разъяжжались и доставали кольцо етоя на слупў. И много сами сябе портили—ломали руки и ноги, и соусимъ убивались до смерти. А посли чатвёртаго часа собирали етыхъ людей и клали у шпиталя̆ ня злячэніе. А ў Петра была нанявшы хватера, перваго номеру домъ. И ёнъ нѣскольки урэмя прожывшы тамъ, и самъ сабѣ думаа: пойду-тка и я посмотру собранія етаго, етыя команды! Ёнъ посли ходилъ день и другій и третьтій на ето чудо. Да. И на третьтій день убачывъ етый король, што етый чаловѣкъ зъ благородныхъ людей, да тольки бязъ лошади, пѣшный, и ня йде́ у дѣйстія. Ёнъ посылаа *малика* къ етому самому къ Петру. Иди, каа, спроси у етаго чаловѣка, откудова ёнъ, зъ якихъ урочыщъ и якая ихъ хвамылія! Маликъ пошовъ, и спросивъ: откудова ты, господинъ? и сказавъ маликъ. Ёнъ ямў отвястивъ: я родомъ зъ за бургоньскихъ [1]) горъ. Якъ жа ваша, господинъ, хвамылія? ёнъ спросивъ, маликъ. Ёнъ ямў отвястивъ: моя хвамылія Золотыхъ-ключовъ. Ёнъ къ яму приходя, етый маликъ, къ королю и каа: етый господинъ зъ забургоньскихъ горъ, а хвамылія, Золотыхъ-ключовъ, етаго господина имяньнямъ—прозываніямъ Пётра! Етый король вынявъ съ свőяго кармана планъ и ставъ шукать у плани. И шукавъ довго, и не нашовъ такого урочыща —зъ за бургоньскихъ горъ, и хвамыліи такой—Золотыхъ-ключовъ. Ёнъ малика изновъославъ къ ямў—иди, етаго господина привяди ко мнѣ. Етый маликъ прышовъ къ ямў и говора—господинъ пожалуйтя къ нашаму королю,—ёнъ трэбуя васъ. Етый господинъ Петра послухавъ етаго малика и пошовъ къ королю. Етый король ставъ говорыть яму руськимъ языкомъ. Ёнъ понимаа. Пőтомъ того полатыни ставъ говорить. Ёнъ понимаа. Потомъ того разными языками ставъ говорыть,—ёнъ усякими можа. Етый король тогды говора: вотъ, господинъ: ты учоный чаловѣкъ, а якъ жа ты, суды зайшовъ, да и ў дѣйстія ня йде́шъ? А ёнъ отвястивъ: я, говора, не ради етаго дѣйстія прыбывъ, а я, говора, шовъ по мору, да тутъ уже почувъ ето дѣйстія, дакъ я вылязъ и нанявъ, каа, домъ сабѣ, посмотрити етаго чуда вашаго. А тяперъ и самъ ня могу знать, якъ мнѣ прыбыть у свою страну, много я остався отъ судна, отъ свойго. Да, дакъ отъ, братъ: васъ зовуть йимяньнямъ Пётра; дакъ ты можашъ у мяне послужыть, я могу дать табѣ оправданія и проходнаю. Я виджу, што ты чаловѣкъ учőный! Пётра поблагодарывъ етому королю: я могу послужыть вамъ! Отъ ёнъ яго поставивъ на конюшни, завѣдовать кучарами. Да. Тяперака дѣло вялőся, покуля кончылось тры годы, команда ета,—мѣсяцъ такъ, ти два.—И етый самый Пётра выяхавъ съ королемъ на той самый,

[1]) Бургонъ—бугоръ, холмъ, гора.

, ! . ԁ С ʮ ѓ

на тую самую команду, *мѣсто* кучара королевськаго. И много дивовався на ету команду. И самъ сабѣ усмихнувся и дворэцкому похвалився: я бъ, говора, доставъ ето кольцо у тры минуты. Да. И етый самый дворэцкій доложывъ королю—што вашъ кучаръ, который ѣздявъ изъ вами на ету команду, дакъ исъ протчыхъ смяявся господъ, и хвалився, што я могу достать кольцо у тры минуты, и ня буду трогатца зъ лошади. И король потрэбувавъ къ сабѣ Пётру и спросивъ у яго: ты, Пётра, можашъ достать кольцо?—«Ня знаю, ваша королевськое вяличаство. Протчые люди хитрэй мяне, и то за стольки урэмя ня могли достать. И ў томъ щэ, што у мяне лошади няма!» Етый король дозволивъ яму выбрать коня якого хоча на конюшни, и ѣхать на ету команду. А самъ поѣхавъ изъ другимъ кучаромъ, король. Тепэръ, етый Пётра выбравъ лошадя на конюшни, засядлавъ, и поѣхавъ. И ѣхавъ во весь 'поръ, шыбко ѣхавъ. Король объяснивъ: господа, отсторонітясь, пуститя свѣжаго! Да. Етый Пётра якъ ѣхавъ, такъ не трогався зъ лошадя и кольцо доставъ. Магдалени пракрасной курулевни у рукў давъ. Потомъ, посьли етого, команда коньчилася. И здѣлавсь разговоръ съ протчыхъ господъ: хто такій доставъ? И сказано господамъ: ихный кучаръ. Ето самое дѣло подали у сандтъ. Сандтъ осудивъ, што няльзя простому чаловѣку королевствомъ уладѣть. Колибъ ёнъ дворанинъ, ти купецъ, ти съ протчыхъ господъ, дакъ ба такъ; а то ёнъ не сознався своёй хвамыліи. Етый король пожаловавъ яго у присуствіи сиклитардмъ. И ета пракрасная Магдалена улюбилася у яго, такъ якъ и ёнъ прежде у яѐ. Да й етый самый король, ня могъ дажа кушать безъ яго, трэбувавъ къ сабѣ на обѣдъ. Тяперака, опять жа етый самый король говора дочцы своёй: ну, дочь моя милая, пракрасная Магдалена: коньчилося тяперака наша ето дѣло,—кому жъ тяперъ достанетца царство етое наша? Яна опять отцу сказала: государъ мой батюшка, то було дѣло у тры года, а тяперака здѣлаямъ дѣло у тры мѣсяцы! Потому што яна думала такъ, што окромя Пётра нихто етого дѣла ня здѣлая, якъ бы яна ни ўздумала. «Узять, выписать газеты, разослать по ўсихъ Яўрдпіяхъ, штоба собрались отъ у такихъ то мѣсяцахъ, отъ у такихъ то чыслахъ, хто жалая получыть Старъ-польское царство и достать мяне у супружаство благовѣрное, и здѣлаямъ мы команду подъ номяръ, исъ перваго номяра большыхъ членовъ, а съ утардго—младшыхъ, которыя ужэ понижайшы у жызни своёй, значытца, побяднѣйшыхъ, и поставимъ номяръ подъ номяръ, и съ перваго и до десятаго номяра, и будямъ становить девять чаловѣкъ кругомъ, а десятаго чаловѣка у кругу, ў сярадіни. И ўсѣ съ припасомъ, зъ голыми шашками. Хто выйдя изъ круга, изъ девяти чаловѣкъ, цэлый, нэранятый, той будя мой мужъ и ўладітаръ етой зѣмли!» И ето дѣло здѣлалось скоро, и собранія ето И отецъ яго.

Пётровъ, дожыдавъ сына свойго тры годы̀, и яго й слыху нѣту. И получывъ етыя газеты, которыя засланы объ королевни объ етой. И посылая свойго, который на жы̀тялстви у яго дворэ бывъ, братъ обяднѣвшый: ѣдь, говóра, братяцъ мой, у той городъ у Старпольску зе̇млю и спровѣ̇дуй, ти жывъ то мой тамъ сынъ Пётра! Етый самый братъ етаго князя и Пятровъ дядька прыѣхавъ у етый городъ и ставъ у послѣднямъ номяры. Ну, и командували. Якъ скомандуя: разъ—два! такъ усякій и иде, ня гуляя, девять чаловѣкъ и десятый той. И отсякàли одинъ одному рукỳ, ти вухо, што попало; и портили сами сябе, много народовъ. Етый самый Пётра служывъ у етаго царà сиклитаромъ. И пошовъ на ето диво смотрѝти, якъ яны командують и пóртя̇ть сами сябе. Дакъ ёнъ тожа стóячы усмихнувся. И ето король замѣтивъ и прекрасная Магдалена. Дождали яны вечара. Пр. Магдалена потрэбувала яго къ сабѣ у палаты, Пятрá, и сѣла на яго колѣно и обняла яго, и имѣла разговоръ прыятный: милый мой другъ, Пётра! будя табѣ заутрашній день служба! Отецъ мой потрэбуя тябе на ето дѣйствія, которое мы здѣлали, и дасть ёнъ вамъ свой мечь. И вотъ вамъ бархатная лента обвяртѣть дяржáньня у *ётой* мечи, штобъ ты рукъ не помỳливъ! На заутрашній день потрэбувавъ яго король: отъ, Пётра, господинъ сиклитаръ: ты учарá изъ людей смиявся, ну, возьми, попробуйка ты стать у который нибудь номяръ у дѣйствія. Пётра отказавъ, што у мяне, говора, нѣту мяч*а*. Король вялѣвъ принéсти свою мечь. Пётра получывъ мечь отъ короля и ставъ у кружку, у третьтямъ номяры. И тамъ бывъ яго дядька, у томъ номяры (кумпаніи). И жалко ямỳ булò портить дядьку, разлить кровъ. И сказавъ: господа, вы вышлитя етого чаловѣка зъ естаго нóмяру! Господа отвястѝла: а ето ня чаловѣкъ? ня ỳсё 'дно чаловѣкъ? Ёнъ говора: няхай стоить, колѝ ня хóчытя,—ли мяне усё одно! Обкружыли яго девять чаловѣкъ; ёнъ ставъ у сяродки. И здѣлали команду: разъ—два! и стали усякій-сабѣ работáть, якъ яны умѣли. Отъ ёнъ, у кружку стóячы, усихъ девять чаловѣкъ намѣтивъ: которому вухо, которому рукỳ, котораго такъ ранивъ тольки; а дядьку отсѣкъ на правой руцѣ большый пáляцъ. Тутъ и здѣлалась коньчина етой командьи. Ёнъ утыркнувъ у низъ мечь у землю и кажа: хоть мяне звядѝтя, хоть другій кругъ давайтя! Изъ естыя радосьти или съ пячали ня могъ ёнъ сойти зъ мѣста. Прекрасная курулевна Магдалена сказала свойму отцу: идитя звядитя яго зъ мѣста—ня можа ёнъ сойти! Тутъ протчыя господа крикнули: хто такій здѣлавъ ето дѣло, отличывся у етой штуки? Тутъ сказали, што королевській сиклитаръ. И сказали, што нѣ, говора, нялъгà—ня сказано у зáкони, штобъ королевство досталóся сиклитару. Етый Пётра зъ естыя пячали здѣлався бóлянъ. Тяперъ потрэбували къ яму дохтора, и потомъ и другого. Ёнъ сказавъ:

господа, мнѣ дохторэй много ня трэба, а прыставтя мяне у номяръ первый домъ; тамъ ёсть у мяне слуга, товарышъ, и дайтя мнѣ одного дохтора. Быдо дохтору прыказанія, штобъ каждый день тры разы ходивъ къ яму. А ёнъ дохтору самъ повялѣвъ: ходи ты ко мнѣ у тры дни разъ: я жалудкомъ здоровъ, тольки съ тоски съ своѐ здѣлався нездоровъ! Пракрасная Магдалена ждала довго отвѣстій отъ Пётра, и присылаа свою дѣвушку у етый домъ изъ грамотою и сказуя: милый мой другъ Пётра! коли ты хоть трохи почустуешъ здоровъя, отпиши мнѣ, якъ ты маесься. Отъ ёнъ узявъ отписавъ, и уложывъ у письмо маткино кольцо своё имяннôя, и отдавъ дѣвцы. Ета пракрасная Магдалена получыла письмо отъ дѣвки и разсмотрила, што у ёмъ было и кольцо, утройнѣ дорожы за яѐ. Тогды яна узнала, што Пётра не простого колѣна. Тогды яна опять написала письмо и посылаа дѣвкой икъ Пётру опять. И написала: милый мой другъ Пётра! коли ты хочышъ, штобъ я была твоя и уладѣть королевськимъ царствомъ, иди, на базары купи пару лошадей и купи повозочку, и нарадись вотъ у такихъ то часахъ и выяжжай. Я буду стоять наражôная вотъ потъ такимъ то дрэвомъ, посадка такаа.—Мы могомъ уѣхать отсюль съ тобою! Ёнъ узрадовався етой грамоти, и сказавъ своёй слузѣ: пойдомъ-ка мы, братъ, на городъ, купимъ сабѣ пару лошадей, да купимъ сабѣ кибиточку, и будомъ мы хоть своѐ гора развозить по городу; а то скушно намъ сидѣти тутъ! Отъ яны пошли, купили пару лошадей и купили сабѣ повозочку, и купили лошадямъ кормы—овса. «Ну, штожъ мы, братъ, тяперъ купили лошадей—Пётра отвящавъ слузѣ—а могорыча ня пили! Пойдомъ-ка мы выпъемъ вина, или сюды принясомъ, на хватеру!» Етый Пётра выпиваа, да по малу, а слугу пригоняа, штобъ выпивъ большы. Слуга отвящаа: нѣ, говора: ня трэба много пить, а трэба лошадей доглѣдить. Пётръ отвястивъ: няхай лошади привыкають у хомутахъ—а ты пи, ня бойся! Потуля яны пили, покуля слуга упився. Тогды Пётра запрогъ лошадей и забравъ съ собою грошай, а слузѣ остальныя кинувъ, и съ той посудой, у якой яны были—съ шкатулкой,—а самъ и поѣхавъ. Прыяжжаа на тоя мѣсто, дѣ яна обящала быть, стоять, стало быть. И ёнъ бача, яна дяржала много одежы съ собой. Ёнъ ёй отвястивъ: ня трэба табѣ много одежы, и злата, и срэбра—у мянѐ своё ёсть; а возьми одну пару одежы съ собой! Яны бросили которыя лишнія вещы, и поѣхали. И ѣхали яны троя сутокъ, ня выпрагавшы коняй, и сами ня спавшы. И ѣхали яны глухой дорогой, штобъ погоня ня здогнала ихъ. И прыѣхали яны, около мора была нябольшаа заливка такая, и мижда мора и мижда заливки бывъ высыпъ, островина такая. И яны уѣхали у етую самую востровину, што дальшы и ѣхать некуды. И на етой островини была травка хорошаа, и дрэвы были. Ёнъ и кажа: отъ, пракрас-

ная Магдалена! давайтяка мы тутъ лошадявъ попасомъ и сами отдыхнёмъ: тутъ насъ нихто ня знайдя! Яна была тожъ даликатнаго нѣжнаго званія.—Яны сѣли на травцы, и положыла голову яна на яго улоньня и заснула. Ёнъ сядѣвъ и боявся трогать яѐ, што няхай поспить. Потомъ того, ставъ разглядавать яѐ одѐжы, и грудь разгарнувъ, и смотрыть—кисетчыкъ шарстяный красняненькій. Ёнъ узявъ яго, съ шыи знявъ и посмотрѝвъ у яго, што ў имъ ёсть. Ажъ тамъ было два кольца—яго мастяры и яѐ имяннòя. Тяперъ ёнъ узявъ, ето посмотрѝвъ, и ля боку положывъ. А воронъ лятѣвъ, думавъ, што кусокъ говядины и схвативъ етый кисетчыкъ, и поднявсь, и полятѣвъ. Етый Пётра тихонько поднявъ яѐ голову и подложывъ ёй подъ голову, штобъ не потравòжыть ёй сна, и пройшовъ за етымъ за вороном. Думавъ ёнъ, ти не разглѣдя, да ти не брося назадъ доловъ. Ёнъ пролятѣвъ нѣскульки тамъ урэмя, разглѣдивъ, да на мòра и пустивъ у воду. Пётра смотра, што кисетчыкъ плыве пòверху. Ёнъ пройшовъ бéрагомъ, найшовъ лоточку и два вясéлцы, на ланцужкахъ прикòваны. Ёнъ самъ сабѣ подумавъ: сяду я, параймў етый кисетчыкъ! Шкода яму було етыхъ двухъ кольцовъ. Ёнъ якъ сѣвъ у лоточку, отъѣхавъ отъ берагу. И ставъ вѣтрыкъ подувать, и погнало яго на мора. И кисетчыка ёнъ ня доставъ и къ берагу ня прыгрòбся. И поднялася штурма на моры и прыбила яго—плывъ разбойницкій корабъ. И убачывъ етый атаманъ, што мелькаетца штось у валахъ. Ёнъ сказавъ своимъ рабочымъ осначамъ: сядьтя, рабяты, у шлюпку и параймитя—штось малькая у валахъ! Яны поѣхали и паранялѝ, прывязьли яго на корабъ. Етый атаманъ спрашуя: откудова ты, братъ—или господинъ? Ёнъ исказуя имъ: да вотъ изъ естаго берага, изъ естой стороны. Дакъ вотъ, я поѣхавъ отъ берага, а вѣтрыкъ подувъ, дакъ я ня могъ исправитца изъ вѣтромъ! А ёнъ ужэ кажа: ну, откудова ба ты ня бывъ, дакъ тяперака нашъ ужэ! Вотъ яны якъ пошли на етымъ корабли—зайшли у турэщину и продали яго варвару, который зямлю пахавъ на куплёныхъ людяхъ: засилять у плугъ чаловѣкъ трытцать и пашуть на ихъ. И ето было урэмя ладное.

Тяперака, ета яго прекрасная Магдалена осталась. Прошнулась яна отъ сна отъ свойго, и довго ожыдала яго, покудова и сонца не зайшло. И осмотрѝла усѣ своѐ вещы—цэлы, тольки нѣту одного кисетика. Яна сама сабѣ и говорыла: няўжэ ёнъ порадовався етымъ двомъ кольцамъ, нянужъ мною—што кольцы ўзявъ, а мяне кипувъ? И бѣдная довго плакала. И ня могла яна ночавать на землѣ. Узлѣзла на дрэво и ўсю ночь проплакала, сѣдючы на дрэви. Дождалася бѣлаго дня и осмотрила—деньги ихъ усѣ цэлы и одѐжа цѣла. Яна узялà которыя лёхкія грошы исъ собой, и бросила кòняй и повозку и ўсѣ вещы. И сама говорила идучы такъ:

Господи милосьливый! не няси мяне у тую сторону̀, дѣ я родилася, дѣ отецъ мой, а няси мяне туды, откудова Пётра! Яна довго ишла, вышла на дорогу на столбовую. И по етой дорози ишла монашка изъ Ярусалима. Яна говора: здрастуй, матушка! Яна говора: здрастуй, сударыня!—Дѣ были, матушка?—Ходила у святый городъ, у Ярусалимъ, поклонитца святымъ можжамъ!—А большъ ничого, матушка, ня слыхали тамъ?—Нѣ, сударыня, ня слыхали!—Вотъ, матушка, што я буду у васъ просить: дайтя мнѣ чорное платьтя своё, а возьмитя вотъ моё цвѣтное; я щѐ вамъ и приплачу за ето!—Нѣ, сударыня, я съ тобой не замяня̀ю на етое платьтя; а ёсть у мяне у сумки другòя, дакъ я табѣ дамъ тоя! Ну отъ, яны и замяня̀ли, стало быть. Отдала яна платокъ и платьтя своё—а чорное надѣла на сябе. И распростилися, и пошли сами по сабѣ.

И ходила яна тры годы. И прышла за тры годы у етый городъ, идѣ Пётра родився и узросъ. Ходила по городахъ по протчыхъ и по сяла̀хъ, дарыла нищыхъ, молебствы нанимала—живъ, дакъ за здоровъя, а помёръ, дакъ за ўпокой—усё за Пётра. И прышла у крайняю хату у городи и говора: матушка, пуститя мяне параночавать! Яны сказали: ночуй сабѣ, матушка! Яны дали ёй вячэрать. За вячэрою и спрашуя у хозяйки: отъ, матушка: хто у васъ уладйталь у городи у етомъ? А ета сказала:—матушка! у насъ князь, да й старый ужэ!—А дятей у яго няма? пытаа монашка.—Няма, матушка, отвястила хозяйка. Бывъ одинъ сынъ, йманьнямъ Пётра,—ну й жалѣли яны яго вельми,—дакъ ёнъ якъ поѣхавъ кудысьто, дакъ и слыху няма—ужэ шэсть годовъ! Да. «Отъ, матушка: якъ ба мнѣ княгиню ўбачыть?» сказала монашка на хозяйку. Хозяйка каа: а вотъ, матушка, заўтрашнiй день свято у насъ; дакъ ты иди икъ собору,—яна будя у соборы. И яна примяча̀а чужыхъ людей, странныхъ. Дакъ яна васъ сама узовѐ къ сабѣ! Назаўтраго устала монашка и пошла къ собору. И ета княгиня пошла у соборъ, и ишовъ за ёй маликъ, што знимая зъ яѐ одѐжу. Яна и сказала малику: по коньчанiи обѣдьни, позови тую монашку на 'бѣдъ! Отышла обѣдьня, маликъ етый подышовъ, позвавъ къ сабѣ ету монашку. Яны й пошли у етый домъ, князя етаго. Княгиня посадила яѐ обѣдать и за 'бѣдомъ и сказуя: дѣ, матушка была?—княгиня ета. *И*на̀ говóра: страдаю, говора, такъ, по свѣту, вотъ ужэ тры годы.—Штожъ ты такъ молодая страдаяшъ?—А такъ сабѣ, сударыня!—Да, вотъ, матушка: можа дѣ нибудь што слыхала?—Нѣ, сударыня, я ня слыхала ничóго! А у васъ жа, сударыня, ёсть якдя-нибудь наслѣдство, сынъ или дочка?—Нѣ, говора, матушка: бывъ одинъ сынокъ хорошый, да дѣсь-то проявилась прекрасная Магдалена—штобъ яна на свѣти не родилась, якъ яна мойго сыночка звяла̀!—Нѣ, сударыня: Магдалена ня виновата, и Пётра ня виноватъ! Можа идѣ и Магдалена страждая, и Пётра!—Ахъ, дитя̀тка моё

любдя! хорошо ты мнѣ совѣтуяшъ! можа й правда! Ня пущу я тябе отъ сябе,—жыви ты ў мяне! Отъ яна осталася жыть тамъ. И нѣскульки урэмя прожыла.

Отъ тяперъ, стало быть, етый самый, который купивъ яго, Пётра, вàрваръ, тры годы на ёмъ пахавъ. И ѣхавъ турэцкій пашá—начальникъ. И ишовъ етый народъ за плугомъ, куплёный етый. И пашà смóтра—одинъ чаловѣкъ бытто за ўсихъ виднѣйшый. Ёнъ гукнувъ яго къ сабѣ: ходи ка, братъ, судà! Ёнъ пришовъ къ ямỳ. «Што ты, братъ,—якія ты вѣры-сповяданія?»—Я вѣры-сповяданія—православный!—«Ну, штожъ ты мнѣ даси, я тябе откуплю отъ етыя каторжныя работы?»—Што жъ я вамъ дамъ? Коли хóчытя царство нябéсное заслужыти, дакъ откупiтя! Отъ ёнъ: ну, ступай, каа, братъ зъ Богомъ! Поѣхавъ пашà къ етому къ самому къ купцу, къ вàрвару, и заложывъ за яго грошы, скольки ёнъ спросивъ за яго. Тогды яго изняли изъ работы и послали къ пашỳ. Пашá етый сказуя: вотъ братъ: я виджу, што ты учоный чаловѣкъ. На которой ты служби жывъ прежде? А ёнъ говора: я бывъ сиклитаромъ прежде! Дакъ ёнъ яго на прежняю службу зновъ и постановивъ. Ну, прожывъ ёнъ тры годỳ ще на етомъ дѣли. Тяперака, пожаловавъ яго пашá ужэ министромъ. И пробывъ ёнъ и министромъ тры годỳ. Тяперака, знатца, прожывъ ёнъ усяго шэсть годовъ. Да тры годы пахано на ёмъ. Усяго, знатца, девять лѣтъ. А Магдалена тры годы страждовáла по монашкахъ, покудова дойшла до яго города. И прожыла у яго у дворцэ тры года. И яго дворэцъ бывъ близко ля мора. И найшла яна такоя мѣсто, што задумала построить больницу и храмъ, цэркву, стало быть. И просила янà стараго князя на помочъ: поможытя вы мнѣ! у мянѐ ё своѐ грошы, и вы пособiтя: што построю я домъ и буду принимать странныхъ людей и буду дяржать я дохтора, и буду пользовать людей ли спасэнія душы своѐ! Етому вяликій князь старався пособить ёй. А Пётра, прожывшы шэсть годовъ у пашы, и ўсё тамъ думавъ объ ёй: идѣ яна? жива яна, ти нѣ? И задумавъ ёнъ домовъ отвѣдать. И скольки яго ни просивъ турэцкій пашà: останься ты тутъ, будяшъ ты доволянъ мною! Ёнъ жа просивъ тожа пашỳ: отпуститя вы мяне на ўрэмя, отвѣдать родìталявъ своихъ на старости лѣтъ ихъ. Ёнъ яго отпустивъ. И такій то приказъ дáдянъ на прыстань, штобъ остановився корабъ на прыстани и ўзявъ вещы етого министра. И ў яго вящэй було́ дватцать чатыры шкатулки золота, и залито масломъ. Отъ ёнъ и пошовъ на корабъ. И бывъ на моры вострòвъ такій, къ которому прыставали корабли на ўрэмя, каждый. Етый корабъ прыстававъ тожа къ етому вострову. И вышавъ увесь народъ съ корабля на етый востровъ. И етый министяръ, закурывшы папиросу, и вышавъ и ёнъ. Тяперака, ёнъ якъ вышавъ, и была у яго дума про яѐ—дакъ ёнъ

якъ вышавъ, задумавшысь, дакъ и пошовъ, и пошовъ, дальшы да дальшы. Пóтомъ, ня ўдяржáвся корабъ на прыстани—ставъ большы̆й вѣтяръ,—и довжóнъ бывъ отвалить отъ бéрагу. Попéрадъ збóрку здѣлали. Народъ собрався, параклѝкали, ти ўвесь ти нѣ народъ,—и одногó чаловѣка нѣту важнаго. Яны били у колокóлъ—ня слышно. И ударыли съ орýдяй—ня слышно. Корабъ ня ўдяржàвся, пошовъ у ходъ. Етый самый министяръ одумався, што я ишовъ на корàбъ, ето трэба мнѣ итить на корабъ! Ёнь прышовъ на ето мѣсто, дѣ стоявъ корабъ—корабля нямà! Ёнъ якъ лёгъ на томъ мѣсти, ляжàвъ девять сутокъ. На девятыя сутки прышовъ другі̆й корабъ. И смотруть—ляжыть чаловѣкъ, извёвшись изъ голоду и отъ холоду, чуть жывъ. Яны разсмотрэли, што чаловѣкъ блугурóдный. Атàманъ корабля етаго исказавъ узять чаловѣка етаго на корабъ. «У городи ёсть у насъ бясплатная больница, дакъ коли жывъ будя, отдадимъ у больницу, а коли помрэ, дакъ кѝномъ у вóду!» А етыя вещы, которыя пошли упяродъ, яго дватцать чатыры шкатулки золота залитыя масломъ, дакъ яны проходили мимо той больницы, и—отдать, говора, етое масло монашки,—няхàй Богу молитца, на свѣтло попаля. И узяли, изнясли яго етыя самыя вещы. Отъ яна потрэбувала попа и стала молебство править: коли ёнъ жывъ, дакъ за здоровъя, а коли помéръ, дакъ за ўпокой. Тожа и стала потраблѝть ето масло на свѣтло. Ажъ тамъ золото. Яна узяла и схоронила яго. Ета самая княгиня яè кажный день яè къ сабѣ трэбуя на вячэру и на бѣдъ. И якъ получыла яна етыя вещы, дакъ яна стала княгини говорыть: отъ, сударыня: послышымъ отъ твойго сына хоть письмо, хоть прыдя у побывку!

Ето яна узрàдовалась, етая самая княгиня. Пóтомъ того прышовъ корабъ, другі̆й етый. И ўзяли знясли етого министра бóльнаго у ету больницу. Ета самая монашка просила дохтора—якъ нямoжно выпользовать етаго самаго министра. Потому яны другъ друга ня ўвознали—постарэли дужа. Тяперъ яна стала замячàть, што ёнъ якъ бытто ставъ у чуство прыхóдить. А ўсё-тыки ёнъ нячàлитца у томъ, што ня знаа, адѣ ёнъ ляжыть. Яна замѣтила и приказала своимъ служыталямъ: што изняситя у вособую кóмлату етого господина! Да. Отъ яна яго и спрашуя: объ чымъ, господинъ, ты такъ дужа жýрысься?—Ахъ, говора: мнѣ ўсё якъ усё, тольки одно зъ думъ ня йдè!—Ну, скажы жъ ты мнѣ, господинъ: объ чомъ ты такъ жýрысься?—А вотъ, говора, объ чомъ я журусь: колибъ давъ мнѣ хто грóшый, дакъ я бъ вярнувся бъ къ пашý; а оттуль я бъ попавъ ба къ свойму отцу. А то я тяперъ ня знаю, дѣ нахожуся и кудóй и якъ прыбыть домовъ, къ родиталямъ своимъ. А ящэ, говора, журба другаа: я дѣ нахожусь, то нахожусь, а ящэ у мяне ё *сярдèшная*,—нямà вѣдома дѣ нахóдитца—жыва яна, ти нѣ? А яна отвящаа: а што, колибъ

я табѣ грошый дала,—ты бъ воротився назадъ?—Воротився бъ, говора. —Дакъ дать табѣ грошый?—Дайтя, говора, пожалуста, матушка. Яна пошла, узяла у свой хвартухъ двоя прыгорщэй золота и ўнясла яму: будя съ тябе, господинъ?—Будя, говора: благодару табѣ! Потомъ того яна говора: сягодьни ня 'тправитясь?—Нѣ, говора: параночую тутъ, покуль подойдя корабъ!—Ну, до свиданія! пойду я повячэраю, говора. Приходя у князицкій дворъ. И тяперъ ето дѣло было у чатьвéръ потъ пятницу. Сѣли яны вячэрать. Княгиня говора: вотъ, матушка: казала ты, што про мойго сына чутка будя, ажъ во й чутки нямà ниякія! А яна сказала: сударыня, у нядѣлю хоть самóго побачымъ, хоть письмо получымъ, сына вашаго! Ета княгиня обняла яѐ и поцаловала: благодару табѣ, матушка, за твоѐ рэчы хорошыя! Повячэрала и сказала: отъ, сударыня: мнѣ трэба поспявàть; ляжыть чаловѣкъ хворый дужа, дакъ трэба доглѣдить!—Ну, дакъ и зъ Богомъ, яна говора. Вялѣла мальчыку запрэгть коня и отвезть яѐ туды, у больницу. Ета матушка ня ўспѣла прыѣхать, а отъ князя булò прыказанія рыбалку, штобъ икъ пятницы приготовàвъ рыбы. Ёнъ поймавъ одну рыбину хунтовъ у десятъ, и тую принёсъ и подавъ на кухни у вокнò. Етыя дѣвки стали чыстыть етую рыбину—нашли кисетъ шырстяный у ёй. И стали одна одной говорыть, дивовàтца. А княгиня ишла мимо, и пытая: што ето такòя? А вотъ, сударыня, кисетъ, говóруть, у рыби!—А покажытя-ка, дѣвки, и мнѣ! Яны узяли, ёй показали. Яна развярнула ягò, ажъ тамъ два кольца—имяннòя яѐ и Магдалéнино—именнóя тóжа,—два кольцà. Отъ яна, узявшы етыя кольцы и говóра: жыво вы пошлитя за матушкой! Жыва я буду, ти нѣ? Мальчыкъ прыяжжаа у больницу: скорѣй, матушка садитясь со мной,—княгиня будя жыва ти нѣ,—захворэла. Прыяжжаа матушка.—Што тамъ такоя—яна пытая—вамъ издѣлалось?—А вотъ, матушка: вы усё мнѣ унушàли своими словами; а ихъ нѣту на свѣти! Отъ тольки два кольца ихъ нашли у рыбини! Яна кажа: ахъ, сударыня: можа яны ишли на корàбли, можа у рукахъ нясли—можа упустили! А я вамъ говорỳ ймянно, што у нядѣлю якоя—якоя звѣстя, а будя. А пóтомъ, сударыня, мнѣ нéколи—трэба туды поспявàть! Ня вѣртя вы етому! Прыѣхала яна опять у больницу и пошла икъ ямỳ туды: што ты, говора: крэписься хоть трóхи, господинъ?—Да, краплюсь, матушка; да ўсё мнѣ съ ума ня йдѐ, якъ ба тутъ здѣлать? Яна каа: дакъ по чомъ ты такъ журысься? хто у тябе ё окромѝ отца?—Да вотъ, матушка: была у мяне хозяйка, дакъ я, якъ гòра *мены* було, дакъ мало про яѐ думавъ; а я кинувъ яе бесчасную на берагỳ одну! Яна отвястила: што, господинъ? коли бъ ты увидавъ яе, радъ ба ты бывъ, ай нѣ? А ёнъ отвястивъ:—колибъ я вѣдавъ, дѣ яна живѐ, дакъ колибъ были крылушки, дакъ я бъ полятѣвъ, дѣ яна живе,—ко-

либъ вѣдавъ!—Што вы мнѣ, господинъ, дасте́, дакъ я вамъ покажу яе̇? —А дѣ жъ ты возьме́шъ яе́?—А я пойду Бога попрошу, дыкъ ёнъ мнѣ покажа яе́! Ну, дакъ показать вамъ яе́?—Да покажы жъ, пожалуста, матушка! Ну, яна пошла у свою ко́млату, умылася, зачасала голову́ проти зеркала, одѣла своё платьтя и прыходя къ яму́. «Ето яна, ай нѣ?» отвястѝла яна яму́.—Ето курулéвна пракрасная Магдалена! Посадивъ сабѣ на колѣны и обнявъ. И разгова́рували яны цэлную ночь. Да. Потомъ ёнъ зардо́й заснувъ. Яна сыскала жыда портного и змѣрала яму оде́жу такую, якъ у яе отца ёнъ носивъ. Опять жа у сыботу сказала княгини: получымъ якую нибу́дь звѣсть. И ясно я вамъ говору, што сына вашаго побачымъ! У нядѣлю потрэбувала попа и стала обѣдьню править. И сказала людямъ, штобъ прыхо́дили: побачытя якую-не́будь новину́! И княгини прыказала: прыяжжайтя у цэркву! Дождалася яна князя и княгини и провяла́ у цэркву ихъ, а сама вярнулась назадъ у свою комлату, и позвала Пётра съ собою. И одѣлися обоя, и узя*ли* подъ ру́ки, и пошли у цэркву. И княгиня ета ня у́вознала ни сына, ни монашки. А люди замяча́ють старыя: ить жа ето, братъ,—молодый князь!—Да нѣ! одинъ одному гово́ру́ть.—Побачышъ, коли ето не князь! И пошло ето го́монъ по цэркви: хто тамъ такій?—Князь!—О?—Яйбогу, князь! И княгиня почула старая. Тольки няльзя имъ було у цэркви здра́ствуватца. По коньче́нiи обѣдьни выходють съ цэркви. Вышли съ цэркви. «Няу́жо́ ето вы мой сынъ, Пётра?»—Тошно такъ, матушка.—«А ето ваша Магдалена?»—Тошно такъ, матушка.—«Отъ жа, коли бъ матушка щэ вышла, о́тъ ба разомъ и поѣхали домовъ!»—Якая матушка? яны говоруть.—Да у насъ тутъ монашка, ужэ шэсть годовъ жыве̇!—Да жа ето я у васъ жыла! говора. —Ето ты матушка?—Тошно такъ, матушка.—Ты жъ ета сама Магдалена пракрасная?! говора.—Ну, ходитя жъ, мое̇ дѣтки, поѣдомъ домовъ! Прыѣхали яны домовъ. И трохи такъ тамъ попировали, побѣдали тамъ,—закусили, прамо сказавши. Тогды ихъ узяли и повяньчали. И потрэбували турэцкаго пашу на свадьбу. И турэцкій паша прыѣхавъ. И прывёзъ тожа дватцать чатыры шкатулки золота и подарывъ молодому князю.

Тогды яны осталися жыть. И нямного пожылѝ, и захотѣлося Магдалени довѣдатца къ отцу свойму. Прыѣхали яны туды, у Старъ-польское царство, а батька ужэ помѐръ. И спросили, дѣ ихъ слуги? Ажъ ихъ слуги засо́жаны у мяшокъ,—значытца, у слупъ у такій. Дакъ яны девять годовъ просѣдили тамъ. И давали имъ хлѣба по хунту́ и воды у сутки. Отъ, Пётра пожанивъ своихъ слугъ умѣсто и подарывъ имъ Старо-польское царство. А самъ поѣхавъ домовъ, и остались тамъ жыть. И тяперъ жывуть.

Д. Романовичи, гом. вол. Отъ кр. Филип. Иванова, 51 г. „Служывъ колись у Кiевск. губ. дакъ прыучывся грама́дку, а писать ня могу.“

4. Лошадиная заповѣдь.

Нѣу̂которомъ царствьи-гусударстьви бывъ сабѣ царь. И было̀ у̂ яго три сыны̀: два разумныхъ, третьцій дуракъ. Отъ ёнъ говóриць: сыновъё моè любыя! довжны мнѣ доставиць лошадзиную заповѣдзь! Такъ сичасъ бóльшій говóриць: ахъ, бацюшка! я, говориць, доставлю лошадзиную заповѣдзь. Собрався, сѣвъ и поѣхавъ. Пріѣжжаець у заповѣдныя луги̂, ажъ тамъ дзѣвки гуляюць. «Здрастуйця, дзѣвки!»—Здрастуй, царській сынъ! Куды ѣдзешъ?—«А ѣду, говориць, лошадзиныя заповѣдзи шукаць,—пославъ мяне бацюшка!»—Куды вамъ, говорюць, ѣхаць? Помимо насъ лошадзиныя заповѣдзи не на̂йдзеця. Мы вамъ лошадзиную заповѣдзь доставимъ: чисьцѣ̀й нашія ня будзець!.. Нарвали разныхъ красокъ и зьвили яму̂ вянóкъ. Тоды ёнъ узявъ тэй вянокъ, имъ гроши заплацивъ и повёзъ домовъ. Пріѣжжаець домовъ, сичасъ коню на ву̂хо повѣсивъ и подъѣжжаець потъ крылцо. Выходзиць бацька на крылцо. «Бацюшка, говориць: хороша лошадзиная заповѣдзь?»—Хороша! говориць. Тоды узявъ етый вянокъ, унёсъ у комнату и повѣсивъ на сцянѣ.

Тоды сяредьній сынъ говориць: бацюшка, позвольця и мнѣ! Можа я чисьцѣ̀йшай заповѣдзи достану!—Можно̀, говóриць. Ёнъ сичасъ лошадзя узявъ и поѣхавъ. Пріѣжжаець у заповѣдныя луги, тамъ дзѣвки гуляюць. «Здрастуй!»—Здоровъ! Куды ѣдзешъ?—«А, бóльшій братъ лошадзиную заповѣдзь доставивъ, треба и мнѣ доставиць: нехай и я буду знаць, што лошадзиную заповѣдзь бацюшку приставивъ!» Отъ, яны отвѣчаюць: да, говорюць: коли бóльшій братъ помимо насъ не доставъ, дакъ мы и табѣ лошадзиную заповѣдзь доставимъ, чисьцѣ̀й якъ тая була̀, бóльшаго брата! Отъ, яны узяли, сичасъ красокъ понарвали, яму̂ вянокъ зьвилѝ—чисьцѣ̀й, якъ тэй бывъ. Сичасъ подносюць яму. Ёнъ вянокъ бярéць, госьцинцу имъ даець, вянокъ узявъ и поѣхавъ домовъ. Пріѣжжаець домовъ, сичасъ коню на ву̂хо повѣсивъ и подъѣжжаець потъ крылцо. Выходзиць бацька на крылцо. «Бацюшка, говориць: хороша лошадзиная заповѣдзь?»—Хороша! говориць. Тоды узявъ етый вянокъ, унёсъ у комнату и повѣсивъ на сцянѣ.

Цяперича прихо̀дзиць уже третьцій сынъ, меньшій, дурачокъ, Иванъ Ивановичъ. Позвольця, говориць, бацюшка, и мнѣ доставиць вамъ лошадзиную заповѣдзь. Коли вамъ доставали большія браты, и я, говориць, доставлю!—Мо̀жашъ, каець, сабѣ, и ты доставиць.—Позвольця мнѣ, бацюшка, лошадзь сабѣ выбраць по 'быччу свойму!—Можашъ! Ёнъ пошовъ на стайню: што по крыжу̂ хлопнець коня, то й убивъ; што по крыжу̂ хло̀пнець коня, то й убивъ. Стайню перяйшовъ,—ня выбравъ, другую перяйшовъ—ня выбравъ. Тыя стайни выбивъ. Тутъ сичасъ кучары̀ донясьлѝ царю: ахъ, говорюць, царь нашъ милосьливый, на што вы позволили Ивану Дураку

выбирацъ лошадзь сабѣ? Ёнъ ня выбравъ, и двѣ стайни лошадзей выбивъ! Тоды повялѣвъ царь яго выгнацъ вонъ. Пошовъ ёнъ по вулицы смутный. Сустрѣкаецъ яго на вулицы старуха: эй, Иванъ Ивановичъ—што вы, говорицъ, нѣшто смутны?—А якóя табѣ, говорицъ, дзѣло?—Да й пошовъ. Тоды обдумався: ахъ, говорицъ, што йто ина у мяне спрашавала—треба у яé спытацъ! Ворочаетца назадъ: погодзи, говорицъ, старуха: по якой ты часьци—почаму ты у мяне спрашаваешъ, зачимъ я смуценъ иду?—А вотъ, говорицъ —я увознала, што ты смуценъ!—Да, моé браты, говорицъ, достали лошадзиную заповѣдзь, треба и мнѣ доставицъ: нехай и я буду знацъ, што лошадзиную заповѣдзь бацюшку приставивъ!—Да, говорицъ, Иванъ Ивановичъ: вы сабѣ тутъ ня вы̀берицца лошадзи!—Ну й раскажи жъ мнѣ, старуха, якъ мнѣ лошадзь выбрацъ?—А вотъ, говорицъ: спросѝцця вы у своёй матушки—ёсцъ, говорицъ, у вашай матушки лошадзь у склепи, за двана́тцатьми дверями, за дванатцатьми замка́ми!—Якъ жа мнѣ, говорицъ, обрацѝтца?—А йдзиця къ ёй у комлаты и скажиця: матушка моя родзицелка, позволь мнѣ тую лошадзь узяцъ, которая за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками? Такъ ина сичасъ, говорицъ, кинетца къ табѣ: мерзавецъ, почаму ты знаешъ, што у мяне лошадзь ёсцъ, за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками? А ты скажи,—што, вотъ маменька: я успомнивъ на тóя, што якъ ты мяне на свѣтъ родзѝла и маленькаго на рукахъ носила, и ў заповѣдныхъ лугахъ шавкóвыя травы рвала, и яму̀ у вокошко борса̀ла, дакъ я на тоя успомнивъ!.. Ина табѣ сичасъ ключи отдасцъ! Вотъ ёнъ ёй поблагодаривъ, и ворочаетца назадъ. И пошовъ у комлаты. Приходзицъ къ ёй и говорицъ: матушка моя родзицелка, позволь мнѣ тую лошадзь узяцъ, которая за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками! Такъ ина сичасъ кинулась къ яму: мерзавецъ, почаму ты знаешъ, што у мяне лошадзь ёсцъ за дванатцатьми дверями, за дванатцатьми замками?—А ёнъ говорицъ: вотъ, маменька, я успомнивъ на тоя, што якъ ты мяне на свѣтъ родзила, и маленькаго на рукахъ носила, и ў заповѣдныхъ лугахъ шавкóвыя травы рвала, и яму у вокошко борса̀ла, дакъ я на тоя успомнивъ! Такъ ина на яго закричала, ключи яму выкинула. Тоды ёнъ узявъ ключи, пошовъ, шесьцеро дзярей отомкнувъ, а шесьцеро самъ конь разьбивъ оттýляцька.—Ахъ, говорицъ, Иванъ Ивановичъ! я прождався, говорицъ, цябе! сощѐгъ, ня ѣвши, тутъ! Што табѣ треба?—Ды, говорицъ, моé браты доставили лошадзиную заповѣдзь, дыкъ и намъ треба доставицъ!—Ну, цяперь, говорицъ, я пойду на трóя судокъ у заповѣдныя луги пугулядь, *пугудуватца*, а то я сощéгъ тутъ! А тоды поѣдземъ! Тоды, троя судокъ ёнъ прогулявъ—прибигаецъ къ яму̀. Ну, говорицъ: цяперь, бярись за мяне цихéнько, садзись на мяне лягéнько, сичасъ поѣ̀дзимъ! Ну, Иванъ Ивановичъ сѣвъ на яго. Ёнъ поднимаетца подъ небеса и поляцѣвъ. Сичасъ

прилетаюць у заповѣдныя луги,—гуляюць дзѣвки.—Здрастуйця, дзѣвки!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ, куды Богъ нясéць?—«Да, говориць: браты доставили лошадзиную заповѣдзь, треба и мнѣ доставиць,—нехай и я буду знаць, што лошадзиную заповѣдзь бацюшку приставивъ! Отъ, яны отвѣчаюць: да, говориць: коли бóльшія браты помимо насъ не доставили, дакъ мы и табѣ лошадзиную заповѣдзь доставимъ, чисьцѣй, якъ тыя былѝ, бóльшаго брата! А ёнъ отвѣчаець: нѣ, я вашія заповѣдзи не жалáю, я безъ васъ найду! И поѣхавъ. Ци много, ци мало отъѣхали, одно царство переляцѣли, ёнъ сичасъ говóриць: Иванъ Ивановичъ, огляньси, говориць, упярёдъ, огляньси назадъ: ци нема якой погони за нами? Тэй Иванъ Ивановичъ глянувъ напярёдъ, глянувъ назадъ—нѣ, говориць: погони немá, а напярёдъ нѣйкое вóгнища гориць, говориць.—Да, говориць: ето ня вогнища гориць, ето гориць богатырськая кровъ! Твоя матушка, говориць, на мнѣ звоювала богатыря съ трёми головами, дакъ ето яго кровъ гориць! Дзяржúся, говориць, якъ можно покрянчѣй, а то упадзéшъ, огонь схáпиць, духомъ обсмылѝшъ! Тóя вогнища переляцѣли, тоды ёнъ говориць: ну, Иванъ Ивановичъ, ложись оддыхаць, а я пойду у заповѣдныя лугѝ, пугуляю, пугодýюся. Я къ табѣ приду, узбуджý! Ёнъ лёгъ оддыхáць, а ёнъ пошовъ у заповѣдныя луги пугудуватца. Тоды приходзиць къ яму: ну, говориць, Иванъ Ивановичъ,—урёмя ўставаць—у дорози, говориць, не залéжуютца,—треба на дзѣло посьпивáць. Тоды ёнъ бярèтца за яго цихéнько и садзитца лягéнько, поднимаютца подъ небеса и поляцѣли. «Оглянися, говориць, Иванъ Ивановичъ назадъ—напярёдъ, ци нема якой погони за нами?» Иванъ Ивановичъ оглянувся назадъ, напярёдъ—нѣ, говориць, погони немá нияќія, а напéредзи гориць вогнища,—тоя булó вяликая, а ето нобольшая гориць!—Ето, говориць, не защита гориць, ето гориць богатырськая кровъ! Твоя матушка на мнѣ звоювала богатыря цмока, съ шастьми головами. Смотри жъ, говориць,—дзяржися крѣпко, кабъ не ўпавъ у вогонь у стый, а то, говориць, сосмылѝшъ! Такъ сичасъ переляцѣли ето огнища. «Ну, говориць, Иванъ Ивановичъ: ложись, оддыхай, а я пойду у заповѣдныя луги пугуляю, пугодуюся. А тоды къ табѣ приду, побýджу!» Иванъ Ивановичъ лёгъ оддыхаць, а ёнъ пошовъ у заповѣдныя луги, пугудуватца. Тоды приходзиць къ яму: ну, говориць, Иванъ Ивановичъ—урёмя ўставаць—у дорози, говориць, не залèжуютца, треба на дзѣло посьпиваць! Тоды ёнъ бярèтца за яго цихéнько и садзѝтца лягèнько, поднялися подъ небеса и поляцѣли. «Оглянися, говориць, Иванъ Ивановичъ, назадъ—напярёдъ,—ци нема якія погони за нами?»—Иванъ Ивановичъ, оглядзѣвся назадъ, напярёдъ,—нѣ, говориць, погони нема нияќія, а напéредзи гориць вогнища. Тыя вогнища былѝ вяликія, а ето напярядзѝ ще большая гориць!—Да, говориць: ето не вогнища гориць, ето гориць богатырськая кровъ: твоя матушка

звоювала на мнѣ богатыря зъ дванатцатьми головами. Дакъ ето кровъ богатырськая горицъ. Глядзи жъ, каецъ, дзяржися крѣпко, кабъ не ўпавъ у огонь у етый, а то тутъ, говорицъ, совсимъ згоришъ! Тоды ёнъ, тольки бъ троху вылецѣцъ ба съ огня, и упавъ ёнъ—не переляцѣвъ и ўпавъ. Сичасъ лошадзь счўствувавъ, што яго нема—кўмельгомъ кинувся у вогонь, зубами схапивъ яго и вытащивъ.—Вотъ, я табѣ приказававъ—дзяржися покрѣпче, а ты мойго приказа ня слухавъ. Кабъ ящо маленько дали отъ краю упавъ, дакъ бы я ня вы̀хапивъ,—згорѣвъ ба! Ну, ты цяперь, говорицъ, ложись оддыхай, а я пойду у заповѣдныя луги попицъ, пугуляцъ, пугудуватца! Тэй лёгъ оддыхацъ, а ёнъ поляцѣвъ у заповѣдныя луги гудуватца. Черезъ три часы узвороцився къ ямў, узбудзивъ Ивана Ивановича: ну, говорицъ: бярись за мяне цихе́нько, садзись лягѐнько и поѣдзимъ! Ёнъ уссѣвъ на яго, поднимаютца подъ небеса и поѣжжаюць. Пріѣжжаюць, на якомъ то царствьи-гусударьстви стоицъ дубъ. И ли того дуба три дороги. Тоды говорицъ: «ты цяперь, Иванъ Ивановичъ, становися ли етаго дуба, а я цяперь пойду у заповѣдныя луги. И ты, говорицъ, стой нямымъ. И будуць ѣхацъ разьѣзчики, и забяруць яны цябе, тоды ты говорицъ, усё будзь нямымъ, хуць яны што́ табѣ будуць приставляць, я̀къ допекацъ,—ты не говори—мычи, руками махай—ну ни слова не говори, мовчи. Тогда, якъ я треба табѣ буду, ты выйдзи, говорицъ, зъ дому, ды уздыхни цяжко и скажи: ахъ, кабъ моя лошадзь цяперь стала передо мной, якъ *листъ* передъ травой! Тоды я къ табѣ и явлюся!» Самъ и пошовъ. Ёнъ стоицъ ли дуба и думаецъ самъ сабѣ: «коли мнѣ съ конёмъ було́ худо, а цяперь одному я̀къ то мнѣ будзецъ?» Ци много, ци мало ёнъ постоявъ, сичасъ ѣдуць три разьѣзчики съ усихъ трёхъ дорогъ, и разомъ къ тому дубу. Стали яны у яго спрашавацъ: што вы, говорюць, за́ людзи стоицё? Ёнъ мовчицъ—размахуецъ, мовчицъ. Тоды одзинъ говорицъ: да што вы у яго, говорицъ, спрашіеця? да ўбицъ яго съ караби̇на! А другій отвясьціивъ: «нѣ, каецъ: што намъ зь естаго за польза, што мы яго забъёмъ?» А тамъ уже одзе́жа не наськая. «Лѣпи мы яго повезёмъ къ царю, нехай царь посмотри̇цъ, што не нашъ человѣкъ, што одзе́жа не наськая, и безъ рячей,—нямый. Дыкъ намъ будзецъ чесь, што мы такого то человѣка приставили къ царю!» Узяли у повозку и повязьли. Прива̀жуюць къ царю и говорюць: царь нашъ милосьливый!—попали мы на дорози такого то человѣка, што не наськая одзе́жа на имъ, и нямый! Царь спрашуя: откуль ты? Якій ты? А ёнъ рука́ми разма́хуецъ на ўси бокѝ, мычицъ.—Ну, царь говорицъ: ёнъ непа́митовый; дыкъ ёнъ идзе́цъ, самъ ня помницъ; ёнъ не знаецъ самъ, съ котораго ёнъ бо́ку. Што яго трацицъ? отправця яго на кухню, нехай тамъ! Вотъ яны завялѝ яго на кухню, ёнъ тамъ узявъ кухарю дро́вы носи̇цъ, водў носицъ.

Тоды почавъ пумугáць яму̀ и ку̀шунья гутувáць. А у̑сё нямымъ. И тэй не допытáетца ничòго у яго—у̑сё на ки̇въ. Цяперича царю донясьли̇, што ёнъ пумугаець кушунья гутувáць яму. Цяперь царь, што самъ ѣсць, што выстаéтца, дыкъ ёнъ яму̀ шлéць, кабъ ёнъ самая тоя ѣвъ, што царь ѣсць. Вотъ тэя двóрныя усéрдзилися, што набрóдъ, сь свѣту, ды тóя уживáець, што царь. Ето имъ стало процивно. Яны яму̀ узя̀ли, пушного хлѣба расстаря̀лися, поднясьли̇, и пячóныя рѣдзьки. Отъ, ёнъ не у̑звязъ етыя пищи ѣсць, узявъ, бросивъ тамъ. Пошовъ у садъ къ садовнику̀, и тамъ показуець, размáхуець—што яму ѣсць нечего, дрéнное яму̀ поднясьли̇. Я, каець, тутъ табѣ буду пусубля̀ць, каець, на-кивъ усё. Тэй принявъ, узявъ яго корми̇ць хорошо. Отъ, ёнъ яму̀ узявъ пумугáць, узявъ дорожки чи̇сьциць, узявъ прищéпки прищепляць, виноградъ, за виноградомъ ходзи̇ць. Тоды ёнъ узявъ сабѣ частку саду—и самъ и сóдзиць и прищепля̀ець—и завёвъ такого винограду, што и у̑ свѣци такого нема—яблоны, дуль и у̑сякаго разнаго винограду. Понасадзивъ тамъ, што й гóродника того перямóгъ. Тоды ето доклáли царю: што нямый, говорюць, позавóдзивъ у садзи—усякаго винограду, такого, што и у̑ свѣци нема! Тоды, у того царя ды были̇ три дочки̇, а сына ни вóдного ня булó. Тоды бóльшая дочкá говóриць: бацюшка, говориць, и матушка, позвольця мнѣ узяць яго на ночь—мóець, я ци не допытаюсь рячей у яго! Потому, ето повинно ня прóстый человѣкъ,—етакія штуки дзѣлаець,—ёнъ приставля̀етца! Ну, бацька позволивъ: возьми сабѣ, говориць. Вотъ яго сичасъ пригу̀кують у комнаты. Ина яго бярець у свою комлату, и стала яго жалѣць (обнимать). Ина ягó жалѣець, ёнъ яé жалѣець, цалуютца, а говори̇ць ничòго не говóриць—усё на кивъ. А йна у̑сё у̑ яго добиваетца рячей. Ну, добивалась, добивалась—мовчиць. Тоды, дождали свѣту, ина яго вывела на крылцо да у̑ коршéнь. Ёнъ пошовъ у будку у свою, опяць свою работу запиматца коло саду. Проходзиць дзень, наступаець ночь. Тоды сяредьнія сестра говориць: бацюшка, говориць, матушка: позвольця мнѣ къ сабѣ у ложницу узяць нямого, я зь имъ помяхчи буду, можець, я ци не допытаюсь рячей у яго! Потому ето повинно ня прóстый человѣкъ,—етакія штуки дзѣлаець,—ёнъ приставля̀етца! Ну, бацька позволивъ: возьми сабѣ, говориць. Вотъ яго сичасъ пригу̀кують у комлату. Ина яго бярець у свою комлату, и стала яго жалѣць. Ина ягó жалѣець, ёнъ яѐ жалѣець, цалуютца, а говори̇ць ничòго не говóриць—усё на-кивъ. Покачалися ночь—нема ничого, не допыталась у ягò ничóго. Дождали свѣту, ина яго вывела на крылцо да у̑ кàрокъ! Проходзиць дзень, просиць узновъ меньшая дочкá: бацюшка, матушка, позвольця мнѣ яго къ сабѣ узяць: можа я допытаюся!—А й ты, каець, такъ допытаесься, якъ яны! Ну, сичасъ привáджують яго у комлаты. Повела ина яго у ложницу, поклалися. Ина яго

почала жалѣць, обнимаць, цаловаць—усякави стацями. Ёнъ мычиць, нема ничого. Дождали свѣту, ина яго на крылцо вывела, обнила и пупулувала. Тоды ёнъ пошовъ у будку, и опяць заняйся коло саду. Проходзиць дзень,—бо́льшая сестра и говориць: бацюшка и матушка, позвольця мнѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якій ёнъ садъ виноградъ завёвъ тамъ! —Можно, говорюць: пройдзи сабѣ! Ина узила служби́токъ и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе́, узявъ яе́ потъ па́хи, водзивъ, водзивъ яе́ по са́ду, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочикъ навизавъ. Тоды вывевъ съ саду вонъ за воро́ты, да ў коршéнь яе́! Ина закричала къ бацьку: ай! бацюшка, матушка! на што вы, гово́риць, етого дурного нямого дзе̂ржиця? Ёнъ жа, якъ вывевъ мяне съ саду, дыкъ якъ тронувъ у хребётъ, дыкъ я ле́дьви живая оста́ся! А бацька гово́риць: якъ ты, говориць, стрѣла, такъ цябе и проводзивъ! Тоды сяредьнія сестра говориць: бацюшка и матушка, позвольця мнѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якій ёнъ садъ виноградъ завёвъ тамъ!—Можно́, говорюць: пройдзи сабѣ! Ина узила служби́токъ и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе́, узявъ яе́ потъ па́хи, водзивъ, водзивъ яе́ по са́ду, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочикъ навизавъ. Тоды вывевъ съ саду вонъ за вороты,—бэнцъ яе́ у ка́рокъ! Ина закричала: ахъ, бацюшка, матушка, зачимъ вы дзе́ржиця етого дурного? Ёнъ жа чуць мяне не забивъ! А бацька говориць: якъ ты стрѣла, такъ ёнъ проводзивъ! Цяпериця ме́ньшая сестра говориць: бацюшка и матушка, позвольця мнѣ у садъ пройци у яго, полядзѣць, якій ёнъ садъ виноградъ завёвъ тамъ!—Можно, говорюць: пройдзи сабѣ! Ина узила служби́токъ и пошла ў садъ. Тоды ёнъ стрѣвъ яе́, узявъ яѐ потъ па́хи, водзивъ, водзивъ яе́ по усихъ сце̂жкахъ, по ўсихъ дорожкахъ, усякаго винограду ёй нащипавъ, у платочикъ навизавъ. Тоды вывевъ съ саду, обнявъ и пупулувавъ яе́. Ина пошла у комлаты, а ёнъ назадъ у садъ. Цяперь, зачали ѣздзиць паничи,—королькѝ тамъ, князѝ—и къ бо́льшимъ и къ меньшай—што царю цижа́ло одному у царстьви: у яго сыновъ нема́, дакъ на мѣсьци зяця поставиць. И цяперь, тыя двѣ съ книзя̀ми, съ королькамиио'бру-чи́лися, а меньшая изь нямымъ съ тымъ,—злюбилася. Заручины погуляли, и зьвиньчалися. Тоды, ци мало, ци много яны пожилѝ, наступаець непріяцель уже на ихъ. Тоды ёнъ говориць, царь—на бо́льшаго: зяцёкъ мой любимый, можешъ ты, гово́риць, поступиць на моё мѣсто на присту́пъ ицыць! Сичасъ ёнъ узявъ силную вармію и пошовъ на присту́пъ. Тоды Иванъ Ивановичъ знаець тоя урѐмя, якъ яны начинаюць гуляць—сичасъ вы̀шавъ съ саду, уздухнувъ цяжко и говориць: ахъ, штобъ, говориць, моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ *лѣсъ* передъ травой—то́ бъ то до́бря *було*! Конь тэй ляцѝць, ажъ мацъ земля дрыжиць! Прибѣгъ и говориць: што, Иванъ Ивановичъ, што,—я табѣ треба?

А ёнъ отвѣчаець: треба, говориць. Пошовъ бо́льшій зяць на воинство; хоць ба мы посмотрѣли, што тамъ дзѣетца!—О, каець, ето ня воинство, ето жарты, каець! Полизай у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. То́ бывъ чистый красивый молодзецъ—ящѐ почисьцѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. Ну, говориць: бярись за мяне цихе́нько, садзись на мяне лягéнько—поѣдзимъ. Сичасъ поднимались подъ небеса, приляцѣли на тдя мѣсто, адзѣ яны бьютца. Ёнъ начавъ—што самъ сячѐць, што конь ногами бъець, што самъ сячець, што конь ногами бъець. Добиваетца ёнъ до цмока съ трёми головами. Такъ сичасъ тыя три головы́ яму зрубивъ! Такъ и забра́ли ихъ у поло́нъ усихъ. Потхо́дзиць къ яму́ тэй зяць и говориць: «силно могущій воинъ, чимъ мнѣ цябе угосьциць? нѣтъ табѣ даць, говориць, зямлй отписаць, нѣтъ табѣ силныя варміи, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говориць: на што, говориць, мнѣ ваша царство, на што мнѣ, говориць, ваша вармія—дзѣ мнѣ зь ёй водзйтца, кормиць яе́ треба—я одзинъ ѣжжу, спомочи даю та́къ, за благодаренія. Ня треба мнѣ и гроши ваши—у мяне свое́ е́сць. А вотъ вы, говориць, дайця мнѣ полоску съ спины—я ў трубучку скручу и ў карманьчикъ положу. Я рукою щупну и объ васъ спомяну, што вамъ помочи дававъ. А вы по́йдзеця у баню, за плечи щупне́ця и на мяне уздумаеця, што я у васъ бывъ на помочи. Больши мнѣ ничого ня треба изъ васъ! Тоды ёнъ обращаетца къ яму задомъ, ёнъ узявъ, полоску и выдравъ у яго. Попрощалися и поѣхали ўрозь—тэй сабѣ, тэй сабѣ! Ёнъ пріѣхавъ къ свойму саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не було́ збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць человѣкомъ—простымъ, нямы́мъ. Конь пошовъ на заповѣдныя луги у своё мѣсто, а ёнъ пошовъ у свою будучку. И своимъ дзѣломъ занимаетца, коло саду смотрѧ́ець. Тутъ тыя приходзюць зъ воинства. И—рады, што забрали, помогли, непріяцеля,—пиць, гуляць по ра́дощахъ. Тыя сёстры бида на яе́, гвалтъ такій: ты, каець, припила сабѣ дурного, нямого,—што ёнъ никуды́. А якъ наши мужи, дакъ по свѣту ѣзьдзюць, горюють! Почалй яѐ страмйць, што бида. Ина заплакала и пошла къ яму̀. И показала яму, што смяютца коло яе́, стрампць. А ёнъ мычиць, размахуець руками: нехай сабѣ! каець.

Много—мало поживши, наступаець шасьциголовый цмокъ, дратца изъ ими, съ царёмъ, опяць. Царь тэй отвѣчаець на сярединяго зяця: ну, говориць, зяцёкъ, можешъ ты заступйць на моё мѣсто на присту́пи! Дакъ ёнъ силную вармію узявъ и пошовъ. И тэй бо́льшій пошовъ—‘ба́я пошли. Тоды Иванъ Ивановичъ, знаець то́я уремя, якъ яны починаюць гуляць—сичасъ вышавъ съ са̀ду, уздухну̀въ цяжко и говориць: ахъ, штобъ, говориць, моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой—то бъ то до́бря було́! Конь тэй ляциць, ажъ мацъ зе́мля

дрыжиць! Прибѣгь и говбрицъ: што Иванъ Ивановичъ—што, я табѣ треба? А ёнъ отвѣчаецъ: треба, говорицъ. Пошовъ сяредьній зяць на воинство; хоць ба мы посмотрѣли, што тамъ дзѣетца!—О, каець, ето ня воинство, ето жарты, каець! Полизай у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. То бывъ чистый красивый молодзецъ—ящѐ почисьцѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. Ну, говорицъ: бярись за мяне цихѐнько, садзись на мяне лягѐнько—поѣдзимъ! Сичасъ подпималісь подъ небеса, приляцѣли на тбя мѣсто, адзѣ яны бьютца. Ёнъ начавъ—што самъ сячѐць, што конь ногами бьѐць, што самъ сячець, што конь ногами бьець. Добиваетца ёнъ до цмока съ шастьмй головами. И стали битца. Потуль билися, покуль шесьць головъ зрубивъ яму̀. Тоды потхбдзиць сяредьній зяць и говорицъ: «силно могущій воинъ, чимъ мнѣ цябе угосьцицъ? нѣтъ табѣ дацъ, говорицъ, зямлй отписацъ, нѣтъ табѣ силныя варміи, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говорицъ: на што, говорицъ, мнѣ ваша царство, на што мнѣ, говорицъ, ваша армія—дзѣ мнѣ зь ёй водзйтца, кормиць не трѐба—я одзинъ ѣжжу, спомочи даю тáкъ, за благодаренія. Ня треба мнѣ и гроши ваши—у меня своѐ ёсць. А дай, говорицъ, мнѣ съ правыя руки мѐзинъ палецъ отрѣзацъ—я яго у карманъ уложу, рукой щупну̀ и объ цябе спомяну̀. Ты пбйдзешъ у баню, за руку̀ щупнѐшъ—объ мяне успомнишъ! Ёнъ яму руку выставивъ; ёнъ сичасъ палецъ отрѣзавъ, у платочикъ уярцѣвъ да й у карманъ. Попрощалися и поѣхали у̀розь—тэй сабѣ, тэй сабѣ! Ёнъ пріѣхавъ къ свойму саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не булб збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць человѣкомъ—прбстымъ, нямымъ. Конь пошовъ на заповѣдныя луги у своѐ мѣсто, а ёнъ пошовъ у свою будучку. И своимъ дзѣломъ занимаетца, коло саду смотрѧ̀ець. Тутъ тыя приходзюць зь воинства. И—рады, што забрали, помогли непріяцеля,—стали пицъ, гуляць по рáдощахъ. Тыя сёстры бида на яѐ, гвалтъ такій: ты, каець, принила сабѣ дурного, нямого—што ёнъ никудьі. А якъ наши мужи, дакъ по свѣгу ѣзьдзюць, горюють! Почалй яѐ срамѝць, што бида. Ина заплакала и пошла къ яму̀. И показала яму, што смяютца коло яѐ, срамяць. А ёнъ мычиць, размахуець руками: нехай сабѣ, каець.

Много—мало поживши, наступаець цмокъ двѣнатцациголдвый, дратца. Тоды тэй царь говорицъ: зяци моѐ любыя, послужили вы за бдльшихъ моихъ дочбкъ, сами за сябе, послужйця цяперь за мѐзиную мою дочь, за бещасную—што ина принила сабѣ нямбго, дурнбго. Ина тващáлада, говорицъ, бацюшка, матушка, я не жалáю! Коли мужъ мой дурный, дакъ я сама поступаю, сама пойду къ цмоку, на свою вочередзь! Ина собралася, узила сабѣ силныя варміи и пошла. Царь отвѣчаецъ: эхъ, зяци моѐ любыя! мало што ина зъ большія досады пошла! А вы, говорицъ, про-

ѣдзьця посмотриця, якъ што будзець,—мало што ина говорила! Зяци послухали, поѣхали. Ёнъ знаець, якъ яны начинаютца—сичасъ вышавъ съ саду, уздухнувъ цяжко и говорицъ: ахъ, штобъ, говорицъ, моя добрая лошадзь стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой—то́ бъ то до́бря було́! Конь тэй ляцицъ, ажъ мацъ зе́мля дрыжицъ! Прибѣгъ и говорицъ: што, Иванъ Ивановичъ, што, я табѣ треба? А ёнъ отвѣчаецъ: треба, говорицъ. Пошла моя жана на воинство!—Да, говорицъ—ето ужо воинство: то были смѣшки, а тоды жарты, а ето ужо воинство, говорицъ. Полизай, говорицъ, у лѣвая вухо! Ёнъ у лѣвая вухо полѣзъ, у правая вылизъ. То̀ бывъ чистый красивый молодзецъ—ящѐ почисьцѣвъ! И военная збруя уся при ёмъ стала. То была чистая збруя,—а ета ще побо́льшая. Ну, говорицъ: бярись за мяне цихе́нько, садзись на мяне лягѐнько —поѣдзимъ! Сичасъ поднимались подъ небеса, приляцѣли на то́я мѣсто, адзѣ яны бъютца. Начавъ ёнъ самъ сѣчь, конёмъ мясицъ—самъ сяче́цъ, конёмъ мѣсицъ, добився до двѣнатцациголоваго богатыря--зьмѣя. Ставъ исъ тымъ битца, ставъ исъ тымъ битца,—ёнъ ямў шесьць головъ зьбивъ, а ёнъ ямў рукў поранивъ. Стали зновъ битца, стали битца—ёнъ яму яще шесць головъ зьбивъ, а рука у яго окровянилась. Помѣли змире́ніе, побрали ў поло́мъ тую силу, польно ужо воюва́тца. Тоды ёнъ потхо̀дзицъ къ царицы. Ина говорицъ: «силно могущій воинъ, чимъ мнѣ цябе угосьцицъ? нѣтъ табѣ дацъ, говорицъ, зямлѝ отписацъ, нѣтъ табѣ силныя варміи, нѣтъ дзеньгами?» Ёнъ говорицъ: сударыня, мнѣ ваша нично̀го ня треба. А я, говорицъ, милосьци вашія прошу,—шаликъ шъ шіи зняцъ, мнѣ рукў завярцѣцъ. Тоды, говорицъ, вы пома̀цаеця—на шіи шалика нема̀—вы объ мяне успо̀мниця. Я поляджу на руку̀, и объ васъ успомню! Ина знила шаликъ и завизала ямў рукў. Попрощались, одзинъ одному подзяковали и поѣхали. Ёнъ пріѣхавъ къ свойму саду, у правая вухо улѣзъ, у лѣвая вылизъ, и якъ не було̀ збруи, такъ и не стало; якъ бывъ, такъ и ёсць человѣкомъ—простымъ, нямы̀мъ. Конь пошовъ у заповѣдныя луги, у своё мѣсто, а ёнъ пошовъ у садъ, у свою будучку, и лёгъ, заснувъ па двѣнатцацъ судокъ, богатырськимъ сномъ. Тоды яны приходзюцъ ужо дво́ру, стали пицъ, гулядъ, узялѝ яѐ страмицъ, што бида: за сябе ѣзьдзили, и за твойго за дурного, каець, ѣзьдзили горювацъ, труждатца! Ну, начинаюць раду ра́дзицъ, стали царя просицъ: эхъ, польно, говорюцъ, бацюшка—яѐ сукрушацъ, сушицъ! Зработацъ вѝсильницу и повѣсицъ яго! Царь ето позволивъ: зработайця сабѣ ужо! Яны ўзяли работацъ, ина побѣгла у садъ: пойду хуць потолкую яму, што ёнъ мнѣ 'твѣцицъ—мое́цъ, ёнъ увойдзе́цъ отъ смерци отъ етыя! Тоды ина приходзицъ у садъ, ажны ёнъ спицъ на-ўзничь. Посмотрѝцъ, ажъ яѐ шаликъ у яго на руцѣ. Ина не то узрадовалась, не то спужалася—давай плакацъ падъ имъ, стала будзѝцъ яго.

А ёнъ спиць богатырськимъ сномъ,—ничого яму не зьдзѣлаець—не добу́дзитца. Тоды ина зъ радощи побѣгла у комнату; троху у комнаци повярнулася. А висильницу готу́юць. Побѣгла узновъ будзиць яго. А ёнъ спиць богатырськимъ сномъ. Давай плакаць надъ имъ, стала будзиць яго, ничого яму не зьдзѣлаець—не добу́дзитца. Прибѣгла зновъ у комнату. Висильница готова ужо, и яны коло яе́ сьмяютца, што ина плачець по имъ: плюнь ты, табѣ людзей ня будзець! А ина ничого не кажець имъ. Побѣгла у третьцій разъ будзиць яго. Якъ стала будзиць,—будзила, будзила—не добудзилася. Стала плакаць. Капнули слёзы яѐ яму́ на грудзь. Тоды ёнъ прошнувсь, проговоривъ:—ахъ, каець, душенька—спекла ты мяне дужа!—Ахъ, спекла, говориць, душенька—на цябе ужо вунъ висильница готова!—«Ну, говориць, душенька, ня звѣстно, на коро: можець на мяне, можець сами на сябе! Идзи, говориць, у комнату и спроси: бацюшка и матушка, позвольця говориць, нямного, хоць перядъ смерцю увѐсьци у комлату! Тоды позволюць яны увыйци, ты скажи: бацюшка и матушка, позвольця яму, потвярдзиця яму рюмушку вина даць, поднясиця, нехай перядъ смерцю хуць рюмку вина выпъець—усё смялѣй ёнъ на висильницу пойдзець, не такъ ёнъ будзець страху бачиць—пятлю̀ на шію нацыпля̀ць. А тоды и другую!» Ну, ина пошла: бацюшка и матушка, позвольця, говориць, и яму у комнату увыйци хуць перядъ смерцю! Бацюшка позволивъ: идзи сабѣ, каець, увядзи! А тыя зяцѝ, сёстры, Божа мой, гвалтъ на яе—не вядзи! Пошла ина: ну, пойдземъ, каець. Пришли у комлату. Бацюшка и матушка, потвярдзиця ужо яму, поднясиця яму рюмушку вина—нехай перядъ смерцю хуць рюмку вина выпъець—усё смялѣй ёнъ на висильницу пойдзець, не такъ ёнъ будзець страху́ бачиць—пятлю̀ на шію нацыпля̀ць!» Ну, царь повялѣвъ поднесьць. Поднясьли рюмку вина, отъ ина говориць: потвярдзиця ще одну яму поднѐсьци—мы ужо отъ етого не збядьнѣемъ, якъ ѣли хлѣбъ, такъ и бу́дземъ ѣсьць! Царь другую рюмку позволивъ: поднясиця яму, говориць, и другую! Яму́ поднясьли. Выпивши другую рюмку,—ахъ. говориць: благодариць бацюшку за вино,—дужа вино пріятная! А тыя ужо дзивютца, што нямый да й заговоривъ. Тоды ёнъ: што, говориць, бацюшка мой названый: спросѝце-ка вы у бо̀льшаго зяця: зачимъ ёнъ у баню, говориць, ня ходзиць? Хто у яго на по̀мочи бывъ? И чимъ ёнъ плацивъ? говориць. Ето жъ я, говориць, у яго бывъ на помочи; я яму пособивъ, а ёнъ мнѣ заплацивъ—яго заплата у мяне ў кармани! Вынимаець тую полоску, прикладаюць къ яго спини,—икъ-разъ ина й пришлася!—Ну, цяперь спросѝця у сяредьняго зяця, зачимъ ёнъ при большой кунпаніи у пирща̀ткахъ ву̀жанаець? И хто у яго на помочи бывъ, и чимъ ёнъ плацивъ? Агу! тому зяцю ужо колону̀ло у пяты!—Ето жъ я, говориць, у яго на помочи бывъ,

и ёнъ мнѣ заплацiвъ съ правыя рукй мязёнымъ палцомъ! Сичасъ узявъ, съ кармана вынивъ; примѣрили—икъ-разъ и пришовся тэй палецъ! Отъ, ёнъ узявъ, обоихъ тыхъ зяцёвъ на висильницу повѣсивъ, а яму съ своѐ шiи корону знявъ да яму на шiю повѣсивъ. И здавъ яму усё царство. Тоды, ёнъ вышавъ на крылцо и уздухнувъ цяжко, и говорицъ: штобъ моя дóбрая лошадзь стала передо мной, якъ лѣсъ передъ травой, то бъ мнѣ добря бъ булó цяперь! Конь бяжицъ, ажъ мацъ земля дрыжицъ. Прибѣгъ: што Иванъ Ивановичъ—я табѣ нужанъ? Да, говорицъ, нужно—поѣдзимъ къ свойму отцу й матушки, у своё царство! Запригаюць коня у поиздъ, ёнъ поднявсь подъ небеса, и поляцѣли. Прiѣжжаюць къ свойму царському дворцу. Сичасъ спускаютца на зéмлю и ѣдуць по зèмли. И прiѣжжаюць потъ крылецъ. Выходзиць бацюшка на крылцо, ёнъ отвичаець: што, говорицъ, бацюшка,—хорошá лошадзиная заповѣдзь? Бацюшка отвѣчаець: хороша, сынокъ! Ды зьдзѣвъ съ своѐ шiи корону, ды яму надзѣвъ. А тымъ вянкй ихъ давъ ды ў прóстыя солдаты оддавъ. Вотъ ёнъ два царства мѣець, и нихто яму ничого ня зьдзѣлаець. Здорóво живèць, и намъ богословивъ здорово жиць тутъ. И я тамъ бывъ, мёдъ-вино пивъ, по усахъ цяклó, а ў ротъ не пупáло. И дали мнѣ синь каптанèнко. Я бягў, а жидъ кричицъ: синь каптанъ, синь каптанъ! Я думавъ—скинь каптанъ! да ўзявъ, да кинувъ; ды прибѣгъ двору, ды бѣлый свой надзѣвъ.

Д. Плещино, малятич. в. Крест. Степ. Ѳедоровъ, 60 л.

5. Казакъ Михайла.

Отъ—это ужо давно былó. Жилй сабѣ старикъ исъ старухой у городзи столицы. Бытто бъ, такъ сказаць—или ў Кiеви или Москвѣ. Яны мѣли больше якъ по семъдзесятъ годовъ, и не былó у ихъ дзяцей. Ну, разъ старикъ поѣхавъ у лѣсъ, ставъ рубиць дрéво. Зрубивъ древо одно, пошовъ снѣгъ силный. Тоды, старикъ зрубивъ ето древо—а яго и завѣяло. И што ёнъ зрўбиць—яго завѣець, што ёнъ зрубиць—яго завѣець, што ёнъ зрубиць—яго завѣець,—силный снѣгъ бывъ. Ёнъ и обдумавъ, ставъ, перахрисьцйвся: Господзи, говорицъ, якъ я, говорицъ, нещáсянъ! Ня мѣю сабѣ прислуги ниякiя и средствiй нийкихъ. Поѣхавъ, говорицъ, дровъ нарубиць, и то, говорицъ, пошла такая мяцель, што не даéць мнѣ и работацъ! Троху социхла мяцель, ёнъ ихъ топоромъ выбивъ, дровы, положивъ на санки. Поѣхавъ. Ѣдзець—ли дороги стоицъ сухiй пень. Ёнъ остановивъ лошадзь: зрублю, говорицъ, я етый пéнюшекъ, усё больше, говорицъ. Што жъ я? Подыйшовъ къ пню и ударивъ обухóмъ по етымъ пню, кабъ троху снѣгъ обляцѣвъ. Удругъ, нѣйкаго младзенца плачъ послышався, якъ бытца, рабёшачекъ плачецъ. Ёнъ перахрисьцився, говорицъ: Господзи! што

я, говорицъ, слышу? Ци мнѣ, каецъ, здаетца, ци якъ? Такъ жа яму уздумалося ударицъ по етому пню ще разъ—послышавъ настояща голосъ рабяччій. Во, ёнъ думавъ—стану пень етый рубицъ! И ставъ помаленьку рубицъ вокругъ. Обрубивъ вокругъ, обломивъ, нашовъ молодзенца у етымъ самымъ пни. Старикъ здзѣвъ съ сябе шубку и уврцѣвъ яго. Положивъ на санки, привёзъ на свою хвацеру, къ сабѣ. Жана, бытто такъ ёй, бытто ина рада, што такъ ёнъ поѣхавъ,—каецъ: етакая мяцель была, а ты у лясу!.. Ёнъ ёй отвѣщаецъ: молись Богу, говорицъ. Я, говорицъ, што нашовъ! Я и самъ не могу, што етакъ, откудова ето што?—Што ты, каецъ, такдя нашовъ?—Во, каецъ, полядзитку! Унбсицъ, у шубцы, етого рабёшка. Баба была бытто рада, и потомъ стала Богу молитца, и спрашуецъ у яго: Богъ, каецъ, намъ давъ. А што мы будземъ дзѣлацъ изъ имъ? Якъ, мы можамъ яго прознацъ?—Ты, баба, ложись на полу, говорицъ, и положи рабёнка ли сябе етого! А я, говорицъ, пойду, къ такому то купцу первой гвильдыи—Комаровому, хай отпусьцицъ своѐ мáцяры-рабёшка етого перабáбицъ! Пошовъ ёнъ къ купцу, говорицъ: здрастуй, купецъ!—Здрастуй, здрастуй, говорицъ, дзѣдушка Бобикъ! Што намъ, говорицъ, хорошаго скажешъ?—Отъ, купецъ господзинъ, скажу—пóймеця вы мнѣ (вѣры), ци не поймеця: моя жана сынка родзила. Я васъ прошу, кабъ вы позволили своѐ мáцяры етого мойго сынка, рабёшка, перабабицъ! Купецъ яму засьміявся зь естаго старика: эхъ ты, говорицъ, дзѣдъ Бобикъ: довжно быцъ, говорицъ, якій обманъ хочешъ зь мянѐ издѣлацъ! Ня то дли мяне—и ли моѐ маменьки еще, говорицъ. Вы—я изнаю самъ—што вы бóльшай семъдзесятъ лѣтъ отроду мѣеця—большай, исъ своей бабой, и у васъ не былò дзяцей. А цяперъ вы говориця, што у васъ ёсь, народзився сынъ! Согласенъ, дзѣдушка: вы бѣднаго зложенія, а я ёсь купецъ, говорицъ. Ежли жъ ето справядливо, дыкъ я табѣ сто цалковыхъ дамъ, а ежли жъ несправядливо, чимъ ты тоды, дзѣдушка, отвѣцишъ тоды перадо мной и перадъ моёй матушкой, за несправядливое слово?—Я отвѣчу, што имѣю, дайжа своей гóловой, подъ старосьци лѣтъ, што я неложное слово вамъ говору! Купецъ приказавъ запрегцъ пару лошадзей у хвайтонъ и посадзицъ етого самаго дзѣдушку и свою мацъ у хвайтонъ, и поѣхацъ къ етому дзѣдушку. И давъ купецъ мацяры своей сто рублей, што обѣщавъ, и сказавъ: когда жа ёсь рабёшакъ, дакъ отдай дзѣдушку сто рублей, а ежли жъ нѣту, дакъ вязи дзѣдушку ко мнѣ и сама ѣдзь! Ну, пріѣхали. Поглядзѣла ета *сáма* бабка,—ажъ ёсь нарóджаный сынъ у ихъ, младый юношъ. Ина и осталась. Жонка, отсылаецъ яго къ такому то протчаму купцу, за дочкой, перахрисьцѝцъ етого рабёнка. Пошовъ дзѣдъ. Приходзицъ къ такому то купцу и говорицъ: здрастуй, купецъ господзинъ!—Здрастуй, здрастуй, говорицъ, дзѣдушка Бобикъ! Што намъ хо-

рошаго скажашъ?—Ды моя, говорицъ, баба сынка родзіла. Я пріѣхавъ къ вашай дочки Лисавеци, кабъ ина была хростная мацъ мойму сыну! Купецъ удзививсь, ажъ засьміявся, обрацився къ свойму домашнему сямѣйству и собственной своёй дочцы, Лисавеци, высказавъ своимъ словомъ: што собственно старикъ такой то пришовъ, говорицъ, штобъ ты, моя дочь Лисавета, была хростная мацъ! Вышло ўсё сямѣйство етого купца къ дзѣдушку, и дочь етого купца. Посмотрѣли на етого дзѣдушку. И оцецъ яе сказуецъ: нѣ, говорицъ, дзѣдушка, ты довжно быць уздумавъ зъ моѐ дочки посьміятца! Чимъ ты тоды, дзѣдушка, отвѣчаешъ?—Я отвѣщаю, если жъ окажетца несправядливымъ моё слово перадъ вашай дочкой Лисаветой, то я отвѣчаю своёй головой.—А я табѣ, говорицъ, даю Лисавеци сто рублей, и поѣжжай! И пару лошадзей вялѣвъ запрагци у хвайтонъ и отправивъ дочь свою.—Ежали жъ ёсь человѣкъ рожаный, у етого дзѣда нарождзёнъ сынъ, дыкъ, Лисавета, отдай яму етыхъ сто рублей! А ежали жъ нѣту —обратно поѣжжай до мяне! Пріѣхали. Оглѣдзила Лисавета, што уже ёсь сынъ нарожаный и старуха сядзіць за бабку—ну й осталася, Лисавета, етого купца дочь.—Ну, поѣжжай, говорицъ, дзядуля, къ такому то купцу, отпусьціць сына, кабъ ёнъ бывъ хростнымъ отцомъ нашаго рабёнка! Старикъ пошовъ. Приходзицъ къ купцу. Купецъ вышавъ. Здрастуй!—Здрастуй, дзѣдушка Бобикъ! Объ чомъ, дзѣдушка, пришовъ?—Я пришовъ къ вамъ, попросиць вашаго сынка Василя, што у мяне родзився сынъ! Купецъ удзививсь и засьміявся, сказавъ етому дзѣдушку: ахъ, дзѣдушка,—якъ можно быць? ты хоцішъ зъ мойго сына якую нибудзь насьмѣшку здзѣлаць. Я собственно знаю, што вамъ зъ бабой больше семъдзесятъ лѣтъ лѣтъ и дзяцей у васъ не было! Пошовъ купецъ обвясьцивъ свойму сямейству, собственно сыну своймy Василю, што пришовъ такій то дзѣдушка перахрисьцицъ попросиць сына Василя хростнымъ отцомъ быць. Немало сямейство удзивилось. Вышавъ сынъ купцовъ Василь и самъ господзинъ купецъ етый.—Дзѣдушка, чимъ ты отвѣчаешъ?—Я отвѣщаю, што имѣю, дайжа своёй головой!—Отвѣчаецъ купецъ: я табѣ, сынъ мой, даю сто рублей и вялю запрэчь пару лошадзей, и пояжжай зь етымъ дзѣдушкомъ. Ежли жъ сынъ рожанъ у дзѣдушки етого, дыкъ отдай сто рублей етому дзѣдушку, а ежли нѣту, обратнымъ пуцёмъ возврацись ко мнѣ и дзѣдушку вязи! Пріѣхавъ Василь, купечецкій сынъ, смотрицъ: ажъ ёсь старуха за бабку и купечецкая дочь Лисавета за куму. Василь остався. Бабка перабабила. И помолилися Богу; забрала дочь Лисавета етого жъ рабёшка къ сабѣ и сѣли, поѣхали зъ Василёмъ къ попу. Пріѣхали къ попу, спрашіецъ попъ: чій ето рабёнокъ? Яны отвѣчаюцъ яму: отъ бацюшка! рабёнокъ *етый* отъ такихъ то стариковъ!—Охъ нѣ, говорицъ: довжно быць рабёнокъ *гэтый* либо якій; а вы мнѣ, говорицъ, кажеця—што

стариковъ тыхъ. Чимъ вы, Лисавета и Василь, отвѣциця, ежли я етого рабёнка перахрищу и васъ хро́стными пріемниками ўпишу? Тогды яны сказуюць: мы вамъ, бацюшка, кладзёмъ по сто рублей грошій, и мы будземъ видны, какія мы ёсь и чіѐ, и вы насъ найдзецё, коли што. А чимъ вы, бацюшка, отвѣ*титя*?—А й я, говориць, также положу сто рублей! Вынявъ бацюшка сто рублей и отдавъ.—Пожалуй и ты, Василій, своѐ сто рублей, бацюшка говориць, и ты, Лисавета, и царковному старосьци за̀ руки. Ежали жъ правядно, то отдаць еты дзеньги старику! Староста узявъ еты дзеньги, бацюшка узявъ книгу и смотриць, якъ имя̀ бъ найци етому младзенцу. Нашовъ, што яму̀ имя̀ Казакъ Михайла. Ёнъ молитву отчитавъ, и расписався Василь и Лисавета и поѣхали у хваце́ру дзѣдушки етого. Пріѣхали, згуляли хрезьбины. Етый рабёнокъ, Казакъ Михайла, не росьцѐць по годамъ, а росьцѐць по часамъ; на третьція, посьли свойго храста̀, сутки, ставъ гласомъ молодзецкимъ говорі̀ць. И спрашуець у свойго ро̀днаго отца: отдайця мяне у класы у вученья! Старикъ крѣпко радъ, здзѣлався вясёлъ, здоровъ, што сынъ яго такъ скоро росьцѐць. Старикъ спрашуець у яго: у якіе цябе класы отдаць? Ёнъ яму отвѣщаець молодзецкимъ голосомъ: отдайця мяне у класы губэрськія! Старикъ дужа бытто вочинь ставъ печалевъ, што ёнъ етакъ гово̀риць, и сказавъ: ахъ, сынъ мой Казакъ Михайла! я бъ, говориць, табѣ совѣтовавъ, кабъ ты пошовъ у приходскій класъ. Ёнъ сказавъ яму тода̀: ахъ вы, говориць, папенька и маменька! Чаго мнѣ йциць у приходскій класъ, коли я на памяць больше могу знаць етого класу! Старикъ отвѣцивъ яму: ну, Богъ съ тобой, идзи сабѣ, когда примуць! Казакъ Михайла самъ своей рукой сочинивъ сабѣ мэтрику: якого числа рождзёнъ, и якого числа хрищанъ, и хто у яго ёсь бабка, и хто у яго ёсь хростной маткой, и хто у яго ёсь хростный оцецъ, и отъ кого ёнъ рождзёнъ, а не рождзёнъ—собственно у пни рожд*ж*онъ, и у якимъ приходзи. И ящо мойму папеньку и матушцы ёсь у такой то цэркви триста рублей ли старосьци ихней! И пошовъ и подавъ ету мэтрику губерському испэктору, самъ одзинъ, собственно своей рукой. И спэкторъ удзивився и сказавъ: Господзи, говориць: иць я уже давно живу по етой довжносьци и много обучивъ, ну що̀ на мяне не було̀, кабъ еткій, такоя то число народзившись, и ето мало строку, и ёнъ усё ставъ понимаць! И принявъ яго у губерськое училища,—принятъ. Поучився Казакъ Михайла два дня, то ёнъ ставъ, расказавъ усимъ учицелямъ: эхъ, говориць, господа! вы ногда̀ либо—какую ошибку̀ мѣеця мнѣ собственно задаваныя уроки! Учицеля познали, сказали: и вѣрно, Казакъ Михайла, ты гово́ришъ намъ, што ты па нашихъ глазахъ высказавъ—што и больше насъ понимаешъ! Яны уже сами сказали. Третьцими сутками выписали яго изъ вучилища и выдали яму отъ сябе за ученья бумагу, што Казакъ Михайла

понимаець то, што хорошо и отлишно. Приходзиць Казакъ Михайла къ свойму бацюшку и матушщы и говбрицъ: отъ, я уже губэрськіе класы пройшовъ! Яны рады, старикъ съ старухой. «И вотъ тяперьича я намѣранъ пойцйць попроситца у класъ тэй, идзѣ именно вучутца государськіе сыны и князецкіе, и нйжшай не бываець, якъ генаралскіе сыны!» Тогда старику вродзи здзѣлалося скушно, а мацъ яго старуха слезно заплакала и говбрицъ яму: сей ты нашъ сынъ ёсь, а не похоронишъ ты насъ, я виджу, што ты не такъ вучисься! И ёнъ, Казакъ Михайла, отвѣцивъ молодзэцкымъ голосомъ: што вы ето мнѣ сказали, штобъ я васъ оставивъ и не похоронивъ! Я васъ похороню, и при старосьци вамъ сынъ буду! Пераночевавъ, да й пошовъ. Приходзиць у класъ. Подавъ испэктору ету бумагу, зъ губэрськаго класу. Тогда понявъ испэкторъ, и прочитавъ, и ўдзивився: охъ, говорицъ,—ня слышно у насъ ще було ѐтакыхъ. И не знаю, а приняць надо! И пошовъ у класъ. Ставъ учитца. За одзинъ дзень, то наўчився процй государськыхъ сыновъ и процй князецкыхъ и генаралскыхъ, которые по пяць лѣтъ ученьня имѣюць. Учицелѝ приказали Казаку Михайли, кабъ ёнъ изъ ихъ спрашававъ уроки—зъ государськыхъ, князецкыхъ и генаралскыхъ дзяцей. Ёнъ и ставъ спрашаваць. Отпусьцили ихъ на 'бѣдъ, то стали гнѣвны государськіе два сыны, и князецкіе, и такжа смотрà, и генаралскіе—уси на яго напали. Ёнъ тогда обдумавъ самъ сабѣ и засьміявся: эхъ вы, вучаники вы ёсь и вучицесь вы,—я слухаю приказанія и вамъ расказую! Царській сынъ одзинъ узявъ камушòкъ и бросивъ на яго. И попавъ; и другій такжа. И смотрà—князецкій узявъ тожа бросивъ, и попавъ такжа; и генаранскій бросивъ. И стали Казака Михайлу вочань обижаць. Ёнъ имъ по ўдару просьцивъ. «Я вамъ, товариши, ето прощаю, а дальше я вамъ не позволю, кабъ вы на мяне бросали!» Бóльшій жа сынъ царській засьміявся: эхъ ты, говорицъ, што ты можашъ? Мы табѣ здзѣлаемъ, што хочемъ! Начали шпуляць на яго быстрѣе. Ёнъ узявъ, Казакъ Михайла, исъ царськаго сына зъ бóльшаго изнявъ шляпу, а другой рукой поднявъ трохъ-итажный домъ и подложивъ подъ етый домъ. Яны побѣжали отъ яго. Ёнъ пришовъ у свою хвацеру и побѣдавъ. Царській сынъ обжаловавсь свойму папашу, што якій то мѣщàнинъ мою шляпу знявъ однэю рукой, а другою поднявъ трохъ-итажный домъ и подложивъ подъ домъ. Государъ приказавъ аквитанту—свита государстьвенная—кабъ приказъ отдавъ и поѣхавъ изъ жандаромъ и забравъ такого-то старикова и старухина сына. Аквитантъ пріѣхавъ зъ жандаромъ забирацъ. Ёнъ яго не нашовъ у хвацеры. Тольки нашовъ старика и старуху. И говорицъ: эхъ вы, говорицъ: куды вы свойго сына дозволили йциць—што вы дозволили яму́ здзѣлаць? Баба и дзѣдъ заплакали перадъ свитомъ государськимъ, генараломъ: воля ваша! Изъ намы што

угодно, такъ жа и зь имъ! А мы што станемъ яму говорйць, ёнъ нашихъ слововъ ня слухаець. А идзе́ць туды, куды своимъ мнѣніемъ надумаетца!
—Ну, старики, вы будзеця правы! Я пожалѣю вашихъ лятовъ, вашай старосьци, и ваши слова принявъ я съ униманіемъ, а съ сыномъ изъ вашимъ будзець поступлено законъ. И ужо ёнъ ня будзець ходзиць у классъ генаралскій! Ето часло́ было приказано отъ испэктора, кабъ собратца къ пяци часомъ вечара, етымъ усимъ ученикамъ на заняція, и такжа Казаку Михайлу. Такъ и ёнъ у ты часы подладзивъ зь имы ицицъ. Яны на яго ипяць жа, такимъ жа способомъ напали. Ёнъ имъ говбрицъ: эхъ вы, братцы, напрасно вы со мной эдакъ поступаеця! Ежали бы поступали со мной помяхче, я ба вамъ шляпу вашу отдавъ! Яны яго начали го́рше. Ёнъ, Казакъ Михайла, поздражався, и говорицъ: ахъ, Госпо дзи, говорицъ: довжно мнѣ будзець—ужо одзинъ судъ! Узявъ, ме́зинымъ пярсто́мъ и ўдаривъ сына етого бо́льшаго—такъ и ўбивъ. И самъ пришовъ на заняцію и объясьнивъ испэктору, што я ня могъ перане́сьци того, што на мяне пошли моѐ товараши изъ большимъ нападзеніемъ, я давъ имъ малый бывъ призна̀къ--знявъ шапку и подложивъ подъ домъ трохъ-итажный; и думавъ идучи на заняцію отдаць шляпу яму такжа. А якъ яны мяне воздражили, дыкъ я нѐякъ хоцѣвъ—малѣйша—не знавъ етого, што на мяне злучйтца—я тольки мезинымъ пярстомъ товхану́въ царськаго сына бо́льшаго. Осмотрѣвся я, ажно яго й убивъ. И вамъ сознаюсь!—О, Казакъ Михайла, плохо ты здзѣлавъ!—Ну, што жъ дзѣлаць? Довжно быць судзьба моя такая! Куды мяне осудзюць, то я отвѣчу! И пошовъ. И васъ благодару, што я научився у васъ! Приходзиць у свою —къ своиму отцу, мацяры, и говорицъ: охъ, каець—дайця мнѣ побѣдаць! *ужо* вы посьля̀ етого, ранше не увидзиця, якъ можа быць пятнатцаць лѣтъ, ци дватцаць, ци соусимъ ниразу! Старуха и старикъ заплакали гласно. Ёнъ имъ говорицъ: эхъ, бацюшка и матушка, и напрасно вы плачеця—вы тольки поживецё у е́ткой хатки троя одныхъ судокъ, или жа не больше, якъ шесьцеро. А тогда вы будзеця умѣсьци изъ государомъ пиць и ѣсь, и слуги вамъ тожа такъ будуць, якъ бы й государу! Старикъ исъ старухой повесялѐли и стали молитца Богу, и говоруць: «слава табѣ Господзи—што намъ Богъ давъ етакъ!» Удругъ—и никуда ня йдзець Казакъ Михайла исъ хаты, ужо никуда ня йдзѐць. Удругъ ѣдуць огромна сила войська̀, и ўзяць Казака Михайлу, и повясьцй къ суду по приказанію государському, повясьци къ суду у санотъ. Ёнъ вышовъ, Казакъ Михайла, и отвѣцивъ: э, вы, господа кавалерія. Я увовсе не намѣранъ самовольно жиць, а якъ мяне заняли, я довжанъ отъ сябе откопну́тца! И идзиця вы, братцы, я й самъ иду! И пошовъ. Прихо́дзиць самъ у санотъ и говбрицъ дзяжурному, караульному начальнику: што я издзѣлавъ о́тъ такое и

такое приступленіе! Караульный начальникъ не знавъ, и ставъ спрашаваць у яго дальше: якъ жа табѣ, братъ, злучилося ето? Ёнъ ставъ расказаваць. «Дыкъ што, братъ, самъ пришовъ? говориць: цябе привядуць! говориць. Ты бъ походзивъ, погулявъ, табѣ йщо надокучиць сядзѣць у цюрмѣ!» Сыйчасъ идзець самъ государъ, и ёнъ, Казакъ Михайла, усклонився. Государъ сказавъ: молотцомъ, Казакъ Михайла: мойго сына роднаго убивъ! Казакъ Михайла сказуець яму: ну й судзи мяне, коли я убивъ! Сѣли у засѣданіе судьдзи. Государъ приказавъ: у три часа дзѣло поконьчиць *въ* приступленіи яго, кабъ яго довго... кабъ яго сычасъ. Такъ и здзѣлали. И у етого государа была отъ етого города у сями верстахъ башня такая, што тамъ находзютца разное бесія (bestia), што уже и больше и злѣя у свѣци нема. Осудзиць яго туды и заперць у ту *баню* на троя судокъ. Присудзили яго везьци туды. Подали на яго зялѣзный вагонъ и кабъ кругомъ етого вагона ишли войська разная изъ голымы мечамы. И повязьли яго, посадзивши *въ* вагонъ. Привязьли яго у ету баню и пусьцили туда, и замкнули яго тамъ такимы замкамы, которыхъ и нѣтъ и ня будзець сильнѣй, замковъ тыхъ. Казакъ Михайла сѣвъ тамъ, остався. Тольки жъ войська отыйшлися, быць можець вярсту, или жа ня боли двюхъ, Казакъ Михайла вышовъ—дыкъ была баня—здзѣлався домъ пяцитажный. Казакъ Михайла ходзиць по 'днэй тази, ходзиць по другей, и гуляець у етымъ доми,—усё яму ёсь: разные напитки, разное кушаньня. Ёнъ на крылцо выходзиць и совнюшко заходзиць—идзець пара убогихъ. Ёнъ и спрашуець у ихъ и призываець къ сабѣ на ночь. «Эхъ, нищіе убогіе, прошу вашія милосьци къ сабѣ на ночь. Я ёсь одзинъ у доми, и мнѣ весялѣй будзець!» имъ говориць. Нищіе убогіе зайшли къ яму. Ёнъ имъ то кушаньня поставивъ, што и самъ кушаець, й уси тые напитки, што й самъ пьець. Нищіе ядзяць, другъ другу говоруць между соби: што мы, скольки живёмъ и ходзимъ по свѣту, ну ще ня було намъ етакаго угощенія! И повячерали, помолились Богу и лягли спаць. И пераночавали. И назаутраго урани устали и убираютца ици. Выходзиць къ имъ Казакъ Михайла, и спрашіець у ихъ: идзѣ вы бывали, и што вы слыхали? Ци не слыхали вы и ци не видали либо якой новины?—Ахъ, каець, паночекъ, яны на яго говорàць: мы видаць не видали, а слыхаць, говоруць, то слыхали, што у нашимъ царствьи якій то народзився Казакъ Михайла, и убивъ царськаго сына, и яго осудзили у такую баню, што идзѣ находзютца усѣ бесія. У ту баню якъ упусьцюць и замкнуць, такъ яго и зьядяць тамъ! Яму стала цикава ета новина ихъ. «Да, каець, господа убогіе,—бытто и я слыхавъ, што ето ёсь. Ну, зъ Богомъ!» Ёнъ сутки отживъ. Ну, и ходзиць по днэй итази, ходзиць по другей, и гуляець у етымъ доми, —усё яму ёсь: разные напитки, разное кушаньня. Ёнъ на крылцо вы-

ходзиць и совнійко заходзиць. Идзець ще пара убогихъ, ёнъ ихъ и вядзець, остановляець: эхъ, нищіе убогіе, говориць: проци ночи идзецё вы у городъ—вы довжны знаць, што у городзи плохо на ночь упросітца. Зайдзиця вы ко мнѣ и пераночуйця у мяне! Нищіе убогіе остановились и зайшли. Ёнъ имъ на вечаръ давъ кушаньня, такое жъ, якъ и самъ кушаець. Яны кушали, и мижды другъ друга говорàць: што мы и скольки живемъ на свѣци, ну еткаго кушаньня, ня ѣли, *акъ* тутъ намъ дали! Повячерали, помолилися Богу, тогды лягли спаць, и пераночавали. Повутру устали, помолились Богу, и выбираютца. Уходзиць Казакъ Михайла къ имъ, и спрашіець: ахъ, господа нищіе, идзѣ вы бывали и што слыхали? Ци не слыхали, ци не видали новины либо якой? Яны яму отвѣщаюць, етые убогіе: охъ, мы видаць не видали, а слыхаць слыхали. У нѣкоторымъ царстьви, и ў нѣкоторымъ государстьви, ня именно у томъ, у якомъ мы живемъ, ёсь лядо самородное; яно само орѐтца, и пашетца, и усѣваетца просой, и ў повночь лошадзь прибѣгаець, ту просу поѣдаець! Больше, говоруць, нічóго не знаемъ!—Охъ, благодару васъ, господа убогіе, што вы сказали мнѣ,—хорошія новосьци. Якъ бы мнѣ Господзь помогъ сабѣ лошадзь ету достаць? Убогіе поблагодарили и пошли. Казакъ Михайла и ходзиць по дому, красуетца, по однэй итази, по другѐй, и вобче по ўсёмъ доми. На крылцо выходзиць, совнійко заходзиць. Идуць ящо пара убогихъ. Ёнъ на ихъ кличець: ахъ, нищіе убогіе—проци ночи идзецё у городъ,—васъ тамъ ци пусьцюць на ночь, хто? А зайдзиця, ко мнѣ, и пераночуйця у мяне! Яны и зайшли. Ёнъ имъ поставивъ вячеру, тую, которую и самъ кушавъ. Яны ядзяць и другъ другу говоруць, што скольки мы ходзили по свѣту, то намъ етакаго кушаньня не злучалось кушаць. Поужинали, помолились Богу, и лягли спаць. Назаўтраго ўрани уставали, помолились Богу, и убираютца ицiць. Выходзиць къ имъ Михайла Казакъ, и яны благодарили яго за ношлегъ: благодаримъ васъ, паночекъ, за ношлегъ! скольки мы не жили, не ходзили, то намъ нигдзѣ етакаго угощенія не былò! Ёнъ у ихъ спрашіець: ахъ вы, нищіе убогіе, гдзѣ вы бывали и што вы видали? Ци не видали, ци не слыхали либо якой новины?—Охъ, мы видаць не видали, а слыхаць слыхали: у нѣкоторымъ царстьви, ў нѣкоторымъ государстьви, ня именно ў томъ, гдзѣ мы живёмъ, ёсь царевня, пруска королевня—сильная пракрасавица, такъ што ина до сябе никóго не допускаець—дорожйць сама своёй красотой. И такъ жа оцецъ яѐ соблюдаець подъ большой строгосьцю. Поставивъ ёй домъ особо свойго семейства̀, обнёсъ вокругъ большой силной рýдзіяй, такъ што нихто ня можець перайци, и такъ жа и зъ лошадьдзю пераѣхаць!—Отъ, благодару ще убогихъ! ваша мнѣ новина очань находзитца испособна ли мяне, и жалавъ ба яѐ за супругу за сябе узяць!

—Ну, благодаримъ, панокъ!—Идзиця съ Богомъ! Ёнъ и погу̂люець у дому у своёмъ. Государъ уздумавъ и пославъ своихъ рабочихъ трохъ чаловѣкъ: одному давъ мятлу̂, а другому лопату, а третьцяму мяшокъ гразный, и приказавъ тыя косьци вы̂мясьци и высыпаць, куды жа мало народу хо̂дзиць. И яны пошли. И йдуць. Присма̂труюць бани етой. Отыйшли отъ города семъ вёрстъ, по приказанію, стали да й говора̂ць мижда со̂би: куды жъ намъ, говоруць, ици? А другёй гово̂риць: тутъ довжно быць! Третьцій то жа, што й яны: ня було тутъ етого дому, кажець. Казакъ Михайла послыхавъ, и выходзиць къ имъ и спрашіець у нхъ: што вамъ угодно, господа? хто васъ пославъ, зачимъ, што вы ня мо̂жеця дойциць? Яны сильно почустовали мижда соби, што ето за господзинъ. Ёнъ у ихъ повторивъ: вы мнѣ скажи̂ця, чаго вы шукаеця? Можа я знаю!—А нѣ, говоруць, вы не знаеця!—А можа знаю!—Тутъ была, говоруць, баня, у которой уси находзилися бесія; и осу̂джанъ бывъ якій то Казакъ Михайла за приступленіе, што убивъ царськаго сына. Дакъ насъ послали косьци вывезьць и зме̂сьци туды, гдзѣ нихто ня ходзиць!—Идзиць вы и скажиць тому, хто васъ пославъ, што Казакъ Михайла живъ, а кабъ государъ приказавъ сковаць мнѣ отросточку, сто пудовъ, на корхъ подуну̂ць серабромъ, и кабъ изъ зялѣза зъ мяхкаго, собственно, якъ была баня выстроена! Яны пошли отъ яго, доложили свойму начальнику, тому, который пославъ. Начальникъ той удругъ написавъ протоколъ лишности государу, што Казакъ Михайла живъ и требуець отъ государа отросточку ли яго скувапь, сто пудовъ, и на корхъ подунуць сераброиъ. Государъ самъ сумився, што я не того чаловѣка занявъ, и поступивъ зь имъ такъ. Ну, однача, здзѣлавъ распораджéніе кузнецамъ, приказавъ свойму аквитанту написаць приказъ строгій и подаць городскому справнику. Такъ и здзѣлали. Городскій справникъ собравъ съ свойго города кузняцовъ молотцовъ и спрашіець: эхъ вы, братцы, гово̂риць: мо̂жеця вы у водны судки уремя скуваць отросточку, сто пудовъ, и на одзинъ корхъ сераброиъ подунуць? Кузняцы отвѣцили: слушаемъ вашаго приказанія, сповнимъ! Скували отросточку срокомъ, за повсу*то*къ, и приставили къ исправнику. Также исправникъ и цару. Царъ приказавъ завезьць къ яму̂, и пославъ свойго аквитанта зъ рабочими: завязиця и подайця, и попросиця яго собственно лишно у мой домъ къ сабѣ, ко мнѣ на чай! Аквитантъ и отправився зъ рабочими, и приво̂зиць. Казакъ Михайла выходзиць. Аквитантъ павъ перадъ имъ на колѣни и отвѣцивъ яму̂: здраемъ-жаласмъ, Казакъ Михайла! И расказавъ словесныиъ приказомъ, што царъ васъ про̂сиць обидзи̂целно къ сабѣ на чай! Казакъ Михайла отвѣцивъ аквитанту: охъ вы, братцы: моець, я цара попрошу до сябе у̂ госьци! Ёнъ, Казакъ Михайла, узявъ отросточку у праву руку и вышовъ у чи-

стое поля, раськивавъ, и размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ, сядзиць другой и просматруець,—отросточка ляциць яго. Ёнъ узявъ, потставивъ мезиный палецъ, отросточка на двѣнатцаць часьцей разьбилась! И ёнъ пришовъ къ аквитанту: идзи, ѣдзь къ государу! Или жа мнѣ ня вѣришъ, дыкъ идзи, зьбяри ты комки, што разьбилась! Што просивъ васъ, кабъ вы мнѣ сковали отросточку изъ мяхкаго зялѣза, а вы мнѣ зьляпили зъ гоньчарныя глины! Ѣдзь къ цару и скажи, кабъ скувавъ мнѣ отросточку у двѣсьця пудовъ, и на два корхѝ кабъ серабромъ подунуць, ды кабъ съ такого зялѣза, якъ у мяне у бани! Аквитантъ отвѣцивъ: слушаю, говориць, Казакъ Михайла! и поѣхавъ. Пріѣхавъ къ цару и доложивъ. Царъ давъ приказъ аквитанту, кабъ ковалёвъ тыхъ подъ арестъ, а приказаць другимъ, кабъ зъ мяхкаго зялѣза скували отросточку, двѣсьця пудовъ, и на два корхѝ кабъ серабромъ подунуць. Тогда поѣхавъ аквитантъ съ приказомъ, и давъ приказъ справнику: якіе у васъ найлуччіе ёсь кузняцы, штобъ на которыхъ вы лучче можеця надзѣитца, тымъ прикажiця! Справникъ отвѣцивъ: слушаю, ваша привосходзицельство! Собравъ кузняцовъ и приказавъ имъ: вотъ, говориць: даю вамъ приказъ, кабъ вы зъ мяхкаго зялѣза скували отросточку, двѣсьця пудовъ, и на два корхѝ серабромъ подунуць!—Слушаемъ, говоруць: мы постараемся ли васъ, говоруць. Ну, набрали зялѣза самаго такого, якого яны знали мякчѣйшаго, и началѝ работаць. До повсудокъ скували и еты отросточку и приставили къ справнику; а справникъ къ аквитанту. Доложивъ квитантъ государу. Царъ сказуець аквитанту: ѣдзь, братъ, ты ужо одзинъ будзешь посланецъ! Етый узявъ рабочихъ, узявъ отросточку и повёзъ. Подъѣжжая къ Казака Михайлы дому. Остановивъ рабочихъ ля дому, а самъ пошовъ на крылцо, павъ на колѣнкахъ. Казакъ Михайла убачивъ. И спрашіець у яго: Казакъ Михайла! што угодно, говориць, дзѣлайця,—привёзъ! говориць.—Сколькижъ вѣсиць?—Двѣсьця пудовъ.—Съ хорошаго жъ зялѣза, ци зъ глины зьляпиля, съ которыя гоньчары миски лѣпюць?—Просиць васъ государъ къ сабѣ на чай! Ёнъ говориць: эхъ, господзинъ аквитантъ, можець я попрошу государа къ сабѣ на чай! Узявъ, надзѣвъ тросточку на правую рукỳ и вышовъ у чистое поля, раськивавъ, размахавъ, пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзиць часъ и два. И просмотрѝвъ—отросточка справляетца! Ёнъ наставивъ мезиный палецъ правой руки—отросточка на двѣнатцаць часьцей разьбилась. Тогды ёнъ и пошовъ. Приходзиць къ аквитанту: ахъ, якъ жа мнѣ, говориць, пойциць къ цару на чай? Пойдзицесь и скажицесь моимъ словомъ, што я дотудова не буду,—хай государъ скуець триста пудовъ тросточку, и на три корхи *срабромъ* подунỳць. И съ самаго помякшаго зялѣза! Помниця, якъ мяне у баню запирали! Тогды я приду къ цару на чай! И аквитантъ поѣхавъ. Доложивъ государỳ, што

отросточка побита, и Казакъ Михайла просивъ, кабъ яму сковали отросточку, триста пудовъ, и на три корхи серабромъ подунуць! Царь удругъ приказавъ аквитанту подаць справнику приказъ, тыхъ кузняцовъ подъ арестъ, а ўзяць другихъ. Узявъ справникъ тыхъ кузняцовъ подъ арестъ. Узявъ другихъ: ахъ, братцы, говорицъ: што вы дзѣлаеця? Тые здзѣлали мошенство, а вы постарайцесь якъ лучче! вы жъ майсцера, бо́льшай мяне знаеця у етымъ дзѣли. Постарайцесь, братцы—получиця награду!—Постараемся, ваша високородзіе, дли васъ, вашъ приказъ сповнимъ получче! Скоро пошли и стали кувацъ. Якъ кувацъ, дыкъ кува́цъ, якъ кувацъ, дыкъ кувацъ, и кували цѣлныя судки. И скували отросточку у судки и приставили къ исправнику. Также исправникъ и цару. Государъ пославъ аквитанта: ну ѣдзь, брацецъ, говорицъ--служи. И проси обядзицелно, штобъ—што не случитца—кабъ не 'ставилъ моѐ прозьбы, прибывъ ко мнѣ! Аквитантъ узявъ и отправился зъ рабочими, и привозицъ. Казакъ Михайла выходзицъ. Здрастуй, говорицъ, аквитантъ!—Здраемъ-жалаемъ, Казакъ Михайла! Што угодно дзѣлайця со мной!—Нѣтъ, говорицъ, ты, говорицъ, по́сланецъ царській! Ну што жъ, говорицъ, скували?—Скували.—Дзѣ жъ ина?—А вотъ! Вялѣвъ подвязьцй. И подвязьли. Казакъ Михайла узявъ у правую руку отросточку и вышовъ у чистое по́ля, расьхивавъ и размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзіцъ часъ, самъ сядзицъ два, самъ сядзицъ три—и просматриваецъ. У чатьвёртомъ часу отросточка справляетца. Казакъ Михайла наставивъ колѣно правое—ета отросточка только угнулась. Ёнъ узявъ, цисканувъ, выпрамивъ яе, узявъ у праву руку, расьхивавъ, размахавъ, и пусьцивъ подъ небеса. Самъ сядзицъ часъ, сядзицъ два, сядзицъ три, сядзицъ четыре—и ў пятомъ часу просматриваецъ,—у пятомъ часу отросточка исправилась и упала на землю: тупымъ концомъ—здзѣлалася сажалка у семъдзесятъ саженѣй растоянія и повтора аршина глыбини,—а войстрымъ, на семъдзесятъ саженей коло́дзяжъ здзѣлалась—и йна не побилась. Ёнъ узявъ яе у праву рукў, и потходзицъ къ аквитанту и говорицъ: слуга царськая, благодару, говорицъ, васъ, што вы скували отросточку! И поѣдзьця икъ цару и скажиця, што я буду ици у дзевяци часовъ вутра, тогды къ цару на чай я зайду. А ўпяродъ пойду къ свойму бацюшку и матушцы, отвѣдаю, ци живы яны, ци здоровы, ци по́мерли. А оттуда пойду къ цару! Аквитантъ поѣхавъ, пріѣхавъ къ государу: Казакъ Михайла казавъ мнѣ, што къ вамъ будзецъ у дзевяцъ часовъ вутра, а прежде ёнъ заѣдзецъ отвѣдаць своихъ бацькo̗въ, *такъ какъ* Казакъ Михайла ня бывъ шесь судокъ! Царъ приказавъ аквитанту свойму выдаць приказы по ўсим*ъ* дзивизія*хъ*, визіённымъ командзерамъ, кабъ кажнаго полка̀, скольки имѣетца, уся музыка збрана, и кабъ усѣ солдаты надзѣли паратну одзѣжу, и поставиць у кож-

нымъ перавулку, дзѣ можно чаловѣку пройцицъ, кабъ и тамъ було, исключая тольки того провулка, гдзѣ невозможно. Музыка, ина по ближнихъ вулицахъ, и начальники водли яѐ! Такъ государъ приказавъ аквитанту. Аквитантъ усимъ начальникамъ приказавъ, тые полковымъ полковникамъ, ротнымъ, такъ пошло дальше. Такъ за одны судки усё войська̀ приготовлено, строгимъ государськимъ анпираторськимъ приказомъ. Такжа и выстроили, исповнили. Идзецъ Казакъ Махайла, уходзицъ у городъ, замѣцили яго, дали приказъ, подавши по полкамъ усимъ—музыка зайграла съ походнымъ маршомъ. Войска пѣсьни, начальство потходзицъ, Казаку Михайлу чесь отдаецъ: здраемъ-жалаемъ, Казакъ Михайла!—Спасибо, братцы, ёнъ сказуецъ, што вы мяне проздравляецця! Аквитантъ царськiй обрачаетца: господзинъ Казакъ Михайла, милосьци просицъ царь цябе!—Эхъ ты, брацецъ, слуга царськая! Ицъ я табѣ сказавъ, слова свойго мѣняцъ ня буду—мнѣ треба своихъ папеньку и маменьку отвѣдацъ! Ицъ ты жъ посылавъ рабочихъ моѐ косьци измѐсьци!—Тогда смотрѝцъ—не находзицъ ёнъ мѣсносьци, идзѣ народу нѣту. Што жъ ето государъ, съ кимъ ёнъ шуцѝцъ? Што ёнъ хоцѣвъ найцицъ на зямлѣ, такихъ на зямлѣ мѣстовъ, идзѣ бъ людзи не ходзили. Вязьдзѐ по зямлѝ людзи ходзюцъ, якъ я вижу! Ну и идзи!—Ёнъ и пошовъ. А Казакъ Михайла пошовъ къ своимъ, папеньку и маменьку отвѣдацъ. Приходзицъ Казакъ Михайла къ свойму бацюшку и матушцы, яны живы, и слабы, и некому имъ прислужицъ ли ихней старосьци. Ёнъ говорицъ: здрастуй! и цалуецъ имъ у рукỳ, бацюшку и матушцы. И яны рады, и бытто якъ поздоровѣли. Принѝли яго и сказали такъ, што мы уже не надзѣялись, кабъ мы цябе видали живого и здороваго.—Эхъ, папенька и маменька: смяшнò мнѣ дли васъ, што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у сво*имъ* мнѣнiи. Я жа вамъ сказавъ, што буду! Я жъ вамъ сказавъ, што вы, при старосьци, будзеця находзитца у царськомъ семéйстьви, и прислуга вамъ также будзецъ! И приставивъ свою отросточку къ етой избушцы. Тогда и самъ увыйшовъ, и сѣвъ обѣдацъ. И ўвидали яны, што ёнъ кушанья кушаецъ такое, што у яго ня можецъ быцъ яно, ня видно было яго. И просицъ ихъ къ сабѣ кушацъ. Яны сказали: благодаримъ, сынъ нашъ рóдный, откудова табѣ Богъ послави ето кушанья? Сѣвъ старикъ исъ старухой, покушали. Тода помолились Богу и благодарàцъ сына свойго рòднаго за хорош*ее* кушанье. Ёнъ имъ отвѣцивъ: благодарицця бóльшай Бога, якъ мяне. А йдзи, бацюшка, и ўняси мою отросточку, кабъ яѐ хто нибудзь не ўтащивъ! Старикъ пошовъ; вышовъ, посмотрѣвъ на отросточку, показалось яму крѣпко страшно. Вороцився старикъ: што такое ли моѐ избушки стоицъ? Казакъ Михайла засьмiявсь и сказавъ, и говорицъ: эхъ, одно я вамъ говоривъ, што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у своимъ мнѣнiи! Ето моя отросточка, съ кото-

рой я довжòнъ пò свѣту пуцешестовацъ, и дойцицъ сабѣ законную жану! Попрощавсь и пошовъ. И старикъ той сказавъ: Богъ табѣ поможи, што ты задумавъ. А мы такъ жа остаёмся, якъ были!

Не ожидаецъ царъ Казака Михайлу, а посылаецъ свойго аквитанта, попросицъ собственно Казака Михайлу, кабъ пріѣхавъ къ яму исъ своимъ папенькомъ изъ маменькой: и буду я видзѣцъ етыхъ стариковъ! Аквитантъ поѣхавъ. Подъѣжжаецъ, на колѣнкахъ павъ, подъѣжжая къ избушцы. Казакъ Михайла увидавъ, выходзицъ и говорицъ: посланéцъ царській! я жъ сказавъ, што я приду, то приду. Я жъ слова свойго не мѣняю! Аквитантъ говòрицъ: а мянѐ жъ посылаюцъ, говорицъ, я довжонъ поѣхацъ!—Ну, бяри мойго папеньку и маменьку, садзи исъ собой и ѣдзьця разомъ къ цару, а я не дальше, якъ чаразъ часъ урема буду йци! Аквитантъ забравъ и поѣхавъ, старика и старушку—и поѣхавъ. Привёзъ стариковъ у царській домъ и доложивъ цару, што привёзъ по приказу Казака Михайлы.—Благодару цябе, аквитантъ, заслужишъ лучче чаго! Што ёнъ цябе уподобавъ. Можа я чаразъ твоё обращеніе избавлюсь со ўсёй своёй чéранью. Коли Казакъ Михайла приказавъ папеньку и маменьку приказавъ привѐзьци, довжнò, ёнъ ихъ у мяне оставицъ пожицъ! Поздоровкався государъ: дзѣдушка и бабушка, не знаю васъ якъ дорожицъ, и не знаю, якъ устрѣцицъ! Узявъ государъ дзѣдушку за руку, а царица бабушку, поцаловали у руки, и повялѝ у свой домъ, и приглашали разныхъ кушаньевъ. Дзѣдъ и бабка говоруцъ то: ваша царськое вяличество! мы не знаемъ сами средствъ, якъ бы упросицъ сына за ваша пріяство. О! Што мы станемъ говорицъ, то ёнъ отвѣщаецъ: што вы вѣкъ зжили и мало разсудку имѣеця у своимъ мнѣніи! Яны сѣли тогды, старики, ѣсь. Черазъ повчаса являетца Казакъ Михайла у домъ царській,—нихто не видавъ съ усяго етого войськà, што былò приготовлено. И говорицъ: хлѣбъ да соль! простымъ языкомъ. Государъ отвѣщаецъ: милосьци просимъ икъ намъ обѣдацъ! Я не знаю, што вы такіе за людзи!—А я Казакъ Михайла, я ёсь сынъ етыхъ стариковъ, которые зъ вами обѣдаюцъ! Царъ спугався, упавъ на мостъ и ўдругъ полежавъ пяцъ минутъ. Узявъ Казакъ Михайла цара подъ рукỳ и поднявъ, и говорицъ: вы чаго у своимъ доми боицёсь? Ёнъ, царъ, проговоривъ слово одно: што я не знавъ и не видзѣвъ, якъ вы увышли ко мнѣ, и якъ ето нихто не могъ васъ видзѣць. Воля ваша, Казакъ Михайла!—Што, я вамъ, високое аппараторство, прощаю, што вы мяне запирали у баню такую, гдзѣ усѣ бесія находзютца! Я избавився молитвой своёй, тэй, которую я изнавъ! И вамъ усяго отъ мяне—кормицъ моихъ бацюшку и матушку тымъ кушаньемъ, якъ и сами, и также одзéжой одной, и такжа кушаньемъ и прислугой! А я, младыжъ-юношъ, хочу пойцицъ у свѣтъ Божій! Государъ отвѣцивъ яму: благодару, Казакъ Михайла, што вы дали

мнѣ небольшое наказанія!—За етымъ до свиданія, ваша анпараторськое вяличество! Я й пошовъ. Государъ спрашіецъ у яго: што табѣ треба на дорогу? можецъ у цябе дзенегъ нѣту?—Ахъ, ваша анпараторськое вяличество, якъ жа вы говòрицця? Штобъ у мяне не было! До свиданія. Я ўже пошовъ! И пошовъ.

Ну, якъ ици дыкъ ици, скоро казка кажетца, ня скоро дзѣло дзѣетца,—потходзиць къ тому жа ляду, самородному. Проса успѣла; смóтра на яѐ, словомъ якъ на лѣсъ. Казакъ Михайла узявъ, махнувъ своей отросточкой вокругъ сябе—нажавъ чатыре снопы, и звязавъ, и самъ сѣвъ, поставивъ ихъ стоймà наўхрастъ. И самъ подъ еты снопы сѣвъ, и сядзіць. Ўдругъ у повночь лошадзь бягиць, ажъ земля-мацъ стогня. Лошадзь прибѣгши къ ляду самородному, и начилà просу ѣсь. Доѣлась до етыхъ сноповъ—пóрснула своими ноздрами и сказала человѣчимъ голосомъ: эй, хто тутъ ёсь? Никòго ў свѣци не боюсь, сключая Казака Михайлы! Казакъ Михайла младый юношъ, ёнъ еще не довжóнъ зайциць сюда! Казакъ Михайла мовчиць сѣдзя. Лошадзь опяць жа повтораець эты самы словы, и разинувъ ротъ на еты снопы. Тольки проглыцѝць—Казакъ Михайла хвацивъ яѐ за грыву яѐ! Смотрѝць—ажъ яна исъ сядломъ, и уздой зануздàна. Усхвацився на яѐ Казакъ Михайла, лошадзь сторопѣла и хвацилась подъ небеса. Казакъ Михайла оправився и сѣвъ вéрхомъ на яѐ, у сядло, настояща, якъ надо быць, молодзецкимъ мнѣніемъ. И ўзявъ отростачку у правую руку, и ударивъ лошадзь одзинъ разъ. Лошадзь почустовавъ, што ударъ больный ёй, и говориць молодзецкимъ голосомъ, што ёсь вѣрно на мнѣ Казакъ Михайла, а инàча нихто! И зморилась сильно лошадзь подъ небомъ, и пала на землю, и ў землю увязла до самыя спины,—тольки спинка вѝдна. Тогда Казакъ Михайла излѣзъ, отвѣщаець лошадзи своёй, што, отъ, лошадзь, говориць: я цябе изъ зямли вызволю, тольки у такимъ то царстьви, у такимъ то государстьви ёсь царевня, пруская королевня, пракрасивая,—такъ што пригожѣй яѐ нѣту у свѣци. Можамъ мы съ тобой туда доѣхаць? И такжа лошадзь я табѣ ящо приговарую, што ина у доми у вособномъ. Тэй домъ кругомъ силной орўдзіяй обнясёнъ, такъ што мало котораа пцица можецъ чаразъ яѐ пераляцѣць. Ци можамъ, лошадзь? Ина яму отвѣщаець: скажи жъ ты мнѣ, якій ты ёсь младзенецъ? Я почустовавъ, што довжно быць Казакъ Михайла! Ёнъ засьміявся, якъ яна ето сказала: вѣрно, говориць, ёнъ!—òтъ цяперъ я табѣ скажу, што я могу *ча*разъ ету орудзію пераляцѣць, и царевна цябе будзець хватаць за руки, и будзець цябе просиць у свой домъ, ты яѐ ня слухай, а тащи къ сабѣ на сядло. И тогда мяне удàр*а*шъ ударомъ лёхкимъ, но не такимъ, якъ цяперъ! Тогда Казакъ Михайла говориць лошадзи: ну, я почустовавъ, што ты мяне понесла больно високо, ужъ просьци мнѣ, лошадзь моя, за етый ударъ, ужо генакъ ня буду! Узявъ зá грыву и вытащивъ ету лошадзь изъ зéмли, и

говориць: ну, о́тъ, лошадзь, и ѣдземъ до царевны! А лошадзь яму объясняець—што е́сь у етого отца у яѐ лошадзь богатырськая тожа. Оцецъ яѐ богатыръ, и ёнъ погонитца у догонъ на лошадзи своей. Казакъ Михайла говориць: благодару цябе, лошадзь, што ты мнѣ сказала, а я и не знавъ етого! Говори мнѣ, лошадзь, и больше чаго! Догониць мяне яѐ оцецъ? Лошадзь яму отвѣщаець: догониць!—Ага! Ну, а побидзиць ёнъ мяне? Лошадзь отвѣщаець яму: побидзиць!—Цссъ! Казакъ Михайла бытто и сумився, и уздумавъ то, што вѐрно мнѣ прихо̀дзитца у чужей сторонѣ свою жись коньчиць. И бывъ обдумавъ ня ѣхаць. А посьля̀ подумавъ то̀, што я разъ родився, разъ и помираць! Поѣдземъ, лошадзь, съ тобой,—што Богъ дась, то и лучи̇тца! И поѣхали. Выѣжжаюць у нѣкоторое царство, у нѣкоторое государство, именно у то, гдзѣ ета царевня, пруская королевня живѐць. И подъѣжжаець къ етому саду, смотриць—силная громадная орудзія. Ёнъ лёхкамъ ударомъ лошадзь ударивъ—лошадзь поднялась подъ небеса,—чаразъ ету орудзію пераляцѣла. И царевня, пруская королевня увидала ихъ, и подбѣгла къ вокошку, и дае́ць яму праву свою руку и просиць яго: эй, говориць: и чуво́мъ чуваць, и видо́мъ видаць—ци самъ бѣлъ молодзецъ наѣжжая, ци воронъ косьци яго принёсъ? И хвацивъ ёнъ яё за руку, а ў комнату икъ ёй не пошовъ, а къ сабѣ узявъ на сядло̀. Бытто лошадзь обидзилась за гласъ царевнинъ, што сказала неподобныя слова, и поляцѣла обратной пуцёй. Пяредьнія ноги чаразъ орудзію пераняслà, задьними торганỳла. Такъ усю ету орудзію поломала на мелкія часьци, и ўвесь городъ кирпичомъ завороцила, усё строеньня, сключая государськаго дома. Етого жъ царевны отца на стайни лошадзь зарзала. Оцецъ жа яѐ ето уремя обѣдавъ. И такъ, бросивъ обѣдъ и бягиць икъ ёй у однэй рубахи: эхъ, лошадзь моя богатырськая! гласомъ сказала мнѣ богатырськимъ, што моя царевна, пруская королевна, давно украдзена и звѐзена. Скажи мнѣ, лошадзь, поправедьни: можамъ мы яго догнаць? Лошадзь отвѣщаець: можамъ!—А звоеваць?—Можамъ звоеваць! Царъ обрацився у свою хвацеру, и хвацивъ войструю мечь, и поѣхавъ у догонъ на своей лошадзи. Наѣжжая на Казака Михайлу. Казакъ Михайла нѣякъ ня ўслышавъ, што иззàдзи на яго лучитца, й узявъ царъ свою войструю мечь, и махнувъ, и зрубивъ голову долой Казаку Михайли! А свою дочь узявъ къ сабѣ на сядло, и лошадзь такжа забравъ, и поѣхавъ. Казакъ Михайла остався няживымъ тое мѣсто.

Пріѣхавъ и сѣвъ добѣдоваць. Добѣдавъ и лёгъ отдыхаць. Царевна ета, пруская королевна, почустовала на сябе жалось, на своимъ щирымъ серцы. И отца жалко, и етого молотца жалко. И подумала такъ: што можа другого такого и ў свѣци нѣту, якъ ёнъ бывъ! Етого жъ цара была вода гоющая и живущая. Царъ етый уснувъ богатырськимъ

сномъ, и бытто якъ изъ дороги. Царевна, пруская королевна, вынила у свойго отца ключики, узила съ кармана, и оцецъ яе ня ўслыхавъ, якъ ина ключи брала. И пошла у склепъ, и ўзила воды гоющей и живущей. И пошла тогды пѣшшу, идзѣ Казакъ Михайла убитый. Прышла, узила, головỳ яго прыложила къ яго жиламъ, якъ треба быць, и тогды полила водой гоющей. Ето ўсё прижилдся. Удругъ жа, ня 'тходзя, царевна полила водой живущей—ставъ живъ—и ўставъ и воскакнỳвъ: ахъ, якъ я крэпко ужасно бывъ уснувъ! И призабывъ собственно ўсё, зачимъ ёнъ доходзивъ. Удругъ, посмотрѣвъ ёнъ ли сябе, сядзѝць крэпко пракрасивая барышня; ёнъ у яѐ и спрашаваець: здрастуйця, хто вы такія ли мяне сядзѝця?—Разьви ты, Казакъ Михайла, уже и не знаешъ, хто я такая? Я ёсь царевна, пруская королевна, пракрасная дзѣвица, и твоя жана, и жалаю быць твоёю жаною! Ёнъ отвѣщаець: да! вотъ, якъ ты мнѣ сказала, я й увознавъ сичасъ! Дзѣ жъ мой лошадзь, охъ, Божа мой—дзѣ жъ мнѣ найциць яго? Смотриць ли сябе у другую сторону—ляжѝць яго отросточка, таа, котораа ли яго способна. Ёнъ и говориць: благодару Бога, што моя отросточка ёсь! Можець я быць, найду и лошадзь свою. Царевна, пруская королевна, не тходзя, отвѣщаець: ты мяне на гэтой лошадзи не достанешъ, а табѣ треба ициць ящѐ у свѣтъ Божій. Ты уже бывъ пераставився и убитъ! Ты пòйдзешъ уновъ страдаць у свѣтъ Божій. И до свиданія на гэтомъ! Порукалиси и поцаловалиси. Идзи зъ Богомъ! Тольки я табѣ сказала, ды щс и ня ўсё.—Прошу цябе, скажи усё, куды мнѣ ициць!—Идзи ты,—у нѣкоторомъ царстьви, у нѣкоторомъ государстьви ёсь Баба-Юга, зялѣзная нога, и ў яе три дòчки; тыя три дочки разнами скѝдаваютца звярыми, разными пераставленіями. То ты наймись у яе и пасьвиць трёхъ кобылицъ! Ёнъ пошовъ. Хоцѝтца яму ужасно ѣсь. Сустракаець, бяжиць яму чаразъ дорогу вовкъ. И говориць Казакъ Михайла самъ сабѣ—што трэба мнѣ етого вовка убиць и зъѣсь, бо печымъ мнѣ поживитца! Вовкъ ето услыхавъ и говòриць: эй, Казакъ Михайла: ня би мяне и ня порци: я табѣ при злой годзини знадоблюсь! Стало яму жалко сововкà. И пошовъ. Отхоцѣлося яму трошку ѣсць. Отъ, ициць дальше. Скоро казка кажетца, а ня скоро дзѣло дзѣетца,—бяжѝць яму чаразъ дорогу заицъ. Ёнъ яго хоцѝць убиць и зъѣсь. Заицъ говориць яму человѣчимъ голосомъ: ня би мяне, ня порци,—я табѣ при злой годзини знадоблюсь! Тэй и пошовъ—отхоцѣлося яму трошку ѣсь. Отъ, и ициць дальше. Потхòдзиць къ мору, и треба яму перайициць чаразъ мòра. Ёнъ самъ сабѣ подумавъ: Господзи, ѣсь мнѣ хочетца, и ѣвъ я давно, и чаразъ мора не ў чемъ: видно мнѣ оставиць усё ето, што пошовъ я чаго доходзиць. Охъ, Господзи, сяду, отдыхну трохи! Сѣвъ отдыхнуць и уснувъ. Троя судокъ уснувъ. У то ўремя силная бура узнилась на мòры, Китъ-рыба разгулялась у моры.

Другъ волна пракрацилась, Китъ-рыба попярдкъ мора задзе́ржилась, и такъ, ниякимъ средствіемъ ня можець исправитца. Казакъ Михайла говориць голосомъ: охъ, Господзи, отрублю етой рыби голову̑, покраплю̀сь я за у̑сю дорогу! Тольки узявъ отросточку, хоциць отрубиць голову̑—Китъ-рыба отвѣщаець: эхъ, Казакъ Михайла: ня би мяне, ня порци, я табѣ при злой годзини знадоблюсь. Ты жъ видзишъ, што я табѣ ужо сычасъ нужна, перайци на тэй бокъ!—Ёнъ узявъ и перайшовъ по ёй. Тогды и говориць: ахъ, трэба яе звороци̇ць у мора! Узявъ за хвостъ и звороцивъ яе у мора. Самъ и пошовъ. Приходзя къ той Баби-Ювѣ зялѣзной нозѣ и каець: добрый дзень!—Здоровъ, молодзецъ! Куды Богъ нясець? Ёнъ ёй говориць: бабушка, я иду—хочу што идзѣ заро́биць!—А што жъ ты жалаешъ, каець: ци дзенегъ, ци хлѣба, ци одзежы, ци чаго!—Ахъ, бабушка, говориць: тогда я вамъ могу сказаць, якъ заслужу̑ у васъ, а вы мнѣ искажи̇ця, икая у васъ служба, моець, дли мяне и цижала̀ будзець! —Охъ, нѣ, молодзецъ—ня будзець цижала: у мяне у̑сяго трохъ кобылицъ пасьциць троя судокъ!—Хорошо, бабушка, отвѣщаець ёй. Моець, и исповню ето!—Ну, й оставайся! Отъ табѣ ужинаць, и ночуй, и зау̑тра ураньни уставай, я табѣ сягодьни укажу, дзѣ мое̇ кобылицы стояць! Ина и у̑казала. Ну, й кладзись спаць, добрый молодзецъ! Ёнъ лёгъ спаць. Пераспавъ. Устаѐць съ утра и идзець у сарай; отчинивъ сарай—кобылицы, да! голодныя. Ёнъ гнаць. Бабушка послыхала,—охъ, молодзецъ добрый! Што жъ ты гонишъ и ня ѣвши, и съ собой ничо̀го не бяре́шъ, на̀ табѣ хоця одзинъ пирожокъ! Ёнъ узявъ пирогъ, погнавъ. Выгнавъ у зялёные луги, у шавко́выя травы, на крыницшныя воды, и самъ разославъ свою свиту и лёгъ. Полежавъ троху, ды пирогъ зьѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ и у̑снувъ. Якъ уснувъ, такъ два часа проспавъ. Прошнувся, посмотрѣвъ вокругъ—нема кобылицы. Ёнъ и пошовъ. Молодзецкой ходо̀й, молодзецкой ступо̀й—во всѣ чатыре стороны, отыйшовся вёрстъ по питьдзесятъ—нема кобылицъ. Ёнъ и ставъ, да й плачець. Бяжиць вовкъ тэй: эхъ, Казакъ Михайла,—чаго плачешъ, чаго рыдаешъ?—Якъ жа мнѣ не плакаць или ня рыдаць, што я остаюсь при нещасномъ злу̑чаи, што у мяне нѣту моихъ кобылицъ, которыхъ я у̑звявъ на свое̇ руки пасьвиць! Вовкъ яму говориць: ага, каець, во—я знаю, говориць, дзѣ твое̇ кобылицы—табѣ ихъ не найциць! Стой жа тутъ на етымъ мѣсьци,—яны были кобылицами, а цяперъ вовчицами,—стой жа тутъ на етымъ мѣсьци, и синій камень хапа̇й, и на ихъ кида̇й—якъ мы ихъ будземъ гнаць! Ёнъ и стойць. Тойчасъ гонюць ихъ—ирвуць за заднія ноги, звяръё, вовки̇. Ёнъ синій камень хапаець и на ихъ бросаець, и говориць: якъ были вовчицами, такъ пераставцесь кобылицами! Яны якъ были вовчицами, такъ и пераставились кобылицами. Ёнъ и сѣвъ на ихъ ве́рхомъ и поѣхавъ. И давай ихъ своёй отросточкой угощаць. Яны

ажъ стогнуць. Подъѣжжаець къ дому къ ихнему, и выходзиць ета сама Баба Юга зялѣзная нога и спра*шаваець*, не были ли кобылицы у шкодзи, либо гдзѣ, што ты опоздавъ зь имы на хвацеру ицицъ—уже скоро сонца зайдзець, а я табѣ приказавала, кабъ не позьнився. Ну, добрый молодзецъ, прощаю табѣ на первый разъ, а заўтра постарайся пораньше! Ёнъ загнавъ кобылицъ, Баба Юга дала яму вячерацъ, посцель послала. Ложись, добрый молодзецъ, отдыхай—ты заморився! Ёнъ и лёгъ, повячеравъ, помолився Богу и лёгъ спаць. И спиць. А я табѣ говору, добрый молодзецъ, —я пойду у баню помыюсь, а ты будзь у дворѣ. И я табѣ говору, спи ня вочань крэпко, кабъ никто ничагò не ўтащивъ!—Идзи, бабка, ёнъ каець на яѐ. Отъ ина и пошла. Етыя бабы собачка, чорной шерсьци, росту небольшого, потходзиць и говориць: охъ, здрастуй, добрый молодзецъ, Казакъ Михайла! Отъ, ёнъ и удзивився тогды: Господзи, почаму ёнъ моець знаць, што я Казакъ Михайла?—Я табѣ скажу, што Баба-Юга дзѣлаець сичасъ! Ина цяперъ у бани своихъ дочекъ усихъ наказаваець. Хоцишъ увѣрацъ мою правду, то идзи, посмотри! Ёнъ и пошовъ. Пошовъ. Потхóдзиць къ бани. Отомкнувъ вокошко и смотриць незамѣтно, кабъ ина ня ўвидала. Ина бъець и приказуець сярэдьней сястрѣ: што óтъ, шельма, большая измянила своё слово, а ты, бесція, не мѣняй. Кабъ вы сьхинулась зайчицами, и зьбѣгли у цёмный лѣсъ, подальше, якъ прошетшій дзень. Ёнъ жа васъ тамъ ня дóвжанъ найциць! Срэдьняя отвѣщаець: слушаю, маменька, сповню! Ёнъ упяродъ пошовъ и лёгъ, и спиць, бытто нигдзѣ ня бывъ. Удругъ давъ Богъ дзень. Ёнъ жа своимъ опяць порадкомъ бярѐць,—уставъ, Богу помолився, и бярець оброцѝ, и идзець у сарай, брытáець кобылицъ, садзитца и поѣжжаець. Баба-Юга послыхала: охъ, молодзецъ добрый, што жъ ты гонишъ ня ѣвши,—ты ѣсьци захочешъ!—А, бабуша, я моець сягодьни не захочу ѣсьци, я хорошо повячеравъ!—Нѣ, возьми, нà табѣ пирожокъ, зьѣжъ, захочешъ. Ёнъ не хоцѣвъ узяць—али ўзявъ. И выгнавъ у зялёные луги, у шавковыя травы, на крынишныя воды. Кобылицы ходзюць. Посмотрѝць на етый пирогъ, такъ яму ѣсць хочетца. Ёнъ узявъ, зьѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ и ўснувъ. Якъ уснувъ, такъ тры часы проспавъ. Прошнувся, посмотрѣвъ вокругъ—нема кобылицъ. Ёнъ и пошовъ. Молодзецкой ходóй, молодзецкой ступóй—во всѣ чатыре стороны отыйшовся вёрстъ по питьдзесятъ—нема кобылицъ. Ёнъ ставъ, да й плачець. Другъ бяжиць къ яму заицъ: чаго, добрый молодзецъ, плачешъ, чаго рыдаешъ?— —Якъ жа мнѣ не плакаць, или ня рыдаць, што я остаюсь при нещасномъ злўчаи, што у мяне нѣту моихъ кобылицъ, которыхъ я узявъ на своѐ руки пасьвиць! Заицъ яму говориць: ага, каець, во—я знаю, говориць, дзѣ твоѐ кобылицы—табѣ ихъ не найциць. Стой жа тутъ на етымъ мѣсьци: яны были кобылицами, а цяперъ зайчицы,—стой жа тутъ на етымъ

мѣсьци, и синій камень хапай, и на ихъ кидай, якъ мы ихъ будземъ гнаць. Яны дальше удвойнѣ, чимси учора были! Ёнъ ставъ и стоицъ на етымъ мѣсьци. Другъ гонюць ихъ зайцы—ирвуць за заднія ноги. Ёнъ синій камень хапаецъ, и на ихъ бросаецъ, и говорицъ: якъ были зайчицами, такъ нераставцесь кобылицами! Яны якъ были зайчицами, такъ и нераставились кобылицами. Ёнъ и сѣвъ на ихъ вѐрхомъ и поѣхавъ, и давай ихъ свой отросточкой угощаць,—яны ажъ стогнуць. И пріѣжжаецъ, тольки—тольки сонійка зайшло. И выходзицъ Баба-Юга и говорицъ: охъ, добрый молодзецъ, плохо стараесься объ службѣ своёй, позно приводзишъ!—Ну, ничавò, бабка,—погода была, кобылички нямного зыкались (зыкъ), дыкъ яны ня вочань хорошо пасьвились днёмъ, дыкъ я пасьвивъ попозьнѣй! —Ну, я табѣ не позволяю, а сягодьній разъ я табѣ прощу, ды глядзи заўтра не спозьнись, а то пропала твоя служба—я табѣ ничòго не заплачу! Ну, ложись спаць, никўды не ходзи, я пойду у баню помыюсь! Баба Юга узила тры возы зялѣзнаго прутьця, и начила, повизла, у баню съ собой. И начила биць; поломала уси еты тры возы прутьця надъ срэдьней дочкой и прикáзыецъ мéньшай: вотъ, прохвостая, табѣ приказую посьлѣдьній разъ: ськинутца рыбицами и у цéмное мòра на дно. Пойдзіцъ на своё мѣсто! Ну, яны пошли, стали у сараи. Давъ Богъ дзень —Казакъ Михайла уставъ, Богу помолився, и бярецъ оброцѝ, и идзѐцъ у сарай, брытáецъ кобылицъ, садзитца и поѣжжаецъ. Бабка послыхала: охъ, молодзецъ, што жъ ты гонишъ ня ѣвши? Ты знаешъ, што надо ѣсь. Я вò спала, нездорова, а й то ѣсь хочу. Нà во пирожокъ, зьѣжъ—захочешъ! Ёнъ не хоцѣвъ узяць—али ўзявъ. И вывевъ у зялёные луги, у шавкòвыя травы, на крынишныя воды. Ёнъ узявъ етый пирожокъ, вёрстъ на питьдзесятъ отъ сябе отбросивъ, и думаецъ: ня буду видзѣць, ня будзецъ ѣсь хоцѣтца. Самъ разославъ свою свиту и лёгъ. Хочетца ѣсь яму худжай якъ тогда. Пошовъ молодзецкой ходóй, молодзецкой ступой. Поднявъ етый пирожокъ и зьѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ на дорози и уснувъ, не доходзя̀ до своёй сермяжки. И проспавъ тры часа. Прошнувся, нема кобылицъ. Ёнъ и пошовъ. Молодзецкой ходой, молодзецкой ступой—во всѣ чатыре стороны отыйшовся вёрстъ по питьдзесятъ—нема кобылицъ. Пришовъ къ цёмному мору и плачецъ. Другъ Китъ-рыба являетца. Чаго, говорицъ, Казакъ Михайла плачешъ, чаго рыдаешъ?—Якъ мнѣ не плакаць, якъ не рыдаць: посьлѣдьній дзень дослужиць—и кобылицъ нема, и совнюшка захóдзицъ! Китъ рыба яму отвѣщаецъ: отъ, цяперъ я табѣ знадоблюсь, яны были кобылицами, цяперъ стали рыбицами, и у цёмномъ моры на днѣ. На етымъ мѣсьци стой, синій камень хапай и на ихъ кидай, якъ мы ихъ будземъ гнаць! Ёнъ и стоицъ. Тойчасъ гонюць ихъ. Ёнъ синій камень хапаецъ, и на ихъ бросаецъ, и гово-

рицъ: якъ были рыбицами, такъ пераставцесь кобылицами! Яны якъ были рыбицами, такъ пераставились кобылицами. Ёнъ ихъ побрытавъ, сѣвъ па меньшую дочку и давай ихъ угощать отросточкой своёй, и тымъ боли меньшую. Тогда, пріѣхавъ къ воротамъ—совнюшко ужо зайшло порадошно. Охъ, голубецъ, каецъ, позно!—Ну, бабка, посьлѣдьній вечаръ—попасовавъ хорошо!—Ну каецъ, Богъ съ тобой, идзи вячерай, и ложись спаць, а я пойду у баню мытца, а ты будзь у дворѣ. И спи ня вочань крэпко, кабъ нихто ничого не ўтащивъ! Я коли не помыюсь, дакъ ночи не пераночую сягодьнишней! Ёнъ пошовъ, и лёгъ спаць. А бабка узила тры возы зялѣзнаго прутьця и повизла у баню съ собой. Собачка жъ гэтый къ яму потходзя къ посьцели, и говорицъ: эхъ, Казакъ Михайла, ты спишъ, а ня спи, идзи посмотри, што бабка приказаваецъ своимъ дочкамъ! Ёнъ уставъ и пошовъ у баню. Подышовъ подъ вокошко и смотрицъ. Баба Юга била, била дочекъ, тогда на бо́льшую: идзи, говорицъ, сукина дочка, сюды: кархай трохъ жарабцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, золотая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка! Яна кархануля. Тогда на срэдьнію тожа: идзи, говорицъ, сукина дочка, сюды—кархай трохъ жарабцовъ: голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, золоцая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка! Яна кархануля. Тогда позвала бабка меньшую: а ты кархай двухъ жарабцовъ, а посьля̀ коросьливаго жарабца, горбатаго, неўдало́го! Ина й кархануля двухъ жарабцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, золотая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка, а третьцяго: коросьливаго, горбатаго, неўдало́го. Тогды баба узила, усихъ зь етыхъ восьми жарабцовъ силу выбрала и ў етого у коросьливаго уложила. Казакъ Михайла полядзѣвъ, и побѣгъ напе́радъ, и лёгъ. Ина повела и постановила жарабцовъ восемъ, и кобылицъ, а дзевятаго у цѣсный кутокъ. Казакъ Михайла пераночававъ—уставъ уравьни, умывся, Богу помолився, и ожидаецъ, покуль Баба Юга устанецъ. Устаѐцъ бабушка: ну, говорицъ, добрый молодзецъ: што хочешъ за труды? Ты ня вѐрно служивъ, да ужо я табѣ прощаю. Што хоче́шъ: ци гроши, ци што?—Эхъ, бабка, за гроши ще убъѐцъ хто небудзь.—А чаго жъ ты жалаешъ?—Я, бабка, хочу отъ васъ узяць жаребчика!—Ну, жаребчиковъ—у мяне, говорицъ, восемъ жарабцовъ ничого, каецъ, а дзевятый—дыкъ дрэнный. Дыкъ мижда восьми выбирай сабѣ котораго хочешъ!—Хорошо! Бабушка отчинила конюшню, стояць жарабцы: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, золотая шарсьцинка, сяребраная шарсьцинка, а дзевятый неўдалый-коросьливый, горбатый и сляпый. Ина й говорицъ: ну, вотъ, етыхъ бяри, зъ восьми, а тэй няўдалый! Ёнъ ёй отвѣщаецъ: охъ, бабушка, говорицъ: вамъ нехай хорошіе! Вы ня вочань доволны оставались службой, дакъ Богъ зъ вамы—я возьму худшаго!—А нѣ, каецъ: бяри уже зь етыхъ, я прощаю табѣ!—А хай сабѣ, будзецъ мнѣ

и тэй хорошъ!—Ну, каець, жалко, жалко, ты зь имъ пропадзѐшъ, али ўже трэба отдаць! Спорила, спорила и отдала. Ёнъ и повёвъ. Повёвъ, отвёвся, привёвся къ мору, и говориць,—садзитца на яго хоцѝць. Ёнъ на яго отвѣщаець: нѣ, говориць, Казакъ Михайла: не садзись на мяне, не глуми, я, говориць, ще младъ, дакъ ня выдзержу. Самъ ложись спаць, а мяне отпусьци маткинаго молока пососаць, тогды я больше силъ набярусь! Казакъ Михайла лёгъ спаць, а лошадзь, жаребчикъ, пошовъ маткина молока ссаць. Вотъ цяперъ Казакъ Михайла троя судокъ спавъ, а жаребчикъ троя судокъ маткино молоко ссавъ. Вдругъ бяжиць, ажъ земля маць дрыжиць. Казакъ Михайла со сна устаець, осма̀траваець самъ сябе, хватаець отросточку свою, хоциць размахнуць и ўбиць: потому ёнъ оторопѣвъ. Молодзецкимъ голосомъ и лошадзинымъ посвистомъ лошадзь говориць яму: эхъ, Казакъ Михайла! ня бей мяне, ня порци, я лошадзь твоя! Ты поѣдзешъ на мнѣ цяперъ и ўзнаешъ, достанешъ нявѣсту свою, которую ты пирадо́мъ достававъ! Казакъ Михайла повесялѣвъ. Удругъ сказавъ: слава табѣ Господзи, што можа я оправлюсь цяперъ! Сѣвъ, бяреци за ўзду лошадзь, и садзитца на её. Садзитца на её и объясняець ёй: што въ такомъ то царстьви, въ такомъ то государстьви, е́сць царевня, пруская королевня, живець у садзи-виноградзи, въ особенномъ доми отъ свойго отца, отъ мацяры. Той жа садъ сѝлный, орудзiяй обагра́жанъ такъ, што рѣдко которая пцица можець пераляцѣць чаразъ ту орудзiю. Мы съ тобой, лошадзь, можамъ пераляцѣць? Лошадзь отвѣщаець: можамъ! И того жъ государа ёсь лошадзь такая, богатырськая, и самъ етый государъ богатыромъ—и можець ёнъ насъ съ тобой догнаць?—Можець, говориць. А звоеваць можець?—Нѣ, ня можець!—Ну, хорошо, говориць. Благодару табѣ, —слава Богу, што ня можець.—Тольки, говориць, не ходзи къ ёй у покои, а тащи къ сабѣ на сядло, и ударашъ мяне ударомъ лёхкимъ! Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Ѣдзець. Подъѣжжаець къ етому саду, ударивъ ету лошадзь свою цихимъ ударомъ, ина пераско́чила чаразъ ету орудзiю, и прискочивъ къ царевни, прускаой королевни. Увидала ина и говориць: ни чуво́мъ чуваць, а видомъ видаць—ци самъ бѣлъ молодзецъ наѣжжая, ци воронъ косьци яго заношаець?—Нѣ, говориць: ня воронъ косьци заношаець, а бѣлъ молодзецъ наѣжжаець!—Ну, прошу васъ, говориць, у комнату! —Нѣтъ, я прошу васъ къ сабѣ на сядло! Узявъ яѐ за правую руку, посадзивъ у сядло; лошадзь жа разсярчала, што царевна сказуець неподобныя сло́вы, и уляцѣла. Лошадзь жа ета, стоя на стайни, зарзала богатырськимъ голосомъ. Царъ самъ ето ўремя спавъ. Уставъ, одзѣвъ на сябе тухли, и бягиць у однэй рубахи, бизъ усяго.—Эхъ, лошадзь моя богатырськая, чаго ржéшъ, чаго мяне зовéшъ?—Вы спиця, а ўже наша королевна увезена давно, и уже далеча отляцѣли!—А што, каець,

лошадзь моя, можамъ догнаць?—Можамъ!—А звоеваць?—Нѣтъ, ня можамъ! Вотъ государъ и сумився. Што жъ будзець: догнаць догонимъ, а звоеваць, отняць, ня можамъ,—значитца, прйдзетца жись свою пококьчиць! Ну, ужъ дзѣлаць нечаго, пришовъ у комнаты одзѣвся, одзѣвъ на сябе одзѣжу и ўзявъ съ собой войструю мечь, и поѣхавъ. Осядлàвъ свою лошадзь и поѣхавъ. Наяжжая на Казака Михайлу; тольки разложивъ свою войструю мечь, вынивъ исъ пахвы, и ўзявъ у правую руку и хоцѣвъ махнуць Казаку Михайли, кабъ головў долой. Казакъ Михайла ня ўслышавъ етого. Лошадзь яго трóпнула задней ногой, и ўбила гэту лошадзь. Тогда Казакъ Михайла послышавъ стукъ, оглянувся назадъ,—отляцѣли дзесяць вёрстъ оттуль. И ўвидавъ яго и обдумався: што жъ, лошадзь моя, ето вѣрно насъ догоняюць?—Да, говориць, вѣрно!—Што жъ ето за стукъ бывъ? —А ето, говориць, я правой нóгой яго лошадзь убивъ; а ёнъ самъ застався у живыхъ!—Вороцись, лошадзь моя, назадъ: я й яго побиджў! Лошадзь вороцився туда. Ёнъ наяжжая, налятў якъ давъ своей отросточкой, такъ и ўснувъ тэй царъ па мѣсьци! И не ўправився ничого ухвациць оборонитца! Самъ и поѣхавъ. Отъ, ѣдзець. Якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць, якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць, узьѣзжжаець на чистое пóля подъ своимъ царствомъ, огромадное пóля. Усё то пóля побитымъ войськомъ укрыто, и такъ, што лошадзь яго по щотки идзѐць у крывѝ. Ёнъ уѣхавъ посрадзѝ поля того, и спрашаваець: эхъ, господа кавалерія, руськаго царя воины, хто тутъ ёсь битъ и хто не добитъ? Отгукнѝцеся, отзывнѝцеся, и скажиця, хто ето восько положивъ? Ну, хто не добитъ, обозвався: ето восько положивъ Трўхонъ-молодзецъ.—А съ кимъ ёнъ бъѐтца-дзярѐтца?—Зъ Бабой Ягипицой!—А за што яны бъютца-дзярутца?—Хочець Бабу Ягипицу зьбиць и дочкў замужъ узяць за сябе!—А ў которымъ часу яны билиси?—У дзевятымъ вутра, отвѣщаець. Ёнъ вынивъ часы, посмотрѣвъ и поѣхавъ. Отъ, якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць, якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць,—скоро казка кажетца, да не скоро дзѣло дзѣетца—пріѣхавъ на другое пóля—ще больше поля ще больше войська положкано. Ужо лошадзь яго идзець по колѣны у крывѝ. Ёнъ уѣхавъ посярòдъ пóля того и спрашаваець: эхъ, господа кавалерія, руськаго царя воины! Хто тутъ ёсь битъ и хто не добитъ? отгукницеся, отзывницеся, и скажиця, хто ето восько положивъ? Ну, недобитый обозвався: ето восько положивъ Трўхонъ-молодзецъ!—А съ кимъ ёнъ бъетца-дзяретца?—Зъ Бабой-Ягипицой!—А за што яны бъютца-дзярутца?—Хочець Бабу-Ягипицу зьбиць и дочку за сябе замужъ узяць! —Болванъ ёнъ! за штò много такъ силы кладзѐць! А ў которымъ часу яны билиси?—У дзесятымъ вутра! Ёнъ вынивъ часы, посмотрѣвъ и поѣхавъ. Якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць, якъ ѣхаць, дыкъ ѣхаць—скоро казка кажетца, да не скоро дзѣло дзѣетца—узьѣжжаець на третьцее пóля.

Еще больше пбля, еще больше воська положано. Уже лошадзь яго идзець по бруху у крывй. Ёнъ узъѣхавъ посярбдъ пбля того и спрашаваець: эхъ, господа кавалерія, руськаго цара воины! Хто тутъ ёсь битъ и хто не добитъ? отгукницеся, отзывницеся, и скажиця, хто ето восько положивъ? Ну, недобитый обозвався: ето восько положивъ Трўхонъ-молодзецъ!—А съ кимъ ёнъ бъётца-дзяретца?—Зъ Бабой-Ягипицой!—А за што яны бъютца-дзярутца?—Хочець Бабу-Ягипицу зъбиць и дочку за сябе замужъ узяць!—Болванъ ёнъ! за штд много такъ силы кладзёць! А ў которымъ часу яны билиси?—У одзинатцатымъ вутра! Ёнъ и поѣхавъ: ужо лошадзь свою гониць получче. Подъѣжжаець къ хвацери Трўхона-молотца, пасётца яго лошадзь подъ яго окошкомъ, и Трўхонъ-молодзецъ самъ обѣдаець. Ёнъ злѣзъ съ своѐ лошадзи и обдумався: эхъ, почаму я знаю, хто изъ насъ сильнѣй? дай-ка угадаю! Пусьцивъ свойго коня на коня Трўхона-молотца,—такъ лошадзь Казака Михайлы якъ дунула ноздрами, такъ тая отбѣжалась вярсты на три отъ того мѣста, а Казака Михайлы лошадзь узила ѣсь пищь тую. Казакъ Михайла ужъ повеслѣвъ; идзёць прамо у домъ Трўхона-молотца. Отросточка тожъ стоиць у пяредьней комнаци. Казакъ Михайла узявъ яѐ у лѣвую рукў, а свою у правую, и бъёць одна объ одну. И праговáруець: чія тросточка побъётца, той и самъ плошѣй! Трўхона молотца отросточка бъетца, якъ горщокъ, отъ Казака Михайлы отросточки. Трўхонъ молодзецъ, обѣдая, и ўслыхавъ. Посмотрѣвъ у вокошко—и лошадзь яго отогнáта, и чужая пищь ѣсь яго. И ёнъ и закричавъ: хто ёсь у моёмъ доми? Никого у свѣци не боюся, опрични Казака Михайлы! Тольки я слышавъ такъ, што яго нѣту и живого на свѣци. Обрачáстца бѣжаць—ёнъ стоиць. Спрашіець: эхъ, ни чувдмъ чуваць, а видомъ видаць! Ци самъ добрый молодзецъ заѣхавъ, ци воронъ косьци занёсъ? Скажи мнѣ своимъ словомъ праведнымъ: хто ты ёсь такой? И прошу цябе ко мнѣ обѣдаць умѣсьци со мной! Казакъ Михайла отвѣщаець яму: ты, Трўхонъ молодзецъ, довжанъ узнаць самъ! Узялися за руки и пошли обѣдаць. Я, кажетца, бытто, якъ Казакъ Михайла, али я раскажу табѣ злучай, што бытто цябе убито! А ёнъ яму отвѣщаець: правда, говориць: я бывъ убитъ! Ну, узялися за руки и пошли съ Трўхономъ, узялись обѣдаць, богатырськія напитки пиць, и богатырськія между сббе разговариваць слова. И Казакъ Михайла сказавъ на свою лошадзь: эхъ, лошадзь моя, хай жа и та ѣсь; мы жъ помиримся другъ зъ другомъ—насъ мало такихъ ёсь! И обѣдаюць, и лошадзи умѣсьци стали ѣсь пищь богатырськую. Казакъ Михайла говориць: знаешъ што, што я табѣ скажу? мы посьля̀ обѣда выѣдземъ съ тобой на чисто пбля и попробуемъ съ тобой сами міжда сббе даць по ўдару! Тогда, который зъ насъ сильнѣй остáнетца? И поѣхали тэй на своей лошадзи,

тэй на своёй. Выѣхали на поля и спрашуюць: ну, который изъ насъ постоиць перадомъ, а тэй будзець отъѣжжаць? Казакъ Михайла отвѣщаець: што я перадомъ постою! Ну ты, скольки ёсь силы лошадзиныя, такимъ лётомъ отъѣжжай, и ты не жалѣя мяне ударъ, кабъ намъ узнаць правду безъ усякой ошибки! Тэй отъѣхавъ, разогнався, скольки ёсь силы лошадзяныя, ляцiць,—якъ ударицъ Казака Михайлу! и самъ поѣхавъ опяць. Казакъ Михайла якъ стоявъ, такъ и стойць. Ёнъ спрашiецъ у лошадзи своёй, Казакъ Михайла: хто коло насъ бывъ? Лошадзь яму отвѣщаець: ето довжно быць щамéль приляцѣвъ, погудзѣвъ и назадъ поляцѣвъ! Тогды ёнъ засьмiявся самъ сабѣ и повесялѣвъ, и говориць лошадзи своёй: што довжно быць тое прáведно, што сильнѣя насъ никогó нѣту во ýсимъ свѣци божжамъ! Такъ и узрадовався. Ѣдзець Трухонъ молодзецъ во весь лошадзиный духъ и наяжжая одзѐржуець лошадзь свою, и одзѐрживъ. И говориць Казакъ Михаилъ: вы узнаць могли на скольки вы вѐрстъ отъѣжжали отъ мяне? Трухонъ молодзецъ говориць: я отъѣжжавъ на тритцаць вёрстъ.—А ударивъ ты мяне усими силами, не жалѣя? Трухонъ молодзецъ говориць такъ: нѣ, говориць, не жалѣя ударивъ!—Ну, цяперъ ты стой на етымъ мѣсьци, я поѣду! Казакъ Михайла ня ѣхавъ на тритцать верстъ, а не больше дзесяци, и ѣхавъ совяршенно походнымъ шагомъ лошадзинымъ. И вынивъ платокъ съ кармана, подъѣжжая къ Трухону молотцу у близкомъ разстоянiи. И махнувъ платкомъ—такъ Трухонъ молодзецъ едвали не упавъ зъ лошадзи, и сказавъ: эхъ, Казакъ Михайла, воля ваша, дзѣлай што хочешъ! насъ двое было, ну я проци цябе младъ, и ў третьцiю часъ не дойшовъ до цябе. Попрошу цябе поѣхаць, зь егой Бабой Ягипицой, зялѣзной ногой, подратца за мяне! Хорошо, Трухонъ молодзецъ! Я цябе послухаю, поѣду, зъ Бабой Ягипицой подзяруся. Можець быць окажетца ина посильнѣй мяне! И поѣхавъ. Прiѣхавъ у чистое поля зъ Бабой Ягипицой. Тая выѣхала тожа. Сышлись; ёнъ яѐ увидавъ у глàзы и говóриць: эхъ, бабка, якъ мы будземъ дратца съ тобою? на травѣ намъ будзець няловко. Дуни-ка, бабка, во ýси четыре стороны, кабъ бывъ голый токъ! Баба дунула уво ýсѣ четыре стороны—здзѣлався чистый токъ: кусты позносила,—усё! Эхъ, Трухонъ молодзецъ (не знаючи): такъ намъ будзець на току ня удобно! Дуни-ка, кабъ пяскомъ на ýси еты поля! Ёнъ дунувъ; здзѣлався пясокъ. И начали дратца. Ина яго бъець своёй кочаргой, а ёнъ яѐ бьець своёй огросточкой. Убивъ Бабу-Ягипицу по поясъ у зéмлю, а ина яго стала просиць: эй, Трухонъ молодзецъ, цари, короли бъютца, отдыхъ мѣюць, а ты не даешъ отдыхаць! Ёнъ ёй отвѣцивъ: нѣ, баба, я не жалаю отдыхаць и табѣ не дамъ! Остаѐтца—бабу убиваець у землю по шiю. И ýбивъ, головý зьбивъ éй, тулово вырвавъ и спаливъ на мелкiй попелъ, и раздувъ попелъ, и поѣхавъ къ Трухону молотцу. Отъ, Трухонъ молодзецъ: твою Бабу Ягипицу я ýбивъ непрiя-

целку!—Ну, што жъ, Казакъ Михайла, ну што жъ, каець, якъ дочку будземъ: останетца мнѣ, ци сабѣ возьмешъ? Казакъ Михайла отвѣцивъ такъ: ты жъ видзишь, што моя у мяне ёсь жана, и мнѣ ня нужно больше, зъ мяне довольно одпой; а ты забирай сабѣ яѐ,—ци ўсихъ трохъ! Трухонъ молодзецъ засьмiявся и сказавъ: вотъ дакъ другъ, Казакъ Михайла, дороже стоиць рóднаго брата! Родный братъ ня можець раздзялиць, якъ Казакъ Михайла! И до свиданьня! Благодару табѣ!—Живи здоровъ! и пользуйся етыми красавицами. А я свою забираю и жанюсь зь ёй и живу! Попрощались,—тэй у своё мѣсто, тэй у своё, и живуць—поживаюць, добра наживаюць.

Д. Бабиничи, пуляевск. в. Кр. Макаръ Алексѣевъ, 47 л., негр.

6. Медвѣжьи сыны.

Одна купечацкая жана съ корзинкой пошла шукать грыбовъ. Потомъ, откуда узявся мядьвѣдь, большый, ухапивъ яѐ и понёсъ у лѣсъ. Прынёсъ у свою лóгву, гдѣ ёнъ, значить, ляжыть,—у логвò своё. Осмотрѣвся мядьвѣдь, що женщына мéртва,—значить,—спугалася. Смóтра мядьвѣдь на яѐ, що дѣлать зъ ёй? Ёнъ яѐ покачавъ—лупнýла жана купечацкая, стала лядѐти. Мядьвѣдь ставъ ласкать яѐ, давъ ёй прыдовóльствiе, щóбъ значить яна не пугалася. Ставъ яѐ кормить, и потомъ жыть изъ ёй ставъ, такъ, якъ ижъ жаной. И прожывъ ёнъ нѣскольки уремя зъ ёй, и прыжывъ, и яна стала бярэменна. И родила двухъ сыновъ. И назвала бóльшаго Костя, а другого Ваня. И такъ жыли *они* умѣсти много лѣтъ, —лѣтъ пятьнатцать тамъ и большы. Купчиха ета помéрла, осталися дѣти сами, и прожывали зъ мядьвѣдямъ, съ отцомъ своимъ. Пóтомъ мядьвѣдь почўствувавъ свою смерть и дужа зарóвъ. И стали збиратца много мядьвѐдявъ. Назбиралось ихъ много; ёнъ усихъ ихъ расправивъ, тольки оставивъ двохъ сабѣ мядьвѣдявъ. И прыказавъ имъ соблюдать, одному—Костю, а другому—Ваню, одному одногò, а другому другóго. Пóтомъ, звярнувъ дуба мядьвѣдь и доставъ богатырскiе доспѣхи, и давъ имъ по кольцу и по шабли тамъ, и по диньджáлу, и сказавъ: вотъ, моѐ сыны! якъ вы пóйдетя у разныя мястà и городà, то вы возьмѝтя, два диньджала етыхъ уторкнитя ў зямлю. А якъ будетя далéко, и подумая братъ на брата, похóчетца ямў знать, якъ ёнъ жывѐ на свѣти, ти жывъ, ти мяртвъ, такъ нехай прыдя на ето мѣсто и посмотра диньджалъ. И коли етый диньджалъ будя свѣтлый,—якъ утóркнутъ, такъ сичасъ свѣтлый,—дакъ значитца мой братъ жывъ и здоровъ. А коли будя чорный и крывавый, то навѣрно хоть убитъ надѣятца (неопр. накл.), ти ў тямници будя сидѣть! Парасказàвъ етый мядьвѣдь усё своимъ [illegible]намъ, и потомъ помéръ

и мядьвѣдь. Дѣти яго, сыновья, поховали яго якъ отца, и довго плакали по ёмъ, по матяры, по отцу, и скорбѣли значитца, що осталися сиротáми у пустыни. Такъ яны подумали между собой, братъ зъ братомъ. И говóра большій, Костя: братъ Иванъ, пóйдемъ мы ў свѣтъ, побачимъ людей и разныхъ *овѣщей*! Намъ будя весялѣя жыть на свѣти! Такъ, що подумали, то и случилось. Узяли своѐ ўсѣ отцовскіе доспѣхи своѐ, и пошли у ходъ. И медьвѣдя, котораго подаровáно имъ, каждый свойго смóтра, слўжа имъ вѣрно. И ўзяли сабѣ и согнули по дубу, прытыркнўли етымъ диньджаломъ вяршины у зéмлю, прытыркнўли, щобъ было имъ мѣсто прымѣтное. Пóтомъ помолились Богу, пошли ў путь. Ишли, ишли яны дорогою, мѣсяцъ или годъ, ти бóляй, и нашли яны дорогою—случилось имъ двѣ дороги. Костя братъ и говóра Ивану: иди ты, братъ, одной дорогой, а я другой. Коли жъ ты попéрадъ уздумаешъ на мяне, то посмотрышъ диньджáла—здоровъ я буду, или ўбитъ. Тогды братъ брата значитца будемъ шукать, идэ ёнъ дивсь! Попрощалися тамъ, и разышлись. Ишовъ, ишовъ Костя по 'дной дорози, и нахóдя на городъ на одинъ. И видя большый городъ, и во ўсёмъ городи усё тёмно, и ўсё смутные люди, немà вясёлаго ничóго. Ёнъ спрашуя: ти немà дэ помящэнія параночавàть? Вотъ ямў говóрать: господинъ! Утэтый купецъ пускаа странныхъ людей,—идитя, попросѝтясь! Прыхóдя Костя икъ купцу: господинъ, Костя говóра, купецъ: пуститя параночавать! Ёнъ говора: ночуйтя! Потóмъ стали разговоры вéсти промежду собой. Костя спрашуя: господинъ хозяинъ, що у васъ такое смутное и невясёлое во ўсёмъ городи?—Ахъ, говора, братецъ: у нашамъ царствьи неблагополушно: ёсть змѣй, который пожыраа людей; и ямў давали, етому змѣю, кажный день по чаловѣку. И прышлася чаргà до самóго уже цара: хоть самъ царъ иди, хоть дочкў вядѝ. Такъ дочаръ пожалѣла отца и сказала: отецъ мой, батюшка государъ! Пущай я погибну одна! Дакъ òтъ, братъ, у нашамъ царствьи якóе нещáсьтя! Поетому смутны и невéсялы! Такъ Костя и говóра: да, ето хўдо, говора. Чаю попили, поужынали, или повячéрали, и давайка, говора, братъ, спать ложытца: утро мудрѣй вéчара! Лягли оддыхáть. Костю тó узрўпилось, и думая: щó за штука? надо позараньшы уставать! Ёнъ распросивъ мѣсность ету, змѣеву, зная дорогу туды. Уставъ, умывся, помолився Богу и говора: «Мишка, пойдёмъ-ка!» Костя попрощався съ хозяиномъ и пошовъ. И прышовъ на ето мѣсто, дэ была издилана для етыхъ людей куща такая, постройна. Вонъ прышовъ туды, и вошовъ у ету кущу, и сѣвъ ожыдать, що будя. Ажъ òтъ ѐдя съ коляской шастерыкóмъ, вязѐ генаралъ царскаю дочь. И збросивъ яѐ коло кущы съ коляски, а самъ скорѣй говóра на кучара: «поняй скорѣй! поѣжжай дальшы, а то змѣй скоро выйдя!» Сховалися за кусты и смó-

трать, що будя исъ царской дочкой. Царевна ухо́дя у свою кущу у приготова́ную, смо́тра—молодый чаловѣкъ изъ мядьвѣдямъ, и вельми красивый. Яна гово́ра: милый, говора: убирайся отсюдова,—нехай, говора, я одна погибну! зачимъ табѣ пропадать? А ёнъ говора: нѣ, говора, царевна: обожджы̀, говора, не робѣй!—Нѣ, говора, голубчикъ: тутъ якъ выйдя змѣй, дыкъ насъ усихъ поѣсть, а луччай я одна пропаду! А Костя говора: не робѣй! що Богъ дасть, то й будя! Такъ поговорыли промежду собой,—выхо́дя змѣй изъ воды. Оптрусився и говора: экъ, спасибо цару: за одного да трохъ прыславъ! А Костя говора: нѣ, проклятый змѣй: можа и одным подависься! А змѣй говора: якъ такъ? я во ўсимъ свѣти нико́го не боюсь, тольки ёсть ни ёсть у якомъ то царстьви, нѣўкоторомъ государстьви Костя да Йванъ. Дакъ Кости я боюсь. Ну тольки не боюсь: яго сюды воронъ костей не занясѐ! А Костя отвѣчаа: а я, говора, и здѣсь! А змѣй говора: ой, здѣсь?—А здѣсь, говора. Змѣй говора: ахъ, Костя—мядьвѣдчій сынъ! давай исъ тобой умѣсти помирымся, и мы ня будомъ во ўсёмъ бѣломъ свѣти никого̀ не боятца! А Костя говора: нѣ, пе́сьсее мясо! добрый молодецъ не ходя по свѣту, щобъ мирытца, а жалаа побитца! Змѣй говора: ну, давай! И стали яны дратца. Костя яму̀ тры головы̀ сымаа, а ёнъ яго у зе́млю ўбиваа. А Костя: эхъ, говора, Мишка: пособи! А Мишка потскакуа, сичасъ змѣя схвативъ, а Костя яму̀ усѣ голо̀вы зрубивъ. Етый змѣй бывъ на шасти голова̀хъ. Ёнъ тогды яго порубивъ у мелкія части, и въ огнѣ спаливъ яго. И змѣй ранивъ Костю у праваю ногу̀. Царевна схватила свой платокъ имянный и завязала яму̀ ногу. И стала яго просить у своѐ царскія палаты: и ес*тл*и ты, господинъ богатырь, не погнѣваесься на мяне, возьми замужъ за сябе! Такъ што мой батюшка за́кликъ закликавъ: хто змѣя убъѐ, за того свою дочь оддамъ, и повцарствія! А Костя говора: ес*тл*и вы жалаетя, я жалаю васъ. Тольки я ина́ча не могу, ближай якъ чаразъ годъ съ тобой жанитца. А царевна заплакала: ахъ, говора, збавитяль ты мой: вѣрно, говора, не жалаетя мяне за сябе! А Костя говора на яѐ: царская дочь! я со ўсимъ жаланіемъ жалаю васъ,—тольки нѣту урeмя мнѣ! И давъ ёй руку̀ свою: имѣйтя по̀вную надежду! И царевна дала своё кольцо имянноа, и попрощалася съ Костяй. И Костя гово̀ра: будьтя у повной надежди, тольки ожыдайтя чаразъ годъ у етый самый день! Тогды обрати̂мся къ вянцу̀! Костя и ўшовъ зъ естымъ. «Мишка, пойдёмъ!» Костя пошовъ, и Мишка зъ имъ. Сичасъ возращаетца бывшы той генаралъ, который прывозивъ яѐ и говора: вотъ, говора, царевна: естли ты за мяне пойдешъ, дакъ будешъ жыва, а то ўбъю тябе! Усё равно̀, ты погибнешъ! То прысягни мнѣ, *щобъ* я бывъ увѣранъ! А то сичасъ убъю. И парадъ царомъ скажы, що я тябе збавивъ, и змѣя ўбивъ! Царевна подумала: що жъ

мнѣ погибать? прысягла яму: и скажу батюшку цару, що ты мяне збавивъ! Ёнъ сичасъ яе ўзявъ у коляску и поѣхавъ у царскій дворъ. Прывёзъ ету царевну. Усѣ стали рады, *що* царевна осталася ў жывыхъ. Государъ спрашуа у дочары: дочь ты моя милая, хто тябе збавивъ отъ такой погибели? А вотъ, говора: который мяне прывозивъ генаралъ, той мяне и збавивъ! Генаралъ потскакуа: я, говора, государъ, змѣя ўбивъ и дочь збавивъ! Ну, такъ якъ цару нельзя слова свойго змянить, надо за того дочь свою оддать, хто змѣя ўбивъ, и повцарства. Царевна бача, *що* надо за генарала ити, яна думаа: що тутъ дѣлать? Надумалась сабѣ: стать больной и проводить уремя сабѣ, дожыдатца Кости свойго. Тутъ дохторà злѣчивали яè. Ёй воўся ня треба былò лекарства, такъ якъ ина была здорова. Генаралъ опять своё бярéтца: къ вянцу. *И*на зновъ захворэла. И проводила цѣльный годъ етого генарала. *Я*на воўся ня была больна, тольки яго дурыла. Подышлò ето уремя, у которое треба подойти Костю. Говора отцу: я здорова ўже, папаша! Сичасъ назначили заручины: пить, пить и гулять, и весялитца. Костя етый обращаетца у етый городъ и заходя къ самому етому купцу. Поздрастовались и говора: що, у васъ благополушно?—Благополушно, отвѣчаа купецъ: у нашаго цара сягодьни пъють заручины! А ёнъ говора: якія?—А, говора: коли были у прошлый годъ у мяне у доми и спрашували, чаго усё у насъ смутно и плачъ,—дакъ якъ царскаю дочкỳ *повъёзъ* генаралъ на зъяденія змѣю, етый самый генаралъ убивъ змѣя, и збавивъ царевну. Дакъ за того генарала и дочкỳ царъ оддавъ. Заўтрашній день будуть вѣньчатца!—Да, хорошо, говора, господинъ купецъ! Костя. Дасть Богъ и мы будомъ на свадьби! А купецъ говора: а дѣ намъ, говора, туды прыдетца быть? А ёнъ говора: якъ? нѣ, быть! я такъ щытаю, що мы будомъ на самомъ пéради! А купецъ говóра: урáдъ-ли! А Костя: нѣ, будьтя увѐрны! Такъ! Мишка, поди сюда! Мишка—эээ! Костя сичасъ вынимаа бумажку, написавъ писямцо. Мишка, говора: нáкось, няси царевни, у рукỳ подай! Тольки, говора, никóму ў руки ня давай! Мишка сичасъ узявъ у своè лапы и побѣжавъ скоро. Прыбѣгъ къ царскому двору, часовые не допущають. Мишку нéкуды доступитца. Ёнъ кидавсь, кидавсь и ўрэзався прамо чаразъ стѣны. Якъ ставъ чаразъ стѣнку лѣзть, попавъ на еты шнуры, що звоны были, которыя по кóмлатахъ дають знать. И ўсё ето зазвенѣло. Тамъ спрашувають: що ето такое? Часовые подають знать, що якійся мядьвѣдь дярéтца. Царевна ўслыхала про мядьвѣдя, яна сичасъ ускрычала: ня битя яго, не чапайтя: нехай куды хоча, туды йдè. Царевна сичасъ побѣгла сама наўпротѝ, а мядьвѣдь къ ёй бяжыть. Мишка поклонився ёй низко и даéть ёй письмо. Яна прочитала сичасъ ето письмо, *що* Костя издѣсь, у нашымъ городи. Царевна ускрычала: папаша, папаша! вялитя мнѣ дать лошадей! Госу-

даръ думая: що такое? Сичасъ вялѣвъ, и лошади былй сичасъ готовы; запрѐжаны были сичасъ у золотую коляску. Царевна садитца у коляску, а мядьвѣдь упярóдъ. Яна вялить кучарў: куды мядьвѣдь побягить, туды и ѣдь! Мишка къ дому къ етому прыбѣжавъ и ўскóчивъ у дворъ. Выскочила царевна съ коляски и бяжыть у етый домъ. А мядьвѣдь явився къ Костю. И Костя угадавъ, що царевна къ яму бягить, и ёнъ па ўстрѣчу. Обнялись и поцаловались. Такъ былй рады, що друхъ друха найшовъ. И царевна говора: слава Богу, слава Богу, що вы, Костенька, жывы! садитясь, говора, ѣдомъ къ папашу мойму у нашы царскія палаты! Костя обратився къ купцу: пóйдемъ жа, братъ, говора: я говорывъ, *що* будомъ напéради!—Да, говора, братъ: слава Богу! Садитца у коляску царевна и Костя, и купца забрали у коляску, съ собой умѣсти. Прыѣжжають. Стрѣвъ ихъ самъ государъ зъ вяликой радостю. И дочь говóра: вотъ, батюшка-государъ, мой збавйтяль явився! Государъ говора: ахъ, дочь моя: зачимъ ты сказала, що генаралъ тябе етый избавивъ? Царевна говора: нельзя былó и мнѣ вйвертѣтца: я ямў дала прысягу! Ёнъ сказавъ: естли ты мнѣ не прысягнешъ, то я тябе усё равнó убъю! Я по няволи прысяглà! И ёнъ показуа прымѣту, Костя: óтъ, говора: якъ я ўбивъ змѣя—змѣй мнѣ ранивъ праваю нóгу. Царевна своимъ платкомъ имяннймъ завязала мнѣ ногў! Посмотрѣли господа етый платокъ—дѣстьвительно имянный царевны платокъ. Тожа покáзуа кольцо царевны имяннóа. Государъ прызнавъ: дѣстьвительно моё дочарй кольцо,—и ўся господà, бывшая тамъ. Присудили етого генарала къ смерти, за яго службу за змѣннаю. Осудили яго на смерть и прывязали яго къ жарабцу и пусьтили яго у чистое пóля. (Колись было лягчѐйшее наказанія!)

На заўтрашній день Костя обвѣньчався и съ царской дочарью, свадьбу згуляли, и стали жыть да пожывать. И такъ яны хорошо жыли, *що* одинъ безъ одного не продйхали. И большы яны не пожыли зъ ёй, якъ одинъ годъ. И ў водйнъ погодьливый день понравилося имъ на балхони пить чай. Костя смóтра и говора: ахъ, душанька: што ето, говора, близко такій тёмный лѣсъ? Царевна говора: ахъ, говора, Костенька: ето такій тёмный лѣсъ: колись-то дѣдушка мой поѣхавъ туды и не воротився. И скольки войська былó, не воротилось, и ўсё тамъ остаéтца! Костя подумавъ сабѣ: що за штука тамъ такая жывé? надо бъ узнать! Ахъ, говора Костя, душанька: якъ мнѣ скушно! А ёй не говóра, што хóча ето мѣсто разузнать; тольки самъ сабѣ. И вотъ, говора: поѣду я поохочусь, погулять, душанька! Яна смѣтила и говора: Костенька, вы не правдитя: вы хочетя-тыки етого мѣста разузнать! А ёнъ говора: нѣ, душанька; поѣду, поохочусь! скушно мнѣ! Подáли ямў лошадь; сѣвъ на лошадь и ўзявъ сабѣ охотьниковъ чаловѣкъ десятокъ, али дванатцать, и собакъ шворокъ

десятокъ, и отправився. А мядьвѣдь услѣ̀дъ, ни ступня̀ за своимъ хозяиномъ! Якъ ёнъ прыѣхавъ къ етому къ лѣсу тёмному, и откуль што возьмися: туча, громъ, молоньня̀! И полився дожджъ ливнёмъ, и здѣлалась темнота̀ силная; ничо́го не видно и не слышно: одинъ одного дажа не бача, а якъ тольки молоньня блїсня, тогды̀ ўбачуть друѓъ друѓа. И побило етыхъ усихъ охотьниковъ, яго служытялей, и собакъ усі̂хъ, остався тольки Костя да мядьвѣдь.—Костя говора: Мишка, куды̀ мы тяперъ по̂йдомъ? дѣ намъ дѣтца? Вотъ яны пошли по етомъ лясу̂. Шли ды й шли, шли ды й шли. Громъ ущукъ, дожджъ параставъ, и ўсё стало тихо. По̂томъ бача Костя—ставъ лѣсъ радѣть (рѣд). И выхо́дя на поляну. Поляна ета была вёрстъ на семъ, и кругомъ лѣсъ. По етой поляни стоять усё болваны̀, разные, разные: дѣ якій лошадь, дакъ такій болванъ; дѣ якій чаловѣкъ, дакъ такій болванъ; усё значитца обратилось. И слыша Костя крыкъ. Крычить баба, стоючѝ на печи у вогнѣ: подогрѣйтя мяне! подогрѣйтя мяне! Костя смотра: *що* за бѣсъ такій? у вогнѣ стоить и крычить: подогрѣйтя мяне! А дровъ-то было много коло етыя печки. Ёнъ говора: постой-жа, туды твою, погоди! я тябе подогрѣю, проклятая баба! Ишъ, ёй ещѐ хо̂лодно! Вотъ я тябе подогрѣю! Вотъ, тольки-тольки нагнувся брать дровы, баба ета жалѣзнымъ пруто̂мъ сѣкану̂ла Костю,—и ёнъ ставъ болвано́мъ по поясъ у зямлѣ. И мядьвѣдя ўдарыла, и мядьвѣдь болвано̂мъ ставъ.

Иванъ у якихся сторонахъ ходивъ, и ўздумавъ на брата на Костю свойго: пойдутка я посмотру на ѓиньджалъ, якъ то мой братъ находитца: ти жывъ ёнъ, ти ме́ртвъ? Пошовъ на то мѣсто, идѣ ѓиньджалы (*g*) тырчать. Прыходя Иванъ Мядьвѣдчій сынъ, вытягнувъ Костявъ гиньджалъ—ёнъ потёмный, крывавый увесь! Покивавъ головой и говора: дѣсь мой братъ попався, видно, у добрыя лапы: надо мнѣ ити яго шукать! И пошовъ по яго дорози. Ишовъ, ишовъ, и прышовъ какуратъ у самый етый городъ, и попадая какуратъ икъ етому купцу зайтить у етый домъ. Купецъ етый, якъ убачивъ, и прызнавъ яго Костяй: какуратъ, якъ Костя. И мядьвѣдь такій. Здрастуй, говора, Костя! И Ваня самъ сабѣ подумавъ: а́, говора: я попавъ на дорогу! И говора купцу етому: здрастуй, здрастуй, братъ!—Ахъ, говора, Костя: идѣ вы досюля̀ былѝ? по васъ давно царевна плача! А етому уже пошло повтора года. Ёнъ сабѣ змекну̂въ: вотъ жа ето йдѣ Костя бывъ! Попрощався съ купцомъ, и не ставъ много говорыть, и отправився у царскій дворъ. Царевна якъ увидала у вокошко, такъ бяжыть нау̂про̂ти и крычить: Костя мой, Костя мой! Ёнъ мовчить,—думая, якъ бы разузнать, идѐ ёнъ дѣвся.—Ахъ, говора царевна, Костенька мой: идѐ вы до́сихъ были? Ёнъ говора: да ў дальнихъ сторонахъ были! Прожывъ ёнъ день и другій, и вышли яны на

балхонъ. Ёнъ говора: ахъ, душанька: што ето у васъ за тёмный лѣсъ такій? А царевна говбра: да разви вы, говора, забылися? вы жъ тогды якъ пошли да поѣхали на 'хоту, бтъ-када̀ вы явились!—Да, да, говора: ето я запомнивъ! Вотъ тяперъ, разошлися, и побѣжавъ ёнъ у лѣсъ, куды̀ яна указавала. Якъ тольки убѣгъ у етый тёмный лѣсъ, усё ето самое злучилось, што и Костю. Ёнъ бився, бився, и выбився на ету поляну. И смотра—што ето такое? уся ета долина уставлена етыми болванàми: разные и цары, и енаралы, полковники тамъ, солдаты, собаки, львы, мядьвѣди и ра́зное такбе. Ёнъ идéть по етой поляни и чуя етый крыкъ: баба крычить. Опять то жа крычить: подогрѣйтя мяне! Ёнъ идéть икъ печцы. И ўвознавъ свойго брата Костю и мядьвѣдя. Дакъ вонъ, говбра: да, я виджу, хто ты такая, я тябе, говора, подогрѣю! За што ты, говора, мойго брата посадила у зéмлю? А баба ета говбра: на што ёнъ мойго сына убивъ—змѣя?—Нука, Мишка, смотры съ того боку! вотъ мы будомъ яѐ подогрѣвать! Мишка эээ! сичасъ услу́жуа и захбдя, якъ бы яе ето зза́ди схапить. Куды ни поворбтитца, яна кі́даетца съ прутбмъ къ имъ. Мишка, смотри получчай, да не зѣвай! А ў Ваньки было кольцо такое, що злые духи̂ боялися яго. Ёнъ ето кольцб зъ руки показавъ етой баби. Яна прутъ упусьтѝла. А Мишка яе ззади за̀ плечи ухвативъ. А Йванька за прутъ ухвативъ. Мишка, тащы-ка яе сюда! Мишка бабу стащывъ съ печки,—и нѣту ни огня, ни дровъ ниякйхъ. Ваня спрашуа: що ето такое ты надѣлала, баба? Яна говора: вотъ що, говора, Иванька, Мядьвѣдчій сынъ: ето усё были люди жывые!—Якъ жа ты ето дѣлала? Яна говора: утъ--этый прутъ, который у тябе, жалѣзный, етый дѣлавъ людей значить болвана́ми. Пусти, говбра, Иванъ, мяне, Мядьвѣдчій сынъ: я табѣ усё раскажу! Ну, ёнъ думая сабѣ: я то тябе пущу,—ты тольки мнѣ расказавай. Вотъ етый, говора, прутъ: утъ-этымъ концомъ удырь кого бы ня былб, дакъ ёнъ здѣлаетца болванбмъ на вѣкъ!—А хорошо, говора: ти можно отжывить?—А етый конецъ пру̀та удырь опять обратно, дыкъ якъ жывъ, такъ и будя!—Ну хорошо! А много яны уже здѣся стоять болвана́ми?—А ёсть говора нѣкотбрымъ по чатыреста лѣтъ уже! Ёнъ думая сабѣ: дай-ка я здѣлаю пробу! И *ўда*рывъ брата по головѣ пру̀томъ. Братъ схватився, оптрусивсь и говора: ахъ, якъ крѣпко я заснувъ!—Да, говора, братъ: хброшо ба ты спавъ! ты бъ, говора, вѣкъ здѣсь спавъ, кабы не я! Костя ўпавъ яму̀ на шыю и ставъ яго цаловать: благодару, братъ, тябе за твою дружбу! Ну я тябе не забуду! Ударывъ прутомъ и Мишку,—уставъ мядьвѣдь сичасъ.—Ну, хорошо, говора Ванька баби: искажы ты мнѣ усю правду: якую ты льготу даёшъ людямъ и звѣрамъ? А яна говора: а вотъ якую я даю льготу: тры разы̀ гоняю икъ водѣ,—жажду имъ утолить!—Вотъ, говора, якая ты му-

читалька здѣсь забралась! говоръ Иванъ, Мядьвѣдчій сынъ. Возьмика, Мишка, яе хорошенько ирвани! Мишка якъ рванувъ, бабу ету разорвавъ. А Иванька зрубивъ ёй голову и на мелкія части яе порубивъ, и огнёмъ спаливъ, и попялъ раздувъ етый. И ставъ бить прутомъ усихъ —царовъ, князёвъ, усё начальство, солдатъ, звяровъ. И усё, што было на етой поляни, усё обратилося живое. (Значить, ето была такая баба, що яна дѣлаа громъ, молоньню, хмары, дожджъ, и нагоняла на ихъ ету темноту, и нагоняла ихъ на ету поляну).

Вотъ, отправився Костя зъ братомъ къ своей жанѣ. Усѣ етыя войська закрычали ура, пѣсяльники запѣли, и музыка зайграла. Потходя къ городу къ етому; убачивъ царъ у подзорнаю трубу, и спугався: не нарошно откуль такая войська йдё? И говора: вотъ, говора, дочь моя: такое нещастя на насъ Богъ дае,—што намъ тяперака дѣлать? Кости *твого* пема, и рать нявидима на насъ наступаа. Вѣрно мы погибномъ! Государъ етый *бэрэ* хлѣбъ-соль и иде на сустрѣчу. А того ня знаа, що слава Богу, що иде щастя, иде зять Костя. Якъ стрѣтились, такъ зрадовались большою радостю. Пошли у царскія палаты, стали пить и гулять и весялитца. И ето увесь народъ етый ня могъ жыть, не большы якъ тры ти чатыры дни,—сичасъ увесь помъёръ.

Сказка имѣетъ слѣдующее странное окончаніе:

Ну, тяперъ Костя прыдялйвъ свойго брата у полкъ. И бывъ чиновнымъ капитаномъ. И забывъ Костя на брата свойго на Ваню. Иванъ прожывъ пятьнатцать лѣтъ, нийкого чину яму не прыбувляетца,—усё капитанъ и капитанъ. Эхъ, говора: якъ жыть на свити не хорошо! вѣрно братъ забывся на мяне! И думая сабѣ: што такое за штука злучилась? я жъ яго збавивъ отъ смерти, а ёнъ мяне забывъ! Да що я здѣлаю: я не хочу служыть большы! Дяньщикъ, поди-ка сюды!—Чаго, барынъ? На-ка табѣ дватцать пять рублей и купи-ка лошадь съ повозкой! Дяньщикъ побѣжавъ, купивъ лошадь и повозку. Являетца къ барыну къ свойму: готова ужъ, барынъ, лошадь съ повозкой!—Ну, хорошо, дяньщикъ,—ступай стаканъ водки выпи! Дяньщикъ выпивъ стаканъ: благодару, барынъ!—А вотъ, забира-ка вещы, да уѣдомъ отсюль! Вотъ *ямщикъ* забравъ вещы, уклавъ у повозку, сѣли и поѣхали. Ѣхали яны нядѣлю, мѣсяцъ, и боляй, ѣхали повгода и годъ. Капитану етому не злучилось ничого хорошаго на дорози, и вышовъ у яго увесь капиталъ: нема грошай ни у барына, ни у ямщика,—не за що имъ ни выпить, ни закусить. Видить капитанъ, стоить большый домъ трохъ-итажный. И на воротахъ на цѣпяхъ стоять два ильвы. Дяньщикъ, уѣжжай-ка у етый дворъ!—Ды што вы, барынъ: я боюсь,—етые львы насъ разорвуть!—Ня бойсь, дуракъ: ступай прамо, пошвыдчай разгоняй лошадь тольки! Дянь-

щикъ погнавъ лошадь швыдко. Львы етые схватили лошадь и разорвали. А капитанъ соскочивъ и дяньщикъ, и остались жывы. Ну-ка, дяньщикъ! —Чаго, барынъ?—Отчиняйка дверы, пойдомъ разыскавать,—можа чаго найдомъ попить, поѣсть! Вотъ и пошли по лѣсьвици; на самый вышній итажъ сошли. И ўвышли,—большая залъ; у етой зали стоить большый столъ, и ўсимъ нагрўжанъ: хлѣбъ ляжыть, водка, ковбасы, говядина, вины, и ўсё, що треба. И посрадини стола кружытца кружокъ, и на етомъ кружкѣ ляжыть большая трубка и табака. Ну вотъ, дяньщикъ: хорошо мы найшли!—Да, барынъ, хорошо, да неколи намъ, барынъ, тутъ рассматравать, давай-ка ѣсть,—кожа болить! Вотъ яны сѣли за столъ; сѣли, выпили, по 'дной, по другой, по трѣтьтяй по малой. Подъѣли, закусили хорошо. Дяньщикъ!—Чаго, барынъ?—Наклади-ка трубку съ табакомъ, запали, мнѣ подай!—Да дѣ жъ, барынъ, трубка да табакъ?—Вотъ, дуракъ, —разви не бачишъ? вотъ ляжыть!—Да яно кружытца!—Возьми и наклади ету трубку да й подай мнѣ! Дяньщикъ *бэрэ* трубку и накладаа табаки и подаѐ барыну. Барынъ бэрэ трубку, дяньщикъ запалюа. Барынъ разъ-два спыхнувъ, являетца съ потолка по поясъ отсѣчано чаловѣка: голова ѐ ў яго и руки, и кровъ течэ. И спускаетца съ потолка унизъ и ў горў, унизъ и ў горў, ажъ брызжы скачуть крывавыя! Дяньщикъ спужався не напрасно, и сховався у тёмный кутокъ тамъ, ти ў ящикъ куды. Иванъ Мядьвѣдчій сынъ смотрѣвъ, смотрѣвъ: што за бѣсъ такій? схвативъ свою шаблю и ўдырывъ по етымъ трупў. И нейзвѣсно, што йдѣ дѣлось,—бытто бы и не было ничого. Дяньщикъ, дѣ ты дѣвся?—А вотъ здѣсь, барынъ!—Чаго туды сховався?—Барынъ, спугався до смерти!— Вотъ, дуракъ! ня бойсь, ступай выпи водки стаканъ!—Хорошо, барынъ, благодару васъ! Дяньщикъ выпивъ стаканъ водки и закусивъ опять по прежняму. Капитанъ говора: дяньщикъ, накладай-ка трубку ещѐ!—Боюсь, барынъ, коли бъ еще якого чорта не было!—Ня бойсь, дуракъ! Дяньщикъ *бярэ* трубку, накладаа опять и подаѐ барыну. Барынъ закўруа трубку—и изновъ являетца—отъ пояса ноги, и съ потолка и до потолка, такъ скача, и ноги етыя пускаютца у пляски, ажъ брызки скачуть. Дяньщикъ изновъ спугався и изновъ сховався. Капитанъ схвативъ вою шаблю, якъ махнувъ—тольки брызки полятѣли: якъ и не было ничого. Дяньщикъ, дѣ ты дѣвся?—Сховався, барынъ!—Вотъ, дуракъ! поди сюда, ступай стаканъ водки пи!—Благодару, барынъ!—Да тольки смотры, не пужайся упярѐдъ! Тольки управились выпить да закусить, ѣдя коляска шастерыкомъ, и ў*ѣжджая* у етый дворъ, и просто подъѣжджая потъ крыльцо. Ускакуа съ коляски полковникъ якись и ўскакуа туды, икъ капитану. Здрастуй, господинъ капитанъ!—Да, здрастуй, господинъ полковникъ!—Што вы давно тутъ живете?—Да никакъ, недавно!—Вы

можа быть здѣсь скучали?—Да чортъ возьми, зачимъ жа солдатъ будя скучать? Полковникъ говора: господинъ капитанъ, давай-ка выпъемъ!—Давай!—Выпили, закусили и покурыли. Полковникъ говора: господинъ капитанъ!—Што хо́четя?—Давай-ка у карты пойграямъ!—Да, да, да! давай-ка, говора, давай! Полковникъ говора: якъ жа бу́домъ гулять—у довгъ, ти на деньги? А той отвячаа: какой-чортъ у довгъ, давай на деньги! Полковникъ ставъ гулять зъ Иваномъ, пройгравъ яму тысячи двѣ й боляй, а Иванъ яму ничо́го не пройгравъ. Полковникъ пройгравъ капитану десять тысячъ, и нема денягъ, уже большы денягъ ня йимѣя полковникъ. Полковникъ говора: господинъ капитанъ! давай ударымъ на коляску и на лошадей!—А давай, говора: будуть у мяне и деньги и лошади! Ставъ полковникъ гулять, пройгравъ кучара и лошадей. Ахъ, говора: хорошо ты гуляешъ, капитанъ! обыгравъ ты мяне! Ну, дѣлать нечаго! Незвѣсно дѣ дѣвся полковникъ. Остався одинъ капитанъ да дяньщикъ. Дяньщикъ!—Чаго, барынъ?—Поѣдомъ! садимось у коляску да ѣдомъ, *вить* коляска наша и лошади наши! Вотъ и закутили,—такъ *що* стовпомъ пылъ поднявся. И скорое ўремя яны проѣхали, злучився изновъ имъ другій домъ, такій жа, тольки побо́льшы. И на етыхъ воротахъ уже чатыры львы. Якъ хватили етыхъ лошадей, и усё размялй, тольки остався одинъ капитанъ, а дяньщикъ и нейзвѣсно идѐ дѣвся. Капитанъ иде́ть у етый домъ. И оббѣгавъ увесь етый домъ, усюды пусто, и нема ничо́го. У самомъ низкомъ мѣсти дома етого бывъ большо́й котёлъ. И висить угорѣ пузыръ, и гудѐть у ёмъ, и крычить: а! вотъ-куды попався, Иванъ Мядьвѣдчій сынъ! я тябе, говора, доставъ у своѐ руки! Возьми ты у етый котёлъ ули шезьдесятъ ве́дяръ воды, да ўсыпъ шесть крупинъ, да й звари мнѣ кашу! Ёнъ говора: чортъ возьми, якая тутъ будя каша, съ шасти крупинъ, съ шазьдесяти ве́дяръ воды! Скипятивъ етый котёлъ, кру́жатца етыя крупины по етой водѣ, а етый съ пузыра змѣй подладився, да яго пру́томъ! И ёнъ здѣлався изновъ болвано́мъ, такъ, якъ и Костя.

Вотъ етый Костя узлумавъ на свойго брата и пошовъ изъ гиньджаломъ своимъ. Ёнъ и пошовъ. Прышовъ на мѣсто, вынявъ свой гиньджалъ, дыкъ ёнъ свѣтлый, такій жа, якъ и бывъ, а братьній вынявъ—тёмный и ўвесь у крывѣ. Да, говора: братъ дѣсь попався хорошо! И обратився назадъ домой, поѣхавъ у полкъ разыскавать брата свого. И спрашуя ў полку: дѣ дѣвся мой братъ, Иванъ капитанъ?—Нейзвѣсно, говора, государъ: не знаемъ! Ёнъ журывся, що не мѣя вышшаго чину, ни прибавки жалованьня, ничо́го, и не знаемъ, дѣ дѣвся! Костя подумавъ и жжалився; ахъ, идѣ бъ мнѣ разыскать и узять трупъ яго! И ўѣхавъ у розыски. И нашовъ етый самый домъ. И якъ видя, що разорванныя лошади лежать и львы скуголють, просто бѣда, Костя гово́ра: я виджу, що та-

кое!—Сычасъ у яго бывшая кольцо, котораго дяволы боялись, духи злые, ёнъ показавъ. И ўсё ето погибло. Тогды ёнъ пошовъ по етомъ дому̀. Ходивъ, ходивъ, ничого не нашовъ. Приходя у етый нижный подвалъ етый, и ў етомъ самомъ пузырѣ гудѐть силно. Ооо!... говора: и ты, Костя, сюды попався! убивъ ты мого брата и матку мою ўбивъ, говора: вотъ я таперъ тябе страблю! Бяры-ка, носи шезьдесятъ вѐдяръ у котёлъ, и шесть крупинъ, и вары мнѣ кашу! Ёнъ тогды: да, я извару табѣ кашу скоро! Двигъ кольцо скорѣй изъ руки! И пузыръ етый упавъ на низъ сичасъ. И схапивъ ёнъ свою шаблю и ссѣкъ яго на мелкія части, етого бывшаго змѣя. Тогды прўтомъ удыривъ и свого брата и *мядьвѣдя.* Усхапились обѣ, стали живы. Иванъ говора: ахъ, братъ Костя: якъ крѣпко я ўснувъ!—Да, говòра, братъ: ўснувъ ты, братъ, на вѣкъ, коли бъ не я тябе ослобонивъ! И ўѣхали у своё царство. И братъ яго уже ожанивъ. И стали яны жыть да пожывать, да по старому деняжки нажывать. Згуляли свадьбу, и я тамъ бывъ, мѐдъ-вино пивъ, по бородѣ тяклò, у ротъ не попадало капельки.

Д. Рудня, прибытковской в. гом. у. Константинъ Григорьевъ, 45 л. малограмотный. Бывалъ съ извозомъ въ Витебскѣ.

7. Иванъ Васильевичъ Стрѣлокъ.

Иванъ Васильевичъ дужа бывъ хорошій стрѣлокъ. И дошло до пана. Ёнъ потребовавъ его къ сабѣ, спрашіить: [1]) хорошъ, говòрить, стрѣлокъ?—Хорошъ! говорить. Тогды ёнъ яго отправивъ на ѐгарскую, къ охвотникамъ. И на заўтрашній день говòрить: отправляйтися на хвоту,—якъ ёнъ будить охвотитца? Отправились яны на хвоту. Увыйшотши у лѣсъ, разыйшлися ўси ўрозь и пусьтили сыбакъ. Ну, тода зьвирина́ стала къ яму лятѣть: ёнъ на днымъ мѣсьти стòючи набивъ усякія зьвирины бисъ конца! А тые охвотники ходили цѣлый день и въ вочи никòго ня видили. Собра́лиси яны усѣ ўкучу и идуть домой, и найшли на етыго охвотника. Ну, яны тода смотрять, што у яго стольки зьвирины разныя, а ў ихъ ничагò, яны мижъ собою говорять: ти ни подѣлитца ёнъ зъ нами, а то намъ стыдно ити домой. А можить быть мы другій разъ забъёмъ, а ёнъ нѣ! Ну, яны сейчасъ гыворять яму. Ну, ёнъ говòрить имъ: возьмитя, пыдялитя мижъ собою по скольки придетца, да пойдёмъ домой. Приходють домой. Сейчасъ доложили пану, што пришли охвотники съ охвоты. Выходить къ имъ панъ; пыздорòвкувся и спрашіить у ихъ: *какъ* новый охвотникъ занимаитца? Яны отвичають яму: хорошъ охвотникъ, говòрють! Ёнъ отпусьтивъ денихъ на вотку, а заўтра,

[1]) Мягкое д изображаемъ буквою д̑, мягкое т буквою т̑.

говорить, опять отправляйтися! Яны пошли, выпили, повужиныли, дали яму хватеру у вы вдовы. И у яе бывъ тольки одинъ мальчишка. Назаутраго, уставши опять отправились на хвоту. Ну, ёнъ цѣлый день ходивъ и у глаза никого ня видивъ, етый новый охвотникъ. Етые забили каждый, а ёнъ никого не забивъ. А яму што назначена была зьвирина покуль будить жить, дыкъ ёнъ яе побивъ за динъ день. Собралиси яны итить домой. Ну, яны сами мижъ собою пыдялилиси. Приходють домой, опять доложили пану. Панъ выходить къ имъ и спрашiить ихъ: ну што, говорить: хорошъ новый охвотникъ? Яны отвичають: хорошъ! Ну, тоды ёнъ отпусьтивъ имъ денихъ на вотку: выпитя, говорить, повужиныйтя, отдыхайтя, а назаутраго опять отправляйтися! Яны выпили, повужиныли и лягли спать. Назаутра пувутру опять отправилиси на хвоту. Ну, и день проходивъ ёнъ и никого не забивъ. И надумувся самъ собою: што ето такое? Никогда етого не было! Заутра устану рано и утоплюся у моря! И не дожидаючи охвотниковъ, отправився на хвартеру. Пришовъ ето ёнъ на хвартеру, пириночивавъ. Назаутраго утромъ, уставши, отправився къ морю. Пришотши къ морю, сѣвъ на берегу, и думаить ёнъ разьдиватца. Глянить у гору, видить, лятить три вутки. Тода ёнъ бяреть ружжо и думыить: ахъ, Господи! штоба убивъ пару вутокъ, дыкъ ба самъ не топився! Тольки узявъ ружжо, хотѣвъ прикласьтиси и ударить, яны опусьтилиси на берехъ и зьдѣлылиси дѣвицыми. Разьдѣлиси и пошли у моря купатца. Ёнъ тоды тихимъ вобразомъ поткрався, и узявъ одной дѣвицы, самой меньшай сяетры, платьтя, и самъ скрывся. Етыя вылизьли на берехъ, одѣлиси и пылятѣли, а етой нѣтъ платьтя, и ина осталася тутъ. Ина ходить по берегу, и спрашiить: хто платьтя моё узявъ? окажись, ня бось, говорить: старый чиловѣкъ—то отецъ мой, мѣни зы мяне—будишъ братъ мой, уровни со мной—будишъ мушъ мой! Ну, ёнъ сейчасъ вышивъ съ платьтимъ и оддавъ ёй. Ну, ина одѣлася и говорить яму: вотъ, ты тяперь будишъ мушъ мой! И приходи заутра у девить часовъ утра на ето мѣсто: ежели ты прежди зы мяне, ожидай мяне, а ежели я прежди, то я буду ожидать тябе! Сама попрощалася, полятѣла! Узявши и ёнъ пошовъ на хвартеру. Назаутра утромъ собираетца ити опять на тое мѣсто. А яго хозяйка была волшебница. Ина ето дѣло узнала, што зь имъ бывъ случай *такой*. Ина отправляить мальчишку свойго зь имъ, штобъ ёнъ не допусьтивъ яго до ёй. Ёнъ, идучи дорогую, говорить етому мальчишки: воротись, убью! А ёнъ говорить: *бей*, дыкъ бей! а я отъ тябе ни 'стануся. Приходють на той берехъ, ёнъ сейчасъ, етый солдатъ, сѣвъ, ружжо поклавъ. Мальчишка етый коло яго давай булуватца. Узявъ яго за голову. Якъ тольки узявъ ёнъ яго за голову, дыкъ етый солдатъ заснувъ

у яго на колѣнихъ. Сейчасъ ина подъижжаитъ на корабли на мори, закинула икорь и вышла на берехъ съ корабля. Видитъ, што ёнъ спитъ, на колѣнихъ у мальчишки, будитъ ёй яго нилизя, дыкъ надумылыся—написала записку: ежели, заўтра, идучи дорогую, ты не убъёшъ етого мальчишку, то ты мяне не увидишъ, а я тябе! Тоды подходитъ къ имъ ина и спрашiитъ у мальчишки: хто ето сьпитъ у тябе на колѣнихъ? Мальчикъ отвичаитъ: не тревожтя яго, ето солдатъ, ёнъ ужо уморився! Тода ина ету записычку за галстукъ ззаду заторкнула, и говоритъ: пусь сьпитъ изъ Богомъ! Сама отправилась, сѣла у корабъ и отправляетца по мори. Тода ёнъ, нямного поспавши, прошнувся, и спрашiитъ у мальчика: што, говоритъ, здѣсь никого не было? Мальчикъ яму отвичаитъ: нѣтъ! никого не было. Ну, яны отправились домой. Тода, пришотши домой, ставъ ёнъ разьдиватца: расьтягнувъ галстукъ, ета записка упала на землю зъ-за галстука. Ёнъ сейчасъ яѐ подхвативъ, прочитавъ, видитъ, што ина въ етой записки пишитъ: ежели ты заўтра не ўбъешъ яго дорогую, придишъ изь имъ, дыкъ ты мяне не ўвидишъ, а я тябе. Ну, на заўтраго утромъ собираетца ёнъ опять ити; и мальчишка изъ имъ собираетца ити. Ёнъ яму отвичаитъ: ня йди, говоритъ, убъю! А ёнъ говоритъ: бей, дыкъ бей! коли убъёшъ, тода не пойду! Ну, ёнъ, узявши, пошовъ, и мальчишка стый пошовъ изъ имъ. Ёнъ, нямного отыйшовши, говоритъ: ня йди, воротись, а то убъю! А ёнъ отвичаитъ: бей хуць сейчасъ; потуда буду ити, покуль убъѐшъ! Ну, ёнъ тоды зложився зъ ружжа и убивъ яго. Приходитъ на берехъ, ина ўжо ходитъ по берегу. Здоровкаитца изь имъ и говоритъ: вотъ ба надась ящо ето зьдѣлывъ. Ну, тода ина отвичаить яму: сядимъ у корабъ, поѐдимъ у моё царство! А ёнъ отвичаитъ ей: я не могу отправитца у ваша царство, я присигавъ Богу и великому государу служитъ вѣрно. Отслуживши, получивши оставку, вò тоды я могу! Й а тяперича, говоритъ, пойдемъ у моё царство! И идѣшъ мы етый корабъ подѣнимъ? А ина отвичаитъ: ето корабъ нашъ! Сейчасъ вынила платокъ съ кырмана̀, махнула платкомъ, кора́бъ стый нивись идѣ дѣвся—не стало корабля на мори. И оддала яму́ етый платокъ у карманъ. На́, говоритъ: спрячь у карманъ! Тоды и пошли у стый городъ. Пришотши у городъ, ступай, говоритъ, найми хвартеру, номиръ самый первый, и што будутъ проситъ за номиръ, ўдвоя давай, деньгами не стѣсьняйся, хватитъ зъ насъ! Ну, тоды ёнъ панявъ номиръ. Прожили яны на етой хвартери нядѣлю, ну, тода ина говоритъ яму: ступай явися пану! ты скольки ўремя не являвся, винуватъ будешъ! И проси пана, кабъ ёнъ позволивъ табѣ жанитца! Ну, ёнъ отправився къ пану. Сейчасъ докладаютъ пану, што пришовъ къ яму охвотникъ молодой. И выходитъ къ яму панъ, пыздоровкувався и спрашiитъ у яго: што, гово-

рить, нужно табѣ? Ёнъ говорить: паночикъ, хотѣвъ васъ беспокоить: просiтца, кабъ вы позвóлили жанитца!—Хорошо, говорить: я етымъ доволенъ, што моé слуги будуть жанитца тутъ! Тоды ёнъ говорить: паночикъ, хто мнѣ дась къ священьнику записку, кабъ повиньчавъ мяне? Панъ сѣвъ, самъ записку написавъ къ священьнику, што пиривиньчать такого-то егара! Приходить ёнъ на хвартеру къ своей дѣвушки. Ина спрашiить яго: што панъ отвѣтивъ хорошаго? А ёнъ говорить: ничаво! слава Богу! Ина спрашiить: што, позволивъ жанитца? А ёнъ отвичаить: позволивъ! самъ записку къ священьнику написавъ!—Ну, ступай, говорить, къ священьнику, няси ету записку, на якой день ёнъ скажить прiѣжжать подъ вянецъ, и што будить просить за вянецъ? Коли будить просить пять, давай десить, а коли десить, давай дватцать. Ну, ёнъ пошовъ къ священьнику. Сейчасъ приходить къ священьнику и подносить яму записку. Священьникъ полядѣвъ ету записку, говорить: хуть сейчасъ прiѣжжайтя, пиривиньчаю!—А што возьмитя, батюшка, за труды? А ёнъ отвичаить: ня нужно мнѣ ничого! Ёнъ говорить: я деньги буду платить ни паньскiя, а свое́! За труды, батюшка, надо! Я самъ служащiй чиловѣкъ! Ну, ёнъ яму давъ денихъ, а самъ отправився на хватеру. Приходить домой, ина спрашiить яго: што батюшка говоривъ? А ёнъ говорить: а ни за батюшкомъ! Батюшка говоривъ, хуть сейчасъ прiѣжжайтя! Ну, дыкъ нечиго медьлить, надо людей звать и будимъ сыбиратца и поѣдимъ подъ вянецъ! Ну, яны позвали людей. Сóбралиси и поѣхыли подъ вянецъ. Пиривиньчалися и згуляли свадьбу. Тоды ина гыворить хызяину свойму: ступай къ пану и проси пана позволенiя, кабъ позволивъ на плацу построить намъ сабѣ домъ! Ёнъ отправився. Пришовъ. Докладають пану, што пришовъ егаръ, што недавно жанився! Выходить панъ къ яму и спрашiить яго: што табѣ нужно? Ёнъ отвичаить: паночикъ, я пришовъ просить васъ, кабъ позволили выстроить домъ на плацу! Ёнъ говорить: на што строитца? вотъ ёсь домы паньскiе каменные, живи! А ёнъ отвичаить: нѣтъ, паночекъ, я хочу самъ построить сабѣ домъ на плацу!—Ну, *какъ* хочишъ! Ёнъ отправився домой. Приходить на хватеру, спрашiить хозяйка: што панъ отвѣтивъ? А ничого, говорить—позволивъ построитца. Ну, яны собрáлиси и пошли на плацъ, тольки узяли съ собою топоръ, лопату, вярёвки. Пришли на плацъ, обобрали сабѣ мѣсто и разьмѣрили, идѣ строить комнаты, анбары, пуни, конюшни. Ну, тоды, узяли вярёвкую разьмѣрили, и позабили колички по разьмѣру. И тода ина говорить: ну, душечка, оддохнёмъ нямного! И ёнъ лёхъ, и скоро ёнъ успувъ. И ти много спавъ, ти мало, то устаетъ ёнъ, видить усё ето настроино. Ина сейчасъ бяреть яго за руку, вядеть у комнаты и говорить: вотъ, душенька, наша работа, што мы

мѣрили! Ну, пожили яны тамъ зь нядѣлю. Ина тода говоритъ: ну, душенька, нужно явитца къ пану, кабъ ёнъ ня сердився, што довго не являвся! Ёнъ отвичаитъ: а вотъ, душенька, тольки напъюся чаю, пойду! Ина говоритъ: што, душенька, пойдитя пѣшшу: ти ў насъ лошадей нема, ти што? Вотъ ина сейчасъ выходитъ на крыльцо и кричитъ: кучиръ! запригай чатьвёрку лошадей, и почище убирать! Ёнъ отвичаитъ: слушаю, государыня! Ну, яны напилиси чаю, ина говоритъ: вотъ, душенька, садитися и пыѣжжайтя! Ёнъ сѣвъ, и отправився къ помѣщику. Подъѣжжаитъ подъ паньскій дворъ, тутъ уси увидали дворовые, и думали, што ѣдитъ съ чужэй зямли якій нѣбудь посланецъ, или принцъ, или князь, потому што у нашимъ царстьви такой уприжи нѣтъ. Всѣ вышли чесь отдывать. Ёнъ, подъѣхавши къ крыльцу, выскочивъ къ имъ. Тутъ глидятъ уси и удивилиси, што ето ѣхавъ такъ егаръ. Тоды сейчасъ докладываютъ помѣщику, што оявився егаръ. Выходитъ панъ къ яму, смотритъ на яго лошадь, на яго ўпришъ, и зоветъ яго съ собою у комнаты, и говоритъ яму: скоро ты, братъ, другъ выстріився! А ёнъ отвѣчаитъ яму: ето ни я выстроивъ, а жана моя! А при етымъ панъ бывъ удовецъ. Дыкъ ёнъ проситъ яго: милосьти прошу прибыть заўтра жъ жаною! Ну, ёнъ сѣвъ на своихъ лошадей и отправився домой. Пріѣжжаютъ домой. Ина сейчасъ выскакыитъ у спрашіитъ яго: што панъ отвѣтивъ хорошее? Ёнъ говоритъ: ничого ня ‘твѣтивъ, только просивъ прибыть жъ жаной къ яму заўтра. Ина говоритъ: дыкъ што шъ тамъ такое? дыкъ и поѣдимъ! Назаўтраго утра уставши, чаю напилиси, ина вышла на крыльцо и гукаитъ: кучиръ! возьми, запряги шисьтярикъ лошадей, почище увобрать! Ёнъ говоритъ: слушаю! сейчасъ готовы будутъ! Запрёхъ ёнъ лошадей, и яны вышли, сѣли и поѣхыли. Пріѣхыли къ пану. Якъ ёнъ, панъ, бывъ удовцомъ, а ина дужа красивая, то ёнъ захотѣвъ яе узять. Ну, яны тамъ пыгосьтили, пыгосьтили, ну ёнъ яе хуть ба и хотѣвъ узять, ды безъ вины шъ ня можно,—хуть сабѣ ёнъ и панъ, а той и егаръ. Ну, ёнъ отправивъ ихъ у дворъ. Тода сѣвъ самъ и задумывся, якую бъ вину найтить на яго, истребить яго, а жану узять за сябе. Въ то время выскакыитъ *думчій* и говоритъ: панокъ! я знаю объ чомъ вы задумылися! Ёнъ отвичаитъ яму: объ чомъ?—А, говоритъ: я знаю объ чомъ—объ егарской жанѣ! А вотъ я знаю яму службу, дыкъ ёнъ службы етой ни найдитъ и ни придитъ, а хутя и придитъ—дыкъ ваша мечь—яго голова съ плечъ! Вотъ пусьть принясетъ вамъ ворона, кабъ было зылотое пяро и сяребриное! Дыкъ еткихъ птицъ нѣту, дыкъ ёнъ—хуть ёнъ и придитъ, дыкъ ни принясетъ! Сейчасъ помѣщикъ требуитъ егара. Ёнъ являитца къ помѣщику. Объ чомъ, паночекъ, требуитя? Ёнъ отвичаитъ яму:

вотъ табѣ ёсь служба! Ёнъ спрашіить: якая служба? Ёнъ говорить: ступай, приняси мнѣ ворона, штобъ было зылотое пяро и сяребриное пяро! А кыли ни принясешъ, дыкъ моя мечь, а твоя голова съ плечъ! Ёнъ изъ етымъ отправився домой. Идучи до дому, силно заплакавъ. Ина сейчасъ выскакыить на крыльцо и спрашіить яго: объ чомъ, душечка, плачитя? Ёнъ отвичаить ей: какъ жа мнѣ ни плакать? У кого жонки хороши бываютъ, то тому постоянно такъ бываить, што головы съ плечъ зьлитаютъ! Ина яго уводить у комнаты и спрашіить: скажи, што ето за такое? А вотъ, говорить: сказавъ панъ: достань ворона, штобъ зылотое пяро и сяребриное, а коли, говорить, ни достанишъ, то мой мечь, а твоя, говорить, голова съ плечъ! Ина говорить: да, садися обѣдать, ложися оддыхать; у насъ садъ вяликъ, у саду разныхъ птицъ много, можа быть и найдёмъ. Ёнъ побѣдавъ и лёхъ спать. Спавъ ёнъ ти много, ти мало, тольки проснувся—видить, воронъ етый ходить по комнати. Ина отвичаить яму: вотъ, душенька, и ёсь! Устаньтя, напитися чаю и отняситя пану ворона! Ёнъ уставъ, помывся, чаю напився и понёсъ етого ворона помѣщику. Приносить помѣщику, яму доложили, што принёсъ егаръ ворона. Ну, ёнъ сейчасъ выходить и говорить: пускай ворона, а самъ отправляйся домой! Ёнъ опять сѣвъ и думыить, якъ штобъ яму зьдѣлыть такое? Опять выходить думчій и говорить: объ чомъ вы задумылиси? Я, говорить, знаю объ чомъ. Вы, говорить, объ егарской жанѣ задумылиси! Вотъ я, говорить, знаю яму службу! Ёнъ спрашіить: какую?—А вотъ, говорить, пусьть привядёть вамъ козу—шарсьтинка зылотая и кабъ шарсьтинка сяребриная, зылотой рохъ и сяребриный рохъ! Ни доставить ёнъ вамъ, дыкъ ваша мечь, а яго голова съ плечъ, а вамъ жана останитца! Ёнъ сейчасъ требуить етого егара. Ёнъ являитца къ яму и спрашіить яго: объ чомъ, говорить, требуитя?—Вотъ, говорить: у тябе ёсь служба! Доставъ мнѣ козу, кабъ была зылотая шарсьтинька и сяребриная, и зылотой рохъ и сяребриный рохъ! А ни доставишъ—мой мечь, твоя голова съ плечъ! Ну, ёнъ отправляитца оттуда. Приходить домой. Жана спрашіить яго: што, говорить: объ чомъ панъ требувавъ?—Вотъ, говорить, объ чомъ: штобъ доставивъ козу—шарсьтинка зылотая и шарсьтинка сяребриная, зылотой рохъ и сяребриный рохъ, а коли, говорить, ни доставишъ—моя мечь, табѣ голова съ плечъ! Ина говорить: ето ничого! ящо подумыимъ! обѣдай, ложися спать! Ёнъ побѣдавъ, лёхъ спать. Прочнувся, полядить—коза ужо ходить по комнытахъ. Вотъ ина говорить: устаньтя, умыйтися, чаю напитися, зывядитя козу яму! Ёнъ уставъ, умывся, чаю напився и повёвъ. Приводить къ пану. Сейчасъ докладують пану, што егаръ привёвъ козу! Ну, панъ сейчасъ выходить. Смотрить на ету козу и говорить яму: отправляйся домой! Ёнъ отпра-

вився. Ёнъ опять задумывся: што тутъ дѣлыть? ни якимъ родомъ яму, ничого ни подѣлышишъ! Тода выходить третьтій думчій. Вотъ ёнъ говорить: объ чомъ, говорить, задумылиси? Я знаю, объ чомъ вы задумылиси! Вы задумылиси объ егарской жанѣ! Вотъ, говорить: послать яго туда, ды нима вѣдома куда, пусьть принясѐть то, ды нима вѣдома што! Вотъ етого, говорить, нійдѣ у сьвѣти нима. Дыкъ якъ пойдить, этого ни найдить, и такъ придить, дыкъ ваша мечь, яго голова съ плечъ! Ну, ёнъ требуить яго. Ёнъ сейчасъ являитца и спрашіить: объ чомъ требуитя? Ёнъ отвичаить яму: вотъ, говорить: ёсь у тябе служба. Ёнъ спрашіить: якая? А ёнъ говорить: вотъ, ступай туда, ды нима вѣдома куда, приняси то, ды нима вѣдома што! Ну, ёнъ отправився домой. Приходить домой. Жана и спрашіить яго: объ чомъ ето панъ требуить? А вотъ, говорить: говоривъ панъ, што иди туды, ды нима вѣдома куды, приняси то, ды нима вѣдома што!—Ну, садись, говорить, обѣдай, ды ложися спать. А вутро бываить мудренѐй вечера. Ну, назаўтраго ўстали яны утромъ, посьнѣдали. Жана говорить яму: ступай къ пану, пусь дась билетъ, бизь бялета ити нильзя. И говорить: пусь такъ билетъ пишить, якъ я скажу: нехай напишить годъ за повгода, мѣсицъ за повмѣсица, часъ за повчаса, минута за повминуты, сикунъ за повсикуна,—выпишить такой билетъ, тода и отправисься! Ну, являитца ёнъ къ помѣщику; докладываютъ помѣщику, што егаръ пришовъ! Ёнъ выходить къ яму и спрашіить: што табѣ нужно? Ёнъ отвичаить: нужно мнѣ билетъ!—Ну, говорить, сейчасъ будить готовъ! А ёнъ говорить: нѣтъ, говорить, ни такой билетъ, якой выдаѐтца, а такой, якой я скажу! Ну, ёнъ отвичаить: ну, говори, какой табѣ нужно?—А вотъ, говорить, пишитя билетъ: годъ за повгода, мѣсицъ за повмѣсица, часъ за повчаса, минута за повминуты, сикунъ за повсикуна! Ну, отправляйся домой, а когда выпишимъ, тогда мы потребуимъ. Ну, ёнъ отправився домой. Яны никакъ не могли сыставить яму билета етого. Ето дѣло пройшло три годы. Ну, нашовся такой писарь, што выписавъ билетъ яму. Ну, сейчасъ требуить яго помѣщикъ. Ёнъ являитца и спрашіить: объ чомъ требуитя? А вотъ, говорить, табѣ билетъ. Ёнъ получивъ билетъ, и отправився домой. Приходить домой, жана и спрашіить: што, говорить, выписали билетъ?—Выписали!—Ну, садися, говорить, обѣдай, ды ложися спать, вутро бываить мудренѣй вечара. Ёнъ побѣдавъ и лёхъ спать. Назаўтраго утра уставши, чаю напивши, посьнѣдали, и отправляить ина яго у путь шукать етыхъ вящей. Увизала яму у дорогу харчей, и дала рушникъ, и пускаить клубочикъ: куды етый клубочикъ будить катитца, туды и ты ступай; идѣ етый клубочикъ подъ ворота́ подкотитца, тамъ и ночуй. Уставши, ни чіимъ рушникомъ ни утирайся, только моимъ!

Ну, ёнъ отправився у путь. Ишовъ ёнъ много, ти мало, ето низьвѣсно, выходить на полянку. Видить, стоить чугунный домъ. Ёнъ подойшовъ къ етому дому, сейчасъ етый клубочикъ подкадився подъ ворота. Ёнъ стучить у ворота. Выскакыить дѣвица и спрашiить: хто тамъ? Ёнъ отвичаить: егаръ русскiй!—Што табѣ, говорить, нужно?—Отворитя ворота, пусьтитя на ныч!—Погоди, говорить, спрошу у барышни. Тода ина ускакыить и говорить: барышня, русскiй егаръ просится на ныч! Ну, говорить: пусьти яго, накорми яго, напой, и спать положи, пусь оддыхаить, ёнъ съ походу утомився! Ина яго упусьтила, накормила, напоила и спать положила! Назаутраго устаётъ ёнъ повутру, умывся, вынимаить свой рушникъ и утираитца. Ета служанка увидила и побижала къ барышни: барышня, говорить, егаръ вашимъ рушникомъ утираитца. А ина говорить: нѣтъ, мой рушникъ зьдѣсь! Тода сейчасъ выходить барышня у кухню и спрашiить яго: а йдѣ ты узявъ етый рушникъ? А ёнъ отвичаить ей: ета мнѣ жана дала. Ина сейчасъ бросаетца къ яму и здоровкуетца: ето, говорить, рушникъ сестры моё малыя. Сейчасъ яго у комнату, стали пить, гулять—такъ ёнъ урема у яе провёвъ пошти мѣсицъ. Тода ина уздумала, спрашiить: куда шъ ты идёшъ, куда шъ тябе Богъ несётъ?—А вотъ, говорить, пославъ помѣщикъ: иди туда, ды нима вѣдома куда, приняси то, ды нязьвѣсно што.—Ну, што шъ ты гуляишъ? табѣ шъ давно надо было отправлятца! Сейчасъ выправляить яго, даеть ина яму клубочикъ--куда етый клубокъ будить катитца, туда и ты ступай! Нiйдѣ ни ночуй, помимо идѣ клубочикъ подкотитца подъ ворота, тамъ и ночуй! Ну, выходить ёнъ узнова на полянку, видить, стоить домъ мѣдный, огромный, а етый ящо большiй. Подкотився клубочикъ подъ етыя ворота. Ёнъ стучитца у ворота. Выскакыить дѣвица и спрашiить у яго: хто тамъ? Ёнъ отвичаить: егаръ русскiй, на ныч! Ина говорить: сейчасъ спрошу у барышни! Сейчасъ ускакыить и говорить: барышня, русскiй егаръ просится на ныч!—Ну говорить, пусьти яго! Напои, накорми и спать положи! Ина сейчасъ открываить ворота и упусьтила яго. Напоила, накормила яго, и спать положила. Назаутраго утромъ устаеть, сейчасъ одѣвся, умывся, вынимаить свой рушникъ, утираитца. Дѣвица увидила етого рушника, побѣгла сейчасъ къ барышни. Барышня, говорить: егаръ вашимъ рушникомъ утираитца.—Нѣтъ. говорить: мой рушникъ зьдѣсь. Ина сейчасъ уходить на кухню и спрашiить у яго; а йдѣ вы етый рушникъ узяли?—Ето, говорить, мнѣ жана дала! А ина говорить: ето моя сестра! Ну,

яны поздорȣвкылиси, ина яго сейчасъ узила, повила съ собою у комнату, тамъ напилиси чаю, посьнѣдали. Ина яго спрашiить: куда шъ ты идешъ? куда тябе Богъ нясеть? Ёнъ отвичаить: што пославъ помѣщикъ: иди туда, ды нявѣдымо куда, приняси то, ды нязьвѣсно што. Ина яму отвичаить: што шъ вы гуляитя? да вамъ давно нужно отправлятца! Ина сейчасъ отправляить яго, даеть яму клубочикъ, и говóрить яму: куды ёнъ будить катитца, туды и ты ступай. Нiйдѣ ни ночýй, помимо, куда клубочикъ подкотитца подъ ворота! Ёнъ и пошовъ. Ишовъ ёнъ много ти мало, нязьвѣсно, скоро дѣло кажатца, ну тольки ня скоро дѣлыитца. Вышовъ ёнъ на поляну—видить домъ сяребриный огромнѣйшiй. Подходить къ яму, сейчасъ клубочикъ подкатився подъ ворота. Ёнъ стучить у ворота. Сейчасъ выскакыить дѣвица и спрашiить: хто тамъ? Ёнъ говорить: егаръ русскiй, пусьтитя нá нычь!—Погоди, говорить, спрошу у барыни. Сейчасъ ускакыить ина: барыня, русскiй егаръ проситца нà нычь! Ина говорить: пусьти! напой яго, накорми, посьтелю посьтяли, пусь оддыхаить! Ина яго пусьтила, напоила, накормила и спать положила. Назаýтраго утромъ, уставъ ёнъ, одѣвся, умывся, вынивъ рушникъ свой, утираитца. Дѣвица увидала ето, сейчасъ побижала къ барыни: барыня, говорить, егаръ вашимъ рушникомъ утираитца! Ина говорить: нѣтъ, рушникъ мой зьдѣсь. Сейчасъ, барыня уходить на кухню. Спрашiить у яго: идѣ ты етый рушникъ узявъ? Ёнъ отвичаить: ето мнѣ жана дала!—Да, ето дочкй моè малыя рушникъ! Ну, тоды ина гукаить: дѣвка, говорить: вяди яго у комнату, пусьть чаю напъéтца, и дай яму посьнѣдыть. Ина яго увила у комнату, чаемъ напоила, накормила, и тоды ужо теща яго спрашiить у яго: куды идешъ? куды тябе Богъ нясеть? Ёнъ отвичаить: пославъ помѣщикъ: што иди туды, ды нима вѣдома куды, приняси то, ды нязьвѣсно што. Тода ина отвичаить яму: оддохни шъ ты нямного, а я пойду узнаю, ёсь ли ето идѣ, или нѣтъ! Сейчасъ ина вышла за вороты, сейчасъ якъ сьвиснула, крикнула, позьлятѣли усѣ птицы, идѣ которыя ни былй, усѣ позьлятѣли. Здорȣвкуютца: здравiя жалаимъ, барыня! Объ чомъ требуитя насъ? Ина отвичаить: вотъ, говорить, ходить русскiй егаръ, пославъ яго помѣщикъ, што иди туды, ды нима вѣдома куды, приняси то, ды нязьвѣсно што. Вы летаитя, говорить, по лисахъ, по мохахъ, по болотахъ, ти ни знаитя, ти ня вѣдыитя етого дѣла? Яны отвичають: нѣтъ, и ни знаимъ, и ня вѣдымъ! Ина опять якъ сьвиснула, якъ крикнула, сейчасъ бѣгать зьвярьё, усякiя гады, и зьмѣи, и люгашки. Яны здоровкуютца изь ёю:

здравія жалаимъ, барыня! Объ чомъ насъ требуитя?—А вотъ, говоритъ, ходитъ русскій егаръ, пославъ помѣщикъ: иди туда, ды нявѣдомо куда, приняси то, ды нязьвѣсно што. Ти ня вѣдыитя, можа бытъ: вы шъ ходитя по лѣсахъ, по мохахъ, по болотахъ, усюдахъ! А яны отвичаютъ: нѣтъ, ни знаимъ и ня вѣдыимъ! Одна лягушка отвичаитъ: знаитъ, говоритъ, ни знаитъ: ёсь лягушка старушка, кода ета знаитъ, дыкъ знаитъ, а боли нихто ни знаитъ. А барыня говоритъ: а зачимъ жа ина ни пришла? А ета отвичаитъ: яе дома нѣту!—А гдѣ шъ ина?—Къ морскому раку на висельля ушла!—Сейчасъ жа ступай за ею, штобъ сію минуту тутъ была! Ну, сейчасъ ина являитца. Объ чомъ, барыня, требуитя?—Вотъ, говоритъ: ходитъ русскій егаръ, пославъ яго помѣщикъ, што иди ты туда, ды нявѣдомо куда, приняси то, ды нязьвѣсно што,—ти ня вѣдыишъ ты? А ина говоритъ: а, знаю! Гукнити-ка егара того! Сейчасъ позвали егара. Ёнъ выходитъ къ ёй. Ина яму говоритъ; садись на мяне полехчи, и дяржись покрѣпчи. Ёнъ сѣвъ. Ина якъ заскакала, дыкъ ниякая птица ни справитца изъ ею лятѣтъ, ни то бѣчь. Занисла яго такъ далеча, што ёнъ самъ ни знаитъ куда! Тода ина якъ скакнула, ёнъ зъ яе ўпавъ, и на кўпину сѣвъ. А лягушки нѣтъ, остався одинъ. И сядѣвъ ёнъ до етого, што и заночувавъ. И просѣдивъ ёнъ тамъ три дня. Ни знаитъ ёнъ, куды выйти, тольки видно одно небо. На чатьвёртый день, у повдни, чуитъ—зьвинитъ колоколъ. Ёнъ думавъ, што вотъ тутъ яго хто убъетъ. Подъѣжжаитъ ёнъ къ яму ближи, и говоритъ: Нито, выстрой кабачокъ, попитъ да поѣсьти етому господину. Нито сейчасъ плёснувъ у руки, сейчасъ выстріився кабачокъ. Тода етый господинъ садитца, пъетъ и закусыитъ; а етый егаръ сядитъ на печки за трубою, и прячитца, боитца, кабъ етый господинъ ни 'тколотивъ яго, чаго ёнъ на печку забрався. Етый господинъ напився, наѣвся и говоритъ: Нито! убирай ето! И самъ усьсѣвъ на лошадей и поѣхавъ. Етый Нито увобравъ усё, и егаръ опятъ сядитъ на кўпини. Тода захотѣлось етому егару ѣсьтъ. Нечиго яму ѣсьтъ, и тода спрашіитъ: Нито! А ёнъ отвичаитъ: чаго изволитя!—Нѣтъ ли чаго поѣсь? хоть хлѣба кусокъ? Ёнъ отвѣчаитъ: егаръ, ды глупый! какое ўремя сидитя, и ня можитя спроситъ поѣсьти чаго. Сейчасъ ёнъ выстріивъ кабачокъ. Зьлѣзь, говоритъ, съ печки! И подноситъ вотки, вина, разныя закуски. Ёнъ наливаитъ стаканъ и здоровкыитца изъ имъ, зь Нито; будь здоровъ, Нито! А ёнъ отвичаитъ: кушайтя на здоровъя! Ёнъ выпивъ стаканъ, наливаитъ и подноситъ етому Нито. Ёнъ яго посадивъ съ собою у рядъ и стали

изъ имъ пить и ѣсьти умѣсьти. Тода ёнъ говорить: вотъ, я етому господину, што приѣжжавъ, служу яму дивяноста три года, и никогда ёнъ мнѣ стаканьчика ни поднёсъ! А етый егаръ говорить яму: пойдимъ умѣсьти, будимъ пить и гулять!—Ну, пойдимъ, Нито отвичаить яму. Ну, попили яны, поѣли и отправились. Вышли яны ужо зь лѣсу, на большую дорогу. Выстріили кабачокъ, и стали пить и закусувать. Ѣхали купцы, и знають, што на етымъ мѣсьти не́ было кабачка, а тяперь ёсь кабакъ. Да дай зайдёмъ, посмотримъ, хто зьдѣсь живёть? Уходють у кабакъ, видють одного, а чують—разговаривають удвухъ. Тода яны спрашують: сь кимъ вы, господинъ, ето разговариваитя,—одинъ сидитя, а удвухъ разговариваитя? А ёнъ отвичаить: ето ёсь у мяне Нито. Кода хочитя посмотрѣть—сейчасъ ня будить етого кабачка. Имъ стало ето любопытно, яны стали яго просить: пожалуста, покажитя! Ёнъ сейчасъ якъ плёснувъ руками—нѣтъ ничого, стоять на чистомъ поли. Да. Ну, говорить: Нито, выстрой узнова, попотчуимъ етыхъ госьтей! Ёнъ сейчасъ выстріивъ, якъ бывъ кабачокъ, такъ и ёсь. Стали купцы просить етого егара, кабъ ёнъ продавъ етого Нито имъ: мы ѣзьдимъ по дорогамъ, намъ дужа ето надо,—не надо сабѣ пищи брать. А мы табѣ дадимъ вещь такую, што ты можишъ быть помѣщикомъ. Тоды етый Нито товкаить яго и говорить: миняйся, только вёрстъ у пяти или боли отыйшотши, помяни мяне; скажи: а йдѣ мой Нито? То я буду съ тобою. А есьли ты ни помянишъ, то я буду изь ими! А ў ихъ была такая мѣдная трубочка и молоточикъ. И якъ первый разъ стукнишъ—одинъ солдатъ выскочить во ўсёй походный муницы, а другій разъ—два, и такъ усё ўдвоя пойдить. Ну, яны поминялиси, распрощалиси и пошли: тыя своей дорогой, а ёнъ своей. Отыйшотши ёнъ вёрстъ пять или больши, тоды сейчасъ уздумавъ: ахъ, говорить: а йдѣшъ мой Нито? Ёнъ отвичаить: я зьдѣсь! Ну, сейчасъ являитца яму тая лягушка, што яго возила—говорить: што ты такъ медьлинно идешъ? Заўтра помѣщикъ на твоей жанѣ будить жанитца! Тода ёнъ отвичаить: ну пущай женитца! А ина отвичаить: нѣтъ, садись на мяне полехчи, и дяржись покрѣпчи. Ёнъ сейчасъ усьсѣвъ, ина потащила яго. У водинъ часъ доставила у яго домъ. Ну, тяперь, говорить, ступай няси пану Нито! Сейчасъ являитца ёнъ къ пану. А жана яго усё ўремя тамъ. Сейчасъ доложили помѣщику, што пришовъ егаръ. Ёнъ сейчасъ выходить къ яму и спрашіить: ну што, приставивъ ни то, ни сё? А ёнъ отвичаить: приставивъ! Позвольтя, говорить, кабъ Нито построивъ кабачокъ, пусьть, говорить, тутъ попъють, погуляють! Ёнъ говорить: мо-

жишъ, можишъ! пускай выстроить! Ёнъ сейчасъ, вышивши на крыльцо, говорить: Нито! выстройка зьдѣсь кабачокъ, пусьть тутъ попъють, погуляють! Ёнъ сейчасъ выстріивъ кабачокъ. Ну, начали пить, гулять,— шумъ такій, драка, крикъ! Нязьвѣсно откуль набралыся стольки якого народу. Тода панъ слухувъ ето, слухувъ, ды говорить: убирай ты ето своё Нито къ чорту! И бяри жапу свою и отправляйся, штобъ я тябе боли ня видивъ! Ну, ёнъ забрався и пошовъ у свой домъ. Назаўтра, напившиси чаю, посьнѣдали, и ёнъ лёхъ оддыхать. И ўздумувъ на ету вещь, што дали яму купцы. Дай, говорить, узнаю: правда ето, што яны говорили, или нѣтъ! Тода ёнъ лежучи, стукнувъ етымъ молоточкомъ у трубочку, у конецъ,—такъ выскочивъ солдатъ во ўсёй походной амуницы. Тода ёнъ дальши стукыить—усё ўдвоя большіить. И настукувъ, што войско заняло увесь плацъ, нейди ужо и помясьтитца. Ёнъ уставъ, вышивъ, посмотрѣвъ, тоды пишить записку помѣщику: заўтра выходітя на плацъ, открываетца война! Ёнъ солдатомъ отославъ ету записку. Тода панъ ету записку прочитавъ, и сейчасъ требуить дворецкаго, оддаеть яму приказъ: заўтра у девить часовъ вутра пусьть разобьеть егарскій домъ. Ёнъ думавъ, што ёнъ тольки домъ разобъеть, и ўсё. Выѣжжаить дворный на плацъ. Смотрить у позорную трубу, видить, на плацу стоять войська, какъ тёмная туча—ни видать за войськомъ ничого, и пушки наведины. Етый, ничого ня думавши, обратився опять къ пану, отвичаить яму: нѣтъ, паночекъ, звольтя посмотрѣть у позорную трубу— тамъ войсько выстроино якъ тёмная туча, пушки наведины. Панъ, довго ня думувши, вышовъ на балхонъ, смотрить у позорную трубу, видить— тутъ войська нисьчисленная сила. Сейчасъ оддавъ приказъ бить тривогу.— Ударили тривогу, собралися усѣ, ну й открыли огонь. Ёнъ якъ ударивъ съ пушакъ, дакъ усё яго побивъ на макъ. Самъ остався паномъ на томъ мѣсьти.

С. Надпйковичи, клим. у. Моисей Елисеевъ, 55 л., негр., былъ въ солдатахъ. Потомокъ аракчеевскаго поселенца. Въ вар. мѣсто пана заним. царь.

8. Солдатъ Иванька, мышь, жукъ и ракъ.

У нѣкоторомъ царстьви, у нѣкоторомъ государстьви, за номеромъ пятымъ, у городи богатымъ, государстьвянная дочь хотѣла, кабъ яе хто нябудь рассмяшивъ: ня можа нихто рассмяшить яе ниякыми жижнями. Да, стойтя: я ошибку поймявъ! Треба було упѐради расказать солдата.

Служивъ солдатъ Иванька дватцать пять лѣтъ, выслуживъ сабѣ синій бялетъ. И ишовъ сабѣ по дорози, и було у яго три копѣйки

грбшай усяго. И ёнъ бывъ дужа пъяница большій, и куращій,—куривъ много, силно табáку скýрувавъ. И хлѣбосольливый дужа чаловѣкъ ёнъ бывъ. Такъ, хто ни спрося, дакъ ёнъ съ усякимъ подѣлитца, послѣднимъ подѣлитца. Хто ни спрося—дакъ ёнъ дасть. Да. Лятúть яму на ўстрѣчу жўчакъ: эхъ, говора, солдатъ; отслуживъ ты дватцать пять лѣтъ, и выслуживъ ты синій бялетъ. У тябе, говора, и гроши є; дай ты мнѣ Христа ради копѣачку! Ёнъ узявъ, отдавъ копѣачку, и идéть: отъ, говора: пойду за ʻдну копѣачку выпъю, а за другую табаки возьму, покуру; а одну копѣачку отдавъ, кажа, убогому жучку! Бяжить къ яму на ўстрѣчь мышка: ахъ, говора, солдатъ: отслуживъ ты дватцать пять лѣтъ. и выслуживъ ты синій бялетъ. У тябе и гроши ѐ. Дай ты мнѣ копѣачку, Христа ради! Ёнъ узявъ, подялився; ще копѣачку давъ, мышцы ѐтой. Да. Тогды ёнъ иде и говора: ну, за ету копѣачку зайду у коршмў, да тамъ табаки возьму на пипку, покуру, говора, зъ большòго гора! А копѣачку отдавъ убогой мышцы! Ну, тогды, сичасъ рáчикъ повзé: эхъ, говора, солдатъ: отслуживъ ты дватцать пять лѣтъ и выслуживъ ты синій бялетъ. У тябé и гроши é. Дай ты мнѣ копѣачку, Христа ради! Тэй и думая: мнѣ, говора, гóра; а етому рачику, мабыть, ще гòрай, коли ёнъ у мяне прося ради Христа копѣачку! Узявъ и тую копѣачку отдавъ. И пошовъ. И схòдятца яны зновъ напяродъ на ўстрѣчь ямў, и жўчакъ и мышка и рачикъ: «ну, коли жъ, говора, гóра табѣ якое стрѣнетца, дакъ ты насъ тогды стребуй: ахъ, говора: колибъ ко мнѣ рачикъ и мышка и жучòкъ, дакъ я бъ ниякого гòра не знавъ! Дакъ мы тойчасъ къ табѣ оявимся!»

Пошовъ ёнъ по пути-дорози и приходя у етый городъ. У етымъ городи, занимаетца государськая дочь сабѣ мужа выбирать. Хто, говора, мяне ўтѣша, рассмяшить на третьтимъ ватажй, за того я, говора, замужъ выйду! Ну, собралися князи, короли, усякаго званя, зъ етыя зямли, съ протчихъ государствявъ, штобъ значитца утѣшить яѐ. Ну, комедіи тамъ, разныя штуки притворали, штобъ яé утѣшить,—на коняхъ скакали, разное тамъ дѣлали,—надъ которой яна штукой рассмяѐтца. Ну и солдатъ то жъ: пойдутка я, говорить, зъ гора: ти ни утѣшу? Можа ина зъ мяне рассмяѐтца, ти ня выйдя ина за мяне? Да. Ну, сычасъ ёнъ пришовъ, бача, разное—разное тамъ дѣлають,—усякія штуки, усякими манерами притвораютца. Ну, ёнъ доступився тамъ до лѣсьницы, хотѣвъ мò якое штуковáтое слово тамъ сказать, абы што—надумався самъ у сабѣ,—яго оттудова якъ пхнўли,—ёнъ якъ полятѣвъ, обмаравъ ету шинялишку усю, одѐжишку усю, якъ ёсть, и доловъ звалився. Тода говора: «ахъ, колибъ, говора, къ мойму гору тяперака жучокъ, рачикъ и мышка,-дакъ ба я ниякого гора ня мѣвъ ба!» Сычасъ оявляютца: мышка, жу

чокъ, рачикъ. «Ну, што вамъ, говоруть, солдатъ, за нужда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора: я, говора, умарався увесь чисто якъ ёсть; шинялишку мою змарали, мяне съ третьтяго атажа убили, говора, и увесь я нездоровъ здѣлався!—«Ну, здѣвай, говоруть, шинялишку свою!» Ёнъ здѣвъ шинялишку. Сычасъ, жучокъ и рачикъ поволокли на рѣчку. А государськая дочка на ето смо́тра,—што зъ етого за штука будя? Тогды сычасъ помыли ету шинялишку,—ну, дѣ жъ имъ вѣшать яе сушить? Тогды, сычасъ ракъ ставъ на шійцы на своёй, а клюшни угору задравъ. Тогды яны на рачка на етого повѣсили. А ёнъ, значитца, ня могъ здержитца—якъ полятить!.. Шинель ета знов умаралась. Зновъ яѐ понясьли мыть. Помыли. Ну, рачикъ гово́ра: стойтетка, я, говора, украплюсь хорошо ужо! Тогды сычасъ повѣсили на рачику шинель ету. Тогды жучакъ летая, крыльлями дмѐ, вѣтеръ нагоняя, штобъ скорѣй высушить шинель ету; а мышка сабѣ бѣгая выкругъ, да дѣ мокро, дакъ выкручуя, выжимая, штобъ скорѣй сохла значитца. Ну, яна, ета царевна, и утѣшилась зъ естыхъ словъ, и засьмiялась. И сычасъ, подала отцу свойму бумагу своимы часовымы, которые часовые стояли тамъ перадъ ёй. «И вотъ, говора, папенька: ня утѣшивъ мяне нихто ни съ князёвъ, говора, ни съ королёвъ, ни съ протчихъ зямель, а утѣшивъ мяне простый радовый солдатъ. За того, говора, выходжу замужъ!» Ну, сычасъ собрали баль, заручины дѣлать; усѣ большіе начальники, увесь санотъ собрався.—Государськая дочь здѣлала яму тамъ дѣ нибудь ке́льню, покуль свадьба, до свадьбы до своѐ, и приставляла яму туды харчей, и табакъ куритялный, махорку. Теразъ кольки уремя почали свадьбу гулять,—поженились яна зь имъ. Ну, згуляли свадьбу, прося яна яго у своѐ комлаты, къ отцу, у дворэцъ у государстьвянный, побясѣдовать. Ну, ёнъ ня можа итить туды—вѣдомо, бясѣдовать ня можа съ колѣнами государстьвянными: я, говора, не пойду туды! Што мнѣ твой отецъ?—я твойго отца знать не хочу! Построй мнѣ, гово́ра, залишную комлату у саду! Дястьвитялно, была калавурка у саду, дакъ ёнъ зайшовъ туды, и живѐ тамъ,—дайжа къ жанѣ не лішитца,—ня хоча уво́вси зь ей жить, и говорить зь ей ня хоча. Да. Доставляють яму туды харчь, и яна сама туды прихо́джуя, у садъ у етый, говорить зь имъ. Тоды, прожили повгода, сказать, ли годъ, занимаетца у етомъ царстьви воинство. Той жа король занимаетца, который разныя штуки преставлявъ, хотѣвъ яе за сябе узять. Да. Приходжуя яна къ яму: душачка, говорить: узнимаетца на насъ король такій и такій! Хотя бъ ты зъ намы распрощався,—выяжжаамъ у дорогу у вяликую! Вѣдомо, царськое колѣно, дакъ выяжжають усѣ. Да. Ёнъ отказуа: «иди ты, каа, отвяжись! не знаю я ниякого прощенія! Я Богъ-вѣдая коли куривъ, во, три дни, якъ смерти къ

сабѣ 'жидаю. Ступай прэчь!» Яна заплакала и пошла. Бача, што ёнъ соусимъ дурацкія слóвы говóра.

Сычасъ ето яна пошла, принясла́ яму таба́ки хунтовъ пя́ть. Ёнъ ня мѣраючи набивъ трубку, моо, зъ га́рняцъ, закуривъ, дакъ напусьтивъ дыму пóвянъ садъ. И живе сабѣ—безъ ниякихъ. Ну, выяхали яны на воинство, на воинство выяхали—ёнъ одинъ ето остався у саду. Тогды сычасъ вышовъ съ калавурки съ своѐ и *обящаетца*: «эхъ, говора, колибъ къ мойму гóру, говора, мышка, жу̂чакъ и рачикъ,—дакъ ба я ни якого гóра не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму, нязвѣстно откуль. «Што вамъ, говоруть, за пу̂жда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора, выяхавъ отецъ нашъ туды зъ жаною, на воинство, говóра. Дакъ якъ ба, говора, мнѣ туды достатца? говора. Такъ сычасъ обящаютца мышка, жучокъ и рачикъ: свисьни ты говора, богатырським свистомъ, молодецьким гласомъ! Прибяжить къ табѣ конь—золотая шарсьтинка и сяребраная шарсьтинка, ты возьми, у правое вухо у̂лѣзь, у лѣвое вылязь, и ѣдь! Такъ сычасъ ёнъ свиснувъ. Прибягая къ яму конь, золотая шарсьтинка, серябраная шарсьтинка. Што, говора, вамъ за нужда, а мнѣ за служба?—А вотъ такое и такое дѣло: поѣхавъ отецъ нашъ зъ жаною на воинство, хотѣвъ ба я туды достатца!—«Ну, лѣзь у правое вухо, у лѣвое вылѣзай!» Ёнъ у правое вухо улѣзъ, у лѣвое вылязъ—здѣлався такій чистя́къ, што ни у̂ казкахъ сказать, ни у̂ загадкахъ згадать! Обящаетца яму̂ лошадь: ну што, говора, солдатъ,—куды мы поѣдомъ?—А вотъ, говора,—у нашаго отца воинство йдѐ, дакъ поѣдомъ на воинство!—Ну, садись, говора, на мяне—поѣдомъ, говора, у̂ три минуты, говора, тамъ будомъ!. Узявъ ёнъ мечь—кладянецъ, сѣвъ и поѣхавъ зь етой лошадьдю. Якъ уѣхавъ у королськое вóсько, якъ махнувся на право—на лѣво, кругóмъ,—дакъ ихное вóсько ляжи̂ть на десять вёрстъ зразу! Тоды сычасъ отбивъ усю воську, наѣхавъ на етого на самаго короля узявъ, яму лѣвую руку̂ по плячó отрубивъ. Тогда сычасъ пріяжжая етый солдатъ палишно къ цару. Ну, царъ яго ня у̂вознавъ, и пытаа яго: Ну зъ якихъ ты, говора, колѣнъ: съ простыхъ, или зъ духовныхъ, ти зъ начальниковъ зь якихъ большихъ, или зъ государстьвянныхъ колѣнъ? Ёнъ яму тожа не сказавъ совяршѐнно, зь якихъ ёнъ находитца, увóвся ёнъ яму не сказавъ. Ёнъ распрашуя: чимъ васъ, говора, наградить: грошамы, говора, ти заслугу якую дать, ти щѐ чимъ! Ёнъ обящаетца: ня треба мнѣ ничóго, тольки дайтя мнѣ, говора, хусточку свою имянную,—платокъ, значитца, носовый.

Ну, царъ могъ дать яму хусточку ету имянную зъ бу́кавой. Ёнъ сычасъ сѣвъ на свою лошадь и зазвинѣвъ, по пути—дорози, отъ ихъ. Сычасъ пріѣхавъ икъ етому саду, улѣзъ коню у лѣвое вухо, у правое

вылязъ—якъ бывъ солдатъ лохмакъ, такъ и ёсть. Пусьтивъ етого лошадя на зялёные луга, на шавковыя трòвы, на мядовыя воды, самъ зайшовъ у свою кельню, и живé тамъ,—бытто ёнъ вовся тамъ ня бывъ.

Тогды сычасъ пріяжжають зъ воинства—государськая дочь ета и отецъ яе, и усѣ началство. И приходя государськая дочь къ яму у садъ, у кельню, ну й обящаетца: эхъ, говора, душачка! ня бывъ ты тамъ, идѣ мы былй! Што мы страху, говора, повидали, што чаго! Да спасибо, говора, Господь нанёсъ чаловѣка такого, дакъ усю, говора, корольскую воську отбивъ! А по нашай сили, говора, пожалуй у нашай зèмли побылй бъ,—забрáли бъ кольки нашія зямлй, говора. Ну ёнъ обящаетца: я, говора, не такъ доволянъ вашимъ воинствомъ, якъ я, говора, нядовóлянъ самъ собой,—што я три дни, говора, живу ня пивши ня ѣвши, и табáки ня куривши! Тогды яна пошла, приставила яму харчей, табаки. Ёнъ, ня пивши, ня ѣвши, узявъ, у трубку повгарца табаки набивъ и давай курить,—напусьтивъ дыму на увесь садъ, одинъ. Сычасъ, ня довго думаючи, занимаетца зновъ воинство,—идеть три зямлй пу нашу зèмлю. Тэй король загойвъ рукý, да йзновъ иде, и ще потпросивъ съ протчихъ зямель силы. Прихóджуа государськая дочь изновъ къ яму: эхъ, говора, душачка: хоть ба ты пришовъ распрощався зъ намы, полядѣвъ, якъ солдаты идуть, другъ зъ другомъ прощаютца, полядѣвъ, скольки орудій идé. Ёнъ обящаетца тожа самое: я, говора, не знаю нийкого прощенія. Я, говора, якъ у служби бывъ, дакъ я службу сповнявъ, знавъ уси етыя прикослóвія, а тяперъ мнѣ ето ня треба,—я зь лѣтъ вышовъ, и не могу воеватца, не могу вамъ помочи дать нийкія! Тогды сычасъ царъ выбрався съ своимъ воськомъ на воинство. Ёнъ опять остався у саду одинъ.

Изновъ жа вышовъ у садъ: «эхъ, говора, колибъ къ мойму гóру, говора, мышка, жýчакъ и рачикъ,—дакъ ба я нийкого гóра не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму: «што вамъ, говорутъ, за нýжда, а намъ за служба?»—А вотъ такое и такое дѣло: поѣхавъ отецъ зъ жаной на воинство, говора. Дакъ якъ ба мнѣ ето доставитца туды?—Свищи, говора, богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ—прибяжить къ табѣ конь золотогривчикъ—другой шерсьти. И ѣдь! Сычасъ свиснувъ ёнъ богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ—прибѣгъ къ яму конь золотогривчикъ: ну што, говора, солдатъ, вамъ за нýжда, а мнѣ за служба?—А вотъ, такъ и такъ—поѣхавъ царъ на воинство—якъ ба мнѣ туды доставитца?—Ну лѣзь, говора, у правое вухо, а у лѣвое вылязь! Ёнъ у правое вухо улѣзъ, а ў лѣвое вылязъ—то бывъ чистякъ, а то ще ставъ чйщай!—Узявъ мечь—кладянéцъ и отправився по пути-дорози на воинство. Да. Якъ уѣхавъ у три зямли,

у корольское воськá, да ’къ шахвувся направо, налѣво, кругомъ,—дакъ ляжи́ть ихъ воськá на пятнатцать вёрстъ ззаду. Тоды сычасъ отвоевавъ ето воська—можа съ повмѣсяца воевавъ—тогды наско̀чивъ на етого короля и отрубивъ яму правую руку̀. Отрубивъ ямӯ правую руку́,—сычасъ етого короля потхватили на носилки, а ёнъ и поѣхавъ къ свойму цару: ето у̀же къ сьтю. Пріѣхавъ, поздрастувався. Сычасъ царъ яго ставъ опять спрашавать: раскажи́тя вы мнѣ,—зь якихъ вы колѣнъ, и чимъ мнѣ васъ наградить: ти васъ дяньгамы, ти храсто̀мъ якимъ, ти чиномъ? А ёнъ обящаетца: ня треба мнѣ ваша ничого, а дайтя мнѣ, говора, кольцо ваша золотое, имянное, говора. Давъ ёнъ яму кольцо, ёнъ распрощався зь имы, сѣвъ на свойго коня, сычасъ и поѣхавъ обратно, назадъ. Сычасъ, якъ пріѣхавъ къ етому саду, у лѣвое вухо у̀лѣзъ, у правое вылязъ—якъ бывъ солдатъ лохмакъ, такъ и ставъ. Пусьтивъ етого лошадя на зялёные луга, на шавковыя тровы, на мядо́выя воды. А самъ пошовъ у свою кельню и живе. Пріяжжаа етый царъ зъ воинства уже назадъ у свой дворэцъ. Государськая дочь сычасъ у садъ—яна думая объ имъ усё—изновъ прихо́дя къ мужу. «Эхъ, говора, душачка: мы, говора, на воинстьви были́, страху паглѣдились. Хоть ба ты побывавъ, побачивъ—скольки силы було́, скольки чаго! Да слава Богу налятѣвъ чаловѣкъ, отвоевавъ усё воинство!» Да! Ёнъ обящаетца: што жъ я, говора: я тутъ зъ голоду пропадаю—ня пивши, ня ѣвши третьтій день—дакъ мнѣ и дѣла няма до воинства! Сычасъ доставила яна ямӯ харчей, доставила таба́ки, заплакала слёзно и пошла отъ яго,—запла̀кала, што отъ яго ниякія рѣчи няма къ ёй хорошія. А покинуть не можётъ.

На етого цара зновъ обратно занимаетца девять зямель зразу! Да. Сычасъ яна прихо́джуа изновъ: ахъ, говора, душачка: тяперъ колибъ до насъ не дойшли: девять зямель иде́ на нашаго отца! Убираемся, говора, уси итить на воинство! Приди жъ, говора, распрощайся, говора, *съ* радовымы солдатамы съ своимы, и зъ началствомъ! Што ты, говора, ня хочашъ и на дворэцъ на нашъ узыйтить! Такъ сычасъ ёнъ говора: ня хо̀чу я распрощатца! я тяперъ со службы сышовъ, не знаю я ниякого воинства! Иди сабѣ куды хочашъ! Ну, яна заплакала и пошла. Ну, а покинуть ня хоча яго,—ще́ думая жисьти дожидать зь имъ. Ну, поѣхали яны зновъ на воинство съ своимъ воськомъ. Ёнъ изновъ остався одинъ. Тогды сычасъ вышовъ у садъ и говора: «эхъ, говора, колибъ къ мойму го́ру, говора, мышка, жучокъ и рачикъ,—дакъ ба я ниякого го́ра не знавъ!» Сычасъ яны, значитца, приходють къ яму, нязвѣстно откуль. «Што вамъ, говоруть, за нӯжда, а намъ за служба?»—А вотъ, говора: поѣхавъ отецъ мой воинство воевать, да на яго идётъ девять зямель,—дакъ якъ ба и мнѣ доставитца туды? Мышка, жучокъ и рачикъ говоруть:

свисьни богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ! Прибяжить къ табѣ конь—золотогривчикъ—другой шерсьти. И ѣдь! Сычасъ свиснувъ ёнъ богатырськимъ свистомъ, молодецькимъ гласомъ,—прибѣгъ къ ямў конь золотогривчикъ. Ну, што, говора, солдатъ, вамъ зӑ нўжда, а мнѣ за служба?—А вотъ, такъ и такъ: поѣхавъ царъ на воинство,—якъ ба мнѣ туды доставитца?—Ну, лѣзь, говора, у правое вухо, а ў лѣвое вылязь! Ёнъ у правое вухо улѣзъ, а ў лѣвое вылязъ—то бывъ чистякъ, а то ще ставъ чйщай!—Ну, садись на мяне, говора, верхи, поѣдомъ воинство воевать! Сычасъ ёнъ узявъ свою мечь кладянецъ, сѣвъ ёнъ на яго и поѣхали. Якъ уѣхали ето у сярэдину воська корольскаго,—ёнъ якъ шахнувся—махнувся, налѣво-право—кругомъ! дакъ не такъ самъ рубя, якъ конь копыта́мы бъѐ! Оста́ла́сь корольская воська, зразу вёрстъ на дватцать ляжйть. Отвоювавъ ето воинство усё корольское, отбивъ, девять зямель усихъ—можа у мѣсяцъ, якъ наѣхавъ на етого короля—дакъ ёнъ яму головў зрубивъ. Зрубивъ голову, тогды сычасъ пріяжжаа къ етому цару, свойму сьтю. Ну, и обратно обящаетца царъ: раскажитя вы мнѣ, зь якихъ вы колѣнъ и чимъ васъ награждать—грошамы, медалямы, ти половина царства вамъ отписать? А ёнъ говора: ня треба мнѣ вашаго ничо́го,—ни гроши, ни медали, ни половина царства, ничого мнѣ ня треба—отрѣжтя мнѣ полови*на* шапки вашія зъ дорогоцѣнными камнями! Сычасъ царъ довжо́нъ бывъ суповнить ето: перарѣзавъ шапку,—часъ сабѣ кинувъ, часъ яму отдавъ. Да. Сычасъ ёнъ сѣвъ на свою лошадь, пріѣхавъ къ саду, етого лошадя на золотой муздѐчки привязавъ коло своѐ калавўрки,—самъ лёгъ отдыхать—на трое сутокъ зразу. Лёгъ на трое сутокъ спать, пріяжжая ето той царъ зъ воинства, зъ зямель съ тыхъ, зъ девяти. Сычасъ ета царськая дочь—рўпитца ёй—бяжить у садъ. Прихо́дя къ калавурки икъ той,—стоить лошадь золотогривчикъ, нико́го не пропуская. А её самўю пропусьтивъ. Ина сама сабѣ ниўдивилася, што ето за штука такая? Откуль етый лошадь узявся, и привязавый стоить? Такъ сычасъ яна пришла къ етой калавурки—двери запёрты. Яна сычасъ дивитца у щелочку,—ёнъ спить,—и ў яго кольцо золотое на пальцы, шапка зъ боку ляжйть—половина, и хусточка имянна̀я съ кишени видать. И самъ чистякъ такій, што ни ў казкахъ сказать, ни ў загадкахъ згадать. Тогды яна приходжуа къ отцу къ свойму налишня зновъ: вотъ, говора, папенька: мы не знали, хто намъ воинство воевавъ! Воевавъ, говора, мужъ мой: такое и такое дѣло: хусточка, говора, имянная у яго, кольцо золотое у яго и шапка у яго,—усё, говора, у яго! Мы, говора, яго не ўвзнали! Ну царъ собравъ баль, заказавъ обѣдьни, пославъ по усей Росеи по своёй, пославъ письмы, газеты, што вотъ такій то и такій нашовся у мяне зъ радовыхъ солдатовъ, дакъ ёнъ имѣя большую силу—отвоевавъ мнѣ одинъ

три разы большое воинство! Ну, тяперъ яны тамъ зъ жаной живуть, мёдъ-вино пъють, и я тамъ бывъ у ихъ.

Д. Новая Бычъ, бычан. вол. Кр. Кузьма Силинъ, 24 л. неграмотный. Ходивъ по людяхъ, бывъ ли Пропойську. Языкъ уже смѣшанный, пограничный между двумя говорами, южнымъ и восточнымъ.

9. Солдатъ, жукъ, мышь и ракъ.

Служивъ солдатъ дватцатѣ пятѣ годовъ, и получивъ награды дватцатѣ пятѣ рублей. Идетѣ ёнъ домовъ, нэвзётѣ жукъ по дорози. Драстуй, говоритѣ, солдатъ!—Драстуй, говоритѣ, жукъ!—Служивъ ты дватцатѣ пятѣ годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцатѣ пятѣ рублей, спрашуетѣ у яго. А ёнъ отвѣчаетѣ: получивъ!—Ну, говоритѣ: дай и мнѣ одинъ рубъ, и я табѣ коли нябудь пригоджуся. Солдатъ думаетѣ: хутѣ при етымъ мнѣ рублѣ, хутѣ бязь етого—бросивъ яму рубъ. Жукъ тэй сошкрёбъ рубъ, и поволокъ. Прохо̂дитѣ нямножко солдатъ, вярсты̂ двѣ, стрѣчаетца зь имъ мышъ. Драстуй, солдатъ!—Драстуй, мышка!—Служивъ ты дватцатѣ пятѣ годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцатѣ пятѣ рублей, спрашуетѣ у яго. А ёнъ отвѣчаетѣ: получивъ! Давъ жуку рубъ?—Давъ.—Ну, дай, говоритѣ, и мнѣ рубъ. Я табѣ тожъ пригоджусь. Тоды ёнъ думувъ, думувъ: э, што, говоритѣ: кода бъ не даватѣ, дыкъ бы ни дного, а такъ—усё дно ў же. Узявъ бросивъ и мышини. Ина рубъ узила и потащила. Прохо̂дитѣ ящо вярсты̂ двѣ—усходитѣ на мосьтикъ, на рѣчачку. Изъ во̂ды выскакуетѣ ракъ и говоритѣ: драстуй, солдатъ!—Драстуй, говоритѣ, ракъ!—Служивъ ты дватцатѣ пятѣ годовъ?—Служивъ! Получивъ ты дватцатѣ пятѣ рублей, спрашуетѣ у яго. А ёнъ отвѣчаетѣ: Получивъ!—Давъ жуку рубъ?—Давъ!—А мышини давъ?—Давъ.—Дай и мнѣ, говоритѣ, рубъ, я табѣ ще боли пригоджусь!—О, говоритѣ, васъ много такихъ на̂йдетца! А посли обдумався: а ў жо ў сё дно, гово̂ритѣ: ти зъ рублёмъ, ти безъ рубля! Узявъ икинувъ. Ракъ ухапивъ етый рубъ и потащивъ съ собой. Треба яму перяхо̂дитѣ городъ столишный, того жа царства. И тамъ живъ царь. И ў тогожда царя была̂ одна отъ роду до̂чка. И отъ ро̂да ина ни сь кимъ не сміялася. Царь пабликова̂въ: хто мою дочку̂ рассмяе̂тѣ, того приниму у зяти̂ къ сабѣ, къ ей, у наслѣ̂дствія возьму! Солдатъ етый етого нічо̂го не знавъ. Ёнъ думаетѣ сабѣ: у пути выпитѣ стаканьчикъ водки тутъ, ды й дальше, штобъ нічо̂го нія̂кого ня здѣлатѣ! Ну ды й думаетѣ сабѣ: ды й я жъ уже съ службы уволь-ненъ, нико̂го не боюся, хотѣ и пьянъ напъюсь! Зайшовъ у кабакъ, выпивъ стаканъ—два водки, покушавъ нямного сабѣ; такъ и дальше йще выпивъ стаканъ, посидѣ̂вши.—А што жъ яму журі̂тца? То ў ремя про-

скочивъ урéменный дожжъ. Проскочивъ, надѣлавъ на вулицы воды и грязи, и опять стала погода. Солдату итить некуды былŏ, дыкъ ёнъ тое ўремя водку пивъ побольше. Напився водки здŏрово, што й итить ня мўсить, тольки ина яго не разобрала щѐ. И ёнъ думаеть итить. Расплатився, и пошовъ съ кабака,—у походъ, по городу. Проходя мимо дому государственнаго, обморŏчила яго силно хмель. Ёнъ оббрызкався и сунувся ў грязь. Откуда узявся етый самый яго ракъ, и жукъ, и мышъ, на помочь; отгарнўли отъ яго грязь и водў, здѣлали мѣсто сухое. А ёнъ заснувъ. Узяли, яго расшпилили и разули. Тода, ракъ расставивъ своѐ клюшни, а яны ўзяли и развѣсили усю ету одéжу на яго, и сўшуть. Ета царевна увидила у вокошко, и силно ўзрадовалась и зареготала, надъ етымъ чудомъ ужо. Побѣгла у другую комнату и кричить: батюшка! я, говорить, такого чуда ще отъ родá ня вѝдила,—ходитя, посмотритя! Царь узрадовався, што ина засміялась, пошовъ посмотрѣвъ. И вялѣвъ убрать етого солдата къ сабѣ. Вялѣвъ яго убрать, умыть и одѣть получчы. Солдатъ прошнувся и ўробѣвъ; скучаеть ужо, што здѣлавъ такое. Слуги етые говорють: ня бось, не скучай, тябе царь требуеть къ сабѣ! Приводють яго къ царю, царь яго спрашіеть: не робѣй, говорить, солдатъ! ты мою дŏчку рассмяшивъ! Я, говорить, пабликовàвъ: хто мою дочку рассмяеть, приму того у зяти. Ну й тябе ожаню зъ моéй дŏчкой! Занявся гулять свадьбу, ожанивъ яго на своéй дŏчки.

Ожанёмши, когда ины ложилися спать ужо, дыкъ ёнъ ничого ящо не занимаетца съ походу, ляжить и спить. Ина пройзносить жалобу свойму отцу дни черезъ три: што ёнъ, говорить, спокоенъ силно....... Ёнъ отвѣчаеть ей: на три дни я, говорить, ямў дамъ ильготы. А якъ прŏйдеть три дни, тоды я брошу яго у звяринецъ, коли ёнъ такій! Проходить три дни, ина обратно жалуетца. Ёнъ приказавъ, царь, отвясти яго у звяринецъ. Слуги отвялѝ яго.—Солдатъ етый умѣвъ играть у дудку. Здѣлавъ сабѣ дудку, сѣвъ подъ липою и ставъ играть. Потходить къ яму звѣрь левъ, и сѣвъ дли яго, и не допускаеть къ ямуниякѝхъ звярей. У тое ўремя сватався ету царевну нѣйкій король. То царь обратно згулявъ свадьбу зъ етымъ королемъ, и пошли яны спать. То ёнъ первую ночь ничого ня дѣлаеть. Откудова узявся етый ракъ, и мышъ, и жукъ. Сичасъ ракъ яго начинаеть клюшнѣми разворàчувать, а жўка посалáеть нутри. Жукъ оттуда понабрáсовавъ то того, то сяго, а мышъ по'бдѣлала ихъ боихъ, и короля и дочку. Тода опнулися яны, тода йна и говŏрить: што жъ ты, говорить, ето надѣлавъ, такъ съ первой нŏчи ошибся! Тоды ёнъ говорить: нѣ, на мяне ще етого не былŏ ниразу!—Ну, говорить: я табѣ ету ночь ще замовчу, не буду докладáть отцу! Ёнъ того дня ничого ня ѣвъ, тольки вечарŏмъ одного борщў трŏху сербанўвъ....... И позно

не спавъ. Якъ тольки заснувъ—яны обратно сотворили яму. Тоды яны ужо ошнулися—опя̃ть тóе жъ. Ну, ина ўжо доклáлася отцу. О̃тецъ имъ назначивъ ящо ночь одну переспа̃ть. То ёнъ уже тыя третьт̃ія сутки ничого ня ѣвъ, до сáмаго вечара, и не спавъ двѣ час̃ти ночи. Тольки заснувъ подъ самую зарю. Жукъ обратно и ўбрався.—Дай мятлу, говори̃ть: ёнъ ничóго ня ѣвъ! Яны мятлу подáли; ёнъ по нямногу тамъ повы́мевъ. Тоды яны съ зарёю ошнулися—а етые ўже разошлись уси. То ина иде̃ть и говорить: лучча бъ я жила съ тымъ съ солдатомъ съ чис̃тенькимъ, чимся зъ естымъ зъ грязнымъ! Царь повялѣвъ етого отвяс̃ти у звяринецъ, а того обратно у дворецъ, коли живъ. Узялѝ яго слуги и повялѝ. Уводю̃ть у звяринецъ, то солдатъ у дудочку поиграваѐть, и левъ яго охраняе̃ть. Ну, якъ только ўбросили етого короля, такъ звяръё яго и растаскали, короля. А етого обратно узялѝ ў домъ, солдата. Такъ ина узрадовалася, обнила яго, и пуцулувала, и сказала: другъ мой, буде̃мъ съ тобой жи̃ть до конца вѣка.

Д. Селецкое. Ѳедотъ Лукьяновъ, 30 л. малограмотный.

Въ *Городокскомъ у. Вит. губ.* сказка варьируется такъ:

Шелъ солдатъ со службы. Было у него три алтына. За одинъ онъ предполагалъ купить земли, за другой выстроить хату, на третій ожениться. Вдругъ подбѣгаетъ мышина: служивенькій, дай мнѣ алтынъ, я табѣ къ худому ўремю пригоджусь! Солдатъ разсердился и, желая убить мышь, бросилъ въ нее алтыномъ. Но мышка подхватила алтынъ и убѣжала. Тогда летитъ жукъ: отдавъ ты мышины (смѣш. родит. съ дат. и предл.) одинъ алтынъ, отдай мнѣ другéй! Солдатъ бросилъ въ жука алтыномъ, чтобъ его убить, но жукъ схватилъ алтынъ и улетѣлъ. Подошелъ солдатъ къ озеру. Выползаетъ ракъ: ну, солдатъ! давъ ты одинъ алтынъ мышины, другей жуку,—давай мнѣ третій! Хотѣлъ солдатъ и рака убить, бросилъ въ него алтыномъ, а тотъ схватилъ его клюшнями да потуль того й бывъ. Остался солдатъ безъ денегъ. Приходитъ онъ въ городъ, въ казенный домъ, гдѣ пи и ѣшь, кольки хошъ, а тольки пьянъ не напивайся; а хто напъётца,—на мёртвый полокъ, къ звѣрямъ на зъѣденія. Солдатъ напился пьянымъ, свалился въ грязь; тогда пошелъ къ рѣкѣ платье мыть. Раздѣлся, да такъ съ—пьяна и заснулъ голый на берегу рѣки. Прибѣгаютъ мышь, жукъ и ракъ; вымыли платье, развѣсили на деревьяхъ сушить и поднимаютъ кверху, кабъ скорѣй высохло. Увидѣла это царевна и разсмѣялась. Пріѣхали за солдатомъ въ каретѣ, разбудили, одѣли и повезли во дворецъ. А въ это время пріѣхалъ и чужой король въ сваты. И было рѣшено отдать царевну за того, кто всѣхъ гостей разсмѣшитъ. Король посылаетъ своихъ слугъ: купите мнѣ соболиные са-

пожки, золотую шляпу, драгоцѣнный сертукъ и серебряную саблю! А солдатъ прибавляетъ: а мнѣ купите тамъ рогожи на сорокъ копѣекъ, на шинелъ, на штаны и на шапку! Ну, всѣ и разсмѣялись: якое, говорють, у солдата богатство, такую ёнъ сабѣ и одѐжу справляеть! Ну, и оженился солдатъ на царевнѣ.

10. Семъ сѣдьневъ.

Живъ сабѣ старикъ исъ старухой, и было у ихъ семъ сыновъ, и ўсё сѣдьни. Сами яны не могли знать старики, якіе яны ремесляки. Сами яны обое помярли и ихъ покинули. Остались яны сиротами, и усякіе удивлялись, што якъ яны будуть кормитца,—што ўсё сѣдьни якъ одинъ. Зносили имъ обчество хлѣбъ тожа, кормить. По тыхъ поръ кормили обчествомъ, покудова надокучило. Яни сказали мижда сби, мужукй: што намъ за прибыль кормить ихъ? Сами себе ўголодимъ и ихъ ня выросьтимъ. И до тыхъ поръ яны, етые сѣдьни, дожили, што ўже нихто къ имъ и не ходить. Сѣдьни етые мижда сби и говорють: «вотъ, братцы: отъ насъ по'тчужалися усѣ люди, и Господь насъ осиротивъ отцомъ и матерю. Якъ мы будемъ тяперь кормитца?» А яны якіе сѣдьни?—усё богатыри якъ одинъ. А якъ Богъ дасть ночь, дакъ яны тоды и пойдуть сабѣ пропитанія йскать. Пойдуть къ помѣщику, бываеть, ноччю, имбаръ подымуть, хлѣба сабѣ набяруть; а дровы якъ нужно,—у лѣсъ ноччю пойдуть, да й сажень на сабѣ приволокуть. Такъ яны посли отца и матери семъ лѣтъ и страдали. Потомъ дяревни донясьли до помѣщика што, баринъ, возьмитя етыхъ сиротъ у хвольварокъ! Стали говорить, што Богъ ихъ знаеть, якъ яны питаютца, и не видимъ ходя ихъ, и чимъ яны кормютца. Богъ ихъ знаеть, ти ядуть яны што, ти не ядуть—живы. Помѣщикъ ихъ сожалѣвъ тожа. Узявъ ихъ къ сабѣ. Семъ лѣтъ ихъ у сябе продерживъ. А знать не знавъ, якіе яны. Потомъ помѣщикъ отписавъ царю: што возьмитя ў мяне людей такихъ и такихъ: моя ня сила! Царь ихъ тожа привялѣвъ доставить къ сабѣ. Царь ихъ семъ лѣтъ безъ усякаго спросу одѣвавъ и кормивъ. На восьмомъ году царь у ихъ спрашуваеть: «скажитя вы, што за люди такие находитесь? Я васъ семъ лѣтъ одѣвавъ и кормивъ, и приглидавъ васъ!» Одинъ говорить: я вотъ, государь, якій ремесникъ: ежелибъ васъ забиждать найшла якая сила непріятельская, дакъ я каляный лукъ якъ натягну, ударю, поломлю усю силу однымъ разомъ! Государь ставъ доволенъ имъ. Спросивъ у другого: ты якій ремеслиникъ? Другій отвѣтивъ царю: ежели вамъ наймать корабли строить да платить большія деньги, дакъ я отъ трёхъ разъ сякиру ударю, и корабъ станеть! Государь етому взрадувався: сто хорошо мнѣ два чело-

рукій сичасъ узявъ письмо, у карманъ ўклавъ, и ўссадивъ хромого на сляпого, и приказавъ яму, штобъ указувавъ сляпому дорогу. Сляпый и повёзъ хромого на погáршкахъ. Тольки сляпый куды зблўдитца зъ дороги, дакъ ёнъ яго въ вухо: вотъ сюды! Ёнъ, сляпый, дотащивъ хромого съ трудами до царя. Хромый оддавъ записку государю. Государь прочитавъ ету записку, и собравъ у два раза больше воська и пославъ тожа ў догонь, и привялѣвъ, штоба забрять ихъ. «А не заберетё, дакъ я васъ подъ áрестъ возьму!» Яны зайшли тожа къ етой баби и спросили: давно тутъ, бабушка, ишли люди якіе? Баба имъ отвѣтила: а ишли, якъ етый садъ соджанъ! Яны говорять, што вочень далёко ушкрябли. «Будемъ, братцы, прибавлять шагу!» И мижда сóбя совѣтуютца, што забярёмъ и доставимъ живыхъ прямо къ царю. Етый, который калянымъ лукомъ бивъ, сказавъ: чутко вушко, приляжъ къ землѣ: ти ня стогнеть дорога, ци ня стогонитца за нами якая погоня? Етый сичасъ прилёгъ и говорить: стогнеть дорога, гонитца за нами большая погоня, больше *въ* два разы!— Быстро воко, посмотри, ти далéча? Етый говорить: пятьдесятъ вёрстъ, не больше. Ёнъ сичасъ узявъ каляный свой лукъ надтащивъ, надтягнувъ, якъ ударивъ,—дакъ и знова поломило усю силу: оставивъ тольки хромого да сляпого. Письмо сичасъ написали, *у*знова, у карманъ хромому уклали, довгорукій той. Хромого на сляпого уссадили, и зновъ сляпый потащивъ назадъ. Сляпый хромого притащивъ; хромый письмо царю оддавъ. Царь письмо прочитавъ. Посмотрѣвъ царь, што ничого не подѣлаешъ по письму зъ ими—поломилось усё,—а ў яго была птица жаръ, такая птица, што ёнъ самъ ѣздивъ на ёй самъ,—богатырька птица. Ёнъ приказавъ жаръ-птицы: штобъ доставила мнѣ непремѣнно нявѣсту и ихъ штобъ побила,—а то ў царство не прилетай! Яны жъ пришли къ морю. Етый сичасъ съ подъ поиса вынивъ топоръ, по водѣ три раза ўдаривъ обухомъ, и здѣлавъ корабъ, такій якъ и ўпярёдъ. Тода сичасъ, перѣехадши мóря, опять три раза обухомъ по кораблю ўдаривъ—и нема-знать дѣ дѣвся корабъ. Перейшодши мóря, захотѣли оддыхнуть. Яны ўзяли, лягли спать. Царевна, етого самаго, который калянымъ лукомъ бивъ, улюбила яго, и ўзяла яго голову на колѣни къ сабѣ—што ёнъ храбёръ и сіленъ. Потомъ того проспали яны одинатцать дней не просыпая. На двѣнатцатомъ дни являетца ета жаръ-птица къ ёй. Ина сичасъ давай ихъ будить, царевна, и ниякимъ родомъ не ўзбудила ихъ. Ина тоды давай плакать. Жаръ-птица спусьтилась и ўзяла царевну. И не слыхали яны, когда яна ў ихъ украла. Посадила яё на крыло на лѣвое, а правымъ замахала, и ўтекла отъ ихъ. Царевна заплакала, и тому богатырю, который калянымъ лукомъ бивъ, капнула на щакў слеза. И такъ ина слезой своёй, усё ровно, якъ варомъ на щаку узлила: ёнъ сичасъ прошнувся зъ вóтропу

и сказавъ: уставайтя, братцы моѐ: нѣту нашія царевны! Сколькн трудилися, вялй и тяперь утратили! нѣту нашія царевны! Якъ намъ тяперь къ царю показатца? Чутко вушко, приляжъ ка ты къ зямлѣ,—идѣ ета погоня, што украла царевну у насъ: ти ўвышу, ти ўнизу? Етый сичасъ прилёгъ и говорйтъ: што ўвышу, братцы любезные, шумитъ дужа погоня и выетъ царевна дужа!—Быстро вочко, посмотри: ти дужа високо? Той посмотрѣвъ да й говóритъ: подъ самами вóболоками!—Быстро вочко, посмотри: на которымъ крылѣ царевна? Ёнъ ямў отвѣчаетъ: на лѣвомъ! Ёнъ якъ навёвъ калянный лукъ подъ лѣвое крыло, якъ ударивъ подъ крыло,—лятитъ царевна якъ шубень! А довгорукій подхватнвъ яѐ, не давъ ёй много отпасьтъ отъ крыла,—сичасъ подхватнвъ яѐ на ладони. Жаръ-птица оборотилась къ свойму царю бесъ крыла уже. Царь посмотрѣвъ, што не возможно ничого зъ ими подѣлать, и оставивъ зъ ими супрочйвнитца.

А царевна етого ўлюбила, который калянымъ лукомъ бивъ, до такія степéнносьти, што не могла отъ яго растрятца дажа. Привялй яны яѐ тожа къ царю свойму, къ свойму отцу. Государь ня могъ знать, што зъ радосьти дѣлать зъ ими! Изъ дочкой цулувався, и спрашувавъ: што, якъ, дѣтка, откуль вызвулилася, и якъ вы гóря перенясьлй? Ина расказувала, што дужа вяликое гóря принялн. Царь спросивъ: чимъ мы будемъ награждать ихъ за ето? Ина сказала, што ничавó, папенька, не жалаю, тольки примитя етого, который калянымъ лукомъ бьéтъ, ко мнѣ! Царь думавъ, што и ёнъ такъ хочетъ у пристани къ ёй, якъ и ина къ ямў. Ну ёнъ не жалавъ у пристани йти. И чаго ни дѣлала ина, и ўговаривала яго, и батька просивъ, и ина батьку,—до тыхъ степенносьтей ўговаривали, покуль ёнъ бросивъ у ихъ житъ. И братьевъ своихъ оставивъ, а самъ увыйшовъ. Государь сказавъ: я знаю, почаму ёнъ не идётъ! Государь кажетъ: ёнъ думавъ, што ў мяне дениxъ нѣту,—што я яму не показавъ. Повялѣвъ семъ ящиковъ насыпать серебра и завезтъ наперёдъ. Дакъ ёнъ поÿглитца и вéрнетца назадъ. Ёнъ сичасъ идéтъ, ажъ ящики съ серебромъ зъ деньгами на военныхъ лошадяхъ привезены и поставлены наўпрэдъ яго, куда яму йтитъ нужно. Ёнъ ящикъ расколотивъ и деньги рассыпавъ и сказавъ: пущай люди бѣдные собираютъ! Яны сичасъ воротилися скорымъ пóспѣхомъ назадъ къ царю. Царь испросивъ: ну, што,—вярнувся?—Нѣтъ, ваша вяликое анпираторство! деньги рассыпавъ и сказавъ: пущай деньги люди бѣдные собираютъ! А дочка царя беспокоитъ тожа, штоба непремѣнно яго доставитъ. Государь сказавъ: насыптя золота семъ ящиковъ и завязитя наперёдъ: ёнъ увидитъ и вéрнетца! Такъ и здѣлали, завязли. Пришовъ ёнъ, рассмотрѣвъ, и сказавъ: на што мнѣ золото? Што я буду зъ ими дѣлать? Узявъ и расколотивъ ящики и сказавъ: пущай усѣ люди собираютъ! Яны сичасъ

воротилися къ царю и сказали: што не ўзявъ дених, рассыпавъ! Царь отвѣтивъ: кода погрѐбувавъ моѐй лаской, то насыптя двѣнатцать бочонковъ пяску: пущай засыплеть своѐ глаза̀, кода моя чесь яго не бярѐть! Яны сичасъ узяли, пясокъ етый напрэдъ завязли, поставили, и сами смотрють, што онъ будеть дѣлать. Ёнъ сичасъ посмотрѣвъ, што ето бочонки исъ пяскомъ. Ёнъ сичасъ узявъ лошадей, верёвки по'твизавъ и бочонки у верёвки ўложивъ и сказавъ: можеть быть, при злой години знадобитца! Самъ на плячо ихъ узявъ и понёсъ. Эти сичасъ зворятилися звощики къ царю свойму. Царь и спросивъ: што ёнъ дѣлавъ съ пяскомъ? Яны сказали яму, што ёнъ бочки увизавъ у верёвки и понёсъ некуды за собой. Царь и говорить: погребувавъ моѐй ласкую и засыплеть своѐ глазы! Ёнъ сичасъ идёть дорогую, ажъ горить роща берёзовая, силно горить, и на тэй рощи, видить, метаетца нѣхто у вогнѣ, а не можеть самъ знать—хто. Тольки кричить: ратуй, хто Богу вѣряеть! и я при злой годи̂ни знадоблюсь! Ёнъ сичасъ бочонки разбивъ и ў водинъ грудъ пясокъ ссыпавъ. Ажъ ето, што на рощи метався, дакъ куды метанѐтца, дакъ огонь за имъ по̀лымямъ. Ёнъ сичасъ узявъ, и давай на 'гонь бросать пясокъ етый. Затушивъ ёнъ етый огонь, ету рощу, и снявъ етого съ огня, што горѣвъ въ огнѝ. Ёнъ яму говорить: вотъ, благодарю табѣ, братъ любезный, што мяне пурутувавъ отъ смерти! Ёнъ спросивъ у яго: хто жъ ты такой нахо̀дисься? Ёнъ яму̂ отвѣтивъ, што—я находжусь чортъ!—Почаму ты попався здѣсь' у вогонь горѣть?—А потому, што мужикъ пъяный запаливъ рощу да й сказавъ: чортъ еѐ возьми, исъ чортомъ зъ естымъ! Ну, ёнъ спросивъ: а ты хто?—Я, когда знаешъ, Ивана Йвановича—семъ сѣдьневъ, дакъ я бо̀льшій братъ!—Знаю, говорить. Вотъ, другъ любезный,—куды ты идѐшъ?—А йду во весь свѣтъ бѣлый!—Вотъ, по̀йдемъ ра̀зомъ, удвоихъ, не будемъ разлучатца одинъ отъ одного, разминатца!—Ну, штожъ, по̀йдемъ! Идуть яны тожа само, ажъ стоить горя̀ високая, високая. На той горѣ, ажъ тамъ мядьвѣдь, и вовкъ, и лисица, и заицъ, и голубѐцъ, и мурашка. А всѣ за одну гору̂ дяру̂тца. Вовкъ хочеть сабѣ кабъ горя̀ оста̀лась, а мядьвѣдь сабѣ, а лисица сабѣ, а заицъ сабѣ. Мурашка якъ ущѐмитца мядьвѣдю....., а голубецъ тожа яго кусать, мурашку вынимаеть, дакъ мядьвѣдь моркочить. Лисица тожа дяретца, и вовкъ,—и кажный хочеть, кабъ горя оста̀лася которому—нибудь одному. Яны сичасъ пришодши къ горѣ и крикнули: миръ вашай кумпа̀ніи! Яны сичасъ сказали: «здрастуй, Иванъ Ивановичъ, силный могущій—богатырь!»—За што вы дярѐтесь? Мядьвѣдь отвѣтивъ: Иванъ Ивановичъ! рассуди ты намъ вѣрный судъ, дай намъ памить: кому горя̀ ета довжна остатца? Ёнъ сказавъ: слухайтя мяне, я вас разбяру! Мядьвѣдь сказавъ:

будемъ слухать вашаго приказанія! Ёнъ сичасъ узявъ, на мядьвѣдя сказавъ: навучи мяне помядьвѣжъи зворачиватца, тоды скажу, дѣ табѣ жить! Ёнъ сичасъ научивъ яго посвоему зворачиватца. Тоды ёнъ и говорить: ну, ты вяликій дуплё, да й дурень большій! што ты будешъ на етой горѣ дѣлать? Пошовъ ба ты ў лѣсъ: сѣютъ мужуки овёсъ близко коло лѣсу; напёрся бъ ты якъ мѣхъ овса етого, и сядѣвъ ба ты подъ курчамъ. Не захотѣвъ ба ты, бываетъ, овса, ёсь у лѣси пчолы. Выломавъ ба ты пчолъ! Покушавъ ба ты разныхъ сладосьтѣвъ! Ёнъ яму поблагодаривъ, у ноги поклонився и пошовъ. Тода ёнъ у вовка спрашуетъ: што ты тутъ будешъ дѣлать? Вовкъ яму отвѣтивъ: дятей ба тутъ позвёвъ! Яму ёнъ отказавъ: тябе тутъ охотьники забъютъ и съ собаками тябе прогонютъ!—Куды жъ мнѣ дѣтца?—Навучи мяне посвойму зворачиватца! Ёнъ сичасъ научивъ яго посвойму зворачиватца, поповчи. Ёнъ говоритъ: пошовъ ба ты ў лѣсъ, да идѣ мохи зъ водою ёсь, тамъ ба ты живъ! тябе нихто бъ не нашовъ! Вонъ, мужуки пасутъ коло лѣсу статокъ, ты бы ўкравъ ба овцу, поросёнка, козянёнка бъ; ты бъ бывъ доволенъ етымъ. А тутъ ты што зъяси? тябе забъютъ! Вовкъ сичасъ яму поблагодаривъ и пошовъ. Сичасъ лисица жалобу заносить: Иванъ Ивановичъ, богатырьскій сынъ, разбяри моё дѣло: я хочу, кабъ мнѣ горя осталась! Ёнъ отвѣчаетъ ей: што ты ў етой горѣ будешъ дѣлать?— Дятей повяду, ямочки покопаю, и сама буду тутъ жить! Ёнъ ей отвѣтивъ: што тябе найдутъ охотьники, и собаки за хвостъ изъ ямки вытащутъ!— Дѣ жъ мнѣ дѣтца? Ёнъ сказавъ: научи мяне полисиччу зворачиватца! Яна яго научила полисиччу зворачиватца. Ёнъ говоритъ: пошла бъ ты идѣ коло равовъ коло крутыхъ, у лѣси, тамъ ба ты выкопала сабѣ печарю—тамъ ба тябе ня дужа хто нашовъ: ни собака, ни охотьникъ! Яна й пошла. Тоды заицъ проситъ разобрать яго дѣло. А што ты жалаешъ?—Я жалаю, кабъ мнѣ горя осталася!—А што ты ў ей будешъ дѣлать?—Гнѣздо здѣлаю, зайчинятокъ повяду,—травку будутъ збирать по горѣ по етой! А ёнъ яму отвѣтивъ: якъ вы што—мѣсица водитесь, дакъ табѣ й горы не хватитъ!—Дѣ жъ мнѣ дѣтца?—Научи мяне посвойму зворачиватца, я табѣ скажу, идѣ жить! Ёнъ узявъ и научивъ посвойму зворачиватца. Ёнъ и давай совѣтувать, идѣ жить: ты бы идѣ коло лясовъ; тамъ зимою жито бъ откопавъ да зъѣвъ ба; тожа бъ само лѣтомъ овса наѣвся, капусту—у городъ уперся. А тутъ што ты на горѣ будешъ дѣлать? Заицъ поблагодаривъ и пошовъ. Остаётца голубецъ да мурашка. Ну вотъ, сичасъ и говоритъ на голубца: ну, ты што будешъ дѣлать на етой горѣ? Ёнъ сичасъ и говоритъ: я совъю гнѣздечко тутъ, и мнѣ тутъ усё чисто видать; хто идѣ што засѣетъ, дакъ я буду усё видать и летать девбать! Ёнъ яму отвѣчаетъ: тябе жъ ястребъ за-

дярѣтъ на кургани, потому, ты видѣнъ будешъ; и дятей твоихъ задяретъ. Голубецъ яму отвѣчаетъ: дакъ идѣ мнѣ дѣтца?—Научи мяне поголубяччу зворачиватца, я табѣ дамъ толкъ, идѣ подѣтца! Ёнъ яго научивъ поголубяччу зворачиватца. Тода ёнъ яму сказавъ: полятѣвъ ба ты къ господину къ якому на крылцо, и сѣвъ ба ты на крылечко, и загуркавъ ба ты жалосно,—тябе господинъ узявъ ба, у комнату унёсъ ба; дали бъ табѣ пашанички, сыты рассолодили бъ, напоили тябе. Вотъ ба ты живъ сто разъ луччи у комнати! А ёнъ говоритъ: а правду ты говоришъ, Иванъ Ивановичъ, богатырьскій сынъ! Ёнъ поблагодаривъ яму, у ноги поклонився и полятѣвъ. Ну, говоритъ, мурашка: навучи-ка мене посвойму зворачиватца: табѣ остаётца уся горя! Мурашка яго навучила посвойму зворачиватца. И осталась на горѣ. Потому што мѣста хватитъ зъ мурашкой. Сами яны пошли съ тымъ съ чортомъ къ царю. Чортъ поволокъ: ходимъ вотъ къ такому то къ такому царю у слуги! Ёнъ и пошовъ. Приходютъ яны къ царю. Царь спросивъ: объ чомъ? Отъ яны сказали: у слуги наниматца! Посмотрѣвъ царь, што яны вумные хлопцы собралисъ,—царь жа не знавъ, што ето одинъ чортъ и другій богатырь, и за товариша яны ходютъ, за брата,—вотъ яны нанялися у царя. Царь ихъ улюбивъ. Служатъ яны вочень хорошо й прекрасно. И замѣчаютъ яны, што царь вочень скушный часто бываетъ. Яны спрашуютъ: ваша вяликое анператорство! объ чомъ вы смутны? Государь сказавъ: дочка у мяне отобрана силою, воинствомъ! Яны сказали: што будетъ, ваша вяликое анператорство,—мы доставимъ вамъ вашу дочь! Царь узрадувався етакъ, што поцулувавъ богатыря, и обнявъ, и сказавъ: ежели бъ ты, достанешъ мою дочку, то што жалаешъ, то будетъ отпущено! Тяперь ёнъ сказавъ: достану, ваша вяликое анператорство! Государь сказавъ: ступай зъ Богомъ! Ёнъ сичасъ отправився й пошовъ. Вотъ сичасъ узявъ помядьвѣжьи йти. Ишовъ, ишовъ по мядьвѣ*дчу*—затомився; ёнъ зброcився поновчи. Ёнъ тода поновчи ишовъ, ишовъ—затомився. Ёнъ тода сичасъ узявъ позаяччи бѣчь.—Бѣгъ, бѣгъ,—прибѣгъ ёнъ къ морю. Сичасъ черезъ моря скинувся голубцомъ и полятѣвъ. Перелятѣвъ черезъ моря голубцомъ, и полисиччи пошовъ. Изнова полисиччи затомився. Подбѣгаетъ подъ городъ, голубцомъ скинувся и улятѣвъ у городъ. Подлетаетъ къ етому къ дому царьскому, и зброcився мурашкой. И успovзъ по стянѣ на бавхонъ, на четвёртый тажъ. Царевна платьтя сабѣ къ вянцу вышивала и плакала граздо. Потомъ ёнъ скинувся молодцомъ—ни у думки уздуматъ, ни у сказки сказатъ—и подаётъ письмо царевни. Ина ето письмо узяла читатъ,—за слязми ня можетъ прозрitъ,—што отъ отца поклонъ и за ёй человѣкъ присланъ. Ина й сказала: якъ тябе Господь святый привузнёсъ сюда? Подарила яму кольцо золотое, и подарила яму ключи тожа отъ комода отъ свойго, и подарила яму платокъ хорошій,—

тожа отъ комода отъ свойго. Ёнъ скинувся мурашкую, дакъ ина ўзяла ў яго вусикъ отрѣзала, да ў бумажачку. Потомъ того знова скинувся голубцомъ; ина крылышка трошку отрѣзала да ў бумажачку. Потомъ того знова скинувся полисиччу—усё показававъ ёй придиѣты, якъ уйти отъ тудова. Ина сичасъ узяла, отрѣзала шерсти, тожа у бумажачку. Тода ёнъ скинувся знова позаяччи. Ина тожа шерсти знова отрѣзала, да ў бумажку. Ёнъ збросився поволчу,—тожа шерсти отрѣзала, да ўсё у бумажачку. Тожа помядьвѣдчи—тожа шерсти отрѣзала да ў бумажачку. Тода ина й говорить: другъ любезный! якъ ты мяне отсюль возьмешъ? Ёнъ сичасъ узявъ, зворятивъ ее мурашкой, и самъ зворятився. А тамъ приказанія строгое, штоба нихто не подходивъ къ бавхону, изъ людей нихто. Строго вочень государь смотрѣвъ, штоба яѐ нихто не ўвурувавъ зъ бавфона. Тода ёнъ збросивъ ее мурашкой и самъ збросився, и вывевъ её по стянѣ изъ бавфона. Зъ города яны выповзли, и нихто не замѣтивъ. Тяперь зъ города яны выповзли и скинулись голубцами обы и полятѣли. До тыхъ поръ лятѣли, покуль затомплися. Тода збросились полисиччи и побѣгли. Тоды яны зновъ къ морю прибѣгли, збросились знова голубцами и полятѣли черезъ мо́ря. Перелятѣвши черезъ мо́ря, скинулись зайцами. Тоды яны замяторились позайчи, скинулись поволчи, тоды помядьвѣдчи. Помядьвѣдчи яны пришли къ самому царству, къ границы, къ царству къ ихному. Черезъ рѣчку збросились людьми; и перяйшли. И здѣлали яны вотдыхъ сабѣ на поли. Государьскіе слуги ходили по охоти тамъ, искали дичи, и замѣтили, што ето тая самая царевна, которую у ихнаго царя отобрято. Цяперь ёнъ тожа лёгъ спать, да й заснувъ крѣпко, а ина на колѣнихъ яго голову дёржить. Слуги приходють, якъ ба нѐ было, своей государини уклонилися. И мѣли у яѐ распросъ: якъ достав яѐ етый человѣкъ? Ина имъ и расказала. И яны мѣли гнѣвъ на яго большій, што ёнъ служивъ у царя, дакъ царь любивъ яго вочень. Дакъ яны узяли, да убили яго по сярц*омъ*. И приказали государини, што если будеть говорить, што мы яго ўбили, то мы тебе вобъёмъ тогда. А ты скажи, што мы тебе достали, што я яго не видала у глаза, а мене *эти* достали! Цяперь яны яе повяли сичасъ домой къ отцу. Тоды давай отецъ её распрашувать, по радосьти цулувать её, милувать: хто тебе доставъ? идѣ той человѣкъ, который тебе доставъ? Ина сказала, што вотъ эти мене достали. А яны Ивана Ивановича, семъ сѣдьнявъ, порубили и тѣло яго ў рѣчку поўбросили, одежу на 'гни попалили, и персьтень, той дарёвникъ царевнинъ, убросили, а платокъ спалили на 'гни.

Уводругъ лѣшій выйшовъ на вулицу, и слышить, што товариша яго на свѣти нѣту. И ёнъ не кажа никому ничого, и бросився сичасъ жа къ той рѣчцы, и бросився у воду, и сыскавъ усё ето тѣло яго и

вынесъ яго на берегъ, и суснува́въ тѣло ето одно къ одному. И доставъ мѐртвыя воды и живыя. Тоды мертвой водой уздунувъ, спорснувъ, ёнъ оснувався; живэй водою ўспырснувъ—ёнъ отживився и говдриць: ахъ, братъ-товаришъ, якъ я крѣпко ўснувъ! Товаришъ яму сказавъ тожа: ты посѣченъ бывъ увесь на шма́тьтя и въ воду убросинъ! Тяперь ёнъ говоритъ: а дѣ твоя одежа?—А я, братъ, не знаю! Ёнъ яму отвѣчаетъ: твоя одѐжа попа́лена на 'гни! Ёнъ отвѣчаетъ: у мяне были колцо золотое, подд̀рено, и ключи золотэя, и платочекъ,—дакъ не знаю, идѣ яно ўсё подѣлось? Чортъ яму отвѣтивъ, што ў рѣки ето ўсё. Сичасъ ёнъ у рѣку дунувъ,—нырнувъ искать уже ключовъ и колца. Ажъ ключи ракъ узявъ у клюшню да ў пячурю заволо̀къ. Яны думали, што клюшникъ; уже старшимъ клюшникомъ раки поставили яго. Ёнъ сичасъ ключи отобравъ у рака, разжаловавъ яго,—знова якъ бывъ ракомъ, такъ и ставъ ракъ. А персьтень у вукуня̀ на крылышку,—зачапивъ, да й воло́читъ. Вукунѝ думали, што начальникъ якій,—тожа поклонялись яму ўси. Ёнъ тожа доставъ тэя ключи и колцо,—и вукуня̀ разжаловавъ—и доставивъ тожа ето ўсё товаришу. Ёнъ сказавъ: куда, братъ, тяперь пойдёмъ? Чортъ отвѣтивъ: пойдёмъ къ царю назадъ служитъ! У яго свадьба, у царя, тожа: одинъ убивецъ у прістань идётъ къ царю,—потому яны вы̀хвалилиси, што яны достали яѐ. Тоды ёнъ говоритъ: здѣлаемъ жа мы скрипучку-лубя̀нку и дудочку-тросьтянку! Ну, здѣлали и пришли къ царю тожа на свадьбу. Уклонилися царю. Царь и спросивъ: што вы за люди такіе? Яны сказали, што мы музуканты. Мы слыхали, што вамъ нужны музуканты! Царь исказавъ: а ти можетя вы хорошо йгратъ? Яны сказали: што, вотъ, извольтя послушатъ! Якъ зайгравъ чортъ у скрипку свою, лубянку, царь почувъ, дакъ у яго не было́ и съ о́тъ-роду такихъ музукантовъ у полкахъ. Царь ставъ спрашуватъ: што вамъ за ето датъ, што вы мнѣ свадьбу сыграетя? Яны яму сказали: ничаво не жалаемъ, тольки зъ нявѣстой поскакатъ по разу! Потд̀мъ того зачила́сь у ихъ свадьба. Зачалѝ яны на первомъ вечери игратъ, дакъ якъ пошли тунцуватъ, дакъ до тыхъ поръ тунцували, што ня сила ўже тунцуватъ. Дакъ повалившись на землю ногами трясли,—што вочень красиво. Тогда первый вечеръ пошовъ чортъ скакатъ ужо изъ нявѣстую. Што нихто не могъ уздивитца коло тыхъ скаковъ! Назаўтраго чортъ зайгравъ тожа яще красивѣй танецъ. Прихд̀дитца другому музуканту съ царевной скакатъ. Ёнъ згрёбъ тое колцо д̀ренное и надѣвъ на руку̀, и надѣвъ на цѣвку ключи д̀реные царевнины. И ўзявъ царевну за руку̀. Якъ пошовъ тунцуватъ, дакъ нихто не ўздивився коло танцовъ! Царевна, недовго думачи, увознала, што ето той тожа молодецъ, што яѐ дустувавъ. Ина прикорятила тожа танецъ и обвищала отцу: што отецъ мой любезный: што ня той ли ето

человѣкъ самый танцуеть, который мяне дуступавъ? Государь, недовго думачи, распрясивъ ето дѣло, якъ ёнъ ее дуступавъ. И признавъ, што самый той, што ее́ дуступавъ. А етыхъ, которые обманували, вялѣвъ къ жерябкý къ хвосту привизать и растаскать по полю. Тожа яны ожанили ее зъ естымъ съ самымъ, который ее доставъ. Ёнъ тоды пославъ за братами. И до тыхъ поръ тольки чортъ тамъ бывъ, покудова яго ожанивъ. Ёнъ яму поблагодаривъ, а той тому.

М. Романово, горецк. у. Отъ кр. Трофима Балакира, 46 л. негр. Запис. въ моемъ присутствіи г. Будneцкій.

11. Семъ Сяме́новъ.

Одинъ купецъ помиравъ, а дѣткамъ своимъ приказавъ и жанѣ, штобъ моимъ добромъ не распораджа́лись, а занимались хлѣбопашаствомъ. Потомъ, самъ помѐръ, жану оставивъ. И жану кинувъ бяргменною. Жана родила семъ хлопчиковъ до́разу. Урэмя трохи вялδся, хлопчишки подросьли, поѣхали у водну сохý пахать. Царъ проѣжджавъ, и виджа ета притча, што на'дномъ коню усямёхъ пашуть. Посылая жандара: идитка спроси, хто у ихъ старшій? Прихо́дя и пытая: Божа поможи вамъ! хто мижъ васъ старшій? Дакъ яны ўси скричали—въ одинъ голосъ: я старшій, я старшій! той кричить, той кричить. Ну, тогды приходя жандаръ: ваша царськое вяличество: уси отвѣтъ дали: уси старшіе, ка́жанъ старшій!—Идитка, говора, спроси: хто ў ихъ, якъ ихъ котораго звать? Приходя жандаръ: рабяты, якъ васъ звать? Отъ яны ўси и крикнули: я Сяме́нъ, я Сяменъ, я Сямѐнъ!—уси Сяме́ны, семъ Сяменовъ! Жандаръ приходя: ваша царськое вяличество: уси Сямены, семъ Сяменовъ!—Ну, иди, говора: забрать ихъ съ собою, повязомъ у царській дворецъ! Узяли и повязьлѝ.

Нямного урэмя провялѝ, ну, тяперака царськое дѣло распыта̀тца: чимъ жа вы будетя займатца? Первый уже говора: а отъ, царськое вяличество: стукъ да ляпъ, дакъ здѣлаю корабъ!—А, ето цару трэба! Ну, ты, другій Сяменъ: чимъ будешъ займатца?—Бо́льшій Сяменъ, говора, здѣлая корабъ, а я, говора, одинъ куды ўгодно погоню яго!—И е́то цару трэба! А ты, трэтьтій Сяменъ: чимъ будешъ заниматца?—Кузнецъ буду: што трэба, я цару ковать буду!—Ето хорошо! А чатьве́ртый Сяменъ, чимъ ты будешъ заниматца? А мой братъ коваль скуе́ мнѣ ружжо, дакъ я што загля̀ну, то́ убъю!—До́бро! Ну, а ты, братъ Сяменъ пятый,—ты чимъ будешъ заниматца?—А мой братъ будя птицы бить, а я буду носити, укучи зь имъ!—А ты, братъ шо́стый Сяменъ, чимъ будешъ заниматца?—А мой братъ, говора, скуе стовпъ подъ воблаки, дакъ я буду на стовпѣ сядѣть и глядѣть, и буду узнавать, идѣ што дѣетца по

прочимъ царствамъ, и буду говорить, штобъ знакъ давать!—Ето добро! Ну, а ты, братъ Сяменъ сядьмый, чимъ будешъ заниматца?—А я, говора, царськое вяличество, первый злодяй буду! Такъ царъ ставъ думать: што дѣлать етому первому злодяю? Приставили яго къ суду. Судъ означая, штобъ завѣсить яго. Государыня пожалѣла, говора: нялься! што будя напярёдъ, побачимъ, а такъ нялься зря человѣка губить! Ну, и оставили усихъ. Кажанъ своимъ дѣломъ ставъ займатца. Нядовго думавши, той подъ воблаками сядить и означая, што у девятымъ царстви пракрасная Настася по саду ходя и такъ зяя, якъ сонушко. Нашаму цару згодилася бъ,—ёнъ у насъ холостый! Тяперъ царъ призывая вора етого, сядьмого Сямёна и говора: можашъ ты Настасю изъ девятаго царства утащить суды?—Могу, говора, царськое вяличество: ето мое дѣло! Тольки мнѣ трэба двохъ братовъ узять: того, што стукъ да ляпъ сдѣлая корабъ, и того, што куды ўгодно погоня! Тяперака, нядовго думаючи, отправляютца яны у путь, три браты, три Сямёны. Такъ ёнъ поймавъ, злодяй, котика морского. Котикъ вымуштруванъ такъ, што ёнъ повялить, тое яму й дѣлая: припявая, скача, казки разныя кажа—такую красоту дѣлая, што Божа, Божа! Такъ приключилися яны у девятое царство, уси утроихъ, а чатьвёртый котъ. Той по берагу ходя узморья да стукъ да ляпъ—такъ корабъ, стукъ да ляпъ—такъ корабъ,—надѣлавъ уже, усю пристань занявъ кораблямы. Ухторый Сяменъ сортўя: одинъ туды гоня, а другій оттулѝ гоня. Яна, стоячи ў саду, дивитца: што ето такое, што одинъ человѣкъ такую уласть имѣя, стакія судны гонять. Котикъ приставляя фигуры, по палубахъ ходючи, пѣсни припявая, и танцуя—и танцуя зло. Улюбовалась яна, смотручи исъ сада, на етого котика, и говора: што ёсть за господинъ етому котику? я хочу купить котика етого! Обозвався который находився воромъ: сударыня, не за гроши, а такъ даруемъ вамъ звѣрка етого, тольки позвольтя намъ торговать у вашамъ царстви тыми товарами, што у насъ у корабляхъ ёсть! Ина захотѣла упярёдъ сама поглядѣть тыхъ товаровъ и пришла на корабъ. На корабъ уступила—ёнъ на свойго брата крикнувъ: поддай сонныхъ каплявъ и спяши гнать корабъ, якъ ня можно отъ берагу шибчѣй! А тамъ положивъ яе спать на свое колѣны. Пріяжджають къ вору (двору), той на стовпи дае знакъ царю: приближаютца, говора, такъ и такъ, мое братцы изъ дорогимъ товаромъ! Такъ приближилися къ вору, узяли яе, изняли,—яна спить! Потомъ прошнулася. Царъ нашъ якъ убачивъ, узрадовався етымы вещамы. Потомъ пожанилися государъ зъ етой дявицай. И ў государа нядродная мать була, мачиха. И превяликая волшебница. Такъ ёнъ распорадився у своимъ доми, царъ: злодія выписавъ губурнаторомъ у губэрню,—здѣлавъ яму за ето, што ёнъ здѣлавъ доброе дѣло.

Потомъ царевна уже прося цара, штобъ ѣхать у госьти у тое царство́, откуда яна, у девятое царство пракрасной Настаси. Царъ яе́ послухавъ—узявъ Вана съ собой лакея, яны удвоихъ и поѣхали съ собой на корабли. Тамъ погосьтились у свойго тьстя, и два хлопчики тамъ родились у ихъ. И захотѣлось имъ уже оттуля̀, назадъ вярнутца у своё царство. Поворотили назадъ. Царъ и говора: Иванъ лакей, иди вечаркомъ чайку попи̇ за̒дно зъ нами! Ёнъ напився. Ну, Иванъ лакей, ложись зъ нами спать!—Нѣ, царськое вяличество,—я лягу на палуби и послухаю новинъ у свѣти, али чудови̇нъ! И пошовъ. Прилетая къ яму я̀нгелъ изъ нябесъ. Сѣвъ яму на ўло́ньня да говора: преподобно царъ ожанився, да не на многое урэмя! Прiѣдя ко дво̀ру—проклятая мачиха вынеся три стаканы вина; якъ выпъютъ—усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа—по колѣно ка̀мянямъ станя! А ёнъ, знатца, казавъ-ба спить, а самъ усё чуя. На другую ночь обночилися. Царъ изновъ зове: Иванъ лакей, попи чайку зъ нами! Ёнъ напивсь. Ложись спать зъ нами!—Нѣ, пойду на палубу, послухаю чудови̇нъ! И пошовъ. Зновъ прилетая янгелъ, сѣвъ на ўлоньня и говора: преподобно царъ ожанився, да не на многое ўрэмя: якъ прiѣдя, проклятая мачиха поднясе́ три куски жарко́го. Якъ зьяда̀ть по ковалку, усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа,—по поясъ камянямъ станя! На третьтяю ночь обночилися. Иванька чай пъе́, а яму ру̀пя. Ночуй зъ нами, Ванъ!—Нѣ, пойду на палубу, послухаю чудовинъ! Пошовъ, лёгъ зновъ; лёгъ, казавъ-ба спитъ, а самъ усё чуя. Прилетая янгелъ, сѣвъ на ўлоньня, и гово̀ра: преподобно царъ ожанився, да не надовго! Прiѣдя домовъ, проклятая мачиха выв̇ядя жарабка̀. А то не жарабо́къ, а сатана. Якъ чмыхнѐ, такъ и поѣсть ихъ духомъ! А хто чуя, да скажа—отъ, по глотку камянямъ станя! На чатьве́ртаю ночь тожа приключилося зновъ. Прилятѣвъ янгелъ и говора: да, преподобно царъ ожанився, да не на довгое ўремя. Якъ прiѣдя, проклятая мачиха отвяде имъ комнатку спать. Якъ лягуть, вылѣзя на дванатцать головъ сатана и пожрэ ихъ усихъ. А хто чуя, да скажа, той увесь камянямъ станя! Вутрикъ начинаетца, приключаютца яны икъ двору, прiяжджають. Такъ сустрака́я проклятая мачиха, выно̀ся три чарки вина. Иванъ лакей потскакуя, блюдо ўзвявъ зъ яе рукъ. Потомъ нога за ногу́ закрутивъ, повалився,—блюдо разбилось и три стаканы побились. Тогды проклятая мачиха усярди̇лась: мой сынъ, не лакея дяржи̇шъ, а дурня якогось! Выноея сичасъ три кова̀лки жаркого,—нядовго урэмя продовживши. Иванъ лакей сичасъ потскочивъ и блюдо ўзявъ. И тожа споткнувся зло, и блюдо разбилось, и помаралось усё объ зямлю, и пропало усё. Проклятая мачиха угнявi̇лась и говора: мой сынъ! дѣ ты нанявъ дурня такого, што ёнъ одну шкоду издѣлавъ, адыли̇ и другую?—Ну, моя маменька возлюбленная,—трэба простить: ёнъ у мяне человѣкъ дорогiй! Потомъ: ходитя,

моѐ дѣти милыя, я вамъ жарабка̀ покажу: якая штука ёнъ ёсть! А Иванъ лакей сичасъ спяши̇въ три ку̇льки золотыхъ положить у ружжо у своё охвотницкое. Сатана якъ показалась, ротъ разявила, а ёнъ якъ пекану̇въ яго троямы ку̇лькамы зра̀ду, такъ и конецъ яму̇, сатанѣ. Тяперъ мачиха угнява̇лась: дорогого коня забивъ ёнъ!—Ну, штожъ дѣлать: трэба простить: ёнъ у мяне дорогій человѣкъ! Потомъ: дѣти моѐ возлюбленныя, отвяду я вамъ комнату! видно у насъ тутъ штось неблагородное! Потомъ у повночь—а Иванъ лакей спяшигь, штобъ свою дорогоцѣнную мечь подвойстрить икъ повночи. Тольки во повночь проклятая мачиха ларасчинила выходъ сатанѣ на дванатцать головъ. Ёнъ говора: Иванъ лакей, што жъ ты ня спишъ?—Потому, говора, проклятая сатана: я хо̀чу бо̀ратца съ тобой е̇тую ночь, да вотъ штобъ господа не чули! Прикрывъ ихъ скатеркой бѣлой лицо и завѣсивъ простина̀мы, штобъ етого дѣла ня у̇слыхали яны. Потомъ знявся—схватився битца съ сатаною, Иванъ лакей. Иванъ лакей подладився—шесть головъ зрубивъ сатанѣ, зразу шесть головъ проклятому. Потомъ ёнъ ставъ просить, проклятый: Иванъ лакей, отпусьти мяне!—Нѣ, проклятый, не пущу! Мнѣ ще̇ смерть черазътябе примать трэба! Подла̀дився, лыгнувъ,—уси зрубивъ! Тольки кровъ на простину̇ линула. Дакъ ёнъ узявъ вядро̇ воды и давай замывать. Свѣтло запаливъ. Ажны прочинаетца царъ, устаѐ, и царица, и бачуть, што мечь коло яго. «Отъ, Иванъ: усѣ поступки табѣ простили, а отъ стого не простимъ! Ты хотѣвъ уже насъ зарѣзать! Да!»—Нѣ, говора, царськое вяличество! Мнѣ тольки умирать трэба, а вамъ разсказать. А проклятой мачиси, говора, возьми̇тя яе, проколи̇тя грыбъ у роти, и продѣньтя золотое кольцо, потому, штобъ яна ня у̇бѣгла, якъ я буду разсказавать! Ну вотъ, говора: причасти̇тя мяне, выспо̇вѣдуйтя!... И почавъ: «первую ночь, якъ вы спали, прилятѣвъ ко мнѣ янгелъ изъ нябесъ, сѣвъ на у̇лоньня и говора: хорошо царъ ожанився, да не на довгое урэмя! Прі̇ѣдя ко двору, проклятая мачиха поднясѐ три стаканы вина: якъ выпъють—усимъ конецъ будя. А хто чуя да скажа, той по колѣно ка̀мянямъ станя!».. Такъ камянь шархъ по колѣно! «На другую ночь зновъ прилетая янгелъ и говора: преподобно царъ ожанився, да не на многое у̇рэмя. Якъ прі̇ѣдя домовъ, выйдя къ яму проклятая мачиха, поднясе три ковалки жаркого. Якъ зьядять, такъ и конецъ усимъ. А хто чуя да скажа, той по поясъ ка̀мянямъ станя!».. Камянь шархъ! по поясъ и окамянѣвъ ёнъ!—«На третьтяю ночь прилетая зновъ янгелъ и говора: да, хорошо царъ ожанився, да не надовго. Прі̇ѣдя домовъ, выведя проклятая мачиха жарабка. А то не жарабокъ, а нячистая сила сатана. Якъ чмыхнѐ—усимъ конецъ будя! А хто чуя, да скажа, той по глотку ка̀мянямъ станя!»... Такъ по глотку камянь и ставъ! Яны у̇же и заплакали, да у̇же ничо̇го

нальзя подѣлать. «На чатьвёртаю ночь знову прилятѣвъ янгелъ, сѣвъ ко мнѣ на улоньня и говора: хорошо царъ ожанився, да не на довгое урэмя. Пріѣдя домовъ, проклятая мачиха отвядэ имъ комнату спать. Якъ заснуть, вылѣзя сатана на дванатцать головъ и усихъ ихъ пожрэ! А хто чуя, да скажа, той увесь камянямъ станя!..» Такъ шархъ—увесь камянь и ставъ! Што зь естого съ камяня плакали яны цѣлнаю ночь, и самы, и царственники уси! Што етакій чаловѣкъ да загибъ. И обрекали обѣды, кормить и надѣлять, штобъ Богу молилась, штобъ яго Господь здѣлавъ такъ, якъ и бывъ. Потомъ Господь приходя къ имъ, издѣлався чаловѣкомъ, и говора такъ: вотъ, государевичъ: ёнъ тябе отретовавъ отъ смерти,—дакъ коли ты порѣжешъ своихъ вобоихъ сыновъ да кровъ спустишъ, да камянь потрешъ кровъю, дакъ ёнъ будя чаловѣкъ опять!—Богъ мой, говора: што жъ мнѣ дѣлать порѣзаному тѣлу, куды мнѣ яго опредялить? Господь отвѣтъ дававъ: возьми у гробницы, и обаполъ камяня гробницы поставъ. А самъ ляжъ спать, зъ вечара,—потому вутро лучче вечара!.. Ёнъ такъ и здѣлавъ: порѣзавъ вобоихъ сыновъ, кровъ спустивъ и камянь помазавъ. А тѣлы у гробницы поклавъ коло камяня. Назаутраго повутру царъ прочинаетца—Ванъ яго сыновъ обаполъ за руки дяржить, и самъ живый. Тогды думая: што съ проклятой мачихой дѣлать, которая съ проколоной губой стоить, и продѣто золотое кольцо? Приставивъ яе къ суду. Судъ признававъ: узять осиновую дровину, и убить у груди яе, и дѣ мѣсто несподобное, положить яѐ. А самы стали жить и раевать. И тяперъ живутъ. И я у ихъ бывъ.

Д. Демьянки, вып. вол. гом. у. Кр. Степанъ Григорьевъ, 45 л. негр. Живутъ и великорусы старообрядцы. См. № 1 и 2.

12. Шкляныя горы.

Жили сабѣ такъ мужъ зъ жаною. То бывъ ёнъ работникъ, а яна яще луччая работница. То жа жъ яна работница силная. Яна тутъ покуль мужу отнясла обѣдъ, можа галядка была—отнясла, статокъ треба прогнать, да й копу треба нажать—а у яе рябёночакъ бывъ малянькій у люльцы, можа ёнъ уже научився повзать. Такъ яна узяла серпъ и сама пошла жать, на работу. Отъ яна жать дакъ жать, жать дакъ жать, жать дакъ жать, жать дакъ жать, дятёнокъ не плача, а матка не зная етого, не догадаетца. Дотуль яна жала, покуль у дворъ пора йти,—дятёнка и не глядѣла. Вѣдомо жъ, дома статокъ треба доглѣдить. У копу склала, хвать тогды за люльку—дятёнка нема у люльцы. Тяперъ яна тамъ шукать, шукать, гукать, гукать—нема дятёнка. Што ни шукала, што ни гукала—нема дятёнка! Тоды яна узяла пустую люльку и по-

шла у дворъ плачучи. А дятёнокъ тэй выповзъ зъ люльки и поповзъ, и поповзъ,—поповзъ у лѣсъ. Напавъ яго лясный хозяинъ и ўзявъ яго съ собою, и ростить яго. И поклавъ яму имя Иванъ Знайдёнъ. Ти много, ти мало пройшло, узростивъ ёнъ яго уже, и говорить яму: ну, иди тяперь къ свойму батьку, къ своёй матцы! Ёнъ пошовъ. Пошовъ. Ишовъ, ишовъ,—бьютца три въюги. Ёнъ тяперъ: што вы, за што вы бьятёсь?—А вотъ за што, говорють: пашли мы, говорють, три вещи: первая ковёръ—самолётъ, другій вирьмякъ ненавидецъ, третьтій—кошалокъ денегъ. Дакъ вотъ мы не подѣлимъ. Дакъ за ето мы бьёмся!—О, кажить, за ето вы бьетеся? Отъ тамъ гора високая, високая. Дакъ вы йдитя на тую гору, да станьтя поплячъ, да й бяжитя зъ горы. Которая которую уже выперeдя, дакъ тая усё й возьмя! Яны жъ пошли на тую гору, а ёнъ за тыя вещи, узявъ да й пошовъ,—уси забравъ! Не пошовъ жа ёнъ къ батьку да къ матцы, да пошовъ къ тому лѣсному хозяину, што яго растивъ. Тяперъ тэй хозяинъ: што ты, каа, вярнувся?—А што жъ я вярнувся: нашовъ три вещи!—Што за вещи?—А отъ, говоря: первый ковёръ-самолётъ, другій вирьмякъ-ненавидецъ, третьтій кошалокъ денегъ!—Ну, хорошо! Отъ жа я табѣ тяперь укажу нявѣсту! Ну, разсказавъ яму примѣты. «Будешъ ты ити,—будя лятѣть три голубки. И сядуть яны коло моря, пойдуть мытца-бялитца коло моря,—дѣвки такія, што разлюбоватца. Дакъ яны помыютца-побѣлютца, а ты якъ ладься дакъ ладься, якъ яны пойдуть мытца—бялитца, да одные платьтя уволочи, одѣяньня. Уволочешъ ты платьтя, тогды возьми яё за правую руку и вяди, и вяди, и вяди. И женисься ты зь ёй, и якая табѣ жисть будя красивая! Тольки ня пи ты горѣлки отъ яе. А коли выпъешъ горѣлки отъ яе, дакъ яна тябе киня! Ну, ёнъ научивъ яго етакъ. Ёнъ и пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити по тыхъ примѣтахъ, якъ ёнъ яму указавъ, и пришовъ къ морю. Нашовъ битыя примѣты, залицовавъ. Пришовъ къ морю и сѣвъ на той примѣти. И бача, лятить три голубки. Якъ лятѣли, дакъ и упали коло моря, стали разбиратца, стали дѣвкамы; лятѣли голубкамы, а якъ разобрались, стали дѣвкамы, такимы злишнымы! Вотъ ёнъ тогды якъ повзъ, дакъ повзъ, поповзомъ, да й заволокъ одные одѣяньня къ сабѣ. Помылись яны, побялились, дакъ тыя надѣлись и полятѣли, а йна хватилась—нема́шъ яе одѣяньня. Тяперь яна шукать одѣяньня. Яна й шукать, яна й гукать, яна й плакать—нема одѣяньня, да й годи! Тяперь стала говорить: хто тутъ ёсть, хто зь мяне насмѣявся? Ежали старый, будя батюшка мой родный; ежали сярединій, будя дядюшка мой родный; ежали холостый—дакъ будя мой мужъ вѣрный! Ну, ёнъ отвястивъ. Яна пришла къ яму, бача, што молодецъ видный. Ну, хорошо, говоря: будешъ мой мужъ, а я твоя жана,—отдай моё одѣяньня! Отдавъ

жа ёнъ одѣяньня, яна надѣлася, ёнъ за правую рукў, и повёвъ. Якъ весть дакъ весть, и привóдя яé къ батьку и къ матцы.

Ну, тяперь ёнъ живе зь ёй нядѣлю, или двѣ, или три. Тяперъ батька говóра: што, мой сынокъ, жанить пора тябе!—А ўжо жъ, кажа, батюшка, пора!—Вотъ, поѣду у сваты—икъ тому къ тому къ богачу, высватаю жану табѣ! А ёнъ говóря: нѣ, батюшка, мяне зь естой жани, што я привёвъ! А батька говорить: ахъ, мой сынокъ! ты пó сьвѣту ходивъ, да якую ..... злюбивъ да й привёвъ. Етакая съ тобой жить ня будя! Батька жъ сусимъ зь ёй жанить не хоча, а ёнъ нуждáя батьку, што зь естой жани, да й годи,—што я привёвъ. Ну, и жанивъ. Зь естой женивъ, што привёвъ. Сколькн жъ ёнъ живъ зь ёю,—докуль водки отъ яе ня пивъ, хорошо було. А йна стала змущать яго: икáя, кажа, наша любовъ, што ты отъ мяне ничóго не вóзьмешъ,—дакъ икая сто любовъ? Стала змущать яго. Ну, и змусьтила яго. Выпивъ ёнъ отъ яе, кольки тамъ выпивъ, да выпивъ зь яè рукъ. Тяперь ёнъ и заснувъ. А яна тяперь надѣла свою 'дѐжу, кинула яго и полятѣла. Тольки сказала: ти ўбачимся, ти не ўбачимся—у Шкляныхъ горахъ! Ето ёнъ уво снѣ, значитца, бачивъ. Ёнъ увоснувъ, дакъ скрозь сонъ бытто чувъ. Во ёнъ тяперь прошнувся, цапъ-цапъ—немà жаны. Ёнъ приходя къ батьку: немà, каа, моè жаны,—кинула мяне!—А, мой сынъ! ти я табѣ не казавъ? Етакая волочащая у хозяйстьви жить ня будя!—Я пойду яе, батюшка, шукать!—Нѣ, мой сынъ, ня йди ты яе шукать, а табѣ возьму хорошую, вотъ зъ богача съ хорошаго...—Нѣ, батюшка, пойду яè шукать!... Ну, пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити, и зайшовъ къ тому къ лясному хозяину, хто яго ростивъ. Тяперь тэй и говоря: а што, говоря, Иванъ Знайдёнъ: ти я не казавъ табѣ, ня пи горѣлки отъ жаны? А ты не послухавъ, вотъ яна тябе кинула. А штó бъ за житьтё табѣ былó хорошая!.. Што йна табѣ казала, икъ отходила?—А тольки сказала, што ти ўбачимся, ти не ўбачимся—ў Шкляныхъ горахъ!—Вотъ ба жъ мѣвъ я табѣ указать, дакъ я самъ ня вѣдаю, дѣ Шкляныя горы! Вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ,—лятить къ яму птаство, што ёсть ихъ на сьвѣти, уси злятѣли. Тяперь ёнъ спрашуетца: а што, говоря, птаство: вы пó сьвѣту летаетя—ти ня видѣли, ти не бачили, а дѣ Шкляныя горы находютца? Тожа яны отвѣщають: мы увесь сьвѣтъ злётуямъ, тожа Шкляныхъ горъ нигдѣ не видали!—«Вотъ ба жъ мѣвъ я табѣ указать, дакъ вотъ не могу знать, идѣ Шкляныя горы находютца!» Тяперь ёнъ кажа: ну, вотъ жа: нà табѣ клубочакъ! Кинь стый клубочакъ: куды ёнъ будя катитца, туды й иди. Прикòтитца стый клубочакъ къ нашаму къ сяредьняму брату. Ти укажа, ти не укажа нашъ сяредьній братъ табѣ Шкляныя горы! Ёнъ узявъ

клубочакъ, кинувъ передъ собой. Клубочакъ покатився, и ёнъ услѣдъ пошовъ. Ити дакъ ити—прикатився етый клубочакъ къ сяредьняму брату. Такъ братъ етый и закричавъ на яго тожъ: а што, ти нашъ братъ не казавъ табѣ не пить водки отъ жаны отъ своѐ? А ты не послухавъ! Што яна табѣ казала, якъ отходила?—А тольки сказала: што ти ўбачимся, ти не ўбачимся—у Шкляныхъ горахъ! Тожа жъ ёнъ говоря: мѣвъ ба я табѣ указать, дакъ не могу знать, идѣ яны находютца! Тяперь ёнъ вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ—икъ идуть икъ яму звярьё, што ёсть на сьвѣти, дакъ уси идуть къ яму,—тольки одныхъ вовковъ немà. Тяперь ёнъ спрашуя: што, вы, звярьё, пó сьвѣту хóдитя, ти не бачили, ти ня видѣли, а дѣ Шкляныя горы находютца? Яны говорять: мы увесь сьвѣтъ сыхóдимъ, Шкляныхъ горъ нидѣ не видали!—Отъ жа жъ: мѣвъ я табѣ указать, тольки не могу знать, идѣ яны, Шкляныя горы! Нà табѣ клубочакъ, кинь ты передъ собою. Куды етый клубочакъ будя катитца, туды ты и йди! Прикàтитца етый клубочакъ къ бóльшаму къ нашаму брату: ти укажа, ти не ўкажа табѣ нашъ большій братъ!.. Ну, ёнъ узявъ етый клубочакъ, кинувъ передъ собой. Ёнъ покатився, а ёнъ идéть услѣдъ. Прикатився етый клубочакъ къ большаму брату, и ёнъ услѣдъ за клубочкомъ пришовъ туды. Такъ ёнъ и закричавъ на яго: а што, Иванъ Знайдёнъ: ти нашъ братъ табѣ не приказававъ, што ня пй водки отъ жаны! А ты не послухавъ, вотъ яна и кинула тябе! Тяперь ёнъ вышовъ на крылцо, крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырьскимъ посвистомъ. Якъ идуть къ яму вовки,—скольки ё на сьвѣти, уси йдуть. Тяперь ёнъ спрашуя: што, вы, вовки, по сьвятў ходитя, —ти не бачили, ти ня видѣли, идѣ Шкляныя горы находютца? Тэй кажа: не бачивъ! тэй кажа: ня видѣвъ! Такъ ёнъ крикнувъ на ихъ: якъ ба вамъ не знать? няможно вамъ не знать! вы по ўсяму сьвѣту бѣгаетя, якъ ба вамъ ня зьвѣдать усяго сьвѣту? Ти ўси вы, вовки, тутъ? Глядь, глядь,—одного вовка немà, хромого. Ёнъ вышовъ на крылцо, якъ свисьнеть—листъ оппавъ зъ лѣсу! Вовка того нема. Ёнъ у другій разъ вышовъ. Якъ свисьня, дакъ гóльля спáло! (Ето Юрій бывъ). Колдыпàя и тэй. Ёнъ крикнеть на яго: идѣ ты ходишъ? Мы за тобой давно харчуемся, што тябе нема?—А я, говоря, далёко ходивъ!—Дѣ жъ ты далёко ходивъ?—А я бывъ, говора, у Шкляныхъ горахъ!—Ну, хорошо, говора. Ежали ты бывъ у Шкляныхъ горахъ,—штобъ ты доставивъ Ивана Знайдёна у Шкляныя горы!—Ну, хорошо! Тэй помѣвся яго доставить. Садись на мяне! Ёнъ усьсѣвъ на яго. Дакъ ёнъ хромый—колыпъ! колыпъ! колыпъ!—Ахъ, вовкъ, говора:—што ты хромый? Якъ на табѣ ѣхать? будемъ луччи пѣшки итить!—Што то вярхомъ, а што пѣшки!—Нѣ, гово-

ря: у мяне ёсть вѐрстать такая,—ёсть ковёръ самолётъ; якъ сядешъ, удругъ достави!—Ну, хорошо и ето, говоря. Вырви жъ ты у мяне промижъ вŷши шерсьти. Коли я табѣ потрéбнъ буду, ты тяпéлца высячи, моѐ шерсьти припячи,—я къ табѣ и буду! Отъ ёнъ яму указавъ, на якіе городы, на якое што лятѣть.—И прилятѣвъ къ Шкляныимъ горамъ. Дрався, дрався, дрався, дрався на гŏры, ниякъ ня ўзлѣзя на горы. Вы́сякъ тяпéлцо, расклавъ, и припёкъ вовчиныя шерсьти—ти не ўкажа вовкъ, якъ узлѣзьти? Бяжить и вовкъ къ яму: объ чимъ ты, Иванъ Знайдёнъ, мяне жалаешъ?—А ŏтъ: не могу на горы узлѣзьть!—А отъ, у тябе ёсть гроши своé; иди на базаръ, купи зялѣза, и иди къ ковалю, и покуй зялѣзные кокти на рŷки й на нŏги. Узŏйдешъ жа ты на горŷ, стрѣня тябе калавуръ. Будуть тябе спрашавать—што ты за чаловѣкъ? А ты скажи, што я кухарь, могу хорошо господамъ кушанья зготувáть. Отъ яны тябе примуть. Тамъ твоя жана за главную клюшницу. Вотъ ты тамъ и убáчисься! Ну, тяперъ жа ёнъ пошовъ на базаръ, да купивъ зялѣза, да понёсъ къ ковалю, покувавъ кокти на руки и на ноги, и пошовъ на горŷ. И узыйшовъ. Стрѣвъ яго калавуръ. И спрашують у яго: што ты за чаловѣкъ?—А я, говоря, кухарь: могу хорошо господамъ кушанья готовить!—О, намъ етакіе люди треба! Ну, тяперъ жа яны сказали яму: иди ты къ клюшницы, яна загадая, што готовать, якимы способамы. Ёнъ пришовъ икъ клюшницы. И ўгадавъ ёнъ яѐ, а йна яго,—общапилися и поцалувались. Отъ, я, каа, казала табѣ, што убачимся—не ўбачимся у Шкляныхъ горахъ,—ŏтъ, такъ и пришлося! Тяперъ жа ёнъ живе тамъ и день, и два, и три, и нядѣлю, и нязвѣстно, кольки яны тамъ жили—тяперъ яна говора: мужъ мой любый, мужъ мой вѣрный! Твой батька вѣдая, што ёнъ тябе жанивъ со мною, а мой то ня вѣдая, што я съ тобой жанилась. Отъ, пà табѣ грошай, иди на базаръ и купи шесьтярикъ кŏняй, што самыхъ налуччихъ; поіздъ, што самый налуччій, кучарёвъ, што самыхъ назлишнѣйшихъ! Ну, за гроши усё ёсть. Пошовъ на базаръ и усё ето купивъ: и коняй покуплявъ, и поіздъ, и кучарёвъ, ти одного тамъ, ти двохъ. Ну, ѣдя ёнъ на етомъ поязди исъ кучарямы, и самъ ѣдя. Тяперъ ёнъ пріѣхавъ, такъ яна и говора: мужъ мой любый, мужъ мой вѣрный! оставайся ты тутъ у Шкляныхъ горахъ, и ходи ты и по садŏхъ и по 'нбарахъ, идѣ табѣ любо, и пи и ѣжъ, што захочешъ; а вотъ тольки ёсть будочка, древнымъ лычкомъ завязана, дакъ у тую будочку не гляди! А я поѣду къ свойму батьку на етомъ поязди и зъ естымы кучарямы; дакъ ёнъ якъ убача, што кони хорошіе, поіздъ хорошій, кучари злишные,—дакъ ёнъ и подумая, што ето сватъ пріѣхавъ на етыхъ лошадяхъ.

Отъ жа яна и поѣхала, а ёнъ оставсь. Ёнъ идѣ ходивъ, и по са-

дохъ и по 'нбарахъ, усюдахъ. И тольки яму зрупило: што ето значитца, што у тую будочку нельзя поглядѣть? Такъ и ўзрупило яму. Отчинивъ и поглядѣвъ. Висить тамъ бязсмертный Кащъ подвѣшанъ, и конь яго подвѣшанъ. Такъ ёнъ и говора: эй, Иванъ Знайдёнъ! покорми ты мяне! я тябе три разы отъ смерти отрятўю!—Чимъ жа тябе кормить?—А приняси мнѣ булку хлѣба! Ёнъ булку хлѣба пошовъ, принёсъ. Ёнъ самъ ѣсть и коня кормя, самъ ѣсть и коня кормя. Булку хлѣба зьѣвъ, другія прóся. Ёнъ пошовъ, другую принёсъ. Ёнъ самъ ѣсть и коню даёть, самъ ѣсть и коню даёть. Изьѣвъ дьвѣ булки, третьтія прося. Ёнъ пошовъ и третьтію принёсъ. Кащъ самъ ѣсть и коня кормя, самъ ѣсть и коня кормя. Подъѣвъ. Тяперъ, говора, покормивъ, и напой. Приняси мнѣ вядро воды! Ёнъ принёсъ. Ёнъ самъ пъé и коня пóя, самъ пъè и коня пóя. Вядро выпивъ, другого прося. Ёнъ пошовъ, другое принёсъ. Кащъ самъ пъе и коня поя, самъ пъе и коня поя. Выпивъ два вядры, третьтяго прося. Ёнъ принёсъ. Ёнъ самъ пъе и коня поя, самъ пъè и коня поя. Напився. Тяперъ, самъ оторвався, и конь оторвався. Ёнъ засѣдлавъ лошадя, и усьсѣвъ на лошадя: вотъ жа, говòря, Иванъ Знайдёнъ: за твою хлѣбъ-соль жана моя, а не твоя! Сѣвъ и поѣхавъ. Вó й поѣхавъ. И стрѣвъ ёнъ жану, узявъ съ собою и повёзъ у другія Шкляныя горы. Заставсь ёнъ одинъ у тыхъ горахъ. Ходивъ ёнъ, ходивъ, тошновавъ, тошновавъ: што тутъ дѣлать? пойду яè шукать! Изновъ жа: шукать яе? ня звѣстно, дѣ жъ тыя горы Шкляныя? Ёнъ уздумавъ опять на вовка, тяпелцо расклавъ, вовчиныя шерсьти припёкъ—колдыная вовкъ къ яму. Объ чимъ ты мяне, Иванъ Знайдёнъ, жалаешъ?—А вотъ, говоря: бывъ нашовъ жану, да и зновъ потерявъ!—Вотъ жа ты, говоря, не послухавъ яè—не гляди у тую будочку! Якая бъ табѣ жисть была красивая! А ты вò не послухавъ, поглядѣвъ, дакъ и потерявъ! Ёнъ яму зновь указавъ тожа—на якіе городы, на якое што итить яму, на тыя на Шкляныя горы изновъ. И поставивъ силный калавуръ тэй Кащъ бязсмертный на тэй уже на своёй на Стеклянной горѣ.

Тяперь ёнъ сѣвъ на ковёръ самолётъ и полятѣвъ. Прилетая подъ тэй калавуръ. Тяперь съ ковёра сьсѣвъ, и уварнувся у вирьмякъ ненавидецъ. Ёнъ якъ надѣвъ, дакъ яго и ня видя нихто. Ёнъ прошовъ етый калавуръ. Ну, увыйшовъ туды, у городъ, ставъ пататца, идѣ бязсмертный Кащъ? И тутъ сказали яму, што ёнъ бывъ, али поѣхавъ кудысь-то, нязвѣстно. Тяперъ ёнъ зайшовъ къ жанѣ и забравъ яè. И самъ сѣвъ на ковёръ самолётъ и повёзъ яе. Пріѣжжая къ калавуру, сичасъ у вирьмякъ ненавидецъ уварнувся, самъ, и жану уварьтѣвъ, и пройшли калавуръ етый. Тяперъ усьсѣвъ опять на ковёръ самолётъ, самъ усьсѣвъ,

и жану посадивъ, и полятѣли. Сустракаютца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Конь яго зарзавъ. Ёнъ отвѣщая, Кащъ: чаго ты, песьсее мясо, зарзавъ: ти ты на мяне злуешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тябе,—на жинку на твою!—А што вамъ моя жинка здѣлала?—Ничого, говбря, не здѣлала; тольки укравъ твою жану Иванъ Знайдёнъ!—Такъ ты етого спужався! Мы жъ поѣдемъ у двору, да высячемъ лядо, на тымъ ляди посѣямъ пшаницы, съ тыя пшаницы наваримъ пива, пива напъёмся, яго догонимъ и жану отбяромъ! Тяперъ жа яны поѣхали у двору, высякли лядо, на тымъ ляди посѣяли пшаницы, съ тыя пшаницы наварили пива, пива напились и поѣхали. Яго догнали и жану отобрали. Вотъ жа, говоря: за твою хлѣбъ-соль дарую табѣ! Я бъ тябе ўбивъ, да за твою хлѣбъ-соль дарую. Помни, што разъ отъ смерти отретувавъ! Заставсь ёнъ одинъ зновъ. Думавъ, думавъ, што тутъ дѣлать? Пойду изновъ за жаной! Ну, тяперъ ёнъ уже дорогу вѣдая: сѣвъ на ковёръ-самолётъ и полятѣвъ. А ёнъ поставивъ калавуръ тожа, тогды силный, а тяперъ ще силнѣй. Ну. А што яму етый калавуръ, коли ёнъ у вирьмякъ ненавидецъ уварнувся, дакъ яго нихто и ня видя. И пройшовъ мимо. Ну, пришовъ и распатався: идѣ тутъ бязсмертный Кащъ пребывая?—Ёнъ бывъ, говоря, да полятѣвъ у другое царство!—Ну, ёнъ къ жанѣ. Ёнъ забравъ яе, уссадивъ на ковёръ, самъ сѣвъ, и полятѣли. И ѣдуть. Опять стрѣкаютца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Конь яго зарзавъ. Ёнъ отвѣщая, Кащъ: чаго ты, песьсее мясо, зарзавъ: ти ты на мяне злуешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тябе,—на жинку на твою!—А што вамъ моя жинка здѣлала? —Ничого, говбря, не здѣлала; тольки укравъ твою жану Иванъ Знайдёнъ!—О! такъ ты етого спужався! Мы жъ поѣдемъ у двору, да высячемъ лядо, на тымъ ляди посѣямъ пшаницы, съ тыя пшаницы наваримъ пива, пива напъёмся, яго догонимъ и жану отбяромъ! Поѣхали у двору, высякли лядо, насѣяли пшаницы, наварили пива, напились и поѣхали. Догнали ихъ; ёнъ жану отобравъ. Ну, помни жъ: я тябе два разы отъ смерти отретувавъ. Я бъ тябе теперъ убивъ, да за твою хлѣбъ—соль дарую! Ну ўже коли за третьтимъ разомъ пріѣдешъ—убъю! Тяперъ ёнъ застався одинъ. Што тутъ дѣлать? Думавъ, думавъ—по смерть итить! А, пойду знов за жаной! Усьсѣвъ на ковёръ самолётъ и полятѣвъ. Той калавуръ еще силнѣй поставивъ. На што яму калавуръ, коли ў яго ёсть вёрстать—уварнувся у вирьмякъ, дакъ яго нихто и ня видя. Пройшовъ мимо калавура. Увыйшовъ у городъ и патая: идѣ тутъ Кащъ бязсмертный проживая?—А ёнъ бывъ, говора, да полятѣвъ у другій городъ! Ёнъ тяперъ зайшовъ къ жанѣ и говоря: распатайся ты у Каща, идѣ ёнъ выслуживъ етакого лошадя!—Дббро, я распатаю. Тольки выйди ты зъ естого города на ўремя, а то ёнъ тябе знистожа! Ёнъ вышовъ.

А ёнъ пріѣхавъ; яна подлѣзла къ яму лестями: ну што, говоря: идѣ ты сабѣ эткого лошадя выслуживъ?—О, гдѣ выслуживъ? Ты думаешъ, выслужа твой Иванъ Знайдёнъ? Нѣ, ня выслужа! Есть на тридевятой зямлѣ, на тридесятомъ царстьви ёсть Баба-Юга́. Дакъ ёсть у яе́ сто кобылицъ. Хто тольки спасе́ тыхъ кобылицъ три дьни, дае́ жарабца самаго перваго на выбо́ръ. Да нѣ ўжо: ужо усё колья—дворъ занёсянъ частоколомъ—дакъ усё колья завѣшано уже головами: што не спасуть три дни, голову долой. Тольки одинъ колъ остався. Дакъ ежали пойдя етый Иванъ Знайдёнъ коня заслужувать, дакъ на томъ колу́ яго голову́ завѣсють! Отъ, тяперъ жа ёнъ побывъ трохи, опять жа поѣхавъ куды тамъ. Ёнъ изновъ увыйшовъ у етый городъ, Иванъ Знайденъ, распатався: ти бывъ тутъ Кащъ?—Бывъ!—А тяперъ дома?—Нѣ, поѣхавъ куды тамъ! Ну ёнъ тяперъ къ жанѣ. Ну што, говбря, ти паталася?—Паталася!—Ну, што̀ сказавъ?—А сказавъ, говоря, што за тридевять зямель, у тридесятомъ царстьви, ёсть Баба-Юга. Дакъ ёсть у яѐ сто кобылицъ. Хто тольки спасе́ тыхъ кобылицъ три дьни, дае жарабца самаго перваго на выбо̀ръ. Да нѣ ўжо: ужо уси колья—дворъ занёсянъ частоколомъ—дакъ уси колья завѣшаны ужо головами: што не спасуть три дьни, ну головў долой. Тольки одинъ колъ остався. Дакъ ежали пойдя твой Иванъ Знайдёнъ коня заслужувать, дакъ на томъ колу яго головў завѣсють! Нў, енъ думавъ, думавъ: што тутъ дѣлать? Разьви по смерть итить? Ну, да ўже што Богъ дасть, то й будя, а пойду жарабца доставать! Тяперъ жа ёнъ уже знистóживъ и ковёръ тэй и непавидецъ, и пошовъ пяшко̀мъ, коня выслўжувать.

Ну, тяперъ нема ямў ни двора, нема ямў ни села, нема яму ничо̀го—сўдки ишовъ ня ѣвши, печимъ ямў и покормитца. Ишовъ, ишовъ ёнъ, и приходя къ морю. Ляжи́ть ракъ на бе́рези. Узявъ ёнъ колъ: пойду, етого рака забью, и то подъѣмъ! Прихо̀дя ёнъ къ яму, ракъ говоря: эй, Иванъ Знайдёнъ, ня бй ты мяне! отколупи изъ мяне шалупашку и возьми у карманъ. Коли я табѣ треба буду, дакъ ты тяпло раскладй, да шалупашку припячи, дакъ я къ табѣ й буду,—я табѣ знадоблюсь! А возьми мяне, да ко̀ломъ етымъ, да спихни у водў! Значитца, ёнъ засохъ, ня можа звярнутца. Отъ ёнъ яго спихнувъ у водў, ёнъ поплывъ. Зостався ёнъ опять ня ѣвши. Увышовъ у пущу—чикають дятлы у дереви. Ёнъ сопрянувся: полѣзу етыхъ дятловъ побяру, и то подъѣмъ! Подлѣзая туды—лятить дятелъ старый: эй, Иванъ Знайдёнъ, не бяри ты моихъ дѣтокъ! Вырви ты у мяне пярцо́ и ўложъ у карманъ! Коли я табѣ буду треба, ты высячъ тяпелцо, раскдади, и моё пе́рцо припячи. Дакъ я къ табѣ буду—я табѣ знадоблюся! Такъ ёнъ изновъ и полѣзъ доловъ ня ѣвши. «Богъ вѣдая! Куды я йду, никого ня вѣдаю, и што мнѣ Богъ

дасть? Можа и знадобитца хто!» Пошовъ ёнъ знов ня ѣвши. Ишовъ, ишовъ—повзѐ мурашка терезъ дорогу. «Возьму я колъ, да забъю ету мурашку, и то буду ѣсть!» Узявъ ёнъ колъ, и иде близко уже коло мурашки. Мурашка говоря: ня би ты мяне, Иванъ Знайдёнъ! вырви ты у мяне пярцо̀ и ўложъ у карманъ! Коли я табѣ буду треба, ты высячъ тяпелцо, раскла̀ди, и мое пярцо припячи. Я табѣ два разы знадоблюся! Мусивъ ёнъ такъ здѣлать. Кинувъ колъ, пошовъ такъ. Приходя ёнъ уже къ той баби къ Юзѐ, куды йшовъ. Здрастуй, бабка!—А здрастуй, Иванъ Знайдёнъ! Што ходишъ?—А иду жарабца выслужувать!—О, хорошо. Я етакихъ людей дожидаю давно! Вотъ ты у мяне три дьни коли спасе́шъ сто кобылицъ, даю жарабца на выборъ! Сичасъ яму вячери нагото̀вила, яго покормила, посьтелю заслала, ёнъ лёгъ спать. Назаўтраго яна устала, хату затопила, обѣдъ наготува̀ла, ладокъ напекла, у кошель наклала и бу̀дя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ, пора кобылицъ гнать у по̀ля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, ускапивсь на кобылицу, и потуривъ ихъ у чистое по̀ля. Пасе́ть жа ёнъ ихъ до по̀лудня. Пасе́ть, и ходють хорошо, усё. Захотѣлось жа яму̀ полудновать. Ёнъ кошало̀къ отчинивъ и зьѣвъ етыя ладочки. Якъ зьѣвъ, такъ и заснувъ.—А яны сонныя ладки. А яны йпохувалися, кобылицы. Тяперь ина приходя Баба-Юга къ яму̀ и будя яго: Иванъ Знайдёнъ, а дѣ ты моихъ кобыличъ подѣвавъ? А? Вотъ и конюхъ! Вотъ и напа̀сьтивавъ! Думавъ ёнъ, думавъ: што тутъ? Ходили хорошо, и нема. Думавъ ёнъ, думавъ—няшто, звѣстно: говорили и тэй и тэй, што я табѣ знадоблюсь, да нязвѣстно. И ўздумавъ ёнъ на того вовка. Ну, якъ тяпелца раскла̀въ и припёкъ вовчиныя шерсьти, колтыпая вовкъ къ яму тэй. Объ чимъ ты мяне, Иванъ Знайдёнъ, жалаешъ?—Объ чимъ, говоря, жалаю? Вотъ, кобылицъ, говоря, пасьтививъ, да не знаю, дѣ яны дѣлись!—О, говоря: ето жъ у табе ўже у кармани! Тяперь яны похувалися у мо̀ря; дакъ ихъ ужо ракъ выгоня! А другiй день будешъ пасьтивить, дакъ яны похуваютца у дяревъя; дакъ табѣ дятелъ выгоня. А третьтiй день похуваютца у зе́млю—дакъ тогды мурашка выгоня! Ну, й прощай за етымъ!.. Вотъ докуль вовкъ яму служивъ, тяперь уже ня бу̀дя! Ну, тяперь ёнъ вынявъ ету шалупашку и припёкъ, ракову. Повзѐ етый ракъ къ яму̀. А што, Иванъ Знайдёнъ: што̀ бъ ты тяперь дѣлавъ, колибъ мяне забивъ? Я казавъ, што табѣ знадоблюсь! Отъ яно такъ и ёсть! Отъ жа ты иди, постань тамъ и тамъ; а я пойду у мо̀ря, собяру усю свою силу,—я ихъ повыгоню. А ты стой да щитай! Якъ до послѣдьнія дощитаесься, ина вы̀скоча, дакъ ты хватайся садитца на яѐ, и тури у дворъ! Ёнъ такъ и здѣлавъ. Пригоняя ихъ у дворъ. Яна стоить у воротахъ, Юга тая, и бытто рада: вотъ конюхъ, вотъ конюхъ! молодечъ! Тяперь ина на ихъ злу-

еть. То жъ яе дочки усё! Узяла зялѣзный прутъ и пошла ихъ наказувать. А, говоря: щукины дочки, вы зъ имъ любитеся, знюхались,—отъ яго не похувались! И набила ихъ.

Ну, тяперь, вячеря яму наготувана, ёнъ повячерявъ и лёгъ спать. Яна до сьвѣта устала, хату затопила, ладокъ напекла, наклала у кошель, и будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ, пора кобылицъ гнать у поля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, усхапивсь на кобылицу, и потуривъ ихъ у чистое поля. Пасётъ жа ёнъ ихъ до полудня. Пасеть, и ходють хорошо, усё. Захотѣлось жа яму полудновать. Ёнъ кошалокъ отчинивъ и зьѣвъ етыя ладочки. Якъ тольки ладокъ тыхъ зьѣвъ, такъ и заснувъ. Приходя яна зновъ къ яму, будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ! Ёнъ прошнувся. А дѣ моихъ кобыличъ подѣвавъ? Вотъ конюхъ! Издайсь на етакого конюха! А ёнъ уже осьмялѣвъ; дыкъ ёнъ на яе сыкнувъ: што ты, говоря, Баба-Юга! што ты мяне, у день не пасешъ! Нехай ходють; идѣ хочуть. А коли увечари не пригоню, тогды я виноватъ буду!—Ну, хорошо, найду я тябе и увечари! Тяперь ёнъ высякъ тяпелцо, расклавъ, припёкъ дятлово пярцо. Лятить дятелъ къ яму: а што, Иванъ Знайдёнъ: што бъ ты дѣлавъ тяперь, колибъ моихъ дятей поѣвъ? Ты бъ тяперь самъ убивсь! А вотъ я табѣ тяперь знадоблюсь! Ну, иди жъ ты стань вотъ тамъ и тамъ, я собяру свою силу,—я ихъ повыгоню! Ёнъ и ставъ тамъ—идѣ, по яго казкахъ. Ёнъ собравъ свою силу. Якъ зачали ихъ клювать, зачали дювбать,—падали яны, падали—негди имъ уже дѣтца! Стали выскакувать. Яны по дупляхъ похувались. А ёнъ щитая. Дощитавсь до послѣдьнія, усхвативсь на яе и потуривъ у двору. Ето уже два дьни спасьтивъ. Пригоняя жъ ёнъ у двору, яна стоить у воротахъ: отъ, молодечъ конюхъ! Два дьни спасьтививъ! Ще день спасьтишъ—получишъ жарабца!.. А на ихъ злуя, што не похувались отъ яго. Узяла зялѣзный прутъ и давай ихъ бить. Тогды наготувала яму вячерять; ёнъ повячерявъ и лёгъ спать. Яна до сьвѣта устала, хату затопила, ладокъ напекла, у кошель наклала, и будя яго: устань, Иванъ Знайдёнъ, пора кобылицъ гнать у поля! Ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився, кошель на плечи, усхапивсь на кобылицу, и потуривъ ихъ у чистое поля. Пасётъ жа ёнъ ихъ до полудня. Пасеть, и ходють хорошо, усё. Захотѣлось жа яму полудновать. Ёнъ кошалокъ отчинивъ и зьѣвъ етыя ладочки. Якъ тольки зьѣвъ, такъ и заснувъ. Якъ ёнъ тольки заснувъ, яна и приходя къ яму зновъ. И будя яго: «Иванъ Знайдёнъ!» Ёнъ якъ усхопитца! «А дѣ ты моихъ кобыличъ подѣвавъ? Я на тябе здалася, а дѣ ты ихъ подѣвавъ?» А ёнъ на яе тожа отвѣтивъ: што ты мяне, у день не пасешъ! Нехай ходють, идѣ ходють, абы къ вечару я пригнавъ ихъ! Коли увечари не пригоню, тогды я виноватъ буду!—Ну добря, я тябе увечари спасу! Яна усё не

надѣетца, што ёнъ найдя ихъ. *И*на уже вѣдая, дѣ яны. Тяперь ёнъ узявъ, тяпелцо высякъ, расклавъ, припёкъ мурашкино пярцо. Повзе мурашка къ яму. А што, Иванъ Знайдёнъ, што бъ ты тяперь дѣлавъ, коли бъ мяне зъѣвъ! Ты бъ тяперь самъ пропавъ. Я жъ казала, што я табѣ знадоблюсь. Ну, йди жъ ты стань у(во)тамъ и тамъ, я собяру свою силу и ихъ повыгоню. А ты стой и щитай! Ёнъ пошовъ и ставъ. Мурашка собрала свою силу и выгнала ихъ съ подъ зямли. Ёнъ дощитався до послѣдьнія, усхапивсь на яе и потуривъ у двору. Ну, пригоняя у двору—тамъ яна у вочи яму бытто такъ рада: оть, Иванъ Знайдёнъ, молодечъ! три дьня спасьтививъ! заўтри жарабча получа! А сама злуя на ихъ. Узяла зялѣзный прутъ и давай бить ихъ. Тяперь, яму вячеря нактована; ёнъ повячерявъ и спать лёгъ. Давъ Богъ день, ёнъ уставъ, умывся, Богу помолився. Тяперь яна прося яго уже зъ ласки: Иванъ Знайдёнъ, служивъ ты мнѣ хорошо три дьни, спасьтивъ моихъ кобыличъ, —прислужи ты мнѣ уже: разсѣй ты мнѣ лубучку маку! Такъ ёнъ и поумивъ: што тутъ? Уже жъ больше служивъ! што тутъ пораскидать, забавка? Узялъ ету лубучку маку и засѣявъ. Тяперь яна говоря: да, разсѣять ба я сама разсѣяла, а якъ ба яго подобрать, штобъ опять повна была? Ёнъ тутъ усердився: што такое?—вялѣла разсѣять, а тутъ собирать треба!—Нѣ, мнѣ того не ждать, покуль ёнъ узрастѐ; а мнѣ дучичасъ збирай! А не збярéшъ—не получишъ жарабца! Тяперь ёнъ думавъ, думавъ: што тутъ? служивъ кольки, и вò табѣ—не получишъ жарабца! И ўздумавъ ёнъ на мурашку, што яна тыки казала, што два разы знадоблюсь табѣ! Ёнъ тяперь тяпелцо высякъ, расклавъ, и припёкъ мурашкино пярцо. Мурашка къ яму. А што, Иванъ Знайдёнъ, што бъ ты тяперь дѣлавъ, колибъ мяне зъѣвъ! Ты бъ тяперь самъ пропавъ. Ну, поставъ жа ты ету лубучку посярёдъ полянки, я собяру усю свою силу, яны сичасъ зволокуть! Ёнъ поставивъ ету лубучку,—такъ яны якъ поповзли, дакъ якъ мурашки,—такъ яму у минуту и ўстягнули,—повна лубучка Прииося ёнъ ету лубучку къ ёй: нà табѣ, Баба ты Юга! Ну, день пройшовъ, ночувать треба. Ёнъ заночувавъ. И была ў яé служебка. Дакъ тая служебка зная усё—усё,—што яна отобрала силу у усихъ жарабцовъ, да 'дному 'тдала. Дакъ ёнъ уже моцно сѝланъ, што здѣня можа силы зносить. Дакъ ёнъ ляжить подъ ясьлямы, тэй конь. Здѣлала яго самымъ пущимъ, силнаго того. «Дакъ не бяри ты самаго луччаго, а возьми ты самаго пущаго, што подъ ясьлямы, а тыхъ луччихъ не бяри!» Ёнъ назаўтраго, давъ Богъ день, уставъ, умывся, Богу помолився. Уходя яна: «Ну, Иванъ Знайдёнъ,—пора жарабца выбирать!» Ну, пошли выбирать! Ну, якъ яму уже сказано, дакъ якъ ишовъ, дакъ прямо къ тому къ пўдлому, цапочкой яго шлыгапўвъ. Такъ ёнъ цапў-цапў

ускарабкався, уставъ. Ёнъ яго за гриву, узявъ и волочѐ. А тамъ такіе хорошіе, такіе тамъ бодры, што такъ и пляшуть. А ёнъ того волочѐ, пудлаго того. Та́къ ёй ня хочетца! Ахъ, говоря, Иванъ Знайдёнъ: ты ў мяне бывъ хорошій конюхъ, хорошо мнѣ спасьтивъ, и ўсё, да бярёшъ самаго пудлаго! Ты возьми о́тъ етого, што тамъ пляша который!—Э, говоря, бабка: я самъ плохій человѣкъ, пло́хаго коня возьму! Узять мнѣ хорошаго, дакъ ёнъ мяне разобъѐ, зва́ля и побяжить куды! А сказано, на выбо́ръ! Ёнъ волочѐ того. Ёй хоть и ня хочетца, да ўже на выбо́ръ сказано, дакъ ёй нельзя судитца. Ну, вывявъ яго на Юрьеву росу̀. Лошадь говоря: попаси мяне зарю на ячмени, а зарю на пшаницы, а зарю на 'всѣ! Тогды, посьли того, конь лёгъ, покачався, уставъ, стрепянувся. Стала на ёмъ золотая шарсьтинка, сяребряная. Ну, садись на мяне! Ёнъ усьсѣвъ и поѣхавъ. Пріѣжжая къ тому городу, къ Шкляно̀му. Уѣхавъ у етый городъ и распытуя: ти дома бязсмертный Кащъ?—Нѣ, говоря: ёнъ бывъ, да выѣхавъ куды тамъ! Ёнъ тяперь узявъ жану, самъ сядіть на лошади, яѐ посадивъ на лошадь и поѣхавъ оттуль. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, сустрѣкаетца зъ бязсмертнымъ Кащамъ. Сустрѣкаетца зъ бязсмертнымъ Кащамъ, конь яго зарзавъ. Ёнъ пыта я: чаг ты, несьсее мясо, зарзавъ? ти ты на мяне ржешъ, ти на жонку на мою?—Нѣ, не на тябе, а на жонку на твою!—А што табѣ моя жонка здѣлала?—Ничого, каа, яна мнѣ ня здѣлала, только укравъ твою жинку Иванъ Знайдёнъ!—О! дакъ ты етого спужався? Мы жъ поѣдемъ у двору, да высячемъ лядо, на тымъ ляди насѣямъ пшаницы, съ тыѐ пшаницы наваримъ пива, того пива напъёмся, и то яго догонимъ и жану отбяоро́мъ. Лошадь говоря: нѣ, говоря, хозяинъ: мы тяперь уже жаны не'тбярёмъ!—«Якъ то не 'тбярёмъ»? Ёнъ и схапився!—А такъ, говоря: ёнъ уже выслуживъ нашаго меньшаго брата. Да ў яго уся сила отъ нашихъ бра́тцовъ. Дакъ мы уже тяперь у яго не 'тбярёмъ жаны!.. Не́коли жъ яму̀ уже ѣхать у двору да сѣчь лядо, да сѣять пшаницу, да варить пиво,—да вярнувся, да ўже усьлѣдъ за имъ. Тэй жа идеть шагомъ, пяредьній, а етый лятить—потъ кривавой пѣной,—што не догоня. Лошадь зъ лошадьдю говоря, зъ братомъ: што ты, говоря, догоняешъ мяне? Ти ты хочешъ битца со мною, ти ты хочешъ зъ Иваномъ Знайдёномъ (ѣхать)?—Нѣ, братецъ: якъ жа мнѣ съ тобой битца,—я съ тобой ня ровянъ!—А коли хочешъ зъ Иваномъ Знайдёномъ, дакъ ты свойго хозяина узьними подъ небеса, да й пусьти сь сябе,—нехай ёнъ ударитца объ сыру зе́млю, объ бѣлый камянь, нехай ёнъ разсыплетца дробнѣй маку!—Ахъ, мнѣ шкода, кажа, свойго хозяина: ёнъ хорошо мяне кормя!—Ничаго́, будя тябе Иванъ Знайдёнъ кормить! Отъ ёнъ яго узнёсъ подъ небеса и пусьтивъ яго сь сябе. Ёнъ якъ лятѣвъ—ударився объ сырую

землю, объ бѣлый камянь—разсыпався дробнѣй чорнаго маку! А Иванъ Знайдёнъ поѣхавъ уже зъ жаною. Тольки нязьвѣстно, куды ёнъ поѣхавъ: ти ў Шкляныя горы, ти къ батьку—икъ матцы.

Отъ, я бывъ съ плытами за Кіявомъ и патався; дакъ не допатався. Хотѣвъ къ яму у госьти зайтить.

С. Новая Ельня. Отъ кр. Григорія Тихонова, 77 л. неграмотн.

13. Царскій унукъ—Лыцаръ Давидоновичъ.

Вотъ, паночекъ, бывъ сабѣ такъ одинъ царъ. Богъ яго вѣдаеть, ти ёнъ бывъ царикомъ, ти тыки царомъ. Ну, дыкъ ёнъ тяперъ мѣвъ са·ѣ одного сына, одинъ однымъ сынъ у яго тольки. Ёнъ яго ожанивъ тогды и дождавъ унука. Потымъ ёнъ помёръ, батька. Застався съ унукомъ дѣдъ; и дѣдъ старый уже. Ну, тяперъ гэтый унучакъ трохи ўже подросъ, годовъ можа съ семъ, а можа зъ восемъ. Узявъ ёнъ яго, отдаеть у школу. Отдавъ у школу. Тяперъ ёнъ учитца-учитца, гэтый унукъ, дойшовъ до того, научився, што ўже дарэхтора вучить. Дарэхтору гэто обыйшло, што ёнъ яго вучить, ставъ ёнъ зводить дѣду гэтому на малца: вашъ, каеть, унукъ икъ жидовкамъ на ночь ходить! Ну, тяперъ, гэтый дѣдъ уздумавъ: «што, каеть, яму зробить? Покуль што, напримѣръ каець, вучи яго, научай; а тамъ я разслухаюсь, потачки яму не дамъ!» А гэтого не кажеть дарэхторъ гэтый, што ёнъ яго вучить. Ну, што жъ говорить? Тяперъ гэтый дарэхторъ якъ напусьтивъ на яго купецкихъ сыновъ,—купецкія дѣти тожъ тамъ были, зь имъ училиси ў гэтымъ училищи. Дыкъ ёнъ, гэтый малецъ, якъ обступють яны яго, дыкъ ёнъ скомшить комокъ зямли, абы снѣгу зимой,—которому дась—на мѣсьти й духъ вонъ! Ёнъ тяперъ къ гэтому цару, къ старику, уси къ яму, и купечаство гэто: «што ты, говоруть, дяржишъ яго, гэтакого? Дѣ-дѣ, говоруть, да дѣнь яго!» Гэтый царъ думавъ, думавъ: што зь имъ изробить? Бывъ то за морамъ нейди бязсмэртный царъ. Гэтый дѣдъ надумався узять яго послать къ бязсмэртному цару: нехай яго страбить тамъ бязсмэртный царъ! Написавъ письмо и запечатувавъ. А ўзявъ яго и выправляеть. Ёнъ тогды узявъ письмо, вышовъ на дворъ да обдумався: «дядулька, каеть, сь чимъ ты мяне выправляешъ? Мнѣ, говорить, трэба якей кіёчакъ; кабъ якей кіёчакъ дѣ скувавъ, ляску!» У яго жъ тожа кувалёвъ ня нѣтъ! Узявъ отвярнувъ сто пудовъ зялѣза и скувавъ яму буловку. Ёнъ гэту буловку, малецъ гэтый, узявъ. Поспробувавъ гэту буловку: «да што мнѣ, говорить, гэта буловка? мнѣ гэта буловка мала, говорить, соўсимъ!» Тогды тэй дѣдъ ящо прикинувъ сто пудовъ зялѣза къ гэтой буловцы. Скували буловку у двѣсьтя пудовъ. Тогды

гэтый малецъ ухапивъ гэту булòвку, якъ кинувъ угóру! Пошовъ у горницу, выпивъ стаганъ (g) чаю, шклянку. Тяперъ обдумався, што яна сычасъ будеть назадъ лятѣть, вышовъ, надстановивъ колѣно. Яна якъ ударила 'бъ колѣно—пополамъ нераломилась. «Ну, говóрить, дядулька, —полядитя, што жъ я буду дѣлать?» Ковалки принёсъ яму, положивъ. Тогды гэтый дѣдъ на гэтыхъ кувалёвъ почавъ сварится: што вы, говóрить, дѣлаетя? Прикинувъ ящо нитьдесятъ пудовъ жялѣза. Тогды ёнъ узявъ, попробувавъ,—кинувъ угóру. Повярнувся ў горницы, сычасъ жа й выходить, —звярнулася булóвка назадъ. Ёнъ надставивъ колѣно—тольки согнулася; нераломѝтца не нераломилась. Ну, каець, дядулька,—дякуй! Узявъ письмо, попрощався зь дѣдомъ и пошовъ.

Якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити,—прихòдить ёнъ къ мóру. А бязсмэртный царъ за мóрамъ. Пòтымъ того, думавъ-думавъ, думавъ-думавъ: што тутъ дѣлать? Узявъ нераксьсився, размахнувся, якъ ударивъ —мóра назадъ и нанéрадъ, туды-сюды вода расхинáетца. Ёнъ дали, ёнъ дали. Якъ бить дыкъ бить, якъ бить дыкъ бить—вышовъ на берагъ. Сѣвъ отдыхать на бéрази, нераксьсився: слава табѣ, Господи, што мяне Богъ неранёсъ! Приходить къ бязсмэртному цáру, и попавъ яго ў доми, и подаéть писямцо налишно цáру бязсмэртному. Гэтый царъ распечатувавъ письмо и смотрѝть на гэто: смотрѝть у письмо, и полядѝть на яго. И стало яго жалко, напримѣръ, што прислано, напримѣръ, кабъ яго страбить, и нема—вѣдома за што. Тяперъ ёнъ, гэтый бязсмэртный царъ, узявъ, отписуеть письмо назадъ, яго дѣду. А ў гэтаго бязсмэртнаго цара капулюшкòвъ висить на сьтѣнахъ, по пятсотъ пудовъ, спижòвыхъ,—много ихъ висить тамъ, кругомъ обѣшано. Ёнъ узявъ сь сьтяны капулюшòкъ ды: вотъ, говорить, мой голубецъ! заняси дѣду свойму госьтинчика, говорить. Думавъ, што ёнъ подъ имъ и заснѐть тамъ. Узявъ гэтый капулюшокъ, ды ямý на головỳ й надѣвъ. А ёнъ страханувся, добрый молодецъ, у рукý яму пуцулувавъ: прощайтя! говóрить. Бязсмэртный царъ тольки стрáшитца: ну, молодецъ мальчикъ! Ёнъ вышовъ, вышовъ вонъ, значитца, подякувавъ, узявъ свою булóвку и капулюшòкъ: пятсотъ пудовъ капулюшокъ и двѣсьтя нитьдесятъ буловка. Нераксьсився и пошовъ. Прихóдить къ мору и—Господи богослови!—полѣзъ узновъ у мóра. Дѣ ўдарить—тамъ и сухо, дѣ ударить—тамъ и сухо,—и нерайшовъ водý, нерабивъ водý. Приходить къ свойму дѣду. Пришовъ къ дѣду, письмо вынявъ. Обробѣвъ дѣдъ, што ёнъ вярнувся. Што зь имъ рóбить? Положивъ гэто письмо дѣду на столѣ—вынявъ,—ставъ дѣдъ расчитувать гэто письмо, што яму прислав бязсмэртный царъ. А ёнъ хòдить по покои: забывся на тэй капулюшóкъ, што яму прислав бязсмэртный царъ—дѣду госьтинчика. Тогды уздумавъ па гэтый капулюшокъ: ахъ, говорить, дядулька! Табѣ бязсмэрт-

ный царъ прислав̃ъ госьт̃инчикъ! Узявъ гэтый капэлюшъ однэй рукой, да дѣду на голову—такъ того й раздавивъ, расьт̃иснувъ,—чисто расплывся дѣдъ тамъ, потъ капулюшкомъ. А—о! гэтый малецъ т̃яперъ обробѣвъ. Ухапивъ булйвку и пошовъ у сьвѣтъ—дѣда замучивъ.

Якъ ит̃и дыкъ ит̃и, ит̃и дыкъ ит̃и, сустрѣкает̃ь ёнъ у якимъ то дворѣ,—ажны нясет̃ь чаловѣкъ у коробцы съ току пят̃ь четьвяртей гороху бѣлаго. Т̃яперъ ёнъ подумавъ, спознавъ, што й ёнъ троху товаришъ яму, якъ ба ня было. «Э, говорит̃ь, Гороховикъ,—кидай горохъ, пойдемъ у сьвѣтъ! Гэтый Гороховикъ сычасъ свой кошель обярнувъ, горохъ гэтый высыпавъ на зѐмлю, пераксьсився: богослови Господи, у сьвѣтъ пойдемъ! И пошли ободва. Якъ ит̃и дыкъ ит̃и, приходют̃ь яны тожъ дѣ, къ якому пруду. Ажъ у гэтымъ пруди двананцат̃ь камянёвъ, мелетца на двананцат̃ь камянёвъ. А т̃яперъ чаловѣкъ на вусóхъ дяржит̃ь прудъ гэтый увесь. Обышовъ ёнъ вокругъ гэтого чаловѣка: эхъ, братъ, говòрит̃ь, Вусачъ! кидай ты уси гэты пруды, пойдемъ у сьвѣтъ, говорит̃ь. Ну, тэй кинувъ. Якъ кинувъ прудъ гэтый, дыкъ ёнъ—пошло усё урозь. Ну, т̃яперъ пошли утрохъ. Т̃яперъ яны, якъ ит̃и дыкъ ит̃и, приходют̃ь то яны у якѐй городъ. Прошли яны увесь городъ, не нашли никóго. А тамъ бязсмэртный царъ отъѣвъ увесь народъ. Сходют̃ь яны у конецъ города̀, ажны стоит̃ь ла̀зенка; и тóпитца гэта лазенка. Ну што, братцы, говорит̃ь: будемъ пилнуват̃ь, хто гэто, говóрит̃ь, у гэтой лазьня будет̃ь мытца, говорит̃ь. Узяли яны пилнуват̃ь, ажны прилетает̃ь три ла̀стувки. Ськинулиси паненками, разьдѣлиси и пошли па̀ратца у лазьню у гэту. Т̃яперъ ёнъ говòрит̃ь: нука, Гороховикъ, говóрит̃ь: иди попробуй, подопри дьвери, —што тут̃ь окажатца? Гэтый Гороховикъ подлёгъ подъ двери крэпко-крэпко. А ихъ три сястры̀ паралося. Т̃яперъ большая сястра отвѣщает̃ь: ахъ, говòрит̃ь,—мéньшiя сятрицы! соскочьт̃я съ полка, отчинит̃я дьвери: ни то гнилый пень, ни то здоровый подлёгъ подъ дьвери, говорит̃ь. Т̃яперъ, гэтый Гороховикъ подлёгъ подъ дьвери, а ина, мѐньшая сястра, соскóчила съ полка, якъ ударила колѣномъ у дьвери,—дыкъ гэтый Гороховикъ за пятнанцат̃ь вёрстъ отлят̃ѣвъ зь дьвярми! А яны тожъ не показуютца имъ, гэтыхъ двоя. Яны тогды узяли, надѣлиси, ськинулиси ла́стувками и полят̃ѣли. А Гороховикъ пропавъ. Тожъ назаутра приходит̃ь Гороховикъ, принёсъ дьвери, установивъ, и пошовъ самъ къ товаришамъ своимъ. Нашовъ своихъ товаришовъ. А лазьня узновъ и затопилася. Вытопилася лазьня, прилетает̃ь узновъ три ластувки и узяли па̀ратца. Т̃яперъ уже кажет̃ь тэй уже бòльшiй ихъ: ну, кабъ, касць, братъ Вусачъ, кабъ ты т̃яперъ попробува̀въ дьвери потперт̃ь! Вусачъ и подлёгъ. Т̃яперъ яна уже говорит̃ь, большая сястра: сястрица, говорит̃ь, сярэдьняя,—попробуй отчинит̃ь дьвери: ни то гнилый пень, ни то здоро-

вый потпёръ дьвери! Сычасъ: гэтый Вусачъ подлёгъ подъ дьвери, а сярэдьняя сястра якъ соскочила, якъ ударила колѣномъ, дыкъ гэтый Вусачъ за пять вёрстъ зь дьвярми отлятѣвъ! Тяперъ самы одѣлиси и послятѣли узновъ. Гэтый Вусачъ пришовъ и дьвери принёсъ за собой. Установивъ дьвери, и самъ пошовъ, товаришовъ своихъ пашовъ. Назаўтраго полядять—узновъ топитца лазьня! Тяперъ тэй говориць, Лыцаръ Давидоновичъ: ну, тяперъ, говориць, братцы, и мнѣ треба пилнуватца! Прилетаець тожъ узновъ три ластувки, ськинулиси дѣвками, разьдѣлиси и пошли ўзновъ наратца. Ну, каець: трэба мнѣ тяперъ ити,—я-тку пойду подопру дьвери! Пошовъ, подлёгъ подъ дьвери. Тяперъ бо́льшая сястра говориць: ну, вотъ тяперъ, каець, сястрицы, дужо, говориць, пень здоровый потпёръ дьвери! Якъ мы, говориць, выдеремся отсюль? Ну, говориць, попробую-тку я отчинять! Большая сястра якъ соско́чила, ударила ў дьвери—дыкъ дьвери не подалиси, а верхъ сорвався, зьлятѣвъ доловъ. Такъ яны ихъ и половили тамъ. И тяперъ, якъ половили яны ихъ, дыкъ яны и говоруць: мы по дружби своей друговъ шукали,—намъ ня було́ ро́вницы! Дѣвки тыя кажуць. А тяперъ,—хотѣвъ бо́льшую сястру узять нячистый смокъ. Яны большую силу мѣли, не подалиси яму. Тяперъ яны сычасъ побралиси: ме́ньшая сястра Гороховику, а сярэдьняя сястра Вусачу засталась, а гэтому, Лыцару Давидоновичу, большая сястра. Ну, говориць,—якъ мы дѣйствували, заступали гэтому городу, такъ вы тяперъ дѣйствуйтя, заступайтя за насъ, му́жи наши!

Сычасъ, назаўтраго вызываець нячистый смокъ на пальбу. Нагнавъ народу—Божа сохрани што! Тяперъ меньшая тая сястра кажець: ты жъ, говориць, Гороховикъ, набяри сабѣ коробку каменьня, и ты, говориць, усихъ побье́шъ чисто каме́ньнямъ, а яго, каець, не чапа́й, ба, каець, пропаде́шъ! Ёнъ, гэтый Гороховикъ, пошовъ, назьбиравъ каменьня коробку свою. Ажъ стоиць народу, такія сьтяги поставлявъ народу! Ёнъ, якъ шибне́ць камянь, такъ и здѣлаець вулицу! Якъ шибнець, такъ и здѣлаець вулицу! А гэтого ня трогаець. Дойшли одинъ до 'дного, гэтый Гороховикъ и смо́къ, одинъ одному склонилиси, и разышлиси ўрозь. Ну, назаўтраго больше того собравъ народу, выгнавъ ящо. И вызываець ящо на пальбу яго. Тяперъ сярэдьняя сястра говориць: ну-ка, Вусачъ, говориць,—табѣ сяньни урэмя ити, говориць. Табѣ, каець, ничого ня трэба,—ты, каець, вусами ўсихъ побье́шъ, говориць. А яго не чапай! Тяперъ, ёнъ якъ вышовъ, якъ крутьнець вусами—усихъ чисто попосѣкъ вусами. Остався ёнъ тольки одинъ. Сышлиси яны ўкучу, одинъ одному склонилиси, и разошлиси та̀къ, по чесьти. На третьтій день нагнавъ народу дыкъ у три часьти того, што тогды нагонявъ. Тяперъ, сястра тая бо́льшая: ну, говориць, Лицаръ Давидоновичъ,—табѣ сяньни ити на пальбу!

Ты, каеть, усихъ побъёшъ, усихъ побъёшъ, а яго ня тронь, не чапай, бо ты сьмѣлъ, отважанъ—пропадёшъ! Ну, ёнъ тяперъ якъ пошовъ на пальбу, Лицаръ Давидоповичъ,—размахнѣть булóвку, якъ пусьтить,—такъ вулицу и выложить. Потскóчить, ухóпить—такъ и узнова! Побивъ усихъ; остався ёнъ тольки одинъ, гэтый нячистый смокъ. Тогды ёнъ, гэтый Лицаръ Давидоповичъ, подумавъ, подумавъ, адылй: ахъ, ити яго—ня ўступлю! Якъ разьвёвъ булòвку, размахнувъ-размахнувъ, покрутивъ, якъ пýсьтить—и попавъ яму по сярэдини. Ёнъ тольки увогнувся, и пошовъ. Тогды ёнъ: ахъ, итить твою, каеть. Што жъ ты за такéй? Зновъ якъ раскрутивъ булóвку, якъ вытнець яго по сярэдини! Зновъ увогнувся, и пошовъ. Ёнъ трэтьтій разъ схапивъ гэту буловку: ахъ, мать твою такую! Якъ вытнеть—ёнъ повалився. Тогды якъ ускочивъ да къ яму! Якъ ударивъ щавкомъ по лбу—ёнъ и заснувъ на тымъ мѣсьти, гэтый *Ликсандра Видоновичъ*. Такъ ёнъ сычасъ узявъ яго жану, гэтый нячистый смокъ, и понёсъ за мóра съ собою. А гэты товариши у гэтымъ городи засталиси исъ своими жанáми жить.

Ну, тяперъ, ёнъ якъ лежать дыкъ лежать, якъ лежать дыкъ лежать, гэтый Ликсандра Давидоновичъ—цѣлый годъ лежавъ; и буловка ли яго ляжить. Тяперъ, дѣ-то бабка якая была—двѣсьтя годовъ було ёй, гэтой бабцы,—иналучила на яго, што ёнъ ляжить. Ахъ, говòрить, —занапрасно гэтый чаловѣчакъ загибаеть, цѣлый годъ ляжить тутъ! Яна тамъ што коло яго поворожила—ёнъ и уставъ. «Ахъ, говорить, бабка моя пралюбезная,—якъ я смашно заснувъ!»—А, каеть, ты заснувъ бывъ на вѣкъ, каеть.—«А йдѣ жъ, говорить, моя жана?»—Ды узявъ, говорить, нячистый смокъ твою жану, понёсъ за мòра, говорить. —«Ахъ, говóрить, бабка моя пралюбезная! ти могу я оттуль достать яѐ коли, ти нѣ?»—Ня вѣдаю, каеть, голубокъ, якъ яѐ достать! Возьми ты, говорить, купи пара хортовъ, и пара, каеть, селязьнёвъ, и каеть, иди за мòра,—ты яѐ тамъ найдешъ, говòрить. Ёнъ узявъ свою булòвку, купивъ гэто ўсё, справивъ, и пошовъ зá мора. Приходить къ мору, якъ ударить по мóру: дѣ ўдарить, тамъ сухо! дѣ ударить, тамъ сухо! дѣ ўдарить, тамъ сухо! Перайшовъ на тэй бокъ мора. Перайшовъ на тэй бокъ мора, попытався у пастуха, говорить: дѣ тутъ, говорить, нячистый смокъ живеть? говорить. Пастухъ ямý нараивъ, показавъ яму дворэцъ, дѣ ёнъ живеть. «А ти ёсь ёнъ дома?» говорить.—Ёнъ, чуть-дянёкъ, дыкъ и лятить на сьвѣтъ, говорить. Тяперъ, гэтый Ликсандра Давидоновичъ захинувся дѣ и пераночувавъ. Назаўтраго, совъюшко ўзыйшло, обътрало, такъ ёнъ и пошовъ у гэтый дворэцъ просто. Ажно яго и не попавъ, у дому нема ўже, полятѣвъ на сьвѣтъ. Приходить ёнъ къ ёй: «а бачь, каеть,—ти ты мяне й тутъ нашовъ?»—А нашовъ, каеть.—«А штожъ

будеть, што ты мяне нашовъ: ты мяне ня во́зьмешъ отгэтуль!» Ина яго тогды тамъ покормила, и ра́дить и ра́дить. Давай яны радить,—допытайся ты, говорить, идѣ яго душа? Якъ ёнъ бязсмэртный смокъ,—идѣ яго душа? Ина ўзяла яго, запёрла у скры̂ню,—такая скрыня большая стоить. Ина яго ўзяла, усадила у скрыню и запёрла. Пѡтымъ ёнъ прилетаеть домовъ ужо ўвечару̂,—полетавъ по воздуху, по сьвѣту. Прилятѣвъ, походивъ: ахъ, каеть, якъ тутъ русьсее мясо пахнеть! А йна говорить: летаешъ по сьвѣти, набрався, говорить, во́здуху, дакъ яно табѣ, говорить, и пахнеть!—А можа, каеть: стало быть и гэто! Тяперъ, увечара, сѣли яны за столъ, яна у яго допрашiеть, говорить: живёмъ мы съ тобой годъ, а правды не кажашъ ты мнѣ! Ёнъ сьмяе́тца зъ гэтого. Ина гово́рить: дѣ-тыки твоя душа знаходитца? Ёнъ тогды зь яе́ сьмяетца,—показавъ ёй у гэту щотку, што покои мятуть: во дѣ моя душа,—у гэтой щотцы! Дождали дня, пераночувавъ ёнъ, такъ ёнъ опять на сьвѣтъ и полятѣвъ зновъ. А йна ўзяла гэту щотку, увобрала яѐ у такѐя тьвяты, што золото, просто, и положила на ложку на яго. Прилетаеть ёнъ узновъ увечара и сычасъ отвѣщаеть: ахъ, говорить,—русьсее мясо пахнеть! Ина отвѣщаеть: ахъ, Божа мой! усё русьсее мясо! Летаешъ по сьвѣту, дыкъ ты набрався,—табѣ и пахнеть яно! Тогды ёнъ ужо на ло́жакъ на свой, отдыхать ужо. Напавъ гэту щотку, отвѣщаеть: душка, што гэто? говорить. А йна яму отвѣщаеть: гэто жъ, каеть, душа твоя! Ёнъ тогды ўхапивъ гэту щотку, якъ кинеть объ зе́млю, ды й захохотавъ: ахъ ты, каеть, дура-баба! Дѣ можно быть, кабъ у щотцы душа моя? Ина тогды й заплакала: «отъ жа, каеть: усё жъ ты мнѣ правды не кажашъ! Не могу я ў тябе правды дойти?» А ў яго бѣлый козёлъ бывъ, большущiй—большущiй козёлъ, и гэто ёнъ усё зь имъ при покои бываеть. Тяперъ ёнъ пока́зыеть на гэтого козла: отъ, гово́рить, у гэтого козла душа моя! А ты, говорить, дура-баба,—кабъ у щотцы моя душа была!.. Тяперъ, назаўтраго, пераночувавъ и полятѣвъ тожа на сьвѣтъ. Яна назаўтраго узяла гэтого козла, просто увобрала яго у золото; и привязала гэтого козла ля сто́лу. Прилетаеть ёнъ: што гэто? каеть.—А што, каеть, гэто? гэто жъ душа твоя, каеть. Ёнъ тогды ухапивъ гэтого козла, якъ кинеть, дыкъ ёнъ и разсыпався. Тогды ёнъ поня́въ гэто, што ина дужа крэпко жалѣеть яго. Лягли яны спать, давай ина доходи́ть у яго правды, дѣ душа. «Вотъ жа, каеть,—коли ты хочешъ знать, дѣ моя душа—и ёнъ гэто чуеть, Ликсандра Давидоновичъ: ёсь на моры, говорить, бѣлый камянь, ляжи́ть сяродъ мора на вы̂сьпи; а ў томъ, каеть, камяни вутка, а ў тэй вутцы, говорить, яйцо, а ў тымъ, каеть, яйцы свѣчачка. Кажеть: кабъ тэй камянь хто разьбивъ, ды тую вутку заставъ, говорить, яйцо тое разьбивъ,—свѣчка погасьнеть, тогды мнѣ духъ

вонъ! Ну, тяперъ, назаўтраго, ёнъ уставъ и полятѣвъ зновъ на сьвѣтъ. А ёнъ вылѣзъ съ скрыни. «Ти чувъ ты што?»—Чувъ, каетъ: усё чувъ! Дала яму обѣдать. Ёнъ побѣдавъ, и хортовъ своихъ покормивъ, и пошовъ къ мору. Видить ёнъ, ляжить камянь на моры бѣлый. Тяперъ ёнъ якъ дась по мору—вода тая разлегаетца туды-сюды. Ёнъ дали, ёнъ дали, птаство гэто плывёть за имъ, хорты за имъ,—добивсь ёнъ до бѣлаго камяня до гэтого. Узлѣзъ на бѣлый камянь: ну, говорить,—слава табѣ, Господи, што добився! Якъ ударить у гэтый камянь булдовкой своей—разы три якъ ударивъ—разскочився камянь гэтый! Тогды гэта вутка вырвалася отгуль и полятѣла, у лётъ. Ёнъ якъ напусьтивъ гэто селязьнёвъ, гэты селязьни якъ налягли на гэту вутку, почали яё крутить, крутить подь сябе яе, на воду сьринули, подбили яё. Хорты гэтые потскочили, потплыли, узяли вутку гэту, подали яму у руки. Ёнъ тогды вутку разодравъ, а яйцо гэто заставъ. Яйцо запазуху уложивъ, а вутку хортомъ отдавъ своимъ. А свѣчки не гасивъ. Тяперъ, приходить ёнъ узновъ у гэный у дворэцъ, дѣ яго жана, ажны нячистый смокъ захворѣвъ уже: тошнуеть, ходить. И бывъ у яго такей бизунъ. Узявъ ёнъ гэтый бизунъ, зъ воловы скуры сплётянъ—три скуры ўкучу,—узявъ бизунъ, а гонить пастухъ воловъ у поля, выгоняеть съ оборы зь яго. Ёнъ сычасъ гэто, съ тошноты, якъ ударить вола пугой,—перасячёть, перасячёть. А ёнъ у вороты ў яго, Ликсандра Давыдовичъ гэтый: «здрастуй, говорить, смокъ бязсмэртный!» А ёнъ бизунъ тогды поднявъ, тольки хотѣвъ яго перасѣчь, а ёнъ выхапивъ зъ запазухи гэто яйцо, якъ ударить яму ў груди! Яйцо гэно разсыпалося, такъ яму й духъ вонъ, на гэнымъ мѣсьти! Тогды яны яго ўзяли зъ жаной, посѣкли на дробные ковалки, тяпло расклали и яго спалили на огни на тымъ. А самы у яго дворѣ жить засталиси. И тяперъ живуть—уподобавъ жись тамъ, да й жаны не можеть перавезьть теразъ мора...

Д. Петраши, сънн. у. От кр. Еф. Григорьева.

14. Васька Попялышка.

Отъ, у нѣкоторомъ царстви, нѣкоторомъ государстви, можать у томъ, у которомъ мы живёмъ, живъ сабѣ старикъ со старухой, тридцать три годы И не было у ихъ дятей. Потомъ народився у ихъ сынъ. Росъ ёнъ не годами—годинами, не годинами—минутами. До выросту сями лѣтъ ставъ ужу просiтца у своиго отца ў навученіе, въ школу. Отецъ яго не могъ запрестить, и давъ яму волю, дозволивъ яму у школу ходить. Пробывъ ёнъ у школи три годы. Стало яму десить лѣтъ.

Просить ёнъ свойго отца зъѣздить у городъ къ кувалямъ, здѣлать балдаву́, по сили моей, зъ дротику, што ёнъ нашовъ у попяли. Рывся подъ ямочкой и нашовъ дротикъ. Ну, потомъ, отецъ поѣхавъ къ кувалямъ. Прежда были люди вумныи, узнали, што ёнъ человѣкъ не простой, здѣлали яму болдаву двинадцать пудовъ, съ самой хорошай стали, ну не у́зяли яму работать зь яго желѣза. Потомъ, прихо́дить отецъ домой. Ёнъ сидѣвъ у вокна, ожидавъ отца, коли ёнъ яму̀ госьтинецъ етый привязётъ. Якъ узьѣжжаеть отецъ на домъ, ёнъ узлѣзаеть на лавочку, и пошовъ кругомъ столу. Отрѣзавъ себѣ скибочку хлѣба и посыпавъ солью, и у́кусивъ три раза̀, и вышовъ на дворъ. Узявъ ету *балдаву́* и пова́живъ яѐ. И пусьтивъ яе за пудъ болоки. Ина якъ полетѣла за болока́ми, много у́ремя пролетѣла,—ёнъ уходивъ у избу и прохаджувався. Потомъ уходить на дворъ, и свиснувъ молодецкимъ посвистомъ, богатырьскимъ голосомъ—злетаеть ета балдава. И ёнъ надставивъ своё колѣно правое—и ета балдава̀ разсыпалась надъ колѣномъ на мелкія часьти. Ёнъ тоды поклонъ даеть батюшки: што отецъ мой милый, пожалуста, прошу васъ, кабъ необходимо *зъ* мойго желѣза здѣлали балдаву! Такъ отецъ опять жа поѣхавъ къ кувалёмъ, и просивъ ихъ: што у́годно зь мяне у́зять, а здѣлать балдаву зь естаго зялѣза, мойго сына! Капъ ящо куваль не стративъ, и у́то́рнувъ у щелку етый дротикъ. И потомъ обдумався смотрѣть; нацѣливаетца ето зелѣзо брать у клещи и класть на гонь. То ето зелѣзо ещо прибавилось на пять пудовъ. И дли того, што двинадцать молодцовъ у двинадцать молотовъ двинадцать судокъ били. А ето зелѣзо усё приростало, большѣло. Потомъ яны окопьчили работу. И насильно двинадцать человѣкъ усклали на возъ. Привозить отецъ яго домой. Вышовъ ёнъ на стрѣчу своиму отцу, и узрадовався своёй работи. Потому̀ жъ ёнъ опять, не смотря ничего̀, узлѣзъ на лавку, отрѣзавъ па́ртычку хлѣба, посыпавъ солью и у́кусивъ яе три раза. И вышовъ на *домъ* и проходився. Узявъ ету балдаву за конецъ и поваживъ яѐ, и пусьтивъ яе пудъ небеса. Потомъ уходить у избу, приклоняетца отцу и матушцы своёй: благодаримъ васъ за матушкино порождэніе, за батюшкино благословеніе,—што я не могу зъ вами жить. А благословитя мяне, я пойду сабѣ ровносьти шукать! Отецъ благословивъ яго, означаеть яго: когда, сынъ мой милый, тябе повиджу у глаза? Отвѣчаеть ёнъ яму: батюшка мой любезный, батюшка мой родимый! ежали я попаду сабѣ ровносьти у скоросьти, то ты не увидишъ мяне никогда! По етуму, по батюшкинуму благословенію, отецъ—мати плакали сильно, што жалко свойго рябёнка, што ёнъ такъ отвѣтивъ имъ. Потомъ ёнъ усдвясьтивъ ихъ словаса̀ми: што, батюшка, тябе Богъ не оставить и безъ мяне!

Тожъ бяре́т̄ь свою балдавў и идет̄ь. Заходит̄ь у Кирсонъ городъ, *)
заходит̄ь къ кувалю. И здѣлавъ сабѣ дротяну́ю плет̄ь. И отправився пу-
тёмъ у ходъ по своёй дорози. Идучи путёмъ, подходит̄ь у силныя горы.
Ажнў тамъ Горынъ богатырь бярет̄ь на вилы горы и разна́шует̄ь, и ров-
няет̄ь поля, долины, и пот̄ѣху сабѣ мает̄ь отъ етого. Подходит̄ь къ яму
етый Васька Попялышка и чаломъ яму бье́т̄ь. Здрастуй, говорит̄ь, Горынъ
богатырь!—Здоровъ!—Хот̄ѣвъ я твоёй сили подивитца!—Што, говорит̄ь,
моёй сили дивитца?—ёсь нѣйди Васька Попялышка—у того ўся сила!
Ёнъ яму открывает̄ь: я самый!—Ну, пойдемъ, говорит̄ь, мы за тувари-
шувъ, удвоимъ!—Ёнъ яго принимает̄ь, и идут̄ь удвоимъ. Уходют̄ь яны
у пущу, на тёмный лѣсъ. Замѣчает̄ь Васька Попялышка,—што Дубинъ
богатырь дубъ вывора́чует̄ь,—возьме́т̄ь за макушку дуба и съ корнемъ
выворачует̄ь, и разма́хует̄ь. И ето за пот̄ѣху сабѣ мѣет̄ь. Поровнялись
яны два богатыри икъ третьтему. Етый жа Васька Попялышка опят̄ь жа
чаломъ бьет̄ь: здрастуй, говорит̄ь, Дубинъ-богатырь!—Здоровъ!—Хот̄ѣвъ
я твоёй сили подивитца!—Што, говорит̄ь, моёй сили дивитца—ёсь нѣйди
Васька Попялышка,—у того ўся сила! Ёнъ яму открывъ: я самый!—Ну,
пойдемъ жа мы за дружбу разомъ! Собралось ихъ три богатыря: Васька
Попялышка и Горынъ-богатырь и Дубинъ богатырь, и пошли дальше.
Заходют̄ь у такія крутыя горы и большіе рвы, ажъ тамъ Каминъ-бога-
тырь берет̄ь по тысичи пудовъ камень у обѣдви ру́ки и разма́хует̄ь: ка-
мень объ камень пуст̄ит̄ь—и яны разбиваютца. И ёнъ пот̄ѣху сабѣ отъ-
стуль мает̄ь. Потомъ яны утроёмъ уже яму чаломъ бьют̄ь. Здрастуй, гово-
рит̄ь, Каминъ-богатырь!—Здоровъ!—Хот̄ѣли мы твоёй сили подивитца!—Э,
што моёй сили дивитца? ёсь нѣйди Васька Попялышка—у того ўся
сила!—А ето жъ я! А со мной и Горынъ и Дубинъ!—Да прими́тя и
мяне до кумпаніи!—Ну, пойдемъ за дружбу ўси разомъ! И пошли яны
по етый пущи.

Находют̄ь хатку. Протывъ етыя хатки стоит̄ь баня. Потомъ яны под-
ходют̄ь къ етый 'збушцы, вотъ етый Васька Попялышка говорит̄ь: вотъ,
братцы: ета йзбушка будет̄ь проживаніе наша! Потомъ остае́т̄ь ёнъ Го-
рына-богатыря избушку топит̄ь,—а мы, говорит̄ь, пойдемъ по охот̄и про-
йтись! Оставсь етый у йзбушцы и затопивъ яе. Протопивъ ету избушку,
и вокошко разчинивъ и жджет̄ь своихъ туварищевъ. Потомъ видит̄ь, ока́-
зыетца четыре голўбки и садятца при етый лазьни и скида́ютца дяви-
цыми. И зата́плюют̄ь лазьню, и протопивши лазьню, начинают̄ь паритца.
Якъ забачивъ ёнъ ихъ красоту, и поумивъ, кабъ ихъ заперт̄ь у лазьни.
Подыйшовъ подъ две́ря и подпе́ръ двери плячомъ, кабъ ихъ заде́ржит̄ь
покуль тувариши прийдут̄ь. Ну, яны пупарились, и идет̄ь старшая миз

*) Сказочникъ въ Херсонѣ не былъ.

етыхъ сястёръ. Поспробувала отчинять и говорить: вотъ, говорить, моѐ сястрицы: нѣйкій узгорокъ натопъ, нельзя дврей отчинить! Такъ щавкомъ щавканула, двери отлятѣли, и богатырь етый отскочивъ. И ина яму поклонъ бьеть: здрастуй, говорить, Горынъ-богатырь? Якъ, почаму, по няволи, али по охвоти ты тутъ ходишъ. Ёнъ отвѣчаеть ёй: не такъ по няволи, якъ по своёй охвоти! Ина яго щавкомъ убила и подъ вуго́лъ подклала. Потомъ сами скинулись голу́бками и полятѣли.

Ну, приходють яны съ охвоты. Тые жъ пошли у 'збу, а Васька Попялышка у лазьню. Поднимаеть вуго́лъ и ванимаеть Горына-богатыря, и дунувъ у водно вухо яму̇, и у̇ другое,—и отжививъ яго. Потому, посядѣли яны, и што пристарялись ужу на обѣдъ, то вялѣвъ Дубину-богатырю печку протопить и згутувать на обѣдъ. Потомъ того, пошли тожа утроихъ на охвоту. Етый Дубинъ-богатырь остався печку топить, тожа. Сухого дуба поломавъ, у печку наклавъ, протопивъ, што было́, згутува́въ. По у̇правки дѣломъ, сѣвъ сабѣ у креселцо, вокошко отчинивъ и смотрить, ожидаеть своихъ туваришувъ. Потомъ, видить ёнъ ето самое дѣло, статьтю: прилетають четыре голубки, скинулись дявицыми, натопили ету лазьню. Протопёмши, и давай парітца. Тожа етый усмотри̇вся у дявицъ, и поумивъ сабѣ,—што пойду я сабѣ ихъ заку̇таю, покуль туваришы при̇дуть. Ну, узявъ, подпёръ тожа плячомъ двяри̇. И ишла другая сестра и товханулась плячомъ у двери, и говорить: ахъ, моѐ сястрицы: нѣйкая гнилая колода подкатилась подъ двери: нельзя двярей отчинить! Ина жъ тожа щавканула щавкомъ,—двери отлятѣли, богатырь отмахнувся. Ина яму чаломъ бьеть: стой, говорить, Дубинъ-богатырь: почаму ты ходишъ,—по няволи, али по охвоти?—Нѣтъ, не по няволи, якъ по своёй 'хоти! Ина щавкомъ ударила, и у̇била, и подъ другій вуго́лъ поклала. Сами скинулись голубками и полятѣли па мѣсто на своё. Идучи богатыри съ охоты, и у̇си три,—два жъ пошли у 'збу, а Васька Попялышка пошовъ у лазьню; поднимаеть вуголъ, и ванимаеть Дубина-богатыря. И дунувъ яму у водно вухо и у̇ другое,—и отжививъ яго. Уводить у йзбу; покушали, што имъ Богъ показавъ, и оставаляють Камина-богатыря; сами тожъ пошли на охоту, на пущу. И опять за ими етый жа самый Каминъ-богатырь, протопивъ збушку, обѣдъ згутувавъ, и тожъ вокошко отчинивъ и жджеть туваришувъ. И тожъ прилетаеть четыре голубки. Затопили баню, и вытопивши стали паритца. Ёнъ усмотри̇вся у ихъ и поумивъ сабѣ: пойду я закутаю ихъ, сабѣ на забавку. Пошовъ и подпёръ двери плячомъ. Потомъ ишла ужу третьтія; товханулася у двёря: ахъ, говорить, сястрицы: нѣйкій камень подкатився подъ двери: нячожно двярей отчинить. Щавкомъ якъ щавканула, ёнъ и отлятѣвъ. Ина яму чаломъ бьеть: здрастуй, говорить, Каминъ-бога-

тырь: якъ, почаму ты ходитъ: ти поняволи, ти по хоти?—Нѣ, каетъ: больше по охоти, чимся по няволи! Ина щавкомъ щавканула, убила яго, вуголъ поднила и яго подклала. Сами скинулись голубками и полятѣли на своё мѣсто. Скоро кажетца, довго дѣетца. Еты идутъ съ охвоты. Два идутъ у избу, а Васька Попялышка пошовъ у лазьню, поднявъ вуголъ, вынивъ Каминъ-богатыря, дунувъ яму у водно вухо, и ў другое. Отжививъ яго и повёвъ въ избу. Потомъ попищевалися, што имъ Богъ пославъ. Вотъ, говоритъ, ребяты: отправляйтеся вы на 'хвоту, а вочередь мнѣ печку ету топитъ! Тые пошли, а ёнъ топивъ—не топивъ, узявъ прадиковину ету смотрѣть. Тожа яны прилятѣли, поскидалися дявицыми и затопили ету лазьню. Ну, Васька Попялышка не согласянъ къ имъ итй. А тожа яны ожидали яго. Ёнъ пригутувавъ булдаву, и дротяную плетъ положивъ ли сябе, и ожидаетъ ихъ къ сабѣ у госьти. Ну, то самая малая яѐ сестра узываетъ своихъ сястёръ: пойдемъ-ка къ Ваську Попялышку поводюватца! Ёнъ зъ большимъ удовольствомъ запрашіетъ ихъ. Уходютъ яны у избу, ничаво не смотря. Ёнъ згрёбъ ихъ усихъ четырёхъ у лѣву руку, и ўзявъ свою дротяную плетъ, и начавъ ихъ по свойму катать. И говоритъ: присигайтя: будетя наши жоны, али нѣтъ? то перестану катать! Потомъ яны отпрашуютца: Васька Попялышка! мы бъ со всею радосьтю, ну нашъ отецъ не такой! Ёнъ васъ усихъ завоюетъ и насъ назадъ отбярѣтъ! И зновъ намъ житьтя ня будетъ! Хотя жъ ты и дужа силёнъ и туварищи твоѐ,—ну ўсё жъ ты отрождёный и смерётный, а нашъ отецъ отъ поганаго смока, и не смерётный! И ты яго не звоюешъ! Ёнъ, на ето не смотря, подальше ихъ подёргуватъ узявъ. И дотуля бивъ, покамѣсь яны дали клятьбу объ сабѣ,—по кому зямли зьѣли—што мы согласны ражитъ изъ вами! Потомъ туварищи яго приходютъ. И ўзяли яны на радощу пиръ пировать, и пить, и гулять. Потому вышла изъ за стола старшая сестра простудитца, и завидила силное воинство, прамогучую силу, што идетъ къ етой избѣ. Ускочила ина у избу, и говоритъ: моѐ сястрицы, и брахненьки! вотъ покамѣсь мы жили! Васъ отецъ забьётъ и насъ забярѐтъ! Ну, тая сила ишла, ажъ мать земля стогнала. Потомъ Васька Попялышка отвящивъ: што ребяты: питя и гуляйтя, и дѣло сотворяйтя, што я буду пувелятъ! Ну, якъ узяли,—подышла ета сила, стала хату разьбивать. То ета хата тольки трясѐтца, а ничаво ей не бярѐтъ. Часъ и другей Васька Попялышка мувчавъ. Потомъ васалаѐтъ Горына-богатыря: выходи на ету силу, ломить! Горынъ-богатырь якъ вышовъ, узявъ на вилы гору, дыкъ такъ усю силу и закрывъ! И гуляютъ яны ипять жа, ничаво не смотря. Потомъ вышла другая сестра на крылцо простудитца. И глянуча туда, што побольшая сила ящо идетъ, якъ ишла. Вотъ, ускакуетъ ина у избу и говоритъ: вотъ, говоритъ, сястрицы и брах-

пеньки: не тó была сила! Вотъ идеть сила: не видать ни зямли, ни воды, ни лѣсу—прамогучая сила! Отъ тяперь жись наша неснодѣжна! Отвѣщаеть имъ Василь Попялышка: што я вамъ сказую, ребяты: питя и гуляйтя, и моё дѣло сотворяйтя, што я буду вялѣть! Подыйшла ета сила,—дыкъ стали ету хатку воювать—што тольки колышитца! А ничóго ёй не ўредять. Потомъ Василь Попялышка васалаеть: Каминъ богатырь, выходи, говорить, ету силу поломить! Каминъ богатырь якъ выскочивъ, узявъ камни и поубивавъ ету силу, й усю поразмахавъ. Потомъ опять яны пили, гуляли. Пошла третьтія на крылцо простудитца. И ўскакуеть скорымъ пóсьпѣхомъ, што ина увидила: вотъ, говорить, моѐ сястрицы и брахненьки: тó была сила, ня сила. а тяперь собравъ нашъ отецъ силу до бѣлыя головы (до бабськаго полку), и самъ услѣдъ съ пужкую ѣдеть! Василь Попялышка отвѣщаеть тожъ: не робѣйтя, ребяты: питя и гуляйтя, и дѣло сотворяйтя, што я пувялю! Такъ ета сила и ўзила ету хатку своими порядкыми воювать. Той Василь Попялышка васалаеть Дубина-богатыря: а выйди-ка, Дубинъ богатырь, ету силу поломить! Дубинъ-богатырь вышовъ, и ўзявъ два дубы за макушки, и ўзявъ кругóмъ сябе водить—убивъ ету силу ўсю! Потомъ опять пили-гуляли, ничавó не смотря. Вышла меньшая сестра на крылцо простудитца. И глянула туды, ажъ ѣдеть самъ поганый цмокъ и съ пужкую. Убѣгаеть ина скорымъ пóсьпѣхомъ у 'збу: моѐ сястрицы и брахненьки! идеть самъ отецъ сюды! Тэй Василь Попялышка идеть воюватца самъ съ поганымъ цмокомъ. Ставъ на столъ и ўзявъ свой изъ за шіи платокъ, и пивный стаканъ, и ўтóрнувъ у столь ножъ, и повѣсивъ платокъ. И приказыеть:—вотъ, братцы моѐ: питя-гуляйтя, и етого стакана соберегайтя! якъ етый стаканъ крыви найдеть и церезъ пóйдеть, то на помогу ко мнѣ выбѣгайтя! Такъ яны пилй и гуляли, й ўси повоснýли. И якъ яны были богатыри, дыкъ яны по двинадцать сутокъ спали, а двинадцать просыпались. Василь Попялышка воювавсь-воювавсь съ поганымъ цмокомъ, расcѣкавъ яго на мелкія часьти, ну ёнъ крошка къ крошцы зляпливався и опять жа повзеть къ яму. Той до того у етой збушцы, што й по колѣни крóви найшло. Тожа яму помочи нѣтъ. До того дѣло, што Василь Попялышка уморився. И посильничивъ яго поганый цмокъ,—убивъ. Увышовъ у вызбу, по'трубивъ усимъ богатырямъ голóвы, соннымъ, и замкнувъ своихъ дочóкъ, у запоръ узявъ, на ланцуги, и повёвъ.

Такъ удругъ,—скоро ето кажетца, да ня скоро дѣетца—'другъ откудова узилась кобыла, золотая шарсьтина и сяребриная, и пала передъ Васькой Попялышкой и стала ирзать, копытáми бить, а ноздрями попелъ собирать—который зь яго сыпався. Ну й отживила яго. Ёнъ уходить у избушку и бяреть своихъ туваришувъ гóловы и притáркаваеть къ ту-

луву. И по три раза́ дунувъ, и отжививъ ихъ. И распрощенія просить у ихъ: братцы! пили-гуляли, мойго дѣла вы не сповнили, хотитя сабѣ идитя сабѣ укучи, али ўрозь—а я 'динъ пойду, поганаго цмока добивать! Ины отвѣщають яму: братъ Васька Попялышка: коли ты яго тутъ не помогъ, а ў яго царстви ты яму ничо́го не здѣлаешъ! Ну ёнъ на ето не сомлѣвавшиси, сѣвъ на кобылицу и поѣхывъ. Пытався, пропйтувавъ яго городовъ и яго царства, и пошовъ. Подышовъ къ яго пылатамъ, и увыйшовъ у садъ во́вся. Сѣвъ подъ виноградомъ и размысьливавъ сабѣ мысьли: якимъ образомъ,—хоть далёко, али ёсь на яго смерть, што яго можно съ свѣту збавить? Вышла на крылцо тая царевна, што обицала за имъ замужамъ быть, и почила обижатца на свуго́ отца: якій то, говорить, нашъ батька не любимый, не родимый, што ёнъ насъ разоривъ! Мы бъ не хотѣли яго царства, ни государства, зъ богатырями бъ жили, ниякого горя не мѣли! Заслышавъ Васька Попялышка етый гласъ и давай ее клі*чиць* къ сабѣ: отъ, говорить, любимая моя: я васъ буду одного дѣла просить! Кабъ ты разодѣла ету одежу и надѣла почищую; и подступить къ своиму отцу зъ горючими слезами, и спросить у яго, идѣ яго смерть подѣлась? Ну, три раза, говорить, будеть шутить, а за чатьвёртымъ правду скажеть! Такъ ина тутъ здѣлыла. Сьнинула ету одёжу, надѣла другую, подыйшла къ своиму отцу, и укленьчила перядъ имъ, заплакала горючими слязами: батюшка мой милый, батюшка мой любезный,—скажи ты мнѣ, пожалуста,—якъ я старшая твоя дочь: идѣ твоя смерть, откуль, говорить, намъ *ее* дожидать?—Отвѣщаеть ёнъ ёй: дочь моя милая! ёсь у табунѣ корова обга́джаная; у той коровы, у хвостѣ, смерть моя! Ина пувялѣла яе обмыть и 'бчесать, и подвела къ яму́. А ёнъ усмѣявся: эхъ, говорить, дочерь моя любимая: у бабы волосъ до́вегъ, вумъ коротокъ! Якёй я, говорить, буду писатца несмярётникъ, коли ета корова сичасъ падеть, дыкъ и мнѣ конецъ? Потомъ ина усьпяшйла скорымъ сьпѣхомъ и отвясьтйла Василю Попялышку тыя словы. У прикази ёнъ имъ: што почище одёжу надѣньтя, и еще поласковѣйше поступитя и спытайтя про смерть! Тожъ ина знов надѣла дорогую одежу, подходила изновъ къ своиму отцу и говорила: отецъ мой родимый, отецъ мой любимый! польно вамъ шутить! Скажитя мнѣ—якъ я вашая старшая дочь,—откуль мнѣ вашей смерти ждать? Не вѣритца мнѣ, кабъ ее не было́,—идѣ нёбудь ды ина ёсть! Тожа ёнъ почавъ опять жа шутить: вотъ, говорить, дочь моя милая, дочь моя любезная: ёсь у стади криворогая коза; дыкъ у яѐ ўроги забита моя смерть! Ина вялѣла отыскать криворогой козы ў табунѣ, вымыла, вычисьтила яе, и подводила къ яму́. Тожа ёнъ усмѣхнувся: я табѣ сказавъ, што у бабы волосъ довегъ, вумъ коротокъ. Якёй я буду несмярётникъ: ты бачишъ,

што ета коза ледва ходить! Ина падѣть, дыкъ и мнѣ конецъ? Ничого ина не отвѣщала, посьпѣшила ина къ Василю Попялышку у виноградъ. И учивъ ёнъ ее достать 'дежу ящо луччую и подступить къ яму и просить горючими слезами со трудами. То ина достала дежу ящо луччую и ўувбралась, и укленьчила, подступивши къ отцу, заплакала, сощапивши руки: батюшка мой милый, батюшка мой родимый! Скажи ты мнѣ— якъ я старшая дочь твоя—йдѣ твоя смерть? Откуль мнѣ ее дожидать? Ёнъ тогды обсмѣявъ ее: ёсь свиньня оборваная у стади: у яе подъ хвостомъ! Тожъ ина уже чатьвёртый разъ пошла къ Василю Попялышку. Ёнъ каеть: достань ты 'дежу якъ на неби звёзды и ўбярись, и подступи поближѣй, и поклонися пониже,—то я сподиваюсь, што ёнъ скажеть правду! Ина справила одежу такую, по ўказу яго, Василя Попялышки, и пошла къ свойму отцу. Подыйшла поближѣйше, поклонилась яму пониже, и стала слёзно плакать: батюшка мой любезный! раскажитя мнѣ, айдѣ ваша смерть!—То ёнъ думавъ, думавъ и ўздыхнувъ: вотъ, говорить, дочь моя любезная: хотитца табѣ моёй смерти доведатца: ёсь у такихъ то и такихъ то городахъ крутая гора. У той горѣ ступа, а ў ступи заицъ, у зайцу вутка, у вутки яйцо, у яйцу смерть моя! Такъ ина усьпяшила икъ Василю Попялышку и узвясьтила. Василь Попялышка, ничого ня 'жидавши, издѣлавъ сабѣ ковырьку и начавъ гору копать. Поганый цмокъ узявъ хворать. Потомъ ёнъ докопався ступы. Дальше копать,—заицъ выпорхнувъ и побѣжавъ; ёнъ дальше копать—вылетѣла вутка. Потомъ ёнъ дальше копать,—находить яйцо, на самомъ днѣ, у шпунтѣ, у ступи. Васька Попялышка узявъ ето яйцо, перевярнувъ ступу, и ўзявъ ето яйцо, поклавъ на дно на ступу и ўдаривъ ковырькой. Ето яйцо на сколькі часьтей разлятѣлось. И на стольки часьтей етого царя, поганаго цмока, разорвало. Васька Попялышка прншовъ у тое царство, жанився на тэй царевни, и остався тамъ жить.

С. Старое Село, мстислав. у. Отъ кр. Захара Иванова, 43 л. негр.

15. Иванъ Подвѣй.

Была сабѣ кунпанія у которомъ то царствьи,—нязвѣстно у которомъ, —у цара. Ну, была, значитца, кунпанія,—развёвъ сабѣ царъ, обѣдъ справивъ. Ну, одинъ обираетца и толкуеть: прошу вашай милосьти, не прогнѣвайтесь, говорить: я вашу хлѣбъ-соль кушаю, вы не подумайтя, кабъ я вамъ жалавъ, говорить, а тольки ёсь у васъ одна дочь, и будеть ина у цежари, будеть ина мѣть у васъ сына незаконно! Царъ такъ тэй сторонѣвъ: почомъ жа ты такъ увознавъ, што моя дочь такъ будеть? Одна йна ў мяне дочь, и такъ будеть не ў закони?—А вотъ такъ, го-

ворить, я увознавъ по вашихъ, значитца, дѣлахъ—прошу вашія милосьти, штобы не прогнѣвались! Тогды тэй царъ обдумався: ахъ, говорить,—не сказавъ имъ ничого, разсерчавъ, не обясьтивъ тимъ ничого, бытцомъ оскорбили яго: мою хлѣбъ-соль ѣли и оскорбили мяне,—откуль гэто можеть быть? Изъ слугъ не посьмѣеть, а госьти тожъ само подступки не мяють! Тогды обдумався, самъ собою *думаю*: чимси я буду оскорблятца, лучче я слупъ замурую безъ вокон и безъ дьвярей, и такъ, што нихто подступки ня здѣлаеть, не подыйдеть подъ яе! Отмуровавъ сабѣ слупъ, и сичасъ и запёръ яѐ зь нянькой, съ прислугой, значитца. Обдумалася ина: Господи, говорить, Господи! за якую, говорить, мяне покуту засадили сюды, чимъ гэто я заслужила? Господи, говорить, Господи, хоть ба мнѣ увидить свѣтъ, якъ стольки я сяджу за нѣйкія покуты? Обдумалась: ахъ, здаетца,—хоть ба што небудь найти, да мнѣ стѣнъ расшаволить, свѣту увидать! Тогды узила, нашла коло сябе иглу и давай расколуповать коло сябе дюрку у стяву. Колупала, колупала, и проколупала дюрочку маленькую. И узрадовалася: О, Господи! хоть жа я нямножко, а увидала свѣту сабѣ! Отъ того свѣту,—вѣтеръ тамъ повѣивъ, —и ина сталася, што не ў такимъ уже дѣли. Церазъ скольки ўремя, нянька яѐ узнаеть, што якъ-то ина становитца дужа груба. Удивляетца гэто прислуга гэта: ахъ, говорить, Машка! што гэто, говорить, вы стали такъ грубы?—Ахъ, говорить, бабочка моя, сама не могу увознать, сь чаго гэто мнѣ стало! Донесла царю: нѣшто, говорить, наша Машка нѣшто—я сама не знаю—такъ груба стала! Тогды ёнъ самъ сабѣ думаеть: ти не ў вобмашцы я гэто яѐ приставивъ? Можа гэто не бабушка? Што самъ сабѣ не можеть разобрать вумомъ: што якъ гэто можеть быть. Треба яе узять да посвидѣтелевать! Зазвавъ тамъ котораго знающаго и посвидѣтеливъ. Посвидѣтеливъ, тогды самъ себѣ: можа гэто ти не ў кунпаніи, тогды якъ обѣдавъ, можа ёнъ доглѣдивъ гэту штуку, што ёнъ мяне такъ оскорбивъ? Самъ сабѣ обдумався и спрашіеть: скольки то може ходить женьскій полъ у гэтымъ дѣли? Зра, на человѣка нечего обдумливать, што гэто можа оттуль, што я бясѣду справивъ! Обдумавшися, самъ сабѣ думаеть: не могу я разобрать, треба людей распросить! Ну, яму разсказали: отъ стольки и стольки будеть ходить. Ну, якъ сосчитали яму люди,—дакъ ёй мѣсица повтора стало гэто посьли бясѣды. Ну, ёнъ обдумався: такъ тому уже и быть, видать!

Церазъ скольки гэто ўремя, народився гэтый яго... унукъ уже называть треба. Тогды ёнъ самъ сабѣ думаеть: якъ народився, узять яго соскорбить яго! У нѣкоторыхъ ставъ пытатца, у вумныхъ людей: што, якъ ба мнѣ што зробить изъ гэстымъ? Тогды гэты сусѣди, вумные люди, говоруть: гэто не надо! ужо што здѣлалося, пущай тое и будеть!

Потому за гэто уже вы будетя виноваты! Тогды ўзяли яго перахрисьтили. А якъ имя дать по отечеству, дакъ и сами не знали. Ну, дадимъ имя яму Иванюшка! А ина разсказала, якъ гэто усё дѣилось,—што ёнъ съ подвѣю ставъ. И наклали званьня: Подвѣй Иванюшка. Ну, не расьтёть ёнъ такъ якъ по годахъ, али усё ровно якъ по часахъ. Отдали яго у навуки, дѣдъ обдумався. Такъ што тикаво яму показываетца, такъ што хто по скольки ўчитца, а ёнъ у часъ тое можеть понятца. Тикавъ вельми. Выйдеть на прогулку гулять, дакъ такія штуки выказываеть, што къ которому пальцамъ прикранётца, дакъ усё ровно убиваеть яго. Возьметь, такія шутки зделаеть: зьниметь у кого зъ головы курашку, уголъ подниметь, да яе подъ уголъ подложить. Яны, тые вучаники, обдумались: якъ ёнъ можеть такія штуки приставлять одинъ? Отъ, мы возьмемъ, да яго усёй кунпаніей накажемъ! А батькамъ боялиси жалитца. А тогды обдумалиси: нѣ, ня будемъ ничого яму дѣлать! Увознали, што ў яго сила такая ёсь. Ну, а ёнъ зазываеть ихъ: што жъ, вы, говорить,—ходитя гулять!—Ну тябе къ лиху, съ твоёю гульнёй!—Што гэто за гульня, што коли прикранёсься, дакъ чуть живъ отъ тябе, ти курашку зьнимешъ да подъ уголъ! Такъ, што ёнъ расшутився; путка за ими уздогонъ. А яны: ты намъ гэто не товаришъ! говоруть. Ды ўскрикнули. Якъ ускрикнули, такъ отцы гэтые нѣкоторые позамѣчали. Што гэто вы, говоруть: дакъ и вы бъ яму якую штуку зделали?—Коли ёнъ, говоруть: у яго такія дурныя жарты! къ кому прикранетца, дакъ усё ровно убиваеть; курашку зьниметь да подъ уголъ!—А чаму жъ вы упародъ, говоруть, гэтого не объясняли!—Мы, говоруть, боялиси усякую вещь у вуши ўноситъ! Отцы тогды доносють государу, яго дѣдушку. Гэтый дѣдушка вѣры имъ не давъ. Гэто ня можеть быть. Такъ поглядить на яго, дужа яму ўтѣшно на яго: што ёнъ и навуками дойшовъ, и такъ молодецъ. Ну, а яны говоруть: ёнъ, не надо, штобъ ёнъ тутака бывъ; хай сабѣ особя. Думавъ, думавъ, царъ, али ўзявъ самъ сабѣ, думаеть: не буду я яго никуды—хай сабѣ коло мяне будеть! Хоть ёнъ и якій у навукахъ, али ўсё жъ не ў закони! И не послав яго у школу.

Ну, церазъ скольки уремя, выдався ёнъ якъ уже соўсимъ узрослый человѣкъ. Тогды ёнъ говорить: дѣдушка, говорить: што жъ вы мяне никуды не отдаетё у навуки? Гэто жъ, говорить, ти мнѣ статокъ гонять,—зь естыя школы?—Ахъ, мой унукъ! ти понявся жъ ты, говорить, гэтой навуки, ти здавъ ты акзаминтъ зь естыя школы?—А я, говорить, больше знаю, чимъ тамъ яны вучуть! Вотъ, поглядитя! Сычасъ и здаеть яму акзаминтъ. Дѣдушка перш узрадовався: отдамъ, думаеть. Али посьли обдумався: нѣ, говорить: хай будеть у мяне за прислугу! Ну, тогды самъ сабѣ думаеть: што жъ гэто,—на яго жалилиси, а ёнъ ниякихъ

замѣтокъ ня дѣлаетъ тутъ! Ну жъ, нехай сабѣ: не буду яго примушать! Ну, значитца, лежали у яго тамъ капоры. А Иванька гэтый щé не видавъ гэтыхъ штукъ. Пришовъ къ гэтымъ капорамъ и дивитца: што гэто за штука, што я её щѐ ня видивъ? Али думаетъ: мусить ина не дужа тяжка, гэта штука? А йна будетъ пудовъ двѣсьтя. Боитца ёнъ свойго дѣдушки, кабъ не замѣтивъ; али дужа хочетца погулять зь ёй, зь естой штукой. Тогды ёнъ узявъ, разглѣдивъ, разглѣдивъ, ды самъ сабѣ думаетъ: вить ёнъ ня ўвидитъ; ёнъ ненача щé отдыхаетъ. А якъ устанетъ, дакъ сапоги надѣнетъ, я учую, якъ ёнъ будетъ ходитъ. А дѣдушка, надѣвши калёши, ходитъ по хати, ды глядитъ на яго, што зь гэстого будетъ. А ёнъ стоитъ ли яс, ды ўсё яé покáтыетъ потрошки. Тогды узявъ гэту штуку, поставивъ дубóмъ яе. Поставивъ дубомъ, и каетъ: о, казали, тяжка, а ина три хўнты ти будетъ ти нѣ? Гэтый дѣдушка говоритъ: Иванька, што ты гэто дѣлаешъ? гэто жъ ина дужа тяжка? А ёнъ якъ спужався,—якъ кинувъ,—дакъ ина у четьвертъ у зямлю увыйшла. А самъ отскочивъ отъ гэтого мѣста. Тогды обдумався гэтый дѣдушка: якъ бы яго сорвать якъ нѐбудь, ссилитъ, кабъ у яго такія силы не быль. Тогды ёнъ думавъ, думавъ, не могъ додуматца. якъ ба яму што нéбудь здѣлать. И засмутився. А Иванька говоритъ: дѣдушка! коли вы, говоритъ, сярдиты на мяне, пусьтитя мяне у бѣлый, говоритъ, свѣтъ! чимси вы будетя сэрца имѣтъ на мнѣ!—А вотъ, говоритъ, унукъ: загадаю я табѣ загадку! коли ты можешъ по моѣй загадцы усё суповнитъ, ну тогды я могу тябе на свѣтъ любопитный пусьтитъ!—Ну, што жъ вы такое мнѣ обвѣсьтитё?—Ну, а вотъ такое дѣло я табѣ обвящў: якъ у тябе разтакая сила, дакъ вотъ, штобъ ты мнѣ на три годы дровъ мнѣ старався, и воды. Тогды я тябе пущу! Ну, Иванька говоритъ: коли я гэто дѣло здѣлаю, кабъ и вы мнѣ тое здѣлали, што я у васъ попрошу! Вы мнѣ здѣлайтя такую, говоритъ, ляску зь зялѣза,—не нямножачка, на триста пудовъ! Отъ, дѣдъ говоритъ: ну, здѣлаю я табѣ такую ляску, говоритъ. Тогды ёнъ узявъ: ну, коли здѣлаетя, говоритъ, дакъ подѣлайтя мнѣ такіе чапы водў носитъ: я жъ гэтыми судами ня будуноситъ, говоритъ. Тогды ёнъ узявъ,—пошли у прóваръ, побрали тые чапы и початили яму. Такъ што, пришодчи ёнъ къ водѣ, думаетъ самъ сабѣ: гэто жъ я своими вёдрами тутъ воды не зачаплю, гэто жъ мѣлка тутъ вода! Пришовъ къ мóру и говоритъ: отъ дѣ вода, дакъ вода! и зачарэпнутъ можно! И тольки жъ, говоритъ, и ня мелко тутъ! Зачерпнувъ у моры воды и нясéтъ. А дѣдъ смотритъ, што ёнъ такъ лёхко нясетъ. Приноситъ водў: а што, дѣдушка: ти построили такую дѣжку, куды водў литъ,—коли захотѣли, кабъ я вамъ на три годы воды принёсъ? Ну, дѣдушка обобравъ тамъ якую дежку: хай, каетъ, наливаетъ,

а мы будемъ отбирать потроху! Усё жъ тыки скоро ня пущу яго! У здоръ, значитца, пошовъ изь имъ. Тогды гэтый Иванька говорить: отъ, дѣдушка: вы загрозили мнѣ; тяперь жа бярите воду! Я наношу воды на три годы, али куды вы яе лить будетя? Я три судны принясу—вамъ на три годы!—Ну, ли, говорить, у гэту дежку! Ёнъ думавъ, не подниметь ёнъ гэтого чапа вылить. А ёнъ узявъ, выливъ одно вядро—чуть ня повна яго дежка—отъ одного ведра,—што ёнъ намѣтивъ на три годы. А другое выливъ, дакъ и чяразъ побѣгла. Ахъ, говорить, дѣтуxна: досить воды, говорить: ня треба!—Нѣ, говорить, я ще тольки разъ принёсъ, а вы уже сподѣетёсь, што досить на три годы. А я щё два разы принясу! хоть палацъ вашъ залію, а принясу ще двое судовъ! Пошовъ, принёсъ. И заливаеть палацы! Разгулявся дужа! Дѣдушка тэй чуть рукъ яму не цалуеть. Тогды узявъ, приносить вёдры гэты: куды жъ вамъ, говорить, поставить? Обдумався: эть жа жъ и ёнъ мнѣ выгоду здѣлавъ, якую я просивъ! Ну, поставивъ ля дежки и отвѣщаеть: треба бъ було вамъ третьтія принесьти, али нехай ужо, ладно, якъ вы просиття! Тогды говорить: отъ, ти моё жъ дѣло спо́внитца, што я у васъ просивъ? Коли моё дѣло ня сповнитца, дакъ я у́сю воду́ принясу, дакъ васъ усё ровно, якъ на човни, васъ у мо́ра знясу́, говорить. Буду у́же вашаго слова слухать, што вы скажетя; а якъ разгуляюся, тогды у́же не по малому по́йдеть, говорить.—Спо́внитца, спо́внитца, говорить, Ванюша!—А што жъ вамъ, дѣдушка,—што вы сказали, што дровы вамъ треба, говорить. А у́ мяне жъ, говорить, сякеры нѣтути такой, говорить, кабъ вамъ дровъ наваляти! Даеть яму́ такую то сякеру. Ёнъ глядѣвъ, глядѣвъ: ну, говорить: ти ня сякера жъ? говорить. Большъ я, говорить, рукой возьму, чимсь гэтой сякерой! Якъ пусьтивъ ёнъ гэту сякеру—згапивъ яе—такъ ина у́сё ровно якъ муха полятѣла. А можа, говорить, вы моихъ дровъ не хочетя? Гэто жъ я гэтой сякерой не могу насѣчь! —Нѣ, говорить, мнѣ дровы надо, говорить: я, говорить, дровъ не дарую, дарма̀, говорить, што ты мою сякеру закинувъ: рубай чимъ хочешъ, мнѣ дровы кабъ были!—Охъ, говорить, дѣдушка: не захочетя вы моихъ дровъ, говорить. Узявъ—ну, коли жъ вы мнѣ не спусьтили—пошовъ у пущу у драмущу—громадная пуща—ну, говорить, тутъ по моёй силёшцы и дровъ нема! гэткихъ дровъ я за три годы не наношу! Скольки то урэмя ёнъ ходивъ, подходить къ дубу—ёнъ яму вы̀дарився ня дужа вяликъ, ну, али большъ за другихъ—у чатыре охвата дубъ бывъ. Ёнъ яго съ коранемъ вы̀вярнувъ, узявъ на плечи, и нясеть икъ дѣду, дровы гэты. Пытаетца: дѣдушка, повузкія вы, говорить, воро̀ты выстроили:—моё дровы не проходють праз ваши вороты! А дѣдушка думаеть: няу́жо жъ тыки ёнъслупы̀ поразворáчуеть? Слупы жъ у мяне крэпкіе, каменные! А, ка-

етъ: якихъ ты сабѣ набравъ дровъ, такихъ и няси!—Ахъ, говоритъ, дѣдушка: я жъ вамъ по ласцы, говоритъ, а вы усё на здоръ! Ну, лядитя! говоритъ. Узявъ дубъ на плечи; якъ пошовъ, такъ гольлёмъ слупы по динъ бокъ и по другей бокъ и завалив̆ъ! Тогды дѣдъ говоритъ: ну, я такихъ твоихъ дровъ не жалаю, говоритъ. А ёнъ отвѣщаетъ: нѣ, говоритъ, только жъ щé одинъ охáпочекъ, а ще жъ два надо принéсьти по вашаму укази! А я жъ сякеры не маю, дровъ попорадчитъ, дакъ треба ще два охапки принéсьти! Якъ положивъ свойго дуба, къ мѣсту положивъ,—дыкъ занявъ, што можа сто сáжнявъ дровъ стояло, а ёнъ однымъ дубомъ занявъ! Якъ принёсъ ёнъ гэтыхъ ящо два дуба гэткихъ, дакъ занявъ увесь дворъ, што ни пройти ни проѣхать! Отвѣщаетъ дѣдъ: якéй жа ты, говоритъ, буянъ! Отвѣщаетъ ёнъ: отъ, дѣдушка: колибъ я своé штуки показавъ, тогды бъ я бывъ буянъ; а тяперъ я не буянъ, я только гуляюся!—А зачимъ жа ты мнѣ увесь дворъ загруздивъ?—А вамъ, говоритъ, хотѣлося, кабъ я загрудивъ! Вы думали, што я за пять годовъ вамъ гэто не справлю, ну я, говоритъ, за динъ день усё справивъ! Уздумавъ Иванъ, што троихъ судей воды ще не принёсъ. Обдумався гэто, што ляски моé немá щѐ. Тогды ёнъ узявъ,—дѣдушка, говоритъ: ти построили жъ вы, говоритъ, мнѣ ляску?—На што табѣ ляска,—можашъ ты и такъ пройти свѣтъ!—Ну, а за штожъ я вамъ служивъ, што вы мнѣ ляски гэтакъ не построитя? Можа вы за гэто разгнѣвались, што я вамъ дѣла не суповнивъ, судей воды не принёсъ? дакъ я вамъ суповню! А мнѣ ляска кабъ была! Дѣдъ гэтый обдумався: што ще отъ гэтыя воды хата не высохла, а ще якъ принясетъ, дакъ разрыетъ. Треба яму ляску здѣлать! Ну только на лихо яму такая ляска, у триста пудовъ! Здѣлаю яму лясочку у сто пудовъ! Узявъ сто пудовъ зялѣза, заказавъ ковалямъ, стали ковать яму ляску. Отъ, говорить: табѣ, Иванъ, ляска работаетца, ти утѣшитеся вы гэтому дѣлу?—А коли вы по моёй прозьби ляску здѣлаетя, дакъ подякую; я коли нѣ, дакъ подъ такую штуку подсаджу васъ, клинокъ подобъю, и будетя вы сидѣть тамъ по вѣкъ жисьти своé! А я пойду такъ у свѣтъ! Гэто ли мяне не ляска, а такъ якъ розка!—Иванька! вы жъ только подяржитя яé,—я жъ такую дѣлаю, якъ ты казавъ!—Нѣ, дѣдушка, вы мяне не обмáнетя: у мяне примѣтки ёсь, говоритъ; я важить ня буду! говорить. Ну, здѣлали ковали ляску, призываютъ яго къ гэтой лясцы,—што, значитца, ня могутъ повярнутъ яе. Пришовъ ёнъ къ гэтой лясцы, узявъ яé, якъ пусьтивъ угору, дакъ ина зазвинѣла, якъ пчела—угору пошла. Пошовъ ёнъ у хату, воды напився, вышовъ на дворъ, а ина щé только згоры звярнулася. Ёнъ палецъ наставивъ, ина на палецъ ударилася и разбилась... Отъ, дѣдушка, говоритъ: икая вашая ляска!

Прибавтя, говорить, вагй, стольки, якъ я говоривъ! Ну, ковали тые ўже й не рады, што почали гэту работу: тó нельзя былó повярнуть, а тутъ ще прибавлять надо! Ну дѣдушка каеть: прибавтя яму̀ ещѐ сто пудовъ: мусить жа зь яго хватить! Призываеть яго туды: икуратно, говорить, ли тябе составили, кольки ты казавъ!—А вотъ, посмотримъ, говорить. Пусьтивъ яé угору̀, сѣвъ—посядѣвъ,—наставивъ цѣвку, руку̀, ина тожъ само увогнулася у дугу. Ляска то, ляска, говорить, ещѐ не сусимъ! ещé много треба! скольки то я просивъ, стольки то нема! Приставили яны яму ще третьтiю сотню. Ёнъ узявъ, на руцѣ поваживъ, кинувъ угору—колѣно наставивъ —яна чуть-чуть выгнулась. Поправтя, говорить, мнѣ!—Нѣ, мы ня можамъ повярнуть! Ну, ёнъ имъ повярнувъ, яны поправили. Пришовъ ёнъ къ дѣду, подя̀кувавъ за гэту ляску: побогословитя мнѣ дорогу, на свѣтъ ити!—Якъ жа мнѣ, говорить, тябе побогословить?—хай бы ты у мяне бывъ!—Ахъ, дѣдушка, говорить: ня 'динъ то, говорить, богатырь живъ тамъ, дѣ силу свою показавъ; али ровный до ровнаго зьбираетца! Ня то, говорить, богатырь, што много хлѣба и грóшiй маеть, а то, говорить, богатырь, што ёнъ здоровъ,—отъ тò, говорить, богачъ! Тяперъ узявъ ёнъ (дѣдъ) обдумався, дакъ ня будетя?—Нѣ!—Ну, хай Господь вамъ побословить! Ну, радъ ёнъ, што яго на свѣтъ пусьтили. Пошовъ тогды къ матцы: дякуй вамъ, маменька, што вы мяне созродили! Маменька за яго узялась: хто жъ мяне будеть пропитывать?—У зàконъ я не зашла, тябе рòдила... Ахъ, говорить, матушка: тутъ моя ня жись зъ вами! Дѣдушка! каеть: хай моя матушка у васъ застаéтца! Ну, матушка яго побословила. Ёнъ и пошовъ.

Якъ пошовъ, вышовъ: слава табѣ Господи, што мяне на свѣтъ пусьтили! Якéй, каеть, хорошiй свѣтъ, якъ маковъ цвѣтъ! Идеть ёнъ дорогою и думаеть: иду то я, иду, да дѣ жъ ба мнѣ найти товаришовъ? што жъ я одинъ? Уходить ёнъ у нѣйкое у царствя, ажни тамъ богатырь собираеть каменьня. Ну такéй камень, якъ будыня, кòтить перадъ собою у логъ. Узра́довався гэтый Иванька: тиху! и гэто ничòго сабѣ, што ёнъ такiе камушки бярéть и знóсить. Прихóдить ёнъ къ яму: здраствi, говорить, Гаврилушка!—Здраствi, говорить, Иванька!—Почомъ ты, говорить, увознавъ, што я Иванъ?—А почомъ ты, говорить, увознавъ, што я Гаврила?—Богатырь богатыра, говорить, далёко знаеть, по духу̀. Тогды узяли: ахъ, говорить, вамъ дóбро, васъ на свѣтъ пусьтили; отъ, мяне, говорить, отъ, треба гэты камешки носить; а не пускають!—Ну, коли тябе, говорить, не пускають,—иди со мной у товариши! Крапчѣй насъ никого у свѣти нема, што яны намъ здѣлають? Коли вóзьмутца за насъ, дакъ мы, говорить, однэй ляской на пять вёрстъ змахнёмъ; дакъ, отъ, наша будеть тогды воинство! Тогды узяли, пошли. Ну, пóйдемъ, говорить, сабѣ!

Я тольки, говорить, васъ слухаю, а то, говорить, мяне не пускали!—А, говорить, пойдемъ! зь ими вѣкъ не распрощаесься,—якъ зъ блохами! Узяли, пошли. Нямножко то яны пройшли, увыходють у другое царствя. Ажни гэто тожъ самое: стоить богатырь; якъ уляжеть плячомъ у гору̀, такъ и турить яе, дѣ лощина,—зямлю ровну̀еть. Идеть Иванъ и говорить: одначъ и табѣ хорошая праца! Узявся зь имъ за руку̀ и поздрастувався. Ставъ разсовѣтуватца: скольки ты на свѣти горъ спихнувъ? Ёнъ говорить: охъ, уже, говорить, тритцать годовъ я на свѣти проживъ, дакъ не одна гора доловка́хъ уже стала! Радъ ба отказатца, да няволя моя! —Почаму? Почаму такъ гэто?—То служба моя такая! Отъ, ёнъ говорить: эхъ, говорить: а ня можно жъ яе бросить, гэту службу?—Боюся, говорить, бросить яе!—Покрѣпче насъ никого нема, говорить. Кого мы будемъ боятца? Пойдемъ мы, говорить, у свѣтъ—свѣтъ тяперъ волный, тяперешнимъ урѐмямъ!—Да, у свѣти, говорить, мы слыхали, нѣтъ богатыра получчаго, якъ вы Иванъ! Мы бъ, каеть, усякія штуки подѣлали, чимси яны на насъ такія покуты понакладовали!—Атъ, плювать, говорить Иванъ: свѣтъ якъ маковъ цвѣтъ! пойдемъ погуляемъ! А мы на гэту службу—забыть думать! И ўзяли, пошли ў свѣтъ! Отъ, говорить, тольки три насъ богатыри нашлися! Кабъ намъ и чатьвёртый такей богатырь нашовся! Тогды гэтый, Горовэй, говорить: Я, говорить, хотѣвъ ба што заслужить!—А зъ насъ заслуги хватить, говорить. Ить, говорить, ня 'дну жъ ты гору̀ спихнувъ тутъ! Вотъ и заслуга, говорить. Тогды пройшли яны, ажны такей жа зновъ богатырь находитца. Узявъ, лѣсъ то громадный, а ёнъ за ма́кушки ихъ, да зна̀шуеть у кучу. Здрастви, говорить, Лѣсовэй! Што ты, говорить, лѣсъ у кучу знашуешъ? Здѣлався, бытцамъ цыга́нъ?—Отъ дыму, говорить, закурився, отъ огня, говорить, загорѣвъ! —Досить табѣ гэто, макушки, говорить, зносить; умыйся ты, говорить, ды ходи зъ нами! А то мы, говорить, утроихъ уси бѣлы, а одинъ будеть нибытцамъ цыга́нъ межи насъ! Отвѣщаеть ёнъ яму: што не могу, говорить, бросить гэтой службы!—Почаму такъ?—А служба, говорить, не говорить! Лёгши спать—сонъ не бяреть, коли службы своѐ не суповнивши! Отвѣщаеть яму Иванъ: николи мы своѐ службы не суповнимъ! Али во́зьмемъ, говорить, свою волю и пойдемъ, говорить, у свѣтъ. Гэтый Лѣсовэй обдумався: што нѣту уже больше покрапчѣйшихъ опричи насъ! При такомъ нашамъ богатстви, хто намъ што здѣлаеть? Иванъ спрашіеть у яго: ну, ти обдумався, говорить, Лѣсовой?—Да, говорить: обдумався!—Ти вы мяне увознали, Ивана?—Да, говорить, увознали! Я слышавъ, говорить, што всѣ утѣти покрапчѣй васъ, Ивана! Ну, уговоривъ яго, такъ ёнъ и пошовъ. Тольки умыйся, говорить.—Чимъ жа, якъ ба бъ мнѣ тутъ умытца,—я дужо крѣпко загорѣвъ тутъ!—Во, говорить: наша вода усё

очисьтить. Смотрить ёнъ, мыетца—а ўсё чёранъ. Вынявъ Иванъ съ кишени ковалокъ мыла,—натка, говорить, зь етымъ помыйся! Ставъ ёнъ мытца. Мывся, мывся,—ну, говорить: хоть чёранъ, а усё жъ похожъ на люди, говорить. Ну, слава Богу, говорить: больше зъ насъ богатыровъ не надо! Кабъ намъ идѣ несходимую сыйти, найти сабѣ поселеніе! А йны отвѣщають: якъ жа, говоруть: а бывають, насъ ня могуть спороть съ такого поселенія?—Ить повыше нашихъ богатырськихъ силъ нѣту покрѣпче, говорить,—дакъ мы не боимся, говорить, никого! Тогды яны пройшли то пущай такой громадной,—можа яны сутокъ двое ишли. Уходють, ажни яны тамъ находють то нѣйкій хульварочекъ. Хто сабѣ, говоруть, ни будеть у гэтымъ хульварочку, хто сабѣ ни ўладенецъ, надъ имъ али больше ня будеть, якъ мы! Стали яны любопыстоватца по тымъ хульварку. Увыйшли яны у збу, ажни,—по гэтой збѣ ходють, никого нѣтути. Гэты отвѣщають яму: тутъ нихто ня живеть, мусить!—А намъ, говорить, што за дѣло! хай сабѣ хто и живеть, а коли ёнъ нашъ будеть! Тогды яны обдумалиси, пошли у вобору. И коровъ—дакъ нема, а воловъ, дакъ одны только волы. И нязвѣстно, хто ихъ пасеть, хто ихъ поить и кормить. Тогды яны узяли, уходють у вынбаръ Ёнъ заперть. Приходить Иванъ, бярётца за клямку, такъ ино усё чисто отчиняетца перадъ имъ. Уходють у вынбаръ, ажъ тамъ и хлѣбъ, и крупы—усяго хватаеть, што имъ по надобносьти. Ну, покамѣсь мы, говорить, своё наживёмъ, дакъ гэтого намъ хватать будеть усяго! Самъ ёнъ остаётца бытто ужé повнымъ ходяиномъ, а йны яго прислуги. Отъ, говорить, братцы: мы богатыри уси ровны, ну только кому—нибудь надо большаму быть. Я и самъ у свѣтъ пошовъ и васъ пусьтивъ. Колибъ не пусьтивъ, дакъ ба ваша нескончйнное гóра *було́*! Братцы, говорить: тяперъ жа што только я вамъ ни скажу, довжны вы мяне послухать! Усяго зъ насъ хватаеть, и треба жъ къ гэтому старатца, кабъ и было! Оставляють яны,—камяннóй, говорить, Гаврила! оставайся ты, говорить, дома за повара, а мы пойдемъ къ гэтому старатца: треба жъ, говорить, растерабить, распахать, засѣить! Гэто ўже параноч.вавши. Тогды яны узяли, пошли. А што жь мнѣ, говорить, на 'бѣдъ пристроить вамъ?—Сходи у хлѣвъ, возьми ляску мою, да по ўху завали, говорить, волу̀,—такъ тогды, говорить, возьми яго, приняси у кухню, оббяли яго, да у котёлъ, говорить. Пошли. Тогды ёнъ пошовъ тойчасъ у вобору, вола гэтого пó лбу, на плечи, у кухню принёсъ, оббяливъ да ў котёлъ. Такъ што ёнъ уже справився, сядить ли вокошка поджидаеть ихъ. Ажнй лятить чатыре пташки. Сѣли яны ли лазьни, смотрить ёнъ—што йто зь ихъ покажетца? Тогды видить—яны сѣли бытцомъ то птушки,—обярнулися чаловѣчацкой статёю. Тогды ёнъ сабѣ думаеть: ну, вотъ—ихъ чатыре, и насъ чатыре: мы подружимся зь ими! Смотрить, што

жъ гэто яны будуть дѣлать? Ажны яны одна бяреть дрова, другая воду, третьтія печку затоплюеть у лазьни. Тогды яму здалося: ну, постой жа: якъ яны вытопють гэто лазьню, тогды я возьму, подопру ихъ хорошенько у лазьни, покуль подойдеть наша сила. Тогды мы ихъ забяромъ! Тогды узявъ, гэто, значитца, прахтиковався,—якъ яны стали мытца, заперлись, ёнъ гэто узявъ да знаружи и запёръ ихъ,—плячомъ улёгъ. Тогды яны якъ умылися, тогды у двери. Э, каеть, сяструшки! гэто жъ насъ нѣхто потпёръ! Чуеть ёнъ голосъ. Тяперъ: э, говорить: не управитца ёнъ пералічить, сколькі на небі звѣздовъ, якъ будеть лятѣть! Якъ стукнула у двера—дакъ ёнъ ня могъ образумитца,—скольки вёрстъ лятѣвъ. Тогды узявъ, обдумався, уставъ: ахъ, Господи, говорить: кабъ я гэто лихо знавъ, дакъ я бъ лучче ихъ не чапавъ, говорить. Узявъ, побѣхъ у избу, поляд̃ить, ажни ничого нема, што ёнъ варивъ. Перша обдумався: можа волы личаные! Али нехай личаные тамъ яны, ти не личаные,—побѣхъ у вобору, вола етого на плечи, опять нáново кухню заложивъ. И усторопився гэтому, штобъ яго товариши не наказали: што ёнъ дѣлавъ? спавъ? Тогды ёнъ узявъ, ды говорить: гэто усякому будеть: нехай усякій довѣдаетца! Ня буду казать, каеть, хоть и накажуть! Прибиваеть дванацать часовъ, приходить Иванъ уже съ своими съ товаришами. Эхъ, говорить, Камяньникъ ты! Нѣшто ты, говорить, такъ проспавъ до дванацати часовъ! ня могъ кушаньня наварить!—разсерчавъ на яго. Тогды ёнъ говорить: виноватъ говорить, перадъ вами, больше гэтакъ ня буду! Иванъ говорить: хоть бы ты сабѣ й бывъ, дакъ другій разъ тябе не покину! Разъ дѣла не суповнивъ! Тогды ёнъ и радъ: ну, болозѣ гэтакъ! Тогды ёнъ узявъ, Иванъ, говорить: можа табѣ спричина якая была, спреча якая—митрэнга (*g*), спречався хто,—дакъ ты мнѣ объясьни, говорить.—Нѣ, говорить: ничого ня было! Ну, говорить назаутраго—оставайся, говорить, ты Горовый! Тольки, говорить, посьпишай,—а то, говорить, треба и отдыхнуть, и обжидай, покуль обѣдъ вашъ! Гэто, говорить, няловко! Гэтый Горовый самъ сабѣ думаеть: погоди, я пораньше справлюсь! Уставъ раненько, пошовъ у вобору, волу гэтому богатырськой ляской у лобъ, за хвостъ, ды й на плячо. Принёсъ на кухню ды у котёлъ! Такъ што ёнъ справився и говорить: э, што гэто Камяньникъ дѣлавъ? Я вотъ и справився, а ще чатыре часы до повдня. А што ёнъ дѣлавъ? Сѣвъ ли вокна и сядить, справившись. Ажни—видить ёнъ—а бачь: лятить чатыре птушки. Тогды ёнъ узявъ и гэто сабѣ думаеть: што гэто зь ихъ будеть? Видить ёнъ гэто—сѣли яны ли лазьни. О, сабѣ думаеть: мы тутъ ходили и ня видили, што тутъ лазьня ёсь! Тогды яны узяли, обярнулися чаловѣ-

чацкой статей. Што такія гэто за птушки, што яны чаловѣчацкой статѣй обярнулиси? Выдрилося яму, што первѣйшія уже паненки. Самъ сабѣ думаеть: отъ, гэтыя паненки: ихъ чатыре и насъ чатыре; али видать, што тольки зъ большимъ примусомъ ихъ узять можно, а такъ, видать, яны за насъ не пойдуть. Узять ихъ по ласцы зь ими, дакъ яны, значить,—сурозно поступють, скажуть—уто мужикъ, холопъ! По сэрцу подойду ихъ! Найдуть товариши, побяромъ ихъ! Гэто ўже байки, мы ихъ ня пусьтимъ! Тогды яны стали мытца, а ёнъ узявъ и потпёръ ихъ. Ды думаеть: потпёрши палкой—чуть ня буду, што ины говорить будуть: улягу плячомъ, дакъ плячо не палка, ня зломитца. Хуть почую, што казать будуть! Яны учули. Ахъ, сястрицы! нѣхто узявъ насъ, говорить, потпёръ! Ну, говорить, коли такъ, ёнъ потпёръ,—намало яго турнемъ,—вярсты на двѣ хай отлятить отъ насъ! Ёнъ гэто слыхаеть и самъ сабѣ думаеть: гора покрѣпче васъ была, да й то я на логъ ихъ спихавъ. А васъ уже кабъ я пусьтивъ! Гэто байки на свѣти—говорить. Тогды яны якъ ударили яго,—якъ полятѣвъ ёнъ—на двѣ вярсты. Тогды ёнъ, уставши уже, обдумався: няўжо жъ тыки я на двѣ вярсты лятѣвъ? Кабъ мнѣ гэто змѣрать, дакъ неколи,—товариши придуть, скажуть, дѣ ты бывъ? Не такъ я крѣпко ударився, якъ я отлумився, зъ гэстого побою! Прибѣгъ у во дворъ—ажъ яго ничого нема, што ёнъ варивъ! Ну вотъ: поправся я тяперъ! говорить. А жалившись мнѣ свойму ходяину, дакъ вѣры ня йметь,—скажеть: гультай! я думавъ, што ты зробишъ хорошо, ажны ты ще попуще! Неколи мнѣ довго думать, треба опять за дѣло братца! Ну сказать имъ свою причину—стыдно. Треба лѣпи мовчать. Лѣпи своё дѣло справлю! Пошовъ, вола ўбивъ знова, кухню заложивъ—скоро, уже круто коло яго завивався, кабъ хвалы сабѣ попасьти скольки нябудь. Тольки заслонивъ, сѣвъ ли вокна ды сядить. Приходить ходяинъ у дванацать часовъ, смотрить—однача жъ, говорить: мой Горовэй троху, говорить, пораньше справився, али тольки, говорить, гультаивъ троху! Сѣли сабѣ, побѣдали. Стали отдыхать сабѣ. Говорить Иванъ: ну, хоть сабѣ отдыхнёмъ, говорить, не пойдемъ на работу, лѣпи заўтра пораньше устанемъ! Знайтя жъ, братцы, што заўтра Лѣсовэй останетца,—штобъ упяродъ,—дакъ за обѣдомъ заколупаесься. Назаўтраго ўраньни устали,—остаетца Лѣсовэй. Спрашіеть у яго: што, ходяинъ, варить?—Ить наша кухня тожъ неперамѣнная; икъ мы сами наживёмъ тутоцьки, тогды будемъ перамѣнивать! А тяперъ тожъ самое будеть: у вобори воловъ хватаеть, у вынбары крупъ тожъ хватить,—вотъ наша и ўсё! И пошли ў лѣсъ. Тутъ Лѣсовэй пошовъ у вобору, вола ўбивъ, на плечи, и принёсъ яго. Сычасъ оббяливъ, у котёлъ яго. Однача, говорить, усё одна да 'дна яда, говорить. Кабъ ня гэты волы, дыкъ бы й ѣсьти нечаго было! Тогды узявъ:

однача, говорить,—што яны подѣлаваютъ! Отъ жа, говорить: до повдня
часовъ пять, а я ўже усё подѣлавъ! Помлѣетъ усё у печи, нечаго ѣсь бу-
детъ! Кабъ я гэту штуку знавъ, дакъ бы съ перваго дня ставъ,—гэтакъ
хорошо! Тогды ёнъ сядитъ гэто, высматруетъ, ажны лятитъ чатыре птуш-
ки. Якъ сѣли--чатыре паненки. Однача жъ, говоритъ, штуки. Ще я и
сне видавъ гэтыя лазьни—а тутъ лазьня! Ажни видитъ—одна бяретъ дро
вы, одна воду, а третьтія печку палитъ,—празъ двери видно. Ого, ка-
тъ: гэто жъ тутъ и помытца можно! Сабѣ думаетъ: погоди! Вытопили-
лазьню яны, стали мытца. Ну, думаетъ: идѣ яны за насъ за мужуковъ
пойдутъ?--Треба зь ими сурозно,—узятъ потпѐрти! Тогды узявъ и пот-
пёръ ёнъ ихъ. Ня гэтакія штуки,--лѣсъ рвавъ съ коравями, у грудъ
знашувавъ, а кабъ ихъ чатырохъ не придержитъ? Придержу ихъ! Пот-
пёръ, самъ сабѣ думаетъ: я то потпёръ, а можа и яны якія богатыр-
ки, можа якъ дадутъ, дакъ я и косьтей не собяру укучу! Тогды яны
помылиси, стукаютъ у двери. Ахъ, говоритъ, сястрицы: потпёрты мы!—
Ну што жъ робитъ: потпёрты—потпёрты! попадёмся и мы у ихъ руки!—
Найдетца такій мацыматъ, што й насъ возьметъ! Ну, а отъ гэтого ще
вырвемся! Тогды якъ дали гэтому,—не на много ёнъ лятѣвъ—на вяр-
сту! Ахъ, каетъ: ти я бѣхъ, ти я лятѣвъ, дакъ и самъ ня вѣдаю! го-
воритъ обдумавшиси. Ахъ, говоритъ: што жъ я засидѣвся: кабъ жа и
тамъ што небудь не прострочитъ! Наскакуетъ ёнъ туды, только видитъ,
што нѣхто бывъ, да пошовъ; а штобъ замѣтка, дакъ нема. По-
смотритъ ёнъ,—ажни ничого нема, што ёнъ варивъ! Тогды ёнъ гово-
ритъ: ахъ, говоритъ: однача жъ, говоритъ, товариши! Одинъ одному прав-
ды не кажамъ! Хай ба яны мяне перасьтераглй,—хай ба я правду знавъ!
Узявъ, пошовъ, вола убивъ, на кухню, огонь заложивъ и опятъ страпатъ.
Скоро уже, пошти што пораньше усихъ уже. Сабѣ думаетъ: заўтра ўже
останетца пѣвня нашъ ходяинъ! Дакъ ёнъ гэтыя штуки будетъ знатъ;
а мы уже не скажамъ. Заўтра одинъ коло 'дного посьмяёмся! Приходитъ
гэтый Иванъ и смотритъ: однача жъ, говоритъ: молодецъ Лѣсовэй! спра-
вився! отъ, гэто, говоритъ, молодецъ, за ўремя! говоритъ. Побѣдали, от-
дыхнули, ды совѣтуютца: отъ, братцы, говоритъ: заўтра уже вы пойдетё
утроихъ, а я останусь, троху отдыхну! Зваритъ—нема ничого, а ў
лясў кореньня гэтого дурного поплянтуй, дакъ троху у плечахъ чутъ!
говоритъ. Гэтые жъ рано устали, у лѣсъ пошли. А ёнъ самъ сабѣ ду-
маетъ: а я трошку ще поляжу,—еще рано кухню раскладатъ! Уставъ и
пошовъ самъ у вобору, расчинивъ вороты и говоритъ: однача жъ, гово-
ритъ: за три дни порадошно мы воловъ зьѣли! Приходитъ къ волу, щавч-
комъ яму у лобъ стукнувъ—отъ щавчка гэтый волъ завалився. Узявъ
за храбетную кось и нясетъ. Оббялйвъ, обдѣлавъ, уложивъ у котёлъ,

кухню заложивъ, ставъ варитъ. Однача, говоритъ: муситъ я надто рано заложивъ, говоритъ. Дакъ гэто няловко будетъ. Больше йны гуляли, якъ дѣло суповняли! Сѣвъ, и смотритъ. Ну ихъ къ лиху, и зъ работой зъ ихной—столькя яны мнѣ и тамъ наработаютъ! Бяздѣльное дѣло--ѣсь зварить—и то яны мнѣ ку ўремю не суповняли! А ў лясў ўже и усимъ ничого ня зробютъ! Сядѣвъ, сядѣвъ, нибытцамъ удрамавъ трошки. Чуетъ ёнъ, ажни бытцамъ то якъ вѣтеръ зашумѣвъ. Туды-сюды ёнъ посмотритъ, поглядѣвъ къ лазьни, ажни видитъ ёнъ—чатыре паненки стоитъ. Лядѣвъ ёнъ, и самъ сабѣ думаетъ: а бачь, гэдкія, каетъ, барышни! ти яны ѣхали, ти яны пѣхотой ишли? Надо жъ тыки, каетъ: задремавъ, што не ўвидавъ! Ну, говоритъ, погоди! я ихъ, говоритъ, придержу! Однача, муситъ то й моё, каетъ, зъ ими загулялись, а мнѣ й не похвастовали! Загулютца зъ ими, а мнѣ й не похвастовались! Отъ жа, думаетъ: ихъ чатыре, насъ чатыре. Яны жъ можа, который зъ ихъ прогуливавъ, а я гулятъ зъ ими не буду,—а побяру, говоритъ, коли удастца! Паненки пошли у лазьню, значитца, а ёнъ пришовъ и ставъ ли двярэй. Тогды узявъ и потпёръ ихъ. А яны тожъ у скоросьти: ти не остався, говоритъ, тутъ ихъ хозяинъ,—тыхъ, што зъ нами шутки закидавали? Ёнъ гэто и чуетъ. Ишъ, говоритъ, подляцы! затымъ яны и опаздували! Ну, попробували яны отчинятъ,—нѣ, говоритъ, сястрицы: ня ў тыя руки мы попались. Нема у свѣти богатѣйшаго, якъ Иванъ Подвѣй! Коли только ёнъ гэто, дакъ нѣ ўже, ня вырвесься! Ну, на щасьтя, говоритъ, попробуемъ! Якъ вытнула у яго, дакъ усё ровно якъ у глину увязла--и не шевяльнувся. Говоритъ одна однэй: хотъ намъ усимъ гэто будетъ, а только треба попробуватъ гэто намъ усякой! Стукали-стукали, стукали-стукали,—якъ у глину! Тогды тойчасъ узявъ ёнъ ихъ усихъ чатырохъ. Ну, говоритъ: зьмирно, говоритъ, паненушки! васъ чатыре, насъ чатыре: отъ, насъ, говоритъ, будетъ дружья! Отъ, самъ сабѣ облюбонистававъ меньшую. Приходютъ товарищи, дивютца: однача жъ, говоритъ: якъ жа вамъ гэто попалося?—Ахъ, вы, говоритъ, хохлы! чаму жъ вы мнѣ раньше не объясьнили? Такъ гэтый Иванъ распорадився: отъ, говоритъ: кому злучая была першая—тому тая, а другому другая; обярйтя сами кажанъ сабѣ! Пожанились яны и стали житъ. Ну, говоритъ, намъ нельзя жанитца: нашъ отецъ, говоритъ, не то: васъ поѣсь,—поѣсь васъ, говоритъ. А Иванъ говоритъ: нехай, говоритъ: будемъ глядѣтъ! Ну, пожили яны сутки. На другея сутки прiѣжжаетъ икъ имъ Кащъ, ихный отецъ ужо. Кричитъ гэтый отецъ громкимъ голосомъ: отчинитя! Ну только покрапчѣйшихъ тутъ нема житалявъ, опрочь Ивана Подвѣя! той только вотъ одинъ! Гэты сыкнулися къ яму,—якъ дмухнувъ—дакъ якъ комъ! Выходитъ къ яму Иванъ. Ти ня воронъ твоихъ косьтей занёсъ? говоритъ.—Добрый молодецъ, говоритъ,

самъ увесь свѣтъ обходить!—Ну што, говорить: ти будемъ по ласцы, ти по сэрцу разбиратца?—А што жъ, говорить: ты жъ уже сэрца показавъ! —Якъ?—А такъ! Ты жъ якъ дмухнувъ, дакъ моѐ товариши якъ комары полятѣли!—Ну, дакъ будемъ, говорить, дратца. Вотъ табѣ шась-ти-головный смокъ!—Будемъ! Якъ узявъ Иванъ свою ляску, якъ махануvъ,—такъ смоку головы три доловъ! Тойчасъ якъ махнувъ,—такъ ещѐ три доловъ!—Однача, Иванъ, лѣпи по ласцы будемъ разбиратца!—зъ малой силой я пришовъ къ табѣ! Прiѣжжаетъ ёнъ съ двананцатиголовнымъ смокомъ. Иванъ, будемъ мы, говорить, по ласцы разбиратца, али по сэрцу?—Нѣ, говорить Иванъ: ще никóли по ласцы не разбирався! Заколупють и яго—и ёнъ жа колупаетца. Якъ ставъ ёнъ свой ляской размахиватъ—не помножко ёнъ зьнимавъ голóвы—усяго по три головы. Зьнявъ уси двананцать головъ. Якъ зьнявъ гэты двананцать головъ, обдумався гэтый Иванъ, сабѣ думаетъ: не дась ёнъ мнѣ жить! ёнъ мнѣ будеть зло дѣлать! Треба узять да яго убить соусимъ! Думаетъ ёнъ: коли жъ ба и ёнъ мяне ня ўбивъ—у сэрца увыйшовши. Ёсь у мяне пляшка живущiя воды и пляшка гоющiя, возьму я ихъ ли запаса у кишень сабѣ! Тогды узявъ, пляшки побравъ и нутка у догонъ пусьтитца за имъ. Нагоняетъ ёнъ яго, самъ сабѣ думаетъ: якъ свисну ззаду! Якъ дамъ у голову, такъ ёнъ уснетъ зразу! Якъ давъ яму по головѣ, тогды ёнъ говорить: ахъ, говорить: нѣшто у мяне дрыжакъ! Замахнувся другѣй разъ, дакъ ёнъ: ось якое лихо! рòзочка по носу ударила! Отвярнувся назадъ: охъ, говорить, Иванъ! ня стòило былò со мной чапáтца! Отвярнувся, щавкомъ у лобъ, —Иванюшка уснувъ! А Кащъ пошовъ назадъ и ўзявъ свою дочкў меньшую.

Тяперъ, пасить гэтого Каща бабушка скотъ. Натрапилиси коровы на Иваньку, подняли ровъ. Приходить гэта баба къ яму. А ёнъ да хвастовався: што бывъ крапчѣй усихъ Иванъ Подвѣй, а я ўбивъ. И дочку меньшую отнявъ! Дыкъ баба чуть чула, што ўбивъ, да не знаеть, адѣ. Ну, подыйшла ина къ яму и догадалася, што мусить гэто Иванъ. Тогды ина узила ды сама сабѣ думаетъ: ти ёсь при имъ што? Ну, ина поглядѣла,—у однымъ кишени пляшку найшла, и ў другимъ пляшку. Погоди жъ, говорить: што гэто у яго за зелья? Узила, палецъ сабѣ разрѣзала, да съ одныѐ пляшки помочила—яко якъ бытто почалò згаиватца, выдавало такъ, што гòитца. Ина зъ другой—дакъ не бы былò тамъ ничóго. Погоди жъ! Ина ўзила, зубы разнилà яму, да съ одныѐ пляшачки воды улила. Учула йна, што ёнъ бытцамъ-то подыхаватъ ставъ трошки. Узила другую пляшачку, тожъ само улила яму—ёнъ ставъ прочухáтца. Ахъ, говорить: якъ жа я, говорить, смашно уснувъ! Осмотрѣвся: о, я думавъ, што мою ляску хто ўзявъ, ажно моя ляска при мнѣ ляжить, говорить. Тогды бабушка отвѣщаетъ яму: вить ты на вѣкъ

жизни тутъ уснувъ, штобъ я на тябе не натрапилася! Отъ, видишъ, говоритъ: и жану жъ твою узяли, говоритъ.—Узяли?—Узяли!—Ну, шкода, каетъ, ды ня вѣдаю, якъ гэто повярнутъ, говоритъ. Тогды енъ: бабушка! бабушка! порадьтя мнѣ, якъ ба мнѣ гэту штуку поправитъ? А ина яму: ботъ жа, говоритъ, Иванъ: возьмись у яго за пастуха быть! И будь якъ можно ласковѣй, и паси скотъ якъ найлѣпи! Ласко паси! Бо у яго ёсь козёлъ бѣлый, роги золотэя; дакъ ёнъ яму усегды отвѣщаетъ, якъ хто пасетъ. Коли хто ти ударитъ скотину, ти што, дакъ ёнъ и объясьняетъ Кащу! Ну, а ёнъ говорку яго знавъ. А я тамъ потпкачусь къ твоей жанѣ: хай допытаетца, дѣ душа яго ёсь, што яго никъ ня убъешъ, *покамъ* яго душу найдешъ! Дочка будетъ потпытыватъ у яго! Тогды ёнъ узявъ, зрадився зь имъ, и ставъ гонятъ на пасту. А якимъ жа гэто толкомъ? Ина, дочка тая, начала плакатъ, тужитъ, што страхъ якъ!—Объ чимъ ты, говоритъ, тужишъ?—Объ такимъ и такимъ дѣлу: по вашай, говоритъ, души! Дѣ ваша душа?—А ина уже зь имъ перавѣдалася. Ина уже знаетъ, што ёнъ на пасту гоняетъ у яе отца. Ну, а Кащъ думаетъ: я жъ яго убивъ, ёнъ тяперъ ня 'тживетъ уже. Тогды онъ обвясьтивъ: што моя душа, говоритъ, у гольни, што которымъ хату мятутъ! Ина узила, стужакъ накупляла, голень гэтый уобрала; няньчитъ яго и толкуетъ зъ гольнёмъ зъ естымъ. Почувъ ёнъ. А сь кимъ ты гэто тамъ гукаешъ? Отвѣщаетъ: изъ вашай, говоритъ, душою! Уходитъ ёнъ къ ей, и смотритъ: а дѣ моя душа?—А вотъ жа, вы казали—у гольни! дакъ я голень прибрала и гукаю! Вырвавъ ёнъ голень, гэтый голень па землю якъ кинувъ, гэтый голень и разсыпався. Вотъ, говоритъ, якая душа! Тогды ина опятъ стала плакатъ. Объ чимъ, дочь моя, такъ ты опятъ сосмутилася и плачешъ?—Я узрадовалася, што вашу душу нашла, прибрала яе и стала гукатъ,—а вы яе у мяне вырвали и кинули. Дакъ я объ гэтымъ смутна стала!—Почаму вы хочетя мою душу увознатъ? Вонъ, говоритъ: бѣлая свиньня ходитъ; дакъ у бѣлой свиньни моя душа, говоритъ. Ина узила гэтую свиньню, стужакъ насобирала, такъ што на холсту разныя штучки подѣлала—мѣтками разными,—узила тую свиньню прибрала, и гукаетъ изь ей,—говоритъ, радуетца, сьмяетца, толкуетъ изь ей. Такъ што ёнъ узновъ учувъ. А сь кимъ ты, говоритъ, дочь моя, гукаешъ?—А зъ душой изъ вашай! Ёнъ уходитъ. Икая тутъ душа?—А вы жъ казали, што у бѣлой свиньни душа ваша; дакъ я мусила вашу свиньню прибратъ! Такъ ёнъ схапивъ гэту свиньню, якъ кинетъ, такъ гэто усё поразсыпалось, куды которое. Тогды ина стала плакатъ, стала плакатъ, дужа силно! Тогды ёнъ отвѣчаетъ: дочь моя милая: коли ты хочешъ мою душу узнатъ,—яб говорить, ня то што, дакъ и воронъ, и тэй ня можетъ достатъ. Моя, говоритъ, душа у мори,—разскажу табѣ ясьтенно, ясьтенно. И а штобъ яе узятъ, дакъ за при-

слугами ня возьметя—прислугъ много у мяне. Перва на́ перва, говоритъ, слуга—ёсь воронъ; другая прислуга соколъ; затымъ ёсь у мори ка́мушакъ, а ў тымъ камушку ёсь вутка, а ў вутцы яйцо; дакъ моя душа ў яйцы. Коли хочешъ, вотъ достань яѐ сабѣ тамъ! Тогды ина прихо́дитъ—якъ то тамъ откралася отъ отца отъ свойго—приходитъ и говоритъ: Иванюша, Иванюша! дале́ко его душа, не достанешъ! говоритъ.—Хай сабѣ хото у третьтимъ царствьи, дакъ достану! говоритъ. Тогды пригнавъ гэть Иванъ съ паствы, узявъ свою ляску молодецкую у рукѝ и пошовъ. Тольки прихо́дитъ къ мору, якъ дась по мо́ру—сичасъ вода гэто разлега́етца и ёнъ идетъ по сухопутьтю. Справляетца гэтый грукъ (*g*), хочетъ крикнуть. Про́ситъ ёнъ у яго, говоритъ: не кричи, милый! ты тяперъ у няволи, говоритъ, а я пущу тябе на волю! Ёнъ говоритъ, отвѣщаетъ: што я боюся тыхъ прислугъ, дакъ я пропаду! А ёнъ отвѐсьтивъ: ня бойся, говоритъ. Такъ гэтый грукъ утишився. Потходитъ ёнъ къ соколу. Тэй, гэтый соколъ, тольки хочетъ ускрикнуть, свиснуть хорошенько,—такъ ёнъ гэтого сокола упросивъ,—ёнъ утишився. Ворона упросивъ, говоритъ, и тябе прошу! Тяперъ вы посядитя, покуль я возьму; а тогды я васъ, говоритъ, на волю пущу! Соколъ яму отвѣсьтивъ: туть будетъ, говоритъ, коршунъ; такъ што проси яго, говоритъ; а то вутка увыйдетъ отъ тябе! Добрався ёнъ до коршуна, и упросивъ гэтого коршуна. Якъ давъ ляской своей по мору—добиваетца до того, што голый камушакъ ли яго. Якъ ударивъ ляской по камушку—такъ камушакъ гэтый разьлятѣвся! Тойчасъ вутка съ камушка; коршунъ за яе, да яму давъ! Ёнъ узявъ гэту вутку, разьдёръ яе пополамъ. И яйцо гэто за пазуху заклавъ. Ну, говоритъ, братцы: прощайтя, говоритъ, и на свѣтъ любопитный лятитя!—Прощай, говоритъ, Иванька: дякуй табѣ! Тольки жъ, говоритъ: ни по чомъ ня би яго: ни по́ голови, ни по чомъ,—прамо у груди цаляйтя яму,—абы бъ тольки тое яйцо разьбилось! Полятѣли, а ёнъ пошовъ туды во дворъ на свою должнось опять. Приходитъ домовъ,—тольки ще на зьлочекъ займа̀тца стало. Погнавъ ёнъ на пасту и ставъ буянитъ: ставъ гэтыхъ коровъ пушкой своей стебатъ.—Гэтый козёлъ каетъ: до́бро, до́бро! каетъ. Скажу я гэто свойму хо дяину! По ласцы у насъ довго живутъ; по злобѐ, говорить, и минутъ не бываютъ! Тогды ёнъ уже притишився перадъ повднёмъ и говоритъ на козла на того: будетъ и табѣ такая частка! Подгоняетъ подъ дворъ, да якъ сѣканетъ гэтому козлу,—дакъ ажъ рогъ зьлятѣвъ! Кащъ гэто увидавъ: ахъ, говоритъ: якъ табѣ не совѣстно такъ битъ скотину! Коли уже найлюбѐйшаму мойму—и то рогъ зьбивъ! Ёнъ тогды ня слухаетъ, да ящо яму рогъ зьбивъ, перадъ глазами у яго. Кащъ я знавъ тябе гэткого, то бъ я тябе не державъ бы еткого! Ёнъ говоритъ: а не знаешь жа того, што й на самого́ погибель придетъ! А ёнъ отвѣ-

щаетъ: а што жъ, говоритъ, будетъ мнѣ? Тогды ёнъ потходитъ подъ яго ближе,—узявъ гэто яйцо у праву руку. Тогды выдырилося гэтому Ивану, бытцамъ то стоитъ тристѣнная пуня—такой величинёй! Ёнъ обдумався, гэтый Иванъ: хуть ёнъ дужа вяликъ—ти убъю ти ня убъю, а тымъ часомъ вытну яму! Якъ вытнувъ яму у грудь гэтымъ яйцомъ, такъ ёнъ обясьтивъ: ахъ, говоритъ, Иванъ, Иванъ! не знавъ жа я, што ты отживъ гэто ужо! Отъ коли я свою голову положивъ! И пропавъ. А Иванюша на гэтымъ царстьви и остався, и по сей день живетъ.

С. Мошканы, сѣннен. у. Отъ сѣннен. мѣщ. Якима Петрова, 29 л. неграм.

16. Боговѣтровичъ.

Было ето зъ начала, у царсьтви такій заказъ: коли выйдетъ дѣвцы двадцатъ годовъ, и ина ня выйдетъ замужъ, дыкъ тоды замурувать яе у стовбъ. Такъ значитца вышло: прыжила царськыя дочь двадцать годовъ и замужъ ня вышла. Замурували яе у стовбъ. И подаютъ пищь ей туды. То вышывъ годъ етыму, пищи ей требуютъ ужо на дьвѣ души. Теразъ нѣсколькі урем отвѣчаетъ у стовбѣ: скажитя царю, штобъ ёнъ самъ пришовъ сюды! Той царь задумывся: хто тамъ мохъ бытъ другой? Нихто туды ня можетъ дойти, ни улѣзьти! То ёнъ пошовъ къ стовбу и думыетъ: якъ жа мнѣ звать кого другого? Потомъ надумувся; приходя къ стовбу и узываетъ: здрастьви, сильный могучій быгатырь Быговѣтровичъ! Ёнъ яму съ ступба отвѣчаетъ: почаму ты мяне знаешъ, дѣдушка, што ты по имени вызываешъ?—Потому я знаю, што дочка мыя довжна родить ни 'тъ кого либо, якъ тольки по божжиму пывялѣнію, отъ вѣтру! А ёнъ яму отвѣчаетъ: да, такъ, такъ!—Ну, говоритъ: прошу я васъ, пойдемъ у палату мою, внучекъ мой! И выведи мать свою оттуль!—Дѣдушка, блыгословитя мяне хуть расъ шевяльнутца въ стовбѣ вашемъ? ёнъ ужо отвѣчаетъ. Ну, дѣдъ яго блыгословивъ: Бохъ тябе, говоритъ, блыгословитъ! Тода ёнъ шевяльнувся,—разьлятѣвся стовбъ на нѣскыльки часьтей! Пошли у царськія палаты. Ну, живутъ тама. Много ли урем прыживаютъ, етый унукъ купивъ сабѣ гармоникъ и играетъ, ходючи по горыду. Такъ красиво играетъ, што усѣ слухаютъ яго и идутъ за имъ. Ёнъ и самъ красивый дужа. Много народу пугубленія за ето, што тувпятца за имъ. То санотъ зъ гусударёмъ рыспорядився, якъ ба яго збавитъ съ сьвѣту, штобъ яго не было соусимъ. Царь отвѣчаетъ: якъ жа яго збавитъ, коли ёнъ такую силу маетъ, ня зьвѣсно якую? А санотъ царю сказыетъ: а вотъ, ёсь такое угомонища—пыдъ тремя дубами, за горыдомъ, идѣ быгатыри прыживаютъ. Пошлитя вы яго туды за дутымъ, на дровы вамъ нехай принясётъ—яго тамъ убъютъ!

То яго дѣдушка и послав туды: сходи, говорить, упучекъ мой милый,
приняси дровъ на кухённые наши придѣлы! То ёнъ пошовъ. Тамъ дѣсьвительно
было три быгатыря. Ёнъ ставъ дуба брать, а яны дратца зь имъ. Ёнъ
одного дуба якъ вырвувъ, якъ сьтебанувъ, дыкъ двухъ зразу убивъ. А треть-
тїй подаривъ яму шапку: нá, говорить, дѣдушку свойму пяси! Будемъ
мы братьти родные съ тобою; боли ужо дратца ня будемъ! Бя-
ри сабѣ и дубы етые! Ёнъ узявъ, у вязку три дуба завизавъ и понёсъ.
Якъ ишовъ вулицую, пырызорѝвъ триатажные домы, усѣ постройки, еты-
ми дубами. Принёсъ у царськїй дворецъ, ударивъ етые дубы,—яны рас-
сыпылись якъ у печку класьть. Тода говорить: дѣдушка, я принёсъ дровъ!
Смотрѝтя, якéя дровы у насъ ёсьть! Етый посмотрѣвъ, говорить: да, ёсь
тяперь дровъ! будеть на много! И горыдъ жа ты разрывъ! А ёнъ гово-
рить: а вотъ я вамъ и шапку госьтиньчика принёсъ! А нука, помѣритя,
дѣдушка, шапку! Дайтя, я вамъ надѣну! Якъ тольки надѣвъ, дыкъ такъ
ёнъ и пыкатився! Быгатырськыя шапка дужа тяжолыя, дыкъ ина зыда-
вила яго. То ёнъ говорить: што вы, дѣдушка, сьмѣху ня любитя: узя-
ли ды упали? Тоды ёнъ говорить: матушка! матушка! дѣдушка ужо ня
живъ! Беспремѣнно яго шапка задавила! Ну вотъ, матушка! кыли дѣ-
душка ня живъ, дыкъ и мнѣ надо отсюда убратца! Ды пойду у сьвѣтъ,
блыгословитя мяне! Ти не найду ровнаго сабѣ товариша? Выливъ сабѣ
тростку ву пудовъ коло пвутораста, пыпрощався зъ матушкой и отпра-
вився у путь.

Пошовъ. Идеть полемъ, другого человѣка видить на поли: бярéть
силные камни и кѝдыеть ихъ у гору,—гуляеть изъ ими. Тоды Быго-
вѣтровичъ подыйшовъ къ яму и говорить: здрастьви, Рашѐтникывъ! А
етый говорить: здрасьтви, силный могучїй быгатырь Быговѣтровъ! Ёнъ
спрашїеть у Рашетникова: пычаму ты мяне знаешъ, што по имени назы-
ваешъ? А ёнъ говорить: я тябе знавъ, кода ты у маменьки у чарéви бывъ!
Ну, пойду изъ вами, будьтя вы мнѣ старшїй, говорить Рашетникывъ! А
ходи, говорить Быговѣтровичъ, пойдёмъ! Ну, пошли яны удвоихъ. Увый-
шли у пущу. Тамъ опять ходить человѣкъ пы лясу̀. Видють яны: выр-
веть дубъ, ды догоры̀ коренями ставить. Яны коло яго идуть. Быговѣт-
ровичъ говорить: здрастьви, Дубовѝкъ! А ёнъ отвѣчаеть: здрасьтви, сил-
ный могучїй быгатырь Быговѣтровичъ! Быговѣтровичъ спрашїеть у яго:
пычаму ты мяне знаешъ, што по имени называешъ? А ёнъ говорить: я
тябе у тую пору знавъ, кода у маменьки у чарéви лежавъ! Дубовикъ
говорить: пойду и я зъ вами?—А милысьти просимъ! пойдёмъ зъ нами!
Много яны пройшли, находють домъ. Ну у доми нѣту никого. Тольки
ёсь, пошли у пуню, тамъ ёсь двападцать быковъ. Называютца яны рóд-
ные братьти, тольки Быговѣтровичъ етый бóльшїй братъ. А нука, гово-

рит̃ь, Рашетникывъ! останься, зготовъ намъ тутъ бычка, и вытыпъ баню; а мы пришовши съ охоты покушыемъ и у̑ бани помыемся! Ну, яны пошли на хоту, а етый за бы̑ка; узявъ яго за хвостъ, кожу долой, бы̑ка у котёлъ; бы̑ка згото̑вивъ, баню начинает̃ь топит̃ь. Прилятѣло три ластувки, зьдѣлылись дѣвками, зытопили сами баню. Ёнъ бачит̃ь: насъ три и ихъ три; ето будут̃ь наши подруги! Вытыпивши баню, етыя дѣвки стали мытца. Ёнъ узявъ, подпёръ ихъ плячомъ. А яны говорют̃ь: э, Рашетникывъ, пусьт̃и насъ! намъ, говорют̃ь, жарко!—То то ёсь, говорит̃ь Рашетникывъ, што намъ васъ жалко!—Нѣтъ, говорит̃ь дѣвка: я якъ рызьбягу̑сь пы бани, ды якъ ударю лѣвымъ колѣнымъ у дьвери, ты зы вярсту зылят̃ишъ!—Ну, говорит̃ь Рашетникывъ, би ня би, быгатырськыя серца этыго ня т̃ерпит̃ь! и не пущу! Ина якъ рызогналась и якъ ударила у дьвери—дыкъ ёнъ зы вярсту зылят̃ѣвъ! Оттуда, опомнившись, пришовъ домой, давай быка т̃ягну̑т̃ь съ котла, пыляд̃ит̃ь—старичокъ ид̃ет̃ь зъ за пѐчи, самъ съ кокыт̃ь, а борода яго зъ локыт̃ь, у рукахъ пуга, и вяд̃ет̃ь бы̑ка другого на тое мѣсто, што ёнъ узявъ. Рашетникывъ за быка, а старикъ за Рашетникыва. Пусьт̃и, говорит̃ь Рашетникывъ. А старикъ говорит̃ь: пусьт̃и мнѣ быка! а то я пу̑шкую якъ сьтебану̑, ты зы вярсту пылят̃ишъ! Якъ сьтябну̑въ старикъ,—Рашетникывъ за̀ версту пылят̃ѣвъ! Приход̃ит̃ь оттуда,—нема ничого: ни бы̑ка, ни бани, и братовъ ящо съ охоты нема.—Лёхъ, ляжи̑ть, яго голова болит̃ь. Пришли браты етые удвухъ, Дубовикъ и силный могучiй быгатырь Быговѣтровъ, и спрашуют̃ь яго: што ты ето, Рашетникывъ, ляжи̑шъ? Говорит̃ь: угорѣвъ! Яны сiйчасъ быка другого узяли и зготовили. Подъѣли и лягли спат̃ь. На зау̑трашнiй д̃ень,—останься ужо ты, Дубовикъ! сказавъ силный могучiй быгатырь Быговѣтровъ: зыготовъ быка и вытыпъ баню! А сами, Рашетникъ и Быговѣтровъ, пошли на 'хоту. Дубовикъ остався топит̃ь баню и зготовит̃ь бы̑ка. Ёнъ пошовъ, узявъ быка за хвостъ, кожу долой, а яго у котёлъ. Потымъ пошовъ баню топит̃ь. Тольки ёнъ начавъ топит̃ь баню, прилят̃ѣли три ластувки: зьд̃ѣлылись д̃ѣвками и стали сами топит̃ь баню. Вытыпили, начипают̃ь мытца. Ёнъ сiйчасъ подпёръ имъ баню и думыет̃ь: васъ три и насъ три! Постой жа, ето будут̃ь наши подруги! Д̃ѣвка одна говорит̃ь: пусьт̃и насъ, а то намъ жарко! А ёнъ отвѣчает̃ь: то то ёсь, што намъ васъ жалко!—Ну, говорит̃ь я якъ рызьбягусь пы бани, ды ударю лѣвымъ колѣнымъ у дьвери, дыкъ ты за дьвѣ вярсты̑ зылят̃ишъ! Дубовикъ говорить: би ня би, а богатырськыя серца етыго ня т̃ерпит̃ь! Ина якъ рызогналыся, да ударила у дьвери, дыкъ ёнъ за дьвѣ вярсты зылят̃ѣвъ! Тоды, тамъ полежавши, прихо̑д̃ит̃ь домой, сичасъ за бы̑ка, съ котла т̃ягну̑т̃ь. Гляд̃ит̃ь—зъ за печки ид̃ет̃ь старикашка, самъ съ кокыт̃ь, а борода зъ локыть, у рукахъ длинныя

пуга. Ёнъ идетъ и говоритъ: ты, Дубовикъ, ня тронь быка! А Дубовикъ тягнетъ: мнѣ, говоритъ, надо на 'бѣдъ. Старикъ етый якъ шлёпнетъ яго пугую, дыкъ ёнъ за дьвѣ вярсты пылятѣвъ. Пришовши оттуда, лёхъ, боленъ. Дѣвокъ нема, быка и бани нема. Приходютъ браты, а ёнъ ляжитъ. Спрашіетъ Вѣтровъ: чаго ты ляжишь? А ёнъ говоритъ: угорѣвъ! Ну, яны сами быка зготовили, побѣдыли и спать лягли. На третьтій день Быговѣтровъ кажетъ: идитя вы на хоту, а я останусь! Авось я ти ня вытуплю баню, и зготовлю быка! Ну, яны пошли на хоту, а ёнъ остався топитъ баню и готовитъ быка. Ну, пошовъ ёнъ у пуню, узявъ быка, кожу зьдѣвъ, а мясо у котёлъ. Потомъ баню топитъ пошовъ. Прилятѣло три ластувки и зьдѣлылись дѣвками. Тая воды, тая дровъ, и сійчасъ зготовили баню, и давай мытца. Ёнъ подпёръ баню плячомъ, и тростка у яго пувторгста пудовъ. Бо́льшая говоритъ: сильный могучій быгатырь Быговѣтровичъ! пусьти насъ, а то намъ жарко! А ёнъ говоритъ: вотъ то то и есь, што намъ васъ жалко! Потымъ говоритъ: васъ три и насъ три, дыкъ вы будетя нашими жена́ми! Ина отвѣчаетъ: о нѣ, сильный могучій быгатырь Быговѣтровичъ! никогда етыго ня будетъ! Я якъ рызьбягусь пы бани, ды ударю лѣвымъ колѣнымъ у дьвери—ты за три вярсты зылятишъ! А Быговѣтровъ говоритъ: би ня би, а быгатырськыя серца етыго ня терпитъ. Я не пущу васъ! Ина якъ разьбѣглась ды ударитъ у дьвери,—тростка уѣхала у землю была. Ёнъ плячомъ подпёръ подъ дьвери, и тростку подьдёрнувъ подъ дьвери. Отвѣчаетъ ина: по вѣкъ друзья наши будетя, пусьтитя! Ёнъ пусьтивъ ихъ. Пошли яны у домъ и осталиси тутъ и житъ. Потомъ ёнъ за быка, старикъ зъ за печи, вядетъ быка, нясетъ ношку сѣна, и пушка длинныя у рукахъ--самъ съ кокытъ, борода яго зъ локытъ. Быка поставивъ у пуню. Силный могучій быгатырь Быговѣтровъ тащитъ быка съ котла вонъ. Ёнъ, етый старикашка, говоритъ: пусьти мнѣ быка! А ёнъ, силный могучій быгатырь Быговѣтровичъ, говоритъ: не пущу! Тоды ёнъ говоритъ: пусьти мнѣ быка, силный могучій быгатырь Быговѣтровичъ, а то якъ дамъ табѣ пушкую, дыкъ пылятишъ за три вярсты!—Ну, би, ня би, отка́зываетъ силный могучій быгатырь Быговѣтровичъ, а тольки быгатырськыя серца етыго ня терпитъ! Тоды старикашка хотѣвъ яго сьтябнутъ, а ёнъ зы бороду! Дуба рысколо́въ, бороду клйнымъ у дубъ забивъ. Сяди, говоритъ, тутъ! Пришли братьтя. Да, вотъ, говоритъ, вы 'тчаго уга́рували,—посмотритя! Ну. яны тоды сійчасъ быка того зьѣли, у баню сходили, а посьли поживши, пожанилиси. Быговѣтровичъ узявъ большую сястру, а Рашетнику оддавъ малую, а Дубовику сяредьнію. Яны и тяперь ящо умѣсьти живутъ.

Д. Артюхи, бѣлынковичской вол. Кр. Корнѣй Якимовъ. 45 л. негр.

17. Гвидонъ Самихлёновичъ

У нѣўкатарамъ чáрстьви, у нѣўкатарамъ гасударстьви, ти ня ў томъ, у каторамъ мы жывёмъ, жыў дѣдушка зъ бабушкай. Нямношка у ихъ былó дятéй: двананцать сыноў, двананцать дачарéй. Ёнъ двананцать сынóў жаниў, девить дачарéй зáмушъ аддáў. Астáлась три дóчари дѣвушки, астáлась Арѝна, Агáта Салихвата Примудрая и Настáся Прикрáся Диміёнаўпа. Просють яны у айца благаславéнства: «благаславѝ, тятинька, и надялѝ!.»—«А чимъ жа васъ благаславить?» Арина атвичаить: мине, тятинька, надяли иголкай ды ниткай!» Агата Салихвата атвичаить: «мине, тятинька, благаславѝ и надялѝ аднымъ зярéшкамъ жыта!» Настася Прикрася атвичаить: «Тятинька наймилѣйшый, тятинька найлюбѣйшый! мине благаславѝ и надялѝ, кабъ я ў три гадѝ питнанцать сыноў ралила, питнанцать силныхъ, магучихъ багатырёў: у лбахъ сóнца, у патылицы мѣсицъ, ноги у сирябрѐ, рýки ў зòлати, тилисá у дрóбныхъ звёздачкахъ; кабъ яны уси былѝ па васимнáнцать аршынъ у вышыну, па дванацать аршынъ у плячóўъ шырины!» Ёнъ благаславиў усихъ трёхъ и надялиў.

Пашли яны у чѝста пóля, у зялёну дубрóву,—кала сѝняга мóря. Былó ўрѐмя у Пятрóўку. Захатѣлась ба имъ пакупатца, па сѝняму морю палюбоватца. Тады яны самацвѣтная платьтя скидывáли и абаратѝлись сызымъ вýткамъ, (твор. множ.) паплылѝ па мòрю, стали купáтца. Быў та у нѣўкатарамъ та чарстьви, у нѣўкатарамъ та гасударстьви, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ. И пашóў ёнъ у чистая пóля, кала синяго моря, заглёнаў,—у трехъ мистахъ самацвѣтная платьтя ляжить. Ёнъ узяў ета самацвѣтная платьтя и ў вадý памачиў, и на тыхъ мистахъ апять палажыў, дѣ янó лежала. Нипадалѐчу стаѝть дубъ, а ў тымъ дубý дуплё; ёнъ ўзяў и ў тымъ дуплѝ стаў, и схаваўся, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ. Тады красныи дѣвўшки выплывáли сызымъ вýткамъ сь сѝняга мóря и брáлися за самацвѣтная платьтя: янó мóкра. Ну, дяйстьвитильна, у ета ўрéмя самацвѣтная платьтя нядóуга высушыть. Тады высушыли янѝ самацвѣтная платьтя, надѣлися и стали выкликать: «атзавися, аткликнѝся, хто ета дѣла зьдѣлаў надъ нами? Кали старшый насъ, то будь айтецъ намъ, кали маложы насъ,—будь братъ нашъ; а кали роўный зъ намъ, то будь мушъ нашъ!» Ну, ёнъ выхадѝ зъ дуба зъ дупля, атвичаить: «царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, ни старѣйшый, ни маладѣйшый, а ўраўнѝ зъ вáмъ!» Яны атвичають: «то ёсь мушъ нашъ!» Ёнъ ихъ спрашываить: «дявѝцы приукрáсныи! чимъ вы которая мòжытя занятца—якѝмъ римяствомъ?» Арина атвичаить: «я магу иголкай ды ниткай усю тваю вармію адѣть!»—На скольки урéмя бярѐсься?—«А

я, кажыть, бярусь да жызьни, канца вѣку свайго!»—«Станавись на праваю фаланку! Ну, ты жа, Агата Салихвата, чимъ можашъ занятца, якимъ римяствомъ?»—«А я, кажыть, магу аднымъ зярёшкамъ жыта усю тваю вармію пракармить!»—«На скольки уремини?»—«Да жызьни, канца вѣка майго!»—«Ну, станавись на праваю фаланку! Да, мнѣ едакiи люди дорага варты. А ты жа, Настася-Прикрася Диміёнаўна, чимъ можашъ занятца, якимъ римяствомъ?» Ина яму атвичаить: «царю наймилѣйшый, царю найясьнѣйшый, Гвидонъ Самихлёнавичъ! мая занятія плашэй усихъ: я магу у три гады питнанцать сыноў радзить—слаўныхъ, магучихъ, припышныхъ багатырёў: ува лбу сонца, у патылицы мѣсицъ, руки у золати, ноги у сирябрѣ, тѣла усё у дробныхъ звёздачкахъ, па васимнанцать аршынъ у вышыну, па питнанцать аршынъ у пличахъ шырины!»—«А, ета дли мине дарожы усяго састаить!» кажыть царь Гвидонъ Самихлёновичъ. И законный бракъ Божый ёнъ зъ Настасій-Пирикрасій приняў.

Ну, у царя ня доўга, ни пива ни варить, ни вина курить,—свадьбу сыграў. Пажыў, можать нямнога уремя зъ ей, а етыхъ дѣвицъ, Арину и Агату Салихвату, къ сабѣ у палаты узяў. Адна стала вармію адивать—вайськў, а другая стала—кармить.

И пражыў ёнъ жъ жаной сваёй нямнога уремя: ина затяжарила пятьми сынамъ; прахадила ина тридпать восимъ нидѣль тижолая. Тольки-бы дьвѣ нидѣли ухадить ды й радить,—наступаить нивѣрный царь, зьмѣй Шкарлупінъ, на адныхъ пличахъ дванаццать галоў,—дванаццать палкоў мѣить войська и дванаццать багатырёў харабрыхъ. И ў царя Гвидона Самихлёнавича тожа дванаццать палкоў и дванаццать багатырёў харабрыхъ, магучихъ, припышныхъ. Етатъ нявѣрный зьмѣй вялить, кабъ прибыў на войну, на моря, у караблахъ, и забратца на цэлыхъ шэсь мѣсицаў. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ и забраўся на моря на шэсь мѣсицаў са сваёй вайськой. И праваюваў тольки ўсяго дьвѣ нидѣли, супруга, яго жана, и радила пяти сыноў. На тую жа бяду щанила и сука пяти псоў. Ну, большая систра Арина атъ ие пяти сыноў атнила, и ў бочку пасадила и на синя моря успусьтила зъ бочкай, а къ сястрѣ Настаси-Пирикраси пять псоў присадила. А сама письмо написала къ царю Гвидону Самихлёнавичу: «царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! мая систра, твая супруга, вазлюблиная жана, ни радила пять сыноў, а радила пять псоў: якую прикажашъ ты придать злую смерть?»—«Паслышъ, Арина!» кажыть царь Гвидонъ Самихлёнавичъ: «ни вазможашъ ты придать маёй супруги вазлюблинай скорай злой смерти да майго приходу. Ну, а калй ина ни радила пять сыноў, а радила пять псоў, тады я вазьму, на дванаццать каней ие на хвасты навяжу и раздяру!» Прашло уремя ящо дьвѣ нидѣли; ёнъ на мори усяго прабыў цэлый мѣсицъ и пабадиў випріятиля,—

вайськў разрушыў, багатырёў пабядиў. Дастаўся адинъ нивѣрный царь Шкарлупинъ зъ двананцати галавамъ. Царь Шкарлупинъ прикланиўся къ яго боздрымъ нагамъ, царю Гвидону Самихлёнавичу: царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! прашу тваёй миласьси: ни пабяди ты маи буйны галавы, ни разрушы ты маю багатырськаю силу, на пралій гарячію кроў маю, ни прабій маё рятивая серца сваимъ даўгамѣрнымъ капьёмъ! Вазьми ты мине у сваё чарства, буду я застаятиль за тибе!» Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаитъ Шкарлупину: ни даю я табѣ миласьси! падымаю сваю вострую мечь-самасѣчь и съимаю табѣ двананцать галоў съ плечь; багатырськаю силу тваю разрушу, гарячію кроў тваю пралію, рятивая серца даўгамѣрнымъ капьёмъ сей—минуты прабью!... Сычасъ падымавъ вострую мечь-самасѣчь, заразъ яму буйны галовы съ плечъ зьмяиныхъ зняў, гарячію кроў пралиў, рятивая серца яму прабивъ сваимъ даўгамѣрнымъ капьёмъ.

Тады идетъ съ падъ нипріятиля у свой домъ. Супруга ягоная вазлюблиная, ужо аздаравѣла чиризъ дьвѣ нидѣли. Стричаитъ яго у варотахъ,—мужа свайго, съ хлѣбамъ и съ сольлю, и зъ добрымъ здароўямъ, зъ золатамъ, сь сѣрибрамъ, сь чистымъ зѐмчугамъ, и зъ низкимъ паклонамъ и съ серцамъ пакорнымъ,—якъ ни нада и луччи быть. И ёнъ ей кажытъ: «няго шъ ты, супруга мая вазлюблиная, ни са мной жила, што ты ни радила пяти сыноў, а радила пяти псоў?»—«Мушъ мой наймилѣйшый, мушъ мой найлюбѣйшый! ни радила я псоў, а радила я сыноў, и ни знаю, што нада мной падѣлалася? Я была нидьвижыма—ни рукой, ни нагой ни магла варохнутъ!» Ёнъ па ета дѣла ни пагнѣваўся. Ну, пажыў зъ ей нидѣлю али дьвѣ, а ў томъ—кольки Богъ благаславиў. Ина у другій разъ забиреминила пятьми сынамъ. Прахадила ина тридцатъ девитъ нидѣль тижолая, тольки бы нада ей уходитъ адну нидѣлю и радитъ,—наступаитъ нивѣрный царь, зьмѣй Шкарлыхающій, на адныхъ пличахъ васимнанцатъ галду, и ў яго двадцатъ восимъ палкоў вайська и двадцатъ восимъ багатырёў харабрыхъ, магучихъ и припышныхъ. У нявѣрнага царя Шкарлыхающига—дужа сила вяликая! И штобъ быў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ на вайну на три годы, на моря, у карабляхъ, и забираўся бъ съ хлѣбамъ и съ сольлю, и са ўсимъ благапалучіямъ сваимъ. Ну, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ просить низкимъ паклонамъ, серцамъ пакорнымъ Шкарлыхающига: «будь такій добрый, Шкарлыхающій! ублагатвари ублагатвареніямъ, и зробъ такоя удабренія! будь ты такій добрый, што дай ты мнѣ спакою нидѣльки на дьвѣ—на три. Я дужа низдардў: тольки што попъ выйшаў, тайнась прійзнасиў!» Ну, ёнъ яму ни ўвиряитъ, Шкарлыхающій; кричитъ гулкимъ багатырськимъ галасомъ, съ сваихъ съ усіхъ языкоў са васимнанцати, и свищитъ бальшимъ маладецкимъ посвистамъ, съ усіхъ сваихъ са вустовъ: кабъ быў царь Гвидонъ

Самихлёнавичъ на вайну! Ня будишъ ты на вайну, гóрадъ спалю, тибе ў палонъ забяру, и съ тваёй супругай, са вазлюблинай, сы Настасяй Пирикрасяй Диміёнаўнай, съ тыми дитятями, каторыи у чреви! Нѣтъ табѣ спакою ня то што па дьвѣ—три нидѣли, дыкъ на два дьни! Тольки чатыри часы на вы́барку даю! Етатъ царь Гвидонъ Самихлёнавичъ обрамяниў стыхъ чатыри часы,—ни убраўся у карабли. Нявѣрный царь Шкарлыхающій узяў горадъ запалиў. Нéкали царю Гвидону Самихлёнавичу дажыдать, пакулика жана рóдить. Ёнъ тады, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, пашоў, гóрадъ утушыў. И забраўся тады съ хлѣбамъ и съ сольлю, на три годы, у карабли на вайну. Жана яго—супруга прахадила тольки шэсь дьней и радила пять сыноў. На тоя жъ павѣтрія барзіца ащанила пять барзоў. Большая систра Арина атъ яé апять сыноў атнила, у бóчку усадила, на синя мóря успусьтила, а пять барзянёнкаў къ ёй падсадила. Письмо царю написала, па парусамъ паслала: «Царю наймилѣйшый, царю найяснѣйшый! мая систра, твая супруга, вазлюблиная жана, Настася Пирикрася Диміёнаўна ни радила пяти сыноў, а радила пяти барзоў. Якую прикажашъ придать ей злую скорую смерть?»—«Паслышъ, Арина! табѣ сказана упярéдь éтага уремини: ни вазможашъ ты придать скорай и злой смерти маёй супруги да майго приходу. Ну, а кали инà ни радила пяти сыноў, а радила пяти барзоў, то вазьму шалкóвую пятьлю на шыю узлажў, у девить сажонъ атъ сырой зямли матири на вóздуси падыму и на шалкóвай пятьли удаўлю!»

Ну, яму Гасподь памóгъ у скóрамъ урѐмини ниприятиля пабядить, двадцать восимъ палкоў разрушыть, двадцать восимъ багатырёў пабядить, тольки дастаўся адинъ Шкарлыхающій са васимнанцать галавамъ. И ёнъ са васимнанцати галавамъ прикланиўся ка яго баздрымъ нагàмъ, царю Гвидону Самихлёнавичу: «прашу тваёй миласьси, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! дай спакою мнѣ! буду я застаятиль за тибе! Вазьми ты мине у сваё чарства, ни пабяди ты мои буйны галовы, ни разрушы ты маю багатырськаю силу, ни пралій гарячію кроў маю, ни прабій маё рятивая сéрца даўгамѣрнымъ свамъ капьёмъ!» Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичàить Шкарлыхающиму: «я тибе упярёдъ прасиў дать мнѣ спакою на нѣскальки урѣмя! Тольки мнѣ даў на выбарку чатыри часы! Я ни справиўся у ета сусимъ карóткая урѣмя, и то ты могъ гóрадъ мой запалить! Табѣ я ни даю спакою ни на адну минуту; падымаю сваю мечь востраю—самасѣчь и сьимаю табѣ васимнанцать галоў съ плечъ! Якъ траву касой сакашу, такъ табѣ буйны галóвы съ плечъ сыму, гарячію кроў тваю пралію, багатырськая рятивая серца даўгамѣрнымъ капьёмъ сей минуты прабью!» Тады сійчасъ падымаў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ востраю мечь—самасѣчь, якъ цапнуў—яму заразъ усѝ буйны галóвы съ

плечъ зняў, гарячію кроў праляў, рятивая серца прабиў. Патуль и дѣла яго Шкарлыхающчига ни стала!

Тады пашоў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ у свой домъ съ синяга моря. Апять жанѣ прайшло дьвѣ нидѣли, якъ ина радила, и сустричаитъ яго апять тымъ жа чирядомъ у варотахъ, съ хлѣбамъ, съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, зъ золатамъ и сь сирябромъ, и сь чистымъ зёмчугамъ, и зъ низкимъ паклонамъ и съ серцамъ пакорнымъ. Ёнъ ёй тожъ здароў даётъ, супруги сваёй, и пытаитъ: «Няго шъ ты, супруга, жана мая, ни са мной жыла?»—«Мушъ мой наймильшый, мужъ найлюбезнѣйшый! знать ни знаю, вѣдать ни вѣдаю, што нада мной падѣлалася?—Я радила сыноў, а ня барзоў!»—«Ну, за етамъ разамъ пращаю да третига разу!» На ета жъ дѣла ёнъ ни пагнѣваўся на иѐ, стаў жыть, якъ Богъ благаславитъ.

Тады ина забиреминила третій разъ пятьми сынамъ. Прахадила тридцать девить нидѣль и три дьни, а чатыри бъ дьни нада прахадить и радить,— наступаитъ нявѣрный царь Хвёдаръ Тыринъ Бирдибіянавичъ. У яго двадцать восимъ галоў на магучихъ пличахъ и дьвѣ галавы па пиўнымъ катлў, па бальшымъ па пиўнымъ, якъ у пивуварняхъ пива варють. И ёнъ кричитъ крѣпкимъ багатырськимъ галасомъ, падыйшоўшы па синю морю падъ етатъ аградъ, падъ царя Гвидона падъ Самихлёнавича. Якъ крикнуў и свиснуў, увесь лѣсъ павяў, и зъ дуба листъ пасыпаўся, и зимля скалатилася,—ашъ у царя Гвидона Самахлёнавича палаты задрыжали и шкло зъ вакошакъ павылитила атъ Хвёдарава Тырина Бирдибіянавича галаса, атъ маладецкага бальшога посвиста. И у яго жъ войська семдесять палкоў и семдесять багатырёў, храбрыхъ, магучихъ и припышныхъ. Ну ў царя шъ Гвидона Самихлёнавича дванацать палкоў и дванацать багатырёў. Кричитъ: «кабъ быў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ па вайну на моря, ў карабляхъ, на шэсь гадоў,—забраўся бъ съ хлѣбамъ, съ сольлю, съ усимъ благапалучіямъ сваимъ,—аттуль литька атпуску ня будитъ табѣ!» Ёнъ стаў прасить, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, низкимъ паклонамъ, серцамъ пакорнымъ, Хвёдара Тырина Бирдибіянавича: «Стань н' айцоўськимъ мѣсьси, благатвари благатварѐніямъ, здѣлай такоя адабренія, будь такій добрый—дай спакою на пуўтары, али на дьвѣ нидѣли, я ни магу тибе ити ваювать, силу тваю разрушать: ляжў я при смѣрти, ничимъ нидьвижымъ, ни рукой, ни нагой ни магу варахнуть! А письмо пишать табѣ свищельникъ; ёнъ у домъ ка мнѣ зайшоў и тайнась Божыю прийзнасиў. Кабъ даў ты, прашу, мнѣ спакою на нидѣлю али на пуўтары!» Хвёдоръ Тыринъ Бирдибіянавичъ кажытъ: «нѣтъ табѣ спакою! даю два часы на выбарку! Кали ты ня выбирисься на карабляхъ у два часы,—горадъ выпалю, ти-

бе у палонъ забяру съ тваёй супругай вазлюблинай, съ Настасяй Пирикрасяй Диміёнаўнай, и съ тыми дитящами, што ў чреви!» Тады ёнъ етыхъ два часы обримяниў—Хвёдоръ Тыринъ Бирдибіянавичъ, узяў ды й горадъ запалиў, палавину горада сійчасъ спалиў. Некали царю Гвидону Самихлёнавичу жаны дажыдать, пакуль ина родить, забраўся съ хлѣбамъ, съ сольлю, горадъ утушыўшы, у карабли, ваювать ниприятиля,—на шэсь гадоў.

Ну, супруга прахадила усяго троя съ палавинай сутакъ, и радила пять сыноў; а на тую жъ пропась катянила кошка чатырёхъ катинёнкаў. Систра большая Арина атнила чатырёхъ сыноў, адинъ тольки дастаўся, а чатырёхъ катинёнкаў къ ёй присадила. Чатырёхъ сыноў у бочку пасадила, бочку засмалила и на синія моря успусьсила—сама письмо написала, и къ царю па парусамъ паслала: царю наймильшый, царю найяснѣйшый,—царь Гвидонъ Самихлёнавичъ! твая супруга, вазлюбленая жана, ни радила пять сыноў, я радила чатырёхъ катоў и аднаго сына. У етага сына, дяствитилна, ястьвинная праўда,—ва лбу сонца, у патылицы мѣсицъ, руки у золати, ноги у сирябрѣ, тилиса ўси у дробныхъ звёздахъ. Якую ты прикажашъ придать ёй скораю злую смерть?»—«Паслышъ, Арина! табѣ разъ казана, и два, и третій разъ кажу: ни вазможашъ ты придать скорай и злой смерти ие, маёй жаны, да майго узварота! Я самъ при смерти стаю,—на вадяныхъ пути, при храбрамъ магучимъ багатыри, при Хвёдари Тырини Бирдибіянавичу! Вотъ, Арина! прикажытя свищельникамъ у домъ мой—билакаминны палаты, прити, кщенья дать, а имя я й самъ яму нарикаю, свайму любезнаму сыну: Иванъ Гвидонавичъ!» Свищельники у домъ яго прийсхадили, малитву супруги яго прачитали, святоя кщенья маладенцу дали. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ карабли Хвёдара Тырина Бирдибіянавича пазатапиў, у четьвира сутакъ пабядиў усю яго вайську, тольки астаўся адинъ разъядинъ, якъ перстъ, Хвёдаръ Тыринъ Бирдибіянавичъ. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ бирёть сваю мечь-самасѣчь и капьё, наступаить на Бирдибіянавича. Хвёдаръ Тыринъ Бирдибіянавичъ прикланяитца двадцати васьми галавамъ ка баздрыхъ ка нагамъ царя Гвидона Самихлёнавича, и просить яго низкимъ паклонамъ и серцамъ пакорнымъ—якъ ни нада на сьвѣти и луччи быть: «дай спакою! будь ты большый братъ, а я меньшый, и буду я заступатиль за тибе—якъ самъ за сибе!» Ну царь Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаить: «Нѣтъ табѣ спакою ни на адинъ часъ!» И бирёть востраю мечь-самасѣчь и капьё, и махнуў ёнъ, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, вострай меччу-самасѣччу па яго па буйныхъ галовахъ, и ёнъ ядина якъ траву касой сакасиў, такъ вострай меччу-самасѣччу двадцать восимъ галоў съ плечъ збиў.

Прайшло тады дванацать часоў, якъ супруга яго радила, а ёнъ у

домъ у свой припоў. И ляжыть ина пичимъ нидьвижыма—ни рукой, ни нагой ня можать варатнуть, и съ сынамъ сваимъ Иванамъ Гвидонавичамъ. И ёнъ рассирчаў за етымъ за третимъ разамъ, што ни радила пять сыноў, а радила аднаго сына, и тольки, дяйствитилна паказала, што приукраснага сына радила: ува лбѣ сонца, у патылицы мѣсицъ, руки у золати, ноги у сирябрѣ, тѣла усё у дробныхъ звёздачкахъ. Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ вилѣў даставить бочку бальшую сваимъ слугамъ вѣрнымъ. Дастали бочку и палажили у ие Настасю Пирикрасю и съ сынамъ иё, пастнавили усякай ѣжы и усякихъ выпивакъ и напиткаў; и палажыў туды царь Гвидонъ Самихлёнавичъ золата и сирибра, и закубрили, зилѣзнымъ абручамъ ие аббили. И казаў карабельщикамъ на мбря аттянуть за тысичу вёрстъ и пусьтить на синія мбря. Карабельщики такъ и здѣлали, якъ имъ было приказана.

Ивану Гвидонавичу споўнилась двадцать чатыри часы-сутки, и ёнъ у такимъ у возрасьти станбвитца, якъ двадцать пять гадоў добрый маладецъ. И разгавариваить съ матирью гласнымъ ричамъ: «што, кажыть, маминька?»—А што, кажыть, дитятка?—Вотъ што, маминька: кали бъ Гасподь издаў, кабъ наша бочачка на биряжбкъ ўскатилася, на сухапутьтя! Ня ўспѣў ёнъ ета дѣла исказать, бочка на бѐрази стаить. И ёнъ чуить, што валной ни качаить бочку, апать жа къ матири кажыть: «што, кажыть, маминька!»—А што, кажыть, дитятка?—«Кали бъ Гасподь издаў, кабъ наша бочачка разлитѣлася и зилѣзныи абручи кабъ папокалися!» Ня успѣў жа ёнъ ета дѣла исказать,—ета бочачка у груду лажыть. И мать яго здарова стала, станавилась на сваихъ нагахъ.

Паглидять: яны дли аграду царськаго—дли царя Гвидова Самихлёнавичага, дли саду, стаять. Яны выходють у етатъ ува градъ,—на пажарная памѣсьтя, на гарўшку. Ямў палюбилась ета пажарная памѣсьтя: видють и айцоўськіи бѣлы-каминны палаты и садъ-винаградъ. Ёнъ и кажыть: «а што, маминька!»—«А што, кажыть, дитятка?»—«Кали бъ Гасподь издаў намъ, кабъ выстраились бѣлы—каминныи палаты, дванаццати итажовыи, зъ разнымъ выпискамъ, зъ усякимъ винаградамъ, зъ усякимъ разнасьтямъ и усякимъ птушкамъ!» Выстраиўся ямў садъ-винаградъ и дварецъ—билакаминныи палаты дванаццати итажовыи, и ўсё тоя, што ёнъ матири казаў. Ёнъ Госпада Бога усхваляить, Ісуса Христа ўспаминаить, и Дѣву Марѐю, и зъ матирью сваёй у еты бѣлы-каминныи палаты уступаить и жить зачинаить.

Паглядить Иванъ Гвидонавичъ у вакошачка,—дажджбкъ буйный идеть. Ёнъ матири сваёй кажыть: «што, кажыть, маминька»?—«А што, кажыть, дитятка?»—Ды кабъ Гасподь издаў бы намъ, кабъ вылажыўся бъ мостъ на дванаццать вёрстъ: залатая масьничинка, сиребряная масьничинка,

залатый гваздокъ, сиребряный гваздокъ!» Ня ўспѣў жа ёнъ ета дѣла исказать—сійчасъ тутатька тавій мостъ и ёсь. Па етамъ масту идуть утрёхъ карабельщики,—другъ на друшку аглидаютца и рассьмихаютца. «Вотъ, кажуть: якъ нашъ царь Гвидонъ Самихлёнавичъ зачаў хварсы хварсить, золатамъ и сирябромъ масты мосьтить, а черь душыть тряпьёмъ (бум. деньги) ды чирепьямъ (мѣдн. монета)!» Яны падъ еты палаты падходють, пригладаютца,—дьвери у палаты атчиняють, и ў палаты царя Ивана Гвидонавича уступають. «Здароў, кажуть, паринь!»—«Здароў, братцы карабельщики!»—Што, паринь, ти тутъ царь жывѣть?»—«Нѣтъ, братцы карабельщики: тутъ ни царь жыветь, а наслѣдьникъ царській!»—«Ну, пайдёмъ, рибяты, къ царю! кажуть карабельщики. А Иванъ Гвидонавичъ кажыть: «сядьтя, братцы карабельщики, пасядитя, са мной зъ малодымъ пахлапачитя, салодкаго пива испійтя, съ усякихъ папиткаў искуситя, золата и сирибра атъ мине примитя, са мной гаворки развядитя!..» Ёнъ зъ ими урамя праваждаў, пасидѣў и зъ ими гаворки добрыи мѣў: «буду я вашый миласьси типерь прасить, братцы карабельщики! Пойдитя вы къ царю, будить у васъ царь дапытыватца: што вы, братцы карабельщики: па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили? -Братцы карабельщики! прашу я васъ, атвичайтя царю маимъ слависамъ, якъ я вамъ кажу!»

Карабельщики пашли къ царю Гвидону Самихлёнавичу. У бѣлы-каминныи палаты уступають, царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ и съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, креслы падстнавляить и ихъ сажаить; промижъ ихъ и самъ садитца и разгувариваить. И Арина—большая систра тута. Иванъ Гвидонавичъ абярнуўся сызымъ галубкомъ, падлетиў падъ вакошка къ айцу свайму и слухаить. Стаў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ у карабельщикаў пытать: «што, братцы карабельщики, я у васъ буду дапытываить: вы па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили?» Яны атказывають: «нийкаго дива мы ў протчихъ старанахъ ни видили, апричь таго, якъ у вашымъ ва гради!»—«Што шъ за дива такоя у нашымъ ува гради?» пытаить царь Гвидонъ Самихлёнавичъ.—«Якъ жа ня дива! чирисъ три часы урамини ни было ничога диўнога, а типеритька выбудувалися біла-каминныи палаты, дванаццати—итажовыи, зъ усякимъ выпискамъ, зъ усякимъ разнымъ разнасьтямъ, зъ усякимъ птушкамъ, и садъ-винаградъ уявнуся, и дварецъ, и дужа-дужа палаты пригожіи. Ну у тыхъ у палатахъ дужа паринь приукрасный; уси палаты асьвичаить краснымъ сонцамъ, яснымъ мѣсицамъ, и золатамъ и сирябромъ и чистымъ земчугамъ. Кала етыхъ жа палатъ вылажыўся

мостъ на двананцать вёрстъ—залатая масьничина, сиребряная масьничина, залатый гвоздъ, сиребряный гвоздъ!» Тады сійчасъ и кажыть Арина: «што, братцы карабельщики: ничога тутака диўнага нѣтути, што палаты пригожы, и паринь приукрасинъ, и садъ-ванаградъ, и мостъ на двананцать вёрстъ! Вотъ, кажыть, царю наймильшый, царю найяснѣйшый, царь Гвидонъ Самихлёнавичъ, ёсь диво,—дыкъ изъ диваў дива: пѣўкатарамъ-та чарстьви, нѣўкатарамъ гасударстьви, можа и ў томъ, у каторамъ мы живёмъ, стаить дубъ —Старадубъ у двананцать абхватаў. На тымъ дубу двананцать сукоў, на кажынамъ суку па двананцать карабоў, у кажнымъ карабў па двананцать братоў, у кажынага брата па двананцать сыноў, у кажынага сына па двананцать званоў, на кажыный жа звонъ па двананцать усякихъ птушакъ. Малайцы пяють, салоўи играють, дробны птушки щабечуть, званы звóнють—ни атслухатца!» Царській сынъ Иванъ Гвидонавичъ чуить статъ разгаворъ, што тётка-Арина пра дубъ дива гаварила. Ёнъ прилитаить къ матири, мать у яго и пытаить: «што, дитятка: ти казали карабельщики, якъ ты имъ атказуваў?»—«Якъ жа, маминька: карабельщики атказували маимъ слависàмъ: а тётинька Арина, каторая насъ исъ сьвѣту звадила, пра дубъ дива гаварила. Вотъ кали бъ Гасподь издаў намъ такоя дива падъ вышнія вакóшачка съ усякимъ примѣтамъ!..» Ни паспѣў жа ёнъ ета исказать, узъявиўся такій жа дубокъ падъ вышнія вакóшачка: малайцы пяють, салоўи играють, дробны птушки щабечуть, званы звóнють—на атслýхатца.

Идуть карабельщики учатырёхъ, другъ на друшку аглидаютца и рассмихаютца; падъ палàты падходють, разглидають, дьвери атчиняють, у палаты уступають и здароў дають: «здрастуй, паринь!..» «Здрастуйтя, братцы карабельщики!»—«Ну што, паринь: ти тутъ царь жывéть?»—«Нѣ, братцы карабельщики: тутъ ни царь жыветь, а наслѣдьникъ царській жывéть!—«Дыкъ пóйдимъ, рибяты, къ царю!»—«Сядьтя, братцы карабельщики, пасядитя, са мной са маладымъ пахлапачитя, хлѣба и соли искуситя, съ усякихъ напиткаў испійтя, зóлата и сирибрà атъ мине примитя!» Ёнъ ихъ напаиў и пакармиў, золатамъ и сирябромъ надялиў. «Типерь, братцы карабельщики, буду я васъ прасить: пóйдитя штъ вы къ царю, будить у васъ царь распытувать: што вы па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па чистымъ палямъ,—якога дива ти ня видили? Вы штъ атвичайтя маимъ слависамъ!» Яны къ царю приходють, у била-каминныи палаты уступають. Царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ—съ сольлю, зъ добрымъ здароўямъ, стульлё падставляить и ихъ сажаить, промижды ихъ самъ садитца и распытуваить: «што вы, братцы карабельщики: па бѣлу сьвѣту хадили, па синимъ марямъ, па вадянымъ путямъ, па зялёнымъ лугамъ, па

чистымъ палӯмъ,—якога дива ти ня видили?» А Иванъ Гвидонавичъ абярнуўся сызымъ галубкомъ, падлятѣў падъ вакошка, падъ карнизъ, у домъ къ айцу свайму, и слухаитъ. Карабельщики атказываютъ: «мы па бѣлу сьвѣту нидѣ такога дива ня видили, якъ у вашымъ ува гради!» —«А што шъ тамъ за дива?» —«Якъ жа ня дива: што чирисъ троя сутакъ назадъ ни было ничога, а типерь выбудувались била-каминныи палаты, дванаццати итажовыи, съ усякимъ выпискамъ, съ усякимъ разнасьтямъ, и садъ-винаградъ, и мостъ на дванаццать вёрстъ; и стаитъ дубъ-Стара-дубъ у дванаццать абхватаў; на дубу тымъ дванаццать сукоў, на кажынамъ суку па дванаццать карабоў, у кажынамъ карабу па дванаццать братоў, у кажынаго брата па дванаццать сыноў, у кажынага сына па дванаццать званоў, на кажыный звонъ па дванаццать усякихъ птушакъ: малойцы пяютъ, салдуи играютъ, дробны птушки-щабечутъ, званы звонютъ—ни атслухатца!» Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ са стула уставаў, Госпада Бога усхваляў, Ісуса Христа успаминаў и Дѣву Марею: «благадарю, кажытъ, Господа Бога Ісуса Христа и Дѣву Марею, што ўсё дива у мой ува градъ зъ бѣлага сьвѣту папришло!» Тады кажытъ Арина: «няго шъ, вы, братцы карабельщики, па бѣлу сьвѣту хадиўшы, харошага трахтиру, али кабака, ня видили, и рандаря приўкраснаго парня маладого ня видили? Тутъ ничога диўнаго нѣтути! А няго шъ вы, па бѣлу сьвѣту хадиўшы, и маста ня видили, али дубья такога ня видили у дванаццать абхватаў? Тутъ ничога диўнаго нѣтути. А вотъ, кажытъ Арина: царю наймилыпый, царю найяснѣйшый: ёсь дива, дыкъ изъ диваў дива: нѣўкаторымъ-та чарстьви, нѣўкатарамъ-та гасударстьви, тольки ня ў томъ, у катарымъ мы жывёмъ, на тридивятымъ чарстьви, на тридисятай зямлицы, за синимъ марӯмъ, за щирымъ барамъ, у зялёныхъ лугахъ гуляютъ чатырнаццать малойцаў, ни пьютъ, ни ядутъ и ничимъ сыты бываютъ, прихлажаютца, на сибе ничога на сьвѣти ни спадиваютца,—и голасъ у голасъ, и воласъ у воласъ, лицо ў лицо—аднымъ словамъ, якъ адинъ. И ў ихъ чатырнаццать каней гуляитъ, залатая шарсьтинка, сиребряная шарсьтинка, залатый капытъ, сиребряный капытъ, зъ наздёръ жаръ сыплитца, со рта полынь шубаитъ, у лѣвая вуха улизатъ—умуватца, у правая улизатъ—нарижатца, у самацвѣтная платьтя, у драгацэнная!»

Прилитѣў къ матири Иванъ Гвидонавичъ, матъ у яго и пытаитъ: «ну што, дитятка: ти казали карабельщики тваимъ слависамъ?» —«Якъ жа шъ, маминька: карабельщики казали маимъ слависамъ, али тётинька Арина пра чатырнаццать малайцоў гаварила. Вотъ маминька: кабъ Гасподь издаў, кабъ тыхъ чатырнаццать малайцоў ка мнѣ къ питнаццатаму—пажыўбы я ўремичка! Вотъ маминька: ти ни родныи ета братцы маи?» Ня ўспѣў жа ёнъ ета дѣла исказать,—такій конь падъ вышнимъ вакошкамъ—падъ балхонамъ

и стайть! Ёнъ тады пирякстиўся и зъ матирью распрастиўся, на добрага каня садиўся и паѣхаў на тридивятая чарства, на тридисятаю зямлiцу, за синiи маря, за щирыи бары—у зялёныи прiижжаить луги къ братцамъ сваимъ. Конь шпарка бѣгъ, ня могъ самъ сибе уздиржать, могъ на калѣни припадать. Иванъ Гвидонавичъ могъ зъ добрага каня ссидать и могъ ёнъ пиридъ чатырнаццати братами на калѣнкахъ стать: «здароў, братцы маи родныи, Гвидонавичи!»—«Здароў, здароў, Иванъ Гвидонавичъ, братицъ наймильшый, братицъ найлюбѣйшый! якъ тибе Гасподь сюды занёсъ: али добрый конь завёзъ, али ты самъ маладецъ сюды зайшоў?»—«Братцы маи найлюбезныи! мине Гасподь нёсъ и добрый конь вёзъ, и я добрый маладецъ самъ ишоў. Прашу я васъ, братцы милыи, на сваю старану узваратитца, къ айцу и къ матири сваёй. Я ни въ айцоўськихъ палатахъ праживаю; — па Гасподьняму благаславенью, и па Гасподьняму страѐнью, — мнѣ Гасподь издаў, и ў мине выбудувалися дванаццатиитажовыи палаты,—съ усякимъ выпискамъ, съ усякимъ винаградамъ, съ усякимъ птицамъ; и дварецъ, и садъ-виноградъ; и вылажиўся мостъ на дванаццать вёрстъ; кала моста каминныи палаты, и дубъ стаить съ усякими примѣтами и съ усякими харошими разнасьтями!»—«Братицъ нашъ наймилѣйшый! атвичаютъ яму уси браты: ниякъ намъ ня можна на рòдную старанў сваю свѣтлыхъ вочъ сваихъ аказать!»—«Пачаму жа такъ?»—«А вотъ, у насъ вусты чорныи, што мы груди матири ня прòбували! Даёмъ мы табѣ каня пирямѣннаго: ѣдь ты къ матири,—кабъ мать здѣлала изъ груди тварашку, хуть бы съ куриная яйцо!» Ёнъ сѣў на добрага каня и паѣхаў у домъ свой, къ матири сваёй. Мать заплакала слёзна: што шъ ты, сынъ мой любезный, адинъ прiѣхаў, а тыхъ протчихъ сыноў ни привёзъ? Иванъ Гвидонавичъ атвичаить: «ня можна, маминька, имъ сваихъ свѣтлыхъ вачей паказать на рòдную старòнку: ихныи вусты чорныи, аттаго што грудей матири ня пробували. Прасили тибе, кабъ ты здѣлала изъ грудей сваихъ тварашку, хуть съ куриная яйцо!» Тады ина давай сама сибе парушать и даить. И малако капить. И здѣлала камòкъ тварашку—бизъ четьвирти два хунта—утроя сутакъ. У хустачку увязуваить, падаётъ яму и приказуваить: «гляди шъ, сынокъ: раздяли, кабъ усимъ была пòраўни!» Ёнъ сѣў на добрага каня и паѣхаў. У пять часоў могъ туды далитѣть,—къ братамъ сваимъ. Браты падбѣгли, добрага каня удиржали, и яго съ каня зняли. Ёнъ тваражокъ раздялиў на чатырнаццать далѐй—якъ па куринаму яйцу кажнаму брату. Изьѣли яны етага тварашку, стали вусты ихныи бѣлы и чисты,—якъ и ў яго. Тады садились уси питнаццать малайцоў, родныхъ братоў, па добрыхъ канёў, и паѣхали на радитильскаю старану, къ сваёй матири и айцу. Прiѣхали

яны ува градъ къ билакаминнымъ братьнимъ палатамъ и пастнавили каней кругомъ етыхъ палатъ. Сами яны са добрыхъ каней злизали, у билакаминны палаты уступали и матири здароў давали. Мать атъ радасьси спужалася: ни жыва, ни мёртва стала, и зъ ногъ упала. Яны ие на рукахъ падьняли, и скалыхнули, и вады у вочи плиснули. Што шъ ты, маминька, такъ спужалася и ўрабѣла? Ни пужайся и ни рабѣй: мы ни воры, ни разбойнички,—а вазлюбли*нн*ыи тваи сыночки—сильныи, магучіи, припышныи багатырёчки!—«Няго шъ вы, дѣтки, ўси маи?»—«Дяйствитильна, маминька, уси тваи!.. Тады яны уси стали пить и гулять и ў карты играть, прихлажатца, на сябе ничога на сьвѣти ни спадиватца, тольки па Бога упувать.

У скорамъ уремипи Иванъ Гвидонавичъ у вакошачка глядить и видить, што кони ихныи многа урону дѣлають добрымъ людямъ: иртомъ заўнеть, агнёмъ пякеть, капытомъ тапанеть, да смерти бьеть, хвастомъ батнеть—за сто сажань чилавѣка драбнѣй маку ссикеть! Иванъ Гвидонавичъ кажыть сваёй матири: «вотъ, маминька! кабъ Гасподь издаў намъ канюшанку каминнаю, вокала залатую, крыша драгацэннага камня, на нашыхъ на багатырськихъ на добрыхъ каней на питнанцать, и засыпалась ба имъ па сто читьвиртей аўсица у день на кажынага каня, и залажылась ба имъ па сто питьдесятъ пудоў синца, и заливалась-ба имъ вадицы па дьвѣстя вѣдиръ на кажынага!» Ня ўспѣў жа ёнъ ета дѣла исказать, якъ канюшня и стаить. И кони пашли па мистамъ, па станкамъ, аўса засыпалася, сѣна залажылася и вады залилася.

Идуть карабельщики у шасьти. У еты палаты заходють, дьвери атчиняють, у палаты уступають. Якъ узглянули еты карабельщики на питнанцать малайцоў, родныхъ братоў, сильныхъ магучихъ припышныхъ багатырёў,—такъ у ихъ ноги и адиревинѣли, языки акасьтинѣли, ня могуть абаратитца ува рту; вочи аставбинѣли, ни магли узглёнуть,—и прихинулись яны къ стинѣ пличамъ. Иванъ Гвидонавичъ зъ застольля выхадиў и зъ ими разгаворъ мѣў: «што вы, братцы карабельщики, такъ вочинна пужантись и рабѣйтя? Ни пужайтись и ни рабѣйтя! тутъ ни вары, ни разбойники—а сильныи-магучіи багатырёчки—царськіи сыночки. Прашу я васъ: пойдитя вы къ царю Гвидону Самихлёнаричу, абъявитя яму, што съ усяго бѣлага сьвѣту у яго градъ дива пришло!»

Пашли яны къ царю Гвидону Самихлёнавичу у билакаминныи палаты. Царь ихъ сустричаить съ хлѣбамъ и съ сольлю, зъ добрыхъ здароўямъ, стульлё стнаўляить и ихъ сажаить, промижъ ихъ самъ садитца и разгаворъ мѣнить. А Иванъ Гвидонавичъ сваимъ чирядомъ абярнуўся сызымъ галубкомъ и падъ вакошкамъ слухаить. «Што вы, братцы карабельщики: вы па бѣлу сьвѣту хадили, якога дива ти ня видили?» Карабель-

щики атказываюць: «мы па бѣлу сьвѣту нидѣ такога дива ня видили, якъ у вашымъ ува гради!» Гвидонъ Самихлёнавичъ атвичаиць: «у третій разъ чую, што у мой ува градъ усё дива пришло! Што шъ такоя за дива?»—«Якъ жа шъ ня дива, атказываюць карабельщики: што чиризъ двананцаць сутакъ ни было ничо́га, а ціперь вы̀будувались палаты, садъ-винаградъ, выдажыўся мостъ на дванацаць вёрстъ, зъявиўся дубъ-Ста-радубъ съ усякимъ разнымъ примѣтамъ, и выстраилася канюшня каминпа́я, вокала залатая, крыша драгацэннаго камня, и ў тэй канюшни питнанцаць канéй, у тыхъ жа каняхъ залатая шарсьцинка, сиребриная шарсьцинка, залатый капытъ, сиребриный капытъ, зъ наздёръ жаръ сыплитца со́ рта по́лынь шуба́иць, у правая вуха улизаць—нарижа̀тца, у лѣвая улизаць—умуватца! Ну палаты жъ харашы, харашы, а ў тыхъ палатахъ парни—дужа приукрасны, питнанцаць малайцоў, родныхъ братоў, сильныхъ магучихъ припышныхъ багатырёў. У ихъ ува лбахъ сонца, у патылицахъ мѣсицъ, руки у золаци, ноги у сирябрѣ, цилиса уси у дробныхъ звёздачкахъ; яны пьюць и гуляюць, ни на вошта ва сьвѣци ни ўпуваюць!»

Тады бирець царь Гвидонъ Самихлёнавичъ трёхъ инаралаў и трёхъ аквитандаў,—ни стаў ни якай гаво́рки мѣць зъ Аринай,—и пашоў етага дива паглидѣць—самъ сёмый. На масту идуць—усьмихаютца, падъ дубъ падходюць—прислуха́ютца, падъ канюшню подходюць—приглида́ютца, къ била-каминнымъ палатамъ падхо́дюць—любапыствуютца. Тады дьвери атчиняюць и ў палаты уступаюць. Узгля̀нуў царь Гвидонъ Самихлёнавичъ на етыхъ на своихъ ка родныхъ сыноў—разудалыхъ малайцоў,—ёнъ спужаўся, зъ ногъ звалиўся, нижыў стаў. Иванъ Гвидонавичъ кажыць: «вазьмиця, братцы, айца, на рукахъ ускалыхниця, вады у вочи усплихниця! Што шъ ты, цяцинька, такъ пужаисься и рабѣишъ? Мы ни воры, ни разбойнички, а вазлюблины тваи сыночки,—сильныи магучіи багатырёчки!»—Скажыця шъ вы мнѣ ясьвиннаю праўлу: дѣ Иванъ Гвидонавичъ и маць ваша?—«Вотъ, кажуць, цяцинька: Иванъ Гвидонавичъ на лаўцы сидиць,—ёнъ у насъ большымъ—и маць кала̀ яго!» Протчіи браты кажуць: «што шъ ты, Иванъ Гвидонавичъ, ни падайдёшъ къ айцу свайму?» А ёнъ атказываиць: «ни дастоинъ я къ айцу падхадиць и буйный сваёй галавы схинуць; а дастоинъ атецъ мнѣ двананцать паклонаў атдаць!—«Пачаму шъ такъ кабъ атецъ нашъ буйнай галавой хинуўся—паклоны даваў?»—«А вотъ, кажыць, пачаму: што я айца свайго у бочку ни садиў и на синя мо́ря ни пущаў, а мине атецъ зъ матирью у бочку пасадиў и на сйнія мо́ря успусьциў. Вотъ пачаму даўжо́нъ ёнъ мнѣ двананцать паклоновъ издаць, а матири девиць паклонаў!»

Царь Гвидонъ Самихлёнавичъ къ Ивану Гвидонавичу падступаў и

дванацать паклонау издау. А жанѣ сваей тольки три паклоны издаў— Настаси Пирикраси Диміёнауни: шэсь пакланаў ина яму аслабанила.

Тады Гвидонъ Самихлёнавичъ Ивану Гвидонавичу кажыть: «вазьми ты, сынъ мой вазлюблиный, сваю тётку Арину, каторая васъ сь сьвѣту звадила, навяжы иѐ на дванацать на коньськихъ хвастоў и раздяри ие: першы ета смерть даставалась вашый матири!»—«Нѣ, тятинька: вяли сваймъ вѣрнымъ слугамъ даставить Арину сюды; а я съ канянной канюшни прикажу имъ, канямъ сваимъ, кабъ стаяли тиха, змирна и спакойна!»

Даставили Арину сюды. Вилѣў Иванъ Гвидонавичъ выступить сваимъ добрымъ канямъ исъ канюшни, приказаў стаять тиха, змирна; вилѣу слугамъ навизать на хвасты тётиньку Арину. И навизали ие на дванацать хвастоў. Тады вилѣу Иванъ Гвидонавичъ народу атдалитца атъ етыхъ каней, тады казау, штобъ еты кони стрипянули хвастамъ. Разлитѣлися костачки Арипины драбнѣй дробнага маку! И дѣла ни стала, и кони пашли па станкамъ, па сваимъ мистамъ.

Тады царь Гвидонъ Самихлёнавичъ ни пашоў у сваи старыи билакаминныи палаты жыть, пажывать, а стаў у Ивана Гвидонавича жыть, пажывать. И атдаў сваю карўну царськаю Ивану Гвидонавичу и надялиў яго. Иванъ Гвидонавичъ стаў жыть ды пажывать, ды ўсимъ чарствамъ павиливать.

Д. Волотовки, козьян в. городок. у. вит. губ.

Запис., по моимъ указаніямъ, фонетически, въ видѣ опыта, учит. народн. учил. I. Барановскимъ отъ мѣстн. крестьян. старика неграм.

17. Дубъ Дорохвей.

Живъ дѣдъ ды й баба. Было у ихъ три дочки. Баба, узраст́ивши до-
чокъ, узила ды й померла; а дѣдъ жанився на другей, молодэй княгини.
Якъ мачиха ня родная мамка, дыкъ ина не ўзлюбила своихъ падчерыкъ
и кажеть дѣду: «вязи своихъ дочокъ либо ў лѣсъ, либо ў воду, либо
ў чистое поля, а ня то я сама себе звяду со свѣту!» Жалко дѣду дочекъ, жонки жъ ящо горши жальчѣй. И послухайся ёнъ её—не ўзявъ
свойго розума; и кажеть ёнъ дочкамъ: «ну, дочушки: возьмитя вы корзинки, а я топоръ; и пойдемъ мы у болото!» Якъ пришли яны у болото, ёнъ имъ говорить: «вы, дочери мои любимыи, бярития ягодки на
етый боровинки, а я пойду на тую боровинку лучинычку сѣчь!» Вотъ
ёнъ отышовъ отъ ихъ такъ, штобъ имъ ня было видно; тоды узявъ сосновую досочку, ды привизавъ къ бѣлой бярезинки; а самъ скорѣй ны
коня, ды й поѣхавъ домой, штобъ серца горши ня выло по роднымъ дочушкамъ, ды штобъ яны яго не засьпѣли. Досочка жъ тая лясь ды

лясь! по бярёзинки; а яны кажуть: «во, нашъ татулька усё лучинычку сякѐть!»—Ды бяруть, бяруть ягодки. Брали яны, брали, покулиться спосьтигла ихъ тёмныя ночка. Тоды большая сестра кажеть: «пойдемъ, сястрицки, къ татки: знать ёнъ про насъ забывся!» Пришли яны къ тому мѣсту, дѣ ляскыла досочка, ашъ тамъ никого нѣтути! Заплакыли, залилися яны горючимъ слезамъ. А большая сестра говорить: «ну, пришла наша смярётка! Не ўзлюбила насъ лихая мачиха: заставила ина нашаго татку со свѣту насъ зжить. А ёнъ самъ не захотѣвъ на вумъ насъ пыставлять, ды привёзъ у етытъ лѣсъ!» Сяредьнія шъ кажеть: «Пойдемъ лѣпши подъ зялёную сосенку, зьядимъ хлѣбца, што ў насъ у мяшочку, тоды пойдемъ далѣй,—авось куды либо придемъ». Нашли яны большую сосенку, сѣли подъ ей и сидять. Якъ стало имъ дужа бѣдно на родимаго татку, што ёнъ послухався злэй мачихи и звёзъ ихъ, родныхъ дочокъ своихъ, на згибель у тёмный боръ; якъ заплакыли, якъ залились яны буйнымъ, горючимъ слезамъ! Плакыли яны, плакыли, покулитька отъ ихъ буйныхъ чистыхъ слёзъ пошли рѣки на ўсѣ чатыре стороны.

И дыйшла одна рѣка ды царськыго-государськыго дома. Устаёть у тое вутро царь ранѐнько, умываетца бѣлѐнько, молитца Богу щирѐнько и выходить на балхвонъ. И видить ёнъ ряку, што учора и слухомъ было не слыхать, и видомъ не видать. Царь ни здивустца на ету ряку. И захотѣвъ ёнъ узнать, откулитька ина тякѐть. Созываеть ёнъ своихъ вѣрныхъ слугъ и приказываеть имъ: «слуги мои вѣрныи, слуги мои добрыи! Идитя вы по беряшку́ етый ряки ды самаго того мѣста, откулитька ина тякѐть,—и хто тамъ ёсь—ти пень, ти колода,—ти человѣкъ, ти пташка, ти звѣрь, ти букашка,—вядитя сюды ко мнѣ!» Ишли тыи слуги ти много, ти мало, ти довго, ти коротко; а дойшли до сосёнки. И увидили подъ ёй трёхъ красныхъ дѣвицъ, трёхъ родныхъ сястрицъ. «Ну, кажуть, дѣвицы-красавицы: мы возьмемъ васъ у царській домъ! Такъ намъ царь приказавъ!» Дѣвицы имъ спокорилися. Пришовши къ царю, низѐнько поклонилися. Царь ихъ пытаеть: «якого вы роду, якого вы племени?» Яны тоды говорють яму́: «простаго мы роду и племени! Не ўзлюбила насъ лихая мачиха, и заставила ина нашаго родняго татку звясьти насъ у тёмный боръ. А мы тамытька дужа прибядьчилися, расплакылися, растужилися, и пошли отъ нашихъ буйныхъ слёзъ рѣки на ўсѣ чатыре стороны!» Пылядѣвъ на ихъ царь, а тыи дѣвицы такіи пригожіи, што ни ў сказки сказать, ни пяромъ ныписать. Царь и кажеть: «вы дѣвицы, а я холостъ: икая изъ васъ проворнѣй, тую и замушъ возьму!» Большая на ето яму отвѣчаеть: «а коли даси мнѣ, царь-государь, одно пшашнное зярёшко, дыкъ я усё твоё царство прокормлю!» Сяредьнія шъ

говорить: «я однэй ниткой усё царство шавковой одёжей надѣну!» Послѣ
за ўсихъ пытаеть царь у малэй: «а ты шъ чимъ проворна и разумна?»
Ина яму отвѣчаеть: «царь нашъ наясьнѣйшій, отецъ нашъ наймилѣй-
шій! Я й ня вумна, и ня дурна: а коли возьмешъ мене замушъ, дыкъ
я дванадцать сыновъ спороджу—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, по-
хводка у похводку, говорка у говорку, лицомъ якъ одинъ, по колѣно
ў золоти, по поясъ у серябрѣ, во лбу ясёнъ мѣсяцъ, у потылицы дроб-
ны звёздычки, по вискамъ красно солнышко!» Царь ставъ думать—га-
дать, ды совѣтъ съ князямъ держать. И порашивъ ёнъ жанитца на
малэй. А тыхъ ныдяливъ замлёй и ўсякимъ быгатствомъ.

Жили яны ни много, ни мало, а знать три года. Царица стала бе-
ремена. У ету жъ пору-ўремячко спонадобилось царю ити войной у чу-
жіи далёкіи земли. Поѣхавъ ёнъ, а царица тутытька родила дванадцать
сыновъ: голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, похводка у похводку, говор-
ка у говорку, лицомъ якъ одинъ; по колѣно у золоти, по поясъ у се-
рябрѣ; во лбу ясёнъ мѣсяцъ, у потылицы дробны звёздочки, по вис-
камъ красно солнышко. Большіи сёстры уздумыли тоды ихъ зъ маткой
стратить. Пыдкупили яны на ето бабку—пупорѣзницу. Ды слуги царсь-
кіи не допусьтили тую бабку; а царицу съ сынамъ берягли, якъ свой
глазъ во лбу. И послали яны къ царю гонца съ письмомъ, што Бохъ давъ
ёдыкую радысь. Ишовъ етытъ гонецъ цѣлый день, покуль не спосьтиг-
ла яго тёмныя ночка. Тоды ставъ ёнъ ношлегу сабѣ искать, и попавъ
къ большый сястры. Ина узнала, хто ёнъ такей, и стала казать: «но-
чуй у насъ, милый гось! Ды ти ня вытопить табѣ лазьню; ты бъ
зъ дороги пупарився! Старикъ согласився. Ныложивъ письмо за бож-
ницу, а самъ пошовъ у лазьню. Вотъ, якъ пошовъ ёнъ у лазьню,
ина узила, прочитала тое письмо и написала къ сярёдьній: «ся-
стрицка родная! спыродила наша милая сестра, якъ говорила! А мы
напишимъ царю, што родився у яго ни жукъ, ни жаба, ни повзучія
лягуха; ни йдеть, ни повзеть, ни сквярётца, ни піеть! Тоды ёнъ вя-
лить её стратить и женитца на якей-либо изъ насъ!» Пришовъ го-
нецъ зъ бани, повечеривъ и лёхъ спать. Переночевавъ, а назаўтра
уставъ ранёнько, умывся билёнько, помолився Богу щирёнько, и по-
шовъ опять у путь—дороженьку. Ишовъ ёнъ до самой тёмной ноченьки;
а якъ спосьтигла яго ночь, ёнъ и заночевавъ у малый сястры. Ета такъ,
якъ и большая, распытала яго про ўсё и зытопила лазьню. Ёнъ пошовъ
у лазьню; ина шъ тымъ—часомъ прочитала письмо сястры, сожгла тое,
што писали къ царю; а замѣсто яго ныписала, якъ казала ёй боль-
шыя сестра. И ящо прибавила: «такую скверь твоя жонка родила, што
ни ў басьни збаить, ни ў сказки сказать, ни людёмъ показать!» За-

клеила ина ето письмо и пыложила за божницу. Пришовши зъ бани гонецъ, повечеривъ и лёхъ спать. Переночевавъ, а назаўтра, уставши раненько, умывшись бѣленько, помолившись Богу щиренько, опять отправився у дальній путь. Шовъ ёнъ, товъ, дошовъ до царя и подавъ яму письмо. Царъ прочитавъ и зжихнувся: «Божа мой, Божа! якъ говорилося, а якъ спородилося!» Думавъ ёнъ, гадавъ ёнъ, и написавъ: «хто тамъ уродиўся—ти жукъ, ти жаба, ти скверь икая—оставить до мойго прихода, до мойго пріѣзда!» Пошовъ гонецъ зъ етымъ приказомъ узадъ, и приходить ёнъ на ночь къ сяредьній сястры. Ина, якъ и першій разъ, велѣла вытопить яму баню. Ёнъ пошовъ туды, пыложивъ царській приказъ у божница. А йна узила, прочитала, ды сыжгла, а на тое мѣсто пыписала, штобъ ихъ, добрыхъ молодцовъ, сичасъ сказьнили. Пришовъ гонецъ зъ бани, повечеривъ и лёхъ спать. На другей день опять пошовъ далѣй. Шовъ ёнъ до поздній ноченьки и заночевавъ у большый сястры. И ў ей стопили яму баню. Пошовъ ёнъ у баню, дыкъ ина прочитала тое письмо ды й прибавила: штобъ одинадцать сыновъ зашили у кожынный мѣхъ, а царицу зъ малымъ сыномъ засадили ў смоляную бочку, и спусьтили усихъ на синё моря.

Пришовъ гонецъ зъ етымъ приказомъ у царській городъ. А городъ такъ и сіяеть отъ ихъ, добрыхъ молодцовъ! И князи, и бояры на ихъ ни ўзлюбуютца, и царському приказу ни здивуютца! Ды дѣлать нечего: воля царськая—воля Божжія: сполнять её надо! Узяли яны одинадцать сыновъ зашили у кожынный мѣхъ, а малаго зъ маткой усадили у бочку, засмолили, и спусьтили усихъ на синё моря.

Ды змиловався надъ имъ Бохъ и пуслаў повѣтерья: тотъ мѣхъ ня тонеть, а плывёть. И приплывъ ёнъ у тридевятую зямлю, у тридесятое чарство. У етымъ чарстви бывъ дубъ—Дорохвей на дванадцать короклей, па самомъ беряшку синяго моря. И ёсь у того дуба большое дупло. Вотъ старшій братъ кажеть: «братцы мои милыи, братцы родимыи! даёть намъ Бохъ гулянья-отдыханья: разорвёмъ мы мѣхъ и выйдемъ на волюшку!» Яны жъ яму отвѣчають: «не разорвать намъ, братитка, етого мѣха!»—«А, кажить: насъ мать спородила—на щастья блыгословила,—блыгословимъ жа и мы одинъ другого!» Блыгословили яны друхъ друшку расъ, другей ды й третій. И якъ понатужились—понасилились яны за третьтимъ разомъ, дыкъ разлетѣвся тотъ мѣхъ на дробныи кусочки! Вышли яны, добрыи молодцы, на крутэй беряжокъ, увидили дубъ—Дорохвей на дванадцать короклей, и залѣзли у яго дупло.

Царица жъ зъ малымъ сыномъ плавала по морю три дня и три ночи. На чатьвёртый день сынъ кажеть: «ну, родимая мамка: чую я, што мы къ вострову прибилися: якъ бы намъ зъ бочки выбратца?»—«Нѣ,

дитятухна, говорить царица: дѣ намъ разбить едыкую бочку?»—«И, мать моя рбдная! ты мене спородила—на щастья блыгословила,—блыгослови шъ и теперь!—«Бохъ блыгословить, и я блысловляю!»—«Блыгословила шъ разъ—блыгослови и другѣй!»Ина и другѣйблыгословила.—«Блыгословила другѣй—блыгослови и третьтій!»—И третьтій блыгословила. За третьтимъ разомъ ёнъ понатужився, якъ ударить кулакбмъ по бочки, дыкъ ина и разлетѣлась на ўси стороны. Тоды вышли яны на востробвъ Будай, и построивъ ёнъ тутъ городъ Китай. Якъ зажилися яны тутъ, ёнъ и пытаеть у матки: «дѣ бъ намъ, мамухна, сыскать одинадцать родныхъ брáтцавъ?» Царица шъ яму отвѣчаеть: «ня сыскать намъ ихъ, дитятухна: згибли яны на синимъ мори!» Ёнъ жа каеть: «вѣдаю, мамка: ёсь у тридевятэй зямлѝ, у тридесятымъ чарстьви дубъ Дорохвей на дванадцать короклей; и ёсь тамъ большое дупло. Яны и сидять у етымъ дуплѣ, ды ня могуть выйти, зато што ли дуба ёсь такая птица, што людей спожираеть. И хочеть ина ихъ сожрать, ды ня ўлѣзеть у дупло; а оттулитька яны не выходють! Спяки ты, родная мамка, съ свойго молока дванадцать просвиръ, и блыгослови мене у дальній путь-дороженьку: пойду я искать родныхъ брáтцавъ!» Ина такъ и здѣлала.

Пошовъ ёнъ молодецъ-удалецъ у тридевятую зямлю, у тридесятое чарство; увидивъ ёнъ тамъ дубъ-Дорохвей на дванадцать короклей: вялыкъ дубъ, а птица ящо больши! «А, кажеть ина яму: здорово, добрый мблодецъ! Не такихъ я видала, и тб спожирала; а тебе ничбго пя стбить зъѣсь!» Ёнъ отвѣчаеть ёй: «ты, птица-корипица, погоди спохвалятца: дай-ка мы съ тобой поборáхваемся!» Схвативъ ёнъ ее, якъ ударить объ крѣпкій дубъ,—такъ зъ дуба дванадцать суковъ долой! Ёнъ другѣй разъ ударивъ объ сыру зямлю,—и тутъ ина споконьчалася! Тоды ёнъ говорить: «хто ёсь у дуплѣ, выходи сюды! Коли старый человѣкъ—будь мнѣ батюшка; коли рбвня мнѣ—братетка!» Вышло одинадцать добрыхъ молодцовъ. И стали яны просить у яго чаго-либо поѣсь. Вынувъ ёнъ тыхъ дванадцать просвиръ, и давъ ймъ по однэй, а одну сабѣ узявъ. Якъ стали яны ѣсь просвиры, дыкъ сичасъ распознали, што яны спечены зъ маткинаго молока. И догадалися яны, што ето ихъ братетка рбдный. И пошли яны уси зъ имъ, у яго городъ Китай.

И ѣхали черезъ етытъ городъ купцы-корáбельщики у чарство ихъ батьки. Малый братъ приляпився къ ихъ кораблю мухэй и пріѣхавъ къ царю. Царь ставъ пытать у купцовъ: дѣ яны бывали, што видали? Яны яму кажуть: «были мы у тридевятэй зямли, у тридесятымъ чарстьви. У етымъ чарстьви ёсь востровъ Будай, а на имъ городъ Китай. Ёнъ весь такъ и сіяеть, зато што тамъ ходить дванадцать добрыхъ молодцовъ—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, походка у походку, говорка у го-

ворку, лицомъ якъ одинъ; по колѣно у золоти, по поясъ у серябрѣ, во лбу ясёнъ мѣсицъ, у потылицы дробны звѣздочки, по вискамъ красно солнышко!» Царь сичасъ догадався и кажеть: «ето, вѣрно, мои дѣти!» А большая сестра говрить: «ту, царь: што ето за диво? не твои ето дѣти. Вотъ то—то будуть твои дѣти, хто достанеть у тридевятэй зямли, у тридесятымъ чарстьви кота Валдая. Ёсь тамъ дубъ Дорохвей па двананадцать короклей: дыкъ на етымъ дубу живеть котъ. Унизъ ёнъ идеть—басьни баить; уверхъ идеть—сказки кажеть!» Царевичъ усё слышить. Якъ поѣхыли купцы узадъ, ёнъ вярнувся зъ имъ у свой городъ, и кажеть братамъ и царицы: «загадала намъ тётка загадку,—ня вѣдыю, якъ её и разгадать! Блыгослови ты насъ на ето, матушка!» Ина ихъ блыгословила, и яны, добрыи молодцы, вышли у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса: крикнули, гаркнули быгатырськимъ голосомъ,—и за ночь у ихъ усё стало! Купцы жъ опять проѣхали черезъ ихъ городъ у чарство ихъ батьки. Малый царевичъ обярнувся мухэй, приляпився къ ихъ кораблю и поѣхавъ зъ имъ. Царь опять пытаеть ихъ: дѣ яны бывали, и што видали? Яны говорють: што на востровў Будай, у городи Китай, ёсь дубъ Дорохвей на дванадцать короклей; по етому дубу ходить котъ Валдай: ёнъ унизъ идеть—басьни баить; уверхъ идеть—сказки кажеть. Царь на ето чудо ни здивуетца и говорить: што вѣрно ето яго дѣти достали яго! А большая сестра опять кажеть: ето, царь, чудо ня чудо! вотъ то чудо, што у тридевятэй зямли, у тридесятымъ чарстьви ёсь яблонька серебряная, яблонька золотая; яблочко серебряное, яблочко золотое, вѣточка серебряная, вѣточка золотая. Хто достанеть ето чудо, то и будуть твои дѣти!». Царевичъ опять усё слышавъ. Вярнувся съ купцамъ у свой городъ, расказавъ про усё матки и братамъ. Царица имъ кажеть: «нѣ, дитятухны! не достать намъ етыго дива, и не вярнуть вамъ свойго батюшки!» Яны жъ попросили ее, штобъ ина ихъ блыгословила. Вышли опять у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса, крикнули, гаркнули быгатырськимъ голосомъ,—и за ночь выросла имъ яблонька серебряная, яблонька золотая—вѣточка серебряная, вѣточка золотая—яблочко серебряное, яблочко золотое.

Опять жа купцы корабельщики проѣхыли черезъ ихъ городъ къ царю на поклонъ. Зъ имъ обярнувшись мухэй, приѣхывъ и малый царевичъ. Ставъ царь опять пытать ихъ, якое яны видили чудо. Яны расказали, што на востровў Будаю, у городи Китаи видили одну яблоньку серебряную, одну золотую, вѣточку серебряную, вѣточку золотую, яблочко серебряное, яблочко золотое. Царь етому диву ни здивитца и кажеть: «ето, вѣрно, мои дѣтки дыстали!» Большая жъ сестра опять говорить: ну, дѣ, царь, тотъ отживеть, хто утопився! Вотъ то твои дѣти, хто до-

станеть у тридевятэй зямли, у тридесятомъ царстьви мость, што одна мосьничинка серебряная, одна золотая; а якъ ѣдешъ по имъ, дыкъ упярёдъ ёсь, а сзади нѣтути! Царевичъ вярнувся съ корабельщикамъ домой и разсказавъ братамъ и матери, якую имъ тётка загадала загадку. Царица имъ кажеть: «нѣ, дитятухны: не разгадать вамъ етый загадки,—не вярнуть вамъ свойго батюшки!» Малый сынъ отвѣчаеть: «вялико щастье, мамухна, вяликъ и Бохъ: усё долю дась! Блыгослови ты насъ, якъ блыгословляла упярёдъ!» Ина блыгословила. Яны опять пошли у чистое поля, у зялёныи луга, у заповѣдныи лѣса; крикнули, гаркнули богатырськимъ голосомъ, и за ночь явився мостъ. Вотъ, якъ разсказали купцы-корабельщики про ето чудо царю, ёнъ и кажеть: «ето ўже мои дѣтки достали яго! Поѣду я къ имъ!» Большая сестра ничого не нашла сказать. Ёнъ и поѣхавъ. Ина шъ за имъ услѣдъ. Якъ подъѣхыли къ тому мосту,—яму мостъ ёсь, а ей нѣтъ! яму мостъ ёсь, а ей нѣтъ! И прiѣхавъ царь на востровъ Будай, у городъ Китай. А ёнъ увесь такъ и сiяеть отъ яго сыновъ. Увидѣвъ тамъ царь царицу и сичасъ узнавъ ее. Ина шъ показала яму дванадцать сыновъ—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, походка у походку, говорка у говорку, лицомъ якъ ѳдинъ; по колѣно у золоти, по поисъ у серябрѣ; во лбу—ясёнъ мѣсицъ, у потылицы—дробны звѣздочки, по вискамъ—красно-солнышко. На радысьти яны задали пиръ на ўвесь мiръ. А большихъ сясьтёръ царь велѣвъ привизать къ коньськимъ хвостамъ и пусьтивъ у чистое поля.

Вировлянская вол. городок. у. у. витеб. губ.

17. Иванъ Ивановичъ—царевичъ.

Въ нѣўкоторомъ царстьви, въ иньшамъ государстьви живъ сабѣ одинъ царъ. И захотѣвъ ёнъ саби жанитца, и поѣхавъ у протчiя чужiя зёмли нявѣсту вибирать сабѣ. Поѣхавъ ёнъ у водно царство, ѣздивъ, ѣздивъ, подъ обичай жану не нашовъ. Вярнувся ёнъ домовъ. Поживъ кольки-нёбудь дома тамъ, да й поѣхавъ у другое царство. Тожа и тамъ ня 'бискавъ подъ свою натуру. Вярнувся домовъ, и поживъ мало-много дома. Поѣхавъ ёнъ у трэтьтiя царство, и ѣздивъ, ѣздивъ—тожа не нашовъ. Воротився домовъ и заѣхавъ у дяревню на ночь. Випросився у мужика на ночь у хорошаго, и ставъ тамъ питать сабѣ нявѣсты за себэ. Тутъ жа сыйчасъ, позно у вечару, повъёвъ кучаръ лошадей поить, и спусьтивъ вядро. Сыйчасъ жа тутъ глянувся—тѐмно у хатахъ. А въ одной свѣтитца. Ёнъ пошовъ вядерца просить туды. Подыходя подъ вокошка, ажъ тамъ сядить три дѣвушки—сёстры, и разговаруять мижа собой. Вотъ, говора: царевичъ етый ѣздя да сватаетца, ну тольки крашшай мижда

трохъ насъ не найдя! Большая сказуя: коли бъ мяне ўзявъ, то я бъ яго ўсю вармію однымъ хлѣбомъ скормила! Серадо̀лшая кажа: коли бъ мяне узявъ, то бъ я бъ яго усю вармію одной глою опшила! А меньшая кажа: коли бъ мяне ўзявъ, то бъ я бъ ямў родила двананцать сыновъ, да усѐ соколовъ: во лбѣ мѣсячко, у потылицы звязда̀, по локоть руки у срэбры! Вотъ тяперъ жа сычасъ той кучаръ,—не ставъ уже вядра̀ просить,—варнувсь на хватеру, и выгукнувъ царевича, и ставъ яму говорить: отъ, говора, царськое вяличаство: якъ водивъ я лошадей, и спусьтивъ вядро. И глянувся я—у усихъ хатахъ те́мно, а въ одной свѣтитца. Пошовъ я вядра просить, ажъ тамъ три дѣвушки сидять и шіяти. И вихваля̀ятца мижда собой: нехай етый царевичъ хочь усю зѐмлю объѣздя, а крашшай насъ не найдя! Большая говора: коли бъ мяне узявъ, то бъ я бъ яго усю вармію однымъ хлѣбомъ скормила! Серадолшая каа: коли бъ мяне узявъ, я бъ яго усю вармію одной глою опшила! Самая меньшая кажа: коли бъ мяне узявъ, то бъ я бъ яму родила двананцать сыновъ, да ўсё соколовъ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда̀, по локоть руки ў срэбры! Уходя царевичъ зъ надворъя и питаа у того мужика, што ночуя: што, каа: е́ у васъ такія и такія дѣвки?—Е!—Ну, по́йдомъ у сваты! Отъ, иде царъ и думаа: якую мнѣ узять? Отъ, думавъ, думавъ самъ сабѣ и надумався: хочь ба я большаю и ўзявъ—у мяне хлѣбъ е́; серадолшаю я бъ узявъ—у мяне и одѐжа ѐ. А возьму ме́ньшаю! Узявъ за сябе меньшаю, и поѐхавъ у своѐ царство. И живъ тамъ, ти мало, ти много до́ма. И заберэменила яго хозяйка. Тутъ тода жа издѣлалась трывога, и трэба ямў съ свойго царства отправлятца на повгода. И прощастца ёнъ исъ своей жаной и приказуя ёй дужа: што, говора, моя милая: коли Господь Богъ дасть табѣ, по про́стому—родіны, што́ бъ ты ни родила, дакъ ко мнѣ прислала! Тутъ жа отправився ёнъ за своими потрэбками, а йна мѣсяцы у два родила, посьли яго, двананцать сыновъ, да усѐ соколовъ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у срэбры. Пиша яна пакетъ и отправляя съ свойго царства вѐрника, и строго яму приказуя, шобъ пакета не попускавъ никомў ў рукы. Дочулися яе сѐстры, што яна обродилась, и ўзяли, по большой дорози по'ткўплювали сабѣ шинкѝ. Такъ жа, ихавъ той вѐрникъ съ пакетомъ. И случилося къ большай сястрэ на̀ ночь. И спрашуя таа сястра: куды тябе Богъ нясе́? А ёнъ говбра: поѣду къ цару! Яна спрашуя: по якомъ случа̀ю?—Обродилась царевна: двананцать сыновъ родила, да усё соколовъ, уво лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у срэбры! Отъ, тяперъ яна кажа: а, то̀ моя ро́дная! Ахъ, ради такого госьтя трэба лазьню стопити, а то ты стомився, заморився! Яго повялѝ у лазьню, а яна сичасъ жа пакетъ виняла и сама написала: родила табѣ, мой милый, двананцать штукъ·

кошѐччи лапи, мишинныя хвосты̀, собаччія роты̀. Узяла и запечатовала, и ўложила. Приходя той зъ лазьни, бярэ пакетъ, и отправляетца по дорози саби. Случаетца другая ночь, заяжжаа ёнъ на ночь. Тутъ жа и питаять у яго: куды ты ѣдешъ?—Ѣду, каа, къ цару!—По якомъ случа́ю? —Роди̇ла наша царевна! Испрашуя хозяйка тая: што жъ яна родила? —Дванацать сыновъ, да усё соколовъ: во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звязда, по локоть руки у срэбры! Отъ ета отвяща́а: ахъ, говора: ето наша родная сёструшка! А ето ёнъ къ сярэдьняй заяжжая. Такъ жа и таа: ахъ, говора: другъ нашъ! треба табѣ лазьню витопить! Повялѝ яго ў лазьню, а яна пакетъ разломила, ящѐ похудчай потправила. Прихо́дя той изъ лазьни, и отправляетца по дорози. А того не бача, шо.... Да и почомъ жа ямў бачить, мо, шось накрўчано! Пріяжжаа икъ цару на границу, отдае цару пакетъ. Разла́муя царъ пакетъ и ўзвявъ читать. И ставъ силно плакать. Ахъ, говора, Божа милосьливый! Няўжли я парадъ Богомъ сограшивъ, що мнѣ такій случай злучивсь? И ўзявъ ёнъ пакетъ писать: шо, моя мила́я, до мого приходу якій табѣ Богъ случай давъ, щобъ ёнъ цѣлъ бувъ! И запечатавъ пакетъ. И ўручивъ свойму довѣрному. И поихавъ той назадъ довѣрникъ. Такъ жа заяжжаа икъ етой къ сястрѣ къ пярэдьняй, идѣ ёнъ ночававъ позадъ. Яна яго пригосьтила и лазьню затопила. Яго жъ повяли у лазьню, а яна узяла, пакетъ разломила и прописала: щобъ, моя милая, ня бачивъ я тябе у вочи до мого пріѣзду! Сичасъ жа того привялѝ зъ лазьни, ёнъ сичасъ узявъ пакетъ и поѣхавъ по своéй дорози. Такъ жа заяжжаа изновъ па тую хватеру, на другую. Тожа й тая пригосьтила. И повяла̀ ў баню. А сама пакетъ разломила и потправила ще похужай. Пріяжжаа ёнъ икъ царевни и отдае царевни пакетъ. Царевна пакетъ читая и силно плача: ахъ, говора, мой милый! що жъ ты зъ менэ зругнувся? Я жъ табѣ чимъ вихвалялась, тое й здѣлала! Тольки жъ думать нечаго, а царськое слово свято, що написано, тое надо и дѣлать. Сичасъ жа гукнула бондаровъ и ковалёвъ: сичасъ жа мнѣ изробить бочку, а ви, ковали, набитя зялѣзныя обрўчи! Бочку для ёй зробили. Яна узяла, одина̀нцать мальчиковъ у бочку упусьтила, и закубрила, и пусьтила на мо́ра: плывитя! когда я ня грэшная душа, дакъ ви живи будетя! А сама дванацатаго узяла и пошла у сьвѣтъ исъ свого царства. Ходила, ходила яна по ўсихъ царствахъ, и найшла сабѣ монастырь. Доклалася къ гўменьшому; примитя мяне за чаля̀дку! Гуменьшій принявъ яе за чалядку. А хлопчика стала просить, щобъ у школу. Той жа хлопчикъ вўчитца скорымъ пос́пѣхомъ. И такъ выўчивсь ёнъ за годъ, шо протчія по десять лѣтъ ўчатца.

И скоро казка кажетца, да ня скоро дѣло дѣлаетца. И виросъ той мальчишка уже й настояща. И стала яму ўпротивно: ба́ча ёнъ, що яго

матка за чалядку служа. Ёнъ говора: матушка, годи табѣ служити, а пойдомъ ми да здѣлаемъ на большой дорози ли мора сабѣ домъ! Отъ, яны и пошли, знатца, оттуляка. Пришли къ мору и вистроили сабѣ тамъ домъ, и стали займатца разными торговлями. Ишли большой дорогой звощики повзъ домъ, и ожарабилась у ихъ кобыла. Дакъ яны подарили яму лошонка. Отъ, сыйчасъ ставъ ёнъ сабѣ людей прiучать и разными торговлями торговать. Прiяжжали къ яму корабельщики,—ишли морамъ. Такъ жа ёнъ ихъ и угосьтивъ. И побулй у яго корабельщики, и отправляютца яны, къ свойму, знатца, цару, корабельщики етыя. Ёнъ ихъ проводжая и заходя икъ свойму коню. И отвящая яму лошадь: ахъ, говора: хозяинъ мой любiй! узлѣзь ты, говора, на менэ и упади зъ менэ, и издѣлаесься ты голубцомъ. И полятишъ ты на той бокъ мора, и сядешъ ты корабельщику на правое плячо, и унясе ёнъ тябе у царськiя комлаты. И вислухаешъ ты тамъ, що будя царъ съ царевняй гомонить! А царъ то той вярнувся изъ воинства, идѣ ёнъ бувъ, и большаю сабѣ сястру узявъ, своѐ жаны ужо.

Отъ, тяперъ, приходя корабельщикъ у комлату къ цару и расписуетца царъ зь имъ,—що, якъ вѣдомо, яны по мору ходять, дакъ имъ трэба расписатца. Тяперъ кажа корабельщикъ: ахъ, говора, цару наяснѣйшiй: отъ, на той бокъ мора шо здѣлалось: вистроилась удова, домъ сабѣ, и у 'дови мальчикъ, що крашшай у свѣти яго нѣтъ: уво лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звяздà, по локоть руки у срэбры! Дрогнулося царськое серца, и сыйчасъ жа корабельщика отправивъ изъ дому свойго. Ахъ, говора, моя милàа! нумъ, поѣдомъ, посмотримъ на той бокъ, що тамъ за хлопчикъ—етаго дива?—Ахъ, говора, мой милый! Яна ужо отказуя яму: разьви ето диво—ето ня диво, а ѐ диво: здѣсь—ня здѣсь, на три девяти зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, на моры, на лукоморъи, на войстрови, стоить дубъ, а на томъ дуби двананцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по двананцать святьлйцъ, а у тыхъ у святьлицахъ по двананцать дявицъ, да шiять одѐжу дорогуу, да кидáять доловъ. И гнiѐ таа одéжа ни къ якой пользи! Вилятáа той голубецъ изъ царськаго дому, прилятаа у свой домъ, садитца на свою лошадь, и падаа доловъ, и дѣлаетца чаловѣкомъ. И спрашуя у яго лошадь: ахъ, говора, хозяинъ мой любiй! що жъ тамъ царъ съ царевняй говоривъ?—А що жъ ёнъ говоривъ: ето, говора, ня диво, а утъ то диво, що здѣсь—ня здѣсь, на три-девяти зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, на моры, на лукоморъи, на войстрови, стоить дубъ, а на томъ дуби двананцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по двананцать святьлйцъ, а у тыхъ у святьлицахъ по двананцать дявицъ, да шiять одѐжу дорогуу, да кидáять доловъ, и гнiѐ таа одéжа ни къ якой пользи! Конь мой любез-

ный, конь мой милый: ти не могдмъ ми ѐтаго дива достать?—Проси у матки басловéньства и поѣдомъ у путь! Ёнъ попросивъ у матки басловеньства. Дала яму матка басловеньство, и сѣвъ ёнъ на свою добраю лошадь, и поѣхавъ у путь. Пріяжжаа на мѣсто икъ тому дубу. Здрастуй табѣ, дубя!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ—царевичъ! дубъ уже яму отвячáа. Ахъ, говорить, дубя: у якомъ ты ня ӳ преподобномъ мѣсьти стоишъ! Коли бъ ты пошовъ у мою сторонӳ, тамъ ба ету одéжу посили бъ, и за тябе бъ Бога просили! А той дубъ отвячаа яму: а що жъ, будяшъ ты мою одéжу знашавать? Ёнъ каа: буду!—Ну, я съ тобой пойду! Ёнъ жа сѣвъ на свою на лошадь, а дубъ услѣдъ за имъ такъ идé. Ёнъ пріѣхавъ домовъ и привёвъ дуба съ собой. И поставивъ сабѣ ли дому. И такъ жа ето дивно стало тамъ, што усяму міру. Идуть жа етаго дива глядѣти. Ишли корабельщики, мóрамъ, привярнули корабъ икъ яго двору, ня такъ любо отдыхать, якъ етаго дива посмотрѝть. Отправляетца корабельщикъ ку яго двору. Провождаа хлопчикъ етый самый корабельщика, и заходя къ своей лошади. И отказуя яму лошадь: —вотъ, говора, хозяинъ любій! здѣлайсь ты голубцомъ и ляти на той бокъ мора! И почуешъ ты, що будя царъ съ царевняй гомонѣть. Ёнъ узлѣзъ на лошадь и ӯпавъ зъ яго, и здѣлався голубцомъ и полятѣвъ на той бокъ мора. Прилятаа ёнъ туды, садитца корабельщику на плячо, и уходять яны у горницы. Расписуетца царъ съ корабельщикомъ, изъ накладной, и вихваляетца корабельщикъ: ахъ, говора, цáру наяснѣйшій! по той бокъ то мора диво здѣлалось: стоить дубъ, а на томъ дуби двананцать кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ по двананцать святьлѝцъ, а у тыхъ у святьлицахъ по двананцать дявицъ, да шіять одéжу дорогуу! Царъ етый вислухавъ, и корабельщика отсылаа назадъ, и кажа царевни: нумъ, моя милая, поѣдомъ етаго дива посмотрѝмъ! А яна говора: ето, мой милый, ня диво: а то диво, шо здѣсь-ня здѣсь, па три-девяти зямель, и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, стоить щогла, а на щогли зязюля. Що кӯкня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—исъ конёмъ, и съ сядломъ, и на войну готовъ. Да ѣсть тамъ нечаго, и народъ етый помираа голодной смертю! Отъ, тяперъ жа, вилятая той голубецъ изъ яго комлатъ, и прилятаа у свой домъ. Ня йшовъ жа жъ у домъ, да пошовъ къ лошади. И питая у яго лошадь: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! що тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ? Отвящая яму хозяинъ: говоривъ, що то ня диво, а утъ тὸ диво, шо здѣсь-ня здѣсь, на три-девяти зямель, и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, стоить щогла, а на щогли зязюля. Що кӯкня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—исъ конёмъ, и съ сядломъ, и на войну готовъ. Да ѣсть тамъ нечаго, и народъ етый помираа голодной смертю! Конь мой любій, конь мой

милый! ти ня можно мнѣ етаго дива достать? Конь яму отказавъ: проси у матки басловеньства и поѣдомъ у путь! Ёнъ узявъ бласловеньство, и поѣхали у путь. Пріяжжая ёнъ икъ щогли, и злазя изъ лошади съ своѐ, и говора: здрастуй, щогла! Яна яму отвѣчая: здраствуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эка, говора, щогла: у якомъ ты ня у̊ преподобномъ мѐсьти стоишъ! Ежали бъ ты пошла у мою сторону̊, тамъ ба ня помиравъ етой голодной смертю народъ! Ти ня пойдешъ ты со мной? Яна говора: пойду! Ёнъ на свого на коня сѣвъ, а яна за имъ услѣдъ. Приходя ёнъ икъ свойму двору, и становя щоглу ли дуба. Такъ жа солдатъ якъ упаде. у одѐжи надяѐтца, и на работу йдѐ. То диво булò, а то сѐ диво, мо, нихто не бачивъ! И збираетца богато народу дива етаго глядѣти. Сыйчасъ жа пошовъ корабельщикъ мòрамъ и приваливъ корабъ свой къ берагу дива етаго смотрить. И посмотривъ етаго дива и отправляетца у корабъ у свой. Хлопчикъ жа, провѐвши яго, и пошовъ икъ коню къ свойму. Отвящаа яму лошадь: хозяинъ мой любій! узлѣзь ты на мяне и упади зъ мяне; и здѣлайся голубцомъ, и лятѝ на той бокъ мора, и почуешъ ты, що будя царъ съ царевняй гомонить! И дѣлаетца ёнъ голубцомъ и полятѣвъ на той бокъ мора. Садитца корабельщику на плячо, и уноси ёнъ яго у дохъ. И расписуетца царъ съ корабельщикомъ у накладной, и говора корабельщикъ: вотъ, говора, царськое сіятелство: якъ по той бокъ мора, дакъ то булó диво, а тяперъ ще большая: стоить щогла, а на щогли зязюля. Що кýкня, дакъ солдатъ изъ яе пукня,—съ конёмъ и съ сядломъ, и на войну готовъ. Якъ упаде, у одежу надяѐтца и на работу йдѐ! Отправляя ёнъ корабельщика и говора: ахъ моя милàа! нумъ ми поѣдомъ етаго дива смотрѝть?—Э, мой милый! ето говора, диво? Ето ня диво! То утъ тó диво, шо здѣсь—ня-здѣсь, за тридевяти зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, дикій кабанъ лычамъ орэ, ногами скорóдя, съ хвоста сѣвъ пускаа, у̊ три дни хлѣбъ поспѣваа. Да некому яго зьядать, дакъ ёнъ тамъ такъ и загибаа! Такъ жа, голубецъ отправився домовъ, и ня захòдячи у̊ свой домъ, отправляетца къ коню къ свойму, и здѣлаетца чаловѣкомъ. И спрашуя у яго лошадь: ахъ, хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! що тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ?—А ёнъ говора: що жъ тамъ царъ съ царевняй гомонѣвъ: ето, говора, ня диво, а утъ-тò диво, шо здѣсь—ня-здѣсь, на три-девяти зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, дикій кабанъ лычамъ орэ, ногами скородя, съ хвоста сѣвъ пускаа, и у̊ три дни хлѣбъ поспѣваа! Конь мой любій, конь мой милый, ти не могòмъ ми етаго дива достать? Конь жа яму отвѣщаа: проси у матки басловеньства и поѣдомъ у путь! Ёнъ узявъ басловеньство; сѣвъ на свого добраго лошадь и поѣхавъ. Пріяжжаять икъ кабану. Здрастуй табѣ, кабанъ!—Здра-

стуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эхъ, говора: у якомъ ты мѣсьти непреподобномъ стоишъ, хлѣбъ сѣешъ! Отъ, якъ ба ты пошовъ у мою сторонў, тамъ ба ми етое жито зжинали, и етый хлѣбъ зьядали, и за тябе бъ Бога просили! Ты ня пойдешъ ты со мною?—Пойду, каа. Ёнъ сѣвъ на свою на добраю лошадь, а ёнъ услѣдъ за имъ. Приводя ёнъ яго икъ свойму двору и становя на стяпў. Такъ жа, якъ зязюля кукня, солдатъ изъ яе пукня, у одежи надяетца и на работу иде, жито жать.

Скоро казка кажетца, да ня скоро дѣло дѣлаетца. У яго ўже здѣлалось такоа царство, шо уже большъ за того цара. То диво глядѣли, а то ще болшъ люди стали глядѣть. Ишовъ корабельщикъ мòрамъ и привярнувъ корабъ етаго дива глядѣть. И проводя хлопчикъ корабельщика и заходя икъ свойму коню. И спрашуя яго конь: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! Издѣлайсь ты голубцомъ и ляти на той бокъ мора. И послухай ты, шо царъ съ царевняй будя гомонѣть! Ёнъ скинувся голубцомъ и полятѣвъ. Садитца корабельщику на плячо, и уносяёнъ яго ў домъ. И расписуетца царъ съ корабельщикомъ у накладной, и говора корабельщикъ: вотъ, говора. царськое сіятелство: якъ по той бокъ мора, дакъ тò булò диво, а тяперъ ще бóльшая: стоить на стяпў дикій кабанъ, лычамъ орэ, погами скородя, съ хвоста сѣвъ пускаа, у три дни хлѣбъ поспѣваа. Солдатъ съ дуба пукня, у одежи надяетца и на работу иде—жито жать. Царъ корабельщика назадъ отправивъ, и ставъ исъ царевняй гомонѣть: ахъ, моя милаа! нумъ поѣдомъ етаго дива посмотрѝмъ! А яна яму отвѣтовàла: ето диво ня диво, а ёсть диво: на три-девяти зямель и въ иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, ёстяка тамъ ракà—киселёви берага, приди—покушай, и сумки ня рушай! Якъ пояда́ешъ, яна изновъ заростѐ. Отправляетца той голубецъ исъ царськаго дому и прилятаа къ свойму дому. Ня йшовши у домъ, да пошовъ икъ свойму коню. Отъ, конь у яго и спрашуя: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій, що царъ съ царевняй гомонѣвъ? Ёнъ яму отказавая: а што гомонѣвъ? Казавъ, шо ето ня диво, а утъ тò диво, што здѣсь—ня-здѣсь, на три-девять зямель, у иньчамъ царстьви, у большомъ государстьви, ёсть ракà—киселёви берага: приди—покушай, и сумки ня рушай! Якъ поядаешъ, яна изновъ заросте! Конь мой любій, конь мой милый, ти не могомъ ми етое диво достать? Конь говора: возьми у матки басловеньство и поѣдомъ у путь, и достаномъ! Ёнъ узявъ у матки басловеньство, сѣвъ и поѣхавъ. Пріяжжаа икъ рацѣ къ етой. Здрастуй, говора, ракà—киселёви берага!—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ ц.—Эхъ, говора, рака! у якомъ ты не ў сподобномъ мѣсьти стоишъ! Ти ня пойдешъ ты со мной у мою сторону? Тамъ ба тябе зьядали, тамъ ба тябе сьпивали, й усягды бъ ты свѣжая була, и за тябе

бъ Бога молили! Яна говора: пойду! Ёнъ сѣвъ на свою добраю лошадь, а яна ўслѣдъ за имъ. И привёвъ ёнъ икъ свойму дому, и поставивъ ли берагу. Такъ жа, дубъ одежу шъè, зязюля кукня, солдатъ пукня, одежу надяè, кабанъ хлѣбъ засявая, солдатъ хлѣба поѣсть, иде къ рацѣ: пришовъ, поядавъ, и пошовъ жито жать, у цагѐльню, у разныя работы тамъ. Тò жъ диво глядѣли, а то и лучче стали глядѣть,—пошти исъ усяго свѣту стали пріяжжать смотрѝти. Такъ жа ишовъ корабельщикъ и причалѝвъ корабъ, етаго самаго дива смотрити. Посмотривъ етаго дива, провёвъ яго хлопчикъ етый. И провёвши яго, пошовъ икъ конѝ икъ свойму. И конь яму говбра: хозяинъ мой любій, хозяинъ мой милый! Издѣлайся голубцомъ и ляти на той бокъ мора, послухай, што царъ съ царевняй будя гомонѣть! Ёнъ на коня узлѣзъ, съ коня ўпавъ—и здѣлався голубцомъ. И полятѣвъ на той бокъ мора, сѣвъ корабельщику на правое плячо, и унёсъ яго корабельщикъ у царськія покои. Распѝсуетца царъ у накладной, и говора яму корабельщикъ: вотъ, говора, царськое сіятелство, якое диво по той бокъ мора! То булò диво, а тяперъ ще побóляло: тячѐ ракà—киселёви берага, приди—покушай, и сумки ня рушай! И якъ поядаешъ, яна знова заростé. Такъ шо дубъ одежу шія, зязюля кукня, солдатъ пукня, кабанъ хлѣбъ засяваа; солдатъ одежу падяваа, хлѣба подъѣсть, иде къ ракѣ, пришовъ, поядавъ и на работу пошовъ. Царъ отправивъ корабельщика и говора на царевну: нумъ, моя милая, поѣдомъ посмотримъ! Яна яму отказуа: ето диво ня диво, а то диво, що здѣсь—ня-здѣсь, на три-девяти зямель, и въ иньчамъ царствѝ, у большомъ государствѝ, стоить кельня ли мора, и у той кельни одинáнцать братовъ спасáятца. И не знаять яны, шо яны браты, одныé матки и одного батьки. Дакъ бтъ, говора, диво!—Отправляетца той голубецъ икъ свойму двору. Ня йшовши у домъ, да пошовъ къ коню. Конь яго питаа: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій, що царъ съ царевняй гомонѣвъ?—А що гомонѣвъ? Казавъ, що ето ня диво, а то диво, на три-девяти зямель и въ иньчамъ царствѝ, у большомъ государствѝ, стоить кельня ли мора, и ў той кельни одинàнцать братовъ спасáятца. И не знаять яны, шо яны браты, одныè матки и одного батьки. Дакъ ти не могомъ ми етаго дива достать? Ёнъ жа сказуя, конь, яму: иди къ матары и проси, шобъ яна исъ своè груди уцыркнула молока и спяклá прóскуру! Такъ жа, иде ёнъ отъ свого коня, хлопчикъ той, до матяры до своè. Отъ, говора, матушка: уцыркни ты съ своè груди молока и спячи мнѣ прóскуру! Яна жъ узяла, уцыркнула молока исъ свое груди, послухала яго, и спякла прóскуру. Ёнъ жа узявъ тую проскуру, и помолившись Богу, и сѣвъ на свою на добраю лошадь и поѣхавъ у путь. Пріяжжая икъ той жа кельни. И отвящаа яму конь: ступай ты ў кельню и возьми тую прóскуру, що на

столѣ будя ляжать, а ету положъ! А самъ схоронись! Такъ жа ёнъ увійшовъ у кельню и ўзявъ тую проскуру, а свою поклавъ. А самъ cховавсь. Ажъ приходя, припливая бочка зъ мора, (вѣдомо, такъ уже спасаютца,) и вистанáвлюетца у яе кругъ, и уходять одинанцать братіявъ у кельню. Посадились за столъ, и разломивъ бóльшій братъ прóскуру на 'динанцать часьтей. И ўзяли яны по частоццы, и зьѣли туу прóскуру. И глянули другъ на друга, и сильно заплакали. Ахъ, говора: ето жъ ми братія одно! Ну, да однача, да хтось мижда насъ шутку ету да пошутивъ, *що* ми досюль не знали, *що* ми браты! Отъ тепэръ и закричали: хто тутъ ѐ, знахóдитца тутъ? Отзовись! Ёнъ жа й обозвався. Яны узялись, дружка дружку поцаловали, и ўзнали, що ихъ двананцать братовъ рóдныхъ. И пошли яны сабѣ домовъ, уже у хлопчика у етаго ў госпóду. Яны жъ сѣли у свою бочку, а ёнъ сѣвъ на свою добраю лошадь. Пріяжжаа ёнъ домовъ и говора своей матусцы: эхъ, говора, матушка! найшовъ я своихъ 'динанцать братіявъ! Тутъ жа сичасъ и бочка къ яму, къ яго дому пришла. Сичасъ вѝстановивсь кругъ, и виходять яны съ круга. И вишла мать прóти ихъ и позвала ихъ у домъ. И стали яны тамъ пить и гулять. Такъ жа, тó зьбиралось диво глядѣть, а то стали уже зьбиратца нязьмѣтная сила, глядѣть уже на етыхъ на хлопчиковъ. Такъ жа ишовъ корабельщикъ и приваливъ етаго дива смотрѝти. Посмотрѝвши етаго дива, и отправився у свой корабъ. Провóдя яго хлопчикъ. И яя йшовши у домъ у свой, да заходя икъ лошади. Отвящая яму лошадь: ляти ты, говора, къ цару, здѣлайся, говора, голубцомъ и ляти къ цару: що будя царъ съ царэвняй гомонѣть! Ёнъ узлѣзъ на коня, упавъ зь яго и здѣлався голубцомъ, и полятѣвъ. Прилятáа ёнъ къ цару и садитца корабельщику на пляче, и унося яго ёнъ у домъ. Расписуетца царъ на накладной. Тяперъ корабельщикъ яму отвящаа: ахъ, говора, царськое вяличаство! отъ, говора, по той бокъ мора: тó булó диво, а то й пободляло. То бывъ одинъ хлопчикъ, а тепэръ стало двананцать:— во лбѣ мѣсяцъ, у потылицы звяздá, по локоть руки у срэбры! Такъ жа и дрогнýлось у цара серца! И хýтко отправивъ корабельщика того, и на свою царэвню: нумъ, моя милая, етаго дива поѣдомъ посмотрѝть!—Эхъ, мой милый, говора: якъ жа намъ, царськое дѣло, доѣхати? Ми поѣдомъ лоткой, хвиля ўсхватитца, ми потопимсь! А коли бъ отъ нашаго крылцa да до яго дворца вистроивсь мостъ, золотая мосьничка да сярэбраная, и стовпи стояли, и хвонари горѣли, и жарки—птицы пѣли, óтъ, тогды ми поѣдомъ! Той жа голубецъ вилятѣвъ съ того дому и прилятѣвъ домовъ. Ня йшовши у домъ, а пошовъ икъ коню икъ свойму. И спращуя у яго конь: хозяинъ мой милый, хозяинъ мой любій! що царъ исъ царэвняй гомонѣвъ?—А що гомонѣвъ? Царъ казавъ: нумъ поѣдомъ, моя милая, етаго дива

посмотримъ! А царэвня кажа: якъ жа намъ ѣхати? Наша царськое дѣло. У чdвенъ сядемъ, а хвиля поднѝметца—ми потопимсь. Отъ, колибъ отъ нашаго крылца да до яго дворца вистроивсь мостъ—мосьничка золотая, мосьничка сярэбраная. и стовпи стояли, и хвонари горѣли, и жарки-птицы пѣли, отъ тогды ми поѣдомъ! Конь мой милый, конь мой любій, ти не могомъ ми етаго дѣла издѣлать? Ёнъ отказавъ: иди ты къ своей икъ братіи, и скажи имъ, щобъ яны старыя книги до свѣту читали и щиро-вѣрно Богу молились. А ты жъ бяри топоръ, да ступай на дворъ, и также кóлики тяшѝ и ў зéмлю бѝ, и тáкъ жа старайся, щобъ кровъ съ тябе лилась; а ты вѣрно работай! И чимъ большъ, тымъ лучче! Яны такъ, знатца, и здѣлали: тыя книги читали, а ёнъ узявъ ету работу работать. Стало нá зару заниматца, ставъ на моры мостъ подниматца. Сонца узойшлd, и мостъ готовъ ставъ: золотая мосьничка и сярэбраная. И хвонари загорѣлись, и жарки—птицы запѣли. Сичасъ жа царъ уставъ и увидивъ, шо ето дѣло издѣлалось. Тогды жъ ёнъ: нумъ, моя милая,—поѣдомъ етаго дива посмотримъ! Сыйчасъ жа лошади запрагли, и поѣхали,—уже усé перказала, некуды больше казать! И срѣтила яго хозяйка, етаго матка хлопчика, исъ хлѣбомъ, съ сольлю. И тамъ стали яны пить и гулять. И посьли бясѣды ставъ царъ отправлятца домовъ. Такъ жа яна говора: нѣ, говора, царськое вяличаство! у насъ такъ не отправляютца! Нáтя-тка вамъ у ету книгу прочитайтя. А яна, значитца, у ету книгу писала усé ето дѣло, якъ и зъ двора пошла Тогда жа царъ прочитавъ ету книгу, и зрубàвъ своёй жанѣ другой головỳ. И стали жить. Вотъ тамъ я бувъ, и мéдъ—вино пивъ, и ў роти ня булd и по бородѣ не тяклó. Отъ и казцы моей конецъ.

Д. Николаевскъ, краснобуд. в. гом. у. Отъ кр. Аникея Кавунова 50 л. негр. *О* неударяемое слышно довольно отчетливо.

18. Иванъ Ивановичъ царевичъ, божжій королевичъ.

Зачинаетца каска отъ сивца и бурца, и отъ вѣшныго канурца... Хто будить каску сыслыхáть, тому будить большая награда.

Якъ живъ сабѣ царь на якомъ то царстьви и на якомъ то гусударстьви. И бывъ у яго сынъ Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжій королевичъ. Тоды царь яго не пускавъ никудѝ лѣтъ до восемнатцати, кабъ не заглидàвся ни зачимъ, не балывáвся. Ну, тоды ёнъ давай просітца: батюшка роднóй, пусьтитя сьвѣту повидать! Тоды яму отецъ давъ роту сылдатовъ, давъ коня, збрую, мечъ, ружьжó. Ну, тоды, ёнъ ѣзьдивъ, ѣзьдивъ, пулювавъ, пулювавъ, по лѣсахъ, по пущихъ. Ну, посьли того выѣжжаить ёнъ на полянку, останáвліитца ны полянцы. Ажны на той

полянцы Баба-Ига, косьтиная нога, рископала лядо и засѣила ильномъ. (Стало быть ина была ни пристая.) Ну, тоды, послала у лёнъ трёхъ дочокъ: дьвюхъ родныхъ, третьтю патчирку, лёнъ полоть. Ну, тоды, яны завидѣли яго, лёнъ полючи, а ёнъ ихъ. Ну, яны яго завидѣли, што ёнъ такій пригожій молодецъ, тоды большыя дочирь яе кажить: эхъ, якій добрый молодецъ, хорошъ-пригожъ! кабъ ёнъ мяне узявъ зы сябе, я бъ яму вышила такій ковёръ, што ёнъ во ўсимъ царстьви, во ўсёй имперіи не найдить! Й а сяредьнія дочь говорила: ето твоя не скаска, а прискаска! Вотъ моя загатка: кабъ Бохъ прізьвёвъ яму мяне узять, дыкъ я-бъ однэй пукулиной (лянина, одно каливо) одѣла роту сылдатовъ, сама одѣлыся, и яго одѣла бъ! А ёнъ усё ето слухувъ и чувъ, понимався. Ну, а третьтя, ужо патчирка, обищала, говрить: ето ваши ни скаски, ни загатки! Вотъ моя скаска и загатка: ежели бъ Бохъ прізьвёвъ мяне яму узять зы сябе замужъ, дыкъ я ба яму въ одну ночь зыбяремила, спородила бъ двинатцать сыновъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, у во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, по колѣни ноги ў золыти, а руки пы запясьтья у серебри! А ёнъ ето ўсё чувъ. Тоды ёнъ выслухувъ, узявъ свою армію, и поѣхывъ домой. Пріѣжжаить домой, отецъ спрашіить: што, сынокъ мой любезный: идѣ бывавъ, што идѣ видавъ, што идѣ чувавъ, якое диво? Ёнъ говрить: вотъ, батюшка! нійдѣ я не бывавъ, ничого не чувавъ, а тольки видѣвъ на пущи, на лѣси, Баба-Ига, косьтиная нога, рископала лядо, насѣила лёну, и прислала дочокъ лёнъ полоть. Якъ замѣтили мяне,—што молодецъ очень удалый, очень пригожъ, хорошъ, дыкъ большыя дочирь казала: што кабъ мяне узявъ зы сябе замужъ Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжій королевичъ, дыкъ я бъ яму ковёръ вышила, штобъ ёнъ такого во ўсёмъ своёмъ царстьви, во ўсёмъ гусударстьви не нашовъ, якій ба зработала! Ну, тоды, говорить, сяредьнія кажить: эй, сестра! я бъ яму большую загатку загадала: я бъ однэй пукулиною роту сылдатовъ одѣла, сама одѣлыся и яго одѣла! Ну, а третьтія, патчирка, кажить: ето ваши ни скаски, ни загатки! А моя то скаска и загатка: я бъ яму, говорить, въ одну ночь забяремила и породила двѣнатцать сыновъ соколовъ, волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запясьтія руки ў серебри, по колѣни ноги ў золыти, во лбѣ зьвёзды, ў потылицы мѣсикъ! Ну, тоды отецъ говорить: лучче, сынокъ, ету узять, которыя породить двѣнатцать сыновъ якъ соколовъ: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запясьтья руки у серебри, по колѣни ноги ў золыти, во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ. У нашимъ царстьви быгатырёвъ мало, дыкъ боли будить! То ужъ будуть не простэя, а быгатыри! Ну, тоды, извѣстно, ёнъ, царевичъ, кажить: што ина у дрениу одежу увыбравши, не пригожа. А батька кажить: ничого, сынокъ, бяри! Кыли ты царевичъ,

дыкъ и ина будить царицыю! Вясьтимо, у мачихи; ина затымъ яе етакъ древно одѣёть, што кабъ нихто не зыглидався! Ну, тоды ёнъ поѣхывъ къ баби тэй у сваты. Дыкъ ина одбила яго, што ина дура, ничого ня ўмѣить дѣлыть! А ёнъ повидѣвся изь ей, дыкъ ина яго вўчить: гляди жъ, ина пыставить мяне за третьтимъ дисяткымъ, одѣпить мяне у луччую одежу. Дыкъ ты мяне такъ не вызнаишъ. А муха завьётца отъ тябе тересъ мою гылову, дыкъ ты мяне и бяри! Ина будить тябе одбивать, ну ты ня слухай, и бяри ўсё-тки мяне! Ну, Баба-Ига два разы выводила пы дисятку, ну ёнъ ни водныя ня выбравъ: нема тутъ, каить, тыя, што мнѣ треба! Тоды ина вывела третьтій дисятыкъ. Такъ муха отъ яго вуха завилася тересъ яе гылову. Ёнъ узявъ яе, вывевъ зу рукў шъ шару, кажить: во ета моя, боли ниякія не хочў! Ну, тоды, ина, якъ нярдныя дычка, дыкъ ёнъ узявъ, яе на свой коштъ, жанитца зь ей. Пыславъ бумагу къ интриполиту, штобъ жанитца зь ей. Интриполитъ зьвиньчавъ ихъ. Ну, тоды, якъ згулявъ ёнъ свадьбу, присылаить якій то царь, хочить вуюватца изь имъ. Ёнъ якъ пулучивъ бумагу отъ того царя, што ужо хочить вуюватца изь имъ,—бярёть свою армію и ѣдить вуюватца изь имъ на границу. А жена яго зы два дня зыбярёмила. Дыкъ ёнъ кажить батьку: батюшка родимый! якъ родить моя жена ти живое, ти мертвое, ти худое, ти доброе, дыкъ пришлитя мнѣ курьера вистового на границу, кабъ я знавъ, што Бохъ дась!

Тоды ина пошла у стайню родить. Ну, дыкъ ина роджала, а мачиха зьмія сорокую ськи́нулыся, и одинадцыть пытрябила, а дьвѣнадцытыго ина сабѣ у подолыкъ узила, у свою палату зынесла. Ёнъ тамъ, етый сынъ, ставъ плакыць, кугакыць. Яны почули и пылядѣли. Ажны у яе рябёныкъ, сынъ такій, якъ ина казала, тольки одинъ. Ну, тоды сычасъ батька пишить бумагу сыну на границу: што породила твоя жена сына, якого обищала—волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, по запясьтіи руки у серебри, по колѣни ноги у золыти, у во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, ды тольки одного, а не дьвѣнадцыть! Ну, тоды ина, вѣдьма ета, знала, што будуть ити бумаги на границу къ яму, дыкъ ина на дьвѣнадцыти быльшаковъ пыставила дьвѣнадцыть кабаковъ: хто будить ѣхыть, дыкъ ина бумагу причитаить. Тоды ѣдить гиныралъ съ письмомъ на границу къ сыну. Тоды ёнъ ѣдить, а ина вышла и говорить: здраствуй, здраствуй, нашаго свата человѣкъ и посланецъ! заѣдь къ намъ на ычь, мы дли васъ зьдѣлымъ угощеніе! Вытыпимъ баню, прикажимъ прислузи выпарить васъ; коню дадимъ сѣна, овса! Ёнъ послухувъ, заѣхувъ. Такъ яны вытыпили баню. Ёнъ сходивъ, выпарився и пришовъ. Яны яго нызкормили, ныпоили, и спать положили. И коню дали сѣна, овса. Ну, якъ ёнъ заснувъ, яны узяли тую бумагу, што батька посылавъ, ды у печь

укинули; а другую сами написали: што вотъ, говоритъ, сыпокъ мой любезный! породила твоя жена нѣтъ-што: не то поросёныкъ, не то щанёныкъ,—соусимъ не человѣчьчія постáть, подобіе Идѣ яго прикáжитя подѣть? Той гиныралъ уставъ, бумагу у кырманъ, и пошовъ, думавъ, што тая самая. А яны тую у грубцы спалили. Пріѣжжаитъ гиныралъ къ сыну, шапку снимаитъ здалёку, подъѣжжаитъ ближе—уклоняитца: здраствуй, Иванъ Ивановичъ—царевичъ, божжій королевичъ! А ёнъ отвищаитъ: здраствуй гиныралъ вистовой! што, зъ бумагами ко мнѣ?—Зъ бумагами! Ёнъ тоды узявъ ету бумагу и читаитъ: што породила твоя жена ни поросёнка, ни щанёнка, нѣтъ-кого, соусимъ не человѣчьчаго подобія. Што прикажитя изъ имъ дѣлыть? Ёнъ якъ прічитавъ, за вýши узявся, заплакывъ. Тоды ёнъ пишить къ батьку: отецъ родной! што шъ дѣлыть? хто ня ёсь, охрисьтітя ды мойго пріѣзда! Такъ ёнъ, етый гиныралъ, якъ письмо пулучивъ, опятъ выправився у свою стыронý. Яны опятъ вышли къ яму и кажутъ: заѣдь, къ намъ на ночь, вáспанъ, нашаго свата человѣкъ! Ёнъ зайшовъ къ имъ. Яны яго напоили, накормили и спатъ положили. Ну, якъ ёнъ лёхъ, дыкъ яны узяли у яго ето письмо и причитали. И ýзяли, ето письмо спалили, а сами написали: што, отецъ мой родной! кыли моя жена родила ня тое, што обѣщала мнѣ у дѣвкахъ, родила нѣтъ-кого, дыкъ идѣ хочитя дѣньтя яе зь дятёнкымъ, ды мойго пріѣзда, кабъ моѐ и глазы не видали! Кыли ина не такъ родила, якъ обѣщала! Тоды ёнъ, гиныралъ вистовой, нызаýтриго рано усьсѣвъ на лошыдь и поѣхывъ. Ну, якъ пріѣжжаитъ ёнъ домой, отецъ спрашіитъ: ну што, гиныралъ вистовой! ти ýсе блыгополушно на границы у сына?—Слава Богу, усё хорошо! И подавъ яму письмо. Ну, тоды, ёнъ, батька, узявъ ето письмо, разломивъ яго, и якъ причитавъ, дыкъ заплакывъ. Тоды собравъ санотъ: идѣ подѣть яé зъ рябёнкымъ? Што сынъ прислявъ, што покуль я пріѣду, кабъ яе не было́: идѣ хочитя подѣньтя зъ рябёнкымъ! Тоды одинъ сынаторъ обыбрався, кажитъ: надо шклянную бочку зработатъ, жалѣзные обручи нагнатъ, смолою обсмолитъ, и на мóря-лукоморья пусьтитъ. Нехай плыветъ, куды Бохъ позволитъ! Ну, тоды сійчасъ шкляры зработали шклянную бочку, усадили яѐ туды зъ рябёнкымъ, кывали окували бочку, зысмолили смолою, и пусьтили нá моря.

Сынъ зьвярнувся зъ границы. Ѣзьдивъ ёнъ, ѣзьдивъ кыло моря,—нійдѣ не нашовъ,—сплыла. Ёнъ заплакывъ горько. Ну, тоды поѣхывъ къ Баби-Язѣ, къ тэй сáмэй, и ýзявъ родную дочкý яе. А етый, што поплывъ зъ маткой, плывъ-плывъ скольки тамъ, и росъ не нядѣлими, не днями, а росъ чесами. А матка ýсё плачитъ. И наплакыла повну бочку сьлёзъ, што ёнъ и ина тонутъ у сьлезахъ. Тоды ёнъ приговоривъ: матушка моя родимая! блыгослови ты мяне, штобъ шклянная бочка и жа-

лѣзные обручи рассыпылиси нарозно! Ну, кажить: Бохъ тябе блыгослови, сынокъ! Ну, дыкъ ёнъ якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, шклянáя бочка, жалѣзные обручи! рассыптися нарозно! Докуль моя матушка будить печалитца, я буду топитца у маткиныхъ сьлезахъ? Такъ ина покъ-покъ, обручи рассыпылиси, бочка на маково зернó посыпылася! Ёнъ тоды узявъ матку зà руку и повёвъ. Узьвёвъ на такую високую горỳ, што ни здумать, ни згадать, ни ў каскыхъ сказать. Называетца ета гора Буда-гора. Тоды тамъ сьнявъ планъ. Тоды ёнъ узявъ матку зу рукỳ и обвёвъ вокругъ горы. Ну, тода говорить: матушка! блыгословитя мяне, я буду на етый горѣ Будай-городъ заводить! Матка яму кажить: дитятко моё миленькыя, дитятко моё дорожéнькыя! сь чимъ ты будишъ городъ заводить: у насъ тутъ нема ничого, тольки одна душа? А ёнъ кажить: матушка моя дорожéнькыя! мнѣ тольки дòрега твоя блыгословéнства, а то ўсё Бохъ дась! Якъ вышывъ ёнъ за два чесы до сьвѣту, сыйшовъ зъ горы ўнизъ, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, говорить: дай Божа, штоба бочка золыта, бочка сéребра прикатилыся ко мнѣ! Ну, прикатилыся бочка золыта и бочка сéребра. Ну, тоды ёнъ говорить матцы: матушка моя любезныя! деньги у насъ ёсь; тяперь блыгослови ты мяне, кабъ къ нашый Будай-горѣ лѣсъ приплывъ! Тоды матирь отвѣщаить: Бохъ тябе, дитятка, блыгословить! Тоды идуть барки изь лѣсымъ, изъ брусьсимъ, зъ лáтыми, зъ дошкыми, су ўсякимъ усячиной, отъ того ўжо царя, одъ батьки. Батька ужо пробу сьнимаить. Ёнъ вѣдыить, што яго сынъ живъ, што идѣ-идѣ окосьнéтца—окажитца. Ну, тоды ёнъ вышывъ на горỳ и видить, што идуть барки по мóрю изь лѣсымъ су ўсякимъ. Ну, ёнъ якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ, говорить: эй купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ моёй крутой горѣ, я буду товаръ покупать, поцѣнно давать, вашыму царю госьтинца пысылать! Яны причалили барки, товаръ пызвалѝли ли крутой етый горы. Ёнъ заплативъ имъ у дьвѣ цаны. Ну й якого тамъ подарку пыславъ царю ихныму, откуль етые купцы.

Тоды яны поѣхыли домой, а ёнъ кажить: матушка моя родимая, блыгослови ты мяне провѣдыть, што тамъ будить отецъ съ мачихой говорить, якъ пріѣдуть купцы! Матка кажить: сынокъ мой зьлю̀бленный, Бохъ тябе блыгословить! Ну, ёнъ тоды зьдѣлывся гулубцомъ и полятѣвъ усьлѣдъ зы купцами. Ну, пріѣжжають етые купцы къ свойму царю. Ёнъ ихъ спрашиить: ну, ребяты, идѣ бывали, што видали? Яны кажуть: ваша вяличество! пріявѝлыся крутая гора, што ни здумать, ни згадать, ни ў скаскахъ сказать—якой висычины, якой ширичины! И къ той горѣ якéй то купецъ уси барки причиляить (чал), товары, лѣсъ откупляить,—

кажитъ: буду Будай-городъ ставитъ!. Ёнъ намъ у дьвѣ цаны заплативъ и вамъ госьтинца прислалъ! Царь кажитъ: вѣрно ето мой сынъ! нужно побольше пыслать, кабъ скорѣй городъ ставивъ! Ёнъ ужо пославъ, што яму й такой и такой лѣсъ нуженъ. А сынъ пылятѣвъ гулубцомъ къ матцы. Тутъ опять ставъ молодцомъ и кажитъ: матушка моя родименькая, блыгослови ты мяне: думаю я Будай-городъ стыновить! Матка кажитъ: Бохъ тябе блыгословитъ! Ну, ёнъ тоды вышывъ на гору и крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, идѣ ёсь плотьники, топорники, столяры, кували! усѣ сыбирайтися къ моёй крутой горѣ! я буду поцѣнно платитъ, Будай городъ стыновитъ! Ну, якъ крикнувъ ёнъ, дыкъ сыбралиси къ яму пильщики, плотьники, муляры, кували, уси, уси. Ёнъ обвёвъ планъ и ставъ городъ строитъ. И за пувтора мѣсица ёнъ изъ ими состроили городъ, лавки, церквы зычинали. Ну, тоды опять ѣдутъ етые купцы съ товарыми. Ёнъ кажитъ: матушка, блыгослови мяне! у мяне лѣсу не хватаитъ! Матка блыгословила. Тоды ёнъ вышывъ ды якъ крикнитъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ моёй крутой горѣ: мнѣ нужно Будай-городъ строитъ! Яны лѣсъ яму звалили. Ёнъ имъ у дьвѣ цаны заплативъ, ныкормивъ, ныпоивъ, и домой отпусьтивъ. И ящо царю госьтинецъ пыславъ. Тоды, яны поѣхыли, тоды ёнъ кажитъ: матушка, блыгослови ты мяне провѣдыть, што тамъ батюшка будитъ говоритъ зъ мачихый! Матка кажитъ: Бохъ тябе, сынокъ, блыгословитъ! Ёнъ ськинуся узнова гулубцомъ и пылятѣвъ зы купцами. Покуль тэя купцы пріѣхыли дыкъ ёнъ слухытъ. Пріѣжжаютъ купцы. Царь спрашіитъ: што, ребяты: по якихъ городахъ, по якихъ сторонахъ ѣзьдили? што чували, што видали? Яны кажутъ: ваша осіятельство! дали Будай города нидѣ не бывали! Той купецъ ня 'тпускаитъ дальше! Ну, дыкъ ёнъ говоритъ мачиси: вѣрно ето мой сынъ пріявився! А мачиха отвѣщаитъ: ето ня диво-дивушка, што Будай городъ вистроинъ крѣпко и пригожа, а вотъ ёсь у моёй матушки, на тридевятымъ царсьти, на тридесятэй зёмли, ёсь, говоритъ, городъ, больше Будая, кругомъ сьтѣна ў три аршина глубычины и ширичины: и ёсь у моёй матушки ны стайни пара концо́въ-жеребцовъ! якъ пойдутъ гулять, дыкъ искры васкрозь сьтяну ў три аршина приламуютъ! А ёнъ зъ гулубцами сядитъ ды ўсё слухытъ. Тоды прилятѣвъ къ матусцы и ставъ молодцомъ. Матка спрашіитъ: што, мой сынокъ узьлюбленный: што тамъ батька зъ мачихый казали? А ёнъ кажитъ: а вотъ, якъ пріѣхыли купцы ды стали хвалитца, што мы дали не были нійдѣ, тольки у Будай у городи, у крѣпысьти, дыкъ мачиха отвѣщала: што ето ня диво, што Будай городъ вяликыя крѣпысьть! у моѐ, говоритъ, матушки ёсь городъ, у три аршина сьтѣна глубычины и ширичины; и ёсь у яѐ ны стайни пара концовъ-жеребцовъ; якъ

пóйдуть пó городу гулять, дыкъ искры концовъ наскрóзь сьтяну прибивають! Тоды ёнъ кажить: блыгослови мяне, матушка, штоба за ночь тая сьтѣна отъ Бабы-Яги перейшла ко мнѣ, стала кругóмъ мойго города, и штоба пара концовъ-жеребцовъ у мяне на стайни стояли и по городу такъ гуляли! Матка кажить: Бохъ тябе блыгословить, дитятко!

Ну, тоды ёнъ за два чесы до сьвѣту вышывъ на крутую горỳ, ды якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, говорить: идѣ то у тридевятымъ царсьти, на тридесятый зéмли, у Бабы-Яги ёсь каменныя сьтѣна у три аршина ỳ ширичину и глубычину! Прибудь ко мнѣ, стань кругомъ мойго города! И штоба пара тыхъ концовъ-жеребцовъ прибыло! Ну якъ тольки крикнувъ такъ, усё тое, што у Бабы-Яги, родилыся. Тоды ёнъ пыславъ къ царю письмо, кабъ ёнъ прыславъ яму ужо краснаго товару и рыбы. Царь прыславъ. Тоды ёнъ етыхъ купцовъ пучустувáвъ и госьтинецъ царю пыславъ. Купцы тэя поѣхыли. Тоды ёнъ кажить: матушка моя родимая, блыгослови ты мяне провѣдыть, што тамъ батюшка зъ мачихой будить говорить? Матка блыгословила. Тоды ёнъ ськинувся гулубцомъ и пылятѣвъ за купцами. Пріѣжжають яны домовъ, ёнъ сѣвъ зъ гулубами ды сядить. А батька спрашіить у купцовъ: ну што, ребяты: идѣ бывали, што видали? пы якихъ городахъ, пы якихъ сторонахъ ѣзьдили? Яны кажюць: дали Будай-города не пускаить той купецъ! И вотъ вамъ госьтиньчика прыславъ. И што вы тутъ сказавали жъ жаной, тое тамъ усё пріявилыся: и тая сьтѣна у три аршина ширичины-глубычины, и тыхъ пара концовъ-жеребцовъ: якъ пойдуть пó городу гулять, дыкъ задьними ногами сьтяну прилáмують! Еткая чистота! Етый царь кажить: надо мнѣ туды зьѣздить пылядѣть: вѣрно, ето мой сынъ! А мачиха кажить, жена яго: ето ня диво, ды дивушка! У моей матушки, ву тридевятымъ царсьти,—у тридевятэй зéмли, стоить подъ городомъ дубъ, ни здумыть, ни згадать! На тымъ дуби дьвинадцыть кокотовъ, а на тыхъ кокотахъ дванадцыть котовъ: якъ угóру йдуть—басьни бають: якъ унизъ идуть—на гусьли играють. Вотъ то-то чистота у моей матушки! Ну, тоды ёнъ пылятѣвъ къ своей матцы. Матка спрашіить: а што, мой сынокъ: што тамъ батька зь мачихый говорили? А ёнъ кажить: якъ пріѣхыли купцы, ды стали хвалитца, што дали города Будáя не былѝ, и што вы говорили, то усё тамъ стало: и сьтѣна и жеребцы—такая чистота! дыкъ мачиха кажить: ето ня диво, а дивушка! Есь, у моей матушки, ву тридевятымъ царсьти, на тридесятый зéмли, дубъ; на тымъ дуби дванадцыть сокотовъ, на тыхъ сокотахъ дванадцыть котовъ: якъ угору йдуть—басьни бають, якъ унизъ идуть—на гусьли играють. Тоды ёнъ кажить: блыгослови мяне, матушка, штоба у мяне бывъ такей дубъ! Матка кажить: Бохъ тябе, сынокъ, блыгословить!

Вышывъ ёнъ тоды за два часы до сьвѣту на крутую гору̀, ды якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, идѣ то на тридевятомъ царстьви, на тридесятый зѐмли, у Баби-Яги ёсь дубъ на двападцыть кокотовъ, на тыхъ кокотахъ двападцыть котовъ,—прибудь ко мнѣ! каить. Ну, тольки ёнъ крикнувъ, усё тое и ёсь.

Идуть узнова товары. Ёнъ вышывъ на гору̀, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ, говорить: эй купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ моей горѣ! я товаръ куплю, поцѣнно плачу, васъ напою, накормлю и царю гостиньчика пошлю! Тоды яны товаръ пызвалили, деньги пулучили. Ёнъ ихъ ныкормивъ, ныпоивъ и госьтинца царю пыславъ. Тоды ёнъ кажить: матушка, блыгослови мяне, штоба мнѣ провѣдыть, што тамъ будить говорить отецъ изъ мачихый! Матка кажить: Бохъ тябе, сынокъ, блыгословить! Тоды ёнъ ськинувся гулубцомъ и полятѣвъ. Прилятѣвъ на дворъ и сѣвъ зъ гулубцами. Пріѣжжають купцы. Царь спрашіить: што, ребяты! идѣ пріѣжжали, што чували, што видали? Яны кажуть: ваше сіятельство! дали того города той купецъ, ти хто, Бохъ яго знаить, не пускаить! Ёнъ у насъ товары откупивъ, поцѣнно заплативъ, ныкормивъ насъ, ныпоивъ, и вотъ госьтинца вамъ прыславъ. И што вы жъ жаной казали, той дубъ подъ городомъ стоить, на дванадцыть кокотовъ, на тыхъ кокотахъ дванадцыть котовъ: угору йдуть— въ гусьли йграють! Вотъ то-то красота! Царь кажить: вѣрно ето тамъ мой сынъ! надо зьѣзьдить полядѣть! Ну ина стала отгова̀ривать яго: ето ня диво, а дивушка! каить. У моей матушки на тридевятымъ царсьти, у тридесятый земли ёсь чушка-вопѐрь. Ёнъ по городу идеть, лычемъ ореть, а ногами скородить, а вушами сѣить и вѣить. Якъ пройдить по городу—хлѣбушка нейди дѣть! Полятѣвъ ёнъ къ матцы. «Ну, што батька зъ мачихый говорили?»—Батька хотѣвъ ѣхыть, а мачиха каить: ето ня диво, а дивушка! Якъ у моей матушки ёсь чу̀шка—вопѐрь. Ёнъ по̀ городу идеть, лычемъ орѐть, ногами скоро̀дить, вушами сѣить и вѣить. Якъ про̀йдить по̀ городу—хлѣбушка нѐйди дѣть! А у насъ, матушка, хлѣба умалѐньня, дыкъ блыгослови мяне, кабъ до насъ прибывъ такѐй вопѐрь!—Бохъ тябе блыгословить, сынокъ! кажить. Ёнъ тоды, за два часы до сьвѣту вышывъ на гору, якъ крикнить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй! идѣ то у̇ тридевятымъ царсьти, у тридесятый земли, у Бабы-Яги ёсь чушка-воперь. Ёнъ лычемъ ореть, ногами скородить, вушами сѣить и вѣить; якъ про̀йдить по городу—хлѣбушка нейди дѣть! У мяне нѣту хлѣба; прибудь ко мнѣ ты, у городъ Будай! Той вопѐрь идеть, лычемъ ореть, ногами скоро̀дить, вушми сѣить и вѣить; якъ пройшовъ по городу, дыкъ хлѣба нейди дѣть: по хлѣбу ѣзьдють, якъ по мосту̀! Ну, тоды купцы етые ѣдуть по мо̀рю. Ёнъ ужо вышывъ, кричить молодецкимъ го-

лосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй купцы, купцы! грябцы, грябцы! грябитя къ мойму къ Будай-городу! я товаръ купляю, поцѣнно плачу! Вотъ яны товаръ звалили. Ёнъ ихъ ныкормивъ, ныпоивъ, и гостинца царю пыславъ. Самъ просится у матушки, кажить: блыгослови мянс, матушка: я хочу провѣдать, што тамъ батька зъ мачихой будуть говорить. Матка говорить: Бохъ тябе блыгословить, сынокъ! Ну, тоды ёнъ гулубцомъ скинувся и полятѣвъ. Прилятѣвъ на дворъ и слухыить. Прiѣжжають купцы. Царь спрашiить: што, ребяты: идѣ бывали, што видали? Яны кажуть: дали города Будая нiйдѣ не былй! Той купецъ товаръ у насъ откупивъ, поцѣнно заплативъ, насъ ныпоивъ-ныкормивъ, и вамъ гостинчикъ прислувъ. И той чушка-воперь, што вы говорили жъ жаной, тамъ у яго! Икая чистота! Царь кажить: вѣрно ето мой сынъ тамъ! Надо зъѣзьдить къ яму! Ну жана яго стала отгуваривать: ето, говорить, ня диво, а дивушка! Ёсь у матушки мое у каменныхъ палатыхъ одинадцыть молодцовъ, по дванадцыть пудовъ булдува. Якъ пойдуть по городу молотить, дыкъ моя матушка смашно сьпить, у каменныхъ палатыхъ! Ну, ёнъ осѣвся, не поѣхывъ къ сыну. Тоды ёнъ прилетаить ко двору и ставъ молодцомъ. Матка спрашiить: што, сынокъ мой? што тамъ батька зъ мачихый говорили? Ёнъ кажить: а што? якъ прiѣхыли купцы, стали расказывать, што яны дали нiйдѣ не былй, тольки у горади Будаи: той купецъ у насъ товаръ откупивъ, поцѣнно плативъ, насъ ныкормивъ—ныпоивъ, и вамъ гостинца прислувъ,—батька кажить: вѣрно ето мой сынъ! надо зъѣзьдить къ яму! А мачиха стала отгуваривать яго, говорить: ето ня диво, а дивушка! А ёсь у моєй матушки у тридевятымъ царсьти на тридесятый земли каменныя палаты; тамъ одинадцыть молойцовъ, по дванадцыть пудовъ булдува; якъ пойдуть по городу молотить, дыкъ моя матушка крѣпко у каменныхъ палатыхъ сьпить! И заплакывъ: што мое браты такъ дужа страдають! Тоды говорить: матушка, возьми сьпячи дванадцыть проскурикъ, и съ свое грудй молока прицыркни! А я пойду къ кывалю, булдаву кувать! И зыказавъ сабѣ ны дорогу булдаву дванадцыть пудовъ вѣсымъ. Тоды ёнъ скувавъ булдаву, вышывъ за городъ и кинувъ яе угору, за воблыки. Ина тамъ летала—летала, тоды лятить унизъ. Ёнъ узявъ, выс'нывивъ (выстановивъ) правую ладонь. Дыкъ ина якъ ударилыся, дыкъ и рассыпалыся! Ну, тоды ёнъ пошовъ назадъ къ кувалямъ. Яны передѣлыли яму: половина желѣза а половина стали. Ну, тоды ёнъ вышывъ за городъ, якъ кинувъ яе угору за воблыки, йна тамъ летала—летала, потомъ лятить унизъ. Ёнъ узявъ, шапку зьдѣвъ и выс'нывивъ лобъ. Ина якъ ударить яму у лобъ, дыкъ тольки увогнулася. Тоды ёнъ говорить: ну, ребяты: хороша будить! Пришовъ у дворъ, узявъ дванадцыть проскурикъ, попрощався зъ маткый,

и пошовъ къ Баби-Изѣ, у тридевятое царство, у тридесятую зе́млю.

Ну, тоды, якъ ити, дыкъ ити, скоро кажитца, ды ня скоро дѣлыитца. Пришовъ къ Баби-Изѣ. А ина сьпить, яны оддыхають,—тольки булдо́вы на горѣ тырчать. Ёнъ узявъ, проскурки на булдо́вы усклавъ, а самъ за камень схувался. Ну, тоды яны одинъ другого товхъ-товхъ! Будимъ, братцы, уставать молотить! Вядо́мо, яны у яе у тьвику. Зьѣли проскурки. Вѣтеръ якъ дунувъ, дыкъ яны почули маткину кровь. Эй, братъ, кажють: братъ у госьти пришовъ! Тоды ёнъ вышывъ, кажить: укажи́тя мнѣ яе! А яны кажють: братъ, утекай! А ёнъ кажить: такую яе, етакую! тольки укажитя мнѣ яе, ды поможи́тя тоды мнѣ! Я пойду яе своею булдавою бить! Яны тоды яму указали яе, а сами пошли молотить. Приходить ёнъ туды къ ей, ажны ина сьпить: изъ нозьдёръ дымъ шибаить, изъ рота по́лынь, а зъ вушей искры сыплютца. Ну, тоды ёнъ пришовъ, разъ треспувъ по лбу—ня чуить! другій разъ—почула. И схватилися. Ина його огнёмъ палить, дымомъ ду́шить. Ёнъ тоды крикнувъ на братовъ. Браты подскочи́ли и забили яе. Ёнъ тоды узявъ возовъ пять соломы, палаты яе́ запаливъ, братовъ узявъ за ру́ки и повёвъ у свою сторону, у свое царство.

Приводить ёнъ ихъ домовъ къ матцы. Яны поклонилися матцы, поздоро́вкылиси и живуть у Будай-городи зъ братымъ. Якъ пойдуть по городу гулять—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, во лбу зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, по запясьтія у серебри, по колѣни у золыти—дыкъ увесь городъ зьяить! Ну, тоды царь етый посылаить своихъ купцовъ съ товарыми. Купцы ѣдуть по морю; ёнъ вышывъ на гору́, кричить молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ: эй, купцы, купцы! грябцы грябцы! грябитя къ мойму городу: я товаръ поцѣнно купляю, и васъ ныпою-ныкормлю, и царю госьтинца пошлю! Яны пріѣжжають; товаръ звалили; тоды ёнъ ихъ ныпоивъ-ныкормивъ, царю госьтинецъ давъ и домой отпусьтивъ. Тоды кажить матцы: матушка моя родимыя! я, кажить,—братовъ отыйскавъ, тяперь якъ—ба отца у свой Будай городъ звыротить? Ти ёсь тамъ у мачихи якея загадки, ти нема? Матка кажить: Бохъ тябе блыгословить, сынокъ! Тоды ёнъ ськи́нувся гулубцомъ и полятѣвъ къ батьку. Купцы якъ пріѣхыли, царь спрашиить: ну што, купцы—грябцы! идѣ бывали, по якихъ городахъ, по якихъ сторонахъ ѣзьдили? што чували, што видали? Тоды яны кажуть: ваша сіятельство! дали того города той купецъ, ти Бохъ яго знаить, не пускаить! И што вы жъ жапой тутъ говорили, то тое тамъ пріявилися: тамъ дванадцыть братовъ стало! Мачиха якъ почула, што яны сыйскалиси, и што яе матки ужо на сьвѣти нема, дыкъ ина схватила ношъ и заколо́лыся. Тоды тэй царь кажить: слава табѣ Господи, што Бохъ опроставъ мою голову́ отъ окаянныя силы! Поѣду я къ

своей жанѣ, къ своимъ дятёмъ! Тоды ёнъ полятѣвъ домой. Прилятѣвъ домой, зьдѣлывся молодцомъ. Матка кажитъ: што шъ ты чувъ? А ёнъ кажитъ: а вотъ што я чувъ: якъ приѣхыли купцы, ды стали раскáзывать, што мы видали ў Будай-городи дванадцытъ братовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, во лбѣ зьвёзды, у потылицы мѣсикъ, по запясьтья — руки у серебри, по колѣни ноги ў золыти, якъ пойдутъ по городу гулять, дыкъ увесь городъ зьяитъ,—дыкъ якъ почула ето мачиха, увызнала, што яе матку забили ужо, дыкъ ина нóжамъ сябе заколола. А батька кажитъ, говдритъ: слава табѣ, Господи, што Бохъ опроставъ мою головў отъ окаянныя силы! Тяперь, кажитъ, пойду къ своей жанѣ и къ своимъ дятёмъ! Слава Богу, отецъ у госьти завтра къ намъ будитъ! Матушка, блыгослови мяне, штобъ за два чесы до сьвѣту провéсьти дванадцытъ вёрстъ дорогу, выбитъ краснымъ сукномъ, и терезъ мóря мостъ, золотая мосьница и сяребриная мосьница, золотый стовпъ и сяребриный стовпъ. Матка сказала: Бохъ тябе блыгословитъ, сынокъ! За два чесы до сьвѣту вышывъ ёнъ па гору. Якъ крикнитъ молодецкимъ голосомъ, быгатырськимъ посьвистомъ, говоритъ: я дожидаюсь отца у госьти! штоба Бохъ давъ, штоба до сьвѣту терезъ мóря мостъ вымысьтився и штоба была дорога на дванадцытъ вёрстъ, и ету дорогу краснымъ сукномъ увыслали! Якъ ёнъ тольки сказавъ, такъ сiйчасъ откуль явилиси масьтяры, усё ето зрабóтыли. Чутъ-день ѣдитъ царь къ жанѣ у госьти. Приѣхывъ, поздрáстувався жъ жаной, зъ дятьми. И ставъ житъ у Будай-городи. И тяперь тамъ живутъ.

С. Староселье, мстисл. у. Отъ кр. Лаврена Артемова, 58 л., негр. зап. въ моемъ присутствiи г. Аникiевичъ.

19. Иванъ Ивановичъ купецкiй сынъ.

Бывъ у якомъ то царстьви—государстьви купецъ. У того купца бывъ сынъ. Доживъ ёнъ до совяршенныхъ лѣтъ, и дозволяетца ёнъ у батьки жанитца. Ну, ѣдь сабѣ, выбиратъ по'быччу дѣвицу! Тоды ёнъ поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, узъѣжжаетъ на поля: жнетъ дѣвка жито. Здраствуй, дѣвушка!—Здраствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкiй сынъ!—Што ты, дѣвка, за зьдѣлўха?—Вотъ, я зьдѣлуха не большая: етую жменьку жита важну, зьмялю и дванадцатъ бóхановъ хлѣба сьпяку зь яé!—Ну, коли, говоритъ, лѣпшiя не найду, я за сябе тябе замужъ возьму! Тоды ёнъ попрощався зь éю и поѣхавъ подальше. Бярётъ дѣвка лёнъ. Здраствуй, дѣвушка!—Здраствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкiй сынъ!—Што ты, дѣвка, за зьдѣлуха?—А, я зьдѣлуха не большая: ету жменьку лёну посьтялю и сомну, дванадцатъ постàвовъ кросёнъ вытку зь яé!—Ну, коли,

говорить, не дась Богъ, не слу́читца мнѣ лѣпшія найти, я тябе за сябе замужъ возьму! Уѣжжаеть ёнъ у городъ. Поставивъ коня на кватѐри, самъ пошовъ по базару, коло перепеча́екъ. Уси красивыя дѣвки, ну одна красивѣй усихъ! Понора́вилась яму. Здраствуй, дѣвушка!—Здраствуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—Што вы, говорить, за зьдѣлуха?—А я зьдѣлуха не большая: пойду, говорить, за кого замужъ, дакъ я роджу дванадцать сыновъ, по колѣно у золоти, по запярсьти у сéребри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звѣзды сіяють, якъ у водного! А вы, говорить, што спрашіетя, по якихъ дѣлахъ?—А я, говорить, сабѣ дѣвицу по 'быччу сво му выбираю, буду 'бруча̀тца зъ ёй!—Коли, каеть, ня трѐбуетя, дыкъ я, говорить, пойду за васъ! Тоды указала дворъ. И пошовъ ёнъ къ отцу сватагца. Вотъ ёнъ ставъ сватать, отецъ говорить: коли дѣвица идéть, дакъ щасьтя яé не могу задержать,—нехай идеть! Просватавъ ёнъ яé. Ёнъ побоявся, штобъ якого перябо́ю ня було́, не воротився къ батьку, узявъ да й жанився тамъ. Пріѣжжаеть домой ижъ жаною у̑жо. Батька тэй усѐрдився, што не пріѣжжавъ домой благословлятца, ды й 'бручився тамъ, и матка. Тогда ёнъ батьку и матку ставъ просить, ставъ просить. Батька тыки просьтивъ яму, а матка—тая сярдита, не прощаеть яму. Отъ, ёнъ, скольки у̑ремя прожили, нявѣста забрéменѣла. Тоды свякрова стала бранитца на ходяина: чаму сына не посылаешъ за купечаствомъ, чаго сидитѐ у хати? Собрали старцо́въ да й не думаетя! скоро ѣсьть нéчаго будеть! Тяперича ёнъ, батька, говорить на яго: ну, мой сынокъ! бяри денегъ, говорить, и ѣдь у такій и такій городъ на пристань, и купляй на пристани товаръ! Тоды ёнъ говорить: батюшка мой, говорить, кормитель мой! коли дась Бохъ, моя жана ро́дить,—ти худое ти доброе—безъ мяне, говóрить, хрѐзьбинъ не гуляйтя,—я самъ буду хрезьбины гулять! Отъ ёнъ поѣхавъ. Тольки ёнъ поѣхавъ, ина почала родить. Тольки одного ина родила, а свякрова ухватила да за плотъ! Вотъ, ина роджаеть, а ина за плотъ кидаеть. Одинадцать сыновъ ина за плотъ закинула. Тольки што двападцатаго родила, а старушка нѣйкая на порогъ. Тоды ина (свякрова) на яе усярдилася, чаго ина найшла на етый зной, а тая попросила, породиха: бабулька, говорить: ня йдитя, побудьтя часину тутъ! перебабтя, говорить, яго! Мужа у дворѣ нѣту, мнѣ самой ходить нельзя!—Этъ, каеть: якъ мнѣ яго бабить, мужи̂чки приступить къ купцовой жанѣ!—Ничого, каеть, перебабтя! Ина узила, яго перебабила. Тоды яго у ночо́вочки положила, ножичекъ подъ го́ловы яму положила, што пупокинку рѣзала. Тоды пошла къ купцу: купецъ нашъ милосьливый! давъ Богъ табѣ уну́ка, што ни чуть, ни видать было яго! И родила, говорить, што по колѣни у золоти, по запярсьти у сéребри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у

макусцы дробныя звёзды сіяють. Купецъ тэй увыйшовъ у комнату, дакъ ажно комната сіяеть отъ яго! Ну, ёнъ сичасъ узявъ, письмо написавъ къ свойму сыну: сынъ мой, говорить, узлюблённый! родила, говорить, твоя жана ребёночка, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють: освятивъ мою комнату усю! Тэй человѣкъ пошовъ съ письмомъ. Проходить день, обнимаеть яго тёмная ночь. Стойть ли дороги хатка. Ёнъ у тую хату зайшовъ,—тамъ дѣвка шіеть— вышиваеть. Здраствуй, говорить, дѣвушка!—Здраствуй, здраствуй, добрый человѣча!—Ти ня пусьтитя на ночь?—Зачимъ, говорить, ня пусьтимъ? у мяне люди ночують кажную ночь: при дорози живёмъ, дакъ заходють! Ночуйтя сабѣ зъ Богомъ! говорить. Вотъ ёнъ заночевавъ. Ина ў яго распросила: куды идешъ, по якому дѣлу? Вотъ, говорить: я нанятъ! Нанявъ мяне купецъ—родився у яго сына ребёночекъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Дыкъ ёнъ мяне нанявъ занесьть сыну писямцо́, кабъ ѣхавъ домой ксьтины гулять! Тоды ёнъ легъ спать, а ина писямцо́ тое вынила, написала письмо: што родила твоя жонка ребёнка—свиный лычъ, куриныя ноги, мядьвѣдчія руки, совиный узглядъ—соусимъ не человѣччій корпусъ! Да тое письмо яму за шапку за маргелку заклала, а тое подрала. Дакъ ёнъ назаўтраго уставъ, помывся, Богу помолився, за ношлегъ подякувавъ и пошовъ. Проходить день обнимаеть яго тёмная ночь. Ёнъ приходить—стоить ли дороги хатка. Ёнъ у тую хатку зайшовъ,—тамъ дѣвка шіеть—вышиваеть. Здраствуй, говорить, дѣвушка!—Здраствуй, здраствуй человѣча!—Ти ня пусьтитя на ночь?—Зачимъ, говорить, ня пусьтимъ? у мяне люди ночують кажную ночь: при дорози живёмъ, дакъ заходють! Ночуйтя сабѣ съ Богомъ! говорить. Вотъ ёнъ заночевавъ. Ина ў яго распросила: куды идешъ, по якому дѣлу? Вотъ, говора: я нанятъ! Нанявъ мяне купецъ—родився у яго сына ребёнокъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Дыкъ ёнъ мяне нанявъ занесьть сыну писямцо́, кабъ ѣхавъ домой, ксьтины гулять! Тоды ёнъ лёгъ спать. Ина узила тое писямцо, ящо чисьтѣй накурбувала, на дятёнка на того, што ўжо й смотрѣть на яго нельзя. Ёнъ назаўтраго уставъ, помывся, Богу помолився, за ношлегъ подякувавъ и пошовъ. Вотъ, приходить у тэй городишко, допытався яго кватери, сичасъ отдаеть ето писямцо. Ёнъ узявъ тое писямцо,—стыдно яму читать яго—скольки особъ тутъ було́—дыкъ ёнъ вышовъ на крыльцо. Прочитавъ ето письмо, тоды написавъ: батюшка мой, говорить, и матушка! якого Богъ ни давъ, не гуляйтя хрезьбинъ безъ мянѐ! я самъ пріѣду хрезьбины гулять! Давъ яму грошій на дорогу:

нѣшто, говоритъ, не такъ написано, якъ ина казала—роджу дятёнка!—Нѣ, каетъ: ина родила дятёнка по колѣни ноги у золоти, по запярсьти у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Тоды ёнъ дознався, што ето швагрыни яé при дорози жили и подьдѣлали—которая жáла, которая лёнъ брáла. Давъ иму грошій на дорогу. Ёнъ якъ ити дакъ ити—пройшовъ день. Обнимаетъ яго тёмная ночь. Зайшовъ ёнъ у тую хатку, адѣ нучувавъ другую ночь. Здраствуй, дѣвица!—Здравстуй, здраствуй, добрый человѣча!—Ти ня пусьтитя на ношлегъ?—А, нашто вы прóситесь? Одну ночь переночевали, дакъ идитя ўжо якъ у свой домъ,—ночуйтя, каетъ, зъ Богомъ! Ёнъ заночевавъ. Лёгъ спать, ина сичасъ узила карточку и перечитала: што, батюшка и матушка! не гуляйтя хрезьбинъ безъ мяне! Ина жъ тую сичасъ узила подрала, и написала: батюшка, говоритъ, и матушка! сичасъ яе стратьтя! до мойго прiѣзду кабъ яе не булó. А коли не стратитя, дакъ я, говоритъ, васъ самихъ потрачу! Написала ету карточку, ды за шапку яму заклала. Ёнъ назаўтра уставъ, помывся, Богу помолився, подякувавъ за ношлегъ, и пошовъ. Ити дакъ ити, ити дакъ ити—обнимаетъ яго тёмная ночь. Зайшовъ ёнъ у тую хатку, дѣ першую ночь нучувавъ. Здраствуй, дѣвица!—Здравстуй, здраствуй, добрый человѣча!—Ти ня пусьтитя на ношлегъ?—А нашто вы проситесь? Одну ночь переночевали, дакъ идитя ужо якъ у свой домъ,—ночуйтя, каетъ, зъ Богомъ! Ёнъ заночевавъ. Лёгъ спать, ина сичасъ узила карточку и перечитала. Опять жа ина поправила: ежали яé не стратитя, дакъ я, говоритъ, прiѣду, домъ спалю, и попелъ вѣтеръ разнясéтъ! Ёнъ приходитъ домой, сичасъ отдаетъ карточку тому купцу. Тэй купецъ прочитавъ: ухъ, говоритъ: якъ ето можетъ быть! кабъ етакаго ребёшачка тратитъ! жаль мнѣ яе, жаль етакаго ребёнка, красиваго! Сичасъ свякровъ убѣгаетъ—да, говоритъ: ти табѣ нявѣстка дорожѣй исъ сыномъ, ти мы? Ужежъ мы дорожѣй, говоритъ, и домъ! Да стратитъ, каетъ, ихъ! Ну, ёнъ подумавъ: якъ яе стратитъ?—такъ яе тратитъ нельга! Булá у яго большая кýхва; ёнъ тую кухву засмáливъ, зялѣзными обручами забивъ яé, тоды узяли яé у ету кухву садитъ. Ребёшачекъ етый проговоривъ: матушка моя родителка, не забудься тэй ножичекъ узять, што баба пуповинку отрѣзáла мнѣ! Узила ина тэй ножикъ, ихъ у тую кухву усадили, дно уставили, и засмáлили,—штобъ вода не найшла туды. Тоды пусьтили ихъ по мóрю. Купецъ самъ пошовъ по берегу, и смотритъ, покуль изъ глазъ исплывъ,—што жалко яму етаго ребёнка—што красивъ дужа! Давъ Богъ унука, и того пусьтивъ по мóрю! Тоды ина выходитъ, свякрова, на берегъ и говоритъ: чаго ты ходишъ по берегу, иди, каетъ, ў дворъ! Што табѣ—нявѣстки съ сынкомъ дорого, а насъ зъ дворомъ ня дорого? Иди, каетъ, домовъ! каетъ. Тоды ёнъ вярнувся, пошовъ у комнаты.

Нямножко згодя, пріѣжжаеть сынъ. Батюшка, говорить: а дѣ жъ моя жана?—А дѣ жъ твоя жана? Што ты написавъ—здѣлано! говорить. Тоды ёнъ догадався, што ето зьдѣлали тыя дѣвки, швагрыни яе, которая жала, которая лёнъ брала. Ну, говорить: Богъ зь ею! Поплыла—тяперь не варнуть! У здоръ етаго не принявъ, просьтивъ имъ, што показали карточку у руки. Узявъ, жанився съ тою, зъ другою, што жито жала.

Ти много, ти мало яны проплыли, и учувъ етый мальчишка, што кухва пріютилася,—ня йдеть по водѣ ужо. Матушка моя родителка, позвольтя мнѣ кухву ету распихнуть! Ина говорить: ай, мой сыночекъ! идѣжъ тябѣ распихнуть? Ина жъ зялѣзными обручами зьбита!—Позвольтя, каеть, матушка,—распихну!—Ну, Богъ тябе богослови, каеть: распихни сабѣ! Ёнъ мѐзинымъ пальцомъ стукнувъ у дно—тое дно выскочило! Ёнъ самъ на берегъ вышовъ и матку на берегъ вывевъ, на выспу. Матушка, моя, говорить, родителка! позвольтя мнѣ, говорить, будучку состроить етымъ ножикомъ: будеть, каеть, отъ жаркаго сонца, отъ силнаго дожджу! А ина говорить: идѣ табѣ построить будку такимъ ножичкомъ? ёнъ жа, каеть, маленькій и тупый!—Да матушка, богословитя!—Да Богъ тябе богословить: городи сабѣ якую будку! Ина легла спать,—такъ легла къ совнику, и заснула; а ёнъ пошовъ по крутому берягу и крикнувъ молодецкимъ голосомъ, а свиснувъ богатырськимъ посвистомъ: тутъ къ яму уси масьтера—и злотьники и плотьники и сребреники, исъ пилами исъ топорами,—уся масьтера къ яму явилася.—Купецъ нашъ милосьливый, што за работу прикажетя?—А вотъ, говорить, вамъ работа: штобъ на етомъ крутомъ бѐрези зработали Будай—городъ; штобъ кругомъ етаго Будай—городу молошныя рѣки тяклй, кашные берягй прилегали;—штобъ бѣгали Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и клйчили: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня рушить! напьетёсь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушитя! Такъ якъ хапили тое масьтера—дакъ яны ня то што у три чеса, прямо—у три минуты зработали Будай-городъ. И кругомъ того города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилялгй, и Вашачки бѣгали у бѣлыхъ рубашачкахъ и клйчили: сюда, молойцы, кушать—мошонка ня рушить! напьетёсь, наѣсьтесь, и мошонки не порушитя! Зработали усё якъ слѣдуеть быть. Аошнулася тая матка—што заснула подъ кусьтикомъ, аошнулася, дакъ прямо зяеть кругомъ, што куды ни глянеть кругомъ сябе, дыкъ сябе у сьтянѣ видить! Тоды яны ти много, ти мало такъ прожилй, сичасъ послявъ тэй уже батька яго товаръ на низъ. Потхо́дють тые суде́ношники—который можа ходивъ лѣтъ тритцать—не было нічо́го на той выспи, што можа куста лозоваго не было́—а то построенъ Будай-городъ, и кругомъ того города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилягли, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и клйчуть: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня рушить! Напь-

ётесь, наѣсьтёсь и мошонки не порушитя! Потходють тые судновые работьники къ Будай-городу, такъ выходить купецъ на крылцо, потходить къ имъ на крутъ берегъ. Тэя работьники уторопились (оторопѣли)—што вышовъ то етакій купецъ, што по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Ёнъ говорить: не торопитесь, говорить, проходжіе работьники, привалюйтя къ крутому берягу! Яны привалили къ крутому берягу, ёнъ товаръ тэй ихъ принявъ, заплативъ деньги, скольки стоивъ. Што имъ треба було, якій товаръ—ёнъ имъ опять наваливъ туды, назадъ икъ имъ.

Ёнъ знаетъ тое уремя, коли яны дайдуть, сичасъ сьkинувся голубчикомъ, полятѣвъ, сѣвъ у батьки на крылцѣ. Выходить купецъ на крылцо, смотрить,—што яго судно идеть назадъ? Ёнъ етымъ уторопився. Потходить къ работьникамъ къ тымъ: работьники мое, говорить, милые! што вамъ ето побядилося, што вы скоро назадъ воротились?—Нѣ, говорють, купецъ нашъ милосьливый! намъ ничого не побядилось, а вотъ: скольки, говорють, лѣтъ мы прохаджугали, ничого не видали на жовтой выспи; а тяперь, говорють, на жовтой выспи, на крутой горѣ, построився Будай-городъ, и кругомъ того города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилягли, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и кличуть: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня рушить! напьетесь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушитя! Тоды выходить, говорють, купецъ на кругъ берегъ—по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Ёнъ отъ насъ товаръ принявъ и намъ наваливъ, якій намъ треба! Объ тымъ мы такъ скоро и вярнулися! Тоды ёнъ сьтиснувъ плячми и говорить: вѣрно ето мой сыночекъ тамъ ёсь! Ина тоды выбѣгла—жонка яго: ай, говорить: мало на свѣти якого народу ёсь!—Тб бъ то, говорить, бывъ твой сынъ!—Онъ, ёсьть, на якомъ то царстьви-государстьви ёсть дикій вѣперь, што лычамъ орѣть, хвостомъ скородить, и услѣдъ жито сѣетца, и усходить, и васыпаеть, и цвѣтеть и досьпѣваеть, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно скушать! Ну, ёнъ узявъ товаръ принимать, а тэй голубчикъ и полятѣвъ къ матцы. Тоды говорить: мамка моя родимая! Пришли, говорить, судны къ батюшкиному двору, говорить, батюшка вышовъ и спрашіеть: работьники мое, говорить, милые! што вамъ ето побядилося, што вы скоро назадъ воротились?—Нѣ, говорють, купецъ нашъ милосьливый! намъ ничого не побядилося, а вотъ: скольки, говорють, лѣтъ мы прохаджували, ничого не видали на жовтой выспи; а тяперь, говорють, на жовтой выспи, на крутой горѣ, построився Будай—городъ, и кругомъ етаго города молошныя рѣки протякли, кашные берягй прилягли, и бѣгають Вашачки у бѣлыхъ рубашачкахъ и кличуть: сюда, молойцы, кушать—мошонки ня

рушитъ! напьетёсь, наѣсьтёсь, и мошонки не порушитя! Тоды выходитъ купецъ на крутъ берегъ —по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Ёнъ отъ насъ товаръ принявъ и намъ наваливъ, якій намъ треба! Объ тымъ мы такъ скоро и вярнулися! Тоды ёнъ сьтиснувъ плячми и говоритъ: вѣрно ето мой сыночекъ тамъ ёсь! Ина тоды, выбѣгла—жонка яго: ай, говоритъ: мало на свѣти якого народу ёсь! То́ бъ то, говоритъ, бывъ твой сынъ! Онъ, ёсьтъ на якомъ то царстьви-государстьви, ёсьтъ дикій вѐперь, што лычамъ оретъ, хвостомъ скородитъ, и услѣдъ жито сѣетца, и усходитъ, и васыпаетъ, цвѣтетъ и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушатъ!... Ахъ сыночекъ, говоритъ: адѣ ты ето доставишъ? Намъ, каетъ, не достатъ!—Богослови, каетъ, матушка! што Богъ дась!—Да Богъ тябе, каетъ, благослови! Сичасъ ёнъ пошовъ на крутъ берегъ, якъ крикнувъ молодецкимъ голосомъ, свиснувъ богатырськимъ посвистомъ: тутъ къ яму богатыри явилися. Купецъ нашъ милосьливый, што за работу прикажетя?—А вотъ, говоритъ: на якомъ то царстьви-государсьтьви ёсьтъ дикій ве́перь, што лычамъ оретъ, хвостомъ скородитъ и услѣдъ жито сѣетца, и усходитъ, и васыпаетъ, и цвѣтетъ и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно скушатъ! Штобъ мнѣ етый ве́перь у три часы доставленъ бывъ!—Яны ня тольки у три часы, у три минуты доставили яго! Ёсьтъ уже и ве́перь на выспи.

Тяперь, ти много ти мало прожили—тэй купецъ, значитца, собравъ товару и зновъ на низъ посылаетъ. Потходютъ яны подъ тэй подъ Будай городъ, выходитъ купецъ, по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяютъ. Прошу, ребяты, говоритъ, дива посмотрѣтъ! Яны пошли дива смотрѣтъ. Приходютъ къ вяпрю, тэй вяпе́рь устаетъ, лычамъ оретъ, хвостомъ скородитъ, услѣдъ жито сѣетца, и усходитъ, и васыпаетъ, и цвѣтетъ и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушатъ. И перядъ ими ето ўсё. Да. Тоды ёнъ давъ имъ хлѣба того скушатъ, и давъ имъ краюшку на дорогу. Отправились яны назадъ. Знаетъ ёнъ ету пору, якъ яны да́йдутъ, ськинувся голубчикомъ, полятѣвъ туды, сѣвъ у батьки на крылцѣ, ожидаетъ ихъ. Яны тоды приходютъ. Выходитъ купецъ на крылцо. Што, говоритъ, ребятушки мое̂: ти ня чули якихъ на́винъ на дорози?—Якъ, говорютъ, ня чутъ—чули! У Будай-городи ужо ёсь дикій ве́перь. Ёнъ лычамъ оретъ, хвостомъ скородитъ, услѣдъ жито сѣетца, и усходитъ, и васыпаетъ, и цвѣтетъ и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и ў три часы хлѣба можно скушатъ. Што́ у насъ гово́ритца, тамъ усё дѣетца. Купецъ давъ намъ того хлѣбушка, мы скушали и вамъ привязьли—просимъ посмотрѣтъ! Ёнъ узявъ хлѣбъ и посмотрѣвъ: вѣрно, говоритъ, ето мой сы-

ночекъ работаетъ тамъ! Ина сичасъ выбѣгаетъ, тётенька яго: э, мало, говоритъ, на свѣти якихъ туманьщиковъ ёсьть! То бъ твой бывъ сынъ—ёсьть на третьтемъ то царстьви-государстьви баня: дакъ старый помыетца—молодъ станетъ, а молодый помыетца—старъ станетъ. То бъ твой бывъ сынъ! Купецъ узявъ сичасъ товаръ принимать, а ёнъ полятѣвъ сичасъ къ матцы домой. Матушка моя, родителка! говоритъ. Вышовъ, говоритъ, батюшка и спрашіетъ: ти нема навинъ у свѣти? Яны говорютъ: ёсьть новины! У Будай городи ужо ёсьть дикій вѣперь, лычамъ оретъ, хвостомъ скородитъ, услѣдъ жито сѣетца, и усходитъ, и васыпаетъ, и цвѣтетъ и досьпѣваетъ, и жнетца, и молотитца, и у три часы хлѣба можно кушать. Што у насъ говоритца, тамъ усё дѣетца. Купецъ давъ намъ того хлѣбушка, мы скушали и вамъ привязьли—просимъ посмотрѣть! Ёнъ узявъ хлѣбъ и посмотрѣвъ: вѣрно, говоритъ, ето мой сыночекъ работаетъ тамъ! Ина сичасъ выбѣгаетъ, тётенька: э, мало, говоритъ, на свѣти якихъ туманьщиковъ ёсьть! То бъ твой бывъ сынъ—ёсьть на третьтемъ то царстьви-государстьви баня: дакъ старый помыетца—молодъ станетъ, а молодый помыетца—старъ станетъ! То бъ твой бывъ сынъ!.. Мой сыночекъ! намъ етаго не достать! Мало-што ета тётенька твоя вамышляетъ тамъ! —Богослови, матушка! можа Богъ дась!—Да Богъ тябе, каетъ, богослови! Ёнъ сичасъ вышовъ на крутъ берегъ, якъ крикнетъ молодецкимъ голосомъ, свиснетъ богатырськимъ посвистомъ, являютца къ яму богатыри: што за работу прикажетя?—А вотъ, говоритъ: у третьтемъ царстьви государстьви ёсь баня: старый помыетца—молодый станетъ, а молодый помыетца, старъ станетъ. Якъ ба яѐ у три часы сюды приставитъ? Яны ня только у три часы, у три минуты зработали тую баню.

Тутъ купецъ тэй зновъ надумався, товару собравъ, опять ихъ пославъ на низъ. Яны потходютъ подъ Будай-городъ, выходитъ купецъ на крутъ берегъ: привалюйтя, ребяты, къ крутому берягу, ходитя дива глядѣть! Приходютъ яны къ бани. Вы, каетъ, по водѣ ходитя, да пя мыетесь! ходитя зъ дороги помыйтеся у бани у моей: тѣло помяхчѣетъ и вамъ поляхчѣетъ! Отъ яны пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познаютъ: што который бывъ старэй, тэй ставъ молоденекъ: а который молодэй—тэй ставъ старъ! Ёнъ ихъ накормивъ-напоивъ и назадъ отправляетъ. Тоды пошли яны назадъ, а ёнъ сьскинувся голубчикомъ и полятѣвъ, сѣвъ у батьки на крылцѣ и дожидаетъ ихъ. Приходютъ яны, выходитъ купецъ на крылцо, и не увознаетъ своихъ работьниковъ:—видитъ, што судно яго, а работьниковъ не можетъ увознать. Ти вы ето, ребятушки?—Мы, каетъ, мы!—Нѣшто жъ вы такъ?—А вотъ якъ: потходимъ мы подъ Будай-городъ, выходитъ купецъ на крутъ берегъ: привалюйтя, ребяты, къ крутому берягу, ходитя дива глядѣть! Приходимъ мы къ бани. Вы, каетъ’

по водѣ ходитя, да ня мыетесь, ходитя зъ дороги помыйтеся у баин у моей: тѣло помяхчѣеть и вамъ поляхчѣеть! Отъ мы пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познаемъ: што который бывъ старэй, тэй ставъ молоденекъ; а который молодэй—тэй ставъ старъ! Вѣрно, каеть, ето мой сыночекъ усё тамъ работаеть! Сичасъ ина выбѣгаеть: о, мало, говорить, ёсьть на свѣти озёльщиковъ! То бъ твоё сыны были, коли бъ ихъ було дванатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, и по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды. Живуть яны на третьтемъ царстьви-государстьви, тамъ стоить дубъ, у томъ дуби дуплё, подъ тымъ дубомъ зялѣзный токъ, и тамъ яны проживають—одинатцать братовъ. Штоба яны были уси ўмѣсьти у Будай-городи дванатцать братовъ, то бъ твой бывъ сынъ!.. Тоды купецъ ставъ товаръ принимать, а ёнъ выслухавъ и полятѣвъ къ матцы. Матушка моя родителка! Приплыли работьники къ батьку, дыкъ ёнъ ихъ не познавъ: ти вы ето, ребятушки?—Мы, мы, кажуть.—Нѣшто жъ вы такъ?—А такъ и такъ: потходимъ подъ Будай-городъ, выходить купецъ на крутъ берегъ и зовѣть: ходитя дива посмотрѣть! Пошли мы туда, а ёнъ каеть: вы по водѣ ходитя, да ня мыетесь, ходитя зъ дороги помыйтеся у бани у моей: тѣло помяхчѣеть и вамъ поляхчѣеть. Отъ мы пошли у баню. Помылися у бани,—и одинъ одного не познали: што который бывъ старэй, тэй ставъ молоденекъ, а который молодэй—тэй ставъ старъ! Тоды батька говорить: вѣрно ето мой сыночекъ тамъ! А ина выбѣгла: вотъ то бъ твой сынъ бывъ, колибъ ихъ було дванатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, и по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Живуть яны на третьтемъ царстьви-государстьви, тамъ стоить дубъ, у томъ дуби дуплё, подъ тымъ дубомъ зялѣзный токъ, и тамъ яны проживають—одинатцать братовъ. Штобъ яны были уси ўмѣсьти у Будай-городи дванатцать братовъ, то бъ твой бывъ сынъ! Ина говорить: а дѣ жъ ты, каеть, мой сыночекъ, ихъ найдешъ? ихъ можа вороньнё косьти поразносило, сороки тѣло порасклювали,—идѣ жъ яны будуть живы! Мало-што ина вамышляеть!—Матушка моя, родителька, богослови мнѣ съ своё груди стаканьчикъ молочка выдоить!—Мой сыночекъ, говорить:—адѣ молоко у мяне найдешъ?—Богословитя, матушка: усё Богъ дась!—Да Богъ тябе богословить! Ёнъ узявъ, стаканъ потставивъ подъ грудь, за грудь узявся,—цѣлый стаканъ молока набѣгъ! Ёнъ сичасъ узявъ, пшённыя муки на молоцѣ на етомъ замясивъ и дванатцать галўшачекъ скатавъ съ того тѣсьтичка. Сичасъ ёнъ ськипувся голубчикомъ, узявъ полятѣвъ на третьтее

царство-государство, и сѣвъ на томъ дуби, куды ихъ Господь воздухоизанёсъ. Сичасъ у дупелушко одну галушачку укинувъ. Одинъ братъ потъ хапивъ, зьѣвъ! Ахъ, братцы, говорить: матушкино молоко пахнеть! Тоды ёнъ имъ кинувъ ще одинатцать. Яны уси похапали, тожъ говорють: матушкино молоко пахнеть!—тые уси браты. Остаётца одна галушачка дьвѣнатцатая. Яны говорють: вѣрно нашъ братъ тутъ ёсьть, остаетца одна галуча. Тоды ёнъ къ имъ на токъ пырьхъ. Стало ихъ тамъ дьвѣнатцать молойцовъ. Заплакали яны, одинъ на дного глѣдючи, обнялись, поцулувалися, порадувались, што уси до кучки собралися! Тоды ськинулися голубчиками и полятѣли у тэй Будай-городъ, идѣ матка яго. Такъ уходють у комнаты, матка тая спужалася, на ноги ўпала. Яны яé потхапили: матушка наша родителка! хуть ты насъ молокомъ не кормила, ну ты дли насъ труждалася, насъ родила—поетымъ ты матушка наша родимая!

Тяперь, скольки уремя прожилй, тэй купецъ рўпитца, нагружаеть товаръ, опять на низъ отправляеть. Потходють яны подъ Будай городъ. Сичасъ выходють етые дванатцать молойцовъ на крутый берегъ—голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Привалюйтя, говорють, ребяты, къ крутому берягў, мы ваши товары купимъ! Яны привалили, вышли къ имъ. Тоды яны товары ихъ побрали, свойго нагрузили, напоили ихъ, накормили, и посылають ихъ назадъ къ купцу. Яны знають тую пору, якъ яны пріѣдуть, сичасъ ськинулись голубчиками и полятѣли и сѣли у батьки на крылцѣ. Приходють работьники, ёнъ кажеть: Ну што, ребятушки: ти ня чули нáвинъ якихъ?—Да зачимъ, говорють, ня чули—што у насъ говóритца, то тамъ дѣетца, у Будай городи! Якъ вышло на крутый берегъ дьвѣнатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги у золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють, накормили насъ, напоили и назадъ отослали. Ёнъ каеть: вѣрно ето мое сыночки! Тоды ина выбѣгла: о, мало на свѣти комедіяньщиковъ! Кабъ яны зработали отъ свойго крылца да до нашаго крылца мостъ—золотая мосьничка да сяребреная, золотая парэнджа да сяребреная, золотэй гвоздъ да сяребреный: кромѝ того мóста кабъ були окопы покàпаны; по етыхъ окопахъ кабъ були сахóрныя яблонки посóджаны, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморськіе коты басьни баяли и разныя птицы пѣсьни усьпѣвали, и кабъ у три часы яблонка зацвѣла и 'тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать! Отъ то бъ твое сыны былй! Тэй купецъ узявъ товаръ принимать, а яны полятѣли къ матцы. Матушка наша,

родителка! Пріѣхали работьники къ батьку, ёнъ у ихъ пытаеть: ти ня чули, ребяты, навинъ якихъ? Яны говорють: да зачимъ ня чули—што у насъ говоритца, то тамъ дѣетца, у Будай городи! Якъ вышло на крутый берегъ дьвѣнатцать молойцовъ, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги ў золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Ёнъ каеть: вѣрно ето мое сыночки! Тоды ина выбѣгла: о, мало на свѣти комедіяньщиковъ! Кабъ яны зработали отъ свойго крылца да до нашаго крылца мостъ—золотая мосьничка да сяребреная, золотая парэнджа да сяребреная; золотэй гвоздъ, и сяребреный; кромя того моста кабъ були окопы покапаны; по етыхъ окопахъ кабъ були сахорныя яблонки посоджаны, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморськіе коты басьни баяли, и разныя птицы пѣсьни усьпѣвали, и кабъ у три часы яблонка зацвѣла и 'тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать!—Ай, мое дѣтки! идѣ жъ вамъ ето здѣлать! Мало-што ина вамышляеть!—Нѣ, матушка, богослови!—Да Богъ васъ богословить, дѣтки! Отъ яны выходють сичасъ на кругъ берегъ. Якъ крикнули молодецкимъ голосомъ, свиснули богатырськимъ посьвистомъ—являютца къ имъ богатыри: што за работу прикажетя! Да отъ: штобъ за ету ночь зработали мостъ, золотая мосьничка да сяребреная, золотая парэнджа да сяребреная, золотэй гвоздъ да сяребреный; кромя того моста кабъ були окопы покапаны; по етыхъ окопахъ кабъ були сахорныя яблонки посоджаны, и по етыхъ яблонкахъ кабъ заморськіе коты басьни баяли и разныя птицы пѣсьни усьпѣвали, и кабъ у три часы яблонка зацвѣла и 'тцвѣла, штобъ у три часы яблочко можно скушать! Яны якъ узяли, такъ ня то за ночь, а за три часы зработали етый мостъ отъ свойго крылца да до батькинаго крылца. Тоды яны знають тое уремя, якъ ихъ батька устаёть, ськинулись голубчиками и полятѣли къ яму, сѣли на даху, на крылцы, и ожидають, покамѣсь батька выйдеть на крылцо. Вышовъ батька на крылцо, смотрить—ажъ мостъ у самое у яго крылцо! Вѣрно, говорить, ето моё сыночки зработали мостъ! Выбѣгла тётенька и говорить: мало ёсьть на свѣти озельщиковъ. Тобѣ были твое сыны, колибъ яны сичасъ стали перядъ тобою: дванатцать молойцовъ, и голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, ростъ у ростъ, лицо ў лицо, по колѣни ноги ў золоти, по запярсьти руки у серебри, уво лбѣ сонца, у потылицы мѣсикъ, у макусцы дробныя звёзды сіяють. Такъ яны тутъ уси дванатцать молойцовъ перядъ имъ на крылцы! Ни то ёнъ спужався, ни то обрадовався,—упавъ на ноги. Яны яго потхапили подъ руки: батюшка нашъ, говорить, родимый! не пужайсь, говорить: мы ваши дѣти, вы нашъ отецъ роднэй! Обнялися, пуцуловалися. Тоды узяли коня съ стайни вывяли. тётеньку тую привязали къ хвосту и пусьтили у бѣлый свѣтъ коня

того! Конь тэй поразносивъ косьти яе по полю. Идѣ вd косьти валяютца по полю, ето усё яé! А отца тоды узяли съ собою и пувязьли у Будай-городъ. Тяперь тамъ остались купчувать съ першою жаною. Живуть, купчують. И я тамъ бывъ, чаёкъ, во якъ у васъ, пивъ, и ў Мáлятычи попавъ.

М. Малятичи.

21. Удалый молодецъ.

Нѣўкоторомъ царстьви, нѣўкоторомъ государстьви живъ сабѣ царь такій, И ў яго бывъ сынъ. И ў яго булà служебка такая. И ина змалку плóха былá. А тоды подросла, стала пригожа. Ёнъ и ўлюбився у яе и ставъ сватать. Ну ина говорить: я сабѣ пойду за тябе, и будеть у насъ три сына: одинъ будеть, говорить, уво лбѣ мѣсикъ, у потылицы зорка, а вторый уво лбѣ будеть сонца, а ў потылицы звёзды, а третьтій ўдалый молодецъ! Ну, яны ожанилися. Черязъ годъ родила ина сына перваго—уво лбѣ мѣсикъ. Ну ёнъ того не видавъ, а позвавъ бабу, такую лиходѣйку. Ина хотѣла яе зьвесть, а за яго свою дочкý отдать. Дыкъ ина и дѣлыла яму зло. Узилà того дитёнка ды й у садъ занесла—бувъ тамъ садъ, што никто не ходивъ тамъ, не ѣздивъ, и були тамъ усякія разносьти. А на яго мѣсто поклала такого, простóго. Тоды ёнъ оглѣдився, нема мѣсика. Отъ жа, жана: ты казала—родишъ мѣсикъ, ажны, говорить, простэй,—неправильно! Ну, алитку, облёгся: посмотримъ, што будеть дальше, пехай ще рóдить.

Ну, потомъ, черязъ годъ родила ина зновъ сына, уво лбѣ сонца, у потылицы звёзды. Тоды изновъ ёнъ позвавъ тую бабу, а ина занисла и того у садъ, а на мѣсто яго простого положила. Пóтомъ ёнъ оглѣдився и говорить: вотъ, говорить, жана: потомъ говорила такъ, а потомъ етыкъ! Ну, алитку понаровивъ—нехай третьтяго рóдить.

Пóтымъ того, черязъ годъ, третьтяго родила—у того ужу ничóго ня було—тэй удáлый молодецъ бывъ. Тоды ёнъ рассердився, усадивъ у бочку ихъ, сына и жану, и пусьтивъ на мóря. Такъ яны усплыли на большую глубину, такъ ёнъ говорить: матерь, говорить: надо мнѣ распростáтца! Ина говорить: нельзя! тутъ большая глубина, я тоды скажу табѣ, коли табѣ распростатца! Усплылй на стёръ, (збой, суходоль)—ну, говорить, сыночекъ, тутъ якъ хочешъ распростайся! Ёнъ распростався, бочка и разорвалась! Усё чисто разломавъ, на дробныя часьти разьдѣлавъ. Тоды ставъ ёнъ говорить: што, говорить, мамепька' якъ бы намъ огонёкъ, говорить, раскласьть? Тоды ина говорить: а я, говорить, тамъ служила, дыкъ бывъ тамъ опіяка такéй, дыкъ гнивцó уронивъ. А я, мёвши хату, говорить, и найшла. Дыкъ яно у мяне у кишéни! Возьми, можа и высячешъ! Ну, ёнъ сѣканувъ тое гнивцо, выскакуеть дванатцать молой-

цовъ.—Што, говорить, табѣ, удалый молодецъ, нужно?—А вотъ, говорить, мнѣ нужно: кабъ была мнѣ комлата—золотое бярно и сяребное, и кабъ було попить, поѣсь усяго, и кабъ мосты були къ берегамъ, мосьница золотая, мосьница сяребная! Ну, говорить, здѣлаемъ! Ну, сичасъ выстроили, бярно золотое, бярно сяребное, нагутували питеньня-ѣденьня, и мостъ провяли къ берегамъ—мосьница золотая, мосьница сяребная. Потомъ, плывуть по морю корабейщики. Што ето ёсь, што николи етого дома не видали нійдѣ? Поѣдемъ туды, ти не дадуть по'бѣдать. Пріѣжжають туды и спрашують: што, дядюшка: ти нема у васъ чаго подъѣсь?—Чаму? у мяпе, говорить, што ўгодно ѣжтя, питя! Яны сѣли за столъ, побѣдали. Ну, кажеть: заплатить жа надо!—Нѣ, мнѣ платы вашія не надо, тольки подвязитя мяне подъ царській домъ!—Яны говорють: вô, дыкъ што тамъ подвезьть,—ти ты тяжекъ? Узявъ, поѣхавъ зь ими. Подъѣхали туды. Привярнитя, говорить, корабъ къ берегу: мнѣ надо по суходоли пройтить! Яны подвярнули. Ёнъ злѣзъ, надѣвъ свою шапку—нявидимку и подышовъ подъ палатки, и слухаеть, што будуть говорить. Потомъ того приходють корабейщики къ царю, царь спрашіеть: што, корабейщики, ти не нашли чаго-нибудь на мори—али дна, али бруча?—Нѣ, говорють: ничóго не нашли, тольки видили сярёдъ моря построенъ домъ, золотое бярно и сяребное, и два мосты, золотая мосьница, сяребная мосьница. Заѣхали, попили, поѣли. Коли бы ты яго увидивъ, дыкъ бы и самъ подивився бы, што за домъ такой! Ёнъ говорить: да, надо съѣзьдить посмотрѣть! А баба тая тутъ. А, кажеть: ёсь чаго полядѣть, ти правда, ти нѣ!—А вотъ ёсь садъ, золотая яблона и сяребная, и ў томъ саду стоить сосна, и на той соснѣ котъ краснобай: згоры̀ идеть—пѣсьни пяёть, угору̀ идеть—басьни баить! Дыкъ коли бъ етого посмотрѣвъ! Етый удалый молодецъ сичасъ пошовъ по суходоли у домъ. Матушка! дай гнивца̀, высѣчь огоньку! Ина дала. Ёнъ сѣканувъ, выскакуеть двапатцать молойцовъ—што, говорить, удалый молодецъ, вамъ нужно?—А вотъ, говорить, ёсь садъ, золотая яблона и сяребная, и ў томъ саду стоить сосна, и на той соснѣ котъ краснобай: згоры̀ идеть—пѣсьни пяёть, угору̀ идеть—басьни баить! дыкъ мнѣ надо яго приставить сюда, къ мойму дому!—Ну, приставимъ! И приставили.

Тоды, ѣдуть корабельщики. Опять попили, поѣли, и заплатить, говорить, надо хоть разъ! Нѣ, говорить, не надо мнѣ ваша плата, подвязитя мяне къ дому къ царському!—Во, чаму̀ не подвезьть, ти тяжко, ти што! Сѣли и поѣхали. Ну, привярни, говорить, корабъ къ берегу, я пойду суходоломъ. Надѣвъ свою шапку—нявидимку и слухаеть. Царь спрашіеть: ну што, корабейщики: ти ня слышали, говорить, ти нъ видили на мори али дна, али шпунда?—Нѣ, говорить, не нашли! А вотъ видили коло того

дому садъ, яблона золотая, яблона сяребная. И ў томъ саду стоитъ сосна, и на той соснѣ котъ-краснобай: угору йдеть—басьни баитъ, згоры идеть—пѣсьни пяетъ! Дыкъ коли бы ты увидивъ, дыкъ бы и самъ подивився!—Надо бъ было посмотрѣть! говоритъ. А баба тая говоритъ: э, ёсь чаго смотрѣть! Кабъ ты посмотрѣвъ у садъ, тамъ, говоритъ, свинья—золотая шарсьтинка, сяребная—рыетъ, и съ—пудъ яе пшаница сыплетца: дванатцатъ молойцовъ не ўспѣваютъ огребатъ!

Ёнъ сичасъ домовъ. Матушка, дай гнивца огоньку высѣчь! Ина дала. Ёнъ сѣканувъ,—выскакуютъ дванатцатъ молойцовъ: што, удалый молодецъ, вамъ нужно? Ды вотъ у саду свинья, золотая шарсьтинка и сяребная; ина рыетъ, и съ—пудъ яе пшаница сыплетца: дванадцатъ молойцовъ не ўспѣваютъ огребатъ! Доставтя мнѣ яе сюды къ дому! Яны узяли, доставили.

Потымъ того, ѣдутъ опятъ корабельщики. Попили, поѣли, хочутъ платитъ. Нѣ, каетъ: мнѣ вашія платы не надо, а подвязитя мяне подъ царській дворецъ! Подвязьли яны яго подъ царській дворецъ. Ёнъ суходоломъ пошовъ, шапку нявидимку надѣвъ, пришовъ къ дому, ставъ подъ палаткой и слухаетъ ужу. Приходютъ корабельщики: ну што, ребяты: ти не видали чаго на мори, ти дна, ти клёпки?—Нѣ, каетъ: ничого не видали, а вотъ видали ли того дому садъ, у тымъ сади свинья—золотая шарсьтинка и сяребная. Ина рыетъ, а съ—пудъ яе пшаница сыплетца. Дванатцатъ молойцовъ не ўспѣваютъ огребатъ! Вотъ ба вамъ того поглядѣтъ. Да нужно, говоритъ сабѣ, посмотрѣть.—А тая баба говоритъ: а ужу якъ сабѣ хочешъ! Унъ ёсь садъ, золотая яблона и сяребная. У тымъ сади два молойцы: у одного во лбѣ мѣсичко, у потылицы зорки, а у другого во лбѣ сонца, а ў потылицы звёзды! Ну, царь ставъ собиратца, а удалый молодецъ сичасъ домовъ. Мамъ, дайтя гнивца! Ина дала. Ёнъ сѣканувъ—выскакуетъ дванатцатъ молойцовъ: Удалый молодецъ, што надо?—А вотъ, говоритъ: ёсь садъ, золотая яблона и сяребная, и ў тымъ саду моихъ два браты, надо ихъ, говоритъ, доставитъ сюда!—Доставимъ! И приставили.

Ну, царь тэй пріѣжжаетъ къ етуму дому и низдѣвитца, якій домъ! Потомъ того уходитъ ёнъ у домъ, ажъ ина сядитъ за столомъ, и сыны сидятъ за столомъ. Дыкъ ёнъ и заплакывъ. И ина заплакыла. А удалый молодецъ говоритъ: што, папенька, ти узнавъ своихъ сыновъ, моихъ братовъ? Ето бабушка ихъ стрябила, а я ихъ сюды приставивъ! Ну, говоритъ: поѣдемъ назадъ, у мой домъ! Яны поѣхыли. Ну што, говоритъ, етой баби здѣлатъ. А што, говоритъ, здѣлатъ? вывяди самаго луччаго коня и привяжи яе къ хвосту и пусь конь нагуляетца, а ина нехай навучаетца! (Изъ пѣсни).

Ну, такъ и здѣлали. И перяѣхавъ тоды царь туды къ имъ житъ. И я тамъ бывъ у ихъ.

Д. Колбы, любав. вол. мстислав. у. Отъ кр. Платона Никитина, негр.

22. Три сестры.

Жыло у хызяина три паненки. Расъ пошли яны у рощу на прогуляньня. А куролевичъ, лакей и кучаръ ходили тамъ по охоти. И почули, што паненки утрёхъ говорутъ. Больш[illegible]ая говдритъ: «штобъ я зышла зы лакея, я пъ уво дну ночь лядо высѣкла, у грудъ сыбрала, спалила, скыпылйла, зыпыхала, пшаны засѣила и ижжала; змылотила, змолола, пирохъ спекла. Уставъ бы друхъ, я пъ яму пирохъ згытувала; уставъ бы ёнъ и зьѣвъ!» А сяредьнія говдритъ: «нѣ, сястрица! я на ето ня 'бѣщаюся! А я, штопъ зыйшла за кучара, я пъ у одну ночъ лядо высѣкла, у грудъ сыбрала, ускыпылила, зыпыхала, сѣмя (ленъ) засѣила, выбрала, намочила, высышила, змяла и спрала, сыткала, выбялила и рубаху пошила. Уставъ ба друхъ и рубаху надѣвъ!» А третьтія сестра, самыя малыя, говдритъ: «а штопъ я зыйшла за куролевича, я пъ родила трохъ сыновъ: по локыть у золыти, пы колѣно у сѣрыбры, во лбѣ пы звязьдѣ, у потылицы по мѣсицу!»

Скоро говдритца, а няскоро дѣетца. Зыйшла большыя зы лакея, и справдила: уво дну ночь лядо высѣкла, зыпыхала пшаны, 'ижжала, змылотила, змолола, пирохъ спекла,—уставъ лакей и зьѣвъ! А сяредьнія зыйшла за кучара, и справдила: у водну ночь лядо высѣкла, льну зыпыхала, выбрала, намочила, высышила, змяла, спрала, выткала, выбялила, рубаху пошила. Уставъ друхъ и надѣвъ! Малыя зыйшла за куролевича и забеременѣла. И надо яму, куролевичу, на пріступъ итить. Пызвавъ ёнъ бабыкъ и пысадивъ ли жаны, а самъ поѣхывъ. Жалко сестрамъ, што малыя зыйшла за куролевича, и уποили яны бабыкъ. Бапки спилиси, заснули. А ина родйла. Сёстры узяли, рябёнка ейныго отыбрали и за воблыки закиныли, а яму отписали, куролевичу ужо: што, вотъ: твыя жонка родйла ни звѣра, ни пса, а простую палку! Тогды куролевичъ имъ отписавъ: нехай жывутъ ды мойго пріѣзду!.. Скольки ёнъ ужо тамъ пробывъ, тольки пріѣжжаетъ домой. И говдритъ жонки: што-шъ ты мнѣ не справдила? Твоѐ сёстры справдили, а ты нѣ? Ина яму отвѣчаетъ: ты самъ винуватъ! Што шь ты мнѣ оставивъ нявѣрныхъ бабыкъ!—Ну, што шъ дѣлыть? говоритъ куролевичъ: нехай до другого разу!

Скоро кажетца, а няскоро дѣетца. Опять куролевна забеременѣла. Потребували яго опять на приступъ. Ёнъ сыбравъ бабыкъ, ужо не пъяницъ, и поѣхывъ. Тогды сёстры узяли, намѣшали у страву разныхъ крѣпкихъ спиритовъ, и налилй спиритовъ у пярыны и у подушки. Бапки наѣлиси, якъ ляглй, такъ и заснули. Якъ тольки куролевна родйла, сёстры опять рябенка отыбрали и за воблыко закиныли. А куролевичу опять на приступъ отписали: што твыя жонка родила ни звѣра, ни пса,

а простую палку! Куролевичъ пріѣжжаеть съ приступу, и давай опять жонку лаять, што ина не спр[illegible]ила. Ина яму кажеть: ты самъ винуватъ! зачимъ [illegible]новъ сыбравъ [illegible]ихъ бабыкъ, што ихъ опять споили!..

Такъ было и ў третьтій рась. Опять куролевна запнжарѣла. И думаеть: ну, тяперь ужо што Божъ дась, такъ и будеть! Куролевичъ опять поѣхывъ на приступъ, а ёй бабыкъ опять сыбравъ. Куролевна шъ на бабыкъ не надѣетца, а приготовила сабѣ чысакъ (т[illegible]ч). Якъ тольки пришло ёй урсмя родить, сёстры споили опять бабыкъ. Куролевна родила, вотъ яны опять къ ёй, опять хочуть отыбрать ейныго рябёнка. Ну, куролевна ухватила чысакъ и отбилась отъ ихъ. Тоды яны отписали куролевичу: што твыя жонка родила ни звѣря, ни пса, а простую палку! Ну, тоды уже куролевичъ рассёрдився и отписавъ: што хочетя, то зь ёю дѣлайтя, капъ яё не было ды мойго пріѣзда! Опять мыя жонка не справдила!... Ну, пысадили куролевну у бочку зъ рабёнкымъ и пусьтили на воду.

Скольки яны тамъ плылй, ти много, ти мало—рабёныкъ тэй росьтѣть не по днямъ, а пы чысамъ. Плывшы морымъ, узыйшли яны нѣикъ на вострывъ. Чуеть сынъ куролевны, што одну сторону бочки сонца пригрѣло, и ина скрипѣть стала. Ёнъ тоды прбситца: мати, позволь мнѣ бочку распёрть! Ина отвѣчаеть: ты сабѣ, сынокъ, распирай, али глядй, капъ мы не утонули! Сынъ тогды у одно дно упёръ ныгами, а ў другое гыловой, и распёръ тую бочку. Вышли яны на остръвъ, сынъ и говорить: мати, выцыркни изъ грудей мылыка и спячи три пирышка! Куролевна выцыркнула мылыка изъ грудей и спекла три пирышка. Узявъ сынъ три пирошкѝ и пошовъ. Ишовъ ёнъ, ишовъ, и видить хату. Увыйшовъ ёнъ туды, видить,—у хати чисто прибрано; пысяротъ стоить столъ, бѣлый скатертю закрытъ. Ёнъ узявъ, пыложывъ пирошки на столъ, а самъ схувався и сядить. Чуеть ёнъ, што приходють яго браты. Сѣли за столъ и стали ѣсь пирошки. Зьѣли пы пирошку и стали гыворйть одинъ одному: мы отродяся ня кушыли маткиныго мылыка, а вотъ пришлося! А другей говорить: гето шъ, братъ, табѣ одинъ пирохъ, а гето мнѣ одинъ; а третьтій няйзвѣсно кому? А ёнъ тутъ и выходить исъпыдъ стылà: а вотъ и я ёсь, вашъ третьтій братъ!

Ну, тогды яны уси ўмѣсьти отправилися зы маткый, узяли её съ собой, и стали жыть уси умѣсьти ўжо. А куролевичъ якъ пріѣхывъ съ приступу, такъ и жанився на старшый куролевниный сястры. И жывуть своимъ дѣлымъ. И отпрывлявъ куролевичъ курабли за мора съ тыварыми. Тыи курабли часто прыходили кылы того выстрывà, идѣ жылá першыя жонка яго. Пріѣжжають курабли нызатъ и доносють куролевичу, што яны диво видали: тамъ, дѣ пёршы бывъ вострывъ, тамъ теперь гóрытъ красивый, и ходють по горыду три пыничы: звѣзда уво лбу, мѣсицъ

потылицы, по локыть у золыти, пы колѣно у серябрѣ! Хочытца тутъ куролевичу пыглядѣть на гето диво, и говорить ёнъ жонки: бабынька мыя! поѣдемъ мы, пыглядимъ, што тамъ такое за диво! А жонка ня хочыть: можа, твоѐ люди илгуть! Кыли правда, што тамъ пыничы жывуть такіе, дыкъ нехай яны—кыли вумны ды разумны—пыставють дупъ, двѣнадцыть суковъ, двѣнадцыть звоновъ,—нехай звонють, нехай рыззваниваюць! Тоды мы поѣдемъ на слухъ!

Пройшло ти много, ти мало, чуеть король, што звонють звоны на вострыви! И опять зовѐть жонку: поѣдемъ, гетыго дива пыглядимъ! А йна говорить: што тамъ за диво, што звоны звонють? Нехай яны—кыли вумны ды разумны— нехай приставють,—ёсь тамъ такѐй выпѐръ-зубѐръ, на гору идеть, лычамъ орѐть, зъ горы идѐть, лычамъ мѣшаеть, съ хвыста сѐмены пускаеть, ныгами скородить! Якъ приставють, тоды поѣдемъ!.. Ну, поѣхыли зновъ курабли куролевськіе съ тыварымъ. Пришли нызатъ и доносють куролевичу, што видѣли на вострыви и дупъ зъ двѣнадцытю суками, съ двѣнадцытю звына́ми—яны звонють,—рыззваниваюць, и выпра́-зубра́, што на гору идеть—лычамъ ореть, зъ горы идеть—лычамъ мѣшаеть, съ хвыста сѐмены пускаеть, ныгами скородить!.. Куролевичъ опять зоветь жонку: бабынька, поѣдемъ! усё шъ тамъ ёсь, што ты гыворила! Ина отказыеть: што ты,—хочешъ, капъ мы утопилиси? Кыли яны вумны ды разумны, нехай мостъ построють отъ того гырыдца ды нашыго двырца! Тоды поѣдемъ!

Ти много, ти мало пройшло—построили и мостъ отъ того гырыдца ды до ихныго двырца. Куролевичъ опять зоветь жонку: поѣдемъ, бабынька! А йна говорить: што ты? Узьнйметца вѣтеръ, собъѐть мостъ водой, мы утопимся. Кыли яны вумны ды разумны, нехай пыставють стѣны кымяны̀я, хвынари зылотые, свѣчи высковыя,—тоды мы поѣдемъ!.. Пройшло тамъ скольки урепя,—пыставили и стѣны кымяныя, хвынари зылотые, свѣчи высковыя. Нечыго ужо бабы зыгадывать... Спырадилиси и поѣхыли.

Пріѣхыли у го́рытъ,—выхо́дить три пыничы—уво лбѣ пы звязьдѣ, у потылицы по мѣсицы, по локыть у золыти, пы колѣно у се́рыбры, и говоруть: здрастуй, папенька! Пыздраствувалиси одинъ съ однымъ. Потходить ихъ матка къ куролевичу: а што шъ, друхъ любезный, забывъ пы мяне! Куролевичъ тоды ставъ жыть съ першый жонкый, на вострыви.

А другую жонку велѣвъ привизать одну ногу къ коньскыму хвосту, а другую къ другому, и пусьтивъ ко́ній у дворъ. Прибѣгли кони у дворъ и привязьли тольки пы позѣ.

Д. Обухово, сенют. вол. витеб. у. Отъ кр-на Семена Өедорова запис. г. Попретинскій.

23. Марья-Марьяна, Кипськая Королевна.

Такъ у нѣкоторымъ то царствьи жывъ помѣщыкъ. Було у яго тры дочары и одинъ сынъ. Ёнъ, помиравшы, сыну свойму прыказуя: «сынъ мой! Якія бъ сваты ни прылучылись, за перваго отдавай!» Помёръ батька той. Яны вышли у садъ на прогуляньня уси ўчатвярыхъ. Удругъ дощъ пошовъ. Яны подъ сохраненія у домъ кинулись. Тольки ускочыли у комлаты, тутъ нязвѣстно хто откуль гувора: «Иванъ Ивановичъ! большую сястру отправляй, сураджай!» Ну, якъ у пановъ усё справно, дакъ яны одёжу склали. Думали, вясельля будя, ажно яно якъ ухватило, такъ няма вѣдома, дѣ й дѣлось што. Опять жа вышли на прогуляньня ў садъ уси, утроихъ уже. Удругъ зашумѣвъ дощъ. Яны ускочыли у комлаты опять жа. Опять прыскакують: «Иванъ Ивановичъ! отдавай сярэдьняю сёструшку замужъ!» Ну, одежу склали. Опять схапили, язвѣстно куды повязли,—стольки яны й бачыли. Пошли яны уже съ трэтьтяй прохадживатца, съ послѣдьняй, у садъ тожа. Опять хмара нашла, дощъ пошовъ. Яны у комлаты ускакуять, опять прискочыли нязвѣстно хто и што: «Иванъ Ивановичъ! отдавай сёструшку послѣдьняю замужъ!» Во й тую схапили и повязьли нязвѣстно куды, што. Остався ёнъ одинъ. Стало яму скушно тожъ одному. Ёнъ осядлавъ лошадь свою, узявъ сабѣ мечъ и поѣхавъ Богъ вѣдая куды и што. Ѣхавъ, ѣхавъ,—стоить домъ такій, што 'цанить нявозможно, и коло крылца дубъ стоить на шэсть кокотовъ. Ёнъ подъѣхавъ, зъ лошади злѣзъ и пошовъ у той домъ; лошадь прывязавъ. Ухóдя у той домъ, ажъ яго меньшая сёструшка тамъ, у томъ доми. Яна силно узрадовалась: «ахъ, здрастуй, здрастуй, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхать—довялóся намъ у глазы одинъ одного повидать! Да што будомъ дѣлать, гувора? Мой мужъ, Воронъ, каа, и силный богатыръ, дакъ я боюся, каа, если бъ ёнъ тябе не страбивъ! Гдѣ мнѣ тябе прыхоронить?» Ёнъ отвящаа: сёструшка моя, табѣ виднѣй: гдѣ хочашъ, тамъ мяне й сховай! Яна сундукъ отомкнула, да яго у сундукъ. Прылятая той Воронъ. Ускакуя у комлату: «душанька, каа,—русть-кость пахня нѣштось!»—Ахъ, гувора, душанька: ты по свѣту лятавъ, можа русьтикосьти панюхались! Ёнъ отвящая: моо, такъ! гувора. Спросивъ у яé поѣсть. Тогды яна давай спрашавать у яго: «ахъ, душанька, гувора: а што, коли бъ прылучывся мой братъ, а твой шуръякъ,—няўжли, гувора, ты бъ яго страбивъ?» Отвящая ёнъ, гувóра: ахъ, дура ты: я жъ ба васьмá радъ бывъ ба етому! Отвящаа яна: ёнъ тутока, гувора.—Ой, тутока? Покажъ яго суды! Яна яго выпусьтила. Ёнъ тогды, по той радосьти, якъ узяли пить да гулять—троя сутокъ. Тогды ёнъ отправля-

етца оттуль, ёнъ яго ня пускаа. Настоивъ на то, што ня давъ рады угомонить яго. «Отправляесься жъ ты, гувора, дакъ дай мнѣ прымѣту!» Дакъ ёнъ шыйный платочакъ давъ яму̂ прымѣту. Распрощались яны,—ёнъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, прыяжжая—опять жа домъ стоить,—крашшы того, а коло крылца дубъ стоить, тожа на девять кокотовъ. Уходя ёнъ у той домъ, ажъ сярэдьняя сестра яго тамъ, у томъ доми. «Здрастуй, здрастуй, гувора, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхать—довялося намъ у вочы видѣтца! Да што будомъ дѣлать: мой мужъ Соколъ, каа, и силный богатырь,—если бъ ёнъ тябе не страбивъ? Куды бъ мнѣ тябе прыховать?» —Табѣ виднѣй, сёструшка, ёнъ уже отвящаа: куды хочашъ, туды и ховай! Яна узяла, сундукъ отомкнула, да яго туды. Прилятаа Соколъ. Ускочывъ у комлату: «душанька, каа: штось русть-кость пахня!» А яна гувора: ты, душанька, по свѣту лятавъ, можа русьти-косьти нанюхався! Ёнъ гувора: а моо, душанька, такъ! Дала яна яму̂ ѣсть. Тогды и почала спрашавать: «што, душанька, колибъ мой брать, а твой шурьякъ, прылучывся къ намъ: няу̂же бъ ты яго страбивъ?»—Ахъ, дура, гувора, ты: да то жъ наша кровъ! Я бъ васьма радъ бывъ ба!—«Ёнъ жа тутока,» гувора.—Покажъ, игдѣ? Яна выпусьтила яго. Яны тогды якъ сѣли пить, гулять, хурошыя мысьли мать—шэсьтяро сутокъ! Отправляетца опять ёнъ,—той ня пуская. Ничо̂го ня дали рады угомонить яго. Той гувора: дай жа ты мнѣ прымѣту, оставъ отъ сябе! Ёнъ оставивъ поясъ дли прымѣты свой. Самъ поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ,—опять домъ,—прыяжжая къ дому, крашчы того. Коло крылца дубъ стоить на дванатцать кокотовъ. Ёнъ ускакуя у комлаты, ажъ бо̂льшая сёструшка яго тамъ, у томъ доми. Тая силно стала здрастоватца зь имъ: «здрастуй, Иванушка, братяцъ мой родный! Чуть ня чувать, слыхомъ ня слыхать,—довялося намъ у вочы побачытца! Тольки вотъ што, гувора, братка ты мой: мужъ мой Оролъ, силный богатырь,—коли бъ ёнъ тябе не страбивъ. Игдѣ бъ мнѣ тябе прыховать?—А, сястрица, табѣ виднѣй: игдѣ хочашъ, тамъ и прыховай! Яна узяла, сундукъ отчынила и яго туды усадила. Прилятаа Оролъ: «штось, душанька, у насъ русть-кость пахня?»—А ты жъ, каа, по свѣту лятàяшъ, русьти-косьти и нанюхався!—«И то, каа, правда!» Ну, побажàвъ ѣсьти. Яна яго накормила и стала гуворыть: «а што, душанька, коли бъ къ намъ прылучывся мой братъ, а твой шурьякъ: няу̂же бъ ты яго страбивъ?»—Во, дура ты: тожъ кровъ наша! Я ба васьма радъ бывъ ба!—«А ёнъ жа тутока?» —Гдѣ тутока? Яна отчынила сундукъ и яго выпусьтила. Якъ сѣли яны, по той радосьти, пить, гулять, хурошыя мысьли мать,—на девять-мо сутокъ. Тогды, ёнъ отправляетца—ёнъ ня пускаа. Ну ня у̂гомонили яго.

Ёнъ отправляетца, тогды тожа той прымѣты зъ яго потрэбувавъ. Ёнъ тому застяжку кинавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ—налучывъ силу большую: сила большая отбита ляжыть,—трупу. Ёнъ спрашуя: ти нема тутъ, гувора, жывого кого? Хто ето силу такую отбивъ,—сила такаа побита? Отвящаа у трупи у томъ хтось-то: «ето, гувора, Маръя-Марьяна, Кипськая Королевна зъ змѣямъ Костеямъ [1]) воявала, дакъ ето змѣя Костея стольки сила отбила!» Ёнъ и дальшъ поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ—опять сила отбитая ляжыть, ще большы того. Ёнъ спрашуя: ти ё тутъ хто жывый? Хто ето силу такую отбивъ? Отвящаа яму у трупѣ у томъ хтось: «ето, гувора, Маръя-Марьяна, Кипськая Королевна зъ змѣямъ Костеямъ воявала, дакъ ето змѣя Костея стольки сила отбила!» Ёнъ поѣхавъ дальшъ. Проѣхавъ дальшъ, тамъ ще большая часть силы отбитыя ляжыть. Ёнъ спрашуя: ти ё тутъ хто жывый? Хто етакую силу отбивъ? Отвящаа яму: «ето Марья—Марьяна, Кипськая Королевна зъ змѣямъ Костеямъ воявала; ето змѣя Костея стольки сила отбила!» Тогды ёнъ подъяжжаа къ дворцу уго (ужо), къ Марьиному къ тому. Ускакуя у дворецъ, прислугъ нѣту, а яна лягла на вотдыхъ, Марьяна. Ёнъ налучывъ на Марью Марьяну на сонную,—яна уморилася, лягла на вотдыхъ и мечъ потклала подъ—головы,—свой мечъ! Ёнъ махнувъ, хотѣвъ голову изнять своимъ мечамъ, посьли обдумався. Обдумався, посьли узявъ ли яе лёгъ, свой мечъ потклавъ подъ-головы. Прошнулася яна съ свойго сына, бача—ли яе ляжыть тожъ господинъ. Яна съ тые досады хапила свою мечъ, хотѣла голову яму знять. Посьли обдумалась: «да, гувора: няужли бъ ёнъ ня могъ голову зъ мяне знять: ёнъ упяродъ за мяне прыдъявився! Подожду, што за господинъ!» Отъ яна обождала, покуль ёнъ прошнувся отъ сна и стала спрашавать у яго имя—отечаство. Стала спрашавать,—ёнъ расказавъ. Яна каа: «будяшъ ты мой мужъ, а я твоя жана, а ня токмо—што змѣй Костей мяне свтавъ,—да я ня жалаю за яго йтить!» Ну, стольки яны тамъ пили, гуляли, скольки урэмя провялося. Тогды яна дала яму дозволенія, ключы отдала яму: «што можашъ усюды командовать, якъ я!» Указала яму усюды ходу, и у саду, гувора. «Тольки у саду, гувора,—тамъ ё проклятое мѣсто. Дакъ у тое мѣсто, гувора, ня ходи!» Ёнъ усюдыхъ ходивъ, а посьли обдумався: што я, гувора, за ходяинъ, што тамъ за проклятое такое мѣсто, што мнѣ няльга побачыть? Заходя ёнъ на тоя мѣсто,—тамъ змѣй Костей. Ёнъ окованъ скольками-тамъ цапами къ слупу. Ёнъ якъ прыходя туды, такъ ёнъ и ускрыкнувъ: «эхъ, гувора, Иванъ Ивановичъ, отомкни мяне, гувора. Ты сабѣ нашовъ царство, а я табѣ придбаю ще

[1]) Хто спору отбирая, дакъ ёнъ тому новся и хлѣбъ и грошмы. Дакъ коли съ хлѣбомъ лятить, дакъ тольки шумить, а якъ зъ грошмы, дакъ блискучый—блискучый!..

тры такихъ царствы, коли ты мяне ослобонишъ!» Ёнъ яго отомкнувъ, послухавъ прозьбы яго, отомкнувъ. Якъ отомкнувъ, дакъ ёнъ якъ потхапився, полятѣвъ, дакъ сяйчасъ Маръю Маръяну и схапивъ туу. Схапивъ и понёсъ яé, улятѣвъ зь ёй у своё царство.

Стало яму досадно. Ёнъ на коня сѣвъ, узявъ мечъ и поѣхавъ опять разыскавать. Ѣхавъ, ѣхавъ, и кольки ёнъ проѣхавъ,—такъ логовинка уроди рѣчачки, и на логовинки тамъ хатка стоить, такъ драхлая. А по той бокъ логовинки хорошый дворъ. И тамъ силный крыкъ у тымъ дворэ. Ёнъ лошадь прывязавъ ли хатки, и уходя у хатку туу спрэжда. Ажъ тамъ старуха ляжыть. Сама ляжыть на полу, с.... на зȧпячку, а ноги на печцы. Тогды ёнъ спрашуя: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй, гўвора, говубокъ мой!—Што тамъ, гувора, за крыкъ у дворэ томъ, чаразъ рѣчачку, чаразъ ложокъ? Яна отвящаа: ето, гувора, мой сынъ, змѣй Костей Маръю Маръяну сватая, ну яна ня хоча ўсё йти за яго! Ну, да, гувора, пойдя! А ёнъ уже спрашуя: якъ ба мнѣ, бабушка, увознать, посмотрѣть на яé,—мнѣ трэба, дѣло é, гувора. Отвящаа яна яму: «тȧкъ, мой говубокъ, тябе туды ня пустять, а поночуй ты, гувора, тутока: заўтраураньни яна прыдя воды брать, дакъ ты зь ёй поговоры! А сынокъ мой будя ще спать!» Ёнъ ето давай бярэгти. Прыбярогъ. Тольки яна пришла воды брать—ёнъ къ ёй. Сяйчасъ ухапивъ яé на лошадь на свою—были такȯвы да й няма. Ѣхали, ѣхали; а ёнъ проспався уже, змѣй той. Оглѣдився, што няма Марьи Маръяны,—ёнъ кинався къ своёй лошади, спрашуя: лошадь, гувора, моя! Иванъ Ивановичъ звёзъ Маръю Маръяну,—ня́уже мы, гувора, яé ня догонимъ? Лошадь гувора: прэжде, каȧ, ячменя̇ насѣямъ, да наварымъ зъ яго пива, да пива напъёмся, шэсть разовъ скакнёмъ и Ивана Ивановича догонимъ! Ну, тогды, яны ето здѣлали; якъ скакнули, сяйчасъ яго и догнали,—Ивана Ивановича зъ Марьяй Марьяной. Ёнъ якъ прискочывъ, большъ ня поўрадивъ ничȯго яму, тольки Марью Марьяну схапивъ отъ яго. И сказавъ яму: гляди жъ, Иванъ Ивановичъ,—отъ табѣ першый гостйняцъ! Ну й поѣхавъ зъ Марьяй Марьяной. А Иванъ Ивановичъ опять застався одинъ. Ну, скольки ёнъ ни подосадовавсь, опять варнувся, назадъ поѣхавъ. Прыяжжаа опять икъ той хатцы. Тамъ крыкъ тожа у тымъ дворэ; а баба таа такъ и ляжы̇ть, якъ и тогды. Спросивъ ёнъ у яе: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй! А ти ня той ты, што укравъ бывъ яе?— Да нѣ, гувора: я объ етымъ знать ня знаю. Да вотъ якъ ба мнѣ, бабушка, побачыть Марью Марьяну?—А яна, каа, заўтра ураньни прыдя воды брать, дакъ ты тамъ убачышъ яé! Ну, ёнъ ето уже и пилнуя. Назаўтраго, тольки яна прышла за водой, а ёнъ за яé, сѣли на коня и поѣхали. Проспався той змѣй, оглѣдився, што яе няма,—

иде къ коню: што, гувора, конь мой? Звёзъ опять Марью Марьяну. Няўже мы яѐ ня догонимъ? Конь гувора: насѣямъ прэжде ячменѝ, да наварымъ пива зъ яго, да напъёмся,—девять разовъ скакнёмъ и догонимъ яѐ! Ну, такъ и здѣлали. Якъ скаканули, такъ сяйчасъ и догнали. Схапивъ ёнъ Марью Марьяну и кажа: гляди жъ, Иванъ Ивановичъ, ето табѣ другій гостиняцъ! И поѣхавъ. Остався Иванъ Ивановичъ одинъ. Ну, остався одинъ, стало яму пячално. Ёнъ опять вярнувсь. Прыяжжаа ёнъ туды, къ той хатцы, тамъ у дворэ опять крыкъ. Ёнъ уходя у хатку, баба таа ляжыть, якъ ляжала. Ёнъ гувора: здрастуй, бабушка!—Ждраштуй, ждраштуй, мой голубецъ!—Што йто, бабушка, за крыкъ тамъ, у тымъ дворэ?—А ето, гувора, мой сынокъ, змѣй Костей, сватаятца за Марью Марьяну, а яна за яго ити ня хоча. Да ничого, пòйдя!—А якъ ба, бабка, мнѣ зъ ёй побачытца, у мяне дѣло ѐ икъ ёй?—А ти ня той ето ты, што кравъ яе?—А нѣ, бабка: я объ етымъ ничого ня знаю! У мяне такъ дѣло къ ёй.—Ня знаю, голубецъ, гдѣ табѣ побачыть яѐ: хиба заутра прыдя воды брать ураньни! Отъ ёнъ и пилнуя. Прышла яна на рѣчку, такъ ёнъ къ ёй. Сѣли на коня и поѣхали. Проспався той змѣй, оглѣдився—няма Марьи Марьяны. Ёнъ икъ коню: а што, конь мой, гувора: ти догонимъ мы Ивана Ивановича,—звёзъ ёнъ опять Марью Марьяну?—А чаму, каа, ня догонимъ: насѣямъ ячменѝ, наварымъ пива зъ яго, напъёмся, да дванатцать разовъ скочымъ, дакъ и догонимъ, гувора. Ну, яны такъ и здѣлали. Якъ скочыли дванатцать разовъ, ёнъ яго и догнавъ. Тогды: вотъ табѣ, Иванъ Ивановичъ, тры гостинцы! Шархъ—головў ямў знявъ!

Якъ изнявъ головў, тогды по тыхъ знакахъ по яго, по прымѣтахъ потякла кровъ, што ёнъ прымѣты оставлявъ. Тогды тыя шурьяки яго кинулися яго шукать. Зъѣхалися умѣсто уси и гуворати Ворону: ты на носъ, гувòрать, чутòкъ, дакъ нюхай! Соколў сказали: ты лятать быстрэй лятаяшъ, дакъ лятай да шукай! А Оролъ сказавъ: а я, гувора, на глазы быстрэй, дакъ буду прыглядàтца ловчэй!

Ну, тымъ часомъ, ня звѣстно который скорэй знашовъ яго,—а тымъ часомъ сойшлися умѣсто уси, якъ знайшли. Отъ тогды яны, якъ найшли яго, и кинулися воды шукать, жывущыя и зростущыя. Отъ яны прыдставили воды тыя. Зростущаю змазали яго, ёнъ и зросся, живущай помазали—ёнъ отжывився. „Эхъ, гувора, братьтя моѐ,—якъ жа я силно заснувъ!“—Да, гувора: на вѣкъ ба заснувъ ты! Отправляйсь, каа, ты зъ нами, на жытьтё къ намъ! Ну ёнъ ня пожалàвъ. „Нѣ, братцы, гувора: пойду опять!“ А лошадь яго нязвѣстно дѣ дѣлася,—ёнъ пѣшкомъ пошовъ.

Ишовъ, ишовъ опять кольки урэмя, прышовъ опять къ той хатцы. У туу хатку уходя, опять таа баба ляжыть, на мѣсти тыки. А у тымъ дворэ опять крыкъ вяликій—пиръ большый, свадьбу гуляють. Ёнъ спра-

шуя: бабушка, гувора, што йто тамъ за крыкъ, у тымъ дворэ, гувора. Яна отвящаа яму: ето, гувора, мой сынокъ, змѣй Костѣй, Марью Марьяну высватавъ, дакъ свадьбу гуляють! Ёнъ спрашуя: якъ ба мнѣ яѐ убачыть, гувора. Яна яму̀ опять отвѣтила такжа: назаутра выйдя ураньни воды брать! Яна якъ вышла назаутра воды брать, убачыла яго, силно узрадовалась. А красьти няма на чомъ, коня няма, пѐшкомъ ня во̀зьмешъ. Ёнъ давай просить ѐе: пожалуста, гувора, спроси ты у яго, игдѣ ёнъ лошадь доставъ такую лятущаю? Яна отвящаа яму̀: „поховайся ты, каа, сутки, а заутра такимъ урэмямъ я зновъ выйду воду̀ брать!" Яна у яго и спрашуя: гдѣ вы, душанька, узяли такую лошадь, силно лятущаю? Ёнъ знаа, што Иванъ Ивановичъ убитъ ужэ, самъ ёнъ убивъ, ёнъ смѣло и расказавъ дѣ: „лошадь, гувора, такую трудно достать: у такомъ то царстьви достата ета лошадь (нязвѣстно, у якомъ,—у такомъ то царстьви). А ще, гувора, остався лошадь у той старухи: ёнъ, гувора, куро̀сьливый, нихто на яго не пога̀литца, ну ёнъ много луччай за мойго лошадя. Ну тольки, гувора, трудно достать яго: тамъ, гувора, голо̀въ—и у тысячу не убяро̀шъ яго—поната̀ркавано!" Выпытала яна у яго, ёнъ ѐй расказавъ, у якомъ царстьви ето дѣствуетца. Выходя яна ураньни воды брать, ёнъ икъ ѐй являятца сяйчасъ жа. Яна яму сяйчасъ гуво̀ра: нявозможно, душанька, достать такого лошадя, дужа трудно! Ёнъ отвящаа: што Богъ дасть, гувора, душанька,—пойду! Попрощався и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, скольки урэмя пройшовъ, и силно прохарчывся: поѣсьть було̀ нѐчаго рашытялно. Увидявъ ёнъ на дѐрави гнядѐшко. Ёнъ полѣзъ: дай жа, гувора, достану,—хоть духовину провяду̀ свою, поляджу̀. Узлазя ёнъ на тоя дераво, ажъ тамъ дятляня̀ты. Тольки ёнъ хотѣвъ ѣсть ихъ, отвящаа дятялъ: эхъ, гувора, Иванъ Ивановичъ,—ня трать, гувора, моихъ дѣтушакъ, буду я табѣ у вяликой прыгоди! Ёнъ пошовъ дальшъ. Шовъ, шовъ,—коло дороги повзая медвянёнокъ. Ёнъ подумавъ: ето тожа ядомаа штука, вотъ етымъ, гувора, я бъ и покрапився! Схапивъ того медвянёнка. Удругъ являятца мядвѣдица: Иванъ Ивановичъ, ня тронь мойго дятёнка! Буду я вамъ, гувора, у вяликой прыгоди! Ну, послухавъ ёнъ яе: силно ѣсьти хоча, послухавъ, пошовъ. Ишовъ, ишовъ, коло дороги вульликъ висить низко. Ёнъ самъ сабѣ обдумався: эхъ, узлѣзу, гувора, хоть смагу прогоню, мѐду достану! Узла̀жуя туды, тольки хотѣвъ отчынить вулёкъ,—отвяща̀а у вульли та̀мока: Иванъ Ивановичъ, гувора,—ня 'биждайтя мяне, буду я вамъ у вяликой прыгоди! Послухавъ ёнъ, пошовъ. Якъ ити ужэ да ити, духо̀дя до самаго до туго двора, идѣ таа баба ужэ. Возяро̀ дужа шырокое, а по той бокъ возяра̀ таа баба. Ёнъ къ возяру прыходя—бача, ракъ сяди̇ть,—та̀къ изъ на̀большаю куро̀бку. Ёнъ и схапивъ туго̀ рака: отъ жа, гувора, покраплю̀сь хоть ракомъ! Якъ схапивъ ёнъ туго̀

рака, дакъ ракъ и гувора: Иванъ Ивановичъ, ня ѣжъ мяне,—буду я табѣ у валикой прыгоди! Ёнъ пустивъ яго, пошовъ опять повзъ возяро. Бача—стоить щука, большая щука. Ёнъ схапивъ тую щуку, яна отвящаа яму: Иванъ Ивановичъ, ня ѣжъ мяне, буду я табѣ у валикой прыгоди! Послухавъ, пустивъ яѐ. Тогды яна ужэ яму отвѣтила: Иванъ Ивановичъ, садися жъ на мяне, я тябе ужэ паравязу̀ на той бокъ! Якъ паравязла̀ яна на той бокъ яго, бача ёнъ,—по колью головъ, дакъ страсть, чаловѣчацкихъ, стырчыть! Ёнъ думаа: хоть такъ—пропавъ, хоть такъ! Пойду! Пошовъ у тую, у домъ. Прыходя къ старухи къ той, поздрастовався изъ ёй. Яна спрашуя: што мнѣ скажашъ, гувора? Ёнъ ставъ ёй гуворыть: бабушка, гувора,—ти ня можно достать у васъ лошадя, гувора, хурошаго? Яна отвѣтила яму: а вотъ, гувора, голубокъ,—можно. Тры дни попа̀суй моихъ лошадей; коли спасешъ, гувора,—на выбо̀ръ сабѣ бяры; а не спасешъ, гувора,—голова̀ останетца на колу, такъ, якъ етыя, гувора. Подмѣвся ёнъ: спасу, гувора, бабушка! Яна яму дала вячэры хорошыя ужэ, подкрапи̇ла путно̀ яго. Ёнъ параночававъ тамъ. Выправляя яна яго назаутраго па̀сьти дванатцать лошадей, ня кони—кобылицы. Харчэй дала яму̀ тожа достатошно на дѐнь. Сказала яму: ты за ими тольки иди услѣдъ, яны сами знають, дѣ трава хурошаа! Ну, яны прышли на траву хурошую и прыляглн яѐ пилно ѣсьти. Ёнъ думаа: во, што тутъ ихъ пасьти? Яны якъ побитыя—на 'дцымъ мѣсьти! Ёнъ до повдня якъ-ня-якъ змогався, а у по̀вдень захотѣлося яму ѣсьть. Ёнъ сѣвъ, подъѣвъ. А лошади ходять, якъ побитыя. Ёнъ самъ сабѣ думаа: „ахъ, дурни, гувора, ня упасьли ко̀няй! Якъ жа можно?“ Подъѣвъ, лёгъ и заснувъ. Трохи засну, гувора,—яны будуть ходить! Прошынаетца ёнъ—лошади нѣту ня 'дной! Ёнъ тогды силно заплакавъ: вотъ тутъ, гувора, и моя голова останѐтца! Смотра ёнъ у лѣсъ, ажъ гонють дятлы лошадей етыхъ, довбуть за во̀чы, за морду. Якъ прыгнали къ яму̀, дятлы тыя и разлятѣлись. Ёнъ по етому радъ ставъ: ну, кажа, тяперъ спать ня буду! Ёнъ до вечара попасовавъ ихъ и прыгнавъ домовъ. Ну, якъ выскочыла тая баба, оглѣдила, што прыгнавъ, яна выскочыла у стайню туды, да якъ узяла ихъ бить: „вы шэльмы, гувора, хочытя мойго сына паравѐсьти!“ А то ня кобылы, а дочки яе, а куросьливый—то сынъ. „Глядитя жъ, гувора, коли заутра не утячѐтя, дакъ и ня прыходьтя у̀ дворъ!“ Вячэрать дала яму зновъ достатошно. Ёнъ повячэравъ, заночававъ. Назаутраго дала поснѣдать яму, харчэй на день дала тожа яму и прыказала яму̀: ступай, гувора, услѣдъ за ими, гдѣ будуть ходить, тамъ и няхай ходять! Яны отàборылися ходить. И ходили подъ повдёнъ, ажно покуля ёнъ ѣсьти захотѣвъ,—ходять на мѣсьти. Якъ подъѣвъ ёнъ, и опять заснувъ. Прошнувся, няма лошади ня 'дныѐ коло яго опять жа! Ёнъ заплакавъ силно опять жа. Смотра ёнъ у лѣсъ, ажъ

пруть мядвѣди етыхъ лошадей яго зъ лѣсу, такъ пруть, ажъ страсть. Якъ прыгнали къ яму̀, сяйчасъ назадъ мядвѣди тыя, а яны стали ходить ли яго опять жа. Попасàвъ ёнъ до вечара, прыгнавъ ихъ опять жа благополушно. Яна ихъ у стайню загнала, опять узяла бить. Отвящаа: захотѣли вы, шэльмы, мойго сынка паравесьть! Коли вы ужэ заутра не утячѐтя отъ яго, дакъ штобъ я васъ и ня вѝдяла самѝхъ! Дала тогды яму вячэрать. Ёнъ повячэравъ и лёгъ спать. Ну, назаутраго отправився опять пàсьти. Прыказуя яму: ступай за ими услѣдъ, яны сами знають, игдѣ мѣсто. Яны ишли и отàборылись ходить на травѣ на хурошай. Тожа ёнъ до повдня пасъ ихъ. Захотѣвъ ѣсьть. Яна яму, вѣдомо, сонныя давала пищы: якъ тольки подъѣсьть, дакъ такъ и зàсьня заразъ. Прошнувсь ёнъ, опять лошади ни водной няма. Заплакавъ ёнъ: „отъ тяперъ, гувора, я пропавъ!" Бо слышавъ, якъ яна гуворыла имъ ето. Отъ ёнъ смотра, ажъ гонють пчолы етыхъ самыхъ лошадей. Яны жъ мысьлють яѐ прыказа, што усё ровно имъ пропасьти трэба, дакъ яны мимо яго да прамо у раку̀ у тую самаю! Й бросились у раку̀, щучками поскидàвшись. Етый жа самый ракъ, котораго ёнъ хотѣвъ зъѣсьти, ёнъ и крыкнавъ: „раки, гувора: якаясь новая рыба явилася къ намъ, дакъ трэба почастовàть яѐ хурошо. Почастуйтя-тка!" Кинулись яны, раки, къ имъ ужэ, якъ зачàли ихъ рэзать, то имъ тамъ негди було дѣтца. Выскочыли яны изъ воды и вынясьли раковъ на сабѣ, усякая куробки по двѣ! Ёнъ, не зѣвавши, за ими услѣдъ! Тогды яны отаборылись зновъ коло яго. Раки тыя ужэ опсыпались. Прыгоняя увечару̀ ёнъ домовъ ихъ опять. Ну, яна у стайню ихъ загнала, опять узяла бить ихъ,—больки тыя лячыть ихъ: „отъ тяперъ, шэльмы, гувора, убрали мойго сыночка, паравялѝ мнѣ!" А къ яму явилась тогды, вячэрать дала: ну, повячэрай, гувора, мой голубъ! Благодару табѣ, што спасъ моихъ лошадей! Заутрашній день, гувора, являйся, выбирай сабѣ лошадя на выборъ! Ёнъ являетца назаутраго, такъ яна у радъ поставила ихъ усихъ дванатцать, а той куросьливый отдѣльно стоить жарабёнокъ. Яна гувора: выбирай между дванатцати, якую хочашъ лошадь бяры! Ёнъ гувора: бабушка, гувора: якъ я могу за тры дни такую, каа, лошадь узять? Довòлянъ я буду утъ—этымъ корòсьливянькимъ за мою услугу! Яна гувора: што ето, гувора, тольки на срамъ табѣ узять? Такъ яна кольки ни жалѣла, ёнъ отвѣтивъ, што я, гувора, улюбився у етаго, етаго жалаю узять! Яна отдала яго: „забирай, гувора, яго! Я свойму слову, гувора—свято моё слово, ня нарушымо!" Ёнъ замуздавъ яго; тогды ёнъ яму сказавъ: ну, гувора, любезный мой ходяинъ, спасибо, што вызволивъ мяне отсюля! Поѣдомъ тяперъ къ бòльшаму братцу мойму! Тогды икъ сколотнувся, куроста таа объѣхала уся на имъ. Ну, здѣлався ёнъ лошадьдю такой, што страшно смотрэть на яго. Ёнъ сѣвъ на яго и поѣхавъ.

Прыѣхали туды икъ змѣю къ Костею тому,—къ Марьи къ Марьяни. Потъ сохраненія поставивъ яго, а самъ ставъ бярэгти яѐ. Марья Марьяна опять жа прыходя воды брати. Отъ яна якъ прышла воды брати, дакъ ёнъ сяйчасъ за яѐ. Усхватилися на туу лошадь, и былй таковы, да й нима,—и задули! Змѣй обноровивъ: што няма хозяйки? Ёнъ догадався, што украдяна,—кинався ёнъ къ лошади къ своей. Што, лошадь моя, гувора: Марья Марьяна ужэ увѐзяна моя, ти мо̀гомъ мы догнать? Отвящаа лошадь таа: трудно, гувора, догнать! Тольки тымъ, моо, догонимъ, што яны удвохъ будуть ѣхать на имъ! Сяйчасъ усхватився ёнъ и шархнули у погонъ за ими,—змѣй той на своей лошади. И стали ихъ нагонять. Тогды етый бо̀льшый братъ поумивъ, лошадь етый змѣявъ: якъ жа я, гувора, буду нявѣрной крыви служыть повѣки,—дакъ луччай, гувора, хрыстіяньской крыви̇̀ послужу! Тогды отвящаа: ходяинъ, гувора: трэба узнятца намъ повышай, тогды быстрэй будомъ лятѣть! И поднявся такъ високо, подъ нябяса пошти. Тогды якъ вихнувся, самъ до горы ногами паравярнувся,—а змѣй той якъ оборвався зь яго, якъ ударився объ зямлю̀, дакъ и здѣлався на маслёнку. А ёнъ тогды догнавъ ихъ. И остановились, и поѣхали: Марья-Марьяна на тую лошадь сѣла, а Иванъ Ивановичъ на свою-тыки. И остановились яны у Марьи-Марьяны имущастьви жыть, и тяперъ жывуть И я у ихъ тамъ бывъ, мѐдъ—вино пивъ, госьтився у ихъ. И отъ тольки учора отправився отъ ихъ.

Д. Ивановка, телешев. вол. гом. у. **Отъ кр. Калины Петрова, 45 л. неграмотнаго. Сказка заучена имъ на родинѣ.**

24. Прекрасная дѣвица Алена.

Жывъ сабѣ царъ. Имѣвъ ёнъ сабѣ пятеро дятей. Первый сынъ родився, нязвѣстно дѣ дѣвся, а четьвяро жывшыхъ оставшыся,—три сястры, братъ одинъ. По̀тому помѐрла царица и услѣдъ царъ. Да. И гусударъ приказавъ свойму сыну, етому младшаму и сказавъ яму: што смотри, мой сынъ, я помру,—смотри, мой сынъ, за своими сястрами, и якъ будуть сватаатца, дакъ гляди ня выбирай, за перваго отдавай,—хтобъ ни пришовъ, да! ёнъ говора. Ну, помѐръ царъ, осталйсь дѣти одны. Дойшовъ ёнъ своихъ лѣтъ, справивъ ёнъ сабѣ ружайцо̀. И ёнъ захвотився на ‘хвоту пройти. Пройшовъ нямного отъ дому, вярсты въ двѣ, сустракая старичка. Ёнъ здрастуетца зь имъ, съ старичкомъ: „здрастуй, говора, старичо̀къ!"—Здрастуй, говора, молоденяцъ—царській сынъ! Ёнъ спрашавая, старичокъ: „куды ты йдѐшь, царській сынъ?"—А йду на ‘хвоту! А ты куды идѐшъ, старичокъ?—„А иду къ табѣ у сваты къ бо̀льшай сястрѣ

Воротимося назадъ, горэлку пить!“—Да, отецъ мнѣ приказававъ, штобъ я ня 'тказававъ. Пойдомъ, каа, назадъ! Ну, яны воротились назадъ домовъ, ажъ няма бòльшай сястры,—няма дѣ дѣлась. Яны туды-суды, гукать яѐ, шукать по двору тамъ, по саду, ну нидѣ ня знайшли,—няма вѣдома, дѣ дѣлась. Остались яны утроихъ жыть. Прожылй яны годъ. Ёнъ опять пошовъ на 'хвоту. И опять нямного пройшовъ, опять сустракая старика. Потому ёнъ спрашавая, старичокъ: „куды йдешъ, молоденяцъ—царськiй сынъ?“—На 'хвоту, а ты куды, дѣдушка?—„Я иду у сваты къ твоѐй сярэдьняй сястрѣ. Воротимося назадъ домовъ, горэлку пить!“—Воротимось! Однакъ мнѣ батька приказавъ ня 'тказавать. У мяне ще застались двѣ! Ну, приходжують яны у домъ,—нѣту той сярэдьняй сястры. „Дѣ яна?“—А ня вѣдаю! Ну, шукали яе, гукали—и ня знайшли. Остались яны удвохъ жыть. Ну, й опять яны прожыли годъ послѣ того. И злучилось яму опять итить на 'хвоту. Нямного ёнъ пройшовъ, опять версты двѣ, и опять сустракаетца съ старикомъ. „Здрастуй, говора, дѣдушка!“ —Здрастуй, здрастуй, молоденяцъ—царськiй сынъ! Куды йдешъ?—„На охвоту! А ты куды, дѣдушка?“—Я иду у сваты къ твоѐй меньшай сястрѣ!—„Ахъ, дѣдушка-голубчыкъ,—у мяне жъ тольки одна осталась. Ну, а тольки по батьковому вялѣнью, дакъ я ня могу отказать! Воротились яны у домъ—няма никòго. Ёнъ шукавъ, гукавъ яѐ у доми, по саду—няма! Ёнъ плакавъ, плакавъ, и остався одинъ ужэ. Да, ёнъ тожа такъ сабѣ обдумався: пошли моѐ сёстры такъ замужъ, пойду и я такъ у сваты: кого ни сустрэну, возьму,—ти жыдовку, ти цыганку, кого сустрэну. Вотъ ёнъ собрався и пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, бача ёнъ—иде жэнщина зъ молоденцомъ малымъ щѐ, щѐ тольки три нядѣли, якъ народився на етый свѣтъ. Ёнъ приближаетца къ ѐй ближы. „Здрастуй табѣ, бабка!“—Здрастуй, молоденяцъ—царськiй сынъ!—„Што жь ты, говора: удовà, ти замужняя?“ Яна яму̀ отвящаа: я удова!—„Ну, коли ты удова, дакъ ты будяшъ моя жана!“ А молоденяцъ на рукахъ говора: нѣ, говора, молоденяцъ—царськiй сынъ,—ня будя моя матушка твоя жана. Твоя жана за трижды-девять зямель, на десятымъ царствьи, у бѣлой Бѣляйни, у бѣломъ шатры, прiукрасная дявица Алѐна. Тò твоя жана, а моя матушка ня будя твоя жана! А ёнъ отказуя: якъ жа менѣ туды доступитца? А ёнъ отвящая: иди ногами, гляди вочами, такъ и дойдѐшъ! Вярнувсь ёнъ у свой домъ, собрався ужэ получчы, набравъ грòшай съ собою и пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ, двоя сутокъ. На трэтьтiя сутки убачывъ ёнъ домъ хорошый, прiукрасный. И захотѣлось яму зайти у етый домъ. Заходжуя ёнъ у домъ, ажъ тамъ напя̀тъ положòкъ посяродъ двора. Ёнъ приходя къ етому положку и смòтра,—што ето такое дѣлаетца? Ажъ тамъ спить чаловѣкъ. Ёнъ знявъ съ плечъ шаблю

да хотѣвъ яго зарубить. А тогды поглядѣвъ на яго, а у яго видъ такій, якъ у яго: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо у лицо; чаботы якъ одно, и ружжы якъ одно, и шабли якъ одна, и шапки усё одно якъ одна. Ёнъ тогды яго обжалѣвъ и подумавъ, што и ёнъ такій горэтьникъ, якъ и я. И ня зарубивъ яго. Лёгъ коля яго и заснувъ. Ёнъ заснувъ, а теразъ повчаса той прошнувся. Прошынаетца той, и хотѣвъ яго зарубить. А послѣ обдумався: да, штожъ? и ёнъ на мяне пайшовъ на соннаго и могъ мяне зарубить, а не зарубивъ, не чапа̀въ. И я яго ня буду чапать. Няхай ёнъ прошнётца, тогды мы побачымъ, што ёнъ за чаловѣкъ. И ёнъ такій горэтьникъ, якъ я! И пошовъ у домъ. Прошнувся царській сынъ, ажъ выходя и той изъ дому. Ну, ёнъ яго спрашуя: „ахъ, братъ ты мой голубчыкъ, якъ тябе Богъ суды занёсъ?“ — А вотъ по такому и такому злуча̀ю! — „Ну, до̀бро; ходи жъ, мы съ тобой попъёмъ, погуля̀*амъ!*“ Сѣли яны пить, гулять, двоя сутокъ гуляли. И признали одинъ однаго. На трэтьтія сутки бо̀льшый братъ говора: ну, говора, братъ, ѣдь ты сабѣ зъ Богомъ, а мнѣ трэба воявать, на во̀йну ѣхать! А ёнъ яму отвястивъ: ахъ братъ, отдыхни трохи, — давай, я за тябе поѣду! А ёнъ говора: коли ласку, братъ, мѣешъ, ѣдь сабѣ! Да. Ёнъ тогды яму̀ сказавъ: гляди жъ братъ, усихъ будяшъ бить, усихъ воявать, а тольки одинъ будя у бѣломъ платьти, того говора, ня трогай! Да. Вотъ ёнъ и поѣхавъ. Уѣхавъ у воську и почавъ косить: по правый бокъ якъ мякина, а по лѣвый — якъ солома. Добрався *до того*; хотѣвъ бить, а послѐ обдумався: ахъ, братъ мнѣ говоривъ, штобъ я яго ня трогавъ! Узявъ повярнувъ, поѣхавъ икъ брату. Пріяжжа*а* ёнъ къ брату, сѣли яны пить, гулять. Спрашуя той: а што, братъ, отвоявався? — Отвоявався! — „А того жъ не чапавъ?“ — Нѣ, братъ, не чапавъ! — „Ну, й, говора, молотчына!“ Двоя сутокъ пилй, гуляли, добрыя мысьли мали, на трэтьтія бо̀льшый братъ говора: иди, братъ! Мнѣ опять трэба ити на войну! Да. Ёнъ опять яму говора: ахъ, братъ, отдышъ ты, — давай я ще разъ зьѣжжу за тябе! А ёнъ говора: коли охвоту маешъ, ѣдь сабѣ! Вотъ ёнъ и поѣхавъ. И ёнъ яму приказавъ: гляди жъ, братъ, усихъ би, усихъ воюй, тольки одинъ будя у зялёнымъ платьти, то того не чапай! Вотъ ёнъ и поѣхавъ. Пріяжжа**я** ёнъ у воську и почавъ косить: по правый бокъ якъ солома лятить, а по лѣвый — якъ мякина. И до тыхъ поръ косивъ, покуль добрався до етаго мальчика у зялёнымъ платьти. Ёнъ добравсь до яго и обдумався: ахъ, братъ мнѣ сказавъ, штобъ я не чапавъ яго! Узявъ оставивъ и воротився назадъ къ брату. Яны опять сѣли пить, гулять. И той спрашуя: „ну што, братъ, отвоявався?“ — Отвоявався! — „А, того не чапавъ?“ — Нѣ, не чапавъ! — „Ну й молотчына, што не чапавъ!“ Ну, яны сѣли пить, гулять; двоя сутокъ пили, гуляли, добрыя мысьли мали, а на трэтьтія сутки бо̀льшый братъ говора:

иди ты, братъ, сабѣ ужэ зъ Богомъ, а мнѣ трэба у воську!—Ахъ, братъ, —дай я зьѣжжу за тябе у трэтьтій разъ; усё равнò, у мяне часъ ѐ— а ты отдыхай!—Ну, ѣдь сабѣ, братъ, коли охвоту маешъ, только усихъ би, усихъ воюй, а одинъ будя у краснымъ платьти, того не чапай! Дакъ ёнъ и поѣхавъ. Уѣхавъ у воську и почавъ косить, направо якъ солома, налѣво якъ мякина лятить. Усихъ побивъ, покосивъ, добравсь до того, й того зарубивъ,—дужа, бачъ, рассерчавъ. Ёнъ воротитца назадъ, сѣли пить, гулять. „Ну што жъ, братъ, отвоявавсь?"—Отвоявавсь!—„А того жъ не чапавъ?"—Нѣ, братъ, зарубивъ!—„Ахъ, братъ, говора: што ты яго зарубивъ? хто жъ намъ за яго отвѣтя?"—Што жъ, хто отвѣтя: я зарубивъ, я й отвѣчу!—„Ну, говора, Богъ съ тобой!" Сѣли ето яны пить, гулять, двоя сутокъ попили, погуляли, добры я мысьли помали, а на трэтьтія говора: иди ты, братъ, а мнѣ изновъ надо у воську! Ну, той поѣхавъ, а ёнъ сабѣ пошовъ, своёй дорогой, куды Богъ давъ. Ну, ёнъ и пошовъ.

Ишовъ ёнъ сутокъ двоя, а на трэтьтія сутки обночывся. И уставъ пораньшы, и убачывъ ёнъ хорошый, прекрасный домъ. Заходжуя ёнъ у етый домъ,—у етымъ доми сядѝть главный пташкинъ царъ, што надъ усими пташками. Ёнъ уходжуя у етый домъ и говора: здрастуй, пташкинъ царъ!—Здрастуй, здрастуй, молоденяцъ, царськiй сынъ! Куды Богъ нясе? Ёнъ *яго* отвящая: ахъ, говора, вы такiя проходжалыя люди, усюды бывали, усё видали,—ти ня видѣли, дѣ жывѐ за трижды—девять зямель у тридесятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣлымъ шатры, сядѝть дѣвушка, пракрасная Алена? Ну ёнъ говора: ахъ, братъ ты мой: я першый разъ отъ тябе слышу. Ужэ я проходжавъ и проряжжавъ, ну етаго ня слыхавъ! А пòтомъ, обгодѝ, братъ, трошки! Выходжуя на крыльцо, да крикнувъ и свиснувъ—собираетца къ яму усё птаство. Яны уси собираютца къ яму: охъ, царъ нашъ, зачимъ ты насъ требуешъ?—Ахъ, птаство, вы усюды летаетя, можа вы гдѣ видали, ти слыхали, гдѣ жыве за трижды —девять зямель у тридесятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣлымъ шатры сядить пракрасная дѣвушка Алена? Ну яны говòрать: мы ужэ пролётали далѐко, увесь бѣлый свѣтъ, а только отъ васъ перво чуямъ. Ня вѝдяли нигдѣ, говòрать. Да. И ёнъ отвящая яму: иди, братъ, сабѣ зъ Богомъ, коли нàйдяшъ! Яны попрощались, ёнъ и пошовъ сабѣ своёй дорогой. Ишовъ сутки, ишовъ другiя, на трэтьтія бача—стоить домъ, пракрасный, хорошый. Ёнъ заходѝть у етый домъ, ажны у етымъ доми сядѝть звѣрнѝй царъ. Ёнъ и спрашуя: объ чомъ, братяцъ, пришовъ?—Да тàкъ зайшовъ. Только вы ня прогнѣвайтесь, объ чымъ я васъ буду спрашавать?—А ну, братъ, отвящай! Ёнъ говора: вы тыки такiя люди, што усюды хòдитя, бѣгаетя, ти ня чули вы, ти не бачыли гдѣ, на трижды— девятой зямлѣ, у десятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣломъ шатры

сядить пріукрасная дѣвушка Алѐна? Ёнъ и говора: ну, братъ, говора, я отъ тябе першый разъ ето слышу; я ужэ пробѣгавъ увесь свѣтъ, а тольки нигдѣ ня чувъ, ня бачывъ. А протчымъ, обгоди трошки! Выходжуя ёнъ на крылцо, свисня да крикня,—збѣгаетца усё звяръё къ яму: собаки, вовкѝ, медвядѝ, и лѐвы, и лисы, и усё. Яны говрать яму: объ чомъ насъ, царъ, трэбуяшъ?—Ахъ вы звѣри бѣгомыя, ти ня чули, ти ня бачыли, што на трижды—девять зямель, у десятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, ѐ пріукрасная дѣвица Алѐна?—Нѣ, говрать: першый разъ отъ васъ чуемъ. Ужэ мы усюды бѣгаемъ, а ня бачыли и ня чули нигдѣ! А потомъ, говрать, ѐ у насъ старая мядвѣдица, семъ лѣтъ на 'дномъ боку ляжыть, тая можа ти ня знаа, туу спросить! Ёнъ и крикнавъ и свиснавъ! Подымаетца яна на ноги, бягить къ яму, ажъ косьти бражчàть. Яна яму отвящаа: ахъ царъ, на што ты мяне трэбуешъ, потрывожывъ мою старость?—Ну, старушка, низвини, слухай, што я тябе буду спрашавать!—Нутя, спрашуйтя у мяне!—Ты тыки старая жэнщына, у молодосьти много пробѣгàла, много бачыла,—ти ня знаешъ ты, гдѣ на трижды—девять зямель, у десятомъ царстьви, у бѣлой Бѣляини, у бѣломъ шатры, ѐ пріукрасная дѣвица Алѐна? А яна отвящаа: я, говора, зъ молодосьти пробѣгàла часто тудой, я говора, знаю, гдѣ яна жыве! Да. Ёнъ ёй отвящаа: вяди, говора, старушка, у (во) етаго чаловѣка туды! Тольки табѣ у прикази: штобъ усё було благополушно! А яна отказуя: ня бойтесь, будя усё сохранно! Да. Пошли яны ободвы. И не доходючы такъ вѐрстъ пяти ти шасьти, яна говора: а што, говора, Иванька,—видишъ ты тяперъ яго?—Нѣ, говора, ня виджу, щэ хорошо не замѣчу! Яны пошли по ближности. Пройшли ящэ вярсты три, яна опять показуя: ну што, Иванька, бачышъ тяперъ?—Тяперъ, говора, бачу!—Ну, коли бачышъ, дакъ иди сабѣ! А сама воротилася назадъ яна. Вотъ ёнъ и пошовъ.

Уходжуя къ ёй, у ёй балаганъ.—Здрастуй, говора, дѣвушка, пракрасная Алена!—Здрастуй, здрастуй, мальчышачка—царській сынъ! Я знаю, зачымъ ты пришовъ: хочашъ мяне за жану узять. Хорошъ-прыгожъ мальчышачка, ну тольки ето ня прідетца: зачымъ ты мойго брата зарубивъ? Ёнъ ёй отвящаа: ахъ, говора: виноватъ, да не проклàтъ! Я зарубивъ, я й отвѣчу! Яна яму отвящаа: стой жа, говора, тяперъ! Тольки што менѣ тябе жалко, а то бъ ты отвѣтивъ ба и пропавъ. Нà жъ табѣ пару прòстыхъ ножовъ, и стрэняшъ ты бабку старэнькую, малѐнькую, изъ зялѣзной тростиночкой. И ты, говора, будяшъ изъ ёй стракàтца, и ты скажашъ: здрастуй, бабка, моя голубка! Тяперъ яна яму̀ сказала: якъ ты скажашъ: здрастуй! яна табѣ скажа: здрастуй, здрастуй, скурвый сынъ на што ты мойго сына зарубивъ? А ты ёй скажи: ахъ, бабка моя голубка, прости мнѣ! Яна скажа: прощу, тольки поклонѝся у ноги! Дакъ

гляди, говора,—будяшъ ты кланятца ёй, дакъ, говора, низко не кланяйся, а то яна тябе тростинэй якъ пòкия, дакъ и убъè. А ты ня дужа сгинайся, да хвати яè етыми ножами подъ пахи, дакъ яна и скипить!.. Ну, ёнъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ, сустракаетца баба изъ зялѣзной тростиночкой. „Здрастуй, каа, бабка, моя голубка!"—А здорово, здорово, скурвый сынъ! Ето ты мойго сына зарубивъ?—„Ахъ, бабка, моя голубка, прости мнѣ!"—Ну, говора, поклòнисься у ноги, дакъ прощу! Ёнъ тольки нибытцомъ ставъ кланятца, да й хвативъ яè ножами етыми. Яна тамъ и скипѣла на ножахъ. Ёнъ яè бросивъ и воротився назадъ. Приходя ёнъ узновъ къ етой. „Ну што, говора, запоровъ?"—Запоровъ!—„Ну вотъ, говора, тяперака будомъ съ тобой жанитца!" Ну, яны, дождавшися скрасэньня, и пожанилися. И пожыли яны два дни. Яна яму даè ключы: иди, говора, мой милый, полюбуйся по моимъ жытялству, по саду, по винограду. Тольки усюдахъ ходи, усюдахъ любуйся, тольки тамъ будя стоять хатка, лычкомъ завязана, г—мъ замазана, дакъ у тую не гляди. А то усюдахъ сабѣ любуйся ходи!" Ну, ёнъ и пошовъ,—любовався у етомъ саду. Дойшовъ до етой хатки, и узяла яго тикавость: „якъ ето можа быть? Я уже тяперъ ходяинъ и кабъ я не глядѣвъ у ету хатку!" Ну узявъ, ето г—о обтёръ, лычко развязавъ и глядить. Ажъ тамъ змѣй кипить у котлѣ. Ёнъ тогды говора: „здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, царевичъ!" —Здрастуй, здрастуй, змѣй! Зачимъ ты суды попавъ?—„Ахъ, братъ ты мой, ратуй ты мяне отсюль: дарую табѣ три смерти!" Ну, ёнъ подумавъ, подумавъ: во, три смерти даруя,—ето я довго буду жыть! Отратую я яго! „Якъ жа мнѣ тябе отсюль ратовать?" А ёнъ говора: подай мнѣ, братъ, вядро горэлки и торбу сухаровъ,—трэба мнѣ покрапитца! Ёнъ яму подавъ вядро горэлки и торбу сухаровъ. Ёнъ выпивъ, закусивъ, тогды говора: ходи, братъ, ко мнѣ суды, подай мнѣ рукỳ! Ёнъ подходя къ яму, подавъ яму рукỳ,—ажъ ёнъ такъ и выскочывъ, и полятѣвъ! Покуль ёнъ зачынивъ ето двери, г—мъ замазавъ, лычкомъ завязавъ, приходя у домъ,—ажно ужэ няма жонки: змѣй ухвативъ и понёсъ у своё царство. А ёнъ да спрэжда хотѣвъ яè узять, дакъ яè матка была силнѣй за яго, дакъ яна и усадила яго у ето пекло. Ёнъ поплакавъ, поплакавъ, собрався и пошовъ зновъ у свѣтъ бѣлый, шукать яè. Вотъ и пошовъ.

Ишовъ ёнъ сутки, ишовъ другія, а на трэтьтія сутки убачывъ ёнъ зялёный домъ зъ зялѣзной крышой, пракрасный, хороший! Ёнъ заходя у етый домъ, ажъ тамъ яго сястра бòльшая сядѝть. Ушовъ ёнъ, яны одинъ на 'днаго зирнули—и заплакали обòдвы: ахъ, братъ! Дававъ табѣ Богъ щасьтя, да ня умѣвъ ты яго шановать, што не соблювъ ты, што яна табѣ приказала! Ёнъ говора: ну што жъ, сястра: гòра, да нечаго дѣлать! Трэба йтить шукать яè!—Да, говора: знàйдешъ, да ня возьмèшъ: ёнъ,

говора, убъѐ тябе, заколотя!—Ну, што, говора, сястра, дѣлать: убъѐ дакъ я ёй ня буду рѝпитца тогды, а яна мнѣ!.. Яна яго садить, напримѣръ, угощенія дѣлать: напоила, накормила. Ёнъ ето собираетца итить: прощай, сястра! А яна говора: „ахъ, братка мой любый, хоть ба ты щэ трошки у мяне погостювавъ, да я боюся, што мой мужыкъ тябе убъѐ! Мой мужыкъ—Громъ!“—А я, сястра, пойду ужэ!—„Нѣ, братъ, стой: я тябе схо714 ваю!“ Узяла и сховала яго подъ койку. Удругъ подъ повднѝ стучы̆ть, грымить, и уходя у домъ. Походивъ по комлати, походивъ, и говора: ахъ, жана моя любая,—русь кось пахня!—Ахъ, мой мужъ любый, мужъ мой дорогій: ты по свѣту лятавъ, руси коси набрався, яна табѣ и тутъ пахня!—Ну, ничого, говора,—давай обѣдать! Удругъ сѣли яны обѣдать, отъ яна якъ узяла одну ложачку, сычасъ у яѐ слязѝ и покатилась. Ёнъ у яѐ спрашуя: ахъ, жана моя любаа, жана моя дорогаа, почаму вы плачытя? А яна говора: якъ жа мнѣ ня плакать,—кольки насъ було у вотца, дакъ ня тольки ня убачымся, а дажа ня учуемъ, гдѣ который прожываа! Ёнъ и говора: ахъ, дурни вы, говора. Разви вы у худое мѣсто попали? Што вамъ тутъ худо? А яна говора: што, коли бъ мой братъ тяперъ прибывъ, якъ ба мы яго приняли?—Вотъ дура баба: хиба у насъ хлѣба-соли няма? Мы бъ попили, поѣли, добрыя мысьли помѣли бъ! А яна говора: ёнъ, говора, тутъ,—я яго сховала! А ёнъ тогды говора: эй, шуръякъ, вылазь, гдѣ ты, говора, сховався? Отъ, якъ крикнувъ ёнъ: шуръякъ, вылазь! ёнъ и вылязъ съ подъ пола. Отъ ёнъ поздраствувався, посадивъ за столъ, сѣли пить, гулять на троя сутокъ: пили, гуляли, добрыя мысьли мали. На чатьвёртыя сутки ёнъ говора: „ну, шуръякъ, иди сабѣ зъ Богомъ, куды табѣ трэба, а мнѣ трэба йти у бѣлый свѣтъ!“ Ну, потому ёнъ пошовъ. Иде сутки, иде другія, на трэтьтія убачывъ домъ приотлишный—хорошый (цвѣтъ опущенъ). Заходжуя ёнъ у етый домъ, ажъ тамъ сядѝть яго сярэдьняя сястра. И ету знайшовъ. Ну, яны, зирнули яны одинъ на одинъ и заплакали. „Ахъ, братка ты мой родный! дававъ табѣ Богъ щасьтя—долю, да ня умѣвъ ты шановатца, ня умѣвъ слухать яѐ! Пропавъ ты тяперъ“!—Ну, штожъ, говора, будешъ дѣлать: пропавъ, дакъ пропавъ! Пойду шукать яѐ!—„Да, говора, знайдешъ, да ня возьмешъ, ёнъ тябе убъѐ!“—Ну, штожъ дѣлать: убъѐ ня убъѐ, а хоть рупитца одинъ одному ня будомъ! Ну, яна трошки яго попоила, покормила. „Ахъ, мой братъ! погостювавъ ба ты у мяне, дакъ боюся, што мой мужыкъ, Морозъ, заморозя тябе!“—Ну, што жъ, сястра: я пойду!—„Ну нѣ, говора: я тябе сховаю!“ И сховала яна яго подъ койку. Вотъ, сонюшко устаѐ, обвутрыло, морозъ раставъ и иде у хату. Походивъ, походивъ по хати: „а што, жана, —русь-кось пахня!“ А яна яму отвящаа: ходили по бѣлому свѣту, руси-коси набрѝлися, и тутъ пахня!—Ну, ничого, ето усё пустое,—давайтя

обѣдать! Ну, яны сѣли обѣдать. Яна якъ узяла першую ложачку, зачарэпнула, и скушно заплакала. „Жана моя любаа, жана моя дорогаа, чаа ты скушно плачашъ?“ —Якъ жа мнѣ, каа, другъ мой милый, ня плакать: кольки насъ було у батьки и нязвѣстно, хто гдѣ знаходитца. Ти довядѣтца побачытца, ти нѣ? –Во, говора, дурни вы, хиба вы у худое мѣсто попали! —А што бъ вы, говора, здѣлали, кабъ мой братъ тяперака прибывъ? –Ахъ, ты жана дурань: хиба у насъ хлѣба-соли няма, —мы бъ попили, поѣли, да добрыя бъ мысьли помѣли! А яна говора: ёнъ жа, говора, тутъ! Я яго сховала! Ёнъ тогды говора: „эй, шуръякъ, говора: гдѣ ты? Вылазь!“ Ёнъ сычасъ и вылажуя. Якъ вылязъ, сычасъ поздоровкалися, повиталися и сѣли пить, гулять на троя сутокъ. Пили, гуляли, добрыя мысьли мали, а на чатьвёртыя сутки ёнъ собираетца у дорогу. „Ну, говора, швагра, иди сабѣ зъ Богомъ, куды табѣ трэба, а мнѣ трэба у бѣлый свѣтъ итить!“ Яны якъ попрощалися, пошли. Ёнъ съ сястрой попрощався, пошовъ. Ишовъ сутки, ишовъ другія, на трэтьтія бача—стоить домъ хорошый—отлишный. Заходжуя ёнъ у етый домъ, ажно яго самаа младшаа сястра у етымъ доми. Якъ увыйшовъ ёнъ у домъ, зирнули яны одинъ на одинъ и заплакали. „Ахъ, братка ты мой родный, дававъ табѣ Богъ щасьтя-долю, да ня умѣвъ ты шановать!“ —Ну, штожъ, говора, сястра: пойду тяперъ шукать яё!—Да найти ты найдешъ яе, да узять ня возьмёшъ! Ну, говора, братъ ты мой, сядь ты у мяне погостюй! Сѣвъ ёнъ, попивъ, поѣвъ и хоча ити. „Ахъ, братка мой любый, хотѣла бъ я, кабъ ты погостювавъ, да боюся, кабъ мой мужыкъ Дождж тябе не засѣкъ!“ —Ну, дакъ што, говора, дакъ я пойду!— „Нѣ, постойка, я тябе схоааю!“ Ну й сховала яго подъ койку. Такъ, подъ повдня хмары разыйшлись, погода установляятца,—иде Дождж. Походивъ, походивъ по хати: „а што, говора, жана,—русь кось пахня!“ —Ахъ, мужъ мой любый, мужъ мой дорогій, ты по свѣту лятавъ, руси коси набрався, яна табѣ и тутъ пахня! —Ну, ничого, говора, давай обѣдать! Сѣли яны обѣдать, яна одну ложку зачарэпнула и заплакала. Ёнъ ёй говора: жана моя любаа, жана моя дорогаа, чаго ты плачашъ?—Якъ жа мнѣ ня плакать: кольки насъ було у вотца, а тяперъ мы и ня учуемъ, игдѣ который прабываа, ня тольки побачытца!—Ахъ, якая ты дурань! Такъ васъ Богъ любя! Разви вы ў худое мѣсто попали? А яна говора: што, коли бъ мой братъ тяперъ прибывъ, якъ ба мы приняли яго?—Ахъ, дурань баба: хиба бъ мы хлѣба-соли ня знашли бъ? Попили бъ, поѣли, добрыя бъ мысьли помѣли бъ! А яна говора: а ёнъ жа тутъ! Отъ ёнъ говора: вылязай, швагра, гдѣ ты сховався! Ёнъ вылязъ. Удругъ яны познакомились, повитались, сѣли пить, гулять. Пили, гуляли, добрыя мысьли мали, троя сутокъ. На чатьвёртыя яны прощаютца. Младшая сястра приготовила яму на дорогу. „Ну, говора,

иди сабѣ, шурьякъ, зъ Богомъ, куды идешъ, а мнѣ трэба у бѣлый свѣтъ ити!“ Попрощався ёнъ, пошовъ. Ишовъ, ишовъ ёнъ троя сутокъ, на чатьвёртыя бача—стоить домъ прабольшый, огромный, каменный! И ёнъ самъ сабѣ думаа: зайду-тка я у етый домъ, подивлюсь, што тутока дѣлаетца! Заходя ёнъ у етый домъ, ажъ яго тамъ жана сядить. Ёнъ якъ увыйшовъ у комлату, яна говора: ахъ, мужъ мой любый, дававъ намъ Богъ щасьтядолю, да ня умѣвъ ты шановать, ня умѣвъ мяне слухать! А тяперака ты мяне отсюля не возьмёшъ, ёнъ тябе убье! Ёнъ яѐ обнявъ и говора: ахъ, жана моя любаа, довжно пропавъ! А пòйдомъ на щасьтя! А яна яму отвящаа: нѣ, говора, мой мужъ: ёнъ насъ догоня, дакъ тябѐ убъѐ!— Ну што жъ,—убъе, дакъ убъе,—хоть одинъ объ однымъ рупитца ня бу̀домъ!.. И пошли яны оттуля. Пошли яны съ того дому,—удругъ у повдни прилятàа змѣй у домъ. И у яго бывъ хлопчыкъ служытель. Прилятаа и спрашуа: хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, говора.—А дѣ жъ яна?—Ушли!— Ну што жъ, говора, догонимъ?—Да, говора, догонимъ. Прежде выкопаемъ лядо, да посѣямъ жыто, да убяромъ, да помолотимъ, да спякòмъ хлѣбъ, да зьядимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, яны завину̀лися лядо копать. Выкопали лядо, посѣяли жыто; жыто тоя поспѣло; яны яго увобрали, помолотили, намололи муки и напякли хлѣба. Зьѣли той хлѣбъ и поѣхали догонять. У повдороги й догнавъ. Якъ догнавъ, такъ спусьтився: ахъ ты, приволокся суды! Ну, двѣ смерти табѣ даруятца, а ще одна остаетца. Трэба було тябѐ тогды убить и тяперъ во; а щэ разъ придѐшъ, дакъ щэ тую подарую. А у трэтьтій разъ придѐшъ—убъю! А самъ узявъ жонку и полятѣвъ назадъ. Ёнъ остався одинъ. Постоявъ, постоявъ, поплакавъ, поплакавъ, да вярнувся и ёнъ туды назадъ къ ёй. Приходя ёнъ назадъ къ ёй и говора: ахъ, жана моя любаа, пòйдомъ щэ на щасьтя!—Нѣ, говора, мужъ мой любый, мужъ мой дорогій, ёнъ насъ догоня и тябе убъѐ!—„А можа ня убъѐ!“ Упросивъ яе,—узяли опять пошли зь ёй. Ну, ёнъ опять прилятаа домовъ, змѣй: а што, ходяйка дома?“—Нѣ, няма!— А гдѣ жъ яна?—Ушли!—А мы ихъ догонимъ?—А прежде выкопаемъ лядо, да посѣямъ пшаницу, да помолотимъ, намѐлямъ, да хлѣба напякòмъ, да зьядимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, завинулися яны лядо копать, пшаницу сѣять. Выкопали лядо, посѣяли; увобрали тую пшаницу, помолотили, намололи муки, напякли хлѣба, зьѣли и поѣхали догонять, и у повдороги догнали. Ёнъ яму и говòра: а што говора,—ты не каесься? Ну, першый и послѣдній разъ ты тутъ! Якъ придешъ щэ,—беспрымѣнно убъю! Ну, узявъ жану и полятѣвъ, ёнъ и остався одинъ. Постоявъ тамъ, поплакавъ: што тутъ дѣлать? Пойду опять икъ ёй! Приходя ёнъ опять къ ёй: ходѐмъ, говора: усё одно мнѣ пропадать! Ублагàвъ яе; опять пошли. Ёнъ прилятаа у повдни на другій день и пытаа у хлопчыка: а

што, хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, няма, ушли!—А ти догонимъ мы ихъ?—А выкопаемъ упяродъ лядо, понасѣямъ проса, да убяромъ, да натовкомъ, да кашы наваримъ, да поядимъ,—и то у повдороги догонимъ! Ну, давай завинатца коля ляда. Насѣяли проса, натовкли, кашы наварили, подъѣли, поѣхали догонять,—у повдороги догнали. „Ну, говора, послѣднiй разъ ты ходивъ!" Якъ спусьтився, сычасъ яго убивъ, на мелкiя часьти порубивъ и по полю раскидавъ.

Ну, ето уремя ходили яго швагры по бѣлому свѣту и усё ето бачыли. Вярнулись домовъ и расказують жонкамъ: отъ жа, каа, няма вашаго брата,—убивъ змѣй! Яны узяли, дома подѣлались ластовками: одна узяла жывыя воды, другая мяртвыя, прилятають туды, собрали кусочки и складують, якъ ёнъ бывъ. Сычасъ склали, гоющыя воды дали—ёнъ зросся, жывущыя дали—ёнъ отжыгився: охъ, каа, якъ я довго спавъ! Ну, яны стали яму говорить: ахъ братъ, ты ня спавъ, а тябе змѣй порубивъ на мелкiя часьти. Ето щэ хорошо, што ёнъ такъ здѣлавъ; а коли бъ ёнъ убивъ, да на гнѣ спаливъ, то бъ мы ничого ня здѣлали! Ну, ёнъ говора: ну, ужэ ти спаля, ти нѣ, а пойду узновъ на щасьтя, што Богъ дасть! А яны яго просють: братка, ня йди,—ёнъ спаля!—Ну, ужэ ти спаля, ти нѣ, а пойду! Ёнъ зъ ими попрощався и пошовъ-тыки назадъ икъ ёй. Ну, приходжуя ёнъ узновъ икъ ёй, яна плача. „Ходёмъ, жана!" А яна яго просяя: нѣ, тяперъ я ужэ съ тобой ня пойду,—я тябе луччы тутъ сховаю, покуль што! Ну, яна яго сховала. Удругъ ёнъ прилятуя у повдни. Прилятѣвъ и сѣли обѣдать. Пообѣдали и лягли спать. Лягли отдыхать, яна говора: ахъ, мой мужъ милый, мой мужъ дорогiй! Нехай той мужъ мой жывъ бывъ, дакъ ты мнѣ правды ня казавъ, а тяперъ того мужа няма: искажы ты мнѣ, по якому злучаю у тябе такая силная крѣпость, што нихто табѣ ня дасть рады? А ёнъ ёй отвящаа: „моё здоровъя и сила усё у моры! Тамъ, говора, у моры ляжыть волъ, а у волу заяцъ, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо, а у яйцы усё здоровъя моё и сила сядить тамъ! Коли бъ хто тоя яйцо доставъ, да имъ мяне ударывъ у лобъ али у груди,—тутъ ба мнѣ и конецъ!" Ну, ёнъ якъ отдыхнувшы полятѣвъ, а яна яго тогды узбудила и говора: ну, мужъ мой любый, мужъ мой дорогiй! Собирайся, говора, туды й туды! Коли найдешъ, говора, етаго дѣла—останесься щасьлявъ! Напякла яму, наварыла и выправила. Собрався и пошовъ. Иде сабѣ дорогой, ажъ бъютца два коршукi, и такъ силно бъютца, што ня возможно ихъ разборонить. Ёнъ ихъ испрашуя: ахъ вы ястрабы, ястрабы! За што вы такъ болно бъятесь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ: мы дужа крѣпко ѣсьти хочамъ; дакъ мы который котораго забъёмъ, того и зьядимъ! Ёнъ отвящаа имъ: стойтя жъ вы, ястрабы, ня битеся, ходитя ко мнѣ! Яны приходжають къ яму, ёнъ сычасъ развязавъ торбочку,

вынимаа съ торбы два куски мяса и дае имъ. Яны наѣлись и благодарать яго: „ну, говора, благодаримъ покорно, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, што накормивъ ты насъ: будомъ мы за твоё угощеньня табѣ у большой пригоды за ето!“ Вотъ яны попрощались: пошовъ ёнъ зновъ. Иде ёнъ по дорози, бача—бьютца два собаки, и такъ силно бьютца, што ня можно ихъ разборонить. Ёнъ подходжуя къ имъ поближы: ахъ, вы псы, вы псы! за што вы такъ болно бъятёсь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ,—мы дужа крѣнко ѣсьти хочамъ: дакъ мы который котораго задавимъ, того й зьядимъ! Ёнъ отвящаа имъ: стойтя жъ вы, псы, ня битеся, ходитя ко мнѣ! Яны приходжують къ яму: ёнъ торбу развязавъ, по ковалку хлѣба имъ давъ, по ковалку говядины. Яны наѣлись. „Ну, говора, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, благодаримъ покорно, што ты насъ накормивъ: будомъ мы табѣ у большой пригоди за ето!“ Ну, пошовъ ёнъ дали. Подходжуя къ мору, бача—бьютца двѣ выдры, и такъ силно бьютца, што ня можно ихъ разборонить. Подходжуя ёнъ икъ имъ ближы: ахъ вы выдры, выдры, за што вы такъ бъятёсь?—Ахъ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, дужа крѣнко мы ѣсьти хочамъ: дакъ мы котораа которуу задавимъ, тую и зьядимъ! Ёнъ говора: стойтя жъ вы, выдры, ня битеся! Ходитя ко мнѣ! Яны приходжують къ яму, ёнъ торбу развязавъ, вынимаа два ковалки мяса и дае имъ. Яны наѣлися и благодарать: спасибо табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, што ты насъ накормивъ! Будомъ мы табѣ у большой пригоди! Распрощались, ёнъ и пошовъ. Отъ, ёнъ подходжуя къ мору. Покуль дошовъ, дакъ ужэ вода по ротъ понимаа. Иде ёнъ и плача, и говора: Господи, што жъ мнѣ тяперака дѣлать? Иде, иде, ажно стоить востровокъ. Зирнувъ ёнъ на правую сторону, ажно сядить старичокъ-дядокъ на етымъ востровочку. Подходжуя ёнъ ближэй, и говора: „здрастуй, дѣдка, мой голубчыкъ!“—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, царевичъ! Якъ тябе Богъ суды принёсъ: ти самъ ты пришовъ, ти табѣ хто показавъ?—„Нѣ, самъ, говора, дѣдка, пришовъ!“ —А почаму жъ ты суды пришовъ?—„Ахъ, дѣдка, мой голубчыкъ: ти ня бачывъ ты, ти ня чувъ, игдѣ тутъ у моры ё волъ, а у волу заяцъ, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо, а у яйцы змѣява сила. Дакъ якъ ба мнѣ яго достать?“—Ня знаю, нябожа, першый разъ отъ тябе чую! Ёнъ ставъ, заплакавъ коля яго, засмутився. Ёнъ яму говора,—дядокъ етый: коли бъ ты давъ мнѣ што-небудь поѣсть, то бъ я табѣ помогъ,—а то я три дни ня ѣвъ! Ёнъ говора: ахъ дѣдка, мой голубчыкъ: во, говора, ѣжъ кольки хочашъ! Знимаа яму торбочку и дае. Ну, ёнъ поставивъ яму ету торбочку,—дѣдъ той ѣвъ и ня ѣвъ. „Ну, говора, завязуй, нябожа, свою торбочку!“ Ёнъ узявъ завязавъ. „Ну-ка, нябожа, возьми утъ-эту довбню и иди по моихъ вусахъ, куды я дмухну, и якъ дойдёшъ до конца вусовъ,

тольки скажи: вухъ-ти! Дакъ ёнъ къ табѣ выскоча. Тольки ты яго довбнёй у лобъ би!" Отъ ёнъ и пошовъ. И забывся, якъ ето трэба сказать. Дойшовъ до конца тукаа, люкаа, а ниякъ не припомня, якъ трэба сказать. Ёнъ ходивъ, ходивъ, уморився уже до смерти. Иде назадъ: „вухъ-ти! якъ я уморився", кажа. А ёнъ и выскакуя. Отъ ёнъ яго у лобъ. Ёнъ и завалився. „Ну, слава табѣ, Господи!" Узявъ ёнъ ножыкъ, разрэзавъ пузо, тольки хотѣвъ узять зайца, а заяцъ якъ вырветца, якъ махане̇ отъ яго!.. Утёкъ. Ёнъ уставъ и плача: „вотъ табѣ й на̀! тольки найшовъ, и няма! Ето бягущаа звярйна; побѣгла—и нямо-хто яѐ поймаа!" Иде и плача. Тольки пройшовъ шаговъ десять, 'зирнувся назадъ,—ажъ тащуть етыя собаки зайца и гово̀рать: „на̀ табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, за твоё угощенія, за твоѐ труды!" Да. Ёнъ имъ подяковавъ, узявъ зайца, разрэзавъ пузо, тольки хотѣвъ узять вутку, а вутка—ковзь! полятѣла угору̀! Да. Ёнъ уже руки опусьтивъ и плача: „Богъ знаа: ето була бягучаа звярина, дакъ поймали, а ето ужэ лятучаа: ету нихто ня поймаа!" Иде и плача. Пройшовъ ёнъ ня большы, шаговъ зъ десять, ажъ чуя—шумить угорэ̀. Ёнъ глянувъ—ажъ нясуть коршуки̇ вутку тую! И гово̀рать: „на̀ табѣ, Иванъ Ивановичъ, за твоё угощенія, за твоѐ труды!" Ёнъ ету вутку узявъ, пузо разрэзавъ; ставъ яйцо брать, а яно̀ якся ковзанулось, яйцо ето,—пошло на дно мора! Бросивъ ёнъ ужэ усё, отчурався усяго, и пошовъ ужэ съ того мѣста соусимъ. „Вѣрно, мнѣ ужэ пропа̀сьть тутъ!" Тольки ёнъ пошовъ съ того мѣста, вышавъ на берагъ зъ большо̀ю журбою, ажъ ступаа отзаду. Озирнувся назадъ—ажъ нясуть выдры яйцо. „На̀ табѣ, Иванъ Ивановичъ, царевичъ, за твоё угощенія, твоѐ труды!" Отъ ёнъ яйцо у пазуху уложывъ и пошовъ туды. И приходя ёнъ тогды къ жанѣ. „А што, милый другъ, доставъ?"—Доставъ!—„Ну, тяперъ слава Богу, коли доставъ!" Ну, ёнъ яе прося: ходемъ, говора.—„Ну, тяперъ ужэ ходемъ на щасьтя!" Собра̀лись и пошли. Прилятаа у повдня змѣй и пытаа у хлопчыка: а што, хлопча, ходяйка дома?—Нѣ, ушли!—А догонимъ мы ихъ?—Догонимъ, да ня во̀зьмомъ! Ну, яны полятѣли, догнали. „Ахъ ты, говора, нячыстая сила! ты опять жывъ! Щасьтя твоё, што я тогды тябе порвавъ на ковалки, а ня спаливъ въ огни̇! Ну, да я тяперъ тябе спалю!" Тольки ёнъ ставъ подха̀джувать, а ёнъ выхвативъ яйцо зъ-запазухи, да бэхъ у лобъ яму! Ёнъ и завалився. Ёнъ тогды на мелкія часьти порубивъ яго, да на 'гонь, и спаливъ. И съ своёй жаной пошли у свой домъ и стали тамъ жыть. И тяперъ жывуть.

И я у ихъ тамъ бывъ, мѐдъ-горэлку пивъ, и у роти ня було, и по бородѣ не тякло̀. Була у мяне смоляна̀а кобылка, рэ̀пяное сядло, съ пастарнаку коньчукъ. Свиньня откуль узялася—за коньчукъ! И тяперъ у яѐ хвостомъ тырчыть. Прилятѣвъ дятялъ: чыкъ-блыкъ, давай мой башлыкъ! Да

й укравъ сядло,—и тяперъ у яго голова красна. Совнійко угрѐло, и кобылка растала. И няма нигдѣ ничòго...

С. Старая Рудня, рогач. у. **Отъ кр. Василія Аникеева, 29 л., негр. Внѣ предѣловъ Могилевской губ. не былъ. Изрѣдка слышатся мягкіе д, т.**

25. Марья Кирбитовна.

Жывъ сабѣ въ однэй дяревни старикъ съ старухою. И мѣли яны сабѣ троя дятей: одинъ сынъ, дьвѣ дочири. Сынъ старшый, дочири младшыя. Старикъ исъ старухою умирали и сыну приказъ оддавали: „сынокъ нашъ узлюблѐнный! самъ потуль ни жанися, покуль сясьтѐръ замужъ оддаси!“.. Ёнъ самъ ни жанився. Удругъ къ старшай сястрѣ яго пріижджали сваты. Сватали, сядѣли, пили, гуляли и зъ радосьси висялились. Потому, самъ жанихъ отъиждяжая и прощаньня зъ милой оддае: „выйди, говоря, моя милая, на крылечко,—попрощаимся съ тобою!“ Вышла ина на крылечко, ёнъ потхвативъ яѐ потъ пашки, и сѣли у коляску. Тольки вѣтиръ зашумѣвъ, и нѣтъ никогò. Остався братъ изъ мѐньшай сястрой. Ня видивъ ни винца, ни свадьбы.

Жывуть годъ и другій, нѣтъ ни отвѣту ни 'ткуда, ни привѣту. И скучали по своёй сястрѣ.

Пріижджають другія сваты икъ меньшай сястрѣ. То жа само, сватали, пили, гуляли, висялились. То жа само етый жанихъ говòря: „выйди, моя милая,—попрощаимся съ тобою!“ Ина вышла. Ёнъ ухвативъ яѐ подъ-пашки, и тольки загримѣвъ громъ. Остався одинъ братъ ни причомъ, ходивъ, скучавъ, што нѣтъ жыть ни причомъ, бросивъ свой домъ и пошовъ у бѣлый свѣтъ. Ишовъ день, исъ усходу сонца и до захòду, ни видивъ никогò—ни чиловѣка проходяща, ни птицы пролитащи. Обнимая яго тёмная ночь сярёдъ тёмнаго лѣса. Приходя ёнъ къ большому дому, ставъ ли воротъ и думая ночивать. Выходя дѣвушка и спрашуя: почаму, молодецъ, стоишъ, и што ничого ни говоришъ?—Я стою и говорю: ти ни можно у васъ поночивать?—А пожджи, другъ, пойду спрошу у хозяйки--позволя, али нѣтъ. Тётинька, говорить: нѣйкій чиловѣкъ прòситца ночивать у насъ!—Пущай иде поночуя! Иго хозяйка принимала и посьтелю яму давала, на койцы яго спать клала. Назаутря повутру яго спрашавала: куды, другъ, идешъ, и чаго ищишъ?—Иду искать сабѣ своихъ сясьтёръ! Былò у мяне дьвѣ сястры, сваты сватали, ну и вянцòвъ я ни видавъ и свадьбы ни гулявъ. И самъ ни знаю, агдѣ мнѣ ихъ искать. Хуть ба ў глазы повидать!—„Другъ! табѣ сясьтёръ ни найтить, а должно табѣ у мяне хозяиномъ быть! Ты ко мнѣ увыйшовъ, ды 'тъ мяне ня ўвойдешъ;

будимъ мы съ тобою жыть и другъ друга почитать!" Такъ яны осталися жыть. Жыли мѣсицъ, и другій. Тоды ина говоря: „вотъ жа, говоря: друхъ! оставайся дома хозяиномъ! хозяйствомъ управляй и ни гуляй, тольки ня йди туда, адѣ лычкомъ завязано, г...... замазано, и лозинкой заторнуто!" Ёнъ ходивъ, осматривавъ. Пришовъ къ завязанымъ дьвирямъ. Самъ сабѣ думая: што ето? Штобъ бывшы я за хозяинъ, штоба ни посмотрѣть, што тута ёсь? Ёнъ узявъ, лозинку поломавъ и лычко порвавъ, и дьвери отворявъ. Смотрить ету хижу—сильный огонь горить и въ огнѣ поганый Кощей на цапàхъ висить. Ёнъ спрашуя: хто такій? Отвичая: поганый Кощей! —Чаго ты тутъ висишъ? и хто тябе повѣсивъ?—За приступки за моѐ повѣсила мяне жана твоя Марья Кирбитовна. Ну прошу тябе—испусьти мяне! Ну я табѣ згоджуся на усѣ уримина.—А якъ тябе отпусьтить?—Иди приняси три видра горѣлки и три булки хлѣба, и три полѣны дровъ ольховыхъ и три полѣны дровъ осиновыхъ! Ёнъ принёсъ яму̀ три видра горѣлки, три булки хлѣба, три полѣны дровъ ольховыхъ, и три полѣны дровъ осиновыхъ. Ёнъ тоды выпивавъ одно вядро горѣлки и закусававъ одну булку хлѣба, бравъ еты полѣны и бивъ по цапахъ. Выпивавъ другоя вядро горѣлки, закусававъ другимъ хлѣбомъ и бивъ палками по цапахъ. И одбивъ уси цапы, только одинъ остався—што зъ низу у горло. Третьтія вядро выпивавъ и булкою закусававъ. И усѣ цапы оторвавъ отъ сябе и самъ съ огня выскàкававъ. Вотъ жа, говòря: ни видать табѣ жаны Марьи Кирбитовны во вѣкъ! поганый Кощей говоря. Поднявся, полятѣвъ, тольки вѣтиръ зашумѣвъ. Остався ёнъ одинъ дома, заскучавъ, што сясьтёръ ни видавъ, и жану потирявъ. „Да пойду жаны шукать!" И отправився.

Ишовъ день исъ усходу и до зàходу сонца. Ня видивъ никогò. Приходя къ ночи къ дому и выскàкуя зъ дому жана яго Марья Кирбитовна. Ахъ, говоря: якъ я табѣ приказавала: идѣ ни ходи, идѣ ни смотри,—тольки туда ня йди, идѣ былò лычкомъ завязано, лозинкой заторкнуто, г...... замазано. А ты ни послухавъ мяне и спусьтивъ поганаго Кощея зъ ланцуговъ. Ну тяперь вѣрно намъ съ тобою ня жыть,—што тяперь силъ тыхъ у мяне нѣту звоювàть яго!—Ну, слава Богу, што я увидивъ тябе, то уѣдимъ до дому свойго! Садилися на лошадь и поѣхали посьпяшнѐй. Пріижджая поганый Кощей зь зьвяриной охоты и спрашуя у кухварки своѐ: айдѣ Марья Кирбитовна? Куховарка отвичая, што узявъ мужъ. Ёнъ тоды кинувся, поганый Кощей, на свою стайню и спрашуя своѐ лошади триногія: што, говоря, лошадь триногая: нагонимъ Марью Кирбитовну?—Ни сьпиша нагонимъ. Иди, садися вячеряй и ложыся спать, а заутря уставай и будимъ нагонять! Ёнъ назаутря устававъ и садився на свою лошадь триногую и поскакавъ. И Марью Кирбитовну догонявъ и говоря: вотъ, другъ: назадъ ни воротися, ды съ своѐй жаной наусигда распросьтися! Ну когда

воротисься, то чиризъ жану голову положышъ! Ёнъ Марью Кирбитовну хватавъ и на лошади поскакавъ, и поѣхавъ назадъ домой.

Ёнъ тоды, ни ходя жаны искать, пошовъ сясьтёрь искать. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ нѣскольки уримина и приходя къ мѣдному дому. Ставъ ли калитки и бьётъ кулакомъ у калитку: ни можно поночивать у васъ? Смотря у вокошко систра яго и высылая дѣвушку: иди, говоря, отвори яму! Дѣвушка отворяла и у комнуту пущала. Систра яму поклонъ давала: ахъ, говоря, братицъ: рада я, што увидила у глаза тябе, ну ни знаю, агдѣ подѣть тябе: мой мужъ Совнушка. Совнушка зайдя и ёнъ ко мнѣ придя! Ина яго накормила, напоила и подъ мостъ посадила. Потомъ Совнушко зайшло, и ёнъ домовъ пришовъ и спрашуя: ахъ, моя милая! што у тябе русь кось пахня? Жана отвичая: ахъ, милый другъ! по Руси ходивъ, Руси набрався! Разьдивайся и садися вужынать! Разьдѣвся и садився за столъ. Подносила служанка имъ кушаньня. Кушали и разговаривали: ахъ, говоря, милый другъ: ноньчи я оддыхала и брата во сьнѣ видала!—Да, твой братъ ожанився на Марьи Кирбитовни и спусьтивъ поганаго Кощея зъ ланцуговъ. Ну ёнъ до жаны бывъ доступився, узявъ да назадъ воротився, а поганый Кощей отобравъ назадъ яе!—Ну, братъ мой тутъ! ина отвищая мужу. Ёнъ спрашуя: агдѣ жъ ёнъ?—А вотъ ёнъ подъ мостомъ! Ёнъ ударивъ сапогомъ и мостъ проломивъ: ну, говоря, вылизай, другъ, съ подъ моста. Ёнъ со страху вылазивъ съ подъ моста. Садилися умѣсьти, пили, гуляли, и висялилися, и оддыхать ложылися. Назаутря ранинько Совнушка устаѐ и на свою службу иде. И швагря яго тожа отправляитца у путь у дорогу. Совнушко госьтиницъ яму даѐ—прислугу отъ сибе, яснаго сокола. И ёнъ отправився у путь, у дорогу. Тожа ишовъ день до ночи, тода приходя къ сярebриному дому. Систра яго увидала у вокошко лицо здалй, и яго стричала, и у домъ свой принимала. И поила, и кормила, и говоря яму: айдѣ тябе подѣть? Ёнъ спрашуя: зачимъ, систра, такъ?—А мой мужъ Громъ! ёнъ придя, тябе и мяне за тябе убьѐ!—Ну, идѣ хотишъ, тамъ мяне подѣнь! Ина поднимала мосьницу и садила яго подъ мостъ. Позно вечира Громъ домой приходя: здрастьви, милая! Зачимъ у тябе русь-кось пахня?—Ахъ, милый другъ: по Руси ходивъ, Руси набрався! Разьдивайся, вужынать садися! Ёнъ разьдивався и садилиси вужынать. Служанка кушаньня подносила, яны кушали и разговаривали: ахъ, ноничи я оддыхала и брата у во сьнѣ видала!—Да, твой братъ ожанився на Марьи Кирбитовни, да ня умѣвъ жыть, и спусьтивъ поганаго Кощея исъ цапей. Ну, тяперь яму ижъ жаною ня жыть, за то што ина яго вошы ища, а поганый Кощей Марьи Кирбитовны груди сьсѐ! Ина яму говоря: мой братъ тутъ! Ёнъ спрашуя: айдѣ жъ ёнъ?—Подъ мостомъ! Громъ бивъ сапогомъ мостъ и ломавъ: вылизь съ подъ моста! Ёнъ вылизавъ. Садилися умѣсьти, пили, ѣли и гуляли и од-

дыхали. Назаутря рано уставали. Громъ отправлявся на свою службу, а шуринъ по своёй дорози. Громъ изь имъ прощався и на прислугу собачку дававъ. Ёнъ и пошовъ.

Опять приходя къ своей жанѣ Марьи Кирбитовны, и сѣдлали лошадей, сѣли и поѣхали у путь, у свой домъ. То яны спяшыли, лошадей подгоняли. Пріижджая поганый Кощей изь зьвяриной охоты и спрашуя у каховарки своѐ: айдѣ Марья Кирбитовна? Куховарка отвичая: узявъ мужъ яе! Осидлали лошадей твоихъ и поѣхали на вирховыхъ лошадяхъ! Ёнъ кинувся на стайню свою икъ триногому коню свойму: нагонимъ мы Марью Кирбитовну?—Иди, вячеряй, ды нямедлинно! Ёнъ повячерявъ и садився на триногую лошадь и ихъ нагонявъ. И Марью Кирбитовну одбиравъ. Ну вотъ, другъ: два разы прощаю за твою прислугу! ну, третьтій разъ ни прощу, а табѣ голову зрублю! Сѣвъ и поѣхавъ. Ну, а ёнъ назадъ воротився. Пріижджая ёнъ опять назадъ къ Марьи Кирбитовни у Кощеявъ домъ. Садилиси яны на лошадь и погоняли посьняшнѣй. Пріижджая поганый Кощей зь зьвяриныя охоты и спрашуя у куховарки своѐ: айдѣ Марья Кирбитовна?—Опять узявъ мужъ яе! Ёнъ кинувся на конюшню свою икъ триногому коню свойму: нагонимъ Марью Кирбитовну?—Поскорѣй садися на мяне: уѣдуть у домъ свой! Ёнъ садився на триногаго коня и нагонявъ ихъ. Марью Кирбитовну одбиравъ, а мужу яѐ голову зьнимавъ.

Яго прислуга—соколъ полятѣвъ до Сонца, до хозяина свойго, а собака побѣгъ до Грома свойго. Прибигали,—соколъ прилитавъ къ Сонцу, а собака прибигавъ къ Грому, и говорили хозяинамъ своимъ, што поганый Кощей изрубивъ голову хозяину нашаму! Сонца зъ Громомъ зьбирались, икъ швагру свойму пришли. То яго тѣло воронàми зьѣто, а у черипи у головѣ ворона гнѣздо зьвила и яѐцъ нанисла, и дятей вывила. Приходили Сонца и Громъ, брали воронятъ у руки у своѐ. Ворòны билися, и дятей своихъ у ихъ просили: пусьтитя нашыхъ дятей, а што вамъ надо, придоставимъ вамъ!—Доставя намъ сноватилской воды и жывой!—А дайтя намъ у чомъ принѐсьти. Ну, брали бутэлочки—и подвязавали потъ крылушки. И полятѣли яны у тую сторону, айдѣ сноватилская вода и жывущая. Тамъ надъ колодизими каравулы крѣпкія. Яны миталися—кружылися и у колодизи бросалися, и у бутэлочки воды набирали. Икъ Сонцу и къ Грому доставляли. И яны бутэлочки у ихъ отвязавали. И имъ яны ни довѣряли, штобъ яны имъ воды такой приставили. Яны ворonёнка разьдирали и сноватилской водой пырскали. То воронёнокъ и соснувалось. Жывущай пырснули—воронёнокъ полятѣвъ. Яны свойго швагра по полю косьти собирали и у кучку складали и сноватилской водой пырскали. То тѣло по косьтяхъ потягнулось. Жывущай водой спырскавали—ёнъ устававъ. Ахъ, говоря, братія:—якъ крэпко заснувъ!—Да, говоря, за-

снувъ—сномъ смярётнымъ! Ну, молися Богу, што ты бывъ у насъ и давали слугъ табѣ! Ну слуги наши и твоѐ 'видомляли намъ, што табѣ голова зрублина. Мы къ табѣ приходили и тябе 'тжывили. И за етымъ, братъ, прощай! Распросьтилися и пошли уси по сторонамъ, кому куды трэба.

Ёнъ пошовъ опять къ жанѣ своёй, къ Марьи Кирбитовны. Приходя у домъ поганаго Кощея. Ну, поганаго Кощея дома нима. Ёнъ отправився у разныя стороны. Ёнъ говоря жанѣ своёй: ты мяне схувай, куды сама знаишъ, а ёнъ пріѣдя домовъ, поганый Кощей, и распроси у яго, агдѣ яго душа? Ты яму такъ отвищай: што мужа мойго убивъ, ну и я свою душу усаджу туды, айдѣ твоя! Ну яна яго схувала у вособянномъ мѣсьти. Потомъ пріижджая поганый Кощей зъ разныхъ сторонъ. 'Ны сѣли вячерить и разговарюють. И ина у яго распрашуя: айдѣ твоя душа находитца? Ну и я свою туды усаджу, за то, што ты мойго мужа убивъ; я тяперь буду жыть исъ тобою!—Моя душа далякò: ёсьть на мори островъ, а на острови дубъ, а у дуби заицъ, а у зайцы вутка, а у вутцы яйцо—тамъ моя душа у яйцы!—А якъ её достать?—А трэба у бабы-яги коня достать! Такъ ёнъ поночивавъ, и назаутряго поганый Кощей отправлявся у разныя стороны. Ина мужа къ сабѣ призывала, и пили, гуляли, и вясялились, и яму расказала, айдѣ поганаго Кощея душа. Нѣтъ, другъ: табѣ туды ни сойтить и душы яго ни узять. Ёнъ говоря: што Богъ дась! И отправився ёнъ у путь. И давала яму хлѣба нямножко, ёнъ и пошовъ.

Ишовъ день, ишовъ другій—и хлѣбицъ етый изьѣвъ. На третьтій день ѣсьть яму ничиго. Ишовъ, ись силъ выбився, ды й ѣсьть нѐчиго. Ёнъ лёгъ подъ кустомъ, и навалилася на яго мошкарà. И силы у яго нѣту одбиватца отъ ихъ. Ёнъ на тѣли горсьть мошакъ грябеть и ѣсьть. Нимножко усилився. Прилитàя старшая мошка и говоря яму: пусьти прислугу мою, а то мнѣ трудно жыть будя одной, а нà табѣ, зьѣжъ пирожокъ!—А якъ мнѣ ихъ пусьтить?—А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ—то всѣ мошки полятѣли зь яго. Ну вотъ жа, другъ: я табѣ за ето сгоджуся и съ своёю прислугой, коли гукнѐшъ,—съ прислугою моёй. Ёнъ пирожокъ зьѣвъ и пошовъ. И етый день изнова йшовъ. Назаутряго тожа ишовъ-ишовъ, ись силъ выбився. Приходя къ морю. Дай хоть раковъ уловить и сырыхъ ихъ ѣсьть. Ѣвъ, ѣвъ, и нисколькн ни подьѣвъ. Выходя старый ракъ и говоря яму: пусьти прислугу мою! ну я табѣ згоджусь. Про нужду твою, я табѣ помогу ись прислугою моёю!—А якъ мнѣ ихъ пусьтить?—А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ, и раки усѣ поповзьли. Яму ракъ старшый дае просьвиру. Ёнъ просьвиру зьѣвъ и пошовъ. Приходя у лѣсъ. И выбився ись силъ. И ѣсь нечиго. Увидивъ ёнъ дуплё на дериви и полѣзъ. И нашовъ у дуплѣ вирябъиное гнѣздо зъ вирябъинятами и ставъ ихъ ѣсьть. Лятить старшый вирябей. Ахъ, Иванъ Ивановичъ, оддай мою прислугу,—я табѣ зго-

джусь!—Якъ жа мнѣ ихъ оддать?—А плюнь три разы! Ёнъ плюнувъ—вирябъиняты и полятѣли. Давъ вирябей яму булочку. Ёнъ зьѣвъ и пошовъ. Приходя къ баби-ягѣ. И заходя у хатку яе: здрастьви, баба-яга!—А здрастьви, здрастьви, Иванъ Ивановичъ! Слыхомъ тябе ни слыхала, да повялося глазомъ повидить. А зачимъ ходишъ ко мнѣ?—А пришовъ выслужыть лошадь у тябе!—Можышъ заробить лошадь сабѣ, тольки три дни испаси двинатцать кобылицъ моихъ! Занималась баба, печку топила, и вячерю яму варила. Вячерю зварила и на столъ яму подала. Ну, Иванъ Ивановичъ, садися вячерій, я погоню кобылицъ у баню парить. И кода пъ ты спасёшъ моихъ кобылицъ три дни—и будишъ брать сабѣ лошадь налюбя: а ни спасёшъ, то вотъ прочихъ богатырей головы на колушкахъ висять, и твою повѣшу! И погнала кобылицъ у баню. И набрала бяремо жалѣзныхъ прутовъ. Ёнъ бросивъ вячерить и пошовъ подъ баню слухать, што ина будя приказавать имъ. Ина прутами сячёть и приказуя: смотрітя жъ вы, скурвины дочки,—я яму сьпяку булку хлѣба исо сномъ. Якъ ёнъ хлѣба зьѣсь, такъ и засьнѐ. Дыкъ вы тоды сховайтеся у лозу, у таку чимярѐчь, штобъ нихто ни пройшовъ, ни проповзъ. А хоть жа ёнъ и просьнётца, да штоба васъ ни нашовъ! Такъ ёнъ назаутря устававъ и кобылицъ у поля гнавъ. Ина яго выправляла и хлѣбъ яму давала. Ёнъ кобылицъ прогонявъ и пасьтививъ. Вотъ ёнъ хлѣба укусивъ и лёгъ и заснувъ. Кобылицы схувалиси у такую лозу-чимяречу, што нихто ни пройшовъ и ни приповзъ. Ёнъ уставъ, прочнувся,—и совнушка закатуитца, и кобылицъ при ёмъ нѣтъ. Ёнъ заплакавъ слёзно: якъ мнѣ обрасьтитца да кобылицъ найтить? Э, говоря, коли бъ мошки ласковы були, да ко мнѣ прибули, да кобылицъ изъ лозы выгнали! Мошки шумять къ яму, якъ тёмна туча. Ну, Иванъ Ивановичъ, высморьгай дубецъ и становися у таковомъ то мѣсьти; якъ тольки покажытца кобылица изъ лозы, то би промижъ вушэй яѐ. Ина упаде на колѣньки, и садися варьхомъ на яе, и поижджай домой икъ баби ягѣ! Ну, ёнъ такъ и зьдѣлавъ. И прінджая позно вечира и пригоняя кобылицъ къ баби ягѣ. Што ты, сподарю, позно пасъшъ?—Ахъ, баба яга—на ступи поижджаишъ, а товкачомъ погоняишъ, помяломъ сьлѣдъ замитаишъ: изъ росой то лошадей и покормить! Ну, садися вячерій, а я погоню узновъ у баню! Ина погнала кобылицъ у баню, ну яму некода вячерить—ёнъ подъ баню слухать. Ина прутами сяче и щитно приказуя: смотритя, штобъ схоронились подальшы! Ну я у хлѣбъ сну прибавлю, да смотрітя ни посяньнишниму,—штобъ ёнъ васъ ни гнавъ, а одинъ пришовъ! Ёнъ выслухавъ, опять побѣгъ, садитца и вячерія, Богу молитца и ложытца спать. Назаутря устае, кобылицъ гоня у поля. Ина яго выправляя, и хлѣбъ яму дае. Ёнъ кобылицу погнавъ у поля, у поля пригоняя, и начавъ пасьтивить. Ёнъ пораньшы хлѣбъ ѣвъ. Хлѣбъ зьѣвъ, заснувъ. Кобылицы спрятались подальшы у лозу. Ёнъ прочинався—сонца на

закати. Ну кобылицъ при ёмъ нѣту. Эхъ, когда бъ мошки ласковы були, да ко мнѣ прибули, да кобылицы зъ лозы выгнали! Такъ яны къ яму летять, якъ тёмная туча. Ну, Иванъ Ивановичъ, высмàрьгуй дубецъ побольшы того, што учирà, и становись у томъ мѣсьти, айдѣ учирà стоявъ. Якъ тольки выскоча кобылица йзъ лозы, то би дубцомъ пò чиряпу яè. Ина упаде на колѣньки, садися вярьхомъ на яе и гони кобылицъ домой! Сами полятѣли выгонять ихъ. Стали кусать и грызьть, изъ лозы выгонять. Ина бягить, ёнъ бивъ яе пò чиряпу дубцомъ. Ина упадала на колѣньки, ёнъ садився на яè вярьхомъ и пригонявъ кобылицъ. Што ты, сподàрю, позно пасешъ такъ?— Эхъ, баба яга, косьтиная у тябе нога, ты на ступи поиждждаишъ, товкачомъ погоняишъ, а помяломъ слѣдъ замитàишъ. Изъ росой лошадей и покормить! —Ну, садися, вячерiй—а я погоню кобылицъ у баню. Ёнъ кинувъ вячерить и пошовъ подъ баню слухать, што баба яга будя приказавать кобылицамъ. И чуя—бъе и приказуя: смотрiтя жъ вы, штоба заутришнiй день ёнъ ни пригнавъ васъ, а штобъ пришовъ бизъ васъ ко мнѣ домовъ.—А йдѣжъ намъ подѣтца,—у лозѣ ня можымъ тярпѣть!—А вы схувайтися у мòря на дно! Ёнъ ето выслухавъ хорошо и пошовъ у хатку, и ложытца спать. Назаутряго рано устаеть и кобылицъ гòня пàсьтивить. Выправляя баба яга и хлѣбъ яму даеть. Ёнъ пригнавъ кобылицъ на лугъ, и пораньшы хлѣбъ ѣвъ. Якъ зьѣвъ, такъ и заснувъ. Кобылицы схувалися у мòря на дно. Ёнъ устаè, совнушка закàтуитца, ну кобылицъ при ёмъ нимàшъ. Э, говоря: коли бъ раки прибули, да ласковы були, штобъ кобылицъ изъ моря выгнали! То ивляитца старшый ракъ къ яму: ну, говоря, Иванъ Ивановичъ: высморьгàй дубецъ побольшы тыхъ, што учирà высмàрьгувавъ, и становись у таковомъ то мѣсьти! Ёнъ высмàрьгувавъ дубецъ и становився у таковомъ то мѣсьти. Якъ тольки кобылица показала головỳ изъ моря, такъ ёнъ бивъ дубцомъ промизь вушэй яè. Ёнъ садився на яè вярьхомъ и погнавъ до бабы яги. Ѣдя, и кобылица ета яму говòря: вотъ, говоря: насъ двинатцать сясьтёръ рòдныхъ, и на насъ шэрсть золотая и сяребриная,— ну силъ у насъ нѣтъ ниякихъ. А ёсьть у насъ братъ—у конюшни ляжыть у гнои, и на ёмъ шкура сосьлизла,—ну насъ баба яга бъè и силу вынимая, а ямỳ укладая! Ну добивайся у яè, штобъ ина оддала яго табѣ! Да, пригоняя ёнъ кобылицъ икъ баби ягѣ. Ну, сподарю, хоть позно пригонявъ да спàсьтививъ! Ну, заутря я табѣ—садись, вячерiй и ложысь оддыхай—ну заутря я табѣ работу дамъ! Ёнъ сѣвъ повячеривъ и лёгъ спать. Назаутря устававъ, и даè ина яму гарницъ маку, и иди, говоря, посѣй утъ на етомъ городчыку яго! Ёнъ узявъ и посѣивъ. Ну возьми, говоря, у мяне соху, и яго узори, етый городчыкъ! Ёнъ узявъ узоравъ. Ну, тяперь возьми заскородь. Ёнъ узявъ заскородивъ. Ну, тяперь выбирь етый макъ! А ня выбиришъ—отъ, богатырськiя гòловы висять по колушкахъ, ну й

твоя повісьня!—Эхъ, говоря: когда бъ уси вирябъи ласковы були и ко мнѣ прибули, и выбрали макъ изъ зямли! Вирябъи шумять, якъ тёмная туча. Занялися выбирать макъ изъ зямли, ну й выбрали. Ну тольки ни хватая однаго зярна. Яны разодрали стараго вирябъя и нашли зярно подъ изыкомъ. И подноси Иванъ Ивановичъ баби ягѣ етой: вотъ, изволь, баба яга, твой макъ!—Ну, я хороша, ну ты лучча мяне! Ну, ходи, выбирай лошадь сабѣ! Ёнъ уходя у конюшню: ну, бяри любую сабѣ!—Я етыхъ, кажа—ни хочу: ето лошади дорогія! Я засну, а хто й увяде отъ мяне. Оддай ты мнѣ етаго, што гніе у гной у тябе!—Да куды ёнъ способянъ, гнилый, табѣ? Да на ёмъ шкура согнила!—Ну, нихай сабѣ—я ужо буду кой-якъ лячить яго!—Ну, я хороша, ну ты лучча мяне! Ну, бяри сабѣ! Ёнъ узявъ коня етаго и повёвъ.

Привдя къ морю, поставивъ яго и обмывъ усю гниль отъ яго. Тогда конь говоря на яго: ну, Иванъ Ивановичъ! становися пиридо мной! Ёнъ ставъ пирядъ имъ. Ёнъ сарпнувъ на яго и уложывъ силу у яго: ну, тяперь садися на мяне! И поѣдимъ туды, куды табѣ трэба!—Ёсьть на мори островъ, и я хочу, штобъ ты узнёсъ мяне на яго! Ёнъ и узнёсъ на островъ. Ёнъ дуба колотнувъ, дубъ разьбився. Заицъ усхватився и побѣгъ. Собака яго догнала, разорвала. Вутка усхватилася, полятѣла. Соколъ догнавъ вутку, разорвавъ. Иванъ Ивановичъ яйцо схвативъ, у карманъ уложывъ. И садився на свою лошадь, и поѣхавъ у поганаго Кощея домъ. Пріижджая у *панаго* Кощея домъ, то *панаго* Кощея дома нѣту. Ёнъ, ни сьпиша, ижъ жаной своёй говоря:—ну, тяперь што Богъ дасьть! И съ панымъ Кощеямъ побоѣряимся! Набирали съ собою разнахъ напитковъ и садилися воба на 'дну лошадь. И сѣли—поѣхали. Пріижджая поганый Кощей изъ зьвяриной охоты и спрашуя у куховарки своё: а йдѣ Марья Кирбитовна?—Узявъ мужъ яе.—Няужли ёнъ отжывився? Ну, тяперь ужо ня тжывитца, якъ нагоню! И пошовъ на конюшню свою, икъ триногому коню къ свойму. Ну, што, говоря: нагонимъ мы Марью Кирбитовну изъ мужамъ яе?—Ну, нагонимъ—то нагонимъ, да ня возьмямъ!—Нѣ, тольки дай нагнать, а узять мы возьмямъ!—Нѣ, ня возьмишъ!—Ёнъ садився на яго, на свою лошадь и поѣхавъ. И нагоняя скорымъ посьпихомъ. Тольки лошадь ета отвящаа, которая подъ Иваномъ Ивановичамъ: ни находь, братицъ,—хвостомъ голову зрублю! То лошадь ета на колѣньки упала. Ёнъ бивъ розками, кнутами, ну лошадь усхватилася, и опять нагоняя. Изновъ лошадь ета отвящаа: ни находь, братицъ,—хвостомъ голову зрублю! Лошадь ета изновъ на колѣньки упала. Яму нечимъ яе погонять,—хрисьтяни пахали, и тыя лошадь яму кольлямъ погоняли. Лошадь опять усхватавалась, изновъ нагоняя. Лошадь изновъ отвящаа: ни находь, братицъ,—хвостомъ голову зрублю! Лошадь опять на колѣньки упала. Иванъ Ива-

новичъ злазя съ своей лошади и вынимая яйцо съ кармана и кладе на зямлю и треть сапогомъ своимъ. Якъ расьтёръ сапогомъ, поднялось огонь большый. Такъ разорвало Кощея на кольки часьтей.

Ну, потомъ, узявъ ету триногую лошадь, посадивъ на яѐ жану свою и поѣхавъ у свой домъ. И начали жыть. И жывуть, и мѐдъ-вино пьють. И я тамъ бывъ, и мѐдъ-вино пивъ. Тольки у роти ня було и по губахъ ни тякло; цапнувся за вухо, ажно и у роти сухо.

Д. Киселевка, самотеевичск. вол. Ѳома Григор. Мельниковъ, 53 л неграм.

26. Иванъ Ивановичъ рымськiй царевичъ.

Жывъ сабѣ одинъ царъ. Имѣвъ ёнъ у сябе одного сына и три дочки. Тяперъ ёнъ—дай жа ёнъ помёръ у старосьти. Мало ёнъ прожывъ; не знавъ ёнъ, што такъ скоро дась Богъ смерть,—не давъ ёнъ ниякаго порадку свойму сыну. Заставсь ёнъ малолѣтянъ отъ яго, а дѣвки гэтыя порадошныя, на выданьни ужо. И жывъ ёнъ безъ батьки повтора года, изь дѣвками. Потымъ приходють къ яму три чаловѣки: „здрастуй, каеть, Иванъ Ивановичъ рымськiй царевичъ!"—Здрастуйтя, говорить, здрастуйтя! Ну, што жъ вы ко мнѣ, каеть, пришли?—„А мы пришли, кажуть, у сваты: оддай, каеть, большую сястру за насъ!"—Да за кого жъ за васъ оддать?—„За усихъ за насъ!"—Которы жъ вы, говорить, жанихи?—„Да уси мы, каеть, жанихи!"—А которыя сваты? каеть.—„Уси мы, каеть сваты!" Ну, ёнъ думавъ-думавъ, оддавъ. Узяли яны сястру большую, повяли съ собой. На другiй день вечаромъ знову приходють утрохъ: „здрастуй, швагра!"—Здрастуйтя! Ну, чаго вы, говорить, пришли?—„Да пришли у сваты: оддай, каеть, сястру, за насъ, другую!"—За кого жъ, за васъ оддать?—„За усихъ за насъ: мы уси жанихи, каеть, и сваты!" Ну, оддавъ ёнъ и сярэдьнiю. Узяли яны, повяли съ собой. На третьтiю ночь то жъ само приходють яны утрохъ: „здрастуй, швагра!"—Здоровъ, швагры!—„Оддай, каеть, сястру й третьтiю за насъ!"—За кого, за васъ, каеть, оддавать? Я ня вѣдаю, хто зъ васъ жанихи, хто сваты.„—Усi мы, говорить, жанихи и сваты!" Тогды ёнъ думавъ-думавъ и оддавъ. Оддавши сясьтеръ усихъ трохъ, думавъ-думавъ ёнъ,—соскучавъ одинъ. Ходивъ-ходивъ: што тутъ дѣлать? Поѣду у бѣлый свѣтъ шукать сясьтёръ! Самъ ня вѣдыеть куды. Приходить ёнъ у стайню, хотѣвъ поѣхать куды,—уси кони поупадали на ноги, ня водинъ не подлицаеть яго везьти, ня можыть ня водинъ. Тяперъ ёнъ якъ пошовъ на городъ: ходить, тужыть, топнуеть. Сустракаеть ёнъ на городи бабку. Идеть бабка—годовъ триста ёй було. „Здрастуй, бабка!" говорить.—Здоровъ, здоровъ, Иванъ Ивановичъ рымсь-

кій царевичъ! Чаго ты тужашъ, объ чимъ тошнуешъ, Иванъ Ивановичъ? —„Ахъ, бабка моя, говорить, пралюбезная,—тужу и тошную: оддавъ своихъ сяссьтёръ, говорить, усихъ трохъ своихъ, и ня вѣдыю,—куды, што, якъ. Хотѣвъ ба, говорить, провѣдыть, дѣ, пошукать ба ихъ на свѣти,—увышовъ у стайню,—ня 'динъ конь ня стоить у стайни: уси поупадали на ноги. Ня вѐдинъ, говорить, конь не подлицаеть мяне вѐзьти!" говорить. Яна тяперъ яму̀ отвѣщаеть гэта бабка: ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ: иди ты, каеть, на свой дворъ, и у тябе, говорить, на дворѣ стоить слупъ; а потъ тымъ слупомъ, говорить, склепъ, а у тымъ склепи, говорить, стоить лошадь—збруя латна, скопъё булатно,—конь богатырській. Стоить ёнъ ужо тритцать три годы. Ты яго, говорить, вызволь оттуль, ты на ёмъ можашъ проѣхать! Ёнъ тяперъ гэтой бабцы подякувавъ: дякуй табѣ, бабка пралюбезная, за твою раду! Приходить ёнъ домовъ, на дворѣ стоить слупъ. Ёнъ, добрый молодецъ, вынивъ тэй слупъ, видить—потъ слупомъ склепъ. Ёнъ склепъ отчинивъ, сказуеть яму лошадь такъ: ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! Дякуй табѣ, што ты мой вызволивъ духъ: я туть довго простоивъ, говорить. А тяперъ, говорить, мы съ тобой свѣту повидаемъ! Ёнъ яго выхвативъ оттуль, вынивъ тую збрую,—просситца ёнъ у яго до вѣтру погулять: я, говорить, сусимъ заплесневѣвъ, тутъ стоя! говорить. Такъ ёнъ яго и пусьтивъ на волный свѣтъ. Гэта лошадь летала-летала по свѣти, потымъ у три часы къ яму̀ прибыла. Отвѣщаеть яму: Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! возьми ты съ собой пара соколовъ—птушакъ такихъ—и пара хортовъ, говорить, и поѣдемъ у бѣлый свѣтъ, по свѣту любовать! Такъ ёнъ узявъ гэтыхъ пара соколовъ и пара хортовъ, и поѣхали у свѣтъ. И у яго, при лошади уся збруя висить. Ѣдуть яны, ѣдуть,—узьѣжжають на такоя поля—гэтакая нязмѣрная поля! А на тымъ поли воська побита, што конь идѣть по щотки у крыви. Ёнъ узьѣхавъ посяродъ воськи тыя и пытаетца: ахъ, говорить, ти ня ёсь хто тутъ, сяродъ гэтыя воськи, недобитый, ранятый, альбо бязрукій—ти ня могъ ба ёнъ мнѣ, говорить, отвѣтить, хто гэту воську вырѣзывъ, стольки людей положывъ гэтыкъ? Ажны устаѐть—съ цугунъ голова, а по лозцы вочи: „здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ!"—Здрастуй!—„Чаго блудишъ, говорить, чаго шукаешъ, чаго ты пытаешъ?"—Я, говорить, шукаю й пытаю—хочу узнать, хто гэто воськo вырѣзывъ гэтыкъ? Ёнъ говорить: нечаго ни шукать, ни пытать,—объѣдь три разы вокругъ воськи, дыкъ ты яго слѣдъ увидишъ: бы ёнъ ти по крыви, ти по сухому, дыкъ усё по щотки конь идѣть. Дыкъ ты яго найдешъ! На што, говорить, бывъ я силянъ, да головой наложывъ, и воську утративъ, а ничого не подѣлавъ! Самъ сычасъ, отвѣтивъ яму, такъ сычасъ изновъ тамъ и лёгъ, гэтый самый! А ёнъ

узьѣхавъ на гэтый слѣдъ и поѣхавъ гэтымъ слѣдомъ. Ѣдеть, ѣдеть,—узьѣжжаеть ще на бо̀льшая по̀ля. Ажны по тымъ полю ще повторы часьти войськи положано, якъ тое. Ёнъ узьѣхавъ посяродъ войськи: ахъ, говорить, ти ня ёсь тутъ якѐй недобитый, абы бязвокій? ти не могъ ба ёнъ мнѣ отвѣтить, хто тыя воськи вырѣзывъ гэтыкъ? Ажны устаёть и гово̀рить яму—съ цэбаръ голова и якъ ба сказать—вочи по чомъ у яго былй—ну, хай—по лозцы вочи. Отвѣщаеть: здрастуй, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! чаго блудишъ, чаго шукаешъ, чаго ты пытаешъ?" А ёнъ отвѣщаеть: да ѣжжу, гово̀рить, пытаю й шукаю, хотѣвъ ба я знать, хто гэтыя воськи повыразавъ гэтыкъ? Ёнъ яму отвѣщаеть: Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! нечаго ни шукать, ни пытать—объѣдь выкругъ воськи,—яго слѣдъ знашно: ти по сухѐй зямли, ти по крыви—усё конь по щотки йдёть у зямли! Ёнъ подякувавъ и поѣхавъ. Нашовъ яго слѣдъ, и поѣхавъ яго слѣдомъ. Ѣдеть, ѣдеть, узьѣжжаеть яще на большая по̀ля, ажъ на тымъ поли ужо у три часьти воськи положано боли, якъ гэто. Ёнъ узьѣхавъ посяродъ воськи гэтыя и пытаеть, говорить: ти ня ёсь тутъ якѐй недобитый, али якѐй-нибудь можа закрався такъ,—хтобъ мнѣ отвѣтивъ, хто гэту воську повыразавъ гэтыкъ? Устаёть къ яму съ котёлъ голова, а по цабру̀ вочи: „здрастуй, гово̀рить, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ!"—Здоровъ, говорить, здоровъ!—„Чаго ты ѣздишъ, чаго шукаешъ, чаго пытаешъ?"—Да ѣжжу, гово̀рить, шукаю и пытаю, хочу знать, хто гэту воську повыразавъ гэтыкъ?—„А коли хочешъ, дакъ попадёшъ яго, каеть. Я, каеть, бывъ чаловѣкъ, а зь имъ во̀ и воську потеравъ и головой наложывъ, а ничого зь имъ не подѣлавъ! Тройчи, каеть, объѣдь выкругъ воськи, яго слѣдъ знашно: ти по сухѐй зямли, ти по крыви, усё по колѣни конь идёть у зямлй! Тоды ёнъ объѣхавъ коло воськи, попавъ гэтый слѣдъ и гэтымъ слѣдомъ и поѣхавъ. Ѣдеть, ѣдеть, и видить—богатырській дымъ идёть. Дыкъ ёнъ узьѣжжаеть туды, дѣ дымъ идёть, ажъ тамъ три ѐлки укучи стоять, и мижъ елокъ богатырській слупокъ стоить, и горить тяпелца, богатырській дымъ идёть. Ну, каеть, гэто воявителъ той. Пріѣжжаеть ёнъ къ гэтымъ елкамъ, сьсѣвъ съ коня и пусьтивъ яго, а самъ зайшовъ къ гэтому тяпѐлцу туды. Ажны гэтый богатырь спить, бяссмертно спить—утомився крэпко дужа. Ёнъ тяперъ узявъ, яго збрую и усё обобравъ, ничого коло яго не покинувъ. Тяперъ пошовъ да збрую зъ лошадя потчѐплювавъ, и отышовъ далёко отъ лошадей и укопавъ у землю. Ну тяперъ, гэтакъ ёнъ зробивъ,—у яго пара соколовъ и пара хортовъ, и у яго пара соколовъ и пара хортовъ. Ёнъ тогды пусьтивъ своихъ соколовъ на яго. Соколы гэтыя билиси-билиси билиси-билиси, потымъ того, што спить, узяли змогать яго соколовъ. Якъ тольки змогать стали, такъ узяли, полятѣли гулять, лётать, и стали дру-

жыть крэпко. Тоды ёнъ узявъ успусьтивъ хортовъ на хортовъ. Хорты гэтыя якъ узялись грызьтиси,—грызьлиси, грызьлиси, грызьлиси, грызьлиси,—того хорты змогають яго хортовъ. Тяперъ, якъ тольки, значитца, змогли, сычасъ узяли по ласцы гулять и бѣгать, и одинъ съ однымъ жартувать. Тяперъ узявъ лошадей потвязувавъ и пусьтивъ одинъ на 'дного. Гэты лошади якъ стали битца,--билиси, билиси, билиси, билиси—того конь змогъ яго коня. Якъ змогъ, сычасъ стали одинъ объ одного часатца, лизать—по ласцы стали жыть. Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ, али узявъ параксьтився: Господи, каеть, богослови! поможы Божа! Пришовъ, разьвёвъ рукỳ—якъ ударить у вухо яго! Спить, а нѝ ня чуеть! Ёнъ другій разъ разьвёвъ рукỳ—якъ дась ямỳ!—Спить, а нѝ ня чуеть! Третьтій разъ: ахъ, каеть, твою такую! Якъ пеканувъ—тэй усхватився. Якъ усхватився, сычасъ за *бруíю*—нема збруи. Яны наугрудки якъ сцапилиси, почалй водитца. Водилиси-водилиси, водилиси-водилиси, ёнъ добрый молодецъ, наухвàтки бывъ майстеръ,- потхвативъ яго подъ ногỳ звàливъ нѣякъ. Якъ зваливъ, сыздрокъ выхвативъ съ кишени—рѣзать яго. Расхинỳвъ груди—ажно женщина! „Ахъ, твою такую! Женщина, а такъ воюетца!“—Стой, говорить, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! Я порòвницы сабѣ шукала,—слава Богу нашла! Будемъ съ тобой сярдэшня жыть! Такъ ёнъ сычасъ гэто дѣло сустановіўвъ. Сѣли яны, поздоровкалиси одна съ однымъ, и давай разгуварувать. Ина яго зовѐть у своё чарство, а ёнъ яѐ у своё: поѣдемъ, каеть, ко мнѣ! Ну на томъ стало, што яна яго перапёрла: поѣхали у яѐ сторонỳ.

Тяперъ, пріѣхали у яѐ чарство, а ỳ яѐ бывъ батька стàранькій-стàранькій. Тяперъ, яна ямỳ позволила: ходи, говорить, Иванъ Ивановичъ, усюдахъ ходи, тольки коло гэтыя хиздбки не ходи!. Показала ямỳ такъ хизобку маленькую,—лычкомъ завязана, стỳпой закàчана. Тяперъ, яны ходють день и два, и три: показавала, дѣ ходить яму, дѣ не ходить. Ну пòтымъ пусьтила яго ужэ на волю, одного ходить. Ёнъ гэто сабѣ думаеть—такъ магнỳшши яго тягнеть: „што гэто, што ня можно мнѣ ли тыѐ хизобки йти?“ Узявъ и пошовъ. Тольки идеть ли тыѐ хизобки, ажны отвѣщаеть у гэтой хизобцы: „ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! отчыни ты, говорить, гэту хизобку, спусьти ты, каеть, хуть духъ мнѣ! Я табѣ, каеть, вѣкъ продовжу! Смерть моя сястра, я табѣ вѣкъ прибавлю другей жыть!“ Ёнъ тяперъ узявъ, скрався якъ-небудь, лычко гэто отвязавъ, ступу откативъ и отчынивъ хизобку. Коли полядить, ажъ на сьтянѣ гвоздàми прибитътакей молодецъ—чыстый, пригожый,—нячыстая сила гэта. И конь на ланцугахъ привязанъ стоить. А яѐ батька дужа бывъ силный осилокъ,—богатырь бывъ. А гэтый нячыстая сила залицався къ тэй царэвни. Дыкъ батька гэтый узявъ да яго къ сьтѣни и прикувавъ

на шэсь гвоздовъ: одинъ гвоздъ у ноги, склавши ноги; тогды у сярэдину, проти сэрца гвоздъ, и у лобъ гвоздъ, и по рукахъ, по ладоняхъ, по гвозду. Тогды ёнъ гэто спужався, узявъ двери яму отчынивъ—духъ яму спусьтивъ, такъ сычасъ зачынивъ, лычкомъ завязавъ, ступой закативъ, и самъ—бывъ да й нема,—отгэтуль! И гэтакъ ставъ ёнъ смутянъ, што Божа мой! А ёнъ да яму отвѣгивъ: „и табѣ гэтакъ будеть, якъ и мнѣ! И я бывъ съ чаловѣка!...“ Ну, уходить яна; у яго пытаетца: чаго ты сосмутився, говорить, Иванъ Ивановичъ: ти ня бывъ ты коло хизобки?—Ды нѣ,—чаго мнѣ ити, куды мнѣ ня трэба? Такъ сосмугився! Ну, потымъ ёнъ знова ходить сабѣ, ходить - тягнеть яго магнушъ—кабъ опять провѣдать хизобки тыя. А яна узяла пилнувать ужо. Ёнъ ходивъ, ходивъ, знаеть тое, што яна пилнуеть яго--якъ то ёнъ скрався. Идѐть коло гэтыя хизобки, ажны ёнъ спрашыеть: „ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! зайди, каеть, у хизобку, вырви у мяне хоть съ сэрца гвоздъ! Моя сястра смерть, каеть,—я табѣ трэтьтій вѣкъ прибавлю насупроти твойго!“ Ёнъ сычасъ лычко отвязавъ, ступку откативъ, увыйшовъ у гэту хизобку, зачапивъ нохтями за гвоздъ за гэтый,—вырвавъ гвоздъ съ сэрца зь яго. А самъ бывъ и нема. Зачынивъ хизобку зновъ. Тяперъ ходить ёнъ, такъ сосмугѣвъ, што гвалтъ. Ина у яго пытаеть, каеть: „Иванъ Ивановичъ рымській царевичъ! чаго ты смутянъ такъ: ти ня ходишъ ты тамъ, коло хизобки, коло гэтыя?“—Да нѣ, каеть: што мнѣ пришлося ходить!—„Я, каеть, думаю, што ты коло тыя хизобки ишовъ, - можа, зданьнё табѣ здавалось?“—Да нѣ, каеть. Не признаетца. Тогды ёнъ ходивъ, ходивъ, ходивъ, ходивъ по дворѣ тамъ,—узнова яго тягнеть, кабъ коло тыѐ хизобки йсьти. А яна узлѣзла на третьтій атажъ на вокошко, и пилнуеть гэто яго: куды гэто ёнъ, дѣ ёнъ ходить? Ажны сычасъ яна й ня упилновала яго: забѣгъ ёнъ у гэту хизобку. Просить ёнъ яго, кабъ сы лба вырвавъ гвоздъ. Ну, ёнъ вырвавъ; заперъ, закативъ хизобку. „Ну, каеть: будешъ ты чатыри вякй жыть: одинъ свой, а три моихъ ужо!“ Сычасъ и сосмутився ёнъ такъ, што ужэ ня можыть ходить сусимъ. Ну йна гэто и узнала, што мусить ёнъ провѣдавъ гэтыя хизобки. Тяперъ яна давай яго, пилнувать яго гэтыкъ, што куды тольки ёнъ повѐрнетца, ина сычасъ и видить яго,—на вочахъ пасѐть. Ажны ёнъ гэтыкъ ходивъ-ходивъ, ходивъ-ходивъ—сычасъ за хизобку за гэту, отчинять. Яна якъ увидѣла, сычасъ празъ вокошко да къ яму. Прибѣгаеть туды, а ёнъ ужо зъ рукъ вырвавъ два гвозды яму. Якъ тольки яна гэто на порогъ туды, къ яму, а ёнъ гэто повырвавъ гвозды. Такъ ёнъ сычасъ зъ ногъ самъ гвоздъ вырвавъ; соскочывъ, да у лошадя ланцугй тропъ! Вывявъ вонъ лошадя, а йна на порози. „Ну, каеть, слава Богу,—чаго хотѣвъ, того й заставъ!“ Ухвативъ яѐ да на коня, и пошовъ подъ небясà! А

ёнъ и застався одинъ! Агу! Якъ застався ёнъ одинъ, спужався дужа: што я зробивъ гэто? Дыкъ ёнъ тогды полы поткасавъ, да за ёй у здогонъ. Ну дѣ жъ ты догонишъ: тэй на кони, да й пошовъ подъ небяса, а ёнъ и коня ня узявъ свойго,—отрокся усяго! Якъ дась пяшкомъ бѣхъ-бѣхъ, бѣхъ-бѣхъ, узбѣгаеть ёнъ на поля, на чистая поля. Ажъ на гэтымъ поли стоять каменныя палацы, гэтакія, што тамъ оглѣдитца отъ ихъ. Убѣгаеть ёнъ у гэты палацы, уво 'дны двери, у другея, и у третьтія—ажны сядить за столомъ яго меньшая сястра, книжку читаеть и гэнакъ то силно плачеть. Ускочывъ ёнъ у покой ды кажыть: „здорова, сястра!"—А здоровъ, здоровъ, братецъ, говорить: съ умомъ, каеть, жану нажывъ, али бязумно зжывъ!—„А дѣ жъ твой, каеть, мужъ?"—А, каеть, побѣхъ за твоей жаной, за своей сястрой уздогоны!.. А то бывъ Вѣтяръ, сястры яго мужъ. Ёнъ тогды: прощай, каеть, сястра! Знова, полы поткасавши, побѣхъ. Якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—узбѣгаеть ёнъ—ящо поля большая и палацы мудрэйшія за гэтыхъ—позлачаныя вокны. Убѣгаеть ёнъ у гэты палацы, ажны сядить яго сястра сярэдьняя за столомъ, и книжку читаеть и силно плачеть. „Здрастуй, каеть, сястра!"—Здоровъ, здоровъ, братецъ! Зъ вумомъ жану нажывъ, али бязумно зжывъ!—„А дѣ, каеть, твой мужъ?"—Ды за твоей жаной, за своей сястрой, уздогоны побѣхъ!.. А гэто Вихоръ бывъ. „Ну, прощай, каеть, сястра!. Попрощалиси, и пошовъ знова, полы поткасавши. Тяперь ёнъ узновъ, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—узбѣгаеть ёнъ ящо на поля: гэтакая поля, што чистая, гороватая, прачистая! И гэтакія палацы—разглѣдитца просто. Прибѣгаеть ёнъ къ гэтымъ палацамъ, уходить ёнъ уво 'дну комлату, у другую, у третьтію заходить—ажны сядить яго сястра большая за столомъ, книжку читаеть, и гэнакъ то силно плачеть, што бядовно! „Здорово, сястра!"—А здоровъ, здоровъ, братецъ! Зъ вумомъ жану нажывъ, али бязумно зжывъ!—„А дѣ, каеть, твой мужъ?"—Ды побѣхъ уздогоны за твоей жаной, за своей сястрой!.. Пташаццый царъ бывъ. „Ну, прощай, сястра!" Попрощалиси, и побѣхъ. Якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи, якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи—прибѣгаеть ёнъ къ мору. Бѣгаеть коло мора: нѣкуды ужэ итить дальшы. Ажны стоять яго швагры, усѣ укучи, и разгуварують одинъ съ однымъ. Приходить ёнъ къ имъ: „здрастуйтя, швагры!"—Здрастуй, здрастуй! А, каеть: зъ вумомъ жану нажывъ, да бязумно зжывъ! Што намъ робить съ тобою? —„А што жъ, каеть, швагры: што хочытя, то й робтя со мной! Будѣ ёй оявить мнѣ гэто! А то ёнъ сказавъ, што и я бывъ чаловѣкомъ, и табѣ, каеть, будеть гэто! Я почомъ знавъ?" Тяперъ Вѣтяръ каеть: я бъ, каеть, яѐ выкрутивъ у яго зъ рукъ, ну ина тяжала дужа—не подѣржу яѐ! Вихоръ тожъ само: я бъ, каеть, тожъ выкрутивъ яѐ, завинтовавъ ба яго, закрутивъ, да тожъ ня удѣржу: ти такъ—пропала, ти такъ—про-

пала! А Пташацкый царъ: тожъ ба, говорить, и я наславъ ба, говорить, кручча, вороньня, вочи бъ выдрали яму, — ну што жъ, говорить, — тяжола, ня можно поддержить яе: хуть такъ — пропала, хуть такъ пропала! Ёнъ тяперь кеть: „ахъ, швагрочки вы мое любыя, ти ня можытя вы мяне перабавить на той бокъ мора? Нехай ба, каеть: дѣ яна пропадаеть, хайба и я пропадавъ тамъ! Мнѣ жъ, каеть: однаково ужо!“ Тяперь Пташацкый царъ: ну, каеть, погоди; ты тяжолъ, мы тябе не перанясёмъ, говорить. А ёсь, каеть, у мяне такая птица, што якъ сядить, дакъ семъ морговъ лѣсу бгаеть потъ собой тольки. Отъ — тая, говорить, тябе перанясеть! Сычасъ, якъ узявъ ляску, якъ крутнеть, якъ мотнеть, якъ крикнеть.... Божа вяликій! якъ узяло гэто вороньнё собиратца, рузныя птицы! А яе немашатьки, тыё птушки! Ёнъ узновъ тропнеть якъ, лопнеть, крутнеть палкой — ящо у большую рѣдь злятѣлося птаства — а яе нема. Третьтій разъ якъ крикнеть, тропнеть, лопнеть ляской — прилятѣла! Ёнъ тогды хотѣвъ яе наказавать. Ина давай проситца у яго: ахъ, говорить, ваша ипираторство! у васъ, каеть, ёсь дѣтки; вы жъ тыкі за ими глядитя, тікъ ня покидаетя, — и у мяне, говорить, дѣтки дробныя; треба жъ имъ приготовіть што. Я знаю, што вы мяне у дорогу отправляетя. А тяперъ жа, каеть, — вы мяне сь чимъ выправляетя у дорогу? Хорошый хозяинъ выправляеть батрака, дакъ хлѣба даеть и наваіры тамъ даеть якея небудь, усё такъ не выправляеть! — А што жъ табѣ треба на дорогу? — Ды якея-небудь, говорить, говядины бочонки со два! Тутъ сычасъ ёнъ, птаства гэтаго набили, вороньня якого, того-сяго, наскубли, наклали ёй два бочонки, два поурэзы порадошныхъ. Ну, тяперъ, установили на крыльля, и уссѣвъ гэтый Иванъ Ивановичъ рымскій царевичъ, и бочонки гэты дяржыть. И ина яму отвѣщаеть: што, говорить, гляди жъ ты, говорить: я буду ити-ити, ити-ити, якъ тольки зиръ на бокъ, дыкъ ты мнѣ шгеръ мяса у дюбку; дыкъ я й даляй, говорить. Ну, яны и полятѣли. Дыкъ лятить-лятить, лятитъ-лятить, адылй зиръ назадъ! Ёнъ ёй торкъ у дюбку, — яна й даляй. Агу! ёнъ торкавъ-торкавъ, поддававъ усё. А тутъ тольки берагъ видать щэ; якъ вокомъ скинуть, дакъ берагъ тольки. Агу, нечаго яму давать. Глядѣла яна, глядѣла, усё: зиръ назадъ, — нема ничого; зиръ назадъ — нема ничого! Яна й нижы, яна й нижы. Тогды ёнъ узявъ, зъ ноги сапогъ знявъ, свою икру отрэзавъ, ды у ротъ ёй! Повышала троху. Ити, ити, — опять зиръ назадъ — нема ничого, зиръ назадъ — нема ничого! Тогды ёнъ сапогъ другей изнявъ, другую икру отрэзавъ, торканувъ ёй у ротъ. Поднялася йна вышы. Да ужо на берагъ выходить соусимъ. Тогды ина отвѣщаеть яму: што, ну, йди здоровъ, а я ужэ, можа мяне такъ Богъ перанясеть теразъ мора! Ну, якъ перанясла яна яго — сьсѣвъ ёнъ — яна говорить: ну, каеть, — што ты мнѣ за мясо дававъ напосьлѣ? — Што я табѣ дававъ? Мясо усё да-

вавъ! - Нѣ, каеть, ты признай, бо будешъ не чаловѣкомъ! Ёнъ тогды каеть: йкры табѣ дававъ своѐ!..—Ну, каеть, зьдѣвай сапоги! Ёнъ зьдѣвавъ. Яна карханула, икры тыя выкархнула. Ёнъ приложывъ, яна дмухнула— яно й прижыло. Тожъ и другую такъ само: прикладавай! Ёнъ приклавъ. Яна дмухнула, и прижыло.—Тяперича, говорить, иди зъ Богомъ, а я полячу къ дятёмъ къ своимъ, - можа мяне такъ Богъ перанясѐть! Попрощалиси одинъ съ однымъ и разышлиси.

Тяперъ ёнъ якъ ити дыкъ ити, ити дыкъ ити—двоя сутокъ ня ѣвъ ужо, якъ вышавъ. Обнимаеть яго тёмная ночь. Сычасъ ёнъ заходить дѣ нибудь у лясокъ тамъ. Стоить тамъ у край осина, большая осина, прагромная. Ёнъ подъ гэтой осиной расклавъ тяплушкȯ и лёгъ наузлокотках. Облоктився и думаеть, якъ што Богъ дась. Ажны сычасъ у гэтой у восини птушачки такѐя, синички называютца, тивкають у гэтой осини. Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ, али думаеть: полѣзу! можа гэто мнѣ пославъ Господь на пропитаньня. Полѣзу, достану ихъ, обсмолю и зьѣмъ, хуть трошачку ня такъ буду ѣсь хотѣть! Подлѣзаеть ёнъ туды и ставъ ихъ брать оттуль. Яны отвѣщають яму: ахъ, говоруть, Иванъ Ивановичъ рымськiй царевичъ! ты на насъ, каеть, не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ табѣ пришлося ѣсь насъ. Ды ня рушъ насъ: мы табѣ будемъ знадȯбны, каеть; а ты будешъ нашыми молитвȧми сытъ! Ёнъ тяперъ и кинувъ, не бравъ ихъ, лёгъ. Такъ яму̊ ѣсьти не захотѣлося, и сытъ ёнъ доволно. Назаутраго устаѐть рано, помывся, Богу помолився, маршъ, и пошовъ. Якъ ити дыкъ ити, ити дыкъ ити, у кого спытаетца: скольки вёрстъ до такого й такого?—А, каеть, вёрстъ пятсотъ, а можа, говорить, шэссотъ будеть до яго! Обнимаеть яго узнова тёмная ночь—скольки ёнъ тамъ за день убѣхъ, Бохъ яго знаеть,—заходить ёнъ у дубникъ - идѣ и раскладаеть тяпло. А ѣсь хочыть дужа. Расклавъ ёнъ подъ дубомъ тяпло, гэтый дубъ пригрэвся, ажны у гэтымъ дуби пчолы, гэтыя, полявыя. И зашумѣли яны тамъ у вульли. Ёнъ тогды слухавъ, слухавъ, а тогды: ахъ, Господи! можа мнѣ гэто на упитаньня Бохъ пославъ! Полѣзу! Возьму головешку якую и полѣзу! Можа тутъ мёдъ ёсь: достану, окраплюся за скольки днёвъ!.. Пчолы гэтыя отвѣщають яму̊: Иванъ Ивановичъ рымськiй царевичъ! ня рушъ ты, говорить, насъ! ты на насъ бывало не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ табѣ пришлося насъ ѣсь, говорить. Ты будешъ, говорить, нашыми молитвȧми сытъ: молись Богу, да ложысь спать! А мы табѣ будемъ знадȯбны! говорить. Такъ ёнъ сычасъ Богу помолився и спать лёгъ. Назаутраго рано устаѐть, помывся, Богу помолився и маршъ, и пошовъ дорогой. Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити—обнимаеть яго знова тёмная ночь. Идеть ёнъ по узбережжу, коло мора. Чыстое, ничого нема, тольки одинъ камышъ гэтый, трысьнѝкъ, значытца. Ёнъ тогды узявъ

тяпло̀ вы̀кресавъ, трысьнику гэтаго наломавъ и расклавъ на бѐрази огнюшо̀къ. Ажны зъ мора ракъ морській повзеть на берагъ! гэткій большущій, сохрани Бохъ. Ёнъ тогды гэтаго грака ляской потчапивъ—ворухъ у вогонь. Хоть я гэтаго грака зьѣмъ, гово̀рить. Гэтый гракъ отвѣщаеть яму: „ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! гово̀рить. Я, каеть, вышовъ зъ мора замо̀рськаго чаловѣка глядѣть,—што тутъ за люди, говорить,—а ты мяне у вогонь вѐрнешъ! Ты на насъ упяро̀дъ не хотѣвъ лядѣть, а тяперъ табѣ пришлося ѣсьти насъ. Да ты моими, гово̀рить, молитва̀ми сытъ будешъ. А я табѣ, гово̀рить, знадо̀бенъ буду!“ Тяперъ ёнъ znявъ яго съ огня, ёнъ и поповзъ у мо̀ра. А ёнъ помолився, спать лёгъ. Назаутраго уставъ рано, Богу помолився, маршъ, и пошовъ. Прихо̀дить ёнъ туды, дѣ яго жана, у самое повдня. Ажны̀ того нячистаго духа нема дома: поѣхавъ на полюваньня. Ина говѐрить тогды—ни то рада стала, ни то нѣ: а, бачь, каеть, —ты мяне й тутъ нашовъ!—А нашовъ жа, каеть.—А што жъ будеть, што ты мяне нашовъ: ты мяне отгэтуль ня во̀зьмешъ!.. Дала яму ѣсь тамъ, покормила яго, и почалѝ яны ра̀дитца: што, каеть, здѣлаемъ: собяромся, каеть, сукочки, говорить, во̀зьмемъ и по̀йдемъ! Ну, набрали харчи съ собой и пошли дорогой. А у гэтаго нячистаго духа, у яго було пятсотъ голубовъ, и усё бѣлыя, одинъ уво 'динъ. Тяперъ, бывъ у яго одинъ голубъ такѐй у пятёхъ сотахъ тыхъ, што абы якая причина, дыкъ ёнъ сычасъ полятить и раскажеть. Гэтый голубъ къ яму̀ прилятѣвъ и кажеть: пришовъ, каеть, зъ за мора нѣйкій чаловѣкъ, узявъ твою жонку за руку̀ и повёвъ, каеть. А ёнъ отвѣщаеть: а бачь, каеть: ти ёнъ и сюды пришовъ? якъ ёнъ перабывъ сюды? Сычасъ ёнъ припусьтивъ на лошади, доганяеть ихъ, узявъ яѐ за руку̀, а на яго кажеть: ну, каеть,—коли ты тутъ будешъ ходить, дыкъ ня то моихъ, каеть, чатыре вякѝ, а й свойго, каеть, не доживѐшъ вѣку! Яѐ узявъ съ собою ды й повёзъ, а ёнъ застався. Ёнъ сѣвъ, думавъ-думавъ, думавъ-думавъ: што тутъ здѣлать? Узявъ, назадъ узнова пошовъ, къ ёй. Пераночувавъ дѣ-нѐбудь, а назаутраго ёнъ раненько на полюваньня поѣхавъ знова, а ёнъ къ ёй. Ну, што жъ наругатца, весть? Ра̀дили, ра̀дили, дыкъ ёнъ и гово̀рить: „попроси ты яго, якъ ба ёнъ мяне на тэй бокъ мора перабавивъ!“ Гэто, што ничого ня будеть,—ня во̀зьметь ёнъ яѐ отгэтуль. Ну, дала яна яму̀ поѣсь што-нѐбудь и усадила яго дѣ-нѐбудь укрыто. Пріяжжаеть ёнъ увечара съ поля. „А што жъ, пытаетца: бывъ заморській чаловѣкъ тутъ?“ Ина отвѣщаеть: ды вотъ видишъ, гово̀рить: ёнъ ли тябе доброту̀ здѣлавъ, вызволивъ тябе, дыкъ бы и ты яго на тэй бокъ мора перабавивъ якъ-нѐбудь!..—„Большы я яго ниякъ не перабавлю, гово̀рить,—окро̀мя, говорить, ёсь мой братъ—живѐть за пятсотъ верстъ отъ мяне; дыкъ, гово̀рить, ёсь у мойго брата лошадь такая, и яны зъ моимъ конёмъ браты. Мой, говорить, конь пералятить увесь свѣтъ—пять разъ доткнѐтца до зямли, а яго пералятить

братьній конь, увесь свѣтъ—три разы доткнегца до зямли. Дыкъ коли ёнъ, говорить, украдеть того коня, дыкъ заѣдеть. Большы ниякъ ня можно!" А ёнъ гэто й чуеть. Назаутраго, пераночували, маршъ гэтый Нячисьтикъ, поѣхавъ знова на полюваньня. Яна яго тогды, увязала яму у хусту харчи тамъ скольки-небудь, и расказуеть яму гэто. А ёнъ говорить: я самъ чувъ усё гэто, говорить. Попрощалиси, и пошовъ ёнъ.

Якъ ити, дыкъ ити, ити дыкъ ити—обнила яго тёмная ночь. Пераночувавъ ёнъ ночь гэту, дѣ-нибудь отдыхнувъ у камышы у гэтымъ,—уставъ назаутраго, помолився Богу й пошовъ. Идеть ёнъ, ажно пасёть старичокъ коній, старый-старый дѣдъ. Заходить ёнъ къ гэтому дѣду: здрастуй, дѣдъ!—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, рымській царевичъ! Куды ты, каеть, идёшъ, дитя?—на яго.—Такъ и такъ, говорить, дядулька: иду я къ гэтому нячистому духу на службу! А ёнъ отвѣщаеть яму, дѣдъ гэтый: „нѣ, дитя, каеть: у яго, каеть, ёсь три кобылки, и ина, баба, яго жана, нанимаеть пастуха у поля ихъ гонять, кобылокъ гэтыхъ. Дыкъ, говорить, у яго парканъ, войстроколомъ обгороджанъ, зялѣзный тынъ кругомъ дворца, и на усякой востроколини по головѣ стырчить. А одна войстроколина пустая, говорить,—то пѣвно твоя тамъ будеть стырчать голова. Дакъ отъ, дитятка, говорить: у яё ёсь три кобылки; а то не кобылки, ды яё дочки,—дыкъ ихъ нихто не упасёть. Змовитца пасьтѝ, якъ не упасёть, дыкъ ина голову отрубить и на войстроколину усторкнеть. Попробуй, каеть, иди!" Ну, тяперъ, сычасъ идёть ёнъ надъ вечиръ у гэтый дворъ. Ажны гэта баба сустрѣкаеть—жонка того: ѣдеть на зялѣзной ступи и зялѣзнымъ товкачомъ погоняеть. „Здрастуй, бабка!"—А здоровъ, здоровъ, заморській чаловѣкъ! Далёко жъ ты зайшовъ, говорить. Чаго жъ ты, говорить, жалаешъ тутъ?—„А отъ, бабка: службы пытаюся: ти ня выслужывъ ба дѣ коня сабѣ,—пераѣхать на той бокъ мора!"—А вотъ, дитятко, у мянѐ ёсь три кобылки пасьтить. Коли, говорить, упасёшъ три дни, дыкъ дамъ табѣ кобылку; а не упасешъ, дыкъ голову на войстроколину посаджу твою!—„Ну, што жъ робить: трэба поспробувать гэтаго щасьтя! Упасу дакъ упасу, а ня упасу, дакъ што жъ робить," говорить. Приходить ёнъ у дворэцъ, выдаеть ина обѣдъ яму,—што тольки ёнъ пожалавъ, дыкъ ина усё даеть. „Ну, каеть: тяперъ оддыхни,—заутра раненько погонишъ, говорить. Яны кобылки зьмирныя, говорить, дакъ ты ихъ и упасёшъ!"—Ахъ, ёнъ ёй отвѣщаеть: што жъ, каеть, оддыхать, бабка: нема у мяне ни путца, ни оброточки,—сь чимъ жа пасьтить?—„А вотъ, добро, каеть—ходяйськое дитя", каеть. Узяла яму пяньки, на лѣвый палецъ тритцать берковцовъ исъ инбару выкинула. А ёнъ, добрый молодецъ, згробъ на плечи и понёсъ. „Ага, каеть, дитятка: и ты не плохѐй малецъ!" Зьвивъ сабѣ пугу, повивъ вобрытѝ, путы—тамъ повивъ, изь-

вивъ пугу, такую што!.. Помочивъ у кўпу мази тро̀йчи—и купа суха. Ну, назаўтраго, пераночувавъ, и выправляеть ина яго у по̀ля гнать. Дала ямў харчѝ у торбу, усё тамъ, и выправляеть гнать у по̀ля. А ёнъ приходить только къ воротамъ, отчинивъ вороты у стайни, а яны—пррръ! якъ блохи—вѣдомо нячистыя дѣти! И полятѣли. „Э, каеть, бабка: вовки жъ ихъ упасуть гэткихъ!“—Ничо̀го, каеть, дитя̀тка: яны тамъ дѣ собярутца на ложокъ, на лукоморъя, и будуть ходить! Ну, й пошовъ ёнъ. Агў! ёнъ ходивъ-ходивъ, ходивъ-ходивъ до повдня̀—нема кобылъ, пропали! Тяперъ ёнъ идѐть коло гэтой осины, дѣ синички тыя были,—ажны летять синички: „Иванъ Ивановичъ, чаго ты шукаешъ, чаго тужышъ, чаго ты бядуешъ?“—Ахъ, говорить, синички моѐ, гово̀рить, любыя! Зьмовився кобылокъ па̀сьтить, да вотъ бѣда, гово̀рить: день ходжў и нема ихъ нидѣ!—„Готуй вобрытѝ, гово̀руть: мы табѣ ихъ поприволàкуемъ,—яны уси наши дўпли позаймàли,—намъ нѐйди жыть!“ Сычасъ ёнъ оброть наставить, а яны якъ уплятутца у яѐ, тягнуть яѐ къ ямў! Ёнъ яѐ увяжыть, укрутить у вяровки, дяржыть гэту, а яны другую волокуть. Поприволàкували усихъ трохъ къ ямў. Ёнъ ихъ поувязувавъ, поукручувавъ,—звязавъ ихъ гэнакъ, што ня можно ниякъ имъ разорватца. И гонить ихъ перадъ собой у гэтый дворэцъ. Пугой якъ смàльнеть-смàльнеть! дыкъ яны ажъ пищать! Ажно гэта бабка сустракаеть: а дитятухна! помаленьку жъ ты,—яны молодѐнькія!—А, каеть, бабка: во гэта, каеть, горшая! Ды якъ дась-дась, дыкъ ина ажъ пищить! Упёръ ихъ у стайню и замкнувъ. „Ну, дитятка, отъ, одинъ, каеть, дянёкъ и упасьтивъ! Гэто ты щѐ першый пастухъ гэтакій!“ А гэтый нячистый духъ ѣзьдивъ на полюваньня. Дыкъ конь якъ разгулявся и зваливъ яго. Дыкъ ёнъ яго убивъ троху. И тяперъ самъ хворэеть, а гэту лошадь узявъ укопавъ у зѐмлю, догоры̀ скопъёмъ,—храптомъ унизъ, значитца, а ноги угòру. И наваливъ на яго каменьнямъ. Ёнъ гэту лошадь узявъ выкопавъ изь зямли, каменьня отвярнувъ тое, и постановивъ яго у стайни; насыпавъ ямў уса тамъ, и самъ приходить къ баби къ гэтой. Ажны̀ гэтыя дочки плачуть у покòи тамъ. А ёнъ слухаеть подъ дврмѝ. Ина ихъ вучить: ахъ, каеть, дѣточки, ховайтеся якъ-небудь по дупляхъ, по пячерахъ! Во ўжэ день упасьтивъ, а щѐ два якъ упасьтить, дыкъ ужо котору-котору, а трэба отдать, говорить. Ёнъ тяперъ: бабка, каеть, трэба занесьти кобылкамъ пива!—А вотъ, каеть, дòбро, дитятка, дòбро! ходяйській сынъ! Возьми, каеть, ключи, да ули имъ тамъ у ясьли!.. Ёнъ жа не понёсъ имъ, ды коню гэтому. Назаўтраго, давъ Бохъ день, сычасъ ёнъ устаѐть до сонца, а бабка тая наготовала яму ўжо ѣденьня, наскладала у торбочку. „Отъ, говòрить, дитятухна, получай, говорить, торбочку, и гони, говорить, зъ росою, на росў ихъ!“ Такъ ёнъ сычасъ тогды потходить только къ дяромъ, а яны сычасъ прррь! полятѣли,

якъ блохи, на мо̀ра. „Отъ, каеть, бабка,—и паси ихъ, якъ хочашъ!"—А, каеть, дитятка, тамъ найдешъ ихъ, яны будуть тамъ по лукоморъю ходить, говорить. Агу, ёнъ ходивъ-ходивъ день—нигдѣ нема кобылокъ. Идѐть ёнъ коло дуба коло того, идѣ пчолы, ажъ яны летять, пчолы. „Ахъ, каеть, заморськiй чаловѣкъ! чаго ты тужышъ, чаго шукаешъ?"—Отъ, каеть, зьмовився кобылъ пасьти, дыкъ цѣлый день не найду. Выскочили исъ хлѣва у ра̀ньни, дыкъ нема нидѣ!—„А, каеть: готуй, каеть, вобрыти,—мы табѣ ихъ поприволакуемъ! Яны у насъ уси ду̀пли у дубахъ позаймали!" Якъ уплятутца у ихъ,—тянуть усихъ трохъ. Ёнъ ихъ поукручувавъ, поувязувавъ и гонить перадъ собой. Якъ дась-дась пугой, дыкъ яны ажъ пищать. Сустракаеть гэта баба яго: а дитятухна, помалѐньку ты ихъ, яны жъ молодѐнькiя!"—Ахъ, каеть, бабка: во гэта, каеть, горшая! Ды якъ сма̀льнеть! Яны ажъ пищать. Пригнавъ и загнавъ у хлѣвъ, и запёръ усихъ трохъ. „Отъ, ужо два дни упасьтивъ, дитятко!" Даѐть яму вячерать; ёнъ повячеравъ, Богу помолився и лёгъ спать. Дождався ёнъ третьтяго дня. На третьтiй день: ну, каеть, дѣтки! ховайтеся, каеть, у мо̀ра, по норахъ, по пячерахъ, туды-сюды, бо коли сяньни упасьтить,—котору-котору трэба отдать яму̀! Такъ ёнъ сычасъ тольки къ воротамъ приходить зь етой бабой, ажъ яны вороты выбили, и пошли, полятѣли! Ходивъ ёнъ, ходивъ день, ходивъ-ходивъ—нидѣ нема! Идеть ёнъ коло мора, ажны повзѐть ракъ гэтый. „Ахъ, говорить, заморськiй чаловѣкъ,—чаго ты тужышъ, чаго ты шукаешъ?"—Ахъ, говорить, ракъ мой пралюбезный! Зьмовився кобылъ пасьтить, ды не могу знайти ихъ, похувалися нѐйди!—„А, каѐть,—твоѐ кобылки мнѣ норы позанимали. Готуй, каеть, обрыти,—я ихъ табѣ попритя̀гую!" Гэтый гракъ якъ уплятѐтца—волочѐть! Ёнъ увяжыть, укрутить—забрытавъ усихъ трохъ,—посьтягувавъ яму̀! Ну, й гонить ихъ домовъ, ды дась-дась! Сустракаеть яго баба гэта за три вярсты щѐ: „а дитятухна, говорить, а помалѐнячку жъ ты! А ня би жъ ты ихъ! А дитятухна!" А ёнъ смалить! „Во гэто, каеть, вовкъ яѐ рэжъ, горшы за у̀сихъ!" Загнавъ тыки ихъ у хлѣвъ, упёръ ихъ. Коня подгодувавъ, а самъ подъ двери, слухаеть. Ажны̀ яны голосомъ голосють, до̀чки: ни водна ня хочеть. Тогды старуха ужо тая: дитятухна, каеть: ѣзьдивъ на полюваньня ходяинъ мой, и конь разгулявся, упудився, и ёнъ яго, говорить, забивъ. Дыкъ ёнъ яго укопавъ у зямлю. Знайди яго, ды садися и ѣдь!" А у яго ужо выкопаный! Такъ ёнъ сычасъ подякувавъ гэтой баби, на коня уссѣвъ. А гэтому нячистому духу дали вѣдома, што такiй и такiй узявъ коня и поѣхавъ. Дыкъ ёнъ якъ ударивъ у слупъ, у муръ,—слупъ завалився и яго забивъ.

Тяперъ ёнъ прiѣхавъ къ жанѣ, сычасъ, много ня мэдливши, ухапивъ жану и побѣхъ. А гэтый голубъ тропъ-тропъ и полятѣвъ. „Ахъ, говорить,

пріѣхавъ заморській чаловѣкъ, ухапивъ вашу жану на лошадь и повёзъ!“ —Ну, говорить,—тяперъ яго! говорить. То жъ яны удвоихъ уссѣли, а ёнъ, Нячисьтикъ, якъ припусьтивъ на своей лошади,—нагоняеть ихъ. Тяперъ гэта лошадь якъ заржэть посвойму: „ахъ, каеть, братъ мой родный! ёнъ мяне за три дни выкормивъ, выпоивъ, што я ў того нячистаго духа вѣкъ прожывъ, ня видѣвъ гэтаго, што ёнъ мнѣ дававъ! Поднимися ты, говорить, подъ небеса, разгуляйся и перавярнися догоры скопъёмъ, и ськинь ты нячистаго духа сь сябе, и ударъ яго, говорить, скопъёмъ догонь у голову!“ Гэта лошадь якъ разгулялася, якъ поднялася подъ небеса, дыкъ ёнъ яѐ державъ-державъ,—яна яго якъ зброеила сь сябе, ды догнала яго, ды якъ ударить у голову копытами,—такъ ёнъ и упавъ на землю. Яны сычасъ поссѣдали съ коня, гэту нячисту силу порубили на ковалки, тяпло расклали и спалили яго. Раздулй тэй попялъ, а сами поѣхали къ батьку. И тяперъ жывуть тамъ у яѐ чарстьви.

Д. Истраши, высокогор. вол., сѣнн. у. **От кр. Евфима Григорьева, 70 л., неграм.**

Въ д. Чудькахъ, сѣнн. у., записанъ варіантъ, подъ названіемъ *Козелъ безсмертный*. Жили три брата и три сестры. Меньшой братъ былъ дурень. Разъ, вечеромъ, подходитъ кто то подъ окно; вечеръ добрый!—На здоровье! Хто тамъ такій?—А хто сабѣ не ёсь, али пришовъ у сваты къ бòльшай сястрѣ вашай! Дурень, какъ сидѣлъ въ запечкѣ, такъ за старшую сестру да за порогъ. Тамъ её кто-то подхватилъ и увёзъ. И не знаютъ, не вѣдаютъ, кто. Такъ же случилосъ и со второй и съ третьей сестрами. Тогда братья стали бранить дурня: хто у насъ тяперъ будить ходяйство весьть? Жанись, коли потдававъ сясьтёръ нема вѣдома куды й за кого! Дурень женился. Чрезъ нѣсколько времени жену его украли, и дурень пошолъ её разыскивать. Приходитъ къ первой сестрѣ, она за Вѣтромъ. „Да, говоритъ: твою жену укравъ Козелъ безсмертный. Мой мужикъ видѣвъ, якъ ёнъ яѐ нёсъ. Вѣтеръ хотѣвъ отобрать яѐ ломавъ-ломавъ Козла, али ничого не зробивъ, што ёнъ безсмертный!“ Приходитъ къ средней сестрѣ, та за Солнцемъ. „Да, говоритъ: мой мужикъ, пёкъ-пёкъ его, хотѣвъ отобрать твою жонку, али ничого яму ня можно зробить—у яго смерти немашъ!“ Третья сестра оказалась за Громомъ. Громъ тоже „правъ-правъ Козла пяруномъ, али ничого не зробивъ: нема вѣдома, дѣ яго смерть!“ И дала ему клубочекъ и ниточку, которые привели его къ женѣ. Козла не было дома, и жена спрятала мужа въ склепъ, а сама выпытала у Козла, что его смерть въ морѣ: есть тамъ камень, въ томъ камнѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ смерть. Пошолъ дурень назадъ

къ Грому. Тотъ посовѣтовалъ ему вылавливать рыбу изъ моря и бросать по берегу. Жалко стало рыбы царю-окуню и онъ доставилъ дурню камень со дна моря. Громъ разбилъ перуномъ камень, а дурень схватилъ утку, разорвалъ её и досталъ яйцо. Возвратившись къ женѣ, отдалъ ей яйцо и научилъ её: „якъ станешъ искать вошій у Козла, ударъ яго яйцомъ у лобъ!“ Та такъ и сдѣлала. Козёлъ умеръ, а они благополучно вернулись назадъ.

Въ ***Чигиринкѣ***, ***бых. у.*** записанъ такой варіантъ:

Живъ дѣдъ изъ бабой, и було у ихъ три дочки й сынъ. Дѣдъ и баба помѐрли, застались дѣти одны. Прилятая къ имъ уповдня письмо, кабъ було питѐньня-ядѐньня. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. И зморивъ ихъ сонъ; яны звязались поясо̀мъ и заснули. Прошнулись, ажъ бо̀льшаю дочку̀ укравъ зьмѣй. На другій день опять прилятая письмо, кабъ було питеньня-яденьня. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. Ихъ узновъ изморивъ сонъ, яны звязалися поясомъ и заснули. Прошнулися, ажъ ужэ сяредьняю дочку̀ укравъ зьмѣй. На третьтій день узновъ прилятая уповдня письмо, кабъ було питеньня-яденьня. Яны наготовали и пошли у садъ гулять. Изморивъ ихъ узновъ сонъ; увязались яны поясо̀мъ и заснули. Прошнулися, ажъ мѐньшаю дочку̀ укравъ зьмѣй. Одинъ застався Иванька. Походивъ ёнъ, походивъ по саду, поплакавъ, да дѣлать нечаго. Бывъ у яго коникъ; сѣвъ ёнъ на коника и поѣхавъ у свѣтъ шукать своихъ сяьстёръ.

Ѣхавъ ёнъ, ѣхавъ, зъ раньня до вечара, обняла яго тёмная ночь. Подъяжжаа ѐнъ къ городу, ажъ зьмѣй обкрутився вы̀кругъ города̀ и хвостъ у зубы узявъ. И поджавъ Иванька коня такъ, што конь пералятѣвъ чаразъ зьмѣя и не зачапивъ зьмѣя. Ѣдя Иванька, ажъ стоить домъ. И бача ёнъ, што на третьтямъ атажу сядить яго сястра, шыя-вышывая и дужа плача. Заѣхавъ Ванюша у домъ, поздраствувався съ сястрой и кажа: садись, сястра, на коня, п оѣдемъ! Яна кажа: боюсь! ти утячомъ, ти нѣ, а тогды будя ще горэй!—Ня бойсь, кажа Ванюша: садись! Сѣла яна на коня и поѣхали домовъ. Ажъ догоняя ихъ зьмѣй. Отобравъ сястру у яго, а яму кажа: гляди, кабъ гэтаго боли ня було, бо убью! Заставсь Иванька узновъ одинъ. Плакавъ, плакавъ и пошовъ назадъ, къ сястрѣ. Пришовъ и мовчить. Тогды дала яму сястра клубочакъ и кажа: куды гэтый клубочакъ будя катитца, туды й ты иди! Ёнъ узявъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, и зайшовъ къ сярэдьняй сястрѣ, и довго зъ ёй ня разговарувавъ. Дала яму̀ тая сястра повсьтинку и шарсьтинку. И покатився клубочакъ дали. Катився, катився,—прикатився къ третьтяй сястрѣ. Ёнъ и туды пришовъ

мовчики. Гэта сястра дала яму золотую трысьтинку. Покатився клубочакъ даляй, ажъ сядитъ на камяни баба и дѣлая панчоху. Ёнъ кажа: здрастуй, бабка!—А здоровъ, здоровъ! куды йдешъ, дитятка? А ёнъ кажа: ды йду, бабка, у найму!—А, наймись у мяне кобылицъ пасьтить: три дни отпасьтишъ, возьмешъ коня сабѣ любого! Нанявся Иванька кобылицъ пасьтить. Якъ выгнавъ за вороты, дыкъ яны й полятѣли,—тольки ёнъ ихъ и бачивъ. Тогды ёнъ пошовъ за кусьтики, наклавъ тяпелца, изьнявъ дудочку и играя. Давъ Богъ вечаръ, а кобылицъ нема. Тогды ёнъ узявъ повсьтинку и шарсьтинку, припёкъ къ тяплу—кобылицы й стали собиратца со мховъ, зъ болотовъ. Отрэзавъ ёнъ дубину, якъ ставъ бить кобылицъ. Бивъ, бивъ,—добираетца до меньшай. А меньшая кобылица кажа: ня би мяне, Иванъ Ивановичъ, буду я табѣ у вяликой пригоди! Ну, погнавъ ёнъ ихъ у дворъ. Пропасьтивъ тыхъ кобылицъ три дни. Тогды баба сказала яму привезьти возъ шупшыньнику. Ёнъ поѣхавъ у лѣсъ, привёзъ возъ шупшыньнику, а баба вытопила лазьню зялѣзнаю, погнала кобылицъ парить шупшиньникомъ. Парила, парила, добираетца до меньшыя. Меньша кобылица кажа: я имъ казала, кабъ яны утекали отъ Иваньки, а яны на имъ вѣшаютца! Ну, баба яѐ за гэто ня била. Ну, отпасьтивъ три дни, зовѐ баба яго у стайню, ужэ коня значитца, выбирать. Меньшаа дочка сычасъ яму кажа: ты ня бяри тыхъ коняй, которыя хорошыя, а бяри того коника, што потъ стяной ляжыть, корузляянькій! Привяла яго баба у стайню, ажъ тамъ повно коняй. Таа баба кажа: выбирай сабѣ луччаго коня! А ёнъ узявъ да гэтаго корузлянькаго таща. Выволокъ яго за вороты, ёнъ сычасъ ставъ дужа добрый конь. Сѣвъ ёнъ на яго и поѣхавъ,—по пятьдесятъ вёрстъ за часъ ѣхавъ. Отъѣхали скольки-тамъ, той конь говора: Иванъ Ивановичъ, пусьти мяне назадъ,—я отобъю дванатцать жарабцовъ, отоссу дванатцать кобылицъ! Ёнъ яго пусьтивъ. И такъ жа само и на другій день и на третьтій. И здѣлався яго конь богатыромъ. Поѣхали яны тогды къ большай сястрѣ. Пріяжжаа туды, а зьмѣя дома няма. Ёнъ узявъ сястру и поѣхавъ. Прилятаа зьмѣй и кинувсь на стайню и пытаетца у коня: „ти ёсь звѣзды на неби, ти ёсь ходяйка у дворэ?"—Звѣзды на неби, якъ были, такъ и ёсь, а ходяйки у дворэ немашака!—„А ти могомъ догнать?"—Догнать то могомъ, али узять не могомъ! Зьмѣй сѣвъ на коня, и догнавъ Иваньку съ сястрой. Тогды конь Иваньковъ кажа зьмѣю: ня лѣзь, а то ногой кивну, хвостомъ потхвачу, на макъ рассяку! А зьмѣй ня слухая, ды къ яму. Конь той ногой якъ кивнувъ, хвостомъ якъ махнувъ, потхвативъ зьмѣя и рассѣкъ на макъ!

А Иванька тогды поперавозивъ сясьтёръ домовъ и жывуть тяперь умѣсьти.

27. Кобылинъ сынъ.

Було сабѣ у десятомъ царствьи, на десятомъ государствьи, жывъ сабѣ купецъ ижъ жаною. И ня було у ихъ дятей. И зажалавъ ёнъ дятей. Што усё маеть, усимъ свѣтомъ купцуеть, а нема дятей. Тогды нѣхто нараивъ яму, што ёсь такая рыба, што якъ уловiть яе и зьѣсьть, дакъ будуть дѣти. Гэто яму нараяно. Ну, ёнъ призывая рыбака. „А што, рыбакъ, ти уловишъ ты такую и такую рыбу?“ —Ня вѣдаю, кажа, ти уловлю, ти нѣ. Коли зловлю, тогды принясу! Ну, пошовъ ловить. И показалася яму тая рыбина, ёнъ и зловивъ. Принёсъ яму, тэй узявъ, заплативъ яму. Дыкъ ходяйка и служанка узяли яе чисьтить, вымыли ды воду тую подъ вуголъ вылили. А кобыла ходила по двору, тую воду и выпила. Якъ выпила такъ и затижарила. Тогды служэбка тая готовя рыбу и коштýя, вядомо, кухарское дѣло. Якъ покоштовала, дыкъ и затижарила. А тогды зготовавши, понясла до стóлу ходяйцы, якъ зьѣла ходяйка и ходяйка затижарила— уси утрохъ затижарили. Ну, дыкъ тогды, якъ вышавъ строкъ, дыкъ служэбка перша поспытала, перша и обродилася и сына родила. Купецъ тэй и радъ. И ходяйка утяжку. Ну, тогды зновъ жа сама ходяйка зновъ жа сына родила. А тогды посьли ходяйки зновъ жа кобыла сына родила —уси три по сыну родили. И яны годуютца не по годамъ, али по часамъ. Ну, мы гэто не знаемъ—пройшло тамъ кольки урэмя, купецъ тэй утипаетца на ихъ и оддавъ ихъ у навуку—служэбкинаго сына и свойгó, а того кобылинаго—подслужавать имъ у навуцы, подавать икъ! столу, якъ тэй каа, вядомо. Скольки урэмя, дакъ тыя вучутца, а тэй кобыльлiй сынъ дакъ большъ ихъ понимая—тыя дóбро знають навуку, а тэй ще лѣпшы понявся. Якъ гляня у книжку ти у письмо, дакъ и зная: нихто ня вуча, ня показуя, а ёнъ большъ ихъ вѣдая. Ну, поучилися скольки тамъ урэмя, скоро вышли зъ навуки, дакъ ёнъ и большъ ихъ вѣдая, тэй то ужэ значитца, кобыльлiй сынъ. Ну, стали яны тогды зъ батькомъ жыть. Жыли, жыли, тогды Кобылинъ сынъ кажа: а што, татка, кабъ вы зьдѣлали намъ припасъ на прогуляньня сходить, по хвоти значитца походить, во усё ровно, якъ зъ ружжомъ. Ну, дакъ ёнъ на тоя кажа: якiй жа, говорить, припасъ? А ёнъ отказуя: а якiй жа, татулька, припасъ? Искуй служэбкиному сыну булдаву зь зялѣза у три пуды, а свойму у чатыре, а мнѣ у пять пудовъ! Ну, ти у купца зялѣза нема, ти што. Ну, батька отвѣчивъ и ставъ куваць булдовы, такъ, зь зялѣза. Тогды подѣлали тыя булдовы, три, тогды Кобылинъ сынъ узявъ тую наймитчаго, служэбкинаго сына булдаву, вышавъ на вулицу, покрутивъ, покрутивъ, раскрывъ ладоню и пусьтивъ яе подъ нябёсься. Тая булдава якъ полятѣла, ёнъ выставилъ ладоню, яна якъ удырилась, дыкъ и рассыпалась. А тогды узновъ

также само другого брата ўзновъ жа выспро̀бувавъ булдаву, ти крѣпка яна. Вынясъ, размахнувъ, размахнувъ и пусьтивъ подъ небеса. Яна икъ лятѣла, ёнъ выставивъ колѣно, яна и рассыпалась—того̀ ужэ, батькиныя жонки сына. Ну, а тогды ужэ свою ставъ выспробувать. Вышавъ у поля, якъ кинувъ—и подставивъ лобъ. Ина якъ лятѣла прамо на лобъ—якъ удырилась—дыкъ и рассыпалась. Ну, тогды ёнъ узновъ: што, кажа, татка: поломали мы свой припасъ, и на прогулянку не пошли. Трэба прибавить, татка, зялѣза. Ставъ, бачъ, надокучать яму. Ну, якій жа вамъ, каа, сынокъ, припасъ трэба, скольки прибавлять?—А ёнъ каа: а служэбкиному сыну пять пудовъ, а купецкому сыну шэсьть, а мнѣ, тата, у восемъ пудовъ. Ну, тяперка, покувавъ ёнъ гэты булдо̀вы, стали яны узнова выспробувать. Вышавъ ёнъ на по̀ля, поважывъ, поважывъ тую служэбкинаго сына булдаву, ды якъ пусьтивъ—дыкъ нема вѣдома дѣ ина и дѣлась, тольки пылъ да дымъ по полю—полятѣла нема вѣдома куды и што. Ну, а тогды другого брата тожъ сабѣ поважывъ, поважывъ, якъ пусьтивъ—дыкъ и нема вѣдома куды и што ина дѣлась, тольки пылъ да дымъ. Ну, а тогды услѣдъ и свою пусьтивъ, услѣдъ за имы. Ну, а потомъ ёнъ хоть посьли пусьтивъ, а потомъ яна пойдя мо̀ на край свѣта, припасъ тэй яго перанясè обадвыхъ братовъ булдо̀вы. Тогды ёнъ отвящая—попусьтивъ припасы—тогды побыли тамъ кольки: што жъ, каа, татка: припасы намъ подѣлали, трэба жъ намъ исьти шукать припасовъ тыхъ своихъ. Тогды тэй татка ставъ ужэ и сомугёнъ, ставъ ужэ и плакать, и матки, и того, и того, што якъ жа, якъ тэй казавъ, дождали трохъ сыновъ, и тыя у свѣтъ пойдуть, нема вѣдома куды, што дѣ найдуть, дѣ познаходють. Стали отраивать и того и того. Нѣ, кажа, татка, трэба исьти. И не послухали и пошли, попрощалися, повиталися и отправилися. Коли будуть, кажа, татка, браты мяне слухать, дыкъ мо ще й убачимся, и узвернемся, а якъ ня будуть слухать, дыкъ Богъ зная. И ўвубралиси уси и пошли. Ишли, ишли—ня такъ жа скоро дѣетца, якъ кажатца,—ишли скольки тамъ урэмя и найшли того служэбчинаго сына припасъ. Вотъ, каа, братцы, и ёсь одного брата припасъ. Ну, каа, одного брата нашли припасъ, пойдемъ жа, каа, другого брата шукать! И пошли. И усё такъ идуть и сами сабѣ разговарують, покуль знайдуть. Ну и тожъ сабѣ—сколько урэмя ишли, находють другого брата *тую* припасъ. Ну, во, каа, хвалить Бога, и другого брата знайшли. Тэй Кобылинъ сынъ: а мою, каа, Богъ вѣдая, коли до яе дойти и дѣ яè знайти. Ну, изновъ жа то жъ пошли дали. Ишли, ишли, и бачуть здалека на десятомъ чарстьви, у десятомъ государстьви, на поганаго цара доми стоить тая булдава. Вотъ, каа, братцы: якъ намъ яè достать оттуль? кабъ сами голо̀вы ня поклали тамъ! Тогды яны церазъ скольки тамъ урэмя добралися, пришли къ тому дому. Тогды тэй Кобылинъ сынъ узлѣзъ на тэй домъ и доставъ *тую* свой

припасъ. Тогды у тэй домъ, и гуляютъ тамъ, и пъютъ, и у карты гуляютъ. Яны завидно гэто пришли, во якъ ба и тяперъ. Тамъ порожній тогды бывъ, домъ тэй. Тогды яны, тоя, давъ Богъ ночь, тогды Кобылинъ сынъ посылая служэбкинаго сына на варту на шляхъ, вярстовъ за пять, шляхъ такій бывъ, во якъ ба тяперъ цыгунка.—Пославъ яго у лазьню—иди жъ, каа, братикъ, на варту, ды ня сьпи, кажа, а то якъ заснешъ, дыкъ мы тутъ головы зложымъ. Ну, тэй пошовъ. Пришовъ у лазьню, да на полокъ, вѣдомо одинъ—лёгъ и заснувъ. Ничого сабѣ и не зная и ня вѣдая. А тэй того другого брата, жаноччаго сына, ходяйкинаго, покинувъ, а самъ тэй жа справой къ лазьни, ды подъ мостъ. На гнянной рацэ, бывъ, вотъ якъ ба у Бялыничахъ, мостъ такій. Тольки ёнъ сѣвъ, ажъ и ѣдя поганый царъ, смокъ съ шасьма головамы. Сычасъ собаки забрахали, свисьтѣли засвистали. Чёго брешытя, чёго свищитя,—не къ чужому двору ѣдемъ, къ свойму. Ёсь на десятомъ чарьстви, на десятомъ государстьви Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косьти не занясѐ, а болшъ мы никого не боёмся. А ёнъ съ подъ моста—сывъ. „Нято воронъ косьти заноси, а молодецъ самъ заходя. Дми, каа, поля! Якъ дунувъ тэй, да съ шасьти головъ на шэсь миль выдувъ. А ёнъ якъ дунувъ, дыкъ и позлативъ. А тяперъ: ну, што, каа, Кобылинъ сынъ, ти будемъ битца, ти миритца? Ну, а Кобылинъ сынъ каа: нѣ, поганый смокъ, будемъ битца. Тэй Кобылинъ сынъ якъ хапивъ мечъ, якъ трахнувъ, дыкъ три головы и сьтявъ. У другій якъ трахнувъ—шэсь головъ сьтявъ. А тэй яму ничого ня зробивъ, не посиливъ. Тогды узявъ шасьтярикъ коняй, у домъ у тэй пріѣхавъ, у стайню коняй тыхъ зачинивъ и повозку укативъ, по порадкамъ, такъ якъ и усюдахъ. Ну, а тогды самъ у комлату икъ тому брату. Давъ Богъ день, тогды тэй братъ и приходя зъ варты, зъ лазьни съ тэй. Тогды ёнъ пытаетца,—а што, кажа, братка, ти бачивъ што, ти было дѣ што табѣ? Ёнъ тогды каа: нѣ, братка: ничого ня бачивъ. Якъ пришовъ, дыкъ лёгъ на полку. Объ повночь нѣшто якъ загремѣло, якъ застучѣло, дакъ я съ полка звалився ды удырився, дыкъ во на лысини гузъ ускочивъ! Ну, тэй яму ничого не сказавъ, тольки усьмихнувся. Ну, тогды яны узнова день тэй гуляютъ, пъютъ, ѣдятъ, у карты гуляютъ, а давъ Богъ ночь, тогды у вечари кажа на другого ужэ брата,—ну, братику, иди, кажа, у такую и такую, каа, лазьню на варту, да тольки жъ, говора, гляди, братецъ, ня сьпи, а то якъ заснешъ, дыкъ мы тутъ и головы своѐ положымъ, нихто насъ и знать, каа, ня будя. Ну, тэй пошовъ. Пришовъ у лазьню, такъ жа само на полокъ сѣвъ, сядѣвъ, сядѣвъ и заснувъ. Ну, тэй Кобылинъ сынъ потъ повночь покинувъ того тамъ у доми томъ, а самъ пошовъ узнова подъ мостъ подъ тэй и сядить. Тольки пришовъ, сѣвъ, ажъ смокъ заразъ и ѣдя, семъ головъ. И собаки забрахали и свисьтяли засви-

стали. Чѐго брешытя, чѐго свищитя, не къ чужому двору ѣдемъ, а къ свойму. Ёсь на десятомъ чарстьви, на десятомъ государстьви. Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косьти не занясѐ! А ёнъ съ подъ моста: нято воронъ косьти занося, молодецъ и самъ заходя. Дми поля! Ёнъ поля якъ дунувъ, дыкъ на семъ миль и выдувъ. А ёнъ тогды якъ дунувъ, дакъ и позлативъ. Ёнъ, бачъ, силнѣй ихъ бывъ. Што то нашъ духъ, а што няпріятельській,—мы усётки болшъ понимаемъ. Якъ тая приказка. Ну, што, кажа, Кобылинъ сынъ: ти будемъ битца, ти мирится? „Нѣ, кажа, нячистая сила, не того я заходивъ, кабъ мирится, будемъ битца!“ И стали битца. Кольки—разъ, ти два, ти три махнувъ и сьтявъ тыя семъ головъ. Ну, и семяро коняй и повозку узявъ, и поѣхавъ у домъ у тэй ихъ. Коняй у стайню зачинивъ и повозку укативъ. Особянно усё зачиняя, отъ ночи того брата и того. Ажъ скоро и день Богъ давъ. Приходя тэй ужэ братъ зъ варты тэй. А што, кажа, братка: ти бачивъ што, ти было дѣ што табѣ? Ёнъ тогды каа: нѣ, братка, ничого ня бачивъ. Якъ пришовъ, дыкъ лёгъ на полку. Объ повночь нѣшто якъ застучѣло, якъ загремѣло, зъ горы, дыкъ я злякнувся и звалився съ полка, дыкъ потылицу разбивъ дужа. Гузъ исъ кулакъ набѣгъ.

Отъ яны и гуляють знова до вечара, пъють, жывютца. Яму ужэ и рупитца. Якъ пришовъ вечаръ, дыкъ треба яму тыхъ тутъ покинуть, а самому на варту ити. Тогды давъ Богъ вечаръ, ёнъ узявъ, повѣсивъ рушничокъ, во якъ ба гэта (занавѣсь) висить, тогды поставивъ подъ рушничкомъ стаканъ, што чай пъють. Глядитя жъ, братцы, ня засьнитя тутъ. Якъ будя зь естаго рушничка кровъ капать, бягиця якъ дужа ко мнѣ до помоцы. Трудно, я покладу свою голову, дыкъ вамъ и класьти нечаго! И пошовъ подъ мостъ. Тольки пришовъ, сѣвъ, ажъ смокъ и ѣдя—девять головъ. И сычасъ собаки забрахали, а свисьтяли, засвистали. Чѐго брешытя, чѐго свищитя, не къ чужому двору ѣдемъ, а къ свойму. Ёсь на десятомъ чарстьви, на десятомъ государстьви Кобылинъ сынъ, дыкъ яго суды воронъ косьти не занясѐ, а болшъ никого мы не боемся. А ёнъ съ подъ моста—сывъ. „Ня то воронъ косьти занося, а молодецъ самъ заходя. Дми, каа, поля! Якъ дунувъ тэй, да зъ девяти головъ на девять миль и выдувъ. А ёнъ якъ дунувъ, дыкъ и позлативъ. А тяперъ: ну, што, каа, Кобылинъ сынъ, ти будемъ битца, ти мирится? Ну, а Кобылинъ сынъ каа: нѣ, поганый смокъ, будемъ битца. И почали битца. Якъ зачавъ битца, якъ зачавъ, дыкъ восемъ головъ сьтявъ, а девятая голова—ужэ выбився зъ моцы—ня посиляя, девятая голова ужэ яго достаѐ, ужэ за лобъ, хоча яго змогчи. А тыя сядѣли гэто, забылися, да й заснули.

Ну, тая девятая голова съ тымъ водитца, а яны усхапилися—ажъ зъ рушничка кровъ тяче, ужэ й съ стакана церазъ ильлѐтца. Ай, братъ, пропали! Да туды борджѣй къ мосту. Стой братъ, ня улякайся! А тая го-

лова ужэ сусимъ за лобъ яго схапила. Якъ хапили, такъ и сьтяли тую головў, и ня про што йна была. Ну, якъ сьтяли, тоды ёнъ ужэ отвящая: ну, братцы, троху мы головъ не поставляли! Вы, каа, заснули тамъ. Ну, а тяперъ, каа, дась Богъ жывы будемъ, поняраводили, каа, усихъ, мдо къ батьку вѐрномся! Узявъ ёнъ коняй тыхъ девятеро, повозку и поѣхали. И поставивъ у стайни, особянно. И давъ Богъ день. Ну, яны пробылй тамъ кольки урэмя, Богъ ихъ вѣдая, мы того ня знаемъ, отдыхнули, ну тогды ёнъ выводя шэсь тыхъ коняй и повозку: ну, кажа на служэбчинаго,—у гэто, каа, братка, твоѐ кони и повозка,—къ батьку, бачъ, ужэ собралися. А тогды вывявъ семяро коняй и повозку,—во гэто, братъ, твое кони и повозка,—на другого ужэ брата. А тогды трэтьтяю повозку свою—у гэто, братцы, моѐ кони. Тогды яны сѣли и поѣхали, къ батьку ужэ. И скольки тамъ урэмя, ти скольки вѐрстъ, ти миль яны отъѣхали, тогды тэй Кобылинъ сынъ забывся у тымъ доми ды, гэто, пальчатокъ, на кручку на сьтянѣ висѣли: дакъ забывся пальчатокъ своихъ. „Ну, постойтя, братцы, я, кажа, забывся тамъ своихъ пальчатокъ—шкода покинуть. Злѣзъ съ повозки и пошовъ туды. Дыкъ ёнъ и мушачкой ськидався и пчолочкой, и птушачкой ськидався; прискочивъ и сѣвъ на доми на томъ, а тогды ськинувся мурашачкой, ды уповзъ у тэй домъ. Ажно тамотька три бабы сядить—двѣ жонки тыхъ, а третьтя матка, ды радютца.—А, пoпераводили, кажа, нашихъ мужуковъ и батьку, кабъ, кажа, ихъ перавесь, радютца, бачъ. Ёнъ тыя пальчатки чапая и усё гэто чуя. Ну, одна баба кажа: што я, кажа, здѣлаю? Яны, каа, ня спали, дыкъ ськинуся я посьтѐльлю. Яны якъ лягуть, дыкъ мы ихъ и перавядёмъ, поморимъ усихъ. А другая кажа: нѣ, кажа, я ще лучче здѣлаю. Здѣлаю, каа, ськинуся, кажа, крыницай, и золотый кубокъ и сярэбраный, и ля крынички яблона, золотый яблокъ и сярэбраный. Дыкъ яны якъ будуть ѣхать, поморутца, пить захочуть и батьку на госьтинецъ по яблочку выщикнуть. Якъ напъютца, да по яблочку выщикнуть, дыкъ яны тамъ и погинуть уси три. А, трэтьтяя ужэ, матка,—нѣ, кажа, дѣтки, вы ничого, каа, ня здѣлаетя. Я, кажа, якъ разину ротъ, дакъ одну зяпу поставлю на землю, а другую подъ небеса. Дыкъ яны якъ будуть ѣхать, ко мнѣ у ротъ уѣдуть, я ихъ и проглыну, ихъ и ня будя, кажа. Тогды ёнъ выслухавъ гэто, пальчатки тыя вычапавъ, якъ небудь, мушачкой—да борджѣй драла оттуль, догонять братовъ. Ськидавсь и мушачкой, и пчолачкой, и птушачкой, покуль догнавъ братовъ. Якъ догнавъ братовъ, узявъ, ничого имъ ня кажучи, лѣпшаго самаго коня выбравъ, сѣвъ верхомъ, и поѣхавъ, а браты у повозкахъ за имъ, кожанъ у своей повозцы, уси и ѣдуть, къ батьку. Дакъ ёнъ и поверхъ лѣсу ѣхавъ, и ў повлѣса ѣхавъ и по зямлй ѣхавъ, спробувавъ коня того, ли тэй причины усё. Ѣдуть яны дыкъ ѣдуть, кольки тамъ, не такъ скоро дѣетца,

якъ кажытца. Ажны стоить посьтели тря. Спать тыя браты дакъ ай-яй! Сонъ ихъ усимъ клоня, ня можно вытримать. А посьтели тыя, дакъ ажъ ка̀пая, стройныя вельми. Ахъ, братъ, скольки мы ночей ня спали, кажа, страдали, ля̀жамъ мы, троху отдышамъ! А ёнъ кажа,—соскочивъ скорѣй: гэто, братцы, кажа, зрада! Да скорэй по одной посьтели, али по другой, али по третьтяй—усихъ ихъ поперасякàвъ, дакъ яны поплыли кровъю. Во, братцы, во, бачитя, якая зрада. Сѣвъ на коня и поѣхали. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, и прiѣжжаютъ зновъ жа къ такому, тожа жъ сабѣ здалека бачуть—стоитъ яблона, сучокъ золотый, сучокъ *срабра̀ный*, яблоки золотыя, яблоки сребра̀ныя, тожъ и крыничка кубокъ золотый, кубокъ срабра̀ный. Дыкъ яны якъ напъютца, яблочкомъ закусютъ, дакъ и по̕прагаютца.

Ѣдуть яны, вотъ браты: „выщикнемъ мы по яблочку, а то къ батьку ѣдемъ, кажа, домовъ, а на госьтинецъ нема ничого!“ Ня управивсь съ коня зьлѣзьти, а яны ужэ обадвы соскочили съ повозокъ да на выпярадки одинъ перадъ другимъ къ яблонцы къ тэй. Стойтя, кажа, братцы: гэто зрада! А яны ужэ по яблочку и схапили, а ёнъ ня управвися соскочить, яго конь перанёсъ. Ну, якъ схапили, тутъ имъ и аминъ, и квитъ имъ, и по яблочку у руцэ держа̀ть. Ну, ёнъ тогды соско̀чивъ, да по яблонцы трахъ—ина кровъю ськи̇пѣла, по крыницы трахъ—и ина кровъю ськи̇пѣла—усё нийдѣ дѣлось. А тогды узявъ одного брата у повозку и другого брата у повозку, мяртвыхъ, няжывыхъ, а самъ сѣвъ и поѣхавъ, и кони тыя за имъ идуть. Ну, двѣ причины пераѣхавъ, а третьтiя боитца, на силу надѣетца на свою и на ро̀зумъ, али што браты няжывыя, и коняй стольки, дыкъ ёнъ и опа̀суетца, обдумляѐтца, якъ што зробить, засумiвся. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, ажно подъяжжая—стоитъ тая баба, ротъ разинувши—одна зяпа на зямлѣ, а другая подъ небеса. Тогды ёнъ якъ разогнавъ коняй, поднявсь у повсвѣта, якъ размахнувсь, дакъ такъ верхняю зяпу и сьтявъ. И покативъ повѐрху, и самъ и кони тыя за имъ повярху̀. Ну, дякуй, кажа, Богу, першывъ своё го̀ра! Богъ вѣдая, што далшъ будя! А ще до батьки далѐко добратца. Икъ ѣхать дыкъ ѣхать, троху отъѣхавъ; а ина тамъ справившися да за имъ у погони,—хоть ты, каа, зяпу мою одну сьтявъ, кажа, а по̀томъ я тябе, кажа, одной зяпой зьѣмъ, кажа. Ёнъ сабѣ ѣдя, а йна яго догоняя, ёнъ сабѣ ѣдя, а йна яго догоняя, ёнъ сабѣ ѣдя, а йна яго догоняя—тогды ёнъ ускочивъ—во такъ ба, якъ у Бялыничахъ, ти у сялѣ ковали куютъ—ускочивъ у кузьню,—ай, братъ, кажа, коваль, грэй клещи! Ёнъ ускочивъ у кузьню, а ина прибѣгая. Якъ прибѣгла, такъ разъ лизнула сьтяну, другiй лизнула, а за третьтимъ про-

лизала сьтяну и яго доста̀. Тольки бъ яго достать,—ай, кажа, коваль, хапай яѐ за языкъ! Коваль узявъ клещи да яе за языкъ. Дяржы, кажа, языкъ, на коваля. А ёнъ узявъ булдаву, якъ зачавъ бить, бивъ-бивъ, бивъ-бивъ, бивъ-бивъ и не забивъ яѐ. Што бивъ—изъ моцы выбився, и поломавъ тэй увесь припасъ свой—и не забивъ. И коваль тэй тожъ самое—ободвы яны поуморилися и не забили. Пусьтили яе. Ну, тогды яна кажа: стой-ка, кажа,—я на тябе усьсяду и поѣду, и будемъ своѐ пѣсьни пѣть, коли я тябе перапяю, дыкъ усётки зьѣмъ. Гэтакъ зьмирговалися г-ѕ—ни тэй, бачъ, не подоляя, ни тэй—обая силныя. Ну ёнъ подався. Ина на яго усьсѣла, ёнъ ракомъ повзѐть, ина ѣдеть и пѣсьни пяеть. И кони тыя за имъ идуть. Ага, кажа, я тябе потомъ змору, кажа. Дыкъ ина, вѣдомо, баба-сорока, и тую почне, и тую —щабеча, во якъ и ў насъ бабы на хрэзьбинахъ ти на вясельли—пѣла, пѣла тамъ усякія пѣсьни да й змовкла. Нема, бачъ, у яе боляй пѣсень, уси перапѣла. Ёнъ тогды пытаетца: ти уси? Яна кажа: уси!—Ну, коли жъ, кажа, уси, тяперъ дай-тка я буду пѣть, дай-тка я на тябе усьсяду! Ну тогды ёнъ на яѐ усьсѣвъ, и кони тыя за имъ. Гэто усё по дорози, што даляй, то къ батьку ближай. Тогды ёнъ зачавъ пѣсьни пѣть. Ёнъ ниякія пѣсьни ня пѣвъ, тольки усё шабуняя: да—гу дакъ да—гу—вядеть, да усё на ёй ѣдя. Ѣхали, ѣхали:—ти уси?—Нѣ, кажа, и у полъ яще ня убився. У яе свой рацотъ, кабъ яго якъ, а у яго свой. Вѣдомо: тожъ урагъ, а то тыки чаловѣкъ, хращоный, якъ трэба быть. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать, якъ ѣхать дыкъ ѣхать, и приѣхавъ, во такъ ба, якъ у Бялыничахъ, къ рацэ. Дыкъ ина ужэ осмягла: якъ къ рацэ, дакъ и стала пить. Якъ стала воду пить, якъ стала воду пить, якъ стала воду пить, дыкъ усю раку выпила, и ёнъ на ёй сядить, и повозки тыя стоять, и кони, и браты. Якъ выпила усю раку, дакъ тогды подъ имъ лопъ—отъ воды отъ тыя—лопнула, и рака тая якъ была, такъ и побѣгла узновъ, а ина тамъ и опраглася. Тогды ёнъ у повозку на своихъ коняй, да й приѣхавъ икъ батьку. Къ батьку приѣхавъ, дакъ батька и улякнувся. Дакъ ёнъ за батьку —татулька, ня улякайся. И показуя заслугу и усё—гэто моихъ братовъ, а твоихъ сыновъ, заслуга, а гэто моя. И гэтыхъ своихъ сыновъ, татка, ховайтя, помершыхъ. Ну, ёнъ собравъ людей, подѣлавъ домы, и поховавъ. А тэй Кобылинъ сынъ и жыветь тамъ. И я тамъ бывъ, мёдъ, вино пивъ, и у роти ня було и по бородѣ не тякло.

М. Бѣлыничи, могил. у.

28. Искорка Парубокъ Дѣвичій сынъ.

Вотъ было у батьки три сына, два вумныхъ, а третьтій дуракъ. И была у вотца на стайни кобыла. Вумныи сыны поѣхыли ў лѣсъ, а дуринь

застався дома. Двѣ нявѣстки затопили печку, напякли блиновъ. Потомъ просють яго дурука етыго: ахъ, говорють: приняси намъ воды, мы табѣ блинъ пумаслимъ. Ёнъ узявъ вёдры и пошовъ. Пришовъ икъ колодижу, колодижъ бывъ ублизъ 'дъ ряки коло моста. И у мосту увязла щука. Итвичаить голосомъ—што чиловѣкъ говорить: вызвыль *мяне* зь естуго мѣста,—што дли *тябе* будить нужно, усё судѣйствуитца. Потомъ того ёнъ вызвыливъ и пусьтивъ *яе* у воду. Такъ и 'твичаить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію нуци-ка, вёдры, чирпайтись сами и идитя домой сами! Удрухъ етыя вёдры зачѐрпались и пошли упярёдъ яго. Такъ нявѣстки увидали въ окно и указыить одна другой: во, говорить, мы усё дурнимъ яго узываимъ, а што у ёмъ дѣйствуитца. Своихъ мужовъ знуджиимъ, а ёнъ у насъ усё за дурня сядить! Пріѣхыли братья зъ лѣсу, позаутрикали и нуждають яго съ собой ѣхыть у лѣсъ. Ёнъ отвичаить—когда дасьте батькыву лошадь, то й поѣду, а ни дасьтё, и ни поѣду! Дозволили запречь. Выѣхывъ за гумны, ета лошадь почила яго тарзать, разнашавать. Ёнъ зайшовъ, кулакомъ ударивъ у лобъ—ета лошадь звалилася изъ ногъ. Ёнъ за хвостъ узявъ, триханувъ, съ кожы усю гувядину вытрисъ, а кожу узбросивъ ну гумно. Самъ узявъ, оглобли звизавъ, сѣвъ на сани и говорить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію нути-ка, сани, ѣдьтя у лѣсъ сами. Етыя сани засмычѣли, заскрипѣли, за братьтими полятѣли. Чудятца браты—што ёнъ бязъ лошади пріѣхавъ. А гдѣ жъ ты, братъ, дѣвъ, батькыву лошадь? Отвѣтивъ ёнъ, што убивъ, и кожу узбросивъ на батькыво гумно—ня будить течь, говорить. Братія нарубили дровъ и поѣхыли, а яго затяють: чаму ты ни сячешъ? Ну ни такъ имъ охота, што ёнъ нысячеть возъ дровъ, а большы того посмотрѣть, **якъ** ёнъ будить сѣчь—што съ отрода топора ни дирживъ у рукахъ.

Ёнъ скызавъ: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію нути-ка, дровы, сячитися сами и кладитися сами! Дрòвы етыи позахрапотали, воздухымъ пычалй ломитца и на сани валитца. Нывалилыся на сани съ цѣлый сажань. Ну, браты тэя поѣхыли. Ёнъ узявъ, узлѣзъ на возъ на етый и сѣвъ, и говорить: по щуччиму пувялѣнію, по матушкинымъ порождэнію, по батюшкинымъ благуслувенію, нутика, сани, ѣдьтя домой сами. Пирижжаить чиризъ возиро. Тамъ рабо-ловы ловють рыбу и вытинули одну тольки рыбинку. Такъ ёнъ увидивъ ету рыбину и отвичаить: вотъ рыбина дорогая. Хто яе будить ѣсьть, той сына родить, и хто косьти обоссеть, тэй сына родить, а хто косьти поѣсьть, и тэй сына родить. Будуть три сыны и уси быгатыри.

Дысталась тая рыбка *царевни*. Зжарила яѐ и зьѣла. Косточки на блю-

дичко отложыла. Пришла яѐ дочь и давай обсосать косьти еты и барсать подъ столъ. И отвичаить: ахъ, маминька, говорить, икая ета укусная рыбина!—Косточки ,боссала и бросила подъ столъ. Сучѐнка, бывши подъ столомъ, косьти еты и поѣла. Удругъ яны усѣ утрёхъ и забреминили. Скольки урема пройшло, родили усѣ три по сыну—царица, и дочь яе, и сученка ета. Такъ растуть яны, еты сыновья чистыи рибяты. Вырысьли яны лѣтъ до симнатцыти. Потомъ и говорить: „батюшка нашъ, милосьтѝвѣйшій гусударь, справъ намъ три мячи пу питнатцыти пудовъ. Ёсь у такомъ то царстьви, у такомъ то гусударстьви змѣй—три гыловы, уторой шэсь голювъ, третьтій двинатцыть. Кончають народъ!“ „Милосьтѝвѣйшій гусударь ни оставивъ ихъ прозьбы. Зьдѣлывъ имъ три мячи пу питнатцыти пудовъ. Бывъ у яго сиряди двора каминь зъ большую хоромину. Такъ яны мижда сябе и говорють: ну, што, говорють, братія,—который мы и которому будимъ потчинятца—хто изъ насъ старшымъ будить? Сячитя каминь. Отъ кого каминь раскотитца надвоя, того будимъ слушыть. Суччій сынъ сиканувъ—каминь тольки намѣтивъ; царицынъ сынъ сиканувъ каминь—ду ў полу убивъ; дѣвиччій сынъ якъ сиканувъ—такъ ёнъ и покатився надвоя. Вотъ и говорить: смотритя, братія—мяне слушыйтя и пувинуйтися! Поѣдимъ на тридисятое царство, на тридисятыю зѐмлю Подъижжають къ тому помѣсьтію вёрстъ за двинатцыть, состроили сабѣ комнату и остановилися у ѐй хватировать. Потомъ и говорить—Искорка пàрубокъ Дѣвичій сынъ: слушыли мяне и слушыйтя. Вотъ, говорить,—Суччій сынъ, иди на мостъ на стражу. Мостъ большой. Будить ѣхыть, говорить, Юда съ тримя головами, штобъ ты яго стрябивъ! Етый братъ ня 'тказавъ. Пошовъ къ мосту и лёхъ, и заснувъ. Искорка пàрубокъ Дѣвичій сынъ приспавъ царицына сына, а самъ удрухъ стрялой полятѣвъ къ мосту. И ставъ на мосту, ни видить помошника своиго. Такъ пыдъ повночь чуить большэй грюкотъ—ѣдить Юда съ тримя головами. Такъ яго лошади узбѣгли на мòстъ, остановились и зарзали. Бывшы зъ имъ собаки, голосомъ позавыли. Бывшы при ёмъ питухи, и тыи позапѣли. Ёнъ улякнувся, Юда, и говòрить на лошадей: ахъ вы, говорить, песьсія мясо, говорить, объ чомъ рягòчитя. И на собакъ,—а вы псы объ чомъ скигочитя? Такъ и на питуховъ,—а вы, истрибиная перья, объ чомъ голосъ открываитя? Намъ ровнягъ тутъ нѣту. Ёсь три брата на тридисятомъ царстьви, на тридиситой зямли, дакъ нято што яны сюды зайдуть, дакъ и воронъ косьти ни занясеть! Искорка пàрубокъ Дѣвичій сынъ отвичаить: ды няворонъ косьти заносить а самъ добрый молодицъ на ворòнымъ кони заижжаить! Юда отвищаить:—Ти ты йздѣсь?—А йздѣсь.—Ну, почанёмъ битца! Ну й почали. Искорка Пàрубокъ голову зьбивъ Юди. Юда отвищаить: Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, стой, говорить: цари-короли

бъютца, тожъ замиряютца—замиримся й мы, говорить, хуть на малыя уремя. Искорка отвищаить: можно, говорить!—Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, укажи ты свою силу, учомъ ты бъешъ такъ силно? Икая твыя сила?—А мыя сила, говорить, якъ либядиныя пяро!—Вынивъ свою силу и дунувъ вѣтромъ угору. Пяро полятѣло. Ёнъ дыхнувъ—яно нызадъ ускочило у ротъ. Спрашуить Искорка Пàрубокъ: —а ты, Юда, укажи свою силу—чимъ ты такъ силёнъ—икая твыя сила? Ётый отвищаить:—мыя сила зъ бобину ростомъ. Бросивъ на мостъ—ина й покатилась. Искорка Пàрубокъ схвативъ у ротъ и ету *зъѣвъ*. Ёнъ ни съ тярпѣніи бросився битца изь имъ. Искорка Пàрубокъ побивъ яго и порубавъ и лошадей, и собакъ, и пѣвнивъ, и змёвъ зъ моста. Самъ скорамъ поспихымъ полятѣвъ у свою комлату и лёгъ спать, бытто ёнъ и ни бывъ тамъ. Суччій сынъ уставъ, дождавши вутра. Пысмотрѣвъ на мостъ: што такое—увесь мостъ у крыви и у перьи. Приходить у свою комнату. Искорка Парубокъ у яго й пытаить: што чувъ, што видивъ. Суччій сынъ отвищаить:—ни чувъ ничаво, и ни бачивъ. Тольки, уставши, видивъ кровъ, косьти и перья. Искорка Пàрубокъ и говорить: вотъ экей ты у мяне вѣрный! Ну ладно, говорить. Дыжидаить другея нòчи и посылаить царицына сына: гляди жъ ты якъ можнѣй строго. Етый пошовъ. „Ну, я такъ, говорить, ни здѣлаю!“ Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ приспавъ Суччиго сына и опять туды на стражу. А етый Царицынъ сынъ подлѣзъ подъ мостъ и лёгъ на брусахъ и заснувъ. Искорка Пàрубокъ пришовъ узновъ, ставъ на мосту. Потомъ потъ повнычь потходить—чуить грюкотъ и колоколы звинять. Такъ сичасъ ѣдить Юда шэсь головъ. Тольки на мостъ узьижжаить, такъ сичасъ лошади еты и позарзали, собаки позаскиготàли, пѣвни позапѣли. Ёнъ и говорить, Юда: што вы мяне устращаитя? Мнѣ ровняги нѣту. Есь ровняга на тридисятомъ царстви Искорка Пàрубокъ, дыкъ яго воронъ сюды и косьти ни занясеть, говорить. Искорка-Пàрубокъ отвищаить: нѣтъ, Юда, говорить,—ня воронъ чиловѣчицкыю косьтк заносить, а самъ добрый молодецъ на ворономъ кони заижжаить. Юда говорить: а ти ты здѣсь?—Здѣсь!—Ну, што жъ ты сюды пришовъ—ти битца, ти кылы мяне пучудитца? Ай будимъ честно расходитца? Искорка твищаить: ни затымъ я йшовъ сюды три годы. Табѣ ни дамъ ходу и на три шаги!—Ну, пошнёмъ воюватца! Бились, бились, ёнъ яму три головы зьбивъ, а три осталось.—Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, стой, говорить: цари короли бъютца и тыя замириваютца; здѣлаимъ вотдыхъ хуть на три минуты!—Можно, отвѣчаить Искорка Пàрубокъ. Юда говорить: Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ, укажи ты мнѣ свою силу, што ты такъ быстро бъешъ?—Етый отвищаить:—мыя сила, говорить, ни большая,— якъ либядиныя пяро. Дунувъ—яно полятѣло. Духнувъ къ сабѣ—опять на мѣсьти сѣло.

Искорка Па̀рубокъ спрашуить: Юда, говорить—укажитя мнѣ свою силу!—Мыя сила, говорить, тожъ ни большая—якъ воловскій орѣхъ. Бросивъ на мостъ, ина покатилась. Искорка Па̀рубокъ схвативъ и ету зьѣвъ. Юда узлився—давай битца. Искорка Па̀рубокъ узявъ, посѣкъ, пурубавъ и яго, и лошадей и субакъ и пѣвнявъ, и змевъ зъ моста. А самъ пошовъ у свою комлату, узявъ и лёгъ и спить, бытто и ни бывъ ёнъ тамъ. Давъ Богъ день, приходить Царицынъ сынъ. Ёнъ у яго й пытаить:—што чувъ, што видивъ? Етый отвѣщаить:—а што, говорить, ня чувъ ничого и ня видивъ—тольки уставъ, дакъ кровъ зъ моста, дайжа и мяне обкапыло пудъ мостомъ!—Охъ, браты, ȯтъ якъ вы вѣрно мнѣ слу̀житя! Третьтія ночи дожидають, треба ити самому. Искорка Па̀рубокъ говорить—ну, бра̀тія, говорить: натя вамъ колоду картовъ, и прошу я васъ ни спать усю ночь и натя вамъ порожній стуканъ. Когда етый стуканъ сухей кровью ныбяжить, то якъ сила ваша подбигайтя ко мнѣ на мостъ. Вотъ яны конъ или два у карты згуляли, и на столъ головы поклали. Свѣчи гырять, и яны спять. Искорка Па̀рубокъ стоить на мосту. Якъ потъ повнычь—чуить грю̀котъ и колоколы звинять. Ѣдить Юда двинатцыть головъ и двинатцыть коній. Якъ узьѣхавъ на мостъ, такъ сичасъ лошади зарзали, собаки заскиготали, пѣвни запѣли, зязюли закукували. Ёнъ и говорить:—што вы, песьсія мясо, рягочитя? ны лошадей. А вы, псы люты, што вы скигочитя? Мнѣ тутъ ровняги нѣту—вы мяне не улякайтя. Есть ровный на тридисятомъ царстви Искорка Па̀рубокъ, дыкъ яго воронъ сюды и косьти ни занясеть, говорить. Искорка Па̀рубокъ отвищаить: нѣтъ, Юда, говорить, ня воронъ чиловѣчицкыю косьть заносить, а самъ добрый молодецъ на ворономъ кони заижжаить. Юда говорить: а ти ты здѣсь?—Здѣсь!—Ну штожъ, говорить:—ти воюватца, ти тольки другъ на друга пулюбуватца ты сюды заѣхавъ? Искорка Па̀рубокъ говорить: ни такъ любуватца, якъ воюватца.—Ну, говорить, почанёмъ. Бились, бились—двѣ го̀ловы зьбивъ. Тутъ етый *стуканъ* кровью сповни̇̀вся. А яны спять. Потомъ Юда говорить: Искорка Па̀рубокъ Дѣвичій Сынъ: цари, короли бъютца и тыя замиряютца, здѣлаимъ вотдыхъ хуть на три минуты!—Замирились. Такъ ёнъ и говорить: Искорка Па̀рубокъ, укажи мнѣ свою силу, што ты такъ быстро бъешъ. Икая твыя сила?—Мыя сила, говорить, ни больши, якъ либядиныя пяро.—Дунувъ, яно полятѣло. Духнувъ къ сабѣ, опять на мѣсьти сѣло. А што, говорить, я табѣ показавъ свою силу, покажи и ты мнѣ свою—икая у тябе сила? Етый говорить:—моя сила якъ хунтовое яблыко. Вынивъ яе и бросивъ на мостъ. Искорка Па̀рубокъ потхвативъ и ето зѣвъ. Юда разозлився, што ёнъ обидивъ яго. А Искорка Па̀рубокъ съ правыя ноги схвативъ сапогъ и запусьтивъ на ету комныту, и зьбивъ яе по вокны. Ȳсхватилиси етыи яго браты—по зямли сы стукана

пу колѣни наплула кровъ. Удругъ яны побѣгли къ яму—ёнъ шэсь головъ зьбивъ одинъ. Узяли етыго Юду порубили и посѣкли и змялй яго косьти ў ряку. Искорка Па̀рубокъ и говорить:—ну, братцы, дайтя мнѣ оддыхи троя судыкъ! А братья 'тъ радысьти спишать домой. Ёнъ отвищаить: - нѣ, я силно зьбився. Оддыхнёмъ троя судыкъ, тоды будимъ ѣхыть. Первыя ночы дыжидають—такъ ёнъ братовъ приспавъ, сьнинывся го̀лубомъ и пылятѣвъ къ Юдиной жанѣ, которая съ трима гыловами. Сѣвъ на вокно и забрукува̀въ. Жана Юдина послышила и говорить: Юда мой, биззаконный мой. Ослязивъ тябе Искорка Па̀рубокъ Дѣвичій сынъ, осляжу и я яго.—думаить, ето душа Юдина прилятѣла. Будить ѣхыть къ свойму дому, пожалаить пить—я стану криницыю коло дороги и пущу разныя стуканы и напущу разныхъ ядовъ. Якъ глынеть, то трёхъ минутъ ня выбудить. Искорка узявъ у замичанія и полятѣвъ къ братіямъ—браты етыго ни знали. Назаўтряго браты рупютца домой, ёнъ ихъ просить пыдождать. Дыжидаить другія ночы, ёнъ сьнинывся голубомъ и пылятѣвъ къ Юдиной жанѣ, которая мѣла шэсь головъ. Сѣвъ на вокно, загуркувавъ. Ина почула и говорить: Юда мой, милый мой! Оскорбивъ тябе Искорка Па̀рубокъ Дѣвичій сынъ, оско̀рблю и я яго. Будить ѣхыть до свойго дому—я стану яблыный, и пущу воздухъ на сорокъ вёрстъ. Почуить ёнъ воздухъ и пожалаить яблыкъ. Я повѣшу разныя и насычу ядами. Тольки ёнъ яблыко возьмѐть, дыкъ яго на скольки часьтей рызорветь! Вотъ ёнъ узявъ ў замичанія и пылятѣвъ къ братіямъ своимъ. Лёгъ, бытто и ни бывъ нійдѣ Назаўтряго браты устають и рупютца домой. Опять ёнъ ихъ упра̀шіить: оддыхнёмъ хуть одны сутки. Дыжыдаить ёнъ третьтія ночы. Такъ узявъ, братовъ приспавъ, сьнинывся голубомъ и пылятѣвъ къ Юдиной жанѣ, што двинатцыть головъ. Сѣвъ на вокнѣ и забуркувавъ. Почула Юдина жана и говорить: Юда мой, милый мой,—оскорбивъ *тя* Искорка Па̀рубокъ Дѣвичій сынъ, оско̀рблю и я яго. Будить ёнъ ѣхыть къ свойму дому, а я лягў на яго дорози зьмяёю и займў обширносьти на дватцать пять вёрстъ, длиньнику на сорокъ пять,—ни быйдеть и ни 'бъѣдить. Якъ будить ѣхыть, такъ я на жало яго и схвачу! Ёнъ ето услышивъ, у памить узявъ, и пылятѣвъ къ братіямъ къ своимъ. Чуть на зарю, будить братіявъ своихъ:—ну, вотъ, рибяты—тяперь поѣдимъ! Выбрались ѣхыть, скольки проѣхыли—жилають мижда собой пить, Суччій сынъ и Царицынъ сынъ, и ёнъ жилаить. Ёнъ имъ и отказыить: а ти зьмятіли, говорить, во, коло дороги, криницу,—вотъ я й видавъ яе, а вы нѣ. Проѣдимъ и напъёмся. Увидили еты братьтя криницу, на выгонки пубижали. Ёнъ имъ отвичаить:—стойтя, я упярёдъ буду пить. Пиритягнувъ на̀христь мѐчемъ—пиривратилась вода уся кровъю. Ёнъ затяѐть:—нутя, браты, питя воду ету! Яны ни узяли. Скольки проѣхыли, почули яблышный воздухъ—по-

жилали яблыка. Искорка отвичаить: няужли вы ни видали коло дороги яблыны? А я ѣхавъ и видивъ яе! Вотъ мы, говорить, доѣдимъ ды яѐ, здѣлымъ оддышку и яблыкъ нытрисёмъ. Замѣтили браты ету яблынь, и замѣтили яго замичанію ли криницы. Были бросились, а потомъ назадъ—нутка ты упярёдъ, говорють, покушій яблыкъ! Ёнъ узявъ, сиканувъ нàхристь **меччу**—потикла зъ иё кровъ, и закричала громкамъ голосомъ—што яго браты пуулякнулись. Ёнъ отвищаить имъ: ето ще намъ ни загàдка. А вотъ подъѣдимъ къ загадцы! Скольки тамъ проѣхыли, и видють нѣйкую большую гору̀, и сказують мижда собою: тоды ни былò етый горы, ни туды мы ѣдимъ!—А вотъ жа уси тыи примѣты, уся тая дорога! Подъижжають ближи. Ина разинула пасьть, вытигнула жало ны вярсту. Подъѣхыли къ ѐй, Искорка Пàрубокъ силно скочѝвъ прямо ёй у пасть. И давай яе зъ изыка сѣчь мечимъ и ковалкыми выкидывать. И скызавъ на братовъ: якъ скрозь прорублю, якъ сила проижжайтя скрозь яе. И мою лошадь ни 'ставляйтя! Увидали браты скрозный ходъ, якъ сила скрозь пролятѣли и провяли скрозь яго лошадь, а яго и пристыновили. Ёнъ остався. А зьмѣя ета пириворотилась назадъ услѣдъ за имъ. Ёнъ стрялою лятить утикать, а ина за имъ. Во, коло дороги стоить ковальскій домъ; ёнъ и говорить: куваль, кувальскій сынъ—прикрый мяне отъ нагàлной смерти! А яго домъ увесь чугунный! Дайжи й денника нѣтъ, и сонца ня свѣтить туды. Ёнъ яго упусьтивъ у вороты—вороты чугунныя, и захватили яе на вулицы. Ина узила, кругомъ дому обвилась у три рѣди и почила пролизывать крышу. Отъ трёхъ разъ прогрызла крышу и говорить: куваль, кувальскій сынъ! Подай мнѣ виноватыго! Куваль узявъ клещи, распёкъ, ды яе за качки пронявъ клищами наскрозь, и дяржить, и кричить: Искорка Пàрубокъ! иди, говорить, руби мечимъ съ хвоста и ды головы! Етый узявъ яе, почавъ рубить. Дырубивъ ды головы. Во яны узяли ды яѐ у котёлъ. Почали пириваривать и дѣлать яму кобылу. Здѣлали кобылу; ёнъ зы яѐ живъ три годы, у коваля. Ну, говорить, ѣдь жа ты на етый кобыли, ды нийдѣ, говорить, ни остыновляйся. Кыли идѣ остыновíсься, то три годы прослужашъ опять. Вотъ, скольки то ёнъ проѣхывъ, уронивъ кнутъ,—тамъ коло дороги тожа самыя жывъ куваль. И узнавъ, што ни простая кобыла ета. Поднявъ яму пугу и узявъ за руку, зачурувавъ кобылу ету, што ина ня можить изъ мѣста сусту̀пить. Ну, Искорка Пàрубокъ, кыли три годы проживèшъ,—поѣдишъ на ѐй опять. Тольки ты ни ходи на У̀сіяньскыю гору̀, и ни гляди на свою сторону! Ёнъ зачавъ опять жить три годы. Вышавъ на У̀сіяньскыю гору̀, глянувъ на свою сторону. Бытто помѣвъ замичанія, што матка воду̀ носить, а батька рубить дровы. Залився слизами. Узыйшовъ на дворъ, куваль затямивъ яго: што, говорить, сходивъ на У̀сіяньскыю гору, пылядѣвъ на

свою сторону? Ёнъ отказываитъ: нѣтъ, говоритъ, ни ходивъ—ето я йшовъ по камышывой лозѣ, камышыва лоза колонула ỹ глаза, и покатилися зъ глазъ слиза. Вотъ етый Искорка Пàрубокъ проживъ три годы и тутъ. Потомъ ѣдитъ на етый кобыли, дыижжаитъ до третьтиго дому до царьскыго. Тэй царь зыложивъ пути, и занявъ яго на совѣтъ: што, говоритъ, высватышшъ мнѣ тамъ и тамъ дѣвицу, говоритъ,—то ты поѣдишъ домой, а ня высватышъ, то ты й пувякуишъ у мяне, говоритъ. Сыбяри, говоритъ, сабѣ двинатцытъ мылойцовъ и 'тправляйся у путь. (Имя царя забыто). Ѣдитъ ёнъ пы дорози, пириѣжжаитъ ёнъ чиризъ ряку, тамъ сядитъ ны рякѣ Обпивало,—у ротъ вода бяжитъ, а зь яго нийдѣ ни видать—нижы яго рика суха—и кричитъ:—ай, пить хочу! Ёнъ сказыитъ: здрастуй, Обпивало!—Здрастуй, Искорка Пàрубокъ. Пойди со мною у свѣтъ!—Ну, пойдимъ! Нямного пройшли, стоитъ коло дороги хлибопёшня, ублизь города, на двинатцытъ пячей хлѣбъ пякутъ, и одного Объидалу кор*мутъ*. А ёнъ кричитъ: ай, ѣсь хочу! Здрастуй, Объидала! говоритъ Искорка. —Здрастуй, Искорка Пàрубокъ!—Пойди, Объидала, со мной у свѣтъ!—Штожъ, пойдёмъ! Яще пройшовъ—горитъ городъ. Наскочивъ Гунька, якъ лятѣвъ, наскочивъ на 'гонь, лёгъ у огонь, у самый силный, и кòжаю накрывся и кричитъ:—ай, зьмёрзъ! Огонь путушивъ и кричитъ: ай, зьмёрзъ. Искорка Пàрубокъ говоритъ:—здрастуй, Гунька, пойдёмъ со мной у сваты. Гунька отказыитъ: пойдёмъ. Няиножко пройшли—стоитъ Довгошостъ коло дороги.—Здрастуй, Довгошостъ! —Здрастуй, Искорка Пàрубокъ. Куды Богъ нясетъ?—Идёмъ у сваты.—Возьмитя и мяне!—А ходи, пойдимъ,—намъ етакіи люди и надо. Скольки тамъ уремя пройшли, сядитъ Лысыя Муха коло дороги. Здрастуй, Лысыя Муха.—А здрастуй, Искорка Пàрубокъ Дѣвичій сынъ! Куды Богъ нясетъ?—А ỹ сваты! Возьмитя и мяне!—А ходитя, намъ етакіи надо. Ну, пошли яны. (Набравъ ёнъ сабѣ двинатцытъ мылойцовъ). Пришли яны къ етыму царю у сваты прикрасной дѣвицы. Такъ сватъ и говоритъ: мое сваты. Поставивъ двинатцытъ бочикъ вина и пыложивъ имъ двинатцытъ пудовъ хлѣба, и говоритъ: если ето за нычь, говоритъ, ни распорядитя—то й ни моè сваты! Пошли яны у сарай у етый, и начили питъ вино. Етыи выпили по треби по своей, Обпивало выпивъ уси бочки и ỹ кучу скативъ. И самъ на бòчки сѣвъ и кричитъ: пить хочỹ! А Объидала увесь хлѣбъ поѣвъ—и кричитъ: ѣсь хочу! Видитъ ёнъ назаỹтриго, што вино попито и хлѣбъ поѣдинъ,—надо оддатъ ето ужу дочь яму—потомъ говоритъ: ну, если, говоритъ, зятъ мой будишъ, вотъ я ящо табѣ закажу загадку на нычь! Если сотворишъ ето, то дочь будитъ за вами. Узявъ, напаливъ яму вугульля жару ỹ ями—если ночь ету пириночуитя у ями у етой, то дочь за вами будитъ! Сычасъ етый Гунька ложитца въ огонь, накрывся кожую, и по кожи йни пошли зимныи. Лягли яны ỹси укрывшись и покрях-

туютъ, што дужа холодно. Назаутриго уставъ етый царь и говоритъ: идитя, говоритъ, хуть косьти ихъ повыкидайтя оттуль. Пришли слуги смотрѣть, а яны крихтять: дайтя намъ хуть погрѣтца! Уходитъ ёнъ у комнату—бизъ отказу надо дочь отдать. Дочь ета отказываитъ: позвольтя намъ у саду прогулятца! Пошли у садъ, и давай ина у яго смотрѣть у головѣ. Накинула сонъ, ёнъ и заснувъ. А сама ськинулась голубкый и пылятѣла, кабъ и соусимъ отлитѣть отъ яго. Такъ сичасъ Муха укусила яго за ж..., ёнъ усхватився—дѣвицы нѣту. Спросивъ у туваришувъ: а дѣ ина дѣлась, у которую сторону пылятѣла? Довгошостъ, видивъ ты? Зьмѣть хуть глазомъ! Довгошостъ схвативъ яго сабѣ на хвостъ, два разы пириворотився и яѐ попирядили. Узяли яѐ ни 'тпущая къ отцу, и пувяли пу своей дорози. Прiижжаитъ къ етуму царю, а етый царь окруживъ свой домъ и пыкопавъ канавы и напаливъ огнёмъ большимъ. Потомъ и говоритъ: а што Искорка Па̀рубокъ,—живъ ты зь естой дѣвицыю, покуль довёвъ сюды?—Нѣ, каетъ, ня живъ. Ну, коли ня живъ—положивъ сухую бы̀лину—дыкъ пярейдишъ чиризъ былину, а коли живъ, дыкъ и ни пярейдишъ! А дѣвица узила, ды й дротину уткнула у былину, и ёнъ ни замѣтивъ. Ёнъ и пиряйшовъ. Искорка Па̀рубокъ сказуитъ: а ты, царь, ѣздивъ на моёй лошади?—Нѣ, ня ѣздивъ.—Ну, коли ня ѣздивъ—пиряйди ты по етой былини. И пярейдишъ, коли ня ѣздивъ. Ёнъ узявъ и пошовъ—надѣитца, што ня ѣздивъ. Тольки уступивъ сиряди канавы, а дѣвица ету дротину сморьгъ къ сабѣ—былина пупуламъ, а ёнъ у канаву и упавъ. А Искорка Па̀рубокъ зь естой дѣвицый и зьвинчались, и поѣхыли у свое царство. Ды якое було вясельля, вино рякою лилося, и мнѣ дайжа выпить пришлося. У роти то ни було, и по губахъ ни тякло.

Вохотская вол., мстисл. у. **Отъ кр. Никиты Алексѣева, 45 л., негр.**

29. Таратурка.

Якъ живъ царь Василь, и вѣкъ у яго дитей ни было̀. Занимався ёнъ охвотой-рыболовлiй, имѣвъ ёнъ двинатцать рыбаковъ. И вывизали яны неводъ шавковый; работыли три го̀ды. Поѣхыли яны на мо̀ря рыбу ловить. Проловили тро̀я сутыкъ, уловили три рыбинки, три во̀куни. Приносють къ царю Василю еты три рыбинки, три вокуни. Тады думшiи, райшiи и гадшiи (думчiе, райчiе, гадчiе—отъ раять и гадать—совѣтовать, думать) совѣтъ прызьнясьли: искушать еты три рыбинки, три вокуни царицы, и родить ина сына—сильнаго могучиго богатыря. Тады царица узила еты три рыбинки, три вокуни, дала изгутувать кухарки. Кухарка обмыла, шилуху и вантробы бросила ны зямлю̀, а сука, подбѣгши, поѣла шилуху и вантробы. И забирѐминила. Кухарка, обгутувавши, нейди из середины кусочикъ оторвала и сама тихынько поспытала, штобы царица

не ўвознала, и забирѐминила. Тады подали еты три рыбинки, три вокуни, царицы. И царица еты три рыбинки, три вокуни, искушала. И забирѐминила царица. Проносили яны уси три годы. Тады перво сўка родила: увесь чиловѣкъ, только вухо собаччіе. И доложили царю, што сўка родила мальчика. Вялѣвъ гусударь яго принять отъ сўки и пирихрясьтить. Нарикли яму̇ ймё Таратўрокъ — собаччій сынъ. Тады родила старуха кухарка, тожъ мальчика. И етуму ймё нарикли Иванъ-кухаркинъ сынъ. Тоды родила царица мальчика, и яму нарикли ймё Василій Васильивичъ—царській сынъ.

Тады яны сичасъ посядѣли двѣ нидѣли и стали ходить; и пубижали на волю играть. Таратурокъ-собаччій сынъ сильнѣй усихъ. Котораго ирванеть али скубанеть—яны плачуть, къ царю Василію идуть на жалобу. И уси три зовуть отцомъ: „обидивъ, говорють, насъ Таратурка-собаччій сынъ!“ Ну, гусударь имъ и говорить: „вы зъ имъ ни йграйтя, коли ёнъ васъ обижаить: ну тялеснаго наказанія яму̇ ни давайтя!“

Ну, сповнилось имъ по мѣсицу отъ рожденія, и совѣтъ яны друхъ сò другомъ прозносють: „пойдёмъ къ отцу свойму̇, штобы ёнъ вялѣвъ кузницàмъ скувать намъ цацки-пàлицы-булàвицы, молодецкіи забàвицы; штобы ёнъ намъ пукувавъ и золотомъ поблитувавъ!“ Яны пошли къ царю, совѣтъ прознѐсьти. У ихъ спрашиваить царь: „што жа вамъ надо, дѣти мои возлюблѐнныи?“ Таратурокъ-собаччій сынъ за ихъ смялѣй, бойчѣй,—царю отвичаить: „тятинька наймилѣйшій, тятинька налюбѣйшій! Намъ надо, говорить отцу Василію, пàлицы-булавицы, молодецкіи забàвицы!“ — „А по скольки вамъ нужно фуньтиковъ?“ — Нѣ, тятинька: вы ни спрашувайтя фуньтики, а спрашувайтя пудики! — „Ну много ли жъ вамъ надо пудиковъ?“ — А мнѣ, говорить, тятинька, надо двинатцать пудиковъ! — „Ну табѣ, Иванъ-кухаркинъ сынъ, скольки нужно?“ — Мнѣ восимъ, говорить, пудиковъ. — „Ну табѣ, Василій Васильивичъ, много ли нужно?“ — А мнѣ, тятинька, шэсь пудиковъ нужно! Ну, у царя, правду бають, ня пиво варить, ня вино курить, жалѣза ни пукупать и по кўзьницахъ ни хлопотать. Вялѣвъ гусударь пукувать ймъ палицы-булавицы и золотомъ поблитувать, и имъ на руки подать. Яны узяли еты палицы-булавицы и пубижали ў чистыя пòля, у зялёную дуброву, пугулять. Тады Таратурокъ-собаччій сынъ размахнувъ-размахнувъ, и бросивъ ету палицу-булавицу уверьхъ, и ускинувъ зъ виду вонъ. Тады лятить ина зверьху, ёнъ узявъ, подставивъ лобъ и ѳдарилась палица булавица объ ягоный лобъ, и рассыпалась по маковому зярну̇,—уси двинатцать пудиковъ. Тады, на яго глидя, бросивъ и кухаркинъ сынъ зъ виду вонъ свою палицу-булавицу. Етый подставивъ колѣно, и ў яго тожа разлятѣлась палица-булавица на много-много часьтей,—тольки крупнѣй. Тады бросивъ и Василій Васильивичъ: забросивъ свою палицу-булавицу

зъ виду вонъ. И подстановивъ колѣно, и ина рассыпалась на много долій. Узяли яны еты куски и понясьли къ царю, зачимъ царь здѣлавъ малыи палицы-булавицы.—„Дѣти мои! много шъ вамъ надо прибавки?" Таратурокъ-собаччій сынъ 'пять жа отвичаить упрѣдъ своихъ братовъ: —„мнѣ, говорить, надо дватцать чатыри пуда!" Кухаркинъ сынъ говорить: „мнѣ двинатцать пудовъ нужно!"—А мнѣ, говорить Василій Васильивичъ-царській сынъ, надо десить пудиковъ, и будить зъ мине досить!—'Пять жа пукували палицы-булавицы: Таратурки дватцать чатыри пуда, кухаркинуму сыну—двинатцать пудовъ, а Василію Васильивичу десить пудовъ; золотомъ поблитували, и имъ на руки подавали. Яны 'пять жа узяли палицы-булавицы, и пубижали у чистыя поля, у зялёную дуброву пугулять. Тады Таратурокъ-собаччій сынъ 'пять жа размахнувъ и забросивъ палицу зъ виду вонъ; лятить ина узадъ,—ёнъ подставивъ колѣно; палица-булавица тольки увогнулась, а ни разлитѣлась. Вось яны тады акъ пубижали, и усё бросають палицы уверьхъ, и бягуть усё дальшы и дальши у чистыя поля, у зялёную дуброву. И збѣгли яны на третьтія чарьство, на читьвёртое гусударьство. Убигають у зямлю Юды-антиюды биззаконной головѣ, у чарьство яго.

Убѣгли яны у городъ. Ёсь и питяньнё и ядиньнё, ну народу нѣтути. Яны день зъ вутра до вечира пили-гуляли, у карты играли, на сабѣ ничаво ни сподивались. Бывъ день, даёть Бохъ ночь. Таратурокъ-собаччій сынъ давай жѐрибья митать, кому быть большимъ братомъ, и къ калинувуму мосту, къ огняной ряцэ на каравулъ ити. Упавъ жерибъ самымъ молодшимъ братомъ быть кухаркинуму Ивану, и на первую ночь на каравулъ ити къ калинувуму мосту кы 'гняной ряцэ. На другую ночь Василію Васильивичу сяреднимъ братомъ быть и на каравулъ ити кы 'гняной ряки; на третьтію ночь Таратурки-собаччіиму сыну на каравулъ ити и быть старшимъ братомъ.

Увечири Иванъ-кухаркинъ сынъ пойшовъ на каравулъ къ калинувуму мосту, кы 'гняной ряки; ставъ, нимношко коло мосту постоявъ, коло 'гняной рякѣ. И хто-то тамка тропнувъ, али лопнувъ, пыдъ мостомъ. Ну, кухаркинъ сынъ етыго дѣла спугався и оттулька утёкъ и у ясьли, у стадоли, у сѣно зарывся и проспавъ усю ночь. А ёнъ жа, Таратурокъ-собаччій сынъ, узявъ палицу-булавицу и пойшовъ къ калинувуму мосту, кы 'гняной ряки, пубачить, ти ёсь гэто Иванъ-кухаркинъ сынъ на каравули? Прийшовъ жа ёнъ къ мосту и ни найшовъ молодшыва брата Ивана-кухаркинива сына. И ставъ ёнъ коло мосту, коло 'гняной рякѣ. Вось ёвъ Таратурокъ-собаччій сынъ слышыть—ѣдить Юда-антиюда-биззаконная голова, ву вторымъ часу у ночи,—на водныхъ пличахъ девить головъ. Счасъ кони яго зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали. Ёнъ на ихъ крик-

нувъ громкимъ голосомъ и свиснувъ молодецкимъ посвистомъ су сихъ девять вустовъ: вовчія мясо, чаво вы ржётя? песьтія мясо, чаво вы брешытя? орлиная перья, чаво вы свищитя? Противъ мяне у бѣлымъ свѣти нѣтути супротивника. Тольки ёсь у третьтимъ чарьствi, у читьвёртымъ гусударьствi Таратурокъ-собаччій сынъ; ну ёнъ млодъ, яму нѣтъ трёхъ годъ, ня то, што трёхъ годъ, и трёхъ мисяцòвъ нѣтъ, яво сюды воронъ косьси ни занясѐть!" Ну, Таратурокъ изъ подмосьтя выскочивъ и съ палицый-булавицый, молодецкой забавицый:—„ня вòронъ, говòрить, косьси заносить, а самъ добрый молодецъ заходить".—А, ты, говòрить, ёсь? —„Ёсь".—На обѣдъ, къ завтриму поспѣишъ.—Нѣ, говòрить,—подàвисься. —„Выризай, говòрить, Таратурокъ-собаччій сынъ, токъ, выровняй горы и рвы, штобы было ровно на пидьдисятъ вёрстъ, а я буду пузулачивать!" Таратурокъ-собаччій сынъ якъ фукнувъ—на шысьдисятъ пять вёрстъ вырезавъ токъ.—„Ну, Юда-антiюда-биззаконная голова, позолачивай токъ на шысьдисятъ пять вёрстъ!" Юда-антiюда якъ фукнувъ,—вызолотивъ токъ на шысьдисятъ вёрстъ, а на пять вёрстъ силы у яго ни хватило, съ усихъ девять вустовъ. Тады говорить Таратурокъ: „ну, што намъ такъ спиратца? урéмя, говорить, намъ съ тобой ужу дратца!" Вотъ яны бисядуйрися, бися-дуйрися, и Таратурокъ-собаччій сынъ знявъ Юды-антiюды девить головъ своёй пàлицый-булавицый; и збивъ коней, хортовъ и соколовъ, и въ огняную ряку посадивъ. Тады Юды-антiюды голòвы потрубивъ, отъ тулова посорвавъ, каминь узворотивъ и подъ каминь положивъ. Тады опять пойшовъ у комнату и лёхъ на своё мѣсто. Заря занимаитца, куфаркинъ сынъ обчинаитца, у стадоли, у ясьляхъ, у сѣни, и идѐть къ старшаму брату, якъ бы у роди съ каравула. Ну, Таратурокъ и спрашиваитъ у яго: „ну, што, говòрить, Иванъ—младшій братъ, ти бывъ ты на каравули коло калиновава мòста, коло 'гняной рякѣ?"—Бывъ, братицъ.—„Ти ни видавъ ты ково, ти ни слыхавъ чаво? Можа пяшòй пройшовъ, али на конй хто проѣхавъ?"—Нѣ, братъ: ни видòмъ ни видавъ, ни слыхòмъ ни слыхавъ, и птица и тая ни пролитѣла.—„Вотъ ето хорошо, ды ня дужа; а худо, ды ни сусимъ!"

Ну, яны етый жа самый день пили-гуляли, у карты грали, на сябе ничаво ни спoдивались. Бывъ день, даетъ жа 'пять Бохъ ночь. Таратурокъ-собаччій сынъ посылаитъ сяредниго брата, Василія Васильивича царськаго сына, къ кулинувуму мосту, кы 'гнянэй ряцѣ на каравулъ. Пойшовъ Василій Васильивичъ къ калинувуму мосту, кы 'гнянэй ряки и ставъ подъ мостомъ. И хто-то тамъ тропнувъ, али лопнувъ, ну, Василій Васильивичъ ахти спугався и утёкъ оттуль у стадоль: „што, говòрить, инѣ, царському сыну, пришлось стоять на каравули коло калинываго мосту, коло 'гняной рякѣ?" Тады ёнъ пойшовъ у тоя стадоля и у тыи

ясьли и лёхъ у сѣни спать. Ну, Таратурокъ-собаччій сынъ 'пять жа захотѣвъ взнать, ти ёсь ето сяредьній братъ на каравули коло калиньваго моста, коло гнянэй рякѣ. Узявъ палицу-булавицу и пойшовъ туды. И нѣтути сяредьниго брата на каравули. Ну, ёнъ и ставъ подъ мостомъ. Простоявъ ёнъ до третьтиго часу у ночи, и слышить—ѣдить другой Юда-антюда биззаконная голова, на 'дныхъ пличахъ двинатцать головъ. Сичасъ яго кони зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали. Ёнъ на ихъ крикнувъ громкимъ голосомъ, свиснувъ молодецкимъ посвистомъ су сихъ двинатцать вустовъ: вовча мясо, чаво ржетя, песьтя мясо, чаво вы брешытя, орлиная перья, чаво вы свищитя? Противъ мяне у бѣлымъ свѣти нѣтути супротивника! Тольки ёсь у третьтимъ чарьстьви, у читьвёртымъ гусударьстьви Таратурокъ-собаччій сынъ; ну ёнъ млодъ, яму нѣтъ трёхъ годъ, ня тольки трёхъ годъ, трёхъ мисяцовъ нѣтъ, яво воронъ косьсй сюда ни занясеть, ня то, што ёнъ самъ зайдить. Ну Таратурокъ изъ подмосьтя выскочивъ, съ палицый-булавицый, и говорить: „ня воронъ косьси заносить; а самъ добрый молодицъ заходить.“—„Ти ты, говорить, ёсь?“—„Ёсь“.—„На обѣдъ къ завтриму поспѣишъ!“—„Нѣ, подависься“.—„Выризай, Таратурокъ собаччій-сынъ, токъ на семдисятъ пять вёрстъ, а я буду пузулачивать!“ Вотъ Таратурокъ якъ фукнувъ: вырізавъ токъ на сто двадцать пять вёрстъ!—„Ну, Юда-антюда биззаконная голова,—вызылачивай токъ на сто двадцать пять вёрстъ. Юда-антюда якъ фукнувъ,—вызылотивъ токъ на сто вёрстъ, а на двадцать пять вёрстъ силы у яго ни хватило. „Што, говорить Таратурокъ, мы будимъ съ тобой спиратца,—уремя намъ дратца!“ Тады яны бися-дярися, бися-дярися, и збивъ Таратурокъ-собаччій сынъ Юды-антюды уси двинатцать головъ, и узвярнувъ каминь, пыложивъ ихъ подъ каминь; тады побивъ ягоныхъ коній, хортовъ и соколовъ, и бросивъ усихъ въ огняную ряку, а самъ пойшовъ домовъ и лёхъ спать на своёмъ мѣсьти. Заря занимаитца, сяредьній братъ обчинаетца, у стадоли, у ясьляхъ, на сѣни, и идѣть къ старшаму брату, какъ бы уроди съ каравулу. Таратурокъ у яго спрашиваетъ: „ти бывъ ты, братъ, на каравули“?—Бывъ, баить ёнъ. „Ти ня видивъ ты ково? ти ня слышивъ чаво? можа пѣшій пройшовъ, али конный проѣхывъ?“—Нѣ, братъ, ни слыхомъ ни слыхавъ, ни видомъ ни видавъ.—Ну, ето хорошо, ды ня дужа, худо, ды ни сусимъ!

Яны етый жа самый день пили, гуляли, у карты играли, ны сябе ничаво ни сподивались. Бывъ дёнь, даетъ Бохъ ночь. Приходитца итти на ету ночь самому Таратурки-собаччиму сыну. Тады ёнъ увечири ставляить на вокнѣ стаканъ водки и стаканъ воды, и свѣчку восковую ставить на столѣ, и свѣчку сальную тожа ставить на столѣ; а имъ кладеть двинатцать колодъ картъ, и ихъ просить и приказываитъ: мотритя, братцы

пійтя-гуляйтя, прохлаждайтись, на сибе ничаво ни спыдивайтись, ну спать ни укладайтись, на ети вещи посматривайтя, што я на столѣ посновивъ! Вамъ я объисню ястьвинной правдой: коли пойдѐтъ изъ горѣлки кровъ, тады мы тольки будемъ мѣть звиданьня зъ Юдой-антіюдой биззаконной головой; коли съ сальнэй свѣчки пойдетъ кровъ, тады пойдёмъ зъ нимъ дратца; коли пойдѐтъ кровъ зъ воды, тады ёнъ станитъ мяне осиливать; коли пойдетъ кровъ зъ восковой свѣчки, тады ёнъ мяне убъеть! И до тыхъ вы поръ ни бяжитя, покуль кровъ зъ воды ня увидитя; ну коли увидитя кровъ зъ воды, тады бягитя съ палицый-булавицый кы 'гнянэй ряки, къ калинувуму мосту, бяжитя на вотборону мяне, на сохраненьня души моей! И самъ пойшовъ. Пробывъ жа ёнъ урмя коло семъ часовъ коло калинываго мосту, коло 'гнянэй рякѣ, ожидавши Юду-антіюду биззаконную голову. А яго усё нѣтути. Яны тольки здѣся грали чатыри годины и улеглися спать крѣпкимъ богатырськимъ сномъ, биз жадный опаски. И слышитъ Таратурокъ-суччій сынъ, што ѣдитъ Юда-антіюда биззаконная голова, зимля стонитъ, лѣсъ вянитъ, зъ дуба лисьтя валютца,— вужась шипко ѣдитъ,—на 'дныхъ плечахъ питнатцать головъ, самый набольшій братъ,—и двѣ головы пы большущиму пивному котлу. Кони зарзали, хорты забрихали, соколы засвистали; ёнъ на ихъ крикнувъ: вовча мясо, чаво вы ржетя, песьтя мясо, чаво вы брешитя, орлиныя перья, чаво вы свищитя? На усимъ бѣлымъ свѣти противъ мяне нѣтути супротивника, тольки ёсь равенъ мнѣ у третьтимъ чарьствие, у чатьвёртымъ гусударьстьви Таратурка-собаччій сынъ: но ёнъ млодъ, яму нѣтути трёхъ годъ, дажа и трёхъ мисяцо̀въ; яво воронъ косьсей сюды ни занясѐтъ!—Тататурокъ-суччій сынъ изъ подмосьтя выбихъ и баитъ: „ня воронъ косьси заноситъ, а добрый молодецъ самъ заходитъ. Здорово, Юда-антіюда, биззаконная голова! я учира съ твоимъ братьтямъ витався, а сяни съ тобою повитаюсь!“—„Ти ты тутка ёсь?“ Ёсь,—баитъ Таратурка.—„На обѣдъ мнѣ поспѣишъ!“—Нѣ, подавися.—Выризай, говоритъ Юда-антіюда, токъ на двѣсьтя пидьдисятъ вёрстъ. Таратурокъ-собаччій сынъ якъ фукнувъ, выризавъ токъ на двѣсьтя дватцать пять вёрстъ.—„Ага, говоритъ: малъ, Таратурокъ, токъ.“—Будитъ зъ насъ, ня дѣти у насъ, а дѣти будутъ, самы добудутъ. Тады Юда-антіюда пузулотивъ токъ на двѣсьтя семдисятъ пять вёрстъ,—на пидьдисятъ больши Таратурки. Вось, яны тады узялися битца: бися-дярися, бися-дярися,—Таратурокъ отрубивъ яму пять головъ съ плечъ, а Юда-антіюда убивъ Таратурку у зямлю по колѣно.—„Ну што, говоритъ Таратурокъ: Юда-антіюда! цари-короли дярутца и оддышку маютъ,—будимъ и мы оддыхатъ.—Ну, кольки ни оддыхай, а на обѣдъ поспѣишъ!—Ну, поспѣю, а будимъ оддыхатъ. Тады ёнъ вылизъ зъ зямли, узявъ, зъ лѣвой ноги сапохъ зьдѣвъ и якъ фукнитъ у етый домъ, гдѣ яго

браты Иванъ и Василій; увесь домъ звыротивъ ды потолка, на потолокъ сапохъ узлятѣвъ, — браты ни сочнулись. — Ну, говорить Юда-антіюда: досыть намъ оддыхать, будимъ дратца! хыть съ онной головой останусь, а усё зъѣмъ! Тады яни 'пять жа узялись битца: бися-дярися, бися-дярися, ящо збивъ Таратурокъ Юди-антіюди три головы, а ёнъ убивъ Таратурку у зямлю по самый поясъ. — „Цари короли дярутца и оддышку мѣють; будимъ оддыхать!" — просить Таратурокъ — собаччій сынъ. — „Кольки ни оддыхай, а на обѣдъ поспѣишъ". — Поспѣю, а будимъ оддыхать! Вылизъ тоды Таратурокъ изъ зямли, зьдѣвъ опослѣньній сапохъ и бросивъ у братовъ: знявъ по самыи вокны хату, и сапохъ улятѣвъ у вокно и пупавъ у затылокъ Ивану кухаркинуму сыну; ну столика ни захвативъ. Тады яны ускочили и смотрють на етыть столикъ, якъ примѣты пока жсють: ти живъ старшій братъ, ай нѣ? Пысмотрять — съ усихъ чатырёхъ вящей кровъ идёть, и на столъ канула, ну со столика ни канула. „Ну, одначи, бають, во што, братъ: живъ ня живъ большій братъ, а пубяжимъ якъ можно пыскорѣй къ калинувуму мосту, кы 'гнянэй рякѣ! Потомъ оглянулись, и яго жа обувъ тутъ, и говорють: „вѣрно ня живъ нашъ братъ, коли яго сапоги тутка!" Ну схватили яны свои палицы-булавицы, молодецкіи забавицы, и пусьтились бѣхть кы 'гнянэй рякѣ. „Ну, Юда-антіюда биззаконная голова, говорить Таратурокъ: уремя намъ дратца!" — Ды й пора! кольки ни оддыхай, а усё я тибе зъѣмъ! Ну Таратурокъ видить ето дѣло, што яго братьтя бижать, и отвичаить яму смѣло: „а нѣ! обжарѐсься!" — Што ты, говорить Юда-антіюда, смѣлъ ставъ? — „А то, што я тибе ни боюся, што я тибе зразу убью, на похватъ мало!" — Съ чаво ты силу узявъ? — „А мнѣ, говорить; Бохъ давъ!" И съ одново змаху яму двѣ головы знявъ. Тады и братьтя яго подбѣгли, и давай яго ззаду валять. А Таратурокъ-суччій сынъ упавъ, якъ мёртвый, што дужа измаився. Братьтя яго съ охвоты начали яго рубить палицамъ — булавицамъ и зняли яму чатыри головы съ плечъ; остаетца у яго таперь онна голова, самая нaбольшыя — корнивáя. И Юда-антіюда биззаконная голова опусьтивъ руки и припасъ свой бросивъ объ зямлю и крикнувъ громкимъ голосомъ, просивъ прощеньня у отца-матири и милыхъ своихъ сяьтёръ: „тятинька и маминька, и сястрицы! прощайтя мяне: убивъ мяне Таратурокъ суччій сынъ, сильный могучій богатырь!" И яму зукъ дала у етымъ матъ яго, съ таво града, агдѣ жили Таратурокъ и братьтя яго троя сутыкъ.

Тады добили Юду-антіюду биззаконную голову, изняли опослѣньнію голову. Тады Таратурокъ-суччій сынъ и говорить братьтямъ: во почаму я подався Юди-антіюди: во на твоей ночи, Иванъ, я зьнявъ мяньшому Юди-антіюди девить головъ, девить хортовъ, девить соколовъ и девить коней збивъ! А на твоей, Василій Васильивичъ, я убивъ и фторова Юду-

антіюду, и знявь яму двинатцать головъ, убивъ яго двинатцать хортовъ, двинатцать соколовъ и двинатцать коней! Во почаму у мяне на пять головъ силы ни хватило! И тады сичасъ узвыротивъ каминь и пыказавъ имъ обиду, тыи головы, што знявъ зъ Юдій-антіюдій.

Посли жъ таво пошли яны опять у тотъ горотъ, агдѣ Таратуркины сапоги лижать. Яны лягли спать, Иванъ и Василій, а яму, Таратурки, некыли спать, треба дѣло узнать: гдѣ ето дужа рыкнуло голосомъ у тымъ у городи, якъ прощався Юда-антіюда. Ёнъ пошовъ хлипоныствуя коло вокон ъ, коло комнатъ. Приходить къ оннэй комнати у скрытымъ мѣсьти, коло зилинова саду, и слышить чиловѣчьимъ голосомъ разговоръ. Ёнъ подойшовъ ближи таво къ двярёмъ: совѣтъ прозносють дѣвицы у рёхъ онна съ оннэй, якъ бы звесть съ свѣту етыхъ трёхъ богатырей. Онна говорить: „я, сястрицы, ихъ звяду су свѣту!“—А якъ жа ты звядешъ ихъ, коли яны сильныи могучіи богатыри?—„Нѣ, сястрицы, звяду; яны ня будуть ни знать, ни вѣдыть! Яны пойдуть у такую то зямлю, у такей то горотъ; я ето знаю, такъ я накину на ихъ вяликій жаръ и сонъ, будуть яны бѣхть и валитца, сонъ ихъ будить клонить, а жаръ палить; а я, говорить, обярнусь у стадоль на горочки, тясовою крыватиой, пуховой пяриной, шубой вызылачиваный, и будить тамъ оздухъ лёхкій, запахъ хорошій. Тады яны прибягуть туды, а я упредъ залячу: яны лягуть спать, на мнѣ, на тисовый крывати, на пуховый пярини: якъ уснуть, я ихъ задушу. Вотъ якъ я ихъ звяду!“ А другая говорить: нѣ, сястрица, ты ни звядешъ ихъ су свѣту, а во я звяду!—А чимъ ты ихъ звядешъ?—Вотъ якъ звяду: накину тожа палъ и займу рѣки и озёры; и будуть яны бѣхть и валитца, ну воды нигдѣ ни найдуть. А я оборочусь сама ключкомъ, криничной водичкой, обрубикъ будить сяребриный, ковшичикъ золотэй. Яны по ковшичку выпьють, тады я ихъ разорву! Во якъ я ихъ звяду! Ну третьтія говорить сястрица: вотъ я ихъ звяду!—Ну, а ты якъ?—А вотъ якъ: накину на йхъ оздухъ лёхкій, запахъ хорошій, оздухъ яблышный-виноградный, а еты древы я поунистожу, сама оборочуся яблыной, разными яблычками самоцвѣтными драгоцѣнными. Якъ яны подойдуть и пы яблычку зъядуть, то я у ихъ сэрца повырву! Ну мать ихъ говорить: нѣ, дѣтушки, вы ихъ ни звядетя, вотъ я ихъ звяду.—А ты, матушка, якъ ихъ звядѣшъ?—А вотъ якъ: оборочуся свиньнёй, одинъ лычъ будить рыть у неби, а другей у зямлѣ: якъ ихъ нагоню, то ихъ усихъ и прожру—зъѣмъ! Прослухавши усё, Таратурокъ-суччій сынъ, пойшовъ къ братьтямъ: позно, говорить, тутъ спать; живо времьмя у походъ ступать! Тады и пубижали яны зъ етаво города вонъ.

Бяжи яны, бяжи, бягуть и валютца, сонца жарить, сонъ клонить, прибигають къ етый стадоли. Ну браты яго гетаво дѣла ни знають.

—„Братицъ, говорють: позволь здѣся ляхтй заснуть, очинно здѣся прилесно: оздухъ лёхкій, запахъ хорошій, тясовая крывать съ пуховый пяриный! - „Нѣ, говорить, вы малыи браты, а я большій! я перши засну!" Тады сычасъ подымавъ палицу-булавицу, молодецкую забавицу, якъ тиснувъ палицый по узголовью, по тясовый крывати, по пуховый пярини, такъ у кучу и ссадивъ зразу, пàтрушки еты у мисьтяхъ зложивъ. Уторэй разъ якъ цапнувъ пàлицый-булавицый, тольки лужина крови потикла, и ничаво ни стало. Во, говорить, братцы: ето ня сонъ, а зрада наша! И ни зыхотѣлося имъ спать никольки. Опять пубижали. Бигуть и валютца, уста у ихъ смагой заросли, пить смерть хочитца, нѣтуги на свѣти воды нигдѣ, ни ряки, ни возира, ни разнэй узнòрины. Прибигають къ руччю съ сяребринымъ обрубцамъ, зъ золотымъ ковшичкомъ.—Што, говорють, старшій нашъ братъ: смерть наша, позволь напитца по ковшичку воды! —„Нѣ, братцы, я большій братъ, я перши выпью ковшичикъ, али два. Тады якъ цапнувъ палицый-булавицый по етыму обрубцу, ёнъ яго зломивъ. Тоды ковшичикъ пыложивъ и другей разъ якъ цапнувъ.—ничаво здѣся ни стало: ни криницы, ни обрýба, ни ковшика, тольки рѣзыная кровъ потикла руччёмъ. А имъ ни стало ни жару, ни палу, и пить ни захотѣлось. Тады опять пубижали яны. Бягуть, оздухъ мѣють лёхкій, запахъ хорошій, ѣсь жилають, ды нечива: тады прибигають къ яблыни: вочинь красивая яблыня, яблыки самоцвѣтныи, драгоцѣнныи, ни то, што рукамъ ихъ ирвать, можнò вустамъ узять. Браты опять просють Таратурку: „позволь, братицъ, зъѣсь намъ пы яблыку". А ёнъ имъ отвичаить: „вы молодшіи браты, а я старшэй: перво я зъѣмъ, можа два, а можа и три". Тады ёнъ подскочѝвъ къ яблыни и цапнувъ зё палицый-булавицый пыдъ макушку: суччя ето обломивъ! За другей разъ съ пня зваливъ. Тады узявъ, умисьтяхъ зложивъ и третьтій разъ якъ цапнувъ палицый-булавицый—потудова й дѣла ни стало, тольки лужина крови потикла. А яны ни хотѣли разныхъ хруктовъ, а сами пубижали утикать. Прибигають яны къ воловнику, и ёнъ мѣить тысичу воловъ и пять сотинъ быковъ. „Ну, здорово, воловникъ!" —Ну, здорово, Таратурокъ-суччій сынъ!—„Братъ воловникъ, ни бай, што мы тутытька ишли: ти знаишъ ты свиньню? ина гонитца за намъ!"—Во, братъ Таратурокъ-суччій сынъ: якъ мнѣ иѐ ни знать, коли я иѐ на днѝ по питѝ разовъ видаю.—Тольки я иэ ни боюсь: у мине волы хороши, а мижъ тово волы-полы и быки-кнарасы,—на рогахъ подымуть иѐ, и ничаво ина мнѣ ни здѣлаить! „Пыжалуста ни бай, што мы тутытька ишли!"—Питнатцать рублёвъ, тоды ни скажу! Ёнъ давъ яму дватцать рублёвъ.—Скажу, што шовъ старикъ у питнатцатомъ году съ торбычкой и съ кійкомъ; ходить табѣ, баба, съ торбый и съ кійкомъ! Яны опять пубижали. Прибигають къ конюху: ёнъ

мѣить двѣ тысичи конёвъ и повторы тысичи жирящовъ-сивцовъ-бурцовъ, вѣщихъ каравульцывъ. „Здорово, конюхъ!“ --Здорово, Таратурокъ-суччій сынъ, куды идёшъ, куды путь дяржйшъ?—„Эхъ, братъ, конюхъ: иду и самъ ня вѣдыю куды, дяржу путь дли таво, и самъ ни вѣдыю дли каво“.—Ды што ты мнѣ врёшъ: ты утикаишъ отъ вѣдьми-свиньни!—„А ти знакома ина табѣ?“—А якъ жа ина мнѣ ни знакома? Ды я иё ни боюся, у мине кони хороши, а мижъ тово жирящы сивцы-бурцы, подымуть ие на копытàхъ, ды на зубахъ.—„Братъ, конюхъ, ни сказывай, што мы тутытьки ишли!“—Пидьдисятъ рублёвъ, тады ни скажу! Ёнъ давъ яму сто рублёвъ.—Скажу, баить конюхъ, што у дватцать пятомъ году пройшовъ старикъ. Тады яны сутки убигають. Таратурокъ къ зямлѣ прилигаить, ти слышить вухомъ чиловѣчискимъ: ти бяжить свиньня! Чиловѣчискимъ вухомъ ня слышить. Тады прилёхъ собаччимъ вухомъ, и слышить: бяжить свиньня вужасно шпарко, ажъ зимля стонить! Тады яны давай шпарчѣй таво утикать. Прибигають къ кузняцў Соломону, и въ яго двинаццать учильникòвъ-кузняцовъ, и усё сильныхъ богатырёвъ. И въ ставо кузница усё жалѣзный тынъ, мидяныи ворòты, а пыдворотни зъ рыбби́й косьсй. Тоды сичасъ и говорить Таратурокъ суччій сынъ: „кузнецъ Соломонъ! отопри вороты!“—А што, говорить, тй пупався, братъ Таратурокъ, къ вѣдьми-свиньни? Ёнъ яму отпёръ вороты. „Ну што, братъ, избавъ ты насъ отъ вѣдьмы-свиньни, штобы йна насъ ня зъѣла“.—Могу, говорить кузнецъ Соломонъ: тольки дай тыщу рублёвъ.--„Во табѣ, братъ, двѣ тыщи, тольки избавъ!“ Тады сичасъ бяжить свиньня: одинъ лычъ рыить у зямли, а другей лычъ у неби. Прибигаить къ воловнику и стала удалй: „воловникъ, воловникъ, ти видивъ ты трёхъ богатырёвъ?„—Нѣ, говорить, вѣдьма-свиньня, ня видивъ! я бы и тибе ня увидивъ, коли бъ ты на глазы ни нывярнулась. А пройшовъ старикъ у питнатцатомъ году зъ торбой и съ кійкомъ; и ходить табѣ тожа съ торбой и съ кійкомъ на вѣки. Йна бросилась къ яму, а яё якъ пыдняли волы-полы и быки кнарасы на рогахъ своихъ, тады йна оттуль ходу! И прибѣгла къ конюху; а ёнъ пасёть конёвъ на рѐстонькахъ. „Конюхъ, конюхъ! ти ня видивъ ты трёхъ богатырёвъ? Который яны дорогый ишли?“—Я бы и тибе ня видивъ, коли бъ ты на глазы ни пупала! А здѣся пройшли у дватцать пятомъ году три старики! Ина и оттуль лызу. И прибигаить къ кузняцў Соломону. „Кузнецъ Соломонъ, отпирай вороты!—А на што табѣ отпирать?—„На то, што ни сохраняй Таратурку суччаго сына: ёнъ моихъ трёхъ сыновъ и трёхъ дочокъ звёвъ, и я яго звяду“.—Нѣ, вѣдьма, ни звядёшъ.—„Нѣ, звяду“.—А чимъ табѣ отпирать вороты, ты луччи лижи вороты, а я табѣ Таратурку пыдамъ на лопати. Йна якъ солупнула, половина доски ссадила,—а ина у три аршины была; другѐй разъ якъ

олупнула, и дирку нибольшую прылизала; третьтій разъ якъ солупнула, и языкъ уложила. А кузнецъ Соломонъ вялѣвъ своим масьтирамъ распалить красно клящей, и узять которыи молотки половчѣй, и зхватить свиньню. И зхватили яны иѐ клищамъ яснымъ-зы языкъ увосьмихъ, и давай задавать молоткамъ тижолымъ: бей, бей,—збили на кобылу! И Таратурокъ-суччій сынъ узявъ уздечку и ету кобылу забрытавъ, и спросивъ повѣсмо льну и самъ сѣвъ вярьхомъ и говорить: если ето добрая кобыла и у ей нѣтути ничаво свинова, то я повѣсмо льну запалю и кругомъ тыну обскачу, и ёнъ ни згорить! Третьтію часть двора ни объѣхавъ, а лёнъ спыжѣвъ. „Што, братцы товарышы, распякитя клящі яснѣй, зададимъ ей половчѣй: ина у насъ таперь подъ рукамъ стала!“ Зхватили иѐ клищамъ и давай бить: збили ие на малинькую кобылку, якъ бы трёхъ лѣтъ. Тады Таратурокъ-суччій сынъ узявъ повѣсмо льну и зажохъ, и кругомъ двора объѣхавъ и половина ни згорѣла. „Ну, таперь будить ие бить!“ Тады узявъ, своихъ братовъ Ивана и Василія отправивъ у отцовскій домъ, „ну я, говорить поѣду дальши тово!“ Кузняцу Соломону выкинувъ ящо двѣ тыщи, и сѣвъ на ету кобылицу и поѣхывъ у тёммый лѣсъ, у щирый боръ дорогый.

Прыижжаить питнатцать вярстовъ, стоить сосна тритцать обхватывъ, возли дороги: на етый соснѣ сядить дѣдъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, калита двинанцать яловицъ влизаить; мѣить ёнъ при сабѣ пушку-свистушку-смылянушку, двинанцать сажонъ дылины, и уся гвоздямъ всажина вострыми. „Здрастуй!“ говорить Таратурокъ-суччій сынъ.—„А! ета ты, Таратурокъ-суччій сынъ! ты мнѣ много урону надѣлавъ: звёвъ мою усю хамилію: сыновъ, жану и дочокъ! И я тибе со свѣту звяду!“— „Ну ни прійдитца, штоба ты мяне со свѣту звёвъ, старый дуракъ“. Тады ёнъ етый пушкой-свистушкой-смылянушкой якъ смылянѐть съ сосны: ни пупавъ по Таратурки, а пупавъ по кобыли! Такъ кобылу и пирирубивъ пупуламъ, якъ траву! остався Таратурокъ бязъ лошади! Скочивъ ёнъ къ етуму дѣду на сосну, схвативъ яго за бороду и вдаривъ яго головой объ сосну! И давай ящо прибувлять своёй палицый-булавицый. Голову яго побивъ, бороду яго усю изодравъ, пушку-свистушку-смылянушку отобравъ, калиту яго разодравъ, говядину птицамъ воронамъ и сорокамъ оддавъ,—а самъ и пойшовъ пяшёй.

Усходить ёнъ къ вяликуму полю, коло барськаго двору, и видить выносить богатырь мѣхъ иржы, нямношко—тольки сто читьвяртей иржы; отсюль, съ поля бяреть стохъ хлѣба и нясеть домовъ, и вдарить объ зямлю, смолотить, и зярно высыплитца. „Бохъ помочь, Коробъ-Коробанывичъ!“—Благодарить, Таратурокъ-суччій сынъ. Што, братъ: скажи ты пѣвную правду: куды ты йдёшъ, куды путь дяржишъ?

—„А я иду туды, самъ ни знаю куды, путь дяржу дли того, самъ ни знаю дли кого“.—Нѣ, братъ Таратурокъ! я знаю, што ты идёшъ къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ! Возьми мяне у товаришы!—„А, кому ни нады товаришы, а мнѣ пять-шесь! ступай зъ Богомъ“. И пошли Коробъ Коробанывичъ съ Таратуркомъ у дружби.

Проходють яны одни сутки, сѣить Сявбитъ жито: сто читьвяртей у сивалки держить на пличахъ, и жито на зямлю бросаить, и ў тёмныи облаки смотрить: хорошая луна узойдёть—сѣить, плохая—стоить. „Народи Божа, Сявбитъ!“—Благодарить, Таратурокъ-суччій сынъ! куды идешъ, куды путь дяржишъ?—„А я иду туды, самъ ня вѣдаю куды. путь дяржу дли таво, самъ ни знаю дли каво“.—Нѣ, я знаю, ты идёшъ къ бабиягѣ, къ жалѣзной ногѣ! возьми мяне у товаришы.—„А, кому ни надо товаришы, а мнѣ пять-шесь, ступай зъ Богомъ!“ Поснавивъ Сявбитъ сивалку мяжой и идеть у товаришы. Пройшли яны ня много уремьмя, видють, качаитъ Горовикъ горы, зъ онной стороны дороги на другую, а зъ тэй на ету. „Бохъ помочь, Горовикъ!“—Спасибо, Таратурокъ-суччій сынъ. Братъ Таратурокъ, ти ни возьмешъ мяне къ сабѣ у товаришы?—„А што, братъ: коли хочишъ, пойдёмъ!“ И Горовикъ бросивъ горы качать, и пойшли яны у читьвярохъ. Пройшовши нямного, ляжить Обжора, сярёдъ дороги. А ета дорога идеть чирисъ возира. Ёнъ нагнётца и онну половину выпьить; а потомъ выльить у другую, а потомъ тутытьки напьётца и у тую выльить. „Здорово, Обжора! пусьси дорогу!“—А возьми мяне у товаришы! Узяли яны и Обжору. Иди-иди яны, ти мало, ти много, а тольки увошли яны у тёмный лѣсъ. Бяжить Моросъ на стрѣчу ймъ, объинивши, обдѣлавшись, страсъ смотрѣть. Здорово, Таратурокъ-суччій сынъ! —„Здорово, сильный Моросъ!“—Што, братъ: возьми и мяне къ сабѣ у товаришы: и я къ худой години табѣ пригоджусь!—Узяли и яго. Тады сичасъ идуть ины у шасьтихъ и увошли у чисто поля, у зялёную дуброву. И стоить бѣлъ шатёръ, и у етымъ шатры ляжить Слонъ Ивановичъ, Отрублинная голова, и дяржить пыдъ собой мечъ-самосѣчъ и копьё-довгомѣрное. И тады ублизь подходить Таратурокъ-суччій сынъ къ Слону Ивановичу, и котитца буйная голова Слона Ивановича къ Таратурку и просить низкимъ поклономъ и сэрцамъ покорнымъ: „Таратурокъ-суччій сынъ, сильный могучій богатырь! буть ты такей добрый, приживи ты мнѣ буйную голову, Слону Ивановичу, буду я за тибе стоять, якъ самъ зы сябе!“—Ну, якъ жа мнѣ приживить табѣ буйную голову? у мине припасу такова нѣтути!—„Возьми ты моё тулово богатырськое, повороти, и ёсь подо мною мечъ-самосѣчъ и копьё-довгомѣрное, и ёсь у мяне добрая лошадь богатырськая, дарую яе табѣ, и мечъ-самосѣчъ и копьё-довгомѣрное до жизни твоей, только приживи мнѣ буйную голову. И

ў мяне отрублина голова ни въ учайности, и семъ лѣтъ, а отрубивъ яё Вырiёнъ Антiенывичъ, за ничаинносъ свою, моимъ припасомъ, меччю-самосѣччю, и за мою жану, за законъ, за бракъ. Ну я жану свою оскорбить ни могу: ина къ яму ня прѣлисна, и йна узята по няволи, ни съ вахоты. Поѣдишъ ты на моимъ добрымъ кони, и зъ моимъ припасомъ, тольки якъ ты подъѣдишъ подо градъ Варiёнывъ—и у яго вяликая крѣпось—якъ возможно, коня ни жалѣй, а у крѣпось на кони узъижжай. И у яго ёсь двинанцать псовъ съ жалѣзнымъ дюпкамъ—сильныи богатыри; якъ можно забей трёхъ, али читырёхъ меччю-самосѣччю! А на пѐридъ бросютца къ табѣ самыи злыи и сильныи. Тады ты у градъ уижжай и якъ траву усихъ побьешъ; тады ты на крыльцо, на двинанцатый иташъ уижжай на кони, у бѣлы каменны палаты, къ Вырiёну-Антiенывичу. И коня на крыльцы оснавляй, вострымъ копьёмъ двери митай, а самъ напѐридъ ни ступай, и мёчъ самосѣчъ наготови дяржи. А Варiёнъ Антiёнывичъ броситца къ табѣ со своимъ мячомъ-самосѣчымъ, со своихъ бѣлыхъ каминныхъ палатъ; тогды ты вострый меччю мязкду яго рукъ бросай, и яго мечъ пирярубишъ, и тогды ты знимишъ яму двинанцать головъ змяиныхъ. И ёсь у яго палатахъ колодицъ, и у тымъ колодцы на днѣ двѣ бутыли: въ оннэй бутыли живая вода, а ў другей мёртвая. И табѣ укажитъ жана мыя Сымiхлида Михайловна. Тады йна поѣдитъ съ тобой ко мнѣ, Слону Иванычу, и приживитъ мнѣ буйную голову!

Тады Таратурокъ суччiй сынъ поѣхавъ къ Варiёну Антiенычу тольки одинъ, на добрымъ кони Слона Ивановича; узявъ мечъ-самосѣчъ и копьё довгомѣрное. Подъѣхавши къ крѣпосьси, якъ птица узлятѣвъ на крѣпось; и бросились къ яму еты псы, и ёнъ зразу дивяти псамъ головы знявъ и у городъ узъѣхавъ: вскочивъ на конѝ на двинанцатый иташъ, добра коня поснавивъ на крыльцы и дрогнувъ копьёмъ у еты двери. Зразу разлягѣлись еты двери на нѣскольки дòлiй, и бяжитъ жа самъ Варiёнъ Антiенывичъ ужасна зъ вяликимъ со зломъ: „Хто ето такей тутытька ёсь большы мяне? хто могъ мою дверь разбить и крѣпось ни отпирать?“—А я, говоритъ,—Таратурокъ суччiй сынъ; табѣ ни жалаю со буйной головы шапки узнять! Тады выснавивъ иму напярёдъ копье довгомѣрное, а потомъ якъ ударитъ своимъ мячомъ-самосѣчымъ, и разрубивъ мечъ Варiенывъ. Тады вочинно оробѣвъ Варiёнъ Антiёнывичъ, приклаияитца яму своимъ головàмъ: „ни зруби мои головы, ни проливай крови богатырьскiя, будь ты мнѣ старшимъ братомъ, а я буду молодшимъ, и пувиливай ты усимъ моимъ ‘мѣньнимъ.“—„Нѣ, ни жалаю я етава, отвичаитъ Таратурокъ: а жалаю знять твои головы и придать тябе злой смерти!“ И зрубивъ яму Таратурокъ уси яго двинанцать головъ и

пробивъ довгомѣрнымъ копьемъ яго рятивое сэрца и проливъ горячую кровъ. Сйчасъ ето дѣло вузнала Симiихлида Михайловна, што ёнъ прiѣхавши отъ Слона Ивановича: тащить еты двѣ бутыли воды, и яму подаётъ и сама зъ нимъ на доброва коня садитца, и уижжають зъ етыхъ мястовъ. Привёзъ Таратурокъ Слону Ивановичу живой и мертвой воды и жану ягоную, и приложили яны яго голову къ яго тулову, и полилй живой водой и лилй изъ бутыли въ уста, и у четьвиртъ годины Бохъ збавивъ, и ёнъ живъ ставъ. „Ну, братъ Таратурокъ: спасибо табѣ, што ты прижививъ мнѣ мою буйную голову." Тады жану у шатры оснавивъ, а самъ пойшовъ съ Таратуркомъ.

Идутъ яны усямёхъ, а Таратурокъ ѣдитъ на лошади. И прiижжаютъ яны къ баби-ягѣ, къ жалѣзной ногѣ. И у яе двинанцатъ дочокъ, вочинно красивыхъ, вужасна прiукрасныхъ. И кругомъ жалѣзный тынъ, и урытъ коло крыльца мидяный стовпъ: и вбито у ёмъ семъ колецъ: царьскiй сынъ коня привяжитъ за золотое кольцо; королевськiй—за сяребриное кольцо; купечискiй—за мидяное; а прочихъ вящей нижы тово. Таратурокъ межа-таво привизавъ свойго коня за уси семъ колецъ, на вопись ни смотря. И самъ пойшовъ у бѣлы каминны палаты. У палатахъ сидять двананцать дочокъ прiукрасныхъ. „Здорово, дѣвицы красавицы!"—Здорово,—Таратурокъ суччiй сынъ!—„Дѣ жа ваша матка?"—„Матка разузнала ваши дила и поѣхала за моря, сичасъ прiѣдитъ, привязетъ сто воловъ къ свадьби!" Скоро пришли и яго шесь товаришовъ: Коробъ Коробанывичъ, Сявбитъ, Горовикъ, Обжора Моросъ и Слонъ Иванывичъ. „Ну, здорово, дѣвицы красавицы!"—„Здорово, друзья любезныи; якъ васъ Бохъ собравъ усихъ умисьтяхъ?" Яны говорють: „насъ собравъ Таратурокъ суччiй сынъ!" Сей минуты прiижжаитъ баба-ига, жалѣзная нога, на ступи ѣдитъ, тувкачомъ погоняитъ, граблямъ слѣдъ загрибаитъ, а помяломъ замитаитъ. Якъ узъѣхала на свой дворъ и ввидила коня, и што ёнъ привязанъ къ усимъ кольцамъ: „ня можно, говоритъ, взнатъ, хто такей за молодецъ прiѣхавъ! Ну тольки хто ни ёсь, а буйну голову зниму и усторну на тынину!" Тады сичасъ улизаитъ ина у домъ свой: „што за богатыри тутытька такiи?" Яны отвичаютъ: „здорова, баба-ига, жалѣзная нога!"—„Ну, я думала, хто такiи молодцы, ажна ето тутъ сильныи богатыри! Во што, дочунька: протопи-ка ты байню дли милова дружка!" А у яе байня уся жалѣзная. Вытопила дочка байню, дужа жарко. Баба-ига и зоветь ихъ у байню. А Таратурокъ пославъ Мороза; ёнъ якъ тропнувъ-лопнувъ: охолодивъ байню, напусьтивъ усю инiю. „Садися, зятёкъ, поѣдимъ у байню." Сѣли Таратурокъ зъ бабой-ягой на ступу и поѣхали. Ёнъ узявъ съ собой палицу-булавицу и пушку-свистушку-смолянушку. Прiѣхали яны у байню, а тамка холодно. Вось ёнъ якъ зачавъ бить бабу-ягу палицай-булавицай и пушкой-сви-

стушкой: „што ты, говорить, надо мной насмѣшку робишъ.“ Тады загадала другую дочку топить байню, штобы три са̀жени сожгла, штобы духу было. Якъ вытопилась байня, Таратурокъ опять послав Моросъ. Ёнъ якъ тропнувъ-лопнувъ—напусьтивъ повну снѣгу.—Поѣхали опять у байню Таратурокъ и баба-ига. А тамка опять хо̀лодно. Вотъ ёнъ якъ начавъ ие бить сильнѣй таво: „што я хлопицъ табѣ, ти што?“ И дужа збивъ бабу. Вось ина тады и говорить: ну, зятёкъ, таперь я сама буду топить: двинанцать са̀женъ дубовыхъ дровъ спалю, а у̊сё ублаготворю.“ Натопила ина байню и подсту̊пу нѣтути. Таратурокъ послав Моросъ. Ну ёнъ ничаво не мохъ подѣлать,—дужа жарко. Тады послав Обжору; ёнъ якъ начавъ лить водой, обхладивъ байню, а Моросъ ильдомъ задѣлавъ. „Ну, поѣдимъ, зятёкъ, у байню.“ Сѣли яны на ступу и поѣхали. А тамки одинъ лёдъ. Тады ёнъ ие ящо больши набивъ. Ну, ина змирилась и давай доставлять разныхъ питиньня̀ и идиньня̀. „Коли, говорить, ублаготворишъ, то ня буду бить, а нѣ, то голову̊ зниму!“—„Ублаготворю,“ говорить. Напикла ина и наварила усяво; а Таратурокъ послав Обжору. Ёнъ якъ начавъ уплитать, за онну щаку вола, за другую два, и пыглотавъ усё. Ина другой расъ напикла ще больши; а ёнъ тожа усё поѣвъ. Тады баба-ига ето дѣло вузнала, и у̊ третьтій разъ ихъ, окро̀ми Обжоры, ублаготворила. Яны тамъ пили и ѣли и гуляли. Напослѣдокъ Таратурокъ убивъ бабу-ягу и знявъ ёй голову и всторнувъ на тынину, а самъ жанився на ейный дочкѣ.

Товаришы яго пойшли у свои мясты, а ёнъ пріижжаить жъ жаной къ отцу. Царьскій сынъ Василій царьствомъ править, а Иванъ-кухаркинъ за дворника, а батьки у живыхъ нѣтути. Ёнъ жалаить, штобы братьтя яму покорялись; ну царьскій сынъ Василій въ етымъ дѣли ни въ согласіи. И просить ёнъ другихъ царей помочи противъ Таратурки. Ну, Таратурокъ въ етымъ дѣли ни робѣить, на свою силу богатырьскую надёжу мѣить и на свой запасъ богатырьскій; отсѣкъ Василію Васильвичу голову и ставъ яго царьствомъ пувиливать. А Йвана-кухаркина сына узявъ къ сабѣ у палаты. И живъ зъ имъ у согласіи.

Бозьянская вол. городок. у. Запис. г. Василевъ отъ мѣстнаго нищаго, посѣщавшаго и губерніи великорусскія. Языкъ вслѣдствіе этого смѣшанный.

30. Тридцать три сына съ половиной.

Якъ живъ такъ сабѣ старикъ исъ старухой. Дыкъ у ихъ було ***тритцать три сыны съ половиной.*** Отпусьтили имъ сѣножати тритцать три десятины съ половиной. Покосили яны, наклали тритцать три ськирты съ половиной. Тоды унадилася у ськирётки кобылица изъ за моря, тритцать три жерябцы съ половиной. Тоды батюшка ето покуль оглѣдивъ,

дыкъ ськи̂рётки двѣ ай три яны и зьѣли. Приходить енъ, говорить:— ахъ, сынки моѐ любые, говорить: шкода у насъ ёсь,—нѣхто ськи̂рётки на̂чивъ ѣсьти наши! Ну, тыя, которыя поѣдены двѣ, которыя цѣлы—стали ходить на калавуръ туды, къ ськи̂рёткамъ. Который дѣ то пойдеть, коло ськи̂рётки ляжить, только тое и останетца, што подъ бокомъ, а ськи̂рётки и нѣту. Тоды ходили, ходили—уси переходили, осталася тольки половиночка ськи̂рётки. Тоды Половинка-Исьтинка на батюшку говорить: „што ты батюшка, вѣдаешъ?"—„А што, сынокъ?"—„Ѣдь ты у городъ и купи зялѣза пудовъ десятокъ, и скуй мнѣ три прутики, да по три пудики! Пойду я ськи̂рёточки сьтяречь," говорить. А батюшка отказуеть: „э, Исьтинка добрый молодецъ: э, скольки сьтерягли, не усьтерягли, а половиночки уже нечаго и сьтяречь!"—„А спробую, батюшка." Вотъ, батюшка поѣхывъ и купивъ зялѣза пудовъ десятокъ и скувавъ яму три прутики да по три пудики. Тоды привозить. „Што, татка,—ти здѣлавъ?"—„Здѣлавъ!" „Ну вотъ, попробую я сьтяречь!" Тоды узявъ прутики подъ пашку и пошовъ къ ськи̂рётцы. Пришовъ, на ськи̂рёточку лёгъ и отъ, тольки люди увоспалися, кобылица изъ за моря и лятить, тритцать три жерябцы съ половиной, и обступили ськи̂рёточку тую яго кругомъ. Ёнъ тады думавъ, думавъ—якимъ бы способомъ ускочить на ие, на кобылицу на тую? Иськи̂нувся мушкой и усьсѣвъ на яѐ. Кобылица ўсчула, што ёнъ усьсѣвъ на ие,—пошла угору. Ина лятить, а ёнъ прутикомъ мижъ вушъ мижъ вушъ, и сьсѣкъ одинъ прутикъ. Ина й промовила яму: „ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, за што ты мяне болно сячёшъ?"—„А на што мяне високо нясешъ?" Ина тоды пошла спускатца на зямлю. Ёнъ другей прутикъ узявъ, усё мижъ вушъ, мижъ вушъ!—Сьсѣкъ и другей. Ина ще промовила: „эхъ, Исьтинка, добрый молодецъ, што ты жалаешъ изъ мяне?" говорить.—„А вязи мяне на батьковъ дворъ" говорить. Покуль узьѣхавъ на батькинъ дворъ—третьтій прутикъ исьсѣкъ. Тоды батюшка у вокно посмотрить: „ахъ, сынки моѐ любые! посмотритетка, што Исьтинка лошадей нагнавъ! Не пгинули ськи̂рётки наши!" Тоды вышли на подворья и давай разьдилять: кобылицу батьку старому; ну, жерябцовъ тожа зновъ—большаго большому, такъ рядомъ и разьдялили усихъ. А Исьтинку половиночка досталась. Ёнъ Половиночка, и коня яму половиночка.

Ну, доклали до царя: ёсь у царстьви такій старикъ, тритцать три сыны съ половиной. Царь обдумався—што одного батюшки, одные матушки, можеть, ёсь который удобный,—осилокъ якій, ти што. Вотъ и спросить ихъ до сябе, тольки кинуть отцу-матери Половиночку, похоронить отца-матерю, а тритцать три кабъ къ яму, до царя, прибыли. Тяперь тыя поѣхали тритцать три, а Половиночка осталась. И подумавъ: што жъ? тыя тритцать три браты поѣхали; што нибудь имъ будеть, награда икая,

а мнѣ за труда нѣту ничого! заплакавъ и пошовъ у конюшню. А лошадь спрашуеть: „што ты, Исьтинка, добрый молодецъ, силно плачешъ? Мнѣ тяжко, я не могу у конюшни стоять!“ А ёнъ отказуеть: „якъ жа мнѣ не плакать: тритцать три браты поѣхали до царя, имъ икая, икая награда будеть, а мнѣ за труда нема ничого!“ Ёнъ отказуеть: „не плачь, добрый молодецъ, садись на мяне лягѐнько, дяржися кряпѐнько, яны у томъ, у томъ гомонищи ночують, яны 'гня не развядуть, мы тамъ будемъ!“ Ну, ёнъ усьсѣвъ лягѐнько, дѐржитца кряпенько. Поднялись угору, дыкъ и видють, дѣ яны на зѐмли, якъ мухи повзають. Тоды подъѣхали подъ ихъ, спусьтилися на зямлю. Ёнъ поводъ узявъ на плечи тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козёлъ, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узявъ, поводъ уськинувъ яму на шію, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходить къ тяплу и говорить: вотъ жа, каеть: приволокся нашъ Исьтинка! А большій братъ говорить: ахъ, братцы родные: гукнитя яго къ тяплу: которыя судки волочѐтца, ня пивши, ня ѣвши; мо̀а, ѣсь хочеть, хоть ба ёнъ ѣсь спытавъ! А яны говорють: коли захочеть, дыкъ и самъ придеть! говорють. И не позвали. Тоды переночевали, знова опять назаутрaго устали, умылись, Богу помолились, убираютца ѣхать. Тоды большій братъ каеть: ахъ, братцы, разбудитя Исьтинку добраго молодца! мы поѣдемъ, жерябёнокъ тогды зьбяжить куды, ногды зьвѣрь спортить. А яны отказують: „атъ, стольки бяды, каеть, коли зьбяжить, коли зьвѣрь спортить! Высьпитца, выдухнетца, дакъ вѐрнетца назадъ!“ И поѣхали. А ёнъ якъ спать дыкъ спать, якъ спать дыкъ спать, троя судокъ сьпить. Тоды уставъ, прошнѐтца—нима ни братовъ, ни лошадя! Ёнъ и зновъ якъ заплачеть силнѐнько,—конь бяжить, земля дрыжить. Ёнъ яго спрашуеть: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, чаго ты плачешъ, говорить, силненько,—ажъ мнѣ тошно, я по зямлѣ не могу ходить!—Ёнъ отказуеть: што, лошадь моя добрая—якъ мнѣ не плакать силно? Што жъ,—отъ батюшки я отбився и къ братомъ не прибився! Ёнъ говорить: Исьтинка, добрый молодецъ, ты не плачь! Яны у томъ и томъ гомонищи ночують, яны 'гня не развядуть—мы тамъ будемъ! Сядь на мяне лягѐнько, дяржись кряпѐнько! Ёнъ усьсѣвъ лягѐнько, узявся кряпѐнько, поднялись угору̀, дыкъ и видють, идѣ яны по зямлѣ якъ мухи повзають. Тоды подъѣхали ближы къ имъ, спусьтилися на зямлю. Ёнъ поводъ узявъ на плечи и тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козёлъ, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узявъ, поводъ уськинувъ яму на шію, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходить къ тяплу и говорить: вотъ жа, каеть: приволокся нашъ Исьтинка! А большій братъ говорить: ахъ, братцы родные: гукнитя яго къ тяплу: которыя судки волочѐтца, ня пивши, ня ѣвши, мо̀а, ѣсь

хочеть, хоть ба ёнъ ѣсь спытавъ! А яны говоруть: коли захочеть, дыкъ и самъ придеть! говоруть. И не позвали. Тоды яны переночевали, знова опять назаутраго устали, умылись, Богу помолились, убираютца ѣхать. Тоды большій братъ каеть: ахъ, братцы, разбудитя Исьтинку добраго молодца! мы поѣдемъ, жерябёнокъ ногды забяжить куды, ногды и зьвѣрь спортить. А яны отказують: „атъ, стольки бяды, каеть, коли, зьбяжить, коли зьвѣрь спортить! Высьпитца, выдухнетца, дакъ вѐрнетца назадъ!“ А ёнъ, якъ спать дыкъ спать, якъ спать дыкъ спать, троя судокъ знова сьпить. Тоды уставъ, прошнѐтца—нема ни братовъ, ни лошадя! Ёнъ и изновъ якъ заплачеть силнѐнько,—конь бяжить, земля дрыжить. Ёнъ яго спрашуеть: ахъ, Исьтинка, добрый молодецъ, чаго ты плачешъ, говорить, силненько,—ажъ мнѣ тошно, я по зямлѣ не могу ходить!—Ёнъ отказуеть: што, лошадь моя добрая—якъ мнъ не плакать силно? Што жъ, отъ батюшки я отбився и къ братомъ не прибився! Ёнъ говорить: добрый молодецъ, ты не плачь! Яны ѣхали троя судокъ, мы ихъ у три часы догонимъ! Яны у томъ и томъ угомонищи ночують, яны ‘тня не развядуть—мы тамъ будемъ! Сядь на мяне лягѐнько, дяржись кряпѐнько! Ёнъ усьсѣвъ лягѐнько, узявся кряпѐнько, поднялись угору̀, дыкъ и видють, идѣ яны по зямлѣ, якъ мухи, повзають. Тоды подъѣхали ближы къ имъ, спусьтилися на зямлю. Ёнъ поводъ узявъ на плечи и тягнеть, а ёнъ ногами скородить, якъ козёлъ, зямлю. Тоды подъѣхавъ уже къ имъ, къ табуну, узявъ, поводъ уськинувъ яму на шію, а самъ и лёгъ спать. Который братъ бывъ ли лошадей, приходить къ тяплу и говорить: приволокся нашъ Исьтинка, добрый молодецъ! Большій братъ: о?—Яйбогу!—Ахъ, братцы родные! которыя судки волочѐтца, ня пивши, ня ѣвши! Узбудитя яго! Исьтинка добрый молодецъ вѣрно ня стàнетца!—Которыя судки, говорить, волочѐтца. Тоды узяли, разбудили яго тамъ. Поѣхали, уси до царя. Якъ ѣхать дыкъ ѣхать—скоро каетца, ня скоро дѣетца—пріѣхали къ царю. Царь выходить: Здрастуй, здрастуй, господа! Поздрастувалиси, давай ихъ началниками наса́джувать—того тымъ, того тымъ—тритцать три браты, усё началство. Тоды говорить: што жъ, господа, а куды Исьтинку добраго молодца припоручимъ? говорить. Тоды яны сказують: а куды припоручить яго?—лошадей досматривать! Ну и припоручили яго коло лошадей досматривать.

Тоды обдумався царь: одного отца, однѐ матушки, моеть, который удобный? Што, господа началство, ти ня можетя вы пройти который до Бога, распросить у Бога, *ча* (чего) сонца примяркнуло на троя судокъ? Тэй каеть: я не могу, тэй каеть: я не могу! Тритцать три браты,—ни водинъ ня можеть. Тоды нара̀дзилиси: скажамъ, што нашъ Исьтинка можѐть. Спросивъ царь Исьтинку: што ты, Исьтинка, добрый молодецъ, говорить: што,—можашъ ты дойти до Бога, распросить, ча сонца примярк

нуло на троя судокъ? Ёнъ говорить: што жъ, тритцать три браты больших ёсь, а мяне мѐзинаго посылають! говорить. Тоды сконпановали уси браты: да, говорють: яму страшки не давши, по чесьти ня пойдеть! Ёнъ заплакавъ силненько, пошовъ у конюшни. То лошадь спрашуеть: „ахъ, Исьтинка добрый молодецъ! ча ты плачешъ силно? Мнѣ тошно, я не могу стоять у конюшни?“ А ёнъ отказуеть: якъ жа мнъ не плакать? тритцать три браты больших ёсь, ды ня могуть ити до Бога, распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ, а мяне мѐзинаго посылають! — „Ну, што жъ? кода посылають, дакъ нужно слухать, говорить. Иди!“ Отъ, ёнъ и пошовъ.

Якъ ити, дыкъ ити — скоро каетца, ня скоро дѣетца — и стоить обаполъ шляху два дубы. На тыхъ дубохъ бъютца два вороны. Ды якъ силно бьютца, што крыви по заборсьни на корѐньни. Яны у яго й спрашують: ахъ, Исьтинка добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясеть далеко? — А пославъ царь до Бога распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись тамъ объ насъ, объ грѣшныхъ: докудова мы битца будемъ? — Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити — приходить ёнъ къ морю. А черезъ моря стоить рыбина. Дакъ ёй подковами да ʻбодьдями рѐбры поломали. Тая знова говорить: охъ, Исьтинка, говорить, добрый молодецъ, куда Богъ нясеть далѐко? — Пославъ царь до Бога распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись объ мяне, объ грѣшномъ, докуль я покуту ету буду держать? — Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити, а сядить обаполъ шляху на ʻдномъ боку мущина, на другомъ женьщина и качають камень, — тэй отъ сябе пихнѐть да — охъ, жарко! тэй отъ сябе пихнѐть да — охъ, жарко! Тыя зновъ говорутъ: эхъ, Исьтинка, добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясеть далѐко? — Пославъ царь до Бога распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись объ насъ, объ грѣшныхъ, — докуль мы будемъ камень етый качать? говорють. — Хорошо, говорить, спомянусь! Тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити — ажъ дяржить человѣкъ тынъ зялѣзный и кричить: ай, тяжко! ай, тяжко! Етый человѣкъ пытаетца: ай, Исьтинка, добрый молодецъ, куда тябе Богъ нясеть? — А иду къ Богу. Пославъ царь распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись тамъ обо мнѣ грѣшномъ, докуль мнѣ етый тынъ держать? — Хорошо, спомянусь! Тоды, якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити — стоить баба: переливаеть воду съ колодяжа у колодяжъ. Тая узновъ спрашуеть: эхъ, Исьтинка добрый молодецъ! куды тябе Богъ нясеть далеко? — А пославъ царь до Бога распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ! — Спомянись объ мяне объ грѣшной, докуль я ету воду буду мѣрить? говорить. Хорошо, спомянусь! Отъ тоды, якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ

ити, приходить къ Господу Богу. Господь Богъ яго спрашуеть: што вамъ Исьтинка, надо, объ чомъ вы спрашіетя?—А што жъ, Господи! приславъ царь распросить, ча сонца примяркнуло на троя судокъ?—А ча примяркнуло?—дѣвка сына спородила, ды у воду утопила; того сонца у гонорь уступило, зачимъ дѣвка сына загубила,—и на три дни примяркнуло! Ну, тоды ёнъ и пошовъ. Ёнъ яму записочку давъ. А тоды спомянувся: эхъ, говорить: скольки мнѣ на дорози було злучаю, а я и призабувъ. И вярнувся назадъ распросить.

Вярнувся ёнъ къ Господу Богу.—Ча ты воротився назадъ? А ёнъ сказавъ: а, Господи Божа! призабывъ, якія мнѣ злучаи былй!—А якія табѣ злучаи были?—Першій злучай: стоить обаполъ шляху два дубы. На тыхъ дубохъ бъютца два вороны, ды якъ бъютца! Крыви по заборсьни! Просили спытатца, докуль имъ такъ битца.—А еты вороны коли будуть дѣлать, якъ надумалиси, дыкъ будуть битца, покуль сьвѣту перямѣна, а коли такъ будуть дѣлать, якъ Господь показавъ по вангилю, дакъ перестануть битца!—А йще, Господи, якій злучай бывъ ище: стоить рыбина черезъ моря,—по ёй ходють и подковами, ободьдями ребры поломали. Дакъ и тая просила, штобъ и объ яѐ спомянувся: докуля покуту я буду держать ету?—А коли выкархнеть назадъ корабъ тэй зъ народомъ, што проглотила на волю, дакъ пойдить по воли, а ня выкархнеть, дыкъ будеть держать, покуль и сьвѣту перямѣна. Да не кажи приходя, а кажи перяйшовши вярсту, абы й двѣ отыйшовши. А то йна тябе утопить! говорить.—А йще, Господи, якій бывъ злучай: на 'дномъ боку шляху мущина сядить, а на другомъ женьщина, да й качають камень,—тэй оть сябе, тэй оть сябе, и кричать: ай, жарко! Дакъ и тыя говорили: спомянись объ насъ, объ грѣшныхъ,—докуль мы будемъ камень етый качать?—А ето кумы; ѣхали къ хрясту, да й грѣхъ сотворяли; отъ имъ качать, покуль сьвѣту перямѣна. Да не кажи приходя, а кажи отыйшовшиси, а то яны тябе покотють!—Ну ще жъ, Господи: дяржить человѣкъ тынъ зялѣзный да й кричить: ой тяжко, ой тяжко! Дыкъ и тэй говоривъ: спомянися объ мяне, докуль я буду етый тынъ держать?—А ёнъ ня думавъ на етый сьвѣтъ, а якъ на тымъ бувъ, дакъ казавъ: якъ помру, дыкъ хоть тынъ мной подопри! Дыкъ яму держать, покуль сьвѣту перямѣна! Ды не кажи приходя, а кажи отыйшовшиси, а то ёнъ тябе подопреть! каеть.—А ще Господи, якій злучай бывъ: переливаеть женьщина воду изъ колодежа у колодежъ, и того не дольлеть, и того не дольлеть. Дыкъ и тая просила: спомянись объ мяне, грѣшной, докуль я буду ету воду мѣрить? А ета баба чужія молоки мѣрила, отбирала у коровъ, дыкъ ина будеть мѣрить, покуль сьвѣту перямѣна. Да не кажи приходя, а кажи отыйшовшиси, а то ина и тябе у колодежъ усодить!.. Ну й пошовъ.

Приходить къ тэй баби. „А што, Исьтинка, добрый молодецъ: ти поминався объ мяне объ грѣшной?“—А, поминався! Погоди, покуль минў, тоды раскажу! Тоды минувъ яе: переливать табѣ ету воду, покуль и сьвѣту перямѣна! говорить.—Ну, догадався, што уперядѣ не сказався!—Полоскався бъ и ты тутъ! говорить. Тоды приходить къ тому, што тынъ дяржить. А што, Исьтинка добрый молодецъ,—ти опоминався объ мяне грѣшномъ?—Поминався; погоди, покуль мину, тоды раскажу! Якъ минувъ: держать табѣ етый тынъ, покуль и сьвѣту перамѣна!—Ну, догадався; што уперядѣ не сказавъ!—пособивъ ба и ты бъ держать мнѣ тынъ! Тоды приходить къ тымъ, што камень качають. А што, Исьтинка, добрый молодецъ,—ти опоминався объ насъ грѣшныхъ?—Поминався: погодитя, покуль мину, тоды раскажу! Тоды минувъ ихъ: качать вамъ етый камень, покуль и сьвѣту перямѣна будеть!—Ну, догадався, што упѐрядѣ не сказався!—покатився бъ и ты, якъ камень етый! Тоды приходить къ тэй рыбини. А што, Исьтинка, добрый молодецъ,—ти опоминався объ мяне грѣшной?—Поминався, погоди, перяйду, тоды раскажу. Тоды отыйшовся ёнъ можа у вярсту ти боли, говорить: коли выкархнешъ ты корабъ зъ народомъ, што проглынула, на волю, дыкъ и сама пойдешъ по воли, а ня выкархнешъ, дыкъ будешъ лежать, покуль и сьвѣту перямѣна! Ну, ина якъ карханула,—дыкъ на вярстў, ти боли, водў выбросила зъ берега, покуль выкархнула,—корабъ тэй и пошовъ. И яна пошла по воли. Тоды приходить къ тымъ къ дубо̀мъ. Тыя спрашують у яго, тыя вороны̀: ти опоминався объ насъ грѣшныхъ?—Поминався, погодитя, покуль мину, тоды раскажу! Якъ минувъ: коли будетя дѣлать по божаму по закону, якъ Богъ наповѐдявъ вамъ, дыкъ перестанетя битца. А коли будетя дѣлать, якъ надумалиси, дыкъ будетя битца, покуль и сьвѣту перямѣна!—Нѣ, ня будемъ, каеть, своимы думамы, а по божаму по закону, говѐрить. Во̀, дубы расьхинулиси, и яны перестали битца.

Тоды пришовъ, подавъ до ца̀ря записку тую. Поля̀дѣвъ царь, похвапивъ. Тоды уздумавъ царь, што у якомъ то царстьви, у якомъ то государстьви, Богъ знаеть, идѣ, ёсь царевна пригожая, ды нихто ня высватаеть яе. Тоды спросивъ у етаго началства: што, господа: можетя вы зъѣздить у такоя и такоя царство, мнѣ царевну высватать? Яны—тэй каеть: не могу! тэй каеть: не могу! Тритцать три братьтя и ни водинъ ня можеть. Скоппановали знова на Исьтинку, што Исьтинка нашъ говоривъ: што, могу, каеть. Тогды спрашуеть царь у Исьтинки: што, Исьтинка: можешъ ты у такоя и такоя царство зъѣздить, мнѣ царевну высватать? Ёнъ говорить: дѣ жъ я могу? Тритцать три браты большихъ ёсь, ды ня могуть, а я мѐзиный, ды у всякое дѣло довждо̀нъ уступа̀ть! Да! тукнули уси браты: ёнъ по чесьти ня пойдеть! Ямў страшки не давши,—ёнъ

по честьти ня пойдеть! говорють. Ну, ёнъ, значитца, заплакавъ силно и пошовъ у конюшни. Лошадь яго говорить: ахъ, Иcьтинка, добрый молодецъ: ча ты силно плачешъ, ажно мнѣ тошно стоять у конюшни?—Этъ, лошадь моя добрая: тритцать три браты большихъ и ни у якоя дѣло не уступають, усё мяне посылають!—У такоя и такоя царство у сваты ѣхать, кабъ царевну высватать!—Што жъ дѣлать, посылають, говорить, дакъ иди!—живъ будешъ!

Ну, ёнъ пошовъ. Якъ ити дыкъ ити—скоро то каетца да няскоро дѣетца—сустрѣкаеть человѣка. Здрастуй!—Здрастуй! Куды Богъ нясеть далеко, Исьтинка, добрый молодецъ?—Пославъ царь у сваты у такоя и такоя царство, царевну высватать за яго!—Говорить: возьми и мяне съ собою!—А што ты за человѣкъ? говорить.—Да я такей человѣкъ, говорить: вы придитя къ крѣпосьти къ такой, што ни узыйти ни узьѣхать, тольки птицы перелятѣть!—цыгунныя сьтѣны, цыгунныя ворота—дыкъ ты скажешъ: хто мнѣ вороты отопрѣть? А я скажу—я! Якъ плячми тернусь, дыкъ разломаю, раскрышу усю крѣпось ихъ!—Ну, ходемъ! Пошли. Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити, сустрѣкаетца яще человѣкъ. Здрастуй, Исьтинка добрый молодецъ!—Здрастуй!—Куды Богъ нясеть далеко, Исьтинка, добрый молодецъ?—Пославъ царь у сваты у такоя и такоя царство, царевну высватать за яго! Говорить: возьми й мяне съ собой! А што ты за человѣкъ? говорить. —А я такей человѣкъ, што крѣпось якъ вы зломаетя, а ёнъ услышить,—якь пусьтить хортовъ—по цѣломъ мядьвѣдю,—дыкъ яны васъ и разорвуть. А ты скажешъ: хто хортовъ униметь? А я скажу: я! По два, по три за хвосты укучу позьвяжу и на парканъ повѣшу!—Дыкъ ходемъ! Ну й пошли. Ити дыкъ ити, ити дыкъ ити, ще сустрѣкають человѣка. Здрастуй, Исьтинка, добрый молодецъ!—Здрастуй!—Куды Богъ нясеть далеко?—Пославъ царь у сваты у такоя и такоя царство, царевну высватать за яго! Возьми и мяне, съ собой! А што ты за человѣкъ? говорить. А я такій человѣкъ: якъ вы хортовъ повяжитя, ёнъ на скольки пячей хлѣбъ будеть печь; тоды загадаеть вамъ загадку: скольки у мяне хлѣбушка ёсь, кабъ увесь поѣденъ бувъ, а коли окорочакъ дѣ найду, топоръ да мечъ—голова доловъ съ плечъ и на ножи серца вытащу. Дыкъ ты скажешъ: хто хлѣбушка поѣсь? А я скажу: я! Дакъ я по двѣ по три булки, по двѣ по три булки—и ще ѣсь буду просить—увесь поѣмъ. И скольки напитковъ выкатить кухвовъ, дакъ ты скажешъ: хто напитки попьеть? Я скажу: я! Дакъ я уси напитки попью, и пить буду просить!—Ну, каеть, ходемъ! мнѣ етакія люди надо, говорить.

Ну тоды, якъ ити дыкъ ити, якъ ити дыкъ ити,—приходють яны къ той крѣпосьти, ни узыйти ни узъѣхать, цыгунныя сьтѣны, цыгунныя во-

роты. Якъ тернувся етый плячми, дакъ разломавъ, раскрышивъ усю крѣпось ихъ. Тоды тэй царь якъ почувъ, што разломали крѣпось, пусьтивъ на ихъ хортовъ по цѣломъ мядьвѣдю.—летять на ихъ! Тоды енъ каеть: хто мнѣ хортовъ униметь? Тэй каеть: я! Ёнъ по два, по три за хвосты укучу позвязавъ и на парканъ повѣсивъ! Ну тоды, пришли. Здраствуй!—Здрастуйте, сватовъя! Щѐ у мяне етакихъ сватовъ не було̀, якъ вы пришли! говорить. За чесь принявъ ихъ.

Тоды пили, пили, гуляли, гуляли, и приказавъ на скольки пячей хлѣбъ печь, ды кабъ и знашували ето укучу яго. Ну, давъ Богъ вечеръ, ёнъ ихъ отправляеть: „ну, сватовъя, говорить: смотритя! скольки хлѣба ёсь, кабъ увесь бывъ поѣденъ за ночь; а ежали нѣ, найду окорочку, топоръ да мечь—головы доловъ съ плечъ, на ножи серца вытащу!" Ну тоды, отправивъ ихъ особянно, такъ, у боковочку—станемъ говорить. Пошли яны, давай у карты гулять; гуляли, гуляли, тоды ёнъ посылаеть слугу: иди поляди, што̀ яны дѣлають? Можа яны плачуть, забиваютца, што не голодны, а хлѣбушка стольки? дѣ яны яго подяють? Тэй пошовъ. Што? говорить.—А што?—у карты гуляють, пѣсьни сьпивають!—Пусьть перядъ смертю, говорить, красуютца! Тоды яны гуляли, гуляли у карты, вѣдомо, люди ужо поусыпалиси, ёнъ говорить: а хто мнѣ етый хлѣбъ поѣсь? А тэй говорить: я! Якъ ставъ: по двѣ, по три булки, по двѣ, по три булки,—попоѣвъ тэй хлѣбъ увесь, пошовъ подъ царській домъ, уклавъ голову у вокно и кричить: ай, ѣсть хочу! ай, ѣсть хочу! ай, ѣсть хочу! Усю ночь не даеть царю спать! Давъ Богъ день. „Ну однача, говорить, сватовъя: скольки у мяне сватовъ ня було̀, ще такихъ обжоровъ ня видавъ!—скольки поѣли, и ще ѣсь просють!

Вотъ тоды день гуляли, гуляли, пили, пили.—усяго було, тольки птушаччаго молока ня було—тогды выкативъ кухвовъ, ды говорить: ну, господа сватовъя! кабъ попили за ночь уси напитки еты, кабъ нидѣ капли не нашовъ! А ежли найду, топоръ да мечъ—головы доловъ съ плечъ, на ножи серца вытащу! Ну й отправивъ ихъ у боковочку. Пошли яны, давай у карты гулять. Гуляли, гуляли, тоды ёнъ посылаеть слугу: иди, поляди, што̀ яны дѣлають? Можа яны плачуть, забиваютца, што напилиси, а напитковъ стольки?—дѣ яны ихъ подяють? Тэй пошовъ. Што? говорить. А што?—у карты гуляють, пѣсьни сьпивають!—Пусьть перядъ смертю, говорить! красуютца! Тоды яны гуляли, гуляли у карты, вѣдомо, люди ужо поусыпалиси, ёнъ говорить: А хто мнѣ еты напитки попъеть?—Я! И пошовъ. Якъ цмухнеть у кухву, дыкъ и нема, дыкъ и сухо у кухви, якъ цмухнеть у кухву, дыкъ и нема, дыкъ и сухо у кухви. Попивъ усё. И пошовъ подъ царській домъ, уклавъ голову у вокно и кричить: ай, пить хочу! ай, пить хочу! ай, пить хочу! Не давъ царю спать усю ночь. Богъ день давъ. „Ну,

однача, говорить, сватовья: скольки у мяне сватовъ ня було, ще такихъ пьяницъ ня видавъ! скольки попили, и пить просють!—Ну, вѣрно наша дочь да то ваша будеть!" Попили заручины и отправивъ ихъ.

Прiѣжжаеть. Тэй царь сичасъ кабъ жанитца, къ вянцу ѣхать. А ина говорить: „нѣтъ, вы справилиси, а я не справилась—обнороватя. Ну, Исьтинка добрый молодецъ! слушали вы царя, послушайтя и мяне! Уже не туда, а ў повдороги. Видили вы идѣ хатка стоить? У тэй хатцы моя бабушка живеть, и ў яе подъ печчу гусельки. Дыкъ кабъ ты мнѣ приставивъ ихъ! Тоды будемъ и вясельля гулять!" Ну, ёнъ пошовъ.

Якъ ити, дыкъ ити, приходить къ тэй хатцы. Ажъ Баба Зьмiя тая похаджуеть по двору. „Што, бабушка,—можня переночувать у васъ?"—Чаму, можня! говорить. Отъ ёнъ занучувавъ. Ина некуды отвярнулася, ёнъ полядѣвъ, идѣ тыя гусьли, крючкомъ зачапивъ, нагутувавъ, якъ ихъ вытащить ужо оттўля. Тоды ина легла; якъ засьнеть, ёнъ тихинько—цморьгъ ихъ! Дыкъ яны зазьвинять. „Эй, Исьтинка добрый молодецъ! не швидкуй! ня рушъ!"—Што, бабушка,—почаму я знаю, што у васъ идѣ дѣетца: ти у васъ мыши пищать, ти што?—То-то жъ, говорить, ляди жъ! Тоды знова поляжить, поляжить, тольки яна разосьпитца,—ёнъ цморьгъ! Дыкъ яны якъ зазьвинять. „Эй, Исьтинка добрый молодецъ! не швидкуй! ня рушъ!" Што, бабушка,—почаму я знаю, што у васъ идѣ дѣетца: ти у васъ мыши пищать, ти што?—То-то жъ, говорить, ляди! Тоды давъ ей ужо разоспатца ловко, а самъ узявъ порасьчинявъ и дьвери и вороты и усё—кабъ утечь ужо—тоды якъ выхапивъ ихъ съ подпечи, дыкъ яны дыръ, дыръ! дыръ, дыръ! Дыкъ ина за имъ! Гналася, гналася, чуть не порвалася, бѣгучи. „Ну, Исьтинка добрый молодецъ! посьлѣднiй ба разъ ты ходивъ! говорить. А царь тэй ужо видить, што ина не подаетца яму, ня хочеть жанитца зь имъ, дакъ ёнъ приказавъ у воротихъ яму выкопать и жару напалить. Тоды приходить Исьтинка—яны канаву выкопали, жару наготовали, и бляхой затянули, накрыли. „Ну, Исьтинка: по сьвѣту ты походивъ, усякихъ воздуховъ ты набрався; зволь перяйтить перезъ ету бляху! говорить. Таа царевна отвѣщаеть: нѣ, говорить: ето ня Исьтинку наготовлено, а ето, хто со мной одружитца хочеть!—Вотъ, коли перейдетя перезъ ету бляху, дакъ мой другъ будешъ, а нѣ—нѣ! Тоды царь тэй—и жанитца хочетца, и смерти получить не хочетца—и пошовъ. Тольки ступивъ на бляху, а ина цморьгъ! Ёнъ туды и шамъ! А ина бляхой и накрыла. А зь Исьтинкой ожанилася. Исьтинка усимы братамы командуеть и тяперь.

И я тамъ бывъ, мёдъ, вино пивъ, да то ў роти ня було, по бородѣ потякло. Дали пирогъ, я за порогъ; дали крайчикъ, я подъ вороты, якъ

зайчикъ; дали щуку, я усю дорогу щупавъ. Щупавъ—щупавъ, ничого не найшовъ, такъ прійшовъ.

Д. Чернавцы, радомльской вол. чаусск. у. Отъ кр-на Гаврила Минина, 60 л., неграмотнаго.

31. Малъ Малышокъ.

Живъ дѣдъ изъ бабой. И ня було у ихъ дитей. Дѣду уво снѣ сoснилось, што иди ты у лѣсъ, назьбирай яецъ птушаччыхъ и вывядитя дятей сабѣ. Расказавъ ёнъ сонъ баби, и баба такъ яму сказала: „што жъ, иди, дѣдъ, у лѣсъ, назьбирай яецъ птушаччыхъ, посыпимъ у рэшато, я сяду, дятей вывяду. Яны будуть пищѣть—намъ будеть веселѣй,—мы будемъ думать, што наши дѣти!“ Дѣдъ бабы послухавъ, пошовъ у лѣсъ, узлѣзъ на бярезину—одно яйцо въ гняздѣ. Ёнъ у другую—тамъ тожъ одно. Такъ ёнъ узлазивъ на тритцать бярозъ.—На статьняй бярози нашовъ два яйцы. Такъ ёнъ собравъ тритцать одно яйцо. И больши лазить не ставъ. Принёсъ яйцы домовъ, у рэшато усыпавъ, и сѣла баба на яйцы. Усё ровно, якъ курица. Нядѣли церазъ три вывялися дѣти, не птушаччыя, а настоящыя дѣти—мальчички. Баба тогды говорить: „лядитку, дѣдъ, ня птушки, а усё сыны! тритцать одинъ!“ Дѣдъ ставъ радъ, што яму Богъ сыновъ давъ. Собравъ дьвѣ пары кумовъ, горэлки съ повгарца, запрогъ коня, поѣхавъ къ попу. Ставъ просить, кабъ пріѣхавъ попъ дятей кьстить. Пріѣхавъ попъ кьстить. Ставъ кьстить ихъ—усихъ перакьстивъ, по разному имю давъ. Одинъ бывъ хужы усихъ, меньшый—тому имя не нашовъ. Сказавъ дѣду и баби: „якъ хочыцця, такъ яго и зовитя, я имя не нашовъ!“ Якъ ёнъ меньшы усихъ бывъ, прозвали яго *Малымъ Малышкомъ*.

Стали яны росьти не по годахъ, а по часахъ. Церазъ годъ стали большыя. Тогды яны сказали батьку: „тать, што мы будемъ гулять?—будемъ работать!—Можа пожни ёсь косить, пойдемъ косить! Ѣдь на мѣсто, косъ купи намъ!“ Поѣхавъ батька на мѣсто, купивъ тритцать косъ, а одну не нашовъ—меньшаму сыну. Усё мѣсьтечко общукавъ, не нашовъ косы. Привёзъ косы домовъ. Бярития, сынки, косы, котору который хочыть! Сыны подышли, разобрали косы. Малъ Малышка пришовъ: а мнѣ, батька, гдѣ коса?—Нема, мой сынокъ, не нашовъ. Я старый, а ты малый—будемъ дома!—Ну, нехай будеть такъ, якъ батька кажыть!

Была у яго пожня. Пошли яны косить,—отъ свойго сяла вёрстъ за пять. Пришли на пожню, пожня была большая, яны размѣрали кажный сабѣ по ковалку, а два ковалки такихъ покинули—батьку и Малышку. Ну, яны косють. А Малый Малышокъ сказуеть батьку: пойду я, тать, по-

ляджу, якъ яны косють тамъ. Батька кажыть яму: гляди, сынокъ, кабъ не заблудивъ!—А можа й попаду! Пошовъ, ды заблудивъ. Увышовъ у лѣсъ. Ходивъ, ходивъ, ня можно выйти изъ лѣсу. Полядѣвъ на ўвесь лѣсъ тоды—одинъ дубъ вышы за усяго лѣсу. Ёнъ узлѣзъ на тэй дубъ, полядѣвъ кругомъ,—бачить, што у тритцатёхъ косють. Ёнъ тогды узявъ етый дубъ за макушку рукою, похинувся у етый бокъ, дѣ косють, задомъ,—гэтый дубъ пераломився пополамъ. Узявъ сучча побла̀мувавъ, на плечы, да й пошовъ прамо туды. Пришовъ къ имъ, кажыть:—«поможы, Божа, вамъ, братцы! Што вы два ковалки пожни покинули? нехай ба усё разомъ косили! Ти гэто можа чужая?» А яны кажуть: гэто покинули табѣ изъ батькомъ!—«Якъ жа мы будемъ косить: я малый, а ёнъ старый? —А хоть сабѣ наймитя!—«Ну ладно, кажыть! Шапку зьдѣвъ, пераксьтився —поможы Божа мнѣ! И давай косить! И косить, и грабеть, и у стохъ кладеть, гэтой дубинкой! Упѐрадъ за ихъ скосивъ—одинъ два ковалки— и скосивъ и скативъ. Дубину гэту у землю убивъ, и коло дубины стохъ склавъ. Яны кажный своѐ ковалки покосили, особо, кажный по стогу. Тогды пришли домовъ съ пожни. Батька говорить: ну што, сынки, покосили пожню?—Покосили усю! А Малый Малышокъ кажыть батьку: покосили, а два ковалки покинули! Батька кажыть: на што?—Мнѣ ковалокъ и табѣ!—Я, каеть, ужэ старый, косить не могу!—Не тужы, батька, я скосивъ и у стохъ склавъ!—А вы—пытаетца у ихъ, у тыхъ сыновъ: вы у одинъ стохъ склали?—А мы, кажуть—пособя! Накосили тритцать одинъ стохъ! Тогды батька кажыть: трэба яго пилнувать, покуль перевязёмъ, а то покрадуть! Узяли у десятёхъ пошли пилнувать. Ночу цѣлу пилновали, а нѣхто стохъ укравъ. Пришли изъ варты, пытаетца батька: ти цэло сѣно?—Одинъ стохъ нѣхто укравъ. Сказавъ батька на ихъ: дураки! у десятёхъ ня упилнували! На другую ночь другій десятокъ пошовъ. Тожа такъ само перапилнували—и зновъ нѣхто стохъ укравъ. На третьтюю ночь третьтій десятокъ пошовъ—тожа такъ само не запилновали—и стохъ украдено. На чатьвёртую ночь трэба першаму десятку йти. Яны стали споровать изъ Малышкомъ: и у яго жъ стохъ сѣна ёсь, нехай ёнъ идеть! —Ну, дакъ што жъ, кажыть: коли йти, дакъ и йти! Сходи, батька, къ ковалю, нехай коваль кульку зялѣзную скуеть, пудовъ у тритцать. Пошовъ батька къ ковалю, скувавъ кульку пудовъ у тритцать. Узявъ ёнъ кульку гэту, кинувъ угѐру, дакъ яна изъ вочъ утякла̀. Видить ёнъ, што назадъ лятить—потставивъ лобъ. Ина по лбу якъ ударила, развалилася на чатыри ковалки. Тогды ёнъ кажыть: батюшка, искуй мнѣ другую кульку, пудовъ у тритцать пять, да кабъ мякчѣйшая трошку, а то дужа сухая! Коваль скувавъ другую. Узявъ ёнъ гэту, кинувъ угору̀—гэта зъ вочъ не улятѣла—звярнулася назадъ. Знова лобъ потставивъ,—якъ ударила,

тольки у кули ямочка стала небольшонькая. «Ну, гэта будеть ладна!» Узявъ гэту кулю и пошовъ пилнувать сѣно.

Пришовъ къ свойму стогу, узлѣзъ наверхъ, сѣвъ. Сядѣвъ, сядѣвъ, чуеть—нѣшто стучыть, ажъ земля дрыжыть. Видить—бяжыть кобыла, а за ёй тритцать одинъ жарабокъ. Прибѣгла къ гэтуму стогу, дѣ ёнъ сядѣвъ, и давай яго кругомъ ѣсьть. Ёнъ дотуль сядѣвъ, покуль стохъ зьѣли. Не большы якъ на одинъ сажанъ застало́сь. Тогды ёнъ схвативъ гэту кобылу. Не ухапивъ за гриву, да за хребётъ, и сѣвъ задомъ напярòдъ. Отъ яна яго повязла!—по поляхъ да по лугахъ, по високихъ лѣсахъ! А ёнъ кулькой яѐ по с—ы. Ина дотуль возила, покуль уморилась. Тогды яму кажыть:—«Малъ Малышокъ, пусьти мяне у сьвѣтъ гулять,—а табѣ дамъ, што ты хочышъ?»—Я, кажыть, ничо́го не хочу, а тольки отдай мнѣ гэтыхъ жарабковъ!—«Бяри сабѣ, тольки пусьти мяне!»—А ты жъ мяне обманишъ!—«Нѣ, кажыть,—ня 'бманю!—«Прибѣгла къ гэтымъ жарабкомъ, а яны ужэ сѣно доѣдають. «Садися, говорить яму,—на самаго бо́льшаго—а гэтыя уси услѣдъ по́йдуть!» Ёнъ подумавъ, подумавъ—хоть гэты и утякуть,дакъ одного будеть за сѣно досыть! Ёнъ узявъ да сѣвъ на яго. Поѣхавъ, ажно яны уси усьлѣдъ и пошли. Приѣхавъ домовъ, кони на дворъ ня лѣзуть—дворъ бывъ маленькій. Кажыть: «ходитя, братцы, бяритя сабѣ по коню! Я уловивъ, сѣно ядучы!» Вышли тыя браты, кажный сабѣ по 'дному узяли. А яму не осталось. Одинъ бывъ хужы усихъ хромый, ломый, дакъ ёнъ застався ззаду, пришовъ посьли,—разомъ не справився йти. Тогды ёнъ кажыть: во й мой пришовъ. А яны стали сьміятца коло яго: «самъ ко́ній ловивъ, а сабѣ якого покинувъ!»—Ну, што изъ вамы дѣлать, изъ дуракамы? Луччыхъ ко́ній побрали, да ящѐ й сьмяютца коло мяне,—мнѣ й гэтый хорошъ будеть!

Ну, стали яны тогды кажный свойго жарабка гудувать. Посправляли хомуты, колёсы, стали усё работать, у лѣсъ ѣзьдить, зямлю пахать. Дворъ хороший выстроили, большый—стали жыть на первый сортъ, што луччы ня трэба.

Жыли яны такъ, жыли, годы тры-чатыры. Скучыло имъ такъ жыть. Тоды яны сказали такъ: поѣдимъ мы у сьвѣтъ, якъ намъ злучытца—жанитца, а можа, у службу куды придялитца! А Малъ Малышокъ говорить: вы ѣдьтя, а я не поѣду: батька изъ маткой старэя—хто ихъ прихоВаеть безо насъ!—Ну, ты сабѣ оставайся! Тольки жъ ты насъ не догонишъ тогды!—Догоню, и дорогу найду! Узяли яны и поѣхали. Малъ Малышокъ застався дома.

Церазъ годъ батька померъ. пухувавъ ёнъ батьку, лѣпи якъ протчыя хованоть. На другій годъ матка померла. Малъ Малышокъ матку щѐ лѣпшы пухувавъ. Останьня—гэто прикла́дины—отправивъ пу батьку, пу матцы,

тогды собравъ мужуковъ, спытався у ихъ: «можа хто найдетца на моё хозяйство подъ арэнду, годовъ на нѣскульки? Пріѣду, дакъ возьму, а не пріѣду—дакъ соусимъ ня трэба мнѣ ничого!» Дворъ гэтый бывъ лѣпи паньскаго. Мужуки ня 'динъ не ўзявся, за тоя, што вяликій дворъ бывъ. Ёнъ гукнувъ пана, отдавъ дворъ пану подъ рбсписку—арэнды ниякія, абы бъ тольки тэтакій бывъ дворъ, якъ тяперъ. А жарабка свойго годовавъ,—тоя пить и ѣсьти дававъ, што самъ ужывавъ. За тры годы выучывъ яго говорить съ собой, и за тры годы узгодовавъ яго лѣпи братьнихъ. Хлѣбъ продавъ, грошы узявъ, поѣхавъ братовъ догонять.

Браты ѣхали тры годы, а ёнъ догнавъ ихъ у тры мѣсяцы. „Здоровы, братцы?"—Здоровы, Малъ Малышокъ! Якъ жа нашы дома, батька йзъ маткой?—„Батька йзъ маткой въ вѣшнымъ доми, а вамъ на здоровъя! Якъ жа вамъ злучалось? Што вы видили: худо ти добро?"—Худа ня видили, а добра було много. Тяперъ ты ѣдь попѐраду!

Вотъ якъ поѣхавъ Малъ Малышокъ напѐрадъ, цѣлый день проѣхавъ, ня 'днэй дяревни ня було, тольки лѣсъ да поля. Заходить сонца. Пріѣжжають къ лѣсу, ажны стоить хатка на куриной нозцы и крутитца. „Стой, каеть, хатка, ня крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!" Ина стала. Выйшовъ ёнъ у хатку, ажны ляжыть Баба-Юга косьтяная нога, ляжыть на полу, ноги у сьтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату: „Здрастуй, Баба Юга, косьтяная нога!"—Добрыдень, здоровъ, Малъ Малышокъ! Куды ѣдешъ, куды путь держышъ?—„Ѣдемъ у сьвѣтъ, якъ намъ случытца: можа гдѣ жанитца, а можа куды у службу придялитца!"—А ти много васъ ёсь? баба спрашуеть.—Тритцать одинъ!—Ну, школа! У мяне ёсь дватцать девять дочокъ, пожанилися бъ! Ѣдьтя дальшы, у моѐ сястры повинно быть!.. Пошовъ ёнъ съ хаты, сѣли и поѣхали. Ѣхали, ѣхали, проѣхали часовъ десять, пріѣхали еще къ хати, также самó—стоить на куриной нозѣ и крутитца. „Стой, каеть, хата, ня крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!" Яна перавярнулася. Увышовъ Малъ Малышокъ у хату, видить—опять ляжыть Баба Юга косьтяная нога, ляжыть на полу, ноги у сьтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату: „Здрастуй, Баба Юга, косьтяная нога!"—Добрыдень, здоровъ, Малъ Малышокъ! куды путь держышъ?—„Ѣдемъ у сьвѣтъ, якъ намъ случытца: можа гдѣ жанитца, а можа куды у службу придялитца!"—А ти много васъ ёсь? баба спрашуеть!—Тритцать одинъ!—Ну, школа!—у мяне тритцать дочокъ,—однэй не хватаеть; а то бъ пожанилися бъ! Ѣдьтя дальшы,—у моёй сястры ёсь! Поѣхали дальшы. Теразъ малое урэмя пріѣхали къ хати—стоить на куриной нозцы и крутитца. «Стой, каеть, хата, не крутися, ко мнѣ дверамы перавяртися!» Увышовъ Малъ Малышокъ у хату, видить, опять ляжыть Баба Юга косьтяная нога, ляжыть на полу,

ноги у сьтяну, носъ у потолокъ, а ротъ у трубу. Пришовъ у хату. «Здрастуй, Баба Юга косьтлная нога!» Добрый вечаръ, здоровъ, Малъ Малышокъ! Куды ѣдешъ, куды путь держышъ?—«Ѣдемъ у сьвѣтъ, якъ намъ случытца: можа гдѣ жанитца, а можа гдѣ у службу придялитца! Ну добро, што васъ Богъ принёсъ! у мяне тритцать одна дочка, будемъ свадьбу гулять! Заѣжжайтя на дворъ, распорадитя конёвъ. Я завялю дать овса и сѣна! Яны заѣхали на дворъ, распорадили конёвъ, овса-сѣна наготовлено *було*. Зайшли усѣ ў хату; дала имъ выпить и закусить; зазвала своихъ дочокъ. Пришли яе дочки, гэтакія красавицы, што лѣпшыхъ шукать ня трэба. „Ну, каеть, зятьки мое: выбирайтя сабѣ, который кому хочыть!» Ну, яны узяли каждый по днэй. Тогды яна кажыть: «ну, кладитеся спать, а заутра будемъ свадьбу гулять!» Узяли, лягли спать. Малъ Малышокъ вышовъ къ свойму жарабку, ёнъ яму и кажыть: «Малъ Малышокъ! думаешъ жанитца, а приходитца съ сьвѣту збытца!»—За што такъ?—«Гэта вѣдьма порэжыть васъ! Якъ лягжытя спать, возьми, шапки имъ понадивай на головы, а братамъ платки позавязувай, и самъ сабѣ такъ зьдѣлай! Ина уноччы устанеть, у яе ёсь мечъ-самосѣчъ, пусьтить по тыхъ головахъ, которы у шапкахъ. А ты ня спи и гляди, дѣ ина будеть мечъ брать. Якъ мечъ пяройдеть по головахъ, тогды утякайтя!» Лягли яны спать, а Малъ Малышокъ не заснувъ. Якъ яны заснули, тогды ёнъ узявъ, шапки понадивавъ дѣвкамъ, а платки позавязувавъ малцамъ. Устала баба, носомъ понюхала, ладно послухала,—спять уси! Пошла на полати, узила мечъ-самосѣчъ, приказала яму: иди по тыхъ головахъ, потсякай, которыя ў шапкахъ! Мечъ-самосѣчъ пошовъ потсякавъ головы. А баба каеть: у день прибяру! Баба заснула. Малъ Малышокъ узбудивъ братовъ, тихынько съ хаты вышли, и кажыть имъ: поѣдемъ! А яны кажуть: а жанитца жъ? А ёнъ кажыть имъ: молитя Бога, што не пошли на тэй сьвѣтъ за гэтыхъ дѣвокъ.

Поѣхали дальшы. Отъѣхали вёрстъ триста, прочнулася баба. Оглѣдила, што дочки посѣчаны, ну, кажыть—Малъ Малышокъ хитёръ! хитрый! Ды ня утёкъ, догоню!» Було у яе тры козлы на стайни; узила козла, сѣла вѐрхомъ, стала зялѣзнымъ тувкачомъ погонять, Малъ Малышка догонять! Не дала отъѣхать трыста вёрстъ, догнала за тры часы. «Э, каеть, Малъ Малышокъ: ня утекъ отъ мяне. Давай изь имъ битца. Билися, билися, тры часы. Малъ Малышокъ забивъ яе козла.

Тогда яна пошла назадъ пяшкомъ, а Малъ Малышку сказала: «будешъ ты самъ у моихъ рукахъ!»—Ну, тогды тоя и будеть.

Проѣхали яны сьвѣтъ,—што назадъ ворочатца? Придялилися у царство, на службу. Царъ у ихъ распытався: откуль яны, якѐя? Яны яму расказали, и вѣрно служыть стали. Малъ Малышокъ надъ братамы зьдѣ-

лався ляхвѐторомъ. Ёнъ ставъ надъ имы командувать. Имъ стало жалко, што меньшый большымы командуеть. Пошли къ цару, сказали, што за трыдевять зямель, у трыдевятомъ царстьви, ёсь баба, а у тэй бабы ёсь мечъ самосѣкъ,—ёнъ самъ рубить, самъ сячеть и головы умѣсто кладеть. Нашъ Малъ Малышокъ можэть достать яго! Царъ призвавъ Малъ Малышка, кажыть яму: «а ти правда гэто, што за трыдевять зямель, у десятомъ царстьви, ёсь баба, а у тэй бабы ёсь мечъ самосѣчъ, самъ рубить, самъ сячеть и головы у мѣсто кладеть? Кабъ ты мнѣ яго доставъ!» —Ёсь то ёнъ, ёсь, а достать ня можно!—«Ну, ня 'тказъ, а то отсяку головў сичасъ!»—Дайтя строку часы на тры подумать, якъ зьдѣлать! Пошовъ къ жарабку на конюшню, начавъ тужыть, што дрэвно стало жыть. У яго жарабокъ пытаетца: «чаго, Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ тэй мечъ-самосѣчъ достать! «Ну, гэто, кажыть, ня служба, а служба-службочкой будеть! Молися Богу, ложысь спать!» Пошовъ ёнъ къ цару объясьнився, што привязѐть мечъ. Помолився Богу, лёгъ спать. Назаутраго уставъ, помывся, Богу помолився, сѣвъ на жарабка, и къ баби покативъ. Пріѣхавъ саму повночь. Ямў жарабокъ кажыть: ти видивъ жа ты, дѣ мѐчъ?»—Видивъ!—«Иди, бяры тйхынько, кабъ ина не почула,—ина тяперъ сьпить. Скорынько назадъ утекай!» Ёнъ пошовъ, узявъ мечъ-самосѣчъ на полатяхъ, тихынько вышовъ съ хаты. Сѣвъ и поѣхавъ. Устала баба, якъ стало видно. Спознала, што у яе нѣхто бывъ. Оглѣдилася, ажъ меча нема. Яна узнала, што Малый Малышокъ. Вышла, сѣла на козла, тувкачъ у руки узила, сѣла на козла, тувкачомъ погоняеть, удругъ Малышку догоняеть. Кажыть яму: тяперъ зъ моихъ рукъ ня ўшовъ! Стали битца. Бибися, билися, Малъ Малышокъ зьбивъ козла. Пошла баба назадъ, говоручы: што щѐ будешъ у моихъ рукахъ!—Ну, тогды тоя будеть! Привѐзъ Малъ Малышокъ мечъ-самосѣчъ цару. Царъ яго за гэто нагородивъ вышшымъ чыномъ, ундаръ-охвицэромъ.

Братòмъ большы стало завидно. Пошли узнова къ цару, говоруть: што òтъ, тамъ и тамъ, у тэй самой бабы ёсь гусьли-самогулы: самы грають, самы скачуть, самы пѣсьни пяють, якъ тольки ихъ потисьнешъ! Малъ Малышокъ можэть доставить!» Призаваеть царъ Малаго Малышка, пытаетца: «ти правда гэто, што ёсь у тэй самэй бабы гусьли-самогулы, што самы играють, самы скачуть, самы пѣсьни пяють?»—Ня вѣдую, ваша царськое величество!—«Ня 'тказъ, а кабъ разузнавъ, а то отсяку голову у часъ!..» —Буду шукать! Пришовъ къ жарабцу и ставъ тужыть, што узнова стало худо на сьвѣти жыть. «Объ чомъ ты такъ засмутився?» гэто жарабецъ пытаетца.—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ отъ тэй-самэй бабы достать гусьли самогулы: самы грають, самы скачуть, самы пѣсьни пяють, якъ тольки ихъ потисьнешъ! Да не вѣдую, ти ёсь!—«Ёсь, говорить, до-

станемъ! жарабецъ отвящая яму: «Садися поскорэй, держысь покрапчэй —мы якъ сигнёмъ, сичасъ къ баби присьтигнёмъ.

Пріѣхали къ баби. Ёнъ и сказуеть: «ступай у хату: якъ у хату увойдешъ на правой руцэ, на полатяхъ, лежать гусьли. Тольки тихынько бяры, кабъ яны не зайграли. Баба почуеть, яна тябе убъеть. Яна тяперъ вышла нѣкуды на малое урэмя!» Пошовъ ёнъ у хату, увышовъ направо на полатки, узявъ гусьли у своѐ лапки, вышовъ, сѣвъ и запѣвъ. Жарабецъ говорить: мовчы, баба убъѐть! Поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, ти много—ти мало, покуль баба разузнала, што гусьлявъ нема. Узила третьтиго козла, жалѣзный товкачъ,—ну погонять, Малышку догонять. Догнала, начила битца. Бились пуутора сутокъ. Зьбивъ ёнъ яе козла. Тогды яна заплакала: огорчывъ мяне на вѣкъ! Поѣхавъ Малъ Малышокъ у дворъ привёзъ гусьли-самогулы. Узявъ царъ гусьли самогулы, ставъ ихъ жать, яны стали йграть—пѣсьни пѣть и плясать—што на усёмъ царстьви слыхать. За гэту службу нагородивъ царъ Малъ Малышка чыномъ хитьхвѐбалямъ.

Братомъ опять стало пущэй отъ яго. Ставъ ихъ службой натягавать лѣпи,—гэто за гэто за самое, што яны яго выдавали. Отъ нѣякъ то у тоя урэмя злучылося, што сонца на днэмъ мѣсьти тры часы простояло. Пошли братьтя къ цару и сказали, што Малъ Малышокъ можэть узнать—отчаго. Призаваеть царъ Малъ Малышка, задаеть яму службу, кабъ разузнавъ, отчаго сонца на 'дньмъ мѣсьти тры часы простояло. Ёнъ сказуеть: «ниякъ ня можно!»—Ну, ня 'тказъ, отрублю голову уразъ!—«Дайтя слободы часы на тры!»—Хуть и на сутки, можно!

Пришовъ ёнъ къ жарабку, ставъ тужыть. Яму здалося, што ня придетца большы на сьвѣти жыть. А жарабецъ у яго пытаетца: «объ чомъ, Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—Кабъ разузнавъ, отчаго сонца на днэмъ мѣсьти тры часы простояло! А жарабецъ яму говорить: «гэно ня служба, а служба службочка будеть! Садись да поѣдемъ!» Сѣвъ ёнъ, поѣхали. Ѣхали, ѣхали сутокъ съ троя. Пріѣхали къ мору, ажно ляжыть празъ мора чудо юда Рыба-Китъ, по ёй уси ходють-ѣзьдють. Поѣхали яны по гэтой рыбини, рыба у яго пытаетца:—«куды, Малъ Малышокъ, ѣдешъ?»—Къ сонцу, зачымъ простояло у такоя и такоя урэмя, на 'дньмъ мѣсьти тры часы!—«Не забудься, спроси про мяне, што я на 'дньмъ боку три годы ляжу *не зьля* мнѣ перавярнутца: уси по мнѣ ходють и ѣзьдють. Я табѣ за гэто отслужу!»—Добро, спытаюся! Пераѣхали празъ рыбу, пріѣхали туды, сонца закачуетца куды [1])

[1]) У разсказчика вообще пробивается стихотворческая жилка. Типъ баяна, слагателя пѣсенъ-припѣвокъ, складныхъ поговорокъ, присказокъ и т. п. Встрѣчается довольно часто. На свадьбахъ—столбовой бояринъ.

Увыйшовъ ёнъ у гэту землянку, ажны тамъ мѣсицъ. Давъ яму здрастуй, Малъ Малышокъ. Мѣсицъ у яго пытаетца: „зачымъ ты, Малъ Малышокъ, сюды забрався?“ —Къ сонцу, распросить, отчаго на 'дныхъ мѣсьти тры часы простояло! „Ну, Малъ Малышокъ: натку табѣ шубу, борджэй вывярни, да надивай, за печку полизай —зàразъ совнійко прийдеть. Яно тябе спячеть. Ты тамъ слухай, а я буду говорить, покуль яно не такъ станеть жарко!“ Утъ ёнъ гэтакъ и зьдѣлавъ. Пришло сонца, загорэлась уся хата, Малъ Малышокъ спёкся бъ, кабъ шуба не косната. Братъ сонцу кажыть: „къ табѣ чыловѣкъ прыѣхавъ, пытатца, чаго на 'днэмъ мѣсьти простояло тры часы?—А дѣ жъ ёнъ? „За печкой!“ —Вылизай сюда! Вылизъ, низко сонцу поклонився. Сонца у яго стало пропытувать: зь якого царства, хто? Ёнъ расказавъ. Яно яму сказало: „што ёсь на моры паненка Волынка; яна у золотомъ човни ѣдеть, сама вясломъ грабѐть, саноуправкой прадѐть. Гэтакія красивыя (род. пад) у сьвѣти нема. Я на яе углѣдився и тры часы простоявъ!“ Тогды ёнъ сказавъ про рыбу: «за што покутуеть тры годы на днэмъ боку, ти скоро отпокутуеть?»—«Пущай яна выкархнеть сорокъ кораблей, што проглынула на моры, тогды узнова пойдеть на мòра гулять. И кабъ большы гэтаго ня дѣлала!“ Тольки не кажы рыбини, покуль пераѣдешъ. а то яна страханѐтца, тябе утопить!“ Малъ Малышка сонцу низко уклонився, у своѐ цартство воротився. Пріѣхавъ ёнъ къ рыби, рыба у яго спрашуеть, ти пытався ёнъ празъ яѐ?“—'Къ пераѣду, тогды скажу!“ Пераѣхавъ, тогды ёй кажыть: отъ, кажыть: выкархни сорокъ кораблей, исъ тымъ, проглынула ись чимъ! Яна 'яму сказуеть, кабъ ёнъ якъ можно борджэй отъяжжавъ отъ мора: а то якъ страхануся, дакъ вода зальлѐ! Рыба своѐ грахи отпокутувала, пошла у мòра. Малъ Малышокъ прыѣхавъ къ цару. Сказавъ цару, што вотъ сонца отъ того простояло тры часы, што ёсь на моры паненка Волынка; яна у золотомъ човни ѣдеть, сама вясломъ грабѐть, самоуправкой прадеть. Гэтакія красивыя у сьвѣти нема. Яно на яе углѣдилося и простояло тры часы. Царъ яго за гэто нагородивъ службой яхвицэромъ.

Прожывъ трошки, царь ставъ думать празъ гэтую паненку Волынку, якъ ба яе достать. Уздумавъ Малышку приказать. Призаваеть Малышку, кабъ ёнъ доставъ яму паненку Волынку. Малъ-Малышокъ уздумавъ на рыбу—и кажыть: што подумаю, можа достану? Што рыба, бачъ, яму сказала тогды: што я табѣ отслужу! Пошовъ къ жарабку и ставъ плакать. Жарабокъ спрашыить: «чаго, Малъ-Малышокъ, засмутився?»—Якъ жа не смутитца, царъ щэ службу задавъ! «Якую?»—Кабъ доставъ тую паненку Волынку, што на моры у золотой човни плыветь, вясломъ воду грабеть, самоуправкой прадеть.—«Гэто ня служба, а служба службочка будеть! Ступай къ цару, набяры разныхъ хрухтовъ, и напитковъ и наѣдковъ,

тогды поѣдемъ!» Пошовъ ёнъ къ цару. Сказуеть: «Ваша царское вяличество: не вялитя казьнить, а позвольтя рэчь говорить! Дайтя мнѣ рублей на трыста разныхъ напитковъ—хрухтовъ!» Царъ гэто яму усё выдавъ, што ёнъ спрашувавъ. Забравъ ёнъ уси напитки, пошовъ къ жарабцу, кажыть: усё царъ давъ, што ты казавъ! Жарабокъ яму кажыть: бяры тяперъ балганъ, поѣдемъ къ мору!

Прыѣхали къ мору. Тяперъ пущай мяне на зялёные луга, а самъ будь у балгани за шинкара. Убачышъ, будеть ѣхать паненка Волынка тутъ, тогды поменьшы пи, а большы постукавай. Ина заглѣдитца на балганъ, подъѣдеть и будеть пытатца у тябе: коли тутытька ставъ жыть и чымъ занимаесься? Тогды ина будеть у тябе усихъ напитковъ просить, а ты старайся якъ можно, кабъ яѐ зловить! Ну, ёнъ шатёръ расьпявъ коло мора, расклавъ уси своѐ напитки, настоящый бухетъ [1]) устроивъ. Ну, сичасъ жа видить, нѣшто на моры поблйскуваеть. Вотъ и ѣдеть прамо, гэтая самая паненка Волынка у золотомъ човни, сама вясломъ грабеть, сапоправкой распрадываеть, ды шатеръ разглядываеть. Подъѣжжаеть къ шатру и распрашуваеть: «што гэто такоя за новое устройство? Скольки я прыѣжжала, ниразу не видала?»—Я тутытька новый, посялився зъ разнамы хрухтамы. У мене ёсь выпить и закусить, усяго того, што кому хочытца. У мене ёсь усяго довольно, и дешавого и дорогого, и сладкаго и пріятныхъ!—«Дайтя мнѣ одинъ стаканьчикъ сладкаго!» Ёнъ ей наливъ стаканьчикъ, кабъ разбирало. Ина вяселцо подала, съ човна: постановъ на вяселцо! Ёнъ постановивъ на вясло. Ина выпила, гроши у стакани назадъ подала. Поѣхала дальшы. Задумався Малъ Малышокъ: што тутъ была и ниякъ узять ня можно! Проѣхала ина трохи, стало у яе у головѣ разбирать. Вярнулась назадъ, кабъ смашнѣйшаго поспытать: «позволь, господинъ шинкаръ! дайка покрэпчаго и солодѣйшаго!» Ёнъ говорить: «радъ старатца ли вашыя милосьси! я зъ гэтаго жыву!» Наливъ стаканьчикъ крапчэйшаго. Яна вяселцо подала съ човна: постановъ на вяселцо! Ёнъ постановивъ, ина къ сабѣ поднесла, выпила и заплатила. Поѣхала опять отъ яго. Проѣхала трохи, зашумѣло у головѣ луччы. Надумала щэ чарку выпить, трэтьтію. Прыѣхала назадъ, спрашуеть у яго: «ти ёсь у васъ крапчэйшыя?»—Ёсь крапчэйшыя! Тольки дорого!—«У мяне грошый хватить!» ина отвящаеть. Ёнъ наливъ стаканъ. Подала ина вяселцо попрежнему. Ёнъ ёй сказуеть:—«прошу васъ, вашыя милосьси,—не прогнѣватца: гэто дужа дорого, вы хмялны трохи,—я тожа, упадеть зъ вяселца, разобъетца разольлетца,—прошу милосьси зъ рукъ узять!» Яна потплыла ближы, протягнула руку, а ёнъ у воднэй руцэ стаканъ дяржыть, а другой рукой яе

[1]) М. Толочинъ при желѣзнодорожной станціи съ буфетомъ.

потхвативъ: будь, милая, тутъ! Свиснувъ на жарабка. Жарабокъ прибѣгъ. Забравъ усё своё къ сабѣ, яе на сябе, на жарабка сѣвъ, и поѣхавъ.

Привёзъ паненку Волынку къ цару. Царъ увидивъ яе, яѐ красоту, не ўсядѣвъ на своёмъ мѣсьти. Подарывъ яго чыномъ капитаномъ. Пожывъ царъ съ паненкою дня два, задумавъ зьёй жанитца! Ина сказуеть: «ня ўрэмя мнѣ жанитца! Я у гэтой одежы ня буду жанитца. У мяне ёсь *сандукъ* зялѣзный, трыста пудовъ, у моры ляжыть. Достань сандукъ, я раззодѣнусь, тогды будемъ жанитца!» Ёнъ призвавъ Малъ Малышку: «ёсь у моры, каеть. сандукъ зялѣзный у трыста пудовъ, кабъ яго доставивъ!»—Ни якъ, говорить, ня можно!—«Ня 'тказуватца, а то 'трублю голову у разъ!»—Дайтя ня много подумать!—«Думай, скольки хочышъ!» Отправився ёнъ къ жарабку, ставъ тужыть,—плохо пришло жыть! Жарабокъ у яго пытаетца: «што, Малъ Малышокъ, затужывся?»—Царъ службу задавъ, кабъ зъ мора доставъ сандукъ жалѣзный у трыста пудовъ!—«Гэто ня служба, служба службишка будеть. Ступай къ цару, нехай дась мечъ-самосѣчъ!» Пошовъ ёнъ къ цару, узявъ мечъ-самосѣчъ. Поѣхали къ мору. Жарабокъ говорить: пущай по малой рыби, по головахъ, мечъ-самосѣчъ! Ёнъ пусьтивъ мечъ-самосѣчъ у мо̀ра, и кaеть: самой меньшай рыби головы сьсикай и ў одно мѣсто зьбирай! Мечъ и начавъ своё работать. Приплыла къ яму Чудо-Юда: «Малъ Малышокъ, перастань мою силу портить: што̀ табѣ трэба, тоя будеть!»—Ёсь у моры сындукъ трыста пудовъ, жалѣзный, паненки Волынки: мнѣ яго трэба достать! Яна послала рыбу. Оглѣдили гэтый сындукъ сказують: ёсь! Ина каеть Малышку: «отъижжай якъ можно на трыста вёрстъ, я брошу гэтый сындукъ табѣ на руки,—лови яго якъ можно! А коли ня ўловишъ—у землю ўпадеть, тогды сусимъ пропадеть—нихто не достанеть!» Узявъ ёнъ мечъ-самосѣчъ, отскочывъ на трыста вёрстъ, чуеть—грымить и стучыть—сындукъ къ яму лятить. Ёнъ сындукъ споймавъ, сичасъ у цара ставъ. Царъ за гэту службу чыномъ ротнымъ наградивъ.

Тогды царъ сказуеть паненцы Волыницы: будемъ жанитца! Ина сказуеть: чымъ сындукъ отпѐрти?—Ёсь ключы у моры золотэя, пятсотъ пудовъ,—ключы трэба достать! Призвавъ царъ Малъ Малышка, задаеть яму гэту службу. Малъ Малышокъ говорить, што достану,—бязъ спору. Узявъ опять мечъ-самосѣчъ, прыѣхавъ къ мору, пусьтивъ мечъ-самосѣчъ по сярэдьній рыбы по головахъ. Приплыла къ яму Чудо-Юда: «што табѣ трэба, Малъ Малышокъ?»—Ёсь у моры ключы отъ того сындука, золотэя, пятсотъ пудовъ. Трэба достать!—«Уними мечъ-самосѣчъ, достанемъ!» Послала рыбу шукать ключовъ. Шукали, шукали, не нашли. Такъ и съ отвѣтомъ пришли: нема ключовъ! Малъ Малышокъ знова мечъ-самосѣчъ пусьтивъ по большэй рыби. Юда-рыба говорить: уними мечъ-самосѣчъ,—разыщымъ ключы! Ина собрала усихъ, которыхъ у води ёсь, по зямли

повзують, жабъ, араковъ—и послала шукать ключовъ. Шукали, шукали —не нашли. Узновъ такъ пришли. Давай ина щытать усихъ, которыя шукали,—уси ёсь, одного арака нема! Ажно повзёть и ракъ. «Нашовъ ключы! говорить: были глыбоко пяскомъ занёшаны!» Сказала рыба Малышку: отъижжай на пятсотъ вёрстъ: я брошу ключэй! Ёнъ отъѣхавъ на пятсотъ вёрстъ, чуеть—шумить и звинить—ключы къ яму летять. Ёнъ схвативъ гэты ключы, притащывъ цару, подавъ ключы. За гэтаю службу вышшымъ чыномъ нагородивъ,—полковникомъ.

Такъ царъ говорить паненцы Волынцы: будемъ жанитца! Ина сказуеть яму: я у твоёмъ суборы ня буду вяньчатца: мнѣ кабъ за 'дну ночь бывъ выстроеный суборъ за ракой: кирпичина золотая, кирпичина сярэбряная. Мостъ тожъ: мосьничина золотая, мосьничина сярэбраная. Побаполъ кабъ были насожданы разные винограды. Якъ будемъ у суборъ ити, кабъ дѣравы цвитѣли, а якъ съ субору, кабъ посьпѣли. Кругомъ субора кабъ бывъ вырытъ ровъ дванатцать сажнявъ глыбиной, дванатцать шириной. У суборы кабъ свѣчы горэли, пѣвшыя кабъ пѣли. Наупроти субора кабъ огонь горэвъ, у рови надъ огнёмъ кабъ котёлъ висѣвъ, у котлѣ смола кипѣла. Тогды буду вяньчатца! Призвавъ ёнъ Малъ Малышку, задавъ яму гэту службу.—Ниякъ ня можно гэтой службы сослужыть! Царъ кажыть: хошъ, мнѣ придетца топоръ и плаха, а ты гляди, кабъ была смяротна рубаха!—Дайтя строку дни на два надуматца, разузнать дѣло. Пошовъ къ жарабцу, ставъ горко плакать. Ставъ у яго жарабокъ спрашувать: «што такъ крэпко заплакавъ, Малъ Малышокъ?»—Якъ жа мнѣ не плакать? придетца съ свѣтомъ расстратца! и съ тобой распрощатца!— «За што такъ?»—Царъ службу задавъ!—«Якую?»—А кабъ за одну ночь бывъ выстроеный суборъ за ракой: кирпичина золотая, кирпичина сярэбраная; мостъ тожъ: мосьничина золотая, мосьничина сярэбраная. Побаполъ кабъ были насожданы разные винограды. Якъ будемъ у суборъ ити, кабъ дѣравы цвитѣли, а якъ съ субору, кабъ посьпѣли. Кругомъ субора кабъ бывъ вырытъ ровъ, дванатцать сажнявъ глыбиной, дванатцать шириной. У суборы кабъ свѣчы горэли, пѣвшыя кабъ пѣли. Наупроти субора кабъ огонь горэвъ, у рови надъ огнёмъ кабъ котёлъ висѣвъ, у котлѣ смола кипѣла.—«Отъ, ето служба, не службишка,—служба—я не помогу! Тольки табѣ наговору: иди къ паненцы Волынцы; якъ можно яѐ проси,— можа ина зьмилуетца надъ тобой!»

Пошовъ Малышокъ къ паненцы къ Волынцы! Ставъ яе упрошать, низкамы уклонамы умолять, кабъ гэту службу яму помогла. Ина яму сказала: «Малъ Малышокъ, ня думай: молись Богу, ложыся спать, черазъ ночь будеть готово! Тольки справъ хорошаю мятёлочку, по мосту подметай. И приди, цару объясьни, што готово!» Подякувавъ Малышка паненцы, по-

шовъ на своё мѣсто. Помолився Богу щырымъ сэрцамъ, лёгъ спать. Нисколько не спалося, усё думалося,—якій ужэ сонъ? Ставъ вутрушкомъ рано, вышовъ къ рэцы, усё исправно. Пошовъ къ цару. Ваша вяличество, службу сослужывъ, усе йсправивъ—можно у суборъ итить. Отъ, царъ яго князем наградивъ, чыномъ. Узявъ ёнъ мятёлочку, пошовъ къ мосту —дѣ подмятеть, дѣ почисьтить, дѣ вѣточку поправить на дерави.

Разодѣвся царъ съ паненкой Волынкой, пошли у суборъ. Деравы цвитять; у суборы свѣчы горать: пѣвшыя пяють; огонь горыть перадъ субором, смола кипить у котлѣ... Пришли къ огню, къ большому котлу. Яна говорить: вамъ напяродъ ити, а я услѣдъ за вамы пойду!—гусакъ заусягды попѐраду идеть, а за собой гусину вядёть! Царъ призвавъ Малаго Малышка, пославъ яго попѐради. Малъ Малышокъ, якъ пошовъ, такъ прамо и перайшовъ. За имъ пошовъ царъ—увалився у котёлъ, увесь ёнъ такъ и пожаръ,—увесь, большы ня будеть. За царомъ паненка Волынка якъ перайшла, Малъ Малышка за руку узяла, у суборъ увышла, обвиньчались. Оттулитька узнова перашли. Туды ишли деравы цвитѣли. Оттудова идуть,—разные винограды посьпѣли,—а яны ядуть.

Тогды Малъ Малышокъ зьдѣлавъ пиръ на увесь православный хрысьянскій миръ. И стали тамъ жыть—пожывать, добра нажывать.

И я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ, по бородѣ тякло, у ротъ не попало. Дали мнѣ оттуль смоляную кобылу ѣхать, рэпъяя сядло, горохувую пугу. Ѣду я оттуль, ажъ у мужука токъ горыть. Я пошовъ тушыть,— кобыла отъ огня растала, сядло свиньни зьѣли, пугу вороны расклювали. Тогды я ставъ тургувать кирпичомъ;—застався не причомъ.

М. Старый Толочинъ, орш. у. От кр-на Максима Ѳедосовова, 42 л., малограмотнаго.

32. Трёмъ-сынъ Безыменный.

Нѣ укоторомъ царстви, нѣукоторомъ государстви, не именно у томъ, у которомъ мы живемъ, живъ сабѣ старикъ со старухой. И у ихъ не было дятей. Посьли, подъ старосьть давъ Богъ имъ, родила старуха сына. Пошли яны за бабою—баба ня йдеть бабить. удивляетца етому, што баба вѣкъ не роджала, а подъ старосьть родила. Ну баба ета не пошла бабить. Пошли кумовъ звать,—и кумы не пошли хрисьтить. Пошли къ попу,—попъ не узявъ хрисьтить. Остаетца етый младенецъ нехращоный. И узросъ ёнъ ужо мальчишка порядошный, ставъ на вулицу ходить. Стали яго мальчишки звать Безымённымъ. Приходить ёнъ домой и говорить своей матери и отцу: матушка, почаму ето мяне зовуть мальчишки Безымённымъ? Мать уздохнула: „мой ты сынокъ! я тябе родила, пошла бабу

звать,—баба не пошла; пошла кумовъ звать,—и кумы не пошли; къ попу понясьли,—и попъ не ставъ хрисьтить!"—Матушка, говорить: сшійтя вы мнѣ свитку и поясъ, купитя и шапочку и чаботы! Тоды яны справили яму, ёнъ одѣвся и прощаетца зъ ими, и отправляетца отъ ихъ. Мать заплакала слезно и сказала: мой сынокъ! подъ старосьть Богъ давъ намъ тябе на потѣху, а ты насъ покидаешъ?

Ну, пошовъ ёнъ путёмъ дорогой и зайшовъ у лѣсъ. Ишовъ лѣсомъ троя судокъ. И найшовъ у лѣси, стоить хатка. У етой хатцы спасалися три пустэльники. Ёнъ приходя къ имъ, уклонився имъ. И стали яны у яго опрашавать: откуда ты, молодый юношъ, и по якой няволи зайшовъ сюды? Ёнъ расказавъ имъ ету обвязнось свою, што ёнъ нехращоный на сьвѣти ёсьть,—што не пошла баба къ яму, кумы не пошли, и попъ не ставъ хрисьтить. Тогды яны яго узяли, охрисьтили, и дали яму имя Трёмъ-сынъ,—усимъ трёмъ пустэльникамъ, значитца.

Ну, стали яго питать и стали яго грамоти учить. Бывъ ёнъ у ихъ у навуцы лѣтъ не меньши десяти. И зьдѣлавйя ёнъ парнюга уже порядошный. Грамоти ёнъ доучився якъ слѣдуеть,—яны яго довучили. Тогды й проситца: отцы моѐ родимые, говорить: пусьтитя мяне на сей сьвѣтъ, сьвѣту повидать!—Хорошо, Трёмъ-сынъ,—мы тябе пусьтимъ, коли не будешъ на чужое доброе зависенъ. Тогды занясьли яму напярѐдъ, куды ёнъ будеть ѣхать, три клунки серебра, и дали яму коня не сѣдлàнаго и не муздàнаго—занясьли серябро и посыпали. Ёнъ и поѣхавъ.

Доѣхавъ ёнъ до первыя клунки и сичасъ давай у карманы набирать етаго серебра. А яны глидять. Яны, усмотря ето, и говорють: нѣ, Трёмъ-сынъ, воротись ка назадъ, не пора табѣ отъ насъ отъѣжжать, ящѐ ты зàвисенъ на чужое добрò! Тогды ёнъ опять служивъ у ихъ годъ. Годъ вышовши, опять проситца у вотцовъ: „отцы мое родимые, отцы мое милосэрные, пусьтитя мяне на сей сьвѣтъ, сьвѣту повидать! Яны опять: хорошо, Трёмъ-сынъ,—мы тябе пусьтимъ, коли не будешъ на чужое добро зависенъ! Тяперь занясьли опять три клунки золота и дали яму коня несѣдланаго и немузданаго. Ёнъ доѣхавъ до первыя клунки и сичасъ давай у карманы набирать етаго серебра. А яны глидять. А яны, смотрють усё. Тяперь яны опять: „воротись, Трёмъ-сынъ, назадъ: не пора ще табѣ отъ насъ отъѣжжать. Ёнъ воротився, опять годъ у ихъ служивъ. Отслужомши годъ, опять проситца такъ жа: отцы моѐ родимые, отцы мое милосэрные! Пусьтитя мяне на сей сьвѣтъ, сьвѣту повидать! Тогды яны дали яму коня—засидлали и замуздали. И занясьли три ношки ружъявъ, и повѣсили на древи. Доѣжжая ёнъ до етыхъ ружъявъ, облюбовавъ сабѣ одно ружжо, и узявъ сабѣ тольки одно, и поѣхавъ зъ ружжомъ зь естымъ. Яны скричали на яго: „Трёмъ-сынъ! воротись назадъ, отъ, мы тябе тяперь пусь-

тимъ, благословимъ!“ Ёнъ вярнувсь. Благословили яго, ну и сказують яму: „будешъ ты ѣхать черезъ етый лѣсъ, троя судокъ будешъ ѣхать, и выѣдешъ ты изъ естаго лѣсу подъ столишный городъ,—такъ ба, якъ потъ Питирбурхъ. И будеть тамъ большая гора и на горѣ на етой будеть Жаръ-птица. Ты разъ разгонься на коні, ня уловишъ яе̇. Тогды и другей разъ, и тожа ня уловишъ. А у третьтій разъ ты скокнѐшъ, и ухватишъ Жаръ-птицу за хвостъ и вырвешъ три пера. И положъ ихъ ты сабѣ у карманъ. А коня пусьти у заповѣдные луги, у скрытные. А самъ иди у городъ, и появися къ царю. У царя коросьливыя лошади. Ёнъ уже искавъ, искавъ лекарей,—нихто ня можеть вывесьти етыя коросты. И ты возьмися етыхъ коней лячить. Ну и тольки, говорють,—зарёю вячернею и вутреньнею етыми перушками потри ихъ,—изьдѣлаютца кони такіе, што любо смотрѣть на ихъ!“ Ну тоды, ёнъ откланився имъ и поѣхавъ. А яны приказали: „икая табѣ будеть потороча нещасная, ты выйди зъ города и скрикни свойго коня, и ёнъ къ табѣ прибудеть, и ёнъ табѣ будеть совѣтъ давать!“ И поѣхавъ ёнъ.

Ѣхавъ троя судокъ, выѣжжаеть ёнъ къ етой горѣ къ крутой. И летаеть Жаръ-птица. Ёнъ разъ разогнавсь,—не поймавъ. Другей разъ разогнався—не поймавъ. Третьтій разогнався—вырвавъ исъ хвоста три перушки. И пусьтивъ своиго коня у скрытные луга, а самъ пошовъ къ царю у во дворецъ. Докладуютца царю, што вотъ нашовся такой то масьтеръ, што ёнъ можать коросту вылячить зъ лошадей. Призываеть яго царь къ себѣ и опрашаваеть: можашъ ты, братецъ, вылячить?—Могу, ваша нпираторское вяличество! И отправляетца ёнъ на конюшню. Дожадая ёнъ вячерния зари, и узявъ ёнъ етыми пёрушками коній гладить. И сичасъ короста ета облѣзла и зьдѣлались кони, што любо глядѣть. И опять, дождавши вутреньнія, тожа такъ зьдѣлавъ. Докладывають царю кучары, которые при ёмъ служили упярёдъ: ваша нпираторское вяличество, вы тяперь вашихъ коней не узнаетя! Царь ня могъ утярпѣть, пошовъ смотрѣть. Поглядѣвъ на коній, и узрадовався. И призывая Трёмъ-сына къ сабѣ и спрашавая: Трёмъ-сынъ! чимъ мнѣ тябе за ето наградить и пожаловать? Ёнъ сказуя: ваша нпираторское вяличество! ничаво я не хочу вашаго жалованьня и награды, а буду служить при вашай конюшни! Царь тяперя призывая усихъ кучарёвъ своихъ, которые яму прежде служили и приказуя имъ, штобъ яны яму повиновались и слушали яго: а если ня будуть, то катай ихъ, якъ самъ знаешъ!

И етыя кучары обидѣлись за ето, што можа который служивъ годовъ по дватцать пять, а ёнъ сягодьни поступивъ,—икъ яму подъ начальство итить. Ну, теперича и стали радитца мижда собою: якую бъ яму подвѐсьти штуку, штобъ яго исъ свѣту збавить? И пошли яны яго караулить,

чимъ ёнъ етыхъ коней лѣчить. И не спали яны усеё ночь. Дождалися яны зари; Трёмъ-сынъ сичасъ вынимая еты три пёрушки и ставъ коней гладить. И уся конюшня загорѣлася якъ отъ огня—ясно зьдѣлалось. Тогды, якъ царь уставъ, такъ ины пошли къ яму. „Ваша царьское вячество, говорють: Трёмъ сынъ не своею, говорить, силою лѣчивь коней! Якъ ёнъ вынивъ три пёрушки нѣйкихъ, дыкъ мы думали што уся конюшня загоритца!“ Царь призвавъ тяпер Трёмъ-сына къ сабѣ и спрашуя у яго: „Трёмъ-сынъ, што—чимъ ты лячивъ коней?“—Ёсьть у мяне зъ Жаръ-птицы три перушки!—„Ну, и ступай! Чимъ лѣчивъ, тымъ и лячи!“ Тогды яны опять обдумалися - пойдемъ, скажемъ царю, што ёнъ пьяный пришовши, хвалився, што—я могу Жаръ-птицу достать, говорить;—тоё, съ которыя пёрушки вырвавъ. Призывая яго царь къ сабѣ и говорить яму: Трёмъ-сынъ, ты учера пьяный пришовъ и хвалився, што могу Жаръ-птицу достать? говорить. Тогды ёнъ говорить: не могу, ваша царьское вяличество! Якъ жа можно достать? говорить. На 'твѣтъ сказуя царь: „если ты не достанешъ мнѣ Жаръ-птицы,—моя мечь, твоя голова будеть съ плечъ!“ Трёмъ сынъ тогды заплакавъ и пошовъ зъ города вонъ.

И скричавъ своёго добраго коня: „конь мой милый, конь мой любый! а дѣ бъ ты бывъ, штобъ ко мнѣ прибывъ!“ Бягить къ яму конь, и бягить и ржеть. И припавъ на колѣнкахъ перадъ имъ. „И што, говорить, Трёмъ-сынъ—табѣ бѣда?“—Бѣда, говорить, конь добрый мой! Загадавъ мнѣ царь загадку,—не знаю, якъ яе й перетерпѣть! Конь ему сказавъ: „не робѣй, Трёмъ-сынъ! ето не бѣда, а бѣда ще уся уперядѣ! Скажи царю, штобъ ёнъ зьдѣлавъ етакіе напитки, составивъ, штобъ одно одного сладжѣй было и пьянѣй. И нехай ёнъ табѣ дасьть винчалную скатерсьть, которая на столѣ была, якъ ёнъ винчався. И нехай скуеть три пруты жалѣзныхъ: одинъ сабѣ прутъ возьми, другій кучеру, а третьтій хвалетору. И карету нехай запригуть самую первѣйшую. И поѣжжай туды къ горѣ къ той. Тамъ стоить дубъ. И на дуби ина тамъ ночуеть. И ты пріѣдь и расьтели ету скатерсьть подъ дубомъ, и поставъ етыя напитки усѣ, и поткрый ихъ! Тогды кучары нехай отъѣдуть оттудова, и самъ ляжъ у скрытномъ мѣсьти и ляжи до урема. Ина якъ устанеть, такъ и злятить на ету скатерть и станеть етыя напитки кушать. И зьдѣлаетца ина пьяна, и тутъ жа ина перевалитца, ляжить, лежать будеть. Тогды ты приходи, и бяри яе у лѣвую руку и згарнувай скатерть ету и забирай кубки и няси ў карету. И поѣжжай пошибчѣй—кучера по плечахъ сьтегай прутомъ, а кучеръ нехай лошадей стегаеть; и хвалетора такжа. И будеть ина скидаватца змяёю тамъ и усякой гадосьтю—жабой, ящиркой, мышшу, ну ты яѐ не пускай, у рукахъ, говорить, дяржи ды й дяржи!“

Ну, ёнъ такъ и сказавъ царю. Царь етыя составы усѣ составивъ и придоставку яму давъ, якъ слѣдуеть, повную. И поѣхавъ ёнъ подъ дуба подъ етаго. И разославъ скатерть ету, и поставивъ етыя кубки зъ наливками. И самъ отышовъ въ вòдаль лёгъ, и кучаровъ отогнавъ оттуль, штобъ ина не видала ихъ. Тогды ина дождавшись зари и злетаеть ина зъ дуба, увидивши етую скатерть и наливки—кубки етыя стоять. И подлятѣла сичасъ къ кубкамъ къ етымъ, и стала кушать напитки етыя. И зьдѣлалась ина пьяна, и сичасъ жа на скатерсьть на ету брыкъ! и завалилась. Тогды подбѣгаеть Трёмъ-сынъ, и бяреть яѐ у лѣвую рукỳ, и скричавъ кучаровъ, штобъ подъѣжжавъ сюды поскорѣй! Тогды згарнувши скатерсьть и кубки етыя, и ỳ карету кладеть. И самъ зь ёю садитца, зъ Жаръ-птицай. И зачавъ сьтегать кучара прутомъ жалѣзнымъ, а кучаръ лошадей, а хвалеторъ тожа лошадей.

А зь яе хмель сичасъ вышовъ, ина стала скидаватца усякой гадосьтю. А ёнъ держить у рукахъ, не пускаеть,—не 'бробѣвъ. Ина изновъ стала Жаръ птицай, якъ была на своёмъ мѣсьти. Привозють яны яе у царьскій домъ. Подаеть ёнъ яе царю—и дайжа увесь дворецъ засьявъ. Тогды царь спрашуя у яго: «чимъ тябе жаловать за ето, Трёмъ сынъ?»—Ничого не хочу, ваша царьское вяличество—опять иду служить при своей должносьти, опять на конюшню! Ну, царь дужа доволенъ остався Трёмъ сыномъ. И говорить: «гляди жъ ты за кучарами хорошенько, катай ихъ моей рукою!»

Ну, ёнъ пошовъ по конюшни, идѣ непорядки нàйдеть, положить кучера да штукъ питьдесятъ—шестьдесятъ закòтить: знайтя! вы мнѣ находитя дорогу, и я вамъ найду! Ну, тяперича, собрались еты кучары, и говорють: ёнъ насъ прогонить, прийдетца ити прочь отъ яго.

На етый случай, зьдѣлалось, три дни и три ночи было затменія. И отгадовавъ царь, и находивъ такихъ людей, и по книгахъ шукавъ,—отчаго бъ ето три дни и три ночи затменія было? Кучары етыя опять собравшися—пойдемъ, говорить, заỳтра къ царю, и скажемъ, што ёнъ пришовъ пьяный и хвалився, што нихто не можеть узнать, отчаго затменія было, три дни и три ночи,—ни царь, нихто, а я, говорить, могу узнать! Пошли яны къ царю: ваша царськое вяличество! учера пришовъ Трёмъ-сынъ, пьяный и говорить: што вотъ, нашъ царь не могъ узнать, отчаго три дни и три ночи затменія было, а я, говорить, могу узнать!.. Призываеть яго царь: „Трёмъ-сынъ! што ты ỳчерà пьяный говоривъ?“—Ничого не говоривъ, ваша царськое вяличество.—А ты, говорить, говоривъ, што могу узнать, отчаго три дня и три ночи затменія было!—Якъ жа можно, говорить, ваша царськое вяличество, узнать божжаю луну?—Нѣ, Трёмъ сынъ! если ты не ỳвознаешъ, то моя мечь, а твоя голова доловъ съ плечъ!

Пошовъ Трёмъ-сынъ, заплакавши опять изъ города вонь. Искричавъ своиго добраго коня: «Конь мой милый: адѣ бъ ты бывъ, коли бъ ко мнѣ прибывъ!» Конь бяжить, копытомъ зямлю бьѐть:—а што, говорить, Трёмъ сынъ?—табѣ бѣда?—Бѣда, говорить, конь мой милый!—«Не тужи, говорить, Трёмъ сынъ! ето не бѣда, бѣда ящо уперядѣ будеть! Скажи царю, нехай табѣ клубокъ ссучить у три нитки: нитка золотая, нитка серебряная и шавковая. И пусьти етый клубокъ, будеть ёнъ катитца уперяди, и ты усьлѣдъ иди! И ёнъ покотитца къ сонцавой матки. И тамъ ты увознаешъ, отчаго три дни и три ночи затменія было!»

Царь яму, ня довго думаючи, ссучивъ клубокъ етый. И вышовъ ёнъ за городъ, и пусьтивъ клубокъ етый. И покатився етый клубокъ, и ёнъ усьлѣдъ за нимъ идѐть. Котитца етый клубокъ, стоять два колодезя изъ водою, обоя повны. И ли колодезей стоить старуха зъ вядромъ: и съ одного бяреть, у другей ильлеть, и у томъ не прибавляетца, и у томъ не убавляетца—и обое повны. Ёнъ приходя къ ёй: помогай Божа табѣ, старушка!—Спасибо! Куды тябе Господь нясеть, Трёмъ-сынъ? «А йду, говорить, къ сонцавой мати спрашавать—чаго три дни и три ночи затменія было! —Помянись, говорить, Трёмъ-сынъ, и объ мою душу, говорить. Покуль ба мнѣ етыя колодези переливать?—Хорошо, говорить

Прикачуетца опять—бьютца воронъ изъ выдрами. Кровъ зь ихъ плувѐть. Ёнъ потходя къ имъ, говоря: „помогай Богъ!"—Куды тябе Богъ нясеть, Трёмъ-сынъ?—А йду, говорить, къ сонцавой мати спрашувать, отчаго три дни и три ночи затменія было!—Помянися, говорють, и объ нашу душу—докуля намъ битца?—Позабивалися, говорють, до полусмерти, нема знать, за што!—Хорошо, говорить. Теперь покатився клубочикъ и прикачуетца,—стоить тынъ. И старикъ бѣгаеть коло яго—одну сторону подниметь—другая валитца; ёнъ тую подниметь—тая валитца! Бѣгая съ одного боку на другей и не поставить ниякимъ родомъ! Помогай Богъ, старичокъ!—Здоровъ, здоровъ, Трёмъ-сынъ! куды тябе Богъ нясеть, говорить. А йду говорить, къ сонцавой матки, отчаго три дни и три ночи затменія было!—Помянись, говорить, Трёмъ-сынъ, и объ мою душу: докуль ба мнѣ етый тынъ поднимать?—Хорошо, говорить, помянусь.

Покатився клубочикъ етый опять. Прикачуетца ёнъ у дяревню. И бѣгаеть мужикъ по дяревни, и саджаеть кулами у вокны—у одные торканеть у вокно, ды къ другей побяжить, у другей торканеть, къ третьтей побяжить. Бѣгаеть ды й усё. Тоды ёнъ говорить: Помогай Богъ табѣ!—Здорово, здорово, Трёмъ сынъ! куды тябе Господь нясеть?—А иду къ сонцавой матки, чаго затменія было? Помянись, говорить, тамъ объ мою душу, докуля бь кулаки ето мнѣ саджать у вокны?—Хорошо, говорить, по-

мянусь. Покатився клубочикъ етый опять. Прикачуетца ёнъ къ морю. Терязъ мо̀ря ляжить китъ рыба, и по ей дайжа колявины выбиты, ѣдучи на колёсахъ. Помогай Богъ табѣ, китъ рыба!—Здорово, здорово, Трёмъ сынъ. Куды тябе Богъ нясеть?—А къ сонцавой матки, чаго затменія было? Помянись тамъ объ мою душу, покуля бъ мнѣ тутъ лежать? хуть ба Господь мнѣ позволивъ другимъ бокомъ поворотитца!—Хорошо, говорить, помянусь... Перекатився ёнъ терязъ моря, и покатився ёнъ у дубнѝкъ—бывъ дубникъ силный тамъ—лѣсъ дубовый.

И прикачуетца—у лясу у томъ стоить хатка. И ина уся—сьтѣны побпалены, побсмалены. Укачуетца у хату клубочикъ, и ёнъ услѣдъ за имъ. Стрѣчаетъ яго сонцава матка, старушка, и спрашуя яго: Трёмъ сынъ! ти по хоти ты, ти по няволи идешъ?—Мать, говорить, старушка: не такъ я по хоти, якъ по няволи!—хочу̀, говорить, свою душу̀ спасьти отъ нахалныя отъ смерти! Расказавъ свою обиду: «повялѣвъ мнѣ царь увознать: отчаго три дня и три ночи затменія было? А не узнаю, дыкъ царській мечь, а моя будетъ голова съ плечъ!» Тоды ина яго попоила и покормила, дала яму ѣсьть и напитца, якъ слѣдуеть. На ночь ина яго завярнула у дванатцать кожъ. И положила яго у скрыню у большую. И расказавъ ёнъ ёй уси етыя продухты: вотъ, матушка старушка! якъ ишовъ я сюды, и прикатився мой клубочикъ къ колодезямъ. И стоить тамъ старушка зъ вядромъ, и переливаетъ воду̀ изъ одного колодезя у другей, и обоя повны. А тогды прикатився клубочикъ—бьютца вороны зъ выдрами, ажъ кровъ плуветь. А тогды бѣгая старикъ коло тыну, и ни якъ яго не поставя; а другѐй бѣгая по дяревни и кулаки то̀ркая у вокны. А тогды прикатився клубочикъ къ морю. И ляжить китъ-рыба терязъ мо̀ря, и по ёй да̀йжа колявины выбиты отъ ободьдявъ. И просили яны спомянуть ихъ души, поколь имъ еты муки тярпѣть?

Ну, ина ето выслухала, увярнула яго у дванатцать кожъ, и положила яго у скрыню. И послала сабѣ посьтель на скрыни, и говорить: слухай, тутъ я буду у сына опрашавать! Я сама яго сяньни дожадаю на ночь,—яго три дни дома не было. Тяперь, якъ совнушка захо̀дить, стала хата лопать—тресь-тресь! тресь-тресь! Ускакуеть ёнъ у хату: здрастуй, матушка моя!—Здоровъ, мой сынокъ. А йдѣ тябе Господь носить?—Ахъ, матушка, не спрашавайтя мяне! А я у досади у большой! говорить. Дала яму вячерить. Ёнъ повячеривъ, и лягли спать на етый скрыни. Тогда мать ета нямножко полежала, 'другъ и здрыгнулася, испужалася бытто. Сонца опрашуя: чаго вы, матушка, ето спужалися такъ?—Мой сынокъ! видила я уво снѣ, што три дни и три ночи затменія было̀. Почаму ето такъ?—Матушка, говорить, вы не знаетя моѐ досады: ёсьть у мори Прекрасная Настасья. Я хотѣвъ моря выпалить и за сябе Прекрасную На-

стасью узять, у супружаство сабѣ. 'Къ я моря троя сутокъ паливъ. И не выпаливъ, и Прекрасную Настасью не узявъ!..

Опять, полежавши, мать опять здрыгнулася. Опять ёнъ спрашуя: матушка, чаго вы ето пужаетеся?—Увидила уво снѣ, мой сынокъ: кажетца, терязъ моря ляжить Китъ-рыба; по ёй колявины выбиты. И ина ляжить и не шавельнётца.—А вотъ, матушка, говорить: ина много людей проглынула, поѣла, дайжа корабли поѣла. Колибъ ина выхаркнула хуть третьтію часьть, ёй ба Богъ гряховъ отпусьтивъ ба!.. Опять матушка полежала опять здрыгнулася. Сонца спрашуя: матушка, чаго вы такъ сягоньни пужаетеся?—Мои сынокъ! видила я уво снѣ: старикъ бѣгая, говорить, по дяревни, саджаетъ руки у вокны.—Оттого, матушка, говорить сонца, што люди у яго просилися на ночь, а ёнъ не пусьтить. Церезъ ето много люди рукъ и ногъ потмаражавали. Коли ёнъ покаетца, Богъ грехи яму отпусьтя. Опять мать полежала, здрыганулася.—Чаго вы матушка?—Ахъ, мой сынокъ! видила я уво снѣ: кажетца, вороны зъ выдрами бьютца, ажъ кровъ плуветь. За што имъ ето такъ?—Оттого, говорить, матушка, што ня слѣдуеть двѣ пары кумовъ брать на 'дного рябёнка,—а то яны за хресьника дярутца: тэй къ сабѣ тянеть, а тэй къ сабѣ! Нехай яны покаютца, Богъ гряховъ имъ отпусьтить!

Опять матушка здрыганулася, полежавши. Ахъ, мой сынокъ! видила я, што старикъ тынъ держить, и ниякъ не удержить. Отчаго ето?—Оттого, говорить, матушка, што на етомъ сьвѣти ёнъ казавъ: абы якъ нибудь тутъ прожить, а на томъ сьвѣти хоть тынъ потпирать! А того не знаеть, якъ яго потпирать. Нехай покаетца, Богъ яго гряховъ просьтить. Опять мать здрыганулася. Ахъ, мой сынокъ: видила я уво снѣ, што баба воду изъ колодезя у колодезь переливаеть, и обоя повны. Отчаго ето?—А вотъ отчаго, говорить—матушка: люди хлебали водичку, а ина ѣла молочко. У чужихъ коровокъ отбирала. Каба ина покаилася, Богъ ба гряховъ отпусьтивъ ба!

Ну, поговоривши и заснули. Тогды, якъ совнушка усходить, и сичасъ распрощався зъ маткой и пошовъ: прощай, матушка! Тогда ина отпираеть скрыню ету и вапущаеть яго вонъ, съ кожъ выворачуваеть. И опрашуя яго: ну, слыхавъ ты, Трёмъ-сынъ?—Слыхавъ, говорить. И пошовъ ёнъ, отправився. Распрощався, поблагодаривъ ёй за хлѣбъ-соль.

Приходить ёнъ къ китъ-рыби, китъ-рыба спрашуя: ну, што, Трёмъсынъ! ти спросивъ ты объ мяне? Тутъ ёнъ говорить: дай, китъ-рыба, перяйду, тогда скажу табѣ! Ну, перяйшовъ и говòря: покайся ты своимъ грѣхамъ, выхаркай хуть третьтію часьть людей и кораблёвъ, што ты проглытила, тогда тябе Господь просьтить грѣхамъ твоимъ! Пошовъ дальши. Приходить ёнъ, адѣ бѣгавъ старикъ подъ-оконьню. Старикъ опять обо-

рочаетца: Здоровъ, здоровъ. Трёмъ сынъ, говорить. Ти помянувся ты объ мою душу?—Помянувъ! говорить. И штобъ ты, говорить, людей пускавъ на ночь, ночавать, тогда тябе Господь простить твоимъ грѣхамъ! Опять пошовъ ёнъ до етыхъ до выдровъ и до вороновъ. А што, Трёмъ сынъ, ти помянувъ нашу душу?—Помянувъ, говорить: Покайтеся своимъ грѣхамъ, говорить, то Богъ просьтить грѣхамъ вашимъ, и прикажитя, кабъ по двѣ пары на дного рябёнка не брать кумовства! Приходить ёнъ икъ тыну къ етому. Старикъ опрашуя опять: Трёмъ сынъ! ти помянувся ты объ мою душу?—Помянувся, говорить. Ну й покайся своимъ грѣхамъ, тябе Господь просьтить. Пошовъ ёнъ до колодеся. Старуси етой говорить, што перестань ты ето дѣлать, молоки отбирать, и покайся своимъ грѣхамъ, тябе Богъ просьтить.

Пошовъ ёнъ до царя. Появляетца къ царю. Царь изъ имъ поздоровкався,—Ну што, Трёмъ сынъ: ти увознавъ ты, отчаго три дни и три ночи затменія было?—Увознавъ, говорить, ваша царськое вяличество: ёсьть у мори Прекрасная Настасья, и хотѣло Сонца моря выпалить и за сябе Прекрасную Настасью узять у супружаство!

И етымъ царь бывъ крѣпко доволенъ и опрашуя: Трёмъ сынъ! чимъ тябе жаловать?—Ничого, ваша царськое вяличество не хочу,—хочу при своей должносьти служить опять. Пошовъ ёнъ на конюшню и поглядѣвъ за порядками, и узявъ етыхъ кучарёвъ опять по свойму заливать имъ. Ну яны опять собралися, опять стали разговоръ мѣть: якъ намъ яму зьдѣлать подкопъ опять? Одинъ говоря: пойдемъ заутря къ царю. братцы, и скажемъ, што ёнъ можеть достать Прекрасную Царевну, которую Сонца не могло узять! Ну, пошли и сказали царю. Царь призавая яго къ сабѣ, Трёмъ сына и спрашуя: што ты учера, Трёмъ сынъ, говоривъ пьяный вечаромъ?—Ничого я не говоривъ, ваша царськое вяличество!—Нѣ, ты, говорить, говоривъ, што я могу достать Прекрасную Настасью, которую и сонца не няло!—Ваша царськое вяличество! якъ жа можно: коли Божая луна, говорить, не няла, а я якъ жа могу достать?—Нѣ, можашъ! А если не достанешъ, то моя мечь, а твоя голова будеть съ плечъ!

Пошовъ Трёмъ сынъ заплакавши отъ яго, изъ города вонъ. Пройшовши и скричавъ свойго добраго коня: конь мой милый, адѣ бъ ты бывъ, ко мнѣ прибывъ! Конь бяжить, копытомъ зямлю сячѐть: «што, Трёмъ сынъ,— табѣ бѣда?»—Бѣда, говорить, конь мой милый!—«Ето не бѣда, говорить, Трёмъ сынъ, а бѣда ще уперадѣ будеть. Скажи царю свойму, кабъ ёнъ шовковый шатёръ сшивъ, и кабъ ёнъ товару краснаго наклавъ туды, тамъ шалей, платковъ, косьниковъ, стужакъ—разнаго. И нехай дасьть стуловъ нѣскульки штукъ, и карету запряжеть,—шесьтёрка лошадей кабъ была, и кабъ кучаръ бывъ и съ хвалеторомъ. И три прута жалѣзныхъ возьми.

И поѣдешъ ты къ морю и разопнешъ свой шатёръ, и разложишъ товары своѐ тамъ. И кучаровъ отошлешъ вòдаль у скрытое мѣсто, кабъ ины стали. А самъ сядь у стуло и сиди. Ина у суботу будеть проѣжжать два разы по морю. Одинъ разъ ина проѣдеть—ничого не скажеть, а оттудова поворòтитца, будеть ѣхать и опросить у тябе: господинъ купецъ, яками ты товарами торгуешъ? Ты ей на 'твѣтъ скажи: извольтя, Прекрасная Настасья, пріѣхать къ берегу, тоды я зъ вами потолкуюся! Тогда ина пріѣдеть къ берегу, и бяри яе за лотку и сморьгай яе на берегъ. И бяри яе за косы и сячи жалѣзнымъ прутомъ до тыхъ поръ, покуль ина присягнеть, и комъ зямли зьѣсьть,—што я буду твоя, а ты мой! Саджай яе у карету тогда и поѣжжай у царській дворъ, домой яѐ вязи сабѣ!" Тяперь конь распрощався зь имъ: прощай, Трёмъ-сынъ, коли будеть табѣ бѣда, изновъ требовай мяне!

Пошовъ Трёмъ-сынъ къ царю и сказавъ яму ету придоставку приставить усяѐ: зьдѣлать и шатёръ и товаръ набрать, карету и лошадей шасьтёрку, двухъ кучаровъ, усё. И отправився ёнъ у дорогу. Пріѣжжая ёнъ къ морю, снимаеть свой шавковый шатёръ, раскладаеть своѐ разные товары.

Тоды ина ѣдеть у водинъ край, ничого не сказала; проѣхавши, поворотилася назадъ и 'прашавая у яго: господинъ купецъ, якими товарами торгуешъ?—Извольтя, сударыня, сюды поближе, што я буду кричать тамъ, торгуватца зъ вами! Пріѣжжая ина къ берегу, ухвативъ ёнъ за лотку и вытащивъ яе на берегъ у лотцы. И узявъ яе за косы и узявъ яе прутомъ жалѣзнымъ етымъ похàджавать. И ина отвѣчаеть: „Трёмъ-сынъ, за што ты мяне такъ бьёшъ?"—Я бью тябе за ето,—когда ты мнѣ присягнешъ што будешъ моя супруга, то я тябе не буду бить! Прекрасная Настасья на етомъ была согласна. Дала яму большую клятву, и брала яго за руку, и цалувала яго у вуста. И скричавъ ёнъ своихъ кучаровъ. Кучары пріѣжжають, тогды ёнъ бяреть свой шовковый шатеръ, и складаеть своѐ красные товары, и кладеть ёнъ у карету. И садитца зь ей у карету, и отправився ёнъ икъ царю. Пріѣжжаеть ёнъ уво дворецъ и съ Прекрасной Настасьей. Царь яго стрѣчаеть зъ большимъ довольствіемъ, и узирнувъ на яе красоту и благодаривъ Трёмъ-сына за приставку за яго. И опрашаваеть опять Трёмъ-сына: чимъ тябе наградить?—Не хочу никакой награды, ваша царськое вяличество: пойду опять при своей должносьти служить!

Поживши царь зь ёй тамъ мало-много, улюбився ёнъ у Прекрасную Настасью. Сичасъ свою жену спотребивъ, вумерла ина, и на ней хочеть у супружество вступить. Царица ета померла и похоронивъ яѐ. Ёнъ зь ёй мѣеть суюзъ, у супружество яе узять. Ина яму̀ на'твѣтъ: „государь, говорить, милосьливый! коли ёнъ доставивъ мяне,—я, говорить ще дѣвица

несоўсимъ у красѣ—моѐ красы тутъ и половины нема со мной—дыкъ нехай достанеть и мою красоту!» Призавая Трёмъ-сына: «ну, Трёмъ-сынъ: коли ты мяне достававъ, достань жа и мою красоту!“ говорить:—„Ступай къ морю и скажи Китъ-рыби, кабъ ина мою скрыню выкинула изъ моря. А ў той скрыни ёсьть вутка, а ў вутцы яйцо—тамъ моѐ и лицо!“ говорить. Трёмъ-сынъ сичасъ отправляетца къ морю. Приходить ёнъ къ Китъ-рыби. „Китъ-рыба, говорить: выкинь скрыню Прекрасной Настасьи зъ моря!“ Китъ-рыба отвѣтила яму: Трёмъ-сынъ, говорить, отыйди на семъ вёрстъ отъ моря, а то потонёшъ,—разливъ зьдѣлаю большій! Трёмъ-сынъ отышовъ на семъ вёрстъ отъ моря. Китъ-рыба повярнулася, сичасъ разливъ зьдѣлала на семъ вёрстъ отъ моря. Выкинула ина ету скрыню. Наскочили етыя самыя выдры и разодрали етыя завѣсы, скрыню етую отпёрли. Вутка вырвалася исъ скрыни и полятѣла. А гдѣ ня бывши вороны етыя сичасъ за вуткою. И разорвали ету вутку. Яйцо вывалилось, да й у моря опять. Ёнъ опять къ Китъ-рыби: „Китъ-рыба! яйцо увалилось у моря!“ Китъ-рыба приказала раку разыскать яйцо ето. Ракъ етый разыскавъ яйцо и нясеть у своихъ клешняхъ на берегъ, и подаеть Трёмъ-сыну у руки. Трёмъ-сынъ поблагодаривъ и пошовъ зь естымъ яйцомъ до Прекрасной Настасьи. Тяперь Прекрасная Настасья ето яйцо разьбила,—была красива, ящо покрасивѣла! Царь не налюбуетца на яѐ красоту. И просить яѐ у супружаство, кабъ повѣньчатца. „Нѣ, не пора яще ваша царськое вяличество: ще моѐ немашъ вясёлосьти. Призавая къ сабѣ Трёмъ-сына опять: „иди, Трёмъ-сынъ,—коли умѣвъ достать мяне и мою красоту, достань и мою вясёлосьть. На табѣ, говорить, платокъ. Ёсьть у такихъ то мѣстахъ вовкъ. То мой братецъ. И ў яго ёсьть моѐ гусьли самогранныя. И на табѣ платокъ етый, и возьми съ собою (тыхъ), которые были табѣ злочинцы. Тоды ёнъ станеть дѣлать самогранныя гусьли, ты поставъ сьвятить одного. Ёнъ будеть сьвятить и якъ задремлеть, то ёнъ яго зьѣсьть тогды. Тогды ёнъ у тябе будеть просить: давай сьвятить кого! Ты другого поставъ. И тэй задремлеть—и того зьѣсьть. Ты й третьтяго заставишъ—и того зьѣсьть. Тогды ёнъ заставить тябе сьвятить. И прикажа табѣ: смотри, Трёмъ-сынъ, не дремли, а то я й тябе зьѣмъ! Тогда, коли табѣ задремлетца, дыкъ ты спросися у яго умытца; и скажи такъ, што я ишовъ путёмъ дорогою, позапорошивъ своѐ глаза: промыть мнѣ треба! Тяперь ты якъ помыесься, вынь платочекъ етый и стань утиратца имъ. Тогды ёнъ узнаеть, што йто мой платокъ,—ёнъ табѣ дасьть самогранныя гусьли готовыя!“

Трёмъ-сынъ отправився, узявъ съ собой своихъ злочинцавъ, трёхъ кучаровъ и отправився туды, адѣ ина показавала—находитца яѐ братъ. Приходить ёнъ туды, ёнъ заснувши бывъ. Прошанаетца ёнъ ото сна ’тъ

крѣпкаго и опрашавая: што ты, Трёмъ-сынъ, пришовъ?—Пришовъ я къ вамъ, зьдѣлайтя мнѣ самогранныя гусьли!—А ти ёсьть кому сьвятить, Трёмъ-сынъ?—Ёсьть, говорить. Сыйчасъ ёнъ одного кучара подаётъ сьвятить. Тэй сьвятивъ, сьвятивъ—задремавъ. Ёнъ яго *зъѣвъ*. Проситъ ёнъ другого сьвѣтца. Ёнъ и другого давъ. И другей задремавъ. Ёнъ зѣвъ и яго. Подаетъ ёнъ и третьтяго. Ёнъ и того зѣвъ. Тяперь, говорить, Трёмъ-сынъ, становись самъ сьвятить. Ставъ Трёмъ-сынъ сьвятить. До тыхъ поръ сьвятивъ, докуль сильная дремота на яго напала. Тогды ёнъ говорить: «пожалуста, говорить, позвольтя мнѣ глазы промыть! Ишовъ я по дорози, запорошивъ своѐ глазы—пыли набилося!» Вовкъ яму позволивъ помытца. —Ёнъ помывся, тоды ванимая етый платокъ шовковый и ставъ утиратца. Ёнъ узглянувъ на етый платокъ: ахъ, Трёмъ-сынъ! Чаму жъ ты мнѣ не сказавъ? Ето сястрица послала за гусьлями—за самогранными. Я жъ ба давно табѣ готовыя давъ ба, а то ина будетъ сярдитца! Ваноситъ яму самогранныя гусьли готовыя. Узявъ ёнъ гусьли и пошовъ отъ яго, распросьтився зь имъ. Идучи, ёнъ у самогранныя гусьли и зачавъ игратъ. Идетъ старикъ зъ дубинкую. И почувъ ету умилную игру, и ставъ ёнъ плисать. И ёнъ пляшетъ и дубинка пляшетъ. Потходя, етый старикъ говорить: «ахъ, Трёмъ-сынъ! отдай ты мнѣ етыя гусьли самогласныя!»—А ты мнѣ што даси? Трёмъ-сынъ спрашуетъ.—«Дамъ табѣ ету дубинку, говорить. Ина хоть икую силу побьетъ! говорить, хоть тутъ дватцать корпусовъ пригонь, дыкъ ина табѣ ихъ и поколотить и помолотить!» Отдавъ Трёмъ-сынъ самогласныя гусьли—узявъ сабѣ дубинку.

Пройшли яны скольки тамъ урем, Трёмъ-сынъ говорить: што мы ето съ тобой зьдѣлали?—на што мы отдали самогранныя гусьли. Намъ нѐпричемъ будетъ и повесялитца съ тобой. Бяжитка ты, говорить, отбяри ихъ у яго! Дубинка етая побѣгла и начила етаго старца хлестатъ (пульгатъ): отдай, говорить, самогранныя гусьли, а то я тябе забью! Тэй старикъ отдавъ, бросивъ, и самъ драло. А дубинка потхватила етыя самогранныя гусьли, ды къ Трёмъ-сыну принесла.

Идутъ яны опять, играють и пляшутъ—веселятца. Идетъ коробошникъ исъ коробкой. И услыхавъ умилную игру ету и ставъ ёнъ плисать. И плисавъ, што просто, ажъ на ёмъ рубашка мокра стала. И проситъ у яго самогранныхъ гусьлявъ етыхъ. «Трёмъ-сынъ, отдай мнѣ самогранныя гусьли етыя!» Трёмъ-сынъ спрашуя: а ты мнѣ што даси?—«Дамъ я табѣ отъ—вынимаетъ съ коробки скрынучку такую, и отпёръ ету скрыночку, икъ пувалила оттуда воська, нясьмѣтная сила. Выступила большая сила! Етому Трёмъ-сынъ обрадувався. Сыйчасъ искричавъ—убирайся на своѐ мѣста,—яны й скрылись. Тогды отдавъ коробошникъ ету скрынучку, а ёнъ яму само*гласныя* гусьли. Тогды пошовъ Трёмъ-сынъ съ скрыночкой и съ

дубинкой. Пройшли яны много ли—богато, опять Трёмъ-сынъ говорить на дубинку: дубинка, говорить: вотъ у насъ воська своя, говорить, поиграть намъ неўвошто! Бяжи, говорить, дубинка, опять отбяри самогранныя гусьли. Дубинка етая сычасъ поскакала и нагнала коробщика етаго и начила яго хлыстать безъ милосьти: отдай наши самогранныя гусьли! Тэй, бросивши гусьли, самъ наўходака.

Идуть яны опять путёмъ дорогою, приходють—пасеть пастухъ скотину. Ёнъ и зайгравъ коло пастуха. Пастухъ давай скакать! И скакавъ просто до тыхъ поръ, покуда заморився. «Ахъ, Трёмъ-сынъ! дай ты мнѣ самогласныя гусьли!»—А ты мнѣ што даси?—«Дамъ табѣ ету пугу!» говорить. Пуга была длинная. «Скольки разовъ замахнешъ, столькі и табуновъ будеть скоту!» Трёмъ-сынъ узявъ отдавъ самогласныя гусьли етыя. А самъ узявъ пугу ету. И пошли путёмъ дорогой. Пройшли яны нямного урemя, и Трёмъ-сынъ говорить: дубинка, иди ты отбяри самогласныя гусьли! Дубинка ета сычасъ пубижала и начила пастуха етаго гонять кругомъ стада. Пастухъ етый вяртѣвсь, вяртѣвсь—бросивъ самогласныя гусьли. Приносить *енъ* етыя самогласныя гусьли.

Идуть яны дорогою, играють. Ѣдеть чаловѣкъ такъ, силно богатый, на купца походжъ. И вуслыхавъ ету умилную игру, и ставъ скакать. Скакавъ, скакавъ и заморився. «Ахъ, Трёмъ-сынъ, отдай ты мнѣ етыя самогранныя гусьли!» А ты мнѣ што даси.—«Дамъ ôтъ табѣ скатерсьть!» Сычасъ разославъ яё, скатерсьть, на зямли, и откудова узялись кушаньня на скатерсьти, напитки усякіе разные. «Отъ ты, гдѣ захочешъ, расьтяли—будеть табѣ питяньнё-ѣдяньнё!» Отдаеть Трёмъ-сынъ самогласныя гусьли, бяреть съ собой скатерсьть. И пошли яны путёмъ дорогой. Пройшли нямного яны, опять: дубинка, иди отбяри самогранныя гусьли,—намъ нѐпричемъ пувесялитца! Нагнала дубинка етаго купца, и стала яго валять безпощадно. Бросивши етый купецъ самогранныя гусьли и самъ наўходака. Приносить ето *енъ* самогранныя гусьли. И пошли путёмъ дорогой.

Идуть яны коло господскаго дому, строють плотьники комнаты помѣщику. Ёнъ заигравъ у самогранныя гусьли у етыя,—уси плотьники бросили сякеры и зачàли скакать уси. И до тыхъ поръ скакали, што й позаморилися ужо. Выходить старый плотьникъ, который бывъ главный майстеръ: «ахъ, Трёмъ-сынъ, говорить: отдай намъ етыя самогласныя гусьли!»—А ты мнѣ што даси?—«Дамъ табѣ ету сякеру. Адѣ ты задумаешъ сабѣ хуть дворецъ царській, дыкъ ина за ночь табѣ зработаеть!» Отдавъ етый самогранныя гусьли, узявъ сякеру и пошовъ путёмъ дорогой. Пройшли—„дубинка, говорить, што мы йдёмъ, мы соусимъ позаўныли! Иди отбяри самогранныя гусьли!» Дубинка сычасъ поскакала туды, къ плотьникамъ и зачилà етыхъ плотьниковъ валять по свойму: «отдайтя наши гусьли самоглас-

ны!» Плотьники етыя закричали на майстра: отдавай, говорю̂ть, ихъ—отдавай! А то ина насъ позабиваеть! Вуносить ёнъ самогласныя гусьли. И бяреть дубинка ета и пошла сабѣ къ Трёмъ-сыну. Ну, тяперь, Трёмъ-сынъ сказуя: ну тяперь мы во усёмъ повномъ собраніи. Пойдёмъ. И пошли яны тяперь до столишнаго города, адѣ и Настасья Прекрасная и царь.

И приходю̂ть яны туды. Такъ была рѣка тута, и царьскій дворъ на 'динъ бокъ рѣки, а ёнъ по другую сторону наупротивъ вялѣвъ сякеры выстроить за ночь другей дворецъ луччи того. Сычасъ скатерсьть ету разославъ тутъ. Подѣлалось усё у яго—и напитки и кушаньня и усё у яго. Скрынку отпёръ—выступило воська. И поставивъ ёнъ чисовыхъ увязьдѣ, якъ и быть, по военному. И подѣлавъ ёнъ поваровъ и усякихъ слугъ—усё акуратъ ёсьть. И пугую замахнувъ нѣскульки разовъ, и стало скота у яго пропасьть на 'бори—и коровъ, и свиней, и быковъ, и 'вецъ и усяго.

Прошнувся царь, и смотрить у вокошко—и крѣпко ёнъ спужався: „што ето такое дѣлаетца у моёмъ царстьви. За одну ночь зьдѣлалося?“ И пошовъ ёнъ будить Прекрасную Настасью: душенька моя, говорить—што йто у нашамъ царстьви дѣлаетца? говорить. Узглинула ина у вокошко и отвичаить яму—я знаю, хто ето воюеть—ето Трёмъ-сынъ воюеть. Царь сычасъ посалаеть сюды свойго слугу: нехай Трёмъ-сынъ придеть ко мнѣ! Трёмъ-сынъ пишеть яму бумагу—годя мнѣ къ вамъ ходить, а придитека вы ко мнѣ! Ёнъ уже не боитца. Царь вялѣвъ кучарамъ лошадей запречь и садився съ Прекрасной Настасьей и поѣхали туды во дворецъ. Стрѣвъ ёнъ ихъ исъ чесьтю, отдавъ имъ поштэнія. Тоды и пошли расхаджуватца по устройству. Обглѣдила ина яго порядковъ, остановилася у во дномъ мѣсьти и выхватила у царя мечь отъ боку и сычасъ Трёмъ-сына етаго голову долой зьнила съ плечъ, порубила яго на буйные куски. И вялѣла изъ хорошаго колодеся наносить воды чистыя у котёлъ. И положила етое мясо ина сама—и руки закасала ужо и вялѣла подложить огня. И уськипятила ету воду. Сычасъ мясо ето вытягнула вонъ, и наносили воды холодныя чистыя опять. И ина сама узила, перямыла ето мясо и узила ина, частки зложила опять, якъ ино было, частка къ частки, и мёртвою водою спорснула—ёнъ соснувався якъ ёсьть человѣкъ. Живою спорснула опять—ускочивъ Трёмъ-сынъ якъ ото сна. И дужа красивъ ёнъ! Бывъ красивъ, а тутъ такія красоты прибуло, што Божа.

Царь глянеть, глянеть, на яго и на сябе у зеркало—нема такія красоты. Тоды й говорить—Прекрасная Настасья! зьдѣлай и мяне такимъ, якъ яго!—Хорошо говорить. Узила мечь яго, сычасъ голову долой съ плечъ яму зьнила и на мелкія часьти порубила и собакамъ потдавала. А на

ёмъ тогда зъ Божу помоччу повѣньчалася. И зьдѣлався ёнъ царёмъ, а йна царицай. И стали тымъ царствомъ уладѣть.

М. Студенецъ чериков. у. Отъ кр-на Ивана Павлова, 70 л., неграмотнаго, бывшаго въ молодости въ военной службѣ. Говоръ пограничный, между южнобѣл. и восточнымъ въ могилевской губерніи.

33. Иванъ Ивановичъ Трёхъ-сынъ.

Якъ было два браты: у оннаво у большаво дятей ня было, а у малаво дѣти ёсь. И стали яны древни. Тады и говорить малый братъ: «што мы будимъ своимъ дитямъ корьмить опрочихъ людей? Одьдѣлимъ мы брата, пусь яны сами робють и корьмютца». Яны узяли, выстроили ящо домъ, дали яму дѣлю и ни пожилали умисьтяхъ жить. И етытъ Иванъ старикъ ставъ Бога просить, штоба Богъ давъ яму рябёнка. И Господь услыхавъ яво молитву, и давъ яму рябёнка. И родила старуха Иванова сына. А ёй было сто сорокъ годовъ. И ды тово дoживъ етытъ старикъ Иванъ, што и ёсь тово и много, што и нѣтути ничаво. Тады ёнъ пойшовъ къ малому брату. А живъ ёнъ на 'динѣ:—«Братицъ, мой любый! дозволь жанѣ твоёй сходить у мой домъ!»—«И скажи жъ ты мнѣ, чаво йна пойдѣть у домъ твой?»—А во зачимъ: за мой вѣкъ Господь давъ мнѣ рябёнка, и штоба ина яго пирибабила!—«Ну, яще ина къ табѣ ни йшла, штоба пирибабить твойво сына! Што ина у тябе ти отъѣсь, ти отопъеть, ти скольки вящей знясеть? Ни пойдѣть ина къ табѣ!» Ёнъ заплакавъ слезно, старикъ, и отъ брата ронныва пойшовъ домовъ.

Тады нямношко времьмя прождавши, опять пойшовъ къ брату: «такъ дозволь, братицъ, штоба сходила твоя работьница и пирибабила мойво сына».—Ну, нешто я дли тябе нанимавъ работьницу, штоба ина бабила твоихъ дятей? ёй надо работу робить! Тады ёнъ тошнѣй тово обидився и пойшовъ домовъ. И времьмя ужо подойшло къ ночи. Ёнъ узявъ, печку затопивъ и воды горшокъ у печку поснавивъ, и началъ ночовочки мыть и ножикъ точить. «Што, говорить, старуха, я думаю?»—«А што?»—«Я видивъ, што якъ братьнихъ дятей бабы бабили, такъ и я свойво буду бабить!—«А коли знаишъ, то и дѣлай?» Вось, слышить и видить у вокошичка: идуть стары старики у трёхъ, на яво дворъ; подходють подъ вокошичка: господинъ хозяинъ! пусьси ты насъ стариковъ ночивать за Христа—ради Бога!—«Идитя вы, дѣдушки, я васъ принимаю зъ вяликимъ довольствіямъ; ночуйтя съ Господомъ Богомъ!» Яны сичасъ пришли у домъ, сѣли на лавки; старшій сѣвъ наперидъ, сяредьній посирядини, а малый нижи тово. Самъ хозяинъ ночовочки мыть. Тады самый старѣйшій старичокъ говорить: «дли чаво ты ето ночовочки—мышъ?»—Ахъ,

дѣдушка! за мой вѣкъ Господь давъ мнѣ сына; я братнію жану просивъ и брата, штоба ина пирибабила, а також просивъ у яго молодчанку; ну братъ ни пусьтивъ. «А што, говорить, ты ничаво ни варишъ, тольки онну воду грѣишъ?»—Дѣдушка любезный, ня мѣю ничаво варить! троя сутыкъ тому, якъ крошка хлѣба у доми была!»—Жёрны ёсь у тябе?—«Ёсь.»—«Ну, иди мяли, и кашу вари».—«Единаго зирна ня мѣю, дѣдушка».—«Ну, чимъ жа вы проживали троя сутыкъ?»—«Возьмёмъ воды кипячоный, посолимъ, и напьемся,—и тымъ живёмъ».—«Ну, поди жъ ты, дитя, мяли, я табѣ вялю, а я твойго рябёнка пирибаблю!» Тоды пойшовъ старикъ Иванъ молоть, прохожій старикъ узявъ, сына яго пирибабивъ. А ёнъ зирнятъ ня мѣить, а мука идеть шпарко. И ёнъ зъ радысьси етый давай жёрны скорѣй водить. И намоловъ ёнъ у скоромъ уреми сь читьвярикъ муки бѣлый, и хорошый. И приносить чашку муки у хату. Тады поснавивъ горшокъ на кашу, а прихожій старикъ говорить: «на што ты стольки муки принёсъ?»—На кашу, любезный,—вы можа ня ѣвши, а мы со старухай тожа!»—«Дай поменьши гарнушикъ!» Усыпавъ трёмъ пальцамъ мучицки [1]) и убросивъ три солінки. И Господь давъ споръ у горшку, и яны уси насытились пять душъ, и дажа половины ня зъѣли. «Ну што, дитя, ёсь у тябе дешка?»—«А ёсь,—тольки сямейная, большая». Тады принясьли ету дешку и стали пироги учинять. «Будимъ», говорить старшій прихожій, «завтра твойво сына ко хрясту нясьти». Тады учинивъ ёнъ пироги: три разы трёмъ пальцамъ бросивъ; другова старика заставивъ мясить. А къ етыму старику Ивану, во якіи прихожіи старики пришли: Господь, Микола-Угодникъ и Ягорій-Харабрый. Коли еты пироги пыдыйшли, то стали ня стольки у дешки, кольки на дешки. И три печки выпикли пироговъ съ оннэй дешки: у печь садють махонькіи, а съ печи чуть вытянуть. Тады етытъ старичокъ вышавъ на дворъ и убивъ воробья. И зьдѣлався етытъ воробей, якъ вяликій волъ. Яны гувядины нагутували многая множиства. Тады въ оннымъ вядрѣ помишавъ старикъ воду, и стала крѣпкая горѣлка; у другимъ помишавъ и стало пріятное вино. И тады начавъ разливать у бутыли еты напитки.

И посылаить явоный малый братъ дятей и внуковъ: зходитя вы, дѣтки и внуки, къ дѣду и обсмотрітя, ти живы яны ёсь». Яны пошли. Приходють у етый домъ, зьдѣся, у етымъ доми ходють чатыри старики: три чужихъ, а чатьвёртый ихный дѣдъ; одинъ напитки наливаить, другей говядину таскаить и въ чашку кладеть, третьтій съ печи пироги таскаить, чатьвёртый—относить и водой поливаить. Яны оборотились и идуть узадъ, у домъ свой. Ёнъ и говорить, етый старый старичёкъ имъ: «скажитя свойму

*) У разсказчика, какъ я уже замѣтилъ выше, говоръ смѣшанный. Граница цокающаго говора проходитъ сѣвернѣе.

отцу, и дѣдушки, што просимъ яго сюды». Яны приходють у свой домъ «Ну што, дѣти мои и внуки, ти видали вы што?»—«Якъ жа ня видали? —коли тамка ходють чатыри дяды старыхъ: нашъ дѣдъ и три дяды чужихъ, старѣй яго; одинъ напитки наливаить, другей говядину таскаить и въ чашку кладеть, третьтій съ печи пироги таскаить, чатьвёртый—относить и водой поливаить; и вялѣвъ старый дѣдъ прихожій, штобы и ты прійшовъ къ имъ!»—Вѣрно вы испугались, вы ня можитя ето разобрать—ето ўраги!» Одѣвся и пойшовъ. Тады приходить у братный дворъ, и такъ усё находить, якъ баили рибяты. И посадили яго за столъ хлѣба-соли искусить и напитковъ испить. И ёнъ вужасно скоро ставъ пьянъ, и разговоръ ставъ мѣть со старымъ прихожимъ старикомъ: «во, дѣдушка любезный, я благодарю Бога: вѣкъ я богато живу, бывавъ я у разныхъ пирахъ, ну тольки такова кушанья ня кушавъ». Яму старикъ говорить: да, человѣча—рабъ Божій! хорощая мука̀, и никла яё чѐсная рука,—за то яно и скусно!—«Ну, хто у васъ пойдеть за кума, али куму?»—А што: Микола сходить за кума, а Ягорій за куму: а милосьси просимъ васъ усихъ на пирушку у вечяри! Ёнъ и пойшовъ домовъ вужасно хмѣльный.

Господь пославъ Миколу за кума, Ягорія за куму, ў скоромъ уреми яны воротились, приносють дятёнка у дворъ. Старикъ спрашиваить: «якъ яго называть?»—«А звать яго Иванъ Ивановичъ Трёхъ-сынъ».

И еты старики пробыли у Ивана старика троя сутыкъ; тады отправляютца яны куды имъ назначино. А у Ивана старика за троя сутыкъ наполнилось усяво, и злата и сѐрибра многое множиство.—Усё ето зьдѣлавши, еты старцы пойшли отъ старика Ивана. Ну, нямного уремьмя пройшовши, Микола-Угодьникъ просить Бога: «Господи! позабывъ, говорить, я вещь онну отдать кумѣ, штоба йна отдала хресьнику черисъ семъ годовъ, дозволь мнѣ воротитца и отдать ёй лѣсинку!» Тады ёнъ воротився и подаеть кумѣ лѣсинку у вокошко: «на̀ тѣ, кума, лѣсинку: положи у сокрытое мѣсто, штоба йна пробыла семъ годовъ. Тады расплачитца хресьникъ слѐзно, а до сями годовъ ни ядинэй слязы̀ ня выронить». Самъ и пойшовъ.

Пройшло семъ годовъ, а имъ ни протянулось, а якъ бы семъ днёвъ. И заплакавъ Иванъ Ивановичъ слезно, и плачить троя сутыкъ, увесь день и ўсю ночь. Тады яны уздумали про тую лѣсинку, што имъ давъ кумъ. Йна сичасъ принисла ету лѣсинку. Ёнъ лѣвый рукой принимаеть, а правэй хрестъ на сабѣ покладаить: «Благодарю Бога и отца хрѐснаво и матушку хрѐсную,—Миколу Угодьника и Ягорія Хараброва: я отъ ихъ мѣю дарованье!». И пириставъ плакать. «Таперь, тятинька и маминька, прощайтя мяне; буду, дакъ буду у двинанцать годовъ,—принимайтя мяне, а ня буду, поминайтя мяне.—Я поставлю вамъ двинанцать каравульщиковъ,

застоятелій своихъ, яны будуть васъ убиригать. Тоды пойшовъ у чистое поля и крикнувъ громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ: и сичасъ на лѣси листъ пувявъ, а съ дуба листъ посыпався, и добрый конь на тридивятымъ царстьви воржавъ, и бяжить къ яму: «хозяинъ, мой любый, Иванъ Ивановичъ Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ! И будишъ ты млодъ царевичъ, и што табѣ нужно отъ мине?»—«Надо сѣсьть и ѣхать у тридивятое царьство, у тридисятое гусударьство, къ царю Димiёну. И жилаю я яго дочку узять у супружаства: Настасю-Пирикрасю Димiёновну. Якъ ты на ето скажишъ, ти можно? а?—«А, ничаво, говорить, по жаланью твойму можно». Ёнъ сѣвъ на коня свойво.—«Ну, якъ тибе несьть: ти ровно зъ тёмнымъ облакомъ, ти ровно съ дрямучимъ лясомъ?»—Няси, мяне, якъ бы у повлѣсу!—Третьтя царьство проижжають, у чатьвёртое узъижжають: стоить дубъ у двинанцать обхватовъ. Жилаю я, говорить Иванъ, етый дубокъ побить и поколотить и свою силу богатырьскую взнать?—«Можитя побить и поколотить!» Тады ёнъ соскочивъ зъ добра коня, и зхвативъ етый дубокъ, и выдирнувъ изъ зямли и положивъ на руку свою: «прутикъ, прутикъ, ды и той малъ!» Якъ поднявъ ды вдаривъ объ сыру зямлю, разлятѣвся етый дубъ по маковому зярну... «Благодарю Бога и Миколу Угодьника и Ягорья Харобраво: мѣю силу зъ добраво молойца!» И поѣхавъ ёнъ дали, и ящё проѣхавъ третьтя царьство и чатьвёртое гусударьстьво: стоить дубокъ у двадцать пять обхватовъ; и етый дубъ ёнъ побивъ и поколотивъ, и рассыпався ёнъ по ножикову чиряну. Тады узъижжаить ёнъ на тридивятое царьство, у тридисятую зямлицу. И завёвъ ёнъ сабѣ хорта, сокола. И хочить ёнъ ити къ царю Димiёну, штобы узять сабѣ у жану яго дочку Настасю-Пирикрасю; а конь яму и совѣтуить: Иванъ-Ивановичъ, Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ! у царя Димiёна ёсь двинанцать дочарей, и двинанцать подличницъ. И уси яны оннаво росту, и голосу и волосу, и красоты; ты якъ прiѣдишъ на дворъ, и найдёшъ чатыри кольцы; и ты мяне привяжи за уси чатыри кольцы, а самъ лягъ спать на крыльцы на троя сутыкъ: красоты зъ лица свойго ня пусьти, глазъ свѣтлыхъ ня 'ткрый; а то яны табѣ могуть пусьтить туманъ, и ня можишъ ты яё узнать. Коли выйдить царь Димiёнъ и будить тибе пробуждать, ну ты яму ни адинаво слова ни отъивляй. Тады придуть дѣвицы-красавицы, а ты зъ ними разговора ня мѣй и глазъ ни кажи. Яны пойдуть у бѣлы-каминны палаты и сядуть уси двадцать чатыри дявицы, а ты тады устань, и по палатамъ похаживай и на дявицъ посматривай: ина сядить да дьвери шастая [1]); и ёй на лина муха сядить; ёна платочкомъ махнеть, и тады ты къ ёй подходи и

[1]) Тоже, черта заносная.

здрастуй ёй давай: йна тожа табѣ отъявить: «здрастуй, Иванъ Иванывичъ Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ!»

Пріѣхавъ ёнъ къ царю Димiёну, привизавъ коня за ўси чатыри кольцы, а самъ лёхъ спать на троя сутыкъ. Тады выходить царь Димiёнъ: «што такоя ёсь: удалецъ-молодецъ, ниякъ ня можно взнать, хто ето?— Коли бывъ ба ёнъ царьскій сынъ, то привизавъ ба къ золотому кольцу, королевскій—къ сяребриному, княжаскій—къ мидяному, а богатырьскій—къ мѣсянзовуму,—а то за ўси чатыри кольцы!» Ёнъ ничаво ня твичаить. Приходють къ яму дѣвицы-красавицы и говорють: «што ты, добры-молодицъ, ня можишъ своихъ глазъ показать и у наши палаты уступать? Ёнъ имъ отвичаить: идитя вы у каминны палаты, сядьтя по своимъ мистамъ, я приду и буду взнавать Настасю-Пирикрасю Димiёнывну!» Яны пошли и сѣли у рядъ, ўси двадцать чатыри дявицы. И ёнъ къ имъ у палаты уступаить и царю Димiёну здрастуй дасть. «Я думавъ, што ето хто, ажно ето Иванъ Иванывичъ, Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ! Будишъ зять мой! Полно табѣ по палатамъ ходить,—здрастуй давай, по имени называй!»—«Стойтя, ни звинитя, дайтя рѣчи сговорити, по палатамъ походити; на вашихъ дочарей пріукрасныхъ посмотрѣть!» Ёнъ по палатамъ похаживаить и на дѣвицъ поглядываить. И сѣла муха на лицо явоный дѣвицы. Ёнъ тоды къ ёй подбѣхъ и здрастуй ёй давъ: «здрастуй, Настася-Пирикрася Димiёнывна!»—«Здрастуй, Иванъ Иванывичъ, Трёхъ-сынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ!»

Тады сичасъ законъ, бракъ Божій прозвяли, положили ихъ на ложницы. Стали яны другъ со другомъ разговоръ мѣть; йна стала распытывать, ти силёнъ ёнъ? А ёнъ ёй разсказавъ усё, якъ ёнъ къ ёй ѣхавъ и дубы тыи побивъ. Тады ина говорить: нѣ, Иванъ Иванывичъ! ня ёсь ты силёнъ, а во ёсь на тридивятымъ царствьи, у тридисятой зямлицы Каръ-Карковичъ—Игнатій Даниловичъ, при поли боецъ, при войски молодецъ, отъ дожжу пальча, отъ вѣтру затулъ. И ты яму у подмётки ня гожъ!» И ни подалёчу гуляньня царьскаво стоявъ дубъ у питьдесятъ обхватовъ. И чуть на зари выпрыгнувъ ёнъ у вокошко, и етый дубъ выдирнувъ изъ зямли, со зла свойво; якъ гряхнувъ объ зямлю, и разсыпався ёнъ по маковому зярну. И ўся мать зимля задрыжала, палаты заколотились и стёклы вылитили зъ бѣлыхъ палатъ. Тады ёнъ въ окошко упрыгнувъ и лёхъ спать. Вутромъ супруга яго Настася-Пирикрася Димiёнывна идеть къ яму зъ водой и утиральникумъ. Ёнъ помывся, обтёрся и Богу помолився. Тады йна спрашиваить: «што ето, Иванъ Иванывичъ, было вутромъ коло насъ: ти небо звалилась, ти зимля провалилась?»—Нѣ, ето ня небо звалилось, ни зимля провалилась, а молодецкая рука объявилась».—«Ну чимъ ина могла объяснитца?»—«Ти знаишъ дубъ у питьдесятъ обхватовъ: поди по-

смотри: ёнъ побитъ и поколочанъ».—Нѣ, Иванъ Иванывичъ: ты ня молодецъ, а ёсь у тридивятымъ царсьви, у тридисятымъ гусударстьви Каръ-Карковичъ, Игнатій Даниловичъ, ты яму у подмётки ня гожъ!» Разсярдився Иванъ Иванывичъ, бяреть свойво коня, хорта и сокола, у тёсьтя дѣдовское копьё и мечъ, попросьтився и поѣхавъ. «Буду у тритцатымъ году, то буду, а ня буду, поминайтя мяне!»

И зъѣхавъ ёнъ туды у тридисятое гусударьство на третьтіи сутки. И узъѣхавъ у градъ Каръ-Карковича. Народу нѣтуги никаво. Ёнъ узявъ, коня, хорта и сокола, и пусьтивъ у чистое пóля. Приходить самъ у бѣлыкаминны палаты, у дворецъ Каръ-Карковича. У палатахъ тольки похаживаеть старуха и молодая дѣвица—лѣтъ шасьти. «Здорово, бабушка старая, Каръ-Карковича—матушка роннáя!»—Здорово, Иванъ Иванывичъ Трёхъсынъ, Миколинъ хресьникъ, млодъ царевичъ! якъ тибе Господь занёсъ: ти конь привёзъ, ти самъ зайшёвъ?—«Господь занёсъ, конь привёзъ и самъ зайшёвъ: захотѣвъ твойво сына Каръ-Карковича повидать и силу взнать!» —Дитя моё милое, ни дожидай ты сына мойво!—«А дѣ ёнъ?»—На войнѣ, подъ Копылóмъ, подъ смыкóмъ, подъ нявѣрнэй силой. Вотъ уже тридцать семъ лѣтъ воюють, а самово ни видать!—«Дайтя мнѣ обѣдать!» — Ти много надо табѣ кушанья?—«Пувтора пуда хлѣба, горшокъ капусти и горшокъ каши, пудъ гувядины и два вядры водки, и ришатó сяльдей!» По́бѣдавши лёхъ ёнъ отдыхать. И слышить: лискотьня, брызгоньня и гóмонъ. Ажно идеть Каръ-Карковичъ зъ войны отъ нипріятиля. Тады уходить у свой домъ и говорить: «што ето, маминька, тутъ руськой кровъю пахнить: ти бывъ тутъ руській чаловѣкъ?—«Ты самъ на войнѣ набрався запаху нипріятнаво, а тутъ нѣтъ никаво! Зходи лутчи у байню!» Ну, ёнъ ни послухавъ матки и побѣхъ по дому искать. Тады ёна показала яго и говорить: «смотри, якъ можно тиши и спокóйній обходись!»—А што, ёнъ дужа вѣрно сильный? И сказала яму, штó ёнъ у яе поѣвъ. Тады, Каръ-Карковичъ побѣхъ и разбудивъ яго, и стали битьца. Иванъ Иванывичъ якъ зхвативъ яго за руку, якъ сьтиснувъ, ажно кровъ зъ нохтей потикла.—Каръ-Карковичъ на колѣни упавъ и ставъ яго просить: «будь мнѣ старшимъ братомъ, а ня губи ты мяне!» И просьтивъ яго Иванъ Иванывичъ.

Тоды яны пили-гуляли, цѣлыхъ три дни, и присылаить Копылъ Цмокъ, Ниподписаный Лобъ, письмо и бросаить у вокошко къ имъ, штоба Каръ Карковичъ бывъ опять на войну. И ставъ тоды Каръ Карковичъ просить Ивана Иванывича: пособи, братъ, побить мнѣ нипріятиля: вотъ уже тридцать семъ лѣтъ воюю, а яго самагó ня видивъ, а усихъ моихъ людей ёнъ побивъ!"—Мы самы воины! говорить Иванъ Иванывичъ: „поѣдимъ удвоёмъ!" —„Я боюсь, ни поѣду, говорить Каръ Карковичъ.—«Ну, бяри трубу и смо-

три!“ Тады призвавъ коня, хорта и сокола, сѣвъ на коня, узявъ мечъ самосѣчъ и копье довгомѣрное и поѣхавъ. И начавъ воиватъ, а хортъ и соколъ по бокамъ стали. За ‘динъ оборотъ тыщу головъ зьнимаитъ. Прибивъ усихъ. И увидавъ ето Копылъ Цмокъ, што войска яго нѣтути, и ставъ утикатъ. А Иванъ Иванывичъ яго догонять. Копылъ Цмокъ тады узворотивъ каминь, и самъ подъ каминь пошовъ, у нôры подъ зямлёй. Пріѣхавъ къ етыму камню Иванъ Ивановичъ, поставивъ коня, хорта и сокола, а самъ пыднявъ каминь и пойшовъ у пящеры. Тады—иди, иди,—сядитъ двинанцатъ дявіцъ и вышиваютъ ширинки: што иголкый набирётъ и ниткой дирганётъ—выскочитъ солдатъ, изъ ружжомъ, изъ копьёмъ, изъ тисакомъ! Здорово, Каръ Карковичъ!—Нѣ, я ни Каръ Карковичъ, а Иванъ Иванывичъ! Тады бросились яны на яго и хотѣли игламъ яго пробитъ, а ёнъ имъ усимъ мячомъ гôловы зьнявъ, иглы поломавъ, ширинки подравъ, и солдатъ усихъ побивъ. Отворивъ другую дверь и увидивъ, што тамъ комната яще больши, и тутъ тожа двинанцатъ дявицъ сядітъ и ткутъ кросны: што чилнокомъ прокинитъ, нâбилками ударитъ—выскочитъ солдатъ зъ ружжомъ и зъ конёмъ.—«Здорово, Каръ Карковичъ!»—Я ни Каръ Карковичъ, а Иванъ Иванывичъ!—«Ага, туды народу ни напросився, самъ у руки пупався!“ и хотѣли яго чилнокамъ прибитъ. Ну ёнъ мячомъ усимъ головы зьнявъ, кросны пулумавъ и подъ ноги бросивъ, и пошовъ самъ дальши того. Отворяитъ дварîну: сядитъ старуха—Копылâ Цмыкâ супруга. „Здорово, Каръ Карковичъ, Игнатій Данилывичъ!»—Я ни Каръ Карковичъ, а Иванъ Иванывичъ.—«Ну, усё ровно!» И оборотилась ина кошкой, нохти по три аршина, и бросилась ина яму у глазы и хотѣла разодратъ. Иванъ Иванывичъ ударивъ иè мячомъ по головѣ и разрубивъ; кохти отломивъ и у карманъ сабѣ положивъ, а самъ пошовъ дальши. Отворивъ ящо дварину,—большая изба; и ляжітъ у ей самъ Копылъ Цмокъ, самъ на кутѣ, вусы закручины за грядкой. «Здорово, Каръ Карковичъ!»—Я Иванъ Иванывичъ!—«Хто ни на ёсь, а самъ у руки пупався!» И начавъ вусы откручиватъ. А Ивавъ Иванывичъ якъ цапнувъ мячомъ у нутро яго,—ёнъ затрёсся и ня живъ ставъ. Тады ёнъ узявъ яго за вусы и вытинувъ зъ пящеръ. Привязавъ къ хвосту и привёзъ къ Каръ Карковичу, показатъ яму. Вышивъ Каръ Карковичъ и узглянувъ на Цмыка-Копылâ,—такъ зъ ногъ упавъ и ня живъ ставъ,—дужа спугався: «ахъ, братъ,—гдѣ бравъ, тамъ и брось!» Вялѣвъ Иванъ Иванывичъ коню хвостомъ махнуть и разлятѣлись яго косьти по зямлѣ. А сами стали питъ и гулятъ.

На ночь лягли яны спатъ, и Иванъ Иванывичъ лёхъ на кровати Каръ Карковича. Удрухъ ноччю прилитаютъ три сороки; улятѣли у вокно и стали дѣвицы: жана Ивана Иванывича и дьвѣ своячиницы, и говорютъ: игры самоигры, гусьли самолâды, посьпивайтя! мечъ самосѣчъ, потанцуй! котъ са-

моплясъ, поскачи! Игры самоигры заиграли, мечъ самосѣчъ затанцовавъ, котъ самоплясъ заскакавъ. „А ты, Каръ Карковичъ, зъ нами пъешъ-гуляишъ, а тяперь лѧжишъ спать!» Подбижала къ кровати и хвать одежу! И увидила свойго мужа. Защикотала и маршъ за ворòты. А Иванъ Ивановичъ захвативъ мечъ и отрубивъ жанѣ рукў и ногў. Полятѣла йна бязъ руки и бязъ ноги, и отцу-матири объяснила, што прилитала Пòжаръ зьмия, и оторвала ёй ногў и рукў. Вутромъ разсярдився Иванъ Иванывичъ на Каръ Карковича и убивъ яго. Солдаты ты уси яму низкимъ поклономъ кланіютца и просють у ихъ жить, ну ёнъ давъ усимъ оставки а самъ поѣхавъ домой.

Дорогой совѣтуитца зъ конёмъ: конь яму я говорить: „убей мяне, нутро выбрось, а самъ улѣзь туда и сяди: и прилятить чорный воронъ зъ дятьми, и када сядуть, то лови трѐхъ, али чатырёхъ. Коли ёнъ станить тибе просить пусьтить яго дитей, то ты скажи, штобъ ёнъ принёсъ табѣ живой воды!“ Ёнъ такъ и зьдѣлавъ. Поливъ водой коня, и ёнъ живъ ставъ, и поѣхавъ домой. Яго устричають хлѣбомъ-сольлю, а жаны нѣтъ. И вялѣвъ ёнъ вынисьти жану и спрашиваить: „ти табѣ Пожаръ зьмія рукў и ногу оторвала?—Да!—«Нѣ, жана: ты усихъ обманываишъ, я самъ табѣ ихъ отсѣкъ!» И вытягнувъ рукў и ногў и прижививъ ёй. Побывъ ёнъ тутъ троя сутыкъ, жану привизавъ къ двананцать лошадинымъ хвостамъ и разорвавъ на куски. А самъ поѣхавъ къ отцу. Мать помёрши, тольки три дни ни засьпѣвъ. Изъ протчихъ узявъ сабѣ жану и ставъ жить.

Козлян. вол. городок. у. Запис. г. Василевъ отъ мѣстнаго нищаго.

4. Удовенушка добрый молодецъ.

Жывъ сабѣ добрый мòлодецъ Удовёнушка, сиротина—удòвиный сынъ. И ёнъ ходивъ на боярській дворъ гулять. И ли яго много насміялися боярськія дѣти,—вѣдомо, значытца, сиротина: бытто коравый, бытто дирявый! Разъ потомъ ожыдали празьника вяликаго—паски. Тогды на всенощной стояли тры государствянныя дочары. Вышли яны на звòнницу на 'тдышку, на другей 'тажъ, а унизу спавъ ужэ той сиротина, Удовёнушка добрый мòлодецъ. Вотъ ёнъ прошнувся и бача, што стоять государствянныя дочары, отъ ёнъ пострамився ужэ ворочатца. Сычасъ усхватилася хвиля силная,—усхватило тыхъ царськихъ дочарэй и понясло. Удовёнушка добрый молодецъ вышовъ и просмотрэвъ своими глазами ў тую сторонў, куды ихъ понясло. И потомъ узышовъ опять на высокій тажъ и зновъ провёвъ своими глазами, у якую сторонў понясло. Тогды, кончылася ужэ служба, собралися ужэ уси народы обѣдати, а государствянныхъ дочарэй нѣту. Жде царъ, што ето такоя? ужэ ўси народы съ цэркві попошли,

и цэрквы позапираны, а моихъ дочарэй нѣту! Ужэ государъ ожыдая обѣдать и спрашуя: гдѣ моѐ дочары,—дочарэй нѣту? Спрашуя и у́ поповъ и у прочыхъ народовъ, и у господъ. А тыа даютъ отвѣтъ государу уси, што видяли, што у цэркви были, а съ цэрквы нязвѣсно-дѣ дѣлись. Усимъ празьничакъ, весяло̀, ну государу̀—государу̀ печаль—гора вяликое. И увесь городъ запечалився, и санаторы, и попы, и уси народы запечалились. У печали государъ ужэ надумався: повно печалитца, буду сабѣ и радость уже шукати! Пославъ пабликацыи увяздѣ, штобъ объ государственныхъ дочаровъ нихто не разговаровавъ: будя виновянъ и наказанъ крэпко. Тогды, мѣсяцы ужэ теразъ два, ти, моо, теразъ тры, Удовёнушка добрый мо̀лодецъ пошовъ на боярській дворъ гулять. Тамъ яго бъютъ, и зъ яго насмихаютца; а ёнъ такій бывъ парнишка, што кого возьмя за руку̀—дакъ рука станя тонка,—такій, знатца, бывъ силный. По̀томъ яго бъютъ за ето, што ёнъ урэдъ дѣлая, а ёнъ заплакавъ да й сказавъ: коли вы мяне бъѣтя, ня прымаетя мяне гулять—иду къ государу̀ да й скажу, што вы говорыли про государствянныхъ дочарэй! Тыя слѐзно на-ча̀ли плакать и попужалися: упали парадъ имъ нау̀ко̀лянцы и просять: ня йди, кажуть, и ня говоры! Ня йдѐть жа ёнъ по той винѣ, штобъ госу-дару̀ доложыть, а йдѐть по той, штобъ государу̀ услужыть. Прышовъ къ государу, государъ и спрашуя: „зачымъ ты, мальчикъ, прышовъ,—гулять ко мнѣ?»—Ваша нпяраторськое височаство, не гулять я къ вамъ прышовъ, а служыть я къ вамъ прышовъ!—«Я.ой ты мнѣ службой назначывся служыть?» Отвѣщая яму: я, говора, могу вашыхъ дочарэй достать! Государъ потому крэпко узгнѣвався, такъ узгнѣвався, што ня можно стярпѣть яму: што ёнъ ужэ бывъ празабывъ, а тутъ опять успомнили! Вялить аквитанту: моихъ жа дочарэй нѣту, и тябе ня будя! вялить брать мечъ и рубить голову̀ яму̀. По̀томъ ёнъ уздыхнувъ и говора: „Господи! нехай жа того рубять, хто няправъ, а я жъ служу вамъ вѣрою и правдою! Вы напяродъ разыщытя, а тогды накажытя!“ Государъ и одумався—отлягло яго жаркое сэрца—што трэба упяродъ распросить, а ня губить. По̀томъ тогды говора: „ти вѣрно ты кажашъ, што можашъ моихъ дочарэй достать?“ Поклявся и побожився, што вѣрно могу! Отвѣтивъ яму государъ: ну, колижъ ты можашъ достать моихъ дочарэй, будя табѣ вяликая награда, и дочь моя будя за тобой! Спрашуя государъ: „што табѣ трэба, кольки ва̀рмяи, ти грошай, говора: исказуй усё, што табѣ трэба!“—Ни-чо̀го мнѣ ня трэба, ни ва̀рмяи, ни грошай,—я самъ собой иду страждать. Дайтя мнѣ только на дорогу троху грошай и такую лошадь, которуу я самъ сабѣ отыщу! Государъ повялѣвъ: ищы сабѣ лошадь, гдѣ-бо ты хочашъ! Обыскавъ ёнъ сорокъ стадъ лошадей и у̀ сороковой стади нашовъ сабѣ лошадь. Таа лошадь, ростомъ яна вялика, ну худаа и коросьливаа

Узявъ ёнъ туу лошадь и давъ ёй волно у лузи погулять на троя сутокъ. А тая лошадь была богатырськая, да нихто яѐ не знавъ. Затымъ яна была худа, што хозяина подъ яѐ нѣту. Потомъ вялѣвъ собрать ковалёвъ и сковать такій шнуръ на дватцать пять вёрстъ довжыной, и сковать палочку-попирàшачку, на дватцать пять пудовъ. Тогды узявъ тую лошадь, тая лошадь стала золотая шарстина и сярэбраная, золотый копытъ и сярэбраный. Собравсь ёнъ, помоливсь Богу и отдавъ поклоны на уси чатыры стороны: опять у пятый разъ отдавъ поклонъ у тую сторону, куды ужэ ѣхати яму. И сказавъ усимъ народамъ: прощайтя! И сказавъ яму увесь народъ: щасьливый путь у дорози! И отъяжжаа.

Поѣхавъ путёмъ-дорогой и сустракаа чаловѣка. „Здрастьви, братъ!" —Здрастьви!—„Куды тябе Богъ нясѐ?"—А йду шукать помѣсьтя сабѣ, гдѣ бъ найти сабѣ у жытялство! И видя ёнъ, што ето ня простый чаловѣкъ ѣдя, и спрашуя: «а вы, господинъ, куды ѣдетя?»—А ѣду по государствянной службы,—мяне государъ посылая за своими дочарми! Той ужэ чаловѣкъ яму говòра: прыми и мяне за товарыша,—и я ужэ пойду табѣ послужу! Той говора: «прыму тябе! нà, говора, мой шнуръ, растягни яго по дорози!» Вывѣдуя, бачъ, якій помошникъ. Ёнъ тогды узявъ шнуръ за конецъ, якъ махнувъ—такъ увесь разостлавъ яго по дорози! И опять шморгнувъ—и собравъ у мѣсто! «Ну, подай мнѣ, говора, на лошадь!» Ёнъ зъ большой охотой подавъ яму̀. Ёнъ называя: хорошъ молодецъ! иди ко мнѣ у помошники! Стòишъ ко мнѣ у помошники! Якъ жа тябе зовуть? —А мяне зовуть Юда! Удовёнушка добрый мòлодецъ дужа узрадовався, што нашовъ сабѣ помошника. Ѣдуть яны и прыяжжають къ рацэ, и къ грэбли большой-большой. Чаловѣкъ грэблю мостя. Завялѣвъ яму̀ помѣщыкъ, штобъ ёнъ загрузивъ грэблю. Ёнъ грузя грэблю, ухватя дрэво, вырвя, и грузя грэблю! Тогды Удовёнушка говора: помогай Богъ табѣ!—Добрагокаа, здоровья, добрыя люди!—Што дѣлаешъ, говора, чаловѣча добрый?— А вотъ, говора, грэблю мощу̀! Удовёнушка добрый молодецъ спрашуя: оставъ ты, говора, ето,—ходи ты со мною у помошники! Ну, й той спрашуя: «куды жъ васъ Богъ нясе?» говора.—То жъ, говора, ѣду я по государствянной служби: посылаа мяне государъ дочарэй своихъ шукать! Той зъ большой радостю къ имъ и прыляпився: радъ, говора, я къ вамъ быть у помошники!—Ну, возьми, говора, шнуръ мой, растягни яго по дорози! Ёнъ узявъ шнуръ за конецъ, якъ махнувъ,—такъ увесь и разостлавъ по дорози; а тогды шморгнувъ—и собравъ усё умѣсто. Ёнъ говора: хорошъ молодецъ! ходи ко мнѣ у помошники! Якъ жа тябе зовуть?—А мяне зовуть Запры-водъ! И поѣхали яны ужэ утроихъ. Два помошники ужэ у яго. То бывъ вясёлъ, а то щэ повесялѣвъ, у кольки частей ужо. Прояжжають яны, и стракають ящэ чаловѣка. И што ёнъ дѣлая? Возьмя гору̀, и скачуя гору̀

ру унизъ, а посли уверхъ яѐ покотя. Той опять яму говòра: помогай Богъ!—Добраго здоровья, добрыя люди! Сказують яму: што ты дѣлаешъ? —А вотъ, мнѣ повѐляно зѐмлю ровновàть! Удовёнушка добрый мòлодецъ говора: оставъ ты ето, ходи ты со мной у помошники!—А куды жъ васъ, каа, Богъ нясѐ?—Да ѣду я по государствянной служби: государъ посылая мяне своихъ дочарэй шукать? Той говора: зъ большой радостю я готовъ къ вамъ за помошника быть!—Ну возьми, говора, мой шнуръ, растягни по дорози. Ёнъ узявъ шнуръ за конецъ, махнувъ—ёнъ увесь и разостлався по дорози. Тогды шморгнувъ—и собравъ увесь у мѣсто. „Ну, кажа, хорошъ молодецъ! Якъ жа тябе зовуть?» —А мяне зовуть Горунъ! Очистѝталь горъ, знатца. Ну, поѣхали ужэ учатырохъ.

Прыяжжають яны къ городу. И обыйшли яны городъ кружкà—и нигдѣ нямà воротъ: кружкà високія валы. Ёнъ узявъ шнуръ, и паракинавъ конецъ у городъ. По томъ шнуру пошовъ самъ. А стянà висòка, боляй якъ сями вёрстъ вышыной. Своимъ жа помошникамъ сказавъ: якъ торгну, дакъ вы тягнѝтя, и опять ко мнѣ подавайтя! Ну, тогды, идѐ ёнъ по городу, и убачыла яго мѐньшая дочаръ государствянная. И бягомъ бяжыть къ ямỳ, зъ большой радости, и обнимая яго руками и палуя: зачымъ ты, якъ тябе Богъ сюды прыславъ? А ёнъ исказуя: прыславъ мяне вашъ отецъ сюды за вами! Завялà яна яго у домъ, и садила за столъ, и давала ямỳ ѣсть. Слѐзно плача и расказуя: што ня узять вамъ насъ: нашы мужы жа змяй. У мойго мужа тры головы, а у другія сястры, у сярэдьнія, шэсть головъ, а у большыя—девять головъ. Отъ, говора,—подъѣжтя и отправляйтесь своимъ путёмъ: вы мяне ня вòзьметя! А ёнъ говора: вòзьмямъ, говора. Тольки ёнъ укусивъ разовъ тры, алебо пять,—а ёнъ и налятàя домовъ ужэ. Сычасъ запаливъ жаркимъ огнёмъ и разинавъ ротъ яго изъядàть. А ёнъ ня уторопѣвъ: сычасъ схвативъ свою палку-попирашку и начавъ зъ имъ битца. Тры разы ударывъ, тры головы збивъ—и убивъ! „Бяры, государыня, говора, што табѣ найлуччы!“ Тая ничого ня хоча, тольки бъ зъ душой выйти. Ну, набравъ ёнъ такихъ вящей, которыхъ у тымъ царстви нѣту, и яѐ повёвъ. Провòджуя яѐ къ шнуру и говора: вотъ, иди по етому шнуру и сòйдешъ унизъ, и тамака ёсть моѐ помошникѝ, тры чаловѣки. Увязавъ тыя одѐжы, вящэй што, дыяменты, навязавъ на цэпъ и тòргнувъ: тягнитя! Яны ето вытягнули и подали шнуръ яму назадъ. Узрадовались яны етому: благодарыть тябе, Господа Бога, што помогъ Богъ нашаму господину отратовать дочаръ государствянную, хоть одну! По радости Бога просять: поможы, Господи, нашаму господину, штобъ и тыхъ достать! Заслужамъ жа и мы сабѣ отъ яго государствяннаго якую чэсть! А ёнъ параправивъ тую и пошовъ. Иде ёнъ по городу, увѝдяла яго и другая, сярэдьняя дочаръ. Яна бяжыть къ ямỳ,

и рада, и плача, обнимая яго руками и цалуя: зачымъ тябе Богъ принёсъ, Удовёнушка?—Отецъ посылая мяне за вами! Яна отвящаа: ня ўзять, говора, вамъ насъ! нашы мужыки змяй! А ёнъ отвящая: я ўжэ одну узявъ, меньшаю! А тая отвѣтъ даѐ яму̀: хоть ты ўзявъ тую, а мяне ня возьмешъ: у тыя тры головы булò, а ў мойго шэсть! Узяла яго у домъ, усадила за столъ, а дала яму ѣсть. Тольки жъ укусивъ можа разы два ли тры, такъ ёнъ и налятая. Якъ улятѣвъ у горницу, такъ запаливъ огнёмъ и силно заровъ на яго. Узявъ ёнъ свою палку-попирашку и начавъ изъ имъ битца. Начавъ битца, начавъ битца,—якъ махнувъ девягь разъ, такъ уси шэсть головъ и збивъ! И убивъ. «Ну, бяры, говора, што табѣ трэба!» Тая ничòго ня хоча, рада душой увойти. Тогды ёнъ набравъ опять вящэй и повёвъ яѐ къ шнуру. «Вотъ, иди по етому по шнуру,—тамака ёсть моѐ помошникй и сястра твоя!» Царэвна сыйшла. Опять ёнъ навязавъ вещы, торгнувъ, яны й потягнули. Такъ ёнъ двюхъ дочаровъ и вывявъ. Тогды закинули яму шнуръ опять у городъ, а сами по радости опять стали Бога просить: «поможы, Господи, нашаму господину, штобъ и трэтьтяю царэвну ўжэ достать!» Тогды ёнъ пошовъ, искать ужэ трэтьтія царэвны. Трэтьтяя царэвна ужэ й послышала, што двёхъ сястяръ яѐ ужэ воротили. Ну, тогды яна ужэ стоить, по вулушцы ходя, и прысматруя, коли ёнъ ужэ будя итить за ёй. Тогды, приходжуя ёнъ, яна й убачыла яго, слѐзно заплакала, и обняла яго руками и цалуя. Тогды ёнъ говора: ну, говора, царэвна,—убирайсь! А яна яму говора: ня ўзять табѣ мяне и во вѣкъ. Ёнъ говòра: я ужэ твоихъ двёхъ сястёръ вывявъ отсюлѝ!—«Латьвѣй тыхъ выводить: у одныѐ мужа було тры головы, а у другія булò шэсть; а у мойго жъ девять!» Тольки дала яна яму ѣсть—увяла у домъ, посадила за столъ, и дала ѣсть—укусивъ ёнъ можа разы два ти тры, такъ ёнъ и налятаа, такъ и заровъ на яго грозно! Ёнъ узявъ свою палку-попирашку и начавъ зъ имъ битца. И бився ёнъ зъ имъ ужэ много, нясчотно,—ужэ самъ истомився. Потудова жъ бився, покуль убивъ того. «Тяперъ бяры, говора, што табѣ найлуччы!» Тая рада тольки зъ душой выйти. Набравъ ёнъ которыхъ вящэй, прывёвъ яѐ къ шнуру и сказавъ ёй: иди по ёмъ,—тамъ моѐ помошникй и сястры твоѐ двѣ. Тогды, яѐ парадавшы, и пошовъ самъ ужэ по шнуру. Тогды узыйшовъ ёнъ на стяну̀ и ставъ самъ рассматравать, дѣ-бо што дѣетца. А яго ужэ помошники узрадовались: «слава Богу, говора,—намъ ужэ ёсть по жанѣ!» Вò якъ ужэ яны! Тогды шморгъ тэй шнуръ, да доловъ. А яго и оставили на стянѣ: сами и поѣхали.

Заплакавъ жа ёнъ слѐзно, што остався на такой горэ на високой. Якъ яму̀ сойти оттуль? Тогды мысля: куды мнѣ покатитца зъ етыя стяны: ти у пòля, ти ў городъ? Тогды ёнъ покатився, подумавъ: пойду

опять у городъ! И ўпавъ у садъ, и ўбився крэпко, и отбивъ сабѣ ноги, ня можа ўжэ поворотитца. Идѐ пожаръ вяликій, а ў пожары крычить змяя: Удовёнушка, добрый молодецъ! поратуй, говора, мяне и дятей моихъ,—я тябе зъ вяликаго гора вызволю! Ёнъ говора: якъ жа я могу тябе поратовать, што я самъ болянъ!—Вы-тыки люди, говора, можныя, крэпкія,—якъ-небудь вы можатя помогти мнѣ! Возьмитя, говора, дрэво сорвитя и киньтя на ʻгонь, дакъ я самъ выйду и дятей вывяду! Ёнъ тогды хвативъ дрэво̀ большое, сырое, вырвавъ и кинавъ на ʻгонь. Тогды парайшла яна сама и дятей вывяла,—вышла съ огня. «Ну, што табѣ, говора, трэба?» А ёнъ говора: я вотъ болно крэпко разбивсь! Яна пошла, напилась росы, и прышла, змочыла яго усяго. Тогды говора: а што, якъ табѣ? ти лёхко табѣ? Ёнъ тогды повярнувсь и говора: «э, говора, мнѣ щэ етаго и ня чутно!» А яму̀ ўжэ поляхчѐло много. Яна пошла напилася у другій разъ росы, прышла, опять намочыла яго ўсяго. Ёнъ тогды ставъ и хорошый, такій, якъ и бывъ, а щэ хоча крэпчы быть. Яна тогды пошла, напилася у трэтьтій разъ, прышла тожъ, опять намочыла яго. Тѐ бывъ хорошъ, а то щэ нянача покрапчэвъ. Тогды яна подя̀кала яму̀ и говора: ня ʻпа̀суйся ты, Удовёнушка, добрый молодецъ! Щэ сыновъ побивъ, а щэ батька ихъ ё; и коли будяшъ зъ имъ битца, допрашуй тыя лошади, на которой царськихъ дочокъ достававъ!

Тогды ёнъ пошовъ шукать ужэ батьки ихъ. Батька ето ихъ дочувся, што ужэ сыновъ побивъ, и грѐзитца: «сыновъ побивъ, а мяне ўжэ, говора, ня убъѐ, а я яго убъю!» Коли ёнъ прыходжуя къ яму, ажъ ёнъ у лазьни парытца, и грозитца на яго. Ёнъ сычасъ, ускѐчивъ у лазьню и нача̀въ яго бить своёй палкой—попирашкой. Тэй жа не сподѣвався, знатца, етаго, што ёнъ ускоча, начанѐ яго бить. Такъ тры гѐловы яму збивъ у лазьни. «Скажы мнѣ, говора,—идѣ тая лошадь, на которой ты царськихъ дочокъ достававъ?»—А вотъ, иди, говора, тамъ будя стоять стайня, уся мѣдная, тамъ будя и лошадь стоять,—золотая шарстина и сярэбраная!.. Ёнъ якъ прышовъ икъ стайни, лошадь учула духъ крыстяньскій и зарзала. И на тэй лошади и сядло мѣдное и ўздэчка. Сѣвъ ёнъ на яѐ и поѣхавъ. Поѣхавъ на той лошади и пытаетца: ти можашъ ты мяне зъ естаго города̀ вывязти?—Нѣ, говора, не могу; а ёстяка у мяне другій братъ, той можа вывязти! Ёнъ сычасъ лошадь тую поставивъ, опять пошовъ икъ змѣю па̀ратца ў лазьню. Опять начавъ яго бить. Тры головы щэ збивъ,—осталось ужэ шэсть. Тогды опять допра̀шуя: искажы, говора: игдѣ таа лошадь, што ты царськихъ дочокъ доставав? Такъ ёнъ сказавъ: иди, говора,—стоить тамъ стайня, уся сярэбраная, и вороты и ключы. Отъ тамъ стоить и лошадь, то жъ само--золотая шарстинка и сярэбраная! Ёнъ тогды прыходжуя къ ворѐтамъ, лошадь счула крыстяньскій духъ и за-

рзала. Тамъ, на тэй лошади, сядло усё сярэбраное и уздэчка, и мечъ сярэбраная. Сѣвъ ёнъ на тую лошадь и поѣхавъ. И говора ёй: ти можашъ ты мяне зъ естаго города вывязть? Лошадь тая узниметца-узниметца,—нямножко-нямножко ня ускоча на стяну. «Не могу я, говора, тябе вывезть! Ёсть у насъ, говора, трэтьтій братъ; отъ, того допрашавай, идѣ ёнъ стоить». Пошовъ опять ёнъ къ тому змѣю, зновъ у лазьню паратца. И начавъ яго бить. Тры головы щэ збивъ: осталось тольки тры головы, а девять збивъ ужэ. Тогды спрашуя: искажы, гдѣ тая лошадь, што ты царськихъ дочокъ достававъ?—А вотъ будя, говора, стайня, уся золотая, и вороты и ключы,—а у стайни тамъ стоить лошадь, золотая шарстина и сярэбраная, золотый копытъ и сярэбраный, и золотое сядло, и золотая уздэчка, и золотая мечъ!... Отъ коли отказавъ крайня ужэ! Ёнъ прыходжуя икъ стайни, лошадь духъ счула крыстяньскій и зарзала тожъ такъ. Ёнъ сычасъ узявъ тую лошадь, сѣвъ на ёй и поѣхавъ. «Што, лошадь,—можашъ ты мяне зъ естаго города вывязти?» Яна говора; могу, говора. Ёнъ поднявся, изъ города и выѣхавъ. Догнавъ своихъ и послужниковъ, и паралятѣвъ, и опять вярнувся у городъ у той. Тогды опять по той радости пошовъ у лазьню зновъ. Ну, и соусимъ убивъ яго, кончывъ яго соусимъ. Тогды пошовъ ходить по тыхъ домахъ по ихъ, идѣ яны прожывали; нашовъ ёнъ одныѐ вянокъ, и другія, и трэтьтія. Дужа тыя вянки слишны, дужа дорогія. Ёнъ тогды побравъ тыя вянки, сабѣ сховавъ у карманъ, тогды узявъ и поѣхавъ ужэ соусимъ зъ города. Поблагодарывъ Бога и поѣхавъ.

Тогды ёнъ поѣхавъ и прыѣхавъ упяродъ за ихъ у городъ у свой ужэ, игдѣ яго царъ. А тыя щэ на дорози. Тогды лошадь пуствивъ у пôля гулять, одѐжу свою усю сховавъ и военнаю збрую, а самъ надѣвъ такоя,—простоя, съ простонародія, диравая—сермяги. Зайшовъ ёнъ икъ ковалю и проситца у яго, кабъ прынявъ яго за работьника. Коваль и прынявъ яго. Ну, ёнъ жывѐ тамъ дуракомъ: ня умѣя ни говорыть, ни такъ што: скажа, дакъ яго слово не подъ дѣло. Ковалёва жонка послала яго свинней пâсти. Ёнъ прыгнавъ свинней къ лѣсу, да хвосты позвязававъ имъ, да на дуба и поустягававъ: дурачокъ, вѣдомо, ня знаа ничого, што ёнъ,—а самъ узявъ, ды й пошовъ домовъ; да сѣвъ на лавцы, да на столъ узлокотився, да слюну пуствивъ изъ рота, и сядить сабѣ. Ковалёва баба спрашуя: игдѣ жъ свинни? А ёнъ отказуя: поузлизали, каа, на дуба да й пяють! Тогды ковалиха побѣгла за ковалёмъ: якій ты самъ дуракъ, и такого дурака ты сабѣ прынявъ! Онъ, свинни, говора, у лѣси подавилися! Ну, коваль, то сказано—мужацкій полъ,—зразу ничого не задавъ, ни грозы, ничого. Ажъ бача свинней на дуби,—ёнъ и самъ засміявся.

Ну, бача, што дуракъ: што зъ дуракомъ ужэ будешъ дѣлать? Коваль свинней отчапивъ и домовъ прыгнавъ, а ковалиха во̀зя яго кочаргой, а ёнъ голо̀ся, якъ яго мога̀; ти я, говора, виноватъ: яны поўзла̀жавали жалудьдя ѣсть да й пяюти тамъ!..

По̀томъ прыѣхали ужэ и тыя помошникѝ яго, изъ дочками ужэ, у домъ къ отцу, и хвалютца: што о̀тъ мы, говора, ихъ выратовали,—достали и отобрали! А той дурачокъ выйдя на вулицу, сопли пустя, слюну̀ пустя, обдѣлаетца.. Царъ радъ своимъ дочка̀мъ и пославъ по своёй зямлѣ вядомо̀сти, што воротилися дочары̀ яго, и молйтца Богу. «Коли жъ вы ихъ достали, и отдамъ ихъ за васъ! А дѣ жъ той, што, говора, упяродъ отъ мяне отправлявся?» Яны отказують: «а тэй, говора, тамъ щэ остався: ёнъ ня могъ самъ вылязть, ня токмо, што ихъ вывязть!» Цару тольки и ў кло̀поти ужэ объ тымъ, значытца, объ дурни; ёнъ радъ, што дождався дочарэй, а до того ужэ стольки клопото̀въ. Отдаѐ ёнъ ужэ ихъ у замужаство усихъ троихъ. Вѣдомо, ужэ разумныя люди, коли достали. Ускорости ужэ свадьби, одна узяла ужэ хварту̀хъ злота и понясла ужэ къ ковалю: «вотъ, издѣлай, говора, мнѣ, коваль, вянокъ такій, якъ бывъ у мяне за першымъ му̀жамъ!» Коваль назаутраго пошовъ у шынкъ выпивать горэлки наща, а яго работьникъ зайшовъ у кузьню, да й начавъ ковать: и мѣхомъ *днѐ* и по ковадлу бъѐ—бытто дѣлая ёнъ ужэ вянокъ. Ковалёва жонка стучыть у вороты, хоча бить яго, штобъ ёнъ не попортивъ ковалю, а ёнъ говора: я табѣ ня 'тчыню, ты тутъ щэ злота укра̀дешъ! Ковалёва жонка побѣгла у шынкъ по коваля и ругая яго: твой. говора, работьникъ, ёнъ по̀судъ попортивъ увесь! Коваль скорэй бяжыть, Бача ёнъ, што бяжыть кузнецъ, ёнъ вянокъ съ кармана, и къ тяплу, и грэя яго, и потчыщаа. Коваль говора: отчыни, говора, братъ! Ёнъ сычасъ отчынивъ и вянокъ показуя ковалю: поля*ти*-тка, говора, дяденька, —ти такъ я издѣлавъ? Тэй коваль узявъ у руки вянокъ и говора: да, братъ,—такъ! А тэй коваль и самъ ня умѣя здѣлать такія работы, да тольки такъ... И говора своей ходяйцы: вотъ, говора, якій ёнъ ёсть щэ дорогій работьникъ! Тогды и сама тая ужэ дивитца. Тогды, царськая дочаръ прыходжуя за вянкомъ, коваль и отдавъ ёй. «Вотъ жа, говора, якій вянокъ коваль здѣлавъ,—якуратъ якъ той, што за тымъ мужамъ бывъ!» А ето той. Тогды и другая узяла хварту̀хъ золота—позавидовала на тэй вянокъ—и тая занясла къ ковалю. «Отъ, говора, коваль: издѣлай и менѣ такій вянокъ, якъ моёй сястрэ!» Коваль помѣвся и той здѣлать. *Тэй* жа коваль опять пошовъ у шынкъ, выпивать наща, а *той* яго дурачокъ злото тоя забравъ, заховавъ, а самъ зновъ мѣхомъ днѐ и по ковадлу бъѐ. Ковалёва баба опять у вороты стукая, да хоча бить яго, што ёнъ по̀судъ портя, ёнъ плача ў кузьни да й говора: чаго ты тамъ? говора: ето,

говора, чужоя! Коваль иде съ шынку, а ёнъ щэ у кузьни. Ёнъ узявъ другія вянокъ, да начавъ изновъ яго подчыщать. Коваль говора: отчыни! Ёнъ сычасъ отчынивъ и показуя: а што, ти такъ я здѣлавъ? А коваль ужэ радъ, што значытца, яго вызволивъ: да, говора,—такъ, братъ! Прыходя царэвна за вянкомъ, и узяла и отправилась домовъ, и хвалитца: вотъ, вянокъ, говора, хорошый! Якуратъ, якъ за першымъ мужамъ, говора, бывъ! А трэтьтяя догадалась и спрашуя: ти няма у ихъ кого чужого? Яны отказуютъ: ёсть, говора, якійся дурачокъ! Трэтьтяя царэвна пошла къ ковалю, ничого ужэ ня бравшы,—'вознавать. Увыйшла йна у домъ, а яны обѣдаютъ. Тыя тогды уси поусхваталися зъ-за стола, што царэвна прышла, а ёнъ сядить за столомъ, узлокотився надъ чашкой и сярбàя. Тыя говорутъ: вотъ, говора, сударыня: не прогнѣвайся, што дуракъ у насъ такій! Яна говора: ничого! И быть ина на шутку зъ имъ говора: ето, говора, мой жанихъ будя! И началà шутить изъ имъ, и бытто цаловатца. А ёнъ плача: «чаго яна ко мнѣ вяжатца? я ѣсти хòчу: а яна мнѣ ѣсти ня даè! Отыйди отъ мяне, а то я табѣ капустой вочи зальлю! Скотина ты!» А коваль ижъ жаной просять яè, кабъ яна ня угнѣвалася, што ёнъ такъ говора на яè. Ёнъ тогды заплакавъ, бытто усердився, и побѣгъ за дверы, за порогъ, и ругаетца на яè. А яна за имъ услѣдъ. Ёнъ тамъ очыстився; тогды стали сабѣ на дворэ одны, заплакали—и яна и ёнъ. «Другъ мой, говора: якъ тябе Богъ воротивъ оттуль?» Ёнъ и расказавъ ёй.—«Коли ваша свадьба?»—А вотъ, у ето 'оскрасэньня!—«Ну, выяжжайтя жъ вы, говора, на свадьбу, и я, говора, выйду къ вамъ на устрэчу!» Тогды прышла царэвна домовъ и сказала своимъ сястрамъ: «вотъ, найшовся жъ той, што насъ вывявъ оттуль, который страждавъ за насъ!» Сёстры узрàдалися крэпко и сплясн̆ули руками. Тогды сказала имъ мовчать, до урэмя не казать никому,—покỳляка наша свадьба будя! Тогды, поджыдаючы, ёнъ пошовъ у городськую лазьню, и обмывся и одѣвся у свою 'дèжу и узявъ свою золотую мечъ, и палку-попирашку на прымѣту.

Тольки жъ яны ѣдуть, прыяжжають икъ цэркви, а ёнъ на устрэчу къ имъ да—здрастуй! имъ. Тыя яго помошники началѝ утякать съ повозокъ, а ихъ тыя жоны да ихъ прыдèржыли,—за ихъ! «Куды жъ ты, говора, мой милянькій, отъ мяне утякаяшъ?» Такъ яны ня могли утекти,—усихъ ихъ побравъ за рỳки. «Вѣрныя, говора, моè товарышы, да вы ня хочытя со мной поздорòвкатца: попышнѣли, говора. А имъ ужэ пыхота ня тая зашла! Воротився и самъ къ цару и дочары. «Здрастуй, царъ наяснѣйшый!» Познавъ и царъ яго, што ето Удовёнушка добрый молодецъ. «Здрастуй, здрастуй, Удовёнушка, добрый молодецъ!» Дочары къ отцу слёзно заплакали: утъ—это той, говòрать, который насъ поратовавъ отъ змя-

ёвъ; а ето, говòрать, бродяги! Ёнъ за насъ страждавъ и свою кровь проливавъ, а яго выдали изъ дружбы, а зъ насъ изругались! Государъ сказуя: «Удовёнушка, добрый молодецъ! которуу дочару хочашъ самъ, бяры за сябе; а другихъ отдавай, хто по дружби табѣ!» Удовёнушка добрый молодецъ на мèньшай жанився самъ, а другихъ по'тдававъ, кого мѣвъ за дружбу сабѣ. Царъ за яго дружбу давъ яму своё царство. И начавъ царствовать, и тяперъ ёнъ царствуя. А тыхъ вывяли у чистая пòля и дали имъ по дванатцать стрэловъ.

С. Кошелево, рогач. у. Отъ кр. Игната Емельянова, 60 лѣтъ, слѣпого съ дѣтства, нищаго.

35. Иванъ Ивановичъ—купецкій сынъ.

Нѣукоторомъ царстьви, нѣукоторомъ государстьви, живъ сабѣ одинъ купецъ богатый. И родився у яго одинъ сынъ на родахъ. И бывъ ёнъ щасьлйвъ и хорошъ, и пригожъ. И росъ ёнъ не по годахъ, а по часахъ, не по часахъ, а по минутахъ. У навуку подався и навуку скоро пройзойшовъ. И пòтомъ пошовъ на прогулянья и узявъ съ собой палочку. Якъ шибнувъ тую палочку, яна якъ полятить на тридевятое царство,— и попала Баби-Юзѣ у ногу. Тогды яна отвѣщаеть: „ахъ, Иванъ Ивановичъ, не со мной табѣ жартовать: ёсь Бѣло-пòля, на Бѣломъ поли стоить ложа на тэй ложи ляжить слишна панна; у головахъ стоить конь, изъ лубки жаръ ѣсь! Вò съ тэй табѣ жартовать!“ Пòтомъ ёнъ приходить домовъ и говòрить: „отецъ мой родный! ты мяне сплодивъ и выгодувавъ,—пусьти мяне, съ кимъ я хочў жанитца! Объявилося мнѣ, што ёсь Бѣло-пòля, на Бѣломъ поли лялить ложа, на тэй ложи лялить слишна панна; у головахъ стоить конь, изъ лубки жаръ ѣсь!“ Пòтомъ отецъ ямў отвѣщаеть: „бяри грошай, кольки треба, и лошадь, и садись и поѣжжай!“ Отъ ёнъ узявъ грошай и лошадь, и поѣхавъ. Ѣхавъ ёнъ цэлый день и обнимаеть яго тёмная ночь. Ну, увидивъ ёнъ мàленьку хатку на куриной нозцы. Захòдить ёнъ у ету хатку, тамъ дядокъ маленькій—съ клубочакъ. „Здрастуй, дѣдушка!“—А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ! Куды жъ ѣдешъ, куды путь дèржишъ?—«Ѣду, дѣдушка, на Бѣло-пòля, да не знаю, дѣ Бѣло-пòля. Ти не знаешъ ты, дѣдушка?» —Нѣ, каеть, не знаю; асли, каеть, знають—слуги моè. Обночуй, каеть: заўтра посмотрймъ! Ёнъ заночувавъ. Давъ Богъ день, уставъ гетый дѣдъ. Уставъ, якъ свиснувъ—и валить пташки, якъ ёсь на свѣти, и маленькія и вяликія. „Отъ вы, слуги моè, каеть, усюда летаетя, и по лѣсу и по пòлю, уси пути-дорожки знаетя, а ти знаетя, дѣ Бѣло-пòля?“ —Нѣ, говорить, дѣдушка,—не знаемъ! Пòтомъ ёнъ говòрить: «ахъ, Иванъ

Ивановичъ, купецкій сынъ! поѣжжай дальшы, не могу, каеть,—не знаю!» Отъ ёнъ уссѣвъ и поѣхавъ. Опять день ѣхавъ тожа. Обнимаеть яго ночь. Пріѣжжаеть ёнъ опять—стоить хатка на куриной нозцы. Тогды ёнъ зайшовъ, а у той хатцы дядокъ маленькій, съ клубочакъ. «Здрастуй, дѣдушка!»—Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! куды ѣдешъ, куды Богъ нясѣть? —«А ѣду, дѣдушка, на Бѣло-поля. Знаешъ, дѣдушка, идѣ Бѣло-поля?» —Нѣ, не знаю; асли знають—слуги моѐ! Обночуй жа, каеть, а заутра поглядимъ! Давъ Богъ день. Гетый дѣдъ якъ свиснувъ—и валить звярьё! Якъ ёсь на свѣти звярьё, дакъ усѣ собрались, и маленькія и вяликія. «Ахъ, дѣдушка, говорють: нѣ, каеть, не знаемъ, дѣ Бѣло-поля ёсь!» Потомъ ёнъ говорить: ну, Иванъ Ивановичъ, поѣжжай дальшы,—не знають, не вѣдають! Потомъ ёнъ узнова и поѣхавъ. Опять цэлый день ѣхавъ, обнимаеть яго тёмная ночь. И видить ёнъ—стоить хатка на куриной нозцы. Усходить ёнъ у тую хатку, а у тэй хатцы сядить дядокъ маленькій, съ клубочакъ. «Здрастуй, дѣдушка!»—Здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ! Куды ѣдешъ, куды путь дѣржишъ?—«Ахъ, ѣду, дѣдушка, на Бѣло-поля, да не знаю, дѣ яно, гето Бѣло-поля. Ти не знаешъ ты, дѣдушка?»—Нѣ, не знаю; асли знаеть—слуга моя. Ну, обночуй, каеть: заутра знать будемъ усё! Ёнъ обночувавъ. Давъ Богъ день; отъ, назаутраго дѣдушка вышавъ, якъ свиснувъ —дакъ нашла волока; тёмна ночь—а то ще тямнѣй стало. Тогды ёнъ спрашіеть у яѐ: «слуга моя вѣрная, ти не знаешъ ты, идѣ Бѣло-поля?»—Якъ жа я, каеть, не знаю: я тяперъ чаразъ [1]) яго йшла!—«Ну, каеть, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, становись на крылышко ей, ина тябе занясѣть на Бѣло-поля. Тольки не сказывай, што видишъ Бѣло-поля. Ина тябе будеть спрашивать: што Иванъ Ивановичъ, ти видишъ Бѣло-поля?—отвѣщай ей, што ня виджу!» Отъ ёнъ ставъ ёй на крылышко, ина яго и понесла. Несла-несла, несла-несла, принесла къ Бѣлому полю. «Иванъ Ивановичъ, ти видишъ Бѣло поля?»—Нѣ, ня виджу! Ина ще пронесла троху. «Иванъ Ивановичъ, ти видишъ Бѣло-поля?»—Нѣ, каеть, ня виджу! Пронесла ящѐ трошки и спрашіеть у третьтій разъ: «Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, ти видишъ Бѣло-поля?» Яму здаётца, што ёнъ минувъ, проходить Бѣло-поля, дакъ ёнъ говорить: виджу! Ина й спусьтила яго. И спусьтила у такія мхи, у болоты, што не самому пройти, ни коня провесьть. Ишовъ ёнъ, ишовъ, выбрався на Бѣло-поля. Увидала яго гета панна и говорить: «здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!»—Здрастуй, здрастуй, говорить, панна!—«Ахъ, говорить, я давно тябе поджидала, ледьви дождала!»—А я давно ѣду,

[1]) Граница твердаго и мягкаго р.

ледьви-ледьви доѣхавъ до тябе! Ну, потомъ яны попили, посовѣтували и пераночували. Давъ Богъ день, яна тогды сичасъ—посовѣтували тожа йзновъ,—тогды садитца на тую лошадь на свою, што зъ лубки жаръ ѣсь, и говорить: я жъ поѣду на прогуляньня, а ты усюдахъ ходи, только у водно мѣсто не ходи,—у тую комлату, што двери г-мъ замазаны, лычкомъ завязаны,—туды не ходи! Сама сѣла на коня и поѣхала. Конь тэй поверхъ лѣсу поднявся и пошовъ по вѣтри. А ёнъ остався ходить безъ яѐ, и не пошовъ туды. Потомъ ина прiѣжжаеть увечарў, ну попили, поѣли, посовѣтували, опять пераночували. Давъ Богъ день; ина садитца на гету лошадь: «ну, говòрить, Иванъ Ивановичъ, купецкiй сынъ, содяржи свой день опять: не ходи туды, идѣ табѣ не показано. А я поѣду на прогуляньня!» Отъ ёнъ день ходивъ, ходивъ, и стѐрпивъ. Отъ яна прiѣжжаеть увечарў. „Ну, хорошо, Иванъ Ивановичъ, купецкiй сынъ, сутриваешъ своё сумлѣньня хорошо!“ Опять попили, погуляли, посовѣтували и заночували. Назаутраго давъ Богъ день, яна опять такъ жа само: ну, Иванъ Ивановичъ, я поѣду на прогуляньня, а ты судержай опять своё сумлѣньня! И поѣхала. Ёнъ ходивъ, ходивъ, и ўдругъ такъ съ повдня, подъ вѐчаръ, самъ на сябе думаеть: „што жъ я, ўсюдахъ ходжу, усё вѣдаю, а тамъ я не могу знать, што тамъ дѣетца?“ Ёнъ приходить туды, посмотрѣвъ, ажъ тамъ поганый Кощей на ланцугу привязанъ! Потомъ ёнъ отвѣщаеть, якъ засмотрѣвъ яго: „а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купецкiй сынъ!“—Здрастуй, каеть.—„Пожалуйтя, Иванъ Ивановичъ, спусьтить мяне зь естаго мѣста, а тябе дàрую трема смертями!“ Ёнъ сабѣ надумався, такъ постоявъ сабѣ—надумався: «охъ, мой Богъ! гето жъ я довго жить буду на свѣти: трема смертями дàруеть! Спущу!» Узявъ двери отвязавъ и яго спусьтивъ. Якъ яго спусьтивъ, ёнъ—якъ ина ѣхала съ прогуляньня—обнявся зь ёй, и сѣвъ и стали гулять. «А ты, говòрить, Иванъ Ивановичъ к. с., ня суйся къ намъ, бо ина моя!“ Потомъ ина, панна гета, отыйшлася отъ яго (Кощея) и накормила яго, (Ив. Ив-ча) и дала яму мѣйсцо, дѣ ночувать. Потомъ пераночували, давъ Богъ день, ёнъ уснувъ, гетый поганый Кощей. Ёнъ тогды яе на свою лошадь и давай утекать. У поганаго Кощея бывъ соколъ и соболь. Отъ гетый соколъ засвиставъ, соболь завывъ, а конь зарзавъ. «Ты, вовча мясо, чаго ржешъ? А ты, песься мясо, чаго выешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму жъ намъ, каеть, не рзать и ня выть, и не свистать, коли нашiя панны нема!—„Ну, ничого, каеть: догонимъ, отбяромъ,—будеть наша!“ Ёнъ усѣвъ на лошадь и догнавъ. „Ну, Иванъ Ивановичъ, первою смертю тябе даровавъ, большы, каеть, ня суйся, бо я тябе убью!“ Отъ ёнъ яѐ узявъ и поѣхавъ. А ёнъ назадъ вядетца съ конёмъ. Отъ яна замѣтила яго, изнова дала яму мѣйсцо, накормила яго, ёнъ обночувавъ. Давъ Богъ

день, ёнъ, Кощей поганый, опять уснувъ. Тогды ёнъ за яè, и увёзъ. Тогды соколъ засвиставъ, соболь завывъ, конь зарзавъ. „Чаго ты, вовча мясо, иржèшъ? А ты, песься мясо, чаго выешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?"—Якъ жа намъ не рзать, ня выть и не свистать, коли нашія панны нема!—«Ну, ничого: догонимъ, отбяромъ!» Удругъ садитца на гету лошадь, и догоняеть яго. Догнавъ и отобравъ. „Ну, помни жъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, што я табѣ двѣ смерти даровавъ! Боли ня суйся ко мнѣ, бо я тябе убью!" А пòтомъ, якъ схвативъ яе, такъ и полятѣвъ. Ёнъ за ёй тожа опять привёвся. Яна яго усмòтрила, што ёнъ опять ёсь, тогды яна яго накормила, напоила, опять мѣйсцо дала—ночуй! Отъ ёнъ переночувавъ. Давъ Богъ день, Кощей поганый заснувъ. Тогды ёнъ яè узявъ и поѣхавъ. Отъ соколъ засвиставъ, соболь завывъ, конь зарзавъ. „Ты, вовча мясо, чаго ржèшъ? Ты, песься мясо, чаго выешъ? Ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму жъ намъ не рзать, и ня выть и не свистать, коли нашія панны нема!—„Ну, ничого, догонимъ отбяромъ! Сѣвъ на гету лошадь и догоняеть яго. Догнавъ, сичасъ и отобравъ. «Ну, каеть, помни, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, што я тябе послѣдней смертю даровавъ,—большы ня суйся, бы уже забъю!" Ухвативъ яè и поѣхавъ.

Ну, а Иванъ Ивановичъ купеческій сынъ забивъ свою лошадь, вѣдомо, приставъ, сусимъ—утекавъ. Тогды ёнъ чуть вядѐтца зь ей, ажны лятить воронъ исъ своими дятьми. «А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ!"—А, каеть, здрастуй!—«Будь ты, каеть, ласковъ, —покорми мою силу: много лятѣвъ, и щè далёко лятѣть. Я за твою доброту удружуся табѣ у потреби!» Ёнъ узявъ гетаго коня кинувъ. Крукъ гетый напитався, подъѣвъ и полятѣвъ. А ёнъ и пошовъ самъ туды опять. Ина яго уберегла, што ёнъ ёсь, опять пришовъ, тогды яму̀ дала—покормила яго, дала мѣйсцо. Пераночували. Давъ Богъ день. Кощей поганый уснувъ. Ёнъ узявъ яе и повёвъ. Пòтомъ соколъ засвиставъ, соболь завывъ, конь зарзавъ. Ёнъ прошнувся. „Ты чаго, вовча мясо, иржèшъ? А ты чаго, песься мясо, выешъ? А ты чаго, совино перья, свищешъ?" —Якъ жа намъ не рзать и ня выть. и не свистать, коли нашія панны нема!—«Ну, ничого, догонимъ, отбяромъ!» Сѣвъ на коня и догоняеть ихъ. Яе ухвативъ, а яго якъ ударивъ, дакъ ёнъ и рассыпався,—убивъ яго.

Пòтомъ гетый крукъ, идѣ бывши, лятить суды̀, „Ахъ, говòрить, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ! Я жъ табѣ казавъ: ня суйся суды, получишъ смерть! Потомъ узявъ свою силу и думаеть: «што зь имъ рòбить? треба яго отживить! Ну, каеть, надо, каеть, живущія, каеть, и гоющія воды достать!» Отъ ёнъ узявъ, свойму дятёнку пляшачки подвязавъ подъ крыльля. Гетый узявъ и полятѣвъ. Тамъ бовтонувся, зачѐрпнувъ гоющія

воды и живущія, и полятѣвъ. Покуль ёнъ прилятѣвъ, дакъ яны яго зложили умѣсто, якъ бывъ ёнъ. Пòтомъ прилетаеть гетый кручанòкъ, приносить водỳ живущую-гоющую. Узяли, полили гетой водой гоющай—згоився, живущай—отживився. Бывъ молодецъ, а то ще получчавъ. Пòтомъ ёнъ говорить: охъ, говòрить, якъ я довго проспавъ! А крукъ ямỳ отвѣщаеть: „ну, говорить, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ! Ина будеть рада, што убачить тябе, што ты пришовъ, а ты спроси ỳ яè, отъ кого ёнъ такого коня маеть, што ня можно отъ яго, ня можно утечь!" Гето уже поганаго Кощея. Ну, пòтомъ ёнъ приходить туды, ина: ахъ, слава Богу, говорить, што тябе Богъ воротивъ! Якъ тябе Богъ воротивъ? —Ну, я уже табѣ сказавать ня буду,—якъ воротивъ, да воротивъ! А вотъ, говорить,—скажи ты мнѣ, панна, отъ кого ёнъ етакаго коня маеть, што отъ яго ня можно никомỳ утечь? Ина яму отвѣщаеть: «вотъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ: ёсь на тридевятомъ царстьви Баба-Юга; а ỳ яè ёсь девять кобылъ. Дакъ хто три дни спасѐть, такого коня будеть мѣть!» Отъ, ёнъ туды и пошовъ.

Тогды идѐть ёнъ первымъ довгомъ чаразъ ракỳ—идеть рѣчка силная дужа—ажнѝ ли рѣчки плещетца рыбка. Пòтомъ яна отвѣщаеть: ахъ, Иванъ Ивановичъ, купеческій сынъ, укинь мяне у водỳ: я табѣ при злой години знадоблюсь! Ёнъ яè ỳзявъ, укинувъ у водỳ, и пошовъ. Идеть ёнъ, ажны два вовки бъютца за одну костку. „Ахъ, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ,—подяли ты намъ гету костку!» Ёнъ узявъ гету костку и подяливъ имъ. Яны зьѣли костку и побѣгли. И ёнъ пошовъ. Ишовъ, ишовъ,—идѐть по лясỳ; лѣсъ такѐй буйнэй! Ажны два шаршнѝ бъютца за одно дуплѐ. „Ахъ, каеть, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ!—подяли насъ дуплями! Мы табѣ при злэй години знадобѝмся! Ёнъ тогды ỳзявъ, одного покинувъ у гетомъ дуплѣ, а другого занѐсъ у другоя. А самъ и пошовъ. Приходить туды, къ гетой Баби-Юзѣ, што на триждадевятомъ царстьви живѐть. Тогды ина отвѣщаеть: а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, здрастуй, купецкій сынъ! Ну, што жъ ты ко мнѣ пришовъ, коній пасьвить? Вотъ спасешъ три дяньки, вòзьмешъ коника на выбòръ! Отъ, ёнъ заночувавъ. Давъ Богъ день, ина тутъ што-нибудь ямỳ ѣсьти приготовила; сама ỳзяла зялѣзныхъ прутовъ пукъ и пошла ихъ наказувать. А ỳ яе была нявѣстка. То жъ, яна—змѣя, а нявѣстка Богу вѣрила. То жъ нявѣстка отвѣщаеть: „ахъ, говòрить, Иванъ Ивановичъ: коли хочетя достать што-нибудь, дакъ нѐколи дужа ѣсьти: послухай, дѐ ина имъ скажеть ховатца!" Отъ ёнъ послухавъ. Яна говòрить: ховайтеся по бохотàхъ (виръ широкій) у ракỳ, кабъ ёнъ васъ не нашовъ, кабъ къ вечару у дворъ не пришовъ! Потомъ ина убѣгаеть у хату, ёнъ обѣдаеть. „Ахъ, каеть,—што жъ ты, каеть, Иванъ Ивановичъ, ня скоро яси?" Нявѣстка

отвѣщаеть: якъ жа яму скоро ѣсь, ёнъ давно зъ двора, ня ѣвши; у яго ўроци попортилося отъ сухого хлѣба! Потомъ яна выправляеть яго ў поля, гнать кобылъ. Даеть яму сыру сонливаго, хлѣба драмливаго. Потомъ ёнъ якъ вышавъ, яна вороты отчинила, яны якъ вырвались—поверхъ лѣсу и полятѣли,—тольки ёнъ ихъ и видивъ! Потомъ ёнъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, нямного пройшовъ, захотѣлось яму дужа ѣсь. Ёнъ узявъ, гетый сыръ зьѣвъ, хлѣбъ зьѣвъ,—лёгъ и заснувъ. Якъ спи, дакъ спи—до самаго вечарà. Прошнувся, идеть и плачеть. Идеть коло рѣчки, гета рыбка тропъ-тропъ! „Чаго, Иванъ Ивановичъ, купецкій сынъ, плачешъ?»—Ахъ, говорить,—кобылъ своихъ утративъ!—«Ня бойсь, каеть, не утративъ: стой, говорить, напередѣ!» Отъ яна, гета рыбка, якъ шавольнўлася, якъ стрепянўлася, тольки спросила, дѣ яна приказала ховатца. Якъ собрала свою силу, якъ зачалà трепетатца, зачала трепетатца—и выгнала гетыхъ кобылъ изъ воды! Потомъ ёнъ пригоняеть домовъ гетыхъ кобылъ. «Ну, говорить, хорошо, хорошо, Иванъ Ивановичъ, к. п.! Отъ, спасёшъ три дяньки, возьмешъ коника на выборъ!» Ну, ёнъ заночувавъ. Яна яму ѣсьти тутъ дала.. Пераночувавши, назаўтраго, давъ Богъ день, яна удругъ яму ѣсьти дала, а сама узяла зялѣзныхъ прутовъ подъ паху пукъ и пошла наказувать ихъ. Нявѣстка отвѣщаеть: ахъ, Иванъ Ивановичъ, к. с.! коли хочешъ што достать, дакъ иди послухай, дѣ яна казала имъ ховатца! Ёнъ пошовъ послухавъ. Ина наказыеть: што ховайтеся по мхахъ, по болотахъ! Пошовъ ёнъ, гето послухавъ, сѣвъ—опять обѣдаеть. Ина приходить у хату: «ахъ, што жъ ты, каеть, Иванъ Ивановичъ, няскоро яси! А нявѣстка отвѣщаеть: якъ жа яму скоро ѣсьти, коли у яго у роти усё попортилось, отъ сухого хлѣба! Ну, тогды даеть ина яму сыру сонливаго, хлѣба драмливаго и выправляеть уже ў поля: ну, ступай жа пасьвить уже! Вороты отчинила, яны якъ вырвались, поверхъ лѣсу и полятѣли. Тольки ёнъ ихъ и видивъ! Потомъ ёнъ ишовъ, ишовъ, якъ захотѣвъ ѣсьти! Зьѣвъ гетый хлѣбъ, гетый сыръ—такъ лёгъ и заснувъ. Якъ спи дакъ спи—до самаго вечарà. Прошнувся—нема кобылъ. Отъ ёнъ идеть и плачеть. Ажны бяжить вовкъ: «чаго, Иванъ Ивановичъ, к. с., плачешъ?» —Ахъ, каеть,—кобылъ своихъ утративъ!—«Ну, ничого; стой напередѣ, пилнуй,—пригонимъ!» Гетый вовкъ якъ заскуголивъ, завывъ, собравъ свою силу. Пошовъ по мхахъ, по болотахъ, кобылъ етыхъ и выгнавъ. Ёнъ пригоняеть ихъ у дворъ. «А, здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Отъ, хорошо: два дяньки спасьвивъ, третьтій якъ спасьвишъ, возьмешъ коника на выборъ!» Ну, дала яму ѣсьти што нибудь; ёнъ подъѣвъ и заночувавъ. Давъ Богъ день; яна дала яму снѣдать. а сама зялѣзныхъ прутовъ пукъ подъ паху и пошла ихъ наказувать. Тожъ нявѣстка яму говорить: «ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ, к. с.: коли хочешъ гето достать, дакъ иди

послухай, куды ина имъ скажетъ ховатца!» Ёнъ пошовъ, ажны ина имъ кажетъ: што ховайтеся по дупляхъ, по 'сиьнику, по дупляхъ! Ну, добро. Сама уходить у хату, а ёнъ ѣсь. «Ахъ, каетъ, якъ ты няскоро яси!» А нявѣстка отвѣщаетъ: яму жъ, каетъ, ня можно скоро ѣсьти: у яго ў роти усё попортилось за дорогу отъ сухого хлѣба! Ну, тогды даётъ ина яму сыру сонливаго, хлѣба драмливаго и выправляетъ пасьвить. Отчинила вороты, яны якъ вырвались—поверхъ лѣсу и полятѣли. Тольки ёнъ ихъ и видивъ. Ну, пошовъ ёнъ услѣдъ. Ишовъ, ишовъ, и захотѣвъ ѣсьти. Отъ ёнъ сыръ тэй зьѣвъ, хлѣбъ зьѣвъ,—якъ лёгъ, дакъ и заснувъ. Прошнувся, ажны уже сонца заходить. Отъ ёнъ идётъ и плачетъ. Гетый шарстёнь лятить и спрашіетъ: „Иванъ Ивановичъ. к. с.: чаа ты плачешъ?» А ёнъ говорить: чаму мнѣ не плакать, коли я своихъ кобылъ утративъ!—«А дѣ ина казала имъ ховатца?»—А по лѣси, по дупляхъ, по 'синьнику! Гетый шарстёнь свою силу якъ гукнувъ, загудѣвъ, ставъ щипать, вѣдомо уже, кусатца—и выгнавъ ихъ. «Ну, стой, каетъ, Иванъ Ивановичъ, наперади,—пригонимъ!» Отъ ёнъ и пригнавъ ихъ у дворъ. Ина: «а здрастуй, здрастуй, Иванъ Ивановичъ, к. с.! Отъ, хорошо! Три дяньки спасьвивъ,—возьмешъ коника на выборъ! Дала яму ѣсьти чаго нибудь, а сама пошла. Нявѣстка отвѣщаетъ яму: «гляди жъ ты, каетъ, Иванъ Ивановичъ, к. сынъ: ёсь у куточку у стайни маленькій жарабёночакъ, няпошлый, недолужлый уже. Дакъ яна съ усихъ хорошихъ коній силу отбярётъ, да на яго, одному яму. Гляди жъ, каетъ,— ина тябе будетъ отбивать: бяри, каетъ, хорошаго, сядешь и поѣдешъ! А ты ня слухай, возьми маленькаго, [illegible]то ли тябе будетъ луччи хорошаго!» Ну ёнъ пошовъ у [illegible], узявъ гетаго жарабёнка малаго и вядётъ. А йна убачила: «ахъ, говорить, Иванъ Ивановичъ! Якій ты чаловѣкъ худый, нябразованый,—узявъ такого коня! Ты жъ ба узявъ хорошаго, кабъ уссѣвъ и поѣхавъ!» А ёнъ отвѣщаетъ: ну? у насъ бывъ якій уговоръ: на выборъ коня брать? Я й узявъ на выборъ по своёй любови, который мнѣ улюбився, такого я и узявъ!»—«Ну, нѣчаго дѣлать!» Ёнъ яго й повёвъ.

Якъ вѣсьти, дакъ вѣсьти, якъ весьти, дакъ вѣсьти—обнимаетъ яго тёмная ночь. Ёнъ узявши, тяплышко высѣкъ, разложивъ, и сѣвъ,— заночувавъ. Тогды жарабёнокъ гетый отвѣщаетъ яму: хозяинъ мой вѣрный, пусьти мяне покататца по мянтузной (вѣр. искаженное: зямчужной. Мянтузъ въ южномъ говорѣ—названіе рыбы налима) росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьтивъ. Конь узявъ, покатався, покатався, и побѣгъ назадъ. А ёнъ пераночувавъ; назаўтраго давъ Богъ день, сонца узыйшло, а яго нема. Ёнъ и сумився. Потомъ бяжить гетый конь, подъ имъ земля дрыжитъ, и по сяннэй копѣ зямлю копытамы ворочаетъ: «хозяинъ мой вѣр-

ный, бяри, кает̑ь, вяди мяне, я ще т̑ябе не звязу—у мяне сила не ўся!» Яны вяли, вяли, день. Обнимает̑ь ихъ т̑ёмная ночь, ёнъ т̑яплышко высѣкъ, разложивъ и заночувавъ. Жарабёнокъ гетый отвѣщает̑ь: хозяинъ мой вѣрный, пусьт̑и мяне покататца по мянтузной росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьт̑ивъ. Узявъ тэй конь, покатався, покатався и побѣгъ назадъ. Назаўтраго давъ Богъ день, уже сонца обўтрало порадошно,—нема яго коня! Ёнъ сядит̑ь ли т̑яплышка и сумився. Ажъ бяжит̑ь яго конь, ажны земля дрыжит̑ь и по наболышамъ копякў зямлю копытамы ворочает̑ь. «Хозяинъ мой вѣрный, бяри мяне, вяди,—я щѐ т̑ябе не звязу: сила моя не ўся!» Ёнъ яго узявъ и повёвся. Вяли, вяди—цэлый день. Обнимает̑ь ихъ т̑ёмная ночь. Ёнъ т̑яплышкò высѣкъ, разложивъ, и заночувавъ. Конь гетый отвѣщает̑ь: хозяинъ мой вѣрный, пусьт̑и мяне покататца по мянтузной росѣ, по шавковой травѣ! Ёнъ яго пусьт̑ивъ. Тэй конь покатався, и побѣгъ назадъ. Назаўтраго, давъ Богъ день—нема яго коня; уже й сонца обўтрало—нема; агў—большòя раньня уже,—нема коня; уже й подъ повдня сонца—нема коня? Ажны ёнъ къ повдню бяжит̑ь, ажъ земля дрыжит̑ь, и по цэлому стогу зямлю копытамы ворочаеть. «Ну, кает̑ь,—вò т̑яперъ, хозяинъ мой вѣрный, вырви у мяне съ персьт̑и триждыдевят̑ь шерсьти, и садись на мяне, поѣдемъ! Тогды ёнъ 'яго вырвавъ съ персьт̑и трижды-девят̑ь шерсьти и сѣвъ на яго и поѣхавъ: „вò т̑яперъ, кает̑ь, моя уся сила! Вотъ, хозяинъ мой вѣрный: якъ мы прiѣдемъ, будет̑ь ина намъ рада. И спроси ты у яѐ, кабъ ина узяла тэй платокъ, што съ поганымъ Кощеемъ на вянцы̀ стояла!“ Отъ, якъ ёнъ прiѣхавъ, дужа яна была яму рада. Ёнъ ёй сказавъ, кабъ ина узяла тэй платокъ, што съ поганымъ Кощеемъ на вянцы стояла. Ну, тогды яѐ узявъ и повёзъ. Сичасъ конь зарзавъ, соколъ засвиставъ, соболь завывъ. Ёнъ прошнувся: ты чаго, вовча мясо, иржешъ? А ты, песься мясо, чаго выешъ? А ты, совино перья, чаго свищешъ?»—А чаму намъ не рзат̑ь, и ня выт̑ь, и не свистат̑ь, коли нашiя панны нема!—«Якъ можно быть? Я жъ яго убивъ, разбивъ на дробный макъ!»—Нѣ, кает̑ь,—живъ!—«Ну, ничого, кает̑ь—отбяромъ!»—Нѣ, кает̑ь,—не 'тбярэшъ! Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Гетый конь поднявся високо, што купецкiй сынъ ѣдет̑ь изь ёй уже, съ панной зъ естой, а тэй—Кощея, ще вышай! Гетый конь, Ивана купецкаго сына, отвѣщает̑ь: «поднимись повышы мяне и страханись,—объ сырую зямлю яго ударъ, нячистую силу, кабъ ёнъ разбивсь! А мы съ тобой будемъ умѣсьт̑и жит̑ь!» Отъ ёнъ якъ поднявся вышай яго, страханувся, ударивъ поганаго Кощея объ сыру зямлю̀—разбивъ яго на крошки, дробнѣй маку!

Отъ яны уссѣли одинъ на 'дного, а другѐй на другого, и поѣхали. А яму достався и соколъ и соболь, усё уже яго—што ўсё доставъ, на чомъ

налегавъ. И поѣхавъ къ батьку и стали жить-поживать, добра наживать.

И я тамъ бывъ, мёдъ-вино пивъ, по бородѣ тякло, у роти ня було. Дали мнѣ пирогъ—я за порогъ; дали мнѣ смыкъ—я подъ вороты шмыкъ.

С. Высокое, орш. у. Записано мною отъ кр. Якова Игнатьева, 76 лѣтъ, негр. Внѣ предѣловъ своей губерніи не былъ.

36. Удовины сыны.

Жывъ сабѣ царъ, и було у яго тры дочары. Выходють первой дочары годы замужъ отдавать; и пріяжжають къ ёй сваты. А яна гувора: «батюшка, гувора: што жъ вы мяне замужъ отдаятё—ниякихъ работъ я ня вѣдаю: купитя менѣ шовку краснаго и дайтя мнѣ домъ чистый, спокойный, кабъ я училась усихъ работъ!» Тяперъ яѐ у етый домъ отправили. Змѣй, откуль бывшы, домъ разбивъ, и яѐ узявъ и понёсъ съ собой. Горували, горували яны, и остались такъ, безъ усяго. Тяперъ, и другой дочары—напоготови замужъ отдавать. Икъ той дочары сваты прыѣхали, и тая отцу кажа: «што жъ вы мяне отдаятё,—я ниякихъ дяловъ ня вѣдаю!» И такъ само: «купитя менѣ шовку чорнаго и отправтя мяне у вучебный домъ!» И отправили яе. Змѣй опять прилятѣвъ, узявъ дѣвку и понёсъ съ собою. Яны горували, горували, и ничого. Тяперака вышли годы трэтьтяй дочары замужъ отдавать. Прыяжжають сваты по туу дочку, а яна гувора отцу: «што жъ вы мяне отдаётя у люди, коли я ниякихъ работъ ня вѣдаю? Купитя менѣ бѣлаго шовку и отправтя мяне у вучебный домъ!» Ну, отправили яе у вучебный домъ, а змѣй, откуль бывшы, разбивъ домъ и яѐ узявъ съ собой. Тяперъ, яны горують, и мать и отецъ, што были тры дочары, и няма ниводныя. Яны давай горувать, давай прослухать по усимъ бѣлымъ свѣту. И просивъ усихъ разныхъ народовъ, кабъ ихъ тольки знайтить, ти живыхъ ти мяртвыхъ. Собрались Удовиныя сыны къ обѣду и говоруть мижъ сябе такъ: меньшый гувора братъ: я, гувора, знаю, дѣ яны и могу ихъ воротить! А нищія, значитца, ходють и разслухають етыхъ дяловъ. Сычасъ и доложили аппаратору налишно: «искавъ Удовиный сынъ младшый: я знаю и могу ихъ воротить!» Такъ ихъ аппараторъ спрашуя у свой домъ, и допрашують ихъ: братьтя, гувора: скажытя, гдѣ моихъ дочакъ, ихъ можно достать? Ёнъ отвячаа: ваша царское вяличаство: кабъ лошади намъ хурошія були, и кабъ меньшаму брату, Удовиному сыну, була булава у сямнанцать пудовъ, сярэдьняму брату кабъ у двананцать пудовъ, а большаму девять пудовъ! Тогды, лошадей собрали, булавы узяли и выяжжають съ царскаго двора.

Ёнъ, Удовиный сынъ и гувора старшому брату: шыбай, гувора, свою булаву! скольки улятить, стольки намъ до ношлегу ѣхать! Ёнъ швырнувъ, яна й загрымѣла. Поѣхали яны услѣдъ за ёю и цэлый день, до самой ночы ѣхали. Ну, обночылися тутъ, заночавали коло яе. Тогды, назаутраго, устають, помылися, Богу помолилися, опять жа сярэдьнiй братъ бярэ ету свою булаву и шыбнувъ путёмъ, куды ѣхать имъ. И узновъ цэлый день ѣхали за булавой. Прыѣхали къ булавѣ и заночавали. Ну, заночавали, назаутраго устали, Богу помолилися,—опять жа ужэ меньшый братъ бярэ ету свою ужэ оружыю—булаву и шибаа у свой путь, куды имъ ѣхать. Опять ѣхали цэлый день до етыя до оружыи, найшли булаву, и коло булавы ужэ ношлегъ имъ. Тогды, назаутраго, устали, помылись, Богу помолились, опять поѣхали у свой путь. Прыяжжають яны у повдни у городъ: стоить городъ за калиновымъ мостомъ. И такъ, городъ будя направо, а налѣво стоить тры домы: одинъ домъ красный, другiй чорный, а трэтьтiй бѣлый. Тяперъ и гувора меньшый братъ Удовинъ сынъ: братiя, гувора: прыѣхали у городъ—пить и гулять, и расплачаватца якъ слѣдуя быть! Добыли до вечара у городи, меньшый братъ гувора большаму: братъ, гувора: иди, братъ, ночавать подъ етый мостъ потъ калиновый, и гляди бострого, што будя! Ёнъ пошовъ сабѣ подъ мостъ ночавать, помолився Богу и лёгъ спать подъ мостомъ. Етому жъ брату меньшаму, Удовиному сыну, неколи ждать, а услѣдъ за имъ пошовъ повѣрать. Етый сабѣ спить своимъ порадкомъ, а етый на мосту стоить на калавуры. Такъ сычасъ у повночъ ѣдя змѣй чатырохъ-головный. Подъяжжаа къ мосту, сычасъ собака забрахавъ, конь зарзавъ, соколъ заuвиливъ. «Стой, гувора, песьсяя мясо,—ня ржы, а ты, пёсъ, не брашы, а ты соколъ, ня твили: што я у свѣти никого не боюся, а боюсь одного Удовинаго сына. Дакъ яго сюды воронъ косьтй не занясё!» А ёнъ сказуа: ня воронъ косьти молотца заносяя, самъ молодецъ по своёй охоти ходя!—«Ты тутъ, говора, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, кажа.—«Ну штожъ, гувора: будомъ битца, ай мирытца»?—Проклятый, гувора: я не прыѣхавъ съ тобой мирытца, прыѣхавъ тябе соусимъ убить!—«Дуй токъ!» гувора.—Ты дуй, проклятый! Ёнъ дунувъ—сярэбраный токъ здѣлавъ; а Удовинъ сынъ дунувъ—золотый токъ здѣлавъ. Ну, тогды давай битца яны. Билися-билися, и Удовинъ сынъ яго збивъ, и головы етыа позбивавъ и поскидавъ у вогнянаю рэчку. Лукавый жа ѣздя по рэцци, побираа еты головы у лотку. А ёнъ пошовъ сабѣ на хватеру свою и лёгъ спочивать богатырськимъ сномъ. Прыходя братъ, пераночававшы, съ подъ моста опять жа на хватеру. Ёнъ спрашуа: братъ, ти видавъ ты што, ти ня було приторочаства табѣ якого ноччы?--Ничого, братъ, ня було: ночававъ спокойно!.. Ну, днемъ погуляли, попили, поѣли, у городи походили,—дожыдаютца другой ночы

ўжэ. Посылаа Удовинъ сынъ сярэдьняго брата на калиновый мостъ, на 'гняннаю рэчку, и прыказуа яму̊: гляди, братъ, построжэй! И ёнъ яму̊ ня вѣра,—опять услѣдъ пошовъ. Той жа братъ прышовъ, подъ мостомъ и лёгъ спать. Ну яму̊ спать неколи—стоитъ на стурōжы на мосту. Во повночъ ѣдя тожа сямиголовный змѣй на лошадю,—коло яго хортъ и соколъ. Яны узъяжжають на мостъ—конь зарзавъ. хортъ забрахавъ, а соколъ зацвиливъ. «Стой, гувора, песьсяя мясо, ня ржы, а ты хортъ, не брашы, а ты, соколъ, не цвили: што я не боюсь у свѣти никōго, тольки боюсь одного Удовинаго сына. Дакъ яго сюды воронъ косьтѝ не занясѐ!» Ёнъ жа кажа: ня воронъ кōсьти молотца занōся, молодецъ по 'хоти самъ заходя!—«А ти тутъ ты, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, гувора.—«Ну, будомъ битца, ай мирытца?»—Нѣ, проклятый, не за тымъ я прыѣхавъ, кабъ мирытца, а затымъ, кабъ тябе соўсимъ убить! Дми токъ!.. Ёнъ дунувъ—сярэбраный токъ здѣлавъ на пять вёрстъ, а Удовинъ сынъ дунувъ—позолотивъ. Тяперъ давай битца яны на мосту. Удовинъ сынъ яго збивъ, сколотивъ, и головы яму позбивавъ и ў вогнѝннаю рэчку поўкидававъ. А лукавый опять по рэццы ѣздя да головы етыа збираа. И пошовъ Удовинъ сынъ опять на свою хватеру, а брата ня будивъ, тамъ и кинавъ подъ мостомъ яго. Прыходя братъ опять на ету хватеру, дѣ яны значытца хватяровали, ёнъ и спрашуа: што, братъ,—ти ня було прытороцтва табѣ якого?—Нѣ, братъ, ничōго ня було!.. Пили день, бясѣдовали, гуляли,—дожыдаютца трэтьтія ночы. Отправляетца Удовинъ сынъ самъ ужэ на стражу, а ихъ оставляа на хватеры и прыказуа имъ: «отъ, братцы, слухайтя муйго прыказа!» Становя имъ стыканъ воды сяради̇ стола. «Братцы, гуляйтя, ня спитя! Што коли стыканъ повянъ будя, тѐразъ потячэ вода, дакъ якъ можно бяжытя ко мнѣ, поспяшайтя на калиновый мостъ, на 'гняннаю рэку!» Сказавъ имъ етакъ, а самъ и поѣхавъ. Во повнōчъ прыяжжаа на калиновый мостъ змѣй—двананцать головъ—на конѣ, и пёсъ при ёмъ и соколъ. Сычасъ конь зарзавъ, собака забрахавъ, соколъ зацвиливъ. «Стой, песьсяя мясо, ня ржы, а ты, пёсъ, не брашы, а ты, соколъ, не цвили! Што я ў свѣти никōго не боюсь. Ё Удовинъ сынъ, и того не боюсь; да й яго, гувора, воронъ косьтѝ не занясе!» А ёнъ гувора: да ня воронъ молотца занося, самъ по 'хоти молодецъ заходя!—«А ти ты тутъ, Удовинъ сынъ?»—Тутъ, гувōра. «Ну што жъ: ти будомъ битца, ти мирытца?»—Нѣ, гувора, някаянный: я прыѣхавъ убить тябе!—«Ну, дуй токъ!»—Нѣ, ты дуй, някаянный! Змѣй якъ дунувъ, на десять вёрстъ выдувъ сярэбраный токъ, а Удовинъ сынъ дунувъ—позолотивъ. Ну, и битца. Давай битца, давай битца, бились-бились, бились-бились, змѣй убиваа етаго Удовинōго сына. «Эхъ, лукавый, гувора: цары-короли

бъютца, отдыхъ даютъ,—пора и намъ, гувора, отдыхнуть!» Убивая, бачъ яго. Тогды, сымаа колцо съ правыя руки съ своѐ, и пусьтивъ у городъ, у етый домъ, прамо у хватеру свою, и збивъ домъ етый по вȯкны своимъ колцомъ. Прошынаютца браты яго, а ўжэ съ етаго стыкана не вода, а кровъ ужэ тѐразъ пошла—што ёнъ становивъ имъ. «Эхъ, братъ, гувора: нямȧ нашаго Удовиного сына, рȯднаго брата!» И ўхватили свою оружыю и побѣгли кольки-силъ на калиновый мостъ, на ʻгнянную ракў. Прыбягають удвоихъ, а Ўдовинъ сынъ трэтьтій, и ўзяли бить яго. Позбивали голȯвы ўси и ў вогнянную ракў поскидали. А лукавый головы збираа, у човни ѐздючы, подъ мостомъ. Такъ тыя пошли ва свою хватеру уси, уси троя: вотъ тяперъ, гувора, пȯйдомъ, братцы, царськихъ дочакъ шукать! Прыходють къ чорному дому утроихъ. Ёнъ и гувора на бȯльшаго брата: вотъ, братъ, гувора,—тутъ твоя царськаа дочъ и жана твоя будя! Би, гувора, вуроты своёй збрўяй! Ударывъ тэй братъ яго вороты своёй збруяй, дакъ замки ня зворохнулись. Тогды Удовинъ сынъ правратився, меньшый, якъ ударывъ—дверы й замки посыпались уси. Прыходють на самый вышній атажъ—царэвна сядить у стули и ланцугȯмъ яѐ замкнуто кружкȧ. «Отъ, братъ, гувора: ето твоя будя жана», гувора. Замки еты попорвавъ на ёй уси, ланцуги, и бярэ яѐ за рукў и сходя зъ дому и проручаа бȯльшаму брату яѐ: ступай, каа, братъ, на свою хватеру, гдѣ мы знаходилися! А яны пошли у другій домъ опять жа, у бѣлый. Ёнъ и гувора на сярэдьняго брата: разбивай, братъ, дверы, гувора: тутъ твоя нявѣста, царськая дочъ, гувора; за штȯ мы, гувора, трудимся! Ударывъ сяредьній братъ у вороты и разбивъ уси замки. И пошли на верхній атажъ. Также прыходють къ ёй, яна зъ радосьти ня могла што й дѣлать, на ихъ глядя. Тожъ и ета ланцугамы такъ обвѐрнута и замкнута. Сычасъ ланцуги еты зняли, и даѐ сярэдьняму брату: вотъ, гувора, твоя, братъ, нявѣста, царськая дочъ! Отправляа и етыхъ,—узявъ за руки и повёвъ къ хватеры, къ сястрэ значытца. Звёвъ ихъ укучу обѣдвихъ. Яны ня могуть одна одной радосьти приставить—рады крэпко, што злучылися умѣсто. А ёнъ пошовъ у красный домъ, самъ ужэ Удовинъ сынъ. Прыходя къ вурȯтамъ къ етымъ и ударывъ своёй булавой. Разбивъ етыа замки и дверы уси, и усходя на вышній атажъ. Сядить яна у стули, тожъ ланцугамы обкручана и запѐрта, и чорна ўжэ стала, акъ вугȧль. Ёнъ усё ето опчыстивъ доловъ, порвавъ—поњматовавъ ланцуги, и яѐ узявъ съ собой. И яны пошли на свою хватеру, туды къ сястрамъ тыки къ своимъ, умъсто. Собралися тры сястры умѣсьти ихъ—и зъ радосьти—съ печали ня могўть говорыть одна съ одною. Тяперъ яны тамъ пили и гуляли, и думать ужэ отправлятца ў путь. Такъ Удовинъ сынъ гувора: братія, гувора: пойду довѣдаюсь у тэй домъ, агдѣ я ўзявъ

свою нявѣсту, царськую дочку! Уходя ў домъ у етый. Сколькн ёнъ тамъ побывъ у дому ў томъ, сычасъ яго охватила ограда високая дужа, такъ високая, што й сонца ня видно. Ёнъ у етомъ доми бывъ—няльзя яму̀ выйти никуды̀—нѣсколькн сутокъ. Етыя братьтя тутъ и плакали и горавали и чаго ня дѣлали—няма брата меньшаго Удовиного сына. Яны ждали-ждали, и поѣхали, отправились у путь, у свою сторону̀. Прыяжжають на калиновый мостъ, на 'гнянпаю раку̀, такъ сычасъ являетца ета сатана, который головы збиравъ етыхъ змяёвъ подъ мо̀стомъ. Вылазя на верхъ, на мостъ, и спрашуа у ихъ—знаа, што яго няма ўжэ, загороджанъ у вогради: «а што, гувора: я̀къ вы достали ихъ, дѣ затрудэнія ваша, што вы трудилися? Вотъ я ихъ, гувора, побивъ,—у мяне й головы ўси!» Становитца ёнъ ужэ намѣстьникомъ за Удовинаго сына: што вотъ я побивъ ихъ, доставъ меньшаю царэвну! И отправляютца у путь съ калиноваго моста, съ огнянныя ракѝ, и ёнъ ужэ прылучывся къ имъ, етый сатана. И поѣхали у путь, домовъ, у свою зямлю. Прыяжжають къ отцу у своё царство, и тутъ ужэ радосьти! Етыхъ чудасо̀въ глядѣть збираютца уси князи и бояры, што вотъ царськія дочки вярнулись Богъ знаа откуля̀. И гуляють ужэ, веселятца. Такъ лукавый и думавъ ужэ прозвесть вясельля, кабъ у етымъ царстьви царовать ужэ за своѐ труды.

А Ўдовинъ сынъ сядѣвъ-сядѣвъ, и давай Богу молитца, давай Бога просить у вогради. Господь ссылаа яму голуба у вограду. И садитца яму на праваа плячо и гувора яму̀: «возьми ты тры зялѣзныхъ пруты и иди у старую у конюшню по праву руку̀. Будя склепъ стоять у конюшни, у сараи; коло етаго склепа ляжы̀ть етый змѣявъ батька, ужэ пропавшый, схо̀ваный. И бѝ ты яго зялѣзнымъ прутомъ мяртваго, зби уси тры пруты на ёмъ!» Тогды ёнъ расказавъ ето и полятѣвъ. А ёнъ узявъ, значытца, тры пруты, пошовъ у конюшню, найшовъ батьку змѣяваго, Сатаніила, и давай яго бить мяртваго. И потуль яго бивъ, покуль ёнъ поворушы̀вся и отвясьтивъ: «за што ты моѐ старыя косьти ворўшышъ?»—А вотъ за што, гувора: покажы мнѣ лошадь свою старўю, што ты на ёй ѣздивъ, и сядло своѐ покажы мнѣ! Ёнъ яму̀ и показавъ: «ступай, гувора, по правуу сторону̀, и будя склепъ, и у скляпу за двананцать замковъ стоить лошадь!» Ну, ёнъ пошовъ. Тольки замки отбивъ еты, дакъ лошадь кинулась къ яму̀, акъ звѐръ. Ёнъ лошадь схватив ету. «Вотъ, гувора: акъ служыла старому хозяину, послужы и менѣ такъ!» Узявъ сядло и засядлавъ яе. «И садися, гувора, вѐрхи крэпко на мяне!» Ёнъ, сѣвшы на лошадь, и ударывъ яѐ подъ бокѝ. И полятѣла теразъ верхъ, теразъ ограду, усё-'дно якъ молоньня! И поѣхавъ своимъ путёмъ братовъ догонять, и нявѣсту свою.

И прыяжжаа у царській дворэцъ, дѣ браты яго и царськія дочки.

Яны тутъ. И сатана етый собрався, кабъ къ вянцу итить, а йна водя, и дожыдаетца Удовинаго сына. Сычасъ, ня довгая урэмя, Удовинъ сынъ и являетца у царськiй дворэцъ. И тутъ сычасъ услышавъ ёнъ, што тэй къ вянцу жалаа, етый самый сатана, съ царськой дочкой. Сычасъ являетца Удовинъ сынъ—зъ радосьти ня могла яна своѐ жысьти утярпѣть. А лукавый ужэ увознавъ, што ёнъ прыѣхавъ, засмутився. Тогды спрашуа яго царъ: што ты, гувора, такъ смутянъ? гувора.—За то, гувора, смутянъ, што вѣрно, мнѣ, гувора, етой жысьтю ня уладѣть, гувора. Сычасъ Удовинъ сынъ прыскакавъ къ ёй на вышнiй балхонъ, и захвативъ яѐ на вышнямъ балхони. Сычасъ схватили яго, узяли и ўбили тамъ, етаго самаго лукаваго. Тогда Удовинаго сына признали труды яго, што ёнъ трудився. На царськой доццэ Удовинъ сынъ и жанився, и жыть остались у царствьи у етомъ.

С. Покать, *рог. у.* Отъ кр. Михаила Иванова, 65 л. негр. Языкъ отчасти подвергся влiянiю живущихъ здѣсь старообрядцевъ—великоруссовъ.

36. Ивашка—медвѣжье ушко.

Живъ сабѣ такъ человѣкъ и была у яго хозяйка. И пошла ина у лѣсъ у грибцы. И заблудила.Налучився на яе той жа часъ мядвѣдь. Ёнъ яе узявъ, да и узнёсъ яе къ сабѣ, у лѣсъ и ставъ, значитца, зь ей жить. Пожила яна годы три и забременѣла отъ яго. Родила яна сабѣ сына. Дали яны яму имя—прозванiя Ивашка медвѣдьджая вушко. Побывъ ёнъ годы три, и росъ не по годахъ да по часахъ, не по часахъ, да по минутахъ. Да. Ёнъ и говорить: мать, я, говорить, ня буду съ тобой жить и зъ мядвѣдемъ, ну я ввыйду отъ тябе! Пошовъ сабѣ, идеть дорогой и стручая человѣка. Той говорить: здрастуй, говорить, Ивашка—медвѣдьджая вушко!—Добрая здоровья, говорить, Дубъ-Дубовикъ. А куды ты идешъ? пытая Дубъ-Дубовикъ у въ Ивашка, медвѣдьджаго вушка. Ну ёнъ говора: пойду у свѣтъ!—Ахъ, братъ, пойду и я съ тобой!—Ну, пойдемъ. Скольки яны урема ишли—стоить опять человѣкъ. Яны говорють: здрастуй, говорють, Гора-Горовикъ!—Добрая здоровья, Ивашка медвѣдьджая вушко, и Дубъ-Дубовикъ!—Ну куды вы идѣтя?—Идёмъ у свѣтъ!—Пойду й я зъ вамы!—Ну, ходи, говорить етый Ивашка, медвѣдьджая вушко. Ну яны пошли утрохъ. Ишли, ишли, и нашли яны сабѣ домъ. Вотъ, говора, братцы, во гдѣ теперъ будемъ жить. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко и говорить на Гору-Горовика: ну, Гора-Горовикъ, ты оставайся, говора, обѣдъ варить, а мы пойдемъ на охвоту. Той сичасъ узявъ, вола зарѣзавъ, облупивъ, у котёлъ уклавъ, тяпло расклавъ и давай варить. Тольки ета говядина закипѣла, сичасъ жа иде и стукаа у двери и каа—отчини, хто у моёмъ доми ёсть?—бязсмертный Кощей, ёнъ самъ съ кокоть, борода зъ

локоть. Ёнъ яму отчннивъ. Уссади, говора, мяне на лавку! Ёнъ узявъ и уссадивъ яго. Ну, дай мнѣ, говора, ѣсть! Ёнъ яму и давъ вола. Ёнъ етаго вола зьѣвъ, тогды узявъ полосу у яго выкроивъ съ плячей, самъ и улятѣвъ. Ну, тому неколи дожидатца, а треба другого рѣзать вола—обѣдъ треба готовать. Приходжуютъ яго товарищи, тольки што ёнъ закипѣвъ. Ну, говора, братъ: давай обѣдать! Ёнъ вынявъ совсимъ ще сыроя мясо. Яны стали ѣсть: ахъ, говора, якъ ты варивъ, совсимъ яно у тябе сырое!—Ахъ, братцы: покудова дровы нарубивъ, ну, братцы, запозьнився. Ну однача ёнъ того не сказавъ имъ, што яму такая штука здѣлана. Ивашка медвѣдьджая вушко говора: эхъ, братъ, ня стоя табѣ! А нутка ты, Дубъ-Дубовикъ, оставайся тутъ, ти ня лучьчи ты зготовишъ! Дубъ-Дубовикъ начавъ пошибчи ворочатца. Вола зарѣзавъ, сичасъ облупивъ, у котёлъ уклавъ яго, тяпло расклавъ и ставъ варить яго и думая—якъ ба поскорѣй. Сичасъ жа и лятить той самый змѣй, самъ съ кокоть, борода зъ локоть, Кощей бязсмертный и стучить у двери: хто у моёмъ доми ёсть, отчини! Ёнъ яму отчинивъ. Перасади мяне черазъ порогъ! Ёнъ перасадивъ. Ну, уссади мяне на лавку! Ёнъ уссадивъ. Дай мнѣ ѣсть! Ёнъ яму давъ ѣсти. Кощей вола зьѣвъ и опять полосу выкроивъ зь яго и полятѣвъ. Той думавъ—ōтъ гōра! Начавъ ще пошибчи ворочатца, зарѣзавъ другого вола, ставъ готовать. Да, сичасъ яны и приходжуютъ. Давай, говора, братъ, обѣдать! Ёнъ вынимаа совсимъ сыроа. Ивашка медвѣдьджая вушко и говора: ахъ, братъ ты мой! Я жъ думавъ, што ты получчи зготуешъ, ажно ты ще худжи! Однакъ идитя вы сабѣ, братцы, на охвоту, а я останусь готовать; ти ня луччи я васъ зготую! Ивашка медвѣдьджая вушко вола зарѣзавъ, уклавъ у котёлъ и начавъ готовать. Развёвъ тяпло. Да. Тольки ёнъ зготовавъ, сичасъ и лятить, и говōра: хто у моёй хати ё, отчини мнѣ! Ёнъ говора: руки ня потсыхали, коли треба, дакъ отчинишъ! Ёнъ отчинивъ. А ну, говора: перасади мяне черазъ порогъ! Ёнъ отказуя яму—што ноги ня потсыхали,158 перадѣзешъ и самъ.—Уссади, говора, мяне на лавку! Ёнъ говора: ноги ня потсыхали, самъ узлѣзешъ!—Дай мнѣ говора, поѣсть! Коли наготовавъ, дакъ поѣжъ! Я наготовавъ да ни дли тябе. Ёнъ схватився да на яго. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко ухапивъ яго за бороду да потёгъ яго прямо у лѣсъ. Узявъ, расколовъ дуба, да засадивъ яго бороду у дуба, да й забивъ клиномъ. Вотъ ты, говора, тутъ посяди, покуль товарищи придуть! Приходють товарищи. Ну, давайтя, каа, братцы обѣдать! Вотъ я зваривъ не такъ, якъ вы. А ходитя братцы—побѣдавши, каа, поглядитя, што я ўсадивъ у дуба—бороду ущамивъ у дуба! Пришли яны у то мѣсто, посмотрать, ажно яго нѣту. Вырвався и полятѣвъ, борода у дуби осталась. Отъ яны и пошли. Пойдемъ, каа, братцы, полядимъ, куды ёнъ пошовъ, вить кровъ, говора, ё! Отъ яны узяли

и пошли. Увыйшли у лѣсъ у вогромный. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко говора—ну, Дубъ-Дубовикъ, давай, каа, дорогу! Начавъ Дубъ-Дубовикъ ирвать дубы, дорогу пробирать. Да. Пробрали дорогу, пришли къ большой горѣ. А ну, Гора-Горовикъ, раскапуй гору! Гора-Горовикъ раскопавъ. Перашли яны гору, ляжить большій камянь. И потъ той камянь нора. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко говора: вотъ, братцы, во ёнъ куды полѣзъ. Ну, давай воловъ рѣзать и пасъ сшивать. И упусьтитя мяне туды я пойду яго шукать. Ну вы, братцы, тутъ довжны быть круглый годъ, до етаго уремя, якъ мене упуститя туды. Ну, а тогды, братцы, якъ годъ выйдя, вы довжны прибыть сюды, и я пасъ етый сколотну и вы мяне вытиньтя! Тогды яны узяли, воловъ штукъ пятнадцать зарѣзали, здѣлали пасъ, начапили камянь и упустили туды. И ще не хватая. Давай, братцы, яще зарѣжамъ штуки три, да пасъ надвяжамъ! Ну вотъ, нашили и упусьтили яго туды. Достали глыбину. Ну, вотъ, тяперъ братцы, пущайтя мяне туды. Тольки глядитя жъ, братцы, тяперъ я васъ прошу, штобъ вы гдѣ были, а у той часъ, якъ мене спущаетя, черазъ годъ довжны сюды прибыть!

Упусьтили яго туды, ёнъ и пошовъ. Находжуя, стоить домъ мѣдный. Приходя ёнъ у тэй домъ, сядить тамъ дѣвушка. Ахъ, говорить: здрастуй Ивашка, медвѣдьджая вушко! Слыхомъ було слыхать, а тяперъ и у глазы видать. Зачимъ ты ходишъ сюды? Мы скольки уремя живомъ, мы руськаго человѣка не видали. Ну, однаково, ты свою голову занёсъ сюды,—мы живомъ зъ бязсмертнымъ Кощеемъ.—Ну, я того и ищу! Ну, однаково, говора: давай мы съ тобой жанитца! Ёнъ говора: нѣ, говора: я пойду бязсмертнаго Каща шукать! Эхъ, говора: ты якъ пойдешъ, тамъ ще красивѣй мяне ё, ты на мяне забудешъ!—Нѣ, говора: я й тябе возьму отсюль! Ну, ёнъ пераночававъ, назаутраго уставъ, помывся, Богу помолився и пошовъ. Приходжуа, ажъ стоить другій домъ сярэбраный. Здрастуй, говора, дѣвка!—Здрастуй, здрастуй, Ивашка—медвѣдьджая вушко! слыхомъ було слыхать, а тяперъ и у глазы видать. Зачимъ ты ходишъ сюды? Мы скольки уремя живомъ, мы руськаго человѣка не видали. Ну, однаково, ты свою голову занёсъ сюды, мы живёмъ зъ бязсмертнымъ Кощеемъ!—Ну, я того, говора, и йщу, я за имъ и иду, за бязсмертнымъ Кощеемъ.—Ахъ, Ивашка—медвѣдьджая вушко, давай, говора, съ тобою жанитца!—Нѣ, говора: пойду подальшъ, пойду бязсмертнаго Каща шукать! —Ахъ, говора: ты якъ пойдешъ, тамъ ще крашы мяне ёсть, ты и на мяне забудешъ?—Нѣ, говора: я не забуду, я й тябе возьму. Да й пошовъ, пераночававши. Стоить третій домъ—домъ золотый. Ёнъ уходжуя у той домъ,—сядить красивая дѣвка, вышивая. А здрастуй, говора, Ивашка—медвѣдьджая вушко! ти по воли ти по няволи зайшовъ сюды, буйну голову,

говора, занёсъ? Здѣсь бязсмертный Кощей, дакъ ёнъ тябе зьѣсть! —Ну, я яго ищу!—Да ти ищешъ, ти не ищешъ, а ёнъ тутъ не такъ, якъ на томъ свѣти, на етомъ свѣти ёнъ силнѣй! Ну, на жъ ты, говора, поѣжъ, и здѣлаю я тябе булдвкой и уторну у подушку. Ну ёнъ говора: пожалуста и распроси, дѣ яго, каа, смерть. У скоромъ уремю прилетая бязсмертный Кощей и говора: фэ, русь кось пахня! Ну яна яму отказуя—ахъ, говора, душанька: ты по Русѣ летавъ, Руси набрався, такъ табѣ бытто отдае тутъ. Я тутъ кольки живу, а руськаго человѣка не бачила! Унясла яна яму горячихъ картечъ, ёнъ наглытався. Лёгъ сабѣ и ляжить. Ина говора: душанька, сколькн мы съ тобой живомъ! Ну, крый Богъ, насъ хто побидя—крый Богъ, твоѐ смерти. Ёнъ зараготавъ —ха, ха, ха, дура, моѐ смерти нѣту. Моя смерть: у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а въ зайцу вутка, да, а въ вутцы яйцо, вотъ то моя смерть. Да. Уставъ и полятѣвъ етый бязсмертный Кощей. Яна тогды яго и выпусьтила, Ивашку медвѣдьжая вушка и говора: знаешъ, говора, другъ мой, дѣ яго смерть? Яго смерть: у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а въ зайцу вутка, а въ вутцы яйцо, штобъ яйцо ты тоя доставъ, да ударивъ яму у лобъ, отъ яму и смерть—дакъ идѣ ты достанешъ? Ёнъ узявъ сабѣ ружайцо и пошовъ. Скольки ёнъ уремя ишовъ, што болить ажно яго шкура; што ёнъ ѣсть хоча. Бягить вовкъ; ахъ, думаа: возьму убъю, хотя вовка наѣмся. Тольки ёнъ зложився бить, а вовкъ и говора: ахъ, Ивашка—медвѣдьжая вушко, ня би мяне, я табѣ при злой годинн знадоблюсь! Такъ Ивашка медвѣдьджая вушко и пошовъ, ѣсть не захотѣвъ. Опять ишовъ, ишовъ, ажъ шкура яго болить. Думая: ну, хто сабѣ навретца, убъю да зьѣмъ. Бача, лятить коршикъ. Ёнъ склався и думая: убъю. Коршикъ яму говора: ахъ Ивашка, медвѣдьджая вушко, ня би мяне, я табѣ знадоблюсь при злой година! Такъ ёнъ узявъ и пошовъ, и не захотѣвъ ѣсьти. Скольки ёнъ уремя ишовъ, приходя къ мору; ажъ ляжить ракъ, такій огромный; и ёнъ думая: отсяку яго половину да зьѣмъ. Вотъ жа поправлюсь! Ракъ говора: ахъ, говора, Ивашка медвѣдьджая вушко! вить ты бачишъ, што я горую—половина на берагу, половина у водѣ. Вотъ ты возьми колъ, да спихни мяне у воду. Я табѣ у злой години знадоблюсь: што табѣ треба, то табѣ отъ мяне будя. Ивашка, медвѣдьджая вушко узявъ колъ и скативъ яго у воду. Ёнъ говора: ну, благодарить табѣ, Ивашка медвѣдьджая вушко, што табѣ треба, сказувай! —А вотъ што, говора, мнѣ треба,—я пришовъ сюды за смертю Каща бязсмертнаго. Ёсть у моры скрыня, а у скрыни заяцъ, а у зайцу вутка, а въ вутцы яйцо!—А вотъ, говора, я табѣ яе доставлю.

Такъ ёнъ поповзъ и тягня скрыню ету перадъ собою. Ёнъ узявъ ету скрыню, разбивъ крышку, тольки отчинивъ—заяцъ выскочивъ и побѣгъ.

Ахъ, Богъ мой: дѣ тэй вовкъ дѣвся, што казавъ—я табѣ при злой години знадоблюся—што, кабъ ёнъ мнѣ уловивъ етаго зайца. Такъ той жа часъ вовкъ и схвативъ яго. Ёнъ яго узявъ разодравъ. Вутка изъ яго пыръ—и полятѣла. Ёнъ стоючи и говора: дѣ ето дѣвся тэй коршикъ, кабъ ёнъ мнѣ яе уловивъ. Тольки ёнъ сказавъ—откуль узявся коршикъ, уловивъ тую вутку. Ёнъ узявъ, разодравъ тую вутку, узявъ яйцо. Ну, яно гразная. Ахъ, понясу у мора, помыю. Узявъ, понёсъ. Ставъ мыть, яйцо ето покатилося прамо у мора. Ёнъ стоючи и каа: ахъ, Божа мой, Божа, што якъ ба тэй ракъ да мнѣ ето яйцо подавъ! Такъ и нясе той ракъ тоя яйцо яму. Ёнъ узявъ и пошовъ. Ну, слава табѣ Господи. Приходжуя прамо къ бязсмертному Кащу. Такъ якъ ишовъ, такъ прамо у домъ. Бязсмертный Кащъ, акъ тольки ёнъ увыйшовъ, ёнъ глядь на яго—а говора, ты тута, Ивашка, медвѣдьджая вушко!—А ёнъ говора: а ўже жъ тутъ! Такъ ёнъ усхватився, прамо къ яму и кинувся. Ёнъ яго ударивъ тымъ яйцомъ прамо у лобъ. Тогды бязсмертмый Кащъ кажа: ахъ, вотъ моя смерть! Убивъ бязсмертнаго Каща. Тогда говорить: ну, красная дѣвка, я тябе возьму, а дому етаго жалко, якъ мы домъ заберомъ. А яна говора: эхъ, я домъ, говора, сичасъ забяру. Узяла яйцо, опкатнула кругомъ, такъ етый домъ увобрався увесь чисто у яйцо. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко узявъ яго, у кишеню уклавъ и пошли. Приходжують къ другому дому. То золотый узяли, а ще приходжують къ сярebраному. Што жъ, говора, красная дѣвка, я тябе забяру, а якъ жа домъ забрать?—Эхъ, говора, не безпокойся: я домъ сичасъ забяру! Узяла яйцо, опкатнула кругомъ. Такъ етый домъ увобрався увесь чисто у яйцо. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко уклавъ яго у кишень и пошли. Приходжують яны къ третьтему дому, къ мѣдному. Ивашка медвѣдьджая вушко и говора: ну вотъ, говора: я тябе забяру, а якъ жа ты домъ забярѐшъ, дома шкода!—Эхъ, говора, я домъ сичасъ забяру. Ина узяла яйцо, опкатнула кругомъ, такъ етый домъ увобрався увесь чисто у яйцо. Тогды Ивашка медвѣдьджая вушко уклавъ яго у кишень и пошли. Приходжуя на тоя мѣсто—якуратъ годъ. Узявъ ёнъ, привёвъ ихъ на тоя мѣсто и посадивъ ету, зъ мѣднаго дому, и торганувъ тэй пасъ. Яны узяли и потягнули. Вытягнули и начали одинъ съ однымъ битца. Тэй говорить: ето мнѣ, а тэй: ето мнѣ. И начали дратца. А дѣвка ета говора: стой, говора: не битеся, тамъ еще крашы мяне ёсть. Такъ яны узяли, опусьтили опять пасъ. Ёнъ узявъ, посадивъ съ сярebранаго дому тую дѣвушку. Яны потаскали. Вытягнули и почали опять дратца—тэй говора: мнѣ, а тэй: ето мнѣ. И начали дратца. А дѣвка ета говора: стой, говора: ня битеся, тамъ яще дѣвушка крашы мяне ёсть. Яны упусьтили пасъ; ёнъ посадивъ и третьтюю, што изъ золотого дому. Тогды вытащили—ну,

братъ, говора: ето намъ по одной, а третьтяя будя намъ за чаля̀дку, служить будя намъ. Ну яго, братъ, упусьтимъ пасъ и утягнемъ уполъ и пасъ перарѣжамъ—нехай ёнъ убъётца. Да, упусьтили пасъ. Ёнъ тогды узявъ, пудовъ ли ста зачапивъ камянь, и торганувъ пасъ, и самъ отшовъ дужа далёко. Яны и потаскали яго. Тольки уполъ свѣта утягнули—узяли, пасъ перарубили—такъ гудеть тэй камянь назадъ. Ёнъ тогды говора: ахъ, Божа мой: вотъ ба ето мнѣ было! Узявъ, избѣднився (што горко стало), зажурився и пошовъ одинъ. Ахъ, Божа мой, во што то мнѣ було. Не знаю, якъ ба мнѣ на той свѣтъ достатца? Такъ, находжуя дужа хмара большая. Ёнъ и думаа—ахъ пойду я подъ дуба̀ схаваюся, штоба я не замякъ. Приходжуя подъ дуба и ставъ. И чуя, кричать птицы, дужа крѣпко. Ёнъ тогды: ахъ, Божа мой, ить пойдя хмара—засячѐ ихъ дождж! Узлѣзу я, ихъ прикрыю. Ёнъ узлѣзъ на дуба́ и распявся надъ гнѣздомъ, и прикрывъ етыхъ дятей, покудова хмара не пройшла. Тогды, распогодилось, ёнъ узявъ и злѣзъ, узявъ и схоронився. Ня довгимъ уремямъ лятить птица Полугрица и спрашая: ахъ, дѣтки моѐ—хто васъ прикрывъ отъ етыя хмары? Я уже думала, што вы живы ня будетя? Яны кажуть: якійся, говоруть, чаловѣкъ! Яна и кричить—ахъ, говора, чаловѣкъ, обясьтнся: што ты за ето хочашъ? Ёнъ отказуя птицы-Полугрицы—што я ничого съ тябе не хо̀чу, тольки штобъ ты мяне доставила на тэй свѣтъ! Во ина яму и говора: што иди, наби мнѣ двѣ бочки мяса, дакъ я тябе доставлю!—Тольки чимъ жа мнѣ, якимъ тябе мясомъ?—А вотъ би лягушакъ, би мышей, би гадо̀въ, якую звярину попадешъ, такую би—и складай у бочки. Тогды ко мнѣ придешъ и скажашъ. Ну я тябе понясу! Пошовъ Ивашка медвѣдьджая вушко и начавъ бить разныя разносьти: и вужовъ, и лягушакъ, и мышей, разная—разная, што тольки на свѣти ёсть, и складавъ у бочки. Набивъ и приходжуя—ну, я уже набивъ. Да. Опущаетца птица-Полугрица. «Ну, говора: подвязуй мнѣ подъ одно крыло бочку, и подъ другоя, а самъ садись посяродъ. И смотри: управо гляну—съ правой бочки подай, улѣво гляну—зъ лѣвыя бочки подай, и якъ гляну, такъ и кидай! Ну и понясла яна. Начала птица-Полугрица што даляй, то вышай угору̀ подыматца. Якъ яна на боки позирая, такъ ёнъ говядину кидая. Такъ ёнъ кѝдавъ, не большы ба уже сажѐнь на пяти яго узнесьть, уже говядины не стало. Птица-Полугрица разъ зирнула—нема, у другій бокъ зирнула—нѣту,—почала̀ маленько унизъ опускатца. Да. Ивашка медвѣдьджая вушко уробѣвъ. Сичасъ узявъ, отрѣзавъ своѐ икры̀. Якъ яна зирнула, ёнъ ей и укинувъ—такъ яна зразу саженя на два угору̀ усхватилася. Зирнула яна у другій бокъ, ёнъ отрѣзавъ другея икры и укинувъ ёй у ротъ. Ну, яна яго уже вынесла. «Ну, слава табѣ Господи!» Тогды птица-Полугрица говора: скажи ты мнѣ: што кольки

ты мнѣ говядины дававъ—ну смашнѣй етыя не было. Што ето за говядина? А ёнъ говора—што я отрѣзавъ свое икры.—А ну, покажи! Ёнъ узявъ, выставивъ. Яна харкнула, яно зразу приросло. Ёнъ другую выставивъ—яна знов харкнула, и другая болька загойлась, яно и приросло. Ну, тольки, иди пожалуста поскорѣй, уже твое товарищи скоро будуть жанитца. Ну яны бъ давно жанилися, ну тольки безъ тябе ничого ня будя! Ёнъ пошовъ; приходжуя у городъ. И здѣлався ёнъ мастеровымъ—сапожникомъ, шавцомъ значитца. Ну однакъ жа, ёнъ шить ня умѣя—тольки ёнъ ставъ у яврея хватировать. И тая дѣвушка, самая послѣдняя, што была у золотомъ доми, говора: коли ты мнѣ пошiешъ такiя чаравики, якъ у мяне былй у томъ золотымъ доми, дакъ я тогды уже—такъ тому и быть—што я съ тобой буду уже жанитца. Такъ етый Дубъ-Дубовикъ вышавъ на вулицу и пытая: хто во такiя то чаравики справя, во стольки то гроши дамъ. А ёнъ говора: ахъ, Иваничка—а ёнъ здѣлався Иваничка пъяничка—ахъ, говора, Иваничка пъяничка, даденъ заказъ, штобъ чаравики такiя и такiя были, якъ у етыя барыни—дужа богато грошай дасьть! А ёнъ яму говора: иди, бяри задатокъ, и говори, што я справлю. Ёнъ пошовъ, узявъ задатокъ, давъ етому Иваничку. И сказано такъ: штобъ къ такому то урему были чаравики готовы. А Иваничка напився, объ ето ня думая. Етый явреи и говора: ахъ, говора: Иваничка, што ето будя?—А што?—А якъ жа? соглашався: коли умѣешъ шить, дакъ и шiй! Мнѣ за ето говора, голову знимуть! Ванька пошовъ, домъ раскативъ, чаравики вынявъ и отдавъ—на, нясй! И будуть у тябе спрашавать—хто табѣ ихъ шивъ? не шивъ, а хто табѣ работавъ ихъ?—ну ты скажи—што у мяне ѐ Иваничка пъяничка! Жидъ и понесъ. Узяли етыя чаравики, и добравъ ёнъ свою остальную плату. Ина говора: во ето икуратъ якъ моѐ! Во тяперъ я табѣ ще скажу—коли ты справишъ мнѣ такоя платьтя, якъ у мяне, такъ тому и быть, што будомъ жанитца съ тобой! Ёнъ, Дубъ-Дубовикъ, вышавъ на базаръ и говора: эй вы портныя—господа, ти ня можа хто зъ васъ здѣлать такоя и такоя платьтя? Иваничка пъяничка и говора: поднимайся, говора, дѣлать и бяри задатку побольшы. Да; ёнъ узявъ задатку и приходя: на табѣ грошай, ну тольки ти здѣлаемъ, Иваничка? —Здѣлаемъ, ня бойся! Уже етому яврею треба несьть, а тутъ платьтя не готово. Ахъ, Иваничка, што будемъ робить?—Я не знаю! Што умѣвъ, то й здѣлавъ, ты поднимався! Пошовъ Иваничка, раскативъ домъ и вынявъ платьтя. На, няси, добирай остальныя гроши! Принесъ и отдавъ. Вотъ ето, говора, моѐ! яна уже. Отъ тяперъ, говора, хорошо! Тольки кабъ у мяне такiй вянокъ бывъ! Коли скуѐшъ, то уже пѣвня, што мы съ тобой будемъ вѣньчатца! Уже Иваничка перайшовъ у кузьницу. Вышавъ Дубъ-Дубовикъ на базаръ и клича: господа ковали! ти ня можытя здѣлать вянокъ отъ такiй

то, якъ у моè нявѣсты бывъ! А почомъ хто зная—якій ёнъ бывъ. Уже Иваничка перайшовъ у кузьницу и говора: кузнецъ! ступай, поднимайся!— Охъ, Иваничка: якъ жа здѣлаемъ? Мы здѣлаемъ, якій хочешъ, а только, якъ же не бачивши? Лицо подъ лицо не подвядèшъ! Ёнъ говора: ня бойся, бяри грошай поболи! Ну хорошо, ёнъ пошовъ и поднявся. Я, говора, зработаю. А! зработаешъ?—Зработаю! Вотъ табѣ грошай столькито! Да смотри, штоба здѣлавъ. Приходжуя у кузьницу—давай, Иваничка, работать! Я, братъ, етаго ня ўмѣю, што умѣвъ, то робивъ, а то я етаго не знаю!—Ты жъ коваль, дакъ довжонъ на ўсякія отличія работать! Напився Ваничка да спить. Што, Ваничка, прошинайся, а то гòлова долой мнѣ! Да. Ваничка домокъ раскативъ, вянокъ вынявъ, оттащивъ: на, говора: отняси, да 'стальныя гроши забяри! Ёнъ понёсъ тэй вянокъ. И спрашуя у яго яна: хто у тябе работая?—Иванька пъяничка! Запрагая лошадей, ѣдя Ванички смотрѣть. Ето уже ина, ина, чій вянокъ. И спрашуя у коваля: адѣ Иваничка пъяничка? Ванька ето услыхавъ, ёнъ узявъ, сичасъ легъ на столъ, ж... выставивъ. Пошла ина изновъ къ ковалю. И спрашуя: у коваля: скажи правду, ти именно ето ёнъ работавъ? Я, говора, вамъ не скажу—работавъ ёнъ, ти нѣ, только ёнъ мнѣ подаè! Яна обратно звярнулася, опять тамъ къ яму. Ёнъ опять тыки ляжить. Отъ яна на ето не посмотрѣла и прамо у лицо поглядѣла. «Вотъ, говора, другъ мой любезный; ить я тебе кольки лѣтъ ожидала!» Яны тоя считали, думали, што конецъ яму тамъ будя, якъ ёнъ туды полятѣвъ. Ну, а яна ето вѣдала, што ёнъ якъ-якъ да выкрутитца оттуль.

Ну, вотъ яны и повѣньчались. А Дубъ-Дубовикъ и Гора-Горовикъ повѣньчались съ тыми меньшими. И стали жить да поживать, кожная у своёмъ доми.

Д. Новая-Бычь, быхов. у. Отъ кр-на Павла Иванова, 45 л., неграм.

37. Вечорка, Повношникъ и Зарявой.

Живъ сабѣ такъ мужичокъ ижъ жаною. И прожили до старосьти, и у ихъ не было дятей. Потомъ при старосьти лѣтъ баба ета забременила и родила у водну ночъ трёхъ сыновъ: большаго сына родила вячерняго, сяредьняго—повношнаго, и меньшаго—зарявого. И бабушка—пупорѣзьница наложила имъ усимъ имя три Иваны: Иванъ Вячорка, Иванъ Повношникъ, и Зарявой Иванъ. Етыя Иваны росьли тамъ не днями, а просто чисами, и увышли у сувяршэнныя лѣта, и ўслыхали, што ў царя хтось то укравъ три дочари зъ дворца, и нязвѣстно хто, и гдѣ, и коли. Царь разославъ тамъ по ўсихъ мѣстахъ посланцовъ; ну только не могли найтить. Ну, и

давъ послухъ—што якъ ихъ хто разьища, дыкъ отдасьть ихъ замужъ тымъ и половина царства отдасьть. Ну, еты Иваны давай проситца у свойго отца разыскувать царськихъ дочарэй. Батька позволивъ,—коли, говорить, жаланія имѣетя, дыкъ ѣдьтя! Тоды меньшій Иванька пошовъ къ ковалю и заказавъ сабѣ такую куцабу зьдѣлать, дванапцать пудовъ. Зьдѣлавъ коваль куцабу, ёнъ поткинувъ яе у высоту, потставивъ колѣно, ина 'бъ колѣно ударилась и переломилась, ета самая куцаба. Потомъ ёнъ заказавъ зьдѣлать куцабу у дватцать пять пудовъ. Поткинувъ ёнъ тую, тая и не погнулась дайжа. Ну, каеть, ето мнѣ будеть помошница. Заказавъ тоды зьдѣлать цэпъ, нѣсколькі сажанёй. Приходя къ отцу, къ своимъ братамъ, къ етымъ двумъ Иванамъ, да, и просють у вотца благословенія итить разыскувать дочарэй етыхъ. Отецъ ихъ благословивъ, и яны отправились у путь дорогою.

Ишли, ишли яны тамъ много-мало уремя и уходють у лѣсъ. У лясу стоить хатка на куриной позцы. Яны заходють у ету хатку, и меньшій етый Иванъ говорить на большаго: ты отставайся тутъ обѣдъ варить, а мы пойдемъ на охоту. Тэй занявся обѣдъ варить, и зваривъ, якъ слѣдуя быть и сѣвъ, отдыхая уже. И вылазя къ яму съ подъ печки самъ съ кокоть, борода зъ локоть, а вочи по яблоку. Узявъ ето, увесь обѣдъ яго поѣвъ, и яго прибивъ—бивъ, бивъ, чуть живого отставивъ. Приходють тыя браты—обѣдать нечаго. Яны засварились на яго: што ты не наготувавъ до сихъ поръ обѣду? А ёнъ отвѣщаеть: отстаньтесь вы, да наваритя. А етаго имъ не сказуя; што зь имъ було,—нехай и яны получуть тоя, што зь имъ було. На другій день меньшій Иванъ говорить сяредьнему: ну, отставайся ты сягоньни обѣдъ варить! Яны пошли на охоту, а ёнъ отстався обѣдъ готовить. И зваривъ, якъ слѣдуя быть, и сѣвъ, отдыхая уже. И вылазя къ яму съ подъ печки самъ съ кокоть, борода зъ локоть, а вочи по яблоку. Узявъ ето, увесь обѣдъ яго поѣвъ, и яго прибивъ —бивъ, бивъ, чуть живого отставивъ. Приходють тыя браты—обѣдать нечаго. Яны засварились на яго: што ты не наготувавъ до сихъ поръ обѣду? А ёнъ отвѣщаеть: отстаньтесь вы, да наваритя. А етаго имъ не сказуя—што зь имъ було, нехай и яны получуть тоя, што зь имъ було. На третьтій день говоря: ахъ, ступайтя вы, говоря, на хвоту, я накормлю васъ, говоря. Ихъ отправивъ на охвоту, самъ занявся обѣдъ готовить. Зготовивши обѣдъ, лёгъ сабѣ и полежуя на лавцы. Удругъ вылазя съ подъ печки, самъ съ кокоть, борода зъ локоть, а вочи по яблоку, и давай такимъ жа порядкомъ обѣдъ яго ѣсьть. Ёнъ тогды, много ня думавши, Иванъ етый и давай яго бить. До тыхъ поръ бивъ, покамѣсь ёнъ ставъ яго просить: ня бі мяне, говоря, до смерти—буду я вамъ меньшій самый братъ, и буду наусегда слухать васъ. Ну, собралися яны уси укучу и побѣдали. Побѣдавши, отправляютца ины у ходъ, и тэй зь ими.

Ишли, ишли, ишли, ишли—потходють, стоить дубъ огромаднѣйшій, и подъ тымъ дубомъ пошла нора, такъ, якъ колодязь, усё равнό. Другъ ёнъ и говоря: ну, хто зъ насъ полѣзя у ету нору. Тэй боитца, другій боитца —ну, видно, говоря, лѣзьть мнѣ, меньшаму брату. Опусьтивъ ёнъ етый самый свой цэпъ, и говоря:—глядитя жъ, говоря—я опущусь на тэй свѣтъ, и якъ торгану за цэпъ, вы мяне тады тащитя. Отъ, ёнъ опусьтився и видить тамъ такій жа свѣтъ, якъ ба й тутъ. Ёнъ ставъ ходить тамъ, любопиствовать—и видить—стоить мѣдный дворецъ. Ёнъ потходя къ яму и нигдѣ ня можыть дврей найти. Замѣтивъ ёнъ у водномъ мѣсьти двери и оттворивъ еты двери и ставъ ходить по етыхъ комнатахъ. Другъ заходить у водну комнату и сядить тамъ измученная царевна. Узыйшовъ ёнъ туды, ина крѣпко обрадовалась, што увидала русскаго чаловѣка, и говорить: «ахъ, юноша, говоря: якъ тябе Господь сюды занёсъ? Жалко мнѣ, говоря, тябе, што ты тутъ пропадешъ! Скоро прилятить шасьтиглавый зьмѣй, ёнъ, говорить, тябе тутъ стрябить». А ёнъ отвѣщая: ну, тамъ якъ Господь дась! Отъ яны, первымъ довгомъ, сѣли, выпили и закусили якъ слѣдуя, потомъ ёнъ спрашуя у ее—по якой дорози ёнъ будеть ѣхать. Ина показала яму тую дорогу, ёнъ пошовъ и сѣвъ подъ мостомъ. Другъ ѣдя зьмѣй. Узьѣжжая на етый мостокъ и спотыкнулася яго лошадь. Ёнъ тогда говоря: што ты, говоря, ненасытная лошадь, спотыкаесься—али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ говорить, противника ниякаго нѣту, только есьть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдеть, и яго воронъ сюды косьти не занясѣть. А ёнъ яму отвѣщаеть: добрыхъ молотцавъ нихто ня водить, ни носить, яны сами заходють. И вылѣзъ съ подмосьтя. Ну, ти будемъ битца, ти мирится?—Не затымъ я пришовъ, кабъ мирится, а затымъ, кабъ битца! И схватились яны битца.

И ударивъ ёнъ яго купабою и зьбивъ яму три головы. Потомъ зьмѣй яго ударивъ, ёнъ только обтряхнувся. Тоды рассярдився Иванъ. Ударивъ другій разъ, и зьбивъ яще двѣ головы. Потомъ зьмѣй прося яго—давай, Иванъ, отдыхнёмъ! Отъ ёнъ сычасъ потребувавъ у царевны воды—сильныя и бязсилныя. Ну царевна яму подалà воду бязсилнаю, а Ивану етуму подала силныя воды напитца. То зьмѣй етый худжы ослабъ, а у Ивана силы ще прибавилось. Тады ёнъ узявъ яго и напослѣдку убивъ, и туловища забросивъ у ровъ. Приходя у дворъ етый и забирая ету самую царевну, и съ собой забрала ина своё тамошняя платьтя, рàзная, и вышли зъ дворца. Остановилися, и Иванъ ставъ смотрѣть на етый дворецъ. Потомъ ина отвѣщаеть, царевна—няужли табѣ жалко етаго дворца?—Да, говоря, дужа пригожій дворецъ. И выняёть ина яму платокъ—махни, говорить, етымъ платкомъ три рàзы! Ёнъ махнувъ платочкомъ, и етый дворецъ

зьдѣлався яечкомъ. Ёнъ узявъ ето яечко, у карманъ уклавъ. Отправилися къ етой самой нори. Да. Потомъ посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цэпу. Тисканувъ цэпъ—яе потащили. Етыя, вытащивши, три етыхъ брата, которыя тамъ, и говорюťъ: тэй говориťъ: ето мнѣ будя жана, тэй —мнѣ! Ахъ, говоря! коли бъ намъ усимъ троимъ доставъ по такой, то бъ было хорошо. Ну и бо́льшiй яе узявъ сабѣ за жонку. И отсталися яны пять ожидаťъ. А меньшiй Иванъ отправився путёмъ дорогой ще дальшы. Ишовъ, ишовъ ёнъ, да, и видиťъ—стоиťъ сяребринный дворецъ. Ёнъ потходиťъ къ дворцу и ставъ шукаťъ дзярей. Нашовъ дзери, оттворивъ, заходя у водну комнату—нема никого, ёнъ у другую—нема никого, потомъ у третьтяю, сядиťъ змученная царевна. Ёнъ говоря: здрастуй, говоря.—Здрастуй, здрастуй, говоря на 'твѣтъ. Якъ тябе Господь сюды занёсъ. Нехай уже я, говоря, погибла тутъ, дакъ и ты молодый человѣкъ тутъ погибнешъ.—Ну, говориťъ, якъ Богъ дась.—Отъ скоро, говориťъ, прилятиťъ мой девяťиголовый зьмѣй. Ёнъ, говоря, тябе убъеťъ. Ну, тамъ, говоря, што Богъ дась, а дайка, говоря, поѣсь. Отъ яны сѣли за столъ, попили, поѣли, якъ слѣдуя, и потомъ ина говориťъ—скоро прилятиťъ, говоря, зьмѣй. Куды жъ ёнъ, говориťъ, будеťъ лятѣťъ? спрашуя Иванъ. А вотъ тою, говоря, дорогою, показуя яму у вокно. Отъ ёнъ отправляетца на тую дорогу и садитца такимъ жа порядкомъ опяťъ подъ мостомъ. Другъ ѣдзя зьмѣй и спотыкнулася яго лошадь. Ёнъ тогды говориťъ: што ты, говориťъ, ненасытная лошадь, спотыкаесься— али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ, говориťъ, противника ниякого нѣту, только ёсьть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдеťъ, и яго воронъ сюды косьти не занясеťъ. А ёнъ яму отвѣщаеťъ: добрыхъ молотцо̀въ нихто ня водиťъ, ни носиťъ, яны сами заходюťъ.—Ну, выходи, говоря, сюда! Ну, ти будемъ битца, ти миритца?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца. И схватились яны битца. Ударивъ яго куцабою и зьбивъ три головы у яго. Потомъ зьмѣй яго ударивъ, ёнъ только обтрихнувся. Тады рассярдився Иванъ. Ударивъ другiй разъ и зьбивъ ящо три головы. Тоды зьмѣй прося отдыху на пять минутъ. Ну, отдыхай, говорить, нячистая сила! Зьмѣй потребувавъ у царевны воды, силныя и бязсилныя. Царевна подала яму воду бязсилнаю, а Ивану подала силныя воды. То у Ивана силы прибавилось, а зьмѣй ще худжы ослабъ. Ударивъ Иванъ и тыя головы уси зьбивъ. И закинувъ яго у ровъ у воду, подъ мостъ, подъ той. Тогды, приходиťъ у дворецъ, у дворцы опяťъ выпили и закусили съ царевной—ну, говориťъ, тяперь пойдемъ, а то мнѣ урем‍я нема—ще много работы. Да; вышли зъ дворца; остановився. Ванъ и говориťъ: эка, якiй дворецъ пригожiй!—А жалаешъ ты, штобъ ёнъ бывъ табѣ?—Якъ ба не жалаťъ? И выняеťъ яму платокъ, и махнувъ ёнъ три

разы платочкомъ и зьдѣлався етый домъ яечкомъ. Ёнъ яечко ето у карманъ и отправився къ етой норѣ. Посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цэпу. Тисканувъ цэпъ, яе потащили. Ну, говоруть: слава Богу, двомъ намъ по нявѣсьти ёсьть! Будемъ ожидать щё. А Иванъ отправився опять дальшы. Ишовъ, ишовъ, видить, стоить золотый дворъ. Ёнъ потходить къ яму и говорить: то была красота дворцы, а ето ящо красиви! Потомъ, ставъ приглидатца дзярей; нашовъ двери, оттворивъ, усходить туды—сядить тамъ измученная царевна. Ёнъ говорить—здрастуй, говорить. Ина 'твѣщаеть—чуть тольки уже душа сядить у ёй—здрастуйтя! Якъ тябе, говорить, Богъ донёсъ сюды?—Да я пришовъ, говорить, нарошня васъ разускувать. Да, другъ, говорить: погибнешъ, говорить, и ты тутъ.—Ну, я не затымъ пришовъ, штобъ погибнуть, а затымъ пришовъ, штобъ васъ отсюда вывесьть. Отъ, яны сѣли, закусили хорошенько, якъ слѣдуя, и потомъ ина говоря: другъ, схувайсь, говоря, куды-небудь, а то сычасъ зьмѣй мой прилятить—двананцать головъ—дыкъ ёнъ зьѣсть, говоря, и тябе и мяне!—Ну, тамъ, говорить, якъ Богъ дась! Куды ёнъ будеть лятѣть?—Отъ по той, говорить, дорози, адѣ мостокъ—показала яму у вокно. Ёнъ отправився—сѣвъ подъ мостокъ. Другъ ѣдеть двананцатьголовый зьмѣй. Узьѣжжая на етый мостокъ и спотыкнувся яго лошадь. Ёнъ говоря: што, ты, говоря, ненасытная лошадь, спотыкаесься—али ты сабѣ противника слышашъ? Мнѣ, говорить, противника ниякаго нѣту, тольки ёсьть одинъ Иванъ Зарявой. Ну, ёнъ самъ сюды не зайдеть, и яго воронъ сюды косьти не занясёть. А ёнъ яму отвѣщаеть: добрыхъ молотцовъ нихто ня водить, ни носить, яны сами заходють. И вылѣзъ съ подмосьтя. Ну, ти будемъ битца, ти миритца?—Не затымъ я пришовъ, кабъ миритца, а затымъ, кабъ битца: зато, што вы украли у такого то царя три дочки, дыкъ я пришовъ ихъ отсюлитька узять!—Ну, говорить: ты двохъ братовъ моихъ убивъ, ну мяне не забьешъ, я, говорить, усё ето 'тплачў! И стали битца. И ударивъ яго Иванъ Зарявый и зьбивъ яму три головы. Потомъ зьмѣй яго ударивъ, ёнъ тольки обтрихнувся. Тогды рассярдився Иванъ. Ударивъ Иванъ другій разъ—зьбивъ ящо три головы. Ударивъ яго зьмѣй—и ўбивъ яго по колѣно у землю. Потомъ зьмѣй говорить: ну што, ти дальшы будемъ битца, али будемъ, говорить, миритца?—Нѣ, говорить, я не затымъ пришовъ, кабъ миритца. Другъ зьмѣй потребувавъ воды силныя и бязсилныя. Царевна подала яму воду бязсилнаю, а Ивану подала силныя. Иванька поправився, порубивъ яго на мелкія куски и забросивъ у чистая поля. Тады увошли ў дворецъ, выпили и закусили якъ слѣдуеть, и отправились. Вышавъ Иванъ и остановився и спрашуя етыя царевны: эка, говорить, якія тутъ устройствы хорошія у етомъ дворцэ! Ина отвѣщая яму: ты можа жалаешъ, штобъ етый дворецъ бывъ у насъ съ тобой?—

Якъ ба не жалать, говорить. Вынула ина платокъ и дала яму,—ёнъ махнувъ платкомъ три разы, и дворецъ зьдѣлався яѣчкомъ. Ёнъ узявъ, ето яечко у карманъ уклавъ. Отправилися къ етой самой нори. Потомъ посадивъ яе на стульчикъ и подвизавъ къ цэпу. Тисканувъ цэпъ—яе потащили. «Слава Богу, ужо намъ усимъ трёмъ ёсьть по нявѣсьти!» И узяли, и цэпъ яму туды кинули—нехай ёнъ тамъ и остастца!

Иванъ етый заплакавъ силно, якъ цѣпъ етый упавъ: вотъ коли, говоря, я тутъ пропавъ! Поплакувши, пошовъ ёнъ путёмъ-дорогой. Приходить—стоить большій-большій дубъ. И находить силная гроза; ёнъ ставъ подъ етаго дуба. Другъ, на етомъ дуби закричали птицы у гнязьдѣ.—Ёнъ, много ня думавшы, узлѣзъ па дуба, зьнявъ сь сябе одёжу и накрывъ етыхъ дятей. Другъ прилетая Жаръ-птица и благодарить яго: спасибо табѣ, Иванъ Зарявой—зная якъ яго и звать—за то, што ты забярёгъ моихъ дятей, и не знаю, чимъ мнѣ за ето табѣ отплатить.—Ня треба мнѣ, говорить, твоё ничо̀го, тольки вынесь ты мяне на тэй свѣтъ.—Ну, говорить, вынесу. Тольки наготовъ мнѣ мяса двѣ бочки и воды бочку, то тогда я тябе вынесу. И показала яму: иди, говорить, вотъ за ряку, тамъ ёсьть богатый такій старикъ, дакъ ты яго, говорить, попроси, буковъ на мясо,—ёнъ сляпый. Ёнъ пошовъ къ старику. Старикъ етый, говорить: я дамъ табѣ говорить, буковъ—тольки пропасьтиви мнѣ ихъ годъ! Ну, дѣлать нечаго, согласився ёнъ годъ пропасьтивить. И старикъ етый яму говорить:—усюды гоняй, усюды паси, ну на такій и такій лугъ не гони. Ето вѣдьминъ лугъ, и ина тябе згубить. Я бывъ погнавсь на тэй лугъ, дыкъ ина и мнѣ вочы выколола. И я во̀ уже тритцать годовъ сляпэй!—Я не боюсь говорить, етаго! Звивъ сабѣ пастуськую пугу и погнавъ прямо на тэй лугъ пасьтивить буковъ. Прилетаеть вѣдьма—на ступи и тувкачомъ погоняя, а мятлой слѣдъ заметая, и закричала на яго: ахъ, говорить, с. сынъ, хто табѣ дозволивъ буковъ пасьтить на моёмъ лугу?—Я, говорить, самъ сюды пригнавъ, ни у кого не спрося! Да подошовъ къ ёй ближы, и давай яе пугой етую бить, склавшы удвоя. Бивъ, бивъ, потомъ ина стала у яго просить:—пусьти, говорить, мяне.—Нѣ, говорить, не опущу, отдай, говорить, того старика вочы, тогда, говорить. я тябе пущу!—Иди, говорить, у мою хату и подъ подушкую два лежать пузурьки зъ лекарствомъ, то ты пумажъ, говорить, однымъ и другимъ—то будеть старикъ етый бачыть. Вотъ ёнъ пошовъ у хату у яе изь ёю, узявъ еты два пузурька, и пришли къ старику. Однымъ пузурькомъ пумазавъ, зьдѣлалися глаза, тольки ёнъ ня бача; другимъ пумазавъ—ставъ бачыть. Тады ёнъ яе узявъ, убивъ. Тады старикъ етый яму благодаривъ за тоя, што ёнъ ставъ бачыть. Бяри буковъ, говоря, скольки угодно, хоть и усихъ, за ето. Отъ ёнъ нарѣзавъ двѣ бочки мяса и насоливъ. Да приходя къ

той къ Жаръ-птицы. Жаръ-птица говорить: ну, подвязуй мнѣ еты бочки потъ крыльля. Ёнъ подвизавъ. Ну, тяперь, говорить: третьтюю бочку воды. Наливъ ёнъ воды, подвизавъ третьтюю бочку къ хвосту,—ну, тяперь, говорить—садися самъ на мянѐ. Сѣвъ ёнъ на яѐ, ина яму говорить—смотри жъ ты, говорить: якъ ротъ разину, то ты кидай мнѣ мясо у ротъ. Отъ ина яго якъ понесла! Нясеть, а ёнъ говядину ей кидаеть у ротъ. Другъ кидавъ, кидавъ, не хватая мяса. И видать уже сьвѣтъ етый, а тутъ нѣту у яѐ силы лятѣть. Ёнъ много ня думавши, отрѣзавъ ей своѐ икры зъ ноги. Укинувъ у ротъ. Пролятѣвъ ще троху и такимъ жа значитца манеромъ укинувъ ей и другія ноги икру. Да, и вынесла яго на етый сьвѣтъ! Идѣ ты, говорить, мнѣ смашныя такія говядины нашовъ потъ-посьлѣ? Ёнъ показавъ ёй—вотъ, говорить, я дѣ узявъ—зъ ногъ икры! Ина харкнула, и выхаркнула ето мясо. На̀, говорить, прикладай къ ногѣ! Ёнъ приклавъ, къ одной ногѣ и къ другой, здѣлалися яны ничимъ неурядимы. Тады ёнъ яѐ поблагодаривъ за ето, и ина отправилась на тэй сьвѣтъ. А ёнъ тада отправився у тэй городъ, дѣ и царь проживавъ. Знявъ сабѣ хватеру у старенькой старушки. И потомъ посылаеть ету старуху итить у городъ, услыхать, ти нема якихъ новосьтей. 'На приходя и расказуя яму, што ёсьть слухъ,—бывшія пропавши у царя три дочки разысканы. Дакъ будеть мяньшой дочки посьлизаўтра, говорить, свадьба, исъ тымъ, хто яе доставъ. Ну, потомъ назаўтра, зновъ ёнъ посылаеть яе. Ина пошла, стала тамъ разслухувать новосьтей и приходить къ яму и расказуеть—вотъ, говорить: будя свадьба тогда, коли найдетца человѣкъ и сошьѐть ей такія бушмаки, якія йна носила у зьмѣявымъ доми. Тады ёнъ говорить: иди, бабка, къ царю и скажи: што я могу пошить такія бушмаки. Бабка пошла къ царю и говорить: я, говорить, могу такія бушмаки пошить!—Если тольки можашъ, то я награджу тябе, бабка, ўсимъ, што ты тольки пожалаешъ. Дали ёй грошай; ина приносить и говорить: ну тольки, говорить, смотри жъ: штобъ ты мяне къ смерти не подвёвъ. Ёнъ говорить: ня бось, бабка. Строку було дадзено на троя судокъ. Проходють судки—сапожникъ етый не занимаетца работой; и хторыя тожа такъ само не занимаетца. Баба ета давай плакать: мяне тяперь за ето, говорить, предадуть злой смерти. Тады ёнъ отвѣщаеть: ня бось, бабка: заутри, на вутро будуть готовы—уставай и няси! Отъ ёнъ вечеромъ вышавъ зъ города на по̀ля, катанувъ ето золотоя яѐчко и здѣлався золотэй дворецъ. Ёнъ сычасъ увышовъ у етый дворецъ, нашовъ полусапожки. Узявъ ихъ, вышавъ зъ дворца, махнувъ платочкомъ и здѣлався ёнъ яечкомъ. Принёсъ еты сапожки ноччу, поставивъ на столъ. Старуха на вутро устала и обратно узила еты полусапожки и нясеть еты полусапожки къ царю. Дѣвка тая убачила полусапожки и крѣпко ина обра-

довалась. И просить свойго отца, штобъ ёнъ дозволивъ потребовать яго сюды, хто шивъ полусапожки. Отецъ сычасъ паславшы карету и приставили яго у дворецъ. Увыйшовъ ёнъ у дворецъ, ина убачила яго и говорить: вотъ хто мяне доставъ, ну ня тэй, сь кимъ хотѣли свадьбу гулять. Ну тутъ, сычасъ, ставъ отецъ спрашувать — што зь ими дѣлать? Сычасъ. приказали етыхъ привязать къ коньскимъ хвостамъ и пусьтить по полю. Привязали къ хвостамъ, и разволокли по ўсяму полю. А зь естой царевную пувиньчались, и отдавъ яму царь пуловина царства, и стали яны жить ды й поживать.

С. Палужь, чериков. у. Отъ кр-на Марка Иванова, 35 л. малограмотнаго, бывшаго въ воен. службѣ.

38. Иванъ Вѣтровичъ.

Въ нѣкоторымъ царстьви, въ нѣкоторымъ гусударстьви, ну ни въ самомъ томъ, въ которомъ мы живёмъ, была у царя дычка. Тольки ёнъ яе никуды ни пускавъ: ни пройтитца, ни проѣхытца. Тольки было погодная времюшка, отворила окошко, вяйнуўвъ вѣтиръ у глазы, и зъ етыго ина забремила. Отецъ и мать етому ни спокойны, што яна ни законно зыбярёмила. Ну, начали допрашивать яе. Ина говорить: отецъ мой любый, отецъ мой милый, вяйнуўвъ вѣтиръ у глаза, и зъ етыго я зыбяремила. Мѣла ина сына; яны сказали дать яму имя и хамилію Иванъ Вѣтровъ. Ну, тольки, трёхъ годовъ мальчикъ етый, Иванъ Вѣтровъ, мыитца, Богу молитца и дѣду здрастьви кажить: здрастьви, дѣдушка, живъ ты, здоровъ? А ёнъ отвищаить: живъ то живъ, ды ниболыпоя здоровья! есьли бы дитятка моё мило было, ды зьѣзьдило у той и у той лѣсъ, насѣкло дровъ, ды притопило комнутку мнѣ. А ёнъ отвищаить: котору мнѣ лошадь запрягать? А ёнъ говорить: зыпряги, дитятка, лошадь выдовоза. Ну, ёнъ запрёгъ выдовоза, приижжаить у лѣсъ, дровы сячеть, а мядьвѣдь коня дяреть. Ёнъ говорить: дяри, дяри, чортъ тябе бяри, ды самъ дровы пувязёшъ! Ну, ёнъ бяреть мядьвѣдя зы ковнеръ, запригаить у воглобли и привозить дровы. Дѣдушка, идѣ мнѣ етыя дровы звалить? А ёнъ говорить: звали кыла комныты. — Куда мнѣ свою лошадь пусьтить? А ёнъ говорить: пусьти на конюшню! Етый мядьвѣдь якъ начавъ драть усихъ лошадей, справили значитца конюхи гвалтъ, дыкъ ёнъ пошовъ ды вывивъ мядьвѣдя у другую конюшню пустую. Назавтраго ёнъ мыетца, Богу молитца и дѣдушку здрастьви даеть. Здрастьви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? — Живъ то живъ, ды ни совсимъ здоровъ! Есьли бы дитятка ласкове было ды зьѣзьдило у то и то болото, ды наломало курчевья, ды притопило комнутку, можить ба я поздоровѣвъ. А дѣдъ зъ бабый яго ни любили, што ёнъ низаконнорожденый. Туды хто пойдить, ня выйдить, хто поѣдить, ня выидить, — дыкъ яны яго пысылали, кабъ ни вярнув-

ся. Ну, ёнъ запрёгъ мядьвѣдя и поѣхывъ у ето болото; отпрёгъ мядьвѣдя и стали ломать курчевья: ёнъ сабѣ, мядьвѣдь сабѣ. Потомъ прибигаить чортъ и кажить: здрастьви, Иванъ Вѣтровъ, што ты житильство разоряишъ? А ёнъ говорить: совсимъ раскопаю, кыли ни пойдишъ моей маминьки нивидимо служить! Дыкъ ёнъ сыгласився нивидимо служить! Ну, привозить ёнъ ето курчевья и спрашіить: дѣдушка, идѣ мнѣ курчевья звалить? А ёнъ кажить: звали ля комныты! Яно яму ни надо было, али ёнъ тольки хотѣвъ, штоба значитца ёнъ ни вярнувся. Ёнъ курчевья звадивъ, мядьвѣдя отпрёгъ и у лѣсъ пусьтивъ. Назавтраго ёнъ умываитца, Богу молитца, и дѣдушку здрастьви даеть: здрастьви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? Живъ-то живъ, ды ни совсимъ здоровъ; есьли бъ дитятка моё ласкове было: ёсь у тридисятымъ царстьви, у тридисятый зямли, ёсь Огняный царь, за пять вёрстъ огнёмъ пячеть, винуватъ намъ данныго и пошлинныго двинадцыть бочакъ золыта. Есьлибъ дитятка узыскало, вяликая у нашимъ царстьви польза бъ была! Ну, ёнъ пошовъ на базаръ, купивъ три пруты зялѣзныхъ по девить пудовъ, и пошовъ путёмъ дорогую, и ўзявъ чорта съ собою. Приходить въ приповѣдныя луги, въ шовкывыя травы, идѣ нихто ни проходить, ни прiиждаить, ни птицы ни прилитають. Якъ заглядивъ Огняный царь, што хто то въ етыхъ лугахъ распоряжаитца,—разбивъ шатёръ и лёхъ оддыхать,—ну, потомъ, Огняный царь послявъ трёхъ быгатырей кы Йвану Вѣтрову забрать яго. Етый чортъ якъ бразьнить пругъ опъ прутъ, дыкъ ёнъ ихъ зуглушивъ: мовчать, говорить: баринъ спить! Яны вярнулися къ Огняныму царю. Ваша иншираторская вяличиство! баринъ спить, а слуга якъ сьвисьнить, якъ крикнить, мы ни могли слова отвясьтить! Ну потомъ етый Огняный царь рассердився на ихъ, шлеть сорокъ тысячъ войска и двинадцыть быгатырей. Етый чортъ глядѣвъ—глядѣвъ, што прамножиство народу идеть, будить Ивана, говорить: баринъ, уставайтя! прамножиство народу идеть! Ну, потомъ Иванъ етый якъ протёръ глаза, якъ узявъ прутъ, якъ пусьтить—отразу тысячу ломить; чортъ подаеть, а ёнъ ломить,—ёнъ у два часы съ половиный усё войско разьбивъ и двинадцыть быгатырёвъ. Тольки одного быгатыря покинувъ ли васьтей царю. Кыли ты мнѣ, кажить, ни даси данныго и пошлинныго, дыкъ я тябе и сожгу и ў плѣнъ зыбяру! Тяперь етый Огняный царь якъ рассердився ны яго, шлеть восимдисятъ тысячъ войска и двадцыть чатыри быгатыря. Ну Иванъ Вѣтровъ и ето у три часа побивъ войско. Потомъ Огняный царь шлеть пысланца, говорить: Иванъ Вѣтровъ, приди ко мнѣ попить, погулять, покуль я двинадцыть бочакъ золыта споряжу. Ну, ёнъ пошовъ туды, попивъ, погулявъ скольки ёнъ тамъ, сутки, а можа и двоя, ну потомъ спорядили золота. Ну, ёнъ привозить домой и кажить: дѣдушка, а идѣ мнѣ ето золото дѣть! А дѣдъ говорить: звалитя, говорить, у сарай!

Назавтраго ёнъ мытица, Богу молитца, идеть, дѣдушку здрастьви даеть: здрастьви, дѣдушка! живъ ты, здоровъ? Ёнъ кажить: живъ то живъ, ды ни сусимъ здоровъ! Дѣдъ съ бабый за ночь надумылиси яму дать другую дорогу... Ёсь, говорить, у тридисятомъ царстьви, у тридисятой зямли, ёсь тулувища Мѣдныя, яго во сьвѣти нихто ни збасуить, есьлибъ ты яго збасуваъ, дыкъ мы у сьвѣти никого ни быялиси бы! Ну ёнъ тады пошовъ на базаръ, купивъ сыкола, либидя и приноситъ матцы у комнуты. Убивъ тьвячокъ (гвоздь) у притылку, и повѣсивъ платочикъ, и пыдставивъ стаканъ, говорить: маминька моя родная, якъ будить съ платочка кровъ ити въ стаканъ, то отворяйтя вокошко и выпущайтя сыкола и либидя. Самъ попрощався съ матирью и пошовъ у путь. Ишовъ ёнъ путёмъ-дорогую, сыстрикаить Дубувика, который дубы пиряноситъ. Здрастьви, говорить, Иванъ Вѣтровъ: куды идешъ, куды Богъ нясеть?—Иду, говорить, у тридисятая царство, у тридисятую зямлю Мѣдныго тулувища житильства отвѣдывать! Ёнъ говорить: возьми, братъ, мяне съ собою!—Пойдёмъ сабѣ у тывариіщихъ. Якъ ити, дыкъ ити путёмъ дорогую, сустрикають Гыровика (который горы переноситъ.) Здрастьви, Иванъ Вѣтровъ, куды идешъ? куды Богъ нясеть?—А иду, говорить, у тридисятая царство, у тридисятую зямлю, Мѣдныго тулувища житильства отвѣдывать. А возьми мяне съ собою! хуть я сьвѣту пывидаю!—Ну, говорить, ходи, пойдёмъ. Пошли яны утроёмъ. Приходють яны утроёмъ у тридисятая царство, у тридисятую зямлю у Мѣдныго тулувища горидъ. Ну, потомъ, походили по гориду, а потомъ кажуть: што ходить! надо сабѣ обобрать хватеру! Пришли у дворецъ Мѣдныго тулувища—нима никого, нима ничого, тольки прамножиство воловъ въ етомъ дворцы. Ну, оббирають сабѣ кухню. Застыляить Иванъ Вѣтровъ Дубувика рѣзыть вола и готовить обѣдъ. Тады ёнъ січасъ узявъ вола за роги, зарѣзывъ, пыловину згутувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и смотрить на дворъ; ляжить сярёдъ двыра каминь; и ёнъ самъ сабѣ размышляить: хто яго сюды ти привёсъ, ти принёсъ, што ёнъ такій примогучій? Потомъ ёнъ, етый каминь, пыдымаитца, сичасъ и вылазить оттуль старикъ сядой. Ну, потомъ говорить: хто въ моёмъ доми роскошуитца, няси мяне на крыльцо! Ёнъ, той Дубовикъ, обробѣвъ, выскычивъ, принёсъ яго на крыльцо. Тады ёнъ кажить: хто въ моимъ доми роскошуитца, няси мяне у кухню. Ёнъ у кухню яго унёсъ. Сади, говорить, мяне за столъ! Ёнъ яго за столъ пысадивъ. Што ёсь у печи, тоя на столъ няси! Ёнъ яму пыловину тую вола выписъ. Ёнъ отразу яго зьѣвъ. Потомъ яго узявъ, яго, етыго Дубувика, набивъ, а самъ увыйшовъ на своё мѣсто, подъ каминь. Приходють Иванъ Вѣтровъ и Гыровикъ. Дубовикъ кажить: якъ вы замарудили тамъ,—прамножиство собакъ налѣзло, кухня угарна, пыловина вола зьѣли. А Иванъ Вѣтровъ говорить: ни посьлѣдній волъ, ящо ёсь! Потомъ яны сѣли, подъѣли (быгатыри разъ

у сутки ядуть) и оддыхать лягли. Назаутраго устають, мыютца, Богу молютца.—«Ну, говорить: сягоньни ты, Дубовикъ, ходи на прихацку, а ты, Гыровикъ, обѣтъ готуй!» Ёнъ узявъ вола за роги, зарѣзывъ, облупивъ, пыловину згутувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и глядить, што на дворѣ лижить большій каминь. И думыить ёнъ самъ сабѣ: што ето, ти то етый каминь хто привёсъ, ти ёнъ самъ вырисъ? Ну, потомъ етый каминь подымаитца, и зь яго вылазить старикъ сядой: хто въ моимъ доми рыскошуитца: няси мяне на крыльцо? Ёнъ обробѣвъ, выскычивъ, принёсъ на крыльцо яго. Потомъ у кухню унёсъ. Сади, говорить, мяне за столъ и што ёсь у печи, то всё на столъ няси. Ёнъ сѣвъ, пыловину етыго вола зьѣвъ, и давай бить Гыровика етыго. Ёнъ зьдѣлывся нижывымъ, ну дыкъ ёнъ и схувався на своё мѣсто. Ну, потомъ, етый узявъ, остатьнюю пыловину вола у котёлъ, згутувавъ. Приходють Иванъ Вѣтровъ и Дубовикъ. Ёнъ кажить: якъ вы тамъ призабавилиси, прамножиства собакъ налѣзло, кухня угарна, пыловину вола зьѣли. Иванъ Вѣтровъ говорить: ни посьлѣдній, есь ящо! Потомъ сѣли, подъѣли, и спать лягли. Назавтраго говорить: ну, Дубовикъ и Гыровикъ: идитя прогуливатца, а я остаюся ѣсьти варить! Ну, потомъ ёнъ вола за роги, зарѣзавъ, пыловину згутувавъ, самъ сѣвъ подъ окошкымъ и глядить на дворъ: ляжить каминь большій. И думыить ёнъ самъ сабѣ: хто ето каминь сюды привёсъ, ти ёнъ самъ тутъ вырисъ? Такъ етый каминь сымаитца, опять жа вылазить оттуль старикъ сядой и кажить: хто въ моимъ доми рыскошуитца, той мяне няси на дворъ! А Иванъ Вѣтровъ говорить: якій чортъ тябе вынисъ оттуль, тэй нихай нясеть тябе на крыльцо! Ну, потомъ ёнъ самъ на крыльцо узыйшовъ. «Хто въ моимъ доми рыскошуитца, той няси мяне у кухню!»—Якій чортъ тябе принёсъ сюды, такій нехай нясеть и у кухню! Потомъ ёнъ самъ увыйшовъ у кухню. Тады кажить: хто у моимъ доми рыскошуитца, сади мяне за столъ. А ёнъ яму отвищаить: якій чортъ тябе принёсъ у кухню, такій нихай и за столъ содить. Ёнъ самъ сѣвъ за столъ. Ну, потомъ, яны давай дратца съ Иваномъ Вѣтровымъ. Тэй Иванъ пересиливъ иго. Узявъ зы бороду, привёвъ къ сьтѣни, у щелку клинымъ бороду загнавъ. А самъ спать лёгъ. Ёнъ, якъ кивать, дыкъ кивать, вынивъ бороду изъ щелки, и вышивъ, ни чипавъ ужо яго. А ёнъ спить. Приходить Дубовикъ и Гыровикъ, ёнъ кажить: што вы такъ замарудили? Вотъ у мяне и собакъ ни налѣзло, и кухня ни угарна, и гывядина и жариныя и сырая цэла. Потомъ яны сѣли обѣдыть, побѣдыли. Потомъ яны хотѣли класьтися спать, ну Иванъ Вѣтровъ говорить: истритя ножи, нѐкыли! Ну, потомъ яны найстрили ножи, тоды Иванъ Вѣтровъ кажить: рѣжтя воловъ: въ одну скирту гывядину, а въ другую шкурки. Ну, яны усихъ воловъ порѣзыли, тады одинъ ны чатыри часьти кожи разризаить, а другій пасъ шшиваить. Ну, потомъ яны пасъ шшили. Ну, няситя

къ етыму камню, што на дворѣ ляжитъ. Трогый, говоритъ, Дубовикъ, етый камянь! Дубовикъ етый тронувъ, дыкъ ёнъ ни скылыхнувся! Ну-тка ты, Гыровикъ! Гыровикъ етый тронувъ—скылыхнувся. Эхъ, сильники! Потомъ самъ пыдыйшовъ, подбòримъ ударивъ, дыкъ на пять вёрстъ откатився. Ну, потомъ, Иванъ Вѣтровъ пыдпиризався—ну, кажитъ: пускайтя мяне въ ету пичару, идѣ каминь лижавъ, а сами якъ день дыкъ ночь дожидайтя мяне. Ну, тутъ ёнъ якъ спуститися пыдъ зямлю, стоитъ слупъ. На имъ написыно: на дну сторону хорошо будитъ, у другую ловчѣй, у третьтю ящо луччи, а ў чатьвёрту убитъ будишъ. Иванъ Вѣтровъ пошовъ туды, идѣ убитъ будитъ, къ Мѣдныму тулувищу у домъ. Тольки приходитъ, стоитъ домъ мѣдный. Равняитца съ крыльцомъ, выходитъ дѣвица красивыя. Здрастьви, говòритъ, Иванъ Вѣтровъ! якъ тябе Господь сюды занёсъ: у насъ нихто ни проходитъ, ни прижжаитъ, ни птицы ни прилитаютъ!—А иду Мѣдныго тулувища житильство отвѣдывать!—А ёнъ посьли твоей чесьти спитъ; ты идешъ яго убитъ, тольки ня убъешь, кыли ко мнѣ ни зайдишъ. Ёнъ заходитъ къ ей. Ина говоритъ: ти ни хочитя ѣсьти, питьѵ? Вотъ уво дной печи двинадцытъ вопрёвъ варины, у другей двинадцытъ пичей хлѣба спечино! Ёнъ садитца и ѣсь. Ина подходитъ и кажитъ: ти ни хочитя попитъ?—Да, говоритъ. Вотъ, нàтя вамъ мѣдныя ключи, идитя въ мѣдный анбаръ: на праву руку сила, на лѣвую бясьсилья; ну ня пійтя налѣво, а направо! Ёнъ пошовъ налѣво силу попивъ, пиривярнувъ направо, и поблагодаривъ, и пошовъ путёмъ-дорогую. Якъ ити путёмъ, стоитъ домъ сяребриный. Выскàкыитъ дѣвка красивѣй тыѐ. Здрастьви, Иванъ Вѣтровъ! якъ тябе Богъ занёсъ? у насъ нихто ни проходитъ, ни прижжаитъ, и птицы ни прилитаютъ!—А иду Мѣдныго тулувища житильство отвѣдытъ.—Ёнъ посьли твоёй чесьти оддыхаитъ; да ты идешъ яго убитъ, ну ни вобъёшъ, кыли ко мнѣ ни зайдишъ. Вотъ ёнъ заходитъ къ ей. Ина говоритъ: ти ня хочитя попитъ—поѣсь. Ёнъ говоритъ: да!—Вотъ во днэй печи двинадцытъ воловъ жариныхъ, у другей печки двинадцытъ хлѣбовъ печино. Ёнъ садитца и ѣсь. Ина приходитъ къ яму и кажитъ: ти ня хочитя попитъ? Ёнъ говоритъ: да, хочу. Ина подноситъ яму сяребриныя ключи и говоритъ: идитя у сяребриный анбаръ: направо сила, налѣво бясьсилья!—Ёнъ направо напився, налѣво силу пиривярнувъ, поблагодаривъ и пошовъ. Шовъ путёмъ дорогую, стоитъ золотый домъ. Тольки равняитца, выходитъ дѣвица пыкрасивѣй тыхъ. Здрастьви, Иванъ Вѣтровъ! куды Богъ тябе нясетъ?—Иду Мѣдныго тулувища житильство отвѣдытъ!—Да, ты идешъ убитъ яго, ну тольки ты яго ни ўвобъёшъ, кыли ко мнѣ ни зайдишъ! Заходитъ къ ей. Ина говоритъ: ти ня хочитя попитъ-поѣсьтъ? Ёнъ говоритъ: да, хочу. Вотъ, говоритъ, во днэй печки двинадцытъ барановъ жариныхъ, у другей двинадцытъ хлѣбовъ спечино! Ёнъ сѣвъ, подъѣвъ. Ти ня хочитя напитца?—Да,

говорить, хочу!—Вотъ вамъ золотыя ключи, идитя въ золотый анбаръ! Тамъ направо—сила, налѣво—бясьсилья; ну ня питя налѣво, а питя направо. Ёнъ пошовъ, напився направо, пиривярнувъ силу налѣво, поблагодаривъ и пошовъ. Вотъ ёнъ приходить у домъ къ Мѣдныму тулувищу. Ажны ёнъ спить. Вотъ ёнъ яго узбудивъ, давай дуть токъ. Мѣдныя тулувища выдувъ блишаный (бляха), а Иванъ Вѣтровъ золотэй. Давай дратца. Тольки Иванъ Вѣтровъ зьбиваить Мѣдныя тулувища по пахи у землю, Мѣдныя тулувища просится у Ивана Вѣтрова, говорить: цари, короли дярутца съ силую, зъ войскымъ, а и то оддухъ мѣють, а мы съ тобою—и то воддуху ня мѣимъ. Ды попъёмъ, пыядимъ чаго нямного! Ну, потомъ, Мѣдныя тулувища самъ пъеть сь лѣвыя руки, а Ивану Вѣтрову дасть съ правыя. Тады Мѣдныя тулувища покряпчѣвъ, а Иванъ Вѣтровъ поплошѣвъ. Давай дратца опять. Мѣдныя тулувища зьбивъ Ивана Вѣтрова у землю пы пахи, посѣкъ меччу, и огнёмъ спаливъ косьти яго.

Ну матка яго забыла на ето, што ёнъ якъ ишовъ, казавъ: якъ будить зъ мойго платочка кровъ ити, пусьтитя сыкола и либидя. Полядѣла матка, заплакала. Пусьтила сыкола и либидя у тридисятая царство, у тридисятую зямлю. И прилитають яны у Мѣдныго тулувища домъ: да, говорють: идѣ нашъ хозяинъ жись поклавъ! Ну потомъ полятѣли—ёсь такія живущія и гоющія воды, ну дыкъ соколъ лебидя у ленты увобравъ, а лебидь яму кубки привизавъ подъ крылья. Потомъ лебидь спускаитца внизъ, стдрожи пускаютца ловить яго, соколъ зьлитѣвъ и зачерпнувъ воды живущія и гоющія. Ну, прилитають яны къ Ивану Вѣтрову, спырснули яго попилъ гоющію и живущію водою, и Иванъ Вѣтровъ оживився. Бывъ молодецъ, ды ящо почисьтѣвъ. Ну, такъ ёнъ и приходить къ Мѣдныму тулувищу, говорить: што ты, старый хрѣнъ, спишъ? —Ти ты тутъ?—Да, говорить: зачимъ хожу, тоя надо дыходить. Давай дратца опять. Дралиси, дралиси, тольки Иванъ Вѣтровъ зьбивъ Мѣдныя тулувища. Ёнъ кричить оддуху, а Иванъ Вѣтровъ кажить: я оддухнувъ. Потомъ Иванъ Вѣтровъ, яго пы пахи у землю зьбивъ, и посѣкъ, косьти попаливъ, штоба косьтина ды косьтины, пылина ды пылины ни сходилиси, штоба вѣкъ яно ня трыгалыся. Идеть Иванъ Вѣтровъ ныздъ, равняитца зъ зылотымъ домымъ. Выходить дѣвка и кажить: што жъ ты, Иванъ Вѣтровъ, ко мнѣ ни зайдишъ и мяне ни возьмишъ?—Отчаго, говорить. Такъ ина оставляить домъ свой, имущиство и идеть за имъ. Идуть. Тады ёнъ оглянувся назадъ. Ина кажить: што ты, Иванъ, етыго дому жалѣишъ?—Да, говорить: у напимъ царстьви и золото дорого. Такъ ина яму дала платочикъ. Махни, говорить, три раза! Ёнъ махнувъ три раза. Етый домъ увыбрався у яечко. Ёнъ ето яечко узявъ, у платочикъ увизавъ. Идеть, домъ нясеть и яе вядеть. Проходить кыло сяребриныго дома. Выходить дѣвка и говорить: штожъ ты, Иванъ, ко мнѣ ни зайдишъ и мяне ни возьмишъ?

—Отчаго, говорить, возьму! Ина пошла за имъ. Иванъ оглянувся назадъ. Ина говорить: што ты, Иванъ, дома етыго жалѣишъ? Да, говорить: у нашимъ царстьви и сирибро дорого. Ина яму дала платочикъ, говорить: махни платочкымъ три раза. Ёнъ махнувъ платочкымъ, домъ увыбрався у яечко. Ёнъ ето яечко узявъ, у платочикъ увизавъ и пошовъ. Идеть ёнъ кыло третьтиго мѣдныго дома. Такъ выскакуить дѣвушка и говорить: што жъ ты, Иванъ Вѣтровъ, ко мнѣ ни зайдишъ и мяне ни возьмишъ? Ну, дыкъ ёнъ и ету ўзявъ, якъ и тыхъ. Значитца, идеть, три домы нясеть и три дѣвицы видѣть. Ну, пришовъ у ету пячору, сколонувъ канатъ и зачапивъ старшую изъ мѣдныго дому. Дубовикъ и Гыровикъ вытигнули яе. Давай спорить Дубовикъ изъ Гыровикомъ: той говорить: мнѣ жонка, а той: мнѣ. Ина кажить: братцы, ни дяритися: васъ три браты, а насъ три сястры! Иванъ Вѣтровъ выйдить и подѣлить. Ну, потомъ опускають опять канатъ, ёнъ подпыисавъ другую, съ сяребриныго дому. Тады опускають третьтій разъ. Ёнъ самъ, Иванъ Вѣтровъ, изъ дѣвушкой зъ золотого дому подпыисався, яны и вытигнули. Тады большую сястру, зъ мѣдныго дому, оддавъ Дубувику, съ сяребриныго—Гыровику, а изъ золотого узявъ сабѣ. Потомъ подѣливъ царствы: дубувикова жонка ни такъ красива, етыму больши, а гыровикова красивѣй, етыму меньши описавъ царства. А своѐ труды ны бумази сьписавъ, сабѣ ничого ни ўзявъ. Якъ пришовъ ёнъ домой, распатёръ еты труды, дыкъ дѣдушка якъ глянувъ—зыдавився, бабушка сомлѣла, а ёнъ остався жить жъ жонкой и зъ маткой.

Басьня уся, казать нильзя. Я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ, у роти ни было и по бородѣ ни тякло; дали хлѣба крайчикъ, дыкъ я подъ вороты, якъ зайчикъ; якъ дали пы гыловѣ, дыкъ я дали утикать.

Д. Восьмыничи, старос. вол. мстисл. у. Отъ кр. Архипа Павлова 47 л., неграмотнаго, зап. г. Аникіевичъ.

39. Кашеваръ да добрый молодецъ.

Живъ сабѣ старичокъ зъ бабой удвоихъ, у яго дятей не было. Тяперъ ёнъ говорить на бабу: «што, бабушка, будемъ дѣлать? Пойди, говорить, бабушка, на городъ, купи, говорить, бабушка, яечекъ двянадцать; и будемъ, говорить, сядѣть! А таки жъ, говорить, курка-писклятокъ выводить!» Ну, купили дванадцать яечекъ и сѣли на ихъ. Ну, тяперъ яны сяди-сяди, сяди-сяди,—и вывяли дванадцать сыновъ. Тяперъ, собрали кумовъ, повязли хрясьтить. Перяхрясьтили одинадцать, а дванадцатаго забыли. Вярнулись къ попу. «Батюшка, говорить: одного забылись перяксьтить!» Ёнъ узявъ хрисьтить да говорить: ну, ето будеть Кашеваръ, да добрый молодецъ! Пріѣхали яны съ хреста, хрезьбины згуляли. Узялися тыя малцы расьти, растуть не по го дамъ, растуть по часамъ. Черазъ нѣскульки урема уж-

парни хорошія. «Ну што, отецъ, говорють, будемъ робить? намъ, говорють, гулять нечаго, треба за хозяйство займатца!» Отецъ пошовъ, сичасъ пожню имъ запявъ. Отъ ёнъ имъ оправивъ косы, грабли, усё якъ слѣдуеть. Убираютца яны уже на тэй лугъ косить. Собралися и поѣхали. Пріѣхали и начали косить. А тэй меньшій Кашеваръ да за кухаря имъ остався. Тогды, зваривъ тамъ што нибудь и требуеть ихъ снѣдать. Ну, яны сѣли, поснѣдали, тогды жъ ёнъ говорить: «братцы, пора, говорить, отдыхнуть трошку; тяперь, говорить, нечаго зразу хапатца на работу!» Яны лягли отдыхать, уснули. Ёнъ узявъ косу, якъ шарнеть, дакъ ёнъ удвой скосивъ, якъ яны. Тогды приходить къ имъ: «пора, братцы, уставать, отдыхнули трохи!» Тяперь, яны пошли косить, пришли—косъ нема. Покуль яны до ихъ дойшли, дыкъ много уремя пройшло. И опять стали косить. А ёнъ обѣдать готувавъ. Приходить, обѣдать гукаеть. Приходють обѣдать, ёнъ у ихъ спрашіеть: што, говорить, братцы: якъ у васъ тамъ на косьбѣ? Яны яму отвѣщають: «ахъ, братъ! говорють: мы косили-косили, а Богъ якъ давъ, дакъ чуть косы найшли!» Ёнъ говорить: «ну, братцы, молитеся Богу и проситя Бога, што Богъ помогаеть!» Яны косили нѣскульки уремя—можа день—два—три. Кажеть: братцы! пора гресьти, а то, говорить, почарнѣеть! Ну и начали гресьть, у копы валять. Тогды пришли отдыхать. Яны лягли отдыхать, а ёнъ якъ пошовъ, якъ махнувъ, дакъ удвой боли за ихъ згрёбъ. «Тяперь, братцы, надо стожарья дѣлать!» Яны начали у стоги кидать, и пришли яны ночавать уже къ яму. Отъ яны повячеряли и уснули. Ёнъ пошовъ, якъ махнувъ, дакъ удвой боли за ихъ скидавъ стоговъ. Тогды лугъ етый яны якъ коньчили, покосили и у стоги поскидали уже,—«тяперь, братцы, мы домовъ будемъ отправлятца!» Тяперъ, якъ пришли яны *дома*, ёнъ, Кашеваръ, добрый молодецъ отцу и говорить: отецъ, мы много накосили стоговъ, говорить: надо ихъ смотрѣть, кабы хто не укравъ стога! Пошовъ дни черезъ чатыри, ти черезъ пять смотрѣть Кашеваръ—одного стога нема! Приходить дома, и отвищаеть отцу: «надо ходить вартовать». Батька сказавъ зряду ходить вартовать. Пошовъ пѣрядомъ большій. Пришовъ вартовать и лёгъ «вартовать» подъ стогомъ. Проснувся—а стога нема чуть свѣтъ! Пришовъ назаутраго отвѣщаеть Кашевару и отцу: «што, говорить: я не могъ ничого зробить! якъ наскочили, мяне чуть ня убили,—такъ стогъ и схопилянъ!» На другую ночь высылають другого. Ну, другій пошовъ и тожъ лёгъ подъ стогомъ. Саму пвночь усхапився вѣтяръ, такъ и покатило стогъ, и схапили. Тогды ёнъ приходить назадъ и отвищаеть Кашевару и отцу: «што, говорить, не можемъ усмотрѣть гетакъ, што хочитя, дѣлайтя! Тогды Кашеваръ, добрый молодецъ, говорить: «за двѣ ночи да два стога упало! Ступайтя, говорить, возьмитя жалѣзо

и скуйтя мнѣ, говорить, булаву дванатцать пудовъ!» Отъ яны пошли и скували булаву дванадцать пудовъ. Тогды привозють къ яму у дворъ. Ёнъ вышавъ сычасъ на дворъ, посмотрѣвъ тыя булавы, якъ схапивъ яе, якъ спусьтить подъ небеса! Яна—выставивъ руку—якъ ударилася объ руку—якъ ударилася объ руку, дыкъ и разбилася! Тогда ёнъ на 'тца закричавъ:—«што, говорить, отецъ: коло мяне смяетесь?» говорить: «якъ можно, говорить, покрѣпшы работайтя булаву!» Яны узяли и опять отправилися у кузьню. Ну, и сковали яе уже покрѣпшы, тожъ у дванадцать пудовъ. Ну, привязли яны домовъ; тогды ёнъ вышавъ со дворца, схапивъ яе, якъ пусьтивъ подъ небеса! Тогды подставивъ колѣно. Яна ударилася объ колѣно, отскочила. Тогды, ёнъ яе узявъ, уклавъ у карманъ. Ну, перяксьтився Богу, и пошовъ на ночь. Тогды, пришовъ, на стогъ узлѣзъ, сѣвъ сабѣ на стогу, за колъ узявся, за стрѣлу. У саму повночь, бяжить кобылица изъ дванадцатимы жарабцамы. Якъ прискочила, якъ тирнулася коло стога, дакъ стогъ схапила и пошла. Ёнъ съ стога упавъ. Назаўтраго, опять пошовъ. Опять на стогъ узлѣзъ и покрѣпшы уже нарехтувався. И въ саму повночь, бяжить опять кобылица изъ дванадцатимы жарабцамы. Тольки подъ стогъ подбѣгаеть, подбѣгаеть къ стогу, ёнъ съ стога соскочивъ, да на яе—узнялися яны вышы лѣсу стоячаго, вышы воболокъ лятучихъ—понясла яна яго, на тридесятая царство, на тридесятаю зямлю. Ёнъ якъ ставъ яе булавой тэй бить—ина яго носила, носила,—уже ў яе мочи нѣту—заморивъ! «Кашеваръ да добрый молодецъ! што отъ мяне жалаетя?»—А што я отъ тябе жалаю: я жалаю, кабъ ты мяне на отечецкій дворъ, говорить, знесла! Утъ яна на отечецкій дворъ якъ принесла,—сичасъ къ яму выходить отецъ и братія:—мы, говорить, думали, што тябе на свѣти нѣту! А ёнъ, бачь, довго летавъ на ёй,—дней семъ можа. Ну, говорить, братцы: штобъ конюшни устроили, и кабъ дванадцать стойловъ кабъ было! А самъ ёнъ тогды и отправився. И ёнъ заказавъ, а самъ отправився. Отъ яны стали конюшню строить. Устроили и дванадцать стойловъ. А ёнъ узновъ узнявся вышы лѣсу стоячаго, вышы воболокъ лятучихъ, и летавъ нѣскульки урямя, довго, покамѣсь яе заморивъ такъ, што яна уже ня можеть и дыхать. Тогда яна яго спрашіеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ! што отъ мяне жалаетя?»—А што я отъ тябе жалаю—я жалаю, кабъ у мяне было дванадцать сыновъ твоихъ—жарабцовъ! Тогды яна якъ зарзала, ажъ земля затряслася. Яны прискочили къ ёй, къ кобылицы. «Ну, тяперь, говорить, поѣдемь домой!» Ну, 'зяли спускатца—спусьтились кы двору. Якъ узьѣхавъ ёнъ на дворъ, сычасъ братьтя и выскочило и отецъ вышавъ. Якъ вышавъ, ёнъ узявъ, разьдяливъ имъ усимъ по лошади, а старику отдавъ кобылку. Тыя жъ лѣпшихъ расха-

пали, а яму засталась худѣйшая, маленькая. Ну, тяперь, говорють, отецъ; надобя жанитца! Ну, у батьки спросилися, узяли лошадей и поѣхали. А яго плошенькая лошадь, ёнъ узявъ у поводѣ и вядеть сабѣ. Скольки уремя пройшло, ёнъ вёвся, вёвся, и лошадь у яго спрашіеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ, пусьти мяне, говорить, на лугъ, дай мнѣ три разы покачатца, и три травинки зьѣсь, и три росинки сьпить!» Тогды, якъ покачався ёнъ, дакъ ёнъ полѣпшавъ. «Тяперь, говорить, мяне сѣдлай: клади на мяне сядло чаркесьская, и войлокі—бухарочки, потпружи мяне дванадцатимы потпругамы! Тяперь садись на мяне лѣпко и дяржись крѣпко, и узнимемся вышы лѣсовъ стоячихъ, вышы воболокъ ходячихъ!»... Ёнъ тыхъ братовъ нагнавъ и перегнавъ. Сычасъ прилетають яны, стоить хатка на курьей нозцы. И ли тыѐ хатки дванадцать слуповъ убито и дванатцать кольцавъ убито у слупы. Тогды ёнъ сычасъ узявъ, къ кольцу привязавъ лошадь, къ слупу, сычасъ приходить къ хатцы: «хатка моя, повярнись задомъ, стань ко мнѣ перядомъ, я ў тябе ўлѣзу, маленько посмотрю!» Яна покрутилась и стала къ яму перядомъ. Тогды ёнъ улѣзъ у тую хатку; на лавцы ляжить бабка. «Здрастуй, бабка!» А здрастуй, говорить, Кашеваръ добрый молодецъ! ни чувомъ чували, ни видомъ видали, а тяперь, говорить, чуемъ и видимъ!—Ну, вотъ што, говорить, сватьтюшка: ти нема ў тябе дванадцать дочъ? Яна яму отвясьтила:—«у мяне, говорить, нѣту, а ў сястры ў моѐ ёсь!—дальшы, говорить, ити надобя!» Ёнъ сичасъ выходить, на свойго коня садитца, отъѣжжаеть. Браты наѣжжають: «ахъ, што ты, говорить, ѣдешь упярёдъ?» Ёнъ имъ отвясьтивъ: мнѣ и треба упярёдъ ѣхать! Нѣскульки уремя ёнъ ѣхавъ, тожъ пріѣжжаеть опять къ хатцы на курьей нозцы. Пріѣжжаеть къ хатцы, дванадцать слуповъ укапано, и дванадцать кольцовъ убито, у *вситкій* слупъ по кольцу. Ёнъ ссѣвъ съ свойго зъ добраго коня и приходить къ хатцы: «хатка моя, воротись задкомъ, ко мнѣ перядкомъ, я ў тябе улѣзу, маленько посмотрю!» Дакъ ёнъ якъ сказавъ, дакъ хатка сычасъ перекрутилася къ яму перядкомъ. Улѣзъ ёнъ, а *яна* на лавцы ляжить, ноги задравши. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, Кашеваръ, добрый молодецъ! ни чувомъ чували, ни видомъ видали, а тяперь чуемъ и видимъ!—«Ну, вотъ што, бабушка-сватьтюшка: ёсь ли у тябе, говорить, дванадцать дочъ?» Ина яму отвѣтила:—нѣ, говорить: отъ, у сястры у моѐ, говорить, ёсь! Тогды ёнъ отворотився—прощай, говорить, бабушка! Вышавъ и сѣвъ на свойго добраго коня и опять пошовъ. Опять пошовъ у ходъ. Пріѣжжаеть къ хатцы, опять жа—стоить хатка на курьей нозцы, дванадцать слуповъ укапано, дванадцать кольцовъ убито. Тогды ёнъ ссѣвъ зъ добраго коня и приходить икъ хатцы: «хатка моя, воротись задкомъ, ко мнѣ перядкомъ! я ў

тябе улѣзу, маленько посмотрю!» Ина перекрутилася. Тогды ёнъ улѣзъ у хатку, ляжить баба на лавки, ноги на грядкахъ, титьки подъ стольлю. «Здрастуй, бабка!»—Здрастуй, Кашеваръ, добрый молодецъ! Во: ни чувомъ чували, ни видомъ видали,—а тяперь и чуемъ и видимъ! Што ходишъ, што ѣзьдишъ?—«Што, ёсь у тябе дванадцать дочъ?» Яна отвищаеть,—говорить: ёсь!—«Ну, тяперь, говорить, будемъ свадьбу гулять!» Ну, сычасъ, яна устала зъ лавки, приняла яго,—посадила яго за столъ, и стали разговаривать, бясѣду весьти. Сычасъ прiѣжжають братiя, лошадей къ слупамъ попривязали, къ кольцамъ, и овса имъ засыпали, и сами пошли у горницу. Поздрастувалися зь бабушкой и начали пить—гулять. Тогды Кашеваръ да добрый молодецъ выходить у садъ. Сычасъ, подскакуеть къ яму Настася-Привокрася, бабина дочка. И тогды яна яму сказуеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ да добрый молодецъ! отъ, говорить: мать насъ якъ гукнеть, дакъ мы скинемся голубками усѣ, посыплеть пшаницы намъ, и мы будемъ клювать. И мать съ тобою выйдеть къ намъ и будеть у тябе спрашивать: узнай, говорить, котора твоя? Дакъ я, говорить, крылышкомъ трёпну, дакъ ты говори, што утъ—гета моя! А тогды скинемся дѣвкамы, паннамы, волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо у лицо. Ина насъ увядеть у горницу, и будеть спрашивать у тябе: узнай, котора твоя? Я платкомъ махну, дакъ тогды гляди и скажи: утъ-гета моя!» Ну, тогды ина, бабушка, пошла и гукнула ихъ у горницу и скинула голубкамы. Поманила ихъ и посыпала пшанички имъ. Тогды узила, Кашевару и говорить: «узнай, котора твоя?» Яна крылцамъ—трёпъ! Ёнъ говорить: утъ-гета моя! Тогды скинулись яны уже дѣвкамы, паннамы, и вводить ина ихъ у комлату и гукаеть: Кашеваръ да добрый молодецъ! ну, говорить, узнай,—котора твоя? Яна хусточкой махнула, ёнъ и узнавъ,—говорить: утъ-гета моя! Ну, тогды уже нечаго, надо уже къ вянцу ихъ отправлять. Поѣхали яны къ цэрькви и обручились. И дала яна яму хусточку подъ вянцомъ. Отъ, табѣ, говорить, ета хусточка: знадобитца при злэй години! Ну, прiѣхали домой, стали пить-гулять, добрыя мысьли мать. Пили-гуляли, у конецъ вясельля, ето уже треба ихъ,—уже складины дѣлать. И сычасъ у сарай, соломы нас(т)лали и туды ихъ усихъ у пуню положили спать. Ну, конь етый Кашеваровъ, узявъ и кричить:—«Кашеваръ, добрый молодецъ! сьпитя, отпочивайтя, на сябе угоды не знайтя! Уже, говорить, бабушка послала за катомъ, будеть, щупая по платьтю—головы оттинать!» Кашеваръ отвищаеть: што намъ дѣлать? Говорить: «а возьмитя, говорить, зь ихъ платьтя перемянитя: зь ихъ платьтя на сябе, а своё на ихъ!» Яны узяли, платьтя перемянили, передѣлись: своё на ихъ, а зь ихъ на сябе. А Настася Привукрася у садъ увыйшла и осталась тамъ. Тогды, прiѣжжаеть катъ. Яна упусьтила яго у хлѣвъ.

Ёнъ и пошовъ, щупая по платьтю, головы оттинать. Тогды конь говорить: „Кашеваръ, добрый молодецъ! будеть опять худо!“—Што намъ дѣлать? говорить.—„Утекать треба!“ Тогды узявъ лошадь, копытамы землю выбивъ подъ сьтяну: «лѣзьтя сюды подъ сьтяну!» Яны якъ улѣзли подъ сьтяну, говорить: „садитесь на лошади живо!“ Якъ вылѣзли, такъ сѣли на лошади и наўходà, уѣжжать! Уѣхали. Ну, бабушка была уснула крѣпко. Ну, якъ учула, што яны уѣхали, загрукотѣли, яна сычасъ уздогонъ за имы; у ступу сѣла, тувкачомъ погоняеть, помяломъ слѣдъ заметаеть. А яны ѣхать, ѣхать, пріѣхали къ огнянэй рацэ. Ёнъ узявъ, хусточкой махнувъ—калиновый мостъ ставъ. Перяѣхали яны огнянаю ряку̀, опять ёнъ махнувъ, калиновый мостъ упавъ. Яна прискочила да говорить: «ахъ, Кашеваръ добрый молодецъ! узявъ одинадцать дочь, говорить: а ти будешъ у госьти ко мнѣ ящо?» Ёнъ ёй отвѣтивъ, што буду! Ну й поѣхали. Ѣхали, ѣхали, и выѣжжають на лугъ. Охъ, говорить, братія! отдыхнёмъ, нехай лошади походють по лугу. Ну, пусьтили лошади по лугу, а самы отàборились, зьдѣлали балганьчикъ сабѣ, и отдыхать. Якъ начали лошади битца, дакъ забилися ўси,—одинъ одного позабили уси. А Кашевара, добраго молотца, конь, етый не чапався, и далёко ходивъ отъ ихъ. Тогды стали браты спорить—твой лошадь упярёдъ завёвся! твой лошадь упярёдъ завёвся! Ну, й браты забилися уси, только одинъ Кашеваръ застався, тэй не чапався одинъ. Тогды узявъ братовъ усихъ на бярема, и понёсъ къ рацэ,—ряка тамъ ишла—и ўбросивъ ихъ у ряку̀. Тогды узворотився, узявъ лошадей по два, по два, и тыхъ у рѣку ўнёсъ усихъ. Тогды Кашеваръ пришовъ къ свойму доброму коню, узлёгся на яго и заплакавъ. Ёнъ говорить: „што плачешъ? Ето, говорить, бѣда не бѣда, ще будеть бѣда,—топоръ да плаха, да смѐртна рубаха!“ Ну, тогды ёнъ яго осѣдлавъ, сѣвъ и поѣхавъ на имъ.

Ѣдеть сабѣ дорогой—ляжить пярò, такòя пяро, што ажъ увесь свѣтъ зьяеть. Ёнъ ссѣвъ зъ лошади и бяреть тоя пярò. Конь яму отвѣщаеть: «ахъ, говорить, Кашеваръ, добрый молодецъ! ня рушъ етаго пера, ў етымъ пярѣ вяликая бяда!—будеть табѣ, говорить, топоръ да плаха, да смярѐтна рубаха!» Ёнъ яму отвѣщаеть: «ахъ, говорить, песьсяя мясо! што ты знаешь? говорить: ето, говорить, доброму молодцу привукраса!» Узявъ тоя пяро у кишень и поѣхавъ. Выѣжжаеть на лугъ, зъ лѣсу, сичасъ узявъ, теплушкò расклавъ и ставъ сабѣ коло того тяплà трубку курить. Узявъ тòя пяро и поворачуеть сабѣ, красуетца. Только такъ ето подъ лѣсомъ, недалѐко, помѣщицкій домъ бывъ. Тогды помѣщикъ тамотьки смотрить: што ето за диковина тамъ, што ажъ увесь свѣтъ зьяеть? Якая диковина тамъ? Тогды ёнъ посылаеть писаря туды, къ яму, кабъ отдавъ тоя пяро,—што ёнъ тамъ красуетца зь имъ! Ну ёнъ яму, помѣ-

щикъ, и говорить: што хочешъ, говорить, бяри, только отдай мнѣ ето пяро! Коли хочешъ, половина имѣньня свойго табѣ отпишу, своѐ вотчины. Ёнъ говорить: «што мнѣ, говорить, яго гроши и имѣньня? говорить? Ето доброму молодцу привукраса!» Ну, могъ помѣщикъ туды самъ къ яму оборотитца. «Ну, дай, говорить, Кашеваръ, етая пяро̀,—я тябе съ своей дочарью ожаню!» Ёнъ только тяжко уздыхнувъ, и узявъ и отдавъ тоя пяро яму. Ну, тогды прiѣхали яны *дома*, тамъ ёнъ сколько побывъ у помѣщика у того,—«ну, што жъ, говорить: надо жанитца!» помѣщикъ на яго.—Да, говорить, надо!—«Ну, говорить, жанися!»—Што жъ, говорить, жанитца—у мяне, говорить, ёсь жана, я, говорить, ее приставлю суда! Ну, тогды узявъ свойго добраго коня, и поѣхавъ къ баби, къ вѣдьми. Сычасъ прiѣхавъ, и ў садъ. Тогды якъ улѣзъ у садъ, сичасъ яна идеть, Настася Привокрася. Ёнъ сичасъ схапивъ яѐ за рукў да къ сабѣ на коня, и только й бывъ. Коло вокна застучѣвъ зъ саду. Ахъ! говорить баба вѣдьма. Якъ учула, сычасъ у ступу, тувкачомъ погонять, помеломъ слѣдъ заметать, уздогонъ за имъ, слѣдомъ. Прискòчили къ огнянэй рящэ. Ёнъ хусткой махнувъ—калиновый мостъ ставъ, черезъ ряку перяѣхавъ, зновъ махнувъ хусткой, калиновый мостъ упавъ. Яна у огняную рѣку по заборсни ускочила: «ахъ, Кашеваръ, добрый молодецъ! Узявъ одинадцать дочокъ?»—Узявъ!—«Узявъ Настасю Привокрасю?»—Узявъ!—«А ти будешъ ящо у госьти?»—Буду! говорить.

Ну, привёзъ ёнъ яе суды къ помѣщику, и началй пить-гулять, вcaseлитца. Ну етый помѣщикъ у яе и ўлюбився. Улюбився такъ, што сичасъ и жанитца требуеть. Ну яна говорить: «якъ жа мы жанитца будемъ, винчатца, вясельля гулять, коли ў мяне платьтя нема маткинаго винчалнаго, шо̀вковаго?» Панъ сычасъ на Кашевара добраго молодца: „Кашеваръ добрый молодецъ! говорить: кабъ было̀ такоя и такоя платьтя!“ Ёнъ пошовъ къ коню къ свойму, сычасъ усклавъ на яго головў и заплакавъ. „Што ты плачешъ?“—Посалаеть мяне панъ за платьтямъ винчалнымъ Настаси Привокраси!—„Што жъ, садися на мяне лѣпко, дяржися крѣпко, поѣдемъ!“ Ёнъ сѣвъ на яго лѣпко, держався крѣпко, и полятѣли къ тэй вѣдьми. Сычасъ прилетаеть ёнъ, сычасъ коло ‘кошка зъ лошадя ссѣвъ и коло ‘кошка ходить,—скинувся котомъ чорнымъ. Ну, а ‘кошки расчйниты. Ёнъ сычасъ на ‘кошко. Баба ета вѣдьма узяла яго, голубить: ти не моихъ дочушакъ душа? говорить. Узяла и положила коло сябе спать. Яна заснула, ёнъ подъ подушку, сичасъ ключики узявъ. Бывъ котомъ, ставъ молойцомъ. Узявъ, отомкнувъ скрыню, платьтя тоя узявъ и сычасъ за вокно. И сѣвъ на добраго коня свойго на богатырськаго. И якъ только съ саду полятѣвъ, баба и ўчула. Сычасъ на ступу сѣла, тувкачомъ погоняеть, помеломъ слѣдъ заметаеть, у здогонъ за имъ. Только ёнъ перя-

ѣхавъ огняную ряку, ина туды. И по колѣни у огняную ряку ускочила. „А што, говорить: узявъ одинадцать дочокъ?“—Узявъ!—«Узявъ Настасю Привокрасю?“ —Узявъ!—«Узявъ платьтя винчальная?»—Узявъ!»—А ти будешъ ящо у госьти?“—Буду!

Ну, тяперь, привёзъ платьтя и отдавъ ей. И стали пить, гулять, весялитца. Ну тогды панъ говорить: „будемъ жанитца!“—Якъ жа жанитца? говорить: нѣту жъ у мяне винчалнаго персьня! Тогды требуеть яго панъ. «Ну, Кашеваръ добрый молодецъ! доставивъ ты платьтя, доставъ и персьтень винчальный!» Ну, вышавъ ёнъ къ доброму коню, узлёгся на яго и заплакавъ. Тэй конь яму̀ отвицаеть: «ахъ, Кашеваръ добрый молодецъ! гето не бѣда! Будеть бѣда, топоръ и плаха, и смярётная рубаха. А тяперь, садись на мяне лѣпко, дяржися крѣпко, поѣдемъ за персьнемъ!» Сычасъ поклавъ на яго сядло чаркесьская, войлоки бухарочки, потпруживъ двянадцатимы потпругамы, сѣвъ и поѣхавъ. И сычасъ пріѣжжаеть у садъ, спускаетца, сычасъ котикомъ и скидаетца. Тогды скинувся котикомъ, сычасъ на кошко. Баба змія сычасъ узяла яго,—на ру̀ки бяреть, голубить яго: „гето ти не моѐ дочушки душа?» говорить. Сычасъ на руки бяреть, и на посьтелю съ собой кладеть яго. И у бабы ў роти за щекой золотэй персьтень—тэй. Ну, ёнъ прихитрився, коло яѐ лёгъ и такъ хвостомъ якъ ставъ шаволить коло зубовъ, коло рота—яна спросоньня якъ кашлянула, такъ персьтень и выплюнула. Ёнъ бывъ котокъ, персьтень ухапивъ, да за вокно, и зьдѣлався молойцомъ. Сѣвъ на добраго коня, да драло. Ина прошнулась, да за имъ у здогонъ. По поясъ у 'гняну ряку̀ ускочила. «А говорить, Кашеваръ добрый молодецъ, одинадцать дочокъ узявъ?»—Узявъ!—«Настасю Прикрасю узявъ?»—Узявъ!—«Платьтя винчалная ўзвъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй узявъ?»—Узявъ!—«А ти будешъ ящо у госьти»?—Буду!

Ну, привязли и отдали персьтень тэй, и стали пить, гулять, весялитца. Пили, гуляли, весялилися. «Штожъ, говорить: жанитца надо!» ёнъ загадуеть. Ну яна отвѣщаеть: „штожъ жанитца?—нѣту моихъ свячей винчалныхъ, што мать моя винчалася!“ Ну, панъ стребувавъ Кашевара добраго молодца, и отвѣтивъ, кабъ свѣчи доставивъ винчалныя. Тогды ёнъ вышавъ къ коню и заплакавъ. „Што ты плачешъ?“—Панъ сказавъ свѣчи винчалныя доставить!—„Ну, ето дѣло, не дѣло—садись, поѣдемъ!» Ёнъ засѣдлавъ яго и поѣхали. Опять у садъ и спусьтились. Тогды ёнъ у сади походивъ. Тамъ у сади цэрьква, яе кельня, тамъ пастушокъ за садомъ. Ёнъ къ яму, сычасъ одежу у яго перядѣвъ, и кошалёкъ узявъ, а яму свою отдавъ. Тогды конь яму̀ сказуеть: я скинуся барашкомъ! И ўзвъ, и скинувся барашкомъ: золотая шарсьтинка, сярeбрана, золотэй копытикъ, сярeбраный копытикъ, золотэй рожокъ, сярeбраный рожокъ. И походжують

сабѣ тамъ коло цэрьквы. Якъ повѐрнетца, даъ бочокъ ажно зьяеть. Тогды рабяты услыхали: ай, говорють: што ето за штука такая! И уси вонъ изъ цэрькви, уси до дного. Ну отъ, уси съ цэрьквы выскочили, баба тая выскочила, и уси. А ёнъ сычасъ ускочивъ, свѣчи ухапивъ, да сычасъ у кошалёкъ. Сычасъ идеть барыня. «Барыня, я твой пастушокъ!»—Пожалуста, говорить, поймай мнѣ яго! Ёнъ яго подманіить: барашка, барашка, барашка, барашка! Ды за имъ дальшы идеть. Дальшы отступили,—бывъ барашка, ставъ лошадемъ. Ёнъ тогды хопъ на яго да и нѣту. Баба вѣдьма на ступу, тувкачомъ погоняеть, помеломъ слѣдъ заметаеть, ды ў здогонъ. По груди у вогнянаю ряку ускочила. «Што, Кашеваръ да добрый молодецъ: одинадцать дочокъ зьвёвъ?»—Зьвёвъ!—«Настасю Привокрасю узявъ?»—Узявъ!—«Платьтя винчалная узявъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй узявъ?»—Узявъ!—«Свѣчи винчалныя узявъ?»—Узявъ!—«А ще будешъ?»—Буду!

Ну, тяперъ привязли, отдавъ ёнъ свѣчи. Стали пить, гулять, веселитца. «Ну, будемъ жанитца?»—Нема, говорить, моихъ гуслявъ санoплясныхъ, што моей матцы свадьбу играли! Ёнъ зоветь Кашевара и отвѣщаеть, кабъ доставивъ гусьли саноплясныя. Пошовъ ёнъ къ коню и заплакавъ. «Ну, каеть, не плачь, поѣдемъ! Тольки гляди! лежать яны у скрыни; гляди жъ, говорить, якъ будешъ брать, да сядишъ на лошадь, дакъ кабъ слѣдъ у слѣдъ ступавъ. А ня будешъ слѣдъ у слѣдъ ступать, дакъ яны, говорить, заиграють, яна тябе поймаеть и стратить!» Ну, сѣвъ ёнъ на добраго коня и поѣхали. И 'пусьтилися туды, ў садъ. Скинувся котомъ, скинувся котикомъ, и прямо у 'кошко. Ну, яна ўвидала, сичасъ на рўки узяла, голубить стала. На койцы и спать сь имъ легла. Ина заснула богатырськимъ сномъ, а ёнъ не спавъ; сычасъ ключики съ подъ подушки узявъ, скрыню отомкнувъ и гусьли саноплясныя узявъ, и слѣдъ у слѣдъ ладивъ. Бывъ котомъ, здѣлався молойцомъ, сѣвъ на свойго добраго лошадя, застучѣвъ коло вокна. Ина прошнулася, сычасъ на ступу сѣла, тувкачомъ погоняеть, да ў здогонъ. По пахи у огняпну рякў ускочила. „Ну, Кашеваръ добрый молодецъ, одинадцать дочокъ зьвёвъ?"—Зьвёвъ!—«Настасю Привокрасю ўзявъ?»—Узявъ!—«Платьтя винчалная узявъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй ўзявъ?»—Узявъ!—„Свѣчи винчалныя узявъ?»—Узявъ!—«Гусьли саноплясныя узявъ?»—Узявъ!—«А ще будешъ?»—Буду!

Привёзъ ёнъ гусьли, отдавъ. Стали яны пить, гулять, веселитца, у гусьли саноплясныя играть. Тутъ бида такая, што... Гульбища подняли! Пьють, гуляють, веселятца. Тоды панъ: ну, будемъ жанитца!—Якъ жа намъ жанитца, коли нѣту, говорить, тыхъ лошадей, што моя мать къ вянцу ѣздила! Требуеть панъ Кашевара добраго молодца. „Ну, говорить Кашеваръ добрый молодецъ! не доставишъ коней, будеть табѣ топоръ да

плаха, да смярётная рубаха!". Заплакавъ ёнъ, пошовъ къ коню. Конь яму отвѣшаетъ: «бяри ты три пуды пяньки, три пуды смолы и три кожи, и усмаляй мяне и укручай, кабъ мяне кобылица ня спортила, мать. „И бяри, говоритъ, съ собой булаву свою и би мяне, говоритъ, не жалѣй!" Ахъ, конь мой! говоритъ: якъ жа мнѣ тябе битъ, што ты мяне такъ вызволяешъ?—«Ну, говоритъ: нужды нѣтъ, а би мяне, говоритъ, якъ сила твоя!» А яна значитца, кобыла, отъ батьки отъ яго знова къ вѣдьми досталася, и тыхъ усихъ позворотила, што у рѣку побросавъ. Ну, ёнъ узявъ три пуды пяньки, три пуды смолы, укрутивъ яго, обсмоливъ, поклавъ на яго сяделцо чаркесьская, войлоки—бухарочки, сѣвъ и поѣхавъ. Прискочили къ конюшни. Якъ почавъ ёнъ яго битъ тамъ, якъ ставъ ёнъ вищѣтъ, ирзатъ!.. Ну, якъ учула кобылица, якъ стала двери ломатъ у конюшняхъ, да якъ выскочила, якъ шарпнула, дакъ рядъ смолы, рядъ пяньки и кожу вырвала, стащила. Тогды другей разъ якъ шарпнула—ще рядъ пяньки, рядъ смолы и кожу доловъ! Третьтій разъ тольки хотѣла,—а ёнъ хлопъ на *яс*, и ускочивъ Кашеваръ добрый молодецъ, и давай *ее* булавой битъ. Яна й полятѣла. Двери поразломали уси, и жерябцы за ѐй. Баба вѣдьма учула, сѣла ў ступу и у здогонъ. Якъ лятѣла, по шыю у вогняну рякў! «Ахъ, говоритъ, Кашеваръ добрый молодецъ: одинанцатъ дочокъ зьвёвъ?»—Зьвёвъ!—„Настасю Прикрасю узявъ?"—Узявъ!—«Платьтя винчальная узявъ?»—Узявъ!—«Персьтень золотэй узявъ?»—Узявъ!—«Свѣчи винчальныя узявъ?»—Узявъ!—«Гусьли саноплясныя узявъ?»—Узявъ!—«Лошадей моихъ винчальныхъ узявъ?»—Узявъ!—«А ти будешъ ящо?»—Нѣ, чортъ къ табѣ нехай будетъ! И поѣхавъ на кобылицы.

Привёвъ кобылицу, панъ и выходитъ—и радъ, якъ ни съ чаго. Сичасъ и свадьба будетъ, усё подоставлявъ! думаетъ. Кобылу сичасъ на конюшню, а конь Кашевара добраго молойца стоитъ сярёдъ двора. Ну, говоритъ, Кашеваръ добрый молодецъ! ступай на кухню, зъ дороги, говоритъ, отдыхни!

Тольки ёнъ ступивъ на кухню, а кухаря сычасъ за яго—головў на колодку, отрубили, и порубили усяго на дробныя штуки, и ў котёлъ, у молоцэ изварили, и узяли, собакамъ оддали. Ну, собаки й поѣли. Тогды конь стоитъ на днымъ мѣсьти; никуды ня йдетъ. А яны пъютъ, гуляютъ. Скольки яны тамъ пили, гуляли, и весялились, и стало ёй, Настаси Привокраси, скушно. Зирнула у вокно, убачила етаго коня, и выходитъ къ яму, къ коню, и спрашіетъ у яго: „што, говоритъ, конь мой! што ты говоритъ, сосмутився, стоишъ?» У яго слёзы посыпались, у лошадя, якъ бобъ, изъ глазъ. Ина говоритъ: «ахъ, Господи, говоритъ: скольки страждавъ, и тяперь ничого ня пъешъ, не яси!" Узила платокъ, и стала яму слёзы вытиратъ. Обтираетъ лошадю слёзы и яна слязмы дужа залилась. И лошадь у яе спра-

шіе̄ть: коли ты яго жалѣешъ, вѣрно яму присягала, иди, говорӣть, приняси мнѣ уси косточки, собяри мнѣ и положи передо мною! Ина пошла собира̄ть еты косточки, по углѐхъ, по сметьнищахъ, по полю—собрала уси, однаго палца мѣзиннаго нема. «Иди, говорӣть, шукай!» Ина пошла, найшла той палецъ, принесла и положила тамъ перядъ имъ, перядъ лошадью. Лошадь разъ дыхнувъ,—ёнъ соснувався, другѐй разъ дыхнувъ—зашаволѝвся, третьтій разъ якъ дыхнувъ—дакъ ёнъ ускѐчивъ. «Охъ, говорӣть: заснувъ жа я богатырськимъ сномъ крѣпко!»—Нѣ, говорӣть: т̄ябе страчено было! И ёнъ тѐ бывъ пригожъ, а то щѐ попригожѣвъ—дужа красивъ ставъ: што ни ў казцы сказа̄ть, и ни въ умѣ показа̄ть. Т̄яперь яна узяла, обняла яго, поцаловалися, и повялà у комлаты. И стали пӣть, гуля̄ть, весялитца. Ну ёнъ, тэй панъ, якъ убачивъ, што ёнъ дужа красивъ ставъ, такъ сичасъ бросився на кухню и сичасъ на кухарей закричавъ: рубі̄тя, говорӣть, мяне на мелкія штуки, сичасъ у котѐлъ укиньт̄я! Ну, узяли, порубили, у молоцэ зварили, собакамъ оддали. Собаки и поѣли. И пропавъ умѣсто собаки. А Кашеваръ изь ѐй у тымъ имѣньни и остався. И живе̄ть. И я тамъ бывъ. Да што жъ, коли мнѣ ничого не попало!—Мёдъ-вино давали, правды.

Высоковская вол. орш. у. Отъ кр-на Якова Игнатова, 76 л. негр.

40. Настася Прикрася.

Нѣўкоторомъ царстьви, нѣўкоторомъ государстьви, жывъ сабѣ царь, и ў яго были два сыновьѝ. Вотъ сыны етыя просю̄ть у вотца благословенія ѣхы̄ть у сьвѣ̄тъ, шука̄ть сабѣ подруги, отцу дорогого подарка. Яны якъ поѣхыли у сьвѣ̄тъ, дыкъ ѣзьдю̄ть семъ лѣтъ, ящо и т̄яперь ихъ нѣ̄тъ. Вотъ на сёмая лѣто нарòдився у яго ящо сынокъ. И ни расьтѐ̄ть ёнъ по годахъ, да расьте̄ть ёнъ по чысахъ, ни по чысахъ, да по минутахъ. И етый задумавъ сабѣ ѣхы̄ть у сьвѣ̄тъ, шука̄ть сабѣ подруги, отцу дорогого подарка. Отъ ёнъ сѐдючы ли вокна задумався, а бабка иде̄ть ды й спрашыӣть у яго: Иванъ, говорӣть: я знаю, говорӣть, твоѐ мысьли, объ чомъ ты думыишъ! Ёнъ усѐрдився на яѐ: якъ можы̄ть хто зна̄ть моѐ мысьли, объ чомъ я думую! Отъ ёнъ ету бабку, выскочывъ, догнавъ, да по потылицы разы съ три задѐвъ. Ета бабка заплакувшы ды й пошла. Ёнъ назадъ вярнувся у комнату, сѣвъ и раздумувся: што за што я ету бабушку разобидивъ? Пойду, пирипрошу ету бабушку! Сычасъ забѣгъ и ставъ просӣть ету бабушку: што просьт̄и мнѣ, бабушка, ето, што я т̄ябе разобидивъ! Скажы мнѣ: объ чомъ ты моѐ мысьли знаишъ, што я думую?—А ты думаишъ жанитца!.. Тольки, у мяне ни спросёмшысь, ня 'жэнисься! —Ну якъ жа, бабушка, ты мнѣ совѣ̄тъ прикладѐшъ?—Ёсь у

гдроди Слиснйщи и пасе̃ть пастухъ лоша̃дей на смятьнйщи. Ежыли табѣ батюшка тую лоша̃дь покупаи̃ть, ты можашъ на ёй ѣхыть жанитца!.. Ёнъ сычасъ проси̃ть свойго батюшку: што я хочу у сьвѣтъ ѣхы̃ть, шука̃ть сабѣ подруги, отцу дорогого подарка! И поижжайтя, батюшка, у городъ Слиснйща, и покупайтя мнѣ тую лоша̃дь, што тамъ пасе̃ть пастухъ на смятьнищи!—Батюшка сычасъ поѣхувъ у городъ Слиснища. Ажно етый пастухъ пасе̃ть лоша̃дей на смятьнищи. Ёнъ спрашыи̃ть: што табѣ, пустушокъ, за ету лоша̃дь? А ёнъ отвищаи̃ть: сто рублей! А ёнъ яму отвищаи̃ть: я за яѐ трёхъ копѣикъ ни дамъ, ни то сто рублей, за ету лоша̃дь. И пріижжаи̃ть домой узадъ. Сынъ спрашыи̃ть: папинька, ти купили мнѣ лоша̃дь? А ёнъ отвищаи̃ть: што ина дорогà, ина ня стои̃ть тые цэны у тре̃ть доли! А ёнъ отвищаи̃ть: што, батюшка, какъ хотитя, —нятмѣнно купитя мнѣ ету лоша̃дь. Батюшка ни хотѣвъ яго серди̃ть, опя̃ть поѣхувъ. Узновъ спрашыи̃ть: што табѣ за ету лоша̃дь?—«Двѣсьтя рублей!» Поля̃дѣвъ, поля̃дѣвъ, што ина ня стои̃ть, ёнъ опя̃ть ня купивъ етыя лоша̃ди. Узновъ пріѣхувъ бязъ лошади. Ёнъ спрашыи̃ть: што папинька, покупили вы мнѣ лоша̃дь, ти нѣ?—Нѣ, говори̃ть, сынокъ: ина дòрога, ина ня стои̃ть етый цанỳ и тре̃ть дажы. Ёнъ яму у ноги поклонився: батюшка, говори̃ть, мой ро̃димый: штò скажы̃ть, тò плати̃тя, ни жалѣйтя дени̃хъ, тольки купитя мнѣ ету лоша̃дь. Ёнъ у третьтій разъ поѣхывъ купля̃ть. Ёнъ у третьтій разъ пріѣхывъ и спрашыи̃ть: што табѣ за ету лоша̃дь?—«Триста рублей!» Ёнъ узявъ, триста рублей выкинувъ, а лоша̃дь узявъ. Отъ ёнъ приводи̃ть ямỳ ету лоша̃дь, и ёнъ поклонився яму у ноги за ету лоша̃дь, и прòси̃ть благословенія у батюшки: благослови̃тя мяне, батюшка,—хочу я у сьвѣтъ ѣхы̃ть, шука̃ть сабѣ подруги, а вамъ дорогого подарка. Батюшка яго благословивъ, ёнъ и поѣхывъ на своей лоша̃ди. Выѣхывъ тольки зъ города, дыкъ лоша̃дь силно устала. Отъ ёнъ, лоша̃дь, отвищаи̃ть яму чаловѣчыцкимъ голосомъ: „эй, Иванъ, пусьти мяне позною росою похо̃ди̃ть, а ранною выкачатца!» Ёнъ яе пусьтивъ. Ина позною росой похо̃дила, ранною выкачалась. Ёнъ урàньни уставъ, свиснувъ, ляти̃ть яму лоша̃дь яго,—вотъ лошадь ляти̃ть, ажъ зямелюшка ўся подъ ёй дрыжы̃ть. Нука, Иванъ, говори̃ть: садись на мяне, да дя̃ржысь покрѣпчы за мяне. И якъ тябе несьтъ: вышы лѣсу стоячаго, ти вышы òблокъ хо̃дячыхъ? Ёнъ каи̃ть: няси мяне вышы лѣсу стоячаго! Якъ поднилà ина яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидавъ домъ. И кругомъ етаго дому, парканъ хорошый обгороджанъ, и стовпъ поставлинъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можы̃ть церизъ етый парканъ пирискòчы̃ть и къ кольцу лоша̃дь привиза̃ть, тэй можы̃ть Прикрасную Настасю ўзя̃ть! Отъ ёнъ якъ ти̃скану̃въ свою добрую лоша̃дь, ета такъ и пиригорѣла церизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лоша̃дь привизавъ и у комлаты ускочывъ, и ногой топнувъ:

здраствуй, бабка! Тамъ бабушка жыла. «Подай попить, поѣсьть!» А ина яму отвищаить: здраствуй, говорить, молойчыкъ, ты хочышъ нашу Прикрасную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсьть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Отъ ёнъ ету лошадь у яе на конюшни кинувъ, а яе получывъ сабѣ. Сѣвъ на ету лошадь, ета лошадь отвищаить чаловѣчыцкимъ голосомъ: якъ тябе, Иванъ, нѣсьти: вышы лѣсу стоячаго, ти вышы болокъ ходячыхъ?—Няси вышы лѣса стоячаго! Якъ поднила ина яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидивъ другій домъ. Увидивъ другій домъ, и пусьтився понижы. И стоить стовпъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можыть церизъ етый парканъ пирискочыть и къ стовпу лошадь привизать, тэй можыть Прикрасную Настасю узять! Отъ ёнъ якъ тисканувъ свою добрую лошадь, ета такъ и пиригорѣла церизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадь привизавъ и у комлату ускочывъ, и ногой топнувъ: здраствуй, бабка! Тамъ тожа бабушка жыла. «Подай попить, поѣсьть!» А ина яму отвищаить: здраствуй, говорить, молойчыкъ, ты хочышъ нашу Прикрасную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсьть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Отъ ёнъ и ету лошадь поставивъ на конюшни, а тую яе получывъ узновъ. Сѣвъ на ету лошадь, ета лошадь отвищаить, тожъ чаловѣчыцкимъ голосомъ: якъ тябе, Иванъ, несьти: ти вышы лѣсу стоячаго, ти вышы болакъ ходячыхъ?—Няси вышы лѣсу стоячаго! Якъ поднила яна яго вышы лѣсу стоячаго, такъ ёнъ увидивъ третьтій домъ. Увидивъ третьтій домъ и спусьтився понижы. И стоить стовпъ, и кольцо прибито. И на стовпѣ написано: хто можыть церизъ етый парканъ пирискочыть и къ кольцу лошадь привизать, тэй можыть Прикрасную Настасю узять! Отъ ёнъ якъ тисканувъ свою добрую лошадь, ета такъ и пиригорѣла церизъ парканъ. Ёнъ къ кольцу лошадь привизавъ и у комлаты ускочывъ, и ногой топнувъ—здраствуй, бабка! Тамъ тожа бабушка жила. «Подай попить, поѣсьть!» А ина яму отвищаить: здраствуй, говорить, молойчыкъ, ты хочышъ нашу Прикрасную Настасю узять?—Тошно такъ, бабушка,—хочу! Отъ ина дала попить яму, поѣсьть. «И станови жъ ты свою лошадь у мяне на конюшни, а мою получай сабѣ!» Ёнъ свою лошадь оставивъ на конюшни, а яе узявъ. Якъ поднявся вышы лѣсу, такъ увидивъ, што стоить домъ золотэй. Отъ ёнъ подъижжаить подъ етый домъ, къ кольцу лошадь привизавъ, и снудитца у комнаты итить. Лошадь отвищаить чаловѣчыцкимъ голосомъ: „эй, Иванъ! ты, говорить, ни спросёмшысь у мяне, ни кидайся! А иди, говорить, управо бярися, якъ ня можно, управо: одинанцать комлатъ пярейдишъ, а у двинанцатой ина будить спать. Дакъ ключы забирай у ёй поскорѣй!»

Отъ ёнъ пошолъ, ходивъ, ходивъ—ни найшовъ яе нійдѣ. Опять при-

ходитъ къ лошади: нима, говоритъ, нiйдѣ!—«А забирай управо, ўсё управо!» Ёнъ ходивъ, ходивъ, нашовъ. Бѣлъ сьнѣгъ, милъ сьвѣтъ, ну красивѣй яе у сьвѣти нѣтъ. Ина уснула богатырськимъ сномъ. Ёнъ забравъ подарки тамъ якiя, и ключы забравъ. Ина крѣпко уснула богатырськимъ сномъ, и ёнъ грѣхъ зь ей помѣвъ, ина и ни чула. Ёнъ приходитъ къ лошади. А лошадь и ўвознала. Лошадь отвищаитъ: «эй, Иванъ, говоритъ: глупо зьдѣлавъ, говоритъ: полизай у ряку̀ обмавайся!» Ёнъ полѣзъ. Мывся, мывся, сѣвъ на яе,—«нѣтъ, тяжолъ, полизай обмавайся у другей разъ!» Ёнъ мывся, мывся, сѣвъ на яе—нѣтъ, тяжолъ!—Иди, ще мыйся. Ёнъ пошовъ, помывся. А ключами, што ў яе узявъ, яны каминныя конюшни позамкнули. Отъ ёнъ, каминныя конюшни позамкнувшы, и сѣвъ, на ету свою лошадь. Лошадь якъ тисканувъ, лошадь якъ прыгнула церизъ етый парканъ, такъ кольцо чиркanувъ копытомъ. Якъ чиркaнула ета лошадь кольцо, ина очнулася и узнала—што бывъ госьть у яе и грѣхъ помѣвъ. «Бывъ госьть, да ни увыйдѣшъ!» говоритъ. Ина сычасъ крикнула: быгатыри, подать лошадей! Отъ ёнъ покамисьть замки пулумавъ, да каминныя конюшни пулумавъ, лошадей подостававъ, а ёнъ ужэ троху проскочывъ. Тольки чўступитъ ета лошадь подъ имъ, што ина натискуитъ. Ета лошадь отвищаитъ: Иванъ, пишы на зялёномъ дуби: хто можытъ етаго дуба ссѣчъ, и зрубитъ, и спалитъ, тэй можытъ злочынца поймать! А ў бабы волосъ дòвигъ, а вумъ коротокъ, ина займетца коло яго! Ну, ина и видила, якъ ёнъ шаволився коло етаго дуба. Ина подъѣхыла къ дубу, ажны на имъ тёска дадина, и написано: хто можытъ етаго дуба ссѣчъ и зрубать, и спалитъ, тэй можытъ злочынца поймать! Отъ ина занилась етаго дуба сѣчъ, рубать и палитъ, а ёнъ прискочывъ къ етой старусцы, первой: дай, говоритъ, бабушка, дай мою лошадь, говоритъ, а на̀ твою! Ина яму отвищаитъ:—сядь ка, говоритъ, попи, поѣжъ! Ёнъ говоритъ: неколя, бабушка! Ёнъ сычасъ лошадь ету схватнвъ, да й поѣхывъ, а ету кинувъ у яѐ. Ина сычасъ прискочыла къ етый баби: старая вѣдьма! говоритъ: сядишъ, хлѣбъ мой ясй, а ня можашъ злочынца поймать сѣдючы тутъ?—Нѣ, говоритъ, Прикрасная Настася: я гнàлася, лошадь свою пиригнала, и ни догнала! Ина на конюшню, посмотрѣла—лошадь подъ крывавой пѣной стоитъ. Ина говоритъ: браво, говоритъ, старуха! Опять узновъ и полятѣла услѣдъ за имъ, натискавать яго. Узновъ жа также лошадь отвищаитъ: Иванъ, пишы на зялёномъ дуби: хто можытъ етаго дуба ссѣчъ, и зрубитъ и спалитъ, тэй можытъ злочынца поймать! А ў бабы волосъ дòвигъ, а вумъ коротокъ, ина займетца коло яго! Ну, ина и видала, якъ ёнъ шаволився ли етаго дуба. Ина подъѣхыла къ дубу, ажны на имъ тёска дадина и написано: хто можытъ етаго дуба ссѣчъ, и зрубитъ, и спалитъ, тэй можытъ злочынца поймать! Отъ ина занилась етаго дуба сѣчъ,

рубаѣтъ и палитъ, а ёнъ прискочывъ къ етой старусцы, уторой: дай, говоритъ, бабушка, дай мою лошадь, говоритъ, а на̀ твою! Ина яму отвищаитъ: сядь ка, говоритъ, попи, поѣжъ! Ёнъ говоритъ: неколи, бабушка! Ёнъ сычасъ лошадь ету схвативъ да й поѣхывъ, а ету кинувъ у яѐ. Ина сычасъ прискочыла къ етый баби: старая вѣдьма! говоритъ: сядишъ, хлѣбъ мои ясй, а ня можашъ злочынца поймать, сѣдючы тутъ?—Нѣ, говоритъ, Прикрасная Настася: я гналася, лошадь свою пиригнала и ни догнала! Ина на конюшню посмотрѣла—лошадь подъ крывавой пѣной стоитъ. Ина говоритъ: браво, говоритъ, старуха! Опять узновъ и полятѣла услѣдъ за имъ, натискаватъ яго. Узновъ жа лошадь отвищаитъ: Иванъ, пиши на зялёномъ дуби: хто можытъ етаго дуба ссѣчъ, и зрубитъ, и спалитъ, тэй можытъ злочынца поймать! Ёнъ написавъ и поѣхывъ. Пріижжаитъ къ третьтій старуси. Тая дала яму попитъ, поѣсьтъ; а ина услѣдъ усё. Попивъ ёнъ, поѣвъ, узявъ свою лошадь и поѣхывъ: ты, говоритъ, тяперь и на своей лошади увойдѐшъ! Отъ, ёнъ сѣвъ на свою лошадь и помаленьку поѣхывъ ужо. Ина прискàкыитъ къ третьтій старуси. Старая вѣдьма! говоритъ: сядйшъ, хлѣбъ мой ясй, а ня можашъ злочынца поймать, сѣдючы тутъ?—Нѣ, говоритъ, Прикрасная Настася: я гналася, лошадь свою пиригнала, и ни догнала! Ина на конюшню посмотрѣла—лошадь подъ крывавой пѣной стоитъ. Ина говоритъ: браво, говоритъ, старуха! И опять за имъ у догонъ. Отъ ёнъ видитъ, што ина ни далёко наижжаитъ, отъ ёнъ шапку знявъ и отвищаитъ ей: прощай, Прикрасная Настася! якъ табѣ у поли вѣтра ни поймать, такъ табѣ мяне ни поймать! А самъ шарахъ подъ нибиса на своей лошади! А ина яму отвищаитъ тольки: што жджи жъ ты мяне чирязъ годъ съ рябёнкымъ! и вярнулася назадъ.

Отъ ёнъ, скольки ёнъ ўремя проѣхывъ, стомився, и на низъ опусьтився. И ляжытъ каминь огромный дужа, што хоромины ў три али ў чатыри каминь. Отъ ёнъ сичасъ на каминь головў поклавъ и лёгъ одыхатъ. И заснувъ быгатырськимъ сномъ; а конь ли яго стоитъ. А яго тыхъ два брата ѣзьдили, ѣзьдили и воротилися назадъ. И пупàли яго на камни на етумъ. Отъ яны давай искать, нашли у иго дорогей подарыкъ, и бялетъ нашли, узнали, што ето братъ ихъ рòдный. Удругъ одинъ говоритъ: ну што, братъ: мы яго загубимъ! Якъ намъ ѣхытъ къ отцу,—што мы ѣзьдили семъ лѣтъ и ничого ни вязёмъ, ну ёнъ семъ лѣтъ, акъ родився и такія подарки у яго есьтъ!—А другій говоритъ: нѣ, говоритъ, жалко, говоритъ, свое крывй губитъ, а мы лучч ы етый каминь подымимъ, а подъ имъ продоньница на тэй сьвѣтъ! Нехай туды идѣтъ! Жывъ будитъ, нихай зъ Вогомъ жыветъ, я забьетца, Богъ сабѣ тамъ изь имъ! Ну, яны каминь подьняли, и ўкинылн яго у продоньницу. Подарки забрали, а лошадь не далася. Отъ ёнъ туды звалився и ня чустувавъ—тамотьки ще спавъ.

Прошнувсь ёнъ, сичасъ яму пить захотѣлось. И пошовъ ёнъ шукать:—разьви тутъ людей нима? идѣ нѣбудь да найду водицы попить, говорить. Якъ итить, дыкъ итить, якъ итить, дыкъ итить, якъ итить, дыкъ итить—хатку нашовъ. Ёнъ заходить у ету хатку, ажну тамъ старуха. Ёнъ уходить у хатку: здраствуй, бабушка! А яна отвищаить:—здраствуй, молодицъ. —Подай ты мнѣ, бабушка, водицы попить!—Нѣ, говорить, молодѣцъ: поѣсьть дамъ, а водицы нѣ!—Объ чимъ жа такъ, говорить, бабка?—А вотъ, царськыю дочъ зьмѣю объ двинанцати гылывахъ на вужанъ привязуть, ёнъ яе зьѣсьть, тады отомкнетъ усѣ ключы, пусьтить усю воду. А тяперь позамкнувъ усюдахъ воду—ни дасть нійдѣ никому! А ёнъ у яе спрашыить: бабушка, говорить: а куды жъ яе привязуть, ету царевну? А вотъ къ морю, говорить къ тому и тому беригу, тоя и тоя мѣсто! говорить. Отъ ёнъ сычасъ и отправився, стый Иванъ, къ тому мѣсту. И сѣвъ тамъ за кустомъ нѣйди. Сычасъ цыганъ привёзъ царевну; отпрёгшы лошадей, царевну у повозцы кинувъ, а самъ лошадей забравъ, да у лѣсъ. Да й узлѣзъ на зялёнаго дуба—ужо глядѣть, якъ будить етый зьмѣй ету царевну ѣсьть. А етый Иванъ подходить къ ёй. Ина сичасъ убачыла, заплакала, ета царевна: што пущай жа я, говорить, по няволи сюды привѣзина, а ты, добрый молодѣцъ, чаго сюды зайшовъ: ти по хоти ти по няволи?—Я самъ, говорить, ни знаю—ли я по хоти, ли по няволи!—потому ёнъ сонный бывъ. Ну, мяне, говорить, зьмѣй зьѣсьть, ёнъ и тябе зьѣсьть! А ёнъ отвищаить: моить, подавитца! говорить. Натка ты у мяне, говорить, у головахъ пойщи малосьть! Ина стала йскать, и отдала яму своё кольцо имяннэя. А ёнъ говорить: ногды я у тябе на колѣнкахъ засну, а ёнъ прибудить, дыкъ ты мяне узбудить ня узбудишъ, а колни мяне палцомъ у воко! Вотъ ёнъ и заспувъ у яе на колѣнкахъ. Ина видить, што моря волнуитца, зъ моря узымаитца ужо нячыстая сила, дакъ ина заплакыла. Слиза у яе капнула яму на щаку. Ёнъ здрыгнувся, ажъ зимля сколыхнулыся подъ имъ: якъ ты мяне, говорить, обжигнула! Отъ ёнъ сычасъ оявляитца. «О, говорить: коли подномъ присалавъ, а то разомъ двохъ! Будить чымъ повячэрять! «А Иванъ говорить: ето нязвѣстно, говорить: можа й одного ни зьяси, подавись! говорить. А ти ты Иванъ?—Я!—Ну, што жъ: ти пришовъ битца, ай миритца?—Нѣ, нячыстая сила: пришовъ я битца съ тобой! И стали воюватца: ёнъ яму шэсь головъ знявъ зъ разу, 'пять узновъ размахнулися—ёнъ ящо шэсь знявъ. Тады повырвавъ у яго уси дванапцать языковъ изъ головъ, и къ повозцы якъ ударить, дыкъ яны и прирастутца, уляпивъ усихъ дванапцать у повозку. И пошло воды усюдахъ достатошно. Тады сказыить: ну, прощай, сударыня, покамись мы съ тобой побачамся! Ёнъ отправився къ етый старуси, а цыганъ зьлѣзъ зь зялёнаго дуба и запрёгъ лошадей и

ўвозить царевну у лѣсъ. И ванимаить ножъ и говорить: присягни, што я тябе ритувавъ отъ зьмѣя и будишъ мнѣ жана; а ни присягнешъ, дакъ я тябе усё ровно загублю тутъ! У страха вочы вялики, ина комъ зямли зьѣла пирядъ имъ,—што смерть конёшня усякому страшна. Ну, и отправились яны ужо къ батьку. Царь якъ увидавъ, што ёнъ яѐ вязеть, дыкъ ёнъ ни знавъ, куды етаго цыгана принимать, якъ яго благотворить. А я, говорить, ничого ни жалаю, я хочу зъ вашай дочарью одружытца, ли того, што я иѐ спасъ! Отъ, царь спрашыить: якъ жа ты яго, говорить, забивъ? А ёнъ отвищаить: узьлѣзъ на зялёнаго дуба, якъ пусьтивъ зъ дуба сякирдю, дакъ отразу двананцать головъ сьсѣкъ! Отъ ёнъ сычасъ, ня довго думаючы, ужо свадьбу гулять.

А Иванъ етый ужо дыгадався, што у ихъ свадьба, говорить: пойдутка я къ вашаму царю на свадьбу! Отъ, идеть ёнъ по вулицы, ажъ дѣти зьдѣлыли скрипучку ти зъ лучынки, ти сь чаго тамъ, и обронили. Вотъ, говорить: што къ свадьби треба, то я й нашовъ! Отъ ёнъ приходить къ царю, ажъ тамъ пулкувая музука ужэ рѣжыть. Господа музуканты, говорить: ти ни позволитя мнѣ поиграть? А царь говорить, видить, што ня зьдѣшный чаловѣкъ: мы бъ и рады, колибъ хто поигравъ! говорить. Отъ, сыйчасъ ёнъ якъ зайгравъ, дакъ скольки тамъ було музукантувъ, нихто проти тыя музыки ни поправитца, якъ ёнъ у тую скрипучку зайгравъ—сўпроти яго. Отвищаить царь яму: што ты жалаишъ изь мяне свадьбу мнѣ саграть етыкъ?—А ёнъ отвищаить: ничаго ни жалаю, тольки 'тъ вашый дочари стаканъ вина выпить! Ну, ёнъ сычасъ и посалаить дочъ, кабь ина выписла стаканъ вина. А цыганъ ужо сядить изь ей и ни пускаить—ой, говорить: ты тяперь много пругожыхъ найдишъ, да молодыхъ! Ина сычасъ высалаить дѣвкой стаканъ вина. Отъ ёнъ стаканъ вина выпивъ, а кольцо имяннόя зьдѣвъ, да ў стаканъ тихынько, кабь дѣвка тая ня видила: няси, говорить, и пиридъ царевной поставъ стаканъ етый! Ина поставила пиридъ царевной стаканъ етый, а царевна якъ зирнула—яе кольцо имяннόя у стакани. Вотъ ина говорить: батюшка мой родимый: ня ёнъ мяне ритувавъ, етый цыганъ, а тэй, што играить у ету скрипучку. А етый ужо цыганъ отвищаить: да, ина тяперь хорошыхъ и пругожыхъ и много найдить. Вотъ Ивана гукнули. Ёнъ у цыгана спрашыить: а ёсь жа у тябе примѣта, когда ты ритувавъ?—А якъ жа, говорить: ёсь у мяне, говорить, двананцать языковъ у повозцы улѣплино! Да!—Ну, когда жъ ты ихъ ляпивъ, попробуй ты ихъ и вырвать. Ёнъ ирвавъ, ирвавъ, ничого ня зьдѣлавъ! Ёнъ тогды крикнувъ: подайти-тка клящей! И клещами ня вырвавъ, ниякъ ничого ня зьдѣлавъ. Отъ ёнъ, Иванъ етый, якъ хватить языкъ да яму у морду!—обвѣсивъ цыгана етаго якъ чысами, усяго чысто. Такъ сычасъ яго царь узявъ, къ коньскому хвосту при ви

завъ и пусьтивъ у чыстая пбля, цыгана. А на Ивана на етаго говорить: Иванъ, говорить, я хочу тябе съ своей дочкую одружыть! говорить. А ёнъ отвищаить: я, говорить, ужо одружонъ, мнѣ нильзя! Вотъ ина на совѣтъ къ сабѣ яго гукнула. «Ну, ня хочышъ жа ты, Иванъ, со мной дружытца_ што жъ ты, говорить, жалаишъ?“—А я, говорить, што жалаю: штобъ вы мяне на тэй сьвѣтъ вынясьли. Вотъ ина яму отвищаить:—я табѣ совѣтъ, говорить, прикладу! Ёсьть у мойго батьки козёлъ трирогій, што на тэй сьвѣтъ литаить. И скуй двинанцать прутовъ жалѣзныхъ по двинанцать пудовъ, и штобъ мой батюшка ня вѣдывъ. И якъ сядишъ на етыго козла, дыкъ би яго мижъ вушэй. Одинанцать прутовъ собъёшъ, а двинанцатый прутъ якъ останитца, дакъ саджаній, штобъ скрозь рёбры проскочывъ! Дакъ ёнъ тябе на тэй сьвѣтъ вынисить. Отъ, царь спрашыить: ну, Иванъ, говорить: скажы мнѣ: што ты за свою службу жалаишъ, што ты ня хочышъ зъ моей дочарью одружытца?—А вотъ, ничого ни жалаю, тольки, говорить, жалаю, кабъ вы мяне на тэй сьвѣтъ вынясьли. Ну, говорить: ни ли кого бъ я такой службы ни сослужывъ, ну якъ ты ли мяне служывъ, то и я ли тябе сослужу. Отъ ёнъ скувавъ двананцать прутовъ жалѣзныхъ по двананцать пудовъ, сѣвъ на козла и поѣхывъ. И потуль бивъ мижъ вушъ. покуль зьбивъ одинанцать прутовъ, а двананцатымъ якъ саджанувъ, дакъ ёнъ якъ давъ рогами у тэй каминь, дыкъ каминь у гору поднявся. Яны выскочыли—ёнъ соскочывъ, а козёлъ опять назадъ загримѣвъ туды.

Лошадь яго ужо стощала, стоючы. Потому скоро ето кажытца, да ня скоро дѣитца,—можа ето и довгая уремя дѣилося. «Я ўжо, говорить, тябе ждала, ждала, ды ўжо и жданочки поѣла ждўчы! Ну, говорить: пусьти-ка мяне позною росою походить, а ранною выкачатца». Отъ ёнъ яе пусьтивъ. Ина позной росой походила, ранной выкачалась. Ёнъ ураньни уставъ, свиснувъ!—лятить яму лошадь яго, ажъ зямѐлюшка ўся подъ ей дрыжыть. «Ну, говорить: садись на мяне поляхчэй, да дяржысь покряпчэй! И якъ тябе несьть: вышы лѣсу стоячыго, ти вышы облокъ ходячыхъ?»—Няси мяне вышы лѣсу стоячыго! Ёнъ поднявся вышы лѣсу стоячыго, и понёсъ, покамись ёнъ свой домъ увидивъ ойцовській. Опусьтився ёнъ на низъ, а лошадь свою пусьтивъ у заповѣдныя луги, хорошыя.

А йна ўжэ, Прикрасная Настася, выстроила дворъ у питьдисятъ вёрстъ отъ батькинаго двора, и зылотая мосьница да сяребриная, зылотэй слупъ ды сяребриный.

Ёнъ сичасъ приходить биз ничагд! Батька усердився, што тыя сыны дорогея подарки привязьли, а ёнъ ѣздивъ, ѣздивъ, и ничого ни привёзъ,—и сычасъ яго у тямницу заперъ.

А ина ужо увознала, што ёнъ узворотився къ отцу. Сычасъ письмо

преть, кабъ Иванъ бывъ икъ ёй. Удругъ бо̂льшый братъ говорить: «батюшка, ето за мной шлеть!» Одѣвся хорошо и поѣхывъ. Тольки ёнъ ѣдить къ ёй, а сынокъ яе выскочывъ и говорить: мама, говорить: батюшка ѣдить!—Нѣ, говорить, ни батюшка, а дядюшка ѣдить! Вотъ ёнъ прилятѣвъ: здраствуй, говорить, сударыня!—А здраствуй, говорить, шурьякъ! Ну, што жа ты пріѣхывъ ко мнѣ?—А я пріѣхывъ съ тобой одружытца! —Ну, говорить, быгатыри: одружытя иго, кабъ тольки мякинькыго пысадить ны коня!... Отъ, якъ дали, дакъ чуть жыво̂го уссадили ны коня. Ды по коню, и прогнали.

Такъ удругъ ина письмо и преть: кабъ бывъ Иванъ икъ ёй. Сярэдьній братъ говорить: ето ина за мной шлеть! Одѣвся и поѣхывъ. Сынокъ яе выскочывъ, увидивъ яго и говорить: батюшка ѣдить!—А ина отвищаить: нѣ, говорить,—ни батюшка, дядюшка ѣдить!—Вотъ ёнъ прилятѣвъ: здраствуй, сударыня!—Здраствуй, здраствуй, шурьякъ! Што жъ ты ко мнѣ пріѣхывъ?—А я пріѣхывъ, одружытца съ тобой!—Ну, быгатыри, говорить: одружытя и етыго! Отъ яны якъ уздали яму, дыкъ чуть жывого ны коня уссадили. И прогнали.

Тады ина преть третьтія письмо. Во̂ батька выпусьтивъ ужо яго изъ тямницы. Ёнъ вышавъ, свиснувъ быгатырськимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ,—конь бяжыть, ажъ зимля дрыжыть. Сѣвъ на свою добрую лошадь, якъ поѣхывъ по етуму пу мосту, дыкъ етый мостъ,—якъ вырони пы поднебисью съ пыдъ копыто̂въ лятить!.. Вотъ сынокъ увидивъ: мама, чортъ ѣдить!—Нѣ, сынокъ,—ето батюшка ѣдить!

Вотъ сынъ якъ побѣхъ, якъ лятѣвъ, якъ хвативъ—стримяно̂ пупуламъ разлума̂въ, и коня зьде̂ржывъ. Батька схвативъ яго къ сабѣ на ру̂ки, и прискочывъ къ ей, и плетьтю яе сиканувъ разъ: «здраствуй, сударыня! говорить: ня етыкъ дѣлыють, што пусьтила малыго рябёнка,—нямного ня у̂бивъ!» Поздоровкылися, обнилися и пуцулувалися. И тяперь жывуть у етымъ дворцы.

Старосельская вол. мстисл. у. Отъ мѣстнаго кр-на записано мною.

41. Иванъ и Настася.

Нѣу̂которомъ царстьви, нѣу̂которомъ государстьви, ну ни у̂ томъ, у которомъ мы жывёмъ, было у царя три сыны,—два разумныхъ, а третьтій дурачокъ. Тяперь, была Настася [царевна, чырязъ три царствы у чатьвёртомъ. И у̂ яе бывъ садъ, и у̂ томъ сади разныя яблоки. Тяперитька царь послався свойго большаго сына, разумнѣйшаго, къ ѐй за яблоками. Тяперитька ѣдить ёнъ по дороги. И пріѣхавъ значытца къ камяню—ляжы̂ть каминь, а отъ того каминя три дороги. И на камяни літа-

ры написаны: одной дорогой ѣхать—дакъ разбойники забъють, а другою дорогою поѣхать, звярьё зьѣсьть, а третьтiю дорогою поѣхавшы, коню будить што ѣсьть, а самому нѣчаго. Ну, ёнъ тяперь назадъ и вярнувся дома. Тяперь другого сына пославъ. Тожа й тэй такъ. Къ тому камню прiѣхавъ—побывъ, побывъ, прочытавъ,—и тэй вярнувся. Тяперь дуракъ давай попросився: пусьти мяне, тать! Ёнъ яго унимать: куды ты, дуракъ, говорить, поѣдишъ? Коли разумнѣйшыя вярнулись, а то ты поѣдишъ. Ну, ёнъ давай проситца, давай проситца,—батька и пусьтивъ—и лошадя давъ, и пусьтивъ. Тяперитька ёнъ прiѣхавъ къ тому камяню, къ писаному, пирачытавъ тую натпись и отважывся: поѣхавъ тэю дорогой, адѣ написано, што коню будить што ѣсьть, а самому нечаго.

Ѣдить ёнъ одны судки—пиряѣхавъ одно царство. Стоить хатка на куриной нозцы; а ў тэй хатцы Баба-Ига костьтиная нога. Отъ ёнъ попросився на ночъ, ина пусьтила; 'благотворила и коня пиримянила. Дала яму ступу—ёнъ на ступи ѣдить, кочарьгой погоняить, помяломъ слѣдъ замитаить, кабъ и слѣду ни знатно було. Сѣвъ ёнъ на ступу и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, изновъ судки проѣхавъ—стоить хатка на куриной нозцы. У тэй хатцы другая Баба-Ига. Пусьтила яго на ночъ, ублаготворила, тую узила ступу, а свою дала. Поѣхавъ ёнъ дальшы. Изнòватька судки ѣхавъ. Усё до Настаси тэй добираитца. Стоить третьтiя хатка на куриной нозцы, и тамъ Баба-Ига. Пусьтила ина яго на ночлегъ, ублаготворила, и дала свойго коня. На чатьвёртыя судки прiижжаить ужэ у городъ, у тэй то, адѣ Настаси царевны садъ.

Прiижжаить у тоя царство къ Настаси, а тамъ ляглѝ спать на двинанцать судокъ, у томъ царстьви. Ёнъ уѣхавъ—ни воротъ ни шукавъ, ничòго, чырязъ крѣпосьть пирилятѣвъ. И ў горницу увыйшовъ, и ня чувъ нихто—спять уси. Тады увыйшовъ у водну горницу—спить дѣвка. Ти ето Настася царевна? Нѣ, ня ето! ето слуга яе,—самъ сабѣ говорить, самъ сабѣ отказуить. Ну, тяперитька, увыйшовъ у другую горницу, и тамъ дѣвка спить. Ти ня ето Настася царевна? Нѣ ня ето, ето яе слуга самая вѣрная—самъ сабѣ отказуить. Тяперь увышовъ у третьтiю горницу, адѣ то Настася спить. Ёнъ улюбувàвъ у яе и грѣхъ помѣвъ зь ей. И ина ня чула, ни знала. Тяперитька ёнъ пòсьли етаго и съ конёмъ у садъ пошовъ. Пошовъ у садъ и нащыпавъ разнахъ, разнахъ, три вузельчыки, три платочки. Нащыпавшы, написавъ ёнъ таблицу у сади: што вотъ такей и такей Иванъ Ивановичъ—царевичъ у яе сади бывъ, яблокъ нащыпавъ, и зъ Настасiй съ сонной грѣхъ мѣвъ. Приходить тяперь къ коню, а конь говорить—нѣ, много ты нагряшывъ, ни могу тябе везьть!—загибли мы 'боя тутъ,—и ты, и я.—Што жъ дѣлать, конь мой вѣрный? А што жъ дѣлать: иди ў лазьню, гряхи змывай! Потѣй крѣпко у духу,

Ну, тяперь пошовъ ёнъ у лазьню. Мывся, мывся, приходить къ коню, конь говорить: «нѣ, каить, троху змывъ, а найболи осталось. Иди ще змывай, да найболи потомъ штобъ выходило съ тябе!» У другей разъ пославъ яго. Приходить ёнъ другей разъ зъ бани икъ коню, тяперитька лошадь каить: „двѣ доли змывъ гряховъ, а третьтiю иди мыйся! Змышъ, говорить, дыкъ поѣдимъ, а то погибли!" говорить. Пошовъ ёнъ и третьтiй разъ. Мывся, мывся, потѣвъ, потѣвъ—приходить зъ лазьни къ коню: «отъ жа, каить: тяперитька змывъ, да ня ўсё! Тяперь выѣдимъ съ саду, выѣдимъ и зъ городу, тольки однымъ волоскомъ, хвостомъ зачепимъ за крѣпосьть, дыкъ затрясетца городъ и прошнутца ўси!" Сѣвъ ёнъ на лошадя, узявъ яблоки и поѣхавъ. Дакъ ёнъ волоскомъ хвостомъ зачапивъ крѣпосьть. Такъ ина уся й заколотилась—и городъ, и крѣпосьть, и садъ —усё. И попрошыналисъ уси: што тутъ такоя? Икая тривога? Бѣгали, бѣгали, и горницы расчиняты и ў сади воровство ёсь. Бѣгала ина, бѣгала,—покуль прочытала таблицу тую. Тады кинулась у догонъ за имъ. Бѣгла, бѣгла, ни догнала—тольки крикнула громкимъ голосомъ: Иванъ Ивановичъ—царевичъ! ожыдай мяне на дванапцатый годъ у госьти.

Ну, ёнъ якъ поѣхавъ, минувъ тыя два дворки, што посьли заижжавъ, туды ѣдучы, а у третьтiй заѣхавъ, коня того оддавъ, а свойго узявъ и поѣхавъ. Тяперитька прiнжжаить у своё царство и захотѣлося яму спать. —Думаить: «никого я тутъ ни боюся, у своёмъ царстьви заспу!» Ёнъ заснувъ и лошадь увыйшла. Тяперитька два браты тыя ѣзьдили по 'хоти. И напали тяперь яго соннаго. И напали, што и яблоки вязеть къ отцу къ свойму. Тяперитька радютца мизь-собку: «што намъ дѣлать изь имъ? што мы ничого ни привязьли, а ёнъ яблоки привёзъ!—будить намъ отъ отца, ёнъ усё царство яму отдась! Нума, каить, яго забъёмъ, а яблоки етыя сами подьнясёмъ, што мы сами достали ихъ!» А другей каить: «нѣ, бить нильзя, и намъ ни помогѐтца; а нума мы вочы выколимъ яму луччы!» Узяли, яму вочы выкололи, и яблоки тыя забрали, и яго кинули. Ёнъ прошнувся—нима ни лошадя, нима ни яблокъ, нима ничого, и ни бачыть ничого.

Тяперича сляпўючы якъ итить, дакъ итить—приходить къ рядэ. Ну тяперь коло ряки попавъ човянъ, [1]) што по водѣ ѣзьдють. Подъ човянъ узявъ да й лёгъ—човянъ опрокинутъ: «хто, хто, придить къ етому човну, нападѣть мяне!» Тяперитька, ляжыть ёнъ и чуить,—троя (нячисьтиковъ) зъ воды вышло, на човянъ сѣли и говорють. А ёнъ чуить усё. Тяперь одинъ говорить: братцы, говорить: «што йто за роса сяньни: хуть якей сляпэй, тольки бъ ямки абы були—дакъ росою пумазать, и бачыть будить!» А другей говорить: «ето што? А вотъ я, говорить, у томъ то цар-

[1]) Ч твердое: чыстый, чэразъ, човянъ и т. д. Также и всѣ шипящiе.

стьви, знаю—воды нема увѐся,—съ чужыхъ царствъ воду̀ навозюҭь. А тамъ ба, коли бъ яны знали ето, да звили вярёвки зъ лыкъ съ сырыхъ, ды тамъ у ворѐтахъ стоиҭь кустъ, дыкъ якъ ба яны двананцаҭь паръ воловъ запряглй, да тэй кустъ съ кореньямъ вырвали, дакъ ба булѐ воды разливноя моря!» А третьтій говориҭь: «ёсьҭь и у̀ томъ у томъ царствьи царевна дужа низдорова, и третьтій годъ—осталися одни косьҭи тольки. А ёй пользу можно лёхко даҭь: бра̀ла ина причасьҭь у Господьнимъ храми и заблюла̀ ина крошачку. Ды у̀ головы подъ подушку у тряпучку схувала ина. Т̄яперь ета щу̀ра выпорола яе, проѣла тряпучку, и крошачка ета упала подъ мостъ у щѐлучку. А кура̀па, нашовшы яе и зьѣла. Т̄яперь ина раздулася такаа большаа съ корову, мостъ подамаиҭь, ды яе нихто ня видиҭь. А у ей (царевны) тольки одинъ духъ да шкура. Вотъ тяпериҭька якую пользу ей даҭь: колибъ хто мостъ поднявъ, да кура̀пу разрѣзавъ, да у шкуру у̀ яе царевну заврнувъ, дывъ ба ина щѐ луччы стала, якъ була!»... Т̄яперь уси разомъ съ човна бовҭь, бовҭь, бовҭь у воду̀, и пошли, и нима вѣдома и хто, и якій, и што. А ёнъ подъ човномъ сядиҭь сляпэй.

Т̄яперь ёнъ съ подъ човна вылизъ, Иванъ Ивановичъ—царевичъ, да рукою по травѣ поводивъ, да вочы помазавъ. Ёнъ росой помазавъ вочы своѐ, и ставъ щэ ярчэй глядѣҭь, якъ упярёдъ, коли щэ вочы были у яго—отъ росы отъ тыѐ.

Т̄яперь пошовъ ёнъ у тоя царство, адѣ воды нима, лозоваго ку̀сту смотрѣҭь. Ёнъ увыйшовъ у тоя царство и говориҭь: вы водою нуждаиҭись,—я вамъ дамъ воду̀! Заҭѣивъ съ суровыхъ лыкъ, съ сырыхъ, канаты виҭь и двананцаҭь паръ воловъ кабъ былѐ хорошыхъ. Яны ето приготѐвили. Ёнъ на лугъ повёвъ воловъ тыхъ, и запригаиҭь воловъ у кустъ у тэй канатами, кабъ кустъ тэй вырваҭь. Тады позачапили етый кустъ, запрягли, якъ крикнули—вырвали тэй кустъ. Вырвали тэй кустъ—вода тая такъ и пошла съ подъ куста у гору̀,—и по у̀сяму царству. Яны стали яго нагора̀джаваҭь, даваҭь грошы. Ёнъ ничого ни бяреҭь. И пошовъ у тоа царство, адѣ царевна низдорова силно.

И увыйшовшы у тоа царство, да йшовъ, и похвалився: «што царевна низдорова, я могу помочы даҭь!» Яго тады узяли на лошадей и къ ёй повязьли. Т̄япериҭька доставили къ ёй, ина ничого,—лижаҭь одны косьҭи. Ёнъ тады пувялѣвъ мостъ разобраҭь подъ ёю. Якъ мостъ разобрали и увидили,—ляжыҭь таа курапа, якъ курдва, дужа большаа. Пувялѣвъ разрѣзаҭь яе, дакъ духъ тэй вышавъ; а яѐ напрянули, голую, кожай тэй. За троя судокъ кожа тая нима вѣдома стала—ҭи у̀ яе у̀росла, ҭи дѣ,—и ина щэ красивѣй стала, якъ бала̀. Т̄япериҭька яму даюҭь награды и хочуҭь, штобъ ёнъ за сябе яе у̀зявъ и половина царства штобъ узявъ,

а ёнъ отвищаитъ: „ни надо мнѣ ето ничого, у мяне своя у госьти прiѣдитъ!» И вышавъ ужэ домовъ къ оццу.

И приходитъ ёнъ,—ни ўвознаютъ яго.—У работьники нанявся—у воцца. Куды яго тяперитька?—у віньницу у горѣлушную поставитъ! Поставили затиратъ заторъ—якѣ тольки дѣ торканѣтъ—дыкъ и дирка у чапу [1]) и клёпка вонъ. Тяперь досъ яго туды—ёнъ силно крѣпокъ, нихай ёнъ у виньницу дровы носитъ. Затѣили яго дровы носитъ у виньницу. Ёнъ сажынь отразу подвяжыть, унясетъ, да тады и сядитъ, гуляитъ ужэ. Прошло такъ двинанцатъ годовъ. Наижжаитъ ужо Настася царевна исъ сыномъ, и зъ вôськую. И построились яны за рякôю, остановились. И сынъ ужо кричытъ: «нихай ко мнѣ Иванъ Ивановичъ на ўстрѣчу выйдитъ, отецъ мой, а то я усё тутъ и поразорю и поразобъю, если яго ня 'тдйщитя!» Ёнъ, царь тэй, сурядивъ на ўстрѣчу сына того, што вочы коловъ. Тяперь, ёнъ идетъ на ўстрѣчу, сынъ тэй кричытъ—«вô, идетъ мой дядюшка, который мойму оццу вочы коловъ!» Да ўзявъ яго за руку, замахнувся и закинавъ нима вѣдома куды. Изноватька кричытъ: «отецъ мой наўстрѣчу нихай выйдитъ,—а то кладъ усякому дамъ!» Ёнъ, нечаго дѣлатъ—адѣ того братъ—изновъ другого сына сурядивъ такъ наўстрѣчу. Ёнъ идетъ, а тэй кричытъ: «во мой дядюшка идетъ, который мойму оццу вочы коловъ! Нѣ, каитъ,—подайтя мнѣ мойго батюшку, што у насъ яблоки у сади бравъ!» Тяперь ужо царь тэй спужався: адѣ яго братъ? Узявъ ужо уво ўсихъ пататца: што тутъ зьдѣлатъ? А ёнъ говоритъ: «я помочы дамъ!»—Што хочышъ бяри, говоритъ, тольки дай помочы! Ёнъ узявъ, у грязь побдѣлався, у виньницы у твань,—увыйшовъ у грошы, ды грошай повны карманы понасыпâвъ, кольки яму треба—царь ужо ни жалѣитъ. Тады ёнъ пувялѣвъ, кабъ хорошый мостъ бывъ отсыпанъ,—и пошовъ, якъ бывъ у виньницы, такъ и пошовъ.

Идетъ да съ кишэня грôшы бяретъ ды варміи тэй сыплитъ. Тыя бяругъ грошы, ды кланіютца, хапâютъ грошы тыя. «Вô, каетъ, идетъ батюшка мой—якѣй ёсь ды ёсь, ды отецъ мой!» Ёнъ пришовъ къ Настаси, пурукâвся и повёвъ къ оццу, и зъ варміяй повёвъ къ оццу. И стався на царстьви томъ, а батьку доловъ.

Д. Будино, братьковичск. вол. климов. у. Отъ кр-на Θедора Θедорова, 60 л., неграмотнаго.

42. Микита Игривичъ, купецкій сынъ.

Живъ сабѣ купецъ, а было ў яго два сыновья: большій Иванъ купецкій сынъ, меньшій Микита Игривичъ купецкій сынъ. Помёръ отецъ и пы-

[1]) Чопъ—чанъ, кубъ.

зычинивъ лавки до возросту ихъ. Сколько яны прыжили, и хочуть яны у вольный сьвѣтъ пойти, вольнаго сьвѣту пувидать. А яны были сильно могучія быгытыри. И просили: «матушка наша родимая, блыгыслови насъ у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбувать и силы попробувуть!» Тады ина говорить: «дѣти моѐ возьлюблиныя! ись кимъ вы мяне покидаитя?»—Матушка наша родимая! ни блыгысловитя вы насъ, мы чиразъ вашу волю пойдимъ!... Блыгысловила ина ихъ хлѣбомъ сольлю, и злятымъ-сѐребромъ. «Дѣти мое возьлюблиныя! ни сь кимъ ни битца, ни дратца, тольки пиридъ усякимъ стать, шапку сьнять, и день добрый дать!» Отправилиси яны у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбувать.

Шли то сколько, и одинъ съ однымъ говорить: «што то мы ёсь: ни ў царяхъ цари, ни ў книзяхъ князи, ни ў чистымъ поли сильно могучія быгатыри?» Идуть дальшъ, уходють у лѣсъ. Сядить старикъ и огонёкъ кладеть. Яны стали, шапки сьняли и день добрый дали.—„Дѣти моѐ возьлюблиныя, Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ! куды вы идитё! Посядитя ли мяне, и я вамъ посовѣтую. Прòйдитя вы нѣскульки поль, прийдитя вы къ лѣсу. И у бѐрези тамъ стоить дубъ. И ты Иванъ купецкій сынъ ухвати за макушку и вытыщи яго. Подъ дубымъ будить зялѣзная плита, подъ зялѣзную плитою будить склепъ, а ў склепи конь,—тò слуга твой!“ Микита Игривичъ заплакывъ, говòрить: „отецъ мой! а я што бизъ щасьтя остаюся?“—Потому, ёнъ говорить: ни въ одинъ день вы рòджыны, и ни въ водным щасьти! Пройди пѣшимъ и будить твоё щасьтя. И ў такомъ то царстьви далёкымъ, будить тожа лѣсъ, а ля лѣсу дубъ. Вотъ тамъ тожа вытыщишъ дубъ, а подъ дубымъ плита, а подъ плитой склепъ, а ў склепи конь, и тожа, Микита Игривичъ, слуга твой!

Яны пошли отъ старика и приходили къ лѣсу. Ажъ стоить дубъ. Иванъ купецкій сынъ хвативъ за вирхавйну и вытащивъ дубъ. Тожа зялѣзна плита. Узьнимавъ зялѣзну плиту, подъ плитой склепъ, а ў склепи конь. Оказався конь: Иванъ купецкій сынъ, я тябе нѣскульки годовъ жду, шэрсьть мыя иржой зырасла, пусьти мяне у чисто поля пыкачатца, силу пыказать, иржу оптѐрти. Пусьтивъ ёнъ яго у чисто поля пыкачатца и силы попробувуть. Тады кызавъ: садись на мяне, Иванъ купецкій сынъ! садись полягѐнько, дяржись покрапѐнько, я вѣрный слуга твой! Иванъ купецкій сынъ сѣвъ на лошыдь, а Микита Игривичъ пѣшимъ. Тоды, скольки пройшли, пришли къ тому лѣсу, што старикъ кызавъ. Тамъ стоить дубъ. Хвативъ Микита Игривичъ дубъ и вытащивъ яго. Подъ дубымъ плита, пыдъ плитою склепъ, а ў склепи конь. Оказыитца: Микита Игривичъ! я тябе жду двѣсьтя лѣтъ и ни могу дожадать. Моя кожа нитокма што иржой зырасла, а то и мòхомъ! Пусьти мяне у чисто пòля на

три часы пыкататца, иржу оптёрти, и силу попробувуть! Пусьтивъ ёнъ яго у чисто поля на три часы пыкататца и силы попробувуть. Пыкачався ёнъ, и силы попрбобувувъ. Тады прибигавъ къ хызяину свойму Микиту Игривичу: садися полягёнько, и дяржися покрапёнько,—хочишъ, вокымъ мячи, а хуть мёчимъ сячи!

Ѣхыли то скольки, и прижжали на горыдъ, во якъ ба на Витымськъ. Сказыить Микита Игривичъ: „Иванъ купецкій сынъ! што мы ёсь за храбрыя воины,—ружжа ў насъ нима? Заѣдимъ на городъ и купимъ сабѣ по ружжу, по хорошыму ружжу.» Ёнъ отвичавъ: такъ то, братъ, што надо! Купили пу ружжу сабѣ, тожа и патронувъ. Зъ горыду выижжали у чистыя поля. Пріижжали къ лѣсу, ажны бяжить левъ ись ливинятыми. Иванъ купецкій сынъ склався бить. Микита Игривичъ отказыить: «братъ Иванъ купецкій сынъ! ни сыдиржаишъ матушкиныго приказу! Матушка приказывала, што пиридъ усякимъ шапку сьнять и день добрый дать!» Ёнъ отказыить: э, Микита Игривичъ, братъ мой! я пиридъ поганымъ звѣримъ шапку сьниму и день добрый дамъ?... я яму дамъ! Видивъ левъ нимину́чую свою бяду и ниу́гасимую свою сьмерть, ёнъ говорить: «ня би мяне, Иванъ купецкій сынъ, и Микита Игривичъ, купецкій сынъ! я лучши дамъ пы дятёнку на послу́гу!» Узяли яны у лева пы дятёнку на послугу и поѣхыли дальшъ.

Тожа бяжить мядьвѣдь изъ мидьвидинятыми. Тожа Иванъ купецкій сынъ складаитца бить. Микита Игривичъ кажить: «ня слухыишъ матушкина приказу! Матушка приказывала никого ни бить, ни казьнить, а сказывала шапку сьнять и день добрый дать!» Отказыить Иванъ купецкій сынъ: вотъ я яму, поганыму зьвѣру здѣну шапку? вотъ я яму дамъ! Посмотрѣвъ мядьвѣдь, што нимину́чія яго бида, ниу́гасимыя сьмерть: «Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ! ня битя мяне: я вамъ лучши дамъ пы дятёнку на послугу!» Узяли пы дятёнку на послугу и пусьтили ихъ живыхъ.

Ѣдуть дальшъ, бяжить вовкъ изъ вувчинятыми. Складаитца Иванъ купецкій сынъ усётки бить. Микита Игривичъ каитъ: «братъ Иванъ, купецкій сынъ; ни дѣржисься ты матушкиныго приказу! матушка приказывала пиридъ усякимъ шапку сьнять и день добрый дать!»— Э! кажить: поганому звѣру день добрый дамъ? Тожа и вовкъ видить нимину́чую биду, ниу́гасимую сьмерть, отвищавъ: «Иванъ купецкій сынъ, и Микита Игривичъ купецкій сынъ; ня битя мяне, я вамъ дамъ пы дятёнку на послугу; и при злэй години присьтирагуть васъ!» Вотъ яны сабѣ узяли по три слуги и отправляютца у вольный сьвѣтъ, сьвѣту пулюбувать.

Уижжали у тёмный лѣсъ, у пущу у драмущу, пріижжають къ тромъ дорогымъ,—урось пошли. И стоить дубъ, а на дубѣ прибита таблица.

Прычитавъ Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ: «у лѣво поѣдь, убитъ будишъ; прамо поѣдь, сытъ будишъ; а ў право поѣдь, голодинъ будишъ!» Имъ, братомъ, надо разлучитца зьдѣсь. Иванъ кажитъ: я поѣду прамо, идѣ сытъ буду. Микита Игривичъ говоритъ: «а я поѣду у право, хуть голодинъ буду, ды живъ буду!» Вотъ рыспрощалиси и поѣхыли. Поѣхыли и 'бдумылиси, што ниякія примѣты ни дали на дуби на гэтымъ. Опять зьиржжалиси яны. Иванъ вынимавъ зылотоя блюдичко и повѣсивъ на сукѣ, а Микита Игривичъ вынивъ съ кармана ножикъ и ўторкнувъ у дубъ. «Тольки, говоритъ, братъ Иванъ купецкій сынъ, станитъ табѣ скушно, дыкъ ѣдь къ дубу примѣты глядѣть; есьли мнѣ станитъ скушно, я ѣду примѣты глядѣть; есьли я убитъ буду, зъ мойго ножика кровъ будитъ течь и кореньня умытъ!» Иванъ купецкій сынъ говоритъ: «а есьли я убитъ буду, будитъ зъ блюдичка кровъ течь, кореньня умытъ!» Рыспрощалиси и поѣхыли. Иванъ поѣхывъ у богатый край, тому попалыся хорошо житъ. Микита Игривичъ поѣхывъ, попався у горыдъ, тольки у крѣпко бѣдный. И тольки заижжавъ къ шанкару и говоритъ: „эйка, говоритъ, хозяинъ! покорми мяне и слухъ моихъ и кыня мойго!... Я имѣю усихъ грошій—одинъ грошъ и тымъ уплачў!" Тольки покормивъ цулуваньщикъ яго и слухъ яго и кыня яго. И выходивъ на горыдъ пулюбуватца Микита Игривичъ, ажъ весь градъ чорнымъ сукномъ усланъ. Ёнъ прыходивъ къ цулуваньщику и говоритъ: „цулуваньщикъ, скажика ты мнѣ, што у вашимъ гради, ли хто то родився такой съ царськый памиліи, ли такой нищасный померъ?»—Ёнъ говоритъ: «нѣтъ, ни родився, ни померъ, али ёсь, говоритъ, на Полымъ-рацэ у насъ поганый цмокъ; давали яму по чиловѣку на нычъ зьидать. Тяперъ, говоритъ, у нашаго цара три дочки; добрався ёнъ до большія дочки,—надо яму сягоньнюшнюю ночъ царськую дочку большую весьти, яму звѣсьти!»—Ахъ, Божа мой, Божа! можа зьѣсь, а можа удавитца! ёнъ ужо отвичаитъ Микита Игривичъ. Пошовъ на горыдъ и купивъ пучокъ шпиликъ. Давъ Бохъ, пройшовъ день, за днёмъ ночъ. Поснавивъ ёнъ на столъ зылотоя блюдо, а ў блюди яру свячу, и приказувавъ цулуваньщику: «смотри, говоритъ: есьли моё слуги будутъ тихо лежать, ни пускай, а есьли будутъ просітца, дыкъ якъ поможнѣй пускай; и када будитъ сь свячи кровъ плыть, столъ мыть, пущай!»

Самъ пошовъ у гэту хатку, которая стоитъ на Полымъ-рацэ и куды чиловѣка упущаютъ. Запаливъ сьвячу, узявъ книгу у руки и Богу молитца сѣдючи. А цулуваньщикъ лёгъ и заснувъ. Сійчасъ царськую дочъ и вязутъ поганому цмоку зьѣсьти. И привязьли яе исъ усимъ провыдымъ, и ўпущали у тую хатку яе. Провыдъ пошовъ назадъ, а ина уходила у хатку. И складала руки пирадъ Микитою Игривичимъ: «и якій вы ёсь? от-

кудува васъ Господь узнёсъ? Ти ты царъ, ти ты панъ, ти ты силый могучій быгатыръ?»—Я й ни царъ, я й ни панъ, я й ни силный могучій быгатыръ, а есьмъ Микита Игривичъ, купецкій сынъ! и хочу вашій сьмерти доглѣдитца!.. Тяперъ говорить: «охъ, якъ мяне брудь зьѣла! возьми, ищи мяне; есьли я усну силнымъ быгатырськимъ могучимъ сномъ, а ёнъ окажитца, тады волысы моё на мнѣ ирви; ня 'чхнуся одъ гэтыго, возьми, мяне шпилькыми коли,—усё-тки очхнуся!» Ина ищить яго, а ёнъ заснувъ силнымъ могучимъ быгатырськимъ сномъ. Тады ёнъ оказытца на Полымъ-рацѣ: «эка, говорить, ты царськыя дочъ! выходи,—мнѣ тябе надо зьѣсть! Ина начила будить яго и волосы ирвать на имъ. Ни мохъ ёнъ очхнутца. Тады начила шпилькыми колоть. Якъ тольки шпилькыми уколола, ёнъ очхнувся. А цмокъ говорить: «нука, царськыя дочъ! што ты ни выходишъ? Я видь никого ни боюся во усимъ сьвѣти! Тольки ёсь на тридисятымъ гусударстьви Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—тольки тыхъ двухъ боюся; али хто ихъ сюды зынясеть, ихъ сюды ворынъ косьти ни зынясеть!» Микита выходить и поганыму цмоку говорить: «ворынъ косьти ни заносить, али добрый молодецъ самъ зьдѣсь ходить!» Ёнъ сказыить: «ти ты зьдѣсь, Микита Игривичъ?» —Зьдѣсь! говорить. Говорить поганый цмокъ: Микита Игривичъ, подми поля!—Нѣтъ, говорить: я у чужимъ царстьви нявольникъ,—ты подми. Вотъ ёнъ якъ дунувъ, поганый цмокъ, дыкъ на три вярсты градъ построивъ и крыши мѣдьдю покрывъ! Тады ёнъ говорить: давай битца! Ёнъ ны коня крикнувъ матымъ голысымъ: „сивицъ—бурицъ, батькувъ калавурицъ и вѣшный послужёницъ! послуживъ отцу, послужи и мнѣ молойцу!» Конь бяжить, зимля дрыжить, подъ нябёсьсю ивирни литаютъ. «Што, говоритъ, прикажишъ, хызяинъ мой, Микита Игривичъ?»—А што прикажу: приступаимъ на службу, ли на службучку? Отказыить конь: нѣтъ, гэта ня служба, а службычка; а служба упирадѣ! Садись полягёнько, дяржись покрапёнько, мячимъ ни сячи, а вокымъ мячи! Вотъ ёнъ сѣвъ полягёнько, и дяржитца покрапёнько, и начавъ зь имъ битца. Якъ би, дыкъ би—двѣ гыловы зьбивъ; а ёнъ яму ногу правую опсѣкъ, ранивъ яго. И осьвятивъ быгатырськую кровъю увесь градъ. Просить поганый цмокъ привалъ у яго «э, говорить, Микита Игривичъ: цари-короли воюютца съ силый, и три часы оддышки маютъ, а мы одинъ на одинъ—намъ довольно минута часа.» Оддухнули и начали битца. Микита Игривичъ и тую гылову яму зьбивъ. А тада узявъ, тулово яго убросивъ у раку и говорить: ѣшъ, щука рыба, яго мясо, ёнъ много людей поѣвъ! Лижавъ тамъ каминь самотесъ; ёнъ бывъ рёстымъ можа съ хату зъ гэту. Ёнъ узявъ, однэй ногой поднявъ, а рукой пыдкативъ уси головы. Ина усё гэто видала, царевна гэта, якъ ёнъ бився. Тады ёнъ уходивъ у хатку и говорить: ахъ, поганый цмокъ, якъ

ёнъ обрѣзывъ мяне! Тады ина сьнимала нашейникъ свой, платокъ шовковый, и увяртѣла ногу яму. Тады ина просить яго: «поѣдимъ, говорить, со мной къ отцу мойму, ёнъ табѣ опишить третьтію часъ царства свойго!» Тады ёнъ говорить: «на што мнѣ ваша царство? я ў чужимъ царстьви нявольникъ!» Самъ пошовъ къ цулуваньщику.

Пувутру пораньши ссылаить царъ слугу свойго вѣрныго ны лышадяхъ: «поѣдь и сбяри хуть косьти яе! хуть мы пухуваимъ яе ли царськія памилін!» Пріижжаить слуга, ажны ина выходить живая. Згробъ, ды ў Полымъ ракў волокѐть, штобъ утонить,—гэтый слуга. «За што ты мяне?» —А кыли ты ни скажишъ, што я тябе отъ поганыго цмока одборонивъ, дыкъ я тябе утоплю!—Ина говорить: «скажу, што ты»! А тулуво идѣ дѣвъ, скажишъ, и гылову?—«Скажу: тулуво убросивъ у Полымъ ракў, а гылову пыдъ каминь пысадивъ!» Вотъ ёнъ сичасъ привозить. Отецъ радъ, доволинъ ставъ и пытаитца: «хто тябе одборонивъ отъ сьмерти?» Ина говорить: ёнъ! тулуво у ракў убросивъ ды говорить: щука рыба, поѣшъ яго,—ёнъ много людей поѣвъ, а голывы пыдъ каминь пыдтащивъ!» Вотъ ёнъ ны яго сказавъ: «бывъ ты у мяне слуга вѣрный, будь минисьтиръ,—я тябе съ своею дочирью пожаню и пыловину царства опишу!»

Микита Игривичъ пубранився на цулуваньщика, што слугъ ни пусьтивъ и пыложився спать. Тады узнова устаѐть чуть тольки слонца заходить и идеть на горыдъ: узнова чорнымъ сукномъ горыдъ усланъ! Ёнъ опять ворòчіитца къ цулуваньщику, говорить: «што йто, говорить: ти тòя ни собрàто, ти другòя увыслàто»?—Нѣ, кажить: тоя собрàто, а другòя увыслато! Оказався сяредьній братъ яго ишъ шастьмя гыльвàми. И хочить сяредьнію дочку зьѣсьти,—надо вѐзьти! Микита Игривичъ спрашиваить у цулуваньщика: «слуги моѐ накормлины?»—Накормлины!— «А лошадь накормлина?»—Накормлина!—«Ну, дай мнѣ поѣсьть,—ни меньши, говорить, выпить—два гарцы горачиго сьпирту, а покушить ня много: шэсь хунтувъ хлѣба и два хунты соли! Пойду, говорить, сьмерти доглѣджуся!» Заславъ ны столѣ обрўсъ и поснавивъ у зылотомъ подсвѣшнику ȳру сьвячў, и прикàзувавъ: «смотри, цулуваньщикъ: будить сьвича яра тёмно горѣть, и кровъ будить зь яе течь и будуть слуги моѐ просѝтца, пущай якъ поможнѣй!» Тэй цулуваньщикъ бытца слухать яго: забився ись сямъёю идѣ-то тамъ у камòрку и лёхъ спать, кабъ ня чуть и голысу ихъ.

Такъ ёнъ сійчасъ опять у тую хатку отправляитца. Пришовъ, поставивъ сьвячў, книгу у руки и читаить. Привозють сяредьнію дочку и ўпускають у гэту хатку. Провыдъ ныздъ пошовъ. Ина уходила и паталыся: ти ты царъ, ти ты панъ, ти сильный могучій быгатыръ? Отказывувъ Микита Игривичъ: «я ни царъ, я й ни панъ, я й ни силный могучій быгатыръ, —а я есьмъ

Микита Игривичъ, купецкій сынъ. И хочу вашій съмерти доглѣдитца. Тады ёнъ поклавъ голову ёй на колѣни, ды говорить: «мяне брудь зьѣла, ищи ли мяне!» И поклавъ пучокъ шпиликъ на столѣ. «И окажитца поганый цмокъ, будй якъ поможнѣй мяне: вылосы ирви на мнѣ; а ня чхнуся, шпилькыми колй мяне,—усё я очхнуся!» Ина стала искать, ёнъ заснувъ силнымъ могучимъ быгатырськимъ сномъ. Оказыитца поганый цмокъ: «эка царськыя дочъ, выходи, мнѣ тябе надо зьѣсьти!» Ина яго давай будить, зы вылосы ирвать,—ни чихаитпа! Зачила шпилькыми колоть,—очхнувся. Цмокъ опять оказыитца: «што ты ни выходишъ? я никого ни боюся во ўсимъ сьвѣти! Ёсь, говорить, на тридисятымъ царстьви Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—тольки тыхъ двухъ боюся. Али хто жъ ихъ сюды,—ворынъ косьти ни заносить!» Микита Игривичъ къ яму выходить: «э, говорить: ворынъ косьти ни заносить, али добрый молодецъ самъ сюды заходить!»—«А ти ты тутъ?»—Тутъ! «Подми поля!» Микита Игривичъ отказыить: што я у чужимъ царстьви нявольникъ,—ты подми! Якъ дунувъ поганый цмокъ—на шэсь вёрстъ горыду выпаливъ. Микита Игривичъ якъ дунувъ, на шэсь вёрстъ горыду построивъ и крышу пысирабрыивъ. «Ну, давай битца!»—Давай! Крикнувъ мàтымъ голысымъ: «косю мой милый, косю мой любый! стань пирадо мною, якъ лѣсъ пирадъ травою!» Конь бяжить, зимля дрыжить, подъ нябèсьсю йвирни литають. «Што, хызяинъ, говорить, прикажитя?»—А на што мы, говорить, приступаимъ: на службу, ли на службучку съ поганымъ цмокымъ?—«А што, говорить: служба ня служба: служба упирадѣ, гэто службучка! Садися полягèнько, дяржися покрапèнько, вокымъ ни мячй, ды мѐчимъ сячй!» Вотъ ёнъ сѣвъ ны коня и начавъ битца съ поганымъ цмокымъ. Якъ би, дыкъ би, ёнъ по щотки коня у землю убиваить, а ёнъ яму три гыловы сьнимаить. Проситца поганый цмокъ: «эй, говорить, Микита Игривичъ: цари-короли воюютца, оддышки шэсь часовъ мѣють, а ты мнѣ дай хуть три!»—Да, говорить: цари, короли съ большэй силый, а мы одинъ на динъ! пувчиса табѣ оддышки даю! Тады пувчиса давъ оддышки, тады давай битца! Якъ бися, дыкъ бися, покуль ёнъ три головы зьбивъ, поганый цмокъ яму̀ правую руку̀ обрѣзывъ, и кыня пы колѣни у землю убивъ.

Вотъ тады зьлизавъ съ кыня, и пусьтивъ кыня у чистая поля, а самъ начàвъ трупъ яго убирать. И 'сьвитивъ Микита Игривичъ кровъю своей ни токма градъ, а то поля усюдыхъ видно было!.. Узявъ, тулуво у рѣку укинувъ и говорить: щука рыба, ѣшъ яго мясо, ёнъ много людей поѣвъ! Тады головы, каминь поднявъ, пыдкативъ шэсь головъ. Ина у вокошко глядѣла и ўсё гэто видала, царевна гета. Уходивъ ёнъ у хатку и говорить: вотъ, с. с.! съ кимъ бився, съ кимъ дрався, а нихто ни

ранивъ мяне,—а вотъ поганый цмокъ ранивъ! Царевна нашійникъ сьнимала и правую руку̀ укручувала. Прощався Микита Игривичъ исъ царевный и отправлявся на 'ддышку. Ина яго просила: «Микита Игривичъ, поѣдимъ къ мойму отцу, ёнъ пыловину бо̀льшыю свойго царства вамъ опишить и намъ съ тобою законный бракъ дась!» Ёнъ говорить: «на што мнѣ ваши царствы,—я у̀ чужимъ царстьви нявольникъ!» Тады ёнъ просьтився зь ею и пошовъ. Приходивъ къ цулуваньщику и хотѣвъ бизъ усякаго суда гылову̀ сьнять, оччаго слухъ ни пусьтивъ. Самъ положився спать. Царъ призвавъ свойго довѣриннаго: «ѣдь, кажить, и привязи и пухувай у царськый памиліи косьти яе!» Ёнъ пріижжаить,—ина живая выходить. Ёнъ схвативъ ды у̀ По̀лыма рѣку преть. Ина кажить: «за што?» —А кыли ни скажишъ ты, што я тябе отъ сьмерти одборонивъ, дыкъ я тябе утоплю!—«Ну, скажу, што ты одборонивъ!»—Идѣ тулуво дѣвъ?— «Бросивъ у По̀лымъ раку̀!»—А головы идѣ дѣвъ?—«Пыдъ каминь подклавъ!» Якъ привёзъ тольки, отецъ радъ, доволинъ усимъ. «Хто тябе отъ сьмерти збавивъ?»—Ды ёнъ; тольки ёнъ пріѣхувъ пы мяне, а ёнъ узьнявся зъ раки̇, хотѣвъ зьѣсьти мяне; ёнъ нычàвъ битца зь имъ и забивъ, голо̀вы пыдъ каминь пыдкативъ, а тулуво у рѣ̀ку укинувъ! Ну, бывъ ты у мяне слуга мой вѣрный, бывъ ты министиръ, будь ты грапъ свѣтлый! И я ны тябе бо̀льшыю часъ царства мойго опишу и зъ дочирьъю гэтую ожаню!

Вотъ тады Микита Игривичъ, опять солнца захо̀дить, ёнъ устаѐть и спрашіить у цулуваньщика: покормлины моѐ слуги?—Покормлины!—Ну, а конь у чистымъ поли; дай мнѣ поѐсьть! Дай, говорить, выпить три гарцы горачиго сьпирта и дай, говорить, поѐсьть девить хунтувъ хлѣба и три хунты соли! Вотъ ёнъ давъ яму. Выпивъ ёнъ три гарцы сьпирту горачиго, поѐвъ девить хунтувъ хлѣба и три хунты соли. Тады опять пошовъ на горыдъ. Опять сукномъ увыслàно. Ёнъ пришовъ спрашіить: «што, цулуваньщикъ, тоя ни выбрато, ли друго̀я увыслато?»—Говорить: «тоя увыбрато, ды другоя увыслато! Ёсь у цара самыя мѐньшыя дочь любимыя; надо тую вѐзьти цмоку зьѣсьти. Оказався зь дивитьмя гыловами!» Тады ёнъ говорить: «надо сьмерти доглѣдить усётки!» Прохо̀дить день; за днёмъ ночъ приходить; ёнъ опять приказыить цулуваньщику: разославъ платочикъ, а на платочку поставивъ зылотэй подсвѣшникъ и посновивъ яру сьвѣчку и приказавъ: «смотри, говорить: якъ платочикъ чоринъ станить, сьвича погасьнить, подсвѣшникъ почарнѣить, слуги будуть крѣпко просітца, —смотри, пущай слухъ моихъ бизъ отказу, а то мой мечъ, твоя гылова съ плечъ!» А самъ отправляитца. Пошовъ у хатку у гэту, запаливъ сьвячу̀, узявъ книшку и Богу молитца сѐдючи.

Опять приво̀зють царськыю дочъ съ усимъ царськимъ про̀выдомъ. Яе

пусьтили у хатку, а провыдъ пошовъ нызадъ. Ина опять руки сыщапила, упала на колѣнки: «ти ты панъ, ти ты царъ, ти силный могучій быгатыръ? откуль тябе Бохъ нанёсъ?» Отказыить Микита Игривичъ: «я ни панъ, и ни царъ, и ни силный могучій быгатыръ! я есьмъ Микита Игривичъ купецкій сынъ. И хочу вашій сьмерти доглѣдить!» Ну ёнъ опять: «мяне брудь зьѣла, ищи мяне!» И поклавъ пучокъ шпиликъ на столѣ: «есьли, говорить, я усну крѣпкимъ могучимъ быгатырськимъ сномъ, ирви вóлысы на мнѣ; есьли ня 'чхнуся, колй шпилькыми мяне,—усётки я очхнуся!» Тады ёнъ заснувъ у яе на колѣнихъ. Сійчасъ поганый цмокъ: «эй, выходи, парськыя дочъ: мнѣ тябе нужно зьѣсьти!» Ина яго зы вылосы ирвать,—ни 'чихаитца; ина начила шпилькыми колоть. Ёнъ тады очхнувся. А цмокъ кричить: «што ты ни выходишъ? я на ўсимъ сьвѣти никого ни боюся, только ёсь, говорить, на тридисятомъ царствьи Иванъ купецкій сынъ и Микита Игривичъ купецкій сынъ,—только тыхъ двухъ боюся. Али ихъ ворынъ косьти ни зынясѣть!» Ёнъ выходить, кажить: «нѣтъ, ворынъ косьти ни заносить, добрый молодецъ самъ тутъ ходить!» —Нука, дми пóля! на Микиту Игривича поганый цмокъ.—«Штожъ я? якъ я могу дуть: я ў чужимъ царствьи нявольникъ, ты дми!» Вотъ ёнъ якъ дунувъ—на девить вёрстъ горыду выпыливъ. А Микита Игривичъ якъ дунувъ, на девить вёрстъ горыду выстриивъ, и крышу пызылотивъ.—Ну, давай битца, говорить. Кричить Микита Игривичъ на кыня: косю мой милый, косю мой любый! стань пирадо мной, якъ лѣсъ пирадъ травою! Конь бяжить, зимля дрыжить, подъ нябѐсься ивирни литаютъ, зъ нозьдёръ дымъ, зъ рота полымя: «што, хызяинъ мой, прикажишъ?»—Што: становимся, говорить, на службу, ли на службучку?—Нѣтъ, говорить: была службычка назадѣ, а тяперъ служба пирадъ нами! Садись полягѐнько, дяржись покрапѐнько, и вóкымъ мячй, и мѐчимъ сячи, и шапку хорошо ны головѣ дяржи!—Давай битца!... Началй битца: якъ бися, дыкъ бися, покуль три гыловы зьбивъ, дыкъ ёнъ кыня по колѣни у землю ўбивъ. Стойка, говорить, песься мясо, ни торопися! А соколы на дубахъ затьвиглили, а на горахъ ильвы заскрыгыт̀али. Якъ выскычивъ конь зъ зямли, видить-ничого ня можно подѣлыть, схвативъ шапку зъ гыловы, якъ бросивъ на трахтыръ на тэй,—по бальки крышу сьнявъ. Тады видить—ня могуть вылизьть слуги яго—високо. Хвативъ сапохъ зъ ноги, и бросивъ на трахтыръ—по вокны трахтыръ сьнявъ. Тады слуги ужо вылизьли, бягуть къ яму. Тады яны оддыхнули, давай битца. Прибѣгли слуги. Нука: я бився, а тяперъ вы побитися! Якъ начали битца, дыкъ слуги якъ хватили, сійчасъ шэсь головъ сьняли, а ёнъ самъ ни чипався. Тады, ёнъ узявъ тулуво убросивъ у рѣку и приказавъ: щука рыба, ѣшъ яго мясо: ёнъ много людѣй згубивъ! А головы опять туды, пыдъ каминь, пыдкативъ. А ца-

ревна гэто видила. Приходить и прыщаитца зь ѐю. Ина говорить: што жъ вы прыщаитися со мною? поѣдимь къ мойму отцу: ёнъ на насъ усё царство опишить и законный бракъ намъ съ тобою дась.—Нѣтъ, говорить: я ў чужимъ царстьви нявольникъ, ни нужно! Ина подарила яму шавкову ленту и даямантывый персьтинь; ёнъ и пошовъ.

Приходить у трахтыръ, а цулуваньщикъ сьпить. Ёнъ опять сьтѣны по бальки узьнявъ и посновивъ, и крышу узьнявъ и посновивъ. А ёнъ ня чуить ничого гэтыго. Ёнъ разбранився на яго: тольки прыщаю за то, што ты кормишъ мяне и слухъ моихъ! Вотъ тады етый опять прiнжжаить зы царевный. Ина выходить. Ёнъ згробъ ды у Полымъ-раку турить опять жа.—За што ты? каеть.—А кыли ты ни скажашъ, што я тябе отъ сьмерти одборонивъ, дыкъ утоплю!—Ну, говорить, скажу отцу, што ты одборонивъ! Прiѣхыли домовъ. Пытаитца отецъ: «хто тябе отъ сьмерти одборонивъ?»—Ёнъ одборонивъ!—«Ну, бывъ ты у мяне слуга вѣрный, бывъ ты минисьтиръ, бывъ ты грапъ свѣтлый, будь тяперъ зять, и усё царство на тябе описую!» Тады, назаўтраго, ёнъ хочить законный бракъ дать изь меньшыю дочкую и усё царство описать. Вотъ ужо свадьбу згулять здумыли пу вутру. Микита Игривичъ посылаить лева на заручины, подвизавъ яму на шiю даямантывый персьтинь: ступай у бѣлокаминныя хоромы, и зъ молодой поздраствуйся,—тябе пропусьтють! Левъ якъ бѣхъ у бѣлъ-каминныя хоромы, такъ увесь народъ якiй тутъ бывъ: цари, короли, рысхинулися. Ёнъ прибигавъ къ столу, ина свой персьтинь у рукахъ подиржала и хрухтувъ у платочикъ навизала, и яму послала на госьтиницъ. И начила крѣпко плакать за столомъ. Отецъ приходивъ къ ей и говоривъ: дочь моя! чаго ты плачишъ?—Отецъ, говорить: даруйтя словомъ! вялитя запрѣхчи кони, поѣдимь на горыдъ пыкатаимся, а тоды поѣдимъ у соборъ повиньчаимся! Вотъ, поѣхыли по большихъ улицыхъ. Ина ѣдить помаленьку и приглидаитца, ти ни усмотрить идѣ Микиту Игривича. По большихъ ни нашла. Поѣхыли по малыхъ. Ажны левъ смотрицъ у вокно. Тады ина говорить: отецъ родимый, ни кажитя казьнить, даруйтя слово говорить! Вотъ того найдимъ, хто оборонявъ насъ. Якъ ускочила у хату, такъ ни глядѣла ни на слухъ яго, ни на кого, такъ къ яму, а ёнъ ляжить на корвати. Ня вѣртя мнѣ, а вѣртя персьню мойму: вотъ мой персьтинь на гулубэй леньти! Сяредьня говорить: ня вѣртя мнѣ, повѣртя нашiйнику мойму: я правую руку увяртѣла! Большая говорить: ня вѣртя мнѣ, а вѣрьтя нашiйнику мойму: я правую ногу увяртѣла нашiйникымъ своимъ! Просить отецъ: «и поѣдимъ у бѣлокаминныя хоромы, и табѣ усё своё царство опишу и законный бракъ дамъ изь меньшiй дочкый!»—Тады ёнъ говорить: вашы лошыди мяне ни зьвязуть!—«Якъ можно быть, кабъ шэсьтира конiй тябе ни зьвязьли?»—А ни зьвязуть!

—Нѣтъ, прошу васъ: зьвязуть!» Якъ сѣвъ, буда согнулися, и лошыди ни вязуть. Тады ёнъ говорить: «пыижжайтя вы, а я на своихъ пріѣду!» Яны поѣхыли; ёнъ на одного на свойго усьсѣвъ вярхомъ и пріѣхывъ къ имъ у бѣлъ-каминныя хоромы. И слуги за имъ пришли. «Нука, говорить: пойдемъ примѣтъ полядимъ!» Вотъ пошли. Микита Игривичъ спрашіить у того ўжу повѣрныго: «якъ жа ты каминь пыднимавъ?»—Я, говорить, ногою пыднимавъ, а рукою пыдкачивывъ!—«Ну, говорить: ходитя, царськыя памилія,—посмотритя, якъ ёнъ будить пыднимать каминь!» Яны пошли. Пришли къ камини. «Нука, пыдними!» Ёнъ и ныгами пробувавъ, нѣ,—ни ўстаеть; ёнъ и руками—нѣ! А ёнъ говорить: «дуракъ, только пыднять носикымъ каминь и головы видать!» Самъ пыднявъ носикомъ каминь. «Ну, говорить: выкыть рукой головы, пыкажи царськый памиліи!» Ёнъ только руку пыдклавъ пыдъ каминь, а ёнъ хвать—каминь опусьтивъ. «ну, говорить: выдирни руку!» Ну идѣшъ ёнъ выдирнить? Такъ ёнъ и сядить! Вотъ, говорить царъ: больши ничого ни стоить, только вынить руку и къ растрѣлу привѣсьти! Али къ растрѣлу привѣсьти—ето малая мука—а ўзять ды къ коньскому хвосту: пущай ёнъ столькы намучитца, скольки людей помучувъ!» Привизали къ коньскимъ хвостамъ и пусьтили у поля гулять: порвали на куски яго! А Микиту Игривичу царъ давъ законный бракъ зъ меньшыю дочкую.

Ну, тады, получивши законный бракъ, Микита Игривичъ, побравши своихъ слухъ, ильва и мядьвѣдя и вувка, поѣхывъ, зыхотѣвъ брата отвѣдыть Ивана купецкаго сына. Отправився къ столишныму горыду: якъ у насъ Москва, а ў Питири проживаить царъ. Ажны той горыдъ зьмія лютая зыклила. Ёнъ у землю увыйшовъ. А тамъ лѣсъ ставъ, пуща драмуща. Пріижжаить къ рацэ, ажъ рыболовники рыбу ловють. Якъ увидили яго слухъ, спужалиси ды ўтикать отъ яго! Ёнъ: «стойтя, братцы, ни ўтикайтя! нѣшто такоя я хочу зъ вами сыйтиси: хто тутъ мохъ заклясьти горыдъ?» Отвичають рыболовники: «оказався у насъ сьпирва одинъ цмокъ съ тримя гылывами, поѣвъ много людей, добрався до большія дочки царськія, али силно могучій быгатыръ Микита Игривичъ купецкій сынъ обобрався, одборонивъ дочку отъ сьмерти нииинучія, забивъ цмока. Тады оказався другій цмокъ исъ шасьтю гылывами; хотѣвъ сяредьнію царськыю дочку зьѣсьти. И тожа силно могучій быгатыръ Микита Игривичъ купецкій сынъ одборонивъ,—цмока поганыго забивъ. Оказався третьтій поганый цмокъ зь дивити головами; добрався до меньшія царськія дочки, хотѣвъ яе зьѣсьти. Опять жа Микита Игривичъ купецкій сынъ одборонивъ и гэту, цмока поганыго забивъ. Дыкъ вотъ матка гэтыхъ троихъ цмокывъ, лютыя зьмія, прыклила яго горыдъ зы своихъ сыновъ: горыдъ у землю пошовъ, а лѣсъ вышывъ, пуща драмуща. По гэтымъ лясу

нихто ни разу ни прыижжаить и ни проходить, зьмія лютыя никого ни пропускаить!.. Распрашіить Микита Игривичъ купецкій сынъ: «господа рыболовники, мнѣ нужно гэтый дорогый поѣхыть!» Яны отвичають: ти ты панъ, ти ты царъ, ти силно могучій быгатыръ: ня ѣдь, ина тябе каминимъ зьдѣлыить, ни пропусьтить!—«Што будить, ня будить, а поѣду!» И поѣхывъ. Ѣдь-ѣдь, прішжжаить у лѣсъ, пущу драмущу. Обнимаить яго тёмная ночъ. Микита Игривичъ становитца тутъ нучувать. Сьсидаить съ своей лошыди и рыскладаить огонь. Слуги яго коло яго. Коня ёнъ привизавъ. Сядить ёнъ ли огоньку, ажны приходить бабычка изъ лубучкый. «Здрастьви, Микита Игривичъ, купецкій сынъ!»—Здрастьви, бабычка!—«Позвольтя мнѣ ли свойго огоньку пиринучувать: я по грибахъ ходила ды заблудила, обнила тёмная ночъ. Даеть Бохъ ночъ, а за ноччу день, я тады пойду. Али я боюся блиско пыдходить вашихъ сыбакъ, дайтя мнѣ свою лясычку одборонитца, сыбакъ отыгнать. Ёнъ сабѣ думувъ про гэто, и хотѣвъ пысьміятца про яе: якъ можно быть? ина корга баба,—а моя ляска тридцать пудовъ! кабъ ина пыднила? Нихай подымить!—«Возьми сабѣ!» каить. Ина якъ хватила ляску, якъ махнула по усихъ, такъ уси каминимъ и стали. «Убивъ ты, Микита Игривичъ, моихъ сыновъ, и я жъ тябе жжила сь сьвѣту!»

Вотъ Ивану купецкыму сыну стало скушно. Думыить Иванъ купецкій сынъ: «убитъ ёнъ, ли голодинъ!»—на брата на свойго Микиту Игривича. «Поѣду къ дубу, поляджу, што тамъ ёсь такдя?» Усьсѣвъ на коня и поѣхывъ. Ѣхывъ скольки то, прішжжаить у пущу драмущу къ дубу, ажны зъ яго ножика кровъ тячеть и кореньня помыла. «Ахъ, братъ мой, Микита Игривичъ! получивъ ты нищасную сьмерть! Ну, поѣду, поляджу, идѣ юмёръ!» И поѣхывъ дорогую. И видить—ляжить пять камянёвъ. И обнила яго тёмная ночъ. И сьсидаить ёнъ съ кыня и привязыить кыня къ дубу. И взявъ книгу, читаить; и дычитався ды того, што гэто ляжить братъ мой Микита Игривичъ, а гэто конь яго, а гэто слуги яго. Зьдѣлыла яму гэдыкъ Баба-Игипувка! Вотъ ёнъ тады дыжидаитца, ти ня придить къ яму хто. Тяперъ, приходить къ яму тая баба: «здрастьви, Иванъ купечицкій сынъ!»—Здрастьви, бабушка!—«Пусьти мяне, дитятка, къ свойму огоньку пиринучувать!—по грибахъ ходила, ды заблудила!»—Ночуй сабѣ!—«Дитятка, я боюся твоихъ слухъ! дай мнѣ своё ляски отогнать собакъ?»—А ёнъ узнавъ, што гэто тая лютая зьмія.—«Нѣ, я самъ!» Лясучку уво 'дну руку, а другёю за груди. И начавъ яе кылотить. Ну тольки ина крѣпка была.—«Ты, говорить, левъ, ня видишъ, што я дѣлую? А ты, мядьвѣдь?» Левъ отломивъ дубину, а мядьвѣдь клянину. А ёнъ дяржить за груди. «Ну, говорить: прибавтя ей!» Якъ нычали яе охаживыть! якъ нычали охаживыть! Били, били: «ты мойго брата и слухъ яго

зыклила и горыдъ яго?»—Нѣ, ни я! ни знаю!—«Прибавтя ей дубинык!» Ньчали опять дуить. «Ну, а ты, вовкъ: што ляжишъ? ни видишъ, што дѣлують?» Вовкъ той посвойму вырывать ззаду мясо, икры тигать, и сиськи вырвывъ.—«Стой, говорить: Иванъ купецкій сынъ! пусьти душу ны покаянія, усю правду скажу: Микита Игривичъ жживъ моихъ трохъ сыновъ, я зыклила горыдъ яго, и каминимъ обярнула яго и кыня яго, и слухъ яго!»—Ты шъ зьдѣлыла, дыкъ ни пущу тябе, покуль ня дьдѣлышъ!—«Одьдѣлую, сынокъ!»—Ну, одьдѣлывый!—«Ёсь у мяне садъ большій, у сади двѣ криницы: одна криница вода живущая, а другая гоющая. Постой,—я сходжу у садъ, принясу воды, и одживлю.—«Я табѣ одной ни повѣру, я пошлю слухъ своихъ исъ тобою! «И пославъ зъ ею слухъ и приказавъ: смотрітя, слуги, ина спротивитца зъ вами на дорози, ли утячеть!» Отказуить левъ: Иванъ, хызяинъ мой! ящо я гэтыго николи ня зьдѣлыю, кабъ ина утикла! Тады пошли. Ина на дорози спротивилыся зь ими. Левъ узявъ за груди однэй рукой, а другей дубинку, ды й давай охаживить. Мядьвѣдь и вовкъ тожъ узялися зы яе: били, били, прибили сусімъ. «Стой, левъ! пусьти душу ны покаянія!» Тады пошли у садъ. Зачерпнула ина живущія и гоющія воды, и пошли нызадъ. Побрызгыла гоющію водою, чирапки опсыпалиси; побрызгыла живущію—той часъ усі пять оджили. Схватився Микита Игривичъ къ брату свойму Ивану и пуцулувавъ, и слёзьма заплакавъ: «ахъ, братъ, якъ я крѣпко успувъ,—ни почувъ, якъ ты пріѣхывъ ко мнѣ!»—Охъ, братъ, Микита Игривичъ: худэй твой сонъ! Ты заснувъ бывъ навѣкъ! А зьмяю дяржить, ни пускаить. Зы тябе мы уже дали ей, а тольки за горыдъ свой покуль што прибавъ ей. Вотъ Микита Игривичъ со своими слугами якъ хвативъ яе: «ты мой горыдъ зыклила?»—Ни знаю! А Иванъ купечицкій сынъ: «братъ Микита Игривичъ, ни жалѣй яе, прибавъ!» Вотъ Микита Игривичъ опять якъ хвативъ со своими слугами, били, били, прибили.—«Стой, Микита Игривичъ, ня би: усё твоё спольню!» Вылымила чатыри лясины, обклала якъ хату вянецъ рубють: лѣсъ пошовъ у землю, а горыдъ вышивъ. А зьмяю лютую добили. Ина скрось зямлю прывалилыся. «До табѣ, братъ Иванъ, труждатца! Поѣдимъ ко мнѣ!» Пріѣхыли къ яму, у горыдъ; а тамъ ужу и купцы купчують. Тады поѣхыли матушки искать. Искали—искали, ни знашли, вѣрно помёрла. Тады вярнулиси къ Микиту Игривичу у яго царство. Микита Игривичъ ставъ за царя. «А ты, братъ Иванъ, будь у мяне за главнаго минисьтира!» Ну, дыкъ ёнъ и ставъ за минисьтира. Яны и тяперъ тамъ живуть.

Рясняпская вол. сѣнн. у. Отъ мѣстнаго кр-на запис. г. Аникіевичъ.

43. Мѣдное Чудовище.

Нѣукоторомъ царствьи—государствьи живъ царь менистый. И бывъ у яго садокъ на три вярсты ширинй, на три вярсты довжинй. И ў тымъ садку яблонь: золотый листокъ, сяребриный листокъ. Якъ зародютца яблоки—золотоя яблоко, сяребриная яблоко. Такъ царь любуетца, утѣшаетца, што чищи не надо. Али одинажды соснилося царицы уво снѣ: што ваша царство вяличиство: ето вамъ утѣха ня утѣха, а *ежалибъ* вы етый садъ выкопали, вымякчили, узорали, да посѣяли пшаницы—вотъ ба зародилась: золотый колосъ, сяребриный колосъ, золотая зярно, сяребриная зярно. Вотъ ба вамъ утѣха была! Ну, царица, уставши, стала царю докладать, што такъ и такъ: уво снѣ видила, што ежалибъ вы етый садъ выкопали, вымякчили, узорали, да посѣяли пшаницы—вотъ ба зародилась: золотэй колосъ, сяребриный колосъ, золотоя зярно, сяребриная зярно. Ну, у царя солдатовъ ня нѣтъ: собравъ строявыхъ, рядовыхъ, отстановныхъ. Ну и вытеребили, вымякчили, вытроили. Люди сѣють пшаницу, вотъ и царь посѣявъ пшаницы; людьская тольки усхаджуеть, а царськая уже краску скидуеть. Коли стала высыпать—золотый колосъ, сяребриный колосъ. Коли стала наливать—золотоя зярно, сяребриная зярно. Такъ царь любуетца, утѣшаетца, што чищи не надо. Часовыя стоять кругомъ, берягуть. Али унадився воръ у пшаницу—што ночь пярейдеть, то ти поквултовата, ти повырѣзана, ти поквултовата, ти повырѣзана.—Отъ ето царю было ужо досадно. Ёнъ тогды давай загукувать охвотьничковъ солдатовъ: хто бъ ето, говоря, убярёгъ, што бъ угодно наградивъ бы тогды! Ёнъ тогды ставъ солдатовъ загукувать: „ти ня можно, кабъ хто уловивъ яго, нагороджу чимъ тольки пожелаешъ?“ Вотъ одинъ отгукнувся, говорить: я уберягу!

Вотъ, былй игруши скачиваныя, якъ терябили, дуплиноватыя; отъ, ёнъ улѣзъ у дуплё и лёгъ тамъ. Тольки подъ повночь шу-усь! прилетаеть. Спусьтився. Давай ножичкомъ рѣзать, да ў пучки вязать, давай ножичкомъ рѣзать, да ў пучки вязать, нарѣзавъ стольки, скольки яму сила поднять. Тольки жъ ёнъ набравъ подъ крыльля, ставъ узниматца—а ёнъ зъ дупля да за бороду: стой, дѣдушка, ня увыйшовъ! Ёнъ крикнувъ на часовыхъ—часовыя прискочили. А тутъ передъ царськимъ вокномъ, и царь ето почувъ, узрадовався, што шумъ етакій. Ёнъ тогды спрашуеть: хто ты тамъ ёсь? царь у яго. А ёнъ говорить: што я ёсь Мѣдный Чудовища. Ну, Мѣдный, ня Мѣдный Чудовища—заперли яго на дванадцать дврей, на дванадцать замковъ у склепъ. Вотъ ёнъ тамъ сядить. Назаўтряго рассылають по царяхъ, по короляхъ, по князяхъ, кабъ зьѣжжалися Мѣднаго Чудовища поглядѣть. Вотъ яны позьѣхалися—пьють, гуляють. А ў ца-

ря бывъ сынишка,—мальчишка, небольшій ще, малолѣтьній. Отъ ёнъ ходить, верябейковъ стрѣляетъ. И якъ давъ прахъ той стрѣлоццы завалітца у склепъ туды. Ёнъ ходивъ, ходивъ, шукавъ, шукавъ, али и плакать ставъ. Отъ ёнъ тады и спрашіетъ: „што ты, Иванъ Ивановичъ, наськыхъ царёвъ царевичъ, што ты плачешъ?“—Ахъ, дѣдушка,—я стрѣлочку потерявъ!—«Иванъ Ивановичъ, твоя стрѣлочка у мяне!»—Дядулячка, оддай ты мнѣ яе!—„А вотъ, Иванъ Ивановичъ: возьми отомкни дванадцать двярей и дванадцать замковъ и вывяди мяне на вулицу, тады я стрѣлочку оддамъ!“—Якъ жа я тябе отомкну? Ключики у маменьки ў кармани, и часовыя стоять?—„А вотъ, Иванъ Ивановичъ, ты иди къ мамцы да по колѣняхъ покатися—скажи: головка моя болить, дыкъ ина тябе станетъ гладить, голубить, скажетъ: дитятухно моё, бѣгаешъ, простудився! А ты тихынько ключики съ кармана вынь. А тогды у царськую палату зайди, царськую корўну на сябе надѣнь. Тады, по дворѣ иди, руками помахавай и ключми побрязкавай. Часовыя расступютца тады“! Ну, вотъ, ёнъ побѣгъ къ маменьцы и почавъ говорить: маменька, головка моя болить. Ина стала яго гладить, голубить. Ёнъ тогда цихынько ключики вышаволивъ съ кармана; у царськія палаты зайшовъ, царськую корўну на сябе надѣвъ. Тогды по дворѣ идетъ, руками помахаваетъ, ключми побрязкаваетъ. Часовыя расступилися. Ёнъ тогды отомкнувъ одны двери, другія... дванадцатыя, и отомкнувъ замокъ одинъ, другій и дванадцатый, и вывевъ яго на вулицу. Отъ ёнъ яму стрѣлочку оддавъ, попрощався и пошовъ.—Тольки сказавъ: „ну, Иванъ Ивановичъ! при злой годині спомяни мяне,—я табѣ знадоблюся!“

Отъ яны пили, пили, гуляли, гуляли, и послали, Мѣднаго Чудовищу кабъ привесьть. Тутъ каутъ: яго нѣтъ.—„Какъ нѣтъ?“—Вашъ жа сынъ яго выпусьтивъ!—„Какъ выпусьтивъ?“ Тутъ сичасъ часовымъ головы на колодку, потсикавъ. Такъ царю ето обидно,—усё 'дно, якъ обманъ якой. И хотѣвъ сыну головў отсѣчь. Тутъ цари, князи, короли стали царя отговарювать: «якъ ето можно, кабъ царськая колѣно нистожить? А ежли ёнъ здѣлавъ такій проступокъ, возьмитя яго, прогоньтя у бѣлый сьвѣтъ!» Отъ ёнъ яго узявъ, и зъ двора согнавъ.

Ёнъ вышавъ на вулицу, плачить, не знаетъ, бѣдненькій, куды йти. Идетъ солдат Иванька:—„Эхъ, говорить, Иванъ Ивановичъ! што ты плачешъ?“—«Эхъ, Иванька служивый! якъ мнѣ не плакать вотъ? прогоняють мене у бѣлый сьвѣтъ, а я не знаю, куды йти!»—«Эй, Иванъ Ивиновичъ! проси мяне тольки, Иваньку, за слуговйна,—а сьвѣтъ вяликъ, у сьвѣти людей многс!» Отъ ёнъ вярнувся на дворъ, сѣвъ подъ вокномъ на колѣничкахъ—ящѐ госьти не разьѣжжалися—якъ ставъ плакать, якъ ставъ просить—отдавъ яму батька Иваньку за слуговйна. Отъ ёнъ яму

одежу надѣвъ хорошую царськую, обчапàвъ яго лентами; ёнъ попрощався и пошовъ.

Отъ яны ишли, ишли, захотѣлось имъ пить. „Эхъ, говорить, Иванъ, на слуговина: пить дужа хочетца!“—А вотъ, Иванъ Ивановичъ: я ў походи ходивъ,—тутъ ёсь колдяжъ вельми глубокъ дужа, только вода хороша и кўбочекъ тамъ плазаетъ. Вотъ мы ленту за ленту посчипаемъ, котораго спусьтимъ, той напьетца, другому подась! Такъ и ёсь—прохàджують—ажъ вода глубòка и кубочекъ ёсь. «Ну-ка, Иванъ слуговинъ: дай-ка я тябе спущу,—самъ напьесься и мнѣ подаси!» А тэй говорить: эхъ, Иванъ Ивановичъ! ты мяне туды спусьтишъ, а оттуль ня вытягнешъ,—я тяжолъ. А якъ ты маленькiй—я тябе туды ўпущу и оттуль вытягну! Ёнъ подумавъ, подумавъ—ето й правда. „А якъ я яго оттуль ня вытягну, куды я одинъ пойду тады?“ Вотъ тады лента за ленту, лента за ленту посчапàвъ и упусьтивъ яго туды. Отъ ёнъ напився, царевичъ, почерпнувъ, ямў подавъ. Иванъ Ивановичъ напився,—тогды говорить: «Ну, Иванъ слуговинъ, тягнй мяне!»—Нѣ, не потягну!—„Отчаго жъ ты мяне! не потягнешъ?“—А такъ, штобъ я бывъ Иванъ Ивановичъ, наськыхъ царёвъ царевичъ, а ты штобъ бывъ у мяне слуговинъ, и кабъ оддавъ ты мнѣ свою одѐжу, и кабъ ты мяне обчапàвъ своими лентами! Отъ ёнъ думавъ, думавъ, плакать спробувавъ, али думаетъ: «чимъ тутъ пропадать, луччи жъ по сьвѐти ходить, за слуговйна хоть!.. Ну, Иванька! тягнй мяне! Оддаю табѣ свою одежу, побчапàю тябе лентами: будешъ ты Иванъ Ивановичъ, а я буду Иванъ слуговинъ!..» Отъ ёнъ яго вытягнувъ. Ёнъ одежу зьдѣвъ, на Иваньку надѣвъ царськую одежу, лентами обчапàвъ; а самъ надѣвъ яго шинялёкъ и шапочку хуражачку. И пошли. Отъ!

Яны ишли, ишли, ишли, ишли, и прослухали, што у нѣкоторомъ царстьви-государстьви хочетъ царь дочку оддать за зятя, на цари коруновать. Отъ яны съ царства до царства, съ царства до царства, допытыючи, пришли до царськаго дворца. Уходють у царськiй дворецъ, тутъ —звѣсно, человѣка по 'дѐжи узнають—тутъ ямў укланяютца, коло яго витàютца, и давай у царськiя палаты просить ихъ. «Ваша величиство! слуговина мойго запритя куды-небудь, у баню, и часовыхъ поставтя, а то ёнъ воръ, ще што нибудь украдетъ!» Отъ, яго (Ивана Ивановича) заперли, а сами тамъ пьють, гуляють. Отъ ёнъ, царь етый, говорить: «ёсь у мяне три кобылицы-нябыльнйцы на стайни. Хто троя судòкъ спасѐтъ и зьвядетъ, за того дочкў оддамъ,—и кабъ позараньши домовъ привàджувавъ!» А яны не кобылицы, да зьмяйё. Отъ ёнъ говòритъ: „э, у мяне слуговинъ усѐ ето зьдѣлаетъ!“ Вотъ и гукаетъ: „Ванька слуговинъ, поди сюда!“ Ёнъ прихàджуетъ: «здрастуйтя!»—Здрастуй! Вотъ нà табѣ повхунтика хлѣба, и ёсь на стайни три кобылицы нябыльницы,—кабъ ты ихъ зьвёвъ

у западныя луга, кабъ напасьвивъ и позараньши домовъ приваджувавъ!.. Отъ, яму дали хлѣба повхунта, ёнъ у стайню увыйшовъ, одну разъ дёрнувъ подъ колѣни, другую два и третьтію три. Якъ сѣвъ, шовковыя поводы у руки ўзявъ,—якъ поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у западныя луга,— ссидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ осталися,—кобылицы нябыльницы нязвѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхунта зьѣвъ и плакать уже спробувавъ,—маркотно. Али здумавъ: „э, за кого ето я труждаюся? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!“ О, ёнъ и являетца! «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Пойдёмъ жа у мой домъ, сямьи моёй, жаны моѐ, сыновъ моихъ, дочарей моихъ повидаемъ!» Прихаджують, ажъ стоить мѣдяной домъ, на три 'тажи, такій што а-я-яй! Отъ яны уходють у першую комнату, ажъ сядить жана. «Жана моя намилѣйшая, уклонись Ивану Ивановичу! ёнъ мяне съ того сьвѣту вызволивъ!» Ина яму уклонилася. Уходить у другую комнату, сядить двападцать дочарей. „Дочушки моѐ намилѣйшія, сыклонитесь Ивану Ивановичу! ёнъ мяне съ того сьвѣту вызволивъ!“ Яны яму сыклонилися. Приходють у третьтюю комнату—сидять дванадцать сыновъ.—Сыны моѐ намилѣйшія, сыклонитесь Ивану Ивановичу! ёнъ мяне съ того сьвѣту вызволивъ!» Яны сыклонилися. „Ну, говорить, сыночки мое! ушасьтёхъ идитя у западныя луга кобылицъ нябыльницъ искать, ўшасьцёхъ идитя баню топить, надо Ивана Ивановича попарить, молойцомъ наставить!» Отъ тыя пошли у западныя луга, кобылицъ нябыльницъ искать, а еты пошли баню топить. Отъ много—мало уремя спусьтёмши, етыя приходють— говорють: „батюшка, баня готова!“ Отъ ёнъ: хорошо! говорить. Узявъ мѣдяную одежу, мѣдяную шапку, и повёвъ яго у баню. Обмывъ яго, обхоливъ яго, зъ руки на руку перемѣняючи, и надѣвъ яму мѣдяную одежу, мѣдяную шапку. Приводжуеть домой, посадивъ яго на кресло и давъ яму стаканъ пива выпить, которая пьѐтца на Раштвѣньскій день. Ёнъ якъ выпивъ,—силёнъ ставъ. Якъ пойдить по мосту—и мостъ угинаетца. Вотъ и етыя прихаджують ушасьтёхъ: «батюшка, кобылицы нябыльницы ёсь!»—А дѣ жъ яны были?—„А дѣ жъ яны были: забралися у лозу, у мяречу у такую, што насилу половили!» —Ну, хорошо, што половили! привяжитя ихъ, пущай на неби звѣзды личуть—не подохнуть! Отъ яны ихъ привязали. А тутъ пили, пили, гуляли, гуляли.—„Ну, Иванъ Ивановичъ: уремя и отправлятца! И я знаю, што табѣ у бани тамъ маркотно —на табѣ старшія дочки салхвэтку, што ты потребуешъ, то табѣ й будеть!“ Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ.

Якъ ѣхать, дыкъ ѣхать, якъ ѣхать, дыкъ ѣхать, ёнъ и на однэй, и на другѣй, и на третьтей—пріѣжжаеть кы дворцу. А яны на крыльцы стоять. Царь тольки плячми тіснеть, што одежа хорошая. А ёнъ

(Иванька) говорить: «во, говорить: я говоривъ,—воръ-мошеньникъ, вд якую оджу уворовавъ!»—Да, да! и я вижу, што уворовавъ! Ну, кобылицъ нябыльницъ зялѣзными прутами драли, драли, драли, драли, у стайню заперли и замкнули,—на што ловилися! А его зновъ у баню, и чисовыхъ поставили.

Только у царськомъ дворцы спать полеглися, ёнъ сичасъ за салхвэтку: «салхвэтка, салхвэтка, зьдѣлай мнѣ палацы луччи царськихъ палатъ, и кабъ и столы, кабъ и канапы, и стульля, и ўсё!» Такъ ето усё и зьдѣлалося. Тогды говорить: «салхвэтка, салхвэтка, дай мнѣ повгарца спирту!» Такъ сычасъ и ёсь. Ёнъ тогды крышку узявъ, наливъ, на дворъ вынисъ, по крысцы чисовымъ давъ, яны и позаснули,—оружжи у козлы, и спать полягли. Царевна глядѣла, глядѣла у вокно, што у бани бляскъ дужа большій: «ахъ, мамушка-нянюшка! пойдемъ мы вулушками-провулушками провѣдаемъ, якъ тамъ Иванъ слуговинъ проживаеть?»—А пойдемъ сабѣ, панна царевна! Вотъ яны приходжують туды, а ёнъ на канапи ляжить, ни бытца што сьпить. Ина походила, походила, тутъ на столѣ напитки стоять, усё—ажъ выйти оттуль не хочетца. „Ахъ, мамушка-нянюшка! якъ ба яго разбудить?"—Не знаю, панночка-царевночка! вдзьмемъ двери отчинять, яны задрыжать—дакъ ёнъ ти не прошнѐтца? Тольки яны узялись за двери, яны задрыжали—ёнъ и прошнувся: «ахъ, извинитя, панна царевна, што я задремавъ! я у бани, дыкъ мнѣ досадно, маркотно. дакъ я... «Да, да, Иванька слуговинъ: и я виджу, табѣ тутъ досадно!» Ну, сѣли пить-гулять. Отъ ёнъ салхвэткой требувавъ казаковъ на кулачики, и ўсякія комэдыи. Отъ, и ёй салхвэтка уподобала. «Эхъ, Иванька слуговинъ,—продай ты мнѣ ету салхвэтку!»—Нѣтъ, панна царевна: продать яѐ я не могу. Подарить подарю, а продать не могу!—«Ды што ты мнѣ будешъ дарувать? я не нищая: я купить могу!»—Нѣ, панна царевна: я продать не продамъ! Отъ, яны пили-гуляли, и стало зарять ужо. Ина распрощалася, и пошла домой. Ёнъ тогда салхвэтку склавъ,—тогды якъ была баня и стала баня. Чисовыхъ паростувкавъ, ружжи имъ подававъ—яны зновъ сьтерягуть яго. Отъ, развидьнѣло. Изновъ зовуть яго у царськыя палацы. «Иванька слуговинъ! поди сюда!» Дали яму хлѣба повхуньтика. «Иди на стайню, бяри три кобылицы-нябыльницы, вяди на заповѣдныя луги пасьвить! И кабъ пораньши домовъ приваджувавъ!» Ёнъ увыйшовъ у стайню, одну разъ дёрнувъ подъ колѣни, другую два, и третьтію три. Якъ сѣвъ, шавковыя поводы у руки ўзявъ,—якъ поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у заповѣдныя луга—ссидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ осталися, кобылицы-нябыльницы нявѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхуньтика зьѣвъ, и плакать уже спробувавъ,—маркотно.

Али здумавъ: «э, за кого ето я труждаюся? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!» Вотъ Мѣдная Чудовища являетца. «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! пойдемъ жа у домъ ко мнѣ, баню вытопимъ, попаримъ, молойцомъ тябе наставимъ!» Приходють, ажъ стоитъ сяребриный домъ на три тажи, такій, што ажъ зяеть. Отъ ёнъ тогды говоритъ: «ну, сынэчки моѐ! идитя удевятёхъ шукать кобылицъ-нябылницъ, а утрёхъ идитя баню топить!» Отъ, тыя пошли туда, тыя пошли туда. Много-мало уремя спусьтёмши, етыя утрёхъ приходють: «батюшка, баня готова!»—Ну, хорошо! Узявъ сяребриную одежу, сяребриную шапку, повёвъ яго у баню: обмывъ яго, обхоливъ яго, въ руки на руку перемѣняючи, и надѣвъ на яго сяребриную одежу, сяребриную шапку. Отъ, посадивъ яго на стулъ и давъ выпить стаканъ пива, которая пьетца на Воскресный день на Вяликій. Ёнъ якъ выпивъ, посильнѣвъ ящѐ. Якъ пойдеть по мосту—мостъ угинаетца, якъ сядить на кресло, кресло гнѣтца. Отъ мало-много уремя спусьтёмши, етыя приходжують. «А што, ёсь кобыльницы-нябылицы?»—Ёсь, батюшка!—«А дѣ жа яны былй?»—Да дѣ жъ яны былй: забралися у сйня мбря подъ каминь, насилу половили!—«Ну, хорошо, што половили, привяжйтя ихъ, пущай на неби звѣзды личуть, не подохнуть!» Отъ яны пили, пили, гуляли, гуляли. «Ну, Иванъ Ивановичъ, уремя отправлятца! Отъ ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, на первой, на другой, и на третьтей,—вѐзьти яго ни хочуть, тяжолъ,—дарма што зьмяйё. А яны на крылцы стоять, плячми тиснуть, што етакая одежа у яго, почищи тыѐ, однымъ словомъ сяребриная. «Во, не казавъ я вамъ, што воръ, мошеньникъ! Вд якую дѣжу, ще почищи, уворовавъ!»—Да, да, говорить: и я вижу! А царѐвна, дыкъ ина и вочми проймаеть. Вотъ тогды кобылицъ-нябыльницъ зялѣзными прутьтями драли, драли, драли, драли, у стайню заперли и замкнули. А яго знову у баню отправили и стражу поставили.

Тольки у царськомъ дворѣ спать поуляглися, ёнъ говорить: «салхвэтка, салхвэтка, подай мнѣ палаты, луччи царськихъ палатъ! Подай мнѣ столы, креслы, канапы!» Ина сычасъ! Тогды говорить: «салфэтка, подай мнѣ повгарца спирту!» Ина подала. Ёнъ крышку узявъ, на дворъ вынисъ, по крысцы имъ (часовымъ) давъ. Яны ружжи у кдзлы и спать полягли. Вд царевна глядѣла, глядѣла у вокно, што у бани бляскъ дужа большій: «ахъ, мамушка-нянюшка, пойдемъ мы вулушками-правулушками провѣдаемъ, якъ тамъ Иванька слуговинъ проживаеть?»—А пойдемъ сабѣ, панна царевна! Отъ яны якъ ишли, такъ прямо туды. И ёнъ ня сьпить. «Здрастуй, здрастуй табѣ, Иванька слуговинъ!»—Здрастуй, панна царевночка! Ахъ, якъ мнѣ у бани маркотно! «Да, да, и я вижу, што табѣ маркотно тутъ!»—Ахъ, панна царевна! коли вы обвиньчаетесь, хоть бы мяне зъ бани вызволили! «Слухай, Иванъ слуговинъ: не говори

ты мнѣ етаго! Я на того мерзавца смотрѣть не хочу̀, я бъ луччи съ тобой обвиньчалася?»—Э, панна царевна: што вамъ тдя говорить, чаму ня быть. Дѣ вамъ за продстаго мужука выходить!.. Ну, тольки яны тамъ пили, пили, гуляли, гуляли, и вина требувавъ у салхв этки и казаковъ на кулачики—и ўсяго—усё ето ёсь. Уподобала ёй салхвэтка, што не расстрятца! «Продай, да й продай, Иванька слуговинъ!»—Нѣ, панна царевна: продать я не могу! Подаровать подарую, а продать не могу!—«Да зь якимъ ето намярѣніемъ ты подаруешъ?»—А вотъ, панна царевночка,—кабъ зъ вами ночь ночувать!—«Ну, хорошо! Тольки кабъ зь ярыми сьвѣчами, зъ войстрыми мечами!»Ну, ёнъ отдавъ: хорошо! Сычасъ якъ отдавъ, якъ была баня, такъ и стала баня.

Стало видьнѣть, ёнъ чисовыхъ растуркавъ, ружжи у руки подававъ,—изновъ стярягуть. Давъ Богъ дянёкъ, гукають яго зновъ весьти кобылицъ нябылицъ у западныя луга пасьвить. И кабъ позараньши домовъ привдджувавъ!... Отъ, яму̀ дали хлѣба повхунта, ёнъ у стайню увыйшовъ, одну разъ дёрнувъ подъ колѣни, другую два и третьтію три. Якъ сѣвъ, шдвковыя поводы у руки ўзявъ,—явъ поѣхавъ по поднебесью! Пріѣхавъ у западныя луга̀,—ссидать не ссидавъ, злизать не злизавъ, тольки шавковыя поводы у рукахъ осталися,—кобылицы нябыльницы нязвѣстно дѣ подѣлися! Ёнъ ходивъ, ходивъ, хлѣба повхунта зьѣвъ, и плакать уже спрдбувавъ,—маркотно. Али здумавъ: «э, за кого ето я труждаюся? Ето я за Мѣдную Чудовищу труждаюся!» Ёнъ и являетца: «здрастуй, Иванъ Ивановичъ! пойдёмъ жа у мой домъ, побываемъ, баню вытопимъ, молойцомъ тябе наставимъ!» Приходють, ажъ стоить домъ золотэй на три тажи, што просто зьяеть, якъ сонца! «Ну, сыночки моѐ! идитя ўси двинадцать у западныя луги кобылицъ нябыльницъ шукать; а вы, дочушки, идитя уси двинадцать баню топить!» Вотъ тыя пошли туда, тыя пошли туда. Много мало урёмя спусьтёмши, дочки приходжують: батюшка, баня готова!—Ну, хорошо. Отъ, узявъ золотую одежу. золотую шапку, повёвъ яго у баню, обмывъ яго, обхоливъ, зъ руки на руку перемѣняючи и надѣвъ золотую одежу. Просто, ёнъ якъ сонца ставъ. Привёвъ ёнъ яго домовъ, посадивъ на стулъ. «Што, Иванька: ти чуствуешъ ты силу ў сябѣ?»—Да якъ, дѣдушка, ня чуствую: колибъ хто поставивъ слупъ, у зѐмлю конецъ и ў небо конецъ, и ўбивъ колцо у слупъ, увесь бы свѣтъ оборотивъ! Подумавъ ёнъ, подумавъ: много силы яму давъ!» Давъ яму стаканъ вина, што на Юрьевській день пьетца, вясною; у яго силы отбылд. «Будеть сь тябе и етыя силы!» Много-мало ўремя спусьтёмши, сыны прихаджують. «А што, ёсь кобылицы-нябыльницы?»—Ёсь, говорють, батюшка!—«А дѣ жъ ины были?» —Да дѣ жъ ины были? забра̀лися на небо за̀ болоки, да на̀силу половили! «Ну, привяжитя ихъ: нехай на неби звѣзды личуть, не подохнуть!» Отъ

яны пили, пили, гуляли, гуляли. «Ну, Иванъ Ивановичъ: уремья отправлятца! Прощайся изъ моей жаной, исъ сынами и зъ дочерями, а съ тобой мы щѐ увидимся!» Отъ, ёнъ попрощався, сѣвъ и поѣхавъ. Ёнъ и на 'дной и на второй и на третьтей—не вязуть! Отъ ёнъ поводы на плечи ўсклавъ,—ихъ и тягнеть. Царь, царица на крылпы стоять, плячии тиснуть, дивютца, што етакая золотая оджжа, и кобылицы яго не вязуть, а ёнъ ихъ тягнеть, поводы на плечи усклавши. Отъ, якъ только кобылицы иябыльницы на дворъ, головы на колодку, и потсѣкали и за плотъ позакидали,—на што ловилися. А яго у баню и чисовыхъ поставили.

Вотъ у царськомъ дворѣ только спать поўляглися, отъ ёнъ говорить: «ахъ, ребяты чисовэя! пусьтитя мяне проходитца вулушками-перявулушками!»—А можно, можно, Иванъ слуговинъ! разьви ты насъ не угосьтивъ, ти што? Мы тобой довольны! Отъ ёнъ, якъ ишовъ, такъ прямо икъ царевни. Отъ яны пили-гуляли, съ салхвэтки требовали и напитковъ, комэдій разныхъ, и ўсё. И сьвѣчи ярыя горять, и войстрыя мячи стоять. Ну, али уремя уже и отдыхать. Якъ только класьтись, дыкъ ина сычасъ: «мамўшка-нянюшка! потушитя сьвѣчи восковыя и положитя мячи войстрыя!» Вотъ тутъ ёнъ рассярдився, якъ шархнеть за двери, якъ тряхнеть дверьми,—дыкъ и вокны и двери, усё повысыпалось! «Ахъ, мамушка, нянюшка за што ёнъ на мяне рассярдився? ти я яму прикро што сказала?»—Не знаю, панна царевна: можа за ето, што вы обѣщали перяспать сь сьвѣчами ярыми, зь мечами войстрыми, а тяперь вы вялѣли потушить сьвѣчи осковыя и положить мячи войстрыя. Дыкъ можа за ето.... Ну только у царськомъ дворцэ столяровъ-маляровъ ня нѣтъ. Ина за ночь усё ето наладила, кабъ батька не знавъ. А ёнъ самъ у баню и отдыхаеть.

Давъ Богъ днёкъ, царь тэй каеть на етаго солдата: «вотъ, каеть, идеть непріятель на троя судокъ, и хто етаго непріятеля звоюеть за того свою дочку отдамъ и царство передамъ!» Вотъ ёнъ идеть, непріятель, ажъ зямелюшка колотитца! Вотъ солдатъ вышавъ, пошовъ воеватца. И ёнъ вышавъ зъ бани. Говорить: «ахъ, говорить: кабъ мнѣ Мѣдная Чудовища сюды! повоевався бъ я кругомъ етаго войська!» Ёнъ и являетца: «Здрастуй, говорить, Иванъ Ивановичъ!»—Здрастуй!—«Вотъ, привёвъ я табѣ коня воронца—сярёдняго братца свойго, и мечъ кладенецъ и рямѐнную плеть, и мѣдяную оджжу! Ѣдь, говорить: ты силнѣй за яго, и лошадь твоя силнѣй за яго,—ты яго звоюешъ!» Ёнъ якъ пошовъ, пошовъ, на дорози етаго догнавъ,—щѐ ёнъ идеть воеватца—плетей зъ десятокъ яму давъ,—ёнъ не знаеть, хто. Якъ пріѣхавъ туды—кому руку, кому ногу, зьѣхався съ старшимъ, якъ шарахнуеъ—такъ голова и покатилася... Вотъ назадъ пріѣхавъ икъ бани, оджжу зьдѣвъ, къ сядлу привязавъ: „ступай, кося, гуляй, да силку собирай! Коли мнѣ надо будешъ

тогды ко мнѣ прибудешъ!» Самъ якъ лёгъ спать, на троя судокъ. Якъ тельки ночь, такъ царевна идеть къ яму, пилнуеть, якъ воречка, домой идеть—и батька етаго не знаеть. Отъ, на чатьвёртыя судки непріятель посилнѣйшій идеть, ажъ зямелюшка трясѐтца. Отъ, етый пошовъ воеватца, а Иванъ Ивановичъ говорить: эхъ, кабъ мнѣ Мѣдная Чудовища сюда! Ёнъ и являетца: «Здрастуй, Иванъ Ивановичъ! вотъ жа привёвъ я табѣ коня воронца, большаго братца свойго, сяребриную одежу, мечъ кладенецъ и ряменную плеть. Ѣдь, говорить: ты силнѣй за яго и лошадь твоя силнѣйшая,—ты яго звоюешъ!» Ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Нагнавъ етаго узновъ на дорози—ёнъ идеть воеватца, дыкъ ёнъ яму плетей зъ десятокъ уськинувъ! Тяперь туды прiѣхавъ, кому рукў, кому ногў; якъ зьѣхався съ старшимъ, якъ шархнувъ—такъ голова и покатилася! А самъ тогды брядучей стопой къ бани прiѣхавъ, одежу зьдѣвъ, къ сядлу привязавъ: „ступай, кося, гуляй, силку собирай!“ Якъ лёгъ спать, на шесьтеро судокъ. Якъ тольки ночь, царевна приходить, яго пилнуеть, ночуеть, а якъ зоречка—домой идеть. И батька етаго не знаеть. Вотъ, на сядмыя судки посилнѣйшій идеть непріятель: уся зямелюшка трясѐтца и колышетца. Етый зновъ солдатъ вышавъ воеватца. Ёнъ жа вышавъ зъ бани: «ахъ, якъ я молодый, кабъ мнѣ конь вороный! Покрасувався бъ, покрасувався бъ коло етаго войська!» Вотъ Мѣдная Цудовища и являетца: „здрастуй, Иванъ Ивановичъ! Вотъ, привёвъ табѣ коня воронца дѣдовскаго, што вѣкъ никуды не тревоженъ еще, и золотую шапку, и золотую одежу и мечъ кладенецъ, и ряменную плеть. Лошадь ета твоя силнѣй яго лошади, ну ёнъ силнѣй тябе. И я знаю, што ў тябе тыѐ салхвэтки нѣту, нà табѣ мѐньшія дочкѝ салхвэтку. И ежали ёнъ тябе упярёдъ рàнить, хапай якъ можно салхвэтку и кричи: салхвэтка, салхвэтка! подай мнѣ двинадцыть богатырёвъ! Такъ яны якъ явютца на тымъ мѣсьти и разорвуть яго. Тяперь попрощаемся, больши мы зъ вами ня ўвидимся!“

Отъ, ёнъ якъ сѣвъ и поѣхавъ воеватца. Догнавъ зновъ на дорози ётаго—идеть воеватца. Отъ ёнъ яму плетей десятокъ уськинувъ: прiѣхавъ туды, кому рукў, кому ногў отломивъ, якъ зьѣхався съ старшимъ, старшій яго якъ шархнувъ—ись сѣдла вонъ выбивъ. Тогды ёнъ говорить: „салхвэтка, салхвэтка! подай мнѣ двинадцать богатырёвъ!“ Якъ выскочили, якъ хапили, на тымъ мѣсьти разьбили на мелкія часьти! Отъ ёнъ тогды сѣвъ уже, брядучей стопой ѣдеть, и кровъ исъ плеча плывѣть. Царь-царица на крылцы стоять и кланiютца и просють милосьти, кабъ хоть на дворъ заѣхавъ, рану увяртѣть: „хто за наша царство свою горючую кровъ разливаеть?“ Отъ, ёнъ на дворъ заѣхавъ. Царь у дочки хустку знявъ зъ головы, пополамъ разодравъ, одной половиной яму рану завязавъ, а другую половину доцэ отдавъ. Тяперь персьцень у дочки

узявъ ды яму отдавъ—на руку надѣвъ. Ёнъ тогды маршъ и поѣхавъ. Пріѣхавъ къ бани, одежу зьдѣвъ, къ сядлу привизавъ. „Иди, кося, гуляй, силку собирай, а якъ надо будешъ, ко мнѣ прибудешъ. А самъ якъ лёгъ спать на двинадцать судокъ. Тогды царевна пошла полядѣть, ажъ и персьтень яе и салхвэтка. Тогды пришла и батьку доложила. „Такъ и такъ: мой персьтень у етаго Ивана слуговина и моя хустка—рана уверчана!" Тяперь батька пошовъ, царь, повѣривъ. Позволивъ тогды ёй сядѣть тамъ пилнувать и день и ночь, покудова ёнъ и проспався.

Якъ жа ёнъ проспався, тогды царськую карету запрягли, къ бани подъѣхали, ды яго у карету узяли, ды й у царськія палацы привязьли, за столъ за тисовый посадили. Такжа и царевну поплечь зь имъ посадили, а зъ-за стола у цэркву пошли и обвѣньчалися и свадьбу згуляли. А етаго мошеньника на поля вывяли, да растрѣляли. Царь яму передавъ усё царство.

И я тамъ бывъ, мёдъ вино пивъ. Дали мнѣ пирогъ, я за порогъ, дали мнѣ хлѣба крайчикъ, дакъ я подъ вороты, якъ зайчикъ, маршъ и пошовъ.

Д. Попова Слобода, радомльск. вол. чаусск. у. Отъ кр. Нестера Сергѣева Высоцкаго, 75 л. неграмотн.

44. Гадюка въ огнѣ.

Нѣукоторомъ царстви, нѣукоторомъ государстви жывъ старикъ у водной дярэвни со старухой. И мали яны сабѣ дятей одного сына тольки. Жили сабѣ ня плохо, порадошно. Стало ихъ сыну годовъ восямнадцать. Ёнъ ставъ у ихъ просить грошай у ярмалокъ. «Дайтя мнѣ, тата, грошай, я пойду у ярмалокъ!» Батька питая у сына: «кольки жъ табѣ трэба грошай?—Дай мнѣ пьять рублей. Батька давъ яму пьять рублей. Ёнъ и пошовъ у ярмалокъ. Иде дорогой, нясуть хлопцы кота малого у лѣсъ. Ёнъ у ихъ и питая: «куды вы, хлопцы, кота несетѐ?»—Понясомъ у лѣсъ, закиномъ, бо ёнъ шкодьливый! Ёнъ каа: ня закидайтя яго, продайтя мнѣ! Хлопчики ня знаять, що за яго просить, и кажать: дай намъ пьять карбованцовъ! Ёнъ винявъ пьять карбованцовъ, оддавъ имъ; кота узявъ на бярэмокъ и понёсъ домовъ. Принося домовъ и пусьтивъ кота у хату. Матка питая: „що жъ ты купивъ?"—А купивъ кота!—„Що жъ ты за яго давъ?"—Пьять карбованцовъ! Матка заругала была яго, а старикъ каа: да ничого, няхай сабѣ ужэ, кажа. Дожадая парань другого ярмолку, опьять прося пьять карбованцовъ. Матка ня хотѣла давать, а батька опьять давъ. Ёнъ пошовъ у ярмалокъ. Доходя подъ другую дярэвню, вядуть малыя рабяты у лѣсъ собаку вѣшать. Ёнъ у ихъ питаа: „куды вы

ведетѐ собаку етаго?"—Повядомъ повѣсимъ, бо ёнъ ня хорошый, ня слухая хозяина! Ёнъ каа: „не вядитя яго вѣшати, продайтя менѣ! Кольки вамъ за яго?"—Яны говдратъ: пьять карбованцовъ. Ёнъ винявъ пьять карбованцовъ, собаку за вяровку, и повёвъ домовъ. Привдя домовъ, матка знова питаа: „що ты купивъ, сынъ?"—А купивъ собаку!—„А кольки жъ ты за яго оддавъ?"—Пьять карбованцовъ! Матка заругала яго, а ёнъ мѝтары отвѣтивъ: будя стярэгть двора. Дожыдая ёнъ трэтьтяй ярмалки, и опьять прося пьять карбованцовъ грошай. Матка дужа ня хотѣла давать. Ну батька рашився ящѐ дать пьять карбованцовъ. Ёнъ узявъ грошы, пошовъ у ярмалокъ. Доходя дорогой подъ кусты—пасуть рабятишки скотъ санопа̀сомъ, вясной. И бѣгаять съ палдччами, зъ голдвнями, у водно мѣсто у водинъ *кущъ* и кричати вельми. Захотѣлось яму пойтить туды полядѣть, чаго яны кричать. Приходя икъ имъ и питая: „Чаго вы, хлопцы, кричитѐ да бѣгаете съ палками тутъ?"—А дтъ, дядчка: у томъ кущѣ ляжы̀ть гадюка вяликая, дакъ ня дадимъ рады ни якъ яѐ у̀бить, хоча насъ укусить! Ёнъ: ходемтя, каа, полядимъ: я поба̀чу, якая яна! Пошли уси, кольки ихъ булд, къ тому кусту,—ёнъ глядить на яѐ—гадюка большая. Ёнъ говора: ня битя яѐ,—продайтя менѣ яе! Яны уси одинъ на дного згляну̀ли—который тамъ не зная ничого, говора, кричить: дай намъ пьять карбованцовъ! Ёнъ вынявъ пьять карбованцовъ и оддаѐ имъ. Якъ оддавъ грошы, такъ гадюка скдчила прамо съ куста да яму на ру̀ки. Скочила на ру̀ки, ёнъ и понѐсъ яѐ домовъ. Нясѐ домовъ, яна яму на рукахъ говора, отвящаа: «купивъ жа ты мяне, говора, парань, отъ смерти—приняси жъ, каа, домовъ—и возьми новый горщдкъ и налджъ клочча и положъ менс, и поставъ на пѐчи у кутку!» Парань понѐсъ гадюку ету домовъ, принося домовъ—икъ яго щасьтю ня булд батька и матки у хати. Ёнъ поспяшывъ найтить ндвый горщокъ и намостить клочча, и поклавъ туды яе, и поставивъ у кутѣ на печь. Приходя батька и матка и питаа: що жъ ты купивъ у я̀рмалку? Парань ня зная, якъ отвѣтить: «я, говора, купивъ сабѣ, да не вамъ!»—А дѣ жъ ты ето дѣвъ, що купивъ?—«А днъ на пѐчи у кутку, у горщку поставивъ! Матка полѝзла на печку, глянула у гд̀рщикъ, оттуль чуть носомъ ня зарала, утяка̀ячи. И кричала усимъ голосомъ громко: утякай, тякай, старикъ, хутчѐй—гадюка ў хати! Тогды и батька заругавъ сына. Сынъ уврая—що ня бойтеся, яна васъ кусать ня будя!

Прихдя всна̀, наступаа лѣто, подойшла косовица и такжа жатва. Сямья мала̀я, трэба усимъ убиратца на день зъ дому. Остаѐтца у доми, тольки котъ да собака, да гадюка на пѐчи. Ра̀ньницай старики исъ сыномъ порабдтаять дружно, сонячко поднѝмятца, старикъ старуху посилаа, щобъ нагот овила обѣдъ да принясла имъ. Старуха приходя домовъ, хата

витоплена и наготовано обѣдать, якъ ненадо бить луччай. Старуха удивилась етому, и довго глядѣла и по хати и по двору: нямà никòго—и хто наготовавъ обѣдать? Навязала горшки и понясла старику съ сыномъ, обѣдать. Сѣли, побѣдали, старуха старику давай расказувати про то, що злучилось. Старикъ побѣдавъ исъ сыномъ и каа: а ето намъ Богъ давъ! Да, потомъ на другій день, параночували, дѣдъ опьять посилаа бабу исъ поля обѣдать готовить. Приходя старуха,—также само наготòвляно чищай того щè. Старуха стала рада етому злучаю, ня стала разглядàть и понясла обѣдъ. Принося старику и расказала, що злучилось. Сѣли, побѣдали. Старику и стало дико: хто-жъ ето такій готовя у доми обѣдъ? Давай сыну говорить: «идитка ты домовъ, мой сынъ, да узлѣзь тѝхонько на хату, да открый трохи стольнѝцу, да й гляди, хто будя готовить обѣдъ заўтра! Сынъ батька послухавъ, пошовъ домовъ. Увишовъ тѝхонько у дворъ, що нихто не видавъ, на хати ночь пераспавъ. Назаўтраго рàньнямъ уставъ, поднявъ нябогàтько стольнѝцы и глядить у хату, хто будя готовить обѣдать. Чуть стало сонца усхòдить, гадюка съ пѐчи пàдаа, зъ горшка, доловъ и оброкидàетца у самую у пригожую дѣвицу, и тутъ кричѝти на собаку и на кота: «собака и котъ, ступайтя суды!» Собака и котъ приходять икъ ёй. Яна ими и распораджàетца. „Ну, ты, котъ, ступай по трѐски, а ты, собака, нà, кушынъ бяри на шыю, ступай по водў! А то насъ хозяинъ кормя, и грòшы заплативъ за насъ, отъ сьмерти насъ отратовàвъ усихъ троихъ, дакъ трэба имъ готовить обѣдъ!» Котъ ставъ таскать трески, носѝть у хату, а собака принѐсъ воды. Зняла съ собаки кушинъ воды, стала собирать обѣдать. Парань зьлѣзшы тихòнько съ хаты, отчинивъ дверы у хату тихòнько, и схвативъ яе за плечи. Яна ахнула и сказала: ахъ, якъ ты мяне спўжавъ! Ну, спужавъ, говора, да ето усё ничòго—вѣрно судьба твоя и моя: у якомъ ты положенью менè заставъ, такъ вѣрно мнѣ и быть! Садись, да оддыхай, да дай мнѣ обѣдъ зготòвить!» Парань сѣвъ оддыхать, а дѣвица стала обѣдъ готовить. Яна яму и говора: „ну, тяперака обѣдъ готовъ! Тольки давай ми, говора, съ тобою—одно другому дадимъ клятву: покуль ми будомъ жыть, *шо*бъ ты бувъ мой мужъ, а я твоя жана! Ругать и наказавать якъ хочашъ мене би и лай, тольки ня ʻшыбайся, шобъ ты мене не називавъ гадюкой! А тольки ты назовѐшъ мене гадюкой, то ты не мой, а я не твоя!“ Съ обоихъ сторонъ побожылись, *що*бъ вѣкъ не називать другъ дружку худымъ. Навязали обѣдъ и понясьлй отцу-матары удвоихъ. Принясьли, побѣдали ўси ўчетьвяромъ, старикъ исъ старухой рады стали, що сынъ доставъ такую дѣвицу сабѣ. Побѣдавшы, старики лягли оддыхнуть, а дѣвица исъ сыномъ стали жыто жать. До вечара большы дѣвица нажала, якъ старикъ нажавъ съ старухой и съ сыномъ за цѣлаю

нядѣлю. Старикъ исъ старухой поговорили: «давай жанить сына изъ етой дѣвушкой!» Ожанили сына, стали жыть.

Пожывъ кольки тамъ, годъ—два; ражжывся порадошно, начавъ ѣздить у дорогу, извȯжничить. На жану̇ оставляя увесь обработъ, довярȧя на яе,—яна управляетца съ усимъ сама. И такіа яна штуки дѣлала: дѣ плохȯя жыто—дакъ яна выбирала сȧмая тольки зярно, а за соломой не хотѣла заботитца.

Ну, одинъ разъ бувъ мужъ у дорози. Пройшло усё жнивȧ, пріѣхавъ по вȯсяни домовъ. Ня доѣхавшы домовъ, стрэвъ своихъ сусѣдяй. Яны яму̇ й подвялй жану. «Ѣдь, говора, домовъ: твоя жана табѣ привобрала: ще й жыто стоить не пожато!» Дояжжая до свойго поля—доѣхавъ до однойниви—жжатая, до другія—жжатая, дояжжая до третьтяй—стоить солома ня жатая. Мужъ и рассѐрдився на жану. «Почаму жа жыта ня жжатая?» На дорози ѣхавшы, заѣхавъ у шынкъ, выпивъ добро горэлки, шобъ нагонять жану добро, домовъ пріѣхавшы. Пріѣхавъ домовъ, отчинивъ вороты, увёвъ у дворъ кȯняй. Отецъ-мати вискочили, рады стали, и жонка такжа. Ёнъ зразу ставъ жану ругать.—Батька й мати и жана стали яго увѣрȧть, шо ето солома тольки стоить, а жыто наша дома! Ёнъ не различая ничȯго, усё-тыки продовжая ругать и ругать. Наконецъ того съ пьяныхъ глазъ забувсь свою прѝсягу и назвавъ яе гадюкой! Назвавъ! Якъ назвавъ гадюкой, такъ яна удырилася объ зѐмлю и здѣлалася гадюкой. Полѣзла на печку и ляглȧ у кутокъ. Ёнъ повячеравъ, лёгъ спать. Назау̇тра прочинаетца, на ето на у̇сё забувсь, и питая у батька: а дѣ жъ жана? Батька и матка плача и говора: ты яѐ назвавъ гадюкой, дакъ яна здѣлалася гадюкой и полѣзла на печь. Ёнъ узлѣзъ на печь и давай просить яѐ. Довго яна мовчала, ничȯго яму не говорила. Потомъ ёнъ ставъ нау̇колѣньки перадъ ёй, и ставъ силно плакать и просѝть. Яна яму̇ отвѣтила: «коли ты хочашъ буть щасьливимъ, дакъ ступай за мной!» Ёнъ и согласився. Яна злѣзла съ печки и поповзла вонъ изъ дому, а ёнъ пошовъ услѣдъ за ёй.

Довго яны йшли дорогою, полямы, лясамы, лугамы разнамы, потомъ увойшли у нязвѣстность: тамъ гȧдовъ большыхъ и малыхъ силно богато. Яна сычить своимъ голосомъ, дорогу имъ дають и не займаять ихъ. Провёвшы етаго гада, яна яму й кажа: гляди жъ ты, якъ ми прѝдемъ икъ хати, дакъ у етой хати будя сидѣть старикъ. Ето старикъ мой отецъ. Ёнъ у мяне спрȯся гадцкимъ голосомъ: хто ты такій. Я яму отвѣчу, що ето мой искупитялъ, ёнъ мяне откупивъ отъ сьмерти. И попрошу яго, шобъ ёнъ тябе нарадивъ. А ты жа смотри: будя давать табѣ у награду золото и серабро, дакъ ты яго не бяри. А ёсть у яго на правой рукѣ на мѐзинцы пѐрсьтянь, дакъ проси яго. Дакъ изъ етымъ персьтнямъ будяшъ

ты щасьливъ! Вотъ и доходять—стоить у лясу̀ хата.—Приходять икъ дверамъ, яна подъ дврамы засычала,—старикъ скоро и отчинивъ двери. Убачивъ яѐ и зачавъ цаловать. И гадцкимъ голосомъ посычавъ изь ёй, спросивъ: хто такій съ тобой? Яна яму отказала: етый чаловѣкъ откупивъ мяне отъ сьмерти! Дакъ я яму побящàла вяликаю награду. Дакъ прошу васъ, наградитя яго! Старикъ повёвъ парня у своѐ кладовйя и открывъ яму золото и серабро, и сказавъ: бяри сабѣ, сколькя хочашъ! Ну ёнъ грошай не у̀звъ. Ёнъ убачивъ у старика пѐрсьтянь на мѐзинцы, ставъ просить: ня трэба мнѣ вашы грошы, ни золото ни серабро, а дайтя мнѣ зъ вашай рукй персьтянь! Старикъ усьмяхнувся и кажа: що жъ табѣ зь яго ? дли тябе грошы луччи! А ёнъ каа: «у мяне грошы своѐ дома ѐ, а пѐрсьтянь вотъ будя въ знакъ памяти, васъ и дочари вàшыя!» Довго старикъ ня дававъ, усѐ стяснявся, наконецъ того стала и дочкà просить, щобъ оддавъ. Ёнъ послухавъ дочки, изнявъ и оддавъ персьтянь той. Парань персьтянь узявъ, надѣвъ на руку̀ и ставъ благодарить и отправлятца съ хаты. Старикъ исказавъ дочары: провядй жъ яго, вонъ изъ гàдовъ вывяди, и раскажи, якъ обращатца съ перстьнямъ! Пошли вонъ съ хаты, гадюка провялà гадъ етый увесь, потомъ того остановились, яна и говора: парамѣняй персьтянь съ одныѐ руки на другую! Парамянивъ персьтянь съ одныѐ руки на другую,—выскакуя дванатцать чаловѣкъ прислуги. И спрашуять: што, хозяинъ, трэбуяшъ? Хозяинъ тогды говора: дайтя намъ попить и поѣсть! Сичасъ невидймо накрываетца столъ, напитковъ и закусковъ кольки душэ у̀годно! Попили-поѣли, просьтились и пошовъ парань домовъ.

Скоро казка сказуетца, ну ня скоро дѣло дѣлаетца. Урэмя пройшло дòвгая, когда парань зъ дому отлучився, и ня скоро домовъ пришовъ. Когда прихòдя домовъ, насилу увознавъ свой домъ. Батька зъ маткой худòбу у̀сю прожыли, тольки остався одинъ собака да котъ. И хата на бòкъ схилилася у̀жэ. Хозяинъ ушовъ у дворъ, поманивъ собаку. Собака явився къ яму, завищавъ отъ радосьти, и ставъ бросатца къ яму на груди. Ёнъ ушовъ у хату, старики увознали сына, заплакали отъ радосьти. Сынъ стариковъ унявъ и сказавъ имъ: ня журитеся! будя що пить, будя що ѣсьть!—Старики унялись. Парань паракидàя персьтянь изъ руки на руку̀,—вискàкуять слугй и питаять: що, хозяинъ, трэба? Хозяинъ каа: накрыйтя столъ, и шобъ було попить-поѣсьть що удоволь! Той накрывся столъ, напитковъ и закусковъ—кольки кому жалàтяльно. Ёнъ опьять—старики повячерали и уляглись спать—ёнъ опьять паракидàя зъ руки на руку̀ и приказуя своимъ слугамъ: «щобъ мнѣ за нòчь сострòянъ бувъ домъ—луччай самаго перваго министра! И щобъ мы булй паранѐсяны, я и отецъ мой и матяръ, и собака и котъ щобъ находився при мнѣ!» Самъ лёгъ спать. На-

вутро почанаетца старикъ исъ старухой—сами сабѣ ня вѣрать: на якомъ яны свѣти жывуть: на томъ, ти на етомъ? Потомъ сынъ уставъ, увѣривъ стариковъ, що ето усё здѣлавъ я—старикъ исъ старухой опьять обрадовались.

Довго—коротко пожыли, и начавъ сынъ отцу говорить, щобъ отецъ ишовъ свататца. Отецъ у сына питая: куды жъ? Сынъ отвящая: иди къ цару. Отецъ сыну отвящая: «Якъ жа мнѣ итить? Царъ своѐ дочари ня 'ддасть. Да пожалуй и мнѣ голову знимя!» Сынъ говора: «иди, ня бойся, ёнъ табѣ ня знимя голови! А якую задачу ни задасть, дакъ ты яму усё обящай!» Старикъ послухавъ сына и пошовъ. Написавъ прошэнія, парадàвъ цару. Царъ разглядàвъ, посмяявся и потрэбовавъ старика. Старикъ пришовъ, павъ наўколѣньки парадъ царòмъ и объявивъ свою прозьбу. Царъ вислухавъ старика и сказавъ: «ну, коли жъ твой сынъ хоча моѐ дочари, дакъ нехай ёнъ пріѣдя утъ такимъ то поѣздомъ: щобъ у яго булà золотая карета и шасьтярикъ лошадей, и дванатцать полковъ за имъ воськà у пров̀оды йшло!» Старикъ побящавъ: ето ўсё будя! Возворотився домовъ, расказавъ, що злучилося, сыну и вельми спячалився. Сынъ батьку сказуя: ня журись, отецъ: ето ўсѐ будя! Дождавъ вечара, паракинувъ персьтянь зъ руки нà руку, вискочили слуги и питаять: що, хозяинъ, трэба? Ёнъ имъ и сказуя: шобъ була золотая карэта, шасьтярикъ лошадей, кучары, лакеи, хвалеторы и дванатцать полковъ воська, проводъ шобъ бувъ! Слуги отказали: усѐ будя готово! Назаўтраго днёмъ устають—усѐ собрано подъ домомъ. Сынъ со старикомъ, съ старухой сѣли, поѣхали. Пріѣхали къ цару—царъ увидавъ—усѐ ето, що злучилось, и бувъ ставъ противорэчить, ня 'ддавать свою дочь. Дакъ ёнъ цару угрозивъ: коли ты ня 'ддаси свою дочь, дакъ я твоё усё царство раскопаю! Царъ подумавъ, призвавъ дочь, пригласивъ дочь свою вийти замужъ за яго. Пожанили и начали жыть зъ молодой жаной.

Довго—мало пожылй—повàдився къ ёй змѣй ў ночный бытъ. И начàвъ ёнъ яѐ збивать: що ты зъ мужыкомъ жывѐшъ? якòя ты удовольствія имѣешъ? Забяри ты яго персьтàнь тихенько ночьчи зъ руки, и я тябе унясу! Ты у мяне будяшъ жыть у золотомъ доми, а ня ў такомъ! То жъ казка кажатца—що у бабы волосъ дòвягъ, да вумъ кòротокъ,—на усѐ ето злодѣйство ина согласилась. Якъ ночьчи мужъ уснувъ, яна тихенько знялà персьтянь и парадалà змѣю. Змѣй яе потхвативъ—бывъ таковъ, да й нѣту! Занёсъ за синяя мòра, на тридесятая царство. Тамъ паракинувъ персьтянь зъ руки на руку—вискàкуять слуги, питаять: що, хозяинъ, трэба? Ёнъ имъ приказуя, шобъ царськаго зятя до дня перанѐсьть у старикову хатку, у батьковськаю, а домъ изнѐсьти, щобъ и мѣста ня былò. Усе ето за ночь и збылòсь. Прочинаетца царській зять у своёй у

гнилой у хатцы—нямà ни жаны̀, нямà ни персьтня. Тольки отецъ и мать, да котъ да собака. Поплакали, покручинились съ сямѐйствомъ, да що жъ тутъ дѣлать? Трэба итить икъ тѐсьтю жалитца! Пошовъ къ цару, объяснивъ своё нещастя, царъ рассердився, засадивъ яго у турму. И назначивъ яму пищу: хунтъ воды, хунтъ хлѣба у сутки. Посядѣвъ ёнъ нядѣлю, посядѣвъ и другую. Старики плàчать: и ѣсьти станòвитца нечаго имъ. Вотъ собака да котъ собрàлися до мѣста, и началѝ междa собой дѣлать совѣтъ: „ну, що тутъ, братъ, дѣлать? ажа хозяинъ нашъ пропавъ! Нѐкому насъ хлѣбомъ кормити! Давай-ка ми старатца, доставать хозяину персьтянь!“ А котъ каа: „дѣ жъ ми достàномъ? я жъ ня вѣдаю, дѣ жъ ёнъ!“ А собака говора: я знаю,—пòйдомъ! А котъ говора: дѣ жъ? каа. А собака говора: трэба, братъ, плысть чаразъ мòра! Котъ откàзуя: я плавать ня ўмѣю!—Собака: «я паравязу̀ тябе!» Согласилися воба, кинули старика и старуху и отправились у путь.

Довгая урэмя бяжàли яны сухимъ путёмъ. Наконецъ того пришли къ мору. Собака на кота кажа: садись менѣ на спину! Котъ уплёвся собацы за спину,—собака пошовъ плысть у мòра. Довго собака бився по морськимъ волнамъ, наконецъ досьтигъ берага. Вышли на берагъ, оддыхнули, опьять пусьтилися сухимъ путёмъ. Довго-коротко бѣгли—достягàять у етый золотый домъ. Тогды собака коту и говора: „отъ тутъ, братъ, табѣ ужэ дѣло пристойть!“ Котъ и спрашуя у собаки: «що жъ тутъ отнòситца мнѣ дѣлать?»—А òтъ що: ты души̇ мишэй, лазь по щеляхъ, а я буду носить ихъ укупу! Котъ принявся за свою работу. Такъ узявъ ихъ скоро душыть, що собака ледва справлявся тягàть ихъ укупу. Довго яны ихъ тягàли, наконецъ того вилàзя мйшаччій царъ и питàя у ихъ эхъ, собака и котъ! що вамъ трэба? Дакъ скажытя мнѣ да парастаньтя душыть мою *черъ*. Тогды собака отвѣчаа: «òнъ що намъ треба: вашъ хозяинъ унёсъ отъ нашаго хозяина жану и яго зъ руки персьтянь. Тò намъ жана ня нужна, а добудьтя намъ пѐрсьтянь у яго?» Тогды царъ скликнувъ своихъ остальныхъ усихъ мишэй и питая, гдѣ находитца персьтянь. И спитавъ у ихъ, идѣ находитца персьтянь, и хто охотникъ будя достать яго, оддать яму̀? Двѣ половйя мишы визвались охотниками достать у яго персьтянь. Скàзуять цару: „ёнъ закладàетца ноччи у яго ў роти, бярэ у ротъ зъ руки Тò мы принимямъ другія мѣры! Мы—одна обмочимся у помйи и ўсоскòчимъ яму̀ на ротъ; то ёнъ спросонокъ плюня и виплюня персьтянь, а ми тогда яго вамъ приставимъ!» Собака и котъ пирастали душыть мишэй—стали ожыдать ночи. Отъ, наступая ночь, змѣй улёгся жъ жаной спать. Тольки заснувъ крэпко, *приняли* мишы за свою мѣру: обмочились у помйи и ўсоскочила яму прамо на ротъ, и захлопала своими лапкамы. Змѣй спросоньня виплюнувъ персьтянь. Одна берагла̀,

а другая съ помийками возилась. Ухватила той персьтянь, и отдали свойму цару. А мишшый царъ парадавъ собацы. Собака узявъ персьтянь, поблагодаривъ мишэй и пошовъ у путь.

Довго ли, коротко бѣгли, прибѣгли къ мо̀ру. Собака коту и говора: «на̀ табѣ, говора, персьтянь, возьми у ротъ и дяржи крэпко, бо я, говора, буду плысть, умору̀сь задышусь, дакъ мо̀а, разину ротъ, а кольцо упадѐ у мо̀ра!» Котъ узявъ персьтянь, сѣвъ на собаку, собака и поплывъ у мо̀ра. Довго-мало плывъ, начавъ уставать. Питая ў кота: «ты вйшай сидишъ, далѐко бачишъ: ти далѐко бѐрагъ?» Котъ отвѣтивъ: нѣ, ужэ не далѐко! А персьтянь изъ рѻта въ воду̀!... Котъ сабѣ и мовчить, помàвкуя, покулѧ̀ на берэгъ вйидя. И видя, стоить на берэзи дрэво,—ёнъ собаку и говора: дяржы̀ вотъ на тѻя дрэво, суда блйжай! Собака повярнувъ на дрэво. Тольки ставъ на бѐрэгъ вылàзить, а котъ ху̀тко съ спины скокъ! да на дрэво, на верхъ! Собака оглянувся—ня видно кота. Начавъ кричать: «а дѣ жъ ты дѣвся?» А котъ отвячая: „братъ, я вѻ ўжэ дѣ,—на деравп!»—Чаго жъ ты туды забрався?—«А я, говора, виноватъ: упусьтивъ персьтянь, коли ты у мяне спрашувавъ, ти далѐко берэгъ!» Собака яго полаявъ, и наконецъ того: ставъ увящàть яго: злазь,—будомъ другія мѣры принимать! Котъ отвячая: боюсь, задушышъ! Собака яму побожывся: ня буду душыть! Котъ изъ вяликимъ страхомъ злѣзъ на землю. Отъ, собака и говора: «ну, давай приниматца за работу! Я буду по водѣ плавать и ырàть, ловить и душыть раковъ, а ты, котъ, носи ўку̀пу. Довго яны душыли раковъ—наносили большую ку̀пу. Ня ўстерпъ стало рачйному и рыбъяму цару,—вышавъ къ собаку и къ коту на берэгъ,—питая ў ихъ: «що вамъ трэба?» Собака отвящая: «ми плыли мо̀рамъ, упусьтили зъ рота персьтянь, то твоѐ раки ухватили и ня дають намъ!» Царъ сичасъ созвавъ раковъ и рассмотривъ ихъ: «ти ўси ви вишли?» Раки сами себе повѐрили: нѣ, говору̀ть: одного рака нѣту! На самой сѐрэдини мо̀ра сядйть ракъ съ одной клюшнёй. Царъ сичасъ пославъ гонцовъ; отыскали рака съ персьтьнямъ, витащили на берэгъ, и оддали собаку персьтянь. Тогды собака узявъ у ротъ и побижавъ сухимъ путёмъ прамо къ турмѣ, дѣ заключався ихъ хозяинъ.

Подбягàя собака къ турмѣ, и ставъ лапамы на вокошко, залаявъ. Хозяинъ увознавъ свойго собаку, простягнувъ у вокно руку̀. А собака изъ рота положывъ яму̀ у руку̀ персьтянь. Тогды хозяинъ, узявшы персьтянь, обрадовався. Паракйнувъ зъ руки на руку̀, вискàкуять слуги и питаять: що, хозяинъ, трэба?—Первая дѣло—попить, поѣсьть,—отъ голоду! Попивъ-поѣвъ, и потомъ вялѣвъ разбурыть усю турму и распусьтить усихъ до одного нявольника. Другій разъ приказавъ своимъ слугамъ, щобъ приставить жану умѣсьти зъ змѣямъ звя̀заныхъ. Да, якъ було сказано, такъ и здѣлано

Тогды царъ свою дочь сказнивъ, зъ змѣямъ умѣсьти, а зятю повялѣвъ жанитца на комъ ёнъ схо̀ча. Тогды годи брать царськихъ дочарэй, а найшовъ по себѣ ровну. Ожанився и теперъ жывѐ и хлѣбъ-соль жуѐ. И я тамъ бувъ, мѐдъ-вино пивъ.

С. *Поповка, гомельск. у.* Отъ кр-на Семена Григор. Бабарыки, 37 л. негр. Говоръ смѣшанный; населеніе занимается отхожими промыслами.

45. Три купца.

Нѣўкоторомъ царстьви, нѣўкоторомъ государстьви, ну не именно у томъ, у которомъ мы живёмъ, живъ сабѣ у одномъ городи богатый купецъ. И бывъ у яго усяго одинъ сынъ. И етый сынъ возросъ ужо до такихъ лѣтявъ, што треба и Богу учитца молитца. А ёнъ нико̀ли и ў цэрькву ня хо̀дитъ. Тогды батька ругаетъ: што ты, говоритъ, у цэрькву ня ходишъ, Богу ня молисься? Ну, давъ Богъ годовый празничакъ Вознясенія. Купецъ яго уругавъ и выправивъ силко̀мъ къ обѣдьни. Ну, такъ ёнъ ишовъ по большой вулицы, и протівъ сапо̀жницкія вывѣски засмотрѣвся сабѣ. Потому соступивъ зь мѣста, сапоги—подошвы̀ у яго оторвались. Ёнъ ня могъ ити у цэрькву, пошовъ къ сапожнику. И просивъ ёнъ сапожника починитъ сапоги яму̀. Ну сапожникъ бывъ руській, и сказавъ: не могу!—сядьни у насъ большій празьникъ! Потомъ говоритъ: надѣвай готовыя сапоги и ступай, а своѐ оставъ,—съ урѐмямъ поправлю! Надѣвъ ёнъ сапоги, и не пошовъ у цэрькву, назадъ вярнувся. Отецъ жа думавъ, што ёнъ бывъ у цэрькви да пришовъ. Такъ ёнъ и ня бывъ у цэрькви.

Потомъ ёнъ достигъ до совяршэнныхъ лѣтявъ, што жанитъ треба. И ёнъ замѣтивъ то̀я урэмя, што у сапожника дочь красивая. Ну, батька посылаетъ ихъ товаришу у сваты, ёнъ говоритъ отцу: «мнѣ нику̀ды, говоритъ, не понора̀вилось, якъ къ тому сапожнику у сваты йти!» Такъ батька сумився, не хотѣвъ у сапожника дочку̀ братъ,—якъ бывъ ёнъ купецъ мянітый. Сынъ отвѣтивъ, гово̀ритъ: дакъ я й жанитца ня буду, отъ тябе увыйду! говоритъ. Ну отецъ говоритъ: судьба твоя, сынъ! Сичасъ приходитъ къ сапожнику у сваты, ну, сапожникъ отвѣчаетъ: вы, говоритъ, коло мяне сьмиитѐсь! Купецъ: нѣ, говоритъ, не сьмяюсь! Ну, потомъ отвѣщаетъ сапожникъ: я зъ радосьтю отдаю! говоритъ. Хорошо! Ня довго думаючи, за свадьбу, посьпяшнѐй зачали. Свадьбу 'тгулявши, годы три пожывъ купецъ, умёръ. Ну а ёнъ, сынъ купечацкій, жывъ жъ жаною честно, не видавъ ниякòго глупства ижъ жаны; потому нажывъ имѣнія еще ўдвойня, якъ отецъ. Пото̀мъ, самъ никогда и ў лавки ня бывъ,—прикащики приносили приходъ и расходъ. Дѣтявъ у яго ня було̀. Тяперь яму захотѣлося у лавку сходитъ, полюбопийствоватъ. Прихо̀дитъ ёнъ у

свою лавку, и рядомъ зь яго лавкой другого купца лавка. И тамъ стояли два купца товарищи. Ну, якъ ёнъ богатъ силно, протівъ ихъ, яны къ яму не подходили. И мижда собой раговоръ мѣли: вотъ у такомъ то протчамъ царстьви товары наши дороги. Поѣдемъ, братъ,—нагрузимъ по барки и поѣдемъ! Имъ морямъ плысь треба було. Сычасъ етый купецъ богатый приходитъ къ имъ, поштэнія оддавъ, якъ слѣдуетъ. «Што вы, говоритъ, господа, разговаріитя мижда собою?» спрашіетъ етый купецъ, богатый. А вотъ, говоритъ: мы разговаріимъ: наши товары силно дорогй отъ у такомъ то царстьви! Дакъ мы по барки, говоритъ, нагружаемъ и туды отправляемся! А ёнъ отвѣщаетъ: «и я, господа, зъ вами поѣду! Три барки нагрузимъ и поѣдемъ умѣсьти! Никогда нигдѣ я ня бывъ, поѣду, говоритъ, самъ зъ вами!»—Ну, поѣдемъ, говоритъ, братъ, умѣсьти, коли ты уже нами не гребуешъ! Отъ, нагрузили яны по одной барки товару, а ёнъ три. И отправилися плысьти по морю. Отплыли, можетъ, сотеньника два отъ берега, закинули якорь, стали мижда собой разговаривать уси утроихъ, и мижда собой споръ за жонъ стали имѣть. Потомъ бядьнѣйшій купецъ говоритъ на богача: „твоя жана, говоритъ, не хороша,—могу я сычасъ зманутъ ее!“ Ну ёнъ, якъ мѣвъ у жаны совѣсь, видавъ, што ина икуратна, не занималась ни сь кимъ у глупство ни у якôя, говоритъ: «ежали, говоритъ, у три дьни жану мою зманишъ, то я отъ трёхъ барокъ товару прочь. А ежали не зманишъ, то ты одные своѐ прочь!»

Сычасъ купецъ отправляетца у лёхкой лотки на берегъ, етый, который зманутъ собираетца. И приходитъ къ купцу, къ дому, къ жанѣ яго. И ставъ разныя сьмѣшки заводитъ. Ну ина вялѣла дворнику прогнатъ купца сычасъ жа. То дворникъ обругавъ и прогнавъ. Такъ купецъ у вяликую досаду превознёсъ сябе, ходитъ, тоскуитъ по городу, потому што якій товаръ бывъ, и той прідетца оддатъ купцу,—за жану, што не знанувъ. Ну, потомъ, старуха идетъ, которая была дли етыя купчихи. И говоритъ: зачимъ, господинъ купецъ, тоскуешъ силно? Ну, и расказавъ купецъ у подробносьти ей, почаму у досаду пройзыйшовъ. Ина яму сказуетъ: «ты глупой, говоритъ, сусимъ, дармо што купецъ! Вотъ, сядьнишній день іна будетъ у лазьни мытца, ты сядь идѣ, у якомъ мѣсьти, скрыйся, и замѣчай примѣтъ на голомъ тѣли яѐ; а я табѣ кольцо имяннôя подамъ. Тогда, говоритъ, и усё доказателство табѣ мужу, скажи—отдала мнѣ и кольцо имяннôя!» И разыйшлись: баба сабѣ, а ёнъ у баню, и схованся. Приходитъ жана купца у баню: якъ разьдѣлася, ёнъ увидивъ у яе на лѣвомъ плячѣ родимую бородавку. Купчиха вышла, и ёнъ вышавъ, што купчиха и не видала яго, якъ ёнъ вышавъ, и не знала, што ёнъ бывъ. Приходитъ къ старуси, узявъ кольцо отъ яе, и побѣгъ.

Садитца у лотку и пріѣжжаеть къ купцамъ къ тымъ къ двумъ. И подаеть кольцо купцу имяннóя: «вотъ, говоривъ, што твою жану не званю—вотъ жа званивъ! И ты, говорить, моеть, сколькі лѣтъ проживъ, ни знаешъ, моеть, примѣты яе на голомъ тѣли, ти ёсь ти нѣ, а я знаю —на лѣвомъ плячѣ бородавка родимая у яè ёсь!» Купецъ изъ досады говорить: «я свойму слову хозяинъ,—получай моихъ три барки товаровъ!» Самъ садитца у лёхкую лотку, на берегъ отправляетца. Приходить домой пѣша, сычасъ ударивъ у щóку жанў! Никóли не ругався, а то ударивъ у щоку жану. Потомъ сказавъ: „душачка, низвинитя, што я васъ ударивъ! Поѣдемъ, говорить, на мóря кататца у лотки!» Ина за ето не ўсерчала, идеть за имъ тожъ, потому ина ня слыхала за имъ ниякóго глупства. Сычасъ приходить на берегу мóря, сѣли у лотку вóба, поѣхали кататца по морю у лотцы. И ёнъ сабѣ мысьли мысьлить: збросить зъ лотки у мóря жану. Потомъ говорить: «нѣ, говорить: востровъ близко, завязу на востровъ, и брошу на вострови!» Подьяжжаеть къ вострову,—сычасъ говорить: «и пóйдемъ, говорить, душачка, гулять по вострову!» Узьвёвъ на серядй вострова, бросивъ жану, самъ побѣжавъ отъ жаны. Жана спугалась, чаà мужъ убѣжавъ. Пала нà зямлю и вўмерла сы 'спугу.

Приходить купецъ домой. И замѣчанія былó съ товаришами, што жъ жаною ѣхавъ на мóря, а 'ттуль одинъ,—и стали начальству доказавать: «почаму, говорють, нашъ купецъ ѣхавъ на мóря жъ жаною, а оттуль одинъ, и жаны нѣту?» Начальство узялóся за купца: дѣ жану подѣвъ? Купецъ давай денежками засыпàть,—потому ёнъ видивъ, што жана не живà. Потомў, потуль денежки дававъ, покуль мўщества не стало, года за два. Домъ продавъ, потомъ лавки—усё рѣшивъ, усё ймущество. Не хватило ничóго ўже, и попавъ у вострогъ.

А жанà вылежала три гóда на вострови мѐртвая. Потомъ Богъ давъ ей,—воскреслà. И одѐжа на ей уся погнила, стала голая. Тольки коло яе который бывъ, остався земчугъ, тольки тэй остався, и тэй неўвошто увинўть,—узила у пригóрщи. И смотрить нà моря, плувѐть корабъ съ солдатами. Закричала ина, стоючи: господа, возьмитя, говорить, мяне! Услыхавъ начальникъ голосъ, вялѣвъ яè узять солдатамъ. И отдаѐть ина имъ етый земчугъ: дайтя мнѣ солдацкую одѐжу одѣтца, и пострижитя мнѣ волосы по мущиньски! И зпала, у которомъ бокў городъ свой, просила перевязьтй. Сычасъ яе перевязьлй съ моря нà берегъ. И було позно урemя —ночь обнилà яе. Ну ина—ночевать ей нейдн, сыйшлà зъ дороги ў лѣсъ и ляглà подъ сóсною подъ большою.

Теразъ часъ урмя прилетаеть птица на соснў. Якъ сѣла на сосну, дакъ ажъ соснà сколонулась. Теразъ повчаса прилетаеть другая, тожа своимъ порядкомъ силная птица, на ету саму сосну. Яше теразъ

повчаса третьтія—на ету саму сосну тожъ. И стали разговариват̃ человѣчецкимъ голосомъ п̃тицы. И ето ня былй п̃тицы—былй три злыхъ духи; три д̃іавола, и не знали, што ина подъ сосной находитца. Стали промижда сябе разговариват̃ человѣчецкимъ голосомъ. «Ты, говорит̃, братъ, ид̃ѣ бывъ?» один̃ъ на другого говорит̃.—«А я бывъ у воднымъ городи, шутку подшут̃ивъ, ды й хорошую! Отъ, говорит̃: собралисъ, говорит̃, три куппа ѣхат̃ съ товаромъ у чужія земли. Потомъ, говорит̃, я призьвёвъ ихъ и зъд̃ѣлавъ я мижда ихъ споръ на̀ мори. И мѣли яны залогъ объ жонъ. Потому один̃ъ обозвавъ жану някуратною богатаго. Ну тэй сказавъ: я отъ трёхъ барокъ товару прочь, коли мою жану зманишъ, коли ина поблудная! А не зманишъ, ты отъ одныѐ барки товару прочь! Тяперь, говорит̃: на троя судокъ зъд̃ѣлали условъ яны. Ну, сычасъ отправляется купецъ у городъ, и ид̃етъ прямо къ купцу, жану зма̀новат̃. Ну, ставъ коло яе сьміятца,—ина у рязонъ ничого не принила—вялѣла дворнику прогнат̃. Отъ, дворникъ яго прогнавъ. Пошовъ купецъ тоскуючи по городу, у силной досади. Которая была старуха дли яе и могла спросит̃ у купца: чаго ты, кает̃ъ, у силной досади? Купецъ раскавъ подробносьт̃и. И назвала ина купца глупымъ. Ступай, говорит̃, сяд̃ьни баня буд̃етъ топитца,—ступай у баню и скрыйся у якомъ скрытномъ мѣсьт̃и. И смотри примѣтъ на голомъ т̃ѣли яе. А я табѣ кольцо имяннòя подамъ. Купецъ пошовъ у баню и скрывся.—Увидавъ на лѣвомъ плячѣ бородавку родимую. Потомъ, вышатчи зъ бани, подала̀ старуха кольцо яму̀ имяннòя. Ёнъ отъ радосьт̃и побѣхъ къ морю, сад̃итца у лотку, пріѣжжает̃ъ къ купцу, и подает̃ъ кольцо и говорит̃ примѣ*тъ*, который ёнъ видавъ,—на лѣвомъ плячѣ бородавку. Тяперь купецъ выступает̃ъ съ свойго судна и оддает̃ъ три барки товару: я, говорит̃, свойму слову хозяинъ! Сычасъ приплывает̃ъ къ берягу̀, сѣвши у лотку, приход̃итъ домой, и жану ударивъ у щòку. Потомъ обратно говорит̃: пойд̃емъ, говорит̃, душачка, кататца на̀ моря! Жана не усярчàла за ето, пошла *съ* имъ,—потому ина не видала никогда *съ* яго худòго. Пришли къ морю, сад̃ятца у лотку обàя и поплыли кататца. Потомъ, ёнъ думавъ: у мòря убросит̃ъ яе! Ну, али вѣдавъ востровъ, поѣхавъ къ вострову. Пріѣжжает̃ъ къ вострову: пойд̃емъ, говорит̃, гулят̃ъ по вострову! на жану̀. Узьвёвъ на серяд̃и вострова и бросивъ жану. Самъ побѣжавъ отъ яе. Жана сы спугу ву̀мярла,—ёнъ видавъ. Шовъ по городу бежъ жаны ужо, и товарищи увидали, што бежъ жаны шовъ,—а туды жъ жаною—доложили па-

чальству. Начальство узялось за купца. Купецъ деньгами засыпать. Дали-боли—за два годы имущество ряшивъ и домъ продавъ. Не хватило у купца денегъ—у вострогъ попався. И тяперь сядить!..»

Ну, жана тутъ и разузнала, объ чомъ ето случилось у ихъ,—што мужъ ня виновенъ, дьяволъ смусьтивъ.

— «А ты, говорить, идѣ бывъ?» на другого.—«Я, говорить, тожъ не глупую вещь изъдѣлавъ! Я въ одномъ царьстьви уничтоживъ воду по усёмъ царьству,—который стошникъ дѣйствовавъ на усё царьство, то я яго загрузивъ каменьёмъ и дерявьёмъ. Тяперь у тымъ царстьви воды нѣту. Приставляеть царь у своё царьство воду. И до то царю сильно досадно, и отъ привозныя воды народъ сильно мрѣть!»—А што жъ, говорить: можно ету воду, говорить, открыть? Ёнъ говорить: отчаго жъ ня можно? Ежали бъ знавъ хто мѣсто тоя! И расказавъ подробно, дѣ мѣсто тоя, одинъ другому. «Ну, а ты, говорить, идѣ бывъ?—на третьтяго отвѣщають—и што зъдѣлавъ?»—А я бывъ у водномъ царьстьви токъ. И зъдѣлавъ тамъ тожъ хорошую штуку. Тамъ, говорить, черезъ мяне царевна высыхла на былину!—«А што жъ, можно яе воспользовать, царевну?» діяволы говорють.—„Отчаго жъ ня можно? Треба тольки собрать крошки у церкви и слѣдущая отслужить и дать царевни".

Діяволы улятѣли, потовковавши. Ну, ина лежала до дня подъ етымъ деревомъ и слыхала усё, што яны говорили. Давъ Богъ день, отправляется ина у ето царьство, идѣ воды нема. Приходить у царьскій городъ и спрашіеть чаю. И сказуеть трахтирщикъ: у насъ, говорить, чай дорогъ! А йна отвящаеть: почаму? Потому, што воды нѣту у нашамъ царьстьви! Царь нашъ сильно у досади церазъ воду! Ина отвѣщаеть на отвѣтъ: пусьтяки, говорить: воду можно достать! Трахтирщикъ поднёсъ чаю ёй, а самъ увѣдомивъ на царьскій дворецъ: якій то проходящій солдатишка хвалитца, што воду открыю,—не нашай зямли! Сычасъ посылаеть царь двухъ жандаровъ—попросить милосьти къ царю. Не пойдеть по чесьти, приставить безъ чесьти. Хорошо! Пришли жандары и обвѣщають: што ты, говорить, братъ, хвалився,—воду открыю?—Могу! говорить.—Васъ царь спрашіеть! Безотказно идеть. Приходить, отдала царю почтэнія, якъ слѣдуеть быть. Сычасъ царь принявъ къ сябѣ, ставъ угащавать, ставъ спрашавать: «што, братъ: можашъ воду открыть у моимъ царьстьви?»—Могу! Тольки мнѣ дайтя безъ усякаго начальства три полкѝ солдатовъ. Ну хуть и убытокъ будеть у народи, то я ня отвищаю! Царь говорить: «не

жалѣю трёхъ полковъ солдатовъ *ли бы вдда* была!“—Кабъ мяне слухали, што буду говорить,—кабъ слухали! Ну, царь давъ три полки солдатовъ, и назаўтраго повутру отправляетца ина съ солдатами куды знала.

Вотъ яны два дни ў проходи, на третьтій день остановилися оддышку йимѣть. И ина пошла мѣсто узнавать, дѣ—діяволы тувкували—загрўджена вода. Съ повдня пошла и до ночи нема̀. И солдаты мижды собою товкують: нашовся якій то солдатишка, зьвёвъ насъ, и самъ утёкъ! А другія говорють: отправимся назадъ у городъ! Ну нѣкоторыя говорють: нельзя! Потомъ и ночь обнила—нѣту! Давъ Богъ день—нѣту! Подъ повдня—идѣть. И нѣкотдрыя увидали: вотъ, говорили—зьвёвъ!—идеть, говорють. Приходя къ солдатамъ, говорить: ну, рябяты! пойдемъ дали! Приходють къ мѣсту, идѣ разознала ина—заставляеть полкъ солдатовъ копать гдру. Ну, тыя заморились,—не такъ объ пищи, якъ объ водѣ—другій полкъ приставила камень отгружать. Ну, й той уморивсь бывъ,—третьтій приставила лѣсъ вытасковать. Ну, й ня ўсйла была и тому! Сказала: рябяты, прихинитесь усй, и сами сябе беряжйтя, кабъ вода не затопила! Потомъ, у скоромъ урмени, растаскали лѣсъ—вода открылась. И народу мало потёрлось отъ воды,—не посьпѣли зь мѣста сыйтй. Вода по ўсимъ царьству пошла, и лўччи якъ упрѐдъ была вода. Царь съ музыкою, съ хлѣбомъ-сольлю сустрѣкаеть за городомъ, тольки не знаеть, съ котораго боку будеть ити. Якъ пришовъ—жалуеть гинаралскимъ чиномъ. Ну ина отвѣщаеть: я, говорить, съ простыхъ лицъ, благодарю васъ за чины! А царь отвѣщаеть: „ёсь у мяне, говорить, дочь, то я за тябе яе отдамъ!“ —Нѣтъ, говорить: вы находйтя сабѣ съ царьскаго лица! А мнѣ, коли ўгодно, подарйтя у увѣшная потомство полкъ солдатовъ луччихъ! Царь съ радосьтю дарйть. Надѣляеть деньгами, и отправляетца ина у ето царьство, дѣ царевна нездоровая,—исъ своими солдатами, мѣючи гинаралскій чинъ.

Подходить у ето царьство, близъ города къ кабаку, и спрашіеть водки дли солдатовъ. Солдатовъ угосьтила водкой, не спрашуеть ни службы, ничагд—солдаты етому рады! Одинъ до другого говорють: я, хоть бы й пусьтили домовъ, то я не пойду отъ етаго начальника. Спрашіеть ина у кабатчика: «што у вашамъ гдроди слышно?»—Хорошо, говорить, хто удалѣ отъ города живеть; а хто ўблизи, тому трудно прожить!—«Отчаго ето такъ?» ина уже на ʻтвѣтъ говорить. А ʻнъ отвѣщаеть: оттого, говорить, што нашъ царь силно сярдить теразъ дочь!—«А што дочари, говорить, случилось?»—Нездорова, говорить, нѣшто, и нихто ня можеть воспользовать!—„Ето, говорить, пусьтяки! я бъ могъ ба рады дать!“ Кабатчикъ побѣгъ къ царю, и доложивъ царю: якій то гинаралъ проходящій, сь чужихъ зямель, хвалитца, што вашай дочари можеть рады дать!

Царь сичасъ вялѣвъ просить милосьти його. Оявляитца ина къ царю, якъ слѣдуетъ поштэнія отдавъ царю. Царь принимаетъ къ сабѣ у комнату, съ собой умѣсьти кушать. И ставъ спрашивать: «вы, говорить, говорили, што моёй дочари пользу превознясў?“—Могу! говорить. И прошу милосьти, говорить, принять къ сабѣ мой полкъ солдатовъ,—потому мнѣ нѣгди ихъ помясьтить—я проходящій! говорить. Сычасъ помященія для солдатовъ дали. Обѣщавъ царю, кабъ ото такомъ то номастырю було служенія заўтри и кабъ была ваша дочь привезена туды, и дохторя кабъ были ваши тамъ!

Назаутраго, давъ Богъ день, оявились уси у номастырь. Отыйшло служенія, вялѣвъ сьнять пристолъ. Ну царь отказуетъ: пристолъ нельзя разрушать! Потомъ вялѣвъ тыки сьнять. Сьняли—а тамъ пыря. Сама пошла мышь шукать у пори, ну й вялѣла калавурить, кабъ ня выпусьтить зъ номастыря мышь. Нашла ина мышь, выгныла зъ пори, и забили. Ну, тогды вялѣла дохторямъ потрошить. Ну дохторя отказывались, сказали: заставляить гинаралишка якій то мышей потрошить! Ну царь приказавъ потрошить. Стали яе потрошить, ина увидила у нутрѣ тайны, якъ чистая стякло. И узила сама ў руки, и уси зьдивились, почаму ина знала, што у мышини у нутрѣ тайны? Уси признали, што тайны ўнутрѣ. И почаму ёнъ, говорють, знавъ? Хорошо. Отдають тайны попу. Попъ слѣдащія молитвы отправивъ и даетъ царевни болной. Царевна той жа часъ стала здорова, покрасивѣла, якъ и упредъ была. Царь возрадовавсь етому гинаралу: «и возьми, говорить, братъ дочь мою за сябе! Половина царства отписую, и по сьмерти усё!»—Нѣ, благодарю васъ, царь! потому што я съ простыхъ лицъ дослужився гинарала вотъ за воду у такимъ то царьствіи. А вы сабѣ шукайтя царевича якого либо. А мнѣ подаритя два полки солдатовъ у вѣшная потомство, якъ подарили у томъ царьствіи: за воду. Подвышіетъ царь зъ радосьти чинами, одинаріями и даетъ два полки солдатовъ.

Отправляетца ина у своё государство къ свойму городу. Подыйшотчи близко города, даетъ бумагу губернатору, што ѣдить гинаралъ проходящій съ чужихъ зямель съ трамя полками солдатами, кабъ у такомъ то доми у такого то купца мѣсто очисьтить. Ежали жъ дома нѣту, хуть палатки на томъ мѣсьти построить, потому я ў етаго купца у преднія годы бывъ, и мнѣ знакомъ хорошо. Потому я хочў хуть на етымъ мѣсьти побыть съ своимъ народомъ! Губирнаторъ послухавъ, сповнивъ дѣло, построивъ палатки—дома нѣту,—и сустрѣтивъ своимъ порядкомъ проходящаго гинарала. Гинаралъ у палаткахъ устроивъ балъ дли начальства дли губерськаго. И мѣли яны разговоръ: дѣ той купецъ? Губирнаторъ отвѣщаетъ: у вострози сядить. И скоро рѣшенія,—подъ наказъ пойдетъ! Гинаралъ спрашіетъ проходящій: за што?—А ото, говорить, без-

звѣсно, дѣ жану дѣвъ.—Хорошо, говоритъ: а дѣжъ яго домъ тяперь дѣвся? гинаралъ говоритъ.—А вотъ, говоритъ: мелкомѣстная начальство понямножку деньги потягували, вотъ и домъ, говоритъ, разорёнъ теризъ есто! Сычасъ гинаралъ спрашіетъ: прошу, говоритъ, губирнатора, кабъ мнѣ яго привѣсьти зъ вострога,—ёнъ мнѣ силно знакомъ! Губирнаторському по приказанію приводютъ яго у уковахъ. Вялѣвъ гинаралъ проходящій у вособую палатку увесьти, а госьтей оставивъ. «А што жъ, говоритъ, братъ: узнавъ мяне?»—Нѣ, говоритъ, не знаю!—«Да я у тябе, говоритъ, бывъ!»—У мяне многò былй, говоритъ. «Дѣ жъ ты своё имѣнія дѣвъ?» говоритъ. Мовчитъ купецъ зъ досады большой. Оставила ина яго у палатки, сама выходитъ къ начальству: «и скажитя, братія, хто сколькн узявъ зь естаго мущества денегъ?» Ну, другъ друга стали выказавать. Распишитесь, господа! говоритъ. Сычасъ расписались уси, хто кольки узявъ. Оборощаетца къ купцу у палатку: «што жъ, говоритъ: узнавъ, господинъ купецъ, мяне?»—Нѣту! говоритъ. Вялѣла уковы сьнять. Сычасъ уковы сьняли зь яго. Зьдѣвай, говоритъ, рыштаньскую одѣжу. Зьняли зь яго одежу рыштаньскую. Стоитъ голой купецъ. И спугався, думавъ, што наказавать яго будутъ. Сычасъ зьдѣваетъ сь сябе гинаральскую одѣжу и даетъ яму. Ну ёнъ боитца. Ина яму говоритъ: надѣвай, дуракъ! Ёнъ одѣвся у ету 'дёжу. Сама одѣлась у женьскую одежу. «Што жъ ты не узнавъ, говоритъ, мяне?»—Нѣтъ, говоритъ, не узнавъ! Сичасъ бяретъ яго за руку и вядетъ къ начальству. «Вотъ, говоритъ, господа! не дослядивши, дѣ чія жана, ня мѣетя правы домъ чужій разорять! Кабъ моё добрò попòвнито булò! Вотъ, я своему мужу гинаральскій чинъ выслужила и три полки солдатовъ отъ протчихъ царей!»

Ну вотъ, и усё кончаетца. Стали узновъ хорошо жить. И я тамъ бывъ, и усё ето видивъ.

Д. Корчеватка, рясиян. вол. чаусск. у. Отъ кр. Павла Сергѣева, 47 л. негр

46. Ракъ Царевичъ.

Живъ сабѣ такъ ходяинъ исъ ходяйкой. И яны много прожили, а дятей не мѣли. Ну, пошла старушка зимнымъ урямямъ по воду. Почарпнула воду вядеркомъ, а ракъ у вядро. Ина яго вонъ, а ёнъ: «не бросай мяне, я буду твой сынъ, будешъ щасьлива!» Ну, ина пришла домой. Дѣдъ говоритъ: «ли чаго ты принесла рака?» На 'твѣтъ старуха сказала: «ёнъ говоривъ: буду твой сынъ! возьми мяне,—будешъ щасьлива!» Старикъ давъ на твѣтъ: «идѣ ты видала, кабъ ракъ бывъ сынъ, и якоя щасьтя зъ рака?»

Ракъ отвѣщаетъ дѣду: «не ўлякайся, я тябе буду звать отцомъ! Примемъ трудъ тяжолый, потомъ будемъ мѣть щасьтя!»

Попочувавъ ракъ, обогрѣвся. И зоветъ старика отцомъ, старушку матерью. «Што, говоритъ, отецъ и матерь, я вамъ скажу: идика, отецъ, къ царю у сваты!»—Якъ я пойду, я сусимъ неўборенъ, старъ! «Ничаво, отецъ, объ етымъ ня ўнывай, ето я буду въ отвѣти!» Узявъ старичокъ кіёчакъ и пошовъ къ царю. Приходитъ къ царскимъ палатамъ, стоятъ на калавури солдаты. „Куды, старикъ, идешъ?»—Ды вотъ, иду къ царю у сваты за свойго сына! Иго подъ калавуромъ доставили до царя. Царь спрашіетъ ужо: «што, говоритъ, хотишъ, старичокъ?»—Ваша царьство вяличаство,—до вашій милосьти: хочу засватать вашу царськую дочь за свойго сына!—«Очень, старичокъ, етымъ благодаринъ! Што жъ я тебѣ отвѣчу? Когда ты хочешъ узять мою дочь, тыкъ ты будешъ мой сватъ, а сынъ твой мой зять. Выстрой тяперь отъ моего дома и до своего мостъ хорошій. И якій жа хорошій: кабъ была мосьница золотая и сяребриная, потожа столбъ золотэй и серебряный. Ну, ежли етаго ня ўпольнишъ за показанный срокъ, то тебѣ будетъ топоръ и плаха и на смерть бѣлая рубаха!» Старикъ загорювавъ, пошовъ.

Приходящи домовъ, набранивъ старуху: «ли чаго ты несла намъ бяду домой? Мнѣ обѣщана топоръ и плаха,—на смерть бѣлая рубаха, за такую вину, што я й не видавъ, а сказано мнѣ здѣлать!» Ето ракъ услыхавъ. «Разскажи жа мнѣ, отецъ, икая вина на тябе упадаетъ?»—А вотъ икая—идѣ ето я могу здѣлать? Велѣно здѣлать отъ нашиго дома и до царськаго мостъ хорошій—золотая мосьница и сяребриная, золотэй столбъ и сяребриный, и ў показаный срокъ,—а я йще не знаю,—длиненъ той срокъ ти малъ!.. На 'твѣтъ давъ ракъ: «отецъ и мати! ложитеся спать, вутро вечера мудрявѣй,—усё Богъ дасть!» Ну, уснули крѣпкимъ сномъ, нихто ничаво не слыхавъ. Вышавъ ракъ ночою на дворъ, ставъ подъ святымъ небомъ, снявъ раковину, засвятивъ, якъ молодэй мѣсицъ, и крикнувъ громкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки, собирайтеся до мяне усѣ: я вамъ закажу службу! Ну, яны явилися усѣ къ яму и конно и пѣша. „Отъ-што я вамъ братія, скажу: кабъ бывъ вымощенъ мостъ къ ранью, отъ моего двора и до царськаго хорошій—золотая мосьничка и сяребриная, кабъ было красиво царю прогулятца!»—Постаряемся ли вас, господинъ нашъ!

Повутру ошнаетца царь—освятила работа половину царьства! Потомъ царь пріўзадумавъ: „што я, сь кимъ ето занявся? Либо ёнъ со мной занимаетца? Ёнъ жа бывъ старъ человѣкъ и соўсимъ у ветхой одежи,—а якія ето заботы ёнъ издѣлавъ,—што круто и скоро! Ето къ часьти царськой вочень красиво!» Повутру ошнувся старикъ сы старухой: „якъ ето будетъ царь у нашъ домъ прибывать? Нашъ домъ дрянь!“ Тяперь опять рячетъ

ракъ: «ступай, отецъ, къ царю у сваты!» Старикъ узявъ кіечакъ и пошовъ. Тяперь идеть безъ заботъ и сьмяетца,—по мосту хорошо ити. Приходить къ дому царському, у яго часовыя спрашують: «куды йдешъ, старикъ?» Сурьёзно спросили у яго. Ёнъ на 'твѣтъ давъ тожа сурьёзно: «я иду къ царю,—я царьскій сватъ!» Ну тамъ поля̀дѣть на яго—у рубищи у етакомъ, у дренномъ!—Уходящи у палатку, старикъ сказавъ: здрастьви, ваша царьство вяличаство! Царь на твѣтъ давъ: здрастьви, сватъ мой! милосьти прошу у палатку! Приказавъ слугамъ поставить стулъ рядомъ исъ своимъ стуломъ,—якъ вотъ мы съ тобой. «Ну, будемъ, сватъ, разговаривать: свадьбу надо дѣлать? Штоба приготовився хорошо! По етому мосту кабъ купы (п=ф) были зъ разными напитками ли кожнаго слупа,—хто якей жалаеть, той будеть пить; и кабъ ли каждаго слупа стояла яблонка зъ злишными вѣтками—бытто золото и серябро̀, на ихъ, и яблочки золотыя и сяребриныя, и разныя хрухты: вина выпить, яблочкомъ закусить! Теперь отправляйся домой до свойго сына, и кабъ ето мнѣ было̀ сочинито,—а то топоръ и плаха, на смерть бѣлая рубаха!» Опять старикъ загорювавъ, заскучавъ, пошовъ. Приходящи домовъ набранивъ старуху: «ли чаго ты приносила бяду домой?» Потэмъ ракъ услыхавъ ихныя разговоры: «эхъ, говорить, отецъ и матярь: объ чомъ говорить, скучаетя?»—Да якъ жа намъ не скучать? Дѣ жъ мы, говорить набярёмся?—«Отецъ и мати! ложитеся спати: вутро вечера мудрянѣй,—усё Богъ дась. Давъ Богъ ночь. Ну, уснули яны крѣпкимъ сномъ. Ёнъ выходяща на дворъ, подъ свято небо, збросивъ свою раковину на зямлю и засіявъ, якъ молодэй мѣсицъ. Воскликнувъ громкимъ молодецкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки! собирайтеся уси до мяне!» Ну яны и идуть и идуть—и конно и пѣша. «Што прикажетя, господинъ нашъ?»—А вотъ што я вамъ скажу: къ моей свадьби приготавлюйтесь! Выбирайтя по етомъ зъ мосту красоту, устраивайтя яблоны—золотая яблона и сяребриная ли кажиннаго слупа̀; на тыхъ яблонахъ кабъ было прикрашано бытто золотоя вѣтьтя и сяребриная, золотоя яблоко и сяребриная, золотыя купы и сяребриныя, зъ разными напитками, зылотэй стаканъ и сяребриный, золотоя блюдо и сяребриная,—за тымъ, кабъ можно было̀ прохожымъ людёмъ и проѣжжымъ што выпить и закусить!..—«Рады старятца, господинъ нашъ! Мы ето испольнимъ!» Къ вутру усё ето явилось.

Царь выходивъ и далякѐ прохаджувавъ. Узявъ рукою за свою голову сяредьнимъ пярстомъ и подумавъ: «якъ ето дѣлаетца круто? Што нихто ня видивъ етой работы! И якъ по моемъ приказу усё й сычинито!.. Вутромъ ракъ и говорить оццу и матери: «што, говорить, отецъ-мати, нехай отецъ идеть у сваты къ царю ще одинъ разъ,—ёнъ больши уже не пойдеть!» Ёнъ узявъ кіечакъ и пошовъ. И радъ, идеть, идеть, да й

вина покушаетъ. Приходитъ ко дворцу, у яго часовыя спрашуютъ: «куды идешъ, старикъ?»—Ды я, говоритъ, иду къ царю! Я, говоритъ, царській сватъ! Ну, яго подъ калавуромъ доставили у царськія комнаты. Здрастьви, ваша царьство вяличаство! попрԁстому, помужицки! Здрастьви, говоритъ, мой сватъ! Прошу милосьти ў палатку къ сябѣ! Приказавъ слугамъ поставитъ стулъ рядомъ со своимъ стуломъ. Приказавъ свату: «што пущай твой сынъ суряджаетъ поѣздъ и прибываетъ сюды,—тутъ будемъ свадьбу играть! А самъ ёнъ мижда усихъ кабъ бывъ верьховой,—кабъ я мижда ўсяго поѣзду узнавъ, который мой зять!»

Ну тяперь, приходящи домовъ, и сказавъ сыну свойму: «прибирайся заўтри ѣхать къ царю—и кабъ ўси были у поѣздахъ, а ты кабъ бывъ верьховой,—кабъ бывъ знатенъ у ўсемъ поѣзду!»—Кладитеся спать, утро вечера мудряпѣй, треба дѣло спольнять! Ночой, яны положилиси спать, ничаво ни слыхали, а ёнъ выходяща на дворъ, воскликнувъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй, рыба и раки, собирайтеся на мою свадьбу усѣ! Кабъ было ли мяне полкъ солдатовъ украшённыхъ и музыки полковэя, ваши наряды зыпряжнэя, и ли мяне верьховая лошадь увобраная!»—Рады старятца, господинъ нашъ! Усё ето спольнимъ! Собралися, украсили усё сяленія. Старикъ со старухой—яны были съ такимъ умомъ—яны не рады и не спужалися: што тутъ такоя будетъ? Отправлялиси у путь повутру. Пріѣжжаетъ,—оддавали хорошій хоръ и чесь ли царськаго дворца. Царь у вокошко признававъ своёго зятя. Приказавъ своимъ слугамъ: «а йдитя того верьхового подъ руки зьнимитя!» Слуги пошли, благородно яго сьнимали, ну й уносили яго на рукахъ у царськую палату, садили яго на стулѣ съ старшую дочкую. Было у ихъ гуляньня дванадцать дней,—открытая торжаство по ўсимъ городу. Ну, обручались законнымъ бракомъ. И усихъ не стало, усяго поѣзду, остався зять одинъ, якъ бывъ ракъ такъ и ёсь, усё ракъ. И остався тамъ житъ.

Тяперь, было у яго у етаго царя ящо двѣ дочки. Дыкъ яны выбрали сабѣ зятёвъ хорошихъ, увобраныхъ, разумныхъ. И тяперь статьтй такея, што яны стали надъ ей надругатца: «што наши мужья хорошія, а тытку большая сестра—и за кого ты вышла!» А ина имъ говоритъ: «што ёнъ, говоритъ, при види народа, дакъ ёнъ ракъ, а якъ я ночую зь имъ у посьтели, дыкъ ёнъ не ракъ, отъ яго уся палатка зьяетъ, якъ раковину свою сьнимеТЬ!» Тяперь яны подсовѣтовали: што мы, говоритъ, постараемся, дыкъ её сожгёмъ, раковину!» Ну, яны уснули—а тыя раковину украли и сожгли у прачешной пеццы,—вядомо, тамъ огонь день и ночь горитъ. Ёнъ со сна услыхавъ смрэдъ. Ёнъ спросивъ: што такоя за ето смрэдъ? Ажъ ина дала яму на твѣтъ: у насъ у городи вопрёвъ не смалютъ днёмъ, а смалютъ ночой, дыкъ отъ того смрэдъ! Ёнъ прыхватився

ажъ яго одежи нѣту! «Ну што жа? говорить: жана моя, говорить, милàя, да ў раду поступила у глупýю! Хто ды мяне тяперь захочеть дойти, дыкъ ёнъ стопчить трòя ботовъ зялѣзныхъ, собъеть три кіи зялѣзныхъ; за трудами своими изъѣсь у харчахъ три проскурỳ зялѣзныхъ!» Нỳ, тяперь, самъ вышавъ на дворъ днёмъ, и ўсѣ яго видали, што ёнъ вочань красивый молодецъ. «Эй, говорить: сивчикъ-бурчикъ, вѣшный калавурчикъ, стань передо мною, якъ листъ передъ травою—служивъ мойму оццу, послужи и мнѣ молойцу!» Конь бяжить, земля дрыжить! Прибывъ етый лошадь, павъ на колѣны передъ имъ. Ну, ёнъ бярѐтца за гриву и садитца на спину. И сказавъ ёнъ: „ўси прощай!“ И вознявся самъ на воздўхахъ, коло воблàкъ ходячихъ, и поѣхавъ. Ну, а жана осталась.

Пожила, пожила, и стало ей плохò бизь яго—стали уже обиждать ее. Ина стала скучать своему отцу, кабъ ёнъ етыя вещи ей справивъ: троя ботовъ зялѣзныхъ, три кіи зялѣзныхъ и три проскурỳ зялѣзныхъ. Отецъ и справивъ ей еты вещи, ина пупросила блугусловенія: блугуслови мяне, отецъ-мати уѣхать!—мнѣ плохò жить. Ины блугусловили, ина и пошла яго искать. Пошла у тую сторонỳ, куды видила—ёнъ поѣхавъ.

Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити, дужа довго страждала у своёмъ походи! боты прибила, кіёкъ одинъ уже изьбила, варячѐнный хлѣбъ зялѣзный, который мужъ сказавъ, уже зьѣла,—стоить ей на пути домъ. Обнимаеть яе тёмная ночь. Стоить у воротахъ вяльможа женьскаго полу. „А здрастьви табѣ, здрастьви, проходжая!—кажетца, што ето ты нашаго брата жана? Трудно табѣ добратца до яго! Ну, прошу милосьти къ себѣ понучувàть!“ Ина низко голову склонила и пошла нучувать. Повутру рано ўставала, и благодарила на 'ходи. Ина ѐй, вяльможа, одовжила платочекъ: «нà вотъ табѣ платочекъ, отъ большія сястры̀ подарокъ!» Етый платочекъ вочань пригожъ, разными тьвитами, бытто золотый и серебромъ усàджаванъ, разнымъ украшэніямъ. Ина получила етый платокъ, лобзувàла яго, якъ и свойго мужа. Потомъ поблагодарила и отправлялася ў путь.

Якъ ити, дыкъ ити, якъ ити, дыкъ ити—скоро то говòритца, да трудовъ много принила—другія стоптала боты, зьбила другій кій, зьѣла и другій хлѣбъ, отъ мужа благословѐнный. Потомъ опять приходить, на яѐ пути стоить домъ, почищи ще й того. Ие присьтигаеть уже тёмная ночь; у воротàхъ опять стоить жа вяльможа женьскаго полу, такого жъ виду и лица. «Здрастьви тебѣ! говорить. Якъ бытто ты нашаго брата жана, и наша нявѣстка? Трудно табѣ добратца до яго. А тольки уже большы простраждàла, чимъ страждать! прошу милосьти понучувать у насъ, оддыхнуть!» Пріютила у палаты, у домъ свой, покормила, пріютила на оддыхъ. Повутру ношлежница уставала, благодарила, усердный отвѣтъ да-

вала: благодарю васъ за ношлегъ, за ваша угощенія! вы мяней прощайтя! Ина: «вотъ, говоритъ, голубка, я тебѣ дамъ подарокъ!» Ина ей дарувала подарокъ—щётку, которой учасуютъ голову. Ина вочань пригожа, украшѐнна красиво—тамъ одно золото, одно серябро, и разныя цвяты Ина, получивши еты вещи, и пошла.

Довго урем страждала ина—надѣвала третьтія боты, брала третьтій кій у руку и начинала третьтію проскуру ѣсь. Довго урем страждала у своимъ походи, мало оддыху мѣла,—якъ ето скоро сказуетца, ды ня скоро сочиняетца,—третьтія стоптала боты, третьтій оббила кій, зьѣла и третьтій хлѣбъ. Ей на пути бывъ опять домъ. Ина приходяща къ дому, её обнимала тёмная ночь. Такъ у етомъ доми, у воротахъ, стояла вяльможа женьскаго полу. Увознала её. «Здрастьви, говоритъ, правукрасная царевна! Давно страждаешъ, голубка! Заўтри свой страдъ поконьчишъ! Прошу милосьти ко мнѣ понучувать, нявѣстка наша, нашаго брата жана!» Пріютила яе у палатку, накормила, пригласила яе на воддыхъ. Назаўтряго ина уставала и сьпяшила ў путь. Ина ей дала подарокъ. Дала ей куделичку и прясьличку и веряденца. «Отъ, сказала: узыйди ў городъ и сядь на базари, расьтяли платочекъ, отъ большія што сястры подарочекъ, и поставъ на платочку щётку, и пряди сама куделю. И будетъ ити со слугами вяльможа, женьскаго полу. Ей вещи етыя дужа уподобаютъ. Ина будетъ ихъ тургувать. Ну, ина будетъ тебѣ цѣны давать прежди сотни,—ты не соглашайся; потомъ будетъ давать тысячи—не соглашайсь; ты не хоти ничаво! А мѣй договоръ: зь яѐ паномъ за вещь ночь нучувать. Ина уси три вещи у тябе возьметь. А ты ни на вошто большы не соглашайся!» Ина подякувала и пошла.

Приходитъ у городъ, пріютилась серяди базару—день бывъ погодьливый,—ина расположила своѐ вещи—платочекъ разослала, щётку поставила на платокъ, стала работой заниматца,—куделичку прядетъ! Потомъ, повуденныя ли часы, ти якія—ето ни показано—ходила вяльможа по базару, со слугами. Приходяща къ ей, сказала: «здрастьви тебѣ! А што, голубка, продаси ты мнѣ своѐ вещи?»—А йна на 'твѣтъ спросила: которую вы жалаетя?—«А мнѣ вотъ унорови́вся платочекъ!—(Платокъ напярёдъ подарованъ) Што табѣ дать за яго?»—Ина на 'твѣтъ отказала: я ничого ня хочу!—«А якъ жа ты,—дарно оддаси?»—Нѣ, я дарно не дамъ!—«Ну, што жъ ты хочешъ?»—А я хочу изъ вашимъ паномъ ночь нучувать!—«Ахъ, якая жъ ты бязсовѣсная!—Што табѣ за польза, съ паномъ ночь нучувать? Я жъ дамъ табѣ сотню денягъ за яго. Ето будетъ табѣ пользительно!» Ина на 'твѣтъ дала, што: а я не хочу! Ина отъ яѐ отышла, походила, походила,—скушно стало: не могу растратца зь естыми вящами! «Ну, пойди, дура, когда не хочешъ денягъ, пойди по-

ночуй!» Забрала платочекъ и пошла. «Ну, и пойди за мной!» Потомъ пришли домой—ина яе у палатку пріютила—у такую палатку далекую, што ина и голосу мужниго не слыхала. Потомъ прибывавъ мужъ ись охвоты. Ина яго зьнимала изъ лошадей слугами, угощала разнами напитками, которыя пьянѣй усихъ. Ну, упоила яго и ў спальню положила, ёнъ бясь чўстьвія бывъ. И позволила ей спать ложитца съ паномъ. Ну ина легла, и стала съ имъ разгуваривать: «я ўсё твоё приказанія спольнила! Я троя ботовъ зялѣзныхъ стоптала, я три кія зялѣзныхъ зьбила, итри хлѣба зялѣзныхъ зьѣла! Стала говорить, якъ страждала. До тябе дойшла, и вотъ съ тобой ляжў, а ты мнѣ ничого не говоришъ!» Ина яго и будила, и колыхала, и щипала. Ну, а ёнъ сьпить и отвѣту ина никотораго не слыхала отъ яго. Ти чустовавъ ёнъ, ти нѣ, ето не знато дѣло. Вутро уставала, благодарила и выходила. Вяльможа надъ ей сьміялася, назвала дурой: «вотъ, якая ты дура! Што ты получила отъ пана? А я бы табѣ дала деныхъ много! Отвѣтъ отказала вяльможи: «я деныхъ не хочу!» Ну, и отправилася ў своё мѣсто.

Поставила щетку, уже й безъ платка, сама прядеть куделичку. Отправлявся панъ за хвотою, опять изновъ—«ти я у во снѣ видавъ, ти што падо мною было—якъ бытто бы я гласъ слыхавъ своэ прежнія супруги. Я гласъ слыхавъ и болѣзни тѣлу своему припявъ. Посьпяшу-ка позараньшы съ охвоты домой!» А йна опять—изновъ выходила, вяльможа, на городъ, на гуляньня, й со слугами. Приходила опять кы етой сидѣлицы. «Што, голубка, говорить: продай мнѣ ету вещь!»—на щѣтку.—Купи!—«Што возьмешъ?»—А я ня хочу ничого—съ паномъ ночь нучувать! Ина ипять яе назвала дурой: «ну, икую ты, говорить, совѣсь получила, што ты съ паномъ нучувала?—Ничаво!—А я табѣ деныхъ бы дала!» Ну, потѣмъ ляхко согласилася, позволила—дала щё ночь перепучувать. Ну, опять такимъ жа путёмъ, такъ жа само: пріѣхавъ ёнъ съ охвоты, дыкъ ина сьнимала яго съ поизды слугами, привѣчала зновъ на угощенія. А ёнъ угощенія жастоко не принимавъ, —мысьливъ сабѣ то, што николи на мяне етаго не бывало, кабъ етакая угощенія я мѣвъ. Тольки ёнъ ставъ остерегатца, скоро ставъ бясь чустьвія пьянъ—самъ на сябе натянувъ такъ,—уснувъ за бясѣдой крѣпкимъ сномъ. Ну, ины узяли и положили у палатку на посьтелю. Тогды ина на яе сказала: «ступай съ паномъ нучувать!» Ну, ина легла. Подождала, покуль уси заснули, и во время человѣчецкаго сна стала яго разбуджать. Опять своэ разговоры разговаривала, усѣ своэ труды расказала: «я другую ночь съ тобою ночую, а отъ тябе ничого ня чую!» Ну ёнъ усё ето понимавъ, а отвѣту ниякого не давъ. Потомъ, ночь на проходи, стала вутра. А её разбуджають, высалають вонъ. Ина ўстала и поблагодарила. Ина, вяль-

можа тая, посьмиялась и назвала дурой: «двѣ ночи, говоритъ, ты нучувала, якую пользу ты получила?»

Ина поблагодарила, отправилась на своѐ мѣста, занимала своё мѣсто' пряла куделичку. Коло яе мужъ яе пройшовъ не ў знатномъ види. Ипять отправлявся на охвоту. Тяперь ина яго къ видну разглѣдила, тольки што не ўвознала. Прибываетъ ёнъ съ охвоты уже изъ разными думами. А йна, вяльможа, выходила ыпять на городъ сы слугами, на прогуляньня,—скучала по третьтей вещи,—кабъ уже и *ету* достать. Ну, дыкъ *ету* уже вещь—куделичку и прясьлицу и верятенца уже ляхчѐй достала, круто: «Продаси мнѣ ету вещь третьтію?» Ина 'твѣтъ дала: продамъ!—«Ну, што жъ ты хочешъ.» — На твѣтъ дасть: «я не хочу ничого: съ паномъ ночь нучуватъ!» Ина на слугъ: «бяритя еты вещи! Поди за мной!» Ну, и пріютила яе у тэй спальни, дѣ ина двѣ ночи нучувала. Ну, прибываетъ панъ исъ охвоты позараньшы. Ина яго сьнимала слугами исъ поѣзды, садила за столъ исъ собою и угощала напитками разнами. Ёнъ при сябе свою силу узявъ, и опять здѣлався хмялёнъ—натянўвъ на сябе. Ну, тоды положили яго у посьтель. Якъ стала тишина у ночи, заставивъ яе мужъ перестлатъ посьтелю, якъ ѐй упрàвитца. Ну дыкъ ина перестлала посьтелю и начилà разговоръ. На твѣтъ ёнъ давъ ѐй, што вутромъ ты не пойдешъ. Вутромъ яе стали васалатъ. Первый разъ называли: голубушка, пойди изъ пошлегу! Ина не пошла. Во торыхъ разахъ называли ее бязсовѣсной. Ина не пошла. Третьтій разъ сказали: «говорятъ табѣ—ступай изъ пошлегу!» Потомъ ина не послушàла. И выходютъ исъ спальни удвоихъ увобравшись. Ну, тогды ёнъ вялѣвъ вывесьти перваго жеребца со стайни и тую вяльможу растаскатъ по чистому полю, привязатъ икъ конському хвосту. А сами стали житъ-поживатъ, и царюватъ. И я тамъ годы два ти три тому бывъ, тольки ничого не бачивъ. Спокойной ночи, пріятнаго сна, радоснаго вутра! Бывайтя здоровы!

М. Горки, чаусск. у. Отъ мѣстнаго кр-на записано мною.

47. Иванъ Бѣлороссейскій.

Нѣўкоторомъ то царстьви, нѣўкоторомъ то государстьвя, живъ такъ король. И прозваньня яму дали Бѣлоросейскій. И самъ ёнъ Иванъ, и сынъ у яго тожъ Иванъ бывъ. Живутъ да пожаваютъ, ядутъ хлѣбъ да поядаютъ. И сынъ гэтый яго большій бывъ охвотьникъ дужа, ходивъ ўсё по хвоти. И много разовъ ходивъ, то ничòго й ня видивъ. Одинъ разъ пошовъ, попавъ мужичка худачка, на поли оручи. Кобылка яго дрэнная, жарабочикъ у яѐ хорошій. Уподобалося гэто Ивану Ивановичу. Давай ёнъ у мужичка худачка спрашаватъ: продай мнѣ мужичок-худачокъ гэ-

таго жарабочка!—Ахъ, паничокъ, я самъ радъ, што дождавъ. Отказуеть яму паничокъ: што ты ще не дождавъ, ще тольки увидивъ. А продай, продай, каеть, я табѣ много грошай дамъ!—«А скольки ты мнѣ даси?»—Ды скольки я табѣ дамъ,—я табѣ дамъ сто рублей! А бывало жъ рубъ и то большія гроши, а сто рублей, гэто уже дужа много. Подумавъ, подумавъ, гэтый мужичокъ: а, отдамъ, каеть, нехай сабѣ!—Да ты, каеть, купишъ сабѣ за гэты гроши четыре кони, а захочешъ два, дакъ ты хозяйство сабѣ наживешъ. Ну, и отдавъ. Ёнъ забрытавъ яго и повёвъ, такъ што кобыла гэта не зарзала, жарабочекъ не запищѣвъ. Потомъ приводить домовъ, поставивъ на стайню. Потомъ, тую жъ самую ночь, сонилося яго батьку Ивану: што купивъ твой сынъ жарабка сабѣ на споминаньня, а батьковой головѣ на стенаньня! Тяперъ ёнъ уставъ, сядить и думаеть: «што зь гэстаго будеть? Возьму тка я сонникъ, погляджу, ти ня увиджу я што про гэто!» И такъ ёнъ сабѣ разобравъ, што гэто нехорошо тыки яму. Тоды ёнъ думаеть самъ сабѣ: ну, лѣпи жъ возьму я иго, да маленькаго страчу, утоплю, хуть не такъ мнѣ жалко будеть! Давъ Богъ день, отъ ёнъ у день позвавъ яго къ сабѣ: Иванъ, каеть: ходитка я табѣ нѣшто скажу! Ёнъ пришовъ: а што, тата, скажашъ? Пойдемъ-тка, каеть, съ тобой, покажу я табѣ границу на мори, соты ище малъ, а я старъ, часомъ скоро помру, ты ня будешъ вѣдать ничого! —«А пойдемъ, тата!» Яму не такъ гэта граница, якъ абы бѣгчи. Пошли. Идеть ёнъ сабѣ да й раздумався, гэтый батька, што плохія такія думки у яго на мозгахъ. Идеть сабѣ утупившисі, никуды не глянеть. А гэтый Иванъ, яго сынъ, усё бѣгаеть—у одинъ бокъ забяжить, у другій забяжить. Потомъ забѣгъ,—стоить яблонка, и на ей ёсь яблочки; ёнъ узявъ шибнёвъ и ставъ шибать, и яблочки збивать. Яблонка гэта яму говорить: Иванька, Иванька, ахъ ты королевичъ! Не зьбивай ты моихъ яблочекъ. А отъ, ёсь на мнѣ сухоя сучча, возьми, наломай ты два пучки, навяжи—одинъ подвяжи подъ одну паху, а другій подъ другую—табѣ усётки къ ночи къ тёмной згодитца! Ёнъ здѣлавъ, наломавъ, навязавъ, и потъ пахи подвязавъ. И побѣхъ услѣдъ за батькомъ. Батька на яго усердився, зачимъ ёнъ абы куда забѣгаеть: зачимъ ты, каеть, забѣгаешъ, чаму ты ня йдешъ услѣдъ за мной?—«А я, каеть, забѣгавъ туды-сюды, яблочки, каеть, збивавъ!» А гэтаго не сказавъ!—Ну, ходи, каеть, борджѣй! Ну й приходють къ гэтому мору, да й къ синему. Ну вотъ, каеть, поглядитка, дѣ граница, вуунъ, вуунъ бѣлый камень!—«Дѣ, дѣ, каеть, я ня виджу!»—Да вунъ, каеть, подыйди поближи! А тамъ сусимъ ниякого й камяня ня було дажа, на бѣломъ мори. Ёнъ подыйшовъ, да й нагнувся и лядить у мора. Ёнъ яго ўзявъ да й пихнувъ, батька сына, а самъ, кабъ не бачить и не чуть, якъ ёнъ кричать будить, ни крику, да й ниякого голосу—можа

пожалѣю, думаеть сабѣ, дакъ кабъ ня вытегть,—и побѣгъ оттулятьки.

Ну, якъ ёнъ упавъ у мора, дакъ яго рыбина вяликая и ужрала. Потомъ,—ёнъ занимався папиросками, уже куривъ,—и была у яго сярничка, и ёсь у яго зь естыя яблонки суччa два пучки, отъ ёнъ и ставъ тяпло тамъ клась. Разложивъ тяпло, ножъ вынявъ, ставъ яе рѣзать тамока, печь и ѣсьти. Проносила яна яго тамъ день, а можа два—не могла вытримать, што ей, значитца, дужа жарко. Ина узяла яго, карханула, да й вонъ на берагъ. Ну, а якая тамъ на ёмъ была одежа, дакъ и погнила, и остався ёнъ голый. И думаеть ёнъ тогды сабѣ, на берази: куды мнѣ ити, што робить, домовъ мнѣ ити, дакъ не утопивъ батька—дакъ засячеть, абы завѣсить—пойду, куды вочи глядять. Надумався: пойду на шляхъ, попрòстому на госьтинецъ. Хай тамъ тыки боли люди ходють и ѣздють и сидять ли дороги; и можа хто мяне возьметь. И пошовъ и сѣвъ. Полядѣвъ, полядѣвъ, пя чуть никòго, да и не видать; хотѣвъ уже убратца оттуль ити, али думаеть сабѣ: нѣ, посяджу, ящо троху. Ажны почувъ, нѣхто стучить—ѣдить. Потомъ и увидивъ; ажъ, зъ большой карэтой. И такъ яму стало тогды стыдно (неувага). Нѣ, каеть, гэтыхъ пропущу, сыйду на бокъ, заховаюсь, бо гэто абы якій панъ, абы король,—самъ сабѣ думаеть. Узявъ ды сыйшовъ на бокъ, ды сѣвъ подъ кустъ, схованся. Бѣхъ изъ ими маленькій собачка, якъ узбѣхъ на гэтый слѣдъ, прибѣхъ, да й брешеть на гэтаго Иванбку на королевича. Ажно й то ѣхавъ король, другій. Ну, собачка гэтый брешеть на яго. Гэтый король каеть: стой, на хурмана. Иди ты, каеть, поляди, гэто собака не такъ брешеть, тамъ нѣхто ёсь. Ёнъ злѣзъ, гэтый хурманъ, и пошовъ. Приходить туды, ажъ хлопчикъ голый сядить. Тоды ёнъ кажеть: «хлопчикъ нѣйкій голый сядить!»—Якій сабѣ, каеть, ёсь, вяди яго суды!» (по руську). Ёнъ яго узявъ, и привёвъ къ гэтому королю. Чимъ тябе, каеть, зовуть, хлопчикъ? король пытаетца у яго.—«А? каеть, што? мяне чимъ зовуть? мяне зовуть Иваномъ, и батьку тожа мойго Иваномъ!»—А ящо чимъ?—«Королевичемъ». А, ёнъ каеть кучару: гэто пѣвно мой сынъ, у мяне жъ икуратъ такій сынъ. Якъ ты, каеть, пришовъ сюды?—«Да я, каеть, и самъ не знаю,—солгавъ,—хто мяне сюды ти принёсъ, ти привёзъ!»—Ну, якій ёнъ сабѣ ёсь ня ёсь, повязу домовъ. Увяртѣвъ, у свою карэту усадивъ и поѣхали. Ѣхали празъ мясьтечко празъ якоя, ёнъ яму узявъ, да одежу и купивъ, якъ разъ на яго. Привозить домовъ, ажъ и свой сынъ ёсь дома. Якъ привёзъ, злучивъ, дакъ и не ўвознаеть, который сынъ рòдный, который находный. Ну, каеть, якій сабѣ ёсь, ня ёсь, годуйся, каеть, нехай одинъ сынъ будеть родный, а другій находный. И удалися яны волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо, и ўсё якъ одинъ. Ну, и живуть яны, годуютца, и никòли яны ни за што

не сварутца, вотъ, якъ дѣти, вядомо. Никдли. Такъ одинъ одного и зовуть: ты братецъ родный, а ты братъ находный. Ну, жили, уже яны и и поросьли, и старый уже ставъ гэтый король. Вядомо жъ, скоро казка кажетца, да не такъ яно скоро дѣетца, якъ кажетца. Гэтый король уже ставъ дужа старъ. «Ну, вотъ, дѣти, што я вамъ скажу: одинъ сынъ родный, а другій находный, и распишу я вамъ своё королевство пополамъ, и кабъ вы, по моёй смерти, жили, поживали, и часто мяне поминали. Ну, проживши нямного и помёръ, расписавши имъ своё королевство гэто. Ну, живуть яны, поживають, и часто батьку поминають. А усётки межда сябе хорошо живуть, никдли не сварутца. Живуть и поживають и усё батьку поминають. Ну, потомъ, прожили кольки и кажуть сами мижда сябе удвухъ, разговарують: што ты, каеть, вѣдаешъ, братъ родный: я думаю, кабъ мы который жанилиси. «И я хотѣвъ, каеть, табѣ, братъ находный, давно гэто казать! Я-тки думаю: ты, братъ находный, жанися!»—А нѣ, братъ родный, ты усётки родный, а я находный: табѣ треба упярадъ жанитца, а я тольки буду за свата табѣ; я тыки вѣдаю дѣвку добрую!—«Ну, нехай сабѣ буду и я; а дѣ жъ ты вѣдаешъ и дѣвку?»—А вѣдаю, каеть, далёко: ёсь у нѣкоторомъ царствьи, у нѣкоторомъ государствьи, ти можа у томъ, у якомъ мы живёмъ, и ёсь нѣйкій король, и ёсь у яго одна дочка. Пойдемь къ ёй у сваты, не такъ—поѣдемъ, а пойдемъ. Сходи ты, каеть, на мѣсто!—«Чаго жъ я пойду?»—Купи, каеть, тамъ шѣраго сукна, прдстого мужицкаго!—Да на што табѣ, ти у насъ надѣть нечаго?—Нѣ, я хдчу гэтакаго! Послухавъ ёнъ, пошовъ, гэтый братъ родный. Купивъ гэтаго сукна, шѣраго, простого мужицкаго. Купивъ, приносить домовъ. Ну, позвали кравца, и пошивъ гэтый кравецъ сермяжку зь естаго сукна, и шапку. Пошивъ, и ёнъ надѣвъ, гэтый братъ находный. Во тяперь, каеть, ти ладно? каеть на брата. Якоя ладно, дужа дрэнно, сусимъ нельзя выйти и на люди. Мы жъ тыки названыя королевичи, а гэтакъ надѣвшиси дрэнно у сермягу. Ёнъ каеть: нехай сабѣ! Ты жъ, братецъ, будешъ молодѣнецъ, дакъ ты надѣнься ладно, а я ужо вядомый сватъ! Ну вотъ надѣвъ гэтую сермягу, гэтую шапку, да й кажеть: ну, тяперъ жа ты мяне не зови ни Иваномъ, ни братомъ, а зови, што Ивашка—шѣра сермяжка. Тяперъ мяне усюдахъ будуть звать! Ну, выбралиси и пошли ў сваты. Потомъ, подыйшли подъ гэто королевство, куды яны уже йшли у сваты, и послали письмо напѐрадъ, подыйшовши ужо троху. Получивъ гэтый король письмо гэто отъ ихъ: што идёмъ къ табѣ у сваты Бѣлоросейськія королевичи. Потомъ яны идуть, идуть, приходютв у такую пущу, у драмущу, што ни уздўмать и ни ўзгадать, и ни ў казцы сказать, ажъ у тэй пущи ляжить чело вѣкъ, надѣвшись дужа крѣпко—штаны суконныя, кожухъ тёплый, ар-

мякъ добрый, и шапка вушатая. Ляжи̂ть да усё кричи̂ть—а гэто дѣялося улѣтку—да й кричи̂ть: аай, стюдёно, аай, стюдёно. Ты ходи-тка, каеть братъ родный, поляди... А нѣ, ты не зови мяне братомъ, скажи: сходи-тка, сватъ, поляди!—Ну, сходи, сватъ, поляди, што тамъ такоя, муси̂ть, ёнъ намъ знадобитца. Ну, братецъ находный пошовъ, полядѣвъ. Што ты гэто, каеть, ляжишъ, такъ надѣвшись, гэто жъ дужа жарко—у насъ сорочки на спинахъ, и то намъ тяжки.—Ну, а мнѣ, каеть, зимой тёпло, ня то тёпло соусимъ горачо. -Ходи-тка, каеть, изъ нами, можа мы тябе нагрѣемъ.—Ну, пойду! Уставъ и пошовъ разомъ изъ ими. Ну й пройшли кольки тамъ урамя—не такъ то скоро дѣетца, якъ скоро кажетца,—приходють у такоя поля вялікая, што ни уздумать, ни узгадать и ни у казцы сказать. На тымъ поли тожъ повзаеть и усё собираеть разныхъ тамъ и жабъ и козявокъ, разное тамъ поскудство: тамъ и жуковъ, и мухъ тамъ, и кричи̂ть: ѣсьти! Бо яго уже мужики выгнали изъ дяревни, што ёнъ усё побъядавъ и николи не наѣвся. Тогды ёнъ каеть, Ивашка гэтый шѣра сермяжка: што я, каеть, усё тябе буду слухать,—сходи-тку ты поляди, што тамъ за человѣкъ такій? Пошовъ гэтый молоденецъ и полядѣвъ. Каеть: человѣкъ, собираеть усё да ѣсь, и кричи̂ть: ѣсьти. Чаго ты кричишъ, каеть: ты жъ бы пошовъ у дяревню, да й подъѣвъ хлѣба!—«А мнѣ, каеть, хлѣба много треба!»—Ну, дакъ ходи ты зъ нами, можа мы тябе накормимъ!—«О сёй, зачимъ, кажеть—пойду!» Ну, идуть учатырохъ уже разомъ. Пройшли кольки урамя знова, не такъ жа скоро дѣетца, якъ скоро кажетца—проходють опять у пущу у драмущу, што ни уздумать, ни узгадать, и ни указцы сказать. И потомъ кричи̂ть тамъ—пить! и якразъ по бороду у водѣ стоить у возяру̂. И почули гэтыя жъ сваты, што ёнъ кричи̂ть: ай пить, ай пить! Кажеть гэтый уже Ивашка шѣра сермяжка: сходи-тка ты, каеть, поляди, хто гэто тамъ кричи̂ть и дѣ. Пошовъ гэтый молоденецъ туды и полядѣвъ, ажъ стоить человѣкъ у водѣ, и по самую бороду̂, ды й кричи̂ть: пить. Аяяй, каеть, чаго ты кричишъ гэто, у водѣ стоючи? Трошку присядь, ня боли, якъ на вяршокъ, дакъ и напъёсься.—Ага, каеть, дякую табѣ за твою добрую ласку, я жъ якъ напъюся, дакъ усю воду̂ и выпъю, а тогды другій разъ што я буду пить?—Да нутка, ну, каеть, согнися трошку, да й воды напися! А што жъ ты мнѣ даси тогды, якъ я выпъю?—Ну вотъ!—Гляди жъ, кабъ правда гэта твоя была. Ёнъ пригнувся, якъ сморганувъ—такъ усю отразу и проглынувъ. Осталися тамъ раки и рыба, и жабы. Гэтый объядало туды тогды, да нутка терабить, терабить. Поѣвъ усё, почисьтивъ. Тогды ёнъ: ну, што ты, опивала, напився?—А дякуй табѣ за добрую ласку: напився, што я буду у другій разъ пить? Напився, не напився, тольки разозлився!—Ну, ходи разомъ, можа напоимъ мы тябе! А ты, объядала, наѣвся?—«Ахъ, кабъ я, каеть, наѣвся, то бъ я

и соўсимъ рассѣвся!»—Ну, пойдемъ разомъ уси.—«Да ужо т̄яперъ кабъ вы и не хот̄ѣли мяне узят̄ь, дакъ ба я пошовъ». Ну й пошли разомъ. Ишли яны нѣскульки уремя—не такъ жа скоро д̄ѣетца, якъ скоро кажетца, и подход̄ють къ гэтому королю. И признаваютца, што такія и такія идут̄ь сваты къ табѣ у сваты. Ёнъ кажет̄ь имъ: ход̄итя, ход̄итя, я довго жду гэтакихъ: я ли васъ уже, ли подорожныхъ людей, приготовивъ уже лазьню!—Охъ, д̄якуй табѣ: намъ гэто дужа добро подорожнымъ людёмъ, што мы къ вамъ ид̄ёмъ.—Ну, ход̄итя, ход̄итя борджѣй. Отъ яны подход̄ють—ящо можа вёрстъ пять було отъ гэтой лазьни, а лазьня гэта цугунная, да такъ натоплена, што ажъ червона. Отъ имъ такъ горача дужа. А гэтый Морозъ радъ: о, тутъ нагрѣюся! Ну, гэтый Ивашка шѣра серияжка кает̄ь: ну, Морозъ, поскорѣй жа грѣйся, поскорѣй, а то намъ горача. Гэтый Морозъ, покинувши ихъ, да ще ближы побѣгъ къ гэтой лазьни, узявъ да штаны зьд̄ѣвъ, да якъ пусьтивъ духъ, такъ у гэтой лазьни ажно вода замерзла. Такъ яны уси туды бягомъ, отъ и стали тамъ стукат̄ь гэтыми котлами. А тогды кажут̄ь: вотъ, король: не собравъ у усимъ своимъ королевстьви дровъ, и лазьни не натопивъ хорошо!—Ну, однако сваты! гэто король уже кает̄ь.—Ну сваты, не сваты, коли бъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли.—Ну, тяперъ вамъ можа хочетца выпит̄ь?—Оёёй: зачимъ!—Ну коли выпъет̄я, кольки ёсь у моихъ дворцу вина и горѣлки, усю коли выпьет̄я—дакъ отдамъ дочку за васъ замужъ!—Ну, што буд̄еть? Опивала: т̄и бярэсься ты?—«Попъёмъ! (шепчутся) Вы тольки што смашнѣйшая—тоя пит̄я, а мнѣ усё кидайт̄я». Ну й пошли яны у порадокъ. Вялѣвъ гэтый король кольки ёсь вина и горѣлки, вялѣвъ выставит̄ь на дворъ. Ну, яны выпили тамъ, Опивала усё попивъ, яны мало пили. Объядала жджёть, т̄и скоро дадут̄ь ѣсьти. Попилѝ усё, тоды и кажут̄ь яму: ахъ, ты король, король! на пять человѣкъ ты й то жъ не собравъ напоит̄ь, намъ ящо мало.—Ну, однача сваты! гэтый король уже кает̄ь.—Ну, сваты не сваты, колибъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли. Ну, т̄яперъ ѣсь т̄и хочет̄я?—Оохъ, зачимъ? Помывшиси, да напившиси, дакъ добро бъ подьѣли! Приказавъ гэтый король своимъ слугамъ—кольки ёсь у яго воловъ, коровъ усихъ порѣзат̄ь, котлы на дворѣ повѣсит̄ь и мясо гэго поварит̄ь, и сватовъ накормит̄ь. Ну, порѣзали, поварили. Сватовъ кормили, да не накормили. Объядала гэтый и пошовъ по свòяму: вы, кает̄ь, выбирайт̄я сабѣ, што потлусьт̄ѣй, а мнѣ, кает̄ь, усё кидайт̄я и косьт̄и, усё! Ну, и попили и поѣли усё гэто. Тогды кажут̄ь: аай! король, король! не собравъ, чимъ и сватовъ накормит̄ь. Ѣли, ѣли и не подъѣли! Ну, король гэтый и кажет̄ь: однача сваты. Ну, сваты не сваты, колибъ не сваты, къ табѣ бъ у сваты ня йшли.—Ну, т̄яперъ сабѣ может̄я отправлятца, и тамъ на якоя число может̄я пріѣхат̄ь, со-

ўсимъ на вясельля! Ну, яны въ гэстымъ съ королемъ распрощалися и поцалувалися. Пошли назадъ своей дорогой. Приходють жа къ тому мѣсту, идѣ кричавъ пить Опивала, пошовъ узновъ у своё тоя возяркд—воды уже повно. Дякуй вамъ, што вы мяне хоть разъ напоили! Улѣзъ—якъ кричавъ, такъ и кричить—пить! Гэты остальнэя пошли дали своёй дорогой. Приходють жа узнова къ тому мѣсту, дѣ кричавъ тэй Обжора. И пошовъ: дякуй вамъ, што вы мяне хоть разъ накормили на моимъ вяку! Ну, и пошли остальнэя дальшы дорогой своей. Приходють зновакъ тому мѣсту, дѣ гэтый Морозъ казавъ, стидёно. Дякуй вамъ, каеть, што мяне на моёмъ вяку хоть разъ вы нагрѣли! И пошовъ. Якъ кричавъ, такъ и кричить. А гэтыя жъ у двухъ браты пошли домовъ, братъ родный и знаходный. Пришли домовъ, много ня думавши, поѣхали на вясельля. Братъ гэтый родный кяжеть: ахъ, братецъ знаходный! поѣдемъ мы на вясельля, дакъ скинь ты гэту свою сермяжку, а то будеть намъ дужа стыдно. А ёнъ каеть: а нехай сабѣ—якій свату стыдъ! Потомъ, ня довго думаючи, стали яны собирать прочихъ королёвъ на вясельля, вясельля гулять начинать. Ну, и собралися ѣхать. Ну, якъ увидѣли, што ёнъ гэтакъ надѣвшись, Ивашка, шѣрая сермяжка: на што ёнъ намъ гэтакій? будеть намъ дужа стыдно, што мы ѣдемъ прибравшиси дужа пригожа. А тэй жа кажеть: якъ жа намъ ѣхать безъ свата? мы яго сховаемъ мижда насъ, ёнъ никому ня будеть виденъ! Нѣ, каеть, будемъ съ каретъ вылѣзать, будеть усякому видать! Ну, потомъ узяли-тки яго. Ѣдуть, ѣдуть, да усё поговарують: нѣ, нѣшто намъ нехорошо! Возьмемъ, да яго засячёмъ, гэто ёнъ насъ дужа стыдить!—Ай нѣ, каеть: куды мы поѣдемъ безъ яго? Усётки ёнъ нашъ попутчикъ, ёнъ жа нашъ сватъ!—Нѣ! ну хоть такъ скинемъ!—Ну, кидайтя, тольки бы не губитя—усё тэй молодёнъ ихъ просить. А ёнъ сядить, бытто бы и ничого ня чусть. Ёнъ то ня дужа ихъ боитца. Потомъ ня утѣрпѣли, узяли, скинули съ своё кареты. Ёнъ бѣгчи услѣдъ, да—ахъ, Божа мой, Божа мой, за што я такъ горую? Дай мнѣ, Божа, каеть, коня, кабъ полѣпи за ихъ. Такъ и давъ Бохъ яму. Ёнъ сѣвъ, за сватами и поѣхавъ. И такій ёнъ, што ни ўздумать, ни згадать, ни ў казцы разсказать, што прамо вотъ позлачано ажны. И наперадъ заѣхавъ имъ. Якъ было имъ стыдно, дакъ ящо боли стало: што гэтакій сермяжка, да ѣдеть на такомъ добромъ кони. Потомъ яны кажуть: нѣ, мы тыки усё яго засячёмъ, гэтаго Ивашку шѣрая сѣрмяжка! Ай ну, братцы: ну, што вы кажетя—молоденецъ гэтакъ—досъ вы яго разъ скинули. Лѣпи мы узнова возьмемъ яго, а гэтаго коня посяродъ возьмемъ, ёнъ будеть усихъ окрашать, якъ будеть ѣхать. Ну, потомъ яны послухали гэтаго молоденца, яго къ сабѣ узялй, а гэтаго коня между своихъ упраглй. И поѣхали дальшъ. И недалеко уже до гэтаго короля, посылають яны попераду

письмо, кабъ король прислávъ подъ молодого коній, бо далекая перaѣздка. А то ихъ уже бытцамъ то пристали. Потомъ уѣхали у нѣйкая мястечко, и живъ тамъ коваль, и усё ковавъ и приковувавъ, и плескавъ и приплёскувавъ. Гэтый Ивашка кажеть: стойтя, каеть, тутъ! Тутъ мнѣ одна вещь треба. Ёнъ злѣзъ, идеть къ гэтому ковалю. «Помогай Бохъ!" говорить.—Дякуй, Ивашка шѣрая сермяжка!—«Послухай ты мяне, што я табѣ скажу!»—Нутка, што?—«Скуй ты мнѣ оброть, кабъ тыки покрайней мѣры пудовъ зъ дванадцать!»—Ого, на што табѣ гэтакая?—«Што табѣ до гэтаго—мнѣ треба: табѣ не знать, а мнѣ не сказать, на што гэто!» Э, гэтыя думають сабѣ, которыя ѣхали уже собраны—дружйна: гэто жъ ёнъ нѣшто знаеть! А мы яго считали за такого человѣка за дреннаго Потомъ яны поѣхали даляй. Сковавъ коваль оброть, ёнъ ковалю за гэту оброть тоя давъ, што ёнъ сказавъ. Отъѣхали трохи отъ гэтаго короля—присылаеть король подъ молодого кобылу, што зъ дванадцати чартовъ сковавши, кабъ яна уже молодого разнясла и развязла, кабъ николи яго ни увидать и ни спознать. Оохъ! Яна бяжить и гогочеть. Гэтый молодэй хотѣвъ на яе сѣсть. Нѣ, братъ родной, стой, не садися, я-тку сяду, яе объѣду! Узявъ, сѣвъ на свойго коня и наупроти яе поѣхавъ. Яна подбѣгла къ коню, якъ свиснула у ноздри—конь гэтый и повалився, а ёнъ на яе усхватився, гэтый Ивашка шѣрая сермяжка. Ну, и забрытавъ. Нутку ѣхать да й погонять. Отъ яна яго якъ подняла, дакъ ажъ подъ воболоки. Тутъ гэтый молодецъ думаеть: вотъ пропавъ. Ну, объѣхавъ, яе такъ зьбивъ, што соусимъ, яна уже и повалилася. Ну и на своихъ коній и поѣхали. Пріѣзжають туды, къ гэтому королю. «Отъ, дякуй табѣ, нашъ сватъ, подославъ нѣйкую чаплю подъ молодого, и пристала соусимъ. Мусить уже пущѣйшихъ и ня было!»—Оого, кажеть, сваты, однача.—Ну, сваты, не сваты, колибъ не сваты, дакъ къ табѣ бъ у сваты не йшли. Ну, будемъ начинать вясельля гулять. О й стали и вясельля гулять, и молодыхъ гэтыхъ звиньчали. Потомъ, зьвинчавши, по нашаму сказать, побѣдали. Ну, побѣдавши, яна уже говорить, гэта королевна: ахъ Иванька, Иванька, пойдемъ мы на й третьтію атажу, покачаемъ кулю! А ёнъ приказававъ, Ивашка шѣрая сермяжка: гляди, ты пилнуйся мяне, можа я забуду, дакъ ты пилнуйся, одинъ никуды не ходи. Потомъ жа яна выбираеть такій часъ, што гэтый сватъ нѣкуды отвярнувся, отыйшовъ. И подговорила яго, свойго мужа: пойдемъ, покачаемъ съ тобою кульку! Ну й пошли на третьтію тажу. Привяла яго къ такей кульцы, што якъ покатила ды й сказала: перанимай! Дакъ ина и ударилася у стяну и одержилася тамъ. Ну и добро, што ёнъ не ставъ перанимать, а то бъ яму тамъ усё. Тогды ина каеть: кати ко мнѣ! А ёнъ сядить надъ ёй, и не скранувъ. Оглѣдився гэтый Ивашка шѣрая сермяжка, што нема брата родного, ёнъ и

туды, и туды, а потомъ побѣгъ на третьтюю тажу, и попавъ, и такъ сказавъ попростому: ахъ братова, братова, ёнъ ще страмитца, а вы ужо повялй яго кульку качать! Да у насъ ня гэдакъ качаютъ!—А нутка, якъ?—А во якъ. Да якъ ударивъ ногой гэтую кульку, дакъ ина у дворцы кольки стѣнъ проломила и у городъ провалила. Вотъ якъ у насъ качаютъ! А ёнъ ще страмитца. Ёнъ ба ще лѣпи покативъ!—Ну, потомъ, згуляли вясельля, тутъ жа и 'тправилиси, забравши яе съ собою. Ну, и поѣхали и приѣхали у свой дворецъ. Потомъ ина думаетъ: стой, якъ ба мнѣ тябе уловить! А у яе тожъ була шабля пудовъ восемъ. Ну, ёнъ якъ лёгъ спать на своей посьтели, вясельля згулявши, якъ горѣло тяпло, ёнъ туды клався, якъ и треба: а якъ потушили тяпло, ёнъ перавярнувся—гдѣ голова—тамъ ноги положивъ, а дѣ ноги, тамъ голову. Потомъ яна потгкралася, якъ сѣканула—не по головѣ, да по ногахъ—и отсѣкла ноги. И сама скрылась, побѣгла. Ёнъ жа и не закричавъ, и не заякотавъ. А потомъ ёнъ уставъ, да й поповзъ зъ гэтаго дому тожъ на дорогу, на госьтинецъ. Отъ тамъ много ёнъ и мучився—тамъ уже кричавъ и якотавъ. Ажъ тожъ идетъ одинъ бязрукій. И почувъ ёнъ, бязрукій: нѣхто кричитъ и якочитъ. И пытаетца: хто тутъ кричитъ да якочитъ ящо? И тожъ усё ноччу дѣялось. Той бязногій пытаетъ: «а хто идетъ?»—Да я бязрукій!—Ахъ, Божа мой, каетъ: бѣдный бязрукій, ну я бязногій хужи. А ёнъ подыйшовъ: ага, правда, мучисься! Ну што, кажетъ бязрукій на бязногаго: кабъ пошли мы умѣсьти?—«Я жъ ня могу. Ти здужаешь жа ты мяне несьти?»—Поляджу! А ну, подыйшовъ къ яму: а нутка, бярися, бязногій, мнѣ за шію. Такъ ёнъ ощапився и стали гомонить, такъ хай сказать. Куды мы тяперъ, бѣдныя люди? уже бязрукій кажетъ на бязногаго. А бязногій кажетъ: дякуй Богу што ты трапився; тяперъ я вѣдаю, куды мы пойдемъ. Пойдемъ, дужа у большую пущу, у такую, што несходимую. А бязрукій тогды у бязногаго пытаетца: а што мы тамъ будемъ робить?—А будемъ людей разбивать, ды й гроши отбирать, проходжихъ и проѣжжихъ.—Ого! ты молодецъ!—А я жъ тыки усё думаю: якъ жа намъ хлѣба заробить? гэдакъ тольки. Гэтый бязрукій кажетъ: и потомъ правда! Ну, й пошли яны. И началй: якій человѣкъ ѣдетъ, яны, што ёсь, у яго отбярутъ, абы панъ, абы жидъ, абы купецъ—хто ни попало имъ. Потомъ, якъ зажили грошій много, потомъ подходитъ уже восянь—стюдёно уже стало. Гэтый бязногій кажетъ: што мы будемъ робить: ужо жъ зима?—Я жъ ня вѣдаю, што робить!—Кабъ мы сабѣ хату збудували!—А добро будетъ! Ажъ ѣдетъ коваль нѣкуды на кирманъ. Вязетъ топоровъ дужа много. Ну, вотъ яны много не брали, а штукъ по пять. Ну, вотъ тяперъ пойдемъ у лѣсъ. Подноситъ бязрукій бязногаго къ древу, бязногій древо звалитъ, отсячетъ, бязрукій бязногаго понясетъ, а бязногій

руками тожъ древо тягнеть. Ну и насѣкли лѣсу и натигали у грудъ и принимаютца хату будувать. Хату збудували и печь зляпили: ну и жили дальшъ, поживали. И усё гроши отбирали. Тольки уже стали у жидовъ, у купцовъ, и у пановъ, у поповъ — у кого были гроши. А якій бѣдный идеть человѣкъ, дакъ яни ще яму дадуть. Потомъ имъ стало дренно жить: што потомютца, придуть, треба хату топить, ѣсьти варить, много трудовъ дужа, безпокойства. А што ты вѣдаешъ, бязрукій.—А што, бязногій?—Што я табѣ скажу?—А нутка, кажи!—Я думаю, кабъ мы ходяйку сабѣ дѣ выстарались! Уже зима стала!—А дѣ жъ мы выстараемся!—Да вотъ, бяритка мяне, да няси!—Пойдемъ. А гэто дѣялося у коляды. „А куды мы пойдемъ?“—Ды пойдемъ у дяревню!—«А коли мы пойдемъ?»—Ноччи; тамъ будуть игрища у коршмѣ. Тамъ будуть: дѣвокъ много будеть, и яны будуть гулять, а тогды выйдуть на дворъ холодать, а мы подойдемъ да подъ вугломъ станемъ, да которую небудь ухапимъ. Ото намъ будеть ходяйка; да у гэтакій лѣсъ занясёмъ, яна ня будеть вѣдать куды. Потомъ пошли къ гэтой коршмѣ. Ажны и правда: играють, и скачуть, и выбягли дѣвки на дворъ. Одна тамъ трошку дали отышла, яны схапили й понясьли. Такъ што нихто и ня чувъ и не бачивъ. Што ина спужалася, дакъ ничого и не говорить. Потомъ батька тужить—дочка пропала. А матка плачеть, што й нема вѣдома, дѣ дѣлась сы йгрища—нихто ня чувъ и не бачивъ. И не знають, якъ яе поминать—ти яе ховтуры отправлять. Такъ потужили да поплакали, на гэтомъ и осталося. А бязрукій и бязногій дѣвку понясьли. И принясьли у свою хату, и кажуть ёй: нябось, нябось, будеть табѣ добро у насъ. Будуть якія жиды дорогой вѣзьти муку, крупы, мы отбяромъ и сюда къ табѣ принясемъ, а ты напячешъ и наваришъ, сама подъяси и насъ накормишъ. Проживши троху, оглѣдилася ина, обдумалася. Першъ задумалася, засмутѣла, ажъ схудѣла, а потомъ забылася, да й поправилася, посытѣла. Ну и живеть, и хорошо. Потомъ проживши, унадилася къ ей баба. И такъ привыкла, што уже сама сабѣ кажеть баба, што уже нихто мяне не отучить отгэтуль. А якая баба?—Юга!—Да ще къ тому у яе зялѣзна нога, на зялѣзной ступи ѣздить, зялѣзными товкачами погоняеть, и нукаеть, и понукаеть, и усё къ гэтой дѣвцы. Пріѣжжаеть ина къ ей ноччи, якъ пойдеть бязрукій изъ бязногимъ гроши отбирать, а дѣвка одна останётца. Отъ ина тогды ѣдеть. И пріѣдеть къ гэтой хати и першій разъ скажеть: дѣвка, моё дитятка, отчини мнѣ! Ина отчинила, и бабу упустила. Вотъ, поищи, моё дитятка у головѣ. Ина яе почала йскать, а яна дудку приправила къ серцу, да давай кровъ ссать. Ну, и нассалася. Потомъ на гэту ступу сѣла и поѣхала. Приходють гэтый бязрукій зъ бязногимъ, уже якъ давъ Богъ день. Ну, готова, ядà?—Готова, дядячки! Ну

подъѣли, лягли спать. Выспалиси, побѣдали, потомъ скоро вечаръ подышовъ, узнова пошли у свой обходъ. Гэта баба узнова ноччи пріѣжжаеть, къ гэтой дѣвцы да й гукаеть яе: отчини двери. Ина отчинила: ищи, скурва дочь, ў мяне у головѣ! Тогды уже, привыкла баба, смѣла. Ина и ищеть, а яна кровъ ссеть у яѐ. Потомъ за гэтыхъ два разы уже гэтый бязрукій зъ бязногимъ узнали: што гэто дѣвка бѣлая, чуть ходить. И говорить бязрукому «што гэто, братъ, наша дѣвка гэта худая, што яна ажъ валяетца. Я думаю, ти ня ты, братъ, изь ей!—И што ты, гэто братъ? Я гляжу да думаю: ти ня ты гэто зь ей!—Я нѣ!—Ну и я нѣ!—Будемъ тка у яе пытатца: чаго яна?—Ну, будемъ. Дѣвка, чаго гэто ты такая худая; ти табѣ хлѣба мало, ти чаго?—«Ай, дяденьки, ня вѣдаетя вы...» —А што?—Якъ вы пойдетя тольки, а ко мнѣ баба пріѣдеть, нѣйкая Юга, да йще у яе зялѣзна нога, на зялѣзной ступи ѣдеть, зялѣзными товкачами погоняеть, и нукаеть и понукаеть, скажеть: отчини мнѣ! Тогды придеть, да кровъ мою тягнеть, ссеть!—Ага, постойтка, кажеть, мы яе уловимъ. Ну мы сягодняшню ночь ня пойдемъ никуды, а гэту бабу уловимъ! Ну, пришла ночь, ина легла, гэта дѣвка, спать, а яны стали гэту бабу пилнувать. Ажъ такъ подъ повночь: ѣдеть! Дѣвка отчинила. А яны яе хорошенько, узяли ды у зялѣзную ступу усадили у гэтую, што ина ѣхала, да й давай товчи. Товкли, товкли, много дужа. Стойтя, бязрукій зъ бязногимъ; ня битя мяне, ня товчитя мяне! Я вамъ што небудь скажу!—Што ты намъ скажешъ?—Хорошая! Тольки пусьтитя мяне: будуть у васъ и руки и ноги!—А нутка, яны уже кажуть—нутка, тогды пусьтимъ!—Ходитя за мной. Яны идуть, яе держать. Приводить ина ихъ къ колодежу. Отъ, мочитя тутъ—руки и ноги будуть. Гэтый жа бязрукій хотѣвъ скорѣй туды руки уткнуть своѐ, цыбы, а тэй каеть: нѣ, братъ, стой! Узявъ, оторвавъ сукъ изъ древа изъ листомъ и помочивъ: сычасъ жа иссохъ, совсимъ! Стой, братъ, би бабу боли! Давайтка горши пярэдняго бить, якъ уперадъ ще били. Били, били, потомъ ина просится у ихъ: стойтя, бязрукій и бязногій—будуть у васъ руки и ноги!—Ну, добро! Ходитя за мной. Пройшли троху, ажно ще колодежъ. Вотъ тутъ, каеть, мочитя! Гэтый жа узнова бязрукій хотѣвъ узновъ скорѣй, а бязногій каеть: нѣ, братъ, стой, треба и тутъ полядѣть. Узявъ, гнилый пень отломивъ, да ў гэту воду помочивъ. Сычасъ отростки пошли. Пусьтивъ сучча, отростки—и зялёный! Ну вотъ, мочи тяперъ! Помочили! Руки и ноги у ихъ стали, Би бабу боли! Тяперъ намъ лѣпи, уже зъ руками и зъ ногами! Давайтка бить; били, били, били, были, и покинули чуть што живую. Тогды который бывъ бязрукій, да на бязногаго: што мы, братъ, будемъ зь ей дѣлать, ти покинемъ?—Э, братъ, покинувши, ина отживеть тутъ! А ў тымъ лѣси тамока нѣколи дѣлали дубъ люди,

дакъ пни такея широкія, дужа большея, дубовыя. Отъ што мы, братъ-зробимъ изь ей!—А што?—Возьмемъ, пень гэтый ращепимъ, клиньня натешимъ, а ў бабы гэтыя волосы довгія. Коло клиньня обкрутимъ, да ў щелку у гету й загонимъ!—А, братъ, гэто добро! Узяли и зделали гэтакъ, засадили гэту бабу туды. Потомъ пошли. И рады яны, што у ихъ ёсь руки и ноги. Приходють домовъ у свою хату. Девка каеть: а што, дяденьки, де баба?—Ну, баба, каеть, николи ня выйдеть, мы яе у добрая место посадили!—А дай жа Божа!—Пень дубовый, каеть, раськяпили да яе коло клиньня волосы обкрутили, да яе туды й засадили. Девка кажеть: «а ти жива йна?»—Ды, каеть, трошку, чуть, чуть живая!—Ахъ дяденьки, ина отживеть!—Ня можно быть! Ина тамъ ссохнеть и здохнеть!—Отъ, сходитя тольки, поглядитя, што нема яе!—А што ты думаешъ, пойдемтка, братъ, а можа и правда! Да й пошли. Приходють туды, къ гэтому месту —ажъ нема ни бабы, ни пня! Ажъ ина якъ отдыхнула, дакъ пень вырвала изъ волосами и потягнула! Ну што, пойдемъ, братъ, шукать, бо будеть и намъ трудно. Яны гэто следомъ, ажъ приходють: такій домъ вяликій, каменный, мурованый! Уходють туды, ажны девка, такая пригожая, печку топить и блины пячеть. Яны кажуть: здорово табе, девка?—Здорово, добрыя молотцы! чаго вы ходитя?—Одного дела шукаемъ—Ага! я ведаю! гэто вы мою матку забили! О, ина добро чухаеть зъ вашихъ рукъ! Ну, постойтя; коли возьмитя мяне замужъ который, дакъ покажу, де яна. А ня возьметя, дакъ ина отдыхнеть, разорить васъ, прамо поесь!—Возьмемъ! Покажи, аде ина?—Да онъ, у тымъ и тымъ, каеть, пограби! Ну, вотъ яны зъ напалу, якъ ускочили на яе, дакъ прамо и разорвали, не дали ёй поправитца. Ну, да й грудъ тамъ осиновый бывъ такій, вядомо у леси. Яны запалили, яе на грудъ ускинули; яна й згорела. То уже ня 'тживеть во векъ, николи. Ну вотъ, и приходють къ ёй назадъ. А што, што зделали зъ моёй маткой?—Да нема ўжо!—Ну вотъ, я тяперъ зь вамъ пойду!—А не, чагожъ табе ити, ты тутъ обожджи!—Не, пойду!—Яны кауть сами мижда сябе: ну, нехай! Ну, ходи! Ну й приходють къ своёй уже хати. Тогды: ну што, братъ, ты ведаешъ: табе треба жанитца—бязрукій на бязногаго. Не, братъ, у мяне много дяловъ! табе, дакъ яно приходно! Мне, братъ, ящо треба доведатца, якъ мой братъ живеть родный! Такъ, много не говоривши, гэтый кажеть: ну и нехай сабе!—Ну, братъ, а треба жъ намъ свою девку, каеть, отнесьти къ яе батьку!—Ну, отнясёмъ! Тамъ што было у ихъ уже грошай уного, наживши, яны узяли гэтой девцы—ня то што тамъ лічили абы што,—такъ гарцы два, абы три отсыпали ёй. Ну, кауть, дъвка, иди сабе къ батьку!—А, дяденьки, я жъ ня ведаю дороги, я жъ ба давно утякла отъ васъ! А! Ну, яны отнясьли яе къ батьку, и яе батьку подяковали. Ну, и

пошли. Пришли домовъ, занялися вясельля гулять. Згулявши вясельля, тэй кажеть, што бывъ бязрукій: ну, братъ, будемъ жа дялитца!—А будемъ сабѣ!—Будимъ гроши дялить! А братъ: на што яны мнѣ? Ты ихъ и не нясі, я кольки небудь возьму сабѣ на дорогу! Нехай у тябе будуть. Я, Богъ вѣдаеть коли ще, буду займатца житьтёмъ. Ну и разойшлись. Подяковали одинъ одному и разыйшлиси. Тэй застався тамъ, бязрукій, а бязногій пошовъ. Приходить къ свойму королевству, дѣ годовався, къ брату родному. Ажъ яго братъ свиней пасьтить! Што, братъ, ужѐ свиней пасьтишъ?—А здоровъ, здоровъ, братъ знаходный. Здоровъ, братъ родный—дожився!—А дякуй табѣ, братъ знаходный, ты мяне дужа наставивъ на житьтё!—Уже бытто сварітца. Ну дакъ, а што жъ я, каеть, што жъ я вѣдавъ гэто? Дайка мнѣ, каеть, пугу!—Нѣ подождждки, братъ. Мы ще хочемъ съ тобой поговорить, братъ находный!—Ну, што?—Дѣ ты бывъ догэтуль?—Идѣ бывъ, ходивъ ноги зароблять!—А дѣ твоѐ ноги? У тябе жъ твоѐ ноги и были и ёсь?—А, ёсь, гэто жъ я заробивъ сабѣ ноги. Твоя жъ жонка мнѣ отсѣкла ноги. Хотѣла голову отсѣчь, да дякуй Богу, што ноги. Ну потомъ, во тяперъ дайтка, дай пугу!—Усё пугу дай!—Нѣ, братъ, подождждки, я табѣ разскажу ще дно!—Ну што?—Дужа мнѣ художить!—Да я вѣдаю, што худо! Ня усё ты вѣдаешъ: вотъ ящо ёсь у гэта свиньня во бѣлая, дакъ я постоянно ёй цалую. Якъ пригонишъ домовъ, яна сичасъ: а с. с., пришовъ! Бѣлка, разставъ ноги, цалуй, с. с. Я й цалую ёй подъ хвостъ!—«Ну, тяперъ, дайтка, дай, каеть, пугу!» усё пугу доходить! Ну на! А якъ жа, каеть, куды жъ я пойду?—Да йдитка къ ковалю, здѣлайтка тамъ прутики сотри такого мяккаго зялѣза и со три сухого, крушнаго! Ёнъ пошовъ и здѣлавъ, гэтыхъ шесь прутковъ у коваля, и приходить къ яму. Иди жъ ты, каеть, узлѣзь на лазьню, да й сяди тамъ, покуль што, жджи тамъ, покуль што будеть! Дай ка мнѣ свою одѐжу!—Ну, й перамянили яны одежу, тэй того надѣвъ, а тэй того. Ну, потомъ, и отправився на гэту лазьню, пошовъ, гэтый пастухъ. А ёнъ сичасъ, колъ на плечи, да й нутка гэтыхъ свиней бить да гнать домовъ. И узгоняеть на дворъ, а ина гэто и почула, што свиньни пищать, скогочуть—вышла на ганокъ да й глядить. Ажъ ёнъ гонить и бъѐть. А каеть с. с., ти ты уже гэтакъ! А, скурвый сынъ, постой, догэтуль ты й живъ!—А вовкъ тябе ѣжъ съ свиньнями! Докуль я буду пасьтить?—Вотъ я тябе, каеть, засяку!—Чортъ тябе забяри: разъ умирать! каеть. Потомъ принимаетца къ яму. А ёнъ каеть: а уже подождждки, не сячи мяне, а лѣпи скажи вытопить лазьню, дакъ вымыюсь,—нечаго рукъ нихто ня будеть шкарѐдить надо мной, мыть,—такъ прамо у ямку и зарыешъ!—А, каеть, правда: дѣвка, иди топи лазьню, хай гэтый скурвый сынъ хай отмыетца. Ну, потомъ, вытопила лазьню. Ну, ёнъ

пошовъ мытца. И тамъ довго сабѣ сядить. Ина ждала, ждала,—нема! Эхъ, разсердилася дужа. Ухапила свою шаблю и побѣгла со злосьти. Якъ бѣгла, тольки ина у двери, а ёнъ яе за косы, ды объ зѐмлю, ды нутка! Ахъ, Господи, подайтка мнѣ, говорить, пруточки со три, хорошенькихъ сухонькихъ. А яе мужикъ оттуль зъ лазьни—кидѐль, оттуль зверху. Якъ ставъ ёнъ яе бить, а яна кричать, да ще къ тому якотать: аяяй, зязюлечки, а кукулечки, а голубчикъ мой! Ня буду! николи ня буду, буду почитать за короля и узывать королёмъ!—Нѣ! поломавъ гэтыя прутки. Подайтка ящо мякчѣйшихъ Божа мой! Ёнъ тогды пялёхъ, ящо три прутки яму. Отъ ёнъ тыми ящо больши! Якъ ставъ бить—бъеть, да й приказуеть: ȯ табѣ пастухъ, ȯ табѣ свинопасъ! во табѣ: Бѣлка, разставъ ноги—цалуй, скурвый сынъ, Бѣлцы подъ хвостъ! Я табѣ усё зважавъ, кольки годъ тярпѣвъ, усё спробовавъ, што съ тябе будеть!—Миленькій, родненькій! николи гэтаго ня будеть боли!—Нѣ, неправду ты кажашъ. Ина яму ноги цалуеть, пальцы нȧкрыжъ складаеть и перадъ имъ присягаеть! Ну й пусьтивъ! Отъ ина идеть: ахъ! ахъ! ахъ! ахъ! Якъ пришла домовъ: ахъ, запрагайтя коній, ѣдьтя по короля, борджѣй тольки. А ёнъ каеть: ну, братъ, лѣзь борджѣй зъ лазьни! И узнова перамянили одежи, усякій свою надѣвъ. Полѣзъ тогды тэй братъ находный на лазьню, а гэтый уже сядить такъ. Ажъ сычасъ за имъ прiѣжжають. Ахъ, братъ: я жъ боюсь ящо остатца безъ тябе!—Ну, ничого, будеть хорошо! Ты, братъ, будь тутъ, живи!—Нѣ, братъ, ня можно, мнѣ треба йти къ свойму батьку довѣдатца, якъ ёнъ: ти живъ ёнъ, ти нѣ? Ну оставайся здоровъ! И прiѣхали, яго узяли. Ну, а ты, братъ, иди здоровъ, находный! Вотъ ёнъ оставcя, хорошо яму стало жить: стали яго почитать и королёмъ звать уси, ня то што ина одна (повбогатыра бывъ). А тэй и пошовъ сабѣ, и бытца што коноваломъ. Приходить у якую дяревню и кажеть: нема у васъ жарабковъ класьти, лехчать?—Нѣ, у насъ нема. Пошовъ дали. Приходить у своё королевство и усё пытаетца—у якую дяревню придеть: ти ня ёсь у васъ жарабцовъ класьти?—Нема, добрый коновалъ! У нашаго короля ёсь, ужо годовъ тридцать стоить на стайни жарабокъ, ды нихто яго не положить и не полехчаеть.—Ну, што такъ?—Такъ, што ёнъ неплатный, жарабокъ гэтый, али завѣтный—хто злегчаеть, дакъ королю голову зниметь, а коли нѣ, дакъ королёва мечь—а коновалова голова съ плечь, да на тычину и усторнуть!—Ого, ну вотъ ящо якія дурни! Што-то за коновалы, што жарабка не злегчать! Мужуки кажуть: а нѣ! ня гэтакія приходили, а то найшовся нѣйкій курганъ! Ёнъ низкій бывъ. Ну, нехай сабѣ курганъ! а я тыки усё яго покладу и злехчаю! Мужуки гэтыя кажуть: ахъ, нутка, иди: уже тамъ девять тычинъ изъ головами, тольки уже твоѐ нема!—Да й пойду!—Э, нѣйкій, каеть, курганъ нашов-

ся, хвалитца во тутъ! Отъ, и пошовъ. Приходить у свой дворецъ. Ажны сядить яго батька на ганку сивэй, сивэй, да уже дужа старый. Здорово табѣ, король! —Здорово, добрый коновалъ! Казали мнѣ мужуки, што у тябе ёсь жарабокъ у стайни не злехчаный?—Ёсь! А ты злехчаешъ?—Злехчаю! —Ну, глядитка! Тольки вотъ одна тычина засталася—мусить тутъ твоя голова будеть!—А ужо поля́димъ?—Злехчаешъ ты мойго жарабка, дакъ мнѣ голову знимешъ, а не злехчаешъ—дакъ моя мечь, а твоя голова съ плечь, и вотъ на тычину утъ на гэту!—А ёнъ каеть: ну, вотъ, поля́димъ! Якъ засвиставъ—а стайня мурованая, и дьвери зялѣзныя. А жарабокъ якъ зарзавъ—а стайня тогды пополамъ и развалилася! А жарабокъ съ цѣпа сорвався, и къ яму тогды прискочивъ, да й загоготавъ ящо больши! Тиху, тиху, мой жарабокъ, тиху! Отъ тогды батька и спужався. Отъ якій попався. Ёнъ яго своёй ладоньню по задку ударивъ, ёнъ ставъ и ноги расклавъ, ёнъ яму и... ёнъ яго и злехчавъ, стоючи, не клавши. Ну й подносить къ гэтому королю, ды къ батьку свойму: ти знаешъ ты мяне, король, хто я ёсь?—Не знаю и ня вѣдаю!—Сынъ жа я твой!—Ага, сынокъ, правда твоя, да не моя. Усётки жъ вотъ сонъ справдивъ. Ну, вотъ, воля твоя, што хочешъ, то робъ со мной. Ёнъ узявъ на предметъ, да й палецъ сабѣ отсѣкъ. Вотъ, слухай, батька, што гэто николи нидѣ не було, а будеть дакъ ня вѣдаю—ти будеть, ти нѣ, што кабъ сынъ батьку голову отсѣкъ. Вотъ ёнъ узрадовався, батька, и радъ, што сына доставъ. Бывши утопивъ, а то и живый ставъ. Вотъ зъ радосьти батька справивъ пиръ на увесь миръ, и уси люди пировали, пили, гуляли. И я ящо тамъ бывъ, мёдъ-вино пивъ, по бородѣ тякло, а у ротъ ни попало.

М. Обчуга, сѣнненск. у. Отъ кр. Филонова, 28 л. малограмотнаго записано мною.

49. Микита дуракъ.

Нѣукоторомъ царстви, нѣукоторомъ государстви жывъ сабѣ такъ одинъ чаловѣкъ законный. И мѣвъ саби трохъ сыновъ. Два такъ и сякъ, а третьтій Микита дуракъ. Ёнъ поклавъ ихъ спати, и накладавъ на ихъ сонъ. И будя старшаго прэжди, и будя и гувора: «що таби, каа, снилося?»—А вотъ, гувора, що мнѣ снилося: що поставили ми кузьни, дакъ я кую-кую, да ниякъ завдзу ня 'тправлю, усѐ много работы ѐ!—„Ты, мой сынъ, ковалёмъ будяшъ!" А другого узбудивъ, гувора: «що табѣ снилося?»—А пошли ми, гувора, у тда мѣсто, отъ у тда и тда урочыща, и выкопали лядо, да насѣяли проса. Дакъ просо наша уродило такда, що Божа, Божа!—«Ты будяшъ, мой сынъ, пахаромъ!» А Микиту узбу-

дивъ: «що таби снилося?» каа. Микита сказуа: минѝ нѓги мѝли, а ты туу вѓду пивъ! А ёнъ гувора: «дуракъ дурацкаа гувора!» И такъ подъ началу покували сакѐры и копаницы и почалѝ лядо копать,—прэжда усяго. А Микита увышовъ у клѣть и надѣвъ одѐжу мужицкуу, празьнишнуу, и прышовъ икъ имъ, и хѓдя съ посошкомъ, дѣ яны рабѓтаять. И бра̀ты гувѓрать: „поляди, гуворать, отецъ, що ёнъ дѣлаа, у щѓ ёнъ надѣвся, дуракъ?" Отецъ гувора: «нехай, моѐ сыны! не чапайтя; ето яму такъ хочатца, нехай пухѓдя!» Вотъ жа ёнъ тамъ ходя, а тудѓю была дорога большаа, шляхъ. И ѣхали по той дорози купцы. И спрашуять у ихъ: «хто ето ходя? на барщини вы работаетя ето? прыгоньшый ходя у васъ ето?»—Нѣ! ето, гувора, у мяне сынъ та*кый* гуляка! Яны спрашуять: «якъ жа ёнъ гуляа?»—А вотъ такъ гувора: мало вума у яго!—«Дакъ продай ты намъ яго, можа ёнъ намъ сподобѝтца!»—Якъ жа я, гувора, своѐ дитя продамъ? А ёнъ гувора: продавай, тать; я ў тэбе жыть не буду!»—Я не знаю, гувора, що за тэбе просить!—„А отъ, гувора, дайтэ аршынъ,—у васъ ѐ аршынъ!» Купцы аршынъ дали. Ёнъ одмѣравъ зямли аршынъ шырыны и глубины кругомъ. Выкопали яму. «И насыптя грошый отцу мойму!» И выбравъ самаго луччаго коня у купцовъ: «на̀, отецъ, гувора, ету лошадь, пашы лядо сабѣ!» И купцы повязлѝ яго.

И привязли саби купцы тыя у домъ. И за то ёнъ купивъ, што ня булѓ у яго дитей, сына пиядѝнаго. И пошла ямỳ польза такаа няйзмѣтная съ кỳплянымъ яго сыномъ. И то былѝ лавки, а то подѣлавъ и магазыны ўжэ. И гувора ёнъ: «що, сынъ Микита? ты гуляй, вибирай,—жанить тэбе я могу ужэ!» А ёнъ гувора: шо, батюшка,—я не могу жанитца, хѓчу дялѝтца. Ёнъ гувора: «сынъ мой, бязъ щѓту грошыки бяры, пѝ и гуляй, а дялитца не дяльсь!» А ёнъ гувора: ня хочỳ пить и гуляти, а дялитца буду! Вотъ узявъ, отдяливъ яго, давъ яму лавочку худуу,—на йзругу. Микита провъёвъ годъ, и другѝй, дакъ загнили ўси товары у вотца; а Микита рашшырывся, у яго тургѓвля пошла. А етый купецъ подъ курулѐвською вѓбластю бывъ причынѐнъ. И вонъ давай выдумувать, протчымъ купцѓмъ говорыти: «давай ми напишамъ икъ королю свѐдѣнія, що купецъ Микита пивъ и гулявъ зъ нами, и ѐтаа говорывъ, що здэ̀сь-ня-здэсь, на десятомъ царстви и ў нѣкотѓромъ государстви ѐ куроль; и ў яго ѐ дочь пракрасная Марыя Павловна. И ежали бъ мяне куроль мало мальскаа що попросивъ, я бъ за яго висватавъ яѐ. Дакъ ёнъ якъ поѣдя, дакъ бязъ голови прыѣдя оттуль. А тѓ намъ ня быть купца̀ми, а быть старцами, ежали яго ни згубимъ ми!» И написали и подали королю етаа. Куроль трэбуя яго: «що ты, гувора: купецъ Микита?—я жъ усихъ васъ жала̀ю и жалѐю! якъ жа ты, що знаешъ, чаму ты мнѣ не гувѓрышъ? Ты съ такими-то пивъ и гулявъ, и отъ такіа рэчы

говорывъ!» А ёнъ гувора: я етаго ня знаю! Вонъ гувора: «ня знаашъ ты, дыкъ вонъ у менэ е мечъ: а табѣ голова съ плечъ!» Микита сказуа: ну, курулевськаа вяличаство! найди ще одинадцать Микитовъ, таких, якъ и я, якъ одинъ голосъ, якъ одинъ волосъ, и ўся порода такова̀! Куроль якъ ставъ шукать, дакъ тольки трохъ найшовъ у свуёмъ курулѐвстви.—«И такихъ лошадей! якъ у менэ батьковскій!» Ёнъ ставъ куплять, дакъ куплявъ по чужыхъ царо̀хъ, да курулёхъ, ящэ до дванадцати Микитовъ, якъ одинъ волосъ, якъ одинъ голосъ. И лошадей такихъ давъ усимъ, якъ у яго батьковскій. И посѣли на конѐй, и гувора: «ну, купецъ Микита: отправляйся у сваты!» А ёнъ гувора: нѣ, пусьти мѐнэ на тры годы̀ ў навуку!» Пусьтивъ на тры годы̀ ў навуку, дакъ ёнъ ихъ натры годы ўчывъ разнаго масьтярства: и кулёсы дилать, и карэты, и бѣлую посуду дилать и ўсѐ, що на свѣти—разнаго наўчывъ. Выхо̀дя тры годы, дакъ и трэбуя куроль. Пріихали яны къ королю уси дванадцать, на лошадяхъ, и стали потъ крылцомъ. И гувора куроль: «ня ўво гнѣвъ вамъ, господа Микиты! а дѣ старшый Микита?»—ровныя лі̀цы, ничо̀го не ўгадаа. Вонъ признаѐ: «я ѐ большый!» Ёнъ зовѐ къ сабѣ съ чесьтю пировать. И пили—гуляли тры дни. И потомъ стали убиратца у дорогу, у сваты. И ёнъ гувора: «давай мини, запрагай лошадей дватцать пъять исъ телегами, и наклада̀й усякаго мини,—матеріялъ щобъ бувъ!» И отправляятца, у путь. И ѣдуть яны, дакъ на путѣ злучылося яму, що два вовки на дорози и не раздѣлять голову коньскую. И гуво̀рать: „купецъ Микита! раздяли ты намъ сю голову̀! будомъ таби̇ у вяликой прыго̀ди!» Ёнъ пувялѐвъ *рассячѣть* голову̀. Микиты рассѣкли голову̀: одинъ половокъ на той бокъ дороги, а другі̇й на той. И вовкѝ полягли̇ ѣсть голову̀. И ўи̇хали у лисъ, дакъ дужа большый пожаръ идэ. Мурашка крычыть: «купецъ Микита, поретуй муѐ семейство̀! Поѣдяшъ ты къ королю у сваты, у вяликой помочы буду табѣ!» Микита сказуя: «Микиты! за мѐтлы и за вѐдры обретовать еѐ!» Обретовали муравъёвъ и поѣхали. Ѣдуть дальшъ— зновъ пожаръ подымаетца. А прэжда пожару бяжы̇ть мышъ и гувора: «купецъ Микита! выратуй ты менэ, бо якъ поѣдяшъ къ королю у сваты, я таби буду у вяликой прыгоди!» Купэцъ Микита и перэнёсъ еѐ чэразъ пожаръ. И ѣдуть да̀ляй, дакъ дві̇ пчалы на ‘дномъ тьвяту̇ бъютца. И гуворать: „купэцъ Микита! раздяли ты намъ сэй тьвѣтъ! будомъ таби у вяликой прыгоди! Купэцъ Микита злі̇зъ, и самъ разрызавъ тьвѣтъ по поламъ. И пчолы набрали мѐду и полятѣли безо спору. И прыи̇хавъ у курулевськуу у вобытность.

И не доиж жаючы дворца, поставивъ шатры сабѣ. Куроль вышовъ поутру ў раньни, и ба̀ча шатры. И посылааа ‘тъ сябе провѐдчыка: „иди, полядп, що ето ѐ такоа? ти якій чаловѣкъ злонравный, а и̇ такъ якій?

Занявъ, бясъ спросу шатры поставивъ!" И гувора провѣдчыкъ прышовшы: „хто такій ѐ вы? що вы бясъ спросу шатры поставили: ти вы хо̀чытя драку завесть, а й що такоа?» А Микита гувора: нѣ, гувора: мы прыихали у сваты! Ёнъ гувора, провѣдчыкъ: ээ! не такія прыижжали, да бязъ головъ поѣхали, а вамъ и ѣхать нѣчаго! Провѣдчыкъ прыѣхавъ икъ королю и отвящаа: курулевсько вяличаство! ето прыѣхали ў сваты! Ну, куроль гувора: вотъ и хорошэ! Яны узяли и прышли къ королю: узявъ съ субою чатырохъ Микитовъ, самъ пъятый. И прышли, королю чесьть отдали, якъ луччы быть ня можно. И куроль много дивився: николи ня бачывъ тако̀го злучаю, щобъ прышло пъять чаловѣкъ, якъ одинъ волосъ, якъ одинъ голосъ, и ростомъ усѐ якъ ядынственно. И спрашуа куроль: „хто жъ жанихъ тутъ?" Микита гу̀вора: я е жанихъ! Ёнъ за сябе сватавъ. Ёнъ пувялѣвъ уззвать дочаръ свою: видала, гувора, ты коли? ну тольки я старшы тябе, гувора, а ня видавъ! Можно ѐто быть: пъять чаловѣкъ у водинъ вобразъ—различыи нема̀? Я думаю, що ня тыа сваты прыйхали, щобъ ня ʻдать, а тыа, щобъ отдать! А яна гувора: пора, пора, батюшка, я ў тябе выгулялась. И стали пить да гулять,—дакъ тры дни и тры ночы—магарычы пили̇. И ёнъ гувора̀, Микита: «що жъ, батюшка,—коли будомъ вянча̀тца?» Ёнъ гувора: «загада̀ю табѣ за̀гадку,—отгада̀яшъ—тогды!»—Ну, якую за̀гадку?—Е у мяне скі̀рта пшаницы, дванадцать сажнявъ довжыны и шырыны, кругомъ, щобъ ты яе за ночъ змолотивъ и зьвѣявъ, и въ закромъ иссыпавъ, скирты ня развора̀чуючы и сноповъ ня развязуючы!» Микита гувора: «якъ жа ето можно дѣлать такъ?»--«Ня здѣлаяшъ такъ—бязъ головъ вамъ ѣхати!» И йде ёнъ, Микита, журытца, у шатры у своѐ—утякать трэба. А мурашка стрыла яго и гуво̀ра яму̀: «купецъ Микита! иди у куруля̀ спроси—дирки забить у закроми,—чымъ забить, ти хлопка, ти що, а то й тымъ будяшъ виноватъ, ёнъ вину и тымъ найдя, що рассыпавъ! И йди, ложысь спать—будя змоло̀чано!» А мурашка была старшаа надъ муравъями, не надъ однымъ своимъ, а надъ усими была старшаа. Якъ згукнула муравъе, дакъ ня ʻсталося по дномъ нѐсть, а ўдвѣхъ по дномъ зѐрню нясьли̇, а по ʻдно̀мъ ня стало ко̀жной. А мышыныя недоѣдки—тратѝнки и икъ тратѝнкамъ клали, а половинки икъ половинкамъ. Наза̀ўтра ураньни прыходя Микита исъ своими Микитами зновъ. Ну, куроль спрашуа: змолотивъ?—Змолотивъ! Пошли, поглядѣли у закромы. И бача куроль, що, отъ, гувора: ѐто цэлнаа пшаница, а ето половинки, а ето тратѝнки! Куроль себи и дивитца: нѣ, гувора: ето якаась хитрость ужэ прыѣхала! И ставъ скирту разворачавать и снопы развъязавать до самія зямли. И не найшовъ ни одного̀ зерня ни въ ядыномъ снопу. И прышли домовъ да стали пить да гулять, зновъ на тры дни. И гуво-

ра доццы: „вотъ дочка! ня тыа сваты прыѣхали, шобъ ня 'тдать, а тыа, щобъ отдать. А дочка гувора: пора, пора, батюшка! я у тябе загулась ужэ! Ёнъ кажа, купецъ Микита: „ну, батюшка, вянчатца ўжэ!" Нѣ, гувора: такъ няльга̀: пошый чаравички ёй такія, якъ батьковськыя, щобъ такія мѣрой, и красою такія и вагдй—щобъ на шали прыкипуть,—и не смотрывшы! Микита гувора: якъ жа можно ето?—„Ня здѣлаяшъ етаго, бязъ головй ѣхати!" Микита и пошовъ у свое шатры зажурывшыся, и думая ўбяжать. А мишъ стракая яго и гувора: я ужэ прынясла̀ табѣ ихъ, иди жа, загадуй Микитамъ, пяхай дѣлаять! А Микиты навучанй былй ўсяго рэмейства̀, яны могли усѐ дѣлать. И на такомъ блюдцы и поднесть щобъ королю. И блюдо такоа щобъ було̀. Микита повялѣвъ—дакъ за ночъ и здѣлали усѐ—и чаравикы и блюдо, и мѣрою, и красою, и вагдю—особо чаравикы зважыли, и блюдо особо, и умѣсьтяхъ. И здѣлали и вывабо чаравикы зважыли, и блюдо особо, и умѣсьтяхъ. И здѣлали и вывазыли. Мышъ однясла, на мѣсьти поставила. Мыкита назаўтра ураньни узявъ чаравики и пушовъ къ королю зь Микитами. И прынёсъ. поставивъ. Куроль пувялѣвъ унести своѐ, и ўзяли мѣрать мѣрою,—мѣрою ровны, и красотою ровны, и на шали поставили—вагдю ровны: и собо разварнули, сами важыли—ровно, и блюдо и чаравики—усѐ ядынственно. Ёнъ и гувора, корòль: отъ дочка̀, ня тыа сваты прыѣхали, щобъ ня 'тдать, а тыа, щобъ отдать. А яна гувора: пора, пора, батюшка! я у тебэ загулялась тутъ! И яны пилй тры дни зновъ и тры ночы, да, гуляли. И ёнъ гувора: „ну, говора, батюшка: пора вянчатца!" Ага! А ёнъ гувора: нѣ, зять: ещэ табѣ за̀гадку загадаю: издѣлай цэркву восковуу за ночъ, шобъ и звоны и попы, и здѣлай тутъ, на правомъ крылцэ, шобъ ударыли звоны, и я прошнувся и пошовъ на завутрань, якъ ударать у звоны! Микита гувора: «ти ёсть жа, гувора, ето дѣйствія дэ, що ты загадуешъ, ето жъ нѣту нидэ!» Куроль гувора: ня здѣлаешъ етаго, бязъ головъ поѣдетя! Ёнъ иде отъ короля, обратився, у журбѣ у большой. Пчолы стрэли яго и гувòрать: «иди, Микита, ля крылца̀ ложыся спать, якъ уда̀рать узвонй, дакъ щобъ ты прэжда бувъ у цэркви, чимсь куроль»! Микита пушовъ, лёгъ тамъ исъ своими Микитами. И пчолы здилали цэркву восковуу—и звоны и попы. И ударили ў звоны. Микита уставъ и молитца Богу, и радуетца ужэ. И куроль прочнувся и не потпара̀зувавшысь, тольки халатъ надѣвъ на сябе, и дивитца сабѣ: «що ето такоа? Избуваатца! Я жъ думавъ сабѣ, що нэ бўдэ етаго ничого у свѣти, що я загадувавъ!» И отойшла завўтрань, началась обѣдьня. И ў обѣдьни повянчались. И давай пить и гулять тры дни и тры ночы. И тяперъ гувора: «батюшка, пора ўбиратца, домовъ ѣхати!» Куроль гувора: моя дòчка ня можа на такой карэти ѣхати, а здилай карэту тогокуу щобъ вищала, и пищала, и крычала. А ёнъ, Мыкита, гувора:

я ня боюсь! у мяне майсьтяра̀ своѐ, издѣлаэ!» И здѣлавъ карэту и подъѣхавъ. Карэта тошно такова. Куроль гувора: що, такъ тошно, карэта такаа, да моа дочка̀ ня можа на такихъ лошадяхъ ѣхать. А ёсть у нявѝдомыхъ луго̀хъ кобылица, подъ ёй дванадцать жарабцовъ, и на ихъ масть золотая да сярэ̀браная, дакъ моя дочка̀ на такихъ лошадяхъ можа ѣхать! Ёнъ узявъ и гувора: „хто жъ ето здѣлаа?" гувора Мыкита.—А ня здѣлаешъ, зновъ бязъ головы поѣдешъ, дарма̀ що звинчавшысь! У менэ стуро̀жа крэпкаа! И ёнъ вишовъ, Микита, и ў журбѣ ў большой, журытца. А стракаять яго на дорози вовки̑ ды и гуво̀рать: «купецъ Микита! бяры гнӯзду и йди вотъ на туу дорогу. Тамъ на той дорози стоить вярба̀. Дакъ ты узлѣзь, на яе садися—мы навѐрнамъ яѐ къ табѣ! И вовки навярнули туды кобылицу зъ жарабцами. Кобылица прышла и стала часатца объ вярбӯ, и Микита бросився на яѐ зразу, на храбѐтъ. И стала яна яго носити, щобъ якъ нибӯдь искинути съ сябе. Микита ставъ яѐ бить мижъ вушэй гнуздо̀ю! И потудова бивъ, покудова яна отихла. Вонъ загнуздавъ яѐ и съвъ и поѣхавъ. И жарабцы услѣдъ идуть. Ёнъ запрогъ у туу карэту и подъѣхавъ икъ королю. Куроль гувора: «що ето за чудо такоа? Я думавъ, що нѣту у свѣти такого! Вотъ, гувора, дочка̀: вѐрно, гувора, отдать трэба:» А дочка гувора: пора, пора, батюшка: я давно у тебэ вы̑гулялась! И узяли ўбиратца, ўкладатца, ў дорогу ужэ.

И ѣдуть по дорози, дыкъ ёнъ и гувора, Микита: я не за сябе тябе висватавъ и звинчавсь! ето за короля за свойго! А яна гувора: съ кимъ звинчалась, съ тымъ и жыть буду! И ѣдуть по путю, и 'тсылаа ёнъ прэжда сябе бумагу къ королю: «вотъ, я ѣду ўжэ, висватавъ курулевну, Марыю Павловну!» А той купецъ, що купивъ яго, дакъ почувъ, що ѣдя ёнъ, дакъ ёнъ написавъ королю: «курулевсько вяличаство! купецъ Микита якъ ѣхавъ сватать за тябе курулевну, дакъ ёнъ мѣвся: я зъ ёй буду жыть, а короля паравядӯ!» Куроль дожыдаятца яго и выкопавъ я̀му на пуро̀зи у горницахъ, на ӯхо̀ди, и насыпавъ жару. И сычасъ Микита якъ прыихавъ икъ горницамъ, да увидивъ куроль и такія лошади и такуу курулевну изъ золотыми кудра̀ми, и ня могъ тярпѣть, у вокно глядя, и побѣгъ на стрэ̀чу и вваливсь у я̀му. Купецъ Микита жджэ̀ (жде) дожыдаа, що куроль ня йдэ? На ўстрэчу нужно вийти, а ёнъ ня йдэ? И Микита увийшовъ, и зирнувъ у яму, ажъ куроль у ями ляжыть вы̀проставшысь, и ня жывѝй. Микита спрашуя: що ето за случа̀й такій. Яны сказують: ето ёнъ на тябе копавъ я̀му и приготова̀въ огня, жару; и вотъ, гово̀рать, зъ радости хотѣвъ тебэ стракати, да самъ увалився, и ўтопився и пропавъ!—«Зарыйтя яго!» повялѣвъ купецъ Микита. Узяли, закопа̀ли.

И Микита жывѐ спокойно, и ставъ курулёмъ. И допросивсь, хто на мяне наводѝвъ ето зло? Созвавъ купцовъ. Купцы отвячаять: ето твой, що купивъ тебэ, намъ оклятовàвъ, шо ня быть намъ купцами, а быть старцами, а трэба яго съ свѣту паравесть!» Ёнъ узявъ, яго повѣсивъ. И жывѐ спокойно тяперъ ужэ сабѣ.

Яна, жана, спрашуя: «якого ты рода?» Вонъ гувора: «я рода мужыцкаго!»—Ну, давай, гувора, поѣдомъ полядимъ свуйго курулевства, да й заѣдомъ къ отцу къ твойму, посмотримъ, ти жывъ ёнъ? Ежали жывъ, дакъ къ сабѣ вòзьмамъ, а помѐръ—поминать будомъ!... И объѣхали яны своѐ курулевство и прыѣхали у тòа сялѐнія, гдѣ отецъ яго. И давъ ёнъ знать, «щобъ мини булà у такого старыка хватера на ночъ!» Показавъ на свойго отца. Отецъ жывъ, братовъ ня булò, одинъ исъ старухою. Началники гувòрать: «вотъ къ таби куроль на ночъ жалаа по якойся давной дружби»! А старыкъ соўсимъ бувъ драхлый ужэ. И узявъ и заѣхавъ ёнъ икъ яму. И старыкъ хоча утякать отъ яго: «няхай самъ ночуа!» А ёнъ каа: якъ жа можно ночавать бязъ хозяина? ето ня можно, йти исъ свойго дому! И заночували. И стали ужынать давать имъ, и посадили старыка мижда сябе и старуху. Куроль ижъ жаною по краихъ сѣли, а ихъ посадили посярэдини сябе, и накормили хорошэ. Хата ня большаа. И послали постель королю, и заняли усю хату, ня можно пройти. И помыли яму ноги, и тазъ изъ водой поставили на прыпячку. Ноччы старыкъ захотѣвъ пить вельми, и у бабы спрашуятца: ой, бабъ: я пить хочу! А баба гувора: «тярпи, дѣдъ пранцоватый! Сказано отъ старыхъ людей: на хотѣньня ёсть тярпѣньня! тярпи! Ты бачышъ, король ѐзли сябе якій ножъ поклавъ войстрый! Якъ сѣканѐ, дакъ голова твоя злятѝть, якъ ступишъ на ихъ постель ногами!» А ёнъ гувора: я напъюсь исъ тыѐ миски ясныя, що яму нòги мыли! Яго нòги чыстыя! И узявъ пить. И ўзявсь руками, да шкрабнувъ. Дакъ тазъ той и зазвинѣвъ. А ёнъ и почувъ. И гувора: свѣтла! Сичасъ засвятили. «И що такòа ето?» А старыкъ сядить ракомъ надъ тазомъ. «Панокъ, голубчыкъ! Пить хотѣвъ, дакъ напився водицы!»—Да ето жъ вода, мнѣ ноги мыли ёю,—яна нячыста!— „Нѣ, гувора: твоѐ ноги чыстыя, ета ничого!» Тогды куроль уставъ. «Вотъ, гувора: батюшка!—ты мой батюшка,—якъ ты закладàвъ намъ, тромъ братіямъ, ложывшысь спать, и бòльшаго брата пробудивъ, и бòльшый братъ сказавъ, що я кую, кую, да ниякъ завòзу ни отправлю, бытца ковалёмъ ужэ ставъ! Ну ты будяшъ, мой сынъ, ковалёмъ. А другого брата узбудивъ: що табѣ снилось? Другій сказуя отецъ мой: у томъ и ў томъ урочыщы выкопали лядо мы, да й насѣяли проса; дакъ просо уродило хорошаа. Дакъ ты сказавъ, що ты будяшъ пахаръ. А менѐ ўзбудивъ и говоривъ: що табѣ, Микита сынъ, снилося? А я таби говору:

що мини ноги мыли, и ты воду пивъ, туу, що ноги мыли. Дакъ вотъ ты яе сягёночы напився!» Дакъ ёнъ гувора: «няужэжъ ты мой сынъ?» — «Твой, батюшка!» И стали убиратца яны, годи ночавать. И издѣли худуу одѐжу зъ яго и надѣли свою хорошуу одежу, и на старика и на старуху. И узяли и повязли съ собой. И жывуть тамъ, и весялятца, курулевствомъ управляять. И я тамъ бувъ, и мёдъ-вино пивъ, и у роти ня було и по бородѣ не тякло.

С. Марковичи, гом. у. Отъ кр-па Филиппа Иванова Лапеки, негр. Говоръ смѣшанный, подъ вліяніемъ живущихъ вблизи старообрядцевъ.

50. Премудрый Соломонъ.
(*Легенда*).

Нѣкоторомъ царстьви, нѣкоторомъ государстьви, стало быть ня у томъ, што мы живёмъ, были сабѣ двѣ бабы удовы. У одные были колёсы, а у другія была кобыла. И яны дружбу дужа одна съ одной вяли. И одна однэй давали то колёсы, то коня ѣзьдить по дрòвы. Отъ разъ тая поѣхала у дровы, якёй были колёсы. Пріѣхала у лѣсъ, на шаговъ двατцать отышла, стала ужо дровы рубить. Нарубивши дровъ, приходить къ кобыли. Тая кобыла жарабилася—ляжить жарабёнокъ подъ колёсамы. И сама сабѣ рассуждаеть: ти гэто кобыла ожарабилася, ти гэто колёсы жарабили жарабя? Узила жарабя съ подъ колёсъ и потсадила подъ кобылу. То, акъ жарабя пасёло матку, такъ ина дровъ наклала на туу кобылу, и вязёть домовъ, и жарабятка тòя идеть пòплечъ зъ маткой. Пріѣхала домовъ, дровы тыя скинула доловъ, а жарабятка сховала. А товарисцы кобылу повялà. Отдала ёй кобылу, таа кобыла дужа ржеть по жарабяти. Тады ина пошла у хлѣвъ, таа баба, чія кобыла. Оглѣдила, што кобыла была жарэбная, а тяперъ—дѣ ина дѣла, баба таа, жарабя моё? Тогда ина пошла къ ей: «дѣ ты дѣла жарабя моё? Кобыла была жарэбная, а тяперъ нема жарабяти!» А ина говорить: «гэто колёсы моё ожарабились!» — А зачимъ ты думаешъ, што колёсы ожарабились? — „А затымъ, што я подъ колёсами нашла! Гэто моё жарабя!» Тады яны зьдѣлали шумъ большій, бабы тыя, стали битца, узàлобки водитца одна съ однэй. Тады собрався народъ, и тыхъ бабъ разьвяли. И не могли яны нихто ихъ разобрать. «Ступайтя къ цару на рассудокъ!» Пришли къ цару, азъ цара нема дома,—уѣхавши заграницу. Царица каеть: «я васъ разбяру! Притягнитя ко мнѣ колёсы и жарабя, и кобылу,—я васъ разбяру!» И сказала узьвèсьти на високую гору̀, усё гэто, и кобылу, и колёсы и жарабя. И тады сказала пусьтить колёсы, доловъ зъ горы зь високія. Тыя колёсы якь заляпали, бигучи зъ горы, а жарабя було ще

сляпо̀я—яно троя судокъ ня видитъ, якъ ожарабі̀тца,—тдя жарабя побѣгло за колёсами. Тады царица говори̂тъ, што колёсы ожарабили жарабя! Тая баба бярё̂тъ жарабя, чiѐ колёсы. А тая дужа плачетъ, чiя кобыла. А царица да была у̂тяжку̂. И окàзуетца у яѐ у серади̂ни: «якъ ты гэто суди̂шъ, матушка? ты суди̂шъ, каетъ, по блудному, бо ты сама блудная!» Тады ина раздумалася, царица: «коли ты гэтакiй вумница, у серади̂ни, у чѐрави, мяне блудной потрэ̀скаешъ, позываешъ,—а тады, ты мяне буде̂шъ и ладно потрэ̀скавать». А тады, теразъ три дни, якъ тэй судъ бывъ, бабськiй, объ жарабя, ина роди̂ла. Узяла и занясла̀ кухару на кухню. Занясла и приказала: «и вотъ сичасъ, сей минутой, кабъ ты яго зарэ̀завъ!»—Ваша аппяраторство вяликая! я тяперъ заня̂тъ—можетя отправитца? Дакъ ина отъ яго пошла, съ кухни, а рабі̂шачка тамъ покинула. Ну, якъ ина отъ яго пошла ужэ, тэй рабёшачакъ каетъ: «пожалуста, каетъ, кухаръ—прикрый мяне! Ёнъ яго накрывъ! Тады бдумалася царица у своимъ палацы: «прiѣ̂детъ мужъ мой ззаграниці и скаже̂тъ: дѣ̂ ты дѣ̂ла рабёшка? што ты была у цежари, у̂тяжку!» Побѣгла ина зновъ на кухню: ти ты зарэзавъ рабёшка, ти нѣ?» Нѣ!—«Ну, пожалуста жъ, кухаръ, бяжы̂ ты у городъ,—ти не ‘броди̂вся хто небудь, распытайся. Мы яго замѣнимъ!» А тэй поваръ знавъ, што ковалиха—коваль бывъ, кузнецъ—што жонка была у̂тяжку. Пошовъ ёнъ туды къ ей, ажъ ковалиха роди̂ла сына, Тогды ёнъ говоритъ: а дѣ̂ твой мужикъ? Кузьня была за городомъ. Ина яму отвѣщаетъ, ковалиха, отказуетъ: «што ты скажашъ?»—А што жъ я табѣ скажу? Што табѣ давъ Богъ, каà (кого) ты роди̂ла?—«Роди̂ла сына!»—Отдай ты яго царицы, на замѣну, а я табѣ царськаго дамъ сына! Ина обдумалася, думаетъ: «што тутъ зробить?» А ёнъ ей, кухаръ, отвѣщаетъ: а вотъ жа, каетъ: твой сынъ буде̂ть царовать, будетъ ца̀ромъ, а царськiй будетъ, каетъ, ковалёмъ! Тая обдумалася ковалиха: «гэто до̀бро будетъ! Бяжы жъ ты, принясй мнѣ царськаго сына!» Ёнъ приходи̂тъ у царськiй палацъ, кухаръ и говоритъ царицы: «нашовъ я такую бабу, што роди̂ла сына!»—У гэто намъ и дужа будетъ до̀бро! царица отказуетъ. Тады: „бяри жъ ты гэтаго сына и няси ковалиси, а яѐ рабёшка приняси ко мнѣ!“ Кухаръ узявъ, яе сына занёсъ къ ковалиси, а ковалихинаго узявъ, царицы понёсъ. Царица кажетъ: «вотъ гэто намъ и до̀бро: прiѣ̂детъ нашъ мужъ домовъ, царъ, и узрадуетца, што намъ Господь давъ сына мнѣ!“ А ковалиха узяла сына того, што поваръ ёй принёсъ и пошла къ ковалю къ свойму, и яго наўлоньни узяла, сына того. Подходи̂тъ потъ кузьню, а стояла тамъ пуня ля ку̀зьни. Ина яго у пуни положила и соломой накрыла. А сама пошла у кузьню. Тэй коваль и спужався: што ты пришла такъ? А у̂ яго на работи людей много було. Ина яго гукну̀ла съ кузьни и кажетъ яму:

давъ Богъ мнѣ сына, иди домовъ! Ёнъ людей тыхъ, сказавъ: выйдитя, братцы, съ кузьни вонъ! Уси повыходили тыя люди, а ёнъ кузьню замкнувъ и пошовъ домовъ. Идеть разомъ зь ей, жъ жонкой, коваль. „Зайди жъ ты, каеть, у пуню, возьми сына—я тамъ поклала, побоялася дома кинуть яго, дакъ я съ собой яго узяла и поклала у пуни!“ Пытаетца ёнъ у жонки, коваль: гэто жъ яго нема, каеть, рабёшка? Ина яму отказуеть: я яго соломой накрыла! Ёнъ узявъ вилки древяныя, што скоту трасуть кормъ, и ставъ яго шукать. „Отецъ кузьнецъ! ёнъ отзываетца, хлопчишка тэй: осьтярожно вилками поры—ня выколь мнѣ вочи, бо я ляжў тутъ!“ Пошовъ тогды коваль у тоя мѣсто, дѣ ёнъ обозвався, открывъ солому и узявъ гэтаго сына на ўлоньни и занесъ домовъ. Тогды пошовъ ды позвавъ людей: «пожалуста, ходитя ко мнѣ! Мнѣ Богъ давъ сына,—и прошу васъ на родины!» А тогды пошовъ у каршмў, узявъ гарнецъ горэлки. Прынёсъ домовъ и попросивъ бабку пупорэзьницу: „перабабь мнѣ, пожалуста, сына, попрошу я табе!“ Тая бабка яго перабабила. Ну, тогды ёнъ ихъ посадивъ за столъ, усихъ, и давъ имъ горэлки, и што Богъ давъ тамъ закусить.—Закусили.—Яны яму подякували уси и разышлись, пошли по домахъ уси. Тогды ужо говорыть жонцы, коваль тэй, породиси: „а што, баба, коли кьстить будемъ?“—А што жъ: у святый день перакстимъ! Табѣ нѣколи у рабочій, дакъ у святый, у нядѣлю! Тогды коваль пошовъ у городъ. Поговорывъ ёнъ съ своей бабой: сыщемъ мы кумовъ на свой домъ и позовёмъ мы попа, и перахрысьтимъ мы у хати у своей! Дождавъ ёнъ нядѣли, пошовъ кумў прывёвъ, а тогды и кума прывёвъ. Тогды сычасъ запрогъ коня свойго и поѣхавъ, попа прывёзъ. И стали храсьтить того рабёшка. Попъ каеть: имя дать Иванъ! А ёнъ отвѣщаеть, тэй хлопчикъ батьку тихимъ голосомъ, кабъ нихто ня чувъ: дай мнѣ, батька, ймя—Соломонъ! Говорить тогды коваль попу: зьдѣлайтя отдолженьня! дайтя яму ймя Соломонъ.—жана моя родила яго у соломи! Ну, перакстили яго, дали имя Соломонъ. Тогды почестовавъ ёнъ ихъ—попа и кумовъ, и подяковали яны яму, и потправлялися яны по мѣстахъ по своихъ, кумы, а попу коня запрогъ.

Тэй мальчишка ставъ рость—не годамъ, али часамъ, не часамъ, али минутамъ, и выросъ большый. Отвѣщаеть кузнецъ, батька яго, яму: „сынъ мой, любимый! трэба пастуха нанять, скотъ пасьтить, а ты молодъ яшо!“ —Ня трэба, батька, намъ пастушокъ,—я буду гонять самъ на пасту! И были старшы яго тамъ малцы на пасьти, другихъ хозяиновъ. Яны яго гоняють усё малаго—упяродъ, скотъ отворачавать, коровъ. Обидно яму, што яны яго дужа гоняють часто! Тогды ёнъ каеть: насотимъ мы старшаго надъ пастушкамы! Большы яго тамъ были нѣкоторыя. Тэй каеть: я буду! А тэй каеть: я буду! И у болоти тамъ *лягушки* близко

кричать—крахають. Тэй Соломонъ каеть: нѣ! тэй будеть старшымъ, хто униметь гэтыхъ *люгашакъ*! Постали тогды пастушки кружка болота: „ну, будемъ, каеть, казать, кабъ тишы,—сьтихли кабъ люгашки!“ Такъ уси пераказали, у порадокъ уси малцы, што тишы! А тыя люгашки ня чують гэтаго, усё крахають. Прыходить до Соломона чарада, што яму трэба сказать: тишы! Якъ сказавъ Соломонъ, што тишы! такъ яны и сьтихли уси! Тогды сказалъ: «отъ жа: я буду надъ вами старшый, бы яны мяне послухали!» Дакъ ёнъ и ставъ надъ ими старшымъ. И узявъ, по разрадахъ коровъ разьдяливъ—одному давъ сивыхъ, другому давъ чорныхъ, а третьтяму бѣлыхъ давъ, чатьвёртому давъ красныхъ, а пятому рабыхъ, бѣлы плямы, а сабѣ узявъ рабыхъ, чорны плямы. И котора пойдетъ напяродъ корова, тэй тогды бяжы отворачавать. И распасьтивъ дужа ёнъ скотъ, ставъ дужа сытый, зъ етой зъ яды, што ёнъ ставъ дужа хорошо ихъ пасьтить, и поить и пасьтить. Распасьтивъ коровъ, тогды каеть: „ну, малцы! што будемъ робить!“ А яны яму отвищають: ты жъ надъ нами старшый,—што намъ прыкажашъ робить? „Надрать бяросты зъ бярэзины!“ Яны яго слухують. И пошли у лѣсъ, надрали бяросты. И начавъ ёнъ ихъ грамоти учить. Яму Господь такъ сказавъ, што ты на што глянешъ, дакъ ты усё и будешъ знать; ёнъ такъ и грамоти выучився. И ставъ ёнъ тыхъ пастушковъ грамоти учить, яны гразьзю писали на бяросьти. И понаучававъ ихъ грамоти. И нихто ня могъ разобрать, што яны писали, тольки ёнъ да малцы тыя, што ёнъ понаучававъ. Прыгнавъ домовъ скотъ, отчинивъ хлѣвъ, сказавъ: «батька,—отвѣщаеть ковалю: отъ, я научився грамоти и малцовъ понаучававъ!» Батька говорить: а хто жъ табѣ показавъ?—А я своимъ вумомъ выдумавъ,—што я дужа на свѣти вумница! Зьдѣлай мнѣ, батюшка, таперъ стральбу! Показавъ яму хорму, якую дѣлать стральбу! Батька зьдѣлавъ яму тую стральбу. И узявъ ёнъ сабѣ на пасту съ собой тую стральбу, погнавъ коровъ. И сказавъ наносить дровъ. И якдя дераво—што орэхи растуть. Яны наносили дровъ, большую граду. Тогды запаливъ ёнъ ихъ, тыя дровы; згорэли тыя дровы—остався тольки попялъ. Ёнъ съ того попялу надѣлавъ пороху и ставъ стралять на поли. Удивляетца царъ: хто гэто такъ лопаеть, што у моимъ царстьви нема гэткія штуки? Сказали цару: гэто ёсь у коваля—ёсь сынъ Соломонъ, и ёнъ гэтыя штуки работаеть! Спрашуеть яго—яго къ сабѣ царъ позвавъ: «дѣ ты гэто научився, чимъ гэто ты пэкаешъ?» А ёнъ цару отказуеть: я своимъ вумомъ могу на сьвѣти, што здумаю, то зробить! Цару стало гэто, што ёнъ зъ нѣйкаго колѣна, зъ нѣйкаго поводу—што ёнъ гэто не коваль. Прыходить гэтый царській сынъ зъ вучилища, тэй, што прыимъ жыветь, и бярэть ножъ, и зьдѣлавъ дрывяный молотокъ, и зьдѣ-

лавъ общугй дрывяныя. Царъ тогды поглядѣвъ на гэтыя штуки, и завялѣвъ запрэхчи коня и уссадивъ съ собой гэтаго сына и поѣхавъ на пбля. И каеть: сынъ! штб бъ на гэтымъ поли було? зьдѣлать можно? А ёнъ яму говорыть: поравшы, будеть пшаница! Вотъ ужэ цару замѣтно, што не яго сынъ! Уѣхали у пущу: штб бъ у гэтой пущи було? пытаетца царъ у сына.—Вырубить гэтый лѣсъ и накласьти дровъ грады большэя, и попалить ихъ,—за гэто угальля ковалёмъ будеть бязъ клбпоту. А помижъ гэтыхъ пнёвъ, што пни высѣчаны, тыя дровы, и узорать ихъ, тую землю, и насѣить ячмѣню, дакъ то хлѣба будеть много! Тогды царъ вярнувся домовъ. Отвѣщаеть жанѣ царъ, жонцы своей: «ня мой гэто сынъ! А мой сынъ, каеть, у коваля Соломонъ!» А жонка яму каеть: «почимъ жа жъ ты вѣдаешъ, што гэто Соломонъ сынъ твой?»—А потымъ я вѣдаю, што ёнъ можыть воевськимъ дѣломъ займатца, войной! А гэтый сынъ займаетца ковальскимъ! Тогды яна на мужука каеть, на цара: „почимъ жа ты вѣдаешъ, што ёнъ займаетца ковальскимъ дѣломъ?“ —А прыдеть зъ вучилища, дакъ ёнъ дѣлаеть дрывяныя молотки и общуги. Дакъ я по гэтымъ узнаю яго. И запрагавъ я коня и ѣзьдивъ зь имъ на пбля и говорывъ яму. што на гэтымъ поли дѣлать будемъ? А ёнъ мнѣ говбрыть: што вотъ можно на гэтымъ поли засѣить жыта, ти пашаницы,—хлѣба будеть досить усимъ войську. А у пущу поѣхавъ—попалить пущу, дакъ будеть ковалёмъ угальля доволи. Отъ я по гэтымъ узнаю, што гэто ковалёвъ сынъ. Кабъ мой сынъ, ёнъ бы на пбли сказавъ, што вотъ можно на поли состроить лакари солдацкія, ученьня солдацкая! А царыца сказала цару: коли жъ твой Соломонъ сынъ,—хай заутра коваль кътабѣ прыѣдеть, и не на кони, не пяхотбй, и не надѣвшыси, и не голый, и не подъѣвшы, и кабъ голбденъ нябывъ. Зазвавъ царъ коваля къ сабѣ: „кабъ ты ко мнѣ заутра явився, ранянько, и не на конй, и не пяхотбй, и не надѣвшыси кабъ бывъ, и не голый, и кабъ не сытый бывъ, и не голодный. А ня зьдѣлаешъ гэто, дакъ я табѣ голову сьсяку!» Прышовъ домовъ да и плачеть коваль. Ажъ прыгоняеть сынъ съ паствы. «Што ты, батька, плачашъ?»—Загадавъ царъ загадку! «Што за загадка?»—Кабъ заутра рано къ яму явився я, и не на конй и не пѣшкомъ, и кабъ и не голый и не надѣвшысь, и не подъѣвшы и не сытый!.. Соломонъ отвѣщаеть матцы своей: учини ты зъ муки заутра кисялю, кабъ батька посьнѣдавъ бязъ хлѣба! Пераночававшы, наварыла яна кисялю, ковалиха. „Ну, садися, батька,—ѣжъ кисель!» И хлѣба яму не давъ Соломонъ сынъ. Наѣвся ёнъ того кисялю. «Зьдѣвайся, батька, кабъ ты бывъ голымъ! Батька зьдѣвъ одѣжу усю доловъ, а ёнъ теразъ ночь прыготовивъ батьку одежу. А якая одежа—гэто сѣть, што рыбу ловють, и батьку укрутивъ у тыя сѣти. И

прывёвъ яму козла, Соломонъ ковалю, и сказавъ: «помижъ ногъ козла ущамй и ѣдь къ царў. Якъ прыѣдешъ, кабъ половина была на ганку козла, а половина у хати, то на порози и стой!» Такъ коваль и поѣхавъ.

Сичасъ являетца ёнъ къ цару, коваль. Царъ гэто увидивъ, што ёнъ ѣдеть, спрашуеть: «хто табѣ гэтакъ подьдѣлавъ?»—А гэто мой сынъ Соломонъ!—«А што ты ѣвъ?» царъ пытаетца у коваля.—«Ѣвъ кисель бязъ хлѣба!—«Можашъ сабѣ, коваль, домовъ ити!» И отвѣщаеть царыцы царъ: якъ ты сабѣ хотѣла, а потомъ, гэто мой сынъ, Соломонъ. Такъ яна, царыца, и змовкла. Ничого яму не сказала. Тогды того сына, што дѣлавъ молотокъ и обцуги дрывяныя, царъ узявъ, ды й вывявъ вонъ за рукў съ свойго дому, съ хаты, и отвёвъ къ ковалю. „На табѣ, коваль, твойго сына! гэто твой сынъ!“ Коваль яго повёвъ, того сына, къ сабѣ. И вялѣвъ запрэхчи коней у саму лѣпшу карэту, у пояздъ, ѣхать за Соломономъ къ ковалю. Спрашуеть у ковалихи царъ прыѣхавшы: дѣ сынъ Соломонъ? Ковалиха каеть: узявъ хлѣба у торбочку и пошовъ!—Ня вѣдаешъ, куды пошовъ?—Ня вѣдаю! Тогды царъ разославъ по усимъ городу своихъ вѣрныхъ слугъ, разыскать Соломона.—Яны яго нидѣ не нашли. Прыходють къ цару слуги: нема нидѣ Соломона! Тогды царъ нарадивъ людей большы и пославъ по усихъ дорогахъ, кабъ яго найти дѣ. Здогоняеть яго министеръ царській. Ёнъ видить гэто, што яны возьмуть яго къ батьку, ёнъ доставъ тогды хлѣбъ свой съ торбы, сѣвъ и ставъ хлѣбъ ѣсьти, и вошы бъеть на тэй скорынцы хлѣба на самой. Што ты мальчишка гэто работаешъ?—А я старое выгоняю, а новое накладаю!—А гэто што робишъ?—А гэто няпрыятелявъ убиваю! Тыя министры узяли, отраклися яго, поѣхали назадъ, што ёнъ соусимъ имъ показався дурный малецъ. Попрыѣжжали уси—уси зъ дорогъ, являютца къ цару. «Ну, нѣтъ Соломона мойго сына?»—Ваша аппираторство вялико! нѣтъ нигдѣ! А тольки бачили на дорози дурного мальца! Царъ пытаетца: што жъ ёнъ работавъ тэй малецъ? А ёнъ на подворъя, каеть, ходивъ и хлѣбъ ѣвъ заразомъ, и достававъ вошы, на скорынцы бивъ. Гэто, каеть, дурный малецъ!—тыя, што шукали яго. А царъ говорить: А што ёнъ казавъ?—А казавъ, што старое выгоняю, а новое накладаю, и непрыятелевъ убиваю! Царъ каеть: «гэто дѣсьвительно Соломонъ! трэба було брать!“ Поѣхали, не нашли ужэ у тымъ мѣсьти яго.

Такъ батька царъ оставивъ гонятца за имъ. Прышовъ наказъ съ протчихъ царыковъ,—што дѣсьвительно сынъ твой Соломонъ тутъ у насъ, показуеть разныя штуки! Ставъ показавать, якъ на сьвѣти воеватца, подѣлавъ граматы, стрэльбы и ставъ порохи показавать якъ работать, зъ якого дрэва. А то до яго друччамъ бились, рукопашну, дрэвомъ. И начавъ шклы работать, вокны шклить; а давно не було шкловъ—ко-

жай вокны запинали свѣтлой. И начавъ работать люйстры, што самъ сябе чаловѣкъ увидаеть. А дàвно люйстровъ нè было, и чаловѣкъ сябе ня видивъ, опричъ якъ у водѣ. И разныя навуки прыставлявъ—якъ што дѣлать на сьвѣти. Тогды тэй царъ пославъ чаловѣка къ гэтому къ батьку: „отъ, вашъ сынъ Соломонъ разныя штуки прыставляеть, показуеть, якъ на сьвѣти жыть!“ Запрагаить батька коней, поѣхавъ у тоя царство за сыномъ. А ёнъ знавъ, што батька за имъ прыѣдеть. Дакъ ёнъ увыйшовъ у другоя царство отъ батьки. Прыѣжжаеть батька, а яго нема. Пытаетца у того цара: «бывъ тутъ мой сынъ Соломонъ?»—Бывъ!—«А дѣ жъ ёнъ дѣвся?»—Ня знаю, увыйшовъ, каеть, отъ насъ! И ёнъ по усимъ свѣту показавъ навуки, къ батьку не являвшыся. Покуль уси навуки попокàзывавъ по протчихъ царыкахъ. И ня звѣсно, скольки ёнъ зямель обыйшовъ. Якъ сьвѣтъ вяликъ, такъ ёнъ на ўсимъ сьвѣти показавъ навуки, сьвѣтъ просьвятивъ. А тогды обдумався домовъ,—явитца къ батьку назадъ. И нанявъ сабѣ звощика исъ конёмъ и наработавъ люйстровъ, и прыѣжжаеть домовъ у свой городъ, дѣ батька. Разставивъ тыя люйстры на гòроди продавать. Ходила царыцына дѣвушка по городу и увидила тыя люйстры, покупала одно, невяличкое, можа яно тамъ сь четьверть кругòмъ. И прыносить яна у царській дворецъ тоя люйстро. И показуеть царыцы: отъ, якую вещъ я покупала на гòроди,—што у нашамъ царстьви нема! Царыца пытаетца: „а ёсь у яго яшо большы?“—Ёсь! И такія ёсь вяликія, што зь яго дьверы можно составить, зь дьверы вяличинёй! Царыца сказуеть на дѣвку: пойдемъ съ тобою мы къ яму! И пошли яны обѣдьвѣ по городу, и нашли яго, звощика того. И спрашуеть у яго: «продажныя у тябе гэтыя вещи, люйстры?»—А ля гэтакихъ лицъ не могу продать!— „Ли чаго жъ ты ня можашъ мнѣ продать?“ царыца пытаетца.— А ля гэтакихъ лицъ хто со мной ночь перасьпить, тому и дàрмà даю! Царыца обдумалася, написала яму писямцо и дала: што я могу съ тобою сочинить—пераспать. А тольки яна не знаеть, што гэто сынъ. Тогды яна написала бумагу, ёнъ бумагу гэту у кишэнь. Отдавъ ей люстру саму бòльшую. А тогды прыносить домовъ царыца тоя люйстро и пошла къ мужуку, къ цару. „Полядитка якую я у своимъ городи вещь покупала!“ Царъ прыходить, смотрыть—самъ сябе увидавъ. Ничòго не казавшы царъ жанѣ, якъ увидивъ тоя люстро, пошовъ къ кучару и сказавъ саму лѣпшу карэту запрагать, лошадей шасьтярыкъ. Сѣвъ ёнъ и поѣхавъ у карэти нà городъ. И нашовъ ёнъ сына свойго Соломона и узрадовався такъ, што якъ свойму воку—радъ, што сына увидавъ. «Сынъ мой дорогёй! покуда ты будешъ мяне мучить, по сьвѣту тягать за собой,—што я за тобой ѣжжу, шукаю тябе? По сьвѣту навуки показуешъ, а дома нѣ!“—Отъ, батька—на штожъ мнѣ: я тяперъ дома буду

жыть, я й навуки буду разныя показавать! А звощику подарывъ тыя уси вещи люйстры. А самъ сѣвъ зъ батькомъ у карэту и поѣхавъ до свойго батьки у хату. «Сынъ мой любимый, рòдный! Чаго ты мяне отрòкся?» — А за тымъ отрокся, што мяне хотѣла матка зарэзать! — «А за што ина хотѣла тябе зарэзать?» — За тымъ, што я матку назвавъ блудной! — «Сынъ мой любимый! ня трэба говорыть гэтакъ на матку!» — «Коли яна у правду гэтымъ занимаетца, матушка наша! - «А почаму ты, сынъ мой любимый, гэто знаешъ?» — А вотъ табѣ, батюшка, посмотрытя: вотъ яе расьписка у мяне у кишэни! Осмотрэвъ царъ по тэй расьписцы, што дѣсьвительно сынъ правду говорыть. Прыѣжжаеть у дворъ, — матка и спознала, што тэй, што продававъ у городи люйстры. Матцы й страмно стало, стыдно, што сама своей рукой расьписку дала, што съ сыномъ буду грэхъ сочинять.

Ёнъ тогды распорядився, Соломонъ, уси тыя навуки дѣлать дома, - якъ по протчихъ царыкàхъ: и ружжы и граматы и шклы — усё. Тогды сказавъ: батька, буду я жанитца! Батька яму позволивъ. Поѣхавъ ёнъ, высватався у протчимъ царстьви. И дужа яна была прыгожая, тая царэвна. И бывъ у тыё царевны тожъ само полюбовникъ, такъ само царъ, опрочъ Соломона. И того цара полюбовника яе называли царъ Давидонъ. Прыѣхавъ ёнъ у сваты, прамудрый Соломонъ, — дѣюшкинъ батька пытаетца у яе: «за кого ты пойдешъ луччи, — ти за Соломона, ти за Давидона? — Нѣтъ на сьвѣти крàшай цара Давидона, а нѣтъ на сьвѣти мудрэй Соломона!" Тогды ина отвѣщаеть батьку, што пойдеть за Соломона, затымъ, што ёнъ дужа мудрый. Тэй царъ Давидонъ тогды поѣхавъ отъ царыцы отъ тыя. А царъ Соломонъ ожанився зь ей. И по протчихъ по усихъ послав царыкàхъ, што ёнъ по сьвѣту ходивъ: «што вотъ, прыѣжжайтя на свадьбу къ цару Соломону, што я вотъ у васъ бывъ. разныя навуки показавъ, дакъ прошу вашыя милосьти къ сабѣ на вясельля!» Такъ уси царыки могли тронутца и прыѣхать къ яму на вясельля.

И сѣли уси за столъ у порадокъ царыки съ протчаго царства. И разговаруютъ сами собой: што нема на сьвѣти милѣй, якъ жанà! А другія царыки говоруть: што матка мила. А никотòрыя говоруть: „батька милѣйшый на сьвѣти! И вѣрно нихто такъ не скажыть, якъ батька али матка!» А никоторыя говоруть: жана вѣрно скажыть. И сами помижъ сябе спорку зьдѣлали. А ёнъ, прамудрый Соломонъ гэто усё слухаеть, што яны разговаруютъ. Тогды ёнъ говорыть: „я вамъ скажу заутра урани, хто ёсь на сьвѣти вярнѣй: ти жана, ти матка, ти батька — хто на сьвѣти вярнѣй ёсь. Якъ поустаетё, тогды скажу!" Пошли яны уси спать, царыки, а прамудрый Соломонъ жъ жаной ня лёгъ спать. Выпавъ ёнъ

вонъ, на ганокъ на свой, ажъ являетца яму голубъ. „Прамудрый Соломонъ! не кладися жъ жаной спать, бо не попадешъ у царство нябесная, будишъ грэшный чаловѣкъ! Такъ ёнъ зь ёй и не клався. Цѣлу ночъ такъ проходивъ, по своимъ покои ходючи. А заўтра раненько ўставъ, помывся й Богу помолився, и пошовъ у стайню. И ўзявъ потъ полу сабѣ пугу, схововъ, кабъ жонка ня видила. Тогды на жонку: „пойдемъ чай пить къ царыкомъ!

А бывъ у яго, у Соломона, собачка маленькій, и тэй собачка побѣгъ зь имъ разомъ. Отвѣщаетъ имъ Соломонъ: «я вамъ обѣщався сказать, хто на сьвѣти вѣрный ёсь!» То протчія царыки кажуть: «слухаемъ васъ, бо вы вумныя на сьвѣти ёсь!» Доставъ Соломонъ съ потъ полы пугу, сховавшы ина была у яго. И сказавъ на собачку: служыть мнѣ! Тэй собачка дубкомъ ставъ перадъ имъ и стоить. Тогды пугой дѣрнувъ. Тэй собачка запищэвъ и кинувся усимъ подъ ноги, ховатца отъ яго. Ёнъ тогды крыкнувъ узнова на яго: служыть мнѣ! Такъ тэй собачка узновъ дубкомъ и ставъ перадъ имъ, и слўжыть, ще й руки лижыть, што—просьти. Тогды прымѣръ зьдѣлавъ: узявъ, три разы такъ пугой стёбнувъ жонку помалѐньку,—тольки прымѣръ зробивъ—што жонцы покажытца? Жонка выскочила вонъ и закрычала: запрагайтя коняй! Запрагли коняй, ина и утякла отъ яго, поѐхалы. Тогды ёнъ царыкомъ говорыть протчымъ: «вотъ, вы учора разговарывали, што на сьвѣти вярнѣй нема, якъ жонка: отъ, я собачку бивъ, ёнъ мнѣ й служыть опять; а жонцы тольки прымѣръ давъ—и ина отъ мяне утекла, кинула! А никому ня вѣртя, господа цары! нѣтъ на сьвѣти вярнѣй якъ собака—гэто вѣрно слово я кажу!»

Тогды прамудрый Соломонъ прожывъ зъ батькомъ цэлый годъ бязъ жонки. «Батька, дайтя мнѣ полкъ солдатовъ, пойду за жаной за своей, пѣхотой». — Сынъ мой любимый,—а дѣ жъ твоя жонка? батька пытаетца. —«А я такъ по своимъ вуму знаю, што ина у царя Давидона,—утякла къ тому къ свойму кавалеру, къ давному». Даетъ яму батька полкъ солдатовъ, и отправляетца ёнъ у походъ. Ишовъ ёнъ повтора года зь имы и потходить подъ царській дворэцъ, дѣ царъ Давидонъ жъ жонкой жыветь. И зайшовъ у пущу, и сказавъ на солдатовъ: ложытеся тутъ спать, а я одинъ пойду къ жанѣ! Прыходить ёнъ, а жана сядить на ганку. Якъ увидала яго, такъ и заплакала: «што нѣтъ на сьвѣти мудрэй, якъ Соломонъ, и ты мяне гэтакъ обстрамивъ перадъ царами!» Пытаетца Соломонъ у жонки: «а дѣжъ твой царъ Давидонъ?» А йна яму отвѣщаетъ: «у саноти, пошовъ на совѣтъ!»—Ахъ, жана моя, сховай ты мяне, кабъ царъ Давидонъ не знявъ мнѣ голову доловъ шабляй! Ина съ скрынки узяла одежу вонъ, а яго у скрыню усадила. И сама сѣла на

тэй скрыни. Ажъ приходить царъ Давидонъ съ санотомъ. Отвѣщаеть яна яму, Давидону: «ти ёсь на сьвѣти прыгожэй, якъ царъ Давидонъ, ти ёсь на сьвѣти мудрэй, якъ Соломонъ?» А ёнъ отвѣщаеть, царъ Давидонъ: што ёсь на сьвѣти прыгожэй мяне люди, а тольки нѣту на сьвѣти мудрэй Соломона! А ина сьмяётца зъ естаго, жонка: «што ёнъ за мудрый, што у мяне подъ ж. сядить!» Царъ тогды кажыть: «што ты кажашъ: гэто няуправду!» Ина подымаеть скрыню, отчиняеть—ажъ сядить у скрыни царъ Соломонъ. «Чаго ты, Соломонъ, гэто попався у скрыню?“ царъ Давидонъ яго спрашуеть.—Мусить, судьба моя такая, што мяне у скрыню жонка сховала!—«Ну, лѣзь вонъ исъ скрыни!» Ёнъ вылѣзъ вонъ И бярэть шаблю царъ Давидонъ и хочеть яму голову зрубить, Соломону; отчаго ты нападеньнямъ прышовъ къ моёй жанѣ! А ёнъ отвѣтивъ, царъ Соломонъ яму, цару Давидону: якій ты, царъ Давидонъ, будешъ, што ты одинъ на 'динъ голову зрубишъ мнѣ? Ты зьбяры народъ, восько своё, и чорный народъ—простыхъ, ня воиновъ, усихъ кабъ зазвавъ, усё *сво* царство, и зьдѣлай шыбялницу, и ты повѣсь прамудраго Соломона на шыбялницы. И табѣ тогды будеть лахва, што ты повѣсивъ такъ прамудраго Соломона. И зьдѣлай три пятьли: шавковую за шыю, пяньковую за сярэдину, а зъ лыкъ зьвита за ноги—кабъ гэтыя были пѣтьли! Гэтый царъ Давидонъ собравъ увесь народъ, усё царство и подѣлавъ гэтыя петьли. А жана яму отвѣщаеть: ня слухай Соломона, руби яму голову, бы ёнъ своёй мудросьтю увыйдеть отъ насъ! Ёнъ узявъ, и послухавъ яго,—не рубивъ яму головы, а лѣпи повѣшу, каеть. А у царыцы была дѣвушка—и тая говорыть на цара Давидона: руби доловъ яму голову, бы ёнъ увыйдеть отсюда своёй мудросьтю. А царъ Давидонъ послухавъ яго, ня зрублюеть яму головы. И увесь народъ собравъ къ шыбялницы. И прывяли цара Соломона. Ёнъ отвѣтивъ цару Давидону, царъ Соломонъ: я самъ сабѣ надѣну петьли на шыю и за сярэдину, и за ноги, и самъ сабѣ соскочу съ уступу, зъ ганки съ тэй, и повѣшусь. А тольки, царъ Давидонъ, позволь мнѣ поиграть у жулёичку тры разы! Ёнъ яму позволивъ: поиграй сабѣ перадъ сьмертю! Такъ ёнъ и зайгравъ у жулейку. Тольки Соломонъ зайгравъ,—такъ народъ ставъ драмать увесь. Якъ зайгравъ другій разъ, такъ народъ поклався. Якъ зайгравъ трэтій разъ—такъ смашно заснули, уси—и восько, и народъ, и царъ Давидонъ заснувъ, и жонка заснула, и дѣвка заснула, уси заснули. Якъ тольки заснули яны уси, то царово Соломоново восько *у* сей жа минутой наскочили туды. Тогды царъ Соломонъ отвѣщаеть свойму воську: рубитя гэто восько яго усё, тольки не чапать чорнаго народу! А тогды, якъ порубили гэто восько, яго ужэ восько обняло,—тогды ёнъ цара Давидона будить, Соломонъ: «уставай, царъ Давидонъ! што ты сьпишъ?

пора мяне вѣшать!» Поляцить царъ Давидонъ, ажъ яго воська ни дного нема солдата, а усё наступило Соломоново. Тогды ёнъ и говорыть жонцы, царъ Давидонъ, прошнувшысь: правду ты казала, што ёнъ своей мудросьтю увыйдеть. Тогды царъ Соломонъ царя Давидона пятлю на шыю шовковую, а жонцы пяньковую, а дѣвцы лышную—и повѣсивъ ихъ усихъ троихъ. А тогды распорадився съ тымъ городомъ, што забравъ ёнъ царство другоя, и поставивъ начальство у тымъ городи своё—распораджатца. А самъ отправився къ батюшку, у свой дворъ, къ родному. *)

Ажъ сустрыкаеть яго Сусъ Хрыстосъ, царя Соломона. «А дѣ ты бывъ царъ Соломонъ?» —А я бывъ, повѣсивъ царя Давидона жъ жонкой и зь дѣвкой—усихъ троихъ повѣсивъ! Спрашуеть Сусъ Хрыстосъ: «а куды жъ идешъ, прамудрый Соломонъ?»—Иду къ батьку!—«Ходи ты со мной, прамудрый Соломонъ!»—Сусъ Хрыстосъ на яго говорить. Такъ ёнъ и пошовъ зь имъ.

Приходють яны къ пеклу. Сусъ Хрыстосъ якъ духнувъ своимъ духомъ, такъ уси дъябли поутякали съ пекла. Ёнъ забравъ, Сусъ Хры-

---

*) *Въ дер. Городкѣ, забѣлышинской вол. климович. у.* эпизодъ этотъ передается такъ: «Стало быть, премудрый Соломонъ у отца росьтився.» Хочетъ отецъ его женить, указываетъ невѣсту, но Соломонъ самъ избираетъ себѣ невѣсту, «у такомъ то царствьи у короля дочку.» Отецъ знаетъ, что у дѣвушки есть „полюбовникъ", и говоритъ Соломону: „Нѣ, мой сынъ,—ни за кусъ хвытаесься, ты тымъ кусымъ пыдависься!" —Пычаму такъ?—„А ты у тыя дѣвушки подъ ж. будишь сядѣть!"— Ну, ето моё дѣло! Ожанився...» Черезъ недѣлю молодуха поѣхала къ роднымъ въ гости, да тамъ и осталась, у полюбовника. Спустя нѣкоторое время, Соломонъ ѣдетъ съ войскомъ за женою. Условившись съ войскомъ относительно сигналовъ, онъ оставляетъ его въ десяти верстахъ отъ города, а самъ ѣдетъ къ женѣ. Та пьетъ чай и принимаетъ его «до чесьти». На дворѣ показывается полюбовникъ. „Ай, идеть съ санотУ хызяинъ етыго дому!" Ну, дыкъ што?—«Дыкъ ёнъ ни залюбить, што ты тутъ!»—А идѣ жъ мнѣ дѣтца?—«Пылизай у сундукъ!» Является хозяинъ. Она сидитъ на сундукѣ. «А што бъ, мой милый, ты зьдѣлывъ, кабъ мой мушъ прiѣхывъ?»—Я бъ яго сiйчасъ ну куски нурубивъ усяго! Она соскочила съ сундука и открыла. Тотъ выхватилъ саблю: полизай вонъ! А Соломонъ: «ахъ ты вумный, вяликiй князь! ты имѣй руссуждения въ себѣ, што попався табѣ у руки примудрый Соломонъ! Ты мяне ни руби, а подгонь високiй кипажъ, ды вязи мяне на поля, ды поставъ висильницу високую, ды сыбяри усё начальство, усѣ выйска, ды мяне повѣсь на висильницы,—дыкъ табѣ будеть пыхвала, што ты повѣсивъ примудраго Соломона!» Тотъ такъ и сдѣлалъ. Передъ смертью проситъ Соло-

стосъ, уси душы и повёвъ сь пекла вонъ, а Соломона узявъ, замкнувъ у пекли одного. «Суся Хрысьтё Сыня Божый! што вы мяне покинули одного?» —А ты своёй мудросьтю отъ гэтуль утячешъ, и упяродъ за мяне будешъ у царстьви нябесномъ! Прамудрый Соломонъ нашовъ тамъ топорокъ у пекли и надѣлавъ количковъ и зьдѣвъ одежу доловъ и разобравъ по нитоцы, и навивъ шнуровъ. И царъ Соломонъ по пеклу давай планы разводить. Прысылаеть анцыпаръ на двинатцать головъ— дъябла съ однэй головой: «а сходи у пекло, поляди, што тамъ дѣетца?» Прыходить дъяболъ—ажъ тольки одинъ Соломонъ. «А што ты тутъ робишъ, Соломонъ?» дъяболъ яго пытаетца.—«А буду разводить планы! Мнѣ Сусъ Хрыстосъ сказавъ, кабъ я поразводивъ планы тутъ. На правомъ боку субо̂ръ будеть цэрква, на лѣвомъ боку католицкій будеть косьтёлъ, а посяродъ пекла будеть Прысвятыя Матяры Бугуродицы стоянья!» Дакъ усё пекло Соломонъ и занявъ. Дъяболъ полятѣвъ къ анцыпару и кажыть: занято жъ усё пекло, занявъ прамудрый Соломонъ: на правомъ боку суборъ будеть цэрква, на лѣвомъ боку католицкій будеть косьтёлъ, а посяродъ пекла будеть Прысвятыя Матяры Бугуродицы стоянья! Зазываеть ёнъ къ сабѣ, анцыпаръ на двинатцать головъ, къ сабѣ Соломона. «Што ты тамъ зьдѣлавъ у пекли?»—А поразводивъ планы, усё пекло занявъ!—«А чаго ты, каеть, застався тамъ?»—А мяне Сусъ Хрыстосъ покинувъ! А ти вѣдаешъ, анцыпаръ,—я на яго дужа не спокоенъ! якъ ба мы, анцыпаръ,—ты тыки мудрый, и я не плохей—якъ бы мы зьдѣлали, кабъ Суса Хрыста закували у зялѣзы? Отвѣцаеть яму анцыпаръ на двинатцать головъ: «ты жъ-тки прамудрый Соломонъ: порай, якъ дѣлать!» —А вотъ якъ: двинатцать прутовъ зялѣза, и по дватцать чатыры пуды

монъ позволенія повеселиться и заигралъ на рожкѣ, подавая сигналъ своему войску. «А у тымъ царьстьви ни знають, якъ у рожокъ играть. Уси и задивились». Потомъ Соломонъ предлагаетъ загадку, увидя, что его жена везетъ въ своемъ экипажѣ полюбовника къ мѣсту казни: «господа, рассудитя етый судъ: пусь лошыдь пиридокъ вязеть,—а чаго чортъ усьлѣдъ задокъ нясеть?» Тѣ не могутъ рѣшить. Идетъ Соломонъ къ нижней петлѣ. «Ти въ ето сило мнѣ лѣзьть?»—«Нѣ, лѣзь у верхнее». Снова игра на рожкѣ, «передъ смертю». Потомъ третья петля и третья игра на рожкѣ. Пыль отъ его войска закрываетъ небо. «Соломонъ, ты тамъ височко,—што ето за пыль?»—А ето ангелы летять пы мою душу! Окружило его войско цѣпью всѣхъ. Приказалъ Соломонъ внизу повѣсить жену, а надъ нею полюбовника: «я пыдъ тобою сядѣвъ, а ты повыси передъ полюбовникымъ!» Забралъ царство, поставилъ тамъ своихъ начальниковъ, а самъ поѣхалъ домой.

кабъ було у кажнымъ прути. И скувать зялѣзы ! Ну, дъяблы сычасъ гэты зялѣзы кують и надѣлали ланцугi и шрубы, позакручивать зялѣзы тыя. И у сьтянѣ покрутили дирки, дѣ дъябли жывуть, у тымъ муру. И сказавъ прамудрый Соломонъ: «ты, каеть, сiлянъ дужа,—на анцыпара—а Сусъ Хрыстосъ сильнѣй тябе. Окуйся ты упѣрадъ, анцыпаръ: коли ты не порвешъ, ты й ёнъ не порветь зялѣза! Такъ ёнъ яго и окувавъ и позашрубливавъ крэпко, того анцыпара. „Ну, тяперъ, анцыпаръ, ирванися крэпко! Коли не порвѐшъ, то и Сусъ Хрыстосъ не порветь!» Тогды ёнъ якъ трыпянувся, анцыпаръ тэй на двинатцать головъ, такъ зялѣзы задѐржыли, и кинулась у яго кровъ и зъ вушъ, и зъ роту, и зъ носу, отусюль—у дъябла, што дужа теразъ силу ужэ ирванувъ. „Ну, тяперь Сусъ Хрыстосъ ня 'торветца! Коли ты не порвавъ, то и Сусъ Хрыстосъ не порветь! Тогды отвѣщаеть дъяболъ Соломону: „отмыкай мяне!" Тогды Соломонъ узявъ, своей рукой пераксьтiвъ яго во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, и сказавъ ***алилуя***. Такъ ёнъ и увився у тымъ муры дъяболъ.

Тогды яго дъябли узяли и скиныли, прамудраго Соломона, доловъ съ пекла. И ёнъ помёръ - ударывся дужа объ зѐмлю и помѐръ. И дѣтки яго, пастушки, найшли на поли, и узяли яго и поховали тыя дѣтки, прамудраго Соломона. И ёнъ ставъ у царстьви нябесномъ. А Сусъ Хрыстосъ пошовъ на небо на Ушэсьтя (Вознесенiе), на Тройцу, на Духа. И разговоръ съ Соломономъ мѣвъ. «А што, кажыть, Соломонъ: я табѣ казавъ, што будешъ упѐрадъ мяне у царстьви нябесномъ! Ажъ во, ты ужэ тутъ, а я посьли тябе прышовъ».

А перадъ концомъ сьвѣта, дъябли отгрызуть зялѣзы тыя и анцыпара того выпустють, и ёнъ сойдеть доловъ на зѐмлю, и нарòдитца жъ жыдовки Масiяшъ, и яны будуть дѣйствовать обàдвы на гэтымъ сьвѣти, будуть распораджàтца. И ня будеть уроды перадъ концомъ сьвѣта. И яны будуть ѣздить и будуть змущать народъ: «нàтя вамъ золота и хлѣба, потписыйтеся подъ насъ!» И тэй анцыпаръ скажыть, што—я вашъ богъ! И крыкнеть анцыпаръ: облòки, спусьтiтесь! И ёнъ на 'блòки станеть и скажыть: я пойду на небо! И увойдеть ёнъ на повсвѣта на блòкахъ, а Господь пошлеть ангала зъ вяликимъ зь зялѣзомъ и скажыть— ударыть анцыпару у груди зялѣзомъ, кабъ наскрòзь пробивъ яго. Ёнъ полятiть доловъ назадъ. И кинеть Господь за имъ, за 'нцыпаромъ, сонца и мѣсицъ и дьвѣ часьти звѣздовъ. И загорытца земля и вода, и конецъ сьвѣту будеть.

С. Стовбцы, лисичинской вол. сѣнн. у. Отъ кр-на Прохора Григорьева, 54 л., неграм. Интересное дополненiе къ легендамъ, даннымъ въ IV выпускѣ «Бѣл. Сборника».

Въ д. *Усохской Будѣ, краснобудской вол. гомельск. уѣзда*, отъ крестьянина Кузьмы Сем. Морозова записанъ слѣдующій варіантъ:

„Бувъ царъ Давидъ; у царa Давида було семдесятъ семъ жонъ. И начинаетца ў яго сынъ прамудрый Соломонъ отъ первыя жонки. Тяперака, позычила одна сястра у другія —мужычка—горщокъ. Поставила яна позычàный горщокъ на прыпячку, курыца узлятѣла и разбила. Вона говòра: оддай мой горщокъ!—А, моя сястрица: горщокъ разбитый, курыца разбила!—Ну, ты мнѣ заплати!—Вона кажа: за що табѣ платить, дярмо? И удырыла яе тожъ пò вуху. Тая подняла крыкъ и пошла на судъ къ царыцы Давидиси: побила, каа, мяне за моѐ добрая! Сказала царыца: «якъ жа ты можашъ узыскавать за такоя дярмо, за горщокъ? Би яѐ пò ўху яще разъ!» А Соломонъ, значитца, у пузи сѣдючи, говора: «што ты, блудная, за блуднаю тягнешъ! Ня можашъ распорадитца, а ще за яѐ добро яѐ бъешъ? Вона тогды говора: „погоди жъ ты, коли ты такій, што щѐ не родився, а уже блудной узываешъ!“

И когда Соломонъ родился, она завязала его въ пеленки и вбросила въ «провалья». Пробылъ онъ въ «провальи» двѣнадцать мѣсяцевъ, и выросъ такъ, какъ за двѣнадцать лѣтъ. Тогда явился онъ въ городъ. Царь Давидъ начинаетъ его «узнавать». Велѣлъ запречь карету серебряную и возить по своему царству: «хто ету карэту оцанўя, того бярытя до мене!» Ѣздили посланцы съ каретой двѣнадцать сутокъ, не могъ ее никто оцѣнить. Возвращаются въ городъ, «сидитъ» нищій, ѣстъ корку хлѣба и „шукая у головѣ“.—„Што йто ты дѣлаешъ?“—А старъ(рь) выкладаю, новъ(вь) накладаю, злого побиваю!—„Старыкъ, оцанѝ нашу карэту,—щò яна стòя?“—А якъ не подъяси, за яшнаю лўсту оддаси!—„Э, дўрань ты старый!» И поѣхали къ царю.

„Нихто ня могъ оцанить карэту, тольки стàрапъ сказавъ, што якъ не подъяси, за яшнаю лусту оддаси!» Ёнъ кажа: було брати яго, ето прамудрый Соломонъ!... На другой день посылаетъ на базаръ разбитый горшокъ: «хто етый горщокъ залатая, того бярытя до мене!» Носили цѣлый день, никто не взялся. Вечеромъ является майстеръ: «я залатàю, тольки якъ жа налицо латку класть? Няситя къ цару, нехай вывярня горщокъ навыворотъ (на изнанку), тогды я залатàю!»

На третій день Давидъ посылаетъ искать, «хто ему ерусалимъ достроя. Соломонъ собравъ одинàтцать такихъ, якъ самъ: волосъ у волосъ, голосъ у голосъ, лицо ў лицо: казавбы одна мать родѝла. Приходять яны къ цару и говòрать: царъ Давидъ! ми вамъ храмъ достроимъ! И стали строить. Якъ одна рука, строять. Давидъ питая: хто у васъ старшый?—Ми ўсѣ ровныя! Царъ и не разобравъ мижъ ихъ Соломона. Кончили яны суборъ, якъ чугунъ (котелъ), безъ верху, и просять ра-

щотv. «Що жъ у васъ верху нема?»—А коли намъ верхъ кончить, дакъ ты скоро помрэшъ!—„Ну, що жъ, братцы: дамъ вамъ рашотъ, побѣдайтя у мене!" И завялѣвъ ложки здѣлать по аршыну: „якъ яны будуть обѣдать, я угадаю!" Садились яны одинъ напротивъ другого, брали ложки за концы и одинъ одному давали ѣсть чаразъ столъ. Царь глядѣвъ—глядѣвъ, и не угадавъ. «Скажытя вы мнѣ, господа майстры: хто зъ васъ прамудрый Соломонъ?»—А вотъ я, отецъ мой, прамудрый Соломонъ! Енъ яго цаловавъ, миловавъ и узявъ къ сабѣ."

Чрезъ нѣкоторое время царь насильно оженилъ Соломона и самъ умеръ. Соломонъ цѣлый годъ спалъ съ женою спина къ спинѣ Тогда она написала своему прежнему полюбовнику, чтобы онъ увезъ ее отъ Соломона,—она прикинется умерщею,— а Соломона попросила поставить ее послѣ смерти на три дня въ церковь. Прикинулась она умершею, Соломонъ заковалъ ей руки желѣзнымъ обручомъ и поставилъ въ гробу въ церкви. Полюбовникъ ее укралъ оттуда.

Тогда „объяснилась на Соломона война: на востровахъ птицы зъ зялѣзными дюбками глытаять людей.» Онъ собралъ войско, вооружилъ его желѣзными цѣпами и «выбивъ тую птицу, тольки трэтьтяя часть осталась у пящеры, и сказавъ: трыжды будяшъ ты прòклята, коли полятишъ зъ етаго мѣста! И понадявàвъ кулѝ солòмянныя у шынели, и обставивъ пящеру кулями, и коло кулей поставлàвъ зялѣзныя цапы. Тая птица якъ зирнѐ, да й опять назадъ у пящеру подаѐтца.»

Потомъ Соломонъ раздѣлилъ свое войско на три «роты». Первую одѣлъ въ черное платье съ рогами, вторую въ красную, какъ жарь третью въ червоную, какъ кровь. Спряталъ ихъ подлѣ города полюбовника, а самъ пошелъ къ бывшей женѣ. Та, угостивши, прячетъ его въ' стеклянный шкафъ. Приходитъ ея мужъ. „А що бъ ты зьдилавъ, коли бъ до мене прамудрый Соломонъ прышовъ?—А пошли бъ, погуляли, тогды бъ головỳ зьнявъ!—«А вонъ жа тутъ!»—А дѣ?—„У шкахви!"—Давай яго сюды!.. Ну, пошли, погуляли.—„А я табѣ головỳ зрублю!—Дуракъ ты: якъ ты можашъ страннику ноччи голову рубить? Ты изьдѣлай двѣ шыбялницы—одну шовковую, другую пяньковую, и гукни свой черъ(рь), щобъ видѣли, якъ ты будешъ мене мучить!... Тотъ такъ и здѣлатъ. Предъ смертью проситъ Соломонъ позволенія «потрубить три разы у рожокъ, съ своей стороной попрощатца.» Ему позволили. Протрубилъ онъ разъ, является черная рота.—«Хто ето»?—Ето смерть моя! Протрубилъ другой, является красная рота.—«А ето хто?»—Ето кровъ(вь) моя! Протрубилъ въ третій разъ, явилась червоная рота. „А ето хто?"—А ето нгелы, будуть мою душỳ брати!... Окружили войска черь и перебили. Жена повѣсилась въ пеньковой петлѣ, мужъ ея въ шелковой. Въ заключе-

ніе Соломонъ говоритъ: «будя трыжды разъ прокьятъ, хто на твоей землѣ населитца...“

По варіанту, записанному въ *с. Самотѣевичахъ чериковскаго уѣзда*, Соломонъ былъ обмѣненъ матерью на сына прачки, родившагося одновременно. — По отвѣту, что изъ лѣса можно угля нажечь, отецъ узналъ, что выдаваемый за его сына есть сынъ прачки, а его сынъ отданъ прачкѣ. Тогда Соломонъ скрылся и являлся подъ видомъ сопливаго мальчишки и старца нищаго. Отецъ ищетъ его при помощи золотой кареты и длинныхъ ложекъ. Соломонъ уходитъ къ бабѣ ягѣ и тамъ сватаетъ ея дочку, которую раньше любилъ „чортъ“. Въ отмщеніе за это, чортъ указываетъ Соломона отцовскимъ посламъ. Но ихъ прогоняетъ теща его —баба-яга. Соломонъ „представляетъ разныя мудрости, утѣхи“. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ скрипку; но никакъ не могъ заиграть на ней. Старый чортъ научаетъ его музыкѣ, требуя отъ него за это душу. Соломонъ вкладываетъ въ скрипку кусокъ дерева и когда приходитъ срокъ расплаты, отдаетъ чорту этотъ кусокъ дерева, какъ душу скрипки.

Потомъ Соломонъ идетъ къ отцу и играетъ у него на свадьбѣ. Отъ его игры никто „не усѣдивъ и не улѐживъ, пустились у его скакать, и люди, и собаки, гуси и куры, и уся тварь на землѣ». Отецъ нанимаетъ его стеречь свой садъ, и ночью идетъ провѣрять, хорошо ли онъ стережетъ садъ. Соломонъ уже не въ образѣ старца-нищаго, а въ обыкновенномъ видѣ. Происходитъ признаніе. Отецъ плачетъ отъ радости и передаетъ сыну царство. Соломонъ царствуетъ долго, «премудро разводя обиды каждому. И усѣ звѣри яго слухались.“

По варіанту *Казимирослободской вол. мстиславскаго у.*, Соломона, сына царя Давыда, берутъ подъ арестъ за дешевую оцѣнку золотой кареты, потомъ судятъ въ санотѣ. Здѣсь онъ доказываетъ, что пища и сонъ для человѣка дороже золота. Его освободили. Затѣмъ прибавленъ извѣстный эпизодъ о постройкѣ Давыдомъ дома съ чугунной крышей и продажѣ его старику за три брички воловыхъ золота. При этомъ Давыдъ, узнавъ въ старикѣ Господа, умолилъ его дать ему „ўглушекъ“ въ его домѣ. (Записаны мною.)

Молодой Юнкеръ.

Было на чисахъ десить солдатовъ и одинадцатый юнгыръ (г—g) изъ ими, начальникъ. И было етымъ усѣмъ строгыя служба, такъ што вынисьти ни возможно. Потомъ яны собираютца убижать. Юнгыръ имъ говбритъ: будимъ служить: ти худо, ти добро, будимъ служить! Потомъ ня усовисьтивъ ёнъ ихъ и усѣ разымъ пошли. И ёнъ зь ими. Пішли яны

лѣсымъ усё, такъ што яны сами заблудили. Пуща ета велика, имъ ня возможно было никуды выбитца на путь. Ни стало у ихъ пищи ужо ничо̀го. Ишли значитца яны девить дней по лясу̀, тяперь ужо на десятый день бязь пищи яны жить ни могуть. Што яны придумали сабѣ? Придумали одного зь ихъ страбить повочирици, ды зготовить, бо нечиго ѣсьть. Одинъ изь ихъ дисьвитильно, юнгырь етый говорить имъ: «такъ якъ вы щитаитя мяне большаго, дыкъ я совѣтую вамъ: пройдёмъ ящо день такъ,—можить быть Богъ дась!»—Ды мы то тябе и ня требуимъ, мы тябе и почитаимъ за старшого! мы возьмёмъ изъ насъ дисяти одного!—„То обождитя, ёнъ говорить: я узьлѣзу на дериво, пыляжу—ти ня видать дяревни!“ Ну, ёнъ узьлѣзъ на дериво, ничагѐ ня видивъ. Потомъ зьлѣзъ зъ дерива и сказавъ имъ, што видавъ дяревню; „дыкъ вотъ за мной путь дяржитя. Пройдёмъ ящо день, вотъ у дяревню привяду я васъ!“ Ёнъ ето обманувъ ихъ, штобъ никого ня губить,—ёнъ ничо̀го ня видивъ. А потомъ яны послухыли яго: день ишли. И опять жа занялись: „мы ня скоро придёмъ, зугубить надо!“ Потомъ ёнъ: «погодитя, я ящо разъ узьлѣзу на дериво, поляжу̀! Самыя високыя выбравъ дериво и полѣзъ,—яны яго послухыли. Узьлѣзъ и видить што то такоя, ни зьвѣсно што: ли каминь, ли дяревня, ли гѐрыдъ якей—ни зьвѣсно што, только видно далёко! Ёнъ зьлѣзъ зь дерива и говѐрить: «видать, братцы, постройки! Скоро придемъ!» А ёнъ самъ ни знавъ, што, али ёнъ говоривъ, штобъ яны ни губили. Яны яго послухыли. Потомъ пройшли другія сутки посьли етыго. Ето ужо одинадцать сутокъ. Усѣхъ одинадцать дней ишли усё пошти бязь пищи, только на первый день была пища, а то усё бязь пищи.

Потомъ увыйшли у горыдъ; етый горыдъ завалинъ каминими. И людей нима у етымъ горыди, только замѣтно, што горыдъ. У концы нашли яны одну старушку у вызьбу̀сцы. Яны зайшли къ етый старуси, поздраствувались то, и распрашыють у яе: «што ето такоя зьдѣсь было?»—Ето, говорить, бывъ зьдѣсь горыдъ, и могучій бывъ горыдъ!—„Отчаво сычасъ нѣтъ? што и пупищиватца нейди?»—Ахъ, говорить: ето нячиста сила забравъ етый горыдъ, и оплинтавъ яго,—только я одна осталася.—„Ня можно ли у васъ, тётушка, пыкормитца? мы одинадцать дней якъ ѣли, помираемъ голодной сьмертю?„То старуха ихъ дисьвитильно покормила, икая у яё тамъ здобычь, тую пищію покормила ихъ. Потомъ яны поблагодарили ей, потомъ спрашуютъ у яе: „нѣтъ ли туть ящо кого живого? укажитя намъ!“ Ина указыить имъ: «ёсь, говорить, собстьвинно царськыя дочь: вотъ тамъ, говорить, на поли у стовби замурина!» То пошовъ къ ёй юнгырь. Приходя къ стовбу̀ и вызываить: «здраствы, вашa анпираторство вяликая!» Ина говорить: «а здраствитя! Госпыди! говорить: откуль васъ Богъ сюда ко мнѣ принёсъ»?—Мы, говорить, убѣжа-

ли съ такого то царства,—признаёмся, говорить, своимъ грѣхымъ!—„А, говорить: слава жъ Богу! я и сама оттуль, царя етыго дочь! Вы, говорить, при полный служби?» Говорить: при полный!—«Попрошу я васъ, суслужытя мнѣ службу, што я васъ заставляю: поставтя на такихъ то вулицахъ трёхъ чиловѣкъ солдатовъ уси урозь—штобъ усю ночь прыстыяли, штобъ ничого никому ниговорили, якоя начальство ня будить ивлятца, штобъ ни твичали яму ничого, штобъ мовчали.»

Такъ ёнъ и зьдѣлывъ: ныставивъ ихъ на етыхъ вулицахъ и приказавъ строгую службу: «хто ни будить ивлятца вамъ зъ начальства, што ни будить спрашивать васъ, ни говорітя ничого! мовчитя!» То такъ ёсь Сиради ночи ивляитца имъ полковникъ, съ котораго полка яны утяклі. «Ахъ, говорить: ты, Ирмолаивъ, чаго ты убигавъ отъ мяне? Думувъ, я тябе ни найду? Нѣ! я тябе найду и въ водѣ!» Ёнъ разныя угрозы яму дѣлывъ, саблію голову яму отсикавъ,—но ёнъ ничого яму ня 'твичавъ, по приказанью свойго юнгыра. Потомъ и къ другому съ такыми самыми угрозыми. И етый ничаго ня 'твѣтивъ. Потомъ ёнъ къ третьтиму, тожа съ такыми самыми угрозыми. И тэй ничого яму ни 'твятівъ. Ну, питухи запѣли,—етаго ничаго ни стало. А етый бывъ нячистый духъ. Идылъ, будто у розыйски за ими пусьтився. Етый нячистый духъ у концы вѣку укравъ у етыго царя дочь и унёсъ у свой горыдъ, заваливъ етый горыдъ, штобъ никаго нё было, штобъ, значитца, ина одна тольки была. Ина ни хотѣла здаватца у ихъ у вѣру, дыкъ яны яе у стовбъ замурували, сказали ей: «здайся намъ, дыкъ ты освободисься!» Ну ина ни согласилыся; яны яе у стовбъ замурували и сказали: „покуль твоё выйска ня будуть зьдѣсь, потуль ты ни свободисься!“ Ну, а тяперь, якъ пришли яе выйска и суслужили ёй службу, дыкъ ина грудью стала вонъ.

Дыкъ ина призвала юнгыра, поблагодарила яму, што ёнъ приказавъ своимъ солдатамъ суслужыть службу. «Ну и тяперь, говорить: «отслужытя мнѣ другую службу, ужо строжэйшыю: штобъ усю ночъ ни спать и што будить вамъ гынываль ивлятца, ничаго ни говорітя!» Ну, ёнъ призвавъ солдатовъ, поставивъ ихъ по тыхъ вулицахъ, по которыхъ ина указала, и приказавъ имъ: «будить вамъ ивлятца начальникъ тожа строгій, тожа нашыго полка, и будить спрашивать: чаго вы утикали, зачимъ? будить вамъ сьсикать головы, ну вы ня страшытися етыму, ни твичайтя яму!» Усиради ночи явився имъ гынывалъ. „Вы, говорить, чаго убижали, жамошэньники вы, такея вы, чаго вамъ ни хватало, чаму вы мнѣ ни Полывалися?» И много чаго... Яны мувчать, ничаго яму ни 'твичають. Потомъ ёнъ усихъ трёхъ едыкъ объѣхывъ, и ничаго яму нихто ня 'твѣтивъ. Потомъ запѣвъ патухъ—и низвѣсно идѣ дѣвся ихъ гынывалъ. Яны съ часовъ сышли. И ина ослобонилыся по колѣни.

раго молойца прыбувай!“ Рызьзя своё надѣвъ, а лошадь пусьтивъ. Жалейку ў руки, торбу на плечи, и прышэвъ домовъ. „Отъ, кажыть: ёнъ нигдѣ не пропадѣть!“ Самъ подъ грады, ноги на грады, и играить на печи у жалейку.

Ну, тяперъ, прыходить яго ночь ужо. „Отъ, тяперъ, кажыть, прыходить моя ночь! Я, кажыть, ня буду васъ просить, самъ пойду!“ Тяперъ уставъ съ печи, торбу на плечи, жалейку у руки, и пошовъ на могалку играючи.

Прыходить—жовтый пясокъ рассыпся (и т. д.). Ну, гэнакъ усё: жовтый пясокъ рассыпався, гробова дошка отчинилась, батька зъ мяртвыхъ устаеть. „Отъ, ты, кажыть, сынокъ, усё одинъ ходишъ! Ну, кажыть:— што мѣвъ имъ дать по коню, нехай табѣ уси тры кони. Ёсь, кажыть, у чистымъ поли, у зялёныхъ лугахъ, у стидёныхъ водахъ конь ще троху пущѣйшый. Ты на ёмъ полюбуйся и отправъ зновъ у поля. Тяперъ, кажыть, процай, сынокъ, на вѣкъ вѣчный! Имѣнишъ ты тяперъ свого коня, што табѣ бывъ намиргованъ (г—g), дакъ тяперъ у тябе будить тройка конiй ужэ!“ Ну, тяперъ ёнъ кажыть: жовтый пясокъ засыпайся (и т. д.). Батьку отправивъ, а самъ и пошовъ. Отышовсь отъ батьки, якъ крыкнить, якъ сьвисьнить богатырськимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ— прыбыла до яго лошадь. Пущѣйшая ужэ далёко. Ёнъ у лѣво вухо ўлѣзъ (и т. д.). Поѣзьдивъ, полетавъ, полетавъ, прыѣхавъ на мѣсто на тоя на саме. У правая вухо улѣзъ (и т. д.). А самъ торбу на плечи, жалейку у руки и пошовъ. Прыходить домовъ: „отъ, кажыть: нашъ дуранъ! нигдѣ не пропадеть!“

Тяперъ дѣ-то, у якомъ чарстьви, у якомъ государсьви, скинулася царевна, объявилася и ўлѣзла на трэтьтiй атажъ и сѣла на вокошку и такую объявку пусьтила: хто яе тамъ застанить и поцалуить, тому усё чарство останѐтца по сьмерти батьки, и яе мўжамъ бўдить. Тяперъ, гэтакiй наблнкать пошовъ, кабъ кожанъ туды прыяжжавъ, и тамъ будить скакать и яе заставать гэто. И братомъ яго вѣляно, кабъ яны ѣхали на гято диво глядѣть. А ёнъ, дуранъ, просится у братовъ: ахъ, кажыть, браты вы моѐ родныя! возьмитя вы мяне съ собой, хай и я поляджу гэтаго дива!—Э, ты, кажыть: дуракъ ты, дуракъ!—куды ты поѣдишъ? хиба табѣ работы дома нема? Отъ, я табѣ работу, кажыть, дамъ, коли табѣ нѐчаго робить дома!—большый братъ кажыть гэтакъ. Пошовъ, узявъ два гарцы маку ды два гарцы пяску, ды укучу зьмяшавъ:— „вотъ, кажыть: покуль мы прыѣдимъ, кабъ ты гэто перабравъ, да кабъ чисто было,—гэтый особяно, а гэтый особяно!“ Ёнъ тогды ўзявъ, у торбу усыпавъ: хай табѣ вочи, кажыть, выбярыть! Што жъ робить— трэба выбирать! кажыть. У головы уклавъ да й лёгъ. Ляжыть сабѣ

разы пералятѣвъ, увесь сьвѣтъ облятѣвъ—до зямли тры разы доткнувся тольки Тяперъ на гэто мѣсто на само прыѣхавъ, гдѣ усьсидавъ—у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ такей старацъ, якъ и бывъ. И говорыть: „лошадь моя пралюбезная! иди, говорыть, у зялёныя луги, у стидёныя воды, день буяй и ночь гуляй, якъ крыкну, до добраго молойца прыбувай!“ Пусьтивъ яго у чистая поля, а самъ торбу на плечи и пошовъ домовъ. Прышовъ домовъ ды на печь; ноги на грады, а самъ на печи лёгъ, ды играть у жалейку. Вотъ ужэ браты кажуть: „Вотъ, нашаго дурня дьяблы ня узяли,—идѣть ужэ, у жалейку играть! Яго, кажыть, и не задавивъ тамъ нихто!“.

Ну, тяперъ другая ночь прышла ужо—сярэдьняму ити. Ёнъ ихъ крэпко застрашувъ, што ужэ не пойду, кажыть, за другого. Яны якъ покотютца изъ жонкой—братъ тэй и жонка: братецъ, родный, сходи, кажыть, сходи! „Га, не пойду, каить: кабъ вы не дождали! сходитя сами сабѣ!“ каить. На томъ стали, што упросили тыки яго. „Ну, каить: нехай жонка торбу у тры полы шыить и дьвѣ булки хлѣба дасьть,—ужэ пойду, што робить!“ Яны яму посьли батьки хлѣба не дають, дакъ ёнъ у ихъ ѣсьти спрашыить, кабъ ужэ дали. Сычасъ дала яму жонка торбу и дьвѣ булки хлѣба уклала. Такъ ёнъ и пошовъ.

Прыходить на могалку: жовтый пясокъ рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька зъ мяртвыхъ уставай! Сычасъ рассыпався и пясокъ и дошка расчинилась и батька устаѐть. Што жъ ты, кажыть, сынокъ: чаму жъ сярэдьний сынъ не прышовъ?—Гэ! яны батьки свойго боятца, а я не боюсь, дакъ я пошовъ узнова!—„Ну вотъ жа, кажыть: ёсь, кажыть, узнова у зялёныхъ лугахъ, у стидёныхъ водахъ коникъ бурацъ, вѣшный кавурацъ, пущѣйшый трошку того; то жъ нехай и той табѣ застаѐтца, коли яны мяне боятца! Ты, кажыть, на ѐй, што хочашъ, дакъ застанешъ. Ну, а тяперь, сынокъ, кажы опять за мною: батька зъ мяртвыми кладися (и т. д.). А ты полюбуйся зъ ей и отправъ яѐ зновъ у поля!“ Ёнъ гэто сказавъ, батька зъ мяртвыми лёгъ (и т. д.). А самъ и пошовъ.—Отыйшовсь—якъ сьвисьнить молоденкимъ посвистомъ, крыкнить богатырськимъ голосомъ—прыбыла до яго лошадь, збруя латна, сконьё булатно, конь богатырській. Ёнъ тяперъ у лѣво вухо улѣзъ, а у право вылязъ, обярнувся королевичъ такей, што у сьвѣти не сыскать. Усьсѣвъ на яѐ и полятѣвъ у сьвѣтъ. Тры разы пералятѣвъ, увесь сьвѣтъ облятѣвъ—до зямли тры разы доткнувся тольки. Тяперъ на это мѣсто на само прыѣхавъ, гдѣ усьсидавъ—у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ такей старацъ, якъ и бывъ. И говорыть: „лошадь моя пралюбезная! иди, говорыть, у зялёныя луги, у стидзёныя воды, день буяй и ночь гуляй, якъ крыкну, до доб-

53. Три ночи на могилѣ отца.

Жывъ сабѣ такій купецъ, значитца, большый богатырь, и було у яго тры сыновъё—два сыны жанатыхъ и разумныхъ, а третьтій сынъ холостый и дурань. Ёнъ дурань, до вочань силянъ крэпко. Тяперъ прышлося гэтому батьку умирать. Ёнъ говорыть: нука, говорыть, сыны моѣ пралюбезныя! Я, капть, помираю, а вы станетёси, говорыть, у жытьтя! И, кажыть, прыходитя ко мнѣ на могалку почувать тры ночи: большаму, говорыть, на перву ночь, а сярэдьняму, говорыть, на другую ночь, а дурню, капть, на послѣднію ночь. И якъ будитя ити, кажытя: жовтый пясокъ рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька зъ мяртвыхъ уставай! Ну, тяперъ гэтыхъ жонки у голосъ, ня хочуть пускать—кажуть: проси якъ нёбудь дурня, ти ня пойдить ёнъ за тябе—нъ большаго, жонка ужэ. А дурань гэтый на печи лляжыть. Тяперъ ёнъ кажыть: „ахъ, братъ—сходи ты за мяне къ батьку на ночь, тытку, кажыть, сьмялѣйшый!—Гэ, кажыть: кабъ ты не дождавъ, кабъ я за тябе ишовъ на ночь! Прыдить моя ночь, тогды я й пойду! кажыть. „Братецъ, говорить, родный, сходи!“ Ёнъ тогды кажыть яму: „Нехай, кажыть, жонка пошыить торбу, у тры полы, кажыть, и дай, кажыть, дьвѣ булки хлѣба,—вы мнѣ ѣсьти не даетё—дакъ я пойду тогды!“ кажыть. Сычасъ гэто, нядовго думаючи, торбу яму пошыли, дьвѣ булки хлѣба уклали,—пошовъ ёнъ играючи. Ёнъ часто на жулѣйцы игравъ, гэтакъ игравъ, што няможно и у свѣти сыйскать.

Прыходить на могалку: жовтый пясокъ рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька зъ мяртвыхъ уставай! Такъ гэто и расчинилося. И устаеть ёнъ зъ мяртвыхъ. „Ахъ, кажыть, сынокъ: што жъ ты, кажыть, прышовъ? Я жъ казавъ большаму прыходить!“—Гэ, кажыть: яны батьки свойго боятца, а я не боюсь, дакъ я, кажыть, прышовъ,—почали мяне просить! „Ну, кажыть, добро! Ну вотъ жа, кажыть, сынокъ: ёсь, кажыть, у зялёныхъ лугахъ, у стидёныхъ водахъ коникъ бурацъ, вѣшный кавурацъ. День, капть, буянить, ночь гулянить, а якъ крыкнишъ,—до добраго молотца прыбувапть! Ну, капть, тяперъ—вотъ ты, кажыть, крыкни, сьвисьни,—ёнъ до тябе прыбудить. Ты на ёмъ покрасуйся и пусьти яго у зялёныя луги, у стидёныя воды, говорыть. Ну, а тяперъ, кажыть, кажы за мной: батька зъ мяртвыми кладися, гробова дошка зачиняйся и жовтый пясокъ засыпайся!“ Ёнъ гэтакъ сказавъ, батька зъ мяртвыми лёгъ, гробова дошка зачинилась и жовтый пясокъ засыпався. Ёнъ отышовъ—якъ крыкнувъ богатырсьскимъ голосомъ, сьвиснувъ молодецкимъ посвистомъ—прыбыла до яго лошадь—збруя латна, скопъё булатно, конь богатырскій. Ёнъ тяперъ у лѣво вухо улѣзъ, а у право вылязъ—обярнувся королевичъ такёй, што у сьвѣти не сыскать. Усьсѣвъ на яё и полятѣвъ у сьвѣтъ. Тры

ни моѐ чисы. Потомъ вялѣла свойму батюшку узять етаго юнгыра на конюшню. Яго узяли на конюшню. Теризъ скольки урeмя зьмѣй етый, нячистая сила, пишыть етому царю: оддай мнѣ дочку, узнова иду на тябе битца и забяру твоѐ усё царство! Думавъ етый царь: жалко дочки! И узявъ написавъ: идзи сабѣ, ни дамъ дочки! Потомъ ёнъ, етый зьмѣй, вляитца оттуль. Царь конешно силу выставляить, сабѣ думыить: ничого ня будить! А етый сабѣ юнгыръ думыить: погоди жъ, говорить: я жъ съ тобою тяперь буду дратца! Узявъ свою лошидь, копьё и сѣвъ на лошидь, отправився. И догоняить войску царскыю и опирадивъ ятъ, яго жа нихто ни узнавъ, хто ёнъ такѐй. И прiнжжая къ яму, къ зьмѣю. Начинають дратца. Такъ ёнъ яму зъ разу зьнявъ яму шесь головъ. Зьмѣй говорить: стой, молодэй юнгыръ! Цари—короли бьютца, и то оддышку мають, а мы съ тобою ни маимъ! А ёнъ отвѣтивъ: ну, пущай сабѣ, оддохнёмъ! Давъ оддышку на четвирть чиса. Оддохнули, и давай узнова битца. Бились довго, ёнъ двѣ головы зьнявъ. Тады зьмѣй просить узновъ оддышки. „Нѣтъ, говорить: ни дамъ я тяперь табѣ оддышки!—Хотя жа пусьти мяне назадъ! Я съ тобою никада ня буду дратца!—„ Нѣ! я тябе, нячистая сила, ни пущу одного часу: туть ти мнѣ сьмерть, ти табѣ сьмерть!“ И начали опять битца. Ёнъ яму сырвавъ четыри головы, а зьмѣй яму икру вырвувъ. А царевна кровь платкомъ зывизала. Ну, ёнъ яго побивъ и спаливъ. Сѣвъ на лошидь и поѣхывъ. И стрикаить войскỳ царскыю. Говорить: „погублинъ ужо, нѣтъ яго! погублинъ и спалинъ!“ Потомъ поднявся на лошиди висдко и полятѣвъ. Прилятѣвъ, пусьтивъ свою лошидь куда ёнъ знавъ, самъ лёгъ на койку оддыхать. Такъ, якъ заснувъ богатырськимъ сномъ, спавъ троя сутокъ и ни причинався. То пошла разъ царевна у конюшню чаго тамъ и спрашiить у старшыго кучира: „бывъ ли гдѣ твой младый юнгыръ?“—Нѣ, говорить: нiйгдѣ ня бывъ, а сьпить,—третiй день сьпить! То ина: „дай, говорить: надо 'глѣдить: живой ли ёнъ или нѣтъ? Што жъ у васъ нихто яго ня глѣдить?“ Ина 'глѣдила яго, узнала платокъ свой на нозѣ: поглядѣла—на грудяхъ часы яе. Узбудить яго ни узбудили. Ина отправляитца у палату. Просила тца, штобъ такого юнгыра надо стрѣтить зъ музукую, хлѣбымъ-сольлю, потомъ што ёнъ набядивъ нагонитиля нашыго зьмѣя. А мы ни знали! Када ёнъ прачхнувся, то стрѣтили яго съ хлѣбымъ съ солью, съ музукую, узяли яго у палаты царскыя. Потомъ гуляли много у палати царскый. Тяперь царевна пожылала и выйти замужъ за яго, што ёнъ два разы яѐ помилувавъ. И признався ёнъ, што ина подарила яму чисы. И вышла ина зы яго замужъ. И бывъ пиръ якъ николи.

Бѣлынковичи, Климовичскаго уѣзда. Граница двухъ говоровъ. Произведенiе очевидно заносное. Запис. въ моемъ присутствiи отъ мѣстнаго крестьянина г. Анискевичемъ.

аршинъ,—такей огромный. Приходить у трахтиръ и спрашіить трахтирщика: а што, говорить, ето у васъ, у царскымъ саду лижыть за чиловѣкъ? такей огромный?“—А ето, говорить, богатырь лижыть нижывой!—„А чаго жъ ёнъ, говорить, померъ!“ Говорить: ето нячистая сила двинадцать головъ поразила яго, и у ето уремя узила царевну отъ насъ! Етый юнгыръ говорить: „што жа вы яго ни схоронили до етыхъ поръ!“—А, говорить: ни знашовся нихто яго схоронить, што ёнъ такъ огроминъ! То юнгыръ дождавши вечира отправився на горыдъ, панявъ золотого масьтира, договоривъ яго вылить гробъ золотэй на етыга богатыря, трупу. Етый выливъ гробъ и зьдѣлыли награбенія у водну почь. Такъ имъ лёхко показалыся, якъ будто самый лёхкій чиловѣкъ. И пошовъ юнгыръ у свой трахтиръ, схоронёмши, и приспокоився, знатца, лёгъ оддыхать спокойно. На другую ночь подходить подъ вокно и гукаить трахтирщика ня зьвѣсно хто: вышлитя мнѣ виновнаго! Трахтирщикъ думувъ, думувъ: хто тутт виновный! А потомъ уздумувъ па юнгыра: вѣрно, юнгыръ виновинъ! Ёнъ узявъ выславъ етыга юнгыра: иди, говорить: тябе гукаить ня зьвѣсно хто! Ёнъ 'дѣвся и вышывъ. „А, говорить: здрастьви, молодэй юнгыръ! благодарю тябе, што ты схоронивъ тѣло моё! Лижало яно у насъ довго, нихто во усимъ царетьви ни нашовся схоронить яго, окроми тябе! Ходи, говорить, за мной: одблагодарю и я тябе! Повёвъ яго у гору, у зѐмлю, оддавъ яму своё копьё, оддавъ яму свою лошидь, давъ яму силу нибкнавенную, што яцо сильнѣй, якъ ёнъ самъ! Отправився юнгыръ на свою хвартеру. То у ето уремя опвляитца тая самыя царевна, выгрузилася на беригъ. Царь, видзивши, што ина ужо выгрузилася на беригъ, хлакъ выбросила вясёлый и послала виставого къ царю: што, говорить, ваша дочь явилася якъ съ того сьвѣту: штобъ прислали карету подъ мяне! А ето пройшло три годы. А ёнъ нириѣхывъ тиразъ три часы ето усё—царь зъ радосьти съ своёю войскою самъ отправився на беригъ. И пріѣхала ина съ отцомъ у палаты своѐ. Такъ, якъ у вясёлымъ разсудки, пошли по саду прыгулятца. Дай зайтить у трахтеръ, идѣ етый самый юнгыръ. Спрашіить царевня у трахтирщика: нѣтъ ли у васъ чисовъ, посмотрѣть, который часъ, я своѐ забылась? Говорить: ёсь у мяне тутъ на квартеры чиловѣкъ, у яго ёсь чисы. Ина говорить: позовитя мнѣ яго сюда, штобъ мнѣ посмотрѣть! Трахтирщикъ вызвавъ яго. Выскакыить ёнъ исъ чисами: „и вотъ, говорить, смотрітя!“ у своихъ рукахъ дѐржыть. Ина посмотрѣла на чисы и узнала, што ето яе имянённыя часы, што ина оддала юнгыру. И думыить: откуль жа яны узялиси? Спрашіить у трахтирщика: давно у васъ квартирантъ етый? Трахтирщикъ говорить: три годы прыжываить, у такомъ то чисьлѣ явився. Ина думыить: у етымъ году я оддала ихъ! Придумалыся ёй: нѣ, думаить

стала. Много ина будила, однака ни разбудила. Узила, повѣсила имянѣвныя часы яму̀ и положыла у карманъ яго кошалёкъ зъ золотымъ. Попрощалыся съ сьпящимъ, заплакыла и поѣхыла, значитца, ужо у своё царство,—ужо у горыдъ ни вярнулыся. Якъ ина уѣхыла отъ яго, ёнъ тамъ часы чирizъ три опрочнувся. Бѣгыть мальчикъ стый по мосьтику. Ёнъ спрашіить яго: „а што, говорить: бывъ ли мяне тутъ хто, ай нѣтъ?“—Была, говорить, собетьвинно царевна; будила васъ, дайжа плакыла, штобъ вы устали, вы ни проснулися! Тады ёнъ спрашіить у мальчика: „а тяперь раскажытя мнѣ, куды ина ѣхыла?“—А уѣхыла, говорить мальчикъ, на мо̀ря, кораблёмъ у свое царство поѣхыла! Ну, ёнъ тяперь плакать начинаить: „ну, я тяперь погибъ, ни поставила ина мяне ничимъ!“ Ивляитца къ яму старичокъ: „послухай, гово̀рить, молодый юнгыръ: чаго ты такъ скучаишъ?“—Да вотъ, говорить: якъ жа мнѣ ни скучать: мнѣ надо было ѣхыть съ царевную, а тяперь ина уѣхыла у своё царство, а мяне покинула.—„А вотъ што, говорить старичокъ яму̀: иди на горыдъ и купи човинъ, то мы ихъ нагонимъ!“—Да, говорить: денихъ нѣтъ! А старичокъ говорить: полядитя у кармани, у васъ ящо золотэя деньги есьть. Ёнъ полядѣвъ—дисьвитильно: у яго кошалёкъ зъ золотыми деньгами: денихъ много! Ёнъ узрадувався. Пошовъ на горыдъ купивъ човинъ, привёзъ къ беригу яго, къ морю. „Ну, говорить, дядюшка! я купивъ човинъ, купивъ и привёзъ.“ Старичокъ кажыть на яго: да, вотъ тяперь и поѣдимъ! Ето жъ дѣитца дня три спусьтя якъ ина поѣхыла, покуль ёнъ справився. То старичокъ гово̀рить: „ты ложыся ницъ у човинъ, штобъ табѣ ни было страшно, што конешно волны, а я погоню човинъ!“ То ёнъ легъ ницъ, старичокъ стый погнавъ човинъ. Проѣхыли яны нямного, старичокъ спрашіить у юнгыра: поляди, гово̀рить: што дѣитца тяперь одза̀ди и што и унаради! Ёнъ уставъ, обыкновенно, полядѣвъ: одза̀ди ничого ни видать, а унарадѣ, будто муха колышитца по морю. А ето ёнъ увидивъ корабъ. Тады старичокъ гово̀рить: ложысь узнова! Ёнъ опять лёгъ. Теризъ якихъ нибудь два—три часы, и ёнъ оявився у своёмъ царстви, яс опирадивъ. Выгрузився на беригъ уже у своёмъ царстви. Тутъ ёнъ рыспрыщався со старикомъ зь стымъ, который у човни яго гнавъ. Тяперь ёнъ зайшовъ у царскый трахтиръ и спрашіить царскыга трахтирщика: „Ти ня можно мнѣ нанять у васъ квартѐру?“—Да, говорить; ни знаю: зьдѣсь царская хамилія часто прибываить. А правда, говорить, ёсть у мяне тамъ бокòвычка вокномъ у садъ, то тамъ можно помясьтитца. Ёнъ заплативъ яму до̀рого, и ёнъ яго пусьтивъ у тую боковучку. Потомъ ёнъ пошовъ у садъ царскый прыходитца, поглядѣть. Нахо̀дить у царскымъ саду,—ляжы̀ть нижывой богатырь: у яго глазъ отъ глазу на цѣльный

тилыся пазадъ, ёнъ прочхнувся. И бѣгыть мальчикъ. Ёнъ спрашiить у стаго мальчика: „а што? тутъ бывъ хто нибудь коло мяне?“ Говорить: была царскыя пролётка съ царевную!—Куда жъ ина ушла? спрашiить. —А, говорить: назадъ у горыдъ, васъ ни разбудила! Ёнъ узявъ, отправився къ ёй, пошовъ. „Ну, говорить ина: жалѣю тябе, юнгырь, ды останѐсься ты тутъ, бизъ усякаго посьлѣдства! Якъ вы ня сповнили мойго приказанiя?“ говорить. „Иди ето ужо на другую дорогу, иди ды стой, никому ничого ни говори! я буду тамъ ѣхыть“! Ёнъ опять ставъ на часы на мосьтику, опять служыть. Много ужо часы проходють. Бяжыть мальчикъ, нясеть у корзинцы яблычки и говорить: „возьмитя, господинъ юнгырь, яблычка, закуситя, а ето ничаво ни значить, што царевна тамъ говорила!“ Ёнъ узявъ ето яблычко, закусивъ. Якъ закусивъ, такъ и заснувъ. Сычасъ ѣдить царевна. Много ина будила яго, ну ничого ня здѣлала, ни якъ ни разбудила. Вярнулыся опять у свой горыдъ. Ёнъ опять якъ ина уѣхала, ёнъ сычасъ прочхнувся. Тамъ мальчикъ коло яго бѣгыть, гулять. Ёнъ спрашiить яго: бывъ хто тутъ ли мяне?— Была, говорить, царскыя пролётка съ царевную. Много тябе будила, и ты не прочхнувся, ина уѣхыла назадъ у горыдъ. Ёнъ опять заплакывъ изъ гориськи своёй, опять пошовъ къ ей. Приходя къ ёй, ина на яго стала конешно сварится: „ахъ, говорить: жаль мнѣ тябе, юнгырь, якъ отца свойго, што ты освободивъ мяне отъ усихъ наказанiй моихъ! Ну, говорить: иди на етый самый мостъ, смотри, и служы строго часы, никуды ни гляди, ни съ кимъ ни говори, ни слухай капелiй ни якыхъ, дыкъ я тябе возьму у своё царство, и ты будишъ моимъ другомъ. А коли, говорить, ни сослужышъ правильнымъ, дыкъ останѐсься тутъ, и ня быть табѣ дома никогда!“ Ну, ёнъ поплакавъ —поплакавъ, пошовъ на своё мѣсто. И думыть: „Господи! што ето такоя со мною?“ А ето яго злэя духи искушають, што ёнъ повредивъ ихъ. Ну, пошовъ ёнъ третьтiй разъ, ставъ на службу. Ходивъ, ходивъ по стуму мосьтику, ужо проходють яго часы. Слышить ёнъ, у етый хатцы такая капелiя, што ня можыть растратца зь ёю. И приглашають яго туды, у капелiю у ету: „пожалуйтя, господинъ юнгырь, ко мнѣ!“ Выходить барышня и кажыть: „тамъ у насъ, говорить, люди такѣя ожыдають васъ! А царевна ящо, говорить, няскоро будить ѣхыть! Мы, говорить, знаимъ, чаго вы ожыдатя!“ Ёнъ думувъ много, раздумувся, послухавъ етыя барышни, пошовъ у хатку: „дай, думыть, сходжу полюбопытствую: а можыть, у самымъ дѣли царевна ня скоро будить ѣхыть!“ И пошовъ. И потомъ выпивъ рюмку вина. Якъ вышывъ на мосьтикъ, такъ яго хмѣль обравъ, и ёнъ заснувъ на стымъ мосьтику третьтимъ разомъ. Прiяжжаить опять по третьтиму разу царевна у своей пролётцы—кареты. И опять будзить яго

Пошли яны къ старусцы тэй, увыйзбушку—ихъ тамъ квартера. Потомъ. утромъ, на третьтій день требуить царевна юнгыра опять: „ну, благодарю тябе, юнгыръ, за твоихъ дьвѣ службы, што ты заставивъ своихъ солдатывъ, суслужыли вѣрно! Тяперь суслужытя ящо третьтію строгую службу! Ужо тутъ нѣкотырымъ быть ужо нижывымъ! То ужо будить сюды самъ царь. И перваго у такихъ то вулицахъ пройдзѣть, и утарого пройдзѣть, а третьтиго зрубить! То вы возьмитя сцалѣнныя воды, указала имъ тоя мѣсто, тамъ у вулусцы у криницы, и стую водою помочитя рану тую, и яны ожывутца!“ Ну, такъ жа на третьтію почъ юнгыръ поставивъ трёхъ солдатывъ на показанныхъ вулицахъ и приказавъ имъ строго: „ни говори ничого, хотя и самъ царь явитца, ну ни говори ничого!“ То й нвляитца дисьвитильно поччу самъ царь исъ саблію. Первыму грозивъ, саблію махавъ, по имени называвъ, ну а ёнъ нича ня твѣтивъ. Такъ и къ другому съ тыми самыми угрозами. Ну солдатъ, ничаво ни робѣвшы, исповнявъ службу по приказанію юнгыра. Къ третьтиму подъпжжая ёнъ, ставъ угрозами: ты, говорить, зачимъ сюды ушовъ? Ёнъ, ни торопляся, ничого яму ня твѣтивъ по приказанію юнгыра свойго. Ёнъ тоды зрубивъ яму голуву. Пропѣвъ пятухъ, яго ни стало, нязьвѣстно идѣ ёнъ и дѣвся. Открывантца у горыди шумъ, открывантца торговля, усё, и царевна тройкую по горыду прикатыитца. А стыя два чисовыхъ, жывыя солдаты, узяли жывой воды у тэй криницы и помочили яму, етыму убитыму, рану. И ставъ ёнъ жывой. То царевна ужо спросила ихъ усихъ къ сабѣ у палаты,—ина ужо у палатахъ стала. Тяперь ина ихъ наставила усихъ начальниками: который городничій, который становый, который слѣдыватилимъ, и усихъ поприндзялйла начальствымъ у етымъ горыди, а юнгыра оставила такъ, ничимъ. Юнгыру говорить: „ну вы, юнгыръ, суслужытя мнѣ цяперь самы службу, которую я вамъ укажу! Вы, говорить, будьтя ля горыду на мосту чисовымъ и хто ня будить вамъ што давать, ни бяритя, будить говорить, спрашивать,—вы ничого ни твичайтя, покуль сама буду ѣхыть зъ горыду, значитца, къ свойму батьку!“ Ёнъ тады на мосьтикъ на стый, служыть тамъ. Тутъ хатка ля мосьтика. Тутъ капелія вядзѣтца, тамъ пляски, игры,—ну ёнъ ничаго ня слухыть. Стольки яму часовъ назначино было, и царевны нѣту, а часы проходють. Нясѣть старичокъ кукшынъ зъ водою, а яму пить больно хочитца, такъ што ёнъ ня можыть и вытирпить. И етый старичокъ говорить па юнгыра: „возьми стыя воды хлибни, а то я бачу твое уста ужо заросли!“ То ёнъ послухувъ яго, узявъ, глынувъ раза два, такъ и заснувъ сьмертнымъ сномъ. Ѣдить царевна на стыхъ норахъ якъ ёнъ заснувъ. Будила, будила яго, кричала, ничаго ёнъ ни увызнавъ, ни разбудила яго, воротилыся у горыдъ назадъ. Тольки якъ ина воро-

макъ гэтый, сохнить подъ бокомъ на пѐчи. Яны поѣхали, а ёнъ сплёвъ сабѣ коробку, пайкй у два, у грыбы сходйть: прынясѐть грыбовъ—тогды нявѣстки дадуть ямỳ ѣсьти, а не прынясѐть, такъ не дадуть.

Ну, тяперъ, знаить ёнъ тоя урэмя, што яны тамъ ужэ позаѣхали, што тамъ ужэ диво гэто ёсь, можа повмѣсяца ждавъ ёнъ тамъ, ти колькп—тогды ёнъ злѣзъ съ печи, макъ гэтый съ пяскòмъ у коробку уклавъ, жалейку у руки, и пошовъ у лѣсъ, торбы побравшы своѐ. Прыхòдить ёнъ, гдѣ тамъ, на тэй на лугъ, гдѣ ямỳ слѣдуить ужэ—якъ крыкнить, сьвисьнить,—прыбылй до яго лошади уси тры: „а, кажыть, лошади моѐ пралюбезныя! У такомъ то чарсьтви, у такомъ то государстьви скинулася царевна, узлѣзла на трэтьтiй атажъ и сѣла на вокошку и такую обьявку пусьтила: хто яе тамъ заставить и поцалуить, тому усѐ чарство останѐтца по сьмерти батьки, и яе мужамъ бỳдить. Ти немогли бъ мы, говорыть, туды заѣхать и зъ ей повидатца?—Большый лошадь отвѣщаить: „што, говорыть, будить урэмя, ды ни тяперъ, говорыть. Ѣдь ты, говорыть, на малой лошади тяперъ; ну знимися ты за вярету! говорыть. Ды, говорыть, не витайтися зь ѐй. Такъ якъ будишъ лятѣть, такъ и поляти!“ говорыть. Ёнъ тогды у свойго лошадя у лѣво вухо улѣзъ, у право вылязъ—обярнувся королевичъ такей, што у сьвѣти не сыкать:, чистъ, на имъ одежа, што у сьвѣти ня можно сыскать такѐя. Якъ пусьтивъ—тыя ѣхали можа мѣсяцъ, повтора мѣсяца—а ёнъ у тры часы ставъ тамъ. Якъ лятѣвъ, такъ коло яе ногъ, коло самыхъ, облятѣвъ!—Яны: лови! лови! А ёнъ якъ лятѣвъ, такъ и полятѣвъ—бывъ да й нема. Прилетаить на тоя мѣсто, якъ сьвиснувъ, якъ крыкнувъ,—прыскòчили тыя лошади. Ёнъ у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ,—якъ бывъ старацъ, такъ и ёсь. И большый лошадь уси порадки порадчить. Ёнъ тогды каить: лошадь моя пралюбезная! ёсь жа у мяне работа: два гарцы маку, и два гарцы зямли, да укучи! говорыть. Якъ ба мы яѐ повыбрали?“ каить. Тяперъ большый лошадь говорыть: „ну, говорыть: разьдирай на пòсьтилки своѐ торбы, говорыть и сьтялй пòсьтилки на земли, высыпай, говорыть, макъ гэтый на посьтилки!“ Ёнъ сычасъ высыпавъ гэтый макъ на посьтилки. Лошади тыя у ноздри якъ дунỳли—и разлучили гэтый макъ—макъ особянно, пясокъ особянно. Прыносить домовъ, набравъ коробку грыбовъ тую, самъ на печь, макъ у головы. Нявѣстки отвѣщають: ти выбравъ, кажыть, ты макъ? Будить табѣ, кажыть, отъ ихъ, якъ прыѣдуть!—А хай вамъ вочи выбярыть! Повыбравъ, кажыть, и макъ, и грыбовъ вò набравъ.

Отъ, тяперъ, прыяжжаютъ браты и кажуть своимъ жонкамъ: Божа, Божа! што тамъ було! И подскакували, кажуть, и усѐ. А одинъ царевичъ, кажыть,—дакъ увесь у золоти: якъ скакнỳвъ, дакъ до ногъ доскòчивъ! Лови, лови! дяржы̀, дяржы̀!—а ёнъ и поѣхавъ. Тутъ-тутъ поцаловать яе, да, говорыть, и полятѣвъ!

Ну, тяперъ ина ня ўрымесьтить гэтаго, што ёнъ гэтакій. Оявила абликать, кабъ узновъ съ усяго чарства што до душы кожанъ ходяншъ бывъ. А сама на чатвёртомъ атажы ужо сѣла на вокнѣ. Ну, тяперъ, зьѣздъ ставъ, ѣдуть уси—десятники выгоняють, зьѣздъ такѐй, што Божа мой! Ну, ѣдуть гэтыя ужэ браты. „Возьмитя, кажыть, мяне съ собой. Хай я поляджу гэтаго дива!“—А дурань ты гэтакій такій! Куды ты, кажыть, посьпѣвъ? Табѣ, кажыть, работы нема дома! Отъ я табѣ, кажыть, работу дамъ! Пошовъ, тры гарцы маку и тры гарцы зямли, и ўкучу зьмяшавъ: кабъ мнѣ, кажыть, перабраный бывъ, покуль я прыѣду! говорыть. Большый усё братъ гэтакъ. А самъ и поѣхавъ. Ёнъ тэй пясокъ сушыть на печи.

Тяперъ ёнъ вѣдаить, што близко ужэ урэмя тоя, ёсь ужэ тамъ сыборыща. Сычасъ злѣзаить съ печи, коробку на плечи, макъ у посьтилку, у коробку, и пошовъ у лѣсъ. Прыходить на тэй лугъ, якъ сьвисьнить, якъ крыкнить,—прыбылй до яго лошади. „Ну, чаго жалаитя?“ Ды, говорить: ти ня ўрэмя намъ ѣхать? Большый конь отказуить: „успѣимъ, говорыть, ще! Тяперъ, говорыть, повышы йна узьлѣзла! И ѣдь ты, говорыть, на сярэдьнямъ, говорыть, кони! И тожъ, кажыть, близко коло яе, да не витайтися зь ей—успѣимъ витатца!“ Такъ сычасъ ёнъ лошадей тыхъ отправивъ у чистая поля, у зялёныя луги, у студзёныя воды, а самъ сярэдьняй лошади у лѣво вухо ўлѣзъ, у право вылязъ, и ставъ королевичъ такѐй, што сыскать ня можно! Одѣяньня чисто, што й сказать ня можно. Сѣвъ и поѣхавъ. Тожъ ѣхали по мѣсяцу, по повтора мѣсяца, а ёнъ за повтора часа ставъ тамъ. Якъ лятѣвъ, поднявся коло яе, коло самыя ужэ коло половины—тутъ витатца бъ ужэ, да не витався,—и поѣхавъ прамо. Тутъ: лови-лови! лови-лови! А ёнъ и полятѣвъ! За повтора часа назадъ зьвярнувся. Ну, тутъ, тольки якъ—и распусьтили зновъ усихъ—якъ ёнъ полятѣвъ, тамъ зъ вокна ина соскочила, и распусьтили усихъ. А ёнъ прыскочивъ на своё мѣсто, якъ сьвиснувъ, якъ крыкнувъ—прыскочили тыя лошади. Ёнъ у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ,—якъ бывъ ошарпаный, такій и ставъ зновъ. Ёнъ тогды кажыть: лошади моѐ пралюбезныя! Ёсь жа у мяне работа: тры гарцы маку и тры гарцы няску, да ўкучи. Ти не могли бъ мы макъ такъ разобрать? Тяперъ большый лошадь говорыть: „ну, говорыть: разьдирай на посьтилки своѐ торбы, говорыть, посьтялй посьтилки на зѐмли, высыпай, говорыть, макъ гэтый на посьтилки!“ Ёнъ сычасъ высыпавъ гэтый макъ на посьтилки. Лошади тыя у поздри якъ дунуть! туды-сюды, туды-сюды, туды-сюды, макъ тэй разобрали и пошли. Ёнъ макъ у коробку, грыбовъ набравъ, и прышовъ домовъ. Тры часы прэмэдлявъ тольки. Прыносить грыбы гэтыя:

„патя, кажыть: хай вамъ Богъ не поможыть! День провёвъ, покуль макъ перабравъ, во грыбовъназьбиравъ,—вы усё кажытя, што ничого ня роблю“.

Прыяжжають яго браты. Почалй жонкамъ расказувать: „Божа мой, якія штуки тамъ былй! якоя якъ, якъ летали, якъ што! Одинъ, кажыть, царевичъ подьнявся, тутъ-тутъ-тутъ поцалувать! да нѣ! Подьнявся, кажыть, и полятѣвъ подъ небеса!“ А дурань кажыть: „охъ, кажыть: ти ня бывъ и я тамъ?“—Гэ! ты дурань! ти перабравъ ты макъ, кажыть! Отъ, я табѣ перабярў, кали ты не перабравъ!—„Э, кажыть: повыбравъ —хай табѣ вочи выбярыть! а я повыбравъ макъ и грыбовъ наносивъ!“ кажыть.—Ну, тяперъ, тутъ нядовго ждучи, сычасъ трэтьтій наблнкать: кабъ узнова зьбиралися уси! А ина узьлѣзла на пятый тажъ на вокошко. Ну й ймъ прыказъ гэтакій твёрдый, кабъ уси были,—до душы кабъ были, уси ходяины кабъ были, усякій кабъ пшовъ.

Просится ёнъ у ихъ: „братцы, кажыть: возьмйтя вы мяне разъ! хуть я дива гэтаго поляджу!“ Большый братъ кажыть: „агу! а вотъ я табѣ работы дамъ, коли табѣ работы нема!“ Пошовъ, чатыры гарцы маку и чатыры гарцы пяску принесъ: „на, перабяры! а то, кажыть, печи усё прлнуишъ!“ Ёнъ на посьтилку усыпавъ, да й подъ головы на печь, сўшыть на печи.

Знаить ёнъ тоя урэмя, вѣдаить, што ёсь ужо тамъ сыборыща. Сычасъ зьлѣзаить съ печи, коробку на плечи, макъ у посьтилку, у коробку, и пошовъ у лѣсъ. Прыходить на тэй лугъ, якъ сьвисьнить, якъ крыкнить,—прыбылй до яго лошади. „Ну, чаго жалаитя?“—Ды, говорыть: ти ня урэмя намъ ѣхать? Большая кажыть лошадь: урэмя, кажыть: мы тяперъ усё урэмямъ зьдѣлаимъ.—А ина узьлѣзла на пять атажовъ на вокно ды й сѣла. А ёнъ коробку подъ кустъ, а самъ у лѣво вухо улѣзъ, у право вылязъ. Якъ вылязъ, бывъ царевичъ—а то ужэ у сьвѣти нема лѣпшъ яго ужэ. У водинъ часъ прыѣхавъ туды. Якъ подьнявся и повитався зь ею и прыдержывся. И яна ямў пячатку прыклала: першаю у потылицы, другую на лобъ. Ёнъ и полятѣвъ. Тутъ: лови-лови! да й некого ловить—ёнъ бывъ, да нема! Ну, тяперъ, прилятѣвъ на мѣсто, у право вухо улѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ такимъ паршывымъ, якъ и бывъ. Говорыть: лошади моё пралюбезныя! Ёсь жа, говорыть, у насъ работа: пять гарцовъ, говорыть, маку и пять гарцовъ пяску: трэба намъ яго перабрать. Тяперъ, большый лошадь говорыть: „ну, говорыть: разьдирай на посьтилки своё торбы, говорыть, посьтялй посьтилки на зёмли, высыпай, говорыть, макъ гэтый на посьтилки!“ Ёнъ сычасъ высыпавъ гэтый макъ на посьтилки. Лошади тыя у поздры якъ дунуть! туды-сюды, туды-сюды, туды-сюды, макъ

тэй разобрали и пошли. Ёнъ ихъ отпусьтивъ: „лошади, говорыть, пралюбезныя! идитя у зялёныя луги, у стидзёныя воды!“ Узявъ коробку, пошовъ у лѣсъ, грыбовъ набравъ. И здавъ бабамъ грыбы гэты и макъ. А самъ ожыдаитъ братовъ, на печи лежучи, макъ у головы. Прыяжжають браты. Почали жонкамъ расказувать: „Божа мой! якія штуки тамъ были! якоя якъ, якъ летали, якъ што! Одинъ, кажыть, царевичъ поднявся, и повитався зь сю. И яна яму пячатку прыклала.“ А дурань кажыть: „охъ, кажыть: ти ня бывъ и я тамъ?“—Гэ! ты дурань! дѣ табѣ быть? ти перабравъ ты макъ, кажыть? Отъ, я табѣ перабяру, коли ты не перабравъ!—„Э, кажыть: повыбравъ—хай табѣ вочи выбярыть! а я повыбравъ макъ и грыбовъ наносивъ!“ кажыть. Гэто имъ диво, што якъ ёнъ выбравъ макъ гэтый. „Ну, дось сь тябе работы стало, видать!“

Ну, тяперъ гэта царевна пусьтила пабликатъ, кабъ икъ ёй явився гэтый жанихъ яѐ. Перво-на-перво зазвала съ панства, зъ большыхъ помѣщиковъ, вобыскъ пусьтила. Обглѣдила—нема яго. И розыскъ распусьтила назадъ гэтыхъ. Тяперъ шъ шляхтовъ; а посьли съ купцовъ, зъ мужуковъ, съ усякихъ-усякихъ,—шукала йна усихъ. Тяперъ зъ нищихъ,—дѣ якій ня бывъ, ды кабъ собраныя были уси. Уси убогія пособиралися,—якія бъ сабѣ нѐ было—дурнэя, якихъ—якихъ тольки, абыбъ тольки чаловѣкъ,—дакъ усихъ собирали. „Ну, кажыть, браты: тогды я просивъ, кабъ вы мяне узяли, а тяперъ я й безъ васъ пойду! Можа йна и ко мнѣ ти не признаитца!“ кажыть. Узявъ жалейку у руки, маршъ и пошовъ. Прыходить у чистая поля, у зялёныя луги, у стидзёныя воды,—якъ крыкнувъ, якъ сьвиснувъ богатырськимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—прыбыли до яго лошади уси тры. „Ахъ, лошади моѐ пралюбезныя! Собирають усихъ туды, и нищихъ, ти ня можно бъ и намъ туды достатца?“ А большый лошадь отвѣцаитъ: тяперъ табѣ трэба ѣхать на меньшамъ лошадю! И ты, говорыть, ня убирайся ниякъ. А меньшаму лошадю кажыть: ахъ, кажыть, братъ мой любезный: подвязи яго подъ такую и такую изобку—подъ лазеньку,—тамъ лазенька стояла не далеко отъ дворца, за вярсту—подвязи подъ лазеньку, и кинь тамъ! А яму говорыть: „а ты, говорыть, узьлѣзь на цапки, ноги на грады, и играй у жалейку! Тябе, говорыть, найдуть тамотьки“.

Ёнъ сѣвъ на коня и поѣхавъ, прыѣхавъ подъ лазеньку, увышовъ у яѐ, узьлѣзъ на цапки, лёгъ на цапки, ноги на грады, подъ столь. Играить у жалейку. А самъ коравый, паршывый—страшно глядѣть на яго! Сохронь Божа! Здастца, ня можно бъ было пощитать яго за чаловѣка!

Ну, ина тяперъ усихъ гэтыхъ нищихъ пераглѣдила сама изъ дѣвкой. Нема яе (жениха). Тогды говорыть тамъ якій убогій, напрымѣръ, дѣвцы

расказуить: вотъ, кажыть: у лазьни тамъ играить нейкій, такъ у сьвѣти нема такія музыки, якъ тамъ у лазьни!" Дѣвка гэта отвѣчаить ей: што, говорыть, у лазьни—лляжыть на цапкахъ, играить у жалейку, у сьвѣти нячуть такея музыки, якъ ёнъ. Ина сама маршъ изъ дѣвкой у лазьню у гэту. Отчинила,—гэтакъ играить прыгожа, што сохрони Божа! Ня можно утерпить, здаётца! Ухапила—залобицу яму подняла,—тутъ нячатка яе, и тутъ яе (показывается лобъ и затылокъ). *Сняла* яго оттуль, вядѣть за руку къ батьку ужо. Ёнъ зробився такимъ дурнымъ: не пойду! упираитца, ня йдеть! А ина яго вядѣть—обшарпаный, ободраный—Божа! ратуй! ня можно на яго глядѣть. Батька узявъ плевать на яе! „Ну, кажыть, татулька: якъ сабѣ хочитя, а гэто, говорыть, мой".

Ну, тяперъ, у яго были, у гэтаго цара, ще дьвѣ дочки замужнихъ—да то были за иньшыхъ царыковъ потдаваны, напрымѣръ. Ну, узыскавъ ёнъ гэтыхъ царыковъ на весельля ужэ—гэта дочка жэнитца ужэ зъ гэстымъ. Тяперъ ёнъ пры старосьти лѣтъ. „И вотъ, говорыть, зяти мое пралюбезныя: ёсь у которомъ то чарстьви, у которомъ то государстьви сьвинка—золотая сьвинка, носомъ орэть, а ногамы боронуить, и ззаду хлѣбъ расьтѣть за ей—можно самому цару ѣсьти. Который, кажыть, застанить яе и прывядеть гэту сьвинку, такъ тому, говорыть, усё чарство опишу!" Ну, тяперъ, гэты царыки ободвы гэты: ну, што, говорыть: трэба ѣхать. Батьки трэба слухать! А Богъ вѣдаить, идѣ яна, у которомъ чарстьви тая сьвинка! Тяперъ и ина на яго—гэты зяти увобралися, узяли сабѣ воську, музыку—маршъ и поѣхали по сьвинку по гэту. А ина на яго: ну, штожъ, кажыть: ти ня зьѣздивъ ба ты, ти не доставъ ба?"—Што ты? кажыть. Борони Божа,—куды я поѣду? Нехай яны ѣдуть, прывязуть сьвинку! Выдумали што—сьвинку нейкую, идѣ яе возьмешъ? Я, кажыть, ни зашто не поѣду, борони Божа! Яна и заплакала.

Подождавшы такъ, съ повгода можа пропусьтивъ, тогды уздумавъ: „душка, кажыть, душка! Сходи ты, кажыть, къ батьку, водопойныя кобылки попроси, поѣду, кажыть, и я за сьвинкой!"—Дурань ты, кажыть, дурань! Тэя—ужо можа вязуть—а ты уздумавъ ѣхать!—„Нехай сабѣ, кажыть, вязуть. Сходи-тка ты, говорыть, къ батьку. А не дась, дакъ я пяшкомъ пойду!" Тяперъ, ина пошла къ батьку: „татулька, кажыть: просить мой дурань хоть водопойныя кобылки: хочить и ёнъ ѣхать!"—Э, кажыть, уздумавъ! Ну, ды сходи, кажыть, на стайню, нехай дадуть хурманы якого яму коня тамъ!—Прывяли яму якую тамъ кобылёшку. Ёнъ вышавъ съ покою, къ головѣ сѣвъ плячьми, а хвостъ у руки, ды ладоняй по заду, по заду! Бье тую кобылёшку. И поѣхавъ. „Во, кажуть: дурань по дурному и ѣзьдить!" Выѣхавъ дѣ у олешникъ тамоька, соско-

чивъ зъ гэстаго коня, ухапивъ за хвостъ, якъ трахане̃ть,—косьти вытрасъ: „Сороки, вороны! говорыть: вамъ свѣжая мясо, а табѣ, ку̃сьтя, вѣшная накрывка!“ А тогды якъ крыкнувъ богатырським голосомъ, сьвиснувъ молодецкимъ посвистомъ,—прыбыли до яго лошади. „Ахъ, говорыть, лошади моѐ пралюбезныя! У которомъ то чарстьви, у которомъ то государстьви ёсь сьвинка, золотая сьвинка, носомъ орэть, ногамы боронуить, а ззаду хлѣбъ расьтѐть—можно самому цару ѣсьти! Ти ня можамъ мы, говорыть, яѐ застать?“ Тяперъ лошадь большый отвѣчаить: „зачимъ, говорыть, царъ нашъ наясьнѣйшый?—можамъ, говорыть, застать. И ѣдь ты, говорыть, на меньшай лошади! И давъ яму̃ лошадь, едвабный шнурокъ и кожаный бизунъ, и говорыть на лошадя: ты дратуй яе ногамы, а ты сячи яѐ бизуномъ, покуль ина здастца вамъ!“ Тяперъ ёнъ у лѣво вухо у̃лѣзъ, а у̃ право вылязъ, и зьдѣлавея такимъ королевичамъ, што и сказать ня можно. Сѣвъ ня коня и полятѣвъ. И проминувъ ёнъ ихъ у повдороги ще.

Якъ прылятѐвъ, ажны гэта сьвинка носомъ орэть, ногамы боронуить. Ёнъ напавъ на яе, якъ узявъ яѐ сѣчь, якъ узявъ яѐ сѣчь. Конь копыта̀мы, а ёнъ бизуномъ. Сьвинка гэта: „ахъ, кажыть, заморській чаловѣкъ: што ты зь мяне хочашъ? говорыть: за што ты мяне ставъ такъ забивать?“ говорыть—„Здайся, говорыть, сьвинка, бо убъю тябе, ня пущу тябе жывэя!“ Дотуль яе бивъ, покуль ина здалась. Тогды сѣвъ, на едвабный шнуръ зачапѝвъ и вядеть яе. Сычасъ чуить ёнъ, што яны гэто ѣдуть ужо туды. Ёнъ зъ дороги у бокъ зьѣхавъ, у право вухо у̃лѣзъ, у лѣво вылязъ—обярнувся зновъ паршывымъ такимъ, якъ и бывъ. Тяперъ ёнъ, значитца, обярнуся такимъ самымъ, у лохмотьти у такомъ, якъ и бывъ— гэтый дурань, сьвинку гэту прывязавъ на едвабнымъ шнуру, сьвинка гэта своимъ порадкомъ узяла работать зямлю гэто: носомъ о̃рэть, ногамы боронуить, ззаду хлѣбъ расьтеть и посьпиваить—самому цару можно ѣсь яго. А ёнъ цвилушко̀ расклавъ у гэтыхъ дубкахъ, ды у̃ жалейку играить, на боку ляжы̃ть. Ажны наѣхали гэтыя швагры яго и съ своимъ войськомъ и увидили гэто, у дубкахъ у гэтыхъ тяпло̀ горыть. Тяперъ яны посылають лакея: а йди, говорыть, поляди,—што то за гонь горыть тамъ, у дубкахъ у гэтыхъ? говорыть: трубучку закуры и иди, и распытайся, хто тамъ такей гэто? Тяперъ гэтый лакей прыхо̀дить, и узнавъ яго. Сьвинка прывязана, а ёнъ на боку̃ ляжыть, у жалейку играить. Лакей гэтый прыхо̀дить къ имъ. „Што тамъ за гонь?“—Да, говорыть, нашъ дурань вядеть гэту сьвинку ужэ!—„Якъ можно быть?“ говорыть. „По̀йдемъ мы, говорыть, полядимъ. Альбы мы, говорыть, по чесьти якъ у яго выпросимъ, альбы мы яѐ отбяромъ у яго!“ Прыходють къ яму: „здрастьви, швагра!“—Здоровы, говорыть. „Ти ты у̃жэ, говорыть, сьвинку

вядешъ?“—А вяду, кажытъ. Я' дну сабѣ, кажытъ, узявъ, а тамъ, кажытъ, много сьвинокъ ходитъ яицо. Ѣдьтя и вы, возьмитё сабѣ!—„Да нѣ, кажытъ: што ты врѣшъ, шваrра: ина тамъ, говорытъ, одна такая была! Ну што, говорытъ, шваrра: отдай намъ сьвинку!“—А нѣ, кажытъ: вы сабѣ зьѣздитя, другую возьмитя сабѣ! а я гэту повяду къ батьку. Ти усё жъ, кажытъ, вамъ: и я повяду къ батьку! Тяперъ ёнъ думавъ, думавъ: што тутъ зьдѣлать? Просютъ не дай Богъ якъ: мы табѣ тоя дадимъ, мы табѣ тоя! Потымъ того говорытъ: „ахъ, Богъ зъ вамы! говорытъ. Коли отрэжытя мнѣ на нозѣ по палцу по мѣдпымъ, дакъ возьмитя сабѣ!“ Яны гэта думали, думали, узяли—што здумали—своё дохтора, своё усё—ничого! думаютъ. Узяли, отрэзали по палцу „Ну, говорытъ: бярытя, вядитя! Узяли, повяли сьвинку. А самъ ёнъ остався ли гнюшка ли того. Посядѣвъ, ти полежавъ ёнъ кольки тамъ,—отвяли яны отъ яго можытъ вярсту, можытъ боли, тогды ёнъ якъ сьвиснитъ на лошадь,—прыскочила къ яму лошадь. Ёнъ у водинъ часъ дома ставъ. Яны ѣхали повгода, а ёнъ за тры дни справився. Прыѣхавъ домовъ, лошадь пусьтивъ у зялёныя луги, у стидзёныя воды, а самъ идѣтъ, у жалейку играитъ. „Вотъ, кажытъ, дурань! коня, кажытъ, нейди спратавъ, и идетъ, и сьвинки не вядетъ, и играитъ у жалейку!“ Жонка пытаитца яго, говорытъ: дѣ жъ ты бывъ, дѣ ты лошадь дѣвъ? говорытъ—„А што? кажытъ: я ѣхавъ, ѣхавъ, лошадь упала, дакъ я и кинувъ яе; пропала, дакъ я и вярнувся. Ти мнѣ пяшкомъ ити?“ Ожыдаетъ ёнъ ужэ тыхъ. Жонка плачытъ: отъ, кажытъ, и хвалися мнѣ батьку тобою! Выпросила, кажытъ, у батьки лошадь, и ты поѣхавъ, и лошадь пропала нейди! А тэя сьвинку прывядутъ, и батька чарство имъ опишытъ; а намъ нейди будитъ—хоть ты по кускохъ иди!“ говорытъ.—Ну, нехай сабѣ, и намъ нейди будитъ мѣсто! Отъ, тэя, прыводятъ яны мѣсяцы тпразъ два ужэ сьвинку. И такёя радосьти тамъ, Божа сохрани! Сяродъ дядинцу прывязали, перадъ покоямъ; сьвинка тая работаитъ своимъ порадкомъ. Ну, сычасъ радосьти такёя—тутъ гэто царъ справивъ вечарынку, напрымѣръ: зяти прывяли значитца сьвинку. И гэто, значитца, позьбиралиси госьти, прочія короли, глядѣтъ сьвинку, што то такоя.

Ну, тяперъ, говорытъ: ну што, зяти моё пралюбезныя! говорытъ: ёсь у которомъ чарстьви, у которомъ государстьви, говорытъ, кобылица зъ двенадцатьмы жарабцамы. Ина ходитъ и замуздана, закилзана, и подъ сядломъ. И 12 жарабцовъ ли яё! Коли тую, говорытъ, кобылицу уловитя и прывидитё ко мнѣ—ваша чарство! Я тольки буду съ ковалка хлѣба у васъ сядѣтъ!“ Яны то мулютца; сами съ собой говорутъ: а што, кажытъ: дурань, кажытъ, и гэто достанитъ! отъ бяда! кажытъ. Ну што, кажытъ, дѣлать!—застанитъ, будемъ узповъ просить у яго—ти по

часьти, говорыть, ти по сэрцу, а усё нѣякъ достанямъ у яго! Ну, сычасъ отправляютца яны зновъ. Побольшъ восьска съ собой узяли. А гэто дужа далёко, нязвѣстно, у которомъ чарстьви. На цэлый годъ забираютца. Тогды жонка: што ты, кажыть, вѣдаишъ? Ти ня зьѣздивъ бы ты по кобылицу по гэту?“—Гэ! Божа сохрани! якъ мнѣ, кажыть, ѣхать? ти у мяне конь ёсь, ти у мяне восьска? Куды мнѣ ѣхать? Тоя-сёя капочавъ. Ёнъ обождавъ того, посьли того мѣсяца повтора. „Душка. кажыть, душка! сходи къ батьку!“ кажыть.—Чаго? „Попроси, кажыть, водопойныя кобылки! Зьѣжжу и я по кобылицу!“—Дурань ты, дурань! яны жъ нейди вядуть ужэ?—„А, вядуть! добро устрѣну на дорози, дакъ и я вярнуся, коли вядуть!“ Тяперъ ина ня хочыть ити къ батьку. Натявся на тоя, што сходи! „Да мнѣ, кажыть, страмно за тябе, ходить дѣстовать: опять пропадеть кобыла!“—Ну, кажыть, сходи!—Прыходить: „татулечка! дай, кажыть, изновъ кобылу якую, хоть водопойную: хочыть ѣхать мой дурань по кобылицу!“ Ну, ёнъ тольки насьміявся зъ гэтаго. „А сходи, кажыть: хай дадуть яму якого тамъ коня! нехай, кажыть, попробуить ѣхать! Яцо, кажыть, зьвядеть, нейди здохнить, назадъ прыдить пяшкомъ! Сычасъ хурманомъ сказала, осядлали яму лошадь, и вядуть подъ ганокъ. Ёнъ гэто усьсѣвъ па голову плячми, а за хвостъ руками узявся, и лошадь гэту по заду руками! И поѣ-ѣ-ѣхавъ за ворота. „Отъ, кажыть, дурань! по дурному и ѣзьдить“.

Ёнъ выѣхавъ у дубки, зъ гэстыя лошади соскочивъ. За хвостъ! косьти вытрасъ. „Сороки, вороны! вамъ свѣжая мясо! А табѣ, кусьтя, вѣшная покрывало!“ А самъ якъ крыкнить богатырськимъ голосомъ! сьвиснить молодецкимъ посвистомъ, оявляютца къ яму лошади. „Лошади моё пралюбезныя! ёсь у которомъ то чарстьви, у которомъ то государстьви, кобылица зъ двападцатьмы жарэбчиками. И замуздана, и закилзана, и подъ сядломъ. Ти не могомъ мы яе застать?“—Большый лошадь отвѣчаить яму, говорыть: „а съ чимъ жа ты, говорыть, по яе ѣдишъ? Гэта жъ кобылица наша родна матка! И насъ, говорыть, тры отлучапа отъ яе, а девять жарабцовъ при ёй то! И говорыть:“ вярнись ты, попроси у свойго,—жану свою попроси,—кабъ ина спросила у батьки дѣдовськаго бязьмена!“ говорыть: А той бязьменъ пудовъ трыдцать!—ѣхать по кобылицу ужэ по тую. Вярнувсь ёнъ домовъ: „душка, кажыть, душка! сходи ты, кажыть, къ батьку, попроси дѣдовськаго бязьмена!“ Гэтый царъ и засьміявся зъ гэстаго: што ёнъ, кажыть, кобылу забьеть тамъ тую дѣдовськимъ бязьменомъ. И ёнъ, дурань, яго не подѣйствуить. „А, говорыть: нехай прыдить возьмить, коли яму трэба дѣдовській бязьменъ! Сычасъ, дѣ то ёнъ тамъ ляжыть у клѣти, бязьменъ гэтый.—„А вотъ, говорыть: поди возьми, коли табѣ трэба! Ёнъ сычасъ пошовъ, добрый молодецъ,

ухапивъ на рукў, и ўзявъ зь имъ попиратця, замѣсто ляски. Тяперъ царъ гэтый отвищаитъ: „ну! ни ў комъ ты лошадей попрыбиравъ моихъ, ажны ты ничого малецъ!“ Прыбывъ ёнъ къ своимъ лошадямъ. Лошадь большая отвищаитъ: „Ну, говорытъ: садись, говорытъ, ты на мяне, и смотры, говорытъ: якъ прыѣдимъ мы къ ей, къ кобылицы, дакъ ина давно, говорытъ, мяне видила, дакъ ина зъ радосьти, говорытъ, можытъ зьѣсьти насъ! Ина, кажытъ, и закилзана, и замуздана, говорытъ: уся збруя при ей; ходитъ трыдцатъ тры годы зь девятими жарабцами, а насъ тры отлучана отъ яе. Дакъ ты, говорытъ: я якъ буду лятѣтъ, дакъ поплечъ стану изь ей; ина станитъ пюхатца со мной, а ты якъ небудь,— хватайся, говорытъ,— садись на яе! Якъ только ускочишъ на яе, такъ яе бязьменомъ и лупи межы вушъ! Дотуль яе лупи, покуль ина табѣ здастца. Ина, говорытъ, понясетъ тябе подъ небеса, а ты усё лупи яе, покуль здастца. А я буду проситъ: матушка, здайся, а то, говорытъ, забъетъ тябе! . .

Ну, такъ и стало. Ёнъ якъ ускочивъ на яе—подняла яго подъ небеса! А ёнъ яе хвощить. „Ахъ, говорытъ, якій гэто усьсѣвъ на мяне!“ говорытъ. Трыдцатъ тры годы ѣжжу, нихто не садивсь на мяне. Якей гэто? А ёнъ проситъ, лошадь гэтый: матушка, здайся, говорытъ, а то забъетъ. „Ну, говорытъ, стой, Иванъ Ивановичъ, ня би мяне!“ Яна ужэ яго назвала Иванъ Ивановичъ. „Ходила, говорытъ, по воли, а тяперъ буду подъ няволяй!“ Ёнъ тяперъ ѣдитъ на кобылицы на гэтой, а девитъ жарабцовъ идутъ услѣдъ за ими, а яго лошадь дисятая. Ѣдитъ ёнъ, ажны чуитъ—ѣдутъ гэто швагры яго по кобылицу по гэту. Ёнъ свою лошадь пусьтивъ у чистыя луги—зялёныя травы зьядатъ, а гэту кобылицу прывязавъ. Ажны сычасъ яны посылаютъ лакея,—увидили дымокъ: ёнъ расклавъ дымокъ и сядитъ ли кобылицы ля тыя. „Иди, говорыть, поляди,—на лакея—ниприменнно гэто дурань вядетъ кобылу ужэ!“ Лакей гэтый подходитъ: позвольтя, говорытъ, піпочку закурытъ!—Изволь, говорытъ, покуръ! Узявъ тяпла и пошовъ отъ яго. Прыходитъ. „А што?“ говорутъ?—Да што? говорытъ: вядетъ кобылицу и девитъ жарабцовъ ли кобылицы!—„А ли яе жъ было дванадцать жарабцовъ?“—Нѣту! говорытъ: только 9, а 10-я кобылица! „Ну што, говорытъ, пойдемъ?“—„Пойдемъ ужэ проситъ яго, на вошто сойдимся?“ говорутъ. Приходютъ къ яму „Здрастуй, швагра!“—Здоровъ, швагры!—„Ти ты ужэ кобылу вядешъ?“ говорутъ.—А, каитъ: я сабѣ ўзявъ! каитъ. Тамъ много коній ёсь, каитъ,—ходютъ. Я сабѣ кобылу ўзявъ, 9 жарабцовъ за ей идетъ!—„А ну, швагра! говорутъ: дось табѣ сьміятца зъ насъ!“ Ёнъ имъ отвищаитъ: што жъ, говорытъ, за сьмѣхъ? При тый жа кобыли дванадцатъ жарабцовъ, а я только, каитъ, узявъ зь девятьмы жарабцамы. Дакъ тая кобылица нейди тамъ яцо,

ваша!—„Ну, швагрочка! говоруть: хай тая тамъ будить, а ты намъ спусьти гэту!“ Ёнъ гэто думавъ, думавъ—просють дужа яго крэпко. „Ну, говорыть: отрэжу я по палцу на руцэ, по мѣдяномъ, дай бярытя сабѣ!“ Яны гэто обдумалися: „Ну што, говоруть: у насъ своѐ дохторы, своё зѣлля, усё своё,—сычасъ гэто услѣдъ загдитца! Што намъ гэто? каить. Отрэжамъ!“—Отрэзали по палцу. Ёнъ гэты палцы позьбиравъ и ў калиту. У калиту уложывъ, а имъ кобылу оддавъ. И повялй яны отъ яго. „Ну, каить, швагра: поѣдимъ разомъ!“—А я, говорыть, вамъ не товаришъ,—вы мяне оттуль ня водитя, и оттэтуль не поведетё!. Зяли отъ яго кобылу и повялй, гэту. Ёнъ часы два промэдливъ тамъ, посьли прызвавъ свого лошадя, ускочивъ на лошадя и прылятѣвъ домовъ: четьверо сутокъ ёнъ промэдливъ. Идеть, бязьменъ на плечахъ нясеть, у жалейку граить, и идеть сабѣ по двору по чарськимъ. Ина сустракаить яго: „дѣ жъ ты, каить, лошадя дѣвъ, дуранъ ты?“—А штожъ, говорыть:—ляску свою, говорыть, вёзъ и самъ усьсѣвъ, дакъ ина й пропала! говорыть. Вярнувсь я! Куды жъ я, говорыть, пяшкомъ пойду? Отъ такъ ина узнова у голосъ. А ёнъ сабѣ гэтакъ само на ложку, жалейку у руки, ыграсть сабѣ. —„Отъ, тольки, говорыть, ты на гэто!“

Тяперъ, теразъ мѣсяцъ прыводють тыя кобылу и девить жарабцовъ лияе. Гэтакія радосьти, музыка тутъ идеть за гэтой кобылицай, граить тутъ! Зьѣздъ гэтакій смотрэть гэтыхъ лошадей, што прывяли! Богъ знаить, якая лошадь. Собралося протчихъ королёвъ!—И будить гэтый царъ описавать чарство свое усё зятёмъ своимъ гэтымъ. „Ну што, говорыть, зяти? я бдумався! говорыть. Ёсь то, каить, у которомъ чарстьви, у которомъ государстьви, стоить, говорыть, левъ ля студьни—ли колодися попростому, прыбитый на 12 ланцуговъ. А яму постоянно, якъ день, такъ ночь, шэсь чаловѣкъ воду льлють съ студьни. А ёнъ пьеть услѣдъ якъ день, якъ ночь. И уси съ своѐ пнэрыи болѣсьти сьтягуить и зъ народу, и съ скоту. Вочань крэпко тамъ здоровы и скотъ и народъ. Коли, говорыть, вы гэтаго лэва украдитя оттуль и прыведетё мнѣ, говорыть—усё ваша! говорыть,—усё чарство ваша!—И я, говорыть, буду на ласкавымъ хлѣби тогды ужэ сядѣть у васъ!“... Ну што жъ? Яны обдумались гэто:—покуль мы доѣдимъ, дакъ дуракъ ужэ будить весьти. А мы, говоруть, якънебудь у яго выморочимъ! Такъ яны узгорачилися. Ну, говоруть, застапимъ! Якъ-якъ, а застанимъ, говоруть, и лева ужэ. Забрали воська побольны съ собой и музыку, зайграли зъ двора, и поѣхали. Тяперъ жана къ яму говорыть: ахъ, дуракъ-дуракъ, што сь тябе будить? Тольки, говорыть, ляжышъ, говорыть, у жалейку граишъ! Отъ, яны прывядуть лэва, говорыть, и усё, каить, чарство застанетца имъ; а мы съ тобой по кусьдхъ пойдимъ!“—Ахъ, каить, душка, душка! ти по кусьдхъ люди ня ходють! А

ўсёжъ тыки хлѣбъ ядуть! каить. Ну, ина па гэтымъ и остановилась.

Тяперъ ёнъ, подождавшы мѣсяца поўтора, ти два тамъ, надѣитца, што яны ужэ подъижжають близко къ леву къ гэтому, и говорыть: „душка! сходитка къ батьку, попроси зновъ мнѣ кобылёшки водопойныя, попробўю зновъ ѣхать по лева.“—Я не пойду, каить, боли просить, и батьки парушать! каить. Коли хочишъ, каить,—иди пяшкомъ!—„Ну, говорыть, прощай жа! А ўжожъ пойду, хоть пяшкомъ!“ Попрощався жъ жаной и пошовъ. Отыйшовсь ёнъ скольки тамытьки, тогды—идѣ яму там выпадалося, прызвавъ своихъ лошадей къ сабѣ, усихъ трохъ па раду. Большый лошадь отвпщаить, ды сярэдьняй лошади ужэ раить, якъ што дѣлать: ѣдьтя вы! говорыть. Якъ подъѣдитя близко подъ яго такъ, говорыть, нехай ёнъ у лѣво вухо улѣзить, а ў право вылѣзить. Обернитца ёнъ, говорыть, осилкомъ и чиста дзѣжа на ёмъ купечацкая. Каить: коня оставъ у лугахъ, а самъ пѣшшу иди. Къ прыдишъ ты къ гэтой студьни, къ леву къ гэтому, такъ ты сычасъ нанимайся у гэтаго цара одинъ спаивать гэтаго лева. И гэтый левъ знаить, объ чомъ ты прышовъ. И гэтый царъ тябе наймить; потому ёнъ наймить, што у яго 12 чаловѣкъ выходить у сутки только воду лить,—дьвѣ перамѣны. А ты наймисься одинъ; дыкъ ёнъ табѣ дужа дорого будить у годъ платить. И потомъ того у ночы нарадисься зъ левомъ, якъ што дѣлать, левъ табѣ нарадить!. Ёнъ сычасъ и поѣхавъ. Лошадь пусьтивъ у поля, самъ прыходить къ студьни, къ леву къ гэтому. „Здрастьви, говорыть, рабяты!“—Здоровъ, здоровъ! говоруть.—Ну штожъ, говорыть, рабяты: што васъ шэсь чаловѣкъ наливаитя гэто воду ўсё?—Да насъ, каить, дьвѣ перамѣны. И заўсёгды, говоруть,—усё дванадцать чаловѣкъ у сутки выходить.—А я жъ, говорыть,—объявитя, говоруть, свойму цару: я одинъ зможлюсь поить яго.—Да, говорыть: да ничого ня зьдѣлаишъ одинъ!—Да, братъ, не ваша дѣло! говорыть: я одинъ соглашусь!. Тамъ сычасъ гэтый начальникъ пошовъ и объявивъ гэто цару. Гэтый царъ изъ милой охвотой:—што выходить работниковъ, а то одинъ! Зьнявъ зь яго пробу: выпробўемъ дьни два, тогды будимъ змову дѣлать! Ёнъ сычасъ и ўзявъ съ повдня, гэто дѣло дѣлать. Ильлѣ зъ гэстаго колодися воду. И левъ гэтый ня могъ сьпить воды тыя. Управляющій гэтый пошовъ къ цару и говорыть: ни ўправитца, каить, левъ пить, якъ ёнъ работаить! Такъ сычасъ остановилиси яны на ночъ. Остановилиси и зговорилиси зъ гэстымъ лѣвомъ. Говорыть: у моимъ чарстьви ловчэй будить, будить табѣ выгода лучча! Такъ гэтый левъ и здався. „А што жъ ты зробишъ? говорить: вить ты мяне ня торвэшъ отгэтуль!“ Каить: „лѣзь ты у моё у лѣвая вухо, а ў правая вылѣзишъ,—обернисься ты богатырской мухой!“ И гэто дѣялося у дванадцатымъ часу, у повночь. „И ля-

т҄й ты, каит҄ь, у покой!. Отчинють лакеи покой и, каит҄ь, тамъ подъ ложкомъ ляжыть д҄ѣдовськiй, каит҄ь, молотъ. Ты, каит҄ь, гэтый молотъ ухапи̂ и тахт҄и яго, говорыть, сюды!. Тольки ни зачаппсь нигд҄ѣ тамъ, якъ буд҄ишъ н҄ѐсьт҄и сюды!“ Ёнъ такъ и зьд҄ѣлавъ. Сычасъ обярнувся мухой и у̂лят҄ѣвъ у покой. Такъ сычасъ царъ угадавъ: ахъ, каит҄ь: сычасъ н҄ѐйд҄и, каит҄ь, богатырськая муха зазьвин҄ѣла, каить. А ёнъ сычасъ подъ лд̂жакъ с҄ѣвъ—муха гэта. Потомъ того, якъ ухапивъ ёнъ гэтый молотъ—лакеи покой отчинили: вяч҄ѐру давали. Якъ ухапивъ молотъ гэтый съ подъ ложка, якъ зачапився за што тамъ, за су̂хветъ—и заваливея увесь палацъ гэтый, и побивъ усихъ тамъ. Принёсъ къ гэтому къ леву, у право вухо у̂л҄ѣзъ, у л҄ѣво вылязъ,—обярнувся молойцомъ, чистымъ такимъ, што .. Ухапивъ, ланцуги потбивавъ, лошад҄ь свою гукнувъ къ саб҄ѣ, ускочивъ на лошад҄ь и по҄ѣхавъ у свою сторону̂. И лева пол҄ѣвъ. Т҄яперъ ёнъ знаит҄ь тоя, што недалёко ҄ѣдут҄ь швагры̂ яго ужэ по леву. Ёнъ тогды лошад҄ь пусьт҄ивъ у пд̂ля, т҄иплушкд̂ расклавъ, лева прывизавъ на ланцугу, а самъ на боку лёгъ, и граит҄ь у жалейку. ҄Ѣдут҄ь яго швагры, увид҄или гэтый дымъ. „А отъ, якразъ, кажу҄ть, лева вядет҄ь дуракъ нашъ!“ На лакея говору҄ть:„ ид҄и, закуры трубку, говору҄ть, посмотры: нипрым҄ѣнно ёнъ вяд҄еть лева!“ Лакей гэтый прыход҄ит҄ь: здрастьви, царевичъ, говорыт҄ь.—„Здоровъ, говорыт҄ь, здоровъ!“—Позвольт҄я, говорыт҄ь, т҄ипялу̂шка у̂зять, пипочку закурыть?—„А можно, говорыт҄ь: за гонь, говд̂рыт҄ь, нихто грошый ни бярэть!. Ёнъ сычасъ т҄яперъ, прыход҄ить лакей гэтый: вядеть, говорыт҄ь, дуракъ лева у̂жэ! Ну, радить—радить: пд̂йд҄имъ, каит҄ь, просит҄ь—моит҄ь, якъ выпросимъ? „Ну што, говору҄ть: здрастьви, швагра!“—Здоровы, говорыт҄ь, швагры̂, здоровы!—Т҄и ты у̂жэ, говорыт҄ь, вяд҄ешъ лева!“—А я, каит҄ь, свойго у̂зявъ! А тамъ говорыт҄ь, ёсь боли, и вамъ буд҄ит҄ь! говорыт҄ь.—„Ай, говору҄ть, швагра, швагра! Дось таб҄ѣ шутит҄ь коло насъ!“ Да ну—говорыт҄ь, як҄ѐя шутки!—„Ну, швагра! оддай намъ и гэто у̂жэ!“ —О, каит҄ь: усё вамъ, да вамъ! Нехай жа я ху҄ть одну вещъ прывязу къ батьку!—„Ну, што хочишъ, швагра, а намъ яго спусьт҄и.“—А, каит҄ь —што зъ вами рд̂бит҄ь?—коли на сьпи̂ни вы̂ражыт҄я по полос҄ѣ кожы отъ шыи до пятъ, на вяршокъ, дакъ, каит҄ь, возьм҄ит҄я саб҄ѣ?. Яны гэто думали—думали, думали—думали! „А! хай рэжыть!“ говору҄ть: своѐ дохтора, зал҄ѣчимъ якъ небуд҄ь! своё у̂сё!“ Ёнъ узявъ—дали яму—узявъ и выдравъ по полос҄ѣ у ободвыхъ. Скру҄тивъ у трубочку, уклавъ у калиту у̂ свою. Лева отчапи̂въ зъ ланцугомъ,—оддавъ имъ наруки—вяд҄ит҄я! каит҄ь. А самъ остався тамъ. Отвял҄и отъ яго лева гэтаго, моит҄ь, вярсты д҄ьв҄ѣ, т҄и тры, тогды лошад҄ь прызвавъ, ускд̂чивъ и по҄ѣхавъ на лошади. Подъижжаит҄ь—зъ лошади, своё д҄ияньня над҄ѣвъ—што отъ жаны отход҄ивъ—ид҄ет҄ь терязъ дворъ, у жалейку играит҄ь!—„О, каит҄ь: дурань ужэ ид҄еть!—За

тры дни по лева сходивъ. И куды, каитъ, понпнатца ужо, пяшкомъ ходитъ! Копя, каитъ, не далй яму! А жана плачитъ: отъ, каитъ, пустосмѣшникъ ты: тольки, каитъ, сьмяютца люди коло тябе! Исъ твоей, каитъ, работой.— Ну што, говдрытъ: хай сьмяютца! ня усимъ жа, каитъ, плакатъ: кому трэба сьміятца, кому трэба плакатъ!—„А отъ жа, каитъ, отецъ имъ чарство попйшытъ, а намъ и ня будитъ пичдго!"—А хай, каитъ: усё жъ и на насъ успомнитъ!—ковалокъ якей зямлй дась!—„А, тольки, каитъ—ты на гэто, каитъ, и одбаешь!"—Отъ, сычасъ тутъ, нпразъ мѣсяцъ вядутъ лева изъ музыкой. И тутъ радосьти такэя, сустракдютъ ихъ тутъ. Божа! собрдлося тутъ народу, купцовъ тутъ, съ усихъ—лядѣтъ гэтаго дива, якей ёнъ, гэтый левъ, звѣръ.

И справивъ гэтый царъ баль. И трэба ужэ описаватъ своимъ зятёмъ чарство яго. По коньчаньни гэтый бали—описка ужэ. Тяперъ ёнъ, царъ, на дочкў каитъ: „сходи ты по свэйго дурня, каитъ—чаму ёнъ ня йдетъ?" —А ёнъ икъ имъ ня йдетъ, ёнъ у своей кдмлати. Прыходитъ. „Ну, чаго ты? каитъ: ишовъ ба ты послухавъ рацоту, якъ тамъ, на якомъ ты сусньованьни будишъ жытъ?" Пошовъ ёнъ, за печь залѣзъ, да й стоитъ за печчу. О, тяперъ на ихъ: ну, каитъ, зяти—собирайтися! говорытъ. „Отъ, говорытъ: я у васъ застаюсь на ласкавымъ хлѣби жыть, а вамъ здаю усё своё чарство!." А ёнъ отвицаитъ: а мнѣ што, татулька, будитъ?—„А табѣ? штожъ табѣ будитъ? Ничдго табѣ ня будитъ?. За печчу не зарбляютъ, каитъ. Хто трўдитца на сьвѣти, каитъ, тэй тоя и маитъ!" Ёнъ тогды: а якэя ихъ, говдрытъ, татулька, труды? Поляди, каитъ, татулька: ти ёсь у ихъ на погахъ по палцу за сьвинку? каитъ. Сычасъ сапоги доловъ зьдѣли, посмотрaтъ—ажны у ихъ нима по палцу. А ёнъ тогды съ калиты шавэль—шавэль! палцы тыя вынивъ. „Во гэто, каитъ, одного палецъ, а гэто другого. Тяперъ, каитъ, тата: поляди у ихъ, за кобылицу: ти ёсь у ихъ на руцэ палцы? "Вынивъ тыя палцы:„ у гэто, говоритъ, одного палецъ, у гэто другого—за кобылу. Отъ, каитъ, татулька: поляди, ти ёсь у ихъ сьпины каитъ, за лева, якъ яны лева застали!" Тогды вынивъ гэтыя кружники, скуру,—поприкладали къ ихъ сьпинамъ—ихъ скура! „А штожъ яны, каитъ, татулька: прывялй яны кобылицу. У ае жъ ддвжно бытъ дванадцатъ жарабцовъ, а яны прывяли тольки девитъ. А дѣжъ тры йщо? А тры, говорытъ, умяне!" Тогды, якъ вышавъ надворъ, якъ крыкнувъ, якъ сьвиснувъ—прыбылй до яго лошади уси тры. И спусьтивъ ёнъ укучу усихъ лошадей гэтыхъ. Гэтыя лошади—такэя радосьти, што сышлиси укучу уси—нюхаютца! И одныё шерсьти, одного росту, одного лдску—усё. Тогды гэтый царъ, за ихъ гэты ухватки, за гэтаку боль, узявъ ихъ, на коньски хвосты попрывязавъ, и на ковалки разодравъ по чистому полю. А гэтому усё чарство свое попи-савъ. И тяперъ ёнъ жыветъ тамъ. И казцы гэтой конецъ.

Обчугская вол. сѣннен. у. Отъ мѣстнаго крестьянина записано мною.

54. Поповъ парубокъ.

Жила себѣ удова, во такъ, якъ бы у насъ у Соипи. И бывъ у яе одипъ сынъ. Жили яны бѣдно, и ѣсть нечаго було. Отъ, ина говорить: иди, мой сынъ—ты ужо ў лѣтахъ—ти не заробишъ ты чаго нѐбудь на пропитаньня! Ну, ёнъ пошовъ къ дяку. А ў прежнее урема были деньги дороги. Приходить къ дяку. «Здрастуй!»—Здрастуй! Што жъ ты пришовъ?—,,А я пришовъ, ти не наняли бъ мяне у работники?"—Ну, мнѣ нуженъ работникъ. А ти будешъ ты вѣрно служить?—,,Буду, батюшка, старатца съ усердіемъ!"—Ну, служи! И дамъ табѣ жалованья одну денежку у годъ!—,,Ну, добря, спасибо и за ето." И остався служить, на годъ ставъ. И такимъ самымъ манеромъ ёнъ прослуживъ годъ. Дякъ даѐть яму одну денежку. Ёнъ зайшовъ икъ колодесю, къ матери не заходя̀, и ўкинувъ яѐ у воду̀ и каеть: коли я вѣрно служивъ, то моя деньга будеть навярху, а пя вѣрно, то затопеть. Ина и ўтопула. Прослуживъ ёнъ яще годъ уторэй ужу. Получивъ денежку и зновъ пошовъ къ етому самому къ колодесю и ўкинувъ яѐ у воду̀. ,,Коли я вѣрно служивъ, каеть, то моя денежка не затопеть!" Кинувъ, а яна и ўтонула. Остався ёнъ и на третій годъ. Пошовъ и съ той денежкой къ колодесю, и бросивъ и тую у воду̀: ,,коли жъ я невѣрно служивъ батюшку, то пусь моя и остальная топеть деньга, а коли вѣрно, пусь уси три поднимутца наверхъ!" Яны и ўсплыли.

Ёнъ, получёмши етыя уси три денежки у руки, пошовъ по дороги покупать товару на еты три деньги. Устрѣтивъ тряпошника, первый яму бывъ по пути. «Здрастуй!»—Здоровъ!—Ти нема ў тябе па моѐ деньги товару?—Тэй открывъ свой ящикъ, скрыню, показавъ яму разныя ленты, стужки, крали, персьни. Ёнъ посмотрѣвъ и говорить: ето не по моей торговли! Ти нема такихъ вящей, кабъ ко мнѣ принадлежало—кабъ ко храму? Тэй открывъ яму ладунъ—ящичекъ.—,,Вотъ ето мнѣ, каеть, вещь нужная и ля Бога, говорить, угодная, если я буду ўгоденъ!" И купивъ за уси три денежки у яго ладуну. Пошовъ у чистое поля по дорози и расклавъ огонёкъ на кургони, и ўсыпувъ етый ладунъ на гонь. Етый дымокъ пошовъ подъ небеса. И услышынъ бывъ голосъ нявидимый: што табѣ надо, человѣча? А ёнъ отозвався: жалаю, говорить двѣ дудучки, кабъ могли йграть, подъ ими могли горы и лѣса плясать, и што перядъ ими стоить! Ну, и видить, што падають двѣ дудучки перядъ имъ, незвѣстно кимъ зброшено ихъ. Ну, ёнъ публагодаривъ Бога за такую посла̀ную вещь, яму желаемую, и пошовъ. Идеть дали и приходить къ своей матери. Тая дужа узрадовалась, што увидила яго у добрымъ здоровьи и стала распрашавать: ,,што жъ ты, сынокъ,

заслуживъ, скольки пользы мы будемъ имѣть зь естаго, што ты три годы прослуживъ?" Ёнъ говоритъ: мать моя дорогая, не принёсъ сичасъ пользы табѣ, а надѣюсь скоро мѣть отъ Бога пользы. „Ну, што жъ ты дѣлавъ?"—А такъ и такъ... (Всё разсказываетъ).

Ну, поживши малое уремя, говоритъ: мать моя дорогая! пойду опять къ етому самому свойму хозяину служить.—Богъ благословитъ тябе Ну ёнъ и отправився изновъ. Приходитъ къ батюшку и начавъ мѣть договоръ изъ имъ, у наймы пастуховъ изъ имъ. Батюшка дужа радъ бывъ етому дѣлу—яму пастухъ нужинъ бывъ. Договорилися яны, значитца, по заслузи заплата, а расчотъ у концы лѣта Ну, ёнъ нанявъ и договоривъ, и ёнъ погнавъ у поля скотину яго. Сѣвъ на кургонушикъ и заигравъ у еты двѣ дудучки своѐ. Якъ заигравъ, дыкъ скотъ ставъ тунцувать, а тоды и лѣса, и горушки, и ўсё. Тунцували, покуль съ силъ выбились. Едва ёнъ ихъ пригнавъ удвôру. Вѣдомо, ня пивши, ня ѣвши. Увидила ето матушка и батюшка, стали яго бранить: якъ ето ты напасьтивъ скотъ, што и боки у ихъ пустэя? Ёнъ каетъ: батюшка и матушка! пораньше уставайтя и присматріітя за мной, куды я скотъ гоняю. А ў ихъ бывъ садокъ, у етаго у дяка. И возьли тута агристу дужа много. Назаўтриго, ёнъ скотъ не гнавши, забрались мальчики изъ дяревни воровать етый агристъ. Батюшка и матушка побѣгли у садъ, кабъ ихъ зыхватить. Пастухъ ето зьмѣтивъ и сичасъ нычàвъ у дудучки играть, а батюшка зъ матушкой давай у вàгрисьти тунцувать. Ёнъ играетъ, а яны танцуютъ. Потомъ яны стали яго просить—што, здѣлай милось, оставъ. Ёнъ имъ отвѣщаетъ: я три годы вамъ прослуживъ, и што вы назначали, то я бравъ, а тяперь пожалуйтя, што я стану требувать—то я вамъ оставлю. Ну, яны, батюшка сказуеть:—што жъ ты желаешь?—Пу 50 р. у годъ. Батюшка согласився яму деньги отдать, а дѣло пойдёмъ доходить судомъ—што я пободрався увесь. Заплативъ деньги, и пошли на судъ. Идутъ. Идутъ и сустрѣкаютъ гончаровъ на дорози Возы ихъ были тижалы, а колявины глыбоки, ня хочетъ нихто зъ дороги ворочать. Батюшка кричитъ: вярни зъ дороги! Гончары кричатъ: у батюшки возъ то не тижолъ, и вы люди духовныя, вы наша видитя. положенія—тижолыхъ возовъ! Батюшка видитъ, што яны люди бытцомъ то ня гордыя, злѣзъ зъ воза и пошовъ къ имъ любопыствовать. А возы стоять. Потомъ яны узглянули и говорютъ: што у васъ, батюшка: якъ бытто вы пободраны ўси?—А вотъ, такъ и такъ (Разказываетъ имъ все.)—«Хтожъ васъ заставлявъ у вагрисьти тунцувать?"—Когда ёнъ заиграетъ, то нельзя вытримать.—Ну и тэя стали просить: пожалуста, заиграй и намъ. Ёнъ заигравъ, яны и пошли уси тунцувать. Тунцу-

вали до тыхъ поръ, што и горшки усп чисьтенько побили на кулòмѣсъ, и яны скачуть, и горшки, и черяпки—и усё. Скакали, скакали—докуль съ силъ выбились—просють яго ужу, кабъ переставъ. Ёнъ каеть: а дасьтё ну петёрички, дыкъ перестану. Яны кажуть: у насъ нема, мы горшки не продавали. Ну, нехай сабѣ—вы не бязъ грошій! Яны дали яму̀ пятёрку, ёнъ и переставъ играть. Пошли и етыя съ своей обидой. Ѣдуть—дякъ изъ матушкой и гончары. Ну й потомъ сустрѣчають дехтярёвъ. Дякъ жа мовчить ужу зъ матушкой, ну а гончары говорють: якъ жа свою обиду не расказать. «Ну, здоровъ!»—Здоровъ! Куды вы?—А, такое и такое дѣло.... (Разсказывають, какъ они плясали). Да пойграй, говорить, пожалуста, и намъ! Ёнъ ставъ играть, а яны якъ пошли тунцувать! Дыкъ и побилося и поразливалося усё чисьтенько—и усп у дёготь поудѣлылися якъ черти. Ёнъ ставъ требувать деньги, а яны стали божитца и клястца, што нема грошій. Ёнъ ихъ отпусьтивъ. И пошли усп у̀мѣсьти на судъ. Ну, яны ужу такъ условились, кабъ никому не говорить, затрудненій ня дѣлать началььству. И пришли у губерню. И просють, кабъ доложили губерни начальнику—што больше нельзя никòму етого доложить. Доложили губерни начальнику. Тэй подозвавъ къ сабѣ и сказыеть: што ето за такое за чудо зъ вась? И хто васъ, такихъ дурнявъ заставлявъ у такія дѣла поступать! Ёнъ, говорить, зъ дрючкомъ падъ вами не стоявъ! Нiякой яму накази за ето нѣту, и вы можетя отправлятца по мѣстамъ. И я вотъ сичасъ тожа попрошу сыграть. Ну, тыя отышли, а етый говорить: удовинъ сынъ! вы мяне не довжны просить, а я довжонъ вашего приказу слушать, вы наши начальники. Ну̀, тутъ ужу вызвавъ ёнъ жану свою, дочерей, усихъ дятей своихъ. Нуку, сыграй! Ёнъ началъ имъ играть, яны начали усп кучкую тунцувать. До того у̀жу, што кричить—перестань! А ёнъ каеть: я за му̀зукой уперёдъ и не слыхавъ. Ну, и наградивъ яго крѣпко: „довжно быть, ты у Бога бывъ достоинъ!“ А тыи такъ и пошли домовъ, безъ усякаго усяго.

С. Сонно мстиславскаго уѣзда. Отъ кр. Ив. Васьковскаго, 27 л. и гр. Запис. мною.

55. Синяя свита.

Живъ бывъ царь волшебникъ. Ставъ ёнъ кличъ кликать, вызавать охотника, штонъ узявся схуватца отъ яго. И за того, хто схуваитца, обѣщавъ выдать свою дочку̀ замужъ и половина чарства оддать. Нашовся такѐй Синяя свита—налѣво спита—Соломенный кувнакъ. Узявся ёнъ схуватца отъ царя, а коли не схувантца, дыкъ яго на смерть довжны сказнить. На етымъ ёнъ и расписався. С. св. нал. спита, Сол. кувнакъ пиридъ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ

вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бяжи, дыкъ бяжи за тридевить земель у тридевятое чарство. А у етымъ чарстьви ёсь дужа большэй лухъ. На етымъ лугу расцыпавея ёнъ на три цвяты. На другёй день царь, уставши ранёнько, умывшись билёнько, посмотрѣвши у свои волшебныя книги, узнавъ усё и кажитъ: „Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Збѣхъ на большэй лухъ у тридесятомъ чарстьви и расцыпався на три цвяткй разноцвѣтныхъ.—Слуги мои вѣрныи, слуги мои добрыи, идитя вы у тридесятое чарство. Ёсь тамъ дужа большэй лухъ, а на имъ три цвяткй разноцвѣтныхъ. Вы ихъ оторвитя, у платокъ завярнитя и мнѣ приняситя! Слуги и пошли. Ишли яны ти довго, ти коротко, тольки нашли тыи цвяткй, у платокъ завярнули и къ царю принясли. Тады царь пытаитъ: „А што, Синяя свита, ти схувався ты отъ мине?“ Ставъ свита царя просить, кабъ дозволивъ схуватца ящо расъ. Царь дозволивъ. Синяя свита, налѣво спита, Соломенный кувпакъ пиридъ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бяжи, дыкъ бяжи за тридевить земель у тридесятое чарство. У етомъ чарстьви ёсь такей мохъ, што сверху болото, а подниздмъ бяздонная вода. Зайшовъ ёнъ у мохъ, обярнувся рыбой вокунемъ, забрався на самое дно и сядитъ тамъ. На вутро царь, уставши раненько, умывшись бѣленько, посмотрѣвши у волшебныя книги, кажитъ: „Пиридо мной стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Збѣхъ за тридевить земель, у тридесятое чарство и схувався у болоти, обярнувшись рыбой вокунемъ!“ Велѣвъ царь своимъ слугамъ итить у тридесятое чарство, вычисьтить болото и зловить вокуня. Слуги такъ и здѣлали; зрубили, вычисьтили тое болото такъ, што тольки одна буза осталась поверху; закинули яны сѣти, поймали окуня, завярнули у платокъ и къ царю принясли. „Ну, што, Синяя свита, ти схувався ты отъ мине?“ пытаитъ царь. Синяя свита, налѣво спита, Соломенный кувпакъ опять ставъ просить царя, кабъ дозволивъ яще схуватца. Царь и яще дозволивъ. Синяя свита пиридъ царемъ стоявъ добрымъ молодцомъ, по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ, подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ, по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ. Якъ бяжи, дыкъ бяжи за тридевить земель у тридесятое чарство, дѣ ёсь такей дубъ, што корни у зёмли, а макушка у неби. Узлѣзъ ёнъ на дубъ, обярнувся иголочкой ды подъ коринку, и сядитъ. Прилетѣла на дубъ птица Нагай, узнала, што тутъ ёсь человѣкъ, и пытаитъ: хто тутъ ёсь?—Я, кажитъ

Свита.—,,А зачимъ ты забравея сюды?"—,,Ды вотъ, узявея я схуватця отъ царя волшебника, ды ниякъ не схуватца."—,,А хошь, я тибе схуваю?" кажитъ птица. Свита ставъ ее проситъ. Нагай птица обярнула яго пяринкой; узяла къ сабѣ подъ крыло, снесла и положила сонному царю запазуху. Вутришкомъ царь уставъ, умывся, посмотрѣвъ по волшебнымъ книгамъ и говоритъ: ,,Пирдо мной стоявъ добрымъ молодцомъ; по двору бѣхъ чорнымъ соболемъ; подъ вороты лѣзъ бѣлымъ горностаемъ: по полю бѣхъ шѣрымъ зайцемъ; збѣхъ у тридесятое чарство. Ёсь тамытька дубъ, што корни у земли, а макушка ў неби. Забравея ёнъ за яго кору и сядитъ, обярнувшись иголочкой." Приказавъ царь слугамъ, кабъ яны спилили дубъ, покололи яго на дровы и сожгли. Слуги такъ и здѣлали, а Синей свиты не нашли, объ чомъ царю и доложили. Вотъ царь вышивъ на крыльцо и зовѣтъ: «Синяя свита, налѣво сшита, Соломенный кувпакъ, покажися!»—Нѣ, говоритъ Свита: збяри перши вяльможей и королей, тады покажуся." Царь думавъ, што ёнъ тутытька, дѣ либо ли яго: кружився, кружився воколо сябе, а Свита сядитъ сабѣ у яго запазухой. Вотъ царь собравъ вяльможей и енараловъ; вышивъ на крыльцо и опять зовѣтъ: «Синяя свита, налѣво сшита, Соломенный кувпакъ, покажися!»—«Нѣ, боюсь—обманешъ.Спаряжайка дочкуподъ винецъ, тады и я буду.» Царь велѣвъ заложитъ у карету шасьтёрку лошадей, посадивъ у ее королевну и вышивъ на крыльцо. Удрухъ вылетѣла пяринка и стала добрымъ молодцомъ. Сѣвъ ёнъ къ королевни ў карету, и поѣхали подъ винецъ. Повиньчались и сыграли свадьбу. Царь отписавъ яму половину чарства, а по смерти и усё.

Городокскій уѣздъ витеб. губ. Запис. уч-ца Бѣлинская.

56. Хведоръ Набилкинъ и суправдишные богатыри.

Живъ бывъ сабѣ у воколицы шляхтицъ. Тоды примѣромъ уздумавъ ёнъ сабѣ штс—убяруся я богатырёмъ! Ну, справивъ сабѣ тамъ якей струменъ—праведную косу намѣстъ меча, полотняный шатёръ справивъ, тое—сёе, узявъ кобылёшку, сядло справивъ тамъ якое, и поѣхавъ. Ѣхавъ—ѣхавъ, пріѣзжаетъ у городъ. Глянетъ—прибита таблица. Ёнъ сицасъ узявъ, вынивъ карандашъ и сицасъ объявляетъ чесь, што у такомъ то году, такого то мѣсица, такого то числа, ѣхавъ силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ—ззади не догонятъ и спереду не стрѣкатъ, а стрѣвши, па колѣнки статъ и шапку зьдѣтъ ды й проздравитъ! Послѣ етого ёнъ поѣхавъ дальше по своёмъ путю. Дальше наѣзжаетъ къ етой таблицы справядливый богатырь. Глянувъ на таблицу и думаетъ самъ сабѣ: што тутъ за такей явився сильникъ—ниякія чутки ня було объ яго, а тутъ

ѣсь. И спереду не сустрѣкать, и ззади не догонять, а стрѣвши на колѣнки стать и шапку зьдѣтьды й проздравить! Ну, тутъ етый богатырь три версты кругу давъ и яго объѣхавъ и напярёдъ ставъ, ставъ на колѣнкахъ и шапку зьдѣвъ. Тоды говорить: здраемъ—жалаемъ, силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ!. Дѣ, прикажетя мнѣ, говорить, ѣхать: ти ззади, ти наперёдъ?—Ѣдь ззади, дрень! Той и поѣхавъ ззади. Ну, проѣхали яны кольки тамъ, пріѣхали къ лугу. Етый жа силный богатырь якъ пріѣхавъ, соскочивъ зъ лошади, такъ и пусьтивъ на прогулку. Такъ ина и загримѣла. Ну, а Хведоръ Набилкинъ свою пусьтивъ на рову на лугу. Етый жа богатырь расьпявъ свой шатёръ, а Хведоръ свой шатёрчикъ. Глянеть—глянеть—идѣ жъ яго лошадь? самъ тутъ, а лошади нѣту. А йна красуеть. Тоды, перепучувавши, богатырь ставъ истрить мечъ, а Хведоръ Набилкинъ—давай и ёнъ свою косу истрить. И тая жъ мечъ истритца тихонько, а коса звонить—дзынъ объ камень! Тэй богатырь и думаеть, што ето такое, што яго мечъ звенить почище моей? Тоды простояли яны тамъ два дни, на третій день приходить къ яму богатырь и говорить: „силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ! просить васъ двѣ головы—цмокъ къ сабѣ на чесь—поборотца! Ну, етый што крупной силы побивъ, а мелкый, дыкъ и щоту нема.» Значитца, ёнъ получивъ повѣстку отъ змѣя. «Дыкъ ти сами поѣдетя, ти мнѣ прикажетя?»—Атъ, говорить: ты, говорить, дрень: буду я руки гадить такими пусьтиками! Богатырь той вышавъ, сицасъ свиснувъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—яго лошадь сицасъ оявляетца къ яму. А яго коло яго ходить. Тоды сѣвъ на лошадь и поѣхавъ къ тому цмоку. А тэй ждавъ, ждавъ—нѣту, дыкъ ёнъ ужу и самъ ѣдеть. И здѣлали стрѣчу. И цмокъ тэй спрашаеть у богатыря: што ты за такей: ти ты, говорить, Хведоръ Набилкинъ, ли ты побивъ большія силы, што и щоту нема?—Я, говорить. Слухаеть яго ужу затѣву. Подъѣхавъ и говорить: а ты што за такая птушка?—А вотъ, говорить, подъѣжжайка поближе! Ну, богатырь вынивъ свою мечъ съ подъ сѣдла, тоды цмокъ и спрашаваеть: ну што жъ, говорить: ти будемъ битца, ти миритца?—Нѣ, говорить, нячистая сила, пи на то я, добрый молодецъ, ѣхавъ, кабъ мирнтца, а на то, кабъ битца! Тоды примѣромъ ёнъ подъѣхавъ поближе. „Э, нѣ, говорить: младъ ты!“—Ну, младъ—не младъ, а будеть ладъ! Якъ двигнувъ меччу, такъ двѣ головы доловъ. Тоды спчасъ—надо жъ яму на призпакъ привезьти голвы, што убивъ. Ну, ёнъ усторнувъ на мечъ и вязеть одну голову на признакъ. Пріѣхавъ и спрашаваеть у яго, у Хведора Набилкина: гдѣ, говорить, прикажитя голову дѣть, силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ? Отвищаеть ёнъ: брось у кустъ! говорить

Тамъ, нямного думаючи, наѣжжаетъ ящо быгатырь на тую таблицу. Глянувъ ны яе и думаетъ: што такое ето оявилося? откуль ето? Ну, ѣдетъ дальши, нападаетъ на ихъ. Сицасъ злѣзъ зъ лошади и пусьтивъ. Тая и полятѣла на крусуваньня. Нямного зпоровя, пусьтёмши лошадь, и подходитъ къ Хведору Набилкину: надожъ чесь отдатъ. Хведоръ Набилкинъ спрашаваетъ: хто ты такей?—Я, говоритъ, богатырь!—Ну, пожалуй зъ нами умѣсьти! Ну, тэй расьпявъ свой шатёръ и занучували. Назаўтрего подходитъ етый богатырь и спрашаваетъ у яго: здраемъ—жалаемъ! Вотъ проситъ васъ къ сабѣ, силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ, такей и такей поганый цмокъ съ 4-ми головами повоюватца? Ти сами поѣдетя, ти мнѣ прикажатя?—Ѣдь, дрень, ты! Етый сицасъ устаётъ, свиснувъ богатырскимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ—лятитъ лошадь. Осѣдлавъ, и поѣхавъ къ етому поганому цмоку на чесь—побитца. Сицасъ пріѣжжаетъ къ дому къ яго, а ёнъ сицасъ узнавъ, што ето ѣдетъ силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ. Выходитъ къ яму пѣшомъ и спрашаетъ: што ты ёсь за силный могучій, што ты такъ почестно и поздно ко мнѣ оявляесься?—Я Хведоръ Набилкинъ! Я пріѣхавъ къ табѣ битца.—Ну пріѣхавъ, дыкъ давай битца! Стали битца—дыкъ ёнъ яго зьбивъ, змясивъ, голдвы потрубивъ, узявъ сторнувъ голову на мечъ повезтъ на показъ. Пріѣжжаючи, лошадь сицасъ пусьтивъ и пытаетъ: силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ: гдѣ прикажетя дѣтъ голову?— Брось, дрень, говоритъ, у кустъ и ту!

На третій день приходитъ первый богатырь и говоритъ: силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ! проситъ васъ такей то зьмѣй, поганый цмокъ, зъ восьмя головами на чесь, пугулятъ, повоюватца. Мы удвохъ зьѣздили, а вамъ таперь ѣхатъ.—Ну, слушаю!—Тольки, говоритъ, я сьвисну свою лошадь, и вы сядьтя на мою богатырськую лошадь и ѣдьтя къ яму!—Ничого, говоритъ: податъ мнѣ мою дрень! Япы сицасъ тутъ яму засидлали яго лошадь, ну ёнъ сѣвъ на лошадь и поѣхавъ. Ѣдетъ—ōтъ, якъ мужикъ пахатъ съ сохою—прытко дужа, хвабро. А тоды тэй цмокъ ждавъ—ждавъ богатыря Хведора Набилкина и не дождався. Не дождавшись богатыря, ѣдетъ къ яму самъ. И дѣлаютъ стрѣчу на дорози. Тоды ёнъ объявляетъ яму: ти ты силный могучій богатырь Хведоръ Набилкинъ?. Тэй мовчавъ—мовчавъ. а тоды дай утекатъ отъ яго. Назадъ! И не попавъ на тую дорогу, ды на другую, на глухую. И ўперся ў болото. Дыкъ и ёнъ свойго коня утопивъ у болото, и цмокъ и коня утопивъ и самъ утопився—вѣдомо, ёнъ тяжкій. Тоды ёнъ вярнувся назадъ—а ў яго тольки голдвы тырчатъ. Ухвативъ ёнъ яго мечъ и давай головы сѣчь. Замахнувъ разъ—двѣ головы сьтявъ;

другей—ящо двѣ сьтявъ—и такъ уси восемъ головъ сьтявъ. Тоды, узявши сту мечъ на плечи, кинувъ лошадь свою у болоти, бы ня вытягнеть, и пошовъ къ богатырямъ. Пришовши къ богатырямъ, кричить: эй! сицасъ отправтесь отъ у такое то и такое мѣсто, дѣ я боровсь, и приставтя мнѣ мою лошадь и голову на признакъ—я сьтявъ уси восемъ! Тыя думають: што йто ёсь, откуль ето оказія такая? Ну, поѣхали яны туды, найшли тое мѣсто и мизь сябе дѣлають, разговоръ: мы ѣзьдимъ по сьвѣту, силу оявляемъ, а ёнъ што такей за сильный, што не являвся и мѣеть такую силу? И убивъ яго у грязь и съ туловомъ, зъ лошадьдю, и головы посымавъ? И чимъ ёнъ тутъ посымавъ? Глядѣть ненавошто! Коса, ды й усё тутъ. Во сила! Тоды узяли етаго коня и понясьли подъ пахою. И принесши яму примѣръ, отъявляють: дѣ голову дѣть?—Брось дрень, говорить, у кустъ!

„Ну, тяперь, говорить, господивъ Хведоръ Набилкинъ, силный могучій богатырь, пойдемъ къ царю на чесь. Ёсь у царя Винограда три дочки, и мы женимъ васъ и будемъ слухыть вашего приказу—што скажетя, то будемъ и дѣствувать?“ Обчисьтили, обхолили яго, усё поприбрали хольно, браво, и говорють: силный могучій богатырь: якъ вамъ не совѣстно на такей лошади ѣзьдить?—Пущай сабѣ, говорить: мяне познають и у стомъ! Яны спрашавають у яго: или намъ повѣстку дать, говорють, царю, ти такъ ѣхать?—Нѣ, говорить, надо повѣстку дать. Я сицасъ напишу! Сицасъ написавъ, што такого то числа, такого то мѣсица я буду къ вамъ у сваты, къ царю Винограду.—И пославъ одного богатыря съ повѣсткей. Тоды другей богатырь спрашаеть: когда жъ мы, говорить, поѣдемъ у сваты?—А якъ повѣрнеть, говорить, тэй! Ну, сицасъ пріѣжжаеть етый богатырь отъ царя Винограда и подаеть яму повѣстку: што прошу милысьти прибыть ко мнѣ и съ своими слугами! Нядовго думаючи, ёнъ вялить сицасъ богатырёмъ своимъ прибиратца ѣхать у сваты. Отжили на лугу дыстатошно.

Ну, яны собрались и поѣхали. Якъ свиснувъ одинъ богатырь молодецкимъ посвистомъ, дыкъ ажъ горницы уси заколотились. Ну, царь Виноградъ говорить: дочки моѐ, говорить: выходитя къ силному могучему богатырю Хведору Набилкину, стрѣньтя, яго со усёю благородносьтю! Дочки тыя собрались, стрѣтили яго и пувяли яго у горницы, и много пріудовольствія дали имъ усякаго. И дивютца што ёнъ—такей, а слуги яго такѐя. И большая говорить: я пойду, обручуся зъ имъ! А меньшая: нѣтъ, говорить, я обручусь! А малая говорить: а кому, говорить, отецъ, царь Виноградъ, позволить, тая зъ имъ будеть и жить! Ну, споровали—споровали, большая пожелала изъ имъ обручитца. Ну, а малая и сяреднія пожелали изъ яго прислугами. Тольки яны побыли у госьтёхъ

три дни, на чатьвёртый день обручилися уся три—Хведоръ Набилкинъ зъ большою, одинъ богатырь съ сярдней, а тэй другёй богатырь зъ малою.

Тольки яны стали жить у царя Винограда и почувъ цмокъ—Шутъ, што стакій у яго зять съ прислугами, и оявляетъ царю Винограду,—што попробуемъ, говорить, битца—хто кого перамогётъ! И присылаетъ повѣстку къ яму, кабъ на такое и такое число на плящъ собратца воинство дѣлать.—Царь Виноградъ призвавъ Хведора Набилкина и говоритъ: ну, што, мой зяць: якъ мы будемъ распорядкатца? Силы у насъ мало, у яго у три рѣди силы боли, якъ у насъ—ужу намъ ня жить, ёнъ насъ выгонить изъ дому!—А вотъ, батюшка, говоритъ, царь Виноградъ сколькі у васъ ёсь шавцовъ, кравцовъ, сторялёвъ и плотниковъ—прикажитя, кабъ уси були сюды на дворъ къ намъ съ своимъ струменсотомъ! Ну, тутъ сицасъ царь Виноградъ приказавъ усимъ оявитца. И собралися уси чисьтенько—плотникъ съ топоромъ, шавецъ съ шильлемъ, съ копыльлемъ, кравецъ зъ ножнями съ иголками, бондарь зъ размѣромъ, съ заторомъ. Сицасъ царь Виноградъ и патаетъ: зять мой Хведоръ Набилкинъ: што ты будешь дѣлать зь стыми зь людями?—А будемъ дѣлать деревянныхъ людей! Выставлять будемъ на плящъ, адѣ битца. Сицасъ, дождавши того урэмя, што бягда, усихъ чисто повыставляли: побшили усихъ, подѣли и повыставили, и муницу пристроили. Ну, появку дали цмоку—Шуту: выходи бой дѣлать! Ну, ёнъ вышовъ зь людями—скольки у яго тамъ було—зьвѣстно, зь-истари корэлки были не большая! Тольки, примѣромъ, стый цмокъ—Шутъ глянувъ у подзорную трубку, што люди уже стоять драку дѣлатъ—ёнъ говоритъ: старайтесь, говорить, ребяты, кабъ намъ побитъ войську царя Винограда! Сицасъ подходють къ плящу, давай бягда, давай стрѣлять. Бивъ—бивъ—отъ ихъ ни крику, ни зыку, ни виску, ничого нѣту—вѣдомо дерево—якъ ударють, дыкъ ёнъ бурдэль—и повалитца. И цмокъ—Шутъ повыпаливъ уси запасы, и не убили никого. Ну, поѣдемъ, каетъ, на рукопашь! Тоды пришли на рукопашь, ажны дерево. А яны стоятъ на тлёти, кабъ на ихъ стрѣлъ ня йшовъ. Ну, тоды видитъ тое, што запасъ у ихъ вышовъ. Хведоръ Набилкинъ говоритъ: „ну, принятца, говоритъ, братцы, у щирую правду!“ Ну, тымъ ти довго—сицасъ силу тую побили, потусували и цмока—Шута у полонъ забрали и къ царю Винограду приставили налишно. Тоды царь Виноградъ говоритъ: ну, якъ мы будемъ, говорить дялитъ?—А Хведоръ Набилкинъ говоритъ: я, говоритъ, останусь у твоёмъ доми, а моѐ слуги пойдутъ у царство у Шутово!—Нѣ, говоритъ: пущай твоѐ слуги у моёмъ доми, а ты отправляйся у Шутово царство. (Познавъ.) Тоды ёнъ поѣхавъ у тое царство и ставъ тамъ жить. И жана у яго патаетца: хто ты такэй ёсь, и зачимъ у тя-

бе не такая сила, якъ у тыхъ прислугъ тгехъ?—А я, говериtь, такей, што ня силой воюю, а розумомъ.

Записано мною въ д. Захедахъ редлекской вол. клим. у. Отъ кр. Степана Павлова, 80 л. неграмотнаго.

57. Сынъ продадёный.

Бывъ мужъ жъ жаною. Помѣли яны четьверо дятей. Померъ батька, померла матка, заставались дѣтки одны. Ну, яны коло людей кое якъ повыросли. Можеть, сынъ бывъ бдлшій. Ставъ ёнъ у людей пытаtь: ти ня можно бъ мнѣ жанитца? И подстроили яму люди, што можно жанитца. Ёнъ посватався и жанився. Тяпер спрашиваеt у жаны: «жана моя милая, жана моя любая! примимъ мы зятя къ бдльшай сястрѣ, видь мнѣ бельшы помочи будеть!“ Тольки жъ яны такъ зрядилися, ѣдуtь сваты къ той бельшой. Тяперь ёнъ узнова жъ жаною говдриtь: мѣли бъ мы зятя принять, а тяперь сваты хорошіе: оддадимъ мы яѐ, а можа примимъ къ сяредней. Оддали жъ яны яе, вясельля згуляли. Тольки пріѣхали зъ вясельля, ѣдуtь другіе сваты къ сяредней. Вотъ ёнъ опяtь жъ жаною говдриtь: «имѣли мы принять къ ёй зятя, ды оддадимъ и ету: тд былй сваты хорошіе, а еты еще луччи. А можа къ меньшай примемъ!» Оддалй жъ яны и ету, вясельля згуляли. Покуль зъ вясельля пріѣхали, ѣдуtь третьtіе сваты. Тд были хорошіе, а еты еще луччіе. Тяперь ёнъ узнова жъ жаною говориtь: «имѣлись зятя принять, ды то былй сваты хорошіе, а еты еще луччіе: оддадимъ и ету!» И оддали. Живуtь яны тоды нядѣлю, другую и третьtію самъ-другъ жъ жаною, пооддававши. Тяперь ёнъ говдриt: «жана моя милая, жана моя любая! Съѣжжу я къ сёстрамъ у госьtи: ддбро, што за добрыхъ оддали, а икая имъ жисьtь, задеброськ, отвѣдаю!» Запрёгъ лошадь и поѣхавъ. Заѣхавъ къ бдльшай сястрѣ. Дала ина яму чесьtи, такія хорошія. Гуляеtь ёнъ сутки, гуляеtь другія, гуляеtь и третьtія. Здалдся яму троя сутокъ прогулявъ, ажъ прогулявъ три годы. Тяперь выправляеt яго сестра удвдру: «ѣдь, мой брахнинька, ѣдь, мой родной, удвору!» Даеt яму чреслд денегъ удвору, а ёнъ ёй говдриtь: «ахъ, моя сястрица рддная,“ штожъ я tябе, бдльшай сястрицы, довѣдався, хотѣлось бы довѣдатца сяредней сястрицы!»—Ну, брахнинька мой, куды сабѣ хочешъ, поѣдешъ, тольки я tябе выправляю! Тяперь ёнъ запрёгъ лошадь, попрощався съ етою сестрою и поѣхавъ. Заѣхавъ къ сяредней сястрѣ. Тамъ была чесь хорошая, а тутъ еще луччая. Гуляеt ёнъ сутки, гуляеt ёнъ другія, гуляеt и третьtи. Здалось яму троя сутокъ, ажъ прошло три годы. Выправляеt яго сястра удвору и даеt яму чресло денегъ. „Ѣдь, мой брахнинька, удвору!“—Ахъ, моя сястрица: што я васъ двухъ сясьtёръ

довѣдався, хотѣлось бы мнѣ довѣдатца третьтей сястры.—„Ну, мой брахнинька, ѣдь куды хочешь, тольки я тябе выправляю!“ Вотъ ёнъ пошовъ, лошадь запрёгъ, съ сестрою попрощався и поѣхавъ. Заѣхавъ жа ёнъ къ третьтей сястрѣ. Тамъ была чесь хорошая, а тутъ еще луччая. Гуляетъ ёнъ сутки, гуляетъ ёнъ другія, гуляетъ и третьти. Здалось яму троя сутокъ, ажъ прошло три годы. Тяперь выправляетъ яго сестра удвору и даетъ яму на госьтинецъ чресло денегъ. Пошовъ ёнъ, запрёгъ лошадь, подъѣхавъ подъ крылцо, простився зь ёю, поцаловався, и говòритъ ина ямỳ: „будетъ табѣ, брахнинька, на дорози три шинки, не заѣжжай ни въ вòдинъ шинкъ, а ежели тольки заѣдешь, потеряешъ чересло денегъ!“ Поѣхавъ ёнъ. Ѣдетъ и видитъ напѐреди шинкъ. И думаетъ: чаго мнѣ заѣжжать? видь у мяне на возу много питеньня и ѣденьня. Вотъ выбѣгаетъ ишъ шинку шинкарь и кричитъ: „эй, добрый человѣча! Зачимъ ты насъ миновавъ? ти табѣ жаль тэй копейки, што бъ ты намъ её давъ? Мы бъ ёю покормилися. Ты проѣхавъ, другій объѣдетъ, а третьтій обòйдетъ,—съ чаго жъ намъ житъ?“—Мусивъ ёнъ заѣхать. Выпивъ и закусивъ. Узновъ сѣвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, цапъ—у кармани нема денегъ чересла. Ну, того ужe не вѐрнишъ, што потерявъ, поѣхавъ и думая: „ну, тепер у другій шинокъ ни за што не поѣду!“ Пріѣжжая къ другому шинку и не взиряетъ на яго. Выбѣгая шинкарка, догоняя яго: „эй, человѣча добрый! што ты насъ обижаешъ, ти тябе бъ ета копейка добила, што бъ ты выпивъ, зьѣвъ? Вы пàшитя, сѣетя, а мы зь етаго хочемъ прокормитца. Ты проѣхавъ, другій объѣдя, а третьтій обòйдя!“ Мусивъ ёнъ вярнутца, заѣхавъ. Выпивъ, закусивъ, сѣвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало проѣхавъ, цапъ у карманъ—другого чересла нема денегъ. Ну, такъ ёнъ и думая: „потерявъ два чересла денегъ, а съ третьтимъ вернусь удвору. У стый третьтій шинкъ ни за што не поѣду“. Ѣдетъ ёнъ къ шинку, не взиряетъ на яго, объѣжжаетъ. Выбѣгаетъ тожа шинкарская дочь, догоняетъ его и кричитъ: „эхъ, человѣча добрый! Зачимъ ты насъ обижаешъ? ти тябе бъ тая копейка убила, што бъ ты выпивъ, зьѣвъ? мы зь етаго живёмъ, кормимся. Ты объѣхавъ, другій объѣдя, третьтій обòйдетъ,—съ чаго намъ житъ?“—Мусивъ ёнъ зайти. Выпивъ, закусивъ, сѣвъ и поѣхавъ. Ти много, ти мало ѣхавъ, цапъ за карманъ—нема ни вòднаго чересла денегъ. Пошкрабавъ, пошкрабавъ головку,—што потерявъ, того не вѐрнишъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, захотѣлось ямỳ питъ. И тожъ нійдѣ воды нема, ни рѣки, ни возира, ни колòдижа, нійдѣ ничòго нема. Ѣдетъ ёнъ, и видитъ въ сторонѣ буцомъ криница. Пріѣхавъ туды, такъ и ёсь—криница и трава хорошая. „Выпрягу коня, воды напъюся, конь оддыша и травы поѣсъ!“ Лёгъ ёнъ оддыхàть и заснувъ

Видить ёнъ во снѣ: приходить къ яму Бязсмертный Кащъ и говоря: „Што ты вѣдаешъ, добрый человѣча: оддай ты мнѣ тоя, што ты у дворѣ не вѣдаешъ, дыкъ я табѣ оддамъ три чересла денегъ.“ Думавъ ёнъ, думавъ: што я ў дворѣ ня вѣдаю? одна жана осталась! Такъ ёнъ во снѣ и отказывая: „а ўжожъ нехай сабѣ табѣ тоя, што ў дворѣ ня вѣдаю!“ Ёнъ яму сонному уклавъ три чреслы денегъ и писямцо. Проснувшись, ёнъ цапъ за карманы—и видить, што деньги опять при ёмъ, и говорить: слава Богу, што деньги вярнулись! Съ радосьтю запрёгъ коня, сѣвъ и поѣхавъ.

Пріѣжжаеть къ своёй жанѣ, и не знавъ того, што жану оставивъ беременную, и родився ў яго сынъ, и за девить лѣтъ паўчився грамоти. Яму ўсё казалось, што ёнъ пробывъ девить сутокъ. Подъѣжжая къ двору, яго ўстрѣчая яго сынъ и говоря: „здрастви, отецъ!“ Тоды ёнъ кусь сябе за губу, подумавъ: „вотъ кого я оддавъ, чаго не вѣдавъ!“— Узъѣхавши ў дворъ, сынъ отпрёгъ лошадь, прибравъ яго хорошенько и ўбѣгаеть у хату. Говорить яму отецъ: „вытопи ты мнѣ баню!“—Хорошо, батюшка, вытоплю! Приготовивши ўсё, говорить отцу: усё ўже готово, ступай у баню! Ёнъ пошовъ, а сынъ говорить матцы: „посмотрю я у батюшкины карманы, ти не привёзъ ёнъ мнѣ якого госьтинца?“—Поляди, мой сынокъ! Ёнъ полядѣвъ. Цапъ—три чересла пашовъ денегъ. Такъ ёнъ обрадовався стому: будеть, матушка, на нашъ вѣкъ! И пашовъ сто писямцо. „Нѣ, матушка: не радуйся стыми деньгами и пріѣздомъ батюшки: або оддавъ мяне батюшка Бязсмертному Кащею, яму на ўслугу.“ Такъ и заплакавъ ёнъ, заплакала мать. Приходить отецъ въ бани, а яны плачуть. „Чаго вы, чаго вы?“—Што жъ ты не бачивши, ня видивши сына, оддавъ Бязсмертному Кащею яму на ўслугу?“ Ну, нямного побывши, выбираетца стый сынъ, прощаетца зъ маткою, зъ батькою и говорить: я пойду, только не пойду яму служить, а по волному свѣту ходить. И пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ти много—мало пройшовъ, стоить хатка при дорози. Ёнъ уходить у тую хатку, тамъ сидить дѣвка, шіить, вышиваить. „Здрастви, дѣвка!“ — Здраствии, Иванъ Ивановичъ, силный, могучій богатырь. Куды Богъ нясеть?—„Не спрашивай, дѣвка, а дайка лучче мнѣ цебирь пива и брюсъ мыла, помытца, побѣлитца и пообѣдать“. Ина сичасъ узила, цебирь пива поставила и брюсъ мыла положила. Ёнъ уставъ, разобрався, помывся, побѣлився, сѣвъ за столъ. Ина ўзила, кувалокъ хлѣба отрѣзала и кувалокъ сыру. Ёнъ сѣвъ и пообѣдавъ. „Вотъ тяперь, говорить, дѣвка, пытайся ў мяне, куды мяне Богъ нясе? Оддавъ мяне батька Бязсмертному Кащею, только я яму не пойду служить, а пойду по волному свѣту ходить“.—Ну, ляжъ ты, поддышъ не-

множко, а я выйду на крыльцо, посмотрю, ти увойдешъ, ти не увойдешъ отъ Бязсмертнаго Кащея! Крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырськимъ посвистомъ. Лятить къ ёй пташтва, што ёсь на свѣти, уси слетѣли. Тепер ина будить: „устань, Иванъ Иванович, силный, могучій богатырь, посмотри, што у мяне на дворѣ дѣетца! Ёнъ спрашиваеть у пташтва: „ти не бачили, ти ня видили, айдѣ Бязсмертный Кащъ прибываеть?“ Пташтва отказывая: „Мы увесь свѣтъ злётаваемъ,—Бязсмертнаго Каща нигдѣ не видали!“ Тоды ёнъ зъ дѣвкою попрощався и дальшы пошовъ. Такъ ёнъ узрадовався, што пташтва яму сказали, што яго быцъ у свѣти нема. Пошовъ дальшъ.

Ишовъ, ишовъ, ти много, ти мало пройшовъ, опять стоить хатка при дорози. Тамъ сидить дѣвка, шіить, вышиваить. Ёнъ уходить у хату: „здрастви, дѣвка-дѣвица!“—Ина отказываеть: здрастви, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ! Куды Богъ нясеть?—„Не спрашивайся, дѣвка, куды Богъ нясѐ, а дайка мнѣ цебирь пива, да брюсокъ мыла, мнѣ помытца, побѣлитца и пообѣдать немножко!“ Ина узила, цебирь пива поставила, брюсокъ мыла положила. Ёнъ уставъ, разобрався, помывся, подбѣлився. Ина узила, кувалокъ хлѣба отрѣзала, кусокъ сыру положила. Ёнъ сѣвъ за столъ, пообѣдавъ. Тяперь я табѣ скажу путь-дорогу. Оддавъ мяне батюшка Бязсмертному Кащею на услугу, а тольки я яму не пойду служить, а пойду по волному свѣту ходить.—Лягь, поддышъ немножко, а я выйду посмотрю: выйдешъ, аль не выйдешъ отъ Бязсмертнаго Кащея. Вышла на крыльцо, крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырськимъ подсвистомъ. Идеть къ ёй усё звѣрьё, што ни ёсь на свѣти. Тольки одныхъ ильвовъ не было. Ина будить яго: „устань, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ, посмотри, што у мяне на дворѣ дѣетца?“ Ёнъ уставъ и зирнувъ у вокно,—такъ и спужався, што тамъ дичь такая. „А ты не пужайся, а свойго пытайся“. Тяперь ёнъ говорить: вы по свѣту ходитя; ти не бачили, ти ня видили, айдѣ Бязсмертный Кащъ прибываеть? Звѣрьё отказываеть: мы увесь свѣтъ сыходимъ, а Бязсмертнаго Каща нигдѣ не видали! Такъ ёнъ узрадовався, што быцъ яго у свѣти нема. Тяперь ёнъ съ стою дѣвкою попрощався и дальшы пошовъ.

Ишовъ, ишовъ, ишовъ сутки, ишовъ другія,—стоить хатка при дорози. Тамъ сядить дѣвка, шіить, вышиваить. „Здрастви, дѣвка-дѣвица!“ —Здрастви, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ! Куды Богъ нясеть? —Не спрашивайся, дѣвка, куды Богъ нясеть, а дайка мнѣ цебирь пива и брюсъ мыла, мнѣ помытца, побѣлитца и пообѣдать немножко. Ина узила, цебирь пива поставила, брюсокъ мыла положила и кувалокъ хлѣба отрѣзала и кусокъ сыру подала. Ёнъ уставъ, разобрався, помывся,

побѣлився, сѣвъ за столъ, пообѣдавъ. „Вотъ тяперь пытайся ў мяне путь-дороги! Оддавъ мяне батюшка Бязсмертному Кащу на услугу, ну только я не пойду яму̀ служить, а пойду по волному свѣту ходить!"— Ляжъ поддышъ немножко, а я выйду, посмотрю—увойдѐшъ, аль не ўвойдѐшъ ты отъ Бязсмертнаго Кащa? Ина вышла на крылцо, крикнула молодецкимъ голосомъ, богатырськимъ подсвистомъ. Идуть къ ёй уси львы, што ёсь на свѣти уси сошли. Тяперь ина будить яго: „устань, Иванъ Ивановичъ, богатырській сынъ, посмотри, што ў мяне дѣтца на дворѣ?" Ёнъ уставъ, посмотрѣвъ въ окошко, такъ и спужався. Дѣвка отвѣщаеть: „ты не пужайся, а ў мяне пытайся!" Тожъ ина зирнула въ окошко и видить, што трёхъ ильвовъ нема. Ина вышла на крыльцо, якъ свиснула, такъ листъ опавъ. И идуть тыя три львы. Ина спрашиить: „идѣ вы хо̀дитя, идѣ забарилися? За вами давно харчуемся?" —Мы видь былй у работи.—„У якой жа вы были работи?"—Мы чиситили мо̀ря Бязсмертному Кащу—яго до̀чкамъ купатца! Такъ ёнъ спужався. А ина кажить: „ты не пужайся, а ў мяне пытайся. На̀ табѣ клубочекъ, иди жъ ты съ етымъ клубочкомъ туды и туды, будя тако̀я и тако̀я мѣсто, дыкъ ты тамъ сядь и сиди. И будеть лятѣть одинадцать голубокъ, сядуть яны коло моря, разбярутца—и стануть дѣвки злишныя, што разлюбоватца ими. Ну штобъ яны тябе ня видили. Пойдуть яны мытца—бѣлитца, помыютца—побѣлютца, выйдуть вонъ, узновъ пооdяютца и полетять. А будеть летѣть одна̀ и тая сядя коло моря, разбярѐтца и ина. То дѣвки излишныя, а ета еще излишнѣй. Пойдеть жа ина мытца—бѣлитца, а ты тымъ уремямъ украдься якъ-нибудь, да украдь яѐ одѣяньня. Тяперь ина выйдеть вонь, хва̀титца—одѣяньня нема. Ина тамъ туды—сюды, глядь—глядь на ўси стороны—нема одѣяньня. Дыкъ ина прийдеть къ табѣ и скажить: ты мой мужъ, а я твоя жана, оддай мнѣ моё одѣяньня! Ты ёй одѣяньня оддаси. Тяперь ина одѣнетца, порхъ и полятить, а ты етымъ клубкомъ швырни, коло палца обвярни концомъ ниточки, клубочекъ зачепитца за яе, ты кончикомъ шморьгни и притянишъ яѐ къ сабѣ." Вотъ ёнъ, попрощавшись, и пошовъ по тыхъ примѣтахъ, якъ ина яму̀ сказала. И нашовъ тоя мѣсто, идѣ яму сѣсть. Ёнъ сѣвъ и сидить. И видить—лятить одинадцать голу̀бокъ, сѣли коло моря, сѣли, разобра̀лися, пошли мытца—бѣлитца—дѣвки злишныя! Помылися—побѣлилися, вышли вонъ. Надѣлися и полятѣли. Видить ёнъ—лятить ще одна голубка. И тая сѣла на тоя мѣсто, разобралася, и стала дѣвка злишная: то былй пригожія, а ета ще луччая. Пошла ина мытца—бѣлитца, а ёнъ повзкомъ къ одѐжи. Якъ повзти, такъ повзти, и заволокъ къ сабѣ то одѣяньня, идѣ сидѣвъ. Ина вышла изъ воды, глядь—глядь—идѣ моё одѣяньня? Во ўси стороны разглѣдила

—нема одѣяньня. Ина тутъ стала спрашивать: „хто тутъ ёсь, хто зъ мяне сосмѣявся? Чимъ ёнъ жалая, тымъ и будя, тольки оддай моё одѣяньня!“—А ёнъ усё мовчитъ. „Ежали старый, будя мой батюшка родный, ежали сярёднiй—будя мой дядюшка родный; ежали холостый, будя мой мужъ вѣрный. Тольки оддайтя моё одѣяньня!“—Ёнъ тяперь отвѣсьтивъ. Ина приходитъ къ яму и говоритъ: „ты мой мужъ, я твоя жана, оддай моё одѣяньня!“ Ну, ёнъ и оддавъ ёй одѣяньня. Ина одѣлась, пырхъ и полятѣла. А ёнъ стымъ клубочкомъ, коло палца ниточкою завяртѣвши, за ею шибень! и швырнувъ. Клубочекъ яё и зачапивъ. Ёнъ клубочекъ сморыгъ къ сабѣ и притягнувъ къ сабѣ яе. Ну, ина говоритъ: „я хитра, а ты еще хитрѣй!“ Присягнули яны одинъ другому: што будя, то будя, уже не разлучатца одинъ зъ другимъ; будя добро, обоимъ будя добро, будя худо, будя обоимъ худо. „Ты къ нашаму батюшку идешъ, садись на мяне!“ Ёнъ сѣвъ на яе и ина потащила яго. Прилетають къ батюшкину двору. Иди жъ ты, говоря, къ моему батюшку. Ёнъ на тябе закричитъ: идѣ ты забавився—забарився, давно надо было быть! А ты отказывайся, што дорога велика, обноживея. Тяперь ёнъ скажитъ: „ничаго“—и будя тябе посылать на станцыю. Ты на тую станцыю ня йди. Пошлётъ ёнъ на другую, ты й на тую станцыю ня йди. Пошлётъ ёнъ и на третьтiю, и на четьвёртую, и дальшы, и дальшы. И пошлётъ тяжъ на двѣнадцатаю. Вотъ на тую ты иди,—то моя станцыя будя. Тяперь жа ты пойдешъ на мою станцыю, ёнъ пришлѐ табѣ харчи. Ты первыя харчи не ѣжъ, ёнъ пришлѐ табѣ другую харчу, ты и той не ѣжъ, и будетъ присылать до двѣнадцати. Ты и одинадцать не ѣжъ, а двѣнадцатаю можно съѣсть: то харча будетъ моя. Ну, такъ и вышло. Пошовъ ёнъ на двѣнадцатаю станцыю, зьѣвъ двѣнадцатаю харчу.

Прилетаетъ туды къ яму полюбовница яго и говоритъ: „сходи ты къ батюшку, можа ёнъ загадая што здѣлать табѣ?“ Ёнъ пошовъ туды, а кацъ говоря: завтря рано приходи ко мнѣ! Ёнъ переночевавъ и назавтря пошовъ къ яму. Пошовъ къ яму, а ёнъ сидитъ за столомъ и спрашiитъ: „што ты ко мнѣ ходишъ?“ А ёнъ говоря: што ты, батюшка, велѣвъ мнѣ повутру приходить.—„А вотъ, штобъ ты за сѐдношнаю ночь здѣлавъ цэркву, штобъ повутру звоны зазвонили, свѣчи запалились и обѣдня заслужилась!“

Прилетаетъ къ яму яго полюбовница, спрашiитъ у яго: што табѣ батюшка казавъ?—А што жъ ёнъ казавъ? Казавъ, штобъ я за сѐдношнаю ночь построивъ цэркву, штобъ повутру звоны зазвонились, свѣчи запалились и обѣдня заслужилась!—Ну, ложись спать: сто усё будя здѣлано! Переночевавъ жа ёнъ, а цэрква уже готова. Посылаетъ ина яго узнова къ батюшку,—можетъ ёнъ загадаетъ табѣ дѣлать што нибудь?

Ёнъ пошовъ къ яму, а ёнъ сидӣтъ за столомъ и спрашіитъ: што ты ходишъ ко мнѣ?—А што жъ я хожу: ти гулять жа? можа што загадаетя, што дѣлать?—Да, хорошо. А цэркву ты здѣлавъ?—Здѣлавъ!—Охъ, не самъ ты ето здѣлавъ: которая, да которая дочка моя показавала табѣ!—Нѣ, говдря, нихто мнѣ не помогавъ, нихто не показававъ. „Ну, кабъ ты за сеѐпошпаю ночь выкопавъ мнѣ канаву отъ своей станцыи до моей, семъ сажаней ширины и три сажни глыбины, и кабъ по ёй вода пошла, и здѣлавъ лотку и вясло, и кабъ ты пріѣхавъ по етой канави ко мнѣ!" Приходитъ ёнъ на свою станцыю, прилетаетъ къ яму яго полюбовница, спрашіитъ у яго: што табѣ мой батюшка казавъ?—„А штожъ ёнъ казавъ? кабъ я за сеѐпошпаю ночь отъ своей станцыи до яго выкопавъ капаву, семъ сажаней ширины, а три сажни глыбины, и кабъ здѣлавъ лотку и вясло, штобъ по канави вода пошла, кабъ я завтря ўраньни по етой канави у новой лотки пріѣхавъ къ яму!" А ина яму говдря: ложись спать, усё будя здѣлано!—Ну, переночевавъ, назавтря садитца у лотку, ина яму говдря: не грябися жъ весломъ, а грябися рубомъ, або мой батюшка скипетца щукою и проглынѐ тябе, а ты яму языкъ приреѣжъ, вотъ ты и проѣдешъ! Ну, ёнъ сѣвъ у лотку и поѣхавъ. Ажъ такъ и стало. Пріѣхавши на берегъ, усьтягнувъ ёнъ на берегъ лотку и пошовъ у станцыю. А батюшка ие бывъ у водѣ и ўже за столомъ сидӣтъ. Спрашиваетца ёнъ у яго: „што ты ко мнѣ ходишъ?"—Што жъ я хожу? Батюшка жъ вялѣвъ мнѣ по новой канави у новой лотки пріѣхатъ къ яму!—„Охъ, не самъ ты ето дѣлаешь—которая, да которая дочка помогая табѣ!"—Нихто мнѣ не помогая, нихто мнѣ не пособляя! —„Ну, иди на станцыю, увечару ко мнѣ приходи!"—Ёнъ пошовъ на станцыю. Што ёнъ тамъ дѣлавъ, ти лежавъ, ти нѣ, а ўвечару къ яму пошовъ. Ёнъ тожъ сидӣтъ за столомъ и спрашіитъ: „што ты ходишъ ко мнѣ? Приходь завтря повутру: ежали ты узнаешъ мою большаю дочь, а свою невѣсту, я тябе буду женитъ, а не ўзнаешъ, я тябе страчу!"

Прилетая яго полюбовница къ яму. „Што табѣ батюшка казавъ?" —Што жъ ёнъ казавъ? Сказавъ: ежали я угадаю его большаю дочь, будя женитъ на ёй, а не ўгадаю—стратя."—А йна кажитъ яму: „завтря ўраньни батюшка призоветъ насъ усихъ къ сабѣ, здѣлаетъ голубками и посыпитъ намъ ѣсь. А кабъ ты знавъ мяне, то я ўсихъ буду клюватъ и перепархуватъ зь мѣста на мѣсто. То й лови мяне!" Вотъ ёнъ уставъ повутру и пошовъ къ яму. Ёнъ сидӣтъ за столомъ и спрашіитъ: „Што ты ко мнѣ ходишъ?"—А што жъ я хожу? Мнѣ батюшка приказыитъ угадаватъ своей дочки, а моей нявѣсты! Ёнъ кажитъ: „да, ступай на тую и тую станцыю, будешъ угадаватъ." Покуль ёнъ порогъ переступивъ одинъ—другій, а яны уже тамъ, и кормютца. „Ну, угадавай,

мижъ етыхъ!" Одна похажiить и поклёвуваить. Вотъ ёнъ и ухапивъ яе. „Ина ваша дочь, а моя невѣста!"—„Ну, угадавъ сягодни, угадай и завтря. Увечару ко мнѣ приходи, а тяперь иди на станцыю!"—Ёнъ вечера дождавъ, а увечару опять къ яму пошовъ. Ёнъ сидить за столомъ и спрашиваетца у яго: што ты ко мнѣ ходишъ? — „Што жъ я, батюшка, хожу? Увечару мнѣ батюшка вялѣвъ приходить!" —Завтря ураньни приходи ко мнѣ: ежали узнаешь мою старшаю дочь, жанить буду, а не узнаешъ, я тябе страчу! Прилетаетъ къ яму яго полюбовница: „ну, што табѣ мой батюшка казавъ?"—А сказавъ: завтря ураньни приходи ко мнѣ; ежали узнаешъ мою большаю дочь, жанить буду, а не узнаешъ, я тябе страчу!"—„Вотъ, завтря якъ ты пойдешъ, увидишъ насъ двѣнадцать у батюшки, сидѣвши за столомъ. Будемъ мы дѣвками—красавицами, якъ одна, излишными, голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, лицо у лицо, и трудно будетъ табѣ узнать мяне. Якъ можно гляди на мяне: у мяне сядить муха на воко, дыкъ я буду вельми махать хвартухомъ, отгонять яе." Ну, тяперь ёнъ переночувавъ, на-завтря идѣть къ отцу, а ёнъ сидить за столомъ и спрашiить: „чаго ты ко мнѣ ходишъ?"—А што жъ я хожу? мнѣ жъ батюшка вялѣвъ угадать своёй большай дочкй, а моёй невѣсты.—„Да, ступай на тую и на тую станцыю, тамъ будешъ угадавать!" Покуль ёнъ порогъ—другiй переступивъ, а тамъ уже дѣвки сидять за столомъ, такiя излишныя, и голосъ у голосъ, волосъ у волосъ, лицо у лицо, сидять и пѣсьни пяютъ. Вотъ ёнъ похаживаетъ коло стола и жджетъ, поглидая, которая маханётъ хвартухомъ. А отецъ, стоя ззади—скорѣй! кричитъ. „Ну, угадавай!" Вотъ старшина махануда хвартухомъ, а ёнъ цапъ за яе: „вотъ ваша дочь старшая, а моя невѣста!":—Ну, угадавъ сягодни, угадаешъ и завтря. Ступай на станцыю, а увечару ко мнѣ приходь! День днювавъ, и увечару къ яму пошовъ. Приходя къ яму, а ёнъ сидить за столомъ. „Што ты ко мнѣ ходишъ?"—А што жъ я хожу? мнѣ батюшка вялѣвъ увечару приходить. „Да, завтря повутру ежали ты угадаешъ мою большаю дочь, а свою невѣсту—жанить буду, а не угадаешъ—тябе страчу!" Пристаетъ къ яму яго полюбовница и спрашiить: „што мой батюшка табѣ казавъ?"—Што жъ ёнъ мнѣ казавъ? Казавъ—завтря повутру приходи ко мнѣ, ежали ты угадаешъ мою старшаю дочь, а свою невѣсту, жанить буду, а не угадаешъ, я тябе страчу!—„Ну, вотъ жа мы пойдемъ завтря къ яму, поставитъ ёнъ одинадцать молодицъ, а мяне тамъ не будя. И скажа: угадавай мижъ етыхъ! А ты скажи яму: „нѣ, батюшка, мижъ етыхъ нема вашай большай дочкй, а моёй невѣсты. Ёнъ скажа: якъ нема мижъ етыхъ? у мяне большы нема! А ты и у другiй разъ скажи, што нема тутъ вашай большай дочкй, а моёй невѣсты. Ёнъ скажа: до-

сюль жа ты угадававъ, ну и живъ со мною, а тяперь не угадавъ, ну й голову табѣ съ плечъ!. А ты скажи яму: смерть мнѣ, дыкъ смерть, а пусьти мяне, батюшка, перядъ смертю по твоихъ покояхъ покрасуватца. А ёнъ скажа: а й правда: скольки живѐ со мною, а моихъ покоевъ ще ниразу не видавъ, — хай покрасуетца перядъ смертю. Вотъ я въ одномъ такомъ то и такомъ покою буду сидѣть у запечку вельми поганою старухою, такъ што табѣ гадко будеть на мяне глядѣть, покой етый будеть запёртый и тябе не пусьтюють туды. Дыкъ я кашляну, а ты спроси: хто жъ ето еще тамъ сидить ды кашляеть? Яны табѣ скажуть: тамъ у насъ сидить старая — престарая старуха, кашляеть. А ты скажи: треба полядѣть. Ну, яны тябе и пустють: „идѣ ёнъ, увидивши злишныхъ красавицъ, узглянить на яѐ!“ Вотъ, ты якъ увойдешъ, дыкъ ня гребуй, а пойди ко мнѣ и сморьгни мяне за праваю руку и скажи: „што жъ вы брешитя! ето жъ ваша большая дочь, а моя нявѣста!“ Дыкъ была я злишная красавица, а то еще позлишнѣю.“ Ну, такъ усё и вышло. Нечего Кащу дѣлать, надо яго жанить зь ёю! Сійчасъ заручины згуляли, повялй у царкву и звинчали, гучное вясельля было.

Жили жъ яны тамъ зъ недѣлю ти зь двѣ, любовалися собою. Тяперь ина говорить яму: „Мужъ мой милый, мужъ мой любый! сходи къ мойму батюшку и спроси ў яго, ти ни загадаеть табѣ што — нибудь здѣлать?“ Ёнъ пошовъ къ яму, а ёнъ сидить за столомъ и спрашіить: што табѣ треба, чаго ты ко мнѣ ходишъ?—А што жъ я хожу, батюшка? ти гулять жа мнѣ? Можа што загадаетя дѣлать?—Да, гулянаго хлѣба нѣту, треба што робить! Вотъ што! ёсь у мяне жеребецъ нѐукъ: штобъ ты мнѣ яго поучивъ! Приходить ёнъ къ жанѣ. „Ну, што табѣ мой батюшка казавъ?“—Ничого худого не казавъ, а тольки сказавъ, што у яго жеребецъ—неукъ, дакъ кабъ яго поўчивъ.—Мужъ мой милый, мужъ мой вѣрный! якъ ты ничого не знаешъ худого, то ты думаешъ, и мой батюшка ничого худого не сказавъ. Жеребецъ жа етый и ёсь мой батюшка; ёнъ имъ скинитца, и якъ ты придешъ къ яму, дыкъ ёнъ и проглынеть тябе. Побѣгла ина скорѣй у городъ и купила двѣнадцать пудовъ зилѣза и скувала яму булаву у двѣнадцать пудовъ и говрить: на, попробуй; ежали ета булава будеть табѣ лёгка, живы будемъ, а тяжка—пропали мы! Ёнъ узявъ яе на мѐзинецъ и мотаеть ёю, якъ соломинкою. „Ну, завтря ты пойдешъ къ яму, булаву ету сховай подъ праваю полу, а лѣвою рукою отчиняй ворота; якъ ты тольки отчинишъ, такъ ёнъ раскрывши ротъ къ табѣ, а ты яму булавою тряпляй мижъ ушми ударить; дыкъ ёнъ на колѣнки упадѣть, а ты хватайся садитца на яго и поѣжжай. Якъ жа ёнъ тоя прочухая, што

ты яго тяпнувъ, дыкъ будя старятца подъ ноги тябе подбить. Ну, дыкъ ты узновъ яго помижъ вушъ тяпни. Будя тябе ёнъ носить—носить, а дылй начнѐ скидать тябе, кабъ ногами прытоптать, ну, ты узновъ яго тяпни помижъ вушъ!" Ну, назавтряго пошовъ ёнъ къ Кащу. Тэй и понёсъ яго.—Носивъ—носивъ, и увёзъ у такую багну, што одны вушки тырчать. Думавъ ёнъ, думавъ, што тутъ дѣлать? Багна вельми вяликая, вытащить яго нiякимъ родомъ нельзя. Вотъ ёнъ узявъ, одно воко выколовъ и одно вухо отрѣзавъ, штобъ было што несьти батюшку на примѣту, што жеребецъ затопився.

Приходить ёнъ къ жанѣ, переночевавъ зь ёю, усё хорошо, якъ слѣдуеть. Навутро жана говорить: сходи къ мойму батюшку, можа ёнъ загадаеть што дѣлать? Ёнъ и пошовъ. Приходя къ яму, а ёнъ сидить за столомъ и спрашiить: „што ты ко мнѣ ходишъ? А жеребца выучивъ?" —Што жъ, батюшка, учивъ—учивъ, да ёнъ якъ увёзъ мяне у такую багну, штониякъ нельзя было яго вытянуть,—одны вушки тырчать!. —„Ну, надо было табѣ якую признаку узять, а то я не повѣрю. Можа ты продавъ яго?"—„Нѣ, батюшка, я узявъ!" И вынимая яму воко. Ёнъ приложивъ къ сабѣ, яно и зраслось; вынувъ вухо — и тоя зраслось. „Ну, ступай на станцыю, а увечару ко мнѣ приходь!"—Вотъ, увечару ёнъ собирается ити, а жана яму говорить: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! на табѣ булку хлѣба и кусокъ сала. Досюль табѣ воротьı были отчинены, а тяперь будуть зачинены. Дыкъ ты приди къ воротамъ и скажи: „милыя моѐ вороты, упусьтитя мяне на дворъ." И у петники имъ сала кидѐль! Вороты и отчинютца. Уздойдешъ жа ты на дворъ, кинутца къ табѣ собаки: яны тябе разорвуть. А ты имъ булку хлѣба кидѐль. Покуль яны яѐ зьѣдять, а ты утячешъ. Або мой батюшка усё ето будеть самъ, и воротами и собаками!" Ну, такъ усё и было. Приходить ёнъ у комнату, а батюшка уже сидить за столомъ. „Чаго ты ко мнѣ ходилъ?"—А што мнѣ батюшка вялѣвъ увечари приходить.—„Завтря повутру приходитя ко мнѣ удвоихъ жъ жаною!" Приходить ёнъ къ жанѣ. „Ну, што табѣ мой батюшка казавъ?"—А казавъ, кабъ мы завтря удвохъ пришли къ яму. — „Мужъ мой милый, мужъ мой любый! якъ ты одинъ ходивъ, то мы были обоя живы, а якъ пойдемъ удвоихъ, то помирать намъ! Давай луччи утячомъ къ твойму отцу!"

Вотъ, яны сичасъ выбралиси, поклала ина своѐ рукавички на столъ и дала имъ своё ймя, и пошли наухо́дъ, а двери замкнули. Кащей ждавъ, ждавъ, не дождався, и посылая за ими: чаго яны ня йдуть? Пришовъ посолъ къ дверямъ: брязь-брязь по замку: „эй, сичасъ идитя, батюшка приказуя!" Рукавички отказують: сичасъ идёмъ! Кащъ пытая у посла: чаму яны ня йдуть? Ёнъ отказуя: „сичасъ, говорили,

придемъ!“ Ёнъ ждавъ, ждавъ, не дождався, опять посылая пословъ за ими: „Ай, скорѣй приходитя, такъ батюшка приказуя!“—„Вотъ, сичасъ идёмъ!“ отвичаютъ рукавички. Ну, посолъ и пошовъ назадъ. „Што яны? зачимъ ня йдуть?“—Сичасъ, кажуть, пдуть! Ёнъ ждавъ, ждавъ: „нѣ, видно яны ня придуть, а треба самому йти!“ Приходя ёнъ къ дверямъ, такъ тряхъ ногою ў ихъ! Яны расчинились, ажъ тамъ яе рукавички. „А, вотъ ето хто мнѣ говоривъ! Яны пошли наўходъ. Ступайтя ўздогонъ!“ А тыя ужс отъѣхали далёко. Тоды ина говоря: „мужъ мой любый! приложись къ зямлѣ, послухай: ти не шумить дуброва, ти не стогня дорога, ти нема за нами погони?“ Ёнъ прилёгъ, послухавъ, ажъ шумить дуброва, стогня дорога, гоня за ими погоня. Вотъ ина здѣлалась царковкой, а яго здѣлала попомъ. Гоня погоня п ўбигая у царкву. Спрашуя ў попа: ти ня видивъ ты, ти не заходили люди сюды помолитца? А ёнъ отказуя: „я тутъ вѣкъ живу, вѣкъ попомъ служу: никого не бачивъ, никого ня видивъ. Ета дорога ни заходная, ни заѣжжая!“ Етая погоня воротилась назадъ, а яны опять скинулись людями и дальшы пошли. А Кащей спрашуя у посла: „а што, бачили кого?“—Нѣ, никого не бачили, никого ня видили, тольки при дорози стояла царква и ў ёй попъ обѣдню служивъ. И мы ў яго пыталиси—ти не заходили сюды хто помолитца Богу, дыкъ ёнъ сказавъ, што ето дорога ни заходжая, ни заѣжжая, я вѣкъ живу, вѣкъ обѣдню служу, и никого ня виджу!—„Ну, ето жъ яны самыя и ёсь! Надо было ихъ забрать! Ступайтя опять наўздогонъ!“ Опять яны пошли. А ина говоря: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! приляжъ, послухай, ти не будя шумѣть дуброва, ти не будя стогнать дорога, ти не гоня за нами погоня?“ Ёнъ послухавъ: „жана моя милая, жана моя любая: шумить дуброва, стогня дорога, гоня за нами погоня!“ Тяперь ина здѣлалась пшаницую, а яго здѣлала сторожамъ, згонять зь яе верябьёвъ. Прибѣгая погоня къ пшаницы, спрашуя у сторожа, ти не бачивъ ёнъ кого, ти ня видивъ?—„Нѣ, говоря: я тутъ съ самой вясны, и никого не бачивъ и ня видивъ: ета дорога ни заходжая, не забѣглая!“ Погоня вярнулась назадъ, а йны узновъ скинулиси людьми и дальшы пошли. Кащей спрашуя пословъ: „ну, кого вы видили?“—Никого ня видили; тольки при дорози стояла пшаница и сторожъ. Ёнъ намъ сказавъ, што никого не бачивъ, никого ня видивъ, отъ самыя вясны!—„То жъ яны самыя и были, надо было и брать ихъ! Видно вы не догонитя, надо самому йти!“ Пошовъ самъ. А жана говоря: мужъ мой милый, мужъ мой любый! послухай еще, ти не будя шумѣть дуброва, ти не будя стогнать дорога, ти не будя за нами погоня? Ёнъ послухавъ: шумить дуброва, стогнеть дорога, гоня за ними погоня! Приходютъ яны къ морю, и скинулась ина вуткую, а яго здѣлала сѣлязнемъ. Увидивъ ето

Кацъ и сичасъ зъ ружжа ў ихъ! А самъ и вярнувся назадъ. Яны тоды скинулись людьми и пошли.

Ишли—ишли, подходютъ подъ тую дяревню, игдѣ яго отецъ и мать. Подходютъ яны, а ў концы села стоитъ крыница, а коло крыницы древо яворь. Тяперь ина и говдря: „мужъ мой милый, мужъ мой любый! иди ты одинъ у дворъ, а я буду коло крыницы; мнѣ неладно ити съ тобою, нихто не повѣря, што я твоя жана. Иди и смотри: твой батька богатъ, собярѐ увесь свой родъ, и будутъ тябе часьтить. И ў тябе три сястры; отъ усихъ ты госьтинцы принимай, а отъ самой мѐньшай не принимай, а якъ примешъ, то мяне забудешъ!“ Вотъ ина узлѣзла на яворь и сидитъ, а ёнъ пошовъ къ своимъ батькамъ. Тыя дужо обрадовались и на радосьти понасытили мёду, наварили пива и созвали увесь свой родъ. Пъютъ яны, ядутъ и яго тряхтуютъ. Гуляютъ сутки, гуляютъ другія, гуляютъ и третьтія. И ўсё ёнъ берёгся тыя меньшыя сястры; ина стала плакать, ну, тутъ и батьки стали яму говорить, кабъ ёнъ што нѐбудь узявъ отъ яѐ. Вотъ ёнъ и принявъ отъ яѐ ти стаканъ ти ложку. Якъ принявъ, такъ и забывся, што ў яго была жана. Прошовъ день—другій,— ёнъ такъ и ня вѣдая. Батька говдря: „надо бъ тябе, мой сынъ, жанить! Поѣдемъ къ такой и такой, богатой!“ И поѣхали. Высватали и заручины згуляли. Ну, и ўже къ вянцу. А ў батьки была челядка. И пошла ина на крыницу по воду. Пришла ина по воду, и такъ яѐ освятило, што ина излишна стала. И говбря сама сабѣ: „якъ я излишна стала!“ А ёй нѣхто говдря: „ты излишна, а я ще излишнѣй!“ Тая глядь, а ина знакомкою стала, да такою излишною,—на явори стоитъ. „Ахъ, сястрица, што ты сюды узлѣзла? злѣзь, ды ходи къ намъ, у насъ сягодьни вясельля, погуляемъ!“—Ну, добря! злѣзла ина, узяли воды и пошли, и разговариваютъ, што уволю погуляемъ. Пріѣхали зъ вѣнца, зайграла музыка, собралось много госьтей, стали каравай качать. А тая говдря челядцы: „я сяду у запечекъ, а ты мнѣ дай крошачку тѣста, а якъ будешъ сажать у печь, то ты й мою крошку усади!“ Ина ўзила и ўсадила. Погулявши, вынули каравай. И той увесь вышавъ нехорошій, сгорѣвшій, никуды не гожій—узяли да й укинули яго ў помыйницу. А съ той крошачки вышавъ такій излишный каравай, што яго на столъ положили. Довго ина заедно съ етою челядкою гуляла, покуль не стали каравай дялить. Тольки поставили молодыхъ у конецъ стола, а первая жана яго скинулась голубкою и скокъ на вокно. И пирожокъ съ хлѣба тожа скинувся голубкою и скокъ къ ёй на вокно. Сидятъ у пары и говорютъ: „слухайтя, люди—міряне, нашей проповѣди! Ти вѣдаешъ ты якъ табѣ приказывали сходить къ мойму батюшку дѣлать што-нибудь? —„Вѣдаю!“—Ти вѣдаешъ жа, мой милый, якъ ёнъ заставивъ тябе стро-

вѣдаешъ жа ты, мой милый, якъ мы утекали, якъ я была цэрковкой, пшаничкой и вуточкой?—„Вѣдаю!“—А ти вѣдаешъ, якъ мы пришли къ крыницы, и я приказавала табѣ ничого не брать отъ меньшай сястры? Такъ ёнъ зiрь, а на столѣ ляжить яѐ письмо. Тутъ ёнъ и закричавъ: „Стойтя, ето не моё весельля!“ Уси уторопѣли, спужалися. „Чiя жъ ето свадьба?“—Да я жъ жанатъ!—„Гдѣ жъ твоя жана?“ А йна сичасъ здѣлалась такою излишною, сморьгнула тую яго невѣсту, сама стала и поцаловалась зь имъ. Тыя уси и стали кричать на яго, а ёнъ говоря: „посмотрите-ка на каравай и на яе письмо! Ина моя жана первая“. Ну, и стали свадьбу гулять.

И я тамъ на свадьби бывъ, мёдъ—вино пивъ, у ротъ не попало, хоть по бородѣ тякло.

Новая-Ельня чериков. у. Отъ кр. Григорiя Тихонов., негр., записала учительница А. I. Горбикъ.

УКАЗАТЕЛЬ

мѣстностей, въ которыхъ записаны сказки настоящаго выпуска.

Могилевская губернія.

Быховскій уѣздъ: д. Новая Бычь—№№ 8, 38
с. Чигиринка—27 вар. II.
Гомельскій уѣздъ: д. Купреевка, вѣтк. в.—№ 2
с. Романовичи, гом. в.—№ 3
д. Рудня-Прибытковская—№ 6
д. Демьянки, выл. в.—№ 11
д. Николаевка, краснаб. в.—№ 19
д. Ивановка, телеш. в.—24
с. Поповка—№ 46
с. Марковичи—№ 50
д. Усохская Буда—№ 51, вар. I.
Горецкій: д. Бабиничи, пугляев. в.—№ 5
м. Романово—№ 10
Климовичскій: с. Надѣйковичи—№ 7
д. Селецкое—№ 9
д. Артюхи, бѣлынков. в.—№ 16
д. Городокъ, забѣлыш. в.—№ 51 вар.
с. Бѣлынковичи—№ 52
Родненская вол.—№ 56
Могилевскій: м. Бѣлыничи—№ 28.
Мстиславскій: с. Старое Село—№ 14, 20, 42.
д. Косьмыничи, старос. в.—№ 40.
д. Колбы, любав. в.—№ 22.

Бохотская вол.—№ 29.
Казимирослободская вол.—№ 51, вар. III.
с. Сопно—№ 54.

Оршанскій: м. Старый Толочинъ—№ 32.
с. Высокое—№ 36.

Рогачевскій: с. Старая Рудня—№ 25.
с. Кошелево—№ 35.
д. Покать—№ 37.

Сѣнненскій: д. Петраши, высокогор. в.—№№ 13, 27.
с. Мошканы—№ 15.
д. Чудьки, ряспн. в.—№ 27, вар. I.
Ряснянская вол.—№ 44.
м. Обчуга—№№ 49, 53.
с. Стовбцы, лисич. в.—№ 51,

Чаусскій с. Радомль—№ 1.
д. Чернавцы, радом. в.—№ 31.
д. Попова Слобода, радом. в.—№ 45.
д. Корчеватка, рясн. в.—№ 47.
м. Горы—№ 48.

Чериковскій: д. Плещино, малят. в.—№ 4.
с. Новая Ельня—№ 12, 57.
м. Малятичи—№ 21.
д. Киселевка, самот. в.—№ 26.
с. Самотеевичи—№ 51. вар. II.
м. Студенецъ—№ 33.
с. Палужь—№ 39.
д. Будино, братьков. в.—№ 43.
Чериковскій уѣздъ—№ 57.

Витебская губернія.

Витебскій уѣздъ: д. Обухово, селют. в.—№ 23.

Городокскій: д. Волотовки, козьян. в.—№ 17.
Вировлянская вол.—№ 18.
Козьянская вол.—№№ 30, 34.
Горковская вол.—№ 54.
Городокскій уѣздъ—№ 9, варіантъ.

УКАЗАТЕЛЬ

лицъ, записывавшихъ сказки для настоящаго выпуска.

Указатель предметный.